Монография представляет собой первую в нашей историографии комплексную попытку рассмотреть историю юга и юго-востока России в XVI-XVIII в. как особую пограничную территорию с точки зрения развития фронтира. Коллектив авторов прекрасно понимает всю грандиозность темы, множество проблем для исследования и поэтому предлагает вниманию читателей сборник очерков, в которых рассмотрены наиболее важные процессы, происходившие на этих землях и оказавшие огромное влияние на формирование государственной территории, развитие хозяйственной деятельности, демографических и социальных процессов Российского государства, заложивших основополагающие черты российского менталитета, его многонациональное и поликультурное пространство. Мы отдаем себе отчет в необходимости дальнейшего

ЮЖНЫЙ И ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТИР РОССИИ
В XVI – XVIII ВЕКАХ: ОЧЕРКИ ИСТОРИИ

ЮЖНЫЙ И ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТИР РОССИИ В XVI – XVIII ВЕКАХ: ОЧЕРКИ ИСТОРИИ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

ЮЖНЫЙ И ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТИР РОССИИ В XVI – XVIII ВЕКАХ: ОЧЕРКИ ИСТОРИИ

Коллективная монография

«Альтаир»
Ростов-на-Дону
2024

УДК 94(47).04-05.
ББК 63.3(2)44
Ю 19

14+

Издание книги осуществленно при финансовой поддержке
ФОНДА ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА Илии Попова
WWW.POPOVFOUNDATION.ORG

Ю 19 Южный и юго-восточный фронтир России в XVI − XVIII века: очерки истории. Коллективная монография. – Ростов-на-Дону: ООО «Альтаир», 2024. – 864 с., рис., карты.

Предлагаемая читателю монография представляет собой первую в нашей историографии комплексную попытку рассмотреть историю юга и юго-востока России в XVI-XVIII в. как особую пограничную территорию с точки зрения развития фронтира. Коллектив авторов прекрасно понимает всю грандиозность темы, множество проблем для исследования и поэтому предлагает вниманию читателей сборник очерков, в которых рассмотрены наиболее важные процессы, происходившие на этих землях и оказавшие огромное влияние на формирование государственной территории, развитие хозяйственной деятельности, демографических и социальных процессов Российского государства, заложивших основополагающие черты российского менталитета, его многонациональное и поликультурное пространство. Мы отдаем себе отчет в необходимости дальнейшего изучения этих процессов.

ISBN 978-5-91951-

© Коллектив авторов, 2024
© «Альтаир», 2024

Творческий коллектив

Глазьев Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета;

Брезгунова Виктория Михайловна, кандидат исторических наук, преподаватель Воронежского государственного университета;

Буканова Роза Гофаровна, доктор исторических наук, профессор Уфимского юридического института МВД РФ;

Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева;

Жуков Дмитрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, социологии и международных процессов Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина;

Канищев Валерий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина;

Кунавин Константин Сергеевич, кандидат исторических наук;

Лямин Сергей Константинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина;

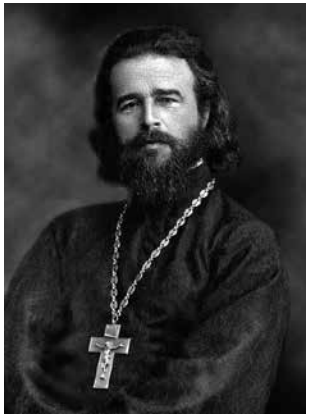
Ляпин Денис Александрович, доктор исторических наук, доцент Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина;

Мизис Юрий Александрович, доктор историч. наук, профессор кафедры истории и философии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, научный редактор;

Напольникова Полина Константиновна, кандидат исторических наук;

Папков Андрей Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Коллективная монография была подготовлена при финансовой поддержке РФФИ грант 18-09-00313А 2017-2019 гг. «Русский фронтир: социально-экономическая динамика, повседневно-бытовые модели населения, образование государственной территории и мобильная граница. XVI – нач. XIX в. (по материалам южных и юго-восточных уездов Центрально-Европейского региона)».

Протоиерей Илия Попов
1871—1937

Протоиерей Илия Попов — сын, внук, правнук, праправнук и прапраправнук донских священно- и церковнослужителей, служил в храмах станиц четырёх округов области Войска Донского, с 1916 года — в станице Великокняжеской (с 1925 года — станица Пролетарская).

После закрытия 16 декабря 1935 года последнего в районе храма мучеников Флора и Лавра продолжал духовное окормление паствы. Арестован в станице Пролетарской 24 сентября 1937 года. Расстрелян в день Покрова Пресвятой Богородицы 14 октября 1937 года. В настоящее время материалы к канонизации протоиерея Илии Попова в лике новомучеников и исповедников Церкви Русской находятся на рассмотрении Комиссии по канонизации святых Донской митрополии.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное (Мф. 5:10)

ФОНД ИМЕНИ СВЯЩЕННИКА ИЛИИ ПОПОВА
WWW.POPOVFOUNDATION.ORG

Задачами Фонда имени священника Илии Попова являются культурно-просветительская работа по истории России и истории казачества, церковной истории, благотворительная деятельность, прославление подвига новомучеников.

Эта книга издана при содействии Фонда имени священника Илии Попова

ПРЕДИСЛОВИЕ

Постановка проблемы. Актуальность темы. Цель и задачи исследования. Историография. Источники.

Столкновение интересов и специфика взаимоотношений разных в этническом, конфессиональном и социальном отношении участников первичного освоения региона; ситуация, складывающаяся в его пространстве, в определенной степени соответствуют активно внедряемому в настоящее время в отечественную науку понятию «фронтир»[1]. Под этим термином можно подразумевать особое состояние колонизируемого, слабозаселенного пограничного пространства, на некоторое время ставшего ничейной землей, как говорили в XVI-XVII вв. – «Полем», а также соседних с ним территорий.

В сферу исследовательских интересов при изучении пространства фронтира входит также реконструкция психологии и поведения людей пограничья, анализ складывания особой субкультуры населения, живущего в ожидании и готовности к постоянным военным конфликтам, привыкшего быть независимым и свободным от постоянного государственного надзора и контроля. В этом отношении даже военизированное население пограничных городов и гарнизонов «засечных черт», как их называли во второй половине XVI – начала XVII вв. служилые приборные люди, зачастую было «шатко» и готово перейти на сторону массового социального движения, охватывающего нередко все пространство Юга и Юго-Востока Европейской части страны.

[1] *Баррет Т.М.* Линия неопределенности: северокавказский фронтир России. // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. – Самара, 2000. В настоящее время, помимо западных исследователей, из отечественных наиболее последовательно этим термином пользуются историки Сибири и Урала. См., напр.: Агеев А.Д. Сибирь и Американский Запад: движение фронтиров. – Иркутск, 2002; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск, 2005.

Теория фронтира, предложенная американским ученым Ф. Тернером, использовалась им для объяснения особенностей образования американского государства, его общественного строя и менталитета граждан[1]. В последующем эта теория получила развитие в трудах американских историков.

Проблема изучения фронтира в России стала использоваться в научной литературе сравнительно недавно. Главным образом, это направлении достаточно полно исследовали сибирские историки, которые провели сравнительный анализ Сибирского и американского фронтиров. Интерес к процессу заселения и присоединения российских окраин вырос в последнее время, особенно в американской литературе (работы А. Эткинда, С. Белкина, М. Ходорковского и др.)[2]. Однако южный и южноруский фронтир в XVI – XVIII в. еще не становился объектом комплексного исследования. Под этим понятием мы понимаем огромную территорию между Доном, Волгой и Камой.

В России термину «фронтир» существовала альтернатива – «колонизация», если понимать фронтир именно как продвижение, а не как некую сеть поселений, которую мы называем фронтирной линией. Так, например, понятие «колонизация» претерпело изменения. Помимо традиционного перемещения населения, заселения и хозяйственного освоения малозаселенных или пустующих территорий в него стали включать, на равноправных началах с экономическими и политическими составляющими, этнополитические и культурные аспекты.

Несмотря на пестроту терминологии, имеющиеся источники последней трети XVI в. (к сожалению, весьма немногочисленные) оставляют стойкое впечатление, что современники (или, по крайней мере, составители соответствующих документов) воспринимали южные и юго-восточные приграничные уезды как некое единое целое, обладающее спецификой в сравнении с остальной территорией государства. Особенно это заметно в тех случаях, когда решались проблемы противостояния татарской и ногайской угрозам. Однако единого термина для обозначения данной территории не было. Эта особенность – отсутствие обобщающих терминов в русской правовой и делопроизводственной традиции XVI – XVII вв. – также отмечалась не раз[1]. Такая ситуация создает трудности как для исследователя, так и для читателя.

[1] *Тернер Ф. Дж.* Фронтир в американской истории. – М., 2009.

[2] *Каппелер А.* Южный и восточный фронтир России в XVI – XVIII веках. // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 57-58; Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. – М.: «Новое литературное обозрение», 2013; Там, внутри. Практика внутренней колонизации в культурной истории России. Под редакцией А. Эткнда , Д. Уффельманна, И. Куклина. – М., 2012; Stevens Belkin C. Soldiersonthe Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. – Northern Illinois University Press, 1995; Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500 – 1800. – М.: «Новое литературное обозрение». 2019.

Со времени образования Российского государства и, тем более, после присоединения к нему земель Рязанского княжества и Северской земли, вдоль южной границы страны возникла территория, имеющая ряд принципиальных отличий от основной территории государства. Как уже не раз отмечали исследователи, в российских источниках XVI в. (прежде всего в документах приказного делопроизводства) отдельные ее части называются по-разному: «северские города», «рязанские города», «украинные города», «города от польской украйны». Позже, с основанием городов на территории Поля, появляются «польские города»[2]; а еще позже, с возведение Белгородской черты, составители документов в качестве географического «репера» начнут использовать понятие «черта»: города «на черте», города «в черте», города «за чертой».

Использование ряда упомянутых терминов эпохи неминуемо требует от исследователя каждый раз оговаривать, о какой конкретно территории идет речь, поскольку, по мере продвижения границы, один и тот же термин в разное время мог обозначать разный «набор» уездов. Что же касается локальных терминов (например, «северские города»), то их в принципе невозможно при-

[1] См., напр.: *Скобелкин О.В.* Структура служилого населения Воронежа и Воронежского уезда в XVII в. // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 2011. Вып. 18. С. 77-78; Скобелкин О.В. Служилые люди южного фронтира: особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во 2-й половине XVII в. // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: История. Политология. Социология. 2013. № 1. С. 59.

[2] См., напр.: *Загоровский В.П.* Белгородская черта. – Воронеж, 1969. С. 20-21.

менять для обозначения всей приграничной территории. С другой стороны, весьма специфические названия – «польские города», «украинные города» – понятны лишь узкому кругу специалистов.

Еще М.Н. Тихомиров, а вслед за ним В.П. Загоровский отмечали, что неискушенный читатель (а к ним относятся и профессиональные историки, не связанные с сюжетами XVI – XVII вв.) склонен связывать эти понятия с Польшей, а не с Полем, и с Украиной, и тем более с южной окраиной русского государства. В то же время все перечисленные термины использовались исключительно для юга России, в то время как подобные приграничные регионы существовали в XVI –XVII вв., как минимум, еще в одной части страны – в Сибири. Но в документах, связанных с сибирской территорией Российского государства, указанная терминология, разумеется, не употреблялась. Вероятно, в связи с тем, что изначально географическое понятие «Сибирь» в сознании русских людей связывалось с окраинным и пограничным положением.

Помимо терминов из источников в литературе принято употреблять понятия, введенные историками: «порубежье», «пограничные уезды», «приграничные уезды». Использование термина «порубежье» связано с некорректностью его применения по отношению к окраинным территориям понятия «граница», которое подразумевает, как правило, четкое определение государственной принадлежности смежных территорий. В рассматриваемом случае государственные границы не были маркированы до второй половины XVII в., а зачастую и до начала XVIII в., сохраняя их исторические традиции. Таким условным рубежом на юге русское правительство считало русло р. Хопер, что негласно принималось и кочевниками. Хотя ни одна, ни другая сторона ни в одном дипломатическом документе до конца XVII в. это не фиксировала.

Следует обратить внимание на то, что термин «порубежье» использовался применительно к рассматриваемым регионам. В современном же русском языке осталось слово «рубеж», а «порубежье» исчезло. Вместе с тем, вышеназванные термины, на наш взгляд, также недостаточно корректны в силу некоторой расплывчатости. Совершенно ясно, что территория, которую обозначают этими терминами, примыкает к границе. В буквальном смысле, это – те уезды, у которых хотя бы часть границы совпадает с границей государства. Однако на практике исследователи называют так и те уезды, которые граничат с собственно пограничными уездами, а иногда относят сюда и более дальние уезды. Таким образом, остается вопрос: как далеко от границы заканчивается территория, обозначаемая указанными терминами?

Начиная с середины XVI в. и далее в XVII в. территория южных уездов имела две зоны. Одна – заселенная зона, которая на юге была ограничена линией укреплений: засек и черт. До 1647 г. правительство еще мирилось с наличием отдельных поселений помещиков и монастырей за пределами укреплений, но затем заняло предельно жесткую позицию, запретив иметь какие-либо поселения южнее черты. Другая часть территории являлась хозяйственной зоной. Она точно не маркировалась, поэтому значительные земли за линией укреплений, которые Россия считала своими, использовались местным населением как бортные, рыбные и пушные угодья и назывались «ухожаями». Эти земли считались государевой собственностью и сдавались местными воеводами всем желающим в оброк. Основными потребителями ухожаев были дворцовые крестьяне, отдельные категории мелких служилых людей и монастыри.

Поэтому, все вышеперечисленные термины для обозначения пограничной территории являются, во-первых, слишком нейтральными и не подразумевают какой-либо специфики (кроме близости к границе) региона, о котором идет речь, – приграничные уезды на западе России и таковые на юге кроме своей «приграничности» не имели, кажется, ничего общего. Во-вторых, они не вполне применимы к Сибири, где на протяжении большей части рассматриваемого периода трудно говорить о какой-либо единой границе государства, четких границах уездов.

Освоение свободных земель давало неодинаковые результаты: в одних странах способствовало быстрому экономическому развитию, формированию новых социально-политических отношений,

в других – возрождало архаические уклады, в-третьих – воспроизводило социальные отношения, характерные для метрополии, и их динамика оставалась замедленной.

Для московского правительства в освоении новых территорий большую роль играли такие факторы как прирост новых земель под пашню (причем значительно более плодородных, чем в центральных уездах) и увеличение количества населения, платящего налоги.

Другим фактором служила постоянная угроза пограничным землям со стороны кочевых народов. На протяжении веков южные и юго-восточные границы России постоянно подвергались набегам кочевников, требовали для их обороны значительные финансовые и людские ресурсы. В какой-то мере на стремлении русского населения в южном и юго-восточном направлениях сказался так называемый «Малый ледниковый период», приведший в XVI-XVII в. к изменению климата в сторону значительного похолодания[1]. Вести сельскохозяйственные занятия на давно освоенной территории центральной России становилось все более затруднительным и рискованным делом. Новые земли находились в более мягком климате, с чуть более длительным циклом сельскохозяйственных работ и давали возможность получения лучших урожаев.

В американском фронтире при передвижении его линии в глубь континента преобладала определенная степень хозяйственного и политического освоения внутренних районов. В Сибири этот фактор, как считают историки, не играл решающей роли, так как там до сих пор остается масса слабо или вообще не заселенных территорий. На юге и юго-востоке России добавлялся еще военный фактор. Поэтому можно говорить о разнообразии подходов к освоению фронтирных территорий.

Так, Уральские горы не являлись достаточной преградой для влияния из метрополии и не способствовали успешной, не пресекаемой правительством сепаратистской деятельности. По словам А.Д. Агеева, Сибирь всегда нуждалась в связях с метрополией в

[1] *Волкова М.А., Кужевская И.В.* Исторические и современные изменения климата. – Томск, 2010; Ле Руа Ладюри Э. История климата с 1000 г. – Л., 1971; Чернавская М.М. Изменчивость климата Европы в историческом прошлом. – М., 1995.

силу колониального характера своей экономики. Самостоятельное государственное существование Сибири и морфологически, и функционально было невозможно[1]. Поэтому дореволюционные историки Сибири считали, что основная заслуга включения земель за Уралом в состав России принадлежала правительству, организовывавшему походы служилых людей, направленные на основание острогов и подавление сопротивления автохтонных жителей. При этом сюжеты хозяйственной деятельности колонистов на новых землях отходили на второй план. Народная колонизация, напротив, рассматривалась как едва ли не единственный путь заселения Сибири.

Советскими историками была разработана четкая классификация колонизационных процессов: по характеру – народная, правительственная и смешанная; по типам хозяйственного освоения – промысловая, земледельческая, служилая, церковно-монастырская и т.д.

Исследователи Сибири сформулировали свое определение фронтира и ввели его в научный оборот. Поскольку воспринят он был, прежде всего, от американской историографии (хотя перенос этого концепта на территорию Евразии был осуществлен в зарубежной историографии еще в 50-60-х гг. XX в.), то вполне естественно, что в отечественной исторической науке к нему обратились исследователи того региона, который в большей степени, чем другие, был похож на осваиваемый Дикий Запад, а именно – к Сибири. Свидетельством этому служит проведение в 1996 г. в Томске международной конференции под названием «Американский и сибирский фронтир (фактор границы в американской и сибирской истории)» и издание материалов этой конференции в 1997 г.[2], а также многочисленные последующие публикации[3]. Началось

[1] *Агеев А.Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. – М.: «Аспект-Пресс», 2005.

[2] Американские исследования в Сибири. 1996. Вып. 2. Американский и сибирский фронтир: Материалы междунар. науч. конф. «Американский и сибирский фронтир (фактор границы в американской и сибирской истории)». – Томск: «Изд-во ТГУ», 1997.

[3] См., напр.: Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв.: общее и особенное. – Новосибирск, 2001-2003. Вып. 1-3; Резун Д. Я., Шиловский М. В.

использование концепта фронтира и для других регионов страны применительно к различным периодам истории[1]. В частности, одним из первых о южном и восточном фронтирах упомянул известный австрийский ученый А. Каппелер[2].

В отечественной исторической науке сложилось два подхода к трактовке фронтира. Первый подход концентрируется на территориальном аспекте, то есть фронтир – это «определенная линия укреплений, установленная зафиксированная граница между русскими и коренными жителями Сибири или соседними государствами». Фронтир, по мнению Д.Я. Резуна, – это «создание цепи или отдельных относительно быстро сооружаемых и легковооруженных военных пунктов (остроги, слободы, форпосты, погосты, укрепленные деревни и заимки), которые всегда выдвинуты в пограничные земли и отдалены от основных административно-хозяйственных центров (городов) относительно большим расстоянием». Таким образом, Д.Я. Резун дал своё определение термина «фронтир», адаптировав тем самым идею порубежья к «фронтиру» сибирскому. По мнению Д.Я. Резуна, фронтир – область взаимодействия между русским и местным населением Сибири, в которой взаимодействие не ограничивалось только военно-политическими контактами – оно также предполагало культурные и хозяйственные точки соприкосновения. «Фронтир, – писал он, – возможен только при встрече двух культур разного уровня цивилизационного развития».

Для понимания сути теории сибирского фронтира важны положения, выдвинутые М.В. Шиловским. Ученый считал, что «необходимо говорить о трех видах фронтира: внешнего – по отношению к территориям и этносам, не вошедшим в «огораживающие поле»

Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск, 2005.

[1] *Соболева Т.Н., Бобров Д.С.* Современная российская историография концепции фронтира. // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4-1; Кринко Е.Ф., Урушадзе А. Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. – Ростов-на-Дону, 2012. С. 8-9.

[2] *Каппелер А.* Южный и восточный фронтир России в XVI-XVIII веках. // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 47-64.

колонизации; внутреннего – по отношению к народам, оказавшимся внутри него; и внутрицивилизационного – между старожилами и переселенцами»[1]. Сущность второго подхода первоначально была выражена Н.Ю. Замятиной, которая считала, что фронтир – это «зона особых социальных условий, а не граница территории, находящейся под юрисдикцией государства, и уж тем более не граница территории, разведанной ее жителями»[2]. Она отметила культурную мозаичность, неустойчивое равновесие, отсутствие четкого государственного разграничения территории и заданности в направленности процессов и явлений местной жизни[3].

По мнению А.С. Хромых, «целесообразнее говорить не о видах, а о стадиях фронтира, так как они последовательно сменяли друг друга»[4]. И тогда, внешний фронтир – это места и моменты первой встречи пришлых людей с автохтонным населением, которые предполагают начальные и неустойчивые экономические, социальные, политические и культурные контакты. Внутренний фронтир – это сложившиеся контактные зоны, где постоянные русские поселения вкрапляются в места проживания местных народов внутри колонизуемой территории, а вся территория уже входит в административное и правовое поле государства. Исследователь отмечает, что современное представление о фронтире значительно отличается от выдвинутого Ф. Тернером определения, согласно которому фронтир – это точка встречи дикости и цивилизации, где происходит взаимодействие между колонизаторами и местным населением, результатом которого является формиро-

[1] *Шиловский М.В.* Фронтир и переселения (сибирский опыт). // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв.: общее и особенное. Сб. ст. Вып.3. – Новосибирск: «РИПЭЛ плюс», 2003.

2 *Замятин Д.Н.* Русские в Центральной Азии во второй половине XIX века: стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М., 2002. № 1.

[3] *Замятина Н.Ю.* Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах. // Общественные науки и современность. 1998. № 2. С. 82.

[4] *Хромных А.С.* К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронтир» в изучении истории Сибири. URL: http: // www/ history. nsc. ru/ websitehistory-institute/var/ custom/File/3RNMK/018_Khromykh.pdf (дата обращения: 27.07.2015).

вание основания нового общества[1]. А.С. Хромых считает, что «эта интерпретация сужает содержание основных идей Ф. Тернера», и «можно определить фронтир как некоторую зону особых социальных условий, возникающих в результате контактов разноуровневых цивилизаций, приводящих к формированию нового общества или сообщества».

Б. Боук отметил задачу нового поколения исследователей фронтиров — включение ранее незамеченных групп (женщины, дети, метисы, инородцы, изгои, меньшинства, угнетенные), которые выпадали из поля изучения историков, а также культурное взаимовлияние, взаимодействия человека и природы, обычное право, преступность, отношения между сильными и слабыми, идентичности и менталитеты[2]. В исследование российского фронтира немалую роль играло изучение имперского опыта России, присоединение и формирование окраин, образование границ и пограничных территорий[3]. Именно на эту сторону русского фронтира особое внимание уделяют зарубежные исследователи[4]. Таким образом, исследователи Сибири заложили базис использования концепта «фронтир» для других территорий Российского государства.

В последние годы интерес к приложению фронтийной теории к изучению окраинных территорий России усилился. Коллектив авторов Астраханского университета с 2016 г. стал регулярно издавать электронный журнал «Фронтирные исследования». В нем существенное место занимает проблематика исследований, связанная с культурной памятью на фронтире, изучением культурной трансформации людей, прибывших в пограничную зону, измене-

[1] *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск, 2005.

[2] *Боук Б.М.* Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества. // Социальная организация и обычное право: материалы науч. конф. – Краснодар, 2001. С. 150.

[3] *Басалаева И.П.* Критерии фронтира: к постановке проблемы. // Теория и практика общественного развития. 2012. № ф2.

[4] Там, внутри. Практика внутренней колонизации в кльтурной истории России. – М., 2012; Ходарковский М. Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500 – 1800. – М., 2019; Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. – М., 2013.

ние их культурного кода, появление типов, носящих пример инаковости по сравнению старыми регионами России[1].

Продолжение исследований по русскому фронтиру, постановка новых проблем и методов их решения была предложена в статье Д.В. Сеня и дискуссии, развернувшейся по материалам этой публикации[2].

Таким образом, фронтир трактуется как зона экономического, социального, политического и культурного взаимодействия пришлого населения с местными народами, в результате которого происходит становление нового, нередко локального, сообщества. Колонизация же – это, в первую очередь, процессы заселения и освоения, включающие в себя межэтническое взаимодействие и административное вхождение новой территории в состав государства.

Мы предлагаем ограничить географические рамки южнорусского и юго-восточного фронтира территорией междуречья Камы, Волги и Дона с востока на запад, на севере – южной границей бывшего Рязанской княжества, а также предгорьями Кавказа – на юге. Эта огромная территория на юге почти не имела постоянного местного населения, за исключением самых южных земель, принадлежащих Большим и Малым ногаям, Крымскому ханству. На юго-востоке располагались традиционные земли кочевий башкир и калмыков.

На разных этапах развития Российского государства его территория непрерывно прирастала новыми землями, которые различались не только географическими и природно-климатическими, но и этнодемографическими, социально-экономическими и культурными признаками. В связи с этим, одним из ключевых вопросов российской истории является формирование государственной территории в границах, очерчивающих ареал расселения

[1] *Якушенков С.Н., Якушенкова О.С.* «Сила земли»: формирование новой инаковости в условиях фронтира. // Журнал фронтирных исследований. № 1 (2016). С. 9-2; Аникин Д.А. Пограничные проблемы в исследовании культурной памяти. // Журнал фронтирных исследований. Том 5. № 2 (2020). С. 12-25, и др.

[2] *Сень Д.В.* Фронтирные исследования в современной России: зыбкие границы академического диалога. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1 (27). Январь-июнь. С. 66-80; Там же. С. 91-117.

государствообразующего этноса и вовлеченность данной территории в административно-правовую систему страны.

В XVI-XVII вв. в условиях многовекторности территориальных притязаний России и наличия больших площадей незаселенных или слабозаселенных смежных территорий в южном и юго-восточном направлениях сразу установить четкие границы не было ни необходимости, ни возможности. Поэтому вся приграничная полоса превращалась в сплошной фронтир, то есть в зону экономического, социального, политического и культурного взаимодействия русского населения с населением колонизуемой приграничной территории или в отсутствии такового.

В настоящее время определены пространственные характеристики южнорусского фронтира XVI-XVII вв.[1] и «поволжского» фронтира, который включает в себя, главным образом, правобережье Среднего и Нижнего Поволжья[2]. Кроме того, в культурологическом аспекте выделено «социальное пространство» Нижней Волги, где в результате активных межэтнических и межконфессиональных контактов происходил процесс зарождения «новой культурной реальности»[3], а также применительно к эпохе промышленного освоения Урала определена зона фронтирной модернизации, куда отнесены районы Среднего Поволжья, Урала и Западной Сибири, то есть к востоку от европейской части страны[4].

[1] *Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И.* Теория фронтира и юг России в XVI – первой половине XVIII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – Тамбов, 2015. Т. 20, вып. 10. С. 7-15; Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. Конкретно-историческое обоснование расчета значений управляющих факторов динамики южнорусского фронтира в XVII – середине XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». – Тамбов, 2015. Т. 20, вып. 10. С. 16-29.

[2] *Дубман Э.Л.* Юго-Восток Европейской России: монография. Ч. I. Поволжский фронтир в середине XVI – XVII вв. Очерки истории. – Самара: «Самарский университет», 2012.

[3] *Романова А.П., Якушенков С.Н.* Фронтирная теория: новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России. // Инноватика и экспертиза. 2012. № 2. С. 74-80.

[4] *Зубков К.И.* Фронтир как исследовательская парадигма. // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 63-71; Побережников И.В. Фронтирная модернизация на востоке Российской империи: региональные вариации. // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 72-80.

К юго-восточному фронтиру России относится территория от левобережья Волги до верховьев р. Тобол и от Среднего Урала до среднего течения р. Яик (Урал), определяемая обобщенным географическим понятием «Волжско-Уральский регион».

Однако особенность юго-восточного фронтира заключался не только в этом. Если южный фронтир сложился на стыке соприкосновения колонизуемой территории с незаселенным Полем и Крымским ханством, то Волжско-Уральский регион был непосредственной контактной зоной ханств, образовавшихся на осколках Золотой орды. Центральное положение занимало место слияния трех рек: Ак-Идели (р. Белая), Кара-Идели (р. Уфа) и Кук-Идели (р. Дим), которые в раннем средневековье под общим гидронимом Идель (Итиль) впадали в Каспийское море. После распада Золотой Орды географические части Башкирии, по которой проходили ведущие из Уфы транзитные пути в Астрахань, через Ногайскую орду, в Казань и в Сибирь, имели одноименные названия: Ногайская, Казанская и Сибирская дороги, которые впоследствии в составе Российского государства стали восприниматься как административные области.

В составе России Волжско-Уральский регион как юго-восточная фронтирная область являлся не только (и не столько) зоной экономических, социальных и культурных контактов пришлого населения с местным, но и территорией, имеющей важное стратегическое и геополитическое значение. Поэтому во взаимоотношениях России с ногайцами, калмыками, казахами, сибирскими татарами Башкирия играла посредническую роль. Только в середине XVIII в. после установления четких государственных границ вдоль внешних пределов Башкирии и образования на ее территории Оренбургской губернии, Россия вступила в непосредственное соприкосновение с Казахстаном, вышла на среднеазиатские рынки и установила прямые дипломатические отношения со странами Центральной и Юго-Восточной Азии.

Ввиду обширности колонизуемых Россией юго-восточных территорий по всему периметру ее границ, необходимо выделить

отдельные фронтирные зоны – как по хронологическому принципу, взяв за основу временные рамки присоединения и последовательного освоения этих земель, так и по географическому положению.

Поскольку концепт фронтира сравнительно недавно стал использоваться отечественными историками для описания ряда приграничных территорий России, то в настоящее время процесс усвоения научным сообществом этого термина и связанного с ним дискурса все еще продолжается. Б.Н. Миронов предложил рассматривать понятие «фронтир» в двух значениях: а) как зона освоения колонистами новых территорий, внешний край движущейся вперед колонизационной волны, пространство, где сталкиваются различные социально-культурные типы, происходит взаимодействие колонистов с коренными жителями, и б) как специфический подход, как концепция или даже теория изучения подобных зон и складывающихся там отношений[1]. То есть фронтир рассматривается как пространство, в котором формируются новые социальные отношения среди пришедших сюда людей; происходит не только адаптация к новым условиям, но и интеграция методов хозяйственного освоения территории, внедрение технологий, освоенных в центре, развитие транспортной сети, многих социальных институтов. Жизненный уклад фронтира, формируясь на стыке разных культур, всегда отличается от жизни в старых поселениях.

С учетом этого обстоятельства, полагаем целесообразным сформулировать наше видение данного концепта.

Фронтир – это территория, которая:

а) примыкает к границе государства или является пограничной, осваиваемой частью государства, отделяющей его от других государств (иногда используется термин «буферная зона»);

б) по ряду признаков отличается от остальной территории данного государства, включая другие приграничные территории.

Условия возникновения и существования фронтира таковы:

[1] *Миронов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. – СПб.: «Дмитрий Буланин». 2014. С. 108-113.

— сопредельная фронтиру территория не является общепризнанной территорией какого-либо государства (при этом она может отдельными государствами восприниматься как часть их государственной территории);

— население сопредельной территории находится на иной стадии социального развития и/или развития техники и технологии, нежели население государства, на окраине которого возникает фронтир, что зачастую воспринимается как более низкая стадия развития (часто подобное восприятие возникает в регионах взаимодействия кочевых и оседлых культур);

— граница, вдоль которой возникает фронтир, является условной, ее демаркация длительное время не проводилась;

— сопредельная территория является объектом экспансии государства, в силу чего условная граница государства постоянно отодвигается вглубь сопредельной территории.

К сущностным признакам фронтира относятся следующие:

— фронтир – это «движущаяся» территория; по мере продвижения условной границы государства местность, бывшая фронтиром раннее, теряет свою специфику, перестает быть фронтиром, превращается в автохтонную часть территории государства, а фронтиром становятся новые, недавно присоединенные земли;

— наличие постоянной военной опасности;

— фронтир является районом колонизации; присоединенные земли заселяются выходцами с основной территории государства, и новое население ведет активную экономическую деятельность по освоению присоединенной территории; причем характер подобной деятельности, как правило, принципиально отличается от таковых занятий аборигенов. При этом новопоселенцы зачастую используют навыки и приемы хозяйственной деятельности аборигенов, и наоборот.

Все это приводит нас к необходимости привнесения в терминологию понятия, которого нет в источниках и которое бы отражало, во-первых, ту специфику приграничных регионов, которая явно или неявно осознавалась современниками, а во-вторых, – те

сходные специфические черты, которые выявлены исследователями применительно к разным приграничным регионам. Таким термином и стал сравнительно недавно используемый исследователями России – «фронтир».

Что касается юга России, то этот термин применительно к данной территории был введен сравнительно недавно[1]. Для Поволжского региона его впервые применил Э.Л. Дубман[2]. Волжско-Уральский регион как фронтир в общепринятом смысле стал рассматриваться сравнительно поздно[3]. Однако данный концепт впервые был использован И.В. Побережниковым для обозначения модернизационных процессов, начавшихся с развитием горнозаводской промышленности на Среднем Урале в начале XVIII в.[4]

Естественно, что внедрение нового термина, изначально описывающего явление, находившееся на другом континенте; термина, позаимствованного у зарубежной историографии (где он трактуется подчас по-разному), с неизбежностью приводит к тому, что разные исследователи или группы исследователей вкладывают в него различное наполнение. При этом практически все авторы едины в одном: территория любого фронтира, в силу своей специфики, принципиально отличается от остальной территории госу-

[1] По-видимому, впервые (в самом общем виде) идея фронтира для этого региона была предложена А. Каппелером в 2001 г. (на русском языке опубликовано в 2003 г.) Каппелер А. Южный и восточный фронтир России в XVI-XVIII веках. // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 47-64; Мизис Ю.А., Кащенко С.Г. Проблема формирования русского фронтира на юге России в XVI – первой половине XVIII в. в отечественной историографии. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История. 2011. №1. С. 9-16.

[2] *Дубман Э.Л.* Поволжский фронтир в середине XVI – XVII вв. Очерки истории. – Самара. 2012.

[3] *Буканова Р.Г., Тычинских З.А., Муратова С.Р.* Особенности фронтира на Урале и в Западной Сибири в XVI-XVIII вв. // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 83-89.

[4] *Побережников И.В.* Фронтирная модернизация в контексте российской цивилизации. // Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу. – Екатеринбург, 2011. С. 47-61; Он же. Региональные варианты российской фронтирной модернизации: сравнительный подход. // Региональный фактор модернизации России XVIII-XX вв. – Екатеринбург, 2013. С. 18-27; и др.

дарства. А относительно того, что можно отнести к этой специфике, высказываются самые различные мнения.

Особенностью России было, во-первых, одновременное существование в определенные исторические периоды более чем одного фронтира, а во-вторых, в разные периоды истории фронтиры возникали на различных окраинах государства. Так, во второй половине XVI – XVII вв. существовало, как минимум, четыре фронтира: южный, Поволжско-Закамский (правобережье и левобережье р. Волги), юго-восточный (Волжско-Уральский), восточный (Сибирский). В первой половине XIX в. этих фронтиров уже давно не было – они превратились в основную территорию государства, но зато возникли новые фронтиры: кавказский, казахский, затем среднеазиатский. Наверное, нет нужды доказывать, что каждый из фронтиров, помимо общих «фронтирных» черт, имел и свою специфику.

Что касается особенностей южного и юго-восточного фронтира России второй половины XVI – первой половины XVIII в., то к ним можно отнести следующее:

— активное расширение территории в южном и юго-восточном направлениях стало возможным после падения Большой орды (1502 г.) и Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств, что открыло возможность открытия волжского торгового пути;

— в основе массового переселения людей на новую территорию лежала государственная политика, которая дополнялась вольной, монастырской и, в какой-то мере, помещичьей колонизацией. Государство, в лице воевод, местных приказных изб на протяжении всего периода способствовало заселению и освоению новых территорий.

— присоединяемой к России и колонизуемой территорией на юге было Поле, где не было оседлого аборигенного населения, однако через эту территорию пролегали традиционные пути нападений на Российское государство крымских татар и ногайцев. Татары, будучи кочевниками, не могли освоить и надежно закрепить за собой территории, которые мы обозначили как южный фронтир России, но рассматривали эти земли как часть своих владений.

Постоянно они здесь не обитали, а использовали указанный район как место летних кочевий или декларировали такое использование при взаимодействии с оседлыми соседями.

— южный и юго-восточный фронтиры в XVI – первой половине XVII в. являлись объектом притязаний крымских татар и ногайцев, а также с 30-х гг. XVII в. – калмыков и черкас;

— на территории фронтира существовала особая система сторожевой и станичной службы; участие в ней принимало служилое население, а иногда и другие категории населения;

— базой для заселения и освоения фронтира служила система укреплений, защищающая пограничную территорию, создававшаяся государством; а также в качестве опорных пунктов – города-крепости с гарнизоном,состоявшим, главным образом, из мелких приборных людей.

— на новых землях юга России практически не было местного оседлого населения, за исключением периода второй половины XVI – первой трети XVII в. когда шло заселение территории между Цной и Волгой, где проживали угро-финские народы;

— в отличие от Волжско-Уральского региона и Сибири, угрофинны или финноугорские народы уже длительное время совместно проживали с русскими переселенцами, восприняв от них более высокий уровень земледельческих занятий и ремесел, в свою очередь, передавая опыт бортного промысла, имея общие интересы по защите пограничных земель от набегов кочевников;

— Юго-восточные земли до среднего течения р. Яик с середины XVI в., после признания башкирами российского подданства, считались принадлежностью Российского государства, за пределами которых в Волжско-Эмбинском междуречье Россия вплотную вошла в соприкосновение с Большой ногайской ордой. С 30-х гг. XVII в. земли Большой ногайской орды заняли калмыки, а в XVIII в., после ухода калмыков на правобережье р. Волги, здесь было разрешено кочевать казахам Младшего жуза.

— служилое население в зонах фронтира преобладало над прочими категориями населения; крайне медленно вплоть до начала XVIII в. формировались посадские общины. Особенностью

юго-восточного (Волжско-Уральского) фронтира являлось узаконенное государством вотчинное землевладение башкир, что сдерживало развитие крупного помещичьего землевладения, но создавало возможность переселения в башкирские вотчины на условиях припуска разных этнических групп населения Поволжья.

— владельцами земель южной фронтирной зоны в основном являлись мелкопоместные служилые люди; вотчинников насчитывалось крайне мало, а размеры вотчинных владений оставались небольшими, и почти до начала XVIII в. существовала система «заповедных городов» с запретом на вотчинное землевладение;

— существовала нехватка крестьянского населения, в силу чего большинство помещиков не являлись дворовладельцами;

— в связи с медленным распространением крепостного права на окраинах государства, в зоне фронтира имела место социальная мобильность, невозможная или крайне ограниченная на основной территории государства;

— район южного и юго-восточного фронтира являлся местом ссылки за различные правонарушения, в силу чего можно говорить о наличии среди населения (главным образом, служилого) определенной доли лиц, склонных к девиантному поведению, нежели на остальной территории страны (характерно и для сибирского фронтира). При этом необходимо помнить об отличии ссылки в XVI-XVII вв. от ссылки XIX столетия, которая носила характер административного или уголовного наказания. Ссылка в XVI-XVII в. преследовала не столько цель наказать конкретного человека, сколько переместить его в другой регион страны – как правило, в служилые города, находившиеся на юге страны, в нижнем течении Волги и Сибири. Здесь он верстался в службу и нес ее наравне с другими служилыми людьми, без всякого ограничения в правах[1].

[1] Подробнее см., напр.: *Папков А.И.* Ограничение свободы и ссылка черкас с Польской украйны России в Сибирь и Поволжье в первой половине XVII в. // Очерки истории уголовно-исполнительной. – Иваново, 2019. С. 348-362.

На протяжении истории южного фронтира значимость указанных признаков была неодинаковой: в какие-то периоды наиболее значимыми являлись одни признаки, в какие-то периоды – другие.

В отличие от юго-восточного фронтира южное пограничье практически не имело постоянного населения после ухода отсюда Большой орды в 1502 г. Борьба за лесостепь и степное пограничье продолжалась на протяжении почти всего периода существования южного фронтира. Наличие буферной зоны между Российским государством и Крымским ханством и Ногаями на определенный период времени устраивало все стороны и позволяло избегать прямых крупных военных конфликтов.

Юго-восточное пограничье отличалось тем, что до присоединения к Российскому государству здесь существовали государственные традиции, сложившиеся еще в период Золотой орды, что сказалось на социальной и конфессиональной организации населения данной территории. Установление российской системы управления и расширение ареала расселения русского населения привели к изменению сложившихся балансов этносоциальных и конфессиональных интересов, формированию новых государственно-правовых отношений и последующей социокультурной интеграции данной территории в составе Российского государства.

Источники. Здесь стоит особо оговорить, что вследствие обширности территорий, подведомственных различным приказам и другим территориям, коллекции источников по ним сохранились неравномерно. Например, в отличие от южных регионов, юго-восточные, управляемые в основном в конце XVI – начале XVIII вв. в приказе Казанского и Сибирского дворцов, практически не имеют репрезентативной источниковой базы. Такая же ситуация сложилась с документами по Тамбовскому и Шацкому уездам, которые находились в подчинении Приказа Большого дворца. Архивы Приказа Большого дворца и Казанского сгорели при пожаре Москвы в 1711 г., и сохранились только отдельные разрозненные документы.

Основная масса источников по южным территориям сосредоточена в Российском государственном архиве древних актов[1], а также во многих местных областных архивах, сохранившие документы XVI – первой половины XVIII в.[2] Подавляющее количество материалов содержится в РГАДА. Указанные документы рассредоточены по различным фондам данного архива, однако, несмотря на то, что выявленный массив не представляет собой естественно сложившейся выборки, он является в достаточной степени репрезентативным и позволяет делать обоснованные выводы и заключения.

Среди книг, отложившихся в Белгородском столе Разряда РГАДА, есть особый вид документов, названный архивистами XIX в.«годовые сметные книги городов, ведавшихся Белгородским столом»[3]. Это название не вполне корректно; правильнее было бы назвать их годовыми сметными книгами городов Белгородского полка. Сохранилось 26 таких книг, составляющих 28 единиц хранения (две книги состоят из двух частей каждая, и эти части являются отдельными единицами хранения[4]).

Годовая смета каждого города состоит из двух частей – подробного описания и кратких количественных итогов. Формуляр этих смет достаточно устойчив в пределах одной книги (формуляры большинства книг схожи). Судя по всему, годовые сметы представляют собой ответы на некий «вопросник», содержавшийся, по-видимому, в исходном документе – грамоте Разряда, предписывавшей составление ежегодных воеводских отчетов. Анализ годовой сметной книги за какой-либо год позволяет получить своего рода «моментальный снимок» состояния в военном отношении городов и уездов Белгородского полка. В то же время изучения всего комплек-

[1] Далее – РГАДА.

[2] Напр.: Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО); Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО).

[3] Книги Белгородского стола. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. Кн. 10. Отд. 1. – СПб., 1896. С. 1-31.

[4] Обозрение учреждений, коих документы и бумаги поступили в архив. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. – СПб., 1869. Кн. 1. С. XIV-XV; Книги Белгородского стола. // Там же. Кн. 10. Отд. 1. – СПб., 1896. С. 1-31.

са годовых сметных книг позволяет выявить динамику процессов, происходивших в жизни южнорусских городов и уездов, а также выявить изменения, которые претерпевал южный фронтир Московского государства на протяжении 2-й половины XVII в.

Наибольшее количество сведений об особенностях социального и экономического развития приграничных территорий России XVI – XVII вв. – зоны южнорусского юго-высточного фронтира этого времени – содержатся в книгах и столбцах приказов Российского государства. Это отчетные документы местной администрации: отписки воевод, описывающие обстановку на порубежье и деятельность самих воевод и представителей других категорий населения, челобитные населения южной окраины России, в которых рассказывается о различных проблемах, характерных для зоны фронтира.

Другая группа источников – это следственные документы, связанные, прежде всего, с разбором различных конфликтных случаев. Наибольшую ценность представляют собой «распросные речи». Особое место занимает дипломатическая переписка, состоящая из «листов», которыми обменивались воеводы русских приграничных крепостей и представители польской администрации, из писем послов и посланий правительств России и Речи Посполитой.

Сюда же относятся документы о взаимоотношениях с Речью Посполитой, Крымом, Большими и малыми ногаями, калмыками, башкирами. Правительственные документы отражают общие подходы власти к колонизации территории, развитию социальной структуры и регулированию жизни в зоне южнорусского фронтира. В целом, весь комплекс сохранившихся источников этой группы позволяет провести исследование различных аспектов истории южнорусского фронтира в XVI-XVII вв., выявить общие закономерности и тенденции, а также проанализировать конкретные факты. Совокупность выявленных источников дает возможность рассмотреть не только государственную политику, но и проследить конкретные проявления государственно-церковного взаимодействия, проявления повседневной деятельности Церкви, в том числе в ходе развития городов и сельских населенных пунктов в зоне фронтира.

Значительный комплекс представляют собой документы кадастрового учета – прежде всего, писцовые книги и другие акты писцового дела. Эти документы позволяют проследить процесс наделения землей местного населения, храмов и монастырей. Видовой состав источников данной группы представлен книгами: писцовыми, дозорными, отдельными и переписными. Указанные книги сохранились не полностью, часть дошла до настоящего времени в копиях XVII в.

В связи с тем, что архив приказа Казанского дворца не сохранился, многие документы по юго-восточному фронтиру XVI-XVII вв. дошли либо в копиях, либо среди дел других приказов. В России военными делами, служилыми людьми, назначениями полковых и городовых воевод, пограничной (сторожевой и станичной) службой, сооружением и ремонтом пограничных укрепленных линий ведал Разрядный приказ. В Разрядном приказе составлялись наказы воеводам, росписные списки городов, строельные книги, велись разрядные книги, в которые вносились записи о назначениях на военную и государственную службу. Так, в Разрядных книгах, в росписи понизовых городов, под 1586 г. впервые упоминался, наряду с Самарой, «новый город на Уфе».

Одной из важных функций Разрядного приказа была организация общероссийской сторожевой и станичной службы (с 1571 г.). С начала XVII в. посылаются сторожи из Казани. В середине века сторожи размещались в крепостях Тетюши, Лаишев, Малмыж, Арск, Алатор и правобережье р. Волги, некоторые сторожевые посты находились в Закамье, в крепостях Оса, Мензелинск, Шешминск, а также в устье р. Яик. Дворцовое село Оса, крепости Мензелинск и Шешминск к тому времени были переданы из Уфимского уезда под контроль казанских воевод. Сведений о размещении сторожевых постов непосредственно на территории Уфимского уезда и в Уфимской крепости XVII в. не имеется. Службу по охране юго-восточных рубежей несли сами башкиры.

В 1680 г. все служилое население России было распределено между 8-ю разрядами (Северный, Владимирский, Новгородский, Казанский, Смоленский, Рязанский, Белгородский, Тамбовский),

которые представляли собой отдельные территории с городами – военные округа. Власть Разрядного приказа на приказ Казанского дворца и Сибирский приказ не распространялась, тем более на территорию Башкирии, которая не была даже включена в состав Казанского разряда. Уфа с уездом представляли собой особую территорию в ведомстве приказа Казанского дворца. Однако по требованию Разрядного приказа оттуда поступали данные о численности служилых людей и списки воевод. Очевидно по этой причине «строельные» и «дозорные» книги Закамской черты – первой русской укрепленной линии в Закамье – сохранились в фондах Поместного приказа. Так, по Казанскому уезду сохранились копии писцовой книги, составленной в середине XVII века *(РГАДА. Оп.1. Ф. 1209. Кн. 156, 1127)*. Они позволяют получить почти полное представление не только о гарнизонах крепостей, но и фортификациях Закамской черты. Зато по XVIII в. по юго-восточному фронтиру имеется множестов самых разнообразных источников.

Наиболее многочисленными архивными источниками является регулярная переписка местных воевод и московских приказов, челобитные служилых людей и крестьян с приказами и ответы на них дьяков и подьячих. В этих документах раскрывается повседневная жизнь русского порубежья, встречаются живые картины из жизни наших предков, освоивших огромные лесостепные и степные пространства.

В целом, заложенный научный задел в вопросе формирования южного и юго-восточного фронтира Российского государства в XVI – XVIII в., наличие многочисленных репрезентативных источников позволили авторскому коллективу представить данный очерк.

Глава 1.

ЮЖНОРУССКИЙ И ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТИР: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В XVI – НАЧАЛЕ XIX ВВ. (XVIII в.)

1.1. Основные исторические этапы развития южнорусского фронтира в XVI – XVIII в.

Движение на юг в междуречье Дона и Волги Русское государство активно начало продвигать с XVI в. На этот процесс влияли как природные факторы, так и геополитическая ситуация. XVI-XVII в. – период «малого оледенения», связанный с понижением среднемесячной температуры, сокращением летнего времени и периода активных сельскохозяйственных работ. Это неизбежно приводило к сокращению сельскохозяйственного цикла для основной массы русского крестьянства в центральной полосе России. Кроме того, на этой территории размещались малопродуктивные подзолистые почвы. Поэтому черноземный юг привлекал более мягким климатом, высококачественным черноземом и значительными запасами водных ресурсов. Лесостепная зона мало отличалась от традиционных лесных районов проживания русского народа. С конца XVII – начала XVIII в. начался этап активного заселения степных пространств юга, где имелась совершенно отличная от центральной полосы России климатическая и природная зона.

Политическая ситуация в лесостепной зоне до середины XVI в. не позволяла русским предпринимать активные действия по переселению сюда большой массы населения. Наличие Большой орды, враждующей за первенство с Крымским ханством, крайне затрудняло колонизационные процессы. Поражение Большой орды и ее

уход в южные степи освободил эту территорию от конкурентов, что позволило активизировать возвращение русских на старинные земли проживания славян в домонгольское время.

Другой фактор широкого колонизационного потока на юг связан с формированием единого Русского централизованного государства. Официальное вхождение в его состав Рязанского княжества в 1521 г. фактически завершило этот процесс, позволило обратить более серьезное внимание на южные границы и начать проводить здесь системную государственную политику по освоения данных земель.

Можно выделить несколько крупных этапов заселения южных границ. Узел противоречий в рассматриваемом регионе завязался в начале XVI в., после того, как Северские земли, принадлежавшие Великому княжеству Литовскому, в результате первой русско-литовской войны вошли в состав Руси. В XVI в. практически все Чернигово-Северские земли перешли во владение князя всея Руси: Чернигов, Путивль, Рыльск, Новгород-Северский. В последующие десятилетия продолжалось развитие оборонительной системы юга России с целью прекращения набегов кочевников.

В 30-40-х гг. XVI в. произошло выделение двух пограничных линий. Одна шла по берегу р. Оки, куда, как правило, выдвигались основные силы русской армии для отражения набегов кочевников. К югу от нее прошла линия с опорой на Тулу: Одоев, Белев, Бобрик, Пронск, Зарайск, позднее Новгород-Северский, Путивль, Почеп, Карачев, Мценск. За этой линией далее на юг находился Переяславль-Рязанский[1]. Но эти линии укреплений размещались достаточно близко к главным центрам Русского государства и не перекрывали всех проходов на Русь.

Первый период формирования южнорусского фронтира начался во второй половине XVI в. и был связан с активной южной и юго-восточной политикой государства. Следующий этап продвижения южной границы определялся с взятием русскими войсками Казани (1652 г.) и Астрахани (1554-56 гг.), а завершился началом Смутного

[1] *Яковлев А.И.* Засечная черта Московского государства в XVII в. – М., 1916.

времени. Он характеризовался отсутствием в это время единой концепции освоения южнорусских земель. После чего начался процесс активного заселения новых земель, связанный как с государственной политикой, так и активной вольной колонизацией.

Можно предположить, что это был единый постепенный процесс освоения территории Поля и ее интеграции в состав Русского государства. Происходило строительство Шацка (1553 г.) и «городов от Польской украины»: Михайлова (1551 г.), Дедилова (1554 г.), Болхова (1555 г.), Ряжска (1557 г.), Новосили (1563 г.), Орла (1566 г.), Епифани (1566 г.), Данкова (1568 г.) и других. Начался этап активной борьбы Российское царства с Крымом, как основным правоприемником Золотой орды, за влияние и обладание Полем. Последним элементом этого движения стало строительство Донкова (1568 г.). Затем наступило время спада активности на южном направлении.

С 80-х годов XVI в. русское правительство активизировало свою политику в южном направлении и развернуло строительство крепостей непосредственно на Поле, призванных стать опорными пунктами в борьбе с Крымом. В 1585 г. основываются Ливны и Воронеж. Сооружение этих городов должно было не только способствовать перекрытию татарских дорог, но и обеспечивало фиксацию придонской части Поля за Россией[1]. В итоге здесь в 1591 г. был построен г. Елец[2], в 1593 г. возникли Белгород и Оскол, а в 1596 г. на новом месте возник г. Курск. Вероятно, подобным образом в 1599 г. образовался г. Валуйки, а крепость Царев-Борисов, построенная летом 1599 г. при слиянии Северского Донца и Оскола, стала наиболее выдвинутым русским пунктом в Поле. Таким образом, к концу XVI в. появилась новая линия пограничных городов с уездами.

Большинство городов, построенных в это время в лесостепи, имели небольшие малозаселенные уезды с минимальным коли-

[1] *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. – Воронеж, 1991.

[2] *Ляпин Д.А.* На степном пограничье: Верхний Дон в XV – XVII веках. – Тула. 2013. С. 44-45.

чеством населенных пунктов. Отсутствие сплошной линии укреплений не позволяло населению свободно селиться в этих местах. Смутное время и длительный период восстановления страны ограничили возможности России играть активную роль в южном направлении. Только поражение русской армии под Смоленском в войне 1632-34 гг. заставило правительство Михаила Федоровича вновь вернуться к проблеме безопасности южных границ.

Второй период начинается в середине 30-х г. XVII в. Строительство системы укреплений на юге России, начавшейся с 1635 г. в виде Белгородской, Тамбовской, Шацкой и других черт, привело к резкому сдвигу заселенных южных границ государства. Выстроенная линия укреплений – Белгородской[1], Тамбовской[2], Шацкой, Инсаро-Симбирской, Закамской[3] черт – становилась разделительной линией заселенной части уездов на юге государства. Появление новой сплошной мощной линии укреплений от Ахтырки до Волги и дальше по Каме принципиально изменило ситуацию на юге России. Окончательное формирование укрепленных черт завершилось к середине XVII в. На протяжении этого периода шел процесс постоянной реконструкции укреплений и их совершенствования. Строились новые земляные валы, возводились дополнительные деревянные укрепления, появилась Изюмская черта, разрабатывались планы по созданию Битюцкой и Пензенской черт.

Принципиально новым явлением в истории южного фронтира стало создание в 30-50-х гг. XVII в. Белгородской черты, представлявшей собой небывалую по масштабам систему оборонительных сооружений. В ходе возведения черты было построено более двух десятков новых городов, которые вместе с двумя «старыми» городами – Воронежем и Белгородом — стали опорными пунктами обо-

[1] *Загоровский В.П.* Белгородская черта. – Воронеж, 1968.

[2] *Мизис Ю.А.* Заселение Тамбовского края в XVII – XVIII веках. – Тамбов, 1990. Мизис Ю.А. На южных рубежах Московского государства: монография : в 3 кн. Ч. 2. История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов» в XVII в. (1635 - 1696 гг.) – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. С. 143 – 164.

[3] *Лебедев В.И.* Легенда или быль: По следам засечных сторожей. – Саратов. 1986; Дубман Э.Л. Строительство Карсунской и Симбирской черт как составной части единой системы укреплений европейской лесостепи. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 3. – М., 2013. С. 300-305.

роны на самом напряженном участке границ Русского государства. Именно в этот период стремительно увеличилась вертикальная социальная мобильность, резко возросла доля служилого населения, и, соответственно, снизилась доля крестьянского населения.

Изменился фронтир и географически. Теперь его территорию образовывали уезды, чьи административные центры были крепостями Белгородской черты (города «на черте»).

Что касается соседних с ними более северных уездов, городов «в черте», то вопрос о принадлежности их к фронтиру оставался в практическом плане открытым. Они сохраняли некоторые черты пограничных территорий: их гарнизоны часто использовались в качестве дополнительной воинской силы для охраны новых линий укреплений, до середины XVII в. их включали в состав южных сторож или использовали для строительства и ремонта городовых и полевых укреплений. В ответ на попытку отказа выезда на новую границу правительство всегда выставляло встречный аргумент, что новые крепости защищают от набегов кочевников старые города. Только в конце XVII в. эти функции отпали.

Переселение в новые уезды шло при активном участии государства, которое своими указами способствовало заселению и освоению пограничных территорий. Сюда можно отнести указы о строительстве нового города, на заселение уездов «вольными и охочими» людьми, выдача жалования на переселение и строительство жилища, возможности сменить социальный статус, вплоть до записи в категорию «детей боярских», выделение средств на строительство крепостей и линии укреплений. Проводниками государственной политики на новых землях выступали городовые воеводы. Южнорусские воеводы ездили на границу, как на боевые задания, с учетом постоянной угрозы татарских набегов. Если в центральных уездах страны воеводы действительно могли отдохнуть от полевой службы в полках и заниматься хозяйственными заботами, то на юге государства ситуация была зачастую прямо противоположной, что реально отразилось в воеводских наказах. В их обязанности входили такие функции как организация контроля за пограничной территорией, что осуществлялось посылкой

сторож, станиц и больших отрядов для преследования противника, приведение в боевую готовность всей системы укреплений в уезде, подготовка гарнизона к боевым действия, ремонт и строительство укреплений по городу и уезду, регулярные смотры служилых людей и проверка их боеготовности.

Не меньшую активность в колонизационных процессах проявляла русская церковь, создававшая во многих пограничных уездах не только сельские и городские приходы, но и монастыри как проводники православия.

Еще одним важным фактором быстрого заселения указанных территорий стал мощный поток крестьянского «вольного» переселения. Несмотря на все усилия государства, в связи с настоятельным требованием помещиков ограничить крестьянскую вольницу и мощный переселенческий поток, остановить эту волну переселений до 60-70-х гг. XVII в. помещикам не удавалось.

К особенностям южнорусского фронтира можно отнести преобладание земледельческих занятий нового населения и вспомогательную роль охоты, бортного промысла и рыбной ловли. Этому способствовало наличие значительного массива свободных плодородных земель на юге и более умеренный климат.

К середине XVII в. на юге России возникло 26 новых городов. Границы значительно сдвинулись – на 100-200 верст. Все земли внутри новых линий укрепления являлись заселенной частью Русского государства. По указам местным воеводам от 1647 г., южнее линий укреплений иметь населенные пункты категорически не разрешалось. Возникла хозяйственная зона уездов, простиравшаяся достаточно далеко – на 100-150 верст южнее полевых укреплений. Она не имела четких очертаний и включала многочисленные ухожаи, которые сдавались местными воеводами внаем населению для охоты, рыбной ловли и бортничества. Активная их хозяйственная деятельность способствовала последующему заселению и освоению этих земель.

Период с 1680 по 1996 гг. – это попытка расширения заселенной зоны за счет строительства новых укреплений, что являлось

продолжением традиционной тактики российского государства. Скорее всего, планы правительства Федора Алексеевича имели гораздо больший размах: строительство Изюмской, Пензенской, Сызранской и Битюцкой черт[1]. Пензенская черта строилась в 1675-80 гг. от Пензы до Мокшанска. Однако из всех планов полностью осуществилось сооружение только Изюмской черты и частично Пензенской, но завершить последнюю линию укреплений из-за внутриполитических обстоятельств не удалось. Произошло только некоторое продвижение заселенной территории в районе Изюмской черты на 150-200 верст южнее Белгородских укреплений, а идею строительства Сызранской и Битюцкой черт так и не удалось осуществить. Наличие Саратова и Царицына на Волге не меняло ситуации, так как эти крепости не имели заселенных уездов и прикрывали только Волжский торговый путь, обеспечивая безопасность промысловой деятельности и посольских путей.

Началом завершающего этапа истории южного фронтира стало взятие Азова и активизация южного направления политики Русского государства молодым царем Петром I. Результатом этого этапа явилось присоединение значительного массива земель на юге – в нижнем междуречье Дона и Волги.

Петр I решил проблему освоения южных территорий более кардинальными мерами, то есть военным путем. Были построены новые города: Борисоглебск, Павловск, Хоперск. Неудача Прутского похода и необходимость сдачи Азова, ликвидация Азовского флота, поставили вопрос о безопасности вновь присоединенных земель. С 1717 г. здесь началось строительство 54-километровой Царицинской линии[2]. Отсутствие на данной территории лесов потребовало использование западноевропейского опыта строительства полевых укреплений. Эта линия строилась с применением нового типа земляных укреплений – в виде бастионов-реданов и

[1] *Загоровский В.П.* Изюмская черта. – Воронеж, 1980; Мизис Ю.А. Военно-географическая экспедиция в Тамбовском крае. // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период). Научный сборник. – Воронеж: «Изд-во ВГУ», 1989.

[2] *Лавринова Т.И.* Царицынская линия: история строительства в 1718-1720 гг. и первые годы существования. – Волгоград, 2012.

крепостей. Завершение в 1720 г. возведения Царицинской линии включило в хозяйственный оборот большой массив новых земель и положило начало активному заселению огромной территории по линии Воронеж от Дона и Сызрани на Волге.

По Белградскому миру 1739 г. Россия вернула себе Азов и Приазовье, что потребовало зафиксировать этот успех в создании новых укреплениях. В период правления Анны Иоановны, с весны 1731 г. до октября 1742 г., шло строительство Украинской линии. Она должна была перекрыть пространство между реками Днепром и Донцом, что позволило начать активное освоение новых территорий. К середине XVIII в. этот этап был окончательно завершен. Южнорусские земли прочно вошли в состав Российского государства. Фронтирная территория сдвинулась к предгорью Кавказских гор.

Результатом Русско-турецкой войны 1768-1774 гг. стало подписание мирного договора, по которому России отходили Северное Причерноморье и Кубань. Началась подготовка к созданию Кубанской пограничной линии, строительство которой осуществлялось в 1777-1778 гг. Она шла по правому берегу р. Кубань от устья до реки Лаба и далее к Ставрополю. Были выстроены 10 крепостей, образовавшие Кубанскую пограничную линию протяженностью 550 км.

В 1783 г. на левом берегу Терека строится крепость – Потёмкинская, а в 1784 г. в Дарьяльском ущелье – новая крепость Владикавказ. После строительства укреплений по Военно-Грузинской дороге в 1785 г. все укрепления составили единую Кавказскую укреплённую линию. Фактически этими действиями завершился процесс включения огромных степных территорий юга России вплоть до Северного Кавказа.

Освоение юга России шло на протяжении длительного времени со второй половины XVI до конца XVIII вв. Россия избрала в основном медленный, постепенный, поэтапный процесс проникновения и освоения территорий за счет строительства оборонительных линий и крепостей. Присоединялась и начинала осваиваться присоединенная территория, затем наступал этап освоения следующих земель. Дорогостоящий и затратный процесс создания оборонительных линий окупался сторицей в период активного заселения и освоения новых территорий. Укрепления надежно защищали внутренние земли новых уездов и позволяли вести подготовку к освоению более южных регионов, где в это время шла активная хозяйственная деятельность в виде бортных и рыбных ухожаев, охоты, проходили торговые и посольские пути.

В ходе заселения новых земель менялись типы укреплений в зависимости от природных зон и развития полевой фортификации. В XVI в. это были засечная черта, где основным видом полевых укреплений являлась засека; в XVII в. – черта с земляными валами, перемежаясь с деревянными сооружениями; в первой половине XVIII в. – линия с земляными укрепления и во второй половине XVIII в. в предгорьях Кавказа – система опорных крепостей, перекрывавших основные пути проникновения на русские земли.

Присоединение новых земель Российским государством приводило к изменению национальной политики по отношению к местным кочевым народам, с которыми у русского правительства наличествовали многовековые посольские связи, экономические и культурные контакты. Теперь государство могло выступать с позиции силы, заставляя местные элиты учитывать сменившуюся ситуацию.

1.2. «Украи́на» Московского государства в XVI – первой половине XVII вв.

Первоначально южный фронтир России возник как южный фронтир Московского княжества, и начальной точкой отсчета его истории следует считать распространение московских владений на территории южнее Оки. Важной вехой его формирования была покупка обширных земель Рязанского княжества Василием Тем-

ным. К Москве, в частности, отошли Венев, район Тулы, верховья Дона (с территорией Куликова поля), правобережье Дона до Красивой Мечи, «елецкие места»[1].

По мере превращения Московского княжества в Московское государство в годы княжения Ивана III южный фронтир сильнейшего русского княжества превращался в южный фронтир нового государства. История южнорусского фронтира в конце XV – первой половине XVI в. крайне слабо обеспечена источниками и потому, если и может быть реконструирована, то крайне дискретно и фрагментарно.

Некоторые сведения о том, что происходило в это период на территории южного фронтира содержит самая объемная и самая подробная из разрядных книг – Разрядная книга 1475-1605 гг.[2] Интересующий нас регион в источнике называется «укра́ина», «укра́ины», «укра́инные города». Судя по тому, что в источниках ни разу не встретилось написание «укроина» (через «о»), следует полагать, что в рассматриваемый период слово «укра́ина» и производные от него произносились с ударением на «а»). За период с конца XV – в первой половине XVI в. мы имеем всего четыре записи:

«7000 (1491/92) г. – Тово же году приходили тотаровя на украину на олексинские места и воевали по Вошане реке.

7020 (1511/12) г. – [...] майя в 10 день писал к великому князю [...] посол ево государев ис Крыму [...] что от Мин-Гирея царя отступили дети ево [...] пять царевичев, а хотят итить на великого князя украины [...] царевичи пришли на белевские и на одоевские места [...] И майя в 15 день писал к великому князю князь Данило Васильевич Щеня и все воеводы, что тотаровя на украину, на одоевские места и на белевские пришли, а иные тотаровя, отделясь, пошли вниз на олексинские места [...] А как пошли тотаровя с украины, и князь великий князю Данилу Васильевичю [...] велел ехать к себе. А как князь великий велел князю Данилу ехоть к себе к Москве, как пошли царевичи с украины прочь из земли, а

[1] См.: *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. – Воронеж, 1991. С. 25-26.

[2] Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 1-4. – М., 1977-2003.

на Угре и по Упе велел государь быти воеводам по полком по берегу [...] приходили крымские царевичи на резанские места [...], и за ними ходили воеводы с Осетра на поля до Чернавы, и как царевичи послышали воевод на украине, и воротились. [...] За тем жа царевичам ходили воеводы с Угры. [...] Тово же году приходили на украины ширинские князи на Нугр и на Кистослова и на казельские места. И за ними ходили ис Козельскова и ис Колуги по полком воеводы.

7036 (1527/28) г. – приходили ис Крыму на украину [...] царевичи со многими людьми [...] И воеводы государевы, пришод, тотар побили многих и от реки[1] отбили.

7058 (1549/50) г. – Июля в 18 день [...] сказовал Богданко, что [...] пришли люди многие на великого князя украины [...] И приехол к царю и великому князю [...] с поля станишная голова [...] а скозал, что лезли Донец в Великом перевозе и по иным перелазом с крымскую сторону многие люди [...], а идут на царевы и великого князя украины, а тово не ведомо, [...] на которые места идут. [...] Да августа же в 16 день, как царь и великий князь с Резани пошол к Москве, а по украинам от поля велел быти воеводом»[2].

Эти немногочисленные записи разрядной книги следует дополнить данными нарративных источников. В свое время эту работу провел В.П. Загоровский[3]. Если результаты его исследования изложить в рамках концепта фронтира, то главным событием, предопределившим специфику южного фронтира на многие десятилетия, был переход контроля над территорией Поля от Большой орды к Крымскому ханству. Следствием этого изменения стала почти непрерывная угроза татарских нападений на русские территории южнее Оки, а зачастую даже и южнее Москвы. В.П. Загоровский исследовал и описал целый ряд военных походов и вторжений крымцев в 1-й половине XVI в.[4]

[1] Т. е. от Оки.

[2] Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 1. Ч. 1. С. 31, 115-118, 120, 122, 207, 388-389, 393. – М., 1977.

[3] *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. – Воронеж, 1991.

[4] *Загоровский В.П.* Указ. соч. С. 49-85.

События на территории южного фронтира во 2-й половине XVI – начале XVII в. представлены в Разрядной книге 1475-1605 гг. значительно полнее, нежели за 1-ю половину столетия. Ниже приводится их перечень:

«7059 (1550/51) г. – Тово же году з декабря были воеводы на Резани по нагайским вестям, что идут на государевы украины на мещерские места и на Старую Рязань нагайские мурзы.

7060 (1551/52) г. – Тово же году [...] государь [...] приговорил [...] будет про крымского царя подлиннай вести, что ему на государевы украины не быть.

7062 (1553/54) г. – А стояли те воеводы по украине по всем местом сентября по 13 число 62-го году. [...] октября [...] к царю и великому князю из Нагаю выбегли полоненики [...] и сказали, что [...] Юсупу князю с теми людьми со всеми быти на царевы и великого князя украины.

7064 (1555/56) г. – Тово же году которые полоненики выбегли [...] ис Крыму, а сказывали, что царь крымской готов со всеми людми, а быти ему дополна на царевы и великого князя украины часа тово. И царь и великий князь для крымских людей приходу велел быти воеводам и людем в Колуге и в Серпухове з Дмитреева дни, октября в 25 день [...] Тово же лета июня в 20 день [...] выбежали ис Крыму полоняник [...] И тот полоняник сказывал, что царь крымской ис Крыму с весны выходил [...] а итить было ему на царевы и великого князя украины. [...] И приехал к государю Сенька Куков, а привел с собою полоняника с царевы и великого князя украины. И тот полоняник сказывал [...] что [...] царь крымской в Крым воротился [...] а под украины отпустил мурзы [...] с малыми людьми языков добывати и про царя и великого князя проведывати.

7065 (1556/57) г. – [...] того же году [...] писал ис Крыму Федор Загрязской, что крымскому царю быть подлинно на государевы украины.

7066 (1557/58) г. – А сказал тот полоненик, что [...] крымской царь со всеми людьми готов [...] И как турской царь людей ему пришлет на помощь, и тогда крымской царь хощет итти на госу-

даревы украины, а того-де не ведомо, на которые места [...] А как царевичь поворотил от украины от Мечи, а воеводы пошли изо Мценску за царевичем наспех по полком. А в ыных розрядех пишет тот поход был в 67-м году.

7067 (1558/59) г. – Тово же году марта в 11 день приговорил царь и великий князь Иван Васильевичь всеа Русии [...] Девлит Гирея царя стоять и как ему своих украин беречь [...] Тово же году пришла весть с Поля, что крымской царь идет на государеву украину. И государь против крымского царя послал в Колугу воевод своих [...]

7070 (1561/62) г. – Тово же году были на украине под людьми воеводы по полком.

7074 (1565/66) г. – А семьдесят четвертого году были те же полки на украине против крымского царя под Болховым. [...] Сентября в 19 день царь и великий князь приговорил з бояры: как царь крымской или большие крымские люди на ево государевы украины пойдут [...]

7076 (1567/68) г. – [...] на весну [...] на украине велел государь стоять из опришнины же воеводам [...] Тово же лета приходили царевичи на украину, и ходили воеводы з берегу против царевичей за реку на три полки.

7077 (1568/69) г. – [...] сентября в 11 день приходили на государевы украины крымские люди на адуевские места и на чернские и на белевские [...] Тово же году апреля роспись от поля на украине по городом воеводам [...] Тово же году стояли государевы воеводы по берегу для приходу крымских людей [...] А как будут которые вести, буде крымские люди учнут воевать государевы украины, и итти за реку из большово розряду [...] А как царь и царевичи учнут которыя украины воевать, а к берегу их не почаять для большово дела и за реку итти [...]

7078 (1569/70) г. – [...] розряд от Поля на украине и по берегу воеводам по городом [...] А буде воинские люди или царевичи учнут воевать украины, которые за рекою, а к берегу их не почают, и под людьми быти за рекою по полком воеводам по росписи [...]

приходили в Новосиль крымские люди на посад [...] и языков у тех людей взяли [...] А в роспросе те тотаровя сказали [...] царь и царевичи и мурзы и большие люди [...] «а хотели итти на государевы украины, а того не ведаем, на которые места».

7080 (1571/72) г. – Тово же году июля в 23 день прииде крымской царь Девлет Гирей на государевы украины, а с ним дети ево, а с ними крымские и нагайские многие люди. И с украины крымской царь пришол к Оке реке к берегу июля в 27 день.

7082 (1573/74) г. – Тово же году октября роспись от Поля как береженье учинить на осень до зимы для приходу на государеву украину крымским большим воинским людям [...] А буде придут на государевы украины крымские люди, и быть воеводам в сходе по полком.

7088 (1579/80) г. – Тово же году майя в 17 день по крымским вестям, что приходили на государевы украины крымские люди [...] на Тульские и на Каширские места, а велел государь послать на берег бояр и воевод [...] Майя в 27 день государь [...] приговорил по крымским вестям, как быть воеводам на берегу по украинным городом [...] А стояли те воеводы на украине по росписи [...] Сентября в 7 день [...] А по вестям, что писал з Дону станишной голова [...], что быть на государеву украину крымским царевичам с крымскими людьми.

7092 (1583/84) г. – Тово же лета послал царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии на украину [...] против крымских людей. А крымские люди многие приходили на городы: на Белев, на Козелеск, на Воротынеск, на Мещеск.

7094 (1595/96) г. – И тово же лета на осень [...] были воеводы на берегу и по украинным городом и которых воевод з берегу из украинных городов отпустите по домом [...] С украины отпустить воевод [...] А как воеводы посланы на службу на берег и на украину [...] а будет пришли на наши украины крымские большие люди для большие войны [...] А будет пришли на наши украины малые люди [...] И как приходили на государеву украину воинские люди,

и многих крымских и нагайских людей и воеводы побили [...] А по украином тогды были воеводы по городом.

7096 (1587/88) г. – И государь приговорил з бояры: только придут на украину крымские люди [...] Тово же дни били челом государю [...] об указе, что быть им воеводами: князю Ондрею Хилкову на Орле, а князю Михаилу Кашину в Новосили, а Михаилу Салтыкову в Белеве; и они для тово били челом государю об указе: нечто придут крымские люди на украину.

7097 (1588/89) г. – [...] а в прежних временах бывало: хотя которому будет воевода с Тулы государь велит быть по росписи в сходе с серпуховским воеводою на берегу в большом полку в приход воинских людей к берегу или в украинских местех, а тому будет тульскому воеводе невмесно быть в сходе у серпуховсково большово воеводы для отечества.

7098 (1589/90) г. – Того же году апреля во 8 день велел государь быть бояром своим и воеводам на украине для приходу крымских людей по полком.

7099 (1590/91) г. – Тово же лета были воеводы [...] А как пойдут крымские воинские люди на государевы украины, и быть воеводам под людьми по полком по росписи [...] А князь Ондрей Голицын бил челом государю на князь Бориса Черкасково да на князя Тимофея Трубецково о местех, потому как послали на украину той же весны воевод [...] Тово же году июня в 10 день приехали к государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии с поля многие проезжие станицы, а сказали государю, что идет на его государеву украину крымской царь [...] Тово же году июня в день писали к государю с Ливен воеводы [...], что выехали к ним на Ливны на государево имя ис полков крымсково царя крымской татарин; а в роспросе тот татарин сказал, что идет на государевы украины крымской царь Каза Гирей [...] Другой розряд послан на украину на Тулу; и тогды были воеводы по полком.

7100 (1591/92) г. – Тово же году ноября в 14 день [...] в речи Абреим Азей говорил государю, что крымской царь Коза Гирей приходил на государеву украину и к Москве неволею, а велел ему

идти на государеву украину турской царь [...] Тово же году майя в 13 день приходили на государевы украины: на Михайловские места, и на Коширские, и на Дедиловские, и на Веневские, и на Резанские места крымские царевичи [...] А украинским воеводам всем во всех украинских городех государь велел стоять по своим местом по прежней росписи и в сход им быть по прежней росписи по полком; а как будет приход воинских людей на государевы украины [...] Тово же году июля в 22 день писал государь на украину в большой полк в Адуев.

7101 (1592/93) г. – А во сто первом году сентября в 24 день писал государь [...] на украину в большой полк [...] А как придут воинские крымские люди на государеву украину, и быти в тех полкех в сходех по росписи украинным воеводам [...] А в приговоре и в скаске, как тех воевод послали на берег, а будут вести про крымсково царя или про царевичев, что идут на государеву украину; и быть на берегу по полком большим бояром и воеводам [...] И про крымсково царя приход и про царевичев вестей не было [...], что им быти на государевы украины; и большие бояре и воеводы на берегу по полком не были [...] Тово же году июня в 16 день писал государь [...] на Тулу [...] как придет царь, или царевичи, или воинские люди на государеву украину, [...] и будет не случитца бой с тотары на государеве украине, [...] и воеводам ходить [...] на тотары до Новосили и дале.

7102 (1593/94) г. – [...] государь велел быти на берегу по полком, как прямые вести будут про приход на государевы украины крымсково царя, или царевичев, или больших воинских людей. [...] А как придут на государевы украины крымские воинские люди, и под теми воинскими людьми быть воеводам по государевероспиши по полком [...] И писал к государю из Шацково воевода [...], что стоят-де те воинские нагайские люди [...], а пришло де к ним прибыльных людей: крымской царевич [...], а с ними воинских [...]; а приходити-де им на Шацкие и на Резанские места. И государь послал по тем вестям с Москвы воевод своих по городом на Рязанские и на Шацкие украины. [...] А велел государь [...] беречь тово

и проведывать, где будет на которые государевы украины те воинские люди крымские и нагайские придут [...] А писано от государя в той грамоте [...], что воинские люди придут на государевы украины [...] Тово же лета июля в 1 день послал государь засек делать на украину [...] А оне, бояре, сыскивали в Разряде, что во 102-м году [...] были на службе на украине.

7103 (1594/95) г. – [...] А однолично б нам головы служили на поле, над тотары и над черкасы промышляли и языков добывали, а того б берегли накрепко, чтоб наши украины крымской царь и царевичи и большие и малые воинские люди безвесно не пришли и нашим бы украинам в том порухи не было. [...] А хотя и малые люди придут или прокрадутца на наши украины [...] А будет пойдут на наши украины большие люди [...], а вы бы тово языка к нам прислали, чтоб про тех про больших людей на украине весть была ранее задолго их приходу [...], чтоб на Туле и по всем украинам и на берегу бояром нашим и воеводам вести всякие ведомы были [...] А как придут на государевы украины крымские воинские люди, и быти государевым воеводам в сходе под воинскими людьми по полком.

7104 (1595/96) г. – [...] сентября в 17 день велел государь [...] на украине быти на осень воеводам своим для приходу крымских людей по полком [...] А как придут крымские воинские люди на государеву украину, и тогды воеводы были в сходе по полком.

7105 (1596/97) г. – Тово же году сентября в 19 день велел государь быть в осень после больших воевод на украине воеводам [...] Тово же году посланы дворяне на украину для того, что казаки на Волге громили нагай, и они то по украинным городом сыскивали.

7106 (1597/98) г. – [...] и в роспросе им тот язык сказал, что [...] идет крымский царь на государевы украины [...] и тот им тотарин в роспросе сказал, что турский царь крымскому царю Казы Гирею велел итти на государевы украины, и царь де крымской по повеленью турсково царя идет на государевы украины [...] по тем вестям [...], что крымской царь Каза Гирей идет на государевы украины. [...] А сказали те полоненики, что крымской царь [...] идет на госу-

даревы украины. [...] А на украине велел государь быть после своево приходу воеводам своим и головам.

7108 (1599/1600) г. – А в осень с покрова Пресвятые Богородицы велел государь быть на украине воеводам своим.

7109 (1600/01) г. Тово лета сентября в 12 день были на украине в городех воеводы [...] Тово же году октября в день велел государь на осень быть на украине воеводам.

7110 (1601/02) г. – Тово же году апреля в 5 день велел государь быти воеводам на украине по полком.

7111 (1602/03) г. – Тово же году марта в 10 день велел государь быти воеводам на украине по полком [...] Тово же году июля в 21 день послал государь смотреть на украину ратных людей во Мценеск и в Новосиль, и на Орел.

7112 (1603/04) г. – Тово же году апреля в 1 день велел государь быти воеводам на украине по полком для крымских людей приходу.

7113 (1604/05) г. – Тово же году на украине были воеводы по полком»[1].

Как видно из приведенных выше данных, неотъемлемой частью жизни южнорусского фронтира стали не только татарские нападения, не только информация о готовящихся походах татар, но и ежегодное размещение русских войск на территории фронтира в качестве превентивной меры. Именно в эти годы возникает Украинный разряд – группировка русских войск, которая ежегодно формировалась для прикрытия центральных уездов России от возможного вторжения крымских татар.

Чтобы попытаться определить географический «состав» южного фронтира в последней трети XVI в., обратимся к так называемой «Сторожевой книге» (далее – СК) – источнику, опубликованному более ста двадцати лет назад в 1-м томе «Актов Московского государства»; источнику, к которому исследователи обращались

[1] Разрядная книга 1475-1605 гг. – М., 1977. – Т. 1. Ч. 2. С. 396; Т. 1. Ч. 3. С. 411-412, 454, 455, 501, 513-514; Т. 2. Ч. 1. С. 13, 33, 38, 45, 60, 108, 198, 204; Т. 2. Ч. 2. С. 231, 234, 238, 247-249, 252, 263-264, 310, 356, 357; Т. 3. Ч. 1. С. 122-124, 156; Т. 3. Ч. 2. С. 39-40, 69-70, 72-73, 84, 85, 110, 111, 122, 162, 194, 198-199, 203, 205, 235; Т. 3. Ч. 3. С. 22, 36, 39, 42, 44, 46, 56-57, 63-64, 72-73, 76-79, 89-93, 95, 99, 101, 113, 147; Т. 4. Ч. 1. С. 22, 24, 41, 48, 79, 109, 130; Т. 4. Ч. 2. С. 55, 60, 67, 98.

не раз, но до сих пор далеко не вся содержащаяся в нем информация освоена. Сразу следует оговорить и одну из особенностей этой публикации: заголовки документов, данные публикаторами, зачастую неточны, а иногда и неверны.

В самом первом документе СК, в котором говорится о возложении 1 января 1571 г. Иваном Грозном на кн. М. И. Воротынского обязанности «ведати станицы и сторожи и всякие свои государевы полские службы», перечисляются первые действия Воротынского на новом посту, среди которых встречалось распоряжение руководителям Разряда «доискатись станичных прежних списков». Из последующего текста СК видно, как руководство Разряда и М.И. Воротынский (а шире – московское правительство) представляли себе район, который можно считать южным фронтиром России, к началу 1571 г.

Как известно, в Москву были вызваны непосредственные участники сторожевой службы, включая, так сказать, ветеранов: «А в городы в Путивль, и на Тулу, и на Рязань, и в Мещеру и в иные в украинные городы, и в Северу по детей по боярских, по писменных по станичных голов и по их товарищев, по станичников и по станичных вожей, и по сторожей, которые ездят из Путивля, и с Тулы, и с Рязани, и из Мещеры, и из иных украинных городов, и из Северы в станицах на поле к розным урочищам, и которые преж сего езживали лет за десять или за пятнадцать, а велел им всем быти к Москве... А которые станичные головы и станичники, и сторожи из украинных городов посылают их воеводы в станицах на Поле от полков, и по тех велел послати грамоты к наместникам и к осадным головам, чтоб они, сыскав тех станичных голов и станичников, и вожей и сторожей, прислали к Москве... Да и того осадным и станичным головам и станичником, и месячным сторожем велел сыскивати: которые будет дети боярские в станицы и на сторожи и не ездят за старость и за увечья, или за которое иное дело, а наперед того в станицах и на сторожи езживали, или будет которые дети боярские, станичные головы, и станичники и сторо-

жи и в полону были, а ныне из полону вышли, и тех всех, сыскав, велел прислати к Москве...[1]

Судя по этому тексту, в Москве полагали, что до января 1571 г. сторожевая служба на юге страны существовала, как минимум, на протяжении 15-ти лет[2] и в ней были задействованы служилые люди следующих уездов и регионов: Путивльского, Рязанского, Тульского, Мещеры и «Северы» (которую исследователи обычно именуют Северщиной). Остальная территория указана неопределенно – «иные украинные городы».

С определением точного состава этих городов есть некоторые трудности. Точная дата составления СК пока не установлена. Самый последний документ, помещенный в нее, относится к 9 апреля 1595 года. Следовательно, она могла быть создана, скорее всего, не ранее этой даты. Кроме того, надо иметь в виду, что в ходе работы переписчики сокращали тексты документов, пересказывали лишь основные положения тех или иных распоряжений, добавляя что-то при этом и от себя.

Процитированный выше документ не является оригиналом; оригинал послужил лишь основой для внесения записи в СК и, следовательно, скорее всего, редактировался при составлении записи. Теоретически вполне возможно, что в оригинальном документе был полный перечень городов, из которых надлежало вызвать служилых людей, задействованных в сторожевой службе, но составители книги этот перечень заменили оборотом «иные украинные городы». Однако, в этом случае, понимание того, что такое «украинные городы», в 90-е годы XVI в. могло отличаться от понимания этого термина в начале 70-х гг. Тем не менее, полагаю возможным считать, что в данном случае мы имеем дело с «украинными городами» именно начала 1570-х гг.

[1]Акты Московского государства. Т. 1. – СПб., 1890. – С. 1.

[2] По мнению В.П. Загоровского, свое начало сторожевая служба на Поле берет свое начало за 30 лет до назначения Воротынского, с 1541 г., когда по распоряжению из Москвы из Путивля была направлена станица Гаврилы Толмача «на поле поперег дороге». (Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. – Воронеж, 1991. С. 81.)

Для того чтобы уяснить, какие именно города Разряд включал в эту категорию, следует обратиться к синхронным записям разрядных книг. Обобщение записей Разрядной книги 1475-1605 гг. за 1569, 1569/70 и 1571 гг. показывает, что к «украинным городам» Разряд на рубеже 60-х – 70-х гг. XVI в. относил 22 города: Болхов, Брянск, Данков, Дедилов, Карачев, Крапивну, Мценск, Новгородок-Северский, Новосиль, Орел, Плову и Солову, Почеп, Путивль, Рославль, Рыльск, Ряжск, Рязань, Стародуб, Тулу, Чернигов и Шацк[1].

Однако остается неясным, все ли эти города принимали участи в сторожевой службе на юге до 1571 г. С абсолютной уверенностью можно утверждать лишь о нескольких городах. Данные об этом содержатся в последующих записях СК; в ряде списков сторо́ж по городам есть указания на упраздненные сторо́жи, которые существовали до 1571 г., но в ходе реорганизации сторожевой службы ликвидировались, переносились на другое место или на них заменялся состав сторожей. Так, боярским приговором от 18 февраля 1571 г. предписывалось: «...которые были рязанские месячные сто́рожи ездили на Сосенские и Кадомские сторожи, и тем рязанским месячным сто́рожем вперед на сторо́жи не ездити, а ездити на те сторо́жи казаком из всех украинных городов по росписи, из которых городов к которым местом ближе и податнее, опричь донковских казаков... А сто́рожем рязанским служити рядовая служба...»[2]

Упоминаются рязанские станицы (вместе с тульскими станицами) и в записи о прекращении компенсирования служебных проторей убытков: «А которые станицы ездили с Рязани и с Тулы, тем, приговорили бояре, проезжаго не давати и изрону не платити, для того что они приезжали к государю с ложными вестми»[3].

В росписи донецких сторож, комплектовавшихся за счет путивлян и рылян, под № 7 названа Айдарская сторо́жа, «и та сторожа по княж Михайлову дозору Тюфякина да диака Ржевского в 79

[1] Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 2, ч. 2. – М., 1982. – С. 247, 252-254, 258-259, 275-276.

[2] Акты Московского государства. Т. 1. – Спб., 1890. – С. 5.

[3] Там же. С. 7.

году отставлена, потому что на тое сторожу ни большие, ни малые воинские люди не ходят, пришли крепости великие».

Таким образом, Путивль и Рыльск были задействованы в сторожевой службе и до 1571 г. То же касается и Мценска, чья «3-я сторожа была на Неручи усть Озерене от Мценска сорок верст, и та сторожа отставлена»[1].

В ходе реорганизации были перенесены или ликвидированы несколько сторо́ж, которые выставляли Орел и Карачев, а также была ликвидирован одна из сторо́ж Ряжска: «... ниже Торбеева до Ромня городища сторожем стояти не надобет, потому пришли леса большие, озера и болота»[2].

Таким образом, записи в СК напрямую говорят об участии в сторожевой службе до 1571 г. лишь Карачева, Орла, Путивля, Рыльска, Ряжска, Рязани и Тулы. Однако в качестве рабочей гипотезы, на наш взгляд, можно считать, что все «украинные города» рубежа 60-х – 70-х гг. XVI в. принимали участие в комплектовании сторож и станиц. Следовательно, соответствующие уезды и территории и составляли южный фронтир России до реорганизации сторожевой службы в 1571 г.

Целая цепь решений, принятых зимой-весной 1571 г. изменила состав уездов и территорий, участвовавших в сторожевой службе на юге. Если обобщить данные различных росписей СК этого периода, то список участников сторожевой службы юга России будет следующим: Алатырь, Данков, Дедилов, Епифань, Кадом, Казань, Карачев, Крапивна, Михайлов, Мценск, Новгородок-Северский, Новосиль, Орел, Почеп, Пронск, Путивль, Рыльск, Ряжск, Свияжск, Темников, Шацк[3]. Итого: 21 город.

Если сравнить этот перечень с приведенным выше перечнем украинных городов, то обнаружатся значительные несовпадения: 8 городов, которые не упоминаются среди украинных городов в разрядной книге, есть в перечне, составленном мной по СК (Алатырь, Епифань, Кадом, Казань, Михайлов, Пронск, Свияжск, Темников), а 9 городов, названных в разрядной книге в числе украинных, не упоминаются в записях СК зимы-весны 1571 г. (Болхов, Брянск, Плова и Солова, Рославль, Рязань, Стародуб, Тула, Чернигов).

[1] Там же. С. 10.

[2] Там же. С. 11, 12.

[3] Там же. С. 2-17.

Что касается городов, которые не названы в разрядной книге в 1569-1571 гг., то для части из них это связано, скорее всего, с тем, что в эти годы туда не производились назначения, фиксировавшиеся в разрядах (Епифань, Михайлов и Пронск). Алатырь, Кадом и Темников относились не к украинным городам, а к «Мещере», и запись в СК о вызове сторожей и станичников из Мещеры, скорее всего, подразумевала именно эти города.

Что же касается Казани и Свияжска, то в СК они значатся как участники сторожевой службы на юге лишь в записях начала 1571 г. о так называемых «стоялых головах на Поле». Первый из четырех таких постов учреждался «на Волге под Караманским лесом»: «... и от тое головы ездити на гору по Волге до Тетюшскаго города, а проезду днища с четыре, а на подол к Волге до верх Болыклея, а проезду днища с три или меньши». Среди 135-ти человек, находившихся в распоряжение головы, должны были быть «из Казани да из Свияжскаго десять человек детей боярских, тридцать человек татар и чуваш... А голов выбирати под Караманский лес воеводам из казанских и из свияжских жильцов детей боярских добрых»[1].

Иными словами, в самом начале реорганизации сторожевой службы в состав южного фронтира был включен небольшой волжский участок, а служилые люди двух поволжских уездов должны были входить в общую систему сторожевой службе на юге. Однако в дальнейшем от этой идеи, по-видимому, отказались, – записи СК после 1571 г. уже не упоминают об этом.

Говоря о СК, следует иметь в виду, что, скорее всего, далеко не все документы, касающиеся сторожевой службы, вошли в нее. По-видимому, именно этим можно объяснить отсутствие в записях 1571 г. Болхова, Брянска, Пловы и Соловы, Рязани, Стародуба и Тулы. Судя по записям последующих годов, все они (по нашему предположению, как и до 1571 г.) были участниками сторожевой

[1] Там же. С. 6-7.

службы. Только Рославль и Чернигов, которые в разрядной книге значатся среди украинных городов, не упоминаются ни в одном документе СК. Были ли они исключены из системы сторожевой службы на юге в ходе ее реорганизации или же и до 1571 г. эти города не посылали на юг сторож и станиц, пока сказать трудно.

Без учета Казани и Свияжска, Рославля и Чернигова, перечень из 26-ти городов, чьи уезды и округи образовывали южный фронтир на рубеже 60-х – 70-х гг. XVI в. будет выглядеть следующим образом: Алатырь, Болхов, Брянск, Данков, Дедилов, Епифань, Кадом, Карачев, Крапивна, Михайлов, Мценск, Новгородок-Северский, Новосиль, Орел, Плова и Солова, Почеп, Пронск, Путивль, Рыльск, Ряжск, Рязань, Стародуб, Темников, Тула, Шацк.

На протяжении последующих полутора десятилетий принципиальных изменений на юге страны, по-видимому, не происходило. Ситуация изменилась в 1585/86 г.: основание в 1585/86 г. Воронежа и Ливен – первых двух городов на территории Поля – открывает новую страницу в истории южного фронтира России. Появление все большего числа «польских» городов, означавшее продвижение территории государства дальше на юг, меняло и конфигурацию фронтира, и состав уездов и территорий, входивших в него. Однако еще достаточно долго участие тех или иных городов в сторожевой службе на южном направлении будет одним из главных факторов, определяющих их принадлежность к региону южного фронтира.

1.3. Мордва на фронтире

Мордва на пограничных территориях

При продвижении границ Московского государства на юг и юго-восток неизбежным было столкновение с инородцами – коренным нерусским населением тех территорий, к которым для периода XVI-XVII вв. в настоящих очерках применяется определение «фронтир». Без учета этнического фактора невозможно понять всю специфику этих регионов в обозначенное время. Одной из таких ино-этнических групп на окраинах государства была мордва.

Согласно археологическим данным, к концу VII – первой половине VIII века н. э. мордовские племена расселились в Мокшанско-Сурском междуречье, на территории от Верхнего Посурья и Верхнего Примокшанья на юге до реки Волги в пространстве между устьем реки Оки и устьем реки Суры[1]. По мнению В.И. Вихляева, на этом этапе происходило формирование бинарной структуры этноса – выделение древнеэрзянского компонента на севере и древнемокшанского на юге[2]. Однако на этот счет существует и иная точка зрения. В.В. Ставицкий относит образование мордовских субэтносов ко времени не ранее XI в., считая, что главной причиной этой дифференциации является складывание политических образований у мордвы в указанный период[3].

В VIII в. часть мордвы-мокши из Верхнего Посурья уходит на северо-запад в Цнинско-Мокшанское междуречье, и с VIII по XI вв. территория расселения мордвы охватывала уже два крупных региона – Цнинско-Мокшанское и Окско-Сурское междуречья[4]. В XI-XIII вв. границы расселения мордвы изменялись: основным районом проживания мордвы-мокши стало Вадско-Мокшанское междуречье, а мордва-эрзя сосредоточилась в основном в бассейне р. Тёши[5].

Исследователи Ю.А. Зеленеев и О.В. Зеленцова отмечают в этот период постепенное продвижение русского населения на восток, в Поценье и Поочье[6], где оно непосредственно соприкасается

[1] *Вихляев В.И.* Расселение мордвы в III – начале XIII вв. // Поволжская археология. № 2 (4), 2013. С. 163

[2] Там же.

[3] *Ставицкий В.В.* Эрзя и мокша по данным археологии. // Центр и периферия. № 1, 2016. С. 10.

[4] *Вихляев В.И.* Расселение мордвы в III – начале XIII вв. // Поволжская археология. № 2 (4), 2013. С. 166.

[5] Там же. С. 168.

[6] *Зеленеев Ю.А., Зеленцова О.В.* Средневековая мордва по археологическим данным. // Поволжская археология. № 1, 2012. С. 40.

с мордовским этносом. К XIII в. в Поценье, по левому берегу реки Цны и в низовьях Мокши, появляются укреплённые пограничные городки; фиксируются единичные русские поселения и на правом берегу Цны[1]. Однако полного вытеснения мордвы не происходит. Мордовские археологические памятники XI-XIII вв. отмечаются к востоку от правых притоков Цны.[2]

После покорения мордвы монголами ряд поселений и могильников мордвы в междуречье Мокши и Теши прекращают функционировать, однако основная территория расселения мордвы остается та же, что и в домонгольский период.[3] Кроме того, исследователи отмечают, что в XIII-XV вв. происходит освоение мордвой новых земель к востоку и югу от основного ее расселения. Мордовские могильники и поселения отмечены в районе Самарской Луки, на левобережье Самарского течения Волги; часть мордвы расселяется в лесостепной зоне, до золотоордынского города Укек, в районе современного Саратова.[4] К XIV в. мордва расселяется в бассейне Алатыря[5], продвигается в нижнее Поценье[6]. Таким образом, сформировалась обширная этническая территория, занимающее лесные пространства Цнинско-Окско-Сурского междуречья, с дисперсным расселением общинных этнических групп.

Нахождение мордовских земель в составе Орды, вероятно, было тем фактором, который на определенное время ограничил русскую крестьянскую колонизацию на эти территории. В то же время он же способствовал появлению татарского компонента в мордовской среде.

Со второй половины XIV в., русские поселения появились на реке Суре: крепость Курмыш, Сара Великая, Кишь; колонисты в это время двинулись и по направлению к берегам рек Теша и Пьяна[1]. От Сары и Киши были организованы сторожи, цепочка которых тянулась вдоль левого берега р. Пьяны на участке между современным с. Лопатиным и г. Пильной[2].

После включения Нижегородско-Суздальского княжества в состав Московского в 1392 г., к Москве уже отходят земли по реке Пьяне и прилегающие к Теше.

В этот же период, с конца XIV века, Нижнее Поценье переходит из-под власти Орды к Рязанскому княжеству, что нашло отражение в договорных грамотах рязанских и московских князей[3]. А с 1503 г., после передачи своего удела рязанским князем Федором Васильевичем Ивану III, часть сел в нижнем течении Цны становятся владением московского князя.

Присоединение Казани в 1552 г. усилило колонизационные процессы на территориях, заселенных мордвой. Началась активная раздача поместий в Волго-Окско-Сурском регионе[4]. К 1552 г. были присоединены бассейн реки Алатырь, междуречье Теши и Мокши[5]. Чуть позже здесь начинается строительство засечной черты по линии Темников-Алатырь-Тетюши.

Строительство Шацка в 1553 г., который стал основным звеном в Шацкой засеке, растянувшейся от с. Конобеево на реке Цне до с. Тимошкино на реке Паре, как бы зафиксировало и огородило уже освоенные русским населением территории. К 1598 г. следует отнести образование в низовьях Цны дворцовой волости с центром в селе Конобеево.

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 41-42.

[4] Там же. С. 42.

[5] Там же.

[6] *Андреев С.И.* Бокинский могильник средневековой мордвы. // Российская археология. №2, 2020. С. 163.

[1] *Кудряшова А.С.* Из истории колонизации Нижегородского края в X-XVI вв. // Культура и образование. № 9, 2014. – [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik-rzi.ru/2014/09/2387 (дата обращения: 05.06.2021).

[2] *Кудряшова А.С.* Колонизационные процессы в Нижегородском правобережье в середине – второй половине XIV века. // Новый университет. Серия: «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук». № 6-7 (27-28), 2013. С. 57-61.

[3] *Напольникова П.К.* Владельцы Поценья эпохи Средневековья. // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». Т. 20. Вып. 10. – Тамбов, 2015. С. 80

[4] *Кудряшова А.С.* Из истории колонизации Нижегородского края в X-XVI вв. // Культура и образование. № 9, 2014. – [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik-rzi.ru/2014/09/2387 (дата обращения: 05.06.2021).

[5] *Зеленеев Ю.А., Зеленцова О.В.* Средневековая мордва по археологическим данным. // Поволжская археология. № 1, 2012. С. 44

Таким образом, к началу XVII столетия вся этническая территория расселения мордвы оказалась включенной в Московское царство и входила в состав Шацкого, Темниковского, Кадомского, Арзамасского, Алатырского, Нижегородского уездов. Пограничные земли этих уездов являлись на тот момент, по сути, внутренним фронтиром, то есть сложившейся контактной зоной, где постоянные русские поселения перемежаются с местами проживания автохтонного населения, в данном случае – мордвы, а вся территория уже входит в административное и правовое поле государства[1].

Анализируя процессы, происходящие в этих регионах, хотелось бы рассмотреть несколько аспектов: особенности управления, специфику землевладения и хозяйственной деятельности в контактной зоне и взаимоотношения русского и мордовского населения, проживающих совместно.

Система управления мордовскими территориями

Отличительной чертой уездов, где проживала мордва, можно назвать введение специфической системы управления. Помимо местной администрации, во главе с городовым воеводой, существовала практика назначать в уезды или волости для управления мордовским населением специальных должностных лиц – бортничьих и мордовских дел воевод, мордовских голов, в чью компетенцию входили не только чисто фискальные, но и административные, судебные и другие «мордовские дела». До введения воеводского управления для управления мордвой дворцовых сел и деревень существовали должности мордовских приказчиков. Так, в грамоте 1583 г. читаем: «От царя и великого князя, Ивана Васи-

[1] *Шиловский М.В.* Фронтир и переселения (сибирский опыт). // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII-XX вв.: общее и особенное: сборник статей. Вып. 3. – Новосибирск, 2003. С. 101; Хромых А.С. К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронтир» в изучении истории Сибири. // Исторические исследования Сибири. Проблемы и перспективы. Сборник материалов III научной конференции. – Новосибирск, 2009. С. 113.

льевича, всеа Русии, в Шатцкой, к мордовскому прикащику Юрью Дурову...»[1]

А.А. Гераклитов в статье «О мордовских должностных лицах», на основании более ранних документов (грамоты 1491 г. на пожалование в кормление кирдановской мордвы) говорит о существовании особых должностных лиц на территории мордвы в уже с конца XV в.[2]

Таким образом, первоначально в административном отношении, уезды или волости на территории расселения мордвы имели двойное управление. Например, как отмечает Ю.Н. Сушкова, в Арзамасском уезде в XVII в. существовала уездная администрация с воеводским управлением для русского населения (всех категорий), подчинённая Поместному приказу, и уездная администрация для бортников и мордвы, под управлением бортничьих и мордовских дел воеводы, с особой Приказной избой, подчинённая Новгородской чети[3].

Кроме мордовских дел воевод по Арзамасскому уезду назначались мордовские головы. А.А. Гераклитов предполагал, что различие в титулатуре могло указывать на разный объем функций, либо являлось следствием неустановившейся терминологии, – и воевода, и голова являлись в данном случае синонимами[4]. Мордовские головы существовали в Кадомском, Алатырском, Саранском уездах[5].

Из документов, приводимых Н.Ю. Персидской, следует, что мордовский голова в Арзамасском уезде осуществлял судебную функцию по мордовским делам, контролировал сбор налогов и учет населения[6]. Это согласуется с данными А.А. Гераклитова о деятельности кадомского мордовского головы: контроль сбора с мордвы

[1] Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Вып. XIII. – Тамбов, 1887. С. 17.

[2] *Гераклитов А.А.* Избранное: в 2 частях. Ч. 1. – Саранск, 2011. С. 76.

[3] *Сушкова Ю.Н.* Специфика государственно-правового управления мордвой (XVI-XVII вв.). // Вестник Московского университета. Сер. 11. №1. 2017. С. 57-58.

[4] *Гераклитов А.А.* Избранное: в 2 частях. Ч. 1. – Саранск, 2011. С. 78.

[5] Там же.

[6] *Персидская Н.Ю.* Мордовский голова в системе органов местного управления XVII века. // Вестник мордовского университета. 2014. Вып. 3. С. 89.

казенных податей, хранение поступлений до передачи их в центр, организация ведения приходных и расходных книг, писцовых книг[1].

По Шацкому уезду в писцовых документах не встречается прямых указаний на мордовского голову или мордовского воеводу. Но сравнение писцовых материалов позволяет выявить существование особых должностей по мордовским делам и здесь. Так, за 1622 г. сохранилось два описания Верхоценской волости Шацкого уезда. Это Писцовая бортная книга Федора Чеботова[2] и Книга ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости воеводы Матвея Федоровича Стрешнева[3]. Верхоценская волость, принадлежавшая на момент описания матери царя Михаила Федоровича – Ксении Ивановне Романовой (в иночестве – Марфы), включала в себя практически всю территорию расселения мордвы в Шацком уезде.

В Книгу Чеботова были включены те же мордовские деревни, которые описываются в Книге ясачных сборов. Но поименный перечень мордвы и бортников по одной и той же деревне отличается в двух источниках.

Появление параллельных описаний, возможно, было обусловлено как особым статусом Верхоценской волости, как дворцовой, в составе Шацкого уезда, так и существованием двух администраций – уездной и волостной. Дворцовая волость являлась самостоятельной административной единицей, имеющей собственное управление в лице приказчика, который формально соблюдал субординацию с уездом, но имел собственную компетенцию на вверенной территории. В Верхоценской волости, таким приказчиком в период не позже 1622 и по 1631 годы был Федор Чеботов. Как минимум, на протяжении девяти лет он занимался управлением Верхоценской волостью, проводил описания сел и деревень, регулировал решение спорных ситуаций в мордовских деревнях и вёл учёт собираемых налогов. В Книге ясачных сборов Федор Чеботов также постоянно фигурирует как лицо, к которому обращаются

[1] *Гераклитов А.А.* Избранное: в 2 частях. Ч. 1. – Саранск, 2011. С. 79-80.

[2] Архив СПБИРАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291.

[3] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1.

бортники и мордва за разрешением споров по владению лесными угодьями: «130 года, генваря, воеводе бил челом, Государыне великой старице иноке Марфе Ивановне, Верхаценские волости Деревни Мутасева мардвин Худячко Серкин... А Федору Чеботову подал челобитною... И ... перед Федором Чоботовым мордвин Худячко Серкин, став, сказал, что он в том в долгиннам деле с мордвинам с Беляйкой Лемясевым по купчей записи помирился»[1]. Ф. Чеботов не назван мордовским приказчиком, но, исходя из функций, таковым являлся.

С другой стороны, Матвей Стрешнев (отец боярина и воспитателя Петра I – Родиона Матвеевича Стрешнева), будучи в 1622 году воеводой, в исполнение своих функций также организовал проведение описания мордовских деревень Верхоценской волости. Однако городовым воеводой Шацка в указанный период был другой человек – Степан Караулов[2]. По всей видимости, Матвей Стрешнев находился в должности «мордовского» воеводы Шацкого уезда, занимаясь сбором и учетом налогов с мордвы. Принимая во внимание, что в Книге ясачных сборов в перечне мордовских деревень есть и деревни, населенные русскими бортниками, можно говорить о том, что компетенция шацкого мордовского воеводы распространялась и на них. Для сравнения, мордовским воеводам и головам в Нижегородском, Арзамасском, Алатырском уездах были подчинены также русские бортники, в Кадомском – посопные крестьяне, также русские[3]. Скорее всего, определяющим фактором здесь была территория – население, которое проживало рядом или непосредственно в мордовских деревнях, относилось к ведению должностного лица по мордовским делам.

А.А. Гераклитов, исходя из данных Арзамасского уезда, пишет, что в служебном отношении мордовские воеводы приравнивались к городовым. Н.Ю. Персидская считает, что мордовские головы (и воеводы) стояли на служебной лестнице ниже городовых воевод,

[1] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Лл. 8-11.

[2] Материалы по истории Шацкого уезда. 17-й век. / Сост. Алябьев И.П. 2013. С. 4.

[3] *Сушкова Ю.Н.* Специфика государственно-правового управления мордвой (XVI-XVII вв.). // Вестник Московского университета. Сер. 11. №1. 2017. С. 57.

однако непосредственно воеводам они не подчинялись. Подтверждением этого является факт прямого сообщения между царем и мордовским головой без посредничества воеводы[1]. Для организации управления и выполнения возложенных обязанностей у мордовских голов в подчинении находился отдельный аппарат приказных людей, состоявший из подьячего и мордовских приставов[2].

По Шацкому уезду выводы о соотнесении служебного положения городового и мордовского воевод сделать нельзя, так как источников для полноценного сравнения их обязанностей и прав нет. Однако, судя по тому, что функции мордовских воевод в разных уездах были идентичны, пока можно предполагать, что и статус их был примерно одинаковый, независимо от уезда. Вероятно, основное различие двух воевод на мордовских территориях заключалось в осуществлении военной, оборонительной функции городовым воеводой в дополнение к административным, судебным и фискальным по всему уезду. Охрана территории, мобилизация в случае необходимости, организация строительства оборонительных сооружений – все это требовало на тот момент четко выстроенной вертикали управления. Разделение этих обязанностей между двумя воеводами по национальному признаку населения было невозможным. Поэтому, мордовский воевода был скорее необходим как администратор по текущим вопросам мордовского населения. Это должен был быть человек, понимающий специфику хозяйствования мордвы, особенности сбора налогов с учетом этой специфики.

Но как же разграничивались функции мордовского приказчика и мордовского воеводы в тех случаях, если по документам они занимались одними и теми же населенными пунктами, как в случае с Верхоценской волостью Шацкого уезда? Наиболее вероятно, что в одних и тех же мордовских деревнях часть населения управлялась администрацией Верхоценской волости и, соответственно,

[1] *Персидская Н.Ю.* Мордовский голова в системе органов местного управления в XVII в. // Вестник Мордовского университета. Серия: «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки». №3, 2014. С. 89.

[2] Там же.

находилась в ведении Приказа Большого Дворца (так как волость была дворцовой). Другая часть – в сфере учета и сбора налогов – подчинялась мордовскому воеводе и находилась в ведении Приказа Казанского Дворца. Причем разрешением гражданских споров в мордовских деревнях, независимо от подчиненности, занимался волостной приказчик. Такие разделения в ведомственном подчинении были характерны не только для Шацкого уезда. Так, мордва Нижегородского и Арзамасского уездов была в ведении Нижегородской чети, причем мордва Залесского стана Арзамасского уезда управлялась Приказом Большого Дворца; мордва Кадомского и Темниковского уездов и «понизовых» городов находилась в ведении Приказа Казанского дворца[1].

Эта разница в подчинении также является причиной появления специальных должностей на территории мордвы. У каждого приказа на управляемой территории был свой аппарат, велось свое делопроизводство. Поэтому появление мордовских воевод (голов) как представителей Приказа Казанского дворца, приказчиков волостей, подчиняющихся Приказу Большого Дворца, на территории одного уезда кажется логичным, учитывая сложившуюся систему управления.

И все это – выделение мордовских территорий в определенное подчинение, введение особых должностей – в целом отражает осознание властью специфики регионов с иноэтничным населением и попытку найти оптимальные инструменты для управления такими регионами.

Мордовские вотчины

Еще одной особенностью пограничных территорий, населенных мордвой, являлось сохранение вотчинных прав на промысловые участки, тогда как в отношении русских крестьян на этих же территориях о подобных правах на землю говорить нельзя.

В архивных материалах XVI – начала XVII века по Темниковскому, Кадомскому, Алатырскому, Арзамасскому, Шацкому уездам

[1] *Гераклитов А.А.* Избранное: в 2 частях. Ч. 1. – Саранск. 2011. С. 81.

упоминаются мордовские вотчины. Что они собой представляли? Отличались ли от русских вотчин в привычном для нас понимании?

В Писцовых книгах мордовские вотчины представлены как бортные ухожья, то есть как крупные промысловые, преимущественно лесные, участки. Давая характеристику вотчин по Кадомскому и Темниковскому уездам, исследователи М.М. Акчурин и А.В. Беляков отмечают следующее: вотчины передавались по наследству, их можно было делить, покупать и продавать; в вотчинах могло быть несколько совладельцев, они назывались «судеревщиками»; вотчинные угодья были значительно удалены от мест проживания владельцев. Государь представлял собой единственного верховного собственника всех этих вотчин, и, исходя из этого, передача вотчинных прав татарам и мордве воспринималось как «государево жалование», причем как для унаследованных, так и для вновь купленных вотчин[1].

Все эти характеристики справедливы в целом для мордовских вотчин начала XVII в., но с некоторыми особенностями. Так, по Алатырскому уезду А.А. Гераклитов отмечал, что в подавляющем большинстве случаев мордва-вотчинники ходили на свои ухожеи не по крепостям, т.е. не по купчим записям или жалованным грамотам, а по старине, т.е. в силу давности использования, не имея на них письменных документов[2].

В Шацком уезде в данный период времени, как уже отмечалось выше, все мордовские поселения были включены в Верхоценскую волость, которая сама являлась крупной дворцовой вотчиной. Это отразилось на статусе мордовских вотчин. Так, в Книге ясачных сборов с мордовских деревень под 1617 годом есть следующая запись: «Худячко Серкин сын Лопырев Шатского уезда Верхоценские волости деревни Мутасевы мордвин продал в Государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всея Русии вотчине ва своем бортнаи ухожью...»[3]

[1] *Акчурин М.М. Беляков А.В.* Вотчины как наследие ордынской государственности (на примере документов Мещерских уездов XVI-XVII веков). // Золотоордынское наследие. Материалы VI Международного Золотоордынского форума. – Казань. 2019. С. 56-68.

[2] *Гераклитов А.А.* Избранное: в 2 частях. Ч. 1. – Саранск, 2011. С. 131.

[3] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 16.

Но, если в писцовых материалах по Кадомскому, Темниковскому, Алатырскому уездах постоянно используется единая формулировка «вотчина бортный ухожей» в отношении конкретного владельца, то в документах по Верхоценской волости Шацкого уезда мы видим разделение этих понятий в связи с объединением многочисленных мордовских промысловых участков в крупную вотчину царского дома. В шацких писцовых книгах указывается «государева вотчина, свой бортный ухожей».

Бортные ухожеи записывались в вотчинные книги, где указывались границы промыслового участка, его владелец, количество выплачиваемых налогов и «знамена» – знаки, которыми маркировались бортные деревья в определенном бортном ухожье: «А по скаске исца мордвина Худячка Серкина все те ухожи и знамена Варалыевской и Палмокужской и Мутасевской и в Орзазове липеге, которые ухожи и знамена у Беляйка в купчей написаны, написат в Государнины вотчинные книги за ним, за Беляйком и за ево детми. А оброку с тех ухожев и знамен мордвин Беляйко з детми платит по купчей пуд без чети пуда меду, шесть алтын полторы денги, куничных денег пять алтын, пошлин с меду и куницы четыре денги»[1].

Судя по документам, мордва могла свободно распоряжаться своими промысловыми участками – продавать, передавать по наследству. Так, неоднократны упоминания о купчих: «И перед Федором Чоботовым продавцы, Исайко да Сидорка Похомовы, у книг скозали, что они Ромашку Кечатову и брату его, Вотапке, и их детем и племянником те ухожи и знамена продали и купчею им на те ухожи дали»[2].

Встречаются описание наследственных споров: «И в прошлом 129 году бил челом Государыне Великой старице иноке Марфе Ивановне о тех азарапинских бортных ухожех Азарапин племянник Исайко Пахомов. ... А Исайко Пахомов перед Федором Чоботовым, у книг сказал, что он с Киченапкою мирен, и дяди своего Азарапы бортные ухожи, Корельской и Вышинской, и Арзасовской, разделили пополам и записми укрепили»[3].

[1] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 11-об.

[2] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Лл. 22-об.-23.

[3] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Лл. 30-3-об.

Кроме того, ввиду активного развития бортного промысла в тот период, в оборот вводились новые промысловые участки, что, вероятно, сопровождалось прибавкой налоговых выплат: «Да в нынешнем во 130 году нижних же деревень бортники и мордва прибавили на свои бортные ухожи медвяного оброку внов пят пуд с третю пуда меду с ясачными и куничными денгами»[1].

Таким образом, мы видим, что в рассматриваемый период бортные ухожеи в Верхоценской волости Шацкого уезда, несмотря на то, что уже являлись вотчиной Московского царского дома, сохраняли все характерные черты, которые были присущи мордовским вотчинам других уездов. То есть эти бортные промысловые участки использовались жителями для получения прибыли, передавались по наследству членам семьи и могли быть проданы с составлением договора купли-продажи.

Казалось бы, утрата отдельными бортными ухожеями вотчинного статуса должна была отразиться на системе сборов, выплачиваемых мордвой за пользование лесными участками. В Верхоценской волости мордва платила натуральный оброк медом (который мог заменяться денежными выплатами), ясак, куничные деньги, пошлины с меда и куничные пошлины. Минимальное количество оброка, взимавшегося с одного бортника, – четверть пуда меда, то есть всего лишь чуть больше 4 килограммов. Максимальное количество, зафиксированное в документах только один раз, составляло «сем пуд без трети пуда меду»[2], то есть около 110 килограммов. Основная масса бортников платили в среднем пол пуда – пуд меда (8-16 килограммов), реже – около двух пудов[3]. Ясачные выплаты зависели от оброка. С оброка, не превышающего два пуда меда, сумма ясака с одного пуда меда выплачивалась в размере 8 алтын 2 деньги[4]. При количестве оброка два пуда и более ясак с пуда составлял 6 алтын 4 деньги[5], то есть на 10 денег меньше. Куничные

[1] Архив СПБИИРАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 85.

[2] Там же. Л. 5-об.

[3] *Напольникова П.К.* Цнинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века: дис. … канд. ист. наук. – Тамбов, 2017. С. 136-137.

[4] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3.

[5] Архив СПБИИРАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 5-об.

деньги рассчитывались исходя из определенных окладных единиц – куниц. С пуда взималось полкуницы, что составляло 6 алтын 4 деньги[1]. Пошлины с меда зависели от количества оброчного меда и составляли 5 денег с пуда[2], а куничные пошлины определялись «с полкуницы – полденги»[3].

Если сравним эту раскладку с налоговыми выплатами кадомской мордвы со своих вотчин бортных ухожьев, то увидим следующее. Так, мордва деревни Мелсетева с девяти дворов выплачивала оброк в размере четыре пуда меда с четвертью. Ясак с этого количества составлял рубль, то есть с одного пуда уплачивались примерно около 8 алтын. Куничные деньги составляли двадцать шесть алтын четыре деньги с двух куниц (6 алтын 4 денги с пуда). Пошлины с меда выплачивались по пять денег с пуда, а пошлины с куницы составляли одну денгу с одной куницы[4]. Эти данные практически совпадают с вышеприведенными выплатами мордвы Верхоценской волости, – мы не наблюдаем отличий не в структуре выплат, ни в их размере. Таким образом, можно говорить, что мордва, перестав быть вотчинниками бортных ухожеев после включения их в состав Верхоценской волости, в первой трети XVII века еще сохраняла прежние права в отношении своих промысловых территорий.

Кроме того, употребление слова «свой» в отношении бортных ухожеев, часто встречаемое в писцовых документах, показывает восприятие средневековой мордвой этой территории, как неотъемлемой части своего мира, того, что дает возможность существовать.

О том, что до образования Верхоценской волости мордва считалась вотчинниками бортных угодий, говорит факт наличия вотчинных записей прошлых лет: «Деревни Чоркино... Петрушка Поланин с братею да Смирка Неверов... положили вотчинною куп-

[1] *Напольникова П.К.* Цнинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века: дис. … канд. ист. наук. – Тамбов, 2017. С. 144.

[2] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3.

[3] Там же.

[4] *Акчурин М.М. Беляков А.В.* Вотчины как наследие ордынской государственности (на примере документов Мещерских уездов XVI-XVII веков). // Золотоордынское наследие. Материалы VI Международного Золотоордынского форума. – Казань, 2019. С. 158.

чую запись на Ломоиский ухожей, что купили отцы их Поланко с братею у ценских татар у Енговатка да у Кудашка Кудяковых детей 94 году»[1].

Первое упоминание о мордовских вотчинах на Цне датируется 1496 годом в докончании великого князя рязанского Ивана Васильевича с князем Федром Васильевичем: «А что моя мордва деленая с водчинами во Цне... и мордва деленая со всеми доходы моя и есть, по старине»[2]. Хотя, вероятно, мы можем предполагать возникновение мордовских вотчин и в более ранний период.

Как верно отмечала Л.В. Данилова, «появление понятия «вотчина» в смысле имущества, полученного от отца, и соответственно наследственного права на это имущество – результат серьезных сдвигов в общественных отношениях, итог длительного процесса вычленения из недр общины семьи (большой или малой, в зависимости от конкретных условий) не только в качестве хозяйственной, но и социальной ячейки»[3]. И хотя этот термин изначально возник в славянском языке, перенесен он был в мордовскую среду на схожий институт, на считаемую «своей» территорию, полученную и передаваемую по наследству.

Здесь хотелось бы провести параллели между мордовской вотчиной и вотчинами черносошных крестьян. Средневековый крестьянин относился к своему земельному владению как к источнику существования, принадлежащему ему по праву рождения, из-за принадлежности к земледельческому сословию и к конкретной социальной общности – волости, деревне, селу, роду, семье[4]; так же и мордовский бортник воспринимал свои лесные территории. И как, наряду с наследственным правом у крестьян, действовало трудовое право, требовавшее приложение усилий по обработке наследуемого владения (по формуле: «Куда топор, куда соха, куда

[1] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 148.

[2] *Цепков А.И.* Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV-XVII веков. Т. 1. – Рязань, 2005. С. 254.

[3] *Данилова Л.В.* Понятие земельной вотчины в средневековой Руси. // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей к 60-летию профессора И.Я. Фроянова. – СПб.: «Изд-во СПбГУ», 1996. С. 258.

[4] Там же. С. 265.

коса ходили»), так и у мордвы право владения бортным ухожеем сохранялось при условии ведения промысловой деятельности в нем. Об этом свидетельствует упоминание в источниках прежних владельцев ухожеев, промысловые участки которых на какой-то период времени оказались заброшенными, а после начали восстанавливаться и использоваться уже другими людьми: «... И вес путь, что хаживал Илья да Нушта Ватапины, а Беляйку и ево детем и внучатам туды ж ходить»[1], «... Киченапко Миткин, с племянником своим, с Кирдяком Неверовым, ходят бортные ухожи Корельской и Вышенской, и Арзазовской, Азарапинской путь»[2]. Под «путем» здесь понимается освоенная лесная территория, которая могла быть частью одного бортного ухожея, а могла проходить и связывать несколько бортных участков. Все это позволяет говорить, что вотчиной у мордвы считался не просто участок леса с потенциальными бортными деревьями, а уже освоенная территория, подготовленная для ведения промысла.

В связи с этим ошибочным было бы приравнивать вотчинное право того времени к праву собственности на землю в привычном для нас понимании, как включающее правомочия владения, пользования и распоряжения. Вотчинные права мордвы распространялись на территории, включенные в промысловый цикл бортничества. Выпадение лесных участков, по любым причинам, из этого цикла лишало их хозяйственного значения в сознании бортников и выводило из правового поля.

По мере притока населения на заселенные мордвой территории в XVII в., развития поташного промысла, эффективность и производительность бортничества снижается. У мордовского населения постепенно меняется структура хозяйствования. И с этим переходом нивелируются права мордвы на лесные участки. Бортные ухожеи передавались во владение служилым людям, дробились и постепенно, как массовое явление, к XVIII веку исчезли.

[1] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 9.

[2] Там же. Л. 30.

Взаимоотношения мордвы и русского населения

Как же складывались отношения разных этнических групп в контактных зонах? Несмотря на обширный актовый материал конца XVI – начала XVII в. по Нижегородскому, Арзамасскому, Темниковскому, в меньшей степени – Шацкому уездам, документов этого периода, где фиксируется повседневный, обыденный характер отношений мордвы с русским населением, практически нет. Косвенные упоминания в актах, следственных делах, писцовых книгах позволяют лишь отчасти представить, как выстраивались контакты.

Так, в писцовых материалах начала XVII в. встречается категория «пущенников» или «припущенников». Например, в Книге ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости в 1622 г. это представлено таким образом: «Мордвин Одманко Беляев да новокрещен Васка Велкенапин да мордвин Ромашко Богданов с пущениками своими с Ывашком с Савиным да с Олферком Семеновым ходят бортной ухожей на реке на Цне и в Соколниковском ухожее...»[1].

Пущенники – это люди, не имевшие собственных промысловых лесных участков. Их принимали в свои бортные ухожеи владельцы – мордва, для совместного ведения промысла и, вероятно, для облегчения налоговой нагрузки.

По Шацкому уезду можно говорить не только о совместном бортничестве, но и о рыбной ловле. В отписке Шацкого воеводы в 1629 г. есть этому подтверждение: «... ловили де рыбу мордва Шацкого уезда, великие государыни иноки Марфы Ивановны села Березова, а тот де Антипка был с ними...»[2].

В Алатырском уезде И.Н. Смирнов отмечал припущенников в мордовских деревнях: «Деревни, находившие у себя избыток посопной земли, поступались частью ее в пользу припущенников с обязательством, чтобы те на сторону посопную землю никому не

[1] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 44.

[2] Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. – Саранск, 1940. С. 283.

продавали и не закладывали»[1]. Причиной появления этой категории здесь, так же, как и в Верхоценской волости, была возможность снижения налоговых выплат: «Тяглая мордва по местам оказывалась не в состоянии выплачивать с принадлежавших ей земель тех повинностей, денежных и натуральных, которые на них приходились, и охотно припускала к себе русских беглых крестьян – помещичьих и дворовых. По временам из-за этих припущенников между мордвой возникали раздоры: богатые тяглецы ходатайствовали перед правительством об удалении пришлых людей, от которых будто бы происходит утеснение в земле, беднота застаивала пришлецов, которые помогали ей нести тягло, и обвиняла богачей в том, что они с корыстными целями выживают русских припущенников – хотят воспользоваться их дворами и животами»[2].

Если по Алатырскому уезду припущенники – это, в основном, русские крестьяне, то в Верхоценской волости Шацкого уезда пущенниками могли быть как русские бортники, так и мордовские, по каким-либо причинам не имевшие во владении промысловых участков. Однако подобный механизм, не привязанный к национальному фактору, независимо от территории и интенсивности его функционирования, в любом случае способствовал проникновению в моноэтничную среду мордвы русского населения, не встречая препятствий и противодействия. Напротив, это было выгодно с экономической точки зрения.

Появление русских в мордовских деревнях, ведение совместно хозяйственной деятельности способствовало и культурному влиянию. Русские неизбежно знакомились с мордовской религиозной традицией, возможно, заимствовали какие-то элементы, созвучные их мировоззрению. Это вызывало опасения представителей православной церкви на территории мордовских поселений. Как следствие, предпринимались попытки со стороны власти пресечь участие русских в религиозной жизни мордвы. Косвенным свидетельством таких действий является ссылка на государеву грамоту в отписке 1630 г. алатырского воеводы о розыске про съезд мордвы

[1] *Смирнов И.Н.* Мордва. Историко-этнографический очерк. – Саранск, 2002. С. 89.

[2] Там же. С. 108.

и черемисы в Алатырском уезде: «... а русских людей не припущали, что по государеве грамоте заказ нам был, что русским людем у нас у мордвы нашего молебнаго питья не пити и естви не есть».[1]

Появление подобной директивы – прямое указание на то, что участие русских в мордовских обрядах было не единичным, а появление грамоты было вызвано жалобой на это со стороны представителей местной власти (либо церковной, либо светской). Дальнейшее рассмотрение документов по делу о съезде мордвы в Алатырском уезде в 1629 г. показывает, что русские крестьяне на молебне присутствовали, а не подпускала мордва представителей служилого сословия – детей боярских и их сопровождающих людей. Вот как это отражено в отписке арзамасского воеводы: «Список сказок и распросных речей, слово в слово. 137 года, июня 20 дне в Арзамасе в съезжей избе столнику и воеводе князю Венедихту Ондреевичу Оболенскому да Макарю Чукарину, Иван Олександров сын Левашов сказал. В нынешнем во 137 году о Семик в Алаторском уезде, в мордовской деревне в Чукалех, съезжалис Алаторского и Арзамаского и Нижегородского и Темниковского и Кадомского уездов и Ценская мордва и иных городов и с уездов и черемиса с ними тут же были многие люди. И собрався волховали, лошади рубили. А как у них съезд был, и они де в ту пору русских людей к себе не припускали. И в ту де пору, которые русские люди ехали мимо их, и они де мордва по русским людем из луков стреляли. А ехали де в ту пору на государеву службу алаторцы дети боярские, и те мордва тех алаторцов детей боярских из луков перестреляли. А хто именем детей боярских ехали, их то перестреляли. И тому де на Алаторе ест записка. Да в ту же де пору пострелили Михаиловых крестьян Новосилцова Алаторского уезда, трех человек. А были они мордва на том съезде с луки и с пищалми и саблеми. А ведает де он, Иван, потому был он после того их съезду в Алаторском уезде в Михаилове поместье Новосилцова в сельце Василевском, и ему, де, Ивану, про тот мордовской и черемиской

[1] Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. / Под ред. Н. А. Попова. – СПб., 1890. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571-1634. С. 297.

съезд сказывал столник Володимер Михайлов сын Новосилцов, да алаторoц Ждан Ксаев»[1]. И далее: «... Деревни Келдюшевы мордвин Филка Норушов в роспросе сказал. В нынешнем в 137 году о Семик в Олаторском уезде, в мордовской деревне Чукалех, он, Филка, был у шуритой деревни Чукал у мордвы у Якуш да у Рашка Посниковых, да с ним же был в той деревне Чукалех келдюшевская мордва Пашат Семенов, Китай Степанов. Осыпи осыпали над родителми в пояс и больше, а на Алаторе у воеводы имали они памят для родителей своих поминков. Да алаторская мордва были в той деревне Чукалех и с мордовками, и русские люди тут были, а хто имяны, тово не знает. А был он без ружья, саадаков и сабел ни у ково не видал, а иных коих городов мордва были ли, того он не ведает. И черемис с ними не было, а лошадей не ссекали, и по русским людем из луков хто стрелял ли или нет, того он не ведает. А осыпи осыпали всякой над своими родителми. А в Орзамаском же уезде в мордовской деревне Пичигушах на перед сего так же родителей по своей вере поминали и осыпи над родителми осыпали»[2].

И еще один отрывок из расспросных речей по этому же делу, но уже из отписки алатырского воеводы: «Деревни Старых Чукал мордвин Сустат Секшенев за себя и за товарищей своих, за всю деревню, по своей вере по шерти сказал: в прошлом де, в 137 г., после Великодня на седьмое недели в четверг была де у них мольба у пяти деревень по своей вере, как де их деды и отцы наперед сего делали, осыпали землею мары; а были на тое мольбе их же братья мордва с женами и детьми их, и племя Арзамасскаго уезда..., да Нижегородскаго уезда..., да Алаторскаго уезда розных деревень мордва... А черемисы у них на тое мольбе не были; а воровства и воровскаго заводу и умышленья у них какого не было, а лошади и коровы резали свои по своей вере на ту мольбу, а русских людей к себе молебнова есть не припущали, для того, что по государеве грамоте заказ них наперед того был, русским людем у нас у мордвы их молебнаго питья не пити, естви не есть; а как они по своей вере мольбу делали, засыпали землею мары, и в те де поры смотрить

[1] РГАДА. Ф. 210. Ед. хр. 33. Л. 709.

[2] Там же. Л. 714.

приезжали многие всякие русские люди, а из луков и из пищалей по них не стреляли и никого не ранили, были на тое мольбе без ружья. А была де такая мольба наперед сего лет с пятьдесят и больше... А как они мольбу у себя делали, и у них из приказа от воеводы памятей не было»[1].

Несмотря на противоречия в расспросных речах об этом событии, можно отметить следующее. Как и указывалось выше, на таком важном для мордвы молебне (поминание предков, масштабом отличающееся от ежегодных поминок и проводимое раз в пятьдесят лет) присутствуют русские люди. Степень их вовлеченности из документов установить сложно. Либо это просто наблюдатели из соседних деревень, либо русские припущенники, допущенные разделить трапезу, о чем нельзя было свидетельствовать на расспросе. Так или иначе, это факт взаимодействия, который мордовские свидетели стараются если не скрыть, то и не конкретизировать.

Кроме того, как видно из документа, на проведение крупных религиозных обрядов в мордовских деревнях требовалась память воеводы. Возможно, уведомление властей о подобного рода мероприятиях означало неизбежный контроль с их стороны. Поэтому воеводу уведомлять не стали, так как присутствие русских крестьян на молебне могло быть расценено как нарушение государевой грамоты.

Итак, на этом примере мы видим неизбежное включение в мордовское культурное пространство русских крестьян, проникающих на территорию коренного расселения мордвы и попытки власти этому противодействовать.

Очень похожая ситуация складывалась и в Темниковском уезде. Уставная грамота 1652 года о производстве суда и церковной расправы, присланная протопопу Темниковского собора, в основном направлена на пресечение проявлений «низовой» народной культуры. Осуждаются различные игры, приглашение ворожей, скоморохов, традиционные народные обряды на христианские

[1] Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. / Под ред. Н. А. Попова. – СПб., 1890. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571-1634. С. 297.

праздники и т.д. Но помимо этого делается попытка уменьшить влияние народной культуры иноверцев на русских: «И скверного б платья у поганых татар и у мордвы православные христиане отнюдь не имали, и в церковь бы в нем не входили. И по корчмам, и к некрещеным татарам и к мордве в домы не приходили, и к себе в домы их не призывали, и вместе с ними вместе не пили и не ели, понеже бо то святыми отцами заповедано есть православным христианом отнюдь с неверными не пити, ни ясти»[1].

Как видим, к середине XVII века русское население, проживая на территориях расселения мордвы, оказалось под значительным ее культурным влиянием, нашедшим отражение даже в заимствовании традиционного костюма. Основной вектор ассимиляционного процесса был направлен в сторону мордвы, несмотря на локальное влияние. И главную роль в этом процессе играл русский язык.

Русские, проживая рядом с мордвой, несли в эту среду свой язык. Совместная деятельность делала необходимой языковую коммуникацию. Русская администрация, даже при наличии двойного управления и существования особых мордовских должностных лиц, вела делопроизводство на русском языке. Мордовское население, хотя бы те, кто контактировал с представителями власти, должны были, помимо своего языка, владеть русским. Безусловно, на первых этапах и русские переселенцы говорили на мокша или эрзя-мордовском. Но постепенно мордовские языки становились только средством внутриэтнической коммуникации. Во внешних контактах основным был русский язык, – двуязычие у мордвы закреплялось как необходимость.

И.Н. Смирнов приводит выдержку из послания 1651 г. рязанского архиепископа Мисаила, характеризующую языковую ситуацию в Тамбовском и Шацком уездах: «Чтоб их отговоркам не верить, аки бы им христианские веры не сдержать, что ходят в вотчины дальныя по лесам на Хопер и на Ворону и едят всякое звериное мясо, и жены их русским языком говорить не умеют, ... жены их мордвы и дети русским языком говорить горазды, а живут меж-

[1] Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. VIII. Приложение 4. – Тамбов, 1886. С. 72.

ду русскими людьми вместе»[1]. Степень распространения русского языка в мордовской среде зависела от интенсивности переселения русских людей и образования русских населенных пунктов, от численности мордовской группы в определенной локации, поэтому в разных уездах эти процессы шли неоднородно. Однако общая тенденция была одинаковой.

В ходе этих сложных процессов (взаимодействие в хозяйственной деятельности, культурные заимствования, языковое влияние) на территориях проживания мордвы в первой половине XVII в. сформировались локальные полиэтнические сообщества, в которых вырабатывались механизмы коммуникации, необходимые для жизнедеятельности в пограничных регионах.

1.4. Историческая динамика фронтирной зоны Юго-Востока России (Волжско-Уральского фронтира) в XVII-XVIII вв.

На разных этапах развития государства – от эпохи Киевской Руси до Российской империи – ее территория непрерывно прирастала новыми землями, которые различались не только географическими и природно-климатическими, но и этнодемографическими, социально-экономическими и культурными признаками. В связи с этим, одним из ключевых вопросов российской истории является формирование государственных границ, очерчивающих ареал расселения государствообразующего этноса и вовлеченность данной территории в административно-правовую систему страны.

Волжско-Уральский регион – территория, расположенная к востоку от рек Волга и Кама – оказалась в сфере геополитических интересов Московского государства после взятия Казани в 1552 г. Однако на начальном этапе не было задачи инкорпорировать эти

[1] *Смирнов И.Н.* Мордва. Историко-этнографический очерк. – Саранск, 2002. С. 110.

земли. Завоевательные походы русских войск были направлены, прежде всего, на освоение торговых путей и организованы в двух направлениях: первый – вниз по р. Волге к Астрахани и к Каспийскому морю, второй – через Казань в Западную Сибирь. Установление господства России на всем протяжении р. Волги и последующее завоевание Сибирского ханства **послужили** началом «исхода на Восток», то есть началом превращения России в евразийское государство.

Со второй половины XVI в. роль стратегического плацдарма в процессе дальнейшего расширения территории России в восточном направлении переходит к Башкирии: через ее земли пролегал путь в Казахстан и Среднюю Азию. Башкирия оказалась вовлеченной в сложные геополитические процессы начала и середины XVI века, изменившие политическую карту Евразии и положившие начало новому ходу истории под эгидой России.

В исторической хронике башкирского народа вхождение в состав России связывается с именем Ивана Грозного. Однако еще со времен Новгородской Руси славяне имели тесные торгово-экономические отношения с жителями Северного и Среднего Предуралья и Урала. Великая Пермь, как тогда называли эту страну, не только соседствовала с Башкирией, но и была населена в южной и юго-восточной ее части башкирскими племенами, потомки которых проживают там до наших дней. В XI веке, при Владимире Святом (978-1054 гг.), Великая Пермь была покорена новгородцами, и на протяжении XII-XIII вв. ее население платило дань Новгороду пушниной и другими богатствами края. В 1471 г., в результате разорительного похода деда Ивана Грозного – Ивана III на Новгород новгородские земли были окончательно подчинены Московскому государству, а в 1483-1499 гг. была покорена вся Югра. С этого времени в поле зрения Москвы оказались и северные башкирские племена, тесно связанные культурными и экономическими отношениями с населением Великой Перми и Югры. Таким образом, Башкирия (территория, населенная башкирами) оказалась в орби-

те российской внешней политики задолго до восшествия на престол Ивана Грозного.

Прежде кратко остановимся на характеристике этнотопонима «Башкирия» (на тюркских языках – «Башкорт иле», «Башкурдистан», «Башкортостан»). В русских источниках и исследованиях XVI-XIX вв. для обозначения территории расселения башкир использовался термин «Башкирия», однако наряду с этим термином, уже с XVIII в. для обозначения отдельных ее административных частей применяются понятия: Уфимская провинция, Исетская провинция, Оренбургская губерния, Уфимское наместничество и другие, имеющие широкое хождение и в современной исторической литературе.

Несмотря на возникновение в XVI-XIX вв. на исторической территории Башкирии отдельных административных единиц, дореволюционными исследователями Башкирия воспринималась как единое историко-географическое пространство, удивляя их своей бескрайностью. Так, даже в конце XIX века пермский историк А. Дмитриев рассматривал южную окраину Пермской губернии как северную часть Башкирии, обширной страны, занимавшей почти весь южный Урал и оба его склона от Нижней Камы и Средней Волги до верховьев рек Яика и Тобола: «Средоточием башкир всегда служила нынешняя Уфимская губерния, северной окраиной – нынешние уезды Красноуфимский и Осинский Пермской губернии, и восточной – Шадринский, той же губернии; Верхнеуральский, Троицкий и Челябинский – Оренбургской губернии. На этом основании историкам как Пермского, так и Оренбургского края нельзя обходить более или менее близким знакомством историю Башкирии, как страны, представляющий много своеобразных особенностей в ее прошлом»[1]. На современной карте – это земли между реками Волга и Тобол, от р. Чусовая на севере до среднего течения р.Урал на юге.

По мнению современной исследовательницы Н.Н. Томашевской, накануне присоединения к Русскому государству южные границы территории, занимаемой башкирами, достигали рек Эмбы, Большой и Малый Узень, Чижи и доходили до низовья Яика[1]. На основании исследований Р.Г. Кузеева и В.В. Трепавлова, а также привлечения новых архивных документов, Б.А. Азнабаев устанавливает ареал расселения башкир в конце XV – начале XVI в. по следующим границам: Соликамский уезд Пермского края на севере, по рекам Уй, озерам Иткуль, Синарское, Касли, Увильды, Кизилташ на северо-востоке, и бассейн реки Эмбы на юге, где находились ясачные угодья башкир[2].

Особенность Волжско-Уральского фронтира заключалась в том, что добровольный характер признания башкирами российского подданства позволил им длительное время оставаться относительно самостоятельными в политическом отношении, сохранять традиционный уклад социально-экономической жизни, самобытное этнокультурное своеобразие и религию. Волжско-Уральский регион на протяжении XVI-XVIII вв. становится зоной активного взаимодействия славяно-православной и тюрко-мусульманской культур, а до середины XIX столетия остается пограничной территорией Российской империи. При этом, если на завоеванных территориях (Казанского и Сибирского ханств) была сразу введена сильная военно-административная система управления без традиционных для местного населения институтов власти, то совершенно другая политика проводилась в отношении Башкирии.

Добровольный характер признания башкирами российского подданства является неоспоримым в отечественной историографии. Как свидетельствуют документы того периода, завоевание Башкирии не входило в планы Ивана Грозного. Перед правительством Ивана Грозного стояли более серьезные задачи: борьба с Ливонией и Крымом. Главная угроза на востоке была ликвидирована, после падения Казани и Астрахани весь волжский торговый путь

[1] *Дмитриев А.* К истории Зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации. // Пермская старина. Вып. VIII. – Пермь, 1900. С. 19.

[1] *Томашевская Н.Н.* От социального пространства к социальному времени: опыт этнической итории башкирского этноса в новое время. – Уфа: «Китап», 2002. С. 132.

[2] *Азнабаев Б.А.* Башкирское общество в XVII – первой трети XVII в.: монография. – Уфа: «РИЦ БашГУ», 2016. С. 50-53.

был в руках Москвы. Как подчеркивает исследователь истории присоединения Башкирии к Русскому государству А.Н. Усманов, «в пределы Башкирии русские войска не вторгались», но были предприняты дипломатические шаги. Перед тем, как покинуть Казань и вернуться в Москву, царь Иван обратился к бывшим подданным Казанского ханства с грамотами, в которых призывал добровольно принять русское подданство[1].

События середины XVI в. оставили яркий след в историческом сознании башкирского народа. В башкирских шежере – генеалогических летописях – независимо от времени их создания, фиксировались важнейшие исторические факты, имеющие судьбоносное значение для всего народа. В некоторых шежере имеются записи о том, что после падения Казани во все башкирские земли были направлены русские послы с обращением: «Пусть никто не убегает, и пусть каждый остается при своей вере, соблюдает свои обычаи»[2].

В данном контексте большой интерес вызывает отношение самих башкир к вышеуказанным событиям. Одним из исследователей, который впервые затронул данную проблему и попытался определить отношение башкир к российскому подданству по башкирским источникам – шежере, челобитным, наказам, письмам и другим материалам, исходящим от самих башкир, был уфимский исследователь А.З. Асфандияров. Он однозначно пришел к выводу, что «башкирский народ был единодушен в определении добровольности своего подданства Русскому государству»[3]. Отношение самих башкир к форме и условиям присоединения к России также рассматривается в работе Б.А. Азнабаева. Как он пишет, в период

[1] *Усманов А.Н.* Указ. соч. С. 103.

[2] Цит. по: *Кузеев Р.Г.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству – поворотный пункт в истории края. // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству: Материалы научной конференции. – Уфа: «Башкирское книжное издательство», 1982. С. 10.

[3] *Асфандияров А.З.* Башкирские источники XVI-XIX вв. о добровольном присоединении края к Русскому государству. // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству: Материалы научной конференции. – Уфа: «Башкирское книжное издательство», 1982. С. 25.

принятия российского подданства башкирские племена оформляли свои отношения с российским правительством в соответствии с их политическими представлениями о государственном подчинении: они видели в Иване IV законного правопреемника власти золотоордынских ханов[1].

Таким образом, решение о вхождении в состав России было принято башкирами добровольно, но сам этот процесс не был единовременным актом, а растянулся на десятилетия. В 1554-1555 гг. российское подданство признали западные и северо-западные башкиры. Затем в состав России перешли центральный, южный и юго-восточный районы Башкирии, откуда в 1555-1556 гг. были направлены посольства в Казань, где по поручению царя для принятия присяги находился царский наместник. Зауральские башкиры, находившиеся в зависимости от Сибирского ханства, присоединились к России значительно позднее – лишь в конце XVI в., а Южное Зауралье окончательно утверждается в составе России еще позже – предположительно, в 30-х гг. XVIII столетия. Однако официальной датой вхождения башкир в состав России считается 1557 год, так как именно под этим годом в Никоновской летописи имеется запись: «... башкирцы пришли, добив челом, и ясак платили»[2].

В целом, вхождение Башкирии в состав России на принципах добровольности было поворотным явлением не только в судьбе башкирского народа, но и в русской истории – событием, заложившим основы новых взаимоотношений государства со своими подданными и открывшим возможность мирного освоения огромных территорий к востоку от р. Волги.

Башкирия становится своеобразной буферной территорией между Московским государством и кочевым миром степной Евразии. Это обстоятельство привело к формированию внутреннего и внешнего фронтиров.

[1] *Азнабаев Б.А.* Башкирское общество в XVII – первой трети XVII в. – Уфа: «РИЦ БашГУ» , 2016. С. 46-47.

[2] Полное собрание русских летописей. Т. 13. Первая половина тома. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. С. 282.

Внутренний фронтир проходил по линии соприкосновения освоенной государством в административном и хозяйственном отношении земель с ареалом расселения башкир и других народов Поволжья, еще не интегрированных в состав России. Этот фронтир был весьма подвижен и, по мере укрепления здесь административно-правовой системы Российского государства, продвигался вглубь новоприобретенной территории.

Внешний фронтир проходил по восточным и юго-восточным пределам башкирских земель, за которыми находились ногайские, калмыкские, а впоследствии – казахские этнотерриториальные образования. Возможную угрозу с их стороны царское правительство решало за счет воинственных башкир, на которых была возложена охрана внешних границ.

Вместе с тем, если линия продвижения внутреннего фронтира фиксировалась появлявшимися на ней русскими поселениями, городками, монастырями и укрепленными линиями, такими как Закамская черта XVII в. на северо-западе Башкирии, Новая Закамская линия на западе и Екатеринбургская линия – на севере, то степная граница Башкирии не могла иметь устойчивых и определенных очертаний. Она зависела от военно-политической обстановки, от могущества соседей или консолидированности и способности местного населения оказать сопротивление внешней угрозе.

Критерием определения внешних границ России являлись «государевы башкирские волости», «государевых ясашных людей вотчинные земли», то есть, вотчинные владения башкир, с которых они платили государству ясак. Так, в 30-50-х гг. XVII в., в период обострения русско-калмыцких взаимоотношений, московское правительство недвусмысленно заявляло свои претензии на пограничные территории по среднему и верхнему течениям р. Яика и его притокам: Илеку, Ори, Сакмаре и Киилу[1]. Эти границы указывались не только в челобитных местных жителей с жалобами на захват калмыцкими тайшами указанных земель, но и в официальных правительственных документах, исходивших из

[1] РГАДА. Ф. 119. Калмыцкие дела. 1648 г. Д. 1. Л. 53, 62; 1649 г. Д. 1. Л. 2, 4-5.

московских приказов и местных воеводских канцелярий. 14 июня 1650 г. уфимский воевода доводил до сведения калмыцких послов, что «по тем рекам: по Яику и по Сакмаре, и по Илеку, и по Ору, и по Киилу с малыми речками, которые в те реки впали, земли царского величества; в тех урочищах Казанских, и Уфинских, и Самарских уездов руских людей, и башкирцов ... вотчины истари, а с тех своих вотчин они платят государев ясак»[1].

Еще со времен Ивана Грозного в составе России находились вотчинные земли башкир в бассейнах рек Большой и Малой Узени[2].

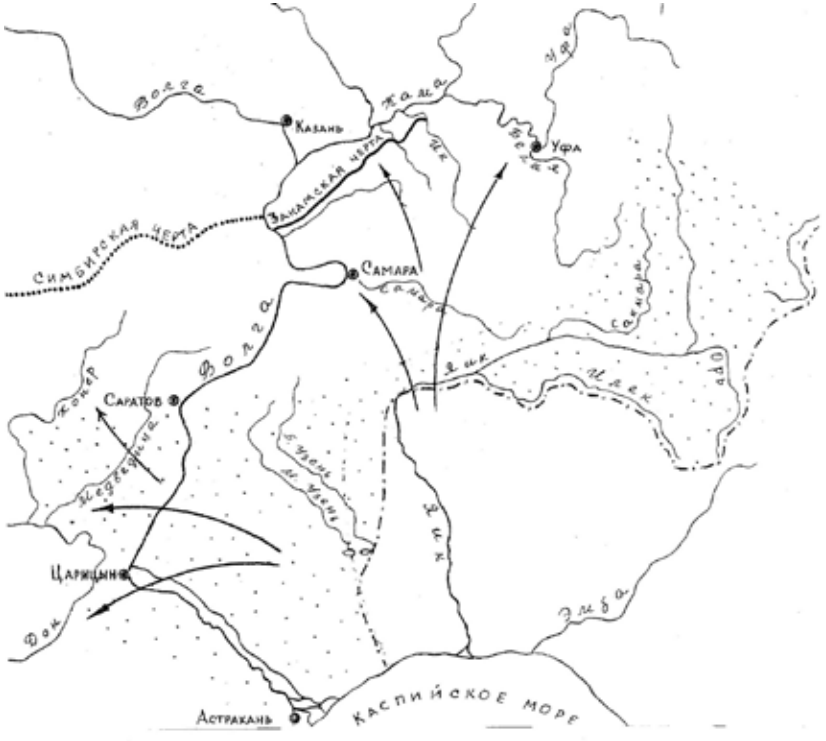
Несмотря на подвижность и неустойчивость внешних границ Уфимского уезда в XVII в., имеющиеся документы позволяют вполне отчетливо представить юго-восточные рубежи России. Так, внешняя граница уезда начиналась от Каспийского моря, между Волгой и Яиком, и шла на север, постепенно поворачивая на северо-восток, к низовьям рек Большой и Малой Узени. Далее она заключала в себя среднее течение р. Яика, его притоки: реки Илек и Орь, – и уходила в верховья р. Тобола. К тому времени Российское государство считало здесь «своими» земли по рекам Иртыш, Омь и Камышлов – известно, что в раннем средневековье и эти земли входили в ареал дальних кочевий башкир[3].

Что касается внутренних границ уезда, то в это время так же, как и в XVI в., все земли к востоку от Волги, к югу и востоку от Камы продолжали считаться башкирскими землями и до сооружения Закамской черты XVII в. были еще в пределах недосягаемости царских чиновников.

[1] РГАДА. Ф. 119. Калмыцкие дела. 1650 г. Д. 2. Л. 5.

[2] См.: *Усманов А.Н.* Присоединение Башкирии к Русскому государству. С. 56.

[3] РГАДА. Ф. 119. Калмыцкие дела. 1648 г. Д. 1; РГАДА. Ф. 119. Калмыцкие дела. 1649 г. Д. 1; Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века. – Уфа: «Изд-во Башкирского университета», 1999. С. 67.

Юго-восточные рубежи Российского государства в первой половине XVII века (–.– границы; точками обозначены приграничные башкирские земли, занятые калмыками; стрелки - пути набегов калмыков и ногайцев на закамские земли)

Вотчинное право башкир, сохранившееся после добровольного принятия русского подданства, на протяжении нескольких столетий обусловило специфику развития Башкирии в составе Российского государства. Верховная власть царя (как главы государства) на земли (как часть государственной территории) длительное время оставалась номинальной. Выплачивая ежегодный ясак и неся военную службу – характерные признаки вассалитета – во всем остальном башкирское общество вплоть до начала XVIII в.

сохраняло широкую самостоятельность и устоявшиеся традиции в организации экономики и социально-политическом устройстве. Все это способствовало экономическому и духовному возрождению башкирского народа и открыло перед ним возможность этнической консолидации в составе сильного государства. С другой стороны, лояльность московского правительства к башкирам была обусловлена как внешними, так и внутренними причинами: необходимостью, с одной стороны, наличия так называемой «буферной территории» в целях обеспечения безопасности границ с восточной стороны; с другой – тем, что у Московского государства еще не было сил и средств освоить этот обширный регион.

Вышеназванные обстоятельства оказали непосредственное влияние на историческую динамику юго-восточной фронтирной зоны. В результате последовательного, поэтапного освоения территории Башкирии с последующей ее институциализацией в политико-правовом пространстве Российского государства изменялось соотношение численности пришлого и местного населения в пользу первых, происходило распространение господствующих на основной территории страны форм экономической деятельности, менялся административный статус освоенной территории, социальный и правовой статус населения.

История формирования Волжско-Уральской фронтирной зоны включала в себя множество явлений, которые оказывали непосредственное воздействие на политические, экономические и социальные процессы в этом регионе. Следует признать, что все исторические события, происходившие в XVI-XVIII вв. в Поволжье, Приуралье, Западной Сибири и других восточных регионах, были обусловлены, главным образом, политическими и геополитическими интересами России.

При выявлении отличительных черт, характерных для Волжско-Уральского фронтира, следует обратить внимание на следующие особенности:

— в отличие от южного фронтира, сложившегося на стыке соприкосновения русского населения с незаселенным Полем, данная территория до вхождения в состав России входила в сферу влия-

ния образовавшихся после распада Золотой Орды Казанского, Астраханского, Сибирского ханств и Ногайской Орды;

— ко времени вхождения в состав России Башкирия была политически раздробленной, но единой в социокультурном и военном отношении страной со сложившимися политико-правовыми институтами;

— обеспечение безопасности вновь присоединенной территории, оказавшейся порубежной областью России, было возложено на коренное население. Военная служба считалась почетной обязанностью и на протяжении XVI – первой трети XVIII вв. являлась прерогативой самих башкир;

— во взаимоотношениях России с внешними соседями (ногайцами, калмыками, казахами, сибирскими татарами) башкиры играли посредническую роль, обеспечивая не только безопасность юго-восточных рубежей, но и дипломатические и торговые связи с Востоком[1].

— после падения Казанского ханства и установления господства России на всем протяжении р. Волги Башкирия стала территорией безвозвратной иммиграции мусульманского населения Поволжья, что значительно укрепило роль Башкирии в мусульманском мире;

— Московское правительство признало вотчинное право башкир и не вмешивалось в поземельные отношения внутри башкирского общества. Особенность вотчинного права определялась коллективной формой землевладения башкирской общины с широко развитым институтом припуска (землепользования на условиях аренды), что способствовало миграции населения из соседних регионов;

— с середины XVI в. начинается интенсивный процесс заселения территории Башкирии представителями разных этнических групп населения Поволжья и бывшего Казанского ханства;

— русское население на первых порах было представлено дворцовыми крестьянами и стрельцами городов-крепостей;

[1] *Игдавлетов И.С.* Торговая и дипломатическая деятельность российских мусульман Урало-Поволжья в XVIII в.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. – Уфа, 2013. – 24 с.

— если в самой стране башкир волостные и вотчинные земли имели четкие границы, то внешние границы оставались открытыми вплоть до середины XVIII в., то есть до окончательного оформления контуров Оренбургской укрепленной линии.

Поэтапное рассмотрение образовавшихся фронтирных зон Волжско-Уральского региона позволяет определить их географические параметры, а также роль государства в динамике освоения Волжско-Уральского региона. Внутренняя политика России до середины XVIII в. играла второстепенную роль и зависела от внешнеполитических интересов в юго-восточном регионе. Тем не менее, можно выделить несколько этапов в этом процессе, характеризующих изменения во внутренней политике по мере решения внешнеполитических задач:

I этап – середина и вторая половина XVI в. Это период взаимной адаптации и установления основных принципов взаимоотношения московского правительства с местным населением. В экономической сфере было подтверждено вотчинное право башкир на земли, в политической – наличие институтов публичной власти – йыйынов (съезда представителей всех башкирских родоплеменных объединений – волостей), в области культуры – мусульманское вероисповедание, сохранялись язык, обычаи и традиции. Общее управление краем осуществлялось Приказом Казанского дворца; северо-восточная часть Башкирии, прежде находившаяся в составе Сибирского ханства, была подчинена Сибирскому приказу.

Начало государственному освоению территории Башкирии было положено строительством в центре края Уфимской крепости (1586 г.) и основанием на северной окраине Башкирии – на левом берегу р. Кама при впадении в нее р. Оса – русского дворцового села с одноименным названием (1591 г.), ставшего впоследствии центром Осинской дворцовой волости.

В конце XVI-XVII вв. впроцессе колонизации обширных территорий Москва использовала стратегию «точечного» фронтира, когда на присоединяемых землях возводились единичные города-крепости и остроги. Занимая стратегически господствующие

высоты и ключевые пункты на реках, русские крепости становились прочной военно-оборонной основой для дальнейшей колонизации края и для контроля за местным населением[1]. В Уфе учреждается самостоятельное воеводское правление, постепенно формируется территория Уфимского уезда, населенного в основном башкирами и немногочисленными жителями уфимской крепости и дворцовых сел вокруг Уфы.

После присоединения к России, вплоть до конца XVII в., наряду с уездным административно-территориальным устройством в Башкирии использовалась такая административная единица как деление на «дороги», которых было четыре. «Дороги», «даруги» в постордынский период являлись фискальными округами, которые формировались вдоль сухопутных путей, ведущих от центра Башкирии – Уфы по направлению к Ногайской орде (Ногайская дорога), Казанскому ханству (Казанская дорога) и Сибирскому ханству (Сибирская дорога), а также в Пермский край (Осинская дорога). Основная функция «дорог» заключалась в том, чтобы обеспечивать правильность ясачного сбора.

Основой административно-территориального устройства являлись волости. В течение XVI – первой половины XVIII в. шло дробление крупных волостей и образования новых. По материалам первой половины XVIII в., на территории Ногайской дороги насчитывалось около 30, Сибирской – 23-25, Казанской – 15-17, Осинской – 4-5 волостей, а всего – около 70-75 волостей[2].

Внешняя фронтирная линия была обусловлена противостоянием Москвы с Большой Ногайской ордой и Сибирским ханством.

II этап – первая половина XVII в. Это период «смуты» в России и ослабления влияния Москвы в Башкирии. Во внешней политике – обострение внешнеполитической ситуации в восточном и юго-восточном регионах в связи с нашествием калмыков. На рубеже XVI-XVII вв. вплотную к сибирским границам подступают многочисленные, хорошо организованные и вооруженные

[1] *Буканова Р. Г., Тычинских З. А., Муратова С. Р.* Особенности фронтира на Урале и в Западной Сибири В XVI-XVIII вв. // Уральский исторический вестник. № 4 (1). 2018. С. 89.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 1. Док. №№ 28, 30, 31; Т. 3. №№ 546, 550, 574.

калмыцкие племена, которые неумолимо начинают продвигаться вдоль внешних границ Башкирии в западном направлении. Наличие Уфимской крепости с гарнизоном и вотчинное право башкир на земли в сложившихся обстоятельствах сыграли свою положительную роль. Башкиры при поддержке уфимских воевод успешно отражали набеги калмыков на свои земли.

В 30-х гг. XVII в. калмыки захватывают территорию Большой Ногайской орды и заселяют низовья Волжско-Яицкого междуречья. К этому времени относится возникновение русских крепостей в Закамье и формирование внешнего юго-восточного фронтира. Московское правительство, защищая интересы своих подданных, предпринимает первые попытки определить территорию юго-востока Российского государства, установить границы, которые калмыки не имели права переступить.

III этап – вторая половина XVII в. Он характеризуется началом торгово-промышленного и земледельческого освоения Уфимского уезда. Государственное освоение Башкирии на данном этапе было вторичным по отношению к вольной народной и торгово-промышленной колонизации. Государство шло вслед за крестьянами и торговыми людьми, закрепляя по факту сложившиеся отношения с аборигенным населением.

Во внешней политике продолжается борьба с калмыцкой угрозой. Строительство Закамской черты 1652-1655 гг. укрепило позицию московского правительства в юго-восточной политике, что привело к установлению дипломатических отношений с калмыками. Однако изъятие земель под строительство крепостей, ущемление экономических интересов местного населения привело к массовому вооруженному восстанию 1662-1664 гг., в котором участвовали, кроме башкир, и другие народы края.

IV этап приходится на первую треть XVIII в. Он обусловлен кардинальными переменами в системе управления Башкирией: учреждением Уфимской провинции.

Губернская реформа Петра I не могла не затронуть Волжско-Уральский регион. В 1708 г. в связи с образованием Казанской гу-

бернии, к ней отошли многие территории с инородческим населением, управляемые прежде приказом Казанского дворца. В 1719 г. вместо Уфимского уезда была учреждена Уфимская провинция. Однако контролировать из Казани такую обширную территорию как Башкирия, к тому же вполне суверенную в решении как внутренних, так и внешних вопросов, оказалось невозможным. В 1728 г. Уфимская провинция приобретает особый статус, а уфимский воевода на правах вице-губернатора был выведен из-под подчинения казанской администрации и подчинен непосредственно Сенату. Северо-восточное Башкирское Зауралье осталось в ведении Сибирской губернии.

Усиление захвата башкирских земель под горнозаводское строительство, хищническая эксплуатация соляных и селитренных месторождений, усиление налогового гнета в связи с Северной войной послужили причиной башкирского восстания 1704-1711 гг.

Во внешней политике русско-калмыцкая фронтирная зона перемещается на правобережье р. Волги. В низовьях р. Яик устанавливается преимущественное положение яицкого казачества, восточнее – усиливается роль Младшего казахского жуза, вплотную приблизившегося к российским границам.

V этап – 30-40-е гг. XVIII в. – обусловлен активизацией политики царского правительства в Башкирии, ликвидацией традиционных привилегий башкирского общества.

В начале 30-х гг. XVIII в. происходит изменение внешнеполитического курса России в юго-восточном регионе. Начавшиеся переговоры российского правительства с ханом Младшего казахского жуза Абулхаиром создали предпосылки для петровских проектах открытия торговых путей в Среднюю Азию, Индию и Китай. В 1734 г. была организована специальная экспедиция, первоначально называвшаяся Киргис-кайсацкой (так в то время называли казахов). Ее основная задача заключалась в создании на территории Башкирии базы для дальнейшей экспансии Российской империи в Центрально-Азиатский регион, построить город Оренбург и пристань на Аральском море. Поэтому впоследствии она стала называться

Оренбургской экспедицией. Экспедиция, с трудом выполнив задачу строительства города на р. Орь (ныне г. Орск), в связи с начавшимися волнениями в крае с остальными задачами не справилась.

В ходе деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) 1734-1743 гг. Башкирия теряет свой особый статус в составе Российского государства. В 1736 г. функцию управления Башкирией осуществляет Оренбургская комиссия, наделенная особыми полномочиями. В 1737 г. на территории зауральских башкир Кара-табынской и Барын-табынской волостей была образована Исетская провинция с центром в Теченской слободе (с 1739 г. в Чебаркульской крепости, с 1743 г. – в Челябинске), состоявшая из трех уездов или дистриктов: Исетского, Окуневского и Шадринского.

Деятельность Оренбургской экспедиции (комиссии) сопровождалось массовым строительством городов-крепостей и укрепленных линий. Если внутренним фронтиром становятся Новая Закамская (1731–1736 гг.) и Екатеринбургская (1736 г.) линии, то вдоль внешних границ Башкирии в 1735-1743 гг. были построены Самарская, Уйская и Нижнеяицкая укрепленные линии, ставшие составной частью Оренбургской укрепленной линии. Этот процесс был ускорен начавшимся в 1735 г. и продолжавшимся до 1740 г. башкирским восстанием, которое было подавлено самым жесточайшим образом. Впоследствии, после подавления восстания, в 1744 г. учреждается Оренбургская губерния с центром в г. Оренбурге, в результате чего Башкирия превращается во внутреннюю область Российской империи.

VI этап – вторая половина XVIII в. – характеризуется дальнейшим укреплением юго-восточных границ Российского государства. которые имеют уже вполне устойчивые очертания, что позволяет предпринять более активные действия по присоединению всей территории Казахстана к России.

В заключение следует отметить, что процесс государственного освоения Волжско-Уральской фронтирной зоны (территории Башкирии) был длительным и сложным. Пограничное положение башкирского народа, в течение почти двух столетий находящегося в условиях общей нестабильности военно-политической обста-

новки на юго-восточных рубежах, изменчивости этнополитической картины в юго-восточном регионе, необходимостью каждый раз устанавливать взаимоприемлемые отношения с внешними соседями, оказывало непосредственное влияние на их социально-экономическое и политическое развитие.

Если под фронтиром мы понимаем не только процесс столкновения разных культур, но и встречное движение в сторону взаимного приспособления и взаимообогащения до полного их слияния, то этот процесс в социально-политической жизни башкирского общества продолжался с середины XVI в. до середины XIX в. – до унификации системы управления и уравнения социально-правового статуса башкирского населения с другими подданными Российского государства.

1.5. Поволжский фронтир во второй половине XVI – начале XVII вв.

Вторая половина XVI столетия в истории России стала временем присоединения огромного массива плодородных земель южной и юго-восточной лесостепи и начала их массовой колонизации. Интенсивные демографические потоки и процессы хозяйственного освоения в новых регионах сыграли чрезвычайно значимую роль в дальнейшем развитии московской государственности и общества.

Однако по отдельным регионам страны указанные процессы исследованы крайне неравномерно. Прежде всего, это касается так называемой области «понизовых городов» или «Низа», охватывающей весь европейский Юго-Восток России[1]. Между тем, ее присоединение явилось своеобразным «спусковым крючком»» для нового,

[1] Для конца XVI – XVII вв. общепринятую характеристику «области понизовых городов» приводит С.Ф. Платонов. См.: Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. 5-е издание. – М., 1995. С. 69-76.

чрезвычайного важного для последующих судеб страны этапа российской колонизации. Нельзя не согласиться с А.Л. Хорошкевич, утверждавшей, что «Казанское взятие открыло целую эпоху «расширения» Российского государства на восток... Четверть века, прошедшая с момента венчания Грозного на царство до отмены опричнины, было временем максимального увеличения государственной территории Российского царства (которое можно только сравнить с «ростом» имперской территории в екатерининскую эпоху), его превращения в крупнейшую евро-азиатскую державу»[1].

В этом огромном пространстве для специального рассмотрения следует выделить регион с условным названием «Поволжский фронтир», который охватывает территорию, прилегающую к южной части среднего и нижнему течению Волги. Основу этого «Поля» составляли практически неосвоенные к тому времени оседлым земледельческим населением лесостепные и степные земли, располагавшиеся к югу от границ Казанского края (бывшего Казанского ханства). С севера они были ограничены системой засек, черт и локальных крепостей, протянувшихся от Тетюшей к Алатырю и далее; с запада – течением Суры, являвшимся рубежом выделения Среднего Поволжья, как природно-географической области. На волжском левобережье «Поволжский фронтир» простирался на восток вплоть до перехода в Южное Приуралье, а на юге уходил за волго-донскую Переволоку к Астрахани, вглубь бывшего одноименного ханства[2]. Все это пространство во второй половине XVI – начале XVII в. можно рассматривать как особый район с близкими или идентичными особенностями исторического развития отдельных его территорий.

Присоединив эти земли, правительство, отягощенное тяжелой и затратной войной в Прибалтике, в условиях опричного ре-

[1] *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI в. – М., 2003. С. 563.

[2] Подобное выделение рубежей изучаемого региона достаточно условно, т.к. его природно-географические границы в разные периоды далеко не всегда совпадали с историческими. См., например: Советский Союз. Географическое описание в 22 томах. Европейский Юго-Восток. – М., 1968. С. 34.

жима и нарастания кризисных явлений в стране, длительное время не имело возможности приступить к их непосредственному хозяйственному освоению. В рассматриваемый период государство, в первую очередь, должно было закрепить за собой территорию бывшего Казанского ханства. «Новый летописец» так отразил эти действия: «Сам же государь праведной (Федор Иоаннович. – *Э. Д.*) чая от них (народов Среднего Поволжья. – *Э. Д.*) впредь измены ... повеле ставити ... городы, ... и насади их Рускими людми и тем он государь укрепил все Царство Казанское»[1].

Кроме этого, в политике московского правительства на Юго-Востоке важное место занимало закрепление России в низовьях Волги и создание военного плацдарма в Астрахани, а также обеспечение безопасности волжского судоходства. Все остальное пространство региона лишь формально было закреплено за Россией. В нем складывалась система неустойчивого равновесия между ногайскими, а позднее сменившими их калмыцкими кочевьями; ватагами вольного казачества, еще не окончательно разделившегося на волжское, яицкое и донское; городовыми гарнизонами русских служилых людей по прибору и отечеству, плавными ратями, а также наплывом работных людей, приходивших каждую весну для работы на судовом ходу, рыбных и других промыслах.

В Правобережье, на находившейся севернее территории бывшего Казанского ханства, интенсивная колонизация сопровождалась активным строительством городов-крепостей, перераспределением земель, формированием землевладения русской знати и помещиков, основанием новой епархии и монастырей, попытками христианизации автохтонного населения. Вплоть до середины 1580-х гг. в пространстве Казанского края не стихали мощные восстания. Край был насыщен военными гарнизонами, служилыми людьми.

К последней четверти XVI столетия граница этого «огосударствления» остановилась примерно на линии Тетюши – Алатырь и почти не менялась вплоть до середины следующего столетия. Южное пограничье уже заселенного пространства – Свияжского,

[1] Новый летописец. // Полное собрание русских летописей, изданное Археографической комиссиею (далее – ПСРЛ). Т. 14. – М., 1910. С. 36.

Алатырского и других уездов – защитили засеки, черты, а также отдельные крепости. Заволжские земли региона были прикрыты от нападений кочевников течением Камы и пригородами Казани – Лаишевым и другими.

Сложившаяся в данном регионе и на его границах совокупность укреплений, военных гарнизонов и их служб была сравнительно сложной и многоступенчатой. С одной стороны, она являлась неотъемлемой составной частью общероссийской системы обороны всего Юга и Юго-Востока, с другой – имела свои, указанные выше, оригинальные черты, характерные именно для рассматриваемых территорий. Очевидно, что и на них распространялась совершенно справедливая характеристика В.О. Ключевского условий становления и территориального расширения Московского государства в XVI в., считавшего, что постоянное военное противостояние на границах, превращало страну в «... вооруженный лагерь, с трех сторон окруженный врагами». При этом, в отличие от северо-западных рубежей, война с кочевниками «... на юго-востоке в те века ... не прерывалась ни на минуту. Такое состояние непрерывной борьбы стало уже нормальным для страны...»[1].

Кратко рассмотрим основные составляющие такого «вооруженного лагеря», складывающегося в пространстве Поволжского фронтира и на его границах. Прежде всего, на него распространялось воздействие совокупности городов-крепостей, острогов с военными гарнизонами и засек, располагавшихся за его пределами, на южных рубежах интенсивно осваиваемого Правобережья Казанского края. Так, еще в 1846 г. И.Д. Беляев писал о том, что в конце XVI в. «существовала уже длинная цепь укрепленных городов по всей степной украине от Алатыря до Рыльска и Путивля»[2]. Очевидно, что укрепления Алатырской (В.И. Лебедев называет ее Алаторской) и Тетюшской засечных черт, прикрывавшие пространство от Волги до Суры, являлись достаточно эффективной системой, защищающей ареал сельского земледельческого расселения. К югу

[1] *Ключевский В.О.* Сочинения в 9 томах. Т. 2. – М., 1987. С. 195.

[2] *Беляев И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. – М., 1846. С. 46.

от них позднее была дополнительно выстроена Ново-Тетюшская черта[1]. Первые публикации об отдельных сооружениях этих оборонительных систем[2] появились уже в середине XIX в. Их авторы сообщали о вале и рве, идущих «от города Тетюши на запад к реке Свияге и отсюда в том же направлении параллельно реке Карла, с правой ее стороны»[3]. В.И. Лебедев, в последней трети XX в. специально обследовавший район их прохождения, не приводит сколько-нибудь систематизированных данных об устройстве этой черты[4]. Современные исследователи также не дают конкретных ее характеристик[5]. Поэтому, на наш взгляд, нет достаточных оснований утвердительно говорить о единой непрерывной системе укреплений; приводить сведения об особенностях ее функционирования, гарнизонах и т.д.

Контролировать лежащее южнее засек пространство Поля и предупреждать о появлении кочевников должны были сторожи, станицы и разъезды[6]. О сторожевой службе, созданной по пери-

[1] *Лебедев В.И.* Легенда или быль. По следам засечных сторожей. – Пенза, 2006. С. 22-33; *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв. (управление Казанским краем). – Казань, 1982. С. 36; *Кочетков В.Г.* Город-крепость на Суре. Очерки истории Алатыря и уезда в XVI-XVII вв. – Чебоксары, 2012. С. 18-24.

[2] Отметим, что отдельные, возможно, более локальные участки таких укреплений имели свои особые названия – например, Пузская черта, Карлинская и т.д.

[3] *Липинский А.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Ч. 1. – СПб., 1868. С. 11. Совокупность систематизированных сведений об остатках сооружений этих укреплений собрана в рукописи Г.М. Бурова, одна из копий которой ныне хранится в архиве Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова. См. Буров Г.М. Археологическая карта Ульяновской области. – Симферополь, 1977.

[4] *Лебедев В.И.* Легенда или быль. По следам засечных сторожей. С. 14-17, 89-91.

[5] См., например: *Пашина Е.В.* Карлинская засечная линия в современной историографии. // Вестник СамГУ. № 5 (116). 2014. С. 75-79; Она же. Из истории Старой Тетюшской (Карлинской) и Новой Тетюшской засечных черт (вторая половина XVI – середина XVII вв.). // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: сб. ст. Вып. 4. – Казань, 2014. С. 146-175; Кадерова Т.Н., Вихляев В.И. Оборона юго-восточных границ Российского государства в XVI – XVII вв. (На примере Шацко-Алатырской засечной черты). // Вестник НИИ Гуманитарных наук при правительстве Республики Мордовия. 2020. № 3 (55). С. 7-17.

[6] *Беляев И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. С. 46; Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. С. 22-33; Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв. С. 36.

метру всего южного и юго-восточного лесостепного пограничья Московского государства во второй половине XVI в., написано немало работ. Особую значимость в ее судьбе имела реформа 1571 г., осуществленная князем М.И. Воротынским.

В организации сторожевой службы нас интересуют, прежде всего, действия крайних юго-восточных сторожей. Они объезжали из Казани, Свияжска, Алатыря и других городов правым берегом всю среднюю и значительную часть нижней Волги, вплоть до «Караманского леса» у устья р. Терешки, останавливаясь, немного не добравшись до построенного позднее Саратова.

Приведем чрезвычайно информативную пространную цитату из «Боярского приговора о назначении мест, где стоять головам в поле...», в которой указывалось, что: «... голове стояти на Волге под Караманским лесом из Казани... и от тое головы ездити на гору по Волге до Тетюшскаго города, а проезду днища с четыре[1]. А ездити станицам от Короманские головы к Волге по шти человек в станице, пропуща меж станиц по неделе, а не дожидаяся первых станиц... А людем с теми головами быти из розных украинных городов детем боярским и казаком по росписи: под Караманским лесом с головами из Казани да из Свияжскаго десять человек детей боярских, тридцать человек татар и чуваш из Олаторя шесть человек детей боярских да двадцать человек казаков из Темникова да из Кадомы да из Шацкаго двенадцать человек детей боярских да десять человек татар да десять человеков мордвы, из Шацкого ж двадцать человек казаков, из Рязского шесть человек детей боярских, десять человек казаков. И всего изо всех городов с тою головою людей – детей боярских тридцать пять человек, да казаков пятьдесят человек, да татар и чуваш и мордвы сто тридцать пять человек»[2].

Станицам, собранным из служилых людей «украинных городов», было велено неукоснительно объезжать, держась насколько возможно близко к западному гористому берегу Волги, мимо устьев р. Б. Иргиза, Б. Черемшана, «горловины» Самарской Луки,

[1] Вниз по Волге станицы этого головы ездили «до верх Балыклея», т.е. до вершин р. Балыклейки, впадающей справа.

[2] Акты Московского государства (далее АМГ). Т. 1. № 4. – СПб., 1890. С. 6.

через все пространство Правобережья будущего Симбирского края вплоть до Тетюшей и предупреждать о всех замеченных отрядах степняков. Несомненно, что, прежде всего, они должны были наблюдать за переправами кочевников на волжских «перевозах»[1]. Именно через эти переправы отряды ногаев, а затем и сменивших их калмыков, «переходили» на правобережье для нападений на уже заселенные районы.

Второй голова «из Шатцкого», который располагался на Дону «... на нагайской стороне в Вежках, выше Медведицы и Хопра», свои «восточные» станицы посылал «к Волге до усть Балыклея» (т.е. к тем же «вершинам» р. Балыклейки)[2]. Тем самым, удавалось закрыть основные пути набегов кочевников через междуречье Волги и Дона, а также вдоль переправ через Волгу.

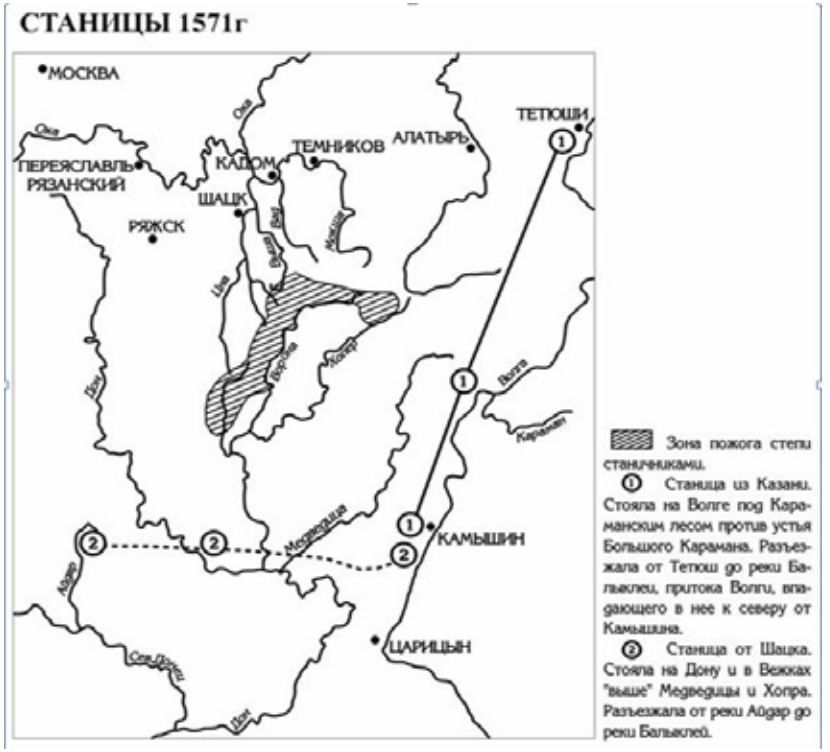
В 1570-х гг. сложилось дополнительно несколько линий разъездов сторожей. Они проходили по правому берегу к Волге и севернее и южнее первой линии[3]. Восточный край одной из указанных линий находился намного севернее т.н. «мещерских сторожей». Он шел от р. Барыша до «Цнинского леса». В первой из «мещерских» сторожей, насчитывалось 6 служилых алатырцев, контролировавших пространство в 30 верст (около 65 км) от р. Барыша до «большово» Сурского леса. На следующих участках разъезды к западу от Сурского леса, через Мокшанский лес по р. Шакше и далее осуществляли еще 4 сторожи[4]. Отметим, что все эти разъезды на востоке не доходили непосредственно до правого берега Волги.

[1] *Дубман Э.Л.* Юго-Восток Европейской России. Часть 1. Поволжский фронтир в середине XVI – XVII в. Очерки истории. – Самара, 2012. С. 43-59.

[2] АМГ. Т. 1. № 4. – СПб., 1890. С. 6.

[3] Там же. № 4, 9, 18 и др.; Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. С. 7-35; Марголин С.Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века. Сторожевая и станичная служба и засечная черта. // Военно-исторический сборник. Труды Государственного исторического музея. Вып. XX. – М., 1948. С. 3-12.

[4] АМГ. Т. 1. № 14. С. 17.

Разъезды станиц 1570-х гг. вдоль Волги[1].

В конце 1570-х гг. часть сторожей в Понизовом Поволжье упразднили. Но вместо них были привлечены к сторожевой службе арзамасские и другие станицы: «... а и пойдут которые малые люди и придут на Олатырские места ... и тех людей сакмы объезжают станицы арзамасские»[2]. Вероятно, указанные сторожи могли в определенной степени сдерживать нападения кочевников. К примеру, когда в 1580 г. ногайский бий Урус решил предпринять военный поход на правобережные окраины, мирзы его не пустили, выговаривая,

[1] Из ст.: *Лебедев В.И. Станица*. // Пензенская энциклопедия. – М., 2001. С. 579-580.

[2] АМГ. Т. 1. № 31. С. 57-60.

что: «...нынче на Волге сторожи, и оне тебя за Волгу не пустят; хотя и за Волгу перейдеш, то московские люди будут наготове»[1].

Еще одна оборонительная система складывалась на самой акватории Волги и в ее прибрежной части. Защита волжского торгового и посольского пути, крупнейших в стране сезонных рыбных промыслов, возникавших по ее берегам, становится важнейшей задачей Москвы. По поводу возведения новых городов на средней и нижней Волге – на волго-донской Переволоке, в устьях Иргиза и Самары – пытались договориться еще Иван IV и бий Ногайской орды Исмаил накануне и после окончательного присоединения Астраханского ханства (1555-1556 гг.)[2]. Однако московское правительство, занятое войной на Западе и внутренними неурядицами, вынуждено было до середины 1580-х гг. ограничиваться отправкой так называемых «плавных ратей» и использованием ватаг вольного казачества. Помимо того, речные караваны и даже отдельные суда в пространстве между Казанью и Астраханью сопровождали отряды служилых людей – как правило, стрельцов.

При этом в наиболее опасных местах волжского побережья оставлялись на весь навигационный сезон небольшие отряды стрельцов для «летования». «Опасными» обычно считали те «перелазы» (переправы) на Волге, которые использовали как посольские и торговые караваны (проходившие сухопутными путями), так и значительные отряды степняков. Подобные переправы располагались достаточно часто по нижнему и, отчасти, среднему течению реки, начиная от Астрахани, и вплоть до южной оконечности Самарской Луки[3]. Далее к северу от Луки и вплоть до устья Камы, они упоминаются крайне редко. Известно лишь одно свидетельство о случае на переправе у устья р. Б. Черемшан в конце августа – начале сентября 1489 г. Тогда через «Волгу возилися под

[1] Цит. по: *Перетяткович Г.* Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). – М., 1877. С. 302-303.

[2] *Дубман Э.Л.* Вопрос о сооружении русских городов на Волге в московско-ногайских взаимоотношениях середины 1550-х гг. // Вестник СамГУ. № 2-2 (93). 2002. С. 30-35.

[3] *Дубман Э.Л.* Юго-Восток Европейской России. Часть 1. Поволжский фронтир в середине XVI – XVII в. Очерки истории. С. 43-59.

Черемшаны» послы из Ногайской Орды «Иваков слуга, зовут его Чюмгуром, да Мусин мурзин слуга, Адиком зовут, да Емгурчеев мурзин слуга, Тувачем зовут; а всех их, государь, дватцать да два...» Дальнейший путь на запад послов и из сопровождения проходил «полем до Суры, до Пакулы до Мордвина...»[1]

Сложно сказать, насколько регулярными, повторяющимися от одного навигационного сезона к другому, случались такие «летования». Сведения о них в сохранившихся источниках встречаются достаточно редко.

В исторической науке до сих пор окончательно не решен вопрос о том, насколько последовательно русские власти пытались обеспечить безопасность плавания и промысловой деятельности на Волге во второй половине XVI в., вплоть до строительства первых русских городов – Самары, Царицына, Саратова. Но вот, например, в своем описании волжского пути участник последней английской экспедиции 1679-1581 гг. в Персию Христофор Бэрроу свидетельствует, что он насчитал 6 русских караулов, защищавших акваторию Волги между Переволокой и Астраханью, протяженностью около 400 верст. Текст англичанина настолько любопытен, что стоит привести его полностью: «В 7 верстах ниже (Переволоки. – *Э. Д.*) на острове, называемом Царицыным (Tsaritsna), русский царь держит в летнее время отряд из 50 стрельцов для охраны дороги, называемый татарским словом «караул». Между этим местом и Астраханью есть еще пять караулов или сторожевых отрядов. Первый называется «Каменный караул» – он находится в 120 верстах от Переволоки. Второй называется «Ступино-караул» (Stupino Carawool) и находится в 50 верстах от предыдущего. Третий называется «Полый (Polooy) караул» и находится в 120 верстах от второго. Четвертый, по имени «Кизеюр-караул» (Keezeyur), находится в 50 верстах от третьего. Пятый, по имени Ичкебри

[1] Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489-1508 гг. – М., 1984. С. 17. Выяснить точное местонахождение этого брода и дальнейший путь посольства попытались В.А. Гуркин и А.В. Вискалин. См.: Гуркин В.А., Вискалин А.В. О ногайской дороге из орды в Москву в конце XV в. // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. – М., 2006. С. 126-127.

(IchKebre), находится в 30 верстах от четвертого, а от Ичкебри до Астрахани – 30 верст»[1].

Очевидно, резкое увеличение количества таких караулов – «летований» – увязывалось с какими-либо значительными событиями, происходившими на Волге. Например, о посылках русских отрядов на Переволоку, устье Иргиза и в другие «опасные места» много говорится в переписке Ивана IV с Исмаилом в 1555-1557 гг. Очевидно, что это было связано с расколом в Ногайской Орде и с необходимостью направления военных сил для окончательного присоединения Астрахани[2]. Г.Д. Бурдей, изучавший русско-турецкую войну 1569 г., также делает вывод, что Москва посылала свои войска к Переволоке. При этом он упоминает о составлении особой «Росписи Астраханской годовой службе и в плавной и в Нижнем Новгороде»[3].

Концентрация таких плавных ратей и «летований», видимо, происходила не по всей акватории Волги с «перелазами» через нее, а в местах, где складывалась конфликтная ситуация. Так случилось, например, на средней Волге в 1552 г., когда готовился штурм Казани[4]. Но и в следующем, 1553 г., по свидетельству В.Н. Татищева, они также продолжали появляться на волжских «перевозех»[5].

Помимо «государевых» людей на Волге хозяйствовало еще и вольное казачество. Нередко, его атаманы находились на службе Москвы, но и в таких случаях бывало, что они совмещали «государево дело» с грабежом и разбоями. Крайне интересен в этом отношении случай, произошедший с ограблением ногайского посольства и купцов в августе 1581 г. на «Овечьем броду», у «Соснового острова» и «Тихой горы» – там, где располагается современный Хвалынск. Сохранившееся дело свидетельствует, что казаки пере-

[1] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. / Отв. ред. Н.Л. Рубинштейн; перев. Ю.В. Готье. – М., 1938. С. 265.

[2] *Дубман Э.Л.* Вопрос о сооружении русских городов на Волге в московско-ногайских взаимоотношениях середины 1550-х гг. С. 32-34.

[3] *Бурдей Г.Д.* Русско-турецкая война 1569 года. – Саратов, 1962. С. 34-36.

[4] *Дубман Э.Л.* «На Волге жить – все ворами слыть»: волжское казачество во второй половине XVI – начале XVII вв. // Центр и периферия. 2012. №. 2. С. 10-11.

[5] *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 7. – Л., 1968. С. 438.

правляли посольский и торговый караваны по царскому указу и «по прежнему обычаю, кабы добрым делом»; т.е. для них это было обыденным привычным делом. Перевезя часть из них, прежде всего, русских послов и людей их сопровождавших, через Волгу, казаки напали на оставшихся и ограбили их. Среди участников этого разбоя указаны «козаки волские и мордва». Пожалуй, это единственный случай упоминания «мордвы» в описаниях разбоев на Волге. Опасаясь наказания из Москвы, здесь же, на переправе, казаки смогли подстеречь и разгромить отряд ногаев в 600 человек, ходивший грабить «алатарские места с азовскими людми вместе»[1].

Характерно, что помимо «местных» казаков, в документах упоминаются и приходившие на волжские берега днепровские. Областное деление вольного казачества еще только начинало оформляться и переходы с одной реки на другую терских, гребенских, днепровских, яицких и других ватаг вольницы было обычным делом.

Обилие известий о казачьих разбоях на Волге в русско-ногайских делах, жалобах воевод и купцов создает впечатление, что в какие-то периоды Волга действительно становилась «казачьей рекой». Приведем только несколько примеров их деятельности. Так, например, в 1570 г. ногайские мурзы жаловались русским послам «только государь велит де казакам у нас Волгу и Самару и Яик отняти и нам де на сем от казаков пропасти: улусы наши и жон и детей поемлют»[2].

Несколько позднее, в 1604 г., бий Большой ногайской орды Иштерек писал Борису Годунову: «Токо бы казаки на улусы приходили сухим путем, и он бы над казаками умел промышляти. А то де казаки приходят на них водяным путем, в розни многими людьми... а на воде над ними промыслу никоторого не умеет учи-

[1] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 127-об.-128, 140-142, 147-149, 258-258-об., 269-270; Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Ч. 1. Яицкое войско от образования до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.). – Уральск, 1911. С. 853.

[2] Цит. по: *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. – Новосибирск, 1986. С. 138. Эта фраза свидетельствует и о степени влияния московских властей на действия вольницы.

нить... И быть им (ногаям – *Э. Д.*) от казаков в великом разоренье. А уберечись от казаков никоим обычаем нельзя, потому что казаки многие. А приходят разными протоками и многими людьми, по двести и по триста и более человек»[1].

Только после завершения Смуты, да и то далеко не сразу, правительству удалось покончить со своеволием казачества на Волге. Ее нижнее течение, вплоть до Самарской Луки, контролировалось отрядами, расселившимися в казачьих городках. Неизвестно, были ли это только «летовья», но, по данным А.А. Гераклитова, начиная от городка, располагавшегося в 150 км ниже Царицына и далее выше по течению Волги, насчитывалось 8 таких городков, в которых состояло не менее 600 человек[2].

Весной 1614 г. из Москвы начали посылать царские грамоты в казачьи сообщества, уговаривая их выступить против авантюры И. Заруцкого, укрепившегося в Астрахани. В них к волжскому казачеству обращались как к совершенно самостоятельному единому войску. Его поместили в грамотах выше яицких и терских казаков и именовали: «... на Волгу атаманом и казаком всему великому войску» или «всему вашему Волскому великому войску»[3]. Командующим царским войска, шедшим Волгой к Астрахани, было поручено привести казакам «царское жалованье, денги и сукна, и хлебные запасы, и вино...» Такое обращение к разрозненным отрядам вольного казачества, очевидно, было уловкой – попыткой противопоставить друг другу возможных противников.

О строительстве русских городов-крепостей в южной части средней и на нижней Волге мы будем говорить особо. А пока можно сделать вывод, что созданная во второй половине XVI в. в пространстве «Поволжского фронтира» совокупность городов-крепостей, острогов и засечных линий с военными гарнизонами; сторожевой службы, «плавных ратей», отрядов вольного казачества на «перелазах», а также сопровождавших волжские караваны

[1] Цит по.: *Кусаинова Е.В.* Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV – XVII вв. – Волгоград, 2005. С. 130.

[2] *Гераклитов А.А.* История Саратовского края в XVI-XVIII вв. – М.-Саратов, 1923. С. 198.

[3] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедициею (далее ААЭ). Т. 3. – СПб., 1836. №18. С. 21-23; №25. С. 46-54.

отрядов стрельцов, взаимно дополняли друг друга и позволяли обеспечить определенную безопасность региона.

И все же созданная система защиты не всегда действовала эффективно. Она не могла полностью ликвидировать опасность нападений кочевников и казачьей вольницы. Так, в 1589 г. князь Г.О. Засекин, воевода только что возведенного Царицына, сообщал, что «воровские казаки и Черкасы... пошли на Алатырские и на Темниковские места Мордовских... грабить, и на Алатарскую станицу им приходить»[1]. Сведения о таких нападениях нередко встречаются в источниках[2].

Основная часть набегов степняков шла из Заволжья. Отряды ногаев, а позднее вытесненных их калмыков, перебирались на «перелазах» через Волгу и, пройдя практически незаселенное пространство Симбирского края, врывались в освоенные районы Алатырского и других уездов. Например, в 1612 г. крупный ногайский отряд разгромил селения в районе «Пузских ворот» на стыке Алатырского и Арзамасского уездов. Видимо, этот же отряд «из Иштерекова улуса» в том же году был настигнут на «Самарском перевозе» с «русским полоном»[3].

Служилые люди понизовых городов в конце XVI – начале XVII вв.[4]

Исследователи нередко называют вторую половину XVI – начало XVII в. временем «градостроительной экспансии» в южное и юго-восточное лесостепное пространство России. Широкомас-

[1] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией (далее – АИ). Т. 1. № 230. – СПб., 1841. С. 445.

[2] См., напр.: Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. – М.-Л., 1948. С. 431-433.

[3] *Димитриев В.Д.* Участие населения Чувашии в борьбе против польской и шведской интервенции в начале XVII века. // Вопросы древней и средневековой истории Чувашии. – Чебоксары, 1980. С. 89-90; Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Т. 1. Архив князя В.Ю. Баюшева. – Казань, 1982. С. 53.

[4] См.: *Дубман Э.Л.* Гарнизоны понизовых городов-крепостей в конце XVI – начале XVII в. // Вестник военно-исторических исследований: Сборник научных трудов. / Под редакцией С.В. Белоусова. – Пенза, 2021. С. 5-14.

штабное строительство крепостей и острогов, формирование их гарнизонов позволили окончательно закрепить вновь присоединенные плодородные земли Юга, Среднего и Нижнего Поволжья, Приуралья и Западной Сибири; обеспечить безопасные условия их земледельческой и промысловой колонизации.

Используя понятие «города» для эпохи средневекового Московского государства необходимо учитывать, что историки трактуют его по-разному[1]. Несомненно, что большинство из так называемых в государственном делопроизводстве и других письменных источниках «городов», не соответствует современному значению данного термина. По подсчетам специалистов, в середине – второй половине XVII в. не менее 60% их жителей в целом по стране составляли служилые люди «по прибору и отечеству» и члены их семей[2]. Причем, во вновь основанных или находившихся в пограничье, в зоне постоянных нападений степных народов «городах», доля военизированного населения достигала 80-90 и более процентов[3]. Разумеется, это были, прежде всего, военные, хорошо укрепленные крепости. Но мы, как и многие другие исследователи, исходим из традиционного обозначения таких поселений в письменных источниках XV-XVII вв.[4] Вывод Б.Н. Миронова, считающего: «Мне

[1] Краткий анализ различных точек зрения и свой подход к этому вопросу можно найти у Я.Е. Водарского. См.: Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). – М., 1977. С. 115-120 и далее; Он же. Проблемы сущности, времени и места основания городов. // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI-XVIII вв.). Тезисы докладов научной конференции (Москва, 3-5 декабря 1996 г.). – М., 1996. С. 57-59.

[2] *Смирнов П.* Города Московского государства в первой половине XVII в. Вып. 2. Количество и движение населения. Т. 1. – Киев, 1919. С. 346; Водарский Я.Е. Численность и размещение посадского населения России во второй половине XVII в. // Города феодальной России: Сборник статей. – М., 1966. С. 279.

[3] См., например: Дубман Э.Л. Документы Генерального Двора в с. Преображенском как источник по составу и количеству населения русского города рубежа XVII-XVIII вв. // Проблемы российской и социальной истории: сборник научных статей. – Самара, 2011. С. 102-115.

[4] *Ключевский В.О.* Отзыв о исследовании Н.Д. Чечулина «Города московского государства в XVI в.» // Ключевский В.О. Сочинения. В восьми томах. Т. 8. Исследования, рецензии, речи (1890-1905). – М., 1959. С. 203. Практически, о том же самом пишет и Чечулин. См.: Чечулин Н. Города Московского государства в XVI в. – СПб., 1889. С. 9 и др.

кажется, что самое старое мнение – городами являются те поселения, которые признавали городами современники – не устарело до сих пор»[1], очевидно, является наиболее приемлемым.

Эволюция подобных городов и прежде всего их военизированного населения в различных регионах российского пограничья происходила по-разному. Рассмотрим среди них локальную, характерную для пространства Поволжского фронтира, группу, состоящую из Самары, Саратова и Царицына. Она сложилась в конце XVI в. по средней и нижней Волге, закрывая (учитывая еще Тетюши) практически все пространство реки между Казанью и Астраханью. В течение длительного времени все эти города являлись военизированными поселениями, основная задача которых состояла в обеспечении безопасности судоходства на волжском пути. Помимо того, необходимо было высылать ратных людей для защиты так называемых «перелазов» – бродов через акваторию реки, пресекая попытки прорыва отрядов кочевников на уже заселенные территории бывшего Казанского ханства. Следует отметить, что все они играли особую геополитическую роль в развитии Поволжского фронтира. Их можно называть передовыми форпостами, фиксирующими новые пространства на европейском Юго-Востоке за Москвой; своеобразным символом российской государственности в отношениях с Большой Ногайской Ордой, Ираном и другими соседними государствами.

Специфика рассматриваемых городов на волжских берегах, отличающая их от аналогичных военизированных поселений европейского Юга и Казанского края состоит в том, что в тот период вокруг них не сложилась земледельческо-промысловая округа, свой уезд. Причина этого обусловлена их географическим положением. Все они располагались локально, на значительном удалении от территорий со сплошным оседлым земледельческим расселением.

Самара и соседние с ней города не были единичными в пространстве волжского Понизовья и прилегающих к нему террито-

[1] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. – СПб.,1999. С. 282.

рий. Во второй половине XVI в. подобный процесс их градостроительства активно шел в низовьях Терека, в устье Яика (р. Урал); имелись и другие, осуществленные позднее проекты возведения новых военных поселений на Волге. Даже ногайские бии просили Москву помочь устроить им укрепленные «города» на своих заволжских территориях[1].

Все указанные выше обстоятельства определили полное преобладание в составе населения Самары, Саратова и Царицына служилых людей и членов их семей. Только после завершения Смутного времени в волжских городах начинает складываться посадское население. В более ранний период Самару и ее соседей следует считать «крепостями», с совокупностью оборонительных сооружений и вооружением, военизированными гарнизонами, располагавшимися в их окрестностях заставами, и т.д.

Изучение особенностей начального периода складывания этих гарнизонов, состава и численности служилых людей в них является основной задачей исследования. Историками данная тема рассматривалась лишь косвенно[2].

Источниковая база для такой работы, несмотря на то, что она представлена несколькими группами источников: законодательными актами, летописями, приказным московским и провинциальным делопроизводством; записками западных, восточных и русских наблюдателей, фрагментарна и недостаточна. В основном, сохранились лишь единичные документы, содержащие отдельные разрозненные сведения. Архив приказа Казанского Дворца – центрального учреждения, непосредственно управлявшего всем этим регионом, – почти полностью сгорел в начале XVIII в.[3] В фондах Разрядного и Посольского приказов, также имевших отношение к Волжскому Понизовью, процессы, происходившие на данных территориях, отражены крайне скудно. Традиционные для историков

[1] *Дубман Э.Л.* Строительство городов на Юго-Востоке Европейской России в конце XVI века. // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. темат. сб. науч. тр. Вып. 25. – Калининград, 2019. С. 41-52.

[2] *Дубман Э.Л.* Крепостное строительство на Юго-Востоке Европейской России в конце XVI – начале XVII века. // Самарский научный вестник. Т. 8. № 4 (29). 2019. С. 172-174.

[3] *Ермолаев И.П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв. С. 6-7.

сводные данные о составе и количестве служилых людей гарнизонов рассматриваемых городов практически отсутствуют в Разрядных книгах, росписях и сметах военных сил и других иных делах рубежа XVI-XVII вв. Исследователям приходится использовать только отдельные фрагментарные материалы, выявленные в архивных коллекциях. Особо следует выделить для рассмотрения начальной истории ратных людей Самары совокупность источников, отложившихся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в фонде Квашниных-Самариных (до 1687 г. – Самариных). Копии этих дел в настоящее время хранятся в Центральном государственном архиве Самарской области (ЦГАСО)[1].

Сложившееся положение с источниками позволяет создать только самую общую, имеющую предварительный характер реконструкцию состава и численности служилых людей волжских городов.

От рассматриваемого периода сохранилось всего несколько характеристик волжских городов иностранцами и русскими наблюдателями. Среди описаний западноевропейцев особую значимость представляют свидетельства монахов-кармелитов, спускавшихся по Волге летом 1606 г. Они сообщали, что ниже от Камы «... только время от времени можно было встретить несколько жалких поселений, жителями которых являлись в основном солдаты, да приговоренные к ссылке». Несомненно, что речь здесь идет о Самаре, Саратове и Царицыне. Зимние месяцы 1606-1607 гг. монахи провели в Царицыне. Их описание пребывания в таком «жалком поселении» весьма красноречиво: «Царицын был тогда малозначительным городом... В нем насчитывалось немного более сотни домов. Была там однако крепость, но она... казалась более пригодной содержать мародеров, чем оказывать сопротивление корпусу регулярных войск»[2]. Сложно судить, насколько их суждения соответствовали действительности, но отзыв о крепости и ее

[1] Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (далее – ГИМ, ОПИ). Ф. 253. № 2.

[2] *Магилина И.В.* Посольство монахов-кармелитов в России. Смутное время глазами иностранцев. 1604-1612 гг. (Новейшие исследования по истории России). – М., 2018. С. 117-118.

жителях получился самый неблагоприятный. Еще один иностранец, Дон-Хуан Персидский, путешествовавший Волгой в 1599 г., сообщал, что «*... по берегам реки расположены небольшие селения с деревянными домами*»[1]. *Плывший с ним англичанин В. Парри на всем пути от Астрахани до Казани не нашел ничего любопытного «... кроме трех или четырех деревянных крепостей или блокгаузов, для охраны реки»[2]. Судя по этим и ряду других описаний, возникшие в конце1580-х – начале 1600-х гг. волжские города при обзоре с реки не представляли никакого интереса.*

Выше уже говорилось, что все они не имели посадов с живущими в них податными людьми. Практически все «горожане» являлись ратными людьми на государевой службе и членами их семей. Среди них большинство составляли стрельцы. Кроме того в источниках указаны «литва» или «литовские иноземцы», городовые казаки, пушкари. К начальствующим людям, кроме воевод, голов и руководства съезжей избы, относились дети боярские.

В начале XVII в. воеводам, ратным людям Самары и других городов пришлось принять участие в вооруженных столкновениях Смуты. Акватория Волги была весьма удобна для осуществления авантюр различных самозванческих «царевичей», здесь не однажды происходили столкновение царских войск и отрядов мятежников, получило развитие авантюрное предприятие И. Заруцкого. В основном, в источниках этого периода, сообщающих о подобных событиях, упоминаются стрельцы. Так, например, в летописи, содержащей сведения о походе отрядов «царевича» Петра вверх по Волге в 1606 г., говорилось: «И астраханские, и терские, и саратовские, и самарские стрельцы крест ему целовали. И поцеловав крест, они много дворян побили...»[3]

[1] Из рассказов Дон-Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства чрез Россию от Астрахани до Архангельска в 1599-1600 гг. / Пер. с испанского С. Соколова. // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР). Кн. 1 (188). Отд. III. Материалы иностранные. – М., 1899. С. 8.

[2] *Парри Вильям.* Проезд чрез Россию персидского посольства в 1599-1600 г. / Пер. с англ. С. Соколова. // ЧОИДР. 1899. Кн. 4 (191). Отдел III. Материалы иностранные. – М., 1899. С. 4.

[3] *Корецкий В.И.* Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова. // История СССР. 1968. № 4. С. 130.

В грамотах октября 1610 г. Лжедмитрия II на Самару (гарнизон крепости перешел на сторону самозванца), речь идет в основном о стрельцах[1]. Именно стрельцы, по свидетельствам современников событий, преобладали в гарнизонах волжских городов. При этом вряд ли стоит доверять записи в дневнике Яна Петра Сапеги, что в феврале 1609 г. прибыли к Лжедмитрию II гонцы из Саратова «... с повинной челобитной от детей боярских и от посадских и от всего того саратовского уездного мира»[2]. Несомненно, прав А.А. Гераклитов, считая, что данные о таких «повинных челобитных» в дневнике Сапеги имеют один шаблон, они трафаретны. Совершенно очевидно, что ни своего посада, ни уезда Саратов в Смуту не имел[3]. Его основным жителями были стрельцы с семьями.

Такого же мнения придерживаются и другие историки. И.О. Тюменцев, основываясь из материалах начала XVII в., считает, что Царицын населяли «... стрельцы, служилые казаки и их семьи, а также «гулящие люди». Стрельцов, по его мнению, было около «300 человек, пеших и конных»[4]. А.А. Гераклитов, основываясь на материалах зимовавших в Саратове в 1600 г. русского и иранского посольств, пишет, что это было исключительно военное поселение. Постоянными «насельниками» в нем Гераклитов называл стрельцов, а годовальщиками именовал детей боярских. Историк указывал еще на «немцев», но не считал их служилыми людьми. По его мнению, это могли быть пленные, сосланные жить в Саратов (то есть неслужилые)[5]. К подобному выводу приходит и Я.Н. Рабинович[6].

[1] ГИМ, ОПИ. Ф. 253. № 2. Л. 30-31, 32-33.

[2] Дневник Яна Петра Сапеги 1608-1611. Памятники истории Восточной Европы. Источники XV-XVII вв. Том IX. Составители тома: И.О. Тюменцев, М. Яницкий, Н.А. Тупикова, А.Б. Плотников. Отв. редакторы: И. Граля, И.О. Тюменцев. М. – Варшава, 2012. С. 95- 97.

[3] *Гераклитов А.А.* История Саратовского края в XVI-XVIII вв. Саратов, 1923. С. 195-196.

[4] *Тюменцев И.О.* Начало Царицына: гипотезы и факты. // Стрежень: Научный ежегодник. Вып. 1. – Волгоград, 2000. С. 135.

[5] *Гераклитов А.А.* История Саратовского края в XVI-XVIII вв. С. 188-190.

[6] *Рабинович Я.Н.* История первоначального Саратова 1590-1604 годов: характеристика источников и хронология событий (до начала Смутного времени). // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. «История. Международные отношения». Т. 16, вып. 1. – М., 2016. С. 84-85.

Материалы по первым – 1586-1587 годам формирования гарнизона Самары позволяют считать, что в ней размещались в основном стрельцы. Кроме них следует назвать «литву» («литовских людей») и детей боярских[1]. Как считают Я.Н. Рабинович и Ю.Н. Смирнов, в начальный период Смуты гарнизон города состоял из 200-300 пеших и 100 конных стрельцов, немногих боярских людей, пушкарей и воротников. Позднее число ратных людей несколько уменьшилось[2]. «Понизовой» авантюре И. Заруцкого, судя по материалам окладных книг 1612 / 1613 г., могло противостоять 300 (50 конных и 250 пеших) самарских и 205 (75 конных и 130 пеших) саратовских стрельцов[3]. Очевидно, гарнизон Саратова к концу Смуты также составлял около 300 человек. Его стрельцы и прочие служилые люди после гибели своего города перешли в основном в соседнюю Самара. Помимо того, в Самаре кроме самарских и саратовских стрельцов насчитывалось небольшое количество «астраханцев», детей боярских, пушкарей и воротников[4].

Таким образом, к концу Смуты в Самаре, Саратове и Царицыне (ко времени гибели двух последних) количество служилых людей в каждом составляло около 300, или немногим более, человек.

Нагрузка, выпавшая на эти малочисленные гарнизоны, была чрезвычайно велика. Стрельцы, остальные служилые люди помимо защиты своего города должны были, прежде всего, сопровождать посольские и торговые караваны, проходившие Волгой и степными путями из Средней Азии.

[1] *Дубман Э.Л.* О князе, который строил города (жизнь и деятельность князя Григория Засекина). – Самара, 2018. С. 96-108; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1. Самарское Поволжье в составе Российского государства. XVI – первой половины XIX вв.: монография. / [Ред. кол.: П.С. Кабытов (гл. ред.) и др.; науч. ред. Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов]. 2-е изд., испр. и доп. – Самара, 2020. С. 73-77.

[2] *Рабинович Я.Н., Смирнов Ю.Н.* Служилые люди пограничной крепости на Волге в событиях начала царствования Михаила Романова. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: «История, филология». Т. 19. № 1. 2020. С. 62.

[3] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. / Изданы под редакцией Н.И. Веселовского. Т. 2: Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Федоровича. – СПб., 1892. С. 241.

[4] История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1. Самарское Поволжье в составе Российского государства. XVI – первая половина XIX вв. С. 82.

В этом отношении интересен казус с сопровождением каравана судов, поднимавшихся в последние месяцы навигации 1586 г. из Астрахани по Волге. Его охранял казачий голова В. Аничков с 4-мя сотнями стрельцов и казаков. В Самаре он попытался передать суда для дальнейшего сопровождения местным служилым людям. Однако, как сообщал Аничков, самарские «стрельцы и казаки» были не готовы принять это поручение. Они объяснили свой отказ тем, что «... ставили на Самаре город и живучи проели и запасу у них не стало...»[1]

Сопровождение судовых караванов с передачей их «из рук в руки» под охрану гарнизонам волжских городов упорядочивалось особыми указами. Например, в 1597 г. было велено суда с русским и иранским посольством отправить по Волге из Казани под охраной стрельцов: «... а на Самару и на Саратов и на Царицин послати государевы грамоты, а велети посылать провожатых от города до города с сотники по сту ж человек»[2].

В 1599 г., Дон-Хуан Персидский, плывший вверх по Волге с иранским посольством, сообщал, что «... чрез каждые десять дней высаживались в каком-нибудь местечке... В каждом селении [городе – Э. Д.] мы оставляли гребцов и брали других на свои галеры – все это делалось по распоряжению ратников, которые провожали нас по приказанию московского царя... Каждую ночь мы проводили на берегу в открытом поле под охраной и защитой ста ратников»[3].

К постоянным службам относились также сопровождение посольских и купеческих караванов в заволжской степи, охрана «перевозов» через Волгу, дежурство на окружающих крепости заставах, защита рыбных промыслов, отдельные «посылки» и т.д. Людей в гарнизонах понизовых городах явно не хватало для выполнения этих и прочих поручений.

[1] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 65-66.

[2] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. / Изданы под редакцией Н. И. Веселовского. Т. 1. Царствование Федора Иоанновича. – СПб., 1890. С. 340.

[3] Из рассказов Дон-Хуана Персидского. С. 8.

По сравнению с Царицыном и Саратовом гораздо больше сведений о формировании начального состава и численности служилых людей имеется по Самаре. В наказной памяти, посланной Г.О. Засекину весной 1586 г., князю поручено составить план и смету строительства города, определить необходимое для поселения в нем число стрельцов и казаков[1]. «Ногайские дела» свидетельствуют, что с Засекиным строить и обживать новый «город» были направлены казанские стрельцы, казаки и литовские «иноземцы», однако их количество не указано. Известно, что у «иноземцев» головой был Семейка Кольцов[2]. Очевидно, что в первом гарнизоне Самары преобладали стрельцы; казаков насчитывалось значительно меньше, совсем мало было литвы.

О количественном соотношении групп ратных людей позволяет судить перечень и количество поручений, возложенных на них. В основном, поручения давались стрельцам и, гораздо реже, казакам. Самыми ненадежными оказались литовские «иноземцы». Именно «литва» вступила в сговор с посаженными в тюрьму яицкими казаками и атаманами с целью поднять бунт и сжечь зимой – в начале весны 1587 г. Самару[3]. Однако в этом заговоре приняла участие лишь часть «литвы». Иначе странной выглядит память из Казанского Дворца, полученная весной 1587 г. Засекиным, о прибавке хлебного жалования «литовским людям» на русской службе десятникам И. Агафонову и Ф. Пухальскому[4].

О конфликтах между литовскими «иноземцами» можно судить и по их требованию посадить на неделю в тюрьму Венедикта Куровского (явно из той же «литвы») и дать распоряжение сыну боярскому охранять проезжающих «литовских людей». Эти жалобы и просьбы были помещены в памяти из Посольского приказа,

[1] ГИМ, ОПИ. Ф. 253. № 2. Л. 3.

[2] РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1586 г. Д. 13. Л. 38-40. Его в начале осени 1586 г. Г. Засекин посылал к яицким казакам с призывом идти на государеву службу.

[3] *Карпов А.Б.* Уральцы. Ч. 1. Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.): исторический очерк. С. 858-859.

[4] ГИМ, ОПИ. Ф. 253. № 2. Л. 2.

направленной в 1587 г. уже новым властям города – И.В. Гагину и Ф. Ельчанинову[1].

Уникальным по информативной ценности источником является именная роспись 89 детей боярских, направленных на самарскую службу в 1586-1587 гг.[2] В основном, они представляли «служилые города» Казани (40 чел.) и Свияжска (39 чел.). Денежные служилые оклады этих детей боярских составляли от 7 до 10 руб. Наименее обеспеченные группы по каждому городу (оклад 7 руб.) являлись и самыми немногочисленными: из Казани 3 человека, из них 1 новик, из Свияжска всего 2. Кузьмодемьянские власти отправили лишь 5 чел. с окладами от 8 до 10 руб. Из 5 присланных ядринцев всего один имел оклад в 9 руб., двое по 7 и остальные двое – 5 и 6 руб.[3]

Отправка столь многочисленной группы детей боярских в крепость, в окрестностях которой из-за набегов кочевников никто не занимался земледелием (и соответственно не имело смысла наделять поместными дачами служилых людей по отечеству), является уникальной. Очевидно, что они, как и остальные категории служилых людей Самары, были годовальщиками и посылались на короткие сроки, без семей. Отправка годовальщиков для усиления уже сложившихся гарнизонов понизовых городов была традиционной и для времени, наступившего после завершения Смуты[4].

Практически не удается найти источники, объясняющие, как с основания крепости проходил процесс «оседания» в ней служилых людей, обзаведение их дворами и хозяйством. Поэтому невозможно показать процесс начального складывания оседлого потомственного населения Самары.

В этом отношении особую значимость приобретает грамота царя Федора Иоанновича в Самару, относящаяся к 1594 г. В ней изложен запрет «править» за умерших стрельцов денежное и хлебное

[1] Там же. Л. 12.

[2] Там же. Л. 6-11.

[3] Там же.

[4] *Малинкин Е.М.* Вооруженные силы юго-восточной части Европейской России в XVII – начале XVIII вв.: дис... канд. ист. наук. – Самара, 2013. С. 220-221, 223-225, 228.

жалование на их женах, детях и поручниках. Далее по тексту говорилось о записи в службу детей умерших стрельцов и женитьбе новоприборных на молодых стрелецких вдовах. Там же отмечен ряд дополнительных моментов о правеже хлебного жалованья беглых стрельцов на их поручниках и о даче новых пищалей стрельцам. Вряд ли стоит сомневаться в том, что все перечисленные нормы имели отношение уже к ставшему постоянным военизированному населению города, к семьям служилых людей. Но, когда именно это постоянное население начало складываться, неизвестно[1].

Только спустя 20 лет после появления этой грамоты, в период борьбы с авантюрой И. Заруцкого, сохранившиеся источники убедительно свидетельствуют о постоянном населении города. Самарский воевода Д.П. Лопата-Пожарский зимой 1614 г. так описывал состав жителей Самары и их бедственное положение: «... Да здесе, господа, в Сомарском служилые люди и всякие ружники и оброчники бедны и голодны... а служилые б люди и всякие ружники и оброчники не померли голодною смертию и в рознь не розбрелись...»[2] Под ружниками и оброчниками воевода подразумевал людей, получавших жалование – ругу. Это были, прежде всего, священно- и церковнослужители. Приводя сведения о гарнизоне, Пожарский писал только о стрельцах, постоянно проживавших в городе со своими семьями: «... а многия, государь, стрельцы нужны [бедны – *Э. Д.*], и стрелетцкие жены и дети по миру ходят. А служилые, государь, люди топеря з голоду розно не брядут: держит их зимней путь; а на весну, государь, удержати их з голоду будет не мочно, разбредутца розно»[3].

Рассмотренный вариант формирования исключительно военизированного населения волжских городов следует считать достаточно редким для конца XVI – начала XVII вв. При этом, действительно, в определенный период истории их гарнизонов основу служилых людей в них составляли годовальщики. В это же время

[1] ГИМ, ОПИ. Ф. 253. № 2. Л. 15.

[2] АИ. СПб., 1841. Т. 3: 1613-1645. № 260. С. 426-428.

[3] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. / Изданы под редакцией Н. И. Веселовского. Т. 2. С. 220.

и значительно раньше на южных рубежах страны и на территории Казанского края постоянные гарнизоны большинства новых городов складывались практически одновременно с основанием города. Намного быстрее в них происходило и формирование посадского населения, а также возникновение сельской округи – уезда.

Несомненно, что изучение начальной истории военных гарнизонов понизовых городов нельзя считать завершенным. Но успешно продолжать его далее возможно только при выявлении достаточно репрезентативной совокупности новых источников.

1.6. Волжское пограничье в первой половине XVII в. (от завершения Смуты до засечных черт середины столетия)

Из кризиса Смуты территория Поволжского фронтира вышла менее разоренной, чем западные и центральные районы страны[1]. Однако акватория Волги и прилегающее к ней прибрежное пространство были все же сильно опустошены. Голландец И. Масса, посетивший в это время Россию, писал: «Купцы, бывшие в Саратове, Самаре и других местах, претерпевая бедствия, блуждали по стране, и каждый бежал своей дорогой...»[2] Практически прекратилось сообщение на сухопутных степных путях, связывающих Московское государство со Средней Азией.

Государству и обществу необходимо было приложить значительные усилия для того, чтобы восстановить сложившуюся ранее систему торговых связей, судовых путей и перевалочных пунктов;

[1] *Сташевский Е.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Часть первая. Московское общество и государство от начала царствования Михаила Федоровича до эпохи Смоленской войны. – Киев, 1913; Он же. Пятина 142-го года и торгово-промышленные центры Московского государства. // ЖМНП. №XXXVIII. 1912, апрель; Смирнов П.П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т.1. Вып. 2. – Киев, 1919; Карпачев А.М. Пятина 1634(142) года как источник для изучения социально-экономической истории Московского государства. // Исторические записки. № 33. – М., 1950.

[2] *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. – М., 1937. С. 153.

совокупность городов-крепостей, острогов и промысловых предприятий. Лишь в 1614 г., после того, как из Казани в низовья Волги направили крупные военные силы и была ликвидирована авантюра И. Заруцкого, ситуация в крае начинает меняться к лучшему. «Замирение» коснулось и казачьей вольницы, которая вынуждена была покинуть свои городки на волжских берегах[1]. Воевода Астрахани писал летом этого года в Казань и в другие города: «... да велети б, господа, вам ехати к нам в Асторохань всяким торговым людем со всякими товары и с запасы, и кто похочет учюги откупати»[2].

Успехи активных действий русского правительства в Понизовом Поволжье становятся очевидными уже к середине – второй половине 1610-х гг. Так, в 1616 г. власть русского царя над собой вновь признала Большая Ногайская Орда[3]. Позитивные тенденции проявились и в восстановлении уничтоженных в годы Смуты низовых городов. В 1614 г. был заново отстроен на новом месте Царицын[4], а двумя годами позднее возведен на левобережье Волги Саратов[5]. На первых порах это были крепости с гарнизонами, состоявшими в основном из годовальщиков. Именно поэтому в роспись окладов 3-й пятины 1616 г. из «малых» волжских городов, располагавшихся ниже устья Камы, оказалась включенной только Самара. Не попавший в роспись Тетюши, очевидно, был причислен к группе «Казань со Свияжском и пригородами»[6].

Безопасность на Волге обеспечивалась и отрядами, летовавшими во временных острожках. Московский гость Ф. Котов в 1623 г. приводит описание, увиденного им острога на р. Камышинке (на Камышинском волоке, где переправлялись казаки с Дона на Волгу), в котором «... стоят по пятисот и по семисот стрелцов с

[1] *Гераклитов А.А.* История Саратовского края в XVI-XVIII вв. С. 198.

[2] АИ. Т. 3. 1613-1645. №28. – СПБ., 1841. С. 27.

[3] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. С. 72-78.

[4] *Тюменцев И.О.* Начало Царицына: гипотезы и факты. С. 141.

[5] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 3. Царствование Михаила Федоровича (продолжение). – СПб., 1898. С. 144; Гераклитов А.А. История Саратовского края. С. 199-201.

[6] *Воскобойникова Н.П.* К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII века. // История СССР. 1986. №3. С. 156, 158-161.

весны до осени казанских и пригородошных. А как на осень пойдут с осенным с астороханским тавором, так и острожек сожгут»[1].

Во второй половине 1620-х гг. правительство предприняло дополнительные усилия для обеспечения безопасности волжского Понизовья. В 1626 г. между Царицыным и Астраханью была построена еще одна крепость – Черный Яр, описание которой как исключительно военного пункта на Волге приведено у А. Олеария. Важнейшим событием для всего региона стала реконструкция в эти годы оборонительных и других сооружений Астрахани. Олеарий приводит подробные сведения о перестройке крепостных стен, монастырей и храмов[2]. Тогда же были дополнительно укреплены оборонительные сооружения Саратова[3]. В Росписи служилых людей понизовых городов на 1631 г. среди стрельцов, посылаемых временно в этом году на службу в Саратов, постоянно упоминается цель посылки – «на острожное дело», «для городовой и острожной службы»[4].

Все эти меры способствовали хозяйственному восстановлению Понизовья, созданию более безопасных условий для развития волжского судоходства и промыслов. Они способствовали притоку предприимчивых светских и церковных промышленников, значительных масс работных людей из селений и посадов верхней Волги[5]. В 1624 г. власти Казани писали, что в «... казанских водах ... недолавливается рыба для царя...» и жаловались на то, что рыбные ловцы уходят к Самаре, Саратову и в низовья Волги, где «идут в оброк» к монастырям[6].

[1] *Петровский Н.М.* Новый список путешествия Ф.Я. Котова. // Известия Отделения Русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. XV. Кн. 4. – СПб., 1910. С. 292.

[2] *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию… – М., 1906. С. 391.

[3] Книги разрядные. Т. II. – СПб., 1855. С. 288; Рабинович Я.Н. Воеводы левобережного Саратова (1616-1641). – Саратов, 2013. С. 25-26.

[4] *Малинкин Е.М.* Вооруженные силы юго-восточной части Европейской России в XVII – начале XVIII вв. С. 220-221.

[5] *Степанов И.В.* Хозяйственная деятельность Московского государства в Нижнем Поволжье в XVII веке. // Ученые записки Ленинградского гос. университета. Серия исторических наук. Вып. 5 (48). – Ленинград, 1939. С. 89-90.

[6] ААЭ. Т. 3. № 153. С. 219.

Несомненно, что центром всего волжского Понизовья являлась Астрахань, власти и военный гарнизон которой являлись основными исполнителями правительственной политики в обширном регионе от Царицына до Терков на северном Кавказе и устья р. Яик (Урал), контролируя все его пространство. Не будем специально останавливаться на особенностях развития этого города, так как он находится за пределами рассматриваемой нами территории. Отметим лишь, что, по мнению наблюдателей начала XVII в., его население достигало 10 тыс. жителей[1]. В.Н. Бернадский и И.И. Смирнов, изучавшие материалы обыска, проведенного в Астрахани по делу о злоупотреблениях астраханского воеводы и приказных людей, считают, что он затронул 1563 чел., и это была лишь меньшая часть ее мужского населения. Несмотря на интенсивное развитие торгово-промысловой деятельности в городе и его округе, исследователи справедливо делают вывод, что служилые люди в Астрахани преобладали среди жителей города[2].

Стабилизация наблюдалась и на северных рубежах изучаемого региона, проходящих по системе укреплений от Тетюшей к Алатырю и далее на запад. Помимо городов-крепостей важнейшую роль здесь играла совокупность засек и острогов, возведенных еще в конце XVI в. Историки, рассматривая военизированное расселение по Алатырской засеке в 1630-е гг., приходят к выводу, что «была создана глубоко эшелонированная оборона Алатырского уезда и юго-восточных рубежей Российского государства»[3]. На всем пространстве от Суры до Волги по оборонительным системам, находившимся в ведении воевод отдельных уездов, назначались засечные головы с выделяемыми под их начало служилыми людьми. Так, судя по материалам «Росписи служилым людям по

[1] *Белокуров С.А.* Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 1: 1578-1613 гг. – М., 1889. №31. С. 545-546.

[2] *Бернадский В.Н.* Конец Заруцкого. // Уч. зап. Ленинградского государственного педагогического института, 1939. № 19. С. 99-100; Смирнов И.И. Восстание Болотникова 1606-1607. – М., 1951. С. 230-235.

[3] *Марискин О.И.* Укрепление Алатырской сторожевой черты мордовскими станицами в первой половине XVII в. // Исторический вестник. 2012. № 1 (1). С. 50-59.

области Казанского дворца...» 1637 г., система засечных укреплений далее от Алатыря к Волге (Тетюшам) находилась под постоянным контролем уездных властей Свияжска, Цивильска, Чебоксар, Казани, Тетюшей и т.д.

Сохранились сведения о составе и численности служилых людей, размещенных по засекам и защищавших эти рубежи. Так, например, в Тетюшах, откуда начиналась засечная черта при сравнительно немногочисленном гарнизоне пригорода (13 детей боярских, по 50 стрельцов и казаков, из которых на годовую службу в Черный Яр было послано 5 детей боярских и 10 казаков) был «у засеки головой» И.В. Евлашев из Курмыша. С ним с весны велено было стоять служилым татарам из Свияжска 100 чел., да тетюшским казакам по 10 чел. «в перемене», да уездным людям с 10 дворов по человеку[1]. На свияжский участок засеки под началом Ф.С. Елагина посылались из Свияжска 10 детей боярских «меньших статей» и стрельцы на перемену по 10 чел., да кроме них мурзы и татары 140 чел., «князя Оклычева» люди по 10 чел и уездные люди по человеку с 10 дворов[2]. То же самое можно сказать о Цивильске и Чебоксарах.

Значительный гарнизон служилых людей (345 дворян и детей боярских, 8 черкас, 100 стрельцов, 200 казаков пашенных, 456 служилых мурз и татар, да кроме них с 871 дворов мордвы «на службу хаживало» с трех дворов человек) числился на 1637 г. в Алатыре и соседних с ним слободах. Из уездного города на черте с весны этого года у засеки под руководством головы из Казани С.И. Змиева должны были стоять алатырские мурзы и татары, да конные казаки из соседних слобод 170 чел., «... переменяясь по 75-ти ч., в перемене, да уездным людем с 10 дворов человек»[3].

Таким образом, все пространство от Волги до Суры и по Суре до Атемара находилось под защитой засек, селений с военизиро-

[1] *Порфирьев С.И.* Роспись служилым людям по области Казанского дворца на 1146 (1637) г. – Казань, 1912. С. 461.

[2] Там же. С. 463.

[3] Там же. С. 11; Малинкин Е.М. Вооруженные силы юго-восточной части Европейской России в XVII – начале XVIII вв. С. 218, 220, 223.

ванным населением и гарнизонных людей. Сохранились краткие сведения и о сторожевой службе, распространявшейся в этот период и на более южные территории Приволжья, но они носят фрагментарный характер.

Правительство предпринимало активные действия по увеличению численности гарнизонов в регионе. Усиливающаяся «милитаризация» всей области Понизовых городов хорошо прослеживается по Разрядным книгам[1] и другим материалам.

Все вышеперечисленное заставляет по-новому взглянуть на политику государства и ситуацию, сложившуюся в 1610 – начале 1630-х гг. в пространстве Поволжского фронтира и более обширной области Понизовых городов. Это тем более важно в связи с утверждением А.А. Новосельского о том, что на юге в это время (1620-е – первая половина 1630-х гг.) не было построено «ни одного нового «жилого» города», кроме нескольких «стоялых» (то есть временных) острожков[2]. Очевидно, что на Юго-Востоке и в изучаемом нами регионе ситуация обстояла несколько иначе. Характерно, что косвенно подтверждает данную специфику крупнейший исследователь истории русских городов первой половины XVII в. П.П. Смирнов, считавший, что одним из факторов задержки развития «и даже «разрушения» посадских центров Казанского Дворца была «милитаризация границы»»[3].

Интересны в этом отношении выводы Е.М. Малинкина, который основываясь на росписях служилых людей Разрядного приказа, предпринял попытку рассмотреть состав и численность вооруженных сил области Понизовых городов[4]. К сожалению, вплоть до 1625 г. сводных систематических данных, позволяющих выполнить эту задачу, не сохранилось.

[1] Книги разрядные. Т. 1. – СПб, 1853. С. 1141-1358; Т. 2. – СПб., 1855. С. 931; Разрядная книга 1637-38 года. – М., 1983. С. 117-124 и др.

[2] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. С. 159-160.

[3] *Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Вып. 2. С. 65.

[4] Мы берем сводные сведения по всей области понизовых городов.

За последующие десять лет (1625-1635 гг.) численность служилых людей в регионе выросла примерно с 18 тыс. в 25 городах и пригородах[1], до 23 тыс. человек в 32 городах и пригородах[2]. Характерно, что в промежуточном 1631 г., несмотря на возросшее по сравнению с 1625 г. количество городов и пригородов до 32, численность служилых людей увеличилась всего на 1 тыс. чел.[3]

И наконец, по сметному списку 1651 г., когда уже происходило интенсивное строительство Симбирской и Карсунской черт (49 городов, пригородов и острогов) в регионе насчитали около 28 тыс. служилых людей[4]. Преобладали среди них приборные люди, причем именно в их «приборе» прослеживается особая заинтересованность правительства, направленная на комплектование военных сил. За весь этот период количество дворян и детей боярских выросло незначительно – примерно с 1,5 до 1,75 тыс. чел.; зато число стрельцов и городовых казаков поднялось с 9 до 19 тыс. чел. (причем в 1635 г. их насчитывалось 14 тыс. чел.).

Недостаток в количестве служилых людей ощущался, прежде всего, в гарнизонах городов нижней Волги: Саратове, Царицыне, Черном Яре, а также в Терках и Уфе. Весьма значительного контингента военных сил, располагавшегося в Астрахани, явно не хватало, чтобы обеспечить огромное пространство Понизовья. Поэтому, на юг каждый год приходилось посылать годовальщиков из других центров области понизовых городов. По данным росписей служилых людей 1625-1635 гг., за рассматриваемое десятилетие количество городов – «доноров», выделявших на годовую и острожную службу ратных людей, выросло в регионе с 5 до 16. Среди них выделяются Казань и Астрахань. Значительное количество годовальщиков посылалось ежегодно из Казани непосредственно в Астрахань. Но они, видимо, лишь компенсировали стрелецкий

[1] *Малинкин Е.М.* Вооруженные силы юго-восточной части Европейской России в XVII – начале XVIII вв. С. 217. При этом не учтены ясачные люди края, которых нередко использовали для выполнения военных поручений.

[2] *Малинкин Е.М.* Вооруженные силы юго-восточной части Европейской России в XVII – начале XVIII вв. С. 222. Во всех случаях используются только данные табличных приложений к диссертации Е.М. Малинкина.

[3] Там же. С. 219.

[4] Там же. С. 226-227.

приказ, отправляемый также ежегодно из Астрахани в Терки[1]. По разрядным росписям 1625, 1631 и 1635 гг., последних было переведено по 500 стрельцов с 1 головой и 5 сотниками[2]. Остальные города-доноры посылали от нескольких десятков до нескольких сотен человек, как правило, на традиционную гарнизонную и сторожевую службу или на «острожное дело[3].

На протяжении указанного десятилетия происходил постоянный рост таких посылок. Это, вероятно, было связано с усилением напряженности на юге, связанном с появлением в Заволжье калмыков. Так, в 1625 г. количество переведенных из городов-доноров составило всего 1132 пеших стрельцов, в 1631 г. оно выросло сравнительно ненамного и достигло 1604 чел. (при этом, при полном преобладании стрельцов среди них появилась небольшая группа детей боярских и новокрещен), а вот в 1635 г. уже достигло 3452 чел. В этом году кроме детей боярских и новокрещен, среди переведенных появляется небольшая группа литвы и черкас. Чтобы пополнить численность служилых людей в Астрахани, стрельцов туда также начинают отправлять не годовальщиками, а «на жилье». Видимо, людских ресурсов самих городов-доноров уже не хватало и пришлось посылать дополнительные вооруженные силы из центра страны. Так, в 1635 г. из Москвы через Казань в Астрахань были направлены дополнительно 1000 стрельцов с десятью сотниками и двумя головами по «калмыцким вестям»[4].

О стабилизации ситуации в лесостепной зоне региона свидетельствует складывание на его территории в конце 1620-х – начале 1630-х гг. первых локальных районов сельского расселения, таких как Самарский уезд[5] в восточной части одноименной Луки и промысловое Надеинское Усолье, принадлежавшее гостю Н. Светешникову в западной части очерченного Волгой полуострова[1]; а также Чалнинской волости в Прикамье[2]. На этих территориях одновременно с русскими возникали селения мордвы, чуваш, татар. Судя по сохранившимся источникам, они наследовали возникшие ранее временные промысловые угодья бывших коренных народов края.

[1] Данные за 1625, 1631, 1635 гг. См.: Малинкин Е.М. Вооруженные силы юго-восточной части Европейской России в XVII – начале XVIII вв. С. 218, 220, 223.

[2] Там же.

[3] Книги разрядные. Т. 2. Стб. 820-821.

[4] *Малинкин Е.М.* Вооруженные силы юго-восточной части Европейской России в XVII – начале XVIII вв. С. 223.

[5] Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (далее – ОР РГБ). Ф. 303 I. Д. 562. Л. 114-116-об.

Итоги развития городов Волжского фронтира на протяжении первого двадцатилетия после завершения Смуты подводят материалы пятины 1634 г., специально изучавшиеся Е.Д. Сташевским[3], П.П. Смирновым[4], А.М. Карпачевым[5] и другими историками. Они убедительно показывают, что не следует говорить об экономическом и демографическом подъеме городов изучаемого региона. Скорее эту тенденцию следует отнести к группе волжских городов, располагавшихся между Ярославлем и Казанью. Города-крепости, находившиеся по Волге ниже устья Камы, не могли сравниться с ними ни по числу посадских дворов, ни по масштабам предпринимательской деятельности. Даже Астрахань по количеству собранных пятинных и запросных денег значительно уступала Ярославлю или Казани с пригородами и могла быть сопоставима только со Свияжском или Чебоксарами[6].

По предварительным подсчетам данных указанной пятины и прошедшей позднее в 1646/47 г. переписи населения Самары, в ней, помимо семей служилых людей (с общей численностью до 2500-3000 чел. обоего пола), насчитывалось немногим более 100 дворов посадского населения. В Саратове по данным пятины числилось 32 посадских двора (или семьи) и 51 семья соседей и подсоседни-

[1] *Бахрушин С.В.* Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т.2. – М.,1954. С. 228-247.

[2] *Буканова Р.Г.* Закамская черта XVII века: дис... канд. ист. наук. – Воронеж, 1980. С. 44.

[3] *Сташевский Е.* Пятина 142-го года и торгово-промышленные центры Московского государства. // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). №XXXVIII. 1912, апрель. С. 97-99.

[4] *Смирнов П.* Города Московского государства. Т. 1. Вып. 2. С. 103.

[5] *Карпачев А.М.* Города Московского государства и их торгово-промышленное население по пятине 1634/142-го года: дис. ... канд. ист. наук. – Минск, 1948.

[6] *Сташевский Е.* Пятина 142-го года. // ЖМНП. Ч. XXXIX. Май, №5. 1912. С. 84-94.

ков.[1] По численности посадского населения Самара, Саратов, Царицын и даже Астрахань уступали даже сравнительно небольшим городам Казанского Поволжья.

И все же по материалам пятины 1634 г. можно сделать вывод о нарастании стабильности в регионе и приобретении военно-административными пунктами на Волге определенных черт торгово-промышленных поселений. Как показывают источники более позднего времени и выводы П.П. Смирнова[2], указанные города, и даже Астрахань, не стали в XVII в. крупными посадскими центрами. Им явно не хватало наличия и интенсивного развития земледельческой округи. Численность местного служилого населения (не годовальщиков, а постоянного, имевшего свое хозяйство, дворы и семьи) в разы превышала количество посадских людей[3].

На наш взгляд, середина 30-х гг. XVII в. стала переломным моментом в освоении южных и юго-восточных окраин России. Потерпев сокрушительное поражение в Смоленской войне, правительство осознало необходимость проведения более активной политики на границе с Полем. Начался новый период в истории огромного региона. Этой перемене во внешнеполитических ориентирах «способствовали» нападения Крымского ханства и Малых Ногаев во время войны с Польшей, перемещение в Причерноморье части ногайских улусов, появление в междуречье Волги и Яика калмыков.

Прежде всего, в Москве было решено приступить к укреплению южного направления. Там с середины 1630-х гг. началось сооружение грандиозной Белгородской черты. Исследователи выделяют в ее строительстве несколько этапов, завершая сроки создания сплошной оборонительной линии серединой – второй половиной 1650-х гг.[4] Однако на первом этапе, вплоть до середины 1640-х гг., продвижение отдельных локальных укреплений и участков засеч-

[1] *Смирнов П.* Города Московского государства. Т.1. Вып. 2. С. 64.

[2] Там же. С. 65.

[3] Книги разрядные. Т. 1. С. 1141-1358; Т. 2. С. 931; Разрядная книга 1637-38 гг. – М., 1983. С. 117-124 и др.

[4] *Загоровский В.П.* Белгородская черта. – Воронеж, 1969. С. 71-76.

ных черт на восток так и не добралось до границ будущего Симбирского уезда. Не доходя до Суры, оно остановилось на территории современной Мордовии[1].

Таким образом, уже во второй половине XVI – первых десятилетиях XVII вв. на всем пространстве Южного Средневолжья существовали предпосылки (созданные в основном благодаря правительственной политике, как на юго-восточных окраинах, так и в рассматриваемом локальном регионе) для начала спорадического освоения края различными этническими и социальными группами населения.

В целом же рассматриваемый период вплоть до начала строительства совокупности засечных черт в Среднем Поволжье в конце 1640-х – начале 1651-х гг. (Карсунской, Симбирской и Закамской) можно назвать временем постепенного восстановления после разорения Смуты.

1.7. Формирование гарнизонов служилых людей по новым засечным чертам (конец 1640-х – 1670-е гг.)

Строительство Карсунской и Симбирской черт в Волго-Сурском междуречье происходило практически одновременно с мобилизацией, расселением и испомещением служилых людей для их гарнизонов. Именно последние и члены их семей являлись начальным, наиболее многочисленным и значимым населением вновь колонизируемого края. В их состав входили приборные люди (стрельцы, казаки, пушкари); дворяне и дети боярские, составившие местные корпорации «служилых городов»; служилые чуваши, татары, мордва и представители других коренных народов Казанского края[2].

[1] *Воронин И.Д.* Саранск. Историко-документальные очерки. – Саранск, 1961. С. 19-24, 39-40; Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. С. 17-18, 25-34.

[2] Мы используем в данной работе традиционно применяемую исследователями клас-

Наиболее убедительная характеристика процесса складывания начального постоянного населения в ранее полупустынном крае была дана П.П. Смирновым, писавшим, что «... со второй четверти XVII столетия на восточной границе Московского государства, равно как и на южной, были созданы громадные резервуары, которые необходимо было быстро заполнить ратными людьми, и которые заполнялись путем принудительных переводов служилых людей и крестьян, обращавшихся в казаков, а также приборами на службу всякого рода добровольцев – гулящих людей. Переведенцев Казанский дворец брал, по-видимому, исключительно из своих же городов и сел, лежавших в тылу. Что касается «новоприборных» людей, то среди них можно отыскать представителей едва ли не всех уголков тогдашней России, хотя главный контингент давали все-таки ближайшие местности. Тем более, что в стрельцы и казаки стали прибирать не только русских людей, но, вероятно, за недостатком их, также и местных инородцев – татар и мордву»[1].

В отличие от городов-крепостей на берегах Волги, где в начальный период их истории в гарнизонах преобладали годовальщики; на засечные черты служилых людей переселяли семьями и сразу же наделяли их пахотной землей и другими сельскохозяйственными угодьями. К сожалению, сохранилось крайне мало свидетельств о данном процессе. В основном, используя единичные источники, его исследователям приходится опираться, прежде всего, на сводные материалы. Во многих случаях, они являются слишком общими и не всегда свободны от статистических ошибок.

В нашем случае, наиболее основательные сведения содержат так называемые «Сметные списки» военных сил Московского государства середины – второй половины XVII в., а также строельные книги.

сификацию служилых людей, хотя разделяем сомнения отдельных историков в ее некоторой ограниченности. См.: Скобелкин О. В. Служилые люди южного фронтира: особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во второй половине XVII века. // Вестник ВГУ. Серия: «История. Политология. Социология». №1. 2013. С. 58-60.

[1] *Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Количество и движение населения. – Киев, 1919. С. 164-165.

Так, например, исходя из «Сметного списка» 1651 г. на Карсунскую черту, удалось набрать и поселить 1801 служилых людей, а также 788 их детей, братьев и племянников. Соответственно, по укрепленным пунктам Симбирской черты было размещено 1776 приборных людей и 1999 их детей, братьев и племянников[1]. Это был достаточно крупный по численности воинский контингент. Например, на соседней, располагавшейся западнее, за Сурой, «Атемарской» черте (Атемаро-Саранской или Саранской), численность военизированного населения была значительно меньшей: 1535 служилых и 613 их детей, братьев, племянников и захребетников, «которые в службу поспели»[2].

Характерно, что, судя по Сметному списку, служилое автохтонное население Казанского края было расселено, прежде всего, по Карсунской черте (всего 1225 чел.) и составляло более 2/3 всех ратных людей, размещенных по линии[3]. Среди них новокрещены составляли лишь крайне небольшой контингент численностью в 188 чел., а число мурз и татар достигало 1037 чел. Именно из них были сформированы гарнизоны практически всех пригородов и жилых острогов черты, за исключением Карсуна. В Карсуне, который традиционно называли городом, преобладали русские стрельцы и казаки под командованием головы (577 чел.). Не совсем понятно, почему в сметном списке 1651 г. отсутствуют данные о служилых чувашах и мордве. Скорее всего, они при подсчетах были включены в группу «мурзы и татары».

Имеются основания считать, что численность ратных людей и их этноконфессиональный состав были заложены в проект заранее. Об этом, например, свидетельствует указ 1648 г. курмышскому воеводе С.И. Чеглокову. В нем говорилось, что по Карсунской черте «в новых городех и в острогех велено устроить на вечное жи-

[1] По засечным чертам Правобережья не менее 2/3 ратных людей были размещены к началу 1650-х гг. См.: Мартынов П. Книга строельная города Синбирска. С. 1-96.

[2] «Сметный список» военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. – М., 1989. С. 30-31. Пересчет суммарных данных, предпринятый Я. Е. Водарским и нами, показал лишь сравнительно небольшие погрешности.

[3] Там же. С. 30-31.

тье 2600 человек». И значительную, если не основную часть среди них, должно было составить автохтонное население Казанского края. Особо оговаривалось, что следует переписать: «... курмышских неверстанных мурз и татар» и «... взятии их на службу... на вечное житье... в Корсунь и во все города и остроги, которые устроены подле Корсунской засеки»[1]. В переписные книги было записано: «... курмышских татар детей их и братьи и племянников и захребетников – 368 человек, бобылей – 27 человек, захребетников 25 человек, третчиков и половинщиков – 15 человек, всего 435 человек».

Вновь прибранные на государеву службу, должны были получить по 6 руб., пищали и пахотные наделы размером 15-20 четей. Помимо того, за переведенными сохранили их угодья в Курмышском уезде. Особо оговаривалось также, что «дальних посылок им никуда не будет». Людей, не пожелавших явиться на службу в Карсун, необходимо было присылать с особыми «рассыльщиками»[2].

Очевидно, это данный набор не являлся единичной ограниченной акцией. Поток ратных людей, наполнявших гарнизоны черты, не иссякал и в последующие годы. Например, в 1652 г. служилым конным татарам Малого Карсуна указали найти прибавочные земли на 50 человек к «прежней отдельной их земле», где они построились слободою[3].

Материалы сметы 1651 г. дают возможность выявить своеобразный «показатель насыщенности» ратными людьми засечных черт. Ранее уже говорилось, что протяженность каждой в среднем достигала примерно 100 км. Следовательно, на 1 км укреплений приходилось 15-18 человек.

Несколько удивляет то, что наиболее насыщенной ратными людьми оказалась Карсунская черта, большая часть которой проходила по лесной местности. Очевидно, что для обороны строившихся там засек, не требовались крупные военные контингенты. Можно предположить, что в Москве считали, что татары, чуваши и мордва, составлявшие примерно 2/3 их гарнизонов, не являлись

[1] *Зерцалов А.Н.* Материалы по истории Симбирского края XVII-го и XVIII-го вв. С. 22.
[2] Там же. С. 22-25.
[3] *Перетяткович Г.* Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 205-206.

столь боеспособными в столкновениях с кочевниками, как русские служилые люди.

Являвшиеся основой военных сил Симбирского края, приборные люди были распределены по гарнизонам Симбирска и Карсуна, пригородов и острогов засечных черт. Размещались они в отдельных слободах, приписанных к тому или иному гарнизону. Обычно в конкретных слободах их селили сотнями, полусотнями или еще более мелкими группами. При этом, если власти считали число поселенцев в слободе недостаточным, к ней приписывали дополнительные земли для будущих подселенцев. Лишь немногие из таких слобод располагались непосредственно на территории города (пригорода) или примыкали к ней. В большинстве своем они могли находиться на значительном удалении, фактически в сельской местности.

Возникает вопрос, каким – сельским или городским – населением можно называть таких служилых людей? Термин «городовые» в таких случаях зачастую имел условный характер. Например, казаков, находившихся на государевой службе, как правило, именовали городовыми, но при этом выделяли среди них локальные группы белопашенных, станичных, дозорных, полковых и других.

В сложившихся реалиях фронтирной зоны, приписанные к крепостям и острогам слободы, как правило, располагались вдалеке от них и были практически сельскими поселениями[1]. В процессе расселения служилых людей особо оговаривалось условие, что дворовые места с огородами, пашнями и сенными покосами будут рядом с засечными крепостями, а размер пахотных земель определялся «смотря по людям, кому сколько мочно пахать». Однако, соблюсти это условие часто не удавалось.

Характерным примером являлась просьба казаков Карсуна к властям, что «они за дальними полями лошадей перемучили и оскудали; чтоб их из Корсуни на те их отводные поля выпустить и дворами дозволить построиться на речке Потьме»[2]. О том же

[1] Для пограничных южных территорий В.М. Важинский считает приборных людей преимущественно городским населением. См.: Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. С. 139-140.
[2] Цит. по: *Перетяткович Г.* Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 78-79.

жаловались казаки Арской слободы, приписанной к Юшанску в 1670-х гг., что в отличие от прочих других слобод они «окружены и огранены со всех сторон и без пахатной земли и сенных покосов оскудали» и просили пожаловать их «порожей» землей за валом, которая «на оброк никому не отдана»[1].

В результате, сложившаяся в силу хозяйственных потребностей зона расселения приборных людей, являлась достаточно широкой полосой (порой доходя до нескольких десятков и более верст), прилегающей к засечным чертам. Лишь в последние десятилетия XVII в., когда началась интенсивная колонизация земель «за валом», казачьи, стрелецкие и солдатские слободы утрачивают подобную привязанность и превращаются в локальные сельские поселения. Это особо характерно для территорий по Усе, Тишереку, Сызранке, Крымзе и другим рекам Сызранско-Усинского Правобережья.

Но и севернее, под защитой Карсунской и Симбирской засечных черт, в процессе расселения и хозяйственно-поземельной «самоорганизации», военные подразделения приборных людей фактически приобретали облик сельских слободских общин. При межевании угодий в таких общинах каждой семье выделяли место под двор, участок пахотной земли и сенные покосы. Все остальные угодья находились в общем пользовании.

Не будем специально заниматься реконструкцией размещения совокупности слобод при крепостях и острогах засечных черт Симбирского уезда. Этот вопрос уже рассматривался исследователями[2]. Полученные результаты, даже при их определенной неполноте, показывают вполне очевидную особенность размещения приборных людей, как в основном сельского населения.

[1] *Холмогоров В.* Материалы для истории Симбирского края до второй половины XVIII века (Описание Симбирской и Карсунской десятин патриаршей обл.). – Симбирск, 1898. С. 7-10.

[2] См., например: *Натаров А.И.* Стрелецкие и казачьи слободы по Симбирско-Корсунской засечной черте (конец 1640-х – конец 1660-х гг.). // Самарский край в истории России. Выпуск 4. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 160-летию Самарской губернии и 125-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. № 4. Самара, 2012. С. 86-88; Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685-1686 гг.: публ. текста. / Сост. Ю.Н. Мельников. – Ульяновск, 2014. С. 32-445.

В данном регионе особых различий в наделении землей стрельцов, казаков и прочих групп приборных людей вплоть до конца XVII в. не наблюдалось. По размерам выделяемых земель приборные люди Поволжского фронтира практически не отличались от подобных категорий населения в уездах Юга[1].

Так, по строельной книге Симбирска и черты, при испомещении конные казаки получали «в дву потомуж»: пятидесятники – 40 четв., десятники – 30, рядовые казаки – по 20 четв.[2] Значительно меньшими были наделы у пеших стрельцов. Пятидесятники получали по 10 четв., десятники по 9, рядовые казаки по 8 четв.[3] Так же происходило наделение землей на Закамской черте[4]. Каждому служилому человеку отводили «земли под двор, под огород и под гумно по 40 сажен длиннику, по 10 поперечнику»[5]. В целом, аналогичными, по данным писцовой книги 1685-87 гг., были наделы у казаков и стрельцов Карсунской черты[6].

Не будем специально останавливаться на землевладении других, более мелких категорий приборных людей – пушкарей, воротников и других.

Таким образом, в большинстве своем, служилых людей по прибору можно считать, в основном, сельским населением, приписанным к своим гарнизонам. Эти гарнизоны подчинялись местным воеводам и головам. Например, в 1691 г. управлявшего «Малым Карсуновым и Сокольским» воеводу Т. Пилюгина сменил «синбиренин» Ф.Д. Кольцов[7].

Стрельцы и казаки служили в составе особых военных подразделений – приказов. Их возглавляли головы из дворян. Приказы, общей численностью в 500 чел., делились традиционно на сотни. Десятников и пятидесятников в сотнях назначали из рядовых

[1] *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. С. 141-142.

[2] *Мартынов П.* Книга строельная города Синбирска. С. 20-23, 31.

[3] Там же. С. 26-27, 31.

[4] *Перетяткович Г.* Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 151.

[5] Там же. С. 144.

[6] РГАДА. Ф. 1209. Д. 441. Л. 31-об., 67, 91, 111-об., 120 и др.

[7] АИ. Т. 5. № 208. С. 358.

стрельцов; сотниками обычно были дети боярские. Бывали случаи, когда должности стрелецкого и казачьего головы объединялись. Например, в 1651 г. в Симбирске указан один стрелецкий и казачий голова[1], а в строельной книге 1652-1654 гг. говорится об еще одном голове[2].

Гарнизоны Симбирской и Карсунской черт состояли в основном из переведенцев уездов Нижегородско-Казанского Поволжья – Курмышского, Арзамасского, Казанского, Свияжского, Чебоксарского, Алатырского и ряда других. Их набор и перевод под защиту уже «вчерне» построенных укреплений, заняли значительное время и были сопряжены с большими трудностями[3]. В период возведения оборонительных сооружений, для обеспечения безопасности района строительных работ, на ограниченные сроки посылали отряды из неподалеку расположенных городов, а также «подымовых» людей. Последние, в ходе возведения, например, Карсунской черты, составляли весьма значительную часть военных сил. О них писали следующее: «... для береженья от татарских приходов ... с Курмышскаго, с Алатырскаго, с Ядринскаго уездов подымовным же людям с десяти дворов по человеку[4] с пищальми, и с луки, и с рогатины, и с бердыши переменяясь помесячно или в сколько недель переменить доверитца, покаместа в Карсуни и по карсунской засеке в городех и в острогех новоприборные служилые люди в нашу службу посберутся, кем бы мочно было карсунскую засеку от татарских приходов уберечь»[5]. Для защиты крестьян, строивших Симбирскую черту, в основном, направляли русских ратных людей[6]. Вместе с тем в «Строельной книге 157-158

[1] Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. – М., 1989. С. 30.

[2] *Мартынов П.* Книга строельная города Синбирска. С. 78.

[3] *Зерцалов А.Н.* Материалы для истории Синбирска и его уезда. С. 17- 21; Мартынов П. Книга строельная города Синбирска.

[4] На строительство черты брали вдвое больше людей – с 5 дворов по человеку. См.: Зерцалов А.Н. Материалы по истории Симбирского края XVII-го и XVIII-го вв. С. 17.

[5] Там же. С. 17, 20; Натаров А.И. Строельная книга Синбирска 157-158 (1649-1650) гг. (Некоторые замечания). // «Гасырлар авазы-Эхо веков». – Казань, 2015. № 1/2. С. 20-25.

[6] Цит. по: Гуркин В.А. Симбирская Черта. С. 26-27, 28-32; Зерцалов А.Н. Материалы по

годов» (1649-1650) отмечено более 429 служилых татар, чуваш и мордвы, расселившихся по Симбирской черте.

Для перевода людей на новые черты правительство использовало прежде всего население соседних уездов. Например, при возведении Карсунской черты наиболее удобными по «удаленности» определили земли Курмышского уезда, располагавшиеся в 50 верстах[1].

Самым приемлемым считалось переселение значительных по численности групп военизированного населения и крестьян. Крестьянских переселенцев зачисляли в прибор. Например, с Тетюшской засеки на Симбирскую черту направили около 300 человек из «большого села Федоровского, вместе с жителями некоторых поселений, тянущих к этому селу»[2]. Аналогично поступили с военными людьми из Кильнинского острожка, а также с казаками Карлинской слободы (168 чел.)[3].

Расселяемые по новой черте гарнизоны формировали вперемежку из жителей различных уездов и селений. Например, в слободах, прилегающих к пригороду Тагаю, в 1648-50-х гг. числилось записанных в казаки 200 человек из с. Ключищи в Заволжье (Казанский уезд), пеших 50 стрельцов из Цивильска, по 20 человек переведенных из Кокшайска и Ядрина[4].

О трудностях, возникавших при переводах и расселении ратных людей, известно из посланий в Москву местных воевод. Так, например, 19 мая 1648 г. в своей отписке арзамасский воевода Л. Травин жаловался: «…И арзамасцы дворяне и дети боярские твоему государеву указу не слушают, чинятся сильны, вскоре на твою государеву службу не едут, пушкарей, и затинщиков, и стрельцов бьют [посланных для их сбора. – *Э. Д.*], а иные отбывать твоей государевы службы избегают, дома не сказываются, а люди их и крестьяне пушкарям, и затинщикам, и стрельцам отказывают, будто пошли

истории Симбирского края XVII-го и XVIII-го вв. С. 17-18.

[1] *Зерцалов А.Н.* Материалы по истории Симбирского края XVII-го и XVIII-го вв. С. 17-18.

[2] *Перетяткович Г.* Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 5-76.

[3] *Мартынов П.* Книга строельная города Синбирска. С. 8, 10-11, 24, 30.

[4] Из Ключищ еще 100 крестьян перевели для службы в Подлесную слободу под Тагаем. См.: Мартынов П. Книга строельная города Синбирска. С. 26-29.

на твою государеву службу; и о том мне как ты, государь, укажешь, чтобы мне в том их ослушаньи от тебя, государя, в опале не быть»[1].

Помимо перевода со «старых» засек и городов Казанского края, записывали в военную службу на новые черты представителей различных категорий жителей – русских крестьян, автохтонное население и т.д. Из русских ратных людей гарнизонов Карсунской черты, более 60% фигурировало в источниках как «новоприборные». Такое явление было типичным для гарнизонов Южного Средневолжья[2]. Среди них переселенцы, имевшие опыт военной службы, участвовавшие в боевых столкновениях, составляли как правило меньшую часть. Прежде всего переселяли тех, кто «... в нашу службу поспели, а живут у отцов своих и у родимцов и в соседях и в захребетниках, а никакия службы не служат...» Подобная особенность набора постоянно встречалась как у русских, так и автохтонов Казанского края[3]. Много было, прежде всего, дворцовых крестьян, которых записывали на приборную службу.

Особенности набора в гарнизоны по чертам особо оговаривались в наказах, данных стрелецким головам. Однако на вновь осваиваемых территориях уездные власти трактовали тексты наказов так, как им было удобно. В конечном итоге, среди переведенцев чрезвычайно значима была доля «детей, братьев, племянников». Семьи вновь поселяемых, в основном, были малочисленнее, по сравнению с оставшимися на территориях их выхода[4].

Большинство ратных людей в гарнизонах Симбирской черты составляли русские. На Карсунской их было меньше – около трети. При этом служилых татар, мордву и чувашей нередко вносили в списки прибранных к службе стрельцов и казаков.

[1] Акты Московского государства (далее АМГ). Т. II. – СПб, 1894. С. 214.

[2] См., например: *Натаров А.И.* Ротация служилых людей в середине XVII века (на примере стрельцов, казаков и служилых инородцев крепостей Симбирск и Карсун). // Вестник СамГУ. 2011. № 1/1 (82). С. 200-204.

[3] ГАУО. Р-3632. Оп. 1. Д. 74. Л. 35; Зерцалов А.Н. Материалы по истории Симбирского края XVII-го и XVIII-го вв. С. 22.

[4] *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). – М., 1977. С. 48.

Крайне интересны в сметном списке 1651 г. сведения о служилых людях по отечеству. Самое значительное количество дворян и детей боярских было испомещено по Саранской черте, совсем немного по Симбирской (26 чел.) [1] и ни одного по Карсунской[2]. Можно сделать вывод, что на первых порах именно Саранск рассматривался как главный центр вновь осваиваемых территорий. В пользу данного предположения указывает численность его «служилого города». Кроме того, в Саранском уезде в 1650-х и более поздних годах сложился наиболее значительный массив помещичьего землевладения, по сравнению с соседними уездами.

Для сметного списка 1651 г. характерны многочисленные неточности. Сверка его данных с частично сохранившимися строельными книгами и другими источниками, содержащими сводную статистическую информацию, позволяет существенно уточнить особенности формирования гарнизонов по отдельным чертам. В этом отношении для рассматриваемого региона особую значимость приобретает публикация П.Л. Мартыновым по Симбирску и одноименной черте двух частично сохранившихся строельных книг. Наиболее полные и систематичные сведения сохранились в первой из них, составленной воеводой И.Б. Камыниным в 1649-1950 гг. Судя по ней, подавляющее большинство воинского контингента в уезде составили казаки и стрельцы – 2291 чел. (предполагали добрать в гарнизоны еще 262 «прибавочных»). Дворян и детей боярских указано 112, а вместе с взрослыми сыновьями (которых также следовало записать в «служилый город») – 169 чел. Отмечены еще примерно 450 «новозаписных» служилых татар (эти сведения приблизительны, так как часть переведенцев удалось подсчитать по количеству выделенных им поместных

[1] Это количество выглядит не совсем очевидным, т. к., по данным строельной книги, по Симбирской черте было испомещено 165 детей боярских. См.: Мартынов П. Селения Симбирского уезда. (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). – Симбирск, 1903. Приложение 2. С. 8.

[2] Например, на Атемарской (Саранской) черте в Саранске насчитывалось 238 детей боярских.

земель)[1], а также 70 переведенных из служилой мордвы (из них 50 – «новозаписных»)[2].

По данным строельной книги, всего на Симбирской черте расселили 2923 чел. (без взрослых сыновей; данные отчасти приведены расчетные по количеству земли)[3]. Эти итоги более чем на 1100 чел. превышают итоговое количество сметы 1651 г. Сложно судить, в чем причина столь значительного расхождения в источниках, составленных практически одновременно. Мы считаем строельные книги более достоверным источником.

Еще одна строельная книга 1652-54 гг. сохранилась лишь фрагментарно. Она свидетельствует о некоторых изменениях, сравнительно с книгой 1648-1650 гг.[4] Отметим лишь сведения о 32 помещиках, расселенных в годы ее составления, для несения полковой службы, в отличие от более ранних верстаний.

Не рассматривая специально Закамскую черту, скажем только, что она, как и Карсунская, не являлась «уездообразующей»; на ней не испомещали служилых людей по отечеству. Помимо того, плотность расселения на 1 км протяженности черты была крайне невелика. При весьма значительной протяженности (по подсчетам Р.Г. Букановой, в 450 км), для службы на нее перевели всего 1271 чел. В их число входили самые разнородные группы местного населения, в основном, из Казанского уезда (служилые люди, крестьяне Чалнинской дворцовой волости, ссыльные, смоленская шляхта и т.д.)[5].

Судя по материалам начала 1660-х гг., изменения в составе и численности гарнизонов засечных черт Правобережья оказались весьма различны для сложившихся на них новых уездов. Рост количества ратных людей наблюдался на Саранской и Симбирской чертах. Нельзя не согласиться с Я.Е. Водарским, считавшим, что

[1] *Мартынов П.* Книга строельная города Синбирска. С. 71-76.

[2] Там же. С. 75.

[3] Там же. С. 2-77.

[4] Прибавилось только 100 конных казаков. С. 89-91.

[5] *Перетяткович Г.* Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 147-148; Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI-XVII вв. – Уфа, 2010. С. 181-182, 189.

на 1662-1665 гг. Симбирский (4944 чел.), Казанский (4435 чел.) и Саранский (3479 чел.) уезды резко выделялись по количественным показателям как среди других уездов Юго-Востока, так и всей Европейской России[1].

Более детально показывает формирование служилых людей смета военных сил страны 1661-1663 гг. По Симбирску и черте их число составляло 3353 чел. (113 дворян и детей боярских – меньше, чем по данным строельных книг), 2796 казаков и стрельцов, 444 служилых татар, чуваши и мордвы. Близкое количество указано по Саранской черте – 3479 чел. (из них 597 служилых татар и мордвы). Только по Карсунской черте (2091 чел. казаков и стрельцов; татар, чуваш и мордвы, а также пушкарей) общая численность служилых людей фактически осталась прежней. Как и ранее, значительная часть служилых татар, мордвы, чуваш и других этнических групп была записана в стрельцы и казаки. Причем, по сравнению с 1651 г. здесь прослеживаются определенные новации. В большинстве острогов (Сурском, Сокольском и Малом Корсунове) татар и мурз полностью заместили стрельцы и казаки. В Тальском не были указаны татары, к мурзам же добавились мордва, казаки и стрельцы. В Аргаше наблюдались схожие явления, однако вместо мурз указаны татары. В главном «городе» черты – Карсуне, кроме русских стрельцов и казаков (видимо и пушкарей), указаны станичные мурзы и мордва. В общих итогах по Карсунской черте отмечены 184 мурз, татар и мордвы (это совпадает со сведениями по отдельным гарнизонам) и, помимо того, «казаков же татар и мордвы» 270 чел.[2]

Важнейшим изменением за рассматриваемый период стало то, что на Карсунской черте служилые татары, мордва и чуваши стали явным меньшинством, в отличие от показателей 1651 г. По всем рассматриваемым чертам их доля в общем количестве военных людей оказалась вполне сопоставимой и сравнительно небольшой.

[1] *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. С. 106-108.

[2] Сметы военных сил Московского государства 1661-1663 гг. // ЧОИДР. Кн. 3. 1911. С. 50-52. В данной смете учтены, по нашему мнению, только служилые люди, без племянников, детей и т.д., как это было в смете 1651 г. См., также: Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. – М., 1989. С. 30.

Подводя итоги первым полутора десятилетиям военизированного освоения рассматриваемого региона, можно сделать следующие выводы. К концу 1650 – началу 1660-х гг. военные контингенты, защищавшие Карсунскую, Симбирскую и соседнюю с ними Саранскую черты, в основном были сформированы. Они вполне могли справиться с угрозами нападений из кочевой степи и лесостепи. Массовые переводы ратных людей и дополнительные наборы из самых разных категорий населения Казанского края способствовали формированию Симбирского, Саранского и других новых уездов. Вместе с тем, снизилась военная значимость Карсунской черты, что отразилось на составе и численности ее гарнизонов.

Из гарнизонов, указанных выше черт, начиная с 60-х гг. XVII в. достаточно значительные группы служилых людей отправляют в «опасные» города Юго-Востока и Юга. В основном, это были годовальщики. Таким образом, осуществлялась своеобразная «оптимизация» распределения военных сил в регионе.

В качестве примера можно привести ситуацию по Симбирску и его уезду. Судя по данным его приходо-расходной книги 1665-1667 гг., несмотря на «донскую посылку», в которую было отправлено много ратных людей, симбирские воеводы смогли послать еще 400 стрельцов и казаков против восставших башкир. И без того разнородный состав уездных гарнизонов пополнили шляхта (26 чел., видимо, смолян), «немцы и ляхи» (14 чел.).

К сожалению, совокупность репрезентативных сведений о составе и численности военных сил Симбирского уезда к концу 1660-х – 1670-х гг. выявить не удается. Отметим лишь, что по мнению исследователей, после подавления Разинщины наблюдался приток «служилых людей, которые приходили в Симбирск отовсюду». Состав их был весьма пестрым. Особо следует отметить в их составе солдат полков нового строя, прежде всего, выборного полка А.А. Шепелева.

1.8. Военно-государственное освоение южных территорий Симбирского уезда в 1680-х – 1690-х гг.

В середине – второй половине 1660-х гг. постоянному населению Симбирского уезда становится «тесно» на территориях, защищенных Карсунской и Симбирской чертами[1]. Свободных для расселения и занятий сельским хозяйством земель становится все меньше. Служилые и тяглые люди начинают уходить «за вал», где возникает ряд новых селений[2]. Материалы переписи Симбирского уезда 1678 г. свидетельствуют о появлении в Поле ряда деревень, принадлежавших местным детям боярским[3]. Наиболее интенсивно осваивались земли к югу от Симбирска, тянувшиеся по правому берегу Волги. В середине 1660-х гг. здесь, ниже уездного города, складывается Арбугинская дворцовая волость, безопасность селений которой защищала локальная оборонительная система (черта)[4]. Ниже по течению, западную часть «большой Самарской Луки» занимало крупное промыслово-аграрное Надеинское Усолье. С начала 1630-х и до конца 1660-х гг. это оброчное владение принадлежало гостям Надее и Семену Светешниковым, а затем, став впоследствии вотчинным, перешло к звенигородскому Саввино-Сторожевскому монастырю. Совокупность его селений и промысловых предприятий защищал хорошо вооруженный Усольский городок[5]. В Самарском уезде, занимавшем восточную часть одноименной Луки, в ряде селений также были устроены простей-

[1] *Дубман Э.Л.* «За валом»: военизированное освоение юга Симбирского уезда в 1680-х – 1690-х гг. // Политические, социально-экономические и межэтнические процессы в пограничных регионах России в XVI – начале XX в.: материалы Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 1–4 июня 2020 г.) / Отв. ред. Р.Г. Буканова. – Уфа, 2020. С. 97-103.

[2] *Перетяткович Г.* Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 190-192.

[3] Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 году. Переписные книги Приказа Казанского Дворца / под ред. П. Мартынова. – Симбирск, 1902.С. 112-114.

[4] *Перетяткович Г.* Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 190.

[5] *Бахрушин С.В.* Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке. // Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 2. – М., 1954; Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. С. 41-65; РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11540. Л. 1.

шие укрепления; а на его западной границе с Надеинским Усольем в последнее трети XVII в. уездные власти основали острожки, куда посылали приборных людей[1]. Вплоть до начала 1680-х гг. все остальное пространство Правобережья между Волгой и Сурой, до верховьев Дона и его притоков, практически не имело постоянных жителей. Подобная ситуация наблюдалась и в лесостепном Заволжье, к югу от укреплений Закамской черты.

Со второй половины 1670-х гг. государство приступило к возведению ряда дополнительных протяженных засечных черт на Юге и Юго-Востоке европейской части страны. Они позволяли обеспечить безопасное хозяйственное освоение новых территорий лесостепи, располагавшихся южнее Белгородской и других укрепленных систем[2]. В рамках этой правительственной программы в конце 1670-х гг. в Предволжье было завершено создание Пензенской черты, протянувшейся до р. Суры[3]. Правительство планировало в ближайшие годы достроить ее до Волги и тем самым прикрыть единой оборонительной системой все Правобережье.

Однако с указом о возведении засечной черты от Суры до Волги вышла задержка. Для защиты от набегов кочевников были предприняты лишь некоторые паллиативные меры. К востоку от р. Суры смогли поселить лишь несколько слобод со служилыми людьми (Юловские слободы)[4]. Напротив, на правобережье Волги для закладки новой крепости была послана экспедиция во главе с симбирским воеводой Г.А. Козловским.

Строительные работы в устье р. Сызранки начались в конце июня – начале июля 1683 г.[5] 13 сентября (все даты даны по старому стилю) Козловский сообщил в Москву, что «Сызран» (так первоначально назывался пригород Симбирска) построен. Вероятнее всего, деревянные оборонительные сооружения новой крепости

[1] *Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л., Барашков В.Ф., Артамонова Л.М.* Самарская Лука в XVI – начале XX вв. – Самара, 1995. С. 26-29.

[2] *Загоровский В.П.* Изюмская черта. – Воронеж, 1980.

[3] *Лебедев В.И.* Легенда или быль. По следам засечных сторожей. С. 46-48.

[4] Там же, с. 47-48; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 33-37.

[5] ДАИ. Т. X. №86. – СПб., 1867. С. 400.

были сложены из ранее заготовленного (под Симбирском или выше по течению Волги) леса. В царской грамоте из Москвы говорилось, что «по государеву указу на старом городище (выделено нами – *Э. Д.*) Сызран город со всякими городовыми с каменными и з деревянными и з земляными крепостями зделан вновь и соборную церковь построили во имя Пресвятыи Богородицы Живоносного Источника»[1]. Гарнизон пригорода состоял из 400 человек «с женами и с детьми для переведения на вечное житье»[2]. По другим данным, земли «по окладу» получили 480 солдат. Дополнительно достаточно значительные земли «отвели от города Сызрана всяких чинов градским жителям на выпуск».

Вплоть до начала XVIII в. понятие «каменные крепости» для фортификационных сооружений пограничья Юга и Юго-Востока Европейской России встречается крайне редко. Не останавливаясь специально на градостроительных особенностях «Сызрана» (они рассмотрены нами в другой работе)[3], отметим, что он был для того времени достаточно крупной крепостью.

Строительство Сызрани и основание Юловских слобод способствовало ускоренному заселению новых территорий военизированным населением. Инициировала этот процесс правительственная администрация. В течение последующих двух лет, вплоть до указа о возведении новой черты, в неосвоенном пространстве между Симбирской и Карсунской линиями и Сызранью возникает значительное количество военных слобод. В основном, в них селили по полусотне служилых людей с семьями.

В формировании гарнизонов Сызрани и позднее Кашпира, а также ряда слобод, значительную роль сыграли солдаты выборных полков и прежде всего, полка А. Шепелева, ранее принимавшие не-

[1] РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 647/4. Л. 3-8.

[2] ДАИ. Т. X. №86. – СПб., 1867. С. 401.

[3] *Дубман Э.Л.* Строительство Сызрани и начальный этап военно-государственного освоения Сызранского Правобережья. // Самарский край в истории России. Вып. 4. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 160-летию Самарской губернии и 125-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. – Самара, 2012

посредственное участие в подавлении Разинщины[1]. Следует согласиться с суждением А.В. Малова, что «... после каждой серьезной кампании ... следовало верстание за безупречную службу новых, еще не верстанных солдат... Все солдаты, которые добросовестно прошли через горнило Разинщины, должны были переместиться из списка вольных людей в единый список с детьми боярскими»[2]. После основания Сызрани подобное испомещение стало массовым. Солдатские поселения складывались, как правило, вдоль волжского побережья – «под Ильинскими горами», по рекам Усе, Тишереку и прочим (сл. Усинская и Суринская, д. Подвалье, Елаур и ряд других). Но встречались случаи, когда солдаты выборных полков селились и в более удаленных от Волги глубинных районах Симбирского уезда (например, Архангельская слобода «Бекшанка тож», основанная в 1683-84 гг. А. Ходыковым «с товарищами»)[3].

Среди новоселов была весьма велика доля станичных казаков (Печерская, Жемковская и другие слободы). Например, С. Богомолов «с товарищи» основали сл. Печерскую, к которой было приписано на 50 казаков по 20 четв., т.е. всего 1000 четв. пашни (в одном поле)[4]. В документах того времени содержатся свидетельства, что отдельные такие селения появились ранее основания Сызрани (напр., сл. Жемковская в 1682 г.). Переведенные в них казаки в начале XVIII в. так описывали свою службу в пограничье: «... все высланы на службу и доныне служат, а которые де остались за старостью и те де непрестанно были в работе на Камышенке и в посылках и на караулах на Сызране и в подвотчиках»[5].

В пространстве, располагавшемся по правобережью Волги и примыкающем с северо-востока к Надеинскому Усолью с его укрепленным городком, подобные поселения по Усе, Тишереку и

[1] *Мартынов П.* Селения Симбирского уезда. С. 10, 12, 48, 112, 119, 132-134 и др.

[2] *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории: 1656-1671 гг. – М., 2006. С. 554; См.: Крестьянская война в России под предводительством Степана Разина. Т. 3. №144. – М., 1962. С. 157-159.

[3] Сызранский филиал ГУСО ЦГАСО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 627. Л. 46.

[4] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 63, 64-70-об. «А сверх дач во владении Печерским казакам будет 10375 десятин». (Л. 70-об.)

[5] Там же. Л. 365-об.

другим рекам, видимо, сложились еще до основания Сызрани. На севере они соседствовали с оборонительными сооружениями Арбугинской дворцовой волости.

Солдатскому гарнизону Сызрани, русским казакам и солдатам создать надежную защиту всего пространства между Волгой и Сурой было не под силу. Поэтому власти распределяли по Сызранке, Крымзе, Усе, притокам Суры служилых людей из автохтонного населения Среднего Поволжья. Им выделяли земли и угодья для расселения, занятия земледелием и животноводством. Основным условием для наделения землей и угодьями являлось исправное несение сторожевой станичной службы[1].

Источники того времени свидетельствуют, что на южных «завальных» территориях Симбирского уезда практически одновременно с основанием Сызрани сложилась значительная совокупность селений служилого автохтонного населения Казанского края. Западнее, ближе к Суре, они надежно закрывали территорию водораздела (Торуевские Вершины, Чувашская Бекшанка, Еделево, Сайман, Ахметлей в верховьях р. Сызрань). В северо-восточной части региона такие селения располагались по Усе, Тишереку и т.д.: Ногайский Брод (Уса), Малячкино (Казанбаевка) и ряд других[2]. По всей видимости, их жители несли сторожевую службу, принципиально не отличавшуюся от русских станичных казаков и солдат.

И все же строительства Сызрани, основания большого количества военизированных сельских поселений, жителями которых являлись солдаты, казаки и стрельцы, явно не хватало для надежной обороны междуречья Волги и Суры[3]. Принятие дополнительных мер для обеспечения безопасности всего этого обширного пространства, входящего в Симбирский уезд, возлагалось на местную уездную администрацию во главе с воеводами.

[1] *Дубман Э.Л.* Строительство Сызрани и начальный этап военно-государственного освоения Сызранского Правобережья. С. 84.

[2] Там же. С. 84; *Дубман Э.Л.* Оборонительные сооружения и военные гарнизоны Сызранского Поволжья в начале XVIII в. // Самарский земский сборник. №1 (20). 2011. С. 51-57.

[3] *Лебедев В.И.* Легенда или быль. По следам засечных сторожей. С. 45-48.

Летом 1685 г. местность между двумя этими реками обследовал со своим полком воевода М.А. Головин[1], родной брат известного сподвижника Петра I Ф.А. Головина. По итогам экспедиции был составлен проект строительства будущей укреплённой черты. Сам документ не сохранился, но краткое резюме из него приведено в указе Петра и Ивана Алексеевичей, датируемом 23 декабря 1685 г. Приведем его полностью: «По досмотру и по описи и по чертежу стольника и воеводы Матвея Головина за старою Синбирскою и Корсунскою чертою и за новопостроеными селы и деревни для обереганья от приходу воинских людей строить новую черту ему стольнику и воеводе от Казачьих гор до Туруева городища и до реки Суры на семидесят верстах на трехстах на сороке на дву саженях. И по той новой черте сделать четыре городка, чтоб старая Синбирская и Корсунская черта и тех городов пригороды и арбугинская пашня и села и деревни, которые за старою Синбирскою и Корсунскою чертою были в черте. И служилым и всяких чинов и уездным людем жить было безстрашно и на Волге всяким людем от приходов воинских людей разоренья не было»[2].

Перед служилыми людьми, которых предполагалось расселить по новой Сызранской черте, было поставлено несколько важных задач. Они должны были обезопасить от набегов степняков «новопостроенные села и деревни», защитить волжское судоходство и рыбные промыслы. Не совсем понятно, почему основанную 2 годами ранее Сызрань планировалось оставить вне черты, под ее защитой. Укрепления же черты начинались ниже по течению Волги от крепости в «Казачьих горах» – Кашпира.

Строительные работы по возведению новой черты было решено начать 1 мая 1686 г.[3] Всеми организационными подготовительными и строительными работами занимались два приказа: Разрядный и Казанского Дворца. Администрация первого осуществляла, очевидно, общее руководство. Реальная деятельность в районе по мобилизации рабочей силы и ратных людей, производству строительных работ и формированию новых гарнизонов была поручена приказу Казанского Дворца. В течение марта и апреля приказная администрация урегулировала с властями Симбирского и других соседних уездов все необходимые меры по мобилизации крестьян для производства строительных работ, а также военных подразделений для их охраны. Всех мобилизованных крестьян и ратных людей предполагалось собрать под Сызранью. В указе от 23 февраля 1686 г. из Москвы требовали: «Городовое и валовое и засечное дело» следовало «начать делать в нынешнем... году не испустя летнего времени»[1].

На строительство были мобилизованы «посошные люди» из соседних уездов: «... з десяти дворов человека да с пятнатцети дворов лошадь. А работных людей велено нарежать, чтоб у всякого человека было по топору, по заступу, по лопате, да у дву человек по кирке. А лошади с телеги и с ужищи»[2].

Сведения о времени, отведенном на строительство черты, отсутствуют. По подсчетам, всего на весь рабочий сезон с весны до осени 1686 г. намечалось направить около 8500-9000 чел. Очевидно, строительные работы предполагалось проводить одновременно на различных участках по всей протяженности черты в 152 км.[3] Для «обереганья тех посошных людей» был послан полк Головина с «ратными людьми московского чину» и местными служилыми людьми из Свияжска, Арзамаса, Нижнего Новгорода, Касимова и Шацка[4].

Однако Сызранскую черту так и не удалось построить. В царском указе от 13 апреля 1686 г. в Казанский Дворец было определено: «... И апреля в 13 день нынешняго ж 194-го году за тою Синбирскою и Корсунскою чертою тех городов и валового и засечного дела делать великие государи не указали»[5]. Возможно, причиной этого явилось утверждение Вечного мира с Польшей и как следст-

[1] Государственный архив Ульяновской области (далее – ГАУО). Ф. 732. Оп. 3. Д. 314.
[2] РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 488. Сам указ не сохранился и его основные положения известны по более поздним царским указам первой половины 1686 г.
[3] РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 488-492.

[1] Там же.
[2] Там же. Л. 489.
[3] *Дубман Э.Л.* Проект Сызранской линии: предыстория, создание и судьба. С. 329.
[4] РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 490.
[5] Там же. Л. 418-419.

вие, начало подготовки первого Крымского похода. И все же, полк М.А. Головина летом 1686 г. был отправлен в район планируемых работ[1]. В следующем 1687 г. стольнику было поручено построить Кашпир и огородить его земляным валом[2]. В этом же году у «Тураева городища» была поселена казачья Торуевская слобода.

Кашпир «на Казачьих горах» был одним из 4-х «городков», указанных в проекте новой черты. Очевидно, что, находясь на берегу Волги, он имел особую значимость в этой оборонительной системе. Его основная задача состояла в защите восточного участка пространства между Волгой и Сурой, чтобы «... всяким людем от приходов воинских людей разоренья не было»[3]. Состоявший из солдат гарнизон крепости должен был вместе с тем гарантировать и безопасность судового пути по Волге.

Сохранившийся чертеж Кашпира конца XVII в.[4] показывает, что его укрепления являлись типичными для пограничных крепостей южных и юго-восточных границ Европейской России того времени. Солдаты кашпирского гарнизона были переведены с Симбирской и Карсунской черт, а также других территорий Среднего Поволжья. Всем 188 солдатам с семьями в 1689 г. «вместо денежного и хлебного жалованья было отведено под пашню земли и сенных покосов и всяких угодий против сызранских солдат»[5]. О внешнем облике и фортификационных особенностях прочих оборонительных сооружений Сызранской черты сведений не сохранились. Возможно, три остальные «городка» планируемой черты были сходны с Кашпиром.

Решение правительства об отказе от строительства Сызранской черты вынудило уездные власти уделить значительно большее внимание расселению между Волгой и Сурой русских солдат и казаков, а также служилых людей из татар, чуваш и мордвы.

[1] РГАДА. Ф. 281. Оп. 8. Д. 11560. Л. 1.

[2] ГАУО. Ф. 732. Оп. 3. Д. 314.

[3] РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Столбцы. Д. 674. Л. 488.

[4] *Налетов А.Г.* План города Кашпира конца XVII в. // Архитектурное наследство. №19. 1972. С. 93-95.

[5] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 395; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVI и начале XVIII веков. С. 237-238.

В источниках конца XVII в. дана весьма подробная характеристика их служебных действий и обязанностей, в «той Сенгилеевской слободе и службы де они всякия Великаго Государя городовыя и объездныя служат и на нашу Великаго Государя службу ходят по очередь и ряду, по дважды в году, и в новопостроенном городе Сызрани и на Кашпире со своею братиею станичными казаками с Тетюш и Карлинска и стоят ради сбереженья от неприятельских людей попеременно и в проезжия, подзорныя станицы по Симбирской и по Корсунской черте ездят безпрестанно...»[1]

О численности и составе военизированного населения, расселенного на Правобережье в конце XVII – начале XVIII в., дают представление материалы набора даточных людей, проводившегося Генеральным двором в с. Преображенском. Им, в «понизовых городах» занимался князь Н.И. Репнин, который должен был «прибирать в салдацкую службу в указные числа детей боярских и из недорослей и казачьих и стрелецких детей же и братьев и племянников и захребетников и из и ных всяких чинов и из наемных работных людей». Сведения о составе ратных людей осваиваемого региона на 1702 г. в определенной части сохранились в книгах этой комиссии. Так, по Сызрани и Кашпиру в них внесены дворяне и дети боярские, приказные и площадные подъячие, пушкари, воротники, солдаты, «солдатские дети» (живущие отдельно) и бобыли. В указанных пригородах преобладали солдаты, пушкари и воротники, фактически не состояли дворяне и дети боярские. Только в Сызрани назван один дворянин. Документы с подробным перечнем служилых людей по ряду сельских поселений выявить не удается[2].

Несмотря на очевидную фрагментарность сохранившихся источников, следует считать, что на рубеже XVII-XVIII вв. изучаемый регион в значительно большей степени был насыщен воору-

[1] *Красовский В.Э.* Столетие города Сенгилея (Краткий исторический очерк). – Симбирск, 1902. С. 2-3.

[2] *Дубман Э.Л.* Оборонительные сооружения и военные гарнизоны Сызранского Поволжья в начале XVIII в. С. 51-57; Дубман Э.Л., Малинкин Е.М. Гарнизоны городов Южного Средневолжья на рубеже XVII-XVIII вв. на примере Самары, Сызрани и Кашпира. // Вестник архивиста. № 2. 2012. С. 152-163.

женными силами, чем об этом позволяют судить переписные книги и другие материалы Генерального двора.

Некоторые итоги развития Поволжского фронтира к рубежу XVII-XVIII вв.

Изучение военно-государственного освоения пространства Поволжского фронтира дает нам право считать середину – вторую половину XVII в. временем качественного перелома в его развитии. Интенсивная колонизация и массовые миграции, формирование сети сельского и городского расселения, становление земледельческого и промыслового производства, складывание новой военно-административной системы управления происходили при наличии всех основных особенностей «фронтирного этапа». Он проявлялся в активном противостоянии военным угрозам извне – из кочевой степи, строительстве систем укрепленных линий и локальных оборонительных сооружений, насыщения их гарнизонов ратными людьми. Именно служилые люди при своем испомещении слободами, создают костяк сельского расселения Симбирского уезда. Характерной была и специфика поведения нового военизированного, тяглого и гулящего населения. Население «окраинных территорий» всегда испытывало особую близость и симпатии к казачьей вольнице. Оно традиционно проявляло стойкость в столкновениях с кочевниками, но «шатость» и стремление сохранить свои вольности в противостоянии с государственно-крепостнической системой.

Подведем некоторые итоги развития изучаемого обширного региона: особенности формирования его территории, специфику расселения и формирования разнообразного в социальном и этноконфессиональном отношении населения. Основанием для таких выводов являются как результаты предшествующих исследований[1], так и анализ совокупности сводных источников начала

[1] «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 1. Очерки истории: монография. / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. – Самара, 2013; То же. Часть 2: Заселение региона и этнодемографическая ситуация. Очерки истории. / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. – Самара, 2014; Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.): учебное пособие. / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. – Самара, 2013; и др. работы.

XVIII в., в частности, переписи «оброчных статей» 1704 г. и ряда других материалов[1].

Осваиваемое в середине – второй половине XVII в. служилыми и тяглыми переселенцами пространство стало основой для формирования Симбирского уезда. Его рубежами являлись: на севере – система старых укреплений по линии Алатырь – Буинск – Тетюши; на юге – р. Сызрань и ее притоки (но ряд сельских поселений спускался значительно южнее к восточным притокам Дона). В широтном западном направлении территория уезда не уходила далее р. Суры, а на востоке ограничивалась правым берегом Волги. Вниз по Волге промысловые и земледельческие селения с городками-острожками во владениях московских Чудова, Новоспасского и других монастырей доходили почти до Саратова, но вряд ли они были подчинены администрации Симбирска. То же самое, за исключением сравнительно небольшого периода, можно сказать и о Надеинском Усолье. Кроме того, в состав уезда входила приволжская часть Закамской черты с пригородами Белый Яр, Ерыклинск и прилегающими к ним селениями.

Все это обширное пространство было заселено различными в социальном и этноконфессиональном отношении группами русского, средневолжского автохтонного и прочего населения. Кратко охарактеризуем отдельные локальные районы такого расселения.

На северо-западе, в пространстве между Сурой и Барышом, располагалась относительно автономная, сильно залесенная территория «Карсунского уезда», с «городами» и острогами по Карсунской черте. Сведения о сложившихся здесь поселениях и их жителях крайне фрагментарны. В основном, они размещались на степных участках по засечной черте, не уходя выше изгиба Суры и междуречья ее и Барыша, до, примерно, широты Промзина городища. Для

[1] *Дубман Э.Л.* Система расселения на территории Симбирского уезда к началу XVIII в. // Вестник СамГУ. № 1 (112). 2014; РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 1-361.

конца XVII в. можно говорить о запустении всей этой местности по сравнению с данными писцовой книги середины 1680-х гг.[1]

Традиционно районом плотного, прежде всего помещичьего, расселения, следует называть пространство, располагавшееся к северу от Симбирска вдоль по р. Свияге до устья Бирюча. Здесь насчитывалось до 40 селений, из которых владельческими были 28. Еще одна крупная группа из 37 селений размещалась по рекам Бирючу, Якле и Чилиму, несколько не доходя р. Барыша. Это были земли к западу от Свияги и к северу от крепостей, острогов и слобод, располагавшихся по Симбирской черте. В большинстве случаев сложившиеся здесь селения принадлежали местным помещикам[2].

Самые северные территории уезда, располагавшиеся под старой, практически уже не используемой, системой укреплений по линии Алатырь – Буинск – Тетюши на реках Карле, Бездне, Буле и другим, заселяло коренное население Казанского края – преимущественно ясачные и служилые чуваши и отчасти татары[3].

К югу от Симбирской и Карсунской черт, «за валом», первые селения появились начиная с 60-х гг. XVII в. Здесь ставили свои деревни, в основном, симбирские дети боярские (по Свияге и ее притокам Гуще и Ташле – 6 сел и 9 деревень) и выборные солдаты (8 сел и 1 дер.). К началу XVIII в. в этих местах насчитывалось 31 селение.

Вдоль по Волге от Симбирска вниз шла Арбугинская волость, состоящая из 6 слобод, населенных дворцовыми крестьянами. А к западу от лежащих ниже крупных владений Новодевичьего и Саввино-Сторожевского монастырей, в междуречье Усы и Тукшума, сложилась группа из 19 селений (4 села и 15 деревень), в основном, принадлежавших ясачным чувашам и мордве (9), служилым чувашам (4) и татарам (2); помещикам, столичной знати и солдатам выборного полка[4].

[1] РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 75-об.-110-об. Листы, на которых записаны эти данные, дефектны.

[2] Там же. Л. 164-183.

[3] Там же. Л. 184-197.

[4] Там же. Л. 227-231-об.

Южнее Карсунской черты вверх по Барышу и притоку Туарме, там, где в XVIII в. П.С. Паллас увидел холмистую «страну», поросшую редким березняком, насчитывалось 25 селений с разнообразным по социальной и этнической принадлежности населением. Юго-западнее этой черты преобладали русские помещичьи владения и селения солдат выборных полков (9 сел и 5 деревень).

Южные земли Симбирского уезда, освоение которых началось только с 1680-х гг., располагались, в основном, в долине р. Сызранки. В ее верхнем течении и по притокам возникло примерно два десятка селений, почти половина из которых принадлежала помещикам. Помимо того, здесь расселялись солдаты выборных полков, служилые татары, чуваши и мурзы, ясачные мордва и чуваши[1].

Территория в окрестностях Сызрани и Кашпира, а также к югу от р. Сызранки, в источниках того времени нередко называвшаяся «Сызранским уездом», имела около 15 поселений с разнородными жителями.

Всего в Симбирском уезде переписчики в начале XVIII в. учли 311 поселений. Из них 211 (67,9 %) были населены русскими крестьянами и служилыми людьми, 100 (32,1 %) – служилым и ясачным местным коренным населением (служилых – 38 и ясачных – 62). Такое соотношение по этноконфессиональному признаку можно назвать типовым и для северной, и для южной половин уезда. Большинство селений ясачного автохтонного населения находилось на севере (40 деревень против 17 «за валом»). К началу XVIII в. число поселений «за валом» почти догнало «старые», располагавшиеся под защитой засечных черт (соотношение 44,7 к 55,3 %).

Почти половиной сельских поселений владели светские и церковные землевладельцы (149 из 311 или 47,9 %). Самой многочисленной среди них являлась группа мелких и средних местных (в основном симбирских) помещиков, которым принадлежало 115 сел и деревень (37 % от общего количества или 77,2 % от числа владельческих).

К началу XVIII в. служилые люди по отечеству уже не являлись значимой группой в составе местных вооруженных сил Сим-

[1] Там же. Л. 254-260.

бирского уезда. Значительно снизилось число приборных людей (всего 22 слободы). Выросла роль солдат (26 сельских поселений, а также солдаты Сызрани, Кашпира и других гарнизонов уезда). В старой части уезда, к северу от Симбирской и Карсунской черт, в центральной его части, располагались прежде всего селения стрельцов и казаков, а к югу от «вала» – солдат. Много поселений принадлежало служилым людям из автохтонов Среднего Поволжья (38). Как правило, они размещались в южной части уезда (26 против 12). Очевидно, что к началу XVIII в. ареал военизированного расселения смещается к югу.

Сложившаяся группа городов, пригородов и острогов (всего 10), располагавшихся, в основном, по засечным чертам, делила территорию уезду на северную и южную части. В южной вплоть до конца 1690-х – начала 1700-х гг. возводились лишь отдельные пригороды. Государство отказалось там от строительства засечных черт.

Несмотря на быстрый рост к концу столетия тяглого сельского и посадского населения, военная составляющая продолжала играть особую роль в развитии и освоении региона. По материалам сметы 1704 г., на территории Казанского и Симбирского уездов размещалось 44,8 % (15 292 чел.) всех ратных людей области понизовых городов, а только Симбирского – 18,3 % (6 236 чел., из них 1993[1] или почти 32 % – служилые татары, мордва и чуваши)[2].

Особенно ярко это проявлялось в пограничье региона. Там население городов, пригородов и многих слобод в основном состояло из служилых людей. К примеру, в Самаре в начале XVIII в.

[1] Несколько странными и противоречащими нашим выводам являются данные переписных книг 1718-1719 гг., в которых по Симбирскому уезду указано 3 137 дворов служилых «инородцев» с 15 076 душами, что является крупнейшим показателем для пограничных уездов европейского Юга и Юго-Востока страны. В отношении же уездов территории, выделяемой Нольде как район «Среднего Поволжья», данные по Симбирскому уезду, по сравнению с материалами сметы 1704 г., выглядят как отражение неких, крайне интенсивных миграционных процессов, происходивших в его пространстве. См.: Сб. РИО. Т. 94. – СПб., 1994. С. 177-178; Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. – СПб., 2013. С. 185.

[2] РГАДА Ф. 9. Отд. 2. Д. 3. Л. 431-437.

численность служилых людей с семьями составляла не менее 85 % всех жителей города[1]. Столь же значимыми были эти показатели в Сызрани и Кашпире.

На рубеже XVII-XVIII в., наряду с другими близлежащими местностями Поволжского фронтира, рассмотренное пространство постепенно начинает превращаться во «внутреннюю окраину» России. Сложилась разветвленная сеть сельского и городского расселения. Симбирский уезд становится районом развитого сельскохозяйственного производства, промыслов и ремесла, здесь складывания многочисленной корпорации привилегированного купечества. По своему экономическому развитию, административно-военному положению, размерам территории и возможностям для ее дальнейшего расширения, Симбирское Правобережье выделяется среди прочих соседних уездов. В значительной степени этому способствовали природные ресурсы региона, чрезвычайно выгодное географическое положение на волжском транзитном пути.

О существенных изменениях, произошедших в развитии рассматриваемых территорий за вторую половину XVII в., свидетельствуют многие исследователи[2]. Например, В.М. Кабузан писал, что «... уже в XVIII в. Среднее Поволжье не являлось районом интенсивного заселения»[3]. По мнению Р.Г. Кузеева, наиболее активное заселение Симбирского Правобережья происходило до начала XVIII в.[4] С такими выводами выражают согласие и авторы современных обобщающих исследований по российской истории[5]. Наиболее определенно данный процесс охарактеризовал А. Каппелер, считавший, что «военный фронтир на юге [и европейском юго-

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5128. 1702 г. Л. 608-679.

[2] *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 245-246; «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация. С. 60.

[3] *Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения в XVIII – первой половине XIX в. – М., 1971. С. 36.

[4] *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. – М., 1992. С. 152.

[5] *Петров Ю.А.* и др. Российское государство от истоков до XIX в.: территория и власть. – М., 2012. С. 174.

востоке – *Э. Д.*] России постепенно эволюционирует в поселенческий (settlement frontier), имперская «варварская граница» – в освоенную границу (Erschließungs grenze), и начинается заселение восточнославянскими крестьянами (и автохтонным населением Казанского края – *Э. Д.*) плодородного степного черноземья»[1].

Отметим, что переселенцы, заселявшие все это пространство Симбирского Правобережья, являлись начальными постоянными жителями ранее практически не имевшего оседлого населения края[2], основными акторами процесса его заселения и хозяйственного освоения. Именно они создали новую социокультурную общность на его территории. Пространство фронтирного Правобережья стало своеобразной «кухней» разнообразных в конфессиональном и социальном отношениях групп: коренных автохтонных народов Казанского края, представителей русского и других народов Восточной Европы. В процессе их совместного проживания и постоянных контактов, выполнения служебных и тяглых обязанностей, хозяйственной деятельности, общих исторических судеб постепенно складывалась особая историко-культурная область, представители которой пытались идентифицировать себя как «симбиряне», «самаряне» и т.д. Эта специфика выделяет вновь осваиваемый регион из основных территорий бывшего Казанского ханства.

Вследствие явной недостаточности и фрагментарности источниковой базы, сложно дать исчерпывающие количественные и качественные характеристики демографических, миграционных, экономических и социокультурных процессов на его территории. Но и имеющиеся материалы позволяют показать своеобразие, уникальные особенности формирования нового социума в пространстве пограничного региона в период его интенсивной колонизации. Впитывая в себя самые разные группы переселенцев, он был неразрывно связан с процессами, происходившими в

[1] *Каппелер А.* Южный и восточный фронтир России в XVI-XVIII веках. // Мусульмане в новой имперской истории: Сб. статей. / Отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семёнов. – М., 2017. С. 228.

[2] Речь идет о запустении всех этих территорий в период распада Золотой Орды.

пространстве Средней и Нижней Волги, Подонья и Южного Приуралья. Можно согласиться со словами В. Кивельсон о том, что в южном и юго-восточном пограничье Московского государства «... имперская экспансия расшатывала представления о закрепленности, открывая широкие приграничные территории, отодвигая границы, сводя на нет усилия центра по закреплению населения в пространстве...»[1] Противостояние «центра и окраин» в рамках развития российской государственности и социума особенно ярко проявилось во время Разинщины, к которой примкнули самые широкие слои местного общества, в том числе и подавляющее большинство служилых людей по прибору[2].

Поселившиеся здесь, переведенные и пришедшие самовольно представители различных этноконфессиональных сообществ оказались в близком правовом, экономическом и социальном положении. Многие историки в целом соглашаются с выводом, предложенном Б.Э. Нольде о том, что статус «инородческих окраин» в составе России в основном не отличался от статуса центральных территорий, населенных великороссами[3]. Только интенсивно колонизируемый «Поволжский фронтир» в данном случае правильнее назвать окраиной, где для разных в этническом и конфессиональном отношении групп переселенцев формировалась общая правовая система для их совместного проживания и сближения. Несомненно, что эти рассуждения несколько выходят за пределы рассматриваемой темы и нуждаются в дополнительном обосновании.

[1] *Кивельсон В.* Картография царства: земля и ее значение в России XVII века. – М., 2012. С. 280-281.

[2] *Дубман Э.Л.* Служилые люди Южного Средневолжья м восстание под предводительством С.Т. Разина. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Пятые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова: материалы к международной научной конференции, Москва, 9-10 ноября 2017 г. – М., 2017. С. 262-267.

[3] *Кучумов И.В., Сахибгареева Л.Ф.* Исследователь истории Российской империи Б.Э. Нольде. // Вопросы истории. 2014. № 10. С. 115; Ногманов А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI-XVIII вв. – Казань, 2002. С. 27-31; Галлям Р.Г., Кадыров Р.В. Служилые татары как социальная категория населения Русского государства XVI –XVII вв. // Вестник ТГГПУ. 2011. №2(24). С. 77-80.

Очевидно, что демографические и миграционные, а также хозяйственные процессы, протекавшие в рассматриваемом пространстве, в целом вписывались в общую картину освоения лесостепного юга и юго-востока европейской части Московского государства и соответствовали общим тенденциям включения новых регионов в единое пространство будущей российской империи.

Глава 2.

Военно-оборонительные сооружения на южной и юго-восточной границе как метод закрепления новой территории

2.1. Строительство засечных черт XVI в.

Создание систем оборонительных укреплений вдоль границ наблюдалось еще в период существования древнерусского государства. Так, известия о засеках впервые встречаются ещё в Новгородской (1137-1139) и Троицкой (1216) летописях. Наличие значительных лесных массивов позволяло устраивать лесные завалы из деревьев, которые надежно перекрывали пути набегов кочевников внутрь русских земель. Подобные типы укреплений были созданы для отражения набегов монголов на южные княжества Руси. В XIV в. великий князь владимирский Иван Данилович для защиты южных рубежей Владимирского княжества возвёл беспрерывную линию засек от реки Ока к реке Дон и далее к Волге. В основе подобных засечных линий лежала засека, которую рубили в глубине леса, чтобы ее невозможно было быстро уничтожить огнем. Ширина таких укреплений по документам XVI в. составляла 50-100 м. В местах, где не находилось лесов и имелись естественные проходы вглубь Руси, устанавливали города-крепости, небольшие деревянные острожки, деревянные надолбы.

Создание системы инженерных оборонительных сооружений являлось одним из результатов длительного поиска способа военного противостояния русских земель кочевым жителям степей. Специфика ведения войны в степи, где начиная с XIV в. основным противником Руси выступала татарская конница, в условиях появления в русском войске артиллерии, отразилось не только на

тактических приемах скоротечных полевых сражений с татарами[1], на выработке долговременной стратегии противодействия Орде и ее наследникам.

Разгром татар в 1380 г. в полевом сражении, которому предшествовало выдвижение русских войск достаточно глубоко в степь, не означал победы над Ордой, поскольку ордынцами командовал не законный хан, а темник Мамай. Более того, в военно-политическом отношении успех Куликовской битвы во многом был нивелирован разгромом Москвы в 1382 г. Тохтамышем.

Достаточно отчетливо иная стратегия проявилась в 1472 г., когда после получения известия о начале похода на Русь хана Ахмата, началось развертывание русских войск на берегу Оки. При этом стала понятна необходимость тщательной организации обороны на левом берегу Оки, – неслучайно она длительное время была основным российским оборонительным рубежом в борьбе со Степью. Вместе с тем, проявилась потенциальная возможность использования опорных пунктов для успешной организации обороны. Можно сказать, что гибель Алексина в 1472 г., который находился на правом (степном) берегу Оки и, даже не имея укреплений, на три дня задержал продвижение противника, не только позволила подтянуть дополнительные русские силы к месту сражения[2], но и показала целесообразность перекрытия направления главного удара степного противника. Эти события вполне справедливо связываются с зарождением оборонительной береговой службы[3].

Впрочем, первые воинские контингенты, еще не очень многочисленные, начинают дислоцироваться по Оке еще в 60-70-х гг. XV в. Военные силы, исполнявшие «береговую службу», в основном базировались в Коломне – главном центре обороны окского рубежа. Далее, с 1472 по 1480 г., в состав «берега» были включены другие города-крепости, стоявшие на Оке: Алексин, Перемышль, Таруса,

[1] *Пенской В.В.* От лука к мушкету. Вооруженные силы Российского государства во 2-й половине XV-XVII вв.: проблемы развития. – Белгород, 2008. С. 54.

[2] *Алексеев Ю.Г.* Под знаменами Москвы. – М., 1992. С. 180; Назаров В.Д. Свержение ордынского ига на Руси. – М., 1983. С. 33.

[3] *Носов К.С.* Русские крепости конца XV-XVII вв. – СПб., 2009. С. 25.

Кашира, Серпухов, Калуга, Ростиславль. Именно в 70-80-е гг. XV в. появляется расширительное толкование «берега» на все течение Оки от Коломны до устья Угры[1].

Отступление войск хана Ахмата означало успех выработанной стратегии, суть которой состояла в определении и организации обороны естественных рубежей для предотвращения прорыва противника в центральные районы страны. Важно помнить, что впервые за всю историю русско-ордынских войн хан Ахмат проводил длительную кампанию. Орда «нависла» над южными рубежами России[2]. Таким образом, это вторжение имело определенное сходство с постоянной опасностью, исходившей со стороны Степи (Поля – начиная с XVI в.) в дальнейшем, поскольку русские силы были вынуждены ожидать нанесения главного удара на протяжении оборонительного рубежа от Коломны до Тарусы. Победа в этом противостоянии создавала модель успешной борьбы с татарами на Юге в условиях одновременного ведения боевых действий на северо-западном направлении и при наличии потенциальной угрозы с запада. Успех был обеспечен сосредоточением сил на южном направлении ценой их ослабления на северо-западе.

Если оценивать дальнейшие меры России по военному противоборству с Ордой и государствами, образовавшимися на территории Джучиева улуса, то их можно воспринимать как оборонительную тактику, но стратегически такие меры позволили осуществлять постепенное продвижение в Степь и обеспечили победу над противниками[3].

В это время главными противниками татар стали армии оседлых, земледельческих народов, хорошо оснащенные доспехами, огнестрельным и клинковым оружием. Поэтому базовыми фак-

[1] Его же. Русские средневековые крепости. – М., 2013. С. 204-205.

2 *Алексеев Ю.Г.* Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. – СПб., 2009. С. 234.

[3] Об историографии этого вопроса см.: Володихин Д.М. «Царев приход» на Оку 1541 года. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. Ч. II. С. 482, примечание 1. URL: http://www.milhist.info/2016/05/26/volodixin_3 (дата обращения: 10.12.2018).

торами татарской военной тактики второй половины XV-XVII вв. окончательно стали мобильность и массированный лучный бой[1].

Появление в XVI столетии в Крымском ханстве пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, не повлияло принципиально на соотношение сил, военную тактику и стратегию, поскольку численность стрелков, принимавших участие в татарских походах этого времени, не превышала 1 тыс. чел.; не выросла она существенно и в XVII в.[2] Артиллерийский парк Крымского ханства в середине XVI в. насчитывал несколько десятков артиллерийских орудий, а в середине XVII в. – около сотни стволов. Однако их основная масса была сосредоточена в крепостях полуострова и представляла собой крепостную, а не полевую артиллерию. При осаде русских крепостей артиллерия татарами использовалась редко (например, при штурме Пронска в 1541 г. и во время осады Тулы в 1552 г.) и успешным применение артиллерии в указанных случаях назвать трудно[3].

Не следует представлять, что сразу после успеха «стояния на Угре» организация оборонительных рубежей стала единственным способом военного противодействия татарской опасности. Поражение Ахмата и последовавший распад Большой Орды способствовали нормализации обстановки на окских рубежах. Если до 1480 г. полки несли регулярную «береговую службу», то с 1480 по 1511 г. выставление полков прекратилось[4].

В 80-90-е гг. XV в. Иван III предпринял ряд походов вглубь Степи, «под Орду», но они имели своей целью оказание военного давления на Большую Орду ради помощи союзному Крымскому ханству[5] и, по мнению В.В. Каргалова, имели незначительный масштаб, ограничиваясь нападениями «служилых царевичей» на

[1] *Бобров Л.А.* Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. Ч. II. С. 234. URL: http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov (дата обращения: 10.12.2018).

[2] *Бобров Л.А.* Указ. соч. С. 289-290.

[3] *Бобров Л.А.* Указ. соч. С. 297-299.

[4] *Носов К.С.* Русские средневековые... С. 205.

[5] *Крагалов В.В.* Конец ордынского ига. – М., 1984. С. 116-118.

отдельные улусы Большой Орды или военными демонстрациями. Однако, уже в 1501 г., когда поблизости от Северских земель появилась орда Ших-Ахмета, на окраины были направлены русские полки, но их задачей была организация обороны рубежа, без развязывания активных боевых действий против татар[1], что вполне понятно в условиях войны с Великим княжеством Литовским.

Вероятно, русско-литовские войны конца XV – первой трети XVI в. имели своей основной причиной противоречия между Россией и Великим княжеством Литовским[2], но включение в состав Российского государства в результате войны 1500-1503 гг. Северской земли позволило не только отодвинуть российскую границу на юг. Теперь появилась возможность угрожать татарским сакмам с фланга. Линия обороны была организована по реке Сейм с опорой на имевшиеся здесь крепости Путивль и Рыльск. В это же время появляется новый аспект в организации обороны – привлечение военных сил, имевшихся на месте, в данном случае – «верховских» и «северских» служилых князей.

После 1511 г. Россия вновь была вынуждена ввести «береговую службу». С тех пор государство почти ежегодно, вплоть до конца XVI в., выставляло по Оке воинский контингент, подчинявшийся коломенскому воеводе[3]. По мнению Д.М. Володихина, Россия впервые почувствовала серьезную военную опасность со стороны Крымского ханства весной 1512 г., когда южнорусские земли подверглись масштабному нападению крымских «царевичей», и именно с этого момента начинает складываться оборонительная система на Оке, а уже в 1520-х гг. общая схема окской обороны «по берегу» закрепляется на долгие десятилетия вперед[4].

Прорыв окского оборонительного рубежа во время вторжения Мухаммед-Гирея в 1521 г. показал необходимость совершенствования военно-оборонительной системы на Юге. Ока, несмотря

[1] *Крагалов В.В.* На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. – М., 1974. С. 23-25.

[2] Подробнее см.: *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. – М., 2010. 320 с.

[3] *Носов К.С.* Русские средневековые... С. 205.

[4] *Володихин Д.М.* Указ. соч. С. 482-483.

на ее полноводность и глубину, не имея сплошной линии укреплений, не смогла послужить основой для предотвращения прорыва крупных вражеских сил. Не выполнила до конца своих задач российская сторожевая служба, поскольку не удалось определить точное место, где татары планировали форсировать Оку. Ощущался недостаток артиллерии, которая могла бы обеспечить перевес русских сил над татарской конницей[1].

Учтя полученный опыт, правительство Василия III смогло организовать эффективную оборону «берега» в 1527 г., когда сын Мухаммед-Гирея Ислам-Гирей с десятитысячным войском попытался перебраться через Оку в районе Ростиславля[2]. В мае 1532 г. впервые в истории «береговой службы» на Оку было привезено большое количество артиллерии. Пушки были расположены у бродов «от Коломны и до Коширы и до Сенкина и до Серпухова и до Колуги и до Угры»[3].

Начиная с набега Мухаммед-Гирея в 1521 г. многотысячная татарская конница не раз прорывалась вглубь России по традиционным дорогам, в обход естественных рубежей – лесных массивов и глубоководных рек. Путь прокладывался, как правило, по водоразделам Северского Донца и Ворсклы с одной стороны (на западе), Оскола – с другой (на востоке).

Во второй половине XVI в. набеги крымских татар участились. В последней четверти XVI в. в набегах стал использоваться также водораздел Оскола и Дона. Для вторжений использовались три главные татарские сакмы.

Первая из них – Муравская – начиналась у верховьев р. Самары, притока Днепра, и проходила между верховьями Ворсклы и Северского Донца.

Вторая – Изюмская – также начиналась у верховьев р. Самары, шла прямо на север, где у Изюм-кургана татары переправлялись через Северский Донец, далее продвигались по его левобережью, обходя Нежегольский лес, р. Корочу и по водоразделу между Донцом и Осколом устремлялись к безлесному участку между Нежегольскими и Оскольскими лесами в районе современного Яблонова.

[1] *Крагалов В.В.* На степной... С. 29-67.

[2] *Крагалов В.В.* На степной... С. 76-79; Пенской В.В. Война за Ордынское наследство. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. Ч. II. С. 464. URL: http://www.milhist.info/2016/05/16/penskoy_9 (дата обращения: 13.10.2018).

[3] См.: *Пенской В.В.* От лука... С. 57.

Третья – Кальмиусская дорога – начиналась у истоков донского притока р. Кальмиуса, вела к переправе через Северский Донец чуть выше впадения в него р. Айдар и далее, по водоразделу рек Оскола и Айдара, выводила татар к переправе на безлесном участке через Тихую Сосну.

Активизация крымцев потребовала введения особых мер по обороне южной окраины государства[1]. Опираясь на Оку, удалось эффективно противостоять вторжениям татар в 1532 и 1533 гг., но последствия оказались достаточно тяжелыми для страны, т.к. значительные территории оказались разоренными.

С 1535 г. часть сил начинает выдвигаться в города за Окой – Тулу, Пронск и Одоев. Однако основным стратегическим рубежом оставался берег Оки. Показательным в этом отношении является отражение похода крымского хана Сагиб-Гирея в 1541 г. После получения первых известий о готовящемся походе крымцев было организовано проведение разведки в степи. Станицы своевременно информировали Москву о передвижении вражеских сил. В соответствии с полученными сведениями была проведена перегруппировка российских войск. Сражение главных сил на Оке, в том числе с использованием артиллерии, продолжалось целый день 30 июля и крымцы так и не смогли переправиться через реку[2].

Эти события показали, что оборонительная линия по берегу Оки достаточно эффективна, но, опираясь на нее, не получается обеспечить безопасность уездов, находящихся южнее Оки. Вместе с тем, хорошо показали себя крепости, расположенные за Окой[3]. Стала понятна необходимость создания еще одной оборонительной линии со стороны Поля, организованной на основе принципов, успешно использованных впервые во время «стояния на Угре».

[1] См.: *Носов К.С.* Русские крепости… С. 32; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. – М.-Л., 1948. С. 29.

[2] *Пенской В.В.* Война за Ордынское... С. 464; Володихин Д.М. Указ. соч. С. 484-489.

[3] *Крагалов В.В.* На степной... С. 92-100.

Засечная черта

Стала формироваться правительственная стратегия, суть которой состояла в сооружении новых оборонительных рубежей и строительстве крепостей – форпостов, защищавших окраинные уезды и перекрывавших путь вглубь страны. В XVI в. в лесной полосе, проходившей вдоль рек Жиздры, Упы и Прони, сооружается сеть укреплений.В лесистой местности основу фортификации составили протянувшиеся между крепостями «засеки» – искусственные лесные завалы, способные задержать татарскую конницу и дать время жителям окрестных сел укрыться в городах, а правительству – подтянуть войска к месту ожидавшегося прорыва неприятеля. С этого времени русские вооруженные силы опирались на выстроенные засеки, что позволяло выдвинуть оборонительный рубеж дальше на юг и дополнить оборону активной разведывательной деятельностью сторож и станиц.

Опыт строительства засечных линий получил широкое развитие с 1520-30-х годов, когда стали строить новые города-крепости на южной границе, расширяя территорию Российскогогосударства. Главным рубежом стала Ока, в районе которой выстроили крепости ближайшего тыла: Козельск, Калуга, Серпухов, Коломна, и новые укрепления: Новгород-Северский, Путивль, Мценск, Пронск. В ряде мест засеки существовали издревле, в других приходилось их отстраивать заново. В результате, к 1566 г. были сооружены Козельско-Тульско-Рязанская и Ряжско-Шацко-Алатырская оборонительные линии. Основными их оборонительными сооружениями были лесные завалы (засеченный лес), поэтому термин «засечная черта», периодически использовавшийся в документах XVI-XVII вв. для обозначения этой системы обороны, вошедший в широкий научный оборот в виде имени собственного – «Засечная черта» – после публикации исследования А.И. Яковлева[1], в этом значении используется в дальнейшем[2].

[1] *Яковлев А.И.* Засечная черта Московского государства в XVII веке: Очерк из истории обороны Московского государства в XVII веке. – М., 1916.

[2] Подробнее см.: *Бурцев И.Г., Дедук А.В.* К вопросу о термине «засечная черта» и географических рамках его употребления (некторые замечания и наблюдения). // Белгородская черта. Вып. 5. – Белгород, 2020. С. 14-26.

Засечная черта начиналась в брянских лесах и тянулась до Переяславля-Рязанского параллельно русла Оки. Здесь размещались: Козельск, Болхов, Крапивна, Тула, Венёв, Ряжск, Сапожок, Одоев. Отдельно построили юго-восточный фланг черты от Скопина до Шацка, который охранял рубежи государства от набегов ногаев.

Для охраны засек создавали засечную стражу из засечных приказчиков, голов и сторожей. Они не только охраняли наиболее опасные места от кочевников, но и следили за сохранностью заповедных лесов, запрещая проводить там какую-нибудь хозяйственную деятельность. Между рязанско-тульскими и шацко-скопинскими засеками находился естественный лесной прогал, который прикрывался руслом р. Прони и укреплениями Пронска и Михайлова[1].

Теперь полевое войско в случае военной тревоги располагалось в районе Засечной черты. Это Переяславль-Рязанский, Михайлов, Пронск, Венёв, Болхов, Тула, Ельц, Чернь, Епифань, Богородицк, Дедилов, Крапивня, Одоев, Новосиль, Ефремов, Данков, Скопин, Мценск. Центр управления войсками находился в Туле, а передовой полк – в Мценске. В 1616 г. в полевом войске насчитывалось 6 279 человек, в 1636 году – 17 005 человек.

Одновременно шел процесс формирования юго-восточных укреплений Российского государства. В 70-90-е годы XVI в. от Цны до Волги создавалась единая цепь засечных линий. Шацкая засека заканчивалась у с. Конобеево, административного центра Верхоценской волости. Восточней ее существовала Кадомская засека, с центром в г. Кадоме. Кадом известен с 1209 г. и стоял на берегу р. Мокши. В XV в. его перенесли на новое место и отстроили на горе, где он стал центром засеки. Далее засека шла к р. Вад, где около д. Авдалово находились проезжие ворота, от них к Темникову[2]. Здесь начиналась Темниковская засека, от притока р. Виндрей до р. Мокши, где находились двое проезжих ворот: Бабоевские и

[1] *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII в. Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. – М., 1916. С. 19-22.

[2] *Лебедев В.И.* Легенда или быль. По следам засечных сторожей. – Саратов. 1986. С. 18-30.

Чижевские. Ее начали строить в 1578 г. в дремучих темниковских лесах, от них шли Алаторские леса, в которых срубили Алаторскую засеку. Засека начиналась от Саровских лесов и простиралась до г. Алатыря, располагаясь тремя проезжими воротами: Пуземские, Гуляевские и Ардатовские. Самым восточным флангом укреплений XVI в. являлась Тетюшская засека, заканчивающаяся вблизи г. Тетюши, около Волги. Ее иногда называли старой Тетюшской засекой.

Таким образом, в середине XVI в. продолжилось поступательное движение Российского государства на юг. Были построены новые города, которые вместе с существовавшими ранее к югу от Оки составили новую оборонительную линию, включавшую в себя Новгород-Северский, Путивль, Рыльск, Карачев, Орел, Новосиль, Мценск, Чернь, Крапивну, Тулу, Дедилов, Епифань, Данков, Ряжск, Шацк, Кадом, Темников, Алатырь и др. Перечисленные города служили центрами сосредоточения вооруженных сил, оперировавших против кочевников. Теперь в значительной мере тяготы по борьбе с татарами возлагались на представителей служилых корпораций этих городов. Они же стали центрами широко организуемой сторожевой и станичной службы в степи, которую несли дворяне, дети боярские, казаки, станичники и станичные вожи этих городов. В 50-е гг. XVI в. окончательно оформляется передовая оборонительная линия, надежно защищавшая от крымских набегов Северскую землю, уезды за Окой и Рязанскую землю[1]. В соответствии с природно-географическими особенностями местности основным «элементом», на котором базировалась оборонительная система, выступал лес, а не река, как это было на «берегу». При этом основным видом укреплений являлись засеки – лесные завалы, устроенные из срубленных на уровне человеческого роста деревьев, поваленных кроной в сторону неприятеля. Засеки дополнялись в случае необходимости рвами и валами. За линией засек находилась вторая линия обороны, которая состояла из крепостей и различных искусственных препятствий[2]. В это

[1] Подробнее см.: *Крагалов В.В.* На степной... С. 126-129.

[2] *Рябов С.А.* Здесь государевым «украинам было береженье». Российское пограничье – особый объект культурного и природного наследия. – М., 2007. С. 84-85.

время была выработана и проверена на практике не только оборонительная стратегия России против татарских набегов, но и отработана действенная тактика обороны с опорой на отдельные звенья оборонительной системы, в том числе крепости и укрепления, возводившиеся на дорогах, проходивших сквозь засеки[1].

Следовательно, уже к концу царствования Ивана IV на южной и юго-восточной границах в больших лесных массивах была отстроена сплошная линия засек. Она включала не только лесные завалы, но и небольшие деревянные острожки с башнями. Центрами этих укреплений становились города-крепости, откуда осуществлялась охрана укрепленных линий и посылались в степь сторожи и станицы. Полностью закрыть южную и юго-восточную границы от набегов кочевников не удавалось – из-за незначительных воинских сил и слабых в фортификационном плане укреплений. Смутное время и его последствия привели к свертыванию активной внешней политике в южном направлении. Старую черту неоднократно ремонтировали и отстраивали в первые годы правления Михаила Федоровича, и даже в начале строительства Белгородской черты проводился большой объем ремонтных работ. Отдельные участки новой черты еще не могли обеспечить безопасность старых уездов.

Начало строительство новых укреплений на юге России

Во второй половине XVI в. ситуация в борьбе с Крымом складывалась для России неблагоприятно. Необходимо обратить внимание на попытку изменения тактики военных действий в отношении Крымского ханства. Связана она с серией превентивных ударов, произведенных по крымским владениям отрядом боярина И.В. Шереметева в 1555 г. и отрядами князя Д.И. Вишневецкого в 1556-1661 г. Несмотря на то, что в это время не было татарских нападений на русские земли, и эти удары можно считать успешны-

[1] *Рябов С.А.* Указ. соч. С. 113.

ми, даже с учетом больших потерь отряда И.В. Шереметева, встретившегося в бою с основными силами крымцев[1], в дальнейшем от подобных действий отказались[2].

Справедливости ради следует отметить ставшие обычной практикой действия отрядов «легких воевод» за Окой, направленные на нейтрализацию отдельных татарских отрядов, грабивших заоцкие уезды, а также периодические походы казаков против крымцев[3]. Ливонская война отвлекла на запад большие силы, ослабив оборону южных подступов к самой Москве. Введение опричнины дезорганизовало не только управление страной, но и ее вооруженные силы, разделившиеся на опричное и земское войско. Девлет-Гирей сумел перехитрить российских воевод, обойдя с запада противостоявшие ему войска. Несмотря на вполне внушительную численность московских полков, отсутствие согласованности в их действиях, а также несвоевременность поступления информации об изменении направления движения татар, незамеченного сторожевой службой, привели к поражению русских 24 мая 1571 г. в сражении под стенами Москвы[4].

С 1571 г. на Поле стала действовать общероссийская сторожевая служба, организатором которой являлся боярин М.И. Воротынский. В основу новой организации службы было положено тотальное наблюдение за всей пограничной территорией. С этой целью учреждалась так называемая «сторожевая линия». Она шла по Сеймице Донецкой, выходила на верховья рек Кореня и Корочи, пересекала их и доходила до Оскола в устье Убли, далее поворачивала на юг и вдоль Оскола доходила до верховьев Айдара, а затем вновь шла на восток к Дону до Вешек, а далее, пересекая пути ногайских набегов, по Волге доходила почти до Казани (до

[1] Подробнее см.: *Крагалов В.В.* На степной... С. 135-139.

[2] См. подробнее: *Кузнецов О.Ю.* Князь Д.И. Вишневецкий и оборона русских земель в районе Куликова поля в середине XVI столетия. // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. – Тула, 2000. С. 300-315; Крагалов В.В. На степной... С. 143-147.

[3] Впрочем, есть мнение, что «наступательные» действия казаков в XVI-XVII вв. были существенно более эффективными по сравнению с «оборонительными» мероприятиями русских царей. (См., например: Широкорад А.Б. Русь и Орда. – М., 2005. С. 308).

[4] *Пенской В.В.* Война за Ордынское... С. 473.

Тетюшей). Таким образом, были взяты под контроль все пути проникновения вглубь России ее кочевых соседей.

Вся линия была разбита на участки, охрану которых возглавляли воеводы, помещавшиеся в «стоялых» острогах – временных укреплениях. На каждом участке были расписаны маршруты сторожей, начало и конец которых обозначались специальными знаками. За отдельной сторожей закреплялся конкретный маршрут протяженностью, как правило, равной дневному конскому переходу. Сторожа, патрулировавшие свой участок, обязаны были встречаться на границе маршрута с сослуживцами по соседним маршрутам и обмениваться собранной информацией. Все сообщения о ситуации на участке стекались к воеводе, который, в случае необходимости, рассылал гонцов к воеводам других участков и в ближайшие города.

К лету 1572 г. важнейшие броды на Оке были перекрыты, усилены укрепления украинных городов-крепостей. Эти меры позволили два дня сдерживать попытки крымцев переправиться через Оку[1], а в дальнейшем обеспечили успех в навязанном татарам сражении при Молодях. С 1572 по 1598 г. на Оке ежегодно стояли пять полков: Большой полк – в Серпухове, Полк правой руки – в Тарусе, Передовой – в Калуге, Сторожевой – в Коломне, Полк левой руки – в Кашире[2].

С 1573 г. вооруженные силы украинных городов объединялись в «украинный разряд» с целью предотвращения прорывов татар к Москве. Вторую линию обороны представлял «береговой разряд» из отрядов дворянской конницы, располагавшихся на берегу Оки.

Последние полтора десятилетия XVI в. ознаменованы большими успехами России на Юге. С 1599 г. «береговая» служба на Окской линии отменяется, и полки начинают располагаться за Окой, на Засечной черте. По мнению К.С. Носова, с 1558 по 1596 г. набеги татар происходили практически ежегодно, но лишь во время одного из них, в 1571 г., противник прорвался за черту[3]. Од-

[1] *Пенской В.В.* Война за Ордынское... С. 474-475.

[2] *Носов К.С.* Русские средневековые... С. 205.

[3] *Носов К.С.* Русские крепости конца XV-XVII вв. С. 32-33.

нако, необходимо учесть поход Казы-Гирея 1591 г., когда ему удалось прорваться к Москве. Успех этого похода вполне справедливо связывается с отвлечением основных русских сил на западный театр военных действий, связанный с русско-шведской войной 1590-1595 гг. Казы-Гирей и царевичи, «ходившие на Русь», обратили внимание на то, что ни на украйне, ни на Оке почти не было российских военных сил[1].

В период с 1586 по 1600 г. на Поле было поставлено шесть новых городов: Ливны, Воронеж, Белгород, Оскол, Царев-Борисов, Валуйки и возобновлены Елец и Курск. Каждый новый город становился не просто населенным пунктом, но и крепостью, имеющей собственный гарнизон. В городе поселялись «на вечное житье» с семьями дети боярские, получавшие поместья и денежное жалованье и несшие полковую, городовую, сторожевую и станичную службу, а также низшие разряды служилых людей – стрельцы, казаки, пушкари, затинщики и воротники. Часть этих служилых людей переводили из других городов, а часть набирали на месте из вольных людей. Служилые люди совмещали несение воинской службы с занятием земледелием, поскольку правительство обеспечивало гарнизоны хлебным жалованьем только на первых порах – до того времени, пока жители упомянутых городов не обзавелись хозяйством и не распахали целину.

Новые города на Поле не перекрыли полностью пути татар в центр Российского государства, поскольку степные татарские сакмы оставались свободными. Показательно, что после Смуты вновь вводится «береговая служба», и до 1646 г. полки дворянской конницы ежегодно выставлялись на берегах Оки. И только строительство Белгородской черты позволило окончательно отменить «береговую службу»[2].

[1] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с тарами в XVII веке. – М.-Л.: «Изд-во АН СССР», 1948. С. 41.

[2] *Носов К.С.* Русские средневековые крепости. – М., 2013. С. 205.

2.2. Белгородская черта

Следующий этап строительства сплошных линий укреплений начался с середины 30-х гг. XVII в. Их появление связано с событиями Русско-польской войны за Смоленск в 1632-1634 г. Поражение в войне, отчасти объясняемое многочисленными татарскими набегами и людскими потерями, поставило перед руководством страны проблему защиты южных границ.

В 1632 г. крымский хан Джанибек-Гирей предпринял набег на русские земли, который в большей мере не состоялся, но задержал русское войска до осени в походе на Смоленские земли. В 1633 г. татарские набеги стали более многочисленными, как и походы черкас, направленные поляками. Особенно пострадали Валуйки и Белгородский уезды, а Рязанский уезд потерял около 1350 чел. полона[1]. В начале 1634 г. отряды черкас вновь появились на юге России. Они объявились под Курском, Севском, а летом под Белгородом. Одновременно начали действовать татарские отряды, которые прошли по Изюмскому, Кальмиусскому и Ногайскому шляхам. Пострадала дворцовая Верхоценская волость, входившая в Шацкий уезд. Становилось совершенно очевидно, что без прочного тыла было невозможно решать политические проблемы на Западе и Северо-Западе страны, где у России тогда имелись приоритетные политические задачи.

Новые города на Поле не перекрыли полностью пути татар в центр Российского государства, поскольку степные татарские сакмы оставались свободными. По окончании Смоленской войны Россия развернула строительство Белгородской черты – укрепленной линии на Юге России, построенной в 1635-1658 гг. на путях вторжения крымских и ногайских татар.

В сооружении Белгородской черты можно выделить три этапа. Первый этап (1635-1645 гг.) – возводились отдельные укрепления: Козловский и Яблоновский земляные валы, города-крепости: Козлов, Яблонов, Усерд, Короча, Хотмыжск, Вольный, Костенск,

[1] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в. – М., 1948. С. 195-222.

Ольшанск и Усмань. Второй этап (1646-1653 гг.) – отдельные укрепления превратились в единый оборонительный рубеж. Третий этап (1654-1658 гг.) – совершенствование оборонительной системы Белгородской черты.

Существовал ли единый план строительства укреплений от Валуек до Симбирска, или первоначально строились отдельные города, как это было принято в конце XVI в., однозначно утверждать трудно.

Строительство города на р. Воронеж в районе Урляпова городища планировал еще царь Борис Годунов. Об этом рассказали вызванные в августе 1635 г. в Разрядный приказ специалисты по югу России москвичи Г. Кириевский и М. Спешнев, а также сын боярский из Воронежа И. Нос[1]. Одновременно дьяки Разрядного приказа расспросили находившихся в Москве сапожковцев пушкаря С. Лукьянова и казака С. Стрелкова, лебедянского сына боярского В. Кепанова. Именно они предлагали строить не один город, а линию укреплений, чтобы перекрыть путь татарам по основным шляхам. Поэтому, когда возник вопрос о строительстве нового города в этом месте, то выбрали именно Урляпово городище. То есть первоначальный план строительства отдельных городов был значительно расширен.

5 сентября 1635 г. воеводам М.И. Спешневу и его зятю И.В. Биркину поступил указ о строительстве крепости на Урляпове городище или «где пригоже»[2]. К строительным работам привлекались жители 10 южнорусских городов: Переяславль-Рязанского, Михайлова, Пронска, Ряжска, Данкова, Сапожка, Лебедяни, Шацка, Воронежа, Ельца. Им предписывалось прибыть на строительные работы по разнарядке на каждый город со своей телегой, пищалью, рогатиной, топором и запасом продовольствия на 6 недель. Для строительства укреплений города воеводам дополнительно присылали казенных кузнецов и плотников.

М.И. Спешнев и И.В. Биркин прибыли в низовья р. Лесной Воронеж 5 октября 1635 г. и, осмотрев окрестности, приняли реше-

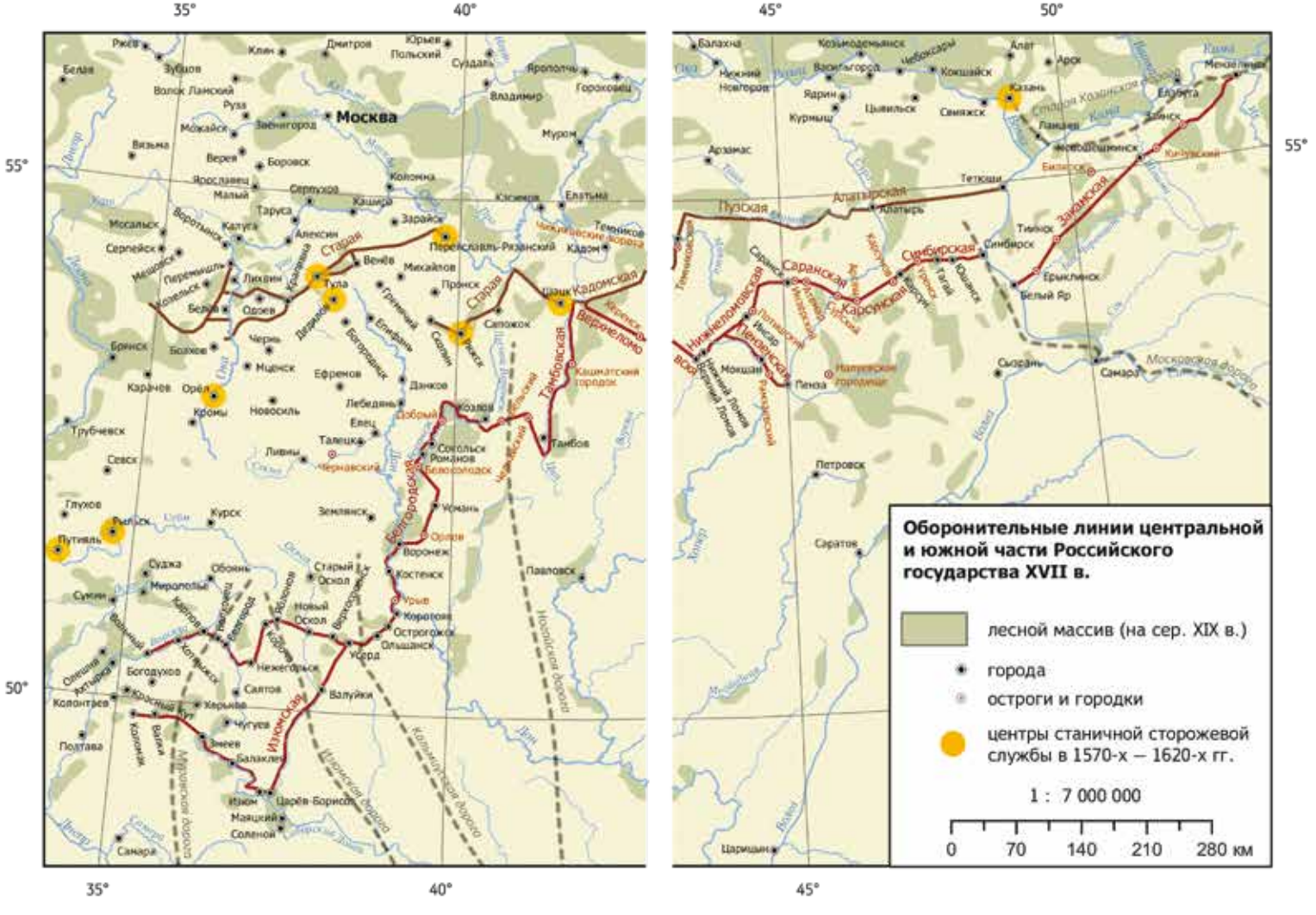
[1] *Загоровский В.П.* Белгородская черта. – Воронеж. 1969. С. 70-71.

[2] ИТУАК. Вып. 41. – Тамбов. 1897. С. 151.

ние о переносе места строительства города на Козлово урочище, где крестьянин с. Горитово С. Козлов с товарищами занимался бортным промыслом и рыбной ловлей. Причины переноса крепости состояли в отсутствии на «русской стороне» реки высоких мест, которые имелись на Козловом урочище. Вторым фактором переноса крепости послужила идея строительства сплошной линии будущих козловских полевых укреплений. Как это стало позднее происходить на Белгородской черте, города строились не на самой линии укреплений, а несколько в глубине уезда, что позволяло иметь оперативный простор для руководства защитой территории.

Новый город заложили в воскресенье 11 октября 1635 г. Скорее всего, в этот день состоялся молебен и разбивка на местности плана будущих укреплений. Сами работы начались на следующий день, в понедельник. Первоначально в документах крепость называлась Новый город на р. Лесном Воронеже, только ближе к декабрю в официальной переписке начинает появляться окончательное название Козлов. Строители торопились, так как приближалась зима, когда основные земляные работы обычно свертывались. Поэтому все городские стены срубили в виде острога с обламами. 19 ноября 1635 г. в Козлов прибыла вторая партия перемены строителей и работы были продолжены.

В декабре 1635 г. И.В. Биркин проводил разведку местности к западу и востоку от нового города с целью строительства полевых укреплений. Особое беспокойство вызывало пространство между р. Польный Воронеж и Челновая, притоком Цны, которое являлось естественным проходом для кочевников на рязанские места. Здесь проходили ответвления Ногайской дороги. Он предложил два варианта перекрытия степного участка: деревянную стену или земляной вал. Специалистов по земляным валам в России на тот момент не имелось. Использование вала при создании обороны крепости русские увидели во время осады Смоленска и под Можайском. Они произвели на русское войско благоприятное впечатление, поэтому и было предложено строить вал. Поскольку такое земляное сооружение в России XVII в. возводилось впервые, ста-

35°
40°
45°
50°
55°
50°
Москва
Оборонительные линии центральной и южной части Российского государства XVII в.
лесной массив (на сер. XIX в.)
города
остроги и городки
центры станичной сторожевой службы в 1570-х – 1620-х гг.
1 : 7 000 000
0
70
140
210
280 км

рые традиции были утеряны, то руководство Разрядного приказа пригласило для консультации по строительству вала голландского военного инженера Яна Корнелия. Голландская военно-инженерная школа считалась в то время одной самых передовых в Европе. Я. Корнелий подготовил чертеж будущего вала длиной 28 верст. Укрепления вала были прописаны специальным чертежом. Они имели вид реданов[1] и редутов[2], – эти термины вошли в русский обиход только в начале XVII в. Указ о его строительстве Боярская дума подготовила 3 марта 1636 г. Впервые власть предложила строить такие укрепления с оплатой работ. С этой целью приглашались служилые люди уже упомянутых 10 городов, а также «деловцы» из других мест. Оплата составила 1,5 руб. за месяц работ.

Техническим руководителем земляных работ стал горододел-ец Иван Андреев. Обычно такие мастера приписывались к Пушкарскому приказу, который, кроме артиллерии, занимался фортификацией. Под его руководством с 20 апреля по 16 октября 1636 г. возводился Козловский вал высотой в косую сажень (2,5 м.). К середине XVII в. на валу находилось четыре земляных городка и 33 башни. Всего вал строили 950 чел. По подсчетам В.П. Загоровского все строительство вала обошлось казне в 7000 руб., что по тем временам было не такой уж и огромной суммой[3]. На восточном фланге Козловского вала соорудили Челнавский городок, а на западном – Бельский. Козловский вал на западе упирался в русло р. Польной Воронеж.

От вала козловские укрепления шли до начала Добренского участка Белгородской черты. От вала до р. Сурены, притока Польного Воронежа, на расстоянии почти 15 км располагались 6 стоялых деревянных острожков и один земляной городок. От р. Сурены на запад вдоль болотистых мест была сооружена линия дубовых надолб, а к Хмелевой слободе тянулась небольшая засека. Общая протяженность участка – 3108 сажень (6713 км.). Всего от Козловского вала до Урляпова размещалось 17 острожков.

[1] Треугольные земляные укрепления, расположенные двумя фасами.

[2] Земляные укрепления квадратной или прямоугольной формы.

[3] *Загоровский В.П.* Белгородская черта. С. 89.

На западном конце засеки начинался Урляпов вал длиной 648 саж. (1,3 км), построенный в 1636 г. и основательно перестроенный в 1647 г. Высота насыпи составила 4, 45 м. Он перекрыл место, где находилось Урляпово городище и перелаз через р. Воронеж. Урляпов вал имел земляной городок с деревянной башней и две деревянные башни. От вала вниз по Польному Воронежу тянулись надолбы до Устенского острожка. От Устенского острожка шла линия надолб и засек. Вдоль реки Воронеж до слияния двух рек: Польного и Лесного Воронежей проходила линия надолоб. Заканчивались козловские укрепления Горитовским и Казинским острожками, расположенными на левом берегу Воронежа, где когда-то находились старые поселения. Далее на запад начинался Добренский участок Белгородской черты.

Почти одновременно с Козловым началось строительства крепости на Цне, получившей название Тамбов.

В 1635-1645 гг., после сооружения Козловского и Яблоновского земляных валов, поперек Ногайской и Изюмской сакмы были построены новые города-крепости: Козлов, Яблонов, Усерд, Короча, Хотмыжск, Вольный, Костенск, Ольшанск и Усмань, что позволило с 1646 г. выдвинуть полки дворянской конницы на новую укрепленную линию. В то же время явственно прослеживается иная тенденция в организации вооруженных сил данного региона – милитаризация крестьянского населения (перевод крестьян в положение драгун) и формирование местных постоянных гарнизонов. Именно местные служилые люди стали впоследствии основной силой, обеспечивавшей оборону Юга.

Мощный удар, произведенный в 1637 г. Сафа-Гиреем, показал необходимость усиления обороноспособности южных российских рубежей. Были ускорены работы на Белгородской черте, но до завершения этой оборонительной линии было еще далеко. Поэтому в 1638 г. была усилена Засечная черта, ставшая вновь полноценной надежной преградой на пути вражеской конницы. Порядок сбора ратных людей в полках вдоль Засечной черты сохранялся с 1639 по 1645 г. включительно. Более того, и после 1646 г. ратных людей

продолжали собирать в полки по первой черте, несмотря на то, что основные силы разворачивались вдоль Белгородской черты. Эта ситуация, как вполне справедливо заметил А.А. Новосельский, напоминает явление XVI в., когда вновь возникшие полки «украинного разряда» долгое время существовали одновременно с полками береговой службы[1].

Начало строительства укреплений Белгородской черты на Изюмской сакме (Корочанский и Яблоновский участки) весной 1637 г. совпало с занятием Азова донскими казаками. Указанные обстоятельства наложили свой отпечаток на строительство и заселение Корочи. При заселении Козлова значительное количество зависимых крестьян сумело записаться на службу, а это вызвало недовольство помещиков, поэтому теперь правительство требовало верстать в службу только лично свободных людей. «Вольных охочих людей» воевода должен был тщательно расспрашивать, выясняя, из какого города они пришли, не ушли ли из тягла и не жили ли в крестьянах за помещиками. В службу можно было верстать только лично свободных людей, не служивших ранее.

В результате, значительную часть корочанского гарнизона составили выходцы из украинских земель Речи Посполитой – «черкасы». Летом 1638 г. в Белгород пришли черкасы Я. Острянина, бежавшие из Речи Посполитой после поражения восстания. Согласно отписке[2] князя Д. Львова, многие из них изъявили желание жить в Короче. Видимо, их просьба была удовлетворена. Жалованья «на селитьбу» им полагалось по 8 руб. человеку. В связи с нехваткой денег воевода выдал только половину причитающейся суммы, то есть по 4 руб., но некоторым черкасам дал всего по 3 руб., а отдельным – только по рублю. Соответственно, новоприборные казаки требовали остальную часть жалованья. Было решено компенсировать неоплату выдачей хлеба в Осколе, но оскольский воевода И. Ржевский по неизвестной причине «государева указу не послушал, хлебнова жалованья на Осколе короченским казакам не

[1] *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 372.

[2] Отписка – наименование отчетного документа, направлявшегося воеводой в вышестоящий приказ.

дал...» Тем не менее, на 1 марта 1639 г. в Короче служили: 19 детей боярских, 213 конных черкас, 155 конных казаков, 14 стрельцов и 17 пушкарей. За счёт привлечения черкас удалось решить проблему укомплектования нового города служилыми людьми, но возникли непредвиденные сложности, связанные с надёжностью черкас. Близость территории Речи Посполитой давала переселенцам возможность вернуться на прежнее место жительства в случае возникновения трений с российской администрацией.

Несмотря на то, что численность гарнизона была более чем на сто человек меньше по сравнению с планировавшейся, по мнению воеводы Т. Бутурлина, назначенного в Яблонов в 1639 г., Корочанский острог был мал, не обеспечивал защиту пригородных слобод, поскольку находился в «лесу», в окружении господствовавших над местностью высот. Воевода предлагал перенести крепость на первое место, чтобы Короча обеспечивала защиту территории формирующегося уезда, и тем самым усилить обороноспособность Яблонова.

Необходимо заметить, что уже на начальном этапе строительства Белгородской черты, при проведении работ на Изюмской сакме, различные инженерные сооружения начинают восприниматься как целостный оборонительный комплекс, опирающийся на две крепости, в данном случае – Яблонов и Корочу. Поэтому практически сразу после завершения строительства Яблонов было решено превратить в крепость с постоянным гарнизоном. На зиму туда были посланы служилые люди из Белгорода и Оскола, а московским стрельцам, работавшим на строительстве вала, предлагалось переходить на казачью службу в Яблонов. Строительные работы здесь продолжались несколько лет. К 1640 г. был не только полностью завершен вал поперёк Изюмской сакмы, но и в Яблонове возвели земляные укрепления вокруг деревянного острога, построенного в 1637 г. В «земляном городе» устроили 4 проезжих и 9 глухих башен, на земляных валах установили деревянные обламы с бойницами.

Весной 1637 г., одновременно со строительством укреплений на Изюмской сакме начались работы по перекрытию Кальмиусского шляха у Тихой Сосны. Эта река была достаточно полно-

водной. Её окружали леса, болота, заросли камыша. Оставалось дополнить естественные укрепления искусственными – и новый оборонительный рубеж перекрывал ещё один татарский путь.

Под командованием стольника И.И. Бутурлина к устью реки Усерд был направлены служилые люди из окраинных городов. Они начали заготовку строительного леса, и за три недели, к 1 мая 1637 г., более 10 тыс. дубовых брёвен были доставлены к месту строительства крепости. Новый город, названный по реке Усердом, задумывался как центр оборонительного участка. В соответствии с планом Ф. Сухотина и Е. Юрьева укрепления должны были пройти от Валуйского леса до устья Усерда, а потом вдоль Тихой Сосны в восточном направлении.

Крепость была построена «на старом городище». В отличие от острогов, о которых говорилось ранее, она имела срубные стены, а в плане напоминала круг. В ней насчитывалось 9 башен, в трёх из которых были устроены ворота. Перед стенами шёл ров, а перед ним – частокол. И. Бутурлин добился от Разряда разрешения отступить от первоначального плана строительства вала. Взамен на Кальмиусской сакме поставили два стоялых острожка: Раздорский и Осиновый, а открытые места перегородили надолбами. Гарнизон Усерда, по замыслу Разрядного приказа, должен был превышать 1 тыс. чел. Город, однако, находился в опасном месте и воеводам никак не удавалось набрать нужное количество служилых людей.

Осенью 1637 г. в Усерде было всего 229 казаков, 27 стрельцов (вместо 500) и 24 пушкаря (гарнизон располагал 5 орудиями). Поэтому ещё довольно долгое время на лето сюда присылались московские стрельцы и служилые люди из других городов. Тем не менее, строительство этого города-крепости имело большое значение. Теперь организовывать станичную службу из Оскола стало нецелесообразно. В январе 1638 г. в Усерд были переселены 50 станичников из Оскола и весной начали объезжать степь уже усердские станицы.

В 1638 г., опасаясь вторжения крупных сил крымцев, московское правительство сосредоточило практически все силы и средства на ремонте старой засечной черты у Оки. Новых участков строительства южнее не проявилось. Но летом 1639 г. в Разрядном

приказе приступили к решению вопроса о перекрытии Муравского шляха. Несмотря на то, что предложения Сухотина о необходимости строительства вала между реками Ворсклой и Северским Донцом были поддержаны белгородским воеводой Афанасием Тургеневым, повторно осматривавшим эту территорию в 1638 г., в столице вновь организовали опрос знатоков местности. В отличие от белгородского воеводы 11 опрошенных жителей Путивля и Рыльска рекомендовали строить город на Хотмыжском городище. По их словам, здесь татары переходят Ворсклу, пробираясь с Муравского на Бакаев шлях.

Разряд дополнительно запросил мнение воевод Белгорода, Путивля, Рыльска и Курска. Первым пришел ответ путивльского воеводы Григория Пушкина. Он предложил построить жилой город на Хотмыжском городище и стоялый острог на Вольном кургане. В это же время в столице получили известия о переправе татарских отрядов через Ворсклу, как раз у Вольного кургана и Хотмыжского городища. В итоге было решено построить новые крепости здесь.

Река Ворскла, впадающая в Днепр, имела быстрое течение, но в верховьях была довольно узкой, летом мелела. Тем не менее, она оказалась хорошей основой для организации укреплённой линии. Её правый берег был высоким и лесистым, а левый – низменным, местами болотистым. Подходя с юга к Ворскле татары вынуждены были опускаться в ложбину и оказывались в поле зрения наблюдателей с правого берега. Густые леса, располагавшиеся по Ворскле, позволили использовать здесь не характерный для остальной территории Белгородской черты тип укреплений – засеку. Там, где лес отступал от берега, на заливных лугах были поставлены тарасы и надолбы, а сам лес стал «заповедным».

Весной 1640 г. для строительства городов на Ворскле было собрано больше тысячи детей боярских, казаков и стрельцов из Путивля, Рыльска, Севска, Курска и Белгорода. Сюда же направили несколько сотен московских стрельцов. Командовали ими воеводы В.И. Толстой и Г.В. Бокин. На Хотмыжское городище строители

пришли 11 мая. 17 мая они заложили крепость, а 28 июня 1640 г. закончили её строительство. Город Вольный строился с 24 мая по 12 июля 1640 г. Конструктивно обе крепости представляли собой стоячий острог с обламами, обе стояли на высоком правом берегу Ворсклы. В Вольном было 8 башен (2 из них – проезжие), длина стен составляла 275 саженей. Хотмыжская крепость была немного больше – 8 глухих и 2 проезжие башни, соединённые стенами общей протяжённостью 347 саженей.

Хотмыжск и Вольный оказались расположены не на основном направлении Муравского шляха, а на его боковых ответвлениях. Они хорошо прикрыли территорию Путивльского уезда, но не перекрыли степной участок между Белгородом и Ворсклой. Жить в них, по меркам степной окраины, было сравнительно безопасно и их заселение прошло достаточно быстро. К примеру, уже весной 1641 г. в Хотмыжске служило более 750 человек.

В 1642-1645 гг. масштабы строительных работ в районе будущей Белгородской черты значительно сокращаются. В ноябре 1642 г. драгунами, поселёнными вместо беглых черкас в селе Костёнки Воронежского уезда, была построена деревянная крепость с одной башней – городок Костенск. Для укрепления обороны на Кальмиусской сакме в 1644 г. поставили город Ольшанск. Руководил строительством воевода Ф.Ю. Арсеньев. Четырёхугольная крепость имела 7 башен (в том числе 2 проезжих) и стены в виде стоячего острога длиной 147 саженей. Она располагалась на высоком берегу Тихой Сосны. В Ольшанск были «сведены» (переселены) 100 стрельцов из разных городов и набрано ещё 90 служилых людей других категорий. Новая крепость перекрыла несколько татарских бродов на Тихой Сосне.

В 1641 и 1645 гг. два крупных успешных набега татар, обошедших недостроенную у Муравского шляха Белгородскую черту, выявили недостатки в организации обороны: отсутствие единого руководства, распыление сил и медленность их сосредоточения в необходимом месте[1]. Однако уже в 1646 г. наступает перелом на южной границе. Московское правительство ввело новую схему расположения военных сил по Белгородской черте и установило систему единого командования ими[1]. С этого времени оборона Белгородской черты оказывается на высоте и достойно выдерживает нападения степняков. При этом оборона черты продолжала совершенствоваться до 1658 г.[2] По мнению В.П. Загоровского, до завершения строительства Белгородской черты достоинства «московской оборонительной системы» были весьма сомнительны и заметны только по сравнению с полным отсутствием таковой в Польше[3].

[1] *Носов К.С.* Русские крепости... С. 41-43.

Первой крепостью Белгородской черты, инициатива сооружения которой исходила не от правительства, а от местных жителей, стала Усмань. По просьбам служилых людей, живших в северо-восточной части Воронежского уезда, которая сильно пострадала от татарских набегов в 1643-1644 гг., было решено строить крепость и вал в верховьях реки Усмани. Для строительства были направлены дети боярские и казаки из Воронежа, Переяславля-Рязанского, Ряжска, Лебедяни, Данкова, Ельца, Епифани, Одоева и Чернавска. Кроме того, направлялись крестьяне из Ряжского, Лебедянского и Елецкого уездов, но их прибыло немногим более ста человек. Каждому строителю предписывалось иметь лошадь, телегу, пищаль, рогатину и топор, а на пять человек полагалось иметь одну железную лопату.

Руководил работами воевода С.М. Вельяминов. Несмотря на то, что служилые люди пришли к Усмани 17 апреля 1645 г., строительство началось только 1 июня. Воевода никак не мог определить место для крепости. Работы продолжались до конца года. В них успели принять участие казаки, которые были набраны для службы в этом городе. Но запланированное строительство земляного вала начать не успели. Активизировались работы на Усманском участке весной 1646 г. Помимо имеющейся уже крепости на правом берегу Усмани, там, где она вытекала из Усманского бора, решили построить небольшой жилой городок. Возводили его 230

[1] *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 368.

[2] *Носов К.С.* Русские средневековые... С. 212.

[3] *Загоровский В.П.* Белгородская черта... С. 54.

драгун, поселённых здесь. Городок стал называться Орловым. Он считался «пригородом» Воронежа. Крепость имела в плане форму прямоугольника, с периметром стен около 120 саженей. Среди стен стояла одна проезжая башня и пять глухих. С трёх сторон городок был окружён рвом, а с четвертой протекала река. Гарнизон насчитывал две сотни драгун.

В 1646-1649 гг. сооружался усманский земляной вал. Он прошёл между реками Усманью и Боровой на расстоянии примерно в 20 км. В 1650 г. был возведён вал восточнее реки Усмани длиной около 8 км. Строительные работы на этих валах продолжались и в 1651-1652 гг. Валы были усилены земляными городками, деревянными башнями, надолбами; в отдельных местах вместо вала были поставлены тарасы, а также выстроено довольно много стоялых острожков.

В это же время Разряд вернулся к плану строительства крепости на Карповом сторожевье, расположенном на правом берегу Ворсклы. Было решено поставить стоялый острог. Его строительство велось силами белгородских служилых людей с 13 апреля по 15 мая 1644 г., а руководил строительством станичный голова И. Рышков. На лето в остроге располагался временный гарнизон из 60 рыльских и севских стрельцов. По примеру Яблонова сразу после завершения строительства Разряд попытался превратить Карпов в жилой город, но сформировать гарнизон в 1644 г. не получилось.

В первый период строительства Белгородской черты были возведены девять крепостей, сооружены протяжённые земляные валы у Козлова и Яблонова, начинает формироваться системный подход к созданию оборонительного рубежа, который теперь мыслится как совокупность укреплений, опирающихся на две крепости (Яблонов и Короча, Хотмыжск и Вольный). Постепенно вызревает и становится более чёткой стратегия создания оборонительной линии в условиях лесостепного ландшафта.

Татарские вторжения 1643-1645 гг. заставили российское правительство активизировать политику на юге. Одним из проявлений этой активизации стало ускорение строительства Белгородской

черты. С 1646 г. основные военные силы, выделявшиеся Россией для противодействия татарским набегам и располагавшиеся ранее ежегодно по берегу Оки, начинают выдвигаться в район создающейся новой укреплённой линии. В этом году Большой полк был направлен в Ливны, Передовой – в Курск, а Сторожевой – в Елец.

Летом правительство решает выдвинуть полки ещё южнее и использовать их для строительства укреплений. Большой полк боярина Н.И. Одоевского направлялся в Белгород, Передовой полк стольника В.П. Шереметева должен был разместиться в Козлове, а Сторожевой полк стольника В.Б. Шереметева – встать в Яблонове. Задачей этого полка было не допустить прорыва татар по Изюмской сакме в район строительства – непосредственно в строительных работах Сторожевой полк не участвовал.

При организации системы управления войсками на южном рубеже появляется важное новшество: в случае получения известий о вторжении значительных татарских сил воеводы пограничных городов должны были выступать со своими служилыми людьми к Белгороду и поступать в подчинение воеводы Большого полка Н. Одоевского. Это были первые признаки начала формирования системы единого военного командования на южной окраине России.

15 июня 1646 г. в Разрядном приказе составили царскую грамоту, которая предписывала Одоевскому построить земляной вал на Муравской сакме, между Белгородом и Карповым. 27 июля 1646 г. ратные люди Большого полка приступили к сооружению вала со стороны реки Северский Донец. Они должны были довести вал до урочища Крутой буерак. Навстречу им, со стороны реки Ворсклы, двигались служилые люди Передового полка, которые приступили к насыпке вала 19 августа 1646 г. Помимо вала планировалось построить новый город-крепость – Болховой (Болховец), получивший своё название от реки Болховой Колодезь, на которой он был поставлен.

В отличие от имевшихся уже других городов Белгородской черты, в Болховом семь дубовых башен соединялись не деревян-

ной стеной, а земляным валом. Три башни имели проезжие ворота, а одна проезжая башня была шестистенной. Периметр стен насчитывал 556,5 саженей. На постройку ушло 25 дней. Заготовленного строительного леса не было, поэтому для ускорения работы, были использованы брёвна, приготовленные в Белгороде для ремонта острога. Дубовые башни рубили московские стрельцы приказа А. Матвеева, входившего в состав Передового полка, а крепостной вал и ров перед ним делали драгуны полка А. Крафорта, входившего в состав Большого полка.

Создаваемая система укреплений потребовала перестройки Карпова. Работы начались 15 августа 1646 г. и завершились осенью того же года. Вместо стоячего острога на высоком правом берегу Ворсклы, на мысу, образованном при впадении в Ворсклу реки Огибной Колодезь, был возведен город с рублеными стенами общей длиной 428 саженей, тремя проезжими и пятью глухими башнями.

В новые города на Муравской сакме стали насильно переселять («сводить») служилых людей из других русских городов: Мценска, Орла, Курска, Ряжска, Михайлова, Тулы, Каширы, Черни, Новосиля, Кром, Ельца, Ливен, Оскола, Лебедяни и других. В Карпове и Болховом планировалось поселить тысячу драгун. Воевода до осени 1646 г. не объявлял об этом драгунам, которые в это время строили вал, поскольку опасался, что они бросят строительство и начнут обустраиваться на новом месте. Однако осенью, когда воевода «велел прибрать» драгун в новые города, желающих оказалось очень мало. Попытались поверстать в драгуны московских стрельцов, находившихся здесь, но и этот вариант не принес результата. Тогда было решено заселить эти крепости «сведенцами», поверстав их в стрельцы и казаки (жалованье которых было больше драгунского). В итоге, к весне 1647 г. в Болховом оказалось 100 стрельцов и 100 казаков, 3 драгун, 15 служилых черкас и 7 пушкарей. Затем сюда было переселено ещё 250 человек.

Почти 30 км вала, имевшего 19 земляных городков, деревянные башни и другие укрепления, перекрыли Муравский шлях между Ворсклой и Северским Донцом. Там, где в силу особенностей

местности вал насыпать было нельзя, ставили тарасы. От Карпова, в направлении Хотмыжска, на высоком, поросшем густым лесом берегу Ворсклы была устроена засека, ширина которой достигала 130 м. Главным препятствием для татарской конницы здесь была не сама река, а болотистая речная долина, сочетавшаяся с засекой.

За два с небольшим месяца была проведена огромная работа по созданию линии укреплений от Северского Донца до Карпова. В ней участвовало порядка 11-13 тыс. чел., которые пришли на службу в Большой и Передовой полк почти со всех областей Российского государства. Можно говорить о строительстве этого участка Белгородской черты как об общероссийской операции.

Прямой путь татарам был закрыт, но они ещё могли обойти новые укрепления с востока, воспользовавшись переправами на Северском Донце ниже Белгорода. После осмотра и описания опасных участков берега Н.И. Одоевский решил создать систему укреплений на левом берегу Северского Донца. С 29 октября до 10 декабря 1646 г. 500 комарицких драгун, 100 ливенских полковых казаков и 50 рыльских стрельцов насыпали вал за рекой Разумной, впадавшей в Северский Донец. Укрепление левого берега Северского Донца продолжилось в следующем году. В это время определились географические контуры Белгородской черты на участке Белгород – Короча в виде выгнутой в южном направлении дуги.

Белгородский воевода Т.Ф. Бутурлин, стремясь обезопасить территорию, находившуюся юго-восточнее Белгорода, между реками Северский Донец и Короча, уже освоенную белгородскими детьми боярскими, добился от Разряда разрешения на поворот укреплённой линии от Северского Донца на восток по реке Нежеголи. Укрепления прошли по краю заселённой части Белгородского уезда на восток до Нежегольского леса. Строили их Белгородские служилые люди и крестьяне дворцовой посопной волости. В излучине Нежеголи соорудили земляной вал с двумя земляными городками. Его длина составили 560 саженей (около 1,2 км), высота – 1,5 сажени. Перед валом был прорыт ров глубиной в сажень и шириной в 1,5 сажени. У концов вала, непосредственно на берегах

реки, были устроены надолбы. Затем, к востоку, шёл ещё один вал длиной 820 саженей (1,7 км). В валу было три земляных городка и два проезда через него, укреплённых надолбами. Он доходил до стоялого Нежегольского острога, построенного в 1647 г. белгородскими полковыми детьми боярскими. Далее вал продолжался до Нежегольского леса, длина укреплений составляла 1346 саженей (3,8 км). Здесь стояли три башни и два земляных городка.

В 1647 г. развернулись работы по перекрытию укреплениями Кальмиусского шляха. Главным опорным пунктом должен был стать новый город-крепость при впадении в Оскол реки Белый Колодезь. Решение о постройке Царёва-Алексеева было принято Боярской думой 3 февраля 1647 г. Сохранился черновой отпуск грамоты, разосланной по городам (в делопроизводстве XVII в. понятие «город» применялось не только по отношению к населённому пункту, но и для обозначения округи, района), выставлявшим даточных людей на строительство. Число последних было определено в 1000, из расчёта один человек от ста дворов. Повинность была развёрстана на все земли государства: патриаршие, церковные и монастырские владения, на земли бояр, окольничих, думных дворян, дьяков и приказных людей, а также на дворцовые волости и городские посады. Соответствующие грамоты были разосланы практически по всей территории Российского государства.

Поскольку с трёх сторон крепость прикрывалась естественными препятствиями, ров копать планировали только с южной стороны. Лес для строительства можно было брать на другом берегу реки Оскол. По словам осколян, знавших эти места, ширина леса, тянувшегося вдоль Оскола, составляла от 5 до 7 вёрст. Измерить этот лес оскольский воевода и подьячий не смогли из-за его непроходимости. Кроме того, лес, пригодный для строительства, занимавший пространство примерно 2 на 1 версту, находился на левом берегу Оскола, в двух верстах ниже впадения в него Белого Колодезя.

Чуть дальше, в 6 верстах от устья Белого Колодезя, находились Жестовые горы. Во время осмотра последних было обнаружено городище, располагавшееся рядом с небольшим озером. Судя по

описанию, городище в плане имело четырёхугольную форму и было вытянуто вдоль Оскола. Обсыпавшиеся валы и рвы были замерены. Остатки укреплений с напольной стороны равнялись 92 саженям, с московской – 70; протянувшиеся вдоль Оскола имели длину 152 сажени, находившиеся напротив – 117 саженей. Место посчитали достаточно удобным. К достоинствам местности воеводы Волконский и Мордасов отнесли наличие здесь глубоких оврагов. Таким образом, было предложено не одно место для сооружения крепости, а два. Причём в Разрядном приказе было принято решение в пользу второго предложения.

Князь В.П. Львов, назначенный руководителем строительства, прибыл к устью Белого Колодезя 12 мая. В тот же день он получил из Разряда чертеж Волконского и Мордасова с распоряжением снять с него для себя копию и построить жилой город на Жестовых горах. Воевода вместе с головами московских стрельцов и другими служилыми людьми осмотрел местность и пришел к выводу о неудобстве этого места для строительства, поскольку поблизости отсутствовала питьевая вода и до реки Оскол было далеко. Кроме того, окружающие городище «бояраки» заросли лесом, затруднявшим обзор местности.

В «Росписи городовым местам...», составленной Львовым, указано, что озера, фигурирующего в «Росписи...» Волконского и Мордасова, возле старого городища нет, имеется только болото с лужами, глубина воды в которых не превышает двух пядей (32 см). Осколяне, хорошо знающие эти места, показали, что это болото заполняется талой водой, высыхающей летом. Видимо, это болото, ещё заполненное водой, и принял оскольский воевода, осматривавший местность в начале апреля, за озеро, а к середине мая вешняя вода уже ушла. Склон, находившийся между городищем и болотом, по мнению Львова, был слишком крутым для устройства тайника.

Всех перечисленных недостатков, по мнению князя Львова, было лишено место при впадении Белого Колодезя в Оскол. С двух сторон его прикрывали реки, было много воды и всяких угодий, леса, сенных покосов, и земля на полях была «добрая».

Первоначально на Жестовых горах предписывалось построить земляной город. Затем от этой идеи отказались, решив, что на новом месте земляные укрепления окажутся непрочными (видимо, из-за особенностей грунта), хотя к В.П. Львову для руководства земляными работами уже был направлен французский инженер Д. Николь. 13 мая Львов вместе со служилыми людьми вернулся к Белому Колодезю и направил в столицу отписку со своими соображениями, прося разрешения ставить деревянный острог в устье Белого Колодезя по чертежу и росписи Чемоданова. До получения соответствующего указа князь Львов велел служилым людям готовить лес на городовое строенье.

Мнение В.П. Львова было учтено, город было указано ставить на Белом Колодезе и насыпать земляной вал от реки Оскол до Верхососенского леса длиной в 12 вёрст. Ход строительства существенно тормозила нехватка людей. В.П. Львов жаловался на недостаток рабочей силы. По его словам, если не прибудет дополнительных людей, то вал в текущем году не будет завершен.

Сохранилась роспись служилых и даточных людей, находившихся в 1647 г. в Царёве-Алексееве. Из городов было прислано: из Черни – 50 детей боярских и 30 казаков; из Новосиля – 47 детей боярских и 30 казаков; из Ливен – 98 детей боярских, 46 полковых и 15 беломестных казаков; из Ельца – 10 детей боярских и 60 казаков; из Тарлицкого – детей боярских – 10, казаков – 20; из Чернавска – 20 казаков и 10 стрельцов. Кроме того, строили вал четыре «приказа» московских стрельцов, всего 2 288 человек, и тульские драгуны под командованием майора С. Долматова. Драгун в наличии было 515, но на 19 командиров норма «валового дела» не развёрстывалась, поскольку, по заявлению Долматова, «где де они на государевых службах ни бывали, городового и валового дела они, начальные люди, николь не делывали». Даточных же людей в наличии было всего 341 человек. Кроме них 20 оскольских станичников находились в постоянных разъездах для обнаружения неприятеля и, следовательно, вал они не строили. От строительства были освобождены и 163 донских и яицких казака, на том основании, что они в 1646 г. строили вал между Белгородом и Карповым. Таким образом, даточных людей на строительстве оказалось более чем в два раза меньше планировавшегося количества. Указанное обстоятельство позволяет предположить, что не удалось организовать работы в масштабе общегосударственной акции, как планировалось, а это снизило скорость сооружения укреплений.

Таким образом, летом 1647 г. город и вал строили 3 660 человек. Датой завершения строительства Царёва-Алексеева является 26 июня 1647 г., когда в Москву, вместе с соответствующей отпиской, были отправлены чертеж и макет города. Был поставлен дубовый острог с обламами, имевший 13 шестистенных башен. Внутри крепости имелось два колодца. Один из них – в глубину три сажени, а уровень воды в нем – на полтора аршина с вершком.

Строительство земляных укреплений Царёва-Алексеева, в отличие от деревянных, не было завершено в 1647 г. Так, 30 октября того же года князь В.П. Львов сообщал, что с двух сторон, «валуйской и усердской», не защищённых реками, копался ров, шириной в три сажени, глубиной две сажени, проходивший от стен на расстоянии сажени с четвертью. Было вырыто 379 саженей, необходимо было прокопать ещё 207 саженей. Произошло это потому, что московские стрельцы возвратились в столицу, драгуны были отпущены по городам, а остальные ратные люди разбежались. В дальнейшем ситуация усугубилась. Новый воевода И.С. Рагозин в сентябре 1649 г. доносил, что длина рва вокруг городских стен так и осталась 379 саженей, только теперь он весь обвалился и доходит до башен и стен. Необходимо было укрепить его, но на это не хватало людей.

В 1647 г. степной участок между рекой Оскол и верховьями Тихой Сосны полностью перекрыть не удалось. Соорудили только западную часть вала. Нужно было достроить вал у Верхососенского леса и реки Сосенки на расстоянии около 12-13 км. Завершили его только в 1649 г. Вал предлагалось усилить двумя жилыми городками: один – у Верхососенского леса, другой – у истока Белого Колодезя, примерно в середине вала. Удалось построить только первый городок, получивший название Верхососенск.

Деревянный стоячий острог, четырёхугольный в плане, поставили на возвышенности, позади земляного вала. Крепость имела 5 башен, в двух из которых были проезжие ворота, периметр стен составлял 231 сажень. Численность гарнизона, состоявшего из детей боярских, стрельцов, казаков и пушкарей, не превышала 300 чел. Земляной вал шел от Царёва-Алексеева (с 1655 г. – Новый Оскол) к Верхососенску, далее в Верхососенском лесу была устроена засека длиной в три версты и шириной в 44 сажени. Ширина вала у основания составила 3 сажени, высота – почти 2 сажени (немногим менее 4 м). В валу находилось 23 земляных городка, в некоторых из них имелись деревянные башни. На заливном лугу у речки Сосенки вал заканчивался, далее шли тарасы, а от Верхососенска до леса шла линия надолб.

На участке степи между Осколом и Доном, там, где проходили ответвления Кальмиусского шляха, в 1647 г. помимо Царёва-Алексеева и Верхососенска построили ещё один город – Коротояк. Расположение будущей крепости было очень выгодным, – строительство планировалось на правом берегу Дона, выше устья Тихой Сосны, в стороне от татарских дорог. Поэтому правительство попробовало новый метод организации строительных работ, – крепость предлагалось возвести «сведенцами» – людьми, переведённых сюда «на вечное житье» вместе со своими семьями.

Решение о строительстве Коротояка принималось летом 1647 г., руководителем работ назначили стольника Д.С. Яковлева. В Коротояк переселялось 500 человек: 50 детей боярских из Ельца, 404 казака из Чернавска, Данкова, Ефремова, Талецкого, Епифани и Лебедяни, 30 стрельцов из Чернавска и Талецкого, а также 16 пушкарей из Данкова и Лебедяни.

Строительство Коротояка продолжалось с 1 октября по 13 ноября 1647 г. Были поставлены срубные стены высотой в две сажени и периметром 396 саженей. Крепость имела 8 башен. Строители перезимовали в городе, а весной устроили пригородные слободы. В июне 1648 г. они построили выше Коротояка на правом берегу Дона жилой городок Урыв, получивший название по одноимённому урочищу. Урыв стал «пригородом» Коротояка, вокруг него не сложился уезд, управлялся он не воеводой, присылаемым из Москвы, а «приказным» из местных людей.

В низовьях Тихой Сосны, до речки Острогощи и берега Дона, коротоякцы устроили разнообразные укрепления: стоялые острожки, лесные засеки, надолбы. Здесь Белгородская черта поворачивала от устья Тихой Сосны к северу и шла по Дону к устью реки Воронеж. Достаточно широкий и полноводный Дон являлся серьёзным препятствием для татарской конницы, где не имелось бродов, но были места переправ – «татарские перелазы».

Природные условия позволили обеспечить безопасность без создания сплошной линии укреплений. Города и стоялые остроги на высоком правом берегу Дона обеспечивали наблюдение за всей левобережной придонской степью, а служилые люди, находившиеся здесь, могли предотвратить переправу татар. Дон и российские крепости с гарнизонами на его берегу стали серьёзным препятствием для степняков.

В 1646 г. произошло существенное изменение в расположении полков в украинных городах, – впервые полки выдвигались на передовую линию. Теперь, в случае опасности, воеводы с ратными людьми из Орла, Тулы, Новосиля, Мценска, Ливен, Ельца, Оскола, Яблонова, Валуйки, Корочи, Вольного, Хотмыжска, Чугуева и Усерда сходились в Белгороде и поступали под командование боярина князя Н.И. Одоевского, т.е. в большинстве случаев двигались вперед, в направлении степи, а не назад, к Тульской засечной черте, как практиковалось ранее[1]. В 1653 г. прекращается выдвижение полков дворянской конницы на Белгородскую черту.

Белгородская черта представляла собой систему разнообразных инженерных сооружений из земли и дерева (валы, засеки, надолбы, острожные стены), включала в себя естественные препятствия: леса, реки, болота и топи. Однако главными узлами обороны Черты являлись города-крепости. Каждый город на Белгородской черте имел свой участок обороны, свою военную зону,

[1] *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 37.

которая смыкалась с зоной соседнего города. Черта делилась на 25 участков, два из которых имели определенные особенности: центр Олешнинского участка – г. Олешня находился за чертой, а центром Борщевского участка был не город-крепость, а укрепленный монастырь. При этом лесные засеки не служили основным видом укреплений Белгородской черты, а являлись вспомогательными средствами защиты. Поэтому, иногда встречающееся в литературе наименование «Белгородская засечная черта» не является правомерным.

К середине XVII столетия построенные укрепления начинают соединяться в единую систему. После возведения Усманского вала актуальной становится задача соединения усманских и козловских укреплений. Вполне разумно было соединить их, выстроив укреплённую линию вдоль реки Воронеж. Этому препятствовало то обстоятельство, что в данном районе располагались владения крупных и мелких феодалов. Однако выход нашли – вотчины и поместья были «отписаны на государя», а их бывшие владельцы получили в виде компенсации владения в других уездах. Крестьян, живших здесь, перевели в драгуны. Сформировали новый уезд с центром в селе Соколье. В самом этом селе в 1647 г. драгуны, под руководством И.М. Ртищева, построили деревянную крепость, – так село превратилось в городок Сокольск с периметром крепостных стен в 331 сажень, двумя проезжими и шестью глухими башнями. Основные укрепления Сокольского уезда прошли по берегам Воронежа.

В этом же году на берегах Воронежа возник ещё один уезд – Добровский, который выделили из Лебедянского. Центром его стало село Доброе Городище, превратившееся в город Добрый. Как и в соседнем уезде, частные владения перешли в государственную собственность, а крестьян перевели в драгунскую службу.

По своим инженерным характеристикам Добрый был близок Сокольску: периметр городских стен, поставленных в виде стоячего острога, составлял 292 сажени. В крепости имелось 4 проезжих и 6 глухих башен. Основными видами укреплений здесь оставались

надолбы, острожки и башни, поскольку берега Воронежа поросли густым лесом, являвшимся естественным препятствием для татар.

В этих условиях падает роль станиц и сторож, основной задачей которых стало предупреждение полков, находившихся на Оке, о появлении татар. Начиная с 1635 г. постепенно сокращается число стационарных наблюдательных пунктов – сторож. Система оповещения стала опираться на строящиеся инженерные сооружения – стоялые острожки.

В 1651 г. в 22 городах Белгородской черты служил 17 741 чел. Самая распространенная категория служилых людей – дети боярские (4 788 чел.), затем следуют казаки (4 021 чел.), драгуны (2 942 чел.) и станичники (600 чел.). Особенностью вооруженных сил Белгородской черты второй половины XVII вв. являлось присутствие в составе гарнизонов крепостей довольно значительного количества черкас – 975 чел.[1]

В 1652 г. возник ещё один город Белгородской черты – Острогожск. Он был заселён черкасами, перешедшими во главе с полковником И. Дзинковским в этом году в Россию из Речи Посполитой. Возведение новой крепости при впадении речки Острогощи в Тихую Сосну проходило под командованием Ф.Ю. Арсеньева. Город строили с 16 августа по 7 ноября 1652 г. черкасы и присланные из разных городов дети боярские, стрельцы и казаки. Стены сделали в виде стоячего острога с обламами, периметром 490 саженей. Крепость имела 9 башен, в том числе одну, Московскую, высота которой составляла порядка 40 м. Гарнизон составили более 1 тыс. служилых черкас.

В 50-е гг. XVII в., еще до завершения строительства Белгородской черты, проводились большие работы по укреплению дубовым ослоном земляных валов. Руководил работами воевода Большого полка князь Б.А. Репнин, располагавшийся в Яблонове. Яблоновский, белгородско-карповский и новооскольский земляные валы с наружной стороны укрепили дубовым стоялым острогом. В 1652 г. облицовка валов брёвнами была завершена. Завершение

[1] *Загоровский В.П.* Белгородская черта... С. 141.

строительства основных укреплений Белгородской черты делало возможным объединение под общим командованием всех служилых людей на черте. В 1651-1654 гг. воевода Большого полка, располагавшийся в Яблонове, командовал всеми войсками на западной половине Белгородской черты. Яблонов начинал восприниматься как центр всей укреплённой линии. Однако начавшееся на Днепровском Левобережье восстание Богдана Хмельницого и последовавшая затем Русско-польская война 1654-1667 гг. потребовали перемещения центра управления ближе к театру военных действий. Начиная с 1656 г. центром черты становится Белгород.

Созданная сеть укреплений, протянувшаяся почти на 800 км (от р. Ворсклы – притока Днепра до р. Челновой – притока Цны), обусловила окончательное закрепление России в данном регионе, позволила не только эффективно противостоять татарским набегам, но и усилить контроль над народной украинской колонизацией и сделала бесперспективными польские планы, направленные на возвращение этих территорий.

После вхождения Левобережной Украины в состав России, в 1654 г., выявился серьезный военно-стратегический недостаток Белгородской черты. Западный фланг Белгородской черты, прежде примыкавший к русской границе, теперь оказался оголенным, поскольку в бывших пределах Речи Посполитой не было никаких укрепленных линий, и у татар появилась возможность обхода укреплений Белгородской черты с запада.

2.3. Укрепления Тамбовской черты. Шацкие укрепления

Вероятно, сооружение в Поценье крепости и полевых укреплений предполагалось одновременно с козловскими. По поводу строительства Тамбова есть глухое упоминание о рассмотрении этого вопроса царем Михаилом Федоровичем и его отцом патриархом Филаретом[1]. Можно ли доверять этим сведениям из документа начала XVIII в., большой вопрос, так как Филарет умер 1 октября 1633 г., задолго до начал больших фортификационных работ на юге России. Возможно, составитель документа сохранил какие-то слухи или предания об обсуждении этого проекта Филаретом и Михаилом Федоровичем во время военных действий с поляками в 1633 г., когда уже наглядно прослеживалась возможность поражении России. Сын осуществил эти идеи на практике.

[1] ИТУАК. Вып. 58. – Тамбов. 1918. С. 148.

Причина начала строительства укреплений по Ногайскому шляху, не самому опасному направлению татарских набегов, состояла в изменении статуса Верхоценской волости. С 1623 г. она перешла в руки матери царя Михаила Федоровича – Марфы Иоановны. После ее смерти 26 января 1631 г. данная большая волость вошла в дворцовое ведомство и стала собственностью царя. Серьезные потери волости в ходе татарских набегов 1633 и 1634 г. потребовали обратить на это направление особое внимание. Фактически строительство козловских укреплений защищало юго-западное, а тамбовских – южное и юго-восточное направление Верхоценской волости. Здесь интересы государственные и царя-вотчинника совпали.

Весной 1636 г. пришел черед строительства нового города на р. Цне. Воевода Р.Ф. Боборыкин шел на место строительства нового города со служилыми людьми, минуя козловские земли, через р. Челновую в районе Лысых Гор. Вероятно, в первых числах апреля 1636 г. строители пришли в район Поценья.

Царский указ о строительстве г. Тамбова рекомендовал возводить новый город на р. Цне при впадении в неё р. Лесной Тамбов. Вопреки этому указу Р.Ф. Боборыкин и градоделец Ф. Наквасин предложили построить город на другом месте: при впадении в Цну р. Студенец. Воеводы получали право построить новый город по указанному месту или «где пригоже». Это правило записывалось в царских указах о строении новых городов, так как, сидя в Москве, приказным дьякам было сложно учесть все проблемы выбора нового места их сооружения.

Район Кузминой Гати – участок низменный, без высоких мысов, что противоречило сложившимся фортификационным кано-

нам. Как правило, русская крепость строилась на самом высоком, господствующем месте, около берега реки при впадении в неё крупного притока. Это сразу создавало систему естественных препятствий, которые дополнялись искусственными сооружениями. Место слияния рек Студенца и Цны в 20 верстах ниже по течению идеально соответствовало такому выбору.

Кроме того, Тамбов встал на перекрестье торговых путей с Дона и с низовьев Волги в центр России, что и предопределило его дальнейшее экономическое развитие. Тамбов фактически прикрыл собой почти всю Верхоценскую волость, обезопасив прямые пути прохода к дворцовым селам и деревням, что и являлось одной из главных задач строительства новой крепости. Непосредственно на черте воеводы соорудили деревянные и земляные стоялые и жилые городки, которых было вполне достаточно для первичного отпора противнику.

Подьячий Пушкарского приказа Ф. Наквасин весной 1636 г. составил чертеж городовых укреплений Тамбова. Документы называли его «чертежщиком добрым»[1]. По его чертежу строители и возводили новый город. Ф. Наквасин составил также чертеж полевых тамбовских укреплений. Не зная планов строительства полевых козловских укреплений, он представил чертеж тамбовских укреплений в виде линии надолоб, засек и острожков от Кузминой Гати до верховьев р. Матыры. Однако реальность заставила откорректировать линию укреплений и довести её до соединения с Козловским валом в районе Лысых Гор. О чертеже, посланном Р. Боборыкиным в Козлов с обозначением козловских и тамбовских укреплений, татарских сакм и перелазов писал 24 декабря 1636 г. в Москву И.В. Биркин. В чертеже давалось подробное описание многих татарских сакм, о которых не знали козловские воеводы.

Скорее всего, И.В. Биркину с М.И. Спешневым пришлось вносить изменения конфигурации своего участка укреплений на этом чертеже. Они предлагали «помыслить с тутушными знающими людьми и со старожильцами подумать». Критикуя чертеж Р.Ф. Боборыкина, козловские воеводы отметили его недостатки:

[1] Акты Археографической экспедиции. Т. 3. – СПб., 1636. С. 398

отсутствие реальных татарских сакм через р. Матыру, р. Горитовку и Лесной Тамбов ниже Козлова[1]. Здесь, по их мнению, находились топкие заболоченные места и «большие» леса. Эта территория примыкала к Лебедянскому уезду и была уже частично заселена селами и деревнями.

В 1636 г. Р.Ф. Боборыкин прислал в Разрядный приказ чертеж с указанием на укрепления городов Тамбова и Козлова, мест прохода татарских сакм и полевых укреплений[2]. На основании этого чертежа Разрядный приказ разработал ряд мер по строительству тамбовских и козловских укреплений. И.В. Биркин и М.И. Спешнев получили из Разрядного приказа указ с перечислением мер по сооружению полевых укреплений своего уезда. Вероятно, Р.Ф. Боборыкин тоже получил идентичный указ, который окончательно утверждал его проект плана полевых укреплений.

Дата начала строительных работ – 17 апреля 1636 г. – упоминается в «Тамбовском летописце»: «Обложен город Тамбов на реке Цне на левой стороне, на устье речки Студенец апреля в 17 день в самой день Живоначального Христа Воскресения и в Память преподобного отца Зосимы Соловецкого»[3]. Скорее всего, выбор даты строительства Тамбова совмещенный с крупнейшим православным праздником вряд ли можно считать случайным явлением. Он определялся особенностям православного мышления русского человека того времени.

Следующим крупным событием в строительных работах можно считать закладку соборной церкви 6 августа 1636 г. в праздник Боголепного Христова Преображения. Освятили закладку нового храма священник М. Поздняков и дьякон В. Миронов. Они, вероятно, и были первыми священнослужителями соборной церкви.

В строительстве нового города принимали участие «сведенцы» из Шацка, Переяславль-Рязанского, Коломны и других русских городов. То есть возведение новой крепости было делом общерос-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 103. Л. 282-283, 356-360.

[2] К сожалению, чертежи юга России, отосланные в Москву и хранившиеся в царской коллекции чертежей и планов, до нашего времени не сохранились.

[3] ИТУАК. Вып. 58. 1918. С. 148-150.

сийским, с привлечением не только жителей соседних городов, для которых новая крепость становилась реальной защитой, но и ряда городов центральной России.

В строительстве Тамбова участвовали и крестьяне старейшего на р. Цне шацкого Чернеева мужского монастыря. Игумен Моисей послал своих «деловцев» по 25 человек на месяц «попеременно»[1]. Те возвели в Тамбове в Казачьей слободе деревянную церковь Знамения Пречистые Богородицы, две большие башни в самом городе, два раската под пушки и торговую баню. Эти же строители копали ров около острога и города. Во время работ в уезде крестьяне монастыря построили на р. Липовице острог и на Лысых Горах выкопали колодец. За работу своим крестьянам монастырь заплатил по 4 руб. каждому «деловцу».

Завершение главного этапа строительных работ, как отмечает «Тамбовский летописец», произошло 1 октября 1636 г. Скорее всего, в последующие два года Р.Ф. Боборыкин продолжал отстраивать отдельные сооружения крепости. Город Тамбов имел вид трапеции и делился на две части: город и острог. Город (позднее историки назовут его «кремлем») являлся административной частью крепости, его окружала выложенная по городовому стена. Это был наиболее крепкий тип городовых деревянных укреплений. Стены выкладывались в виде прямоугольного сруба, а пустота между ними частично засыпалась землей. Над стеной делали облам из бревен в виде деревянного брустверa с бойницами, все это венчала деревянная кровля, которая укрывала сверху защитников от стрел противника.

Один из самых сложных узлов обороны находился на р. Челновой, где соединялись Козловский вал с тамбовскими полевыми укреплениями. Первоначальный план предусматривал создание укреплений от устья р. Челновой до Лысых Гор и далее через степь до р. Матыры. Однако проект явно не учитывал существование южных селений Верхоценской волости и направление козловских укреплений. Поэтому на практике чертеж претерпел серьезные изменения. Линия укреплений начиналась от Лысых Гор на р. Челновой, т.е. почти напротив восточного фланга Козловского вала. Промежуток между ними вдоль правого берега реки прикрывала засека, а на окраине Челнавского леса был сооружен Лысогорский острожек. От него до Липовицкого леса протянулась линия надолб «вдвое» с поперечными связями, Спорным и Тамбовским острожками. У края леса строители поставили Липовицкий острожек. Далее вдоль р. Сухая Липовица на 5 верстах 692 саженях проходила линия засек вперемежку с надолбами. Кончалась засека около урочища Двойни. Здесь вся местность до р. Цны состояла из топей, «ржавцов» и болот и не требовала дополнительных укреплений.

[1] ИТУАК. Вып. 13. 1887. С. 45-47.

Другим опасным участком в Поценье считался район Кузьминой Гати, где проходило одно из ответвлений Ногайской дороги, здесь же шла старинная торговая Ордобазарная дорога. В этом месте, от Липовицкого леса до р. Цны, строители соорудили линию надолб с башней, а на противоположной стороне Цны у переправы установили надолбы с подъемными связями и набили в воде частик. Вдоль берегов Лесного и Нару Тамбова стояли надолбы и засека. Далее на север до Шацка простирался большой Цнинский лес, служивший надежной преградой от татарской конницы.

Таким образом, от р. Челновой до Цны была сооружена сплошная линия укреплений. В ее создании применили традиционные для Руси деревянные конструкции (засеки, надолбы, частик, башни и острожки), которые умело сочетались с естественными преградами (лесом, реками и болотами). Если при возведении козловских укреплений применялся передовой европейский опыт, приобретенный в ходе Смоленской войны 1632-1634 гг., то для тамбовских укреплений строители выбрали старинные, типично русские оборонительные конструкции, апробированные многолетней практикой борьбы с кочевниками.

Активизация татарских набегов заставила принять энергичные ответные меры и завершить создание сплошной линии укреплений на юге страны. Указ о закладке Тамбовского вала Боярская дума приняла 19 марта 1647 г.[1] Руководителем работ был назначен

[1] ААЭ. Т. 4. – СПб. 1886. С. 31; АМГ. Т. 2. – СПб, 1894. С. 241; РГАДА. 210. Стб. Белгородского стола. № 235. – Л. 620-621.

князь-стольник И.И. Ромодановский. Ему предлагалось в степи между Липовицким и Челнавским лесами делать земляной вал. Из Пушкарского приказа в Тамбовский уезд направили четырех мастеров для валового дела. Они должны были прибыть до 23 апреля – дату, определенную как последнюю для сбора строителей.

В создании Тамбовского вала принимали участие шацкие дворяне, ценские мурзы и татары Шацкого уезда, тамбовские служилые люди и посадские люди ряда южных городов. Под шацкими дворянами понимали мещерян – дворян и детей боярских. Это были почти те же шацкие служилые люди, которые в 1636-1637 гг. помогали Р.Ф. Боборыкину охранять строительные работы по возведению крепости Тамбов. В 1647 г. они беспрестанно находились в сотнях, станицах, разъездах, на сторожах. По своей челобитной они получили поместного оклада по 50 четвертей в поле и по 3 руб.[1] В строительных работах принимали участие крепостные крестьяне шацких помещиков по норме 1 человек с 5 крестьянских дворов и, возможно, крестьяне Верхоценской волости. Работные люди с весны до зимы ставили башни, копали рвы и насыпали вал. Тем, кто работал на валу, было выдано по 14 руб., а кто работал, но уехал раньше установленного срока, – 10 руб.[2]

Первоначально на Тамбовском валу находилась 18 башен. Он начинался от Лысых Гор от р. Челновой и шел на протяжении почти 50 км на юго-восток до Кузьминой Гати. Крупные строительные работы развернулись на Тамбовской черте в период Русско-польской войны в 1659-1662 гг. В 1658 г. татары воспользовались сложной обстановкой на Украине, связанной с изменой гетмана Ивана Выговского, усилили набеги на южную границу Русского государства. Так, летом этого года они прокопали в нескольких местах Тамбовский вал и проникли в Тамбовский уезд, убив 89 и взяв в плен 237 человек[3].

Сложная политическая обстановка вынудила правительство принять дополнительные меры по укреплению южной границы,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 227. Л. 20.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 22. Л. 2-13.

[3] Там же. № 951. Л. 109-116.

в том числе и Тамбовской черты. Осмотр укреплений показал их плохую сохранность: вал во многих местах оплыл, деревянные конструкции острожков погнили. С 1658 г. тамбовские служилые люди и дворцовые крестьяне осланивали вал, вновь отстроили два Лысогорских городка, соорудили четыре новых башни и реконструировали ряд старых укреплений. Работы обычно начинались зимой, когда работные люди возили дубовые и сосновые бревна из близлежащих к валу лесов. А с весны начинался ремонт черты. Только в 1658 г. в нем приняли участие 2657 тамбовских, шацких и ряжских казаков, детей боярских и дворян.

Одним из главных элементов реконструкции черты стал ослон вала дубовыми и сосновыми бревнами. Так в мае 1662 г. рязанец Иван Головин докладывал в Разряд о выполнении задания по ослону бревнами Тамбовского вала[1]. Ему поручали ослонить еще свободные места по валу. 27 декабря 1662 г. он подал в тамбовскую приказную избу воеводе Алексею Головину строельные книги с печатью о проделанной работе. Затем эти книги с И. Головиным были отосланы в Разрядный приказ.

Завершилась реконструкция тамбовских укреплений и Белгородской черты только к 1662 г. Как показал ход событий, принятые меры оказались своевременными. Татарские набеги постоянно натыкались на мощную укрепленную линию, надежно преграждавшую путь вглубь страны. Татары потеряли элемент внезапности во время набегов, инициатива перешла в руки местного населения и администрации, а военные действия разворачивались в зоне черты.

С завершением реконструкции укреплений окончательно сформировалась Тамбовская черта как самостоятельный военно-административный комплекс. Она начиналась от р. Челновой и состояла из нескольких участков. Ее описание приводится по документам конца 1650-х – начала 1660-х гг.[2]

Черта начиналась небольшой засекой от заповедного Челнавского лес длиною в 4850 м и шириною в 108 м с дополнительными

[1] ИТУАК. Вып. 12. 1886. С. 11-12.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 951. Л. 47-91; Дела разных городов. Книга № 10, Л. 242-251.

укреплениями в виде 6240 колов. От края леса и засеки вдоль правого берега Челновой шел малый Челнавский вал. Он имел длину 1240 сажень (2680 м), ширину в подошве 1,5 сажени и высоту 1 сажень (2 м.) Верх насыпи был в ширину на полусажень (1 м.). На насыпи вала стояли 4 проезжих и 2 глухие башни высотой 2,5 сажени (5,4 м). Рядом с ними в 1658 г. при воеводе Ф.И. Леонтьеве построили Красногорский городок, имевший в плане почти квадратную форму с четырьмя угловыми башнями и двумя проезжими воротами. Около башни находились проезжие ворота с выходом к Челнавскому лесу. Рядом с воротами размещалась ссудная изба с земляной тюрьмой. Внутри городка размещался двор казачьего головы и хозяйственные постройки. Стены городка были срублены по городовому из дубового леса. Городок заселили 250 казаков из расположенной недалеко слободы. Одновременно из Шацка в новый городок перевели 100 человек беломестных казаков и атаманов[1].

В месте соединения малого вала с большим строители соорудили в 1647 г. Лысогорский городок, взамен сожженного татарами, который, вероятно, строили еще при Р.Ф. Боборыкине. Он находился в 470 саженях от Красного городка. Новый городок окружали три деревянных стены, срубленных «по городовому», четыре башни и одни проезжие ворота. На одной из наугольных башен имелась полковая медная пищаль и караульная будка.

От Лысогорского городка начинался большой вал – основное звено тамбовских укреплений. Он простирался на юго-восток почти на 34 км. Его размеры: 4,5 м – высота, 10 м – ширина в подошве. Перед валом находился широкий ров. Большой вал обороняли в обычное время 520 человек, а по «вестям» их численность удваивалась. Служилые люди несли службу на 28 опорных пунктах. По описанию, здесь имелись три типа опорных укреплений: башня, городок и острожек. Кроме уже опоминавшегося Лысогорского городка находились Крутой, Красный и Полянский городки. В Крутом городке стояла старая башня плохой сохранности. В Красном

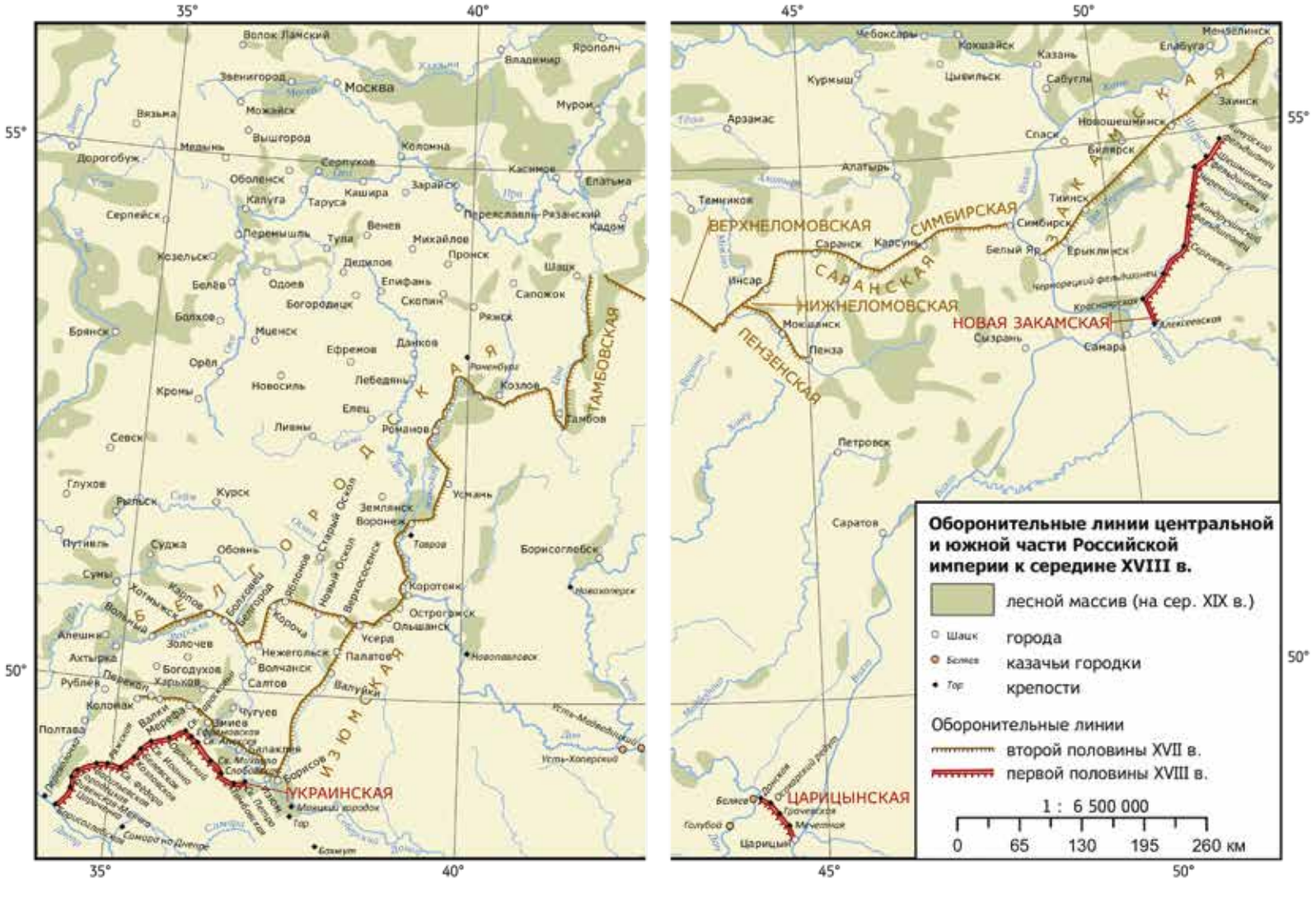
[1] ИТУАК. Вып. 58. 1918. С. 151.

городке башня находилась внутри вала в земляном городке, окруженная острогом в 15 саж. Внутри городка располагалась башня с караульной клеткой. А в Полянском городке старая башня стояла в 3 саженях от вала, около башни находился острожек с длиной стен 13 сажень.

Острожков на валу насчитывалось 14. Внутри острожка, как правило, находилась караульная башня с проезжими воротами на крымскую сторону. С русской стороны располагалась деревянная острожная стена. Лишь в Спорном и Сухинском острожках имелись пушки на станке и на колесах, а в остальных – только ручное огнестрельное оружие. На валу имелось 6 башен без острожков.

Заканчивался большой Тамбовский вал Полянским городком, от которого шел к Цне малый вал. На малом валу располагались еще Покровский, Тамбовский, Кузминский острожки. Здесь находились башни с избой на нижнем этаже и караульными клетками. Вокруг башни проходила линия острога. От Кузминского острожка через 500 сажень начинался большой вал. Сзади его располагалась засека. Через 481 сажень большой вал упирался в Хоперские проезжие ворота и Хоперскую карульную башню. Около башни имелся земляной городок размерами в 20 сажень. С учетом важности проезжих ворот на Хопер постоянную службу здесь несли 50 казаков, в случае тревоги их численность увеличивалась вдвое. Далее до р. Цны шло 384 сажени большого вала. Позади укреплений за земляным валом простиралась засека длиной в 2250 сажень и попрек в 50 сажень.

В районе Липовского отрога большой вал соединялся с малым Липовицким, который шел дальше на юг к Кузьминой Гати на протяжении 11,5 км. Его земляная насыпь достигала 2 м высоты и 3 м ширины. На валу стояли 4 башни высотой 21,5 м, а перед ним, со степной стороны, в Липовицком лесу продолжала функционировать старая засека, служившая дополнительной преградой. Липовицкий вал соединялся с большим Кузьминским невдалеке от слободы Кузьминой Гати. Небольшой, всего 2 км, он был ориентирован с запада на восток и прикрывал слободу полковых казаков

35°
40°
45°
50°
55°
50°
Москва
Тула
Орёл
Курск
Воронеж
Харьков
Полтава
Киев
Самара
Пенза
Саратов
Царицын
ЗАСЕЧНАЯ ЧЕРТА
ЗАКАМСКАЯ
ТАМБОВСКАЯ
ВОРОНЕЖСКАЯ
ИЗЮМСКАЯ
УКРАИНСКАЯ
ВЕРХНЕЛОМОВСКАЯ
СИМБИРСКАЯ
САРАНСКАЯ
НИЖНЕЛОМОВСКАЯ
ПЕНЗЕНСКАЯ
НОВАЯ ЗАКАМСКАЯ
ЦАРИЦЫНСКАЯ
Оборонительные линии центральной и южной части Российской империи к середине XVIII в.
лесной массив (на сер. XIX в.)
города
казачьи городки
крепости
Оборонительные линии
второй половины XVII в.
первой половины XVIII в.
1 : 6 500 000
0 65 130 195 260 км

и переправу через Цну. Высота большого вала достигала 4 м, а ширина в подошве – 8 м. Учитывая значение данного перелаза, строители создали здесь достаточно мощный узел обороны, включая земляной городок, башню с проезжими воротами на валу и линию засеки длиной 4850 м вдоль русла Липовицы.

На Кузминой Гати у проезжих ворот постоянно находилась охрана. Здесь стояли стрельцы и казаки г. Тамбова с головой. В районе Кузьминой Гати практически заканчивались искусственные укрепления Тамбовской черты. Далее на север вдоль русла Цны простирался большой Цнинский лес, служивший надежной естественной преградой от татарской конницы.

Одновременно со строительством Козлова, Тамбова и других укреплений Белгородской черты началось возведение укреплений к востоку от Шацка. Эта территория в меньшей степени подвергалась набегам кочевников, так как находилась в стороне от центральных уездов государства. Старая Шацкая засечная черта, чуть усовершенствованная, вошла в сплошную линию обороны.

В 1636 г. на речке Ломов ставится острог Нижний Ломов, а на р. Вад – Буртасский острог. В 1639 г. сооружается крепость Атемар, Сарачинский острог (будущий г. Саранск), а Буртасский острог перенесли в устье р. Керенки. Позднее на р. Шечкеево возник Шечкеевский острог.

В 1645 г. при правительстве Алексея Михайловича вносилось предложение о дополнительных мерах по строительству укреплений от р. Цны до Суры. Вместо Керенского острога построили полноценную крепость Керенск, перестроили укрепления Верхнего и Нижнего Ломовых, Атемар, построили Инсар и ряд других острогов. Это привело к возникновению в 1646-1648 гг. отдельных укреплений Керенской, Верхне- и Нижне-Ломовских, Инсарской, Потижской и Атемаро-Саранской черт.

В 1646-1648 гг. строилась черта между р. Сурой и Волгой. Она включала Корсунскую засеку, г. Корсун и несколько острогов.

Все эти укрепления подчинялись приказу Казанского дворца, но сплошной линии с единой системой управления здесь не сложилось.

2.4. Создание Карсунской и Симбирской черт в середине XVII в.

Военно-административная и хозяйственная колонизация лесостепи Юга и Юго-Востока европейской России во второй половине XVI – начале XVIII в. проходила постепенно. Основой для каждого нового масштабного этапа освоения свободных плодородных земель являлось строительство протяженных оборонительных систем укреплений, формирование по ним гарнизонов и расселение военизированного населения. Аналогичные процессы, но имеющие свою региональную специфику, наблюдались и в пространстве Поволжского фронтира. После завоевания земель Казанского ханства, военная и хозяйственная их колонизация надолго остановилась на линии Темников – Алатырь – Тетюши[1]. Южные границы этого ареала были защищены системой засек и локальных укреплений, устроенных в 1570-х – 1580-х гг. на Правобережье, по широте расположения этих городов-крепостей[2], а также нижнему течению Камы – в Заволжье. Именно они стали порубежьем с пространством Поля и территориями новых – Казанского, Свияжского, Чебоксарского, Алатырского – и других уездов.

В источниках, относящихся к XVI-XVII в. достаточно редко встречаются постоянно используемые в настоящее время термины «засечная черта», «сторожевая линия» и т.п. Для делопроизводства эпохи Московского государства такие протяженные системы укреплений чаще всего традиционно именовали «засеками» и «чертами». Так, при их сооружении в почти двухсоткилометровом междуречье Суры и Волги, в царском указе 1648 г. говорилось о

[1] Собственно говоря, здесь располагалось пограничье освоенных земледельческим населением земель и в период существования Казанского ханства.

[2] Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии. Приложение к памятной книжке на 1868 год. – Симбирск, 1868. С. 112; Лебедев В.И. Легенда или быль: По следам засечных сторожей. – Пенза, 2006. С. 24-29; Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI-XVII вв. (управление казанским краем). – Казань, 1982. С. 71; Кочетков В.Д. Город-крепость на Суре. Очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI-XVII вв. – Чебоксары, 2012. С. 18-24.

том, что воевода Б. Хитрово «... учинил новую Корсунскую засеку», по которой были поставлены «засечныя крепости»[1].

В обобщающей «Выписке в Разряд о построении новых городов и черты» 1681 г., опубликованной А.А. Гоздаво-Голомбиевским, в качестве основного используется только термин «черта»[2]. По мнению отдельных исследователей, новые «историографические» понятия впервые были введены в научный оборот только в середине XIX в. Ф.Ф. Ласковским[3]. Но это не совсем верно. В текстах «Засечных книг» – источнике хорошо известном исследователям – действительно, преобладает единичный термин «засеки». Вместе с тем (например, в опубликованной «Засечной книге 1638 г.»), понятие «засечная» нередко употребляется в качестве определяющего в сочетании с другими терминами: «засечная книга», «засечная дорога», «сторожа засечные», «засечный лес» и т.д. При этом, в данном варианте словосочетаний зачастую встречается именно термин «засечная черта»[4].

Строительство фортификационных систем, как на территории Мордовии, так и далее к востоку от Суры, было обусловлено принятым в правление Михаила Федоровича решением надежно защитить от нападений кочевников все пространство лесостепного Юга и Юго-Востока Европейской России. Кроме того, новые засеки и черты позволяли ввести в хозяйственный оборот плодородные черноземы лесостепи, создать крупный район земледельческого

[1] *Зерцалов А.Н.* Материалы по истории Симбирского края XVII-го и XVIII-го вв. – Симбирск, 1900. С. 22-23.

[2] Голомбиевский А. Выписка в Разряд о построении новых городов и черты (7189-1681 г.). // Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Вып. XXXIII. Тамбов, 1892. С. 49-56.

[3] *Ласковский Ф. М*атериалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия. – СПб., 1858. С. 18, 30-44 и др. Однако и после выхода его работы многие исследователи используют в своих трудах термины «черта» и «засека». См., напр.: Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 74-80, 251-257; Гуркин В.А. Симбирская Черта: (Материалы XVII-XVIII вв. по истории Симбирского Поволжья). – М.-Ульяновск, 2000. С. 37, 47, 67, 79 и др.

[4] Засечная книга 1638 г. // Записки отдела рукописей. Вып 23. М. Государственная библиотека СССР им В. И. Ленина. 1960. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1620-1640/Zasech_kniga_1638/pred.htm

и промыслового расселения. Уже со второй четверти XVII в. из располагавшегося севернее пограничья Алатырского, Казанского, Свияжского и других уездов междуречья Волги и Суры население начало уходить к югу, на свободные земли. Тем самым, возникла потребность защитить постепенно складывающийся ареал земледельческого расселения.

Именно восточный фланг вновь создаваемой огромной по протяженности границы с кочевниками должны были закрыть Ка(о)рсунская и Син(м)бирская засеки[1]. Их возведение позволило освоить в междуречье Волги и Суры лесостепное пространство глубиной до сотни и более км и протяженностью в широтном направлении примерно в почти 200 км.

Следует отметить, что построенная несколько позднее, в середине – второй половине 1650-х гг. в Заволжье Закамская система укреплений, скорее всего, не входила в данный проект. Ее фортификационные сооружения и размещенные по ним гарнизоны имели свои особенности и существенно отличались от укреплений Правобережья[2].

В течение почти двух десятилетий возведения укрепленной черты от границ с Польшей до Волги ее проект неоднократно дорабатывался и корректировался. По совершенно справедливому мнению исследователей, из отдельных, возведенных в эти годы засеки и черты, даже при том, что они состояли в распоряжении различных уездных воевод и приказов, была создана фактически единая оборонительная система[3].

Западная часть этой системы (Белгородская черта), центральная (Тамбовская[4]) и соседствующие с ней с востока (Керенская,

[1] Названия засечных черт несколько менялись со временем, и далее мы будем использовать общепринятые в настоящее время.

[2] *Перетяткович Г.* Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 152-167; Буканова Р.Г. Закамская черта XVII века. – Уфа, 1999.

[3] *Загоровский В.П.* Белгородская черта. – Воронеж, 1969. С. 85; Его же. Краткое историко-географическое и историко-демографическое описание Изюмской линии. // Проблемы исторической демографии СССР. Сборник статей. Вып. 2. – Томск, 1982. С. 4.

[4] *Мизис Ю.А.* Заселение Тамбовского края в XVII–XVIII веках. Учебное пособие. – Тамбов, 1990. С. 34-43.

Верхнеломовская, Нижнеломовская, Инсарская, Потижская, Атемаро-Саранская[1]) участки оборонительных сооружений возводились постепенно и поэтапно. В первую очередь строились крепости (города) и остроги, закрывались локальными участками засек и черт наиболее опасные места прохода отрядов степняков. Затем, на следующем этапе, все эти сооружения объединяли в единую целостную систему укреплений.

Возведение системы укреплений далее на юго-восток началось в первые годы царствования Алексея Михайловича. Только во второй половине 1640-х – начале 1650-х гг. оборонительная черта была окончательно достроена как непрерывная, единая система фортификационных сооружений по всей южной и юго-восточной границе страны. Крупнейший исследователь истории «засечного строительства» на юге России в XVII в. В.П. Загоровский делает следующий вывод: «С 1646 г. начинается второй период в строительстве Белгородской черты, продолжавшийся до 1653 г. Русское правительство активизирует свои действия на юге. Сравнительно быстро заполняются разрывы, еще существующие между отдельными укреплениями. Уже в 1646-1647 гг. в целом определяются географические контуры будущей черты»[2].

На наш взгляд, Загоровский дает лишь самый общий абрис намерений и действий правительства, в совершенно справедливо выделяемом им «втором периоде» сооружения системы засек и черт. Действительно, в эти годы были соединены в единое целое отдельные укрепления, из которых сложились Белгородская и Тамбовская черты. К ним «пристроили» с востока оборонительные сооружения в Мордовии. На тех территориях, где до середины 1640-х гг. строительства не проводилось, от Саранска система укреплений была продолжена вплоть до Волги. Наконец, важнейшим направлением деятельности стало значительное усиление по всей системе оборонительных сооружений: глубины засек, мощности земляных и деревянных сооружений крепостей, острогов,

[1] По классификации В.И. Лебедева. См.: Лебедев В.И. Легенда или быль. По следам засечных сторожей. С. 18.

[2] *Загоровский В.П.* Белгородская черта. С. 73.

валов и рвов. По ним стали расселять более значительные в количественном отношении гарнизоны служилых людей. Об этом свидетельствует составленная позднее, уже в 1680/81 г. «Выписка в Разряд о построении новых городов и черты». Она содержит обобщающий обзор итогов создания засек и черт в Московском государстве в XVII в.:

«И со 153 (1645 – *Э. Д.*) году ... царь и великий князь Алексей Михайлович ... указал, для покою христианскаго, черту строить по-прежнему указу отца своего ... и по черте устроить прибавочные городы и населить большим многолюдством и земляной вал устроить больше прежнего, по размеру – в подошве в ширину 3 сажен, в вышину 2 сажен с четвертью и 2 сажен в своде (соответственно, 6,48; 4,86; 4,32 м – *Э. Д.*), и подле валу с полевую сторону выкопать рвы, в глубину 2 и полторы сажени, в ширину 2 сажен (соответственно, 4,32 и 3,24; 4,32 м[1] – *Э. Д.*), на 2 в своде полусажени, также и надолбы большия и стоялые острожки частые и лесные завалы и иныя многие крепости, где какие доведется.

И по тому указу ... сделан земляной вал, а подле валу капаны рвы, а подле рек на бродах и на перелазех ставлены надолбы, а по лесам лесные засеки, а в реках, на бродах, биты частики и сваи и рогатки и всякие крепости, а в иных местех приведены крепости к крепким и к заповедным лесам и к топким лесам и во многих местех поставлены караульные башни и стоялые острожки, а в тех башнях и в острожках в летнее время для бережения от приходу воинских людей велено стоять на сторожах днем и ночми безпрестанно тех же городов всяких чинов служилым людям...»[2].

Очевидно, что все эти важнейшие решения разработало и приняло к исполнению правительство «дядьки» царя – Б.И. Морозова. Новые люди, занявшие ключевые должности в государстве в середине 1640-х гг., смогли провести глубокий анализ состояния и

[1] Мы исходим из размера сажени в 2,16 м, как было установлено Е.И. Каменцевой (См.: Каменцева Е., Устюгов Н. Русская метрология. – М., 1975. С. 85-86) и принято сейчас большинством исследователей, а не из устарешего определения ее в 2,134 м.

[2] *Голомбиевский А.* Выписка в Разряд о построении новых городов и черты (7189-1681 г.). С. 54-56.

боеспособности ранее построенных укреплений, и, видимо, оно их не удовлетворило. Правительство вынуждено было принять требующее значительных дополнительных затрат решение о перестройке уже возведенных ранее сооружений и последующем строительстве в восточном направлении более мощной в фортификационном отношении, единой непрерывной оборонительной системы. Выполнение всех этих работ возлагалось, прежде всего, на 3 приказа: Разрядный (Белгородская линия), Большого Дворца (Тамбовская черта) и Казанского Дворца (остальные участки к востоку).

В ведении Казанского Дворца состояло сооружение и последующее использование систем укреплений на территории Мордовии, а также Карсунской, Симбирской и Закамской линий. Все они строились почти одновременно. К несчастью, приказной архив полностью погиб в начале XVIII в. и практически невозможно реконструировать процесс строительства, конструктивные параметры сооружений и функционирование данных систем укреплений и их гарнизонов[1].

Создается впечатление, что строительство совокупности черт и засек от Керенска до Симбирска на Волге проводилось в рамках особого проекта, который должен был реализовать занимавший тогда не самое высокое место в дворцовой иерархии стольник Богдан Матвеевич Хитрово[2]. Некоторые исследователи считают Хитрово человеком, близким к Б.И. Морозову[3] и пользовавшимся особым доверием Алексея Михайловича[4]. Именно ему было по-

[1] Наиболее полная подборка материалов по начальному периоду создания системы укреплений была выявлена А.Н. Зерцаловым в фонде Курмышского уездного суда. См.: Зерцалов А.Н. Материалы по истории Симбирского края. XVII-го и XVIII-го вв. С. 11, 17-18, 21, 22-25; Гуркин В.А. Симбирская Черта. С. 25.

[2] *Селезнева А.И.* Российский государственный деятель XVII в. Б.М. Хитрово. // Вопросы истории. № 1. 1987. С. 79; Хитрово В.Н. Родословная книга рода Хитрово. – СПб., 1866. С. 20-22.

[3] *Бахрушин С.В.* Московское восстание 1648 г. // Бахрушин С.В. Научные труды. Статьи по экономической, социальной и политической истории Русского централизованного государства XV-XVII вв. Т. 2. – М., 1954. С. 60.

[4] Мы не совсем согласны с высказанной В.П. Загоровским оценкой роли Б.И. Морозова в развитии системы оборонительных сооружений на Юге и Юго-Востоке Европейской России. Очевидно, что именно он осознал необходимость создания единой мощной системы укреплений от границ с Речью Посполитой до Волги. См.: Загоровский В.П. Белгородская черта. С. 75.

ручено возведение и формирование гарнизонов черт, бывших под управлением приказа Казанского Дворца (Керенской, Атемарской, Карсунской и Симбирской). Фактически, Богдан Матвеевич получил чрезвычайные полномочия для организации системы обороны на огромном пространстве от Керенска до Симбирска. В течение трех лет, с 1646 до осени 1648 г., Б.М. Хитрово последовательно назначался воеводой ряда городов-крепостей. Он командовал в ранее построенных Темникове и Атемаре, руководил строительством земляного вала вокруг Керенска, а затем возвел оборонительные сооружения Карсуна, Симбирска и прилегающих к ним черт и засек. Во всех указанных «посылках» стольник занимался, прежде всего, возведением, правильнее сказать – «закладкой», земляных и деревянных укреплений, определял их основные фортификационные параметры. Однако царский посланник не оставался на длительный срок в Приволжье. Заложив оборонительное сооружение, определив его параметры, он передавал своим «товарищам» обязанность доводить до конца начатые работы. За свои заслуги Хитрово был пожалован чином окольничего. Возвратившись после закладки города Симбирска в Москву, он занял высокое место при дворе, возглавил Челобитный приказ, а позднее стал крупным государственным деятелем[1].

Отечественные исследователи, начиная с И.Д. Беляева, Ф.Ф. Ласковского и до сегодняшних дней, придерживаются различных мнений в том, что же в организационно-управленческом плане представляла собой система оборонительных черт и засек, созданных в конце 1640-х – начале 1650-х гг. под началом приказа Казанского Дворца. Так, например, К.С. Носов считает, что Симбирская черта охватывала все пространство Юго-Востока от Волги до Белгородской линии[2]. Г.И. Перетяткович пишет, что эта черта от Симбирска «... была ведена в юго-западном направлении» (то

[1] *Матвеев А.М., Горчаков Д.А.* Строитель Симбирска боярин Б. М. Хитрово. – Симбирск, 1889; Селезнева А.И. Российский государственный деятель XVII в. Б.М. Хитрово. С. 79.

[2] *Носов К.С.* Военно-оборонительное строительство в России в XVII в. // Вопросы истории. № 3. 2009. С. 117.

есть строилась?) и не совсем определенно пытается ее завершить у Инсарского острога. Затем, как бы спохватившись, продолжает ее далее на юго-запад вплоть до Нижне-Ломовской черты, *которая по его словам «... уже входила в состав другой укрепленной черты»*[1].

Однако, судя по сохранившимся источникам середины – второй половины XVII в. практически все участки к востоку от Белгородской черты московской и местной администрацией рассматривались как самостоятельные, имевшие особое управление, черты. При этом в ряде случаев возникали сложности при выделении соседних систем укреплений, в частности, Атемарской и Саранской, Симбирской и Карсунской. Так, первоначально укрепления и гарнизоны Симбирской черты в междуречье Волги и Барыша состояли в ведении воевод Симбирска и его уезда[2]. Карсунской чертой распоряжались воеводы Карсуна. Именно Карсун, в определенный период его существования как крепости, считали центром самостоятельного (или в определенной степени автономного, «внутреннего») уезда[3]. В документах второй половины 1660-х гг. и позднее деление на Симбирскую и Карсунскую черты в составе единого Симбирского уезда являлось очевидным. Например, в октябре 1670 г. воевода Симбирска И.Б. Милославский передал новому воеводе М.Л. Плещееву «...по Синбирской черте пригороды Юшанск, Тагаев, Уренск и город Корсун, и Корсунскую черту, и остроги Малой Корсунов и Сокольской да Тальской остроги, город Аргаш и Сурской острог»[4]. О Карсунской черте как самостоятельной пишут в переписной книге Симбирского уезда 1678 г.[5]

[1] *Перетяткович Г.* Поволжье в XVII и начале XVIII века: очерки из истории колонизации края. – Одесса, 1882. С. 74-75.

[2] *Мартынов П.* Книга строельная города Синбирска. – Симбирск, 1897.

[3] *Дубман Э.Л.* «Внутренние уезды» юго-восточного фронтира Московского государства в XVII в. // Модернизация культуры: идеи и парадигмы культурных изменений: материалы II Международной научно-практической конференции, 22-23 мая 2014 года. [в 3 ч.]. Ч. 2. – Самара, 2014. С. 65-70.

[4] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 28. Л. 131, 136 и др.

[5] Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 году. Переписные книги Приказа Казанского Дворца. / Под ред. П. Мартынова. – Симбирск, 1902. С. 113.

Самостоятельным Карсунский уезд указан в писцовой книге И.Н. Вельяминова 1685-86 гг.[1]

Однако, вместе с тем, в наказе воеводе Ф. Кольцову, направленному в 1691 г. в Малый Корсунов и Сокольск, сообщается лишь о Симбирском уезде, а Карсун с чертой и прилегающей территорией должен подчиняться воеводам Симбирска. Там же Карсунская черта указана отдельно от Симбирской[2]. Можно полагать, что центром нового региона являлся Симбирск. Карсун же был некоторое время важным административным и военным пунктом. Сама черта определялась местными и московскими властями в качестве самостоятельной оборонительной системы.

Симбирская и Карсунская черты фактически не входили в сферу интересов историков. Как исключение следует указать статьи С.М. Мальцевой. Ряд документов, относящихся к истории их сооружения и использования, опубликовал В.А. Гуркин, который также рассмотрел историю изучения этих уникальных оборонительных сооружений[3]. Нужно отметить и публикации археологических исследований А.В. Визгалина[4].

Особую значимость имеют обследования и замеры оборонительных сооружений, выполненные А.Д. Ермолаевым[5], В.И. Лебе-

[1] Писцовая книга Карсунского и Симбирского уездов 1685-1686 гг. / Сост. Ю.Н. Мельников. – Ульяновск, 2014.

[2] Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией (далее – АИ). Т. 5. 1676-1700. СПб., 1842. С. 358-360.

[3] *Гуркин В.А.* На берегах Русского Нила. История изучения территории Симбирского Поволжья. – М., 2005. С. 55-61.

[4] *Мальцева С.М.* Фортификационные особенности Симбирской засечной черты. // Вестник СамГУ, №10/1 (50). 2006. С. 116-129; Гуркин В.А. Симбирская Черта; Дубман Э.Л. Строительство Карсунской и Симбирской черт как составной части единой системы укреплений европейской лесостепи России. // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – М.: Оргкомитет Чтений памяти акад. РАН Л.В. Милова. № 3. 2013. С. 300-305; Вискалин А.В. Археологическое исследование укреплений Симбирска XVII века. // Под сенью Клио: межвуз. сб. науч. тр., посвящ. 355-летию Симбирска – Ульяновска и 60-летию образования Ульян. обл. – Ульяновск, 2003. С. 5-11; Он же. Археологические исследования заповедника «Родина В.И. Ленина» в 2000-2003 гг. // Государственный историко-мемориальный заповедник «Родина В.И. Ленина». Материалы первой научной конференции, посвященной ученому и краеведу С.Л. Сытину. – Ульяновск, 2004. С. 177-178.

[5] Государственный архив Ульяновской области (далее ГАУО). Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 74. Л. 6-7, 37, 45; Оп. 1. Д. 48. Л. 3-5. Нам не совсем понятна логика рассуждений А.Д. Ермолаева, когда он завершает Карсунскую линию на востоке не Карсуном (р. Барыш), а Уренем.

девым[1]. В.А. Гуркиным[2]. Они, а также наши измерения и подсчеты, позволяют принять протяженность Симбирской черты примерно в 100 км, а Карсунской – около 110 км. Карсунская черта закрывала от набегов кочевников междуречье Суры и Барыша, протяженностью около 86 км. Ее оборонительные сооружения дополнили еще укрепления у Аргаша[3], а также сложно выявляемые участки лесной засеки[4].

Подробных характеристик укреплений Симбирской и Карсунской черт периода их сооружения обнаружить не удалось. Именно поэтому для определения размеров и фортификационных особенностей крепостей (городов) и острогов этих двух черт историки, как правило, используют данные описания 1703 г. воеводы Симбирска П.М. Бестужева-Рюмина[1].

Отметим, что наиболее близкое по времени сооружению черт, представление о территории (и ее залесенности), на которой строились рассматриваемые черты, дают материалы описания местности 1700 г., а также карты и описания экспедиции полковника А.И. Свечина 1765 г.[6]

Приведем краткую характеристику Карсунской и Симбирской черт.

Основная часть **Карсунской черты,** прежде всего западная, начиная от от р. Суры, располагалась в зоне лесов и поэтому там преобладала «валежная засека» (как впрочем и по всей системе укреплений). Первоначально, в 1647 г., при Б.М. Хитрово ее рубили шириной в 40 сажен (86,4 м). В том же году новому воеводе Карсуна стольнику А. Волынскому было велено довести ее «глубину» до 100 сажен (216 м)[7].

[1] *Лебедев В.И.* Легенда или быль. По следам засечных сторожей. С. 34-35.

[2] *Гуркин В.А.* На берегах Русского Нила.

[3] *Лебедев В.И.* Легенда или быль. По следам засечных сторожей. С. 102; ГАУО. Ф. Р-3632. Оп. 1. Д. 48, 74.

[4] *Зерцалов А.Н.* Материалы по истории Симбирского края. XVII-го и XVIII-го вв. С. 22.

[1] РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 61-69.

[6] *Саначин С.П.* Экспедиция сенатской Комиссии Александра Свечина в Казанское адмиралтейство 1763-1765 годов и ее последствия. – Казань, 2018. С. 130-155; Гуркин В.А. На берегах Русского Нила. С. 77-78, 92-95.

[7] *Зерцалов А.Н.* Материалы по истории Симбирского края. XVII-го и XVIII-го вв. С. 17.

На черте были устроены два «города» (Карсун и Аргаш) и четыре острога (Сурский, Тальский, Сокольский и Малый Корсунов)[1]. Распределяя укрепленные пункты по черте, строители не пытались следовать принципу равноудаленности их друг от друга. Расстояние между ними, прежде всего, зависело от характера местности, ее залесенности, сложностей при ее защите и т.д. В зоне крупных лесных массивов между крепостями и острогами допускались значительные разрывы. Крепости-«города» имели более мощную защиту, их стены были «рублены в тарас». Деревянные укрепления Аргаша и, возможно, Карсуна возводили из сосны. Б.М. Хитрово отчитываясь об укреплениях Карсуна, сообщал: «... а покрыт город в две тесницы, да в город *(обрыв)* ... зделано казенной погр *(обрыв)*, да приказная изба и воиводцкой двор, да тюрьма»[2].

В описания 1703 г. П.М. Бестужева-Рюмина о городе говорится весьма кратко: «рублен в тарасы», имеет шесть башен, протяженность стен – 177 на 78 м.[3] Несколько меньшими размерами отличался Аргаш, также защищенный шестью башнями. Он имел форму неправильного четырехугольника с двумя стенами в 140 и 104 м и остальными двумя – примерно по 60 м.[4]

Жилые остроги строили «стоячими», из дубовых бревен. По своим размерам они существенно отличались друг от друга (Сурской – 93 на 193 м., Тальский – 47 на 84 м, Малый Корсунов – 93 на 89 м.)[5]. Сведения о Сокольском остроге отсутствуют. Какими причинами было обусловлено такое разнообразие конфигурации укреплений, сказать сложно. Данные о размерах засеки, параметрах и профилях вала, рва и времени их строительства, отсутствуют[6].

Симбирская черта прикрывала пространство междуречья Барыша и Волги. На всем ее протяжении лесов было немного, поэтому засеку на большинстве участков заменяли валы и рвы. В 1648-

[1] Там же. С. 22.

[2] Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее НИА СПб ИИ РАН). Ф. 110. Д. 46. Л. 1.

[3] РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 66-68.

[4] РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 67-об.

[5] Там же, л. 66-65.

[6] *Зерцалов А.Н.* Материалы по истории Симбирского края. XVII-го и XVIII-го вв. С. 17.

1654 гг. здесь на протяжении около 100 км были построены г. Симбирск, а также Юшанский и Тагайский остроги. Еще один острог – Уренский – в делопроизводстве XVII в. часто называли «городом». Данные источников о его размерах существенно отличаются друг от друга. Например, в строельных книгах об Урене пишут так: «Около землянаго города Уренска, для крепости, обе стороны оставили острогом: около города на 267 саженях, в городе на 241 сажени, всего на 508 саженях, и поперечными связями укрепили: ширина городу 2 сажени; на город сделали 8 лесниц»[1]. Очевидно, речь идет о двух линиях частокола, соединенных «поперечными связями». В любом случае, это были достаточно значительные параметры даже для крепости: в переводе на метры – 577 на 521 м, всего около 1097 м. Однако В.Н. Поливанов сообщает о городке, окопанном валом и рвом протяженностью примерно 110 на 56 м. «Опись...» же П.М. Бестужева-Рюмина 1703 г. об Урене свидетельствует так: «Огорожен двумя остроги дубовыми, по мере двои стены по 66 сажен, другие двои стены по 36 сажен. В том остроге 6 башен, в том числе 2 башни проезжие...» (примерно 143 на 78 м)[2]. При этом Урень был достаточно крупным укрепленным пунктом. В его гарнизоне на 1661-1663 гг. числилось 897 стрельцов и казаков.

Самым мощным оборонительным сооружением черты, возведенным на правом высоком берегу Волги, являлся Симбирский «город», ставший центром нового уезда. П.М. Бестужев-Рюмин сообщал о нем следующее: «До 206-го (1697/98 г. – *Э. Д.*) году тот город строенье было все деревянное, по мере вкруг того города по рву стен и башен 415 сажень с аршином (более 897 м. – *Э. Д.*), круг города ж ров в глубину 3, в ширину по верху 5 сажен (соответственно 6,48 и 10,8 м. – *Э. Д.*), городового места вдоль – 90 сажен, поперег – 83 сажени (соответственно, около 194 и 180 м. – *Э. Д.*).

Большого города кругом до кремля по мере 1033 сажени (более 2231 м. – *Э. Д.*), в том числе болшого города осталось после пожару 206-го году дубовои стены с выпускными косыми тарасы,

[1] *Мартынов П.* Книга строельная города Синбирска. С. 92.

[2] *Лебедев В.И.* Легенда или быль. По следам засечных сторожей. С. 36; РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 65-об.

рублен в лапу, и стоячим острогом 513 сажен (1108 м. – *Э. Д.*), да 9 башен дубовых и сосновых»[1].

В нашу задачу не входит реконструкция Симбирска как крепости и интенсивно развивающегося в экономическом и социальном отношении города. Отметим лишь, что именно он и Саранск отличались своими размерами и военно-административной значимостью среди других крепостей-«городов» восточного фланга оборонительной системы, выстроенной во второй половине 1630-х – середины 1650-х гг.[2]

Тагайский (со сторонами около 120 м) и Юшанский (примерно в 56 м каждая сторона) стоячие остроги имели квадратную форму, но значительно отличались по своим размерам[3].

В отличие от Карсунской черты, на Симбирской преобладающим типом укреплений являлись земляные валы и рвы, как правило, с частоколом по верху. В октябре 1670 г. при передаче своих полномочий, симбирский воевода И.Б. Милославский писал: «Да премеж Синбирска и Юшанска два места горелово валу и заделано плетнем и насыпано землею в связах дубовых. Да горелого ж валу меж Юшанска и Тагаева, да заставлено новым тыном»[4]. Скорее всего, укрепления, построенные в конце 1640-х – начале 1650-х гг., возобновлялись в том же виде.

В уже цитируемой выше строельной книге[5] дана красноречивая характеристика черты: «... во рву худыя и осыпныя места для крепости плетнями закреплены, а на русскую сторону ставлен столб, и поверх землянаго вала острог и столбы укреплены поперечными связями; а меж острогом и валом, для крепости, кладено по бревну, а сверху и споди те бревна закладываны дерном; а

[1] РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 61.

[2] *Дубман Э.Л.* Некоторые особенности формирования города-крепости Симбирска в середине XVII – начале XVIII в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 2 (50). С. 8-12.

[3] РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 64-об.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 28. Л. 136.

[5] Для удобства мы будем называть строельные книги по основным годам составления, например, в данном случае, – 1653-1654 гг.

острог и столбы поставлены и связи кладены дубовые и бои по острогу с вала учинены».

В низких местах, где стояла вода, копать ров и насыпать вал было трудно. Поэтому строители линии «... на речках и на болотах и на ржавцах, на прежние тарасы нарубили вновь тарасами же... и на каменистых местах для крепости тарасы острогом оставили...»[1]. Расстояния между отдельными оборонительными сооружениями существенно различались и составляли от 17 до 22 и 23 км. Странным выглядит слишком большое расстояние между Симбирской крепостью и Юшанским острогом, достигавшее 35 км.

Обследование сохранившихся земляных укреплений Юшанского, Тагайского и Уренского острогов Симбирской черты и Малого Корсунского острога Карсунской черты показывает, что они по углам имели земляные больверки[2]. Очевидно, что такие укрепления были возведены в период строительства данных черт. Об этом свидетельствует и строельная книга симбирского воеводы П.А. Измайлова, судя по которой в «угольных земляных башнях» были устроены 4 деревянные башни[3].

Вероятнее всего, деревянные укрепления Карсунской и Симбирской черт по своим конструктивным особенностям были близки аналогичным сооружениям европейского Юга, по которым имеются достаточно близкие к реальности реконструкции исследователей[4].

[1] *Мартынов П.* Книга строельная города Синбирска. С. 92.

[2] *Лебедев В.И.* Легенда или быль. По следам засечных сторожей. С. 104, 106; ГАУО. Ф. Р-3632. Оп.1. Д. 48, 74; Гуркин В.А. На берегах Русского Нила. С. 54-57.

[3] *Мартынов П.* Книга строельная города Синбирска. С. 93.

[4] *Загоровский В.П.* Белгородская черта. С. 77-85; Крадин Н.П. Русское деревянное оборонительное зодчество. – М., 1988. С. 9-36, 52-50; Русское градостроительное искусство. Градостроительство Московского государства XVI-XVII веков. / Под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. – М., 1994. С. 59-87; Каримов Г.А. Крепости Коротояк и Острогожск в XVII веке. // Воронежский край на южных рубежах России (XVII-XVIII вв.). – Воронеж, 1981; и др.

2.5. Закамская черта XVII века

В конце сороковых годов XVII в. в основном определились географические контуры Белгородской черты[1] и завершалось сооружение Симбирской черты. К этому времени, видимо, относится и возникновение идеи о сооружении укрепленной линии в Закамье.

За Волгой продолжением Симбирской черты стала Закамская черта, построенная в 1652-1655 гг.[2] В научную литературу термин «Закамская черта» был введен в конце XIX в. русским историком, профессором Г.И. Перетятковичем, который впервые подробно исследовал историю русской колонизации Поволжья. В изученных им архивных документах – Писцовых книгах Казанского уезда XVII в. – данная укрепленная линия называлась «Закамской чертой», иногда – «Казанской чертой»[3].

В отличие от европейской части страны, где названия укрепленных черт были привязаны к городам, ввиду отсутствия здесь крупных русских форпостов, было использовано чисто географическое название. Термином «Закамье» в исторической литературе принято обозначать земли, прилегающие к реке Каме с востока и юга на ее среднем и нижнем течении. В данном случае это – левобережье нижнего течения р. Камы, ограниченное с западной стороны р. Волгой, с востока – р. Ик, а с юга – р. Большой Черемшан. В X-XIII вв. эти земли являлись центральной частью Волжской Булгарии.

Российское государство, овладев после падения Казани и Астрахани всем волжским водным путем, не сразу приступило к целенаправленному освоению прилегающих к Волге территорий. До сооружения Тетюшской засечной черты в 1571 г. главными опорными пунктами на востоке являлись города Казань, Свияжск и построенная в 1557 г. Лаишевская крепость. Вскоре после разгрома Сибирского ханства, в 1586 г., была построена Уфимская крепость.

[1] *Загоровский В.П.* Белгородская черта. С. 73-74.

[2] *Буканова Р.Г.* Закамская черта XVII века. – Уфа, 1999. 162 с.

[3] *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII века (Очерки истории колонизации края). – Одесса, 1883. С. 139-166.

Для такого обширного региона как заволжские и закамские территории городов-крепостей было недостаточно, как и военно-служилого контингента для их заселения. Поэтому преимущественно шла дворцово-крестьянская колонизация, которая началась с основания дворцового села Оса (1591 г.) в районе среднего течения р. Камы. Постепенно, к началу XVII в. вокруг крепостей формируются административные единицы – уезды, а Оса становится крепостью и центром Осинской дворцовой волости.

Хотя территориальные границы уездов XVII в. не всегда поддаются точному определению, источники первой половины XVII в. свидетельствуют о том, что р. Шешма, впадающая в Каму, служила естественным рубежом между Казанским и Уфимским уездами. Западная часть Закамья, прилегающая к р. Волге, в документах называлась «ногайской стороной» Казанского уезда; земли к востоку от р. Шешмы относились к Уфимскому уезду и, напротив, называлась «казанской дорогой» Уфимского уезда. Деление Башкирии на Казанскую, Ногайскую, Сибирскую и Осинскую «дороги» учитывалось царской администрацией и в XVIII веке[1].

При изучении истории укрепленных линий необходимо обратить внимание на два предмета обсуждения:

1) объективные предпосылки и цель возведения оборонительных сооружений;

2) их местоположение.

Обоснование географического местоположения особенно важно для Закамской черты, так как она была построена не на самой границе Российского государства и явилась внутренним фронтиром в Волжско-Уральском регионе.

Предпосылкой для строительства укрепленной линии в Закамье послужило целенаправленное государственное освоение закамских земель, которое развернулось после восшествия на престол Алексея Михайловича. Так, в середине 40-х годов XVII столетия в уфимской части Закамья появились отдельные крепости

[1] *Буканова Р.Г., Баранова Е.С.* Феномен персистентности в проведении губернской реформы Петра I в Урало-Сибирском регионе. // Аграрное и земельное право. № 10 (214). 2022. С. 4-6.

Мензелинск и Шешминск, которые, согласно дворцовым разрядам от 1 сентября 1651 г., вместе с крепостями Тетюши, Лаишев, Оса, Малмыж, Арск, Алатырь, Ахтачинск, приписанными к Казани, выполняли оборонительные функции[1]. В 1650 г. приобретает функцию крепости дворцовое село Чалны, основанное в 1626 г.

Как показывают источники, необходимость усиления военного присутствия в Закамье была обусловлена нарастанием внешней угрозы. Многочисленные воинственные калмыки, занявшие в 30-х гг. XVII в. Волжско-Эмбинское междуречье и усилившиеся за счет подчинения Большой Ногайской орды, в середине XVII в. беспрепятственно совершали вооруженные набеги на закамские земли, уже включенные к тому времени в общехозяйственный оборот. Ахтачинск, Шешминск и Мензелинск, а также Чалнинская крепость, построенная на месте одноименного дворцового села, предназначались «для обереганья от приходу калмыцких и ногайских воинских людей»[2].

Кроме калмыков и ногайцев некоторые авторы к «воинским людям» относят башкир, каракалпаков и даже киргиз-кайсаков (современных казахов). Это не так. Во-первых, в середине XVII в. казахи и каракалпаки не являлись непосредственными соседями России. Казахи появляются у российских границ только в начале XVIII в. Что касается башкир, то они с конца 50-х гг. XVI в. являлись подданными Российского государства, но в периоды восстаний (под предводительством С. Т. Болотникова, башкирского восстания 1662-1664 гг. и др.) они, действительно, нападали на крепости Закамской черты. Но зачастую и сами мелкие служилые люди крепостей Закамской черты становились участниками народных волнений.

Многокилометровые оборонительные сооружения строились для защиты от внешних врагов, а не от народных волнений. Даже спустя много лет о цели их поселения на Закамскую черту жители Еры-

[1] Дворцовые разряды. Т. 3. 1645-1676 г. – СПб.: Типография Его Императорского Величества канцелярии, 1852. С. 277-279.

[2] Акты археографической экспедиции. Т. 4. № 2. – СПб., 1836. С. 1-2; РГАДА. Ф. 1173. Д. 139. Л. 1.

клинска, одного из бывших крепостей на Закамской черте, говорили, что они были переведены «в пригородок Ерыклинск служить солдацкую службу для обережи от татарского и калмыцкого приходу»[1].

Период активной борьбы с калмыками относится ко второй половине сороковых годов XVII в.[2] К середине XVII века Российское государство имело значительный опыт борьбы со степными народами. Как показывал опыт строительства Белгородской черты, наиболее эффективным мероприятием в плане обороны от набегов кочевников и наступления на степь оказалось сооружение непрерывной системы укреплений. Новая укрепленная линия в Закамье должна была не только защитить освоенные русским населением области от набегов внешних неприятелей, калмыцких тайшей и ногайских мурз, но и привести к изменению общей политики московского правительства на юго-востоке страны. Этот период характеризуется бурным ростом экономики России, развитием торговли и предпринимательства. Возникает необходимость хозяйственного освоения природных богатств Волжско-Уральского региона. Укрепленные «черты» XVII века и «линии» XVIII века изначально должны были способствовать решению нескольких задач: оборонительной, демографической, экономической.

Активную роль в подготовке, а также в начальный период сооружения укрепленной линии сыграл видный деятель правительства Алексея Михайловича боярин Н.И. Одоевский. Он был хорошо осведомлен о политическом положении в Заволжье и, кроме того, имел значительный опыт работы на строительстве укрепленной линии. В 1640-1642 гг., в разгар борьбы с калмыками, Н.И. Одоевский был воеводой в Астрахани[3]. Спустя несколько лет, в 1646 г., он принимал деятельное участие в сооружении Белгородской черты. В то время он уже был воеводой большого дворянского полка,

[1] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 159. Л. 224-об.

[2] *Буканова Р.Г.* Башкиры в системе русско-ногайских, русско-калмыцких и русско-казахских отношений во второй половине XVI – первой трети XVIII вв. // «Ватандаш», № 6. 2010. С. 36-51.

[3] *Барсуков А.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского правления Московского государства XVII столетия. – СПб., 1902. С. 9.

разместившегося в Ливнах. Летом 1646 г. правительство впервые решило использовать дворянские полки для строительства укреплений на Белгородской черте, в частности, для сооружения земляного вала между Белгородом и Карповом, поперек Муравской дороги. Руководство земляными работами было возложено на Н.И. Одоевского. На этом посту он пробыл до 1647 г.[1], а в 1651 г. был назначен первым воеводой г. Казани. Ко времени воеводского правления Н.И. Одоевского и относится начало сооружения Закамской черты.

Очевидно, сразу после прибытия в Казань Н.И. Одоевский отправил в Закамье для изучения местности и составления плана будущей черты команду из казанских служилых людей и местных жителей. В прошении одного из участников этой экспедиции, чуваша И. Меличева, написанном им в 1653 г., говорилось: «Тому, государь, третий год, по твоему государеву указу ездили для чертежу казанцы Степан Змеев да Григорий Львов, а мы, сироты твои, у тово чертежу были в вожах»[2].

Как свидетельствует данный документ, в 1651 г. казанским служилыми людьми С. Змеевым и Г. Львовым был составлен план будущей укрепленной линии. Н.И. Одоевским он был отослан в Москву, в приказ Казанского дворца. Там план одобрили и в 1652 г. прислали обратно. В сопроводительной грамоте говорилось: «Устроить городы и жилые и стоялые остроги, и всякие засечные, земляные, и деревянные крепости от Волги реки и до Ику, и вниз и до Камы против росписи и чертежу, по расмотрению, в которых местах городом и острогом, и засечным крепостям быть пристойно»[3].

Таким образом, Закамская черта сразу начала строиться по предварительно составленному чертежу как единая система укреплений. На Белгородской черте, как известно, идея создания единой системы укреплений возникла уже в ходе строительства от-

[1] *Загоровский В.П.* Указ.соч. С. 120-121.

[2] Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. Т. 1. – Казань, 1859. С. 44.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 18-об.-19.

дельных самостоятельных участков поперек основных татарских дорог, которые впоследствии были соединены между собой в одну непрерывную линию[1].

Руководство строительством черты, а в дальнейшем управление всей ее территорией, было сосредоточено в г. Казани. В частности, в 1652 г. в распоряжение казанских воевод было передано с. Чалны с деревнями и починками, находившееся на территории Уфимского уезда. «А на Уфе того села Чалны и деревни крестьян, и бобылей, и стрельцов ни в чем не ведать», – писали из Москвы уфимскому воеводе Ф. Милославскому[2].

Закамская черта строилась на протяжении четырех лет. Сооружение новой черты началось летом 1652 года и было закончено осенью 1655 года. 10 декабря 1655 г. новый казанский воевода М.М. Салтыков сообщал в Москву, что по «Казанской черте валовое, и надолбное, и засечное дело до Ику реки подымовными людьми сентября по 22 число... 164 году сделано все»[3].

В истории сооружения Закамской черты можно выделить два периода. Первый период характеризовался одновременным возведением укреплений на всем протяжении черты от р. Волги до р. Ик. Основные инженерные работы на черте были выполнены во время воеводского правления Н.И. Одоевского, летом и осенью 1652 г. Об этом косвенно свидетельствует челобитная И. Меличева, где сказано, что в 1652 г. брали «в степь, в роботу, в деловые люди, с трех дворов», а через год для работы на черте требовалось уже меньше людей – по одному человеку «со шти дворов»[4]. В феврале 1653 г. Н. И. Одоевского сменил новый воевода – М.М. Салтыков, но никаких изменений в ходе сооружения Закамской черты в этом году не произошло. Поэтому мы считаем возможным датировать первый период сооружения черты 1652-1653 годами.

Второй период строительства Закамской черты охватывает 1654-1655 годы. В этот период предпринимаются дополнительные

[1] См.: *Загоровский В.П.* Указ. соч. С. 73-74.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 239-об.-240.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 52.

[4] Акты ..., собранные С. Мельниковым. Т. 1. С. 44-45.

меры по укреплению черты, изменяются географические контуры восточной ее части. В 1654 г. был укреплен участок между Тиинским острогом и Новошешминской крепостью. В 1655 г. была реорганизована восточная часть черты в районе Мензелинской крепости. Если первоначально черта шла севернее Мензелинска, то после перестройки черта прошла южнее крепости; под ее защиту вошли новые земли. В 1655 г. окончательно определились географические контуры Закамской черты.

Заключительный этап сооружения Закамской черты был непосредственно связан с деятельностью М.М. Салтыкова на посту казанского воеводы. При нем же, в начале 1656 г., в казанской воеводской канцелярии была составлена строельная книга новой укрепленной линии.

К сожалению, документы не дают конкретных сведений о строителях Закамской черты. По всей вероятности, ими были мелкие служилые люди Казанского и Уфимского уездов, а также представители местного нерусского населения. За сравнительно короткий срок на расстоянии сотен километров ими были воздвигнуты новые крепости, валы, сделаны засеки и поставлены надолбы. В обязанность местных жителей входили также содержание и ремонт укреплений. Все это тяжелой повинностью ложилось на плечи феодально-зависимого населения. Документы сообщают о случаях отказа людей от работ, о просьбах рядовых строителей черты освободить их от непосильного «валового дела»[1]. Не многим лучше была доля русских дворцовых крестьян и мелких служилых людей, насильственным путем переселенных на черту.

В 1658 г. черта была осмотрена казанским служилым человеком Н. Гладковым. В результате осмотра им была составлена «дозорная книга» – подробнейшее описание западной половины Закамской черты от р. Волги до Новошешминской крепости. Если строельные книги составлялись казанскими дьяками на основании различных справок и имевшихся под рукой документов, то «дозорная книга» Н. Гладкова отражала реальное положение, сложившееся

[1] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 52-53-об.

на черте к 1658 году. Поскольку основными документами, по которым можно дать последовательные описание Закамской черты, являются как строельные, так и дозорные книги, то географическое описание ее следует привязать ко времени составления этих книг – к 1656-1658 годам.

Кроме того, в 30-х гг. XVIII в., в связи с возобновлением интереса к восточным окраинам государства, было составлено немало карт и схем. Наиболее ценным источником оказалась карта 1735 г. составленная подпоручиком артиллерии Лукой Галафеевым[1]. Обозначенные на ней контуры – «знак старого вала и старой засеки» – повторяются на другой карте первой половины XVIII века, хранящейся в РГАДА под названием «Карта укреплениям по Закамской линии»[2].

Оригинальным и не менее важным источником для уточнения некоторых деталей и картографического решения вопроса является статья М.И. Иванина, написанная в середине XIX века на основании личного осмотра и измерений остатков укреплений Закамской черты XVII в. и новой Закамской линии XVIII в.[3]. Описание линий, сделанное Иваниным, удивительно точно совпадает со схематическим изображением остатков укреплений на карте 1735 г. Это дает нам основание предположить, что М.И. Иванин был хорошо знаком с картографическими источниками.

Условно Закамскую черту можно разделить западную (от р. Волги до Новошешминской крепости) и восточную (от Новошешминской крепости до р. Ик) части. Такое деление представляется целесообразным как с точки зрения физико-географической характеристики местности, так и ведомственной. Территория к востоку от р. Шешмы и крепостей Шешминск и Новошешминск шла по возвышенной местности, традиционно входила в состав Уфимского уезда и находилась под защитой уфимских воевод. Равнинная западная часть Закамья чаще подвергалась нападениям со

[1] РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2277.

[2] РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Д. 13. Карта укреплениям по Закамской линии.

[3] *Иванин М.И.* Описание Закамских линий. // Вестник Русского географического общества. Ч. 1. Кн. 2. 1851.

стороны кочевников. Условия местности здесь во многом определили историю заселения края, выбор видов укреплений при строительстве Закамской черты, а также ее контуры.

Первым городком на Закамской черте, если рассматривать ее в направлении с юго-запада на северо-восток, был Белый Яр. Он находился выше устья р. Большого Черемшана, примерно в 150 м от р. Волги. На плане он представлял собой неправильный четырехугольник с периметром, равным 564 саженям[1]. Крепостные стены были сделаны из тарасов, шириною в сажень, на них был поставлен стоячий острог. Высота стены вместе с тарасами составляла 2 сажени с аршином. Городовой острог имел кровлю из теса, установленную на «бабках», с наклоном в загородную сторону. На определенной высоте от земли, на бабках же, были сооружены «лавы» – помосты для верхнего боя[2].

Тарасы были наиболее распространенным типом деревянных сооружений на Закамской черте. Они представляли собой конструкцию из двух параллельных бревенчатых стен, соединенных между собой поперечными стенами. «Клетки», образуемые поперечными стенами, обычно наполнялись землей.

В состав крепостных укреплений входили башни: проезжие и глухие. В городке было три башни с проезжими воротами, расположенные с «казанской», «волжской» и «бушуйской»[3] сторон. Они были четырехугольными, со смотровыми вышками наверху. Длина каждой их четырех стен башен равнялась 4 саженям (8,5 м). «Степная, средняя» четырехугольная башня была меньше остальных по размерам и не имела ни проезжих ворот, ни вышки.

Башни, выстроенные по углам, были глухими, восьмиугольными, с обламами. Облам – это выступ, навес над стеной, прикрытый снаружи еще одной защитной стенкой из нескольких рядов бревен или брусьев, в которой обычно прорубались бойницы. Высота ба-

[1] В ходе строительства Закамской черты была использована трехаршинная московская сажень, равнявшаяся 2,13 метрам. Версты были тысячесаженными. Верста равнялась 2,13 км.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 19-19-об., 58-об.

[3] Бушуйка – левый приток р. Волги, впадавший в нее южнее Белого Яра.

шен Белого Яра была примерно одинаковой: высота стен до обламов – 5 саженей, обламы – 1 сажень, шатер до вышки – 4 сажени, на некоторых из них имелась вышка, равнявшаяся двум саженям. Общая их высота составляла примерно 12 саженей (свыше 25 м). Вокруг городка на расстоянии двух саженей от стен был выкопан ров.

В Белом Яре находились административные здания, церковь, а также несколько жилых дворов, принадлежавших стрельцам и церковнослужителям. Кроме того, у трех проезжих ворот были поставлены «караульни», имелись казенный «выходной» погреб и колодец с дубовым срубом. Вооружение Белого Яра состояло из трех медных и двух полковых пищалей.

Гарнизон крепости был составлен из разных категорий мелких служилых людей. Сразу же после сооружения крепости, в 1652 году в Белый Яр были переселены с семьями 100 конных казаков и 19 стрельцов из Лаишева, а также 29 конных служилых полоняников из Тетюш. Здесь же было поселено 9 ссыльных людей[1]. Все они были размещены около крепости, в защищенных надолбами слободах. Служилых людей, переселенных на Закамскую черту, предполагалось наделить пашенными землями и сенными покосами. Однако свободных земель близ города не оказалось. Белоярские стрельцы и конные казаки не были наделены землей[2]. Они получали лишь денежное и хлебное жалованье.

Пространство между р. Волгой и крепостью Белым Яром было перекрыто двойными надолбами, а от противоположной угловой башни стоячим острогом начиналась собственно черта. От Белого Яра до Тиинского острога черта шла почти параллельно реке Большой Черемшан. В низовьях эта река служила надежной защитой на путях калмыцких и ногайских набегов. В XVIII веке ширина ее в разлив доходила до 1500, а в устье реки – до 2500 саженей[3].

На правой стороне Большого Черемшана простиралась равнинная, в основном, открытая, без больших озер, болот и замет-

[1] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 21-об.-22.
[2] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 66.
[3] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 14.

ных возвышенностей местность[1]. Эти природные особенности были учтены строителями Закамской черты. В восточном направлении от Белого Яра почти на расстоянии 30 км тянулся тарасный вал, который являлся самым длинным валом на черте. На валу, на разном расстоянии друг от друга были сделаны особые укрепления: городки и выводы. Городками назывались выдвинутые вперед, за линию вала, земляные укрепления (в данном случае – сделанные из тарасов, засыпанных землей), четырехугольные в плане, которые служили для отражения ударов неприятеля с флангов. Они почти не отличались от городков на южнорусской укрепленной линии[2]. «Выводы» (или, по Гладкову, башни) представляли собой деревянные конструкции, высотой в 8 саженей (17 м), наполненные землей. Около выводов тарасный вал, по-видимому, прерывался: «порозжева места межвалу в выводах» оставалось по 6 саженей[3].

Тарасный вал упирался в густой «черный» лес, через который была проложена засека. От конца вала до леса были поставлены надолбы, на наиболее опасных местах – семерные надолбы. Далее вновь шел тарасный вал, протяженностью в 2 версты 350 саженей (5 км), который заканчивался у Ерыклинской крепости стоячим острогом. На всем пространстве вдоль тарасного вала со стороны «поля» был выкопан ров. Общая длина этого участка от Белого Яра до Ерыклинской крепости равнялась 19 верстам 375 саженям, то есть 41 км.

Следующий опорный пункт на Закамской черте – Ерыклинск – был поставлен на р. Ерыкле, впадающей с севера в р. Большой Черемшан. Это был небольшой «городок», находящийся в лощине под горой. Общая длина его крепостных стен равнялась 194,5 саженям (более 400 м). В отличие от Белого Яра, имевшего рубленые стены, крепость была обнесена острожной стеной и рвом. Высота городового острога равнялась трем саженям, «по острогу для верхнего бою» были сделаны лавы.

[1] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18743. Л. 23-об.-24.
[2] *Загоровский В.П.* Белгородская черта. С. 176-177.
[3] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 23.

В Ерыклинске имелось шесть башен. Две башни были с проезжими воротами и вышками. В документах они называются «казанскими» и «ногайскими» или «степными» воротами. Остальные – угловые – башни были глухими.

Строители не всегда соблюдали указанные размеры укреплений. Башни Ерыклинского острога не соответствовали обычному стандарту, кроме того, по высоте и занимаемой площади они заметно различались между собой[1]. Небольшая высота наблюдательных башен позволяла просматривать местность лишь на расстоянии пяти верст от крепости. Но в каждой башне была установлена затинная пищаль, а над Казанскими проезжими воротами – вестовой колокол. Кроме затинной пищали в крепости имелась медная полковая пищаль.

В остроге находились: казенный двор для приказных людей, караульные избы около проезжих ворот, казенный погреб и двор пушкаря. Городок не вместил в себя церковь с дворами причта. Они были построены за крепостной стеной у северных проезжих ворот[2]. У Ерыклинска, «в черте, с двух сторон», находились две слободы конных казаков. По досмотру Н. Гладкова, в них было всего 133 двора. Всего служилых людей в Ерыклинском остроге насчитывалось 150 человек[3].

Все пространство от Ерыклинска до Тиинска, протяженностью свыше 45 км, почти сплошь было покрыто лесами. Это и определило выбор основного типа укреплений на этом участке – засеки. Засеки устраивались обычным способом: деревья рубились выше человеческого роста и валились стволом в сторону неприятеля. Деревья при этом оставались лежать на пне. Все это создавало непроходимую полосу[4]. На Закамской черте типичными были засеки шириной от 40 до 60 саженей. На открытых местах между лесными массивами на указанном участке были сооружены тарасные валы с обламами наверху. Вдоль вала шел ров. На наиболее опасных местах были поставлены тройные и девятерные надолбы[1]. Черта на данном участке оканчивалась тарасным валом, протяженностью около 2 верст (более 4 км), в северо-восточном направлении вновь на расстоянии полуверсты шел тарасный вал, остатки которого изображены на рисунках 3 и 4. Вдоль вала с южной стороны был сделан ров.

[1] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 25-26, 68-70.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 68-69.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 71-74-об.

[4] *Никитин А.В.* Оборонительные сооружения Засечной черты... С. 13.

В ходе полевой экспедиции в Закамье в 1979 г. нам удалось обнаружить остатки описываемых валов. Однако местные жители не знают об их происхождении, называя их «валами Степана Разина».

На берегу небольшой речушки Тия, впадающей с севера в р. Малый Черемшан, был расположен Тиинский острог. Во многом он был схож с Ерыклинским острогом, обнесен бескровельной острожной стеной и рвом. В крепости имелось шесть башен, две из которых были с проезжими воротами. Длина острожной стены, не включая башен, равнялась 189 саженям. В остроге находилась караульная изба, двор подьячего и двор пушкаря. Церковь, так же, как и в Ерыклинске, была расположена за крепостной стеной, у Казанских проезжих ворот. С «ногайской» стороны находилась главная башня городка с проезжими воротами и смотровой вышкой. Высота ее равнялась 12 саженям (25,5 м). С вышки просматривалось пространство на 7 верст вперед и на 5 верст вдоль черты. Против «Ногайской» башни через крепостной ров был перекинут мост, по обеим сторонам моста за рвом – поставлены надолбы. В башне находилась железная пищаль, установлен вестовой колокол[2]. Гарнизон Тиинской крепости состоял из конных казаков: «ахтачинских и чалнинских переведенцев» и смоленских шляхтичей отряда Белого знамени. Конные казаки были наделены землей в округе городка, шляхтичи же земельных наделов не имели. Они должны были получать за службу денежное жалованье. Как конные казаки, так и шляхтичи, были поселены в слободах[3].

В общих чертах все остроги на Закамской черте, за исключением Мензелинской крепости, возникшей раньше, были похожи

[1] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 27-29, 75-об.-77.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 30, 77-об.-80.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 80-об.

один на другой. Они различались лишь размерами и расположением укреплений и городских построек. Это понятно: все они возникли одновременно в ходе строительства черты по предварительно составленному плану и выполняли одинаковую функцию военно-сторожевого поста на окраине России.

От Тиинского острога черта шла по направлению к Новошешминской крепости. На этом участке черта пересекалась рекой Малым Черемшаном, которая течет с севера на юг и впадает в р. Большой Черемшан. До Малого Черемшана преобладающим видом укреплений была валежная засека. Её общая протяженность составляла 18 верст 310 саженей. Кроме валежной засеки на этом отрезке черты встречались тарасные валы; по болотистому месту на расстоянии 160 саженей были поставлены четверные надолбы. Расстояние от Тиинска до р. Малого Черемшана равнялось примерно 39 км.

Далее от р. Малого Черемшана почти до Новошешминской крепости тянулась лесная засека. Протяженность засеки равнялась 54 верстам 600 саженям (почти 116 км.) Описываемый участок был наиболее опасным на Закамской черте. Здесь через лес проходила «старая вотчинная дорога», известная ногайцам. Поперек этой дороги были поставлены тройные надолбы по два звена. Засека была проложена на 20 саженей шире, чем на других участках Закамской черты[1].

Тарасный вал, следующий за засекой, был сооружено ниже обычного. Это объяснилось тем, что он проходил по «старому татарскому валу» – так называются иногда в документах валы, сооруженные в период Булгарского государства.

Включение древних оборонительных сооружений в систему новой укрепленной линии не было новым явлением. Этот способ широко применялся при сооружении оборонительных линий XVI-XVII вв. От конца вала до р. Шешмы были поставлены тройные надолбы.

Новошешминск находился на правом, возвышенном берегу реки Шешмы. Прибрежная полоса от реки до острога – примерно 300 м – была перекрыта надолбами, тарасами и стоячим острогом.

[1] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 33-об.

Длина всего участка от Тиинского острога до Новошешминской крепости равнялась примерно 165 км.

На всем протяжении Закамской черты от р. Волги до Новошешминского острога мы встречаем различные типы инженерных сооружений. Там, где имелись естественные препятствия – густые леса, достаточно было сделать засеку. Открытые пространства перекрывались тарасными валами и рвом со стороны «поля», в сочетании с надолбами и стоячим острогом. На валах, по обыкновению, располагались городки и выводы, сооруженные из тарасов, наполненных землей.

Деревянные и земляные конструкции были подвержены разрушительному воздействию внешних вод и пожаров. Быстро высыхал и становился добычей огня срубленный лес в засеках. Дозорные книги Н. Гладкова, составленные лишь несколько лет спустя после постройки черты, указывают на наличие «худых, и полых, и горелых мест», а также «редких мест» в засеках. Н. Гладков отмечал, что рвы местами были занесены песком и осела земля в тарасах «по венцу, по два, и три, и больше». Еще до завершения строительства черты правительство одновременно начинает предпринимать меры по ремонту разрушенных мест[1].

Протяженность западной половины Закамской черты равнялась примерно 251 км.

Особенностью восточной половины Закамской черты было то, что данный отрезок укрепленной линии имел наибольшие изгибы, обусловленные, главным образом, физико-географическими особенностями местности, которая имела холмисто-увалистую поверхность, покрытую лесом. Реки, текущие с юга на север, имели крутые лесистые берега справа и пологие – слева. Крепости на восточной половине черты располагались, в основном, на возвышенных берегах рек. Преобладающим типом укреплений являлась засека.

Новошешминск, построенный на горе, был окружен двухсаженной острожной стеной с помостом для верхнего боя. Вокруг крепости, в двух саженях от острожной стены, был выкопан ров. Крепость занимала площадь около 1,5 га. Она имела четыре угло-

[1] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 52-53.

вых и две проезжие башни, расположенные с «казанской» и «ногайской» сторон. Вооружение города состояло из 12 различных пищалей с боеприпасами. Для предупреждения населения об опасности в одной из башен находился вестовой колокол. Население состояло из 100 переведенных сюда старошешминских стрельцов, 50 бывших чалнинских крестьян и смоленских шляхтичей. Все, кроме шляхтичей, после переселения на черту сразу же были наделены пашенной землей и сенными покосами. Смоленские шляхтичи были наделены землей лишь в 1673 г.

К востоку от угловой башни Новошешминской крепости шла острожная стена, соединившая крепость с небольшим по протяженности тарасным валом. Вал был с городком и выводом. Вдоль него со степной стороны был вырыт ров. Дальше шла лесная засека, восполняемая кое-где на полянах тарасными валами. От конца засеки до Кичуевского острога, расположенного у р. Кичуя, притока р. Шешмы, был сооружен тарасный вал.

Кичуевск был стоялым острогом. Он был окружен тыном из бревен и предназначался для временного пребывания в нем служилых людей. В остроге было сооружено четыре башни (две из них имели проезжие ворота) и два вывода. Против степных проезжих ворот через ров был перекинут мост. По осторожной стене были сделаны лавы и скат в загородную сторону. Вооружение состояло из одной полковой пищали. Постоянного населения в Кичуевском остроге не было. Здесь стояли попеременно по 50 казанских стрельцов[1].

Далее за Кичуевским острогом был сооружен тарасный вал, протянувшийся через долину р. Кичуя и примыкавший на другой стороне реки к валежной засеке. Валы близ Кичуевского острога были описаны М.И. Иваниным. «Поперег долины р. Кичуя, версты на 3, идет вал до леса, лежащего на правом берегу этой реки, – писал он. – При пересечении большой дороги, идущей из Бугульмы в Казань, с валом сим видны остатки редута... внутри его, сажень на 5 отступя от бруствера, находится ров, неизвестно для чего

[1] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 40.

вырытый»[1]. Очевидно, это были остатки Кичуевского стоялого острога. Длина данного отрезка черты от Новошешминской крепости до Кичуевского острога с учетом изгибов составляла примерно за 20 км.

От реки Кичуя до Заинской крепости на протяжении около 30 км шел лес, кое-где пересекаемый долинами рек и болотистой низменностью. Природные условия определили типы сооружений на этом участке. Засека здесь иногда чередовалась с тарасными валами с обламами и тройными надолбами на болотистых местах. Дойдя до р. Зай, черта поворачивала на юг и примерно на расстоянии 5 км шла вдоль реки. Здесь естественные препятствия тесно переплетались с искусственными заслонами. Засеки шириной в 7-8 саженей чередовались с тройными надолбами. Имелись и «порожжие места промеж лугов», против которых на противоположной стороне реки была проложена валежная засека. Протяженность черты от Кичуевского острога до Заинской крепости, по данным строельных книг, равнялась примерно 50 км.

Против Заинской крепости через р. Зай был перекинут мост. На горе в 279 саженях (около 600 м) от моста находился Заинский городок. Заинск неслучайно назывался в источниках «городом», – он был рублен «тарасами», имел 6 башен, в том числе 2 башни с проезжими воротами. Башни и город были «рублены в сосновом лесу и крыты башни тесом, а город – драниками»[2].

Заинская крепость была расположена на излучине, образуемой реками Заем и Ирней[3] и имела надежную природную защиту. Такое положение крепости учли строители черты. Вокруг нее не было рва, а располагались слободы, защищенные с внешней стороны двойными надолбами. Первоначально в них проживало 100 семей стрельцов, впоследствии сюда были поселены смоленские шляхтичи в количестве 81 человек.

К востоку от Заинской крепости начинался сплошной лесной массив, покрывающий отроги Бугульминско-Белебеевской возвы-

[1] *Иванин М.И.* Указ. соч. С. 58-59.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 42-об.

[3] Ирня – приток р. Зай; так в XVII в. называлась р. Лесной Зай.

шенности. М.И. Иванин отмечал, что лес простирался от Заинска в направлении Мензелинска верст на 90. Рельеф местности, имеющей местами 242 метровую высоту, не позволял вести черту прямо. Поэтому Закамская черта в районе Заинской крепости делала резкий поворот к югу. Сначала до горы на расстоянии 200 саженей (более 420 м) шла неширокая засека, а от горы по «черному» лесу на 12 верст 300 саженей (26 км) тянулся лесной завал. От конца засеки через долину р. Ирни (притока р. Зай) был возведен тарасный вал с обламами. Этот вал был изображен также на картах начала XVIII в. и описан М.И. Иваниным. Длина его равнялась полутора-двум километрам. За рекой, на валу, находилась проезжая башня с караульной вышкой. Через ров в этом месте был перекинут деревянный мост, а кое-где ров вдоль тарасов был заменен двойными надолбами[1]. Далее черта под острым углом поворачивала на северо-восток и шла по водоразделу по направлению к реке Ику.

Вся эта часть Закамской черты состояла, в основном, из валежной засеки. Лишь в одном месте, примерно в 30 км к западу от р. Малой Ашпулы, северного притока р. Мензелы, был сооружен на поляне тарасный вал с городком, местами чередующийся с валежной засекой. По определению М.И. Иванина, длина этого вала равнялась примерно 3 км. От р. Малой Ашпулы до р. Ик черта шла почти параллельно р. Мензеле. Этот отрезок черты начинался небольшим тарасным валом в редком дубовом лесу, а за валом, через сплошной лесной массив, вплоть до р. Ик была проложена валежная засека. Расстояние от р. Малой Ашпулы до р. Ик равнялась примерно 7 верстам (15 км).

В строельных книгах протяженность засеки от р. Ирни до тарасного вала определяется в 54 версты 420 саженей, а от вала до р. Малой Ашпулы – в 14 верст 750 саженей. Сумма их составляет 69 верст 170 саженей, то есть, свыше 147 км. Общая же протяженность черты от Новошешминской крепости до р. Ик в ее первоначальном виде, по подсчетам составителей строельных книг, исчисляется в 130 верст 93 сажени (свыше 276 км). Эта цифра сильно

[1] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 44.

завышена и потому требует проверки. В определении протяженности валежных засек переписчики и дозорщики легко могли допустить ошибку: длину засек было трудно измерить; кроме того, засека могла идти не одной вытянутой линией, а местами располагаться параллельно идущими рядами небольших по протяженности засек.

Достоверность приведенных данных можно проверить по современной карте. Расстояние от Новошешминска до р. Ик по современной карте равняется примерно 138 км. Изгибы и повороты черты могли увеличить это расстояние не более, чем на одну треть. Так, например, протяженность Белгородской черты по современной мелкомасштабной карте равняется 600 км, а в действительности ее общая протяженность составляла 800 км.[1] Следовательно, длина Закамской черты от Новошешминска до р. Ик не должна была превышать 184 км. Если же из этого числа вычесть расстояние от Заинска до Новошешминска (70 км), то получим расстояние от Заинска до р. Ик. Протяженность данного отрезка черты в ее первоначальном виде равнялась 114 км.

На расстоянии полутора километров от р. Ик черта пересекалась дорогой, которая в документах называется «мензелинской», иногда – «большой уфимской дорогой». В документах XVIII в. она называется также «большой столбовой дорогой»[2]. Эта дорога шла через Мензелинск и соединяла Уфу с Казанью. Она являлась важнейшим средством сообщения между центральными уездами России и Уфимским краем. На пересечении большой уфимской дороги и Закамской черты была построена проезжая башня. От нее «по дороге в степь, за черту», в 3 верстах 593 саженях (примерно 7,6 км) находилась Мензелинская крепость[3].

Мензелинск первоначально оставался за Закамской чертой и в систему ее укреплений не входил. Однако с самого начала строительства Закамской черты он рассматривался как важнейший укрепленный пункт на ней. Поэтому одновременно со строитель-

[1] *Загоровский В.П.* Белгородская черта. С. 3.
[2] РГВИА. Ф. ВУА. Д. 22145.
[3] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 46.

ством черты была укреплена и Мензелинская крепость: к старому острогу был пристроен новый острог.

В исторической литературе полной ясности о времени основания Мензелинский крепости нет. До последнего времени существовало мнение, что Мензелинский острог был построен в 1584-1586 гг.[1] Историк И.Г. Акманов установил, что Мензелинская крепость была основана в середине сороковых годов XVII в, но точной даты не назвал[2]. По документам видно, что в 1645 г. Мензелинск уже существовал как острог и совместно с Ахтачинским и Шешминским острогами отражал набеги калмыков и ногайцев[3]. 1645 год и был, по всей вероятности, годом основания Мензелинской крепости.

Старая Мензелинская крепость была расположена на левом берегу реки Мензелы, в шести километрах от ее устья. Здесь в р. Мензелу впадали ручейки Кучанка и Скородумка. Крепость была обнесена острожной стеной и имела 5 башен, одна из которых была проезжей. К старому городу в период строительства Закамской черты был пристроен «Новомензелинский острог», общая длина стен которого составила 1026 саженей (более 2 км). По острожной стене было сделано несколько выводов, со стороны реки сделаны проезжие ворота. По стене, по обыкновению, тянулись помосты. Крепость была вооружена двумя, разного калибра, медными и десятью затинными пищалями. В Мензелинске первоначально было поселено 100 «новоприборных конных стрельцов». Им было выдано по 8 руб. денег на «дворовое строение», по 3 чети ржи, 5 четей овса. Они были наделены пашенной землей (по 20 четей) и сенными покосами. Условия поселения «новоприборных» людей в Мензелинске и Чалнинском городке были одинаковыми.

[1] *Дебу И.* Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ея состоянии. – М., 1837. С. 57-58; Новиков В.А. Материалы для истории Уфимского дворянства. С. 12-13; Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год. / Сост. В.А. Новиковым и Н.А. Гурвичем. – Уфа, 1878. С. 143-146; Алекторов А. История Оренбургской губернии. – Оренбург, 1883. С. 6-7; Йофа Л.Е. Города Урала. Ч. 1. Феодальный период. – М., 1951. С. 61, и др.

[2] *Акманов И.Г.* Башкирские восстания XVII – первой трети XVIII в. – Уфа, 1978. С. 16, 27.

[3] Акты археографической экспедиции. Т. 4. №2. С. 2.

Положение Мензелинска за линией укреплений не соответствовало его назначению как одной из главных крепостей Закамской черты. Неизбежно должнен был встать вопрос о перестройке данного участка. В 1655 г. по новому чертежу казанца И. Казырева здесь начались дополнительные строительные работы. Примерно в 6 км от Мензелинской крепости, от конца валежной засеки поперек долины р. Мензелы был сооружен тарасный вал, поставлены надолбы, частокол и выкопан ров вдоль вала[1]. На обеих сторонах реки были сооружены башни. Башня, построенная на правом берегу, была проезжей и располагалась на «уфимской большой дороге». От конца вала шла засека, которая оканчивалась у р. Ик четверными надолбами и валом. По данным источников, длина засеки, построенной по новому чертежу, равнялась примерно 18 км, а на долю «валового дела» и надолб приходилось свыше 14 км. Протяженность данного отрезка черты приблизительно равнялась 32 км. Общая же длина восточной половины Закамской черты от Новошешминской крепости до р. Ик составила около 216 км.

Таким образом, географические контуры Закамской черты окончательно оформились в 1655 г. Теперь черта была протянута от конца засеки в районе р. Малой Ашпулы на юго-восток и оканчивалась у р. Ик юго-восточнее Мензелинского острога. Острог же оказался под защитой Закамской черты.

Выше мы отмечали, что длина западной половины Закамской черты равнялась примерно 251 км. Если к этому числу прибавить расстояние от Новошешминска до р. Ик (184 км), то получится общая протяженность черты в ее первоначальном виде – 435 км. Нам необходимо вычислить длину Закамской черты с учетом изменений, произведенных в 1655 г., когда по чертежу И. Казанцева были построены укрепления на расстоянии 32 км. Сделаем простой арифметический подсчет: 32 км + (435 – 15) км. 15 км – это расстояние от р. Ик (севернее Мензелинска) до валежной засеки,

[1] Указанный вал нанесен на «Геометрический генеральный план Оренбургской губернии Мензелинского уезда». Он шел почти перпендикулярно р. Мензеле. См.: РГАДА. Ф. 1356 (Губернские и уездные карты, атласы и планы городов генерального межевания). Д. 134/3533.

от которой начинался новопостроенный участок. Конечно, эти подсчеты не могут быть абсолютно точными, но они позволяют определить окончательную длину Закамской черты, которая составляла округленно 450 км.

Итак, если обозначить на географической карте контуры Закамской черты, получится ломаная линия, протянувшаяся от р. Волги до р. Ик со следующими городами-крепостями на ней: Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск, Новошешминск, стоялый острог Кичуев, Заинск и Мензелинск.

Закамская черта представляла собой непрерывную систему укреплений. Кроме городов-крепостей она включала в себя различные сооружения из земли и дерева, а также естественные препятствия. Широко применялась лесная засека. Основными типами инженерных сооружений были тарасные валы в сочетании со рвом со стороны «поля», надолбы, стоячие остроги, башни, городки и выводы на валах. В основном на Закамской черте встречались почти те же типы сооружений, что и на других русских укрепленных линиях XVII века. Однако следует отметить, что на Закамской черте имели место тарасные валы, а не земляные, как на Белгородской черте. Это объяснялось, с одной стороны, особенностями местности, на которой преобладали болота. Известно, что на Белгородской черте на низких и болотистых местах тоже сооружались тарасные валы, как например, на Вольновском, Хотмыжском, Белгородском и других участках[1]. С другой стороны, главной причиной все же являлось стратегическое назначение укреплений. Земляные валы были более прочными и долговременными сооружениями, чем тарасные. Они были необходимы на Белгородской черте, которая проходила по окраине Русского государства и несла на себе всю тяжесть борьбы с крымскими татарами. Закамская черта находилась вдали от российских рубежей и по своему внешнеполитическому значению все же уступала Белгородской черте.

[1] *Загоровский В.П.* Белгородская черта. С. 73.

Заселение крепостей Закамской черты

Как было отмечено выше, к середине XVII века русское правительство имело значительный опыт по сооружению и заселению укрепленных линий. Уже в ходе строительства Белгородской черты определились основные методы заселения новопостроенных крепостей: насильственный перевод служилых людей из других мест и прибор. Эти методы, особенно первый, были широко использованы на Закамской черте.

Первый этап заселения Закамской черты начался одновременно с ее сооружением. Большинство документов о переселении сюда служилых людей относится к 1652-1653 гг. Русского служилого населения на территории Закамской черты, кроме, как в Мензелинской крепости, не было. Поэтому заселение ее крепостей должно было вызвать значительное перемещение населения в Казанском уезде. В частности, основными источниками заселения укрепленной линии были крепости, находившиеся на правобережье р. Волги и в Прикамье (Лаишев, Тетюши, Ахтачинск, Шешминск, который после сооружения Новошешминской крепости на Закамской черте стал называться Старошешминском, а также Чалнинский городок), в которых в связи со строительством Закамской черты исчезает необходимость в многочисленном гарнизоне.

Основную массу переведенных из этих крепостей служилых людей составляли стрельцы. На черту всего было переведено 269 стрельцов. На новом месте они продолжали нести, главным образом, стрелецкую службу. Кроме стрельцов, на черте было поселено 100 конных казаков из Лаишева, 29 «конных полоняников» и 9 ссыльных людей.

Правительство далеко не одинаково относилось к переселяемым на черту служилым людям. Особую позицию оно заняло по отношению к лаишевским конным казакам, которых предстояло перевести в Белый Яр. Для переселения на черту выбирались казаки «конные, добрые и семьянистые», такие, у которых были сыновья и племянники. Сразу же после сооружения крепости Белый Яр

предполагалось отправить туда братьев и племянников служилых людей для заготовки на новом месте сена и бревен для дворового строения. Поздней осенью, после уборки урожая и посева озимой ржи на прежнем месте жительства, должны были переехать и сами служилые люди[1].

При заселении Закамской черты ощущалась острая нехватка служилых людей. В этих условиях правительство прибегает к переводу в служилое сословие дворцовых пашенных крестьян. В 1652 г. казанскому воеводе был прислан указ, в котором говорилось: «Указал государь и бояра приговорили: Уфинского уезду ... села Чалнов служилых людей стрельцов, и пашенных крестьян и бобылей всех до одного перевесть на Закамскую черту и устроить их на Закамской черте в жилых городах и острогах где пригоже»[2].

На черту были переселены крестьяне не только с. Чалны, где насчитывалось к этому времени 115 крестьянских и бобыльских дворов, но и жители других деревень и починков. На Закамской черте они были переведены в разряд конных казаков. Общая численность крестьян, переселенных на черту, составляла 300 человек мужского пола.

Наряду с дворцовыми крестьянами, на черту были переселены также стрельцы Чалнинского городка. Переселение Чалнинских жителей в отличие от лаишевских казаков, осуществлялось быстро и решительно, в принудительном порядке. «А буде которые служилые люди, стрельцы, и крестьяне, и бобыли на Закамскую черту из села Чалнов, из деревень и с починков ехати не похотят, и тех велено выслать и в неволе. А за ослушанье велено им делать наказание: бить батоги и сажать в тюрьму, чтоб однолично их на Закамскую черту на вечное житье выслать всех нынешним летом заранье», – говорится в одном из документов о заселении Закамской черты[3]. Отсюда ясно, что не все соглашались переселяться на черту.

Переселение на необжитые земли тяжело ударяло не только по хозяйству дворцовых крестьян. Судя по документам, насильственный перевод в служилое сословие вызывал их яростное сопротивление. Поэтому переселение крестьян на черту осуществлялось под конвоем, со всеми мерами предосторожности. Об этом свидетельствует следующий отрывок из архивного документа: «... а для опасения велено их из села Чалнов до Закамские черты, до указных мест, проводить дворянину ... да казанским служилым людям, чтоб над ними на дороге какое дурно не учинилось...»[1]

[1] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156 Л. 2-2-об.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 239-об.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 240-241-об.

Царское правительство как силой, так и предоставлением различных льгот стремилось не допустить бегства их с черты. Чалнинские дворцовые крестьяне были освобождены от всяких платежей и зачислены в разряд наиболее привилегированной прослойки мелких служилых людей – конных казаков.

Второй и третий этапы заселения крепостей Закамской черты были непосредственно связаны с начавшейся в 1654 г. русско-польской войной. Сразу же после взятия Смоленска на черту были направлены «смоленские шляхтичи», впоследствии оказавшиеся здесь наиболее многочисленной группой населения. Документы по истории Закамской черты называют их также «смоленскими иноземцами» и «смоленскими казаками». В Смоленске они несли крепостную службу и делились на 4 отряда по цвету их знамен: отряды Белого, Красного, Желтого и Черного знамен. На Закамской черте их военная организация была сохранена. Так, например, в Тиинске был размещен отряд Белого знамени, а в Новошешминске – отряд Красного знамени[2].

В ряде работ дореволюционных историков встречаются попытки выяснить причину заселения Закамской черты смоленскими иноземцами. Г.И. Перетяткович считал, что русское правительство обратилось к иноземцам ввиду серьезной опасности на восточной окраине государства и малочисленности собственного населения[3]. Более правильно осветил этот вопрос Н.П. Рычков, который писал, что смоленские казаки добровольно перешли на

[1] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 240-240-об.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 80-об.: Акты ..., собранные С. Мельниковым. Т. 1. №34. С. 58-59.

[3] *Перетяткович Г.И.* Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 154.

сторону России и «в награду за сию их покорность положено им было дать во владения земли, лежащия за Камою»[1].

Между Россией и Польшей издавна существовал обычай принимать к себе на службу друг от друга князей и дворян. Князь или дворянин, перешедший на службу к своему бывшему противнику, сохранял при этом известные привилегии[2]. В ходе русско-польской войны 1654-1667 гг. многие шляхтичи перешли на службу России.

В июне 1654 г. началось активное наступление русских войск на Смоленск. 10 сентября с польским воеводой в Смоленске Ф.К. Обуховичем начались переговоры о сдаче города. По условиям капитуляции желающие из бывших защитников крепости могли перейти на службу Русскому государству. Большинство шляхтичей, не говоря о мирных жителях, изъявили желание остаться в Смоленске. В Польшу «выехали только воевода Ф. Обухович да полковник Корф с малыми людьми»[3]. Смоленские шляхтичи, перешедшие на сторону Русского государства, были направлены на Закамскую черту и в некоторые понизовые города[4]. На черте каждому шляхтичу было выдано «на дворовое строение» по 6 рублей 26 алтын и установлен «поденный корм» – по алтыну на человека[5].

В шестидесятых годах XVII века, после взятия русскими войсками г. Полоцка, на сторону России перешел полк под начальством Гаврилы Гаславского, который также был переведен на территорию Закамской черты[6].

Переселение полоцких шляхтичей можно выделить как третий, последний этап заселения Закамской черты. Положение перешедших на службу к Русскому государству смоленских и полоцких шляхтичей было окончательно определено после Андрусовского

[1] *Рычков Н.П.* Указ. соч. С. 60-61.

[2] *Лохвицкий А.В.* О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII века). – М., 1855. С. 4-5.

[3] См.: Кондрашенков А.А. Смоленский край в 16-первой половине 17 веков. – Смоленск, 1978. С. 85-86; Акты исторические. Т. IV. №91. С. 232-233.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Ст. 288, 353.

[5] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 88.

[6] РГАДА. Ф. 1173. Д. 560. Л. 1-5, 9-12; История Татарии в материалах и документах. С. 144.

перемирия. По договору 1667 года служилые и военные люди, которые изъявили желание остаться в России, не возвращались[1]. С Закамской черты никто не был возвращен.

Правительство широко привлекало к службе местное нерусское население. Жители окрестных деревень, хорошо знавшие местность, часто посылались в станичную службу в качестве «вожей». Иногда им поручалась и караульная служба. В 1686 г. вожи деревни Старый Табор писали: «Во все лето стоим в Билярском и Тиинском городках на стойке по два человека, по пяти, и по десяти человек... и никакова нас служба не обходит»[2]. Но основной обязанностью местного населения оставался ремонт «худых и порченых мест» черты.

Документы не дают сведений о численности и составе местного нерусского населения на территории, по которой проходила Закамская черта, так как эта группа людей нигде не учитывалась. Так, Никита Гладков, который наряду с русскими служилым населением должен был переписать и ясачные деревни близ укрепленной линии, отмечал, что к городам-крепостям Закамской черты «новокрещенских и чевашских, и черемисских волостей уезных людей не приписано»[3]. В гарнизонах крепостей нерусского населения, кроме смоленских и полоцких шляхтичей, очевидно, не было. Размещение населения на Закамской черте в 1652-1655 гг. можно представить следующей таблицей:

[1] *Лохвицкий А.В.* Указ соч. С. 15; ПСЗ. Собрание первое. – СПб., 1830. Т. 1. №398. С. 662.

[2] Акты ..., собранные С. Мельниковым. Т. 1. №23. С. 45; №49. С. 88-89.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 91.

Численность, состав и размещение служилого населения в крепостях Закамской черты (1652-1655 гг.)

Группы населения	Крепости Закамской черты						Итого
	Белый Яр	Ерыклинск	Тиинск	Новоашеш-минск	Заинск	Мензелинск	
1. Конные казаки	100	-	-	-	-	-	100
2. Стрельцы	19	-	50	100	100	-	269
3. Крестьяне, переведенные в разряд конных казаков	-	150	100	50	-	-	300
4. Смоленские шляхтичи	-	-	127	127	81	129	464
5. Полоняники	29	-	-	-	-	-	29
6. Ссыльные люди	9	-	-	-	-	-	9
7. Новоприборные служилые люди	-	-	-	-	-	100	100
Итого:	157	150	277	277	181	229	1271

Таким образом, на Закамскую черту были переселены различные категории населения: стрельцы, казаки, смоленские и полоцкие шляхтичи и дворцовые крестьяне. К службе были привлечены полоняники, ссыльные люди и другие слои населения, вошедшие в состав новоприборных служилых людей. К 1655 г. было переселено на черту и записано в службу всего 1271 человек.

Каждый новопостроенный городок Закамской черты становился не только военно-сторожевым пунктом, но и местом постоянной оседлости. Служилые люди поселялись с семьями «на вечное житье». На первых порах правительство обеспечивало их хлебным и денежным жалованьем. Впоследствии вместо хлебного

и денежного жалованья они были наделены пашенными землями и сенными покосами.

По дозорной книге Н. Гладкова можно составить таблицу подворного размещения населения по трем городам Закамской черты применительно к 1658 г.:

Подворное размещение населения в крепостях Закамской черты по дозорной книге Н. Гладкова (1658 г.)

Названия крепостей	Слобод	Число дворов в слободах				
		шляхетских	конных казаков	стрелецких	прочих	**всего**
1. Белый Яр	2	-	131	19	4	**144**
2. Ерыклинск	2	-	133	-	1	**134**
3. Тиинск	2	123	136	-	1	**260**

Число дворов обычно не соответствовало численности служилого населения. Так, например, вместе с братьями, племянниками и сыновьями всего служилых людей в Ерыклинской крепости было 150, тогда как число дворов равнялось 134. В Тиинске в рассматриваемое время мужчин, записанных в службу, проживало в 260 дворах 285 человек[1]. В крепости Белый Яр среди дворов служилого населения появляются дворы гулящих людей[2]. В целом, можно говорить о росте численности населения в крепостях Закамской черты.

Служилые люди в основном были поселены в слободах. Внутри крепости находились административные и церковные дворы, иногда – дворы пушкарей. Такое устройство жителей было тради-

[1] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 71-74-об., 80-об.-84-об.,87-об.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 65-об.

ционным в России и наиболее соответствовало их хозяйственной деятельности. Средством существования мелких служилых людей на Закамской черте являлось, главным образом, занятие их земледелием и скотоводством.

Правительством были установлены определенные нормы и формы землепользования служилых людей. Среди приборных служилых людей наибольший земельный оклад был у конных казаков, в состав которых вошли также бывшие чалнинские крестьяне и полоняники. На каждого казака приходилось по 20 четвертей пашни «в поле, а в дву по тому ж» и 10 десятин сенных покосов. Десятники и пятидесятники, соответственно, имели по 30 и 40 четвертей земли в каждом из трех полей.

Значительно меньше казачьих были земельные наделы стрельцов. Стрельцы обычно несли пешую гарнизонную службу, но на Закамской черте встречались и конные стрельцы. Земельный оклад рядовых стрельцов равнялся 8 четвертям пашенной земли в каждом из трех полей и 4 десятины сенных покосов. В некоторых крепостях они продолжали получать хлебное и денежное жалование.

Итак, заселение крепостей Закамской черты, в целом, принципиально не отличалось от заселения других укрепленных линий XVII века. Оно осуществлялось по инициативе правительства и сопровождалось насильственным переводом людей на черту. Преобладающее большинство населения состояло из мелких служилых людей «по прибору» – конных казаков и стрельцов. Особое место занимали смоленские и полоцкие шляхтичи, перешедшие на службу к Русскому государству в ходе русско-польской войны 1654-1667 гг. К службе привлекалось и местное нерусское население, которое выполняло вспомогательные функции. Следует отметить, что заселение крепостей иноземцами было не типичным для других русских укрепленных линий. На Закамской черте это было обусловлено конкретными обстоятельствами, то есть начавшейся одновременно со строительством черты русско-польской войной.

В заключение следует отметить, что Закамская черта выполнила возложенную на нее историческую задачу. Она защитила

закамские земли от набегов калмыцких тайшей, ногайских и едисанских мурз. Строительство Закамской черты способствовало скорейшему урегулированию взаимоотношений Русского государства с калмыками.

Значение Закамской черты определяется не только этим, оно выходит за пределы рассматриваемого времени. После потери укрепленной линией ее военного значения, крепости, построенные на ней, продолжали самостоятельное существование. Они превратились в центры торговли и ремесла; некоторые из них, в частности, Мензелинская крепость, стали впоследствии административными центрами. Мелкие служилые люди своим трудом способствовали экономическому освоению новых земель.

В 70-80-х годах XVII века Закамье можно считать уже освоенной частью Русского государства. В это время начинают распахиваться и заселяться земли, находившиеся за чертой.

2.6. Укрепления второй половины XVII в.

Изюмская черта

В 1679-1680 гг. возвели еще одну укрепленную линию – Новую (Изюмскую) черту[1]. Она проходила от города Усерд через Валуйки, Двуречную, Купенск, Царев-Борисов, Изюм, Балаклею, Лиман, чуть южнее Змиева, Соколова, Водолаги, Валок и далее через Высокополье до Коломака. Строили Изюмскую черту служилые люди Белгородского полка. В работах участвовало более 30 тыс. чел.[2] Общая протяженность Новой черты составляла около 530 км. Хронологически эта черта возводилась вслед за Белгородской чертой и укрепленными линиями в Поволжье.

[1] *Загоровский В.П.* Изюмская черта. – Воронеж, 1980.

[2] *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. – Воронеж, 1991. С. 288.

Впервые предложение о строительстве укреплений в районе будущей Изюмской черты было выдвинуто еще в 1636 г. Ф. Сухотиным и Е. Юрьевым, которые осматривали южную окраину России в связи с постройкой Белгородской черты. Эти предложения были сделаны с учетом мнения местных жителей, хорошо знавших данные территории. Реализация этого плана позволяла включить в оборонительную систему не только большой лесной массив по р. Валуй, но и саму крепость Валуйки. Однако в ходе строительства Белгородской черты эти предложения не были полностью реализованы.

Вновь вопрос о строительстве укрепленной линии южнее Нового Оскола возник в связи с вторжением турецкой армии на Украину и Чигиринским сражением 1677 г. Дело в том, что участок Белгородской черты восточнее Нового Оскола оказался уязвимым, и здесь возникла реальная угроза прорыва крупных сил татарской конницы. В результате появился план строительства сравнительно небольшой линии укреплений для предотвращения возможности прорыва Белгородской черты восточнее Нового Оскола. В дальнейшем удалось многократно превзойти первоначальные планы, и на Юге России появилась еще одна мощная укрепленная линия – Изюмская черта.

Распоряжение о начале строительства было отдано Разрядным приказом 5 июля 1678 г. Середина лета оказалось неудачным временем для начала масштабных строительных работ. Под Чигирином шли кровопролитные бои с турецким войском, татары совершали набеги на территории, прилегавшие к Белгородской черте, кроме того, начинался период уборки урожая. В результате проект сооружения укрепленной линии Усерд – Полатов – Новый Оскол не был реализован. Разрядный приказ решил возобновить работы по сооружению вала с 1 сентября 1679 г. Выделить людей для строительства предложили 34 городам Белгородского разряда. В 1679 г. насыпали более 1 тыс. саженей Полатовского вала.

Весной следующего, 1680 г., принималось решение о принципиальном изменении направления новой оборонительной линии. Полатовские укрепления от верховьев р. Валуя теперь следовало

продолжать не на северо-запад, а на юг – в сторону Царева-Борисова. К такому решению правительство подтолкнул набег крымского хана Менли-Гирея, совершенный зимой 1680 г. Ущерб, причиненный татарами, показал, что необходимо прикрыть русские и украинские селения в районе Харькова, Валков, Балаклеи и Чугуева. Кроме того, следовало защитить земли за Белгородской чертой, поскольку продолжалось переселение черкас в Россию, и правительство было обязано обеспечить безопасность переселенцев.

Руководить выполнением данного плана было поручено боярину П.В. Шереметеву. На время руководства строительством и управления Белгородским разрядом он получил почетный титул «наместник Нижегородский». К концу августа 1680 г. завершилось строительство Полатовского вала от р. Тихой Сосны до Валуйского леса, протяженностью почти 28 км. На валу были поставлены две деревянные башни с воротами для проезда, пять деревянных острожков с башнями. Особенностью этого вала стало сооружение при его строительстве бастионов, выступавших в сторону противника и обеспечивавших ведение фланкирующего огня по наступавшим. В лесу появились засеки, а на полянах поставили надолбы. С наступлением осени строительство в основном было завершено.

Несмотря на довольно значительные строительные работы, проводившиеся весной 1681 г. и в дальнейшем, новая российская укрепленная линия на Юге страны, воздвигнутая совместными усилиями русских и украинцев, стала реальностью осенью 1680 г. Система укреплений Изюмской черты защитила от татарских вторжений территорию примерно в 30 тыс. кв. км. В 1684 г. укрепления Изюмской черты были продлены от г. Изюма до р. Тора, в результате чего была обеспечена защита Торских соляных промыслов, городов Маяцкого и Тора, а также Святогорского монастыря.

В военном отношении Новая черта находилась в подчинении белгородского воеводы, поэтому иногда воспринималась как часть Белгородской черты. Новую черту, в отличие от Белгородской, не разделили на военные зоны, она не имела четкой системы военного управления, но в плане использования инженерных сооружений Изюмская черта не отличалась от Белгородской прин-

ципиально. Можно отметить господство земляных валов и засек и незначительное использование естественных препятствий на участке от г. Коломака до р. Северского Донца. Вдоль Северского Донца не было насыпано земляных валов, а применялись деревянные оборонительные сооружения и засеки. Участок Изюмской черты, проходивший вдоль р. Оскола, по сравнению с другими участками, оказался заселен слабее, а местами вовсе не имел оборонительных укреплений. Возведенные отдельные земляные валы, линии надолб и лесные засеки не составляли в 1680 г. с существующими городками единого военно-инженерного комплекса. Вдоль укрепленной линии, на расстоянии 20-30 км одна от другой, располагался ряд крепостей, среди которых можно выделить ряд основных: Коломак, Высокополье, Новый Перекоп, Валки, Водолага, Соколов, Змиев, Бишкин, Лиман, Андреевы Лозы, Балаклея, Савинский, Изюм, Царев-Борисов, Острополье, Купенский, Двуречный, Каменский, Валуйки, Полатов. Несколько крепостей было построено вне Новой черты (Богодухов, Харьков, Салтов, Маяцкий, Тор и др.[1]

С 1692 г. на Изюмскую черту стали регулярно выдвигаться подразделения Белгородского полка. Все попытки татарских отрядов прорваться через новую укрепленную линию не увенчались успехом. Изюмская черта успешно выполняла свои функции вплоть до 30-х гг. XVIII в., когда в связи с постройкой Украинской линии между Днепром и Северским Донцом, а также военными успехами России в Приазовье, она потеряла свое значение[2].

Подписание в 1667 г. Андрусовского перемирия ознаменовало конец активной политики Польши на восточном направлении и переход России к более решительным наступательным действиям против Крымского ханства и Турции. В годы русско-турецкой войны 1676-1681 гг. Белгородская черта являлась надежным заслоном страны, а подразделения Белгородского полка активно участвовали в сражениях последней четверти XVII в.

Еще одним проявлением сложившейся стратегии стало строительство Украинской линии – системы полевых укреплений, воз-

[1] *Носов К.С.* Русские средневековые... С. 214.

[2] Там же.

веденных в 30-х гг. XVIII в. на границе Российской империи к югу от Белгородской и Изюмской черты для предотвращения набегов крымских и ногайских татар. Ее общая протяженность составила порядка 300 км между реками Днепр и Северский Донец. Главными опорными пунктами линии стали 16 возведенных заново крепостей и 4 отремонтированных и перестроенных укрепленных слобод: слобода Степановка, крепости св. Петра, Тамбовская, Слободская, Михайловская, Алексеевская, Ефремовская, св. Прасковьи, Орловская, Ивановская, Белевская (она стала своеобразной столицей линии – в ней разместился штаб и канцелярия Украинского ландмилицкого корпуса), слобода Козловская, крепости Федоровская, Ряжская и Васильковская, слобода Нехорошенка, Ливенская крепость, слобода Царицынка и крепости Китай-городок и Борисоглебская. Для защиты участков между крепостями и слободами были возведены дополнительно еще 142 номерных редута (они не имели названий и учитывались по номерам).

Военно-географическая экспедиция 1685 г.

Подписание в 1681 г. Бахчисарайского мира с Турцией и Крымским ханством еще не означало спокойствия на южных рубежах России. Сохранялась опасность постоянных мелких и даже крупных набегов-кочевников. Со всей очевидностью встал вопрос о новых правительственных шагах по укреплению южных границ государства, защите уже имеющихся городов-крепостей.

В связи с этим в первой половине 80-х гг. XVII в. в. правительственных кругах возникли планы строительства ряда новых укрепленных линий. Среди них – Сызранская и Битюгская черты. Часть из них была сооружена, другие же так и остались в проектах.

После строительства Изюмской черты встал вопрос о защите земель, расположенных к югу от восточного фланга Белгородской и Тамбовской черт, т.е. о строительстве укреплений по Битюгу. Прежде чем начать строительство новой черты, сюда была послана крупная военно-географическая экспедиция. Экспедицию готовил

и проводил Разрядный приказ. Ее маршрут должен был проходить по почти безлюдным местам, не имевшим постоянного населения.

Общее руководство экспедицией осуществлял князь и воевода М.Ф. Шейдяков. С ним в товарищах предполагались князь и воевода Я.Ю. Волконский и козловский воевода стольник А. Данилов. В их подчинение передавались 2400 служилых людей ряда южных городов, в число которых входили опытные проводники-«вожи» и чертежники. Делопроизводство вела группа подьячих во главе с дьяком И. Нагоморским.

Правительство поставило перед экспедицией основную цель: выбрать место для строительства новой черты по р. Битюг. Попутно решались и другие задачи. Разрядный приказ рекомендовал осмотреть Козловский и Тамбовский валы и предложить меры по их ремонту, а также обследовать бассейны рек Битюга, Матыры и Икорца и определить места будущих селений. Таким образом, экспедиция рассматривалась как важная правительственная акция на юге Русского государства, имеющая политическое и экономическое значение.

Экспедиция начала свою работу в июле 1685 г. Её базовый лагерь располагался в степи у Бельского городка, находившегося на западном фланге Козловского вала. Отсюда отряды экспедиции разошлись по своим маршрутам. Первый отряд возглавили сам М.Ф. Шейдяков и дьяк И. Нагоморский. Вместе с группой служилых людей они объехали Козловский и Тамбовский валы, вызывавшие особое беспокойство правительства. М.Ф. Шейдяков отмечал плачевное состояние укреплений Тамбовского и Козловского валов: «И тот вал весь рассыпался, а ослонный лес и остроги, и башни, и надолбы прогнили и от приходу неприятельских людей защиты никакой нет»[1].

М.Ф. Шейдяков предложил меры по ремонту валов. В них использовался опыт многолетней эксплуатации валов на юге России, рекомендации, сделанные в ходе осмотра в 1680 г., и собственные наблюдения участников похода. Вкратце они сводились к следующему: предлагалось увеличить высоту земляной насыпи

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. №984.

в отдельных местах с 2,4 до 4 сажен, сохранив ее ширину в подошве до 5 сажен, деревянный ослон заменить дерном, а на вершине вала сделать своеобразный бруствер для ратных людей. Вместо ненадежных деревянных острожков рекомендовалось соорудить земляные городки.

Второй отряд возглавил жилец полка М.Ф. Шейдякова И.И. Желобов. В его состав вошли 2 «старых» подьячих, чертежник Е.А. Топильский и свыше 160 копейщиков, рейтар и станичных «вожей»[1]. Отряд И.И. Жолобова должен был осмотреть берега р. Битюг и выбрать место для строительства здесь новой черты. «Да лесов и речек, и всяких угодий... и на мелких местах бродов осмотреть и описать, и на чертеж начертить», – говорилось в правительственном указе[2].

26 июля 1685 г. к воеводе и стольнику М.Ф. Шейдякову была послана грамота из Разрядного приказа[3]. В ней воеводе предлагалось из Воронежского уезда послать в Лысогорские городки из своего полка группу служилых людей, «кого пригоже», а с ними 2 подьячих «добрых» и одного чертежника. Они должны были описать земли от Тамбовского вала до р. Битюг, русло реки от верховьев до устья, и далее вверх по Дону до Коротояка. В этих местах предполагалось поселить новые города, слободы, села и деревни.

7 августа отряд вышел из Тамбова и двинулся по заданному маршруту. Его путь лежал от Тамбова через Кузьмино Гать к верховьям Битюга, затем вдоль его русла до устья и далее вверх по Дону. В ходе работы отряда велось подробное описание местности. Был составлен чертеж г. Тамбова и реки Цны. Для составления чертежей определялись расстояния между различными географическими объектами. Участники экспедиции намечали места для строительства укреплений новой черты и населенных пунктов. Новая линия укреплений должна была начаться от Тамбовского вала, пройти вдоль Битюга до его устья, а от него вверх по Дону до Коротояка – небольшой крепости по Белгородской черте.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. №984.
[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. №345. Л. 4
[3] Там же. Л. 2-3.

Таким образом, проанализировав все работы и планы экспедиции, можно представить основные идеи строительства Битюцкой черты. Новая черта по Битюгу планировалась как непрерывная линия укреплений, состоящая из городков, валов, засек и надолб, т.е. типичного набора фортификационных сооружений, применявшихся на юге России в XVII в. Общая длина ее должна была составить 168 верст 490 сажен.

В бассейне Битюга не наблюдалось мощных лесных массивов и, естественно, создавать здесь засеки и надолбы можно было только в отдельных местах. Руководство экспедиции предложило основным звеном новой линии укреплений сделать мощные земляные валы (около 70% длины всей черты). Валы планировались построить на высоком правом берегу реки, который доминировал над местностью. Здесь прослеживается попытка развить опыт эксплуатации Белгородской, Тамбовской и других черт на юге Русского государства. Расстояние от первого городка новой черты до Пристанского городка на Хопре составляло около 200 верст. Новая черта, как считали, руководители экспедиции, являлась бы защитой таких городов как Козлов, Тамбов, Воронеж, Коротояк, и тогда «жить будет неопасно».

Опорными пунктами новой черты становились семь городков[1]. Их предполагалось соорудить в важнейших стратегических местах.

Интересным моментом представляется попытка включить в черту укрепления двух старых Раменских городищ. Три городка планировалось построить на островах реки – прием, ранее при строительстве черт на юге России не встречавшийся.

Намечались места для будущих слобод вокруг городков, пашенных и сенокосных угодий. Общая численность защитников черты определялась в 2530 служилых людей. Однако установить здесь села и деревни члены экспедиции не решились, так как по их описанию в этих местах леса на жилища «будет скудно».

Третий отряд экспедиции возглавил Т. Картавцев. На него возлагалось выполнение вспомогательных задач: осмотр бассейнов

[1] РГАДА. Ф. 210. Книги разных городов. № 68.

рек Матыры, Икорца и их притоков и выбор места для будущих населенных пунктов. Он должен был пройти от устья р. Матыра г. Сокольска до верховьев реки, описать все места и составить чертеж. В случае строительства черты по Битюгу земли по Матыре и Икорцу становились ее ближайшим тылом. Поэтому складывалась благоприятная ситуация для их освоения и размещения здесь будущих защитников новой черты. В результате их работы наметили места под будущие селения: Бусурменка, Юрлуковка, Тафино-1 и Тафино-2. Здесь в свое время находились поселения, принадлежавшие московским дворянам. В 1647 г. их переселили внутрь черты,поэтому новые поселения возникали на местах старых сел. В четырех селах планировалось устроить 350 дворов. Еще 50 дворов намечалось расселить по притокам Матыры – Песковатке и Избердею.

Полностью экспедиция завершила свою работу в начале сентября, а 15 сентября все отчеты, дневники и чертежи М.Ф. Шейдяков отправил в Москву. Однако строительство новой черты по Битюгу так и не осуществилось, как и не была полностью построена в это время Сызранская черта[1].

Почему серьезные затраты, предпринятые русским правительством для сооружения новых линий укреплений, не получили практической реализации? С одной стороны экспедиция показала, что лесных запасов хватит только на строительство укреплений или на создание поселений. Строить только земляные укрепления в это время русские инженеры еще не умели.

Другую причину отказа от реализации этих планов нужно искать во внешней политике Русского государства конца XVII в. Это был период деятельности правительства царевны Софьи, которое активно участвовало в создании антитурецкой коалиции. В мае 1686 г. был подписан «вечный мир» с Польшей. Он предусматривал активизацию участия России в антитурецкой коалиции. В правительственных кругах возобладала новая тактика борьбы с татарами – союзниками Турции: организация крупных походов

[1] См.: *Лебедев В.И.* Легенда и быль. – Саратов, 1986. С. 113-120.

на Крымское ханство. Традиционные методы, включающие строительство линий укреплений и постепенное проникновение на юг, считались слишком медленными, труднозатратными и малоэффективными. Новый политический подход к вековой борьбе с татарами нашел свое отражение в походах русских войск под командованием В.В. Голицына на Крым в 1687 и 1689 гг. и Азовских походах Петра I в 1695 и 1696 гг.

2.7. Система укреплений южной лесостепи Заволжье в начале XVIII в.

В начале XVIII в. Россия приступила к военно-государственной и хозяйственной колонизации южных территорий лесостепного Заволжья. Несомненно, что знакомство с этими землями произошло значительно раньше. В отчетах русских послов в Большую Ногайскую Орду, «Книге Большому Чертежу», описаниях и картах, составленных иностранцами, делопроизводстве приказа Тайных дел и других материалах второй половины XVI-XVII вв., содержится большое количество сведений о природных богатствах и особенностях хозяйственной эксплуатации ресурсов волжского Левобережья. Можно вспомнить слова И. Пересветова, писавшего о землях Казанского ханства, как о «подрайской землице». Английский посланник в Россию Дж. Флетчер в своем сочинении еще в конце XVI в. упоминал о добыче серы на Волге[1].

Но реальное освоение этого региона, появление настоятельной потребности в изучении его ландшафтных особенностей и использовании природных ресурсов, произошло только в эпоху преобразовательной деятельности Петра I. В основном активность государства сводилась к отдельным мероприятиям, не связанным

[1] *Флетчер, Дж.* О государстве Русском. // Проезжая по Московии (Россия глазами дипломатов XVI-XVII веков). – М., 1991. С. 34.

с системным военно-правительственным и хозяйственным освоением Левобережья.Однако всеми этими действиями была постепенно подготовлена почва для будущей массовой правительственной и народной колонизации региона.

Ранее, во второй половине предшествующего столетия, границей земледельческого расселения территорий, располагавшихся южнее нижнего и среднего (до устья р. Ик) течения Камы, была Закамская черта. Построенная в 1650-х гг., она представляла собой совокупность крепостей и острогов, соединенных в единую оборонительную систему валами и рвами, а также засеками от пригорода Белый Яр в устье Б. Черемшана до Мензелинска, при впадении одноименной реки в Ик. Гарнизоны, размещенные по этой черте, состояли исключительно из служилых людей по прибору, «смоленских иноземцев», а также отчасти местного нерусского населения. Дворян и детей боярских среди них практически не было[1].

Все пространство к югу от сооружений данной системы укреплений являлось зоной пастбищ и охотничьих угодий башкир и калмыков. В письменных источниках для его обозначения встречается название «самарская степь». На «ландкартах» начала 1730-х гг. междуречье Самары от устья Б. Кинеля и Сока до пригорода Сергиевска было обозначено как «пустые степи», а лесостепь, располагавшаяся к северу от Сока и к востоку от Сергиевска к Б. Черемшану и далее, указана как «башкирские вотчины»[2] или «степь пустая, башкирские угодья»[3]. Русские люди и коренное население Казанского Средневолжья появлялись здесь лишь эпизодически, «наездом». Постоянных укрепленных пунктов, за исключением г. Самара, не говоря уже о сельских поселениях, располагавшихся ниже устья Б. Черемшана, в этом регионе до конца XVII в. не выявлено. Споры по поводу «заволжских угодий» среди промышленников, эксплуатировавших их «наездом», возникали крайне редко.

[1] *Буканова Р.Г.* Города и городское население Башкирии в XVI-XVII вв. – Уфа, 1993. С. 44-67, 170-196; Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). – Одесса, 1882. С. 140-170.

[2] Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 349. Оп. 45. Д. 2084.

[3] РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2081.

Ситуация изменилась на рубеже XVII-XVIII вв. В ранее освоенных районах Правобережья Волги уже не хватало свободных угодий. В лесостепном Заволжье началась распашка «порожжих» земель, появились первые селения. Поток переселенцев «переваливает» через укрепления Закамской черты, переходит через Волгу на Левобережье. В Самарском Заволжье на прибрежных землях, а также к югу от нижнего и среднего течения Б. Черемшана, Сока с Кондурчей, по Самаре с Б. Кинелем возникают военные (пригороды Сергиевск и Алексеевск), земледельческие и промышленные поселения. Важнейшая роль в освоении всего этого пространства принадлежала государству, опиравшемуся при проведении своей политики на военно-административные ресурсы городов Среднего Поволжья, пригородов и острогов Закамской линии.

В начальной колонизации лесостепного Заволжья необходимо особо отметить инициативу самого Петра I. На первый взгляд, этот регион не входил в число территорий, привлекавших особое внимание царя. Но все же он не забывал о нем. Российский самодержец неоднократно лично вмешивался в события, происходившие на Юго-Востоке Европейской России. Он принимал решения, способствовавшие стабилизации ситуации в регионе, созданию промышленных предприятий, строительству крепостей[1].

Петр дважды побывал на Средней и Нижней Волге. В 1695 г. он вместе с караваном судов спустился вниз до Царицына, откуда затем с войсками перешел на Дон для похода на Азов. Судя по источникам, содержащим описание этого похода, царь практически не посещал средневолжские города. Позднее, в 1722 г. император во главе большой флотилии спускался рекой к Астрахани, где собиралась армия для войны с Ираном. На этом пути Петр вместе со своей женой, будущей императрицей Екатериной I, посетил Самару и осмотрел укрепления города. Походный журнал 1722 г. свидетельствует, что во время краткой остановки в Самаре Петр I «ездил осматривать того города, который огорожен досками»[2].

[1] *Дубман Э.Л.* Южное Средневолжье в планах и деятельности Петра I. // Вестник архивиста.№ 3. 2013. С. 188-201.

[2] Походный журнал 1722 года. – СПб., 1855. С. 41.

Базовыми для освоения Самарского Левобережья в начале XVIII в. становятся Самара и два пригорода – Сергиевск и Алексеевск. Усилению их военного значения и особой роли для закрепления лесостепного Заволжья способствовали решения Петра. «Земляной замок» и система укреплений, защищавших Самару от нападений кочевников из междуречья Самары и Сока, а также оборонительные комплексы Сергиевска и Алексеевска, возводились в 1703-1706 гг. по его указам. При их сооружении были апробированы новые для России приемы европейской фортификации, которые позднее получили широкое распространение при защите южных и юго-восточных рубежей Европейской России (Царицынская, Украинская, Новая Закамская и другие линии). Так, в Самарском «замке»,возведенном после того как город, его деревянная крепость и другие укрепления полностью выгорели в 1703 г., по периметру его земляных валов практически полностью отсутствовали деревянные башни и тарасные стены. Оборонительные сооружения из дерева в новой крепости играли лишь вспомогательную роль[1]. Пригород Казани Сергиевск, основанный в 1703 г. на р. Сок, был перестроен в 1704 г. Он, после вывоза разобранных деревянных стен и башен на юг, также фактически превратился в «земляной замок». Укрепления, основанного в 1706 г. пригорода Самары Алексеевска, также были земляными[2].

Трудно переоценить вклад Петра в создание серных «заводов» на р. Сок и Самарской Луке, его действия, направленные по подавление башкирского восстания в Заволжье[3].

В ходе неудачного начала Северной войны, при нехватке артиллерии и пороха, правительство посчитало необходимым со-

[1] *Ширманов А.К.* Из истории оборонительных укреплений города Самары в XVI-XVIII веках. // Краеведческие записки. Выпуск 2. – Куйбышев: «Куйбышевское кн. изд-во», 1971. С. 10-18; Дубман Э.Л. Земляная крепость в Самаре и другие оборонительные сооружения региона в конце XVI – начале XVIII в. // Самарский край в истории России. Вып. 5. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения П.В. Алабина. – Самара, 2015. С. 152-160.

[2] *Дубман Э.Л.* Земляная крепость в Самаре и другие оборонительные сооружения региона в конце XVI – начале XVIII в. С. 149, 151-152.

[3] *Дубман Э.Л.* Петр I и Самарский край. // Самарский край в истории России: материалы юбилейной науч. конф. Самара, 2001. С. 51.

здать «серные заводы» в среднем течении р. Сок. Сооружение в 1703 г. Сергиевской крепости и трех серных предприятий, начало их деятельности потребовало строительства совокупности поселений работных людей, создания особой инфраструктуры, использования удобных дорог и речных путей для вывозки полученной серы, доставки провианта и материалов[1]. Руководил сооружением серных предприятий и крепости казанский воевода Н.А. Кудрявцев. На их строительство было мобилизовано четыре тысячи крестьян из близлежащих селений. Для производства серы выписали одного мастера, 15 подмастерьев из Симбирска и переселили несколько сотен крестьян[2]. В делах Сената отмечалось: «На помянутые заводы к серному делу мастеровые люди приведены из Симбирска, а работные люди даны из ясашных сел и деревень, которых приведено и отдано в работу годных 246 человек, и дана им в Сергиевске для прокормления земля»[3].

Очевидно, что планы государства не ограничивались только промышленной добычей серы. В долине Сока были обнаружены залежи нефти и медной руды, о чем извещал начальный печатный номер русской газеты «Ведомости» от 2 января 1703 г.[4] Позднее, по распоряжению Петра I от 1717 г., доктор медицины московский штадт-физик Готлиб Шобер, направленный для обследования целебных минеральных источников в Европейской России, посетил Сергиевск и его окрестности, где определил лечебные свойства местных серных вод. Он посчитал, что воды полезны для здоровья

[1] *Бранденбург Н.Е.* Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701-1720 г.). – СПБ., 1876. С. 505-508; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1335. Оп. 2. Д. 5195.

[2] *Лукьянов П.М.* История химических промыслов и химической промышленности России: в 4 т. Т. 2. – М.-Л., 1949. С. 374.

[3] Цит. по: *Кистенев В.В.* Создание промышленного производства в Среднем и Нижнем Поволжье в первой четвертиXVIIIв.: дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2009. С. 69.

[4] *Красовский А.А.* Первый листок русских «Ведомостей» 1703 года, издававшихся под собственным Императора Петра Великого наблюдением, перепечатанного с подлинного, хранящегося в Императорской Публичной Библиотеке экземпляра. // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). Январь. 1834.

и рекомендовал открыть здесь больницу. Результаты исследований Шобера были изложены в специально опубликованном докладе[1].

Путь из Самары через степь к серным заводам был небезопасен и слишком протяжен. Удобнее считалось использовать речной транспорт, тем более, что в то время р. Сок была более полноводна. Ее русло стало основным путем для перевозок грузов и людей в первой четверти XVIII в. Для охраны этого пути по правому берегу Сока от Сергиевской крепости до устья реки были, видимо, устроены несколько редутов. На ландкартах начала 1730-х гг. отмечены редуты у устья р. Кондурчи – «У Каменного броду» и Нижний Кондурчинский; в среднем течении по правому берегу притока Сока р. Раковки – редут Раковский; на левом берегу еще одного притока р. Ольшанки – редут Ольшанский. Выше по течению, у Сергиевска, на противоположном берегу р. Тепловки был устроен маяк. Тем самым, практически все течение Сока от устья до пригорода Сергиевска и серных заводов было защищено редутами, возведенными значительно ранее, задолго до строительства Новой Закамской линии[2]. На «Сокские редуты» посылали небольшие отряды из драгун и яицких казаков. Очевидно, что особую роль во всей этой оборонительной системе междуречья Самары и Сока играли гарнизоны Самары, Алексеевска и Сергиевска.

К сожалению, все попытки выявить, например, в устье р. Кондурчи (в окрестностях современного с. Красный Яр), располагавшиеся там редуты – у «Каменного броду» и Нижний Кондурчинский – не дали желаемых результатов. Очевидно, это были сооружения, состоящие из земляных валов, рвов и простейших деревянных конструкций. Сюда на время летнего сезона и посылались небольшие военные отряды. Постоянных поселений здесь, вплоть до начала 1730-х гг. не существовало.

[1] Описание серного ключа у пригорода Сергиевска при реке Сок, сочиненное доктором Готлибом Шобером. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Июль. – СПб., 1760.

[2] РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2080, 2081, 2083, 3954 и др. Хотя возможно, что часть этих редутов была построена позднее, при размещении караулов для «Черемшанских форпостов».

Под защитой Сергиевской крепости и редутов по Соку возникает несколько небольших сельских поселений. На «ландкартах», подготовленных инженерами экспедиции, занимавшимися проектированием и строительством Новой Закамской линии, указаны по правому берегу р. Сок и по его притокам, от устья р. Кондурчи до пригорода Сергиевска, деревни: Кадомка (Раковка)[1], Ольшанка и Чекалина (Чекалиха), Нижняя Повка и Нижняя Малая Повка[2]. Все они были разорены башкирами. Там же, по среднему и нижнему течению реки особо указаны места «перелаза» кочевников, а сохранившиеся документы свидетельствуют об их постоянных нападениях. Например, из доношения казанских коменданта Н.А. Кудрявцева и комиссара С. Вараксина князю А.Д. Меншикову в 1708 г., вырисовывается разгром русских селений по р. Сок: «... А те воры башкирцы и в нынешнем июне месяце после того числа, в котором бутто добили челом и куран целовали; под Сергиевым городом, что на Соку, деревни разоряли, людей порубили и в полон побрали, и стада отогнали и не в одном месте»[3]. Дополняет эту картину еще одно свидетельство: «Июня 1-2 (1708 г. – *Э. Д.*) под Сергиевском на Соку по полям многих людей похватали и в полон побрали... под Самарою русское село Касимовского царевича воры башкирцы вырубили и в полон побрали»[4]. Видимо, к югу от старой Закамской черты башкиры попытались вообще вытеснить все немногочисленное оседлое население за Волгу. Они рассматривали все эти земли как свои родовые владения. В 1710-х – 1720-х гг. в регионе наступило затишье, но страх перед новыми нападениями являлся, видимо, основным фактором, препятствовавшим более интенсивному заселению региона и появлению здесь новых селений.

Заводы под Сергиевском просуществовали недолго. Производство серы на них оказалось невыгодным, и к началу 1720-х гг. они практически прекратили свою работу[5]. Но Сергиевск сохранил свое значение важного оборонительного центра Самарского Заволжья. Серное же производство было переведено на Самарскую Луку, где в восточных отрогах Жигулевских гор стали добывать кристаллическую серу.

[1] РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2286.

[2] РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2080, 2084, 2279.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. – М.-Л., 1936. Ч. 1. С. 247.

[4] Письма и бумаги Петра I. – М.-Л., 1946. Т. 7. С. 624-626.

[5] *Бранденбург Н.Е.* Указ. соч. С. 505-508.

В 1720-х гг. правительство и местные власти попытались объединить все вооруженные силы, находившиеся в районе старой Закамской черты и к югу от нее. После завершения строительства Царицынской линии генерал-майор Г.С. Кропотов, в распоряжении которого находились все войсковые подразделения в междуречье Дона и Волги и в Заволжье, подал в Военную коллегию и Сенат проект. Одной из его составляющих стало предложение создать из распыленных, разбросанных по отдельным пунктам отрядов, крупную оперативную группировку русских войск в лесостепном Заволжье. Ее главной задачей являлось предотвращение набегов степняков на уже освоенные земледельческие территории. Руководителем этой группы войск численностью более 2000 человек был назначен бригадир Шамордин. В нее должны были войти отряды графа Головкина, располагавшиеся на территории, защищенной Закамской чертой, части полковника С. Друманта, рассредоточенные по мелким форпостам вдоль р. Б. Черемшан, а также драгуны и сотни донских казаков. Этот раздел проекта Кропотова был одобрен Сенатом в конце 1720 г. Для всех войск, находившихся в Закамье, было создано единое командование. Для обозначения укреплений в этом районе и войск, расквартированных на них, утвердилось единое название – «Черемшанские форпосты». Некоторые соединения и их командиры, о которых писал Кропотов, остались в Заволжье вплоть до строительства Новой Закамской линии[1].

В 1729 г. командовать войсками на «Черемшанских форпостах» был назначен генерал-лейтенант В.П. Шереметев, младший брат знаменитого фельдмаршала петровских времен Б.П. Шереме-

[1] *Лавринова Т.И.* План защиты юго-восточной окраины России после сооружения Царицынской укрепленной линии начала XVIII века. // Историческая география Черноземного Центра России (дооктябрьский период). – Воронеж, 1989. С. 81-86; Она же. Царицынская линия: история строительства в 1718-1720 и первые годы существования. – Волгоград, 2012. С. 39-53.

тева[1]. По сравнению с временами Кропотова, численность войск в Закамье значительно выросла. В региональную войсковую группу входили солдаты пяти драгунских полков: Невского, Луцкого, Вологодского, Нарвского и Казанского, солдаты семи пригородов Закамской линии под командованием подполковника Змеёва и яицкие казаки, присылавшиеся сюда погодно. Только в драгунских полках насчитывалось более 4 тысяч офицеров и солдат, в том числе: в Невском – 1091, Луцком – 249, Вологодском – 1250, Нарвском – 1247 и Казанском – немногим более 400[2]. Вместе с «пригородошными солдатами» (их было 2431 человек[3]), из которых позднее, в начале 1730-х годов, были сформированы два конных ландмилицких полка. Общая численность всей этой группировки составила около 6500 человек.

С наступлением весны главные силы этого корпуса выдвигались с зимних квартир к югу. Например, в 1731 г. «главная квартира» В.П. Шереметева размещалась в пригороде Ерыклинске на правом берегу Б. Черемшана. В наши задачи не входит анализ размещения отрядов данной крупной войсковой группировки. Отметим лишь, что наиболее опасной и удаленной к югу являлась рассмотренная нами выше линия редутов, располагавшаяся по правому берегу Сока – от его впадения в Волгу и до Сергиевска[4]. На эти так называемые «Сокские редуты» посылались сторожевые отряды из драгун и яицких казаков.

Таковой была ситуация в лесостепном Заволжье накануне строительства Новой Закамской линии.

[1] Шереметев Владимир Петрович (1668-1737). В Закамье был переведен из Украины. На так называемых «Черемшанских форпостах» командовал войсками до осени 1731 г., а затем был вновь направлен на Украину, где до начала 1736 г. исполнял должность киевского губернатора. В январе 1736 г. получил звание генерал-аншефа и уволен со службы «за слабым здоровьем». Умер в 1737 г. См.: Шереметев П.С. Владимир Петрович Шереметев. 1668-1737. – М., 1913. Т. 1. С. I-XXXV.

[2] *Шереметев П.С.* Владимир Петрович Шереметев. 1668-1737. – М., 1913. Т. 1. С. XXXII-XXXIII; – М., 1914. Т. 2. С. 448-449. Приложения. С. 26.

[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 88-89, 104-105.

[4] РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2080, 2081, 2083, 3954 и др.

2.8. Царицинская линия

Эта линия была возведена в междуречье Дона и Волги в 1718-1720 гг. Ее появление связано с поражением русской армии в Прутском походе, подписанием Прутского и Андрианопольского мирных договоров, вынужденной сдачей Азова и Таганрога. Потребовалась линия укреплений, которая перекрывала бы возможность вторжения крымских и кубанских татар на южнорусские земли, недавно заселенные. Сами укрепления возводились на «Переволоке», то есть на самом узком месте сближения русел Волги и Дона, где традиционно суда перетаскивались с одной реки на другую. Местность представляла собой ровную ковыльную степь с отдельными лесными массивами, где строить укрепления старого типа было невозможно из-за нехватки лесных запасов.

Набеги татар в 1713 и 1717 г. на южную границу потребовали размещения четырех драгунских полков, сконцентрированных в районе Пензы и Саранска. Указ о строительстве новой линии в междуречье Волги и Дона был подготовлен 15 ноября 1717 г.[1] Рассматривалось два варианта новой линии. Первый вариант: от Дмитриевского по течению р. Иловли до впадения в Дон. Другой вариант предлагал возводить земляные укрепления от Царицина до Паншина городка.

Официально решение о месте строительства укреплений от Царицина до Паншина городка принималось Петром I 31 января 1718 г. Чертеж Царицинской линии готовил иностранец – капитан, инженер де Кофеенанта. Строительные работы поручили осуществить драгунским полкам под руководством Г.С. Кропоткина. Ров на валу составлял 8,5 м в ширину и 5 м в глубину. В 1719 г. на строительных работах задействовали 5000 человек. Нехватка древесины компенсировалась присылкой строительного материала из Казани вице-губернатором Н. Кудрявцева. Одновременно приходилось защищать небольшие крепости от прихода кубанских казаков.

[1] *Лавринова Т.И.* Царицинская линия: история строительства в 1718-1720 и первые годы существования. – Вологоград, 2012.

Главный объем работ в 1719 г. пришелся на участок от Грачевской крепости до Царицина. В 1720 г. основной объем работ затронул участок от Паншина городка до Царицина. Для этого использовали драгун, расположенных между Саратовым и Пензой. К сентябрю 1720 г. строительные работы завершились. Появилась Донская крепость, которую окружал земляной вал 3,3 м высотой и шириной в основании 2,6 м. Вал дополнительно укреплялся дубовыми бревнами.

Одновременно отстроили Оскарскую и Грачевскую крепости. Грачевская крепость оказалась самой крупной. Она имела по периметру 297 м, пять земляных бастионов, земляной вал шириной 4,6 м. Последней крепостью на новой линии стала Мачетная на одноименной р. Мачетной. По мнению историка Т.И. Лавриновой общая длина Царицинской линии составила 53,94 км, а с крепостями – 54,16 км.[1]

С постройкой новой линии, хотя и небольшой по сравнению со всеми предшествующими, разительно изменилась политическая обстановка в междуречьи Волги и Дона. Это позволило стабилизировать ситуацию здесь на ближайшие несколько десятилетий, контролируя взаимоотношения с калмыками, крымскими и кубанскими татарами, закрыв им свободный проход к русским городам. Одновременно она стала хорошей защитой руским войскам во время Персидского похода Петра I.

Повседневными делами на Царицинской линии занимался командующий Поволжским корпусом генерал-майор Г.С. Кропотов, а с 1722 г. – бригадир Я.С. Шамордин. Завершение строительства Украинской линии (1731-1735) потребовало реконструировать и укрепления Царицинской линии. Однако этим планам не суждено было рализоваться из-за русско-турецкой войны 1735-1739 гг. В 40-60-е гг. XVIII в. роль Царицинской линии в обороне юга России значительно снизилась, и она стала терять свое военное значение.

[1] Там же. С. 49.

2.9. Оборонительные линии и их роль в защите южных и юго-восточных рубежей России в первой половине XVIII в.

Во второй четверти XVIII в. в лесостепном пограничье европейской России произошли кардинальные изменения в теории и практике фортификационных работ, направленных на создание оборонительных линий и расселение по ним военных сил. Государство вынуждено было возобновить их строительство на Европейском Юге и Юго-Востоке (а позднее и в Сибири), где лесостепные территории были слабо защищены от внезапных набегов кочевых народов. Новации в фортификационном деле были обусловлены, прежде всего, отношением к западноевропейскому оборонительному зодчеству в правление Петра I. После его смерти руководство над фортификационным делом в Российской империи постепенно переходит к Х.А. Миниху, ревностному стороннику концепций военных инженеров Западной Европы[1]. Действительно, Миних, став в 1727 г. обер-директором над фортификациями, в 1729 г. – генерал-фельдцехмейстером и обер-директором Канцелярии главной артиллерии и фортификации Военной коллегии, в 1732 г. – президентом последней, оказал значительное влияние на обустройство южных и юго-восточных границ России[2].

Вместе с тем, новые подходы к защите окраинных территорий были обусловлены переориентацией внешней и внутренней политики в начальный период эпохи дворцовых переворотов; стремлением к экономии средств и необходимостью стабилизации хозяйственного положения страны.

Добившись крупных успехов на западных границах, Россия традиционно обратила свой взор на юг и юго-восток. Идея со-

[1] Русское градостроительное искусство: Петербург и другие новые российские города XVIII - первой половины XIX веков. / НИИ теории арх-ры и градост-ва; Под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. – М., 1995. С. 276.

[2] *Ласковский Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. – СПб., 1865. С. 667, 670; Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. Т. 3. – М., 2000. С. 603.

здания эффективной защиты пограничных со степью территорий, характерная для второй половины XVI-XVII вв., получила дальнейшее развитие еще при Петре Великом. В 1718-1720 гг. между Доном и Волгой была построена Царицынская линия, при сооружении которой использовался как предшествующий опыт русской фортификации, так и европейские новации в военной инженерии[1]. Наряду с укреплением своих позиций на Нижней Волге и в Прикаспии, попыткой экспансии в Среднюю Азию[2], правительство ставит задачу создать новые районы земледельческого освоения на Европейском Юге, а также Юго-Востоке – в Заволжье и Приуралье.

Новая тенденция окончательно оформилась к концу 1720-х гг. и получила практическое воплощение в начале правления Анны Иоанновны. Исследователи полагают, что идею о защите южных границ непрерывной укрепленной линией выдвинул генерал И.Б. Вейсбах, служивший под началом фельдмаршала М.М. Голицына[3] и занимавший одну из ключевых должностей на Украине[4]. Сам Голицын, сторонник создания новых ландмилицких подразделений и использования их для защиты границ с кочевниками, выступил в начале 1729 г. с предложением заменить на южном рубеже полки регулярной армии на ландмилицкие. Это позволило бы значительно сократить расходы на вооруженные силы и, тем самым, снизить налоговое бремя на податное население страны. По мнению Н.Н. Петрухинцева, правительство поддержало предложения фельдмаршала, хотя и «ограничилось полумерами». Было принято решение увеличить количество ландмилицких полков, а также передать под руководство фельдмаршала все военные ча-

[1] *Рябов С.И., Самойлов Г.П., Супрун В.И.* Петр I в Царицыне и на среднем Дону. – Волгоград, 1994. С. 104-108; Лавринова Т.В. Царицынская линия: история строительства в 1718-1720 и первые годы существования. – Волгоград, 2012.

[2] Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718-1725 годах. – М., 1986. С. 5-9.

[3] М.М. Голицын командовал во второй половине 1720-х гг. Украинским корпусом.

[4] *Ласковский Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 68; Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. – СПб., 2001. С. 128; Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. – М., 1887. С. 298; и др. авторы.

сти на юге и юго-востоке Европейской России (полки украинского корпуса, драгун на Царицынской линии и Черемшанских форпостах). Именно, М.М. Голицын и его окружение могли выступить с предложением создать единую систему укрепленных линий по всему периметру южной и юго-восточной границы европейской России[1].

Особый интерес представляет вывод Н.Н. Петрухинцева о параллельном существовании в эти годы двух проектов: «расширения ландмилиции» и строительства единой системы укрепленных линий. Позднее они вошли в единую программу. Причем, план «расширения ландмилиции», по мнению историка, играл ведущую роль для всей будущей реформы[2].

Осенью 1730 г. правительство уже имело план строительства Украинской линии[3]. Летом этого же года комиссия фон Любарса[4] обследовала Царицынскую линию. Выводы членов комиссии были негативные, система укреплений не могла противостоять нападениям кочевников. Необходимо было полностью перестроить укрепления, построить новые крепости и, как не странно это звучит, изменить направление линии[5].

По поводу положения дел в Заволжье, как раз в 1730 г. казанский губернатор А.П. Волынский подготовил для правительства «Записку о башкирском вопросе в Российской империи». Губернатор считал необходимым значительно увеличить военные силы в Башкирии, построить там дополнительные крепости и перейти к более активным действиям на Левобережье[6]. Предложения Волынского были вызваны частыми нападениями кочевников и склонностью башкир к постоянным выступлениям. Об этом же заявлял один из активных участников будущей Оренбургской экспедиции

[1] *Петрухинцев Н.Н.* Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). – М., 2014. С. 227-229.

[2] Там же. С. 228-229.

[3] *Ласковский Ф.Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 68; Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). С. 231.

[4] Нередко встречается написание, как «Любрас» или «Люберас».

[5] *Рябов С.И., Самойлов Г.П., Супрун В.И.* Петр I в Царицыне и на среднем Дону. С. 110.

[6] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. № 134. – М.-Л., 1936. С. 302-306.

А.И. Тевкелева, описавший ситуацию в Заволжье в начале 1730-х гг. как критическую: «Хотя тогда армейских не менее четыре полка на форпостах («Черемшанских» – *Э. Д.*) содержалось, ежегодно Казанского уезду из Закамских мест от пяти до десяти тысяч и более Российских подданных в плен бралось...»[1]

Весьма велики были потери в пограничных военных частях. Как подсчитал Н.Н. Петрухинцев, к концу 1730 г., стоявшие на Царицынской линии и Черемшанских форпостах полки потеряли за предшествующие 4,5 года третью часть людей (4179 чел. или 34,4% табельного состава) и почти две трети лошадей (6696 лошадей – 63,6%)[2].

Все эти обстоятельства способствовали тому, что в конце 1730 г. Сенат принял решение об одновременном строительстве трех укрепленных линий: Украинской, Закамской и Царицынской[3]. Решение сенаторов было утверждено в отношении возведения только двух первых систем укреплений. Для срочного ремонта и реконструкции Царицынской линии были выделены денежные средства из казны. Об этом свидетельствует не сохранившийся в подлиннике текст именного указа от 18 декабря 1730 г.[4]

Необходимо отметить, что понятия «черта» и «засечная черта» в эпоху преобразований Петра I практически перестают использоваться и замещаются наименованием «линия». Интересен в данном случае пример использования этих понятий в указах Петра I, посвященных возведению «Царицынской» системы укреплений. В его указе от 15 ноября 1717 г. было записано о потребности «... сделать черту» между Волгой и Доном[5]. Но Т.И. Лавринова, написавшая исследование об этом памятнике фортификации,

[1]Цит. по: *Смирнов Ю.Н.* Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. – Самара, 1997. С. 24.

[2] *Петрухинцев Н.Н.* Основные этапы «ландмилицкой реформы» 1710-1730-х годов. // Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 3. – СПб., 2006. С. 35.

[3] *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. С. 128; РГАДА. Ф. 248. Кн. 477. Л. 13-13-об.

[4] Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.

[5] Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ-1.) Т. 5. (1713-1719). – СПб., 1830. С. 518. № 3116.

обнаружила в делах Сената выписку из указа от 31 января 1718 г. В нем было указано: «... теми полками и всех чинов людьми зделать линею – вал и ров немалой, укладывая дерном, и по той линеи в пристойных местах зделать небольшие крепости... *К строению той линеи и крепостей послать инженера из артиллерии*»[1]. И затем в указах Петра этого времени уже преобладает определение «линия». Его начитают применять как основное в процессе дальнейшего строительства данной системы[2].

Можно предположить, что широкое использование понятия «линия» было связано с тем, что термины «засека», «черта», «засечные черты» были обусловлены их строительством на залесенных пространствах, где протяженные полосы засек соседствовали с чертами, проходившими по открытой местности и укрепленными валами и рвами. На протяжении начальных десятилетий XVIII в. в Европейской России оборонительные сооружения строились в южной и юго-восточной лесостепи. Леса там были редки. Видимо, поэтому, словосочетание «засечная черта» выходит из употребления и уступает место понятию «линия». Такие изменения в терминологии были, в основном, приемлимы для Царицынской и Украинской линий. В ходе их возведения отдельно стоявшие крепости, фельдшанцы и редуты объединялись в целостную совокупностью валов и рвов. Несколько иначе обстояло дело с Новой Закамской линией в Заволжье. Ее начальная часть проходила, в основном, на восток через степное пространство, но затем, начиная от Сергиевска, линия резко поворачивала на северо-восток, в районы с преобладанием крупных лесных массивов. Поэтому около трети ее протяженности (около 80 км) было прикрыто засеками[3].

После принятия решения о создании и реконструкции (в отношении Царицынской системы укреплений) совокупности оборонительных линий, способных защитить весь европейский юг

[1] *Лавринова Т.И.* Царицынская линия: история строительства в 1718 - 1720 и первые годы существования. С. 29, 92.

[2] Там же. С. 3-4, 93-94.

[3] *Дубман Э.Л.* Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. – 2-е изд., испр. и доп. Самара, 2005. С. 144.

и юго-восток страны, для осмотра поселений украинских полков ландмилиции от Днепра до Дона были посланы генерал-майор А. Тараканов и инженер генерал-майор Дебриньи (de Brigny). Генерал-майор Бриль (де Брильи, Brilly)[1] получил задание осмотреть Царицынскую линию и места предполагаемых поселений «за Волгой, по реке Оке (здесь описка, правильно: по р. Сок. – *Э. Д.)* до реки Белой»[2].

Так в конце 1720-х – начале 1730-х гг. начались конкретные работы по подготовке проектов защиты трех наиболее опасных направлений на юге и юго-востоке от нападений кочевников, создания там новых районов земледельческого расселения.

Наибольшая сложность состояла в том, чтобы определиться концептуально с конфигурацией и технологиями строительства новых линий. Принцип объединения в целостную непрерывную систему валов, рвов, крепостей, засек, передовых застав, маяков и т. д. использовался в российской практике еще в эпоху Московского государства. Можно считать, что новое предприятие повторяло в более южной зоне не менее грандиозный проект второй половины 1630-х – 1650-х гг. по возведению совокупности засечных черт от границ с Польшей до р. Камы. Главное отличие состояло в том, что предполагалось исполнить его по западноевропейским моделям фортификации, основываясь на новых технологических приемах. Для засечных черт такое совмещение на практике было впервые осуществлено в конце 1710-х гг. при сооружении Царицынской линии[3].

Последующее развитие этих подходов и практик стало одним из самых важных направлений в деятельности вновь созданной

[1] Эти два генерала были личностями весьма известными. Француз и итальянец, они поступили на русскую службу в начале Северной войны. Проявив себе в качестве талантливых инженеров, Дебриньи и де Брильи дослужились впоследствии до весьма высокого чина генерал-лейтенанта. См.: Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 5. С. 74-76; Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. М., 1992. Т. 2. С. 536.

[2] Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в С.-Петербургском сенатском архиве за XVIII век. Т. 2. 1725-1740. № 3926. – СПб., 1875. С. 237.

[3] *Лавринова Т.В.* Царицынская линия: история строительства 1718-1720 гг. и первые годы существования.

Канцелярии главной артиллерии и фортификации. Специалисты, работавшие в Канцелярии, подготовили ряд образцовых проектов. Например, «Проекты больших, средних и малых крепостей» применялись как руководства на местах и допускали определенные отходы от предписанных параметров укреплений при проведении строительных работ в конкретных условиях. Сравнительно небольшие локальные единицы – редуты, фельдшанцы, форпосты, маяки и т.д. – строились по всей стране по единым образцам. Составленные в 1730-1740-е гг. инженерами военного ведомства, проекты крепостей предполагали не только применение правильных геометрических очертаний укреплений, но и регулярное расположение находившихся внутри казенных, административных, хозяйственных и жилых зданий[1]. По этим правилам в 1731-1742 гг. построили Украинскую линию из более полутора десятков крепостей и значительного количества редутов. Ее вал проходил от Днепра до Северского Донца[2]. Также возводилась и Новая Закамская линия в 1731-1736 гг.

Первоначально, по крайней мере до середины 1730-х гг., идеи западных фортификаторов (Вобана и других) были восприняты в России слишком буквально. Не брались в расчет специфика границ и их протяженность, особенности тактики набегов кочевых народов. В России только приступали к апробации западных образцов военной инженерии. В Инженерной школе и Инженерном корпусе руководителями, в основном, были иностранцы. Б.К. Миних хорошо владел приемами западноевропейской фортификации, но не мог адаптировать их к российскими реалиям. Следует согласиться с Д.Ф. Масловским, считавшим, что фельдмаршалом «... была решена постройка непрерывной украинской линии, которая носила на себе тип господствовавшей в то время в Западной Европе систе-

[1] Русское градостроительное искусство: Петербург и другие новые российские города XVIII-первой половины XIX веков. С. 276.

[2] Исследователи приводят разные, существенно отличающиеся друг от друга, данные о протяженности линии (от 268 до 400 и более верст) и количестве на ней крепостей. См., например: Заіка Г.П. Українська лінія. – Київ-Полтава, 2001. С. 9-17; Гукова Е.А. Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус (1710-1780 гг.): автореф. ... дис. канд. ист. наук. – М., 2009. С. 16-17.

мы непрерывных укреплений, оказавшаяся в царствование Елизаветы неудобною, крайне тяжелою для населения и не приносящей пользы, хотя стоящей громадных затрат»[1].

Еще более жестко оценивал деятельность руководства Военной коллегии Ф.Ф. Ласковский[2]. Только в последнее пятилетие правления Анны Иоанновны, когда построили Самарскую линию и началось создание оборонительных систем в Приуралье и Сибири, началось исправление допущенных ошибок.

Очевидно, что идея и самое общее понимание проекта строительства новой оборонительной линии в Заволжье должны были сложиться несколько ранее принятого осенью 1730 г. решения Сената и правительства. Вряд ли будет правильным считать, что в их начальной разработке принял участие будущий начальник Закамской экспедиции тайный советник Ф.В. Наумов[3]. Он просто не мог быть среди людей Военной коллегии, работавших над проектами укрепленных линий. Наумов в конце 1728 г. вернулся в Москву из Левобережной Украины, где сыграл ключевую роль в избрании нового гетмана[4]. С осени 1730 г. он работал в комиссии по составлению нового Уложения[5]. Именно в это время Наумов принял участие в событиях, связанных с восхождением на престол Анны Иоанновны. Он входил в группу М.А. Матюшкина, подготовившую один из проектов ограничения самодержавия. «Родословные» люди, его создавшие, были близки к позиции Верховного Тайного совета[6]. Несомненно, что не только «верховники», затеявшие «кондиции», но и члены различных группировок, подготовивших свои проекты реформы высшей власти, попали в

[1] *Масловский Д.* Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. – М., 1883. С. 92.

[2] *Ласковский Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 64-65, 281.

[3] *Смирнов Ю.Н.* Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. С. 21.

[4] *Соловьев С.М.* Сочинения в восемнадцати томах. Т. 10. – М., 1993. С. 138.

[5] *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. – Казань, 1880. С. 223.

[6] Там же. С. 166, 230-231, 234.

подозрение к новой императрице[1]. Вскоре после ее воцарения началась высылка участников дворянской фронды из столицы[2]. Наумова в начале 1731 г. отправили в далекое Заволжье, что практически стало его ссылкой.

Тайный советник даже не был первым, кому поручили возглавить экспедицию для проведения строительных работ в Заволжье и формирования новой линии ландмилиции. Первым стал генерал-майор А.Ф. де Брилли[3], пробывший в новой должности всего два месяца. После его отставки и был назначен Наумов.

При знакомстве с работами, посвященными сооружению Украинской линии, можно предположить, что, при всей близости проектов и конкретных фортификационных сооружений Украинской и Новой Закамской линий, они имели существенные различия. В правительстве, да и сам Миних, хорошо понимали, что южное направление является наиболее опасным. Там, в отличие от лесостепного Заволжья были необходимы дополнительные укрепления, чтобы бороться с крымскими татарами. Украинская линия была более насыщенна такими мощными локальными оборонительными пунктами, как крепости и фельдшанцы. Там, вдоль системы укреплений, были устроены блокгаузы. На Новой Закамской линии конкретных данных об их строительстве и использовании блокгазов не выявлено.

Характерно, что в центре, в том числе и у Миниха, действия Наумова и Бибикова в Закамье вызывали гораздо меньше нареканий, чем организационно-строительные работы руководителей Украинской экспедиции Тараканова и де Бриньи. Так, уже в 1731 г. Сенат и Канцелярия главной артиллерии и фортификации указали последним на серьезные недостатки в сооружении линии и потребовали фактической перестройки системы укреплений с

[1] *Соловьев С.М.* Сочинения в восемнадцати томах. Т. 10. С. 215.

[2] *Корсаков Д.А.* Воцарение императрицы Анны Иоанновны. С. 300.

[3] *Макидонов А.В.* Три генерала, или Кто построил Украинскую линию. Первые метрические книги г. Запорожья (Александровска). – Запорожье, 2017. С. 162.

изменением их маршрута[1]. Очевидно, это было связано с тем, что в центре не подготовили и не передали на места необходимые нормативно-проектировочные материалы.

Похожая ситуация случилась летом 1732 г. на строительстве Новой Закамской линии, и виновато в ней было руководство Канцелярии главной артиллерии и фортификации[2]. Осенью 1731 и в начале лета 1732 гг. инженеры экспедиции при осуществлении строительных работ могли руководствоваться только своими собственными представлениями о конфигурации оборонительных сооружений.

2.10. Закамская экспедиция и строительство новой оборонительной линии

После принятия окончательного указа о создании новой системы оборонительных линий, в течение первых полутора лет (1731 – первая половина 1732 гг.) правительство Анны Иоанновны было особо внимательным к вопросам их возведения. Проектировочные и строительные работы на Новой Закамской и Украинской линиях в это время находились под постоянным контролем Сената.

В феврале 1731 г. тайному советнику Ф.В. Наумову было поручено весной приступить к работам по проектированию и последующему строительству укрепленной линии – «для лучшего охранения низовых городов за Волгою вместо черемшанских форпостов по реке Соку и по другим до реки Ик»[3], а также к формированию в Заволжье полков ландмилиции[4].

[1] *Ласковский Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 69-70; ПСЗ-1. Т. 8. №5778. С. 476-477.

[2] *Дубман Э.Л.* Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. С. 70.

[3] *Иванин М.И.* Описание Закамских линий. // Вестник Русского географического общества. Ч. 1. Кн. 2. – СПб., 1851. С. 63.

[4] Сборник Императорского Русского Исторического Общества (далее – Сборник РИО). Т. 104. – Юрьев, 1898. С. 25, 34.

Район, где должна была действовать Закамская экспедиция под началом Наумова, занимал огромную территорию. Тайный советник фактически становился наместником всего российского пограничья от Дона до Камы. Суть порученного ему дела была изложена в особой «Инструкции». Перед началом строительных работ Наумову предстояло провести набор полков ландмилиции и рабочей силы для строительства, а также осуществить осмотр территории Заволжья – ниже «Черемшанских форпостов» по рекам Сок и Ик, Самаре, Иргизу, другим левобережным притокам Волги; а также Предволжья – по Царицынской линии и по притокам Дона – Иловле, Медведице и другим – с тем, чтобы в «опасных местах» поставить городки и поселить в них вновь созданные полки.

Сроки для разработки проекта были определены самые сжатые. Весной – в начале лета сотрудники экспедиции должны были осмотреть весь предполагаемый район работ, составить ландкарты, планы, сметы и представить свои предложения по обустройству линии[1]. Очевидно, что сформулированный в самых общих чертах в столице вариант проекта, был нереален. Для обеспечения безопасности огромного региона от Дона до Камы, необходимы были иные средства и полномочия. Для опытного администратора такое несоответствие стало очевидным уже при первом знакомстве с порученным предприятием. Поэтому Наумов и его помощники, получив начальное представление о пространстве предполагаемого возведения новой линии, предложили иной план.

Характерно, что в решении Сената от 11 марта 1731 г. практически все предложения тайного советника и самое главное из них – о сокращении территории строительства линии до междуречья Волги и Камы – были удовлетворены[2]. Тем самым, фактически был задан район предстоящих работ и направление будущей линии.

Руководящий состав Закамской экспедиции сформировали к началу лета 1731 г. и сразу же он приступил к работе. Основными помощниками Наумова стали его заместители: по организационным вопросам и военной части – полковник И. Оболдуев (в 1732 г.

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л.2-8.

[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д.478. Л.41-41об.

его заменил бригадир С. Друмант), а по инженерной – капитан-поручик И.А. Бибиков.

Обследование территории прохождения новой линии провели в течение нескольких месяцев лета – начала осени 1731 г. Но уточнение ее маршрута, состава и конфигурации укреплений, размещения поселений ландмилиции затянулось на несколько лет, вплоть до конца 1734 – начала 1735 гг.

На протяжении почти всего времени возведения новой укрепленной системы ее «столицей» – местом размещения руководства экспедиции, сбора рабочей силы и войск, складов с провиантом и оборудованием, мастерских и т. д. – стал пригород Казани – Сергиевск. Пригород был удачно расположен географически, обладал определенной транспортной инфраструктурой и соединял в единое целое юго-западный «самарский» участок укреплений и северо-восточный, уходивший к Б. Черемшану и далее к р. Кичуй. В зимние месяцы руководство экспедиции и «инженерная команда» работали в Симбирске.

Сохранилось прошение Бибикова с обоснованием просьбы о переселении в провинциальный центр. Он писал, что для вычерчивания ландкарт нужны «белые» (т.е. топившиеся по белому) избы, а их в Сергиевске нет, только «черные»: «и помянутых лант карт и протчаго за недовольным светом в избах черных, а паче от сыплющейся сажи с потолков белых чертежей и окуратных учинить бутто невозможно»[1].

По настоянию из центра, строительные работы в экспедиции начались осенью, в последней декаде сентября 1731 г. На них удалось собрать более 3500 мобилизованных крестьян и солдат. Однако, через 3 недели из-за плохой погоды строительство пришлось прекратить, а людей распустить по домам[2].

Наумов и Бибиков рассчитывали возвести новую линию к концу 1733 г. В определенной степени, этот план был реалистичен. Но для производства работ руководители экспедиции запросили

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 288-288-об.

[2] *Дубман Э.Л.* Новая Закамская линия: судьба проект, строительство. С. 53-57.

гораздо больше рабочей силы, чем потом им выделили[1]. И главное, они не учли общей неразворотливости и медлительности административной системы, как в центре, так и в Казанской губернии. Строительство затянулось на 5 лет и даже в 1736 г., когда оборонительные сооружения были уже готовы, а полки ландмилиции расселены, Бибиков считал, что необходимо провести дополнительные работы по ремонту и усилению укреплений.

Мобилизацию крестьян и солдат, формирование полков ландмилиции, выделение необходимых денежных средств и провианта, вопросы, связанные с определением и уточнением фортификации укреплений и технологии строительных работ, постоянно приходилось согласовывать с руководством Военной коллегии и Канцелярии главной артиллерии и фортификации, а также местной губернской администрацией. Всем этим Наумов и Бибиков занимались, как правило, в конце осени и зимой, во время перерыва в производстве работ.

Строительный сезон на линии проводился в две смены, с середины мая до октября. В 1732 г. в первую смену должны были набрать 5000 крестьян, во вторую – 10000. Солдат использовали как для охраны района размещения рабочей силы, так и непосредственно в производстве земляных, лесных и прочих работ. Работные люди, занятые на строительстве укреплений, как крестьяне, так и «пригородочные» солдаты[2], получали заработную плату. Все они должны были сами обеспечивать себя пропитанием. Но многие не могли это сделать, и для них специально заготавливались крупные партии продовольствия (разумеется, за счет выдаваемого жалованья).

Уже весной выяснилось, что собрать к назначенному сроку запланированное количество крестьян и солдат не удастся. Только месяцем позднее, 17 июня удалось приступить к полномасштабным работам. Весь 1732 г. и первую половину 1733 г. в экспедиции ощущалась острая нехватка специалистов, знающих основы фортификационного дела и способных руководить производственным процессом. Очевидно, что организовать труд многих тысяч людей,

[1] Там же. С. 67.

[2] Жители пригородов старой Закамской линии.

собранных на строительство столь сложной в фортификационном отношении оборонительной системы, было крайне трудно. До середины 1733 г. на каждого из специалистов приходилось до 2000 неквалифицированных крестьян и солдат. *Трудности в организации инженерных работ были обусловлены тем, что фр*онт строительных работ на линии являлся чрезвычайно узким и рабочая сила распределялась вдоль него на многие километры. Бибиков, прося у Миниха казенных лошадей для своих подчиненных, объяснял: «... требует нужда смотреть во всех местах, дабы по профилям было зделано окуратно, а пешим усмотреть невозможно»[1].

К тому же, Бибиков и его «инженерная» команда вплоть до июля 1732 г. не могли получить документы из центра о том, какими должны быть параметры и размеры валов, рвов, редутов и других сооружений. Положение удалось исправить только в 1733 г. и в последующие годы, но указанные и многие другие проблемы преследовали экспедицию на протяжении всего времени строительства.

Решающими в возведении оборонительной линии следует считать 1733 и 1734 гг., когда была в основном сформирована система земляных валов и рвов, засек (они составляли до трети протяженности всей системы укреплений), построено большинство редутов и началось обустройство крепостей и фельдшанцев, а также поселений для ландмилиции. В последний, 1735-й, год строительства системы укреплений на линии была расселена ландмилиция[2].

Характерно, что в завершающие годы строительных работ, помимо неквалифицированной рабочей силы руководство экспедиции просило присылать «мастеровых». В реестре, составленном Бибиковым на потребных в 1734 г. работных людей, было запрошено 165 человек, которые должны были явиться с «надлежащим инструментом». Среди них указаны кузнецы, плотники, печники, слесари, столяры, токари, каменщики и даже минеры для «разрывания каменья»[3].

[1] Научный архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее – НА ВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 426.

[2] *Дубман Э.Л.* Новая Закамская линия: судьба проект, строительство. С. 107-115.

[3] Там же. С. 93.

В планировании и создании Новой Закамской черты, в значительной степени отразились особенности фортификационной науки того времени, когда механистическое восприятие теорий западноевропейских фортификаторов нередко не соответствовало действительным нуждам обороны южных и юго-восточных границ государства. Так, например, Наумов, Бибиков и другие офицеры экспедиции считали, что непрерывной системы валов, рвов и прочих укреплений по левому, южному берегу Сока на протяжении более чем 60 км строить не нужно. По их мнению, достаточно было восстановить редуты, возведенные еще при Петре I (или во время создания «Черемшанских форпостов»), по правому, северному берегу реки. Их следовало дополнить локальными укреплениями, под которыми нужно было расселить ландмилицкие части. Однако, эти предложения, позволяющие существенно удешевить и ускорить ход строительных работ без ущерба для безопасности региона, Военной коллегией не были приняты во внимание.

Но бывали ситуации, когда руководству экспедиции удавалось убедить вышестоящее начальство. Исходя из особенностей местности, ее топографии, «земельного квалитета» (большая часть работ были земляными) и других особенностей Самарского Заволжья, руководители Закамской экспедиции в ряде случаев смогли доказать столичному руководству и самому президенту Военной коллегии Б.Х. Миниху, правоту своих подходов к расположению и конструктивным особенностям сооружений.

Следует указать на еще одну сторону деятельности руководства Закамской экспедиции. Несомненно, что для отрываемых от своего хозяйства крестьян работа на строительстве оборонительной линии была тяжелой повинностью, губительно сказывавшейся на их имущественном положении и здоровье. Многие скрывались от мобилизации на работы, опаздывали на недели. Итоги ежедневно проводимого в экспедиции учета выходящих на работу показывают определенное количество беглых, заболевших и даже умерших. Но, следует отметить, что таких случаев было сравнительно немного. Число заболевших и умерших ни в коем случае

нельзя сравнивать с подобными данными на крупных строительных работах времени правления Петра I.

О том, что руководство экспедиции предпринимало определенные усилия для сохранения контингента работных людей, пыталось заботиться об их здоровье, свидетельствует случай, произошедший в экспедиции. С 26 июня по 7 июля (по старому стилю) 1732 г. был допущен длительный перерыв в работах, связанный с выявленной опасностью возможной эпидемии. На одном из драгун гарнизонного полка, прикрывавшего район строительства, была обнаружена язва, признанная лекарем, служившим в экспедиции, «опасной». Между Ф.В. Наумовым, губернской канцелярией и Сенатом началась переписка. Все строительные работы пришлось приостановить, а «команды разведены по разным местам». Вопрос встал о полной изоляции района работ и об устройстве «застав». В «определении» Сената от 11 июля было предписано, в случае обнаружения действительной опасности эпидемии, ввести в Заволжье весь комплекс противоэпидемиологических мер.

Характерно, что опытный Наумов усомнился в квалификации бывшего в экспедиции «медицинского работника». И действительно, комиссия из трех полковых врачей, присланных из Казани, во главе со «старшим лекарем Крестьяном Шпером», признала эту болезнь не опасной. С 6 июля вновь началась «линейная работа»[1].

Действительно, каких-либо последствий этой «эпидемии» в дальнейшем не проявилось. Строительство линии продолжалось.

Новая оборонительная система

В результате проведенных Закамской экспедицией работ, была построена одна из крупнейших в Российской империи оборонительных линий, созданная для защиты лесостепного Заволжья от нападений кочевых народов. Возводившаяся в течение 5 лет (1731-1735 гг.) непрерывная система укреплений протянулась от р. Самары (при впадении в нее Б. Кинеля) до р. Кичуй. Ее хорошо

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 481. Л. 253; Сенатский архив. Т.2. – СПб., 1889. Указы 1732 г.

сохранившиеся земляные сооружения пересекают пространство современных Кинельского, Красноярского, Сергиевского, Исаклинского, Шенталинского районов Самарской области, Черемшанского и Альметьевского районов Республики Татарстан.

Что же представляла собой эта оборонительная линия к лету 1736 г. – времени, когда практически были завершены строительные работы и принято решение о ее «консервации»? Какие идеи и каким образом смогли воплотить в Заволжье руководитель экспедиции тайный советник Ф.В. Наумов и начальник над инженерной частью капитан-поручик (с 1732 г. капитан) И.А. Бибиков? Именно Бибикову из Канцелярии Главной артиллерии и фортификации было поручено, «чтоб он над той линиею... имел прилежное смотрение, и всегда б оная содержана была в добром состоянии»[1].

Новая Закамская линия задумывалась как грандиозное сооружение. Ее общая протяженность в междуречье Волги и Камы должна была составить около 400 км. По этому показателю она является вполне соизмеримой с Украинской линией (от 268 до 400 и более верст, по мнению разных исследователей[2]) и значительно превышала размеры Царицынской (около 64 км). Но весь обширный проект, предполагавшийся осуществить в Заволжье, был выполнен лишь частично. Инженерные сооружения построенной черты прикрыли пространство между нижним течением р. Самары и р. Кичуем. Это были самые опасные территории Заволжья, непосредственно соприкасавшиеся со степью и южной частью лесостепи, где существовала постоянная угроза нападений калмыков, каракалпаков и прочих степных народов.

На втором участке, расположенном между реками Кичуй и Ик, где располагались поселения башкир, к строительным работам так и не приступили. За все время деятельности Закамской экспедиции в 1731 – начале 1736 гг. этот район фактически находился вне

[1] РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 69. Л. 5.

[2] *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. С. 129; Заїка Г.П. Українська лінія. С. 9; Гукова Е.А. Украинская линия и украинский ландмилицкий корпус в трудах военных историков. // http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/6/Gukova/

активной деятельности и юрисдикции ее руководства. В отчетах и «доношениях» в вышестоящие инстанции, Наумов и Бибиков ничего не сообщали о том, что происходило за р. Кичуем. Даже во время башкирского восстания 1735-1736 гг. руководство экспедиции осталось в стороне от активного участия в его подавлении[1]. Они прекрасно понимали, что выход на земли, которые башкиры считали исконно принадлежавшими им, грозит серьезными осложнениями.

В выписке из сенатских дел времени строительства и эксплуатации Новой Закамской линии помещен перечень ее важнейших оборонительных сооружений и приведено расстояние между ними. Были указаны 4 крепости (Алексеевская, Красноярская, Сергиевская и Черемшанская), 4 фельдшанца (Чернорецкий, Кондурчинский, Шешминский (без поселения) и Кичуйский) и 6 редутов (Хороший, Орлянский, Заинский, Суружский, Тарханский и под Тарханским лесом). Всего 14 долговременных военно-оборонительных сооружений. Составители списка не указали еще 5 укреплений (редуты Кинельский, Красный, один из Орлянских, Суровский (у перехода через р. Сок), а также Падовский ретраншемент)[2]. Отсутствие этих сооружений в отчете объяснялось тем, что при них не имелось поселений ландмилиции и, соответственно, не предполагалось постоянного гарнизона. Общая протяженность построенной линии составила, по подсчетам составителей перечня, 246 верст[3].

В 1732 г. руководству Закамской экспедиции было предписано: «... а довольно будет к обороне, ежели по той линии построено будет на удобных местах от 20 до 30-ти верст по одной крепости, понеже во время неприятельского нападения на означенной дистанции могут люди от двух крепостей часа в два или в три соединиться»[4]. Этому базовому положению при строительстве

[1] *Акманов И.Г.* Башкирское восстание 1735-1736 гг. – Уфа, 1977.

[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 48.

[3] РГАДА. Ф. 248. Кн. 151. Л. 392-392-об. На самом деле, сумма всех расстояний между укрепленными пунктами составляет около 244 верст (260,3 км).

[4] *Буканова Р.Г.* Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. – Уфа, 1997. С. 92; РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 139. Л. 158-об.

линии организаторы работ придерживались следующим образом. В среднем, расстояние между крепостями и фельдшанцами, оборонительными сооружениями одного типа, на участке между Алексеевской крепостью и Кичуйским фельдшанцем достигало около 30 км. Между редутами с устроенными при них поселениями ландмилиции оно составляло примерно 17 км, а с редутами без гарнизонов – 13,3 км. Учитывая мобильность войск, размещенных по линии, наличие постоянных конных разъездов, постов, маяков и т.д., можно считать, что весь фронт новой системы обороны был достаточно защищен.

Земляные оборонительные сооружения Новой Закамской линии сохранились достаточно хорошо. В совокупности они являются уникальным памятником фортификационного искусства первой половины XVIII в. Современного наблюдателя буквально поражают отчетливо выделяющиеся на местности, будто проведенные по линейке валы и рвы, огромные, даже по современным масштабам, укрепления городков-крепостей у населенных пунктов Красный Яр, Сергиевск, Крепость Кондурча, Черемшан и др.

Оборонительные сооружения Новой Закамской, да и Украинской, линий строились в основном из земли в соответствии с фортификационной практикой того времени. Анализ конструктивных особенностей их земляных сооружений свидетельствует о качественном изменении существовавших ранее в Московском государстве приемов военной инженерии. К новациям относятся полное преобладание земляных укреплений, четкая и продуманная геометричность их профилей, отсутствие деревянных башен и тарасных стен по периметру бастионных шанцев. Все это начало проявляться еще при строительстве «земляного замка» в Самаре, пригородов Сергиевска и Алексеевска в начале XVIII в., но окончательно оформилось в период возведения оборонительных линий 1730-х гг.

Так, для бастионных шанцев характерной особенностью стало крайне небольшое количество зданий и других деревянных сооружений, располагавшихся во внутреннем периметре укреплений. Ландмилицкий гарнизон расселялся вне самого шанца и только в

случае нападения занимал его укрепления. По периметру земляного вала не устраивалось тарасных укреплений, бревенчатых башен и т.д. Разумеется, без деревянных ворот, подъемных мостов, палисадника вдоль покрытого пути обойтись было нельзя. Внутри, под защитой валов строились также пороховые погреба, будки для караула, маяк, колодец и ограниченное количество других сооружений. Но фактически все остальные оборонительные сооружения возводили из земли[1]. Стрельба из огнестрельного оружия шла или с прикрытого пути через гласис, где был устроен частокол, или через банк, т.е. с гребня насыпи. Даже пушки устанавливали на специальных земляных насыпях – барбетах, покрытых деревянными настилами для устойчивости орудия. Пушечная стрельба осуществлялась, в целом, так же, как и из ручного оружия, – поверх бруствера. Это давало возможность наводить их в любую сторону[2].

Ранее уже говорилось, что на 2/3 всей своей протяженности оборонительная линия состояла из земляных вала и рва, перемежаемых редутами, фельдшанцами и крепостями. Именно их и можно наблюдать в настоящее время. Совершенно не сохранились деревянные строения: башни, частоколы, надолбы, рогатки, засека и т.д. Валы и рвы на многих участках (между Красным Яром и Сергиевском по левой стороне р. Сок, за Сергиевском к селу Крепость – Кондурча и далее), хотя и оплыли под влиянием ветровойи водяной эрозии, но в целом хорошо сохранились.

Судя по разрезам вала и рва, представленным на планах времени строительства линии, глубина системы укреплений составляла около 16 м. В нее входили следующие составные части. Первая внешняя – это гласис, шириной около 3,5 м и высотой 0,6 м, с прикрытым путем перед рвом, шириной примерно 0,5 м. Ширина рва по дневной поверхности земли составляла более 4,5 м, по дну – около 2,1 м, его глубина достигала до 2-2,5 м. Берма, отделявшая ров от насыпи, была достаточно широкой – около 1,5 м. Вал линии являлся сложным сооружением реданного типа, устроенным так,

[1] *Дубман* Новая Закамская линия. С. 132-151.

[2] *Теляковский А.З.* Фортификация. // Сост. лейб-гвардии сапер. батальона штабс-кап. Аркадий Теляковский. 2-е изд., испр. и доп. Ч. 1. – СПб., 1848.

чтобы нападавшие, даже форсировавшие ров и прорвавшиеся через укрепленную кустарником или палисадом полосу бермы, находились в максимально поражаемой защитниками зоне. Командование (высота) вала над уровнем дневной поверхности составляло около 2,5 м, его ширина – примерно 6 м.[1]

«... При подъеме или спуске с гор переламывали линию вала так, чтобы из-за него можно было обстреливать скат горы»[2]. Для этой же цели примерно через 200-320 м по всей протяженности Новой Закамской линии были устроены реданты (реданы), представлявшие собой выступы на линии в сторону противника в виде угла, близкого к прямому, стороны которого образовывали те же вал и ров[3]. Совокупность редантов и «изломов» вала – всех фортификационных особенностей – позволили М.И. Иванину, осматривавшему укрепления в середине XIX в., прийти к выводу о том, что «... вся линия эта представляет как бы укрепленный обширный лагерь»[4].

Засеки, заменявшие в лесных районах валы и рвы, тянулись отдельными участками примерно на 79 км и к настоящему времени совершенно не сохранились. Переплетение срубленных в сторону противника деревьев такой засеки могло составлять 100 и более метров в глубину.

Валы, рвы и гласисы редутов, фельдшанцев и крепостей, составляющие их стороны, были идентичны по конфигурации соответствующим сооружениям самой линии. Редуты квадратной формы (со стороной в 50-60 м, например, Сурушский), как правило, служили для временного размещения небольших отрядов, караулов или разъездов, и потому внутри их не имелось сколько-нибудь серьезных строений.

Наиболее грандиозными сооружениями, особенно впечатляющими современного наблюдателя, являются, несомненно, крепости – Красноярская и Черемшанская. Следует представить

[1] РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2277, 2283, 2286.

[2] *Иванин М.И.* Описание Закамских линий. С. 69.

[3] НА ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 84. Л. 523-523-об.

[4] *Иванин М.И.* Описание Закамских линий. С. 69.

себе примыкающий двумя противоположными углами к линии огромный квадрат из укреплений, со сторонами более четверти километра каждая, с далеко выступающими 4-мя бастионами и равелином, обращенным в сторону противника. Об их размерах свидетельствует тот факт, что в настоящее время внутри Красноярской крепости располагаются стадион и другие спортивные сооружения. Высота бруствера Черемшанской крепости (от дна рва) составляет около 8 м. Соответственно, при идентичности конфигурации размеры системы «вал – ров» в крепостях и фельдшанцах были более значительными, чем в оборонительных сооружениях самой линии.

Сохранилось немало лестных оценок качеству выстроенных укреплений Новой Закамской линии[1]. Даже противники ее строительства, в конце концов, вынуждены были признать, что инженеры экспедиции смогли творчески и со знанием дела воплотить в реальные оборонительные сооружения директивы, полученные из Канцелярии главной артиллерии и фортификации и Военной коллегии.

Свое военно-стратегическое значение Новая Закамская линия сохраняла крайне недолго. Уже в середине – второй половине 30-х гг. XVIII в. правительство приступило к осуществлению в Заволжье более грандиозного проекта, предложенного И.К. Кириловым, частью которого было строительство Самарской (Оренбургской) линии и Оренбурга, как главного форпоста продвижения России в Среднюю Азию и далее на Восток. Ранее возведенная система укреплений оказалась в тылу, ее крепости потеряли свое значение, ландмилицкие гарнизоны были переведены на новую линию.

Заволжская ландмилиция и ее расселение по линии

В начале 1730-х гг. при рассмотрении в Военной коллегии вопроса о сооружении Украинской и Новой Закамской линий, для расселения по ним решили использовать ландмилицию (указы

[1] РГАДА. Ф. 248. Кн. 151. Л. 388, 392-об., 398-об.

января – июля 1731 г.)[1]. Под ней понимались поселенные войска, используемые для охраны границ.

Первая половина XVIII в. стала временем интенсивного развития ландмилицких войск в Европе[2]. В России ландмилицию учредил Петр I в 1713 г. В годы правления Анны Иоанновны этот род войск был подвергнут реорганизации, его численность значительно выросла[3].

Государство, организуя полки ландмилиции, пыталось уменьшить наборы рекрутов и тем самым сэкономить на содержании армии. Как считает Н.Н. Петрухинцев, содержание конного полка ландмилиции обходилось в 3,5 раза дешевле, чем регулярного полка драгун и в 1,7 раза – гарнизонного драгунского[4]. Солдат ландмилиции обеспечивали, в основном, земельными наделами, что способствовало хозяйственному освоению пограничья. Ее полки снабжались всем необходимым за счет однодворцев, из которых они формировались[5].

Ландмилицкие части были регулярными (в 1731 г. это стало обязательным). Однако, по особенностям службы они значительно отличались от армейских. Регулярным в них был только офицерский состав. Зимой солдаты находились дома, летом их собирали на лагерные сборы и использовали в случае необходимости. Мнения о боеспособности этого рода войск у современников диаметрально различаются. Например, командовавший войсками на «Черемшанских форпостах» В.П. Шереметев весьма скептически

[1] *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. С. 128; Гукова Е.А. Украинская линия и украинский ландмилицкий корпус в трудах военных историков; Пенской В.В. Украинский ландмилицейский корпус в XVIII веке. // Вопросы истории. 2000. № 10; Заіка Г.П. Українська лінія.

[2] *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. С. 124.

[3] Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3. К-М. – М., 2000. С. 277.

[4] Там же. С. 121

[5] *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719-1728 гг. Л., 1982. С. 128; Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. С. 107, 125

писал об их военной подготовке[1]. Служивший в 1730-х гг. в русской армии Х.Г. Манштейн, напротив, считал, что «это превосходнейшее войско в России»[2]. Ландмилиция, как один из родов войск русской армии XVIII в., достаточно хорошо изучена отечественными историками, и мы не будем детально освещать этот вопрос[3].

До начала строительства оборонительной системы попыток создать ландмилицкие части в Поволжье и далее на Юго-Востоке Европейской России не предпринималось. В указе руководству вновь организованной Закамской экспедиции от 19 февраля 1731 г. была поставлена задача создать в Казанской губернии из населения пригородов «старой» Закамской линии (пахотных солдат, однодворцев, других групп бывших служилых людей, переведенных при Петре I в категорию государственных крестьян[4]) Шешминский, Билярский, Сергиевский конные и Алексеевский пехотный полки ландмилиции. В их задачу входила охрана новой укрепленной линии и расселение вдоль нее. 21 февраля 1731 г. Ф.В. Наумов получил «Инструкцию», где были даны более конкретные предписания: набрать два полка ландмилиции и произвести осмотр территории Заволжья и Предволжья, чтобы поставить «городки» и поселить в них солдат новых полков.

Жалованье солдатам этих частей предполагалось платить из так называемого «4-х гривенного сбора». Новые полки обеспечивались деньгами, довольствием и обмундированием из того же сбора. Солдаты должны были носить такую же форму, как и в украинских полках ландмилиции. Служба предполагалась сезонной. Солдат собирали летом, а на зиму распускали по домам.

Уже в летний сезон 1731 г. сотрудники экспедиции должны были осмотреть территорию Заволжья, подготовить свои предло-

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 234-236об.

[2] *Манштейн Х.Г.* Записки Майнштейна о России. 1727-1744. СПб., 1875. С. 67.

[3] Бескровный, Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958; Петрухинцев, Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. С. 120-127; Анисимов, Е.В. Податная реформа ПетраI. Введение подушной подати в России 1719-1728 гг. С. 178-179; Пенской В.В. Украинский ландмилицейский корпус в XVIII веке.

[4] Сборник РИО. Юрьев, 1898. Т. 104. С. 25,34.

жения по обустройству линии и, вместе с тем, произвести набор в ландмилицию[1]. В плане работ на следующий, 1732-й, год после начала строительства Новой Закамской линии предполагалось приступить к межеванию земель для ландмилиции[2].

Источником для формирования этого рода войск в Закамье были две группы населения Казанской губернии. В первую входили не положенные в подушный оклад служилые люди закамских пригородов – так называемые «пригородочные солдаты». Пригороды располагались по старой Закамской черте и в ее окрестностях. Из этой группы набирали всех годных к службе и из них должны были сформировать два конных полка – Билярский и Шешминский.

Положенные в подушный оклад «прежних служеб служилые люди» в городах, пригородах и селениях Казанской губернии должны были укомплектовать Сергиевский конный и Алексеевский пеший полки. Численность этой категории населения составляла около 29 тыс. душ, и из них производился выборочный набор с 13 человек – один солдат ландмилиции[3]. Эти люди были расселены по огромной территории: у Соли Камской, на Вятке, в Кунгуре, Пензе, Саратове, Петровске и т.д.

Уже к концу 1731 г. стало очевидным, что формирование ландмилиции проходило крайне неудачно. Перенос ее набора на 1732 г. также не дал нужных результатов. В декабре этого года Наумов сообщал в Военную коллегию: «Напред сего писано от него о ланд милицких полках [в которые назначены прежних служеб люди], что оныя за присланными из правительствующаго Сената указом в одно место не збираны, ружьем, мундиром и амуницией не укомплектованы, а живут в домех своих Казанской губернии и Синбирской провинции в разных городех и уездех на далнем разстоянии». Тайный советник жаловался, что присланных к полкам

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 2-8.

[2] Там же. Д. 481. Л. 129, 136.

[3] *Дэн В.Э.* Население России по пятой ревизии. Подушная подать в XVIII веке и статистика населения в конце XVIII века. Т. 2. – М., 1902. С. 41, 181; Шереметев П. Владимир Петрович Шереметев. 1688-1737. Т. 2. Приложения. – М., 1914. С. 52-53.

для командования штаб и обер-офицеров даже поселить негде. Практически не удалось решить вопрос финансового обеспечения новых полков и их офицерского состава. Последние были почти столь же бедны, как и их подчиненные. По мнению Наумова, для обучения солдат ландмилиции навыкам военного дела их следовало собрать вместе, а к весне выслать на линию, чтобы они начали строить «про себя».[1].

В Военной коллегии и Сенате согласились с предложениями руководства экспедиции и сбор ландмилицких полков перенесли на начало мая 1733 г.[2] Сенатский указ от 27 января 1733 г. о расстановке «в пристойных местах в кампаненты» «назначенных в ландмилицию из прежних служеб людей... и пригородочных солдат» и посылке их «на линейную работу и для строения слобод, по половине переменой» стал одним из базовых для формирования ландмилиции в Заволжье[3]. Но впоследствии его не раз дополняли и корректировали[4].

Все эти действие в итоге дали положительный результат. К началу весны 1733 г. Наумов доносил в Сенат, что два конных полка ландмилиции сформированы, а остальные два находятся на стадии комплектования. Годные к службе части были направлены на линию, но жалованье для них еще не поступило[5].

Чтобы полностью укомплектовать созданные полки ландмилиции, к ним причислили солдат трех рот, набранных «в прошлые годы» из жителей Самары и Алексеевска. Тем самым, значительную часть гарнизонов Самары и Алексеевска вывели из-под подчинения местных воевод и передали руководству экспедиции. В ходе перевода выяснилось, что эти солдаты ранее были наделены пахотной землей и угодьями в междуречье Самары и Сока, но их не обрабатывали из-за нападений кочевников и нехватки времени. Сами же солдаты просили заменить наделы земли жалованьем[6].

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 28-28-об.
[2] Там же. Л. 61-62-об.
[3] ПСЗ-1. Т. 9. № 6315.
[4] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 484. Л. 54.
[5] Там же. Л. 227.
[6] Там же. Л. 143-152.

В итоге, в именном указе 7 мая 1733 г. окончательно утвердили названия всех четырех ландмилицких полков. Из них Шешминский, Билярский и Сергиевский были конными, а Алексеевский – пешим. При этом было особо отмечено, что два последних полка состояли из служилых людей «прежних служеб» и свои названия получили потому, что «те городы по линии состоят первые»[1]. Очевидно, в правительстве Самару и Алексеевск стали окончательно рассматривать как составную часть новой линии.

К концу августа, комплектование всех четырех полков было завершено. Два из них, как и в прошлом году, направили на линейные работы, солдаты остальных двух находились в обучении. Все попытки разместить ландмилицию в поселениях по линии не приносили результата. Эти поселения были просто не обустроены. Вместе с тем, распускать солдат по местам их прошлого проживания также было нельзя. И в Военной коллегии, и в экспедиции понимали, что их потом будет невозможно собрать. В результате ландмилицию распределили на «зимние квартиры» в соседние Самару, Алексеевск, Сызрань и Симбирск.

Решающий момент в расселении ландмилиции и наделение ее землей наступил в конце 1734-1735 гг. Именно, осенью 1734 и в 1735 гг. руководство экспедиции напрямую занялось размещением поселений солдат по оборонительной линии[2]. Не будем специально останавливаться на рассмотрении подготовленного Ф.В. Наумовым 15 октября 1734 г. донесения в Крикс-комиссариат, где он изложил проект с красноречивым названием: «Ведомость, где имеет быть по линии при крепостях и фельдшанцах поселения...»[3] Позднее этот проект неоднократно дорабатывался и, в конечном итоге, был существенно изменен. Одним из важнейших его положений являлось то, что гарнизоны, размещенные в поселениях

[1] ПСЗ-1. Т. 9. № 6388.
[2] *Дубман Э.Л.* Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство; Он же. Ландмилиция Новой Закамской линии: расселение и наделение землей. // Аграрное и продовольственное развитие России в XVIII – XX веках: пороги безопасности. Сборник статей. – Оренбург, 2008.
[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 485. Л. 270-272.

при крепостях, должны были дублировать и замещать друг друга на сопредельных территориях. Тем самым, создавалась двойная система безопасности на местах, прикрытых новой линией.

Крайне важной для понимания экономического положения солдат ландмилиции является инструкция из канцелярии Закамской экспедиции от 15 октября 1734 г. о наделении их землей и использовании на сельскохозяйственных работах «помощников». Она была адресована геодезистам, от которых требовалось следующее: «При новопостроенных при Закамской линии крепостях, фельдшанцах и редутах... ландмилице на определенное число людей, где сколько поселено будет, как под дворы и огороды и под гумна, так и под пашню земли и сенных покосов и лесных угодей ... отвесть земли на каждого человека, которой служить будет и на ево братьев, детей и племянников, годных в службу... да еще ж на помощников, которой с каждым ландмилицом служить будет». Было решено также создать фонд запасных земельных угодий «... для того, когда у которого ландмилица и у помощника братья и дети и племянники подрастут и в службу явятца годные, хотя будут и за комплектом, таким было б ис чего земли давать...» Приписанные к линии земли также отводились под храмы, полковые канцелярии, дворы офицеров и церковнослужителей[1].

Отметим, что практика использования на сельскохозяйственных работах «помощников»для обеспечения полноценной военной службы солдат была общепринятой. Так было и при заселении Украинской линии[2]. Помощников «... на Закамскую линию к ландмилицам брали ж для роспашки земли, к каждому по человеку с лошадьми, с косами, с сохами и с топорами, и со всякими припасы». Видимо, численность этой категории временного населения была весьма значительной. В поселках, предназначенных для ландмилиции, для вышеуказанных работников «на корм собиралось... подмоги, и каждый... помощник становился по 7 руб. и больше»[3].

[1] РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Ч. III. Д. 2358. Л. 2-4; СИРИО. Т. 104. С. 419.

[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 116.

[3] Сборник РИО. Т. 130. С. 176, 188.

В Военной коллегии считали, что «помощники» не смогут обеспечить необходимыми продуктами солдат, получивших землю. Поэтому на первых порах их должны были снабжать продовольствием[1].

Создание и расселение ландмилиции в Заволжье происходило с большими трудностями, несло лишения и разорение, как для рядового, так и офицерского состава. Нередко, солдаты и офицеры выказывали открытое неповиновение[2].

Итоговое описание Новой Закамской линии и расселения на ней ландмиции сохранилось от конца 1735 г.[3] Именно оно позволяет представить обустройство поселений ландмилиции, расселение полков и рот, наделение их землей.

Расселение рот ландмилиции при крепостях и фельдшанцах в реальности означало также распределение их по «прикрепленным» к данным шанцам редутам. При последних также решили создать небольшие поселения. Это разъяснение было направлено в экспедицию из Военной коллегии и Сената, и его приняли там к исполнению. Например, одну конную роту из «прикрепленных» к пригороду Алексеевску, должны были разместить в слободе при редуте Красном. Отмечалось, что при редуте воды было мало, но в 150 саженях имелся ключ, который следовало расчистить и сделать там плотину. Из Чернорецкого фельдшанца одну конную роту поставили при двух Орлянских редутах, объясняя это решение тем, что редуты находились по соседству друг от друга. В Сергиевск, где планировалось поставить четыре конные и две пешие роты, было предложено добавить вместо пехоты одну роту конницы. Из этого состава одну конную роту перевели к редуту при Заинском колке, а вторую – к Сурушскому редуту. Вопросы с наличием воды решали по разному. При Заинском колке на ключах посчитали необходимым поставить плотину, а при Сурушском редуте выкопать колодцы, «которые и ныне там есть». Из Кондурчинского фельдшанца одну конную роту поселили при редуте в Тарханском

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 485. Л. 332.

[2] Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. – М., 1957. С. 244.

[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 157-159, 187-197.

лесу. Для обеспечения её водой на реке следовало сделать плотину. В поселении у Шешминского фельдшанца оставили три конных и одну пешую роты, а по одной конной и пешей роте решили все-таки поселить при Кичуйском фельдшанце, где было мало земель, удобных для земледелия[1].

По описанию расселения ландмилиции 1735-1736 гг. всего на черте было устроено 14 постоянных поселений, в которых разместили солдат всех четырёх полков[2]. Наиболее значительные гарнизоны стояли при крепостях и фельдшанцах.

В крепостях:

— Алексеевской – 4 роты Сергиевского конного (408 чел.) и 1 рота Алексеевского пехотного полков (156 чел.);

— Красноярской – 4 роты Сергиевского конного (408 чел.) и 1 рота Алексеевского пехотного полков (156 чел.);

— Сергиевской – 3 роты Билярского конного (306 чел.) и 1 рота Алексеевского пехотного полков (156 чел.);

— Черемшанской – 3 роты Шешминского конного (306 чел.) и 1 рота Алексеевского пехотного полков (156 чел.).

В фельдшанцах:

— Чернорецком – 1 рота Сергиевского (102 чел.), 2 роты Билярского конных (204 чел.) и 1 рота Алексеевского пехотного полков (156 чел.);

— Кондурчинском – 1 рота Шешминского (102 чел.), 2 роты Билярского конных (204 чел.) и 1 рота Алексеевского пехотного полков (156 чел.);

— Шешминском – 3 роты Шешминского конного (306 чел.) и 1 рота Алексеевского пехотного полков (156 чел.);

— Кичуйском – 1 рота Шешминского конного (102 чел.) и 1 рота Алексеевского пехотного полков (156 чел.).

Таким образом, по линии было размещено 26 рот конных полков, численностью 2652 человек и 10 рот пехотного полка, состоявшего из 1560 военнослужащих; всего – 4212 чел. Кроме того, необходимо учесть в составе населения линии еще офицерский корпус и священнослужителей.

[1] Там же. Л. 196-197-об.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 6538.

Крепости и редуты являлись близкими в инженерном отношении сооружениями, и поэтому гарнизоны, поселенные при них, существенно не отличались по числу солдат. Несколько выделялись только Красноярская и построенная еще в 1706 г. Алексеевская крепости, в каждой из которых находилось по пять рот, а также Кичуйский фельдшанец с гарнизоном из двух рот.

К шести редутам, размещенным по линии, приписали шесть рот конных ландмилицких полков:

— Хорошему – 1 рота конного Сергиевского полка (102 чел.);

— Орлянскому – 1 рота конного Билярского полка (102 чел.);

— Заинскому – 1 рота конного Билярского полка (102 чел.);

— Сурушскому – 1 рота конного Билярского полка (102 чел.);

— Тарханскому («что в Тарханском лесу») – 1 рота конного Шешминского полка (102 чел.);

— Тарханскому («что под Тарханским лесом») – 1 рота конного Шешминского полка (102 чел.)[1].

Не имели поселений ландмилиции Кинельский, Красный, один из Орлянских редутов, а также безымянный редут за р. Сок близ Сергиевска. Без поселения остался и Падовский ретраншемент[2]. В эти укрепления посылались попеременно отряды ландмилиции из близлежащих поселений при Алексеевской и Сергиевской крепостях и одного из Орлянских редутов. Падовский ретраншемент должны были защищать разъезды из Самары.

В книгах ведавшего межеванием А. Киндякова были учтены только военнослужащие, без членов их семей. Точно определить численность жителей, расселенных на Новой Закамской линии, достаточно сложно. Средняя населенность двора податного населения в 1720-е –1730-е гг. составляла 8-8,5 чел.[3] Для ландмилиции, скорее всего, этот показатель был несколько ниже. Видимо, суммарная численность жителей поселений по линии составляла от 20 до 30 тыс. мужчин и женщин.

[1] Там же. Л. 240-об.-245.

[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 48.

[3] *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). – М., 1977. С. 48.

Сохранившиеся планы обустройства ландмилицких слобод весьма схематичны. Несомненно, что построенного жилья не хватало для размещения каждой семьи отдельным двором. По росписи помещений для ландмилиции в конце 1735 г. в одну «избу»-казарму селили по несколько солдат или семей.

Например, при Алексеевске к жилым домам местных жителей, определенных в ландмилицию (1 рота), «вдобавок на 4 роты» было построено 49 изб; при пригороде Сергиевске, к домам местных солдат (3 рот) в добавку на 3 роты – 73, и т.д. Итого, всего по линии было устроено 520 изб.

Такого количества «изб» для размещения гарнизонов явно не хватало. Видимо, в «росписи» не совсем верно отражены все строения, выстроенные ландмилицией для себя. Неясно, как соотносились «избы»-казармы с земельными наделами. Участки под дворы, огороды и гумна, как и под пашню, сенные покосы и т.д. отводились каждому солдату индивидуально, то есть предполагалось раздельное проживание отдельных семей[1].

Главным источником для обеспечения ландмилицкого населения линии всем необходимым должны были стать усадебные и пахотные земли, сенокосные и лесные угодья. Нормы наделения землей, разработанные Военной коллегией, были едиными для всех российских ландмилицких частей (см. табл. 1).

Таблица 1.

Нормы наделения землей закамской ландмилиции

Земельные угодья	Конной ландмилиции на 1 семью	Пешей ландмилиции на 1 семью
в городе под дворы и огороды	30 на 15 сажен	20 на 8 сажен
за городом под гумна и огороды	30 на 15 сажен	30 на 10 сажен
пахотной земли	20 четвертей в 1 поле «а в дву потому ж»	10 четвертей в 1 поле «а в дву потому ж»
сенных покосов и на «выпуск»	по 100 копен	по 30 копен

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 157-об.-158.

Если одна семья имела двух или более солдат ландмилиции, то каждому полагался свой участок пашни. Формула измерения пашни – в одно поле, «а в дву потому ж» – была типичной для межевых книг в XVI-XVIII вв. Обычно считалось, что все три поля – яровое, озимое и паровое, были примерно равными. Десятина (мера измерения площади) составляла две четверти и примерно соответствовала современному гектару. Мерой сенокосных угодий считалась «одна копна», при этом подразумевалось, что 10 копен сена собиралось с одной десятины. Лесные угодья, или «на лесные угодья земля», определялись по писцовому наказу и находились в общем пользовании.

Вся совокупность пахотных, сенокосных и лесных угодий, отведенных конной и пешей ландмилиции, составила 175 810 десятин (табл. 2):

Таблица 2.

Общее количество земельных угодий отмежеванных закамской ландмилиции

Земельные угодья	Конной ландмилиции	Пешей ландмилиции	Всего
пахотная земля	79560	23400	102960
сенокосы и на выпуск скота	26520	4680	31200
лесные угодья	31850	9800	41650
Итого:	137930	37880	175810

Приведенные в таблице данные следует считать весьма приблизительными. В реальности, земли, приписанной к каждому селению, было больше. В общих полях выделялись наделы братьям, племянникам, детям и «помощникам» военнослужащих. Кроме того, свободные участки оставлялись тем, кто в будущем должен был поступить на службу дополнительно. Во всех поселениях имелись свои храмы. Их причту для обеспечения также полагались земельные наделы – по 63 четверти («в дву потому ж») пахотных земель и сенокосных угодий, и кроме того, участки под дворы и

огороды. В поселках отводились земли под строительство офицерских домов. Каждый из офицеров получил «сверх дач ландмилицких под дворы и огороды до десяти десятин мерных».

Таким образом, складывается достаточно полное представление о размерах земельного обеспечения гарнизонов линии. Нельзя забывать и о том, что в ее состав вошли ранее построенные пригороды Алексеевск и Сергиевск, со своими жителями и принадлежащими им землями. Рядом находилась и Самара, населению которой принадлежали весьма значительные угодья на Левобережье. Складывалась чересполосица, которая нередко приводила к земельным спорам и конфликтам[1].

Процесс размежевания земель и их отвода обязательно производился при свидетелях – вахмистрах, подпрапорщиках, капралах, писарях, рядовых и т.д. Они заверяли «Мерные и межевые книги» земель при каждом поселении. Всего было составлено 14 таких книг, по числу селений на черте. Межевщики отводили новопоселенцам пустые, никем не используемые участки, при раздаче которых не были выявлены прежние владельцы[2].

По данным конца 1735 г. размеры отмежеванной к поселениям земли составили:

— к Шешминскому фельдшанцу на 666 чел. – 23 208 десятин;

— к Черемшанской крепости на 564 чел. – 19 128 десятин;

— к Кондурчинскому фельдшанцу на 564 чел. – 19 128 десятин;

— к Сергиевской крепости на 720 чел. – 21 936 десятин;

— к Чернорецкому фельдшанцу (Безымянному) на 564 чел. – 19 128 десятин;

— к Красноярской крепости на 666 человек – 23 208 десятин.

Авторы документа почему-то «забыли» про земли для ландмилиции Алексеевска[3].

Интерес представляют также данные о количестве зерна, приготовленного для земледельческих работ в 1735 г. Работники, приписанные к поселениям ландмилиции, должны были вспахать

[1] *Буканова Р.Г.* Указ. соч. С. 172.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Кн. 6538. Л. 463.

[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 487. Л. 158-159.

пашню и высеять озимые к следующему году. Для производства земледельческих работ зимой заказали зерно для посева[1]. 25 июня 1735 г. в Сенат из Военной коллегии доносили, что для четырех полков ландмилиции выделили на озимой сев 12 924 ч. ржи. К следующей весне солдатам для высева в яровое планировалось выдать 14 736 ч. овса и 3 684 ч. ячменя. Одна четверть в XVIII в. составляла 8 п. ржи. Все посевное зерно распределяли следующим образом:

— в 3 конных полках на 1 солдата: ржи – по 3 ч., овса – по 4 ч., ячменя – по 1 ч.;

— в 1 пешем полку на 1 солдата: ржи – по 3 ч., овса по 2 ч., ячменя – по осьмине[2].

Несмотря на то, что в начальные годы заниматься сельскими работами при ландмилицких поселках должны были «работники», эта обязанность возлагалась и на солдат. Введение новой повинности вызвало ряд выступлений. Например, в 1735 г., когда Билярский полк перевели на линию, солдаты отказывались заниматься сельскохозяйственными работами и вести сев, требуя возвратить их вместе с семьями в Билярск[3].

В следующем, 1736-м, году работы на линии, в том числе и по обустройству гарнизонов ландмилиции, фактически прекратились. Новую Закамскую линию практически законсервировали, и в последующие годы роты и полки начали переводить на новую Самарскую линию. На этом история поселений ландмилиции на Новой Закамской линии завершается.

Государственная политика на протяжении двух столетий по обороне южных рубежей России не оставалась неизменной.

Подводя итоги данной главы можно сделать определенные выводы. Первоначально дворянское конное ополчение для отражения татарских вторжений в район Москвы ежегодно собиралось на берегу Оки. Затем, с созданием Тульской засечной черты, наме-

[1] Там же. Л. 121.

[2] Там же. Л. 360.

[3] Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. С. 244-245.

чается тенденция перехода к построению обороны, опирающейся не только на естественные рубежи, но и на искусственные укрепления, характер которых определялся особенностями ландшафта. О дальнейшем развитии этой практики можно говорить в связи с постройкой городов-крепостей на Польской украине России и на Поле. В это время основная тяжесть борьбы с татарами легла на представителей служилых корпораций этих городов. Колонизация Днепро-Донской лесостепи привела к созданию общероссийской сторожевой и станичной службы, которая постепенно утратила свое значение после постройки Белгородской черты. Сооружение этой оборонительной линии, как и ряда других, в последующий период имело ряд отличительных признаков, связанных с особенностями местности, обусловившей необходимость создания большего количества земляных и деревянных укреплений в сравнении с Засечной чертой.

Строительство сплошных укрепленных линий на протяжении нескольких веков служило целям присоединения новых территорий и создания благоприятных условий для их хозяйственного освоения. Они не считались русским правительством линиями границ, так как те значительно отстояли на юг, превращаясь в зону активной хозяйственной деятельности. Несмотря на значительные финансовые и человеческие затраты, каждый такой новый шаг означал включение в государственную орбиту новых земель и привнесения сюда российской государственности.

Таким образом, стратегия государственной колонизации фронтирной зоны на юге и юго-востоке страны, начавшая формироваться в последней четверти XV в., привела к закреплению данного региона за Россией. К XVI в. вполне сформировалась стратегия обороны государственной территории России. Она осуществлялась по трем основным направлениям:

1) укрепление границ государства, что подразумевало возведение пограничных крепостей или укрепленных линий значительной протяженности, призванных не пропустить противника на свою территорию;

2) учет возможности прорыва вражеских сил через пограничные укрепления и необходимость остановить противника, не допустив его до Москвы (для этого требовалось построить крепости на путях возможного продвижения противника);

3) укрепление самой столицы государства.

Созданные на протяжении XVI-XVII и в первые десятилетия XVIII в. на южном и юго-восточном направлении оборонительные линии были ориентированы на организацию борьбы с степными кочевниками. Они состояли из земляных укреплений, засек и деревянных сооружений. Продвижение на юг повлекло за собой необходимость организовать оборонительные рубежи на территории, не имевшей значительных лесных массивов, что не позволяло использовать засеки. Открытые участки местности перекрывались рвами и земляными валами, которые усиливались деревянными укреплениями (башнями, острогами и др.).

Создание сплошных оборонительных сооружений с относительно слабыми фортификационными элементами объясняется особенностями тактики степных кочевников. Обычно они не имели осадной артиллерии и боеспособной пехоты. Их армия состояла из легкой высокоманевренной конницы. Крепости они штурмовали редко – чаще всего только блокировали гарнизон, чтобы получить свободу действий на прилегающей территории. Поэтому укрепления южных оборонительных линий создавались исходя из цели затруднения продвижения татар, ограничения маневров конницы и задержки ее до прихода крупных военных сил[1].

[1] *Носов К.С.* Русские средневековые... С. 219.

Глава 3.

ЮЖНОРУССКИЙ ФРОНТИР: ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ И ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ

3.1. От крепостей к городам: процессы урбанизации южнорусского региона в XVI – начале XVIII вв.

Урбанизация фронтирной зоны

Урбанизация южнорусского региона в XVI – начале XVIII вв. была связана с расширением фронтирной зоны, ее продвижением на Юг и выражалась в постепенном превращении военных крепостей, построенных на пограничной территории, в полноценные городские центры. В этой связи урбанизация соотносилась с теми социальными изменениями, которые проходили внутри местного «мира», где постепенно росла численность неслужилого, торгово-ремесленного населения.

Вторая половина XVI в. стала решительным шагом России на юг, который сопровождался появлением около двух десятков крупных крепостей – форпостов Москвы в защите своих границ и опорных пунктов для дальнейшего продвижения в степь. Благодаря различным обстоятельствам некоторые из них стали полноценными городами в XVIII в.: торгово-ремесленными, административными и культурными центрами.

В современной науке понятие «город» имеет много значений, однако в XVI-XVII вв. под «городом», в широком смысле, понимали любое защищенное поселение, а в узком – центральную

укрепленную часть поселения, где располагались важные стратегические постройки. В последнем случае понятию «город» сопутствовало понятие «острог», под которым понимали систему укреплений вокруг слобод. В частности, в 1592 г. елецкий воевода, определив место постройки будущей крепости, докладывал в Посольский приказ, что «под город и под острог место занял»[1].

Итак, как видим, в XVII в. «город» – крупный населенный пункт, имевший укрепления и обычно являвшемуся административным центром своей округи, как правило, уезда, хотя для Юга России второй половины XVI в. это не характерно. Уезды формировались здесь постепенно, после того как развивались корпорации детей боярских. В XVII в. «города» фронтирной зоны были уездными центрами, а другие укрепленные поселения именовались острогами.

Показательно, что с 1626 г. на территории между Ливенским и Елецким уездами существовал крупный Чернавский острог, в котором проживали несколько сотен служилых людей. В 1635 г. елецким детям боярским раздали земли вокруг острога, и с этого момента он стал называться «городом», а затем, в течение ближайших 10 лет, был образован Чернавский уезд[2].

Несмотря на сложность и неопределенность понятия «город» в современной науке[3], в нашем случае мы будем исходить из его классического определения, связанного с преобладанием в социальной структуре его жителей торгово-ремесленного населения. Поэтому изучаемый нами процесс урбанизации фронтирной территории связан с появлением и распространением посадского, неслужилого населения в крепостях и постепенным ростом численности и влияния этой социальной группы. Процесс урбанизации во многом зависел от политики Москвы, проводимой на южном

[1] РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. Л. 181.

[2] Там же. Оп. 1. Д. 201. Л. 221.

[3] О смыслах понятия «город» и его значении с точки зрения урбанистики см.: Щавелев А.С. «Город»: к деконструкции спорного историографического концепта. // Пространство и урбанизм. Образы, структуры и символы. Междисциплинарная научная конференция. Тезисы докладов. – М., 2018. С. 43-47.

фронтирном участке. Уже само появление здесь крепостей во второй половине XVI в. было связано со стремлением России защитить свои рубежи от ударов крымских татар. Первые крепости были также центрами сторожевой службы и должны были своевременно предотвращать внезапность набегов.

Однако строительство первых крепостей, удаленных на большие расстояния в степь от центральной России, особенно в 1580-1590-е гг. (Ливны, Воронеж, Елец, Белгород), требовало многих затрат, связанных с их снабжением. В Москве были заинтересованы в том, чтобы вокруг крепости формировалась своя экономическая округа, способная хоть отчасти снабжать ее жителей продовольствием. Здесь на первом месте был конкретный экономический интерес, способствовавший началу формирования хозяйственной округи крепостей, а затем уже и полноценных уездов. Однако не везде это было возможно, поскольку некоторые крепости (Белгород, Оскол, Валуйки) были слишком далеко и располагались на опасных пограничных участках.

Попытки правительства начать освоение обширных степных пространств, лежащих между крепостями, мы можем считать этапом, предшествующим началу процесса урбанизации. Хозяйственное развитие округи крепостей сопровождалось резким ростом численности их населения. В свободное от службы время служилые люди занимались хозяйством, промыслами, торговлей и ремеслами. Вероятно, для некоторых из них эти занятия становились хорошим источником дохода. Хотя по своей сути жители первых крепостей были служилыми людьми с характерными для них формами поведения, ценностями и традициями.

В годы Смутного времени в некоторых крепостях увеличивается неслужилое население, специализирующее на ремеслах и торговле. Вполне возможно, что эти люди пришли сюда, спасаясь от бедствий гражданской войны. С 1613 г. мы имеем сведения о слободах посадских людей, появившихся рядом со слободами служилого населения. Численность этих ремесленников и торговцев оставалась небольшой на протяжении долгого времени, поскольку военные действия в регионе мешали полноценному развитию их профессиональных занятий. Кроме того, сказывалась и конкуренция с населением появившихся в 1620-е годы «белых слобод», освобожденных от уплаты податей. Торговлей занимались также служилые люди, для которых это занятие имело вспомогательный характер. Однако, несмотря на все эти трудности, посадские люди в это время стали важной частью местного «мира».

Значительные перемены в истории посадского населения фронтирной зоны начались после реформ 1646-1647 гг., которые осуществило правительство Б.И. Морозова. Частновладельческие «белые слободы» были отменены, а посадские люди получили преимущественное право на занятие торговлей.

Во второй половине XVII в. посадское население стремительно развивается в городах старого фронтира и приобретает организованный вид, а в начале следующего столетия в крупных уездных центрах посадское население уже численно преобладало. На юге России вдоль Белгородской черты посадское население за весь XVII в. появилось только в пяти городах: Воронеже, Козлове, Белгороде, Коротояке и Острогожске[1]. Корпорации городских служилых людей стремились не допустить создания посадского населения в новых крепостях и сами контролировали местный рынок до начала XVIII в.

Однако реформы Петра I, связанные с попытками повысить эффективность сбора пошлин в городах, негативно сказались на развитии процесса урбанизации: управление провинцией стало более запутанным, а размер тягла вырос. После 1714 г. городское население лишилось привилегии в торговых делах, наметившееся было сословное единство посада начало разрушаться.

Изучение процесса урбанизации южной фронтирной зоны в XVI-XVII вв. позволяет лучше понять основные факторы, способствовавшие выработке русским населением наиболее устойчивых и эффективных моделей развития социальной системы с учетом

[1] *Кондратьева С.К.* Посадские люди юга России в XVII в. Автореферат ... канд. ист. наук. – Воронеж. 2012. С. 16-17.

природно-климатических, военных, политических и экономических факторов. Анализ процесса урбанизации помогает рассмотреть под новым углом историю освоения русским населением обширных лесостепных и степных территорий Юга в конце XVI-XVII вв. в контексте расширения фронтирной зоны.

Определив общий ход развития урбанизации, остановимся на ее истории подробнее.

Крепость в конце XVI в.

Построенные во второй половине XVI в. крепости южного пограничья должны были, прежде всего, предотвращать нападения крымских татар на центральные уезды страны и обеспечивать оборону своего региона. Это были типичные военные поселения – форпосты России на окраине степи. Первые шаги на пути серьезных перемен в их истории были сделаны в конце XVI – начале XVII в. в правление Бориса Годунова. В это время Москва начала увеличивать численность местных гарнизонов помещиков – детей боярских, чтобы начать формирование вокруг крепостей хозяйственной округи – уезда – там, где это было возможно. Как мы уже отмечали, процесс формирования округи был необходимой мерой самообеспечения крепостей, чьи гарнизоны требовали слишком много затрат.

Посмотрим, что представляла собой крепость на начальном этапе своего существования, когда ее жителями были только служилые люди и небольшая группа священнослужителей. Это позволит нам лучше понять особенности начального этапа урбанизации фронтирной зоны и сложности этого процесса в дальнейшем. Для того, чтобы решить поставленную задачу, мы обратимся к сохранившимся документам о строительстве Ельца в 1592 -1593 гг., а в отдельных случаях – к материалам, связанным с историей заселения Воронежа в 1594 г.[1]

[1] Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592-1594 годах. Подг. текста и комментарии В. Н. Глазьев, А. В, Новосельцев. Вступительная статья В.Н. Глазьев, Н.А. Тропин. Елец, 2001. Документы о ранней истории Воронежа: РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2

Постройка крепости осуществлялась, в основном, служилыми людьми. Специальная комиссия определяла место строительства, составляла план и смету, и уже затем в Москве решали, какое число служилых людей должно составлять гарнизон новой крепости. В строительстве участвовали крестьяне («посоха»), но эффективность их работ была невысокой. На новое место службы назначались командиры среднего звена – сотники и пятидесятники стрельцов и городовых казаков. Они должны были ездить по окрестным уездам и набирать желающих записаться на службу в новую крепость и сменить свое местожительство.

Существовали правила набора на службу, которые отразились в сохранившихся документах[1]. Записываться в новую крепость могли стрельцы и городовые казаки, уже состоящие в службе, но они были обязаны оставить вместо себя в службе своих родственников. Это позволяло переселять в новую крепость наиболее опытных воинов. Еще одно важное обстоятельство заключалось в том, что переселенцы должны были состоять в браке, поскольку семья оставалась важной поддержкой человека в новых сложных условиях, которые неизбежно возникали в степном пограничье.

Однако население крепостей, откуда набирались служилые люди (регион Средней Оки), было не столь большим, и местные жители редко могли найти себе замену. Кроме того, командный состав этих городов не проявлял заинтересованности в том, чтобы отпустить служилого человека и нанести урон боеспособности гарнизона. В этой связи правительство допускало запись на службу крестьян. Они могли записаться в новую крепость добровольно, оставив вместо себя пахать участок на пашне помещика своих родственников (от отцов – дети, от братьев – братья, от дядьев – племянники).

Приехавшим в новую крепость первопоселенцам выдавалось по 12 четвертей муки (около 47 кг) и 3 рубля. В челобитной елецких казаков читаем: «По твоему государеву указу прибирали нас, холопей твоих, головы и сотники на твой государев на новай город

[1] См.: Российская крепость на южных рубежах.

на Елец отцов дети, от братьи братья, от дядь племенники, а сказывали государь нам, халопам твоим, твоего государево жалованья по три рубли денег, да по 12 четвертей хлеба»[1].

Первые жители будущего города приезжали сначала без семьи и поступали в распоряжение местных властей, чтобы строить крепость. Они возводили стены, копали рвы и насыпали валы, чтобы защитить свои будущие слободы. Когда строительство укреплений заканчивалось, они ехали за своими семьями, чтобы, вернувшись, начать строительство полноценных дворов.

Однако бывшие крестьяне, как правило, записывались на службу незаконно. По сути, они просто бежали от помещика, не оставив вместо себя на пашне родственника. На этой почве происходило множество споров и разбирательств[2]. Недовольные дети боярские соседних уездов приезжали в Елец, чтобы силой вернуть своих бывших крестьян назад на том основании, что они записались незаконно.

В таких условиях городской голова Ельца И.Н. Мясной выдал несколько казаков особенно настойчивым помещикам. Однако этот прецедент напугал служилых людей Ельца, и из крепости началось массовое бегство. При этом многие беглецы уже успели получить жалование и начали постройку дворов. Действия И.Н. Мясного вызвали резкую критику со стороны главы Посольского приказа дьяка А.Я. Щелкалова: «Писал еси к нам, что по нашему указу на Елец казаков ты, и головы, и сотники казачьи по городам прибрали, и которых казаков прибрали, и тем казаком наше хлебное и денежное жалованье дано. И дети боярские привозят наши многие грамоты, и вы ис казаков и ис стрельцов и ис пушкарей детем боярским выдаете назад, и от того многие казаки дрогнули, розбежались по городом, и в осадное время быти не с кем. И ты дуруешь, что казаков выдаешь. А к вам наша грамота послана – не велено казаков выдавать детем боярским. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б казаков берег и за них стоял и де-

[1] Там же. С. 11.

[2] Там же. С. 32-33.

тем боярским не выдавал, они в казаки написались, а братья их и дядья и отцы живут на их долях за детьми боярскими»[1].

Это послание показывает, что правительство запрещало выдавать назад стрельцов и казаков, даже если те записались незаконно и помещики имели на них царские грамоты. Строительство крепости было важнейшей задачей, и надлежало приложить все усилия, чтобы осуществить его в короткие сроки, – государственный интерес здесь ставился выше частного.

Случались конфликты и между властями различных городов. Так, в сентябре 1592 г. казачий голова Орла посадил в тюрьму казака, записавшегося на новую службу в Елец, хотя тот оставил после себя служить брата. Воевода города не стал разбираться в этом вопросе, поддержав позицию головы, стремящегося сохранить боеспособность города. Елецкие власти написали жалобу в Москву, где сетовали на то, что казак уже занял место под двор и получил жалование. Суровая критика орловских властей со стороны Посольского приказа не заставила себя ждать. В грамоте к местному воеводе голова Орла обвинялся в «дурости»: «... И вперед бы голова так не дуровал: нам все городы надобны – как Орел, так и Елец!»[2]

Несмотря на различные трудности, понадобилось около двух лет, чтобы гарнизон крепости достиг нужной численности. В итоге социальный состав Ельца в 1593 г. выглядел следующим образом: 600 городовых казаков, 200 стрельцов, 100 донских казаков, 20 пушкарей, затинщиков (обслуживающих пищали на крепостных стенах, имевших защиту – «тын», т.е. находящиеся «за тыном»), воротников (обслуживающих ворота) и 20 священнослужителей. Для Воронежа цифры определяются приблизительно: это 200 донских казаков, 200 стрельцов, 200 городовых казаков, 20 пушкарей, затинщиков, воротников, 20 священнослужителей и 10 черкас.

[1] Там же. С. 45-46.

[2] Там же. С. 29-30.

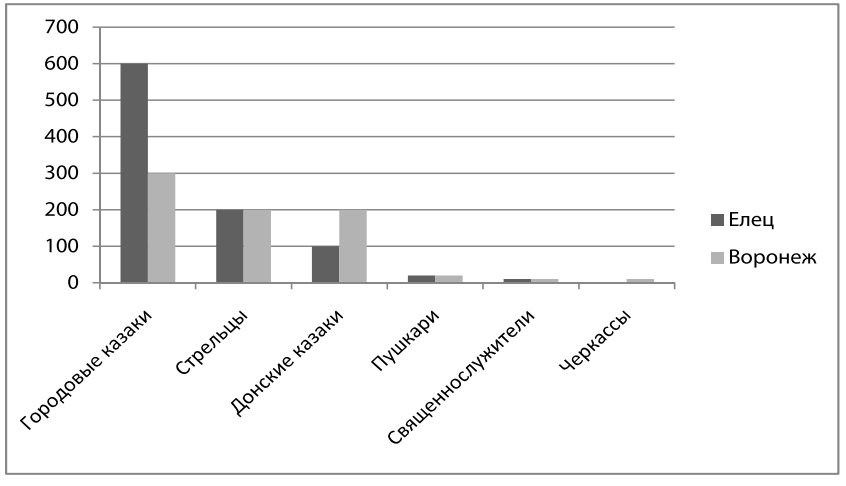

Диаграмма 1. Примерный социальный состав населения Ельца и Воронежа на 1594 г. (РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1; Д. 2)

Население Воронежа и Ельца после завершения строительства составляло примерно 3 тысячи человек. Все они размещались в защищенных стеной слободах («острога»), располагавшихся вокруг центральной части – «города». Каждый служилый человек имел свой двор, состоящий из комплекса построек, и небольшой земельный участок. Кроме того, рядом с крепостью находились коллективные земельные владения стрельцов и казаков, но и здесь каждый владел своей частью и распоряжался ею достаточно свободно[1].

Со временем состав служилого населения крепости приобрел большее разнообразие, здесь появились ямщики и казенные кузнецы, а также представители полков нового строя.

В начале существования крепостей, в частности, Ельца, обращает на себя внимание наличие большого числа казаков, что было связано, конечно, с практической необходимостью[2]. Городовые

[1] *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов России). – Воронеж, 1974. С. 142-144.

[2] *Рощупкин А.Ю.* Численность корпорации елецких служилых казаков в конце XVI – первой половине XVII в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». Т. 27. № 15 (158). 2013. С. 84-90.

казаки посылались в разъезды, патрули, сопровождали обозы и послов, а также могли быть использованы в качестве пехоты при обороне крепости. Донские казаки являлись профессиональными воинами, они получали большое жалование, имели крупные земельные участки, но, в то же время, сохраняли свою автономность. Показательно, что в Ельце и Воронеже их слободы не примыкали к крепости, а находились на некотором расстоянии от нее[1].

Стрельцы использовались для городовой службы, а также для исполнения милицейских функций[2]. Им поручалась охрана стратегических объектов и патрулирование стен крепости. Пушкари, затинщики и воротники обслуживали крепостные укрепления, отвечали за их сохранность и состояние. Священнослужители не подчинялись светским властям в судебных делах, хотя активно взаимодействовали с ними в остальных сферах. Их главной задачей была организация религиозной жизни населения.

Со временем в крепости сформировалась такая специфическая группа населения как стрелецкие и казацкие дети, племянники и бобыли. Эта группа образовалась постепенно, когда все места в положенном числе городовых казаков или стрельцов были уже заняты. Государство не считало их полноценной частью местного гарнизона, но им выдавались рогатины (длинные копья) во время осады. Существовали и более мелкие служилые единицы: казенные кузнецы, плотники, мостники, сторожа и «ямские охотники» (извозчики).

Служилые люди «по прибору» (стрельцы, казаки, пушкари) редко привлекались к полковой службе. Они занимались огородничеством, ремеслом, торговлей, промыслами в свободное время и платили различные налоги, включая и хлебные подати в крепостную житницу на случай осадного положения.

[1] РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.

[2] *Глазьев В.Н.* Воронежские стрельцы и их роль в экономическом развитии края. // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. – Воронеж, 1987. С. 23-33; Горбачев В. И. Численность стрелецких гарнизонов украинных и рязанских городов России второй четверти XVII века. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология». 2012. № 2. С. 82-86.

Важно отметить, что служилые группы крепости на начальном этапе своего существования представляли собой определенные корпорации, которые были объединены системой взаимных поручительств, а также общностью прав и обязанностей. Каждая служилая группа делилась на десятки, полусотни, сотни. Во главе городовых казаков и стрельцов стояли головы, донскими казаками управляли атаманы и есаулы. Только пушкари, затинщики и воротники, которых было не так уж много, напрямую подчинялись воеводе.

Служилое население крепости объединялось в единую систему социальной организации, которая была эффективна и в военном деле, и в хозяйственном освоении окружающего пространства. У каждой группы населения имелись свои строго определенные места проживания – слободы, которые также сохраняли военную организацию: в каждой слободе проживало примерно сто человек, входивших в состав гарнизона крепости, слободы также делились на полусотни и десятки. Подобная социальная организация способствовала развитию корпоративной психологии, делившей вчерашних крестьян (стрельцов и казаков) на обособленные группы, часто вступающие в конфликты друг с другом[1].

Этот корпоративизм крепости нашел свое отражение в документах. Так, елецкие городовые казаки в 1592 г. жаловались на то, что стрельцы не дают им спокойно патрулировать участок крепостной стены, проходящей возле их слободы, выходят вечером из изб, «и нас, холопей твоих лают собаками». Среди ночи стрельцы ходили к воротам, охраняемым казаками, чтобы ругать и оскорблять их. «А воеводы, государь, нам от них оборани не учиняют», – сетовали елецкие казаки[2].

Все служилое население подчинялось местному воеводе и его помощнику – городовому голове. Несмотря на массовые бытовые конфликты, дисциплинированность местного общества была до-

[1] *Рощупкин А.Ю.* Социальное сознание служилого человека южного пограничья Московского государства в конце XVI в. // История: Факты и символы. 2015. № 2. С. 42-51; Ляпин Д.А. От крепостей к городам: повседневно-бытовые и поведенческие модели населения южнорусской крепости конца XVI в. // История: Факты и символы. 2016. № 2. С. 9-16.

[2] РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

статочно высокой. Большую роль здесь играл не столько профессионализм и строгое выполнение приказов, а практическая необходимость, способствовавшая развитию коллективизма и духа взаимопомощи. Эффективное строительство слобод, крепостных и оборонительных сооружений в условиях военной опасности в степной зоне заставляло местное население выполнять работу сообща, решать задачи общими усилиями, объединяться для совместных действий, а, значит, развивать самодисциплину, чувство общего долга, умение жертвовать личными интересами ради общих нужд.

Корпоративизм и единство служилых людей проявлялось уже на этапе строительства крепостных сооружений. Здесь эффективность зависела от понимания общих целей и задач, от совместных усилий[1]. Коллективные усилия требовались в постройке дворов, в укреплении своих слобод и в решении многочисленных хозяйственно-бытовых проблем.

Несмотря на то, что служилые сообщества крепости имели определенную самостоятельность, они строго подчинялись воеводе и своему непосредственному начальству. Отношения воеводы крепости и служилых людей не были строго определены и ограничены, они зависели от обстоятельств, традиций и личных качеств градоначальника. Воевода, как представитель царя, вмешивался в бытовую и повседневную жизнь населения. В этом смысле для служилых людей был характерен своеобразный патернализм и традиционные патриархальные взгляды на общество.

Например, воронежский воевода Б. Хрущев должен был следить, чтобы местные жители «не держали у себя пиво и вино и не сидели по ночам с огнем»[2].

Вызывает интерес перечень обязанностей, которые надлежало исполнять елецкому казачьему голове А. Хотяинцеву в отсутствии воеводы: беречь город от огня, «жить смирно», бороться с «воровством» и пьянством, лично осматривать город и острог каждый день, запирать ворота на ночь[3]. В старом значении слово

[1] Там же. Л. 163-163-об.

[2] Там же. Д. 2. Л. 4-5.

[3] Там же. Д. 1. Л. 102.

«смирно» означало «покорно, тихо, кротко», а слово «воровать» значило «заводить» бунт, мятеж, выступать против власти. Следовательно, градоначальник должен был поддерживать дисциплину, порядок не только в смысле исполнения обязанностей по службе, но и в общественно-бытовом отношении.

Важно отметить, что запись на службу в новую крепость являлась добровольным волеизъявлением крестьян или служилых людей. У нас нет никаких четких свидетельств того, что это происходило только лишь от бедности (конечно, случались и такие случаи). Напротив, документы свидетельствуют в пользу хорошего материального обеспечения многих новобранцев.

Вот описание имущества крестьянина, перешедшего в казачью службу в 1593 г. в Елец: у него было 17 рублей, «два мерина: мерин рыж, а другой гнед, цена 6 рублев..., да две коровы цена 2 рубля, да две шубы бораньих, да серьмяга сера, а цена шубам и серьмягам полтора рубля, да десятеро овец 3 рубля, да десятеро свиней 3 рубля ж, да всякая подвореноя рухледь, а у брата моего… лошадей, коров, овец, свиней и всякой подвореной рухледи (т.е. имущества) и платья на 40 рублей с полтиною, да хлеба: 20 чети ржи, 20 чети овса, 3 чети пшеницы, 3 чети гороху, 4 чети гречи, 5 чети ячмени и 2 чети семени конопляного»[1].

В другом случае пришедший на службу в Елец бывший крестьянин перечисляет свое имущество, удержанное помещиком, так: «Мерин гнед, да корова, да телица, да пятеро овец, да десятеро свиней, да четыре полтины мяса, да двадцать куриц, да взял у меня ормяк, да крашенину, да шапку женскую камчяту белую, да шапку нагольнюю лисью, да коробью с рубашками, да два круга, да сошники с полицами, да две косы, да четыре серпа, [да] котел пивной с кручем, да две бочки пивных, да четыре напола, да три кадки с капустою, да…хлеба тритцать чети ржи, да сорок чети овса, да пять чети гречихи, да осьмину проса, а оземи полторы десятины»[2].

Таким образом, крепость представляла собой довольно сплоченное сообщество, объединяющее в себе различные служилые

[1] Там же. Л. 8-об.

[2] Там же. Л. 42-об.

группы, небольшие корпорации, размещающиеся в слободах. На первом этапе своего существования, когда условия были достаточно суровыми, общие трудности служили важным фактором объединения людей. Кроме того, крепость, как сугубо военное поселение, являлась сообществом, сплоченным дисциплиной и взаимными поручительствами[1]. Военно-корпоративные отношения выступали здесь важным элементом, определяющим повседневную жизнь жителей крепсоти.

В начале XVII в. вокруг большинства крепостей фронтирной зоны начали формироваться уезды, которые сыграли важную роль в их экономическом развитии. После этого среди слобод служилого населения «города» появляются поселения профессиональных ремесленников и торговцев, что было важным признаком начала процесса урбанизации.

Посадские люди на Юге России и процесс урбанизации в первой половине XVII в.

Начало формирования уездов отражено в т.н. «верстальных десятнях» (документах, фиксирующих переводившихся на службу детей боярских) конца XVI – начала XVII вв.[2] Начавшись по инициативе правительства, этот процесс вскоре совпал с событиями Смутного времени 1604-1618 гг. Затяжная гражданская война способствовала консолидации местных корпораций помещиков и тем самым ускорила процесс оформления уездов. Переписные книги 1615 г. фиксируют наличие уездов вокруг большинства крепостей рассматриваемого нами региона, хотя заселение их было малочисленным и подчинялось военному фактору. Тем не менее, формирование уездов было большим шагом вперед для развития региона.

На этом этапе, когда вокруг крепости шло формирование уезда, выделяются военные поселения, которые еще не смогли стать на путь урбанизации. Это Старый Оскол и Валуйки, а отчасти – и

[1] ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 1-4.

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. Д. 8; Оп. 21. Д. 26; Д. 7.

Белгород. Здесь не было крестьян, а значительная часть служилых людей находилась на временной службе.

Основой экономики в местных уездах было оброчное хозяйство (это было характерно, впрочем, и для обширного Воронежского уезда), связанное с эксплуатацией оброчных угодий («ухожаев»)[1]. Получив права на аренду части реки, озера или леса, служилые люди не стремились к развитию региона, а пользовались местными ресурсами до их истощения и ограничивались тем, что продавали товар на местном рынке.

Слабое развитие землевладения и сельского хозяйства в целом тормозили и развитие ремесел. Оброчное хозяйство не могло полноценно обеспечить потребности жителей крепости, вынужденных жить за счет жалования и поставок хлеба из других регионов. Даже при наличии местного рынка торгово-ремесленное население в этих крепостях не получило развития в это время. В итоге, первый этап развития урбанизации слабо затронул такие крепости как Валуйки, Старый Оскол и Белгород[2]. В этот же список можно добавить крепость Лебедянь, появившуюся в 1613 г. на правом берегу Дона к востоку от Елецкого уезда[3].

Отсутствие политической стабильности и войны в Смутное время, хотя и способствовали консолидации местного населения, но при этом нанесли большой хозяйственный ущерб региону. Однако крепости региона смоги продолжить свое развитие в дальнейшем.

В 1620-е г. продолжается интенсивное хозяйственное развитие уездов, в большинстве из них растет численность крестьян и во всех – число помещиков. Этот демографический рост способствовал развитию торговли и ремесел, поскольку вырос рынок сбыта товаров и увеличился покупательский спрос. О развитии торговли свидетельствуют сохранившиеся оброчные и таможенные книги[4].

[1] *Зенченко М.Ю.* Южное российское порубежье в конце XVI-начале XVII в. – М., 2008. С. 196.

[2] Там же. С. 195.

[3] *Гамаюнов А.И.* Лебедянь в начале XVII века. // Исторический квартал. Выпуск 3. – М.: Древлехранилище, 2013. С. 55-60.

[4] Там же. Ф. 210. Оп. 21. Д. 26; Оп. 21. Д. 8.

В эти годы в крепостях распространяется посадское население, занимающееся ремеслами и торговлей. Вначале эта категория жителей крепости нанимается на работу по обслуживанию казенных учреждений: кабака, мельницы, бани. Так, например, в Ельце в 1619-1622 гг. группа посадских людей поставляла вино в кабак, работала на мельнице, а предприимчивые представители местной слободы посадских людей «брали на откуп» кабак[1]. Зарождение первых посадских слобод в наиболее крупных крепостях относится к 1613-1620 гг.[2]

В таможенных книгах Юга России содержится информация о торговцах, привозивших свой товар в различные крепости региона, хотя половину из них составляли служилые люди, занимавшиеся торговлей и ремеслами в свободное от службы время [3]. Они составляли представителям посадского населения серьезную конкуренцию. Тем не менее, процесс развития посадского населения шел достаточно быстро. Особенно это характерно для таких городов как Елец, Курск, Воронеж[4].

Благоприятные условия для развития процесса урбанизации фронтирной зоны были прерваны в 1630-е годы, когда здесь началась т.н. «большая война». В 1632 г. Москва начала военные действия против Речи Посполитой и значительная часть местных гарнизонов была отправлена на запад[5]. Тогда же на южные рубежи обрушилось огромное войско крымских татар, численность которых превышала военный потенциал региона и достигала 10-15 тысяч человек в год[6]. В итоге за несколько лет южной фронтирной

[1] Там же. Оп. 21. Д. 8.

[2] *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII в. – Воронеж, 2001. С. 62; Лянин Д.А. Тяглые и частновладельческие дворы в городах России в середине XVII в. (по материалам городов-крепостей средней Оки и верхнего Дона). // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». № 22 (243). Вып. 40. 2016. С. 94-100.

[3] РГАДА. Ф. 123. Д. 3; Д. 4; Оп. 21. Д. 7.

[4] *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII в. – Воронеж, 2001. С. 62-63.

[5] *Сташевский Е.Д.* Смоленская война 1632-1634 гг. Организация и состояние Московской армии. – Киев, 1919. С. 303-304.

[6] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. – М.-Л., 1948. С. 205;

зоне был нанесен огромный экономический ущерб, десятки сел и деревень были уничтожены, сотни людей уведены в рабство, угнан скот и вытоптаны посевы, прекратились полноценные торговые связи, в упадок пришло оброчное хозяйство Воронежского, Белгородского и Оскольского уездов.

Москва не имела достаточно средств, чтобы принять надлежащие меры для защиты. Воеводы организовывали оборону и строили укрепления силами местных жителей, работа которых полноценно не оплачивалась. Однако к 1645 г. ценой огромных усилий удалось построить несколько острогов и крепостей, а также начать возведение укрепленных линий, пока лишь на важных участках степного пограничья.

Тем не менее, к концу правления Михаила Федоровича, несмотря на все трудности, посадское население в некоторых больших крепостях Юга России составляло уже важный элемент местной жизни. Это были предприимчивые торговцы, многие из которых сами производили свой товар и стремились успешно его реализовать. Их формы поведения, конечно, отличались от тех, что были присущи служилым людям. Далеко не все посадские люди были пришлым населением. Социальной базой для формирования этой группы населения были также различные родственники служилых людей, которым не было места в службе, поскольку правительство ограничивало количество служилого населения.

До 1645 г. процесс урбанизации был также связан с ростом численности частновладельческих дворов в крепостях, которые принадлежали представителям правящей элиты. Основываясь на результатах переписи 1646 г., посмотрим на то, какое место занимали тяглое население и частные владения в некоторых крепостях фронтирной зоны.

Крупнейшей крепостью здесь был Елец. По данным переписной книги 1646 г., в местной Новооброчной слободе находились 40 дворов тяглого населения с 66 жителями мужского пола[1]. Писцом было зарегистрировано частичное запустение усадеб в слободе,

[1] Там же. Д. 135. Л. 38.

связанное с оттоком населения. За предшествовавшие 6 лет из тяглового состояния вышло по различным причинам 33 жителя слободы. Из них большая часть уехала на проживание в новый город Ефремов, а 6 человек поселились на церковной земле в качестве бобылей. Еще несколько человек, став крестьянами, переселились на помещичьи земли в Елецком уезде.

В Новооброчной Кузнецкой слободе Ельца часть тяглового населения поверстали в солдаты в Москву. Всего в двух слободах было зафиксировано 62 тяглых двора с 113 жителями мужского пола.

На посаде Троицкого монастыря проживали 44 монастырских бобыля в 26 дворах. Кроме того, в источнике были перечислены еще 10 церквей с проживавшим на церковной земле населением, среди которого отмечено 32 двора бобылей с 39 жителями мужского пола. Такая категория населения «города» как «дворники» фиксируется в различных слободах, а также за его пределами. В посаде насчитывалось 80 человек дворников и бобылей, в том числе несколько вдов.

В переписной книге есть сведения о количестве бобыльского населения в остальных слободах Ельца. Например, в Казачьей слободе располагалось 8 бобылей со своими дворами, проживавшими в казачьих усадьбах. Еще 6 казачьих бобылей проживали в других слободах и на церковной земле, а всего бобылей, принадлежавших казакам, насчитывалось 14 человек. В Пушкарской и Стрелецкой слободах также было зафиксировано бобыльское население, проживавшее в своих дворах (всего 18 человек).

Всего в Ельце на посаде переписчики отметили около 100 тяглых дворов, в которых числились177 жителей мужского пола и 4 вдовы. Бобыльского населения, не несшего тягла, насчитывалось около 120 человек, проживавших в 58 дворах, из которых в слободе Н.И. Романова жили 17 человек в 9 дворах, а на казачьих, пушкарских и стрелецких землях – 32 человека. Остальное бобыльское население располагалось на церковных и монастырских землях. Общее количество дворников, проживавших вместе с бобылями, составило 80 человек.

По итогам переписи 1646 г. в Ельце находилось 178 дворов с 375 жителями (мужского пола)[1]. В целом доля тягловых дворов составляла здесь 47 % от общей массы зафиксированных, а примерно 1/3 жителей города, являясь бобыльскими, тягло не несли.

По подворной переписи населения 1646 г. в Лебедяни вместе с монастырскими владениями и вотчиной боярина Н.И. Романова было зарегистрировано 103 двора с 142 жителями мужского пола. Из них дворов церковнослужителей, в том числе монастырских – 46 с 46 жителями мужского пола. Стрельцов, казаков, пушкарей, захребетников – 33 двора (32 человека). Дворников (холопов) в городе было 63 человека, за которыми числились 30 дворов [2].

Лебедянь отличалась тем, что здесь значительное число дворов принадлежало боярину Н.И. Романову. Для охраны своих вотчин он даже поселил здесь за свой счет служилых казаков. В крепости за боярином числилось 60 дворов, в которых проживало 130 человек. Кроме служилого населения в вотчине располагались церковь с двором священнослужителя, 23 бобыльских двора с 30 людьми (они выполняли функции кузнецов, различных ремесленников и рабочих). Всего в вотчине боярина было зафиксировано 954 двора крестьян (где проживали более 1000 человек), 86 казацких дворов (198 человек), 74 бобыльских (98 человек)[3].

В целом, можно отметить, что Лебедянь представляла собой поселение, где подавляющую часть населения составляли частновладельческие дворы (около 80 %), а доля служилого населения немногим превышала 10 %.

В Козлове перепись 1646 г. зафиксировала всего 3 двора кузнецов (10 жителей) и 6 дворов церковных бобылей (15 человек). В остальных слободах церковные бобыли отсутствовали. При этом численность служилого населения Козлова составляла: стрельцов – 661, пушкарей – 6 человек[4].

[1] Там же. Л. 59-об.

[2] Там же. Д. 8982. Л. 321-об.

[3] Там же. Ч. 2. Д. 13902. Л. 172.

[4] Там же. Ф. 210. Оп. 1. Д. 327.

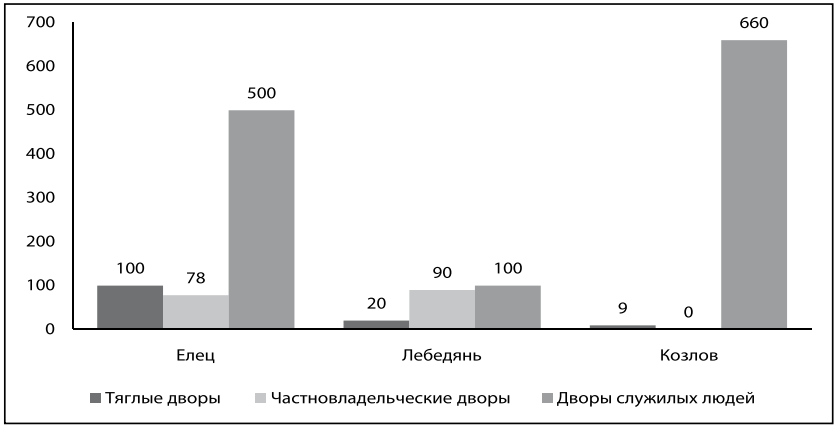

Диаграмма 2. Примерное соотношение тяглых, частновладельческих и служилых дворов в 1646 г.

Представленная диаграмма наглядно показывает неравномерность размещения посадского населения в крепостях в середине XVII в. В старых военных поселениях, таких как Елец, оно занимало заметное место, в новых (Козлов) – практически отсутствовало. В исключительных случаях, таких как в Лебедяни, численность ремесленников была высокой, но, в основном, это были частновладельческие дворы.

Таким образом, в 1646 г. тяглое и частновладельческое население в крепостях фронтирной зоны располагалось крайне неравномерно, хотя везде уступало по численности служилым людям. Крупная посадская община находилась в Ельце, хотя и здесь наблюдался заметный спад (20% посадских дворов оказалось брошено). Частные владения во всех крепостях были невелики, исключение составляет только Лебедянь, которая изначально развивалась в условиях поддержки частных лиц (особенно, неправящей ветви дома Романовых).

Население тяглых дворов постоянно конкурировало с жителями частновладельческих слобод, а также со служилыми людьми, промышлявшими торговлей и ремеслами. Именно посадская

община, платившая тягло, была главным источником дохода для государства и уже поэтому требовала поддержки. Однако интересы придворной аристократии ставились в стране выше государственного интереса. Никак не вмешивалось правительство и в занятия торговлей и промыслами служилых людей. В итоге, посадское население в условиях фронтирной зоны, не получая поддержки от государства, не могло успешно развиваться, и процесс урбанизации шел слишком медленно.

Новый этап урбанизации региона во второй пол. XVII в.

После прихода к власти в 1645 г. Алексея Михайловича начинается новый этап в истории Юга России. Правительство Б.И. Морозова начало проводить экономические реформы 1645-1648 г., которые были направлены на полную ликвидацию «белых слобод», вопреки интересам старой аристократии.

В ходе проведенного «посадского строения» слободы частных владельцев, поселенные на посадской земле (неважно, законно купленной или захваченной), отходили государству («на государево имя») и приписывались в тягло к посадам безвозмездно. Даже вотчины и поместья, которые находились близко к городам, так что «сошлись с посадами дворы с дворами», тоже приписывались к посадам. Всех вольных людей, которые занимались торговлей или промыслами, но при этом государевых податей не несли и не служили, предписывалось взять в тягло.

Эти меры были важным шагом на пути превращения посадского населения в замкнутую сословную группу, с которой было удобно брать налоги. При этом реформы стимулировали рост торговли и ремесел, а также способствовали развитию посадского самоуправления.

Несмотря на протесты со стороны «сильных людей», реформа была доведена до конца и законодательно закреплена в Соборном Уложении 1649 г.[1] В XIX главе Соборного уложения были окончательно представлены итоги «посадского строения»: частные владения в городах и крепостях существенно сокращались (как правило, просто изымались), а жители конфискованных частновладельческих слобод становились членами тяглой посадской общины.

[1] *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. II. – М.-Л., 1947. С. 123.

Итак, после 1649 г. заниматься торговлей могли только посадские люди. Служилым людям предлагалось переходить в эту социальную категорию и становиться тяглыми членами посадской общины. Занятие торгово-ремесленной деятельностью было провозглашено монополией посадских людей, а выход из общины и переход из посада в посад были запрещены. Однако в городах юга России по Белгородской черте лавочной торговлей продолжали заниматься местные служилые люди и церковнослужители.

Экономические реформы были большим шагом вперед в деле организации населения в целом и способствовали процессу урбанизации. Однако постановление о запрете заниматься торговлей служилым людям первое время в регионе практически не действовало: стрельцам и казакам разрешалось торговать, но со временем они должны были все равно стать частью посадской общины[1]. Это отступление от общего правила объясняется тем, что численность посадского населения была еще невелика, и в Москве понимали, что нужно время, чтобы предприимчивые торговцы и ремесленники сумели наладить торговлю и ремесленное производство на нужном уровне.

Правительство и в дальнейшем пыталось зафиксировать законодательные основы существования посадского населения, продолжить процесс его превращения в замкнутую сословную группу, занимающуюся торговлей и ремеслами. Эти мероприятия в конце концов привели к формированию значительных посадских общин в ряде южнорусских крепостей[2].

Другим важным фактором, положительно повлиявшим на процесс урбанизации, стало продвижение фронтирной зоны на юг. Новое правительство сумело найти средства для создания на основе разрозненных участков укреплений единой защитной ли-

[1] *Бахрушин С.В.* Послесловие к книге П.П. Смирнова «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.» // Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. II. – М.-Л., 1947. С. 486.

[2] *Благовещенский Н.А.* Четвертное право. – М., 1899. С. 63.

нии – Белгородской, Тамбовской, Шацкой др. черт, вплоть до Волги и далее по Каме, которые стали важным шагом для продвижения России на юг и юго-восток. Кроме того, в Москве проводят важные военные реформы, связанные с созданием новых воинских подразделений в рамках Белгородского полка[1]. Появление и функционирование новых крепостей и острогов, связанное с созданием Белгородской черты, обеспечивало несколько важных процессов и, прежде всего, урбанизацию и хозяйственное развитие уездов[2]. Новые крепости способствовали экономическому росту региона и позволили увеличить численность посадского населения в «старых» крепостях[3].

После военных преобразований количество служилого населения Юга России в 1651 г. составило около 32 000 человек[4]. Строительство укреплений позволило населению расширить хозяйственную деятельность и многие крепости перешли на самообеспечение хлебом. Более того, они помогали снабжать продовольствием служилых людей острогов, находящихся на самом отдаленном рубеже степной войны, а также отправляли хлебные запасы донским казакам, действовавшим все больше в русле московской политики[5].

Таким образом, экономические реформы правительства Б.И. Морозова 1645-1648 гг. и дальнейшая колонизация южнорусского региона (в контексте военных преобразований) способствовали росту численности посадского населения в крепостях.

К сожалению, благоприятные для экономического развития процессы были приостановлены осложнениями военной обста-

[1] *Нефедов С.А.* Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII в. // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 22-52.

[2] *Ляпин Д.А., Жиров Н.А.* Крепости и остроги на юге России в 1630-1650-е годы. // Материалы всероссийской конференции «Воронеж – форпост Российского государства» (к 840-летию первого упоминания г. Воронежа в русском летописании), г. Воронеж, 15-16 сентября 2017 г. – Воронеж, 2017. С. 119-123.

[3] *Ляпин Д.А.* Социально-экономическая эволюция населения Юга европейской России в контексте модернизации аграрного общества в конце XVI-XVII вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: «История. Политология». Т. 45. № 2. 2018. С. 285-297

[4] РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 327.

[5] *Stevens Belkin C.* Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. – Northern Illinois, 1995. P. 45-49.

новки. Настоящим бедствием для местных жителей стали татарские набеги 1659 и 1660 гг. Только в одном 1659 г. в 21 уезде было убито и взято в плен 27 тысяч человек, сожжено 10 тысяч дворов[1]. Судя по примерным данным сохранившихся «сказок», ряд уездов потерял до 20% населения. К примеру, в Елецком уезде разорению подверглись более половины всех сельских поселений[2]. По своему значению это событие можно сравнить с последствиями военных действий 1630-х годов. Как и тогда, война на западе с Речью Посполитой обернулась катастрофическими потерями на южной границе. Защитные укрепления Белгородской черты не смогли стать надежным препятствием для татарской армии, которая пришла на этот раз не с юга, а с северо-запада.

Ответом Москвы на татарские удары стало обновление укреплений и строительство новых крепостей. В 1661 г. между Елецким и Воронежским уездами был основан город Землянск. История его основания связана с переселением сюда украинского населения – служилых черкас[3]. Затем, в 1663 г., на месте впадения реки Белый колодезь в реку Воронеж появился небольшой город Белоколодцк. Здесь получили земли драгуны Доброго и Сокольска. Было продолжено строительство и на других участках Белгородской черты: появились Маяцкий городок (1663), Недрыгайлов (1668) и Белополье (1672).

Несмотря на все трудности, во второй половине XVII в. наблюдается устойчивый рост посадского населения. Ниже мы приводим обобщенные данные по размещению дворов посадского населения в крупнейших южных крепостях в 1678 г. по данным исследования С.К. Кондратьевой[4].

[1] *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов России). – Воронеж, 1974. С. 46.

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 412; Оп. 1. Д. 433. См.: Ляпин Д. А., Гайтерова К.Г. Влияние военного фактора на хозяйственное освоение юга России в XVII в. (на материалах Елецкого уезда). // Вестник Брянского государственного университета. № 2 (11). 2018. С. 89-97.

[3] *Загоровский В.П.* Возникновение города Землянска и заселение Землянского уезда в XVII веке. // Из истории Воронежского края. Вып. 6. – Воронеж, 1977. С. 36-49; Мокшин Г.Н. Летопись города Землянска (1661-1923). – Воронеж, 2012. С. 27.

[4] *Кондратьева С.К.* Посадские люди юга России в XVII веке. / Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Специальность 07.00.02 – «Отечественная история». – Воронеж, 2012. С. 44-65.

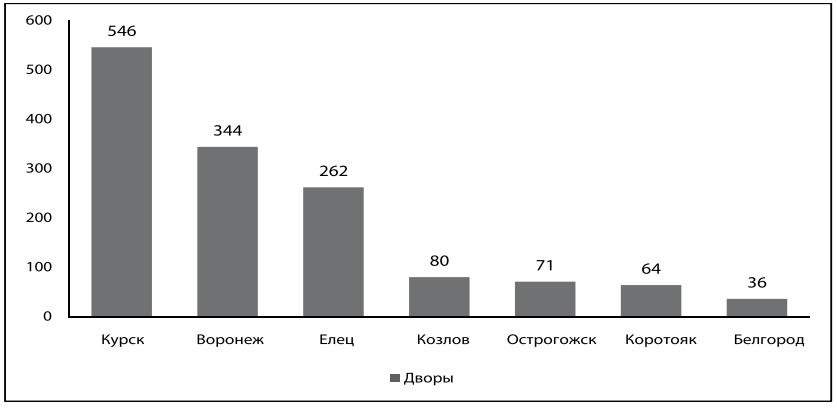

Диаграмма 3. Размещение посадских дворов в некоторых крепостях Юга России в 1678 г.

Со временем посадская община на Юге России получила функции внутреннего самоуправления. Распорядительной властью обладал мирской сход, а исполнительная власть реализовывалась в лице старост, целовальников и других выборных лиц. Конечно, в условиях фронтирной зоны все органы самоуправления посадской общины находились в воеводском подчинении.

Вместе с ростом экономики крепостей и богатства посадских людей, влияние мирского схода на жизнь крепости становилось заметнее. Изначально в его компетенцию входили такие вопросы, как обеспечение сбора и доставки в Москву ежегодных податей с посадских людей, выбор на ежегодные мирские должности в земскую избу и на государственные должности в таможни, кабаки, житницы, мельницы и т.д. На мирском сходе посадские люди составляли «сказки» по различным вопросам, решали проблемы повседневной жизни. Мирские сходы на Юге России существовали только в крупных крепостях, в которых роль посадского населения была значительной. Главой исполнительной власти в посаде оставался земский староста. В его основную задачу входил сбор налогов с посадской общины, но он решал и другие, более мелкие вопросы[1]. Старостами,

[1] ГАВО. Ф. И-182. Воронежская приказная изба. Оп. 2. Д. 172. Л. 1.

как правило, становились наиболее богатые члены посада, знавшие грамоту и имевшие авторитет в местной среде [1].

Таким образом, во второй половине XVII в. посадское население (несмотря на все трудности) не только увеличилось в численности, но и приобрело организованный вид, а также получило функции самоуправления и стало важной частью социальной структуры крепости фронтирной зоны.

Крепости становятся городами

Несмотря на устойчивый рост числа посадских дворов, численность служилого населения еще в 1680-е годы оставалась высокой, и превышала число посадских людей. Однако роль посада в эти годы была очень значительной, поскольку его члены были наиболее богатыми жителями крепости и оказывали влияние на многие происходившие здесь события.

В конце XVII в. число посадских людей почти сравнялось с количеством служилого населения в наиболее крупных уездных центрах, хотя соотношение это везде было различным[2]. На этом этапе можно говорить о начале процесса формирования нескольких городов, которое завершилось окончательно в начале XVIII в. (Курск, Воронеж, Елец).

Процесс урбанизации в XVII в. был связан не только с изменениями в социальной структуре (колебаниями соотношения посадских и служилых людей), но и с переменами в повседневной жизни. На место военной службы, как важнейшей структуре повседневности служилого человека, приходили иные принципы организации жизни, связанные с торговыми, хозяйственными и иными заботами. Вместе с переменами в повседневной жизни менялись и формы поведенческих моделей, а вслед за ними происходила постепенная эволюция политической культуры мест-

[1] *Ляпин Д.А.* Зарождение елецкого купечества (вторая половина XVII в.). // Личность в социуме, государстве, истории: Материалы региональной научной конференции, г. Воронеж, 1 февраля. – Воронеж: «Изд-во ВГУ», 2017. С. 11-13.

[2] См. годовые сметные книги 1685 г.: РГАДА Ф. 210. Оп. 6-д. Д. 130.

ного «мира». Все это, в конечном итоге, вылилось в единый процесс, который не только превратил крепости в города, но изменил и принципы жизни населения. За несколько поколений на смену стрельцам и казакам пришли купцы, ремесленники, мелкие торговцы. Потомки первопоселенцев имели иной уклад жизни, иную систему ценностей и нормы поведения.

Итак, мы видим, что продвижение фронтирной зоны на юг сопровождалось урбанизацией региона. На пограничных землях налаживалась торговля, развивалось земледелие, ремесла и промыслы. Несмотря на то, что в рассматриваемом регионе появились первые полноценные города, процесс урбанизации был далек от завершения, поскольку военная опасность была еще сильна, а социальная структура общества не могла измениться сразу. По-прежнему города во многом зависели от хозяйственного развития своей округи, а рыночные связи были еще слабыми[1]. Не существовало качественных путей сообщения, а посадские люди часто «терпели разорение» от приказных людей и притеснения со стороны воевод.

Однако правительство Петра I считало важнейшей задачей военные успехи России. В итоге нужды государства значительно возросли: Азовские походы, постройка флота, реформы в армии и увеличение ее численности, наконец, затянувшаяся Северная война 1700-1721 гг. – требовали больших финансовых затрат. В этой связи урбанизация на Юге России сопровождалась реформами, направленными на усиление налогового давления со стороны государства[2].

С 1699 г. правительство начало новые реформы городов, которые сильно усложнили структуру управления. Вначале в городах появились ратуши, в подчинении которых находились земские избы, старосты посадских слобод, кабацкие и таможенные головы (получившие название бургомистров). Главной задачей ратуши был своевременный сбор налогов (вместо воевод) и контроль за деятельностью земских изб. При этом сохранял свои функции и мирской сход, также продолжавший контролировать сбор на-

[1] *Мизис Ю.А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. – Тамбов, 2006. С. 522-523

[2] *Кизеветтер А.А.* Посадская община в России XVIII столетия. – М., 1903. С. 175, 322-324.

логов. В итоге ратуша стала скорее финансовым учреждением, а новые городские реформы не повлияли реально на структуру организации посадского населения, основы которой были заложены еще реформами середины XVII в.

Поскольку ратуши, по сути, являлись финансовыми учреждениями, то они подчинялись приказу Большой казны. Это свидетельствует о том, что правительству нужно было только организовать эффективное взимание налогов. Ратуши появились не во всех городах, а только там, где посадское население имело досточно большую общину[1].

Однако в 1708 г. появились губернии, и теперь губернские власти стали заведовать всеми налоговыми сборами и организацией военных поставок, взяв на себя значительную часть функций ратуш. В данном случае мы можем еще раз отметить, что реформы Петра были направлены, прежде всего, на увеличение налоговых поступлений в казну[2].

Вполне закономерно, что в целях увеличения сборов с 1714 г. правительство разрешает заниматься торговлей лицам всех социальных групп, и в итоге посадское население потеряло свои привилегии. В некоторых городах Юга России к этому времени уже сформировались торговые династии, которые не боялись конкуренции со стороны иных сословных групп в торговой деятельности, однако в большинстве крепостей и острогов бывшей фронтирной зоны посадская община оказалась в сложных условиях [3]. Например, Ливны, Тамбов и Старый Оскол, а также ряд других бывших крепостей региона, вообще не имели посадов в 1710 г., а, следовательно, полноценными городами они в это время так и не стали[4].

Кроме того, нужно учитывать, что в начале XVIII в. в тех поселениях, которые мы считаем городами, торговцев среди посадско-

[1] Там же. С. 660-662.

[2] *Богословский М.М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719-27 гг. – М., 1902. С. 43-45, 63-65.

[3] РГАДА. Ф. 350. Оп 1. Д. 113.

[4] *Кофенгауз Б.Б.* Купечество. Города. // Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. Под редакцией Б.Б. Кофенгауза, Н.И. Павленко. – М., 1954. С. 214.

го населения было гораздо меньше, чем ремесленников; к тому же, заметную часть местных жителей все еще составляли служилые люди[1]. Все это накладывало свой отпечаток на развитие города в бывшей фронтирной зоне, который в условиях налогового давления со стороны государства не стал полностью торгово-ремесленным поселением, а еще долго сохранял свои военные функции.

Таким образом, процесс урбанизации южнорусского региона в XVI – начале XVIII вв. проходил в сложных условиях, вызванных наличием фронтирной зоны. Тем не менее, к концу XVII в. посадское население в в наиболее крупных крепостях постепенно заняло ведущее место в экономической жизни, что стало закономерным итогом реформ 1646-1649 гг. и продвижения границы страны к югу.

В XVIII столетии часть крепостей, ставших небольшими «городами», была официально лишена этого статуса (Добрый, Сокольск, Урыв, Коротояк, Орлов и проч.). Они не смогли составить конкуренцию крупным соседям, которые стали на путь урбанизации раньше. При этом некоторые бывшие крепости – Воронеж, Тамбов, Белгород, Курск стали центрами губерний. Другие города в результате урбанизации превратились в важные административные, торговые и культурные центры уездов (например, Елец, Данков, Лебедянь, Козлов).

3.2. Города южного фронтира в XVII в.

С завершением строительства Белгородской черты южнорусские города, города Белгородского полка стали разделять на три неравные по численности группы: города «в черте» (т. е. защищенные Белгородской чертой), города «по черте» (города-крепости самой черты) и города «за чертой» (т. е. оказавшиеся южнее оборонительной линии). «Города в черте» в свое время как раз и составляли территорию южнорусского фронтира. Но к 70-м гг. XVII в. какая-то часть этих уездов, скорее всего, потеряла «фронтирные признаки», а какая-то часть по-прежнему являлась фронтиром.

[1] Там же. С. 213.

Вопрос о составе этих двух групп, т. е. вопрос о северной границе южнорусского фронтира, для начала последней трети XVII в. относится к числу дискуссионных и явно требует дальнейших исследований. Что касается городов и уездов «по черте» и «за чертой», то они, безусловно, составляли территорию южного фронтира России 2-й половины XVII в.

Белгородская черта была построена, исходя из сочетания ряда географических условий юга Московского государства (прежде всего, рек, текущих хотя бы отчасти в широтном направлении, и лесных массивов). В силу этого, черта, почти полностью закрыв территорию страны с юга и юго-востока от нападений крымских и ногайских татар, оставила несколько самых южных городов на территории Поля без прикрытия.

В ходе строительства самой черты, как известно, было основано множество новых городов, часть из которых несколько позже превратились в центры уездов, на территории которых возникали села и деревни. Иными словами строительство Белгородской черты дало мощный толчок для продолжения колонизации Поля.

Другим следствием строительства черты были коренные изменения административного плана на Юге. Был создан Белгородский полк, и Москва по целому ряду вопросов переподчинила воевод и приказных людей городов, вошедших в полк, воеводе этого полка (в то время как ранее все они напрямую подчинялись столице). Территория уездов, чьи города относились теперь к Белгородскому полку, в документах время от времени (и очень часто в исследованиях) стала называться Белгородским разрядом. Белгород же стал своеобразной столицей региона, в которой даже возник своеобразный филиал Разряда – «разрядная изба».

Укрепления городов южного фронтира

В третьей четверти XVII в. ряд крепостей южного фронтира по разным причинам были перестроены. Данные о городских укреплениях на 1676 г. представлены в табл. 1.

Таблица 1.

Укрепления городов южного фронтира в 1676 г.

		«Рубл. город»	Ст. остр.	Земл.	> 1 системы	Периметр (сажени)	Обламы	Башни всего	Проезж.	Отводн. городки
1	Ахтырский		+			993,5		8	4	
2	Белгород		+	+	+	558 + 1887,5	+	10 +8	4 +3	+
3	Белоколодск		+			230		5	1	
4	Богодухов		+			605	+	8	4	
5	Болховой			+[1]		523	+	7	3	
6	Болыклея	+[2]		+[3]	+[4]	390 +120		4 +0	2 +1	
7	Боровля		+		+[5]	170 +404 +180		5 +4 +1	1 +1	
8	Валки		+		+[6]	358 +208		– +5	–[7] +1[8]	

[1] «... оставлен дубовым лесом».

[2] «Да к тому ж старому городу для осадного времяни построен городок, сыпан вал в вышку трех сажен, поперег сажени; на том валу построен городок клетками, дубовым лесом, в вышину трех аршин».

[3] «Сыпан вал в вышину полутора сажени, в ширину сажени, а около того города никакой огорожи нет».

[4] «Да к тому ж старому городу для осадного времяни построен городок, сыпан вал в вышку трех сажен, поперег сажени; на том валу построен городок клетками, дубовым лесом, в вышину трех аршин».

[5] К «городу» пристроен острог; кроме того, есть «пригородок».

[6] «В том ж городе меншой острожек построен на речке Турушке и Мже, ставлен дубовым лесом, кравати и обламы недостроены».

[7] «В городе проезжие ворота, глухих башен нет».

[8] В итогах – 2 башни.

		«Рубл. город»	Ст. остр.	Земл.	> 1 системы	Периметр (сажени)	Обламы	Башни всего	Проезж.	Отводн. городки
9	Валуйка			+		853[1]	+	10[2]	2	
10	Верхососенск		+			201	+	5	2	
11	Вольный		+			280		8	2	
12	Воронеж	+			+[3]	811[4]	+	17 +2	5	
13	Городное		+		+[5] +[6]	63 +123 +292		6 +0 +0	3 +0[7] +0[8]	
14	Данков		+		+ ещё ст остр. + кусок рубл. стены	131 +197,5 =328,5	+ +	4 +4 =8	2 + 2 =4	

[1] «... без башенных стен».

[2] «Да в наугольной башне, что от казачей слободы, для проходу пеших людей зделана колитка».

[3] Есть «малый городок».

[4] Вместе с «малым городком».

[5] «К тому городу для осадного времяни построен городок дубовым стоячим лесом».

[6] «К тому ж городку зделан другой городок в дубовом ж лесу».

[7] «В том городке проезжие ворота ставлены стоячим дубовым лесом. Верх тех ворот срублен, роскат по мере вверх сажени, крыт лубьем».

[8] «В том городке проезжие ворота, оставлены дубовым стоячим лесом, на тех воротех построен роскат, вверх сажени, крыт лубьем».

		«Рубл. город»	Ст. остр.	Земл.	> 1 системы	Периметр (сажени)	Обламы	Башни всего	Проезж.	Отводн. городки
15	Доброе[1]		+			292,75	+	11	4	
16	Елец	+	+		+	684		10	4	
17	Епифань		+			224	+	8	2	
18	Ефремов	+	+		+	365		11	3	
19	Землянской		+			251	+	8	2	
20	Змиев		+			160		5	1	
21	Карпов		+			438,5	+	9	3	
22	Колонтаев		+[2]		+[3]	96 + 429		0	0[4] +0[5]	
23	Коротояк	+				396,25	+	9	2 +1[6]	
24	Короча		+			245,75	?	7	2	
25	Костенск		+			?		?[7]	1	
26	Красный Кут		+[8]		+[9]	374 +579		6 +0	1 +2	

[1] Вариант: «город Доброе Городище».
[2] «... с трех сторон – в две стены, с четвертой стороны, что от реки Мерла – в одну стену».
[3] «Окола посаду построен острог вновь в дубовом лесу».
[4] «В том городе двои проезжие ворота, глухих башен не построено».
[5] «В том остроге двои проезжие ворота».
[6] «... ворота к воде».
[7] «А глухия башни по городу есть ли и что окола города по мере, того в сметных книгах Антона Трунова не написано.»
[8] «Малый город».
[9] Дважды «большой острог», один раз – «большой город».

		«Рубл. город»	Ст. остр.	Земл.	> 1 системы	Периметр (сажени)	Обламы	Башни всего	Проезж.	Отводн. городки
27	Лебедин		+		+[1]	всего 1250,5		всего 23	всего 9[2]	
28	Лебедянь		+			331		11	3	
29	Ливны		+			324,5	+	6	3	
30	Мояцкий		+			123	+	7	2	
31	Мурафа		?			91		–	–[3]	
32	Мценск	+			+	943	?	19	10	+ отводы
33	Нежегольск		+	+[4]		299		6	2	+ отвод
34	Новосиль	?[5]	?		?	?	?	13	6	+
35	Новый Оскол		+			529,5	+	13	4	
36	Обоянь		+[6]		+[7]	400	+	14	2+1 =3	
37	Олешня		+			160	?	5	1	
38	Ольшанск		+			147,5	+	6	2	
39	Орлов		+			120	?	7[8]	1	

[1] «Малый и большой город», «большой острог и малый городок».
[2] «... да три фортки».
[3] Проезжих башен не было, но «в городе двои проезжия ворота».
[4] Основу стен составлял «вал земляной», который был «оставлен стоячим острогом».
[5] «А каков город строеньем, и что окола города и башен по мере сажен, того в сметных новосильских книгах не написано».
[6] Одна из стен представляла собой земляной вал.
[7] Укрепления делились на «большой город» и «малый городок».
[8] В итогах – 5 башен.

		«Рубл. город»	Ст. остр.	Земл.	> 1 системы	Периметр (сажени)	Обламы	Башни всего	Проезж.	Отводн. городки
40	Острогожск		+			407,5	+	9	4[1]	
41	Салтов		+			244,75		7	2	
42	Сокольск		+			331,25	+	8[2]	2	
43	Ст. Оскол		+			227	+	9	2	
44	Талицкий		+			138		4	1	
45	Урыв		+			120	+	5	1	
46	Усерд	+				352	+[3]	9	3	
47	Усмань		+			288	+[3]	8	2	
48	Харьков		+		+[4]	475 + 243		9 +4	3 +3	+[5]
49	Хотмышск		+			346	+	10	2	+
50	Царев-Борисов		+			400		4	2	
51	Чернавский	+				171	+	5	2	
52	Чернь	?	+	+	+	400,5	?	9	3	
53	Чугуев		+			500		9	3	
54	Яблонов	+[6]		+[7]		749,5 + 150	+	13 + 3	4 =1	

[1] «... в том числе одни ворота засыпаны землею».
[2] «Калитка к реке Воронежу подле наугольные башни».
[3] «... лес сосновой».
[4] «К старому городу построен острог для воды стоячим дубовым лесом».
[5] От пристроенного острога.
[6] «... внутре земляном городе для крепости зделана стена, рублена огородними».
[7] «... земляной, изнутря города был обрублен, а с полевое сторону ослонен дубовым лесом».

Как видно из приведенной таблицы, города различались не только типом стен (стоячий острог или «рубленый город»), но и еще по целому ряду признаков, связанных с укреплениями.

Во-первых, ряд городов имели сложную структуру укреплений: внутри основного периметра располагался внутренний периметр укреплений; одновременно существовало несколько периметров, связанных или не связанных друг с другом; единый периметр мог разделять дополнительной стеной с башнями.

Во-вторых, во время перестроек ряда крепостей были использованы фортификационные новшества: упоминающиеся источником «отводы» следует рассматривать как своего рода бастионы.

Таким образом, ряд крепостей южного фронтира к последней четверти XVII в. стали приобретать явно европейские черты.

Хлебные запасы в городах южного фронтира

Одним из обязательных пунктов годовых сметных книг городов южного фронтира Московского государства была информация о наличии и объемах хлебных запасов в городе. Для анализа этой информации была привлечена одна из наиболее полных сметных книг, относящаяся к 7185 (1676/77) г.[1] В ней содержатся данные о 55-ти (из 64-х) городах Белгородского полка[2]: 25 городов Белгородской черты[3] и 14 городов «за чертой», большинству из которых вскоре предстояло стать крепостями Изюмской черты.

Из 39 городов в 21 городе в 1676/77 г. хлебных запасов не хранилось. Это были: Ахтырский, Боровлянский, Белоколодск, Богодухов, Болыклея, Валки, Городное, Добрый (Доброе Городище), Змиев, Колонтаев, Красный Кут, Мояцкий, Мурафа, Новый Оскол, Олешня, Орлов, Салтов, Сокольск, Усмань, Харьков и Царев-Бо-

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97.

[2] О количестве городов Белгородского полка в «185-м» г. См.: Новохатко О.В. Разряд в 185 году. – М., 2007. С. 75-76.

[3] По традиции Разряда, Боровля, Олешня и Ахтырский отнесены к этим городам, хотя В.П. Загоровский убедительно показал, что все они находились вблизи Белгородской черты, но не на ней (См.: Загоровский В. П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. С. 164-169).

рисов. Среди них есть города как «по черте», так и «за чертой»; как центры уездов, в которых были села и деревни, так и «пригороды».

В остальных 18 городах хлебные запасы на момент составление воеводских отчетов были, и сведения о 17-ти из них содержатся сметной книге. Исключение составлял лишь Белгород – по сути, главный город огромного региона.

В Белгороде, в отличие от большинства других городов, был огромный комплекс для хранения зерна и иных запасов, названный в книге, впрочем, стандартно – житенный двор. Это был дубовый острог, длина которого по периметру составляла 129 саженей, а высота стен – 2. В нём имелись двустворчатые ворота с железным замком, а рядом с воротами в стене была сделана «фортка». Внутри ограды, помимо трех амбаров, «где кладетца государева свинцовая казна и всякое ружье», и двух соляных амбаров, располагались 23 житницы. Они и были основным хранилищем хлебных запасов. Однако в предшествующем, «184-м» г., на житенном дворе появились новые строения: были построены крытые лубом «сараи», в длину 27,5 саженей и в ширину 3. Сараи предназначались для экстраординарного мероприятия: там разместили хлебные запасы, присланные из городов Севского полка, а предназначались они «для Крымского походу»[1].

Несмотря на такое подробное описание житенного двора, о том, чего и сколько там хранилось, в белгородском отчете говориться весьма своеобразно. Там помещено пространное, с пересказом грамот из Москвы, описание организации сбора и приема хлебных запасов «в крымский промысл... ратным людем на корм» в первой половине 1676 г. В нем упоминается, что по отчетности разных приемщиков 8 742,5 + 1 155 четей крошеных сухарей + севских 277 ч. + лежалых 1 тыс. + затхлых и гнилых 1760 ч. + толокно лежалое 150 + затхлого и кислого 450 ч. «И те хлебные запасы не мерены, потому что из житниц и из онбаров переместить негде. А по скаске целовальников... те хлебные запасы у них налицо в целости»[2]. Что же касается основных, неэкстраординарных, запа-

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 53-об.-54-об.

[2] Там же. Л. 67-об.-68.

сов, которые формируются за счет ежегодного сбора четверикового хлеба, то о них в разрядной избе «не ведомо», «а ведомы те запасы в Приказе денежного и хлебного сбору, и те наличные хлебные запасы написаны в росписном списке... и тот список послан к великому государю к Москве» в октябре 1676 г. Кроме того, данные о сборе и запасах четверикового хлеба содержатся в приходных и расходных книгах, которые «посылаютца из Белагорода к великому государю к Москве в Розряд ежегод ис Приказу денежного и хлебного сбору»[1]. Иначе как «отпиской» (в современном значении этого слова) данную информацию трудно назвать.

(Для представления масштабов белгородских хлебных запасов: осенью 1684 г., когда были представлены данные, а не отписка, в городских житницах хранилось 1710 четей ржи, 1823 чети овса и чуть больше полутора четей овсяных круп[2].)

Все данные о запасах в остальных городах приведены в Табл. 1. Нецелые числа округлены до меньшего значения. При этом нужно иметь в виду несколько моментов.

Во-первых, в отчетах ряда воевод и приказных людей отмечено, что хлебные запасы целиком или частично пришли в негодность: в Болховом «тот запас лежит... в житницах со 173-го году, вперед в запас на еду людем не годитца – излежался»[3]; в Хотмышске «сухори и крупы, и толокно излежались, в запас не годятца»[4]; в Короче «и греча, и проса погнило, потому что зборов давних годов»[5]; в Валуйке, помимо учтенного запаса, было еще и «гнилова запасу в 33-х кулях, а сколько чети и какой, того... не написано»[6].

Во-вторых, в некоторых городах запасы формировались не только за счет собственных ресурсов: в Карпове, помимо местной овсяной крупы, хранилось чуть более 20 четей «круп овсяных

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 67-68-об.

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 130. Л. 239.

[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 497.

[4] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 558.

[5] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 720.

[6] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 1357.

курские присылки»[1]; в Короче часть ржи, гречи и пшеницы, вся ржаная мука, все пшено и весь ячневый солод были осенью 1670 г. присланы из Острогожска, где их конфисковали на мельнице казненного организатора проразинского мятежа черкасского полковника Ивана Дзиньковского[2].

В-третьих, рожь, хранившаяся в Острогожске, названа рожью «беглых черкас». Скорее всего, она предназначалась для выплаты натурального жалованья очередным переселенцам, но те по каким-то причинам передумали обосновываться на новых местах и ушли, не успев получить положенное.

В-четвертых, в Острогожске был учтен «мельничный сбор» – судя по всему, натуральная оплата за помол на казенной мельнице. Он включал в себя рожь, солод, пшеницу, гречу и пшено. В книге для каждой составляющей этого сбора объемы не указаны, а приведен его общий объем.

В-пятых, для Коротояка и Воронежа не указано зерно, из которого были сделаны крупы, а в Коротояке толокно и крупы были учтены вместе.

И наконец, любопытная подробность хранения хлебных запасов встречается в отчете из Карпова: там из государевых житниц давали хлеб в займы – «на карповцах по заемным памятям» числилось 68 четей ржи и 9,5 четей овса[3].

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 528.

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97.Л. 720 об. О событиях в Острогожске и роли в них И. Дзиньковского см.: Скобелкин О.В.Разинские атаманы в Воронежском крае // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. Воронеж, 1983. С. 101–111.)

[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 528.

Таблица 2.

Хлебные запасы в 1676/77 г.

		рожь	овес	толокно	крупы	сухари	греча	просо	пшено	пшеница	ячмень	солод	мельничный сбор
55	Болховой	47м	—	23	23о	—	—	—	—	—	—	—	—
56	Карпов	80	80	—	35о	—	—	—	—	—	—	—	—
57	Хотмышск	—	—	21	21о	20	—	—	—	—	—	—	—
58	Вольный	209м	60	91	92[1]	58	-	-	-	-	-	-	—
59	Нежегольск	16	15	-	-	-	-	-	-	-	-	-	—
60	Короча	349[2]	-	-	-	-	40	15	4	7	-	47я	—
61	Яблонов	608	98	-	-	20	18	-	-	-	-	-	—
62	Верхососенск	-	27[3]	-	-	-	-	-	-	-	-	-	—
63	Усерд	-	34	-	-	-	-	50	-	-	-	-	—
64	Ольшанск	545	812	-	-	-	-	-	-	-	-	-	—
65	Острогожск	76	340	-	-	-	5	-	-	3	7	-	269[4]
66	Коротояк	15м	-	230		-	-	-	-	-	-	-	—
67	Урыв	25	15	-	-	-	-	-	-	-	-	-	—
68	Воронеж	1191м	4227	1216	1117	-	-	-	-	-	-	-	—
69	Костенск	7	200	-	-	-	-	-	-	-	-	-	—
70	Валуйка	537	965	30	30о	30	-	-	-	-	-	-	—
71	Чугуев	164	164	-	-	-	-	-	-	-	-	-	—

[1] 35 четей овсяной и 57 четей гречневой.

[2] Включая 57 четей ржаной муки.

[3] «... что не донето в донской отпуск» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 806.

[4] «... ржи и солоду, и пшеницы, и гречи, и пшена» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 885.)

Артиллерия в городах Белгородской черты

Для анализа были привлечены годовые сметы 21 города, находившихся на Белгородской черте (22-й город – Белоколодск – не имел артиллерии). Хотя современники к городам «по черте» относили еще три города – Ахтырский, Боровлю и Олешню, В. П. Загоровский убедительно показал, что эти крепости находились не в системе укреплений черты[1], и поэтому данные об их артиллерии в данной статье не рассматриваются.

Учет артиллерии в городах обязательно предусматривал указание на металл, из которого был изготовлен тот или иной ствол. В силу этого, в каждом отчете отдельно описывался «наряд медной» и отдельно «наряд железной». Что касается типов артиллерийских систем, то книга 185-го г. (именно так, в сокращенной форме, без упоминания тысяч, в XVII в. чаще всего записывался год) знает четыре типа: пищали, бомбарды, тюфяки (они же пищали дробовые и тюфяки дробовые) и затинные пищали[2]. В силу того, что пищали абсолютно, на порядки, преобладали над другими артиллерийскими системами и имелись во всех городах, где была артиллерия, в данной статье приводятся сведения именно о них.

При описании пищалей в сметной книге для каждого ствола приводятся данные о его длине, массе и калибре, который в ту эпоху измерялся массой ядра. Никоим образом не умаляя важность первых двух показателей, все же представляется, что главной характеристикой пищали как артиллерийского орудия был калибр. Ниже, в Табл. 3, приведены данные о распределение пищалей того или иного калибра по городам Белгородской черты.

1 Загоровский В. П. Указ. соч. С. 164-169.

2 О классификации орудий см.: Лобин А. Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного. [Электронный ресурс]. // История военного дела: исследования и источники. 2012. Спец. вып. 1. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: Материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. 1. Статьи. С. 104-158. http://www.milhist.info/2012/12/15/lobin_1 (25.09.2019).

Таблица 3.

Пищали в городах Белгородской черты в 185-м году

Калибр (гривенки)	Бельский	Хотмышск	Карпов	Болховой	Белгород	Нежегольск	Короча	Яблонов	Нов. Оскол	Верхососенск	Усерд	Олыбанск	Острогожск	Коротояк	Уфыв	Коспенск	Воронеж	Орлов	Усмань	Сокольск	Дубравный	ИТОГО
10					1м																	1м+ 0ж = 1
8			1ж		1ж				1жв													0м+ 3ж = 3
7								1м														1м+ 0ж = 1
6				1ж	1м		2м	1мв	1ж		1м					2ж	3м+ 2ж = 5			1жв	1ж	8м+ 8ж = 16
5		1ж	2ж					1ж	1жв			1ж	1жв	3ж			1м		2ж			1м+ 11ж = 12
4,5					6ж	2ж																0м+ 8ж =8
4		1м		4ж	24ж		1м+ 4ж = 5	3ж	3м+ 14ж = 17	1мв	2м+ 2ж = 4	1ж	1м	2ж		2ж	1м					10м+ 56ж = 66

Калибр (гривенки)	Всего пищалей	Вольный	Хотмышск	Карпов	Болховской	Белгород	Нежегольск	Короча	Яблонов	Нов. Оскол	Верхососенск	Усерд	Олыпанск	Острогожск	Коротояк	Урыв	Костенск	Воронеж	Орлов	Усмань	Сокольск	Лобрый	ИТОГО
1,75	1м+ 0ж = 1														1м								1м+ 0ж = 1
1,5	1м+ 0ж = 1				1м																		1м+ 0ж = 1
1	1м+ 3ж = 4				3ж											1м							1м+ 3ж = 4
0,75	3м+ 1ж = 4			1ж							1м							1м	1м				3м+ 1ж = 4
0,5	0м+ 3ж = 3				1жз				1ж								1ж						0м+ 3ж = 3
0,25	0м+ 3ж = 3								1жз					2ж									0м+ 3ж = 3
	83м+ 212ж = 295																						
	0м+ 13ж = 13																					2	0м+ 13ж = 13
	0м+ 9ж = 9																						0м+ 9ж = 9
	0м+ 20ж = 20																				18ж		0м+ 20ж = 20
	1м+ 5ж = 6																			2ж			1м+ 5ж = 6
	10м+ 12ж = 22																	1м					10м+ 12ж = 22
	0м+ 7ж = 7ж																1ж						0м+ 7ж = 7ж
	0м+ 3ж = 3ж																						0м+ 3ж = 3ж
	2м+ 13ж = 15														1м								2м+ 13ж = 15
	1м+ 14ж = 15													2ж									1м+ 14ж = 15
	3м+ 5ж = 8												1м+ 3ж = 4										3м+ 5ж = 8
	3м+ 2ж = 5											1м											3м+ 2ж = 5
	2м+ 5ж = 7										1м												2м+ 5ж = 7
	5м+ 21ж = 26									1м+ 2ж = 3													5м+ 21ж = 26
	17м+ 13ж = 30								1м+ 7ж = 8														17м+ 13ж = 30
	7м+ 8ж = 15							1м+ 3ж = 4															7м+ 8ж = 15
	0м+ 6ж = 6ж						2ж																0м+ 6ж = 6ж
	5м+ 33ж = 38					2ж																	5м+ 33ж = 38
	1м+ 10ж = 11				1ж																		1м+ 10ж = 11
	5м+ 10ж = 15			5м																			5м+ 10ж = 15
	12м+ 3ж = 15		9м																				12м+ 3ж = 15
	9м+ 0ж = 9м	Вольный	Хотмышск	Карпов	Болховой	Белгород	Нежегольск	Короча	Яблонов	Нов. Оскол	Верхососенск	Усерд	Олыпанск	Острогожск	Коротояк	Урыв	Костенск	Воронеж	Орлов	Усмань	Сокольск	Лобрый	ИТОГО

Примечания к Табл. 1. Условные обозначения: в – вестовая, ж – железная, з – затинная, м – медная

Калибр (гривенки)	Вольный	Хотмышск	Карпов	Болховой	Белгород	Нежегольск	Короча	Яблонов	Нов. Оскол	Верхососенск	Усерд	Олыпанск	Острогожск	Коротояк	Урыв	Костенск	Воронеж	Орлов	Усмань	Сокольск	Лобрый	ИТОГО
3,75										3ж								1ж				0м+ 4ж = 4
3,5	5м	9м			2ж	2ж								2ж								14м+ 6ж = 20
3,25				1ж																		0м+ 1ж = 1
3	1м	1м+ 2ж = 3				2ж	1м+ 3ж = 4	1м+ 7ж = 8	1м+ 3ж = 4				4ж	1м+ 2ж = 3	3ж	2ж	3ж	2ж	3ж	8ж			6м+ 51ж = 57
2,75										2ж												0м+ 2ж = 2
2,5	3м		6ж					13м				2м		1ж								18м+ 7ж = 25
2,25			5м		3м									1ж								5м+ 1ж = 6
2		1м					3м+ 1ж = 4	1м	1м+ 2ж = 3			1м+ 3ж = 4	7ж	2ж					2ж	18ж		2	13м+ 44ж = 57

Следует оговорить также, что обычно немногочисленные затинные пищали учитывались отдельно, и не вполне ясно, относили их составители годовых смет к «наряду» или нет. Однако в двух городах, в Болховом и в Яблонове, они были учтены вместе с остальным «нарядом», в силу чего они были включены в Табл. 3.

Как видно из приведенной таблицы, наиболее масштабные пищальные парки находились в 185-м г. в Белгороде (38 стволов), Яблонове (30 стволов), Новом Осколе (26 стволов), Воронеже (22 ствола) и Усмани (20 стволов). На другом же «полюсе» находились Вольный и Сокольск (по 9 стволов), Ольшанск (8 стволов), Верхососенск и Костенск (по 7 стволов), Нежегольск и Орлов (по 6 стволов), Усерд (5 стволов) и, наконец, Урыв (3 ствола). Разумеется, количество орудий в городе должно было зависеть от размеров крепости – периметра стен и числа башен. (Впрочем, характер такой зависимости, кажется, еще не пытались определить применительно к Белгородской черте.) Однако годовая сметная книга 185-го г. учитывала не только крепостную, но и полевую артиллерию, которая просто хранилась в некоторых городах и использовалась тогда, когда подразделения Белгородского полка выступали в поход. Отделить один вид от другого можно по типу «станков» (т. е. лафетов) для пищалей: станки были «осадные» и «походные» («волоковые»).

К сожалению, составители городовых смет книги 185-го г. не всегда раздельно указывали численность крепостных и полевых станков (а иногда указывали их отсутствие или же просто не указывали их наличия) и, следовательно, орудий. Возможно, привлечение данных сметных книг за другие годы позволит разрешить этот вопрос.

Что касается калибров, то источник учел 21 вариант. Как видно из Табл. 3, наиболее распространенными в исследуемом году были калибры в 4 гривенки (66 стволов), в 3 и в 2 гривенки (по 57 стволов). И только одной пищалью представлены калибры в 10, 7, 3,25, 1,5, 1,75 гривенок. Впрочем, не исключено, что три последних калибра были более распространенными, а составители городовых смет предпочитали целые числа в гривенках числам с использованием долей гривенки и поэтому просто округляли дробные показатели калибра до целых чисел или чисел с долей в 0,5 гривенки («пол-третьи», «пол-четверты» и т. п.). Уточнить распространенность пищалей «редких» калибров в городах Белгородской черты, безусловно, поможет привлечение в дальнейшем других годовых сметных книг.

Учет артиллерии и боеприпасов в городах Белгородской черты в 1676 г.

Описание артиллерии каждого города, чаще всего, разбивалось на две рубрики – «наряд медной» (с него всегда начиналось описание) и «наряд железной». Этими терминами назывались, соответственно, бронзовые и чугунные орудия. «Медный наряд», в отличие от «железного», был не во всех крепостях. Если бронзовых орудий не было, то это либо указывалось специально («наряду медного нет»[1]), либо описание начиналось сразу с чугунных орудий[2]. Таким образом, первое, что учитывалось при описании пищалей – это материал, из которого был изготовлен тот или иной ствол. Внутри этих двух рубрик располагалось описание каждой пищали. При этом описания располагались, как правило, в порядке убывания длины и массы стволов (при одинаковой массе первой описывалась более длинная пищаль).

Помимо материала, для каждого ствола должны были учитываться ещё семь признаков: 1) когда и каким образом орудие появилось в городе, 2) какого «литья» – то есть, условно говоря, место производства; 3) декор, надписи, клейма и т. п., включая «прозвание» пищали; 4) длина; 5) масса; 6) калибр и 7) повреждения.

Сведения о том, когда и каким образом пищаль появилась в крепости, приводятся в книге либо для каждого ствола, либо для группы стволов. Первый вариант записи, достаточно редкий, выглядит так: «Прислана в Белгород ис Царева Борисова во 121-м

[1] См., например: РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 1115-об., 1436-об., 1488, 1593.

[2] См., например: Там же. Л. 690-об., 977, 1116, 1427-об.

году», «Прислана в Белгород с Москвы во 149-м году», «Покинул ея в Верхососенском полковник Франц Вульф во 181-м году для того, что она розорвона», «Прислана она с Москвы в прошлом во 178-м году», «Прислана с Воронежа в 155-м году»[1]. Чаще данные приводились сразу о группе стволов (после описания каждого из них): «Поставил тот вышеписанной норяд в Болховом боярин и воеводы князь Никита Иванович Одуевской с товарыщи, как строил город Болховой во 154-м году», «Присланы из Белагорода по росмотренью боярина и воевод князя Григорья Григорьевича Рамодановского с товарыщи во 169-м году», «Присланы те пищали во 172-м году из Карпова по указу великого государя и по отписке боярина и воевод князя Григорья Григорьевича Рамодановского с товарыщи», «Те вышеписанные десять пищалей присланы с Москвы во 149-м году»; «Присланы те все пищали и к ним ядра с Москвы да с Тулы в прошлых во 153-м и во 154-м, и во 160-м, и во 165-м годех»[2].

Однако нередко составители годового отчета не располагали данными об обстоятельствах появления в городе всех или какой-то части орудий. В этом случае делались записи следующего типа: «А откуды та пищаль в Болховой прислана и в котором году..., того в Болховом неведома», «И откуды и в котором году в Хатмышской присланы, того в книгах Федора Ренова не написано», «А в котором году и откуды котороя пищаль на Корочю прислана, и тому на Короче в приказной избе записки не сыскано», «А вышеписанные пищали в котором году и откудова котороя пищаль присланы, того на Воронежи ведать не по чему»[3].

Следующей учетной характеристикой ствола было, условно говоря, место производства. Обозначалось это формулировкой «такого-то литья». Вариантов было три: «московского литья», «немецкого литья» и «литовского литья». Правда, в описании одной из пищалей Хотмышска содержится намек еще на один вариант «литья», хотя напрямую о нем ничего не сказано: «подпись на ней

[1] Там же. Л. 68-об., 69, 806-об., 1082-об., 1132-об.
[2] Там же. Л. 499, 561, 559, 1174.
[3] Там же. Л. 499-об., 559-об., 723, 1082-об.

полского письма»[1]. Иными словами, здесь можно предполагать «польское литье». Однако остается совершенно неясным, как по подписи латиницей составители хотмышского отчета определили, что это именно польский язык (почти во всех других подобных случаях указывалось, что надпись вылита «по-немецки».)

Есть основания предполагать, что для артиллерии Белгородской черты был ещё один вариант и отечественного «литья». В нескольких городах часть «наряда» и в нескольких весь «наряд» значится как присланный из Тулы. При этом, особенно в последнем случае, в соответствующих годовых сметах речь о «литье» не идет вообще. В тоже время, в трех городах вне черты – Ахтырском, Мурафе и Красном Куте – числятся пищали «тульского литья»[2]. Исходя из этого, вполне возможно, что какие-то пищали, присланные с Тулы, были «тульского литья».

Вместе с тем достаточно часто сведений о «литье» в распоряжении городовых и уездных администраторов либо не было, либо по каким-то причинам они попросту отсутствовали в отчете («московского ль или немецкого и литовского литья, и признак вылитых никаких нет», «... какого литья, того в Болховом неведома», «а какого ане литья ..., того в книгах Федора Ренова имянно не написано», «И те пищали московского ль или немецкого, или литовского литья, ... на них не подписано»[3]).

Часть стволов имела специально отлитые (в отдельных случаях – выбитые) индивидуальные признаки – декор, различные изображения и надписи. Первые два элемента в сметах 185-го года назывались «признака». Самой распространенной «признакой» были «пояса»: «признака на ней – вылит около той пушки кругом пояс», «признаки на них – вылиты окола по три пояса», «признаки на ней – вылиты девять поясов»[4]. Но были и другие «признаки»: «признака на ней – вылит орел», «признаки на ней вылитые – подле дула три лица человеческие да ящерица», «признака

[1] Там же. Л. 559-об.
[2] Там же. Л. 674-об., 1515, 1540-об.
[3] Там же. Л. 258, 499-об., 559-559-об., 789.
[4] Там же. Л. 497-об.-498,

на ней – вылитая змия»[1]. Растительный орнамент тоже, судя по всему, считался «признакой» («середь ея до дула вылиты травы»[2]). Правда, составители короченской сметы к «признакам» отнесли и «подпись»: «На ней признаки вылитые – подпись вдоль по пищали: Божиею милостию повелением государя царя и великого князя Михаила Федоровича все Русии лета 7138-го лил мастер Григорей Наумов». Описывая другие короченские пищали, они вообще обошлись без слов «признака» или «подпись»: «на ней вылита у запалу в кругу «Божиею милостию повелением государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии лета 7131-го году лил мастер Кондратей Михайлов»; «на ней вылит орел двояглавой»[3].

«Подписью» назывался текст с информацией об отливке ствола. В очень редких случаях, когда орудие имело имя собственное – «прозвание» – оно входило в состав «подписи» (например: «На ней подпись: пищаль Сабака в лета 7083-го делал Андрей Чехов»[4]). Типичные подписи: «Божиею милостию повелением великого государя царя и великого князя Михайла Феодоровича всеа Русии слита лета 7137-го году, лил мастер Кондратей Михаилов»; «На ней у заправа подпись: Государь царь и великий князь Михайло Федорович [в оригинале ошибочно «Федович»] всеа Росии»; «У заправа вылита подпись: мастер Алексей Акимов»; «Подпись на ней: Божиею милостию повелением государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии лета 7131-го мастер Алексей Якимов»[5].

Описание каждого ствола обязательно включало в себя три количественных показателя: длину, массу и калибр. Длина выражалась в аршинах и его долях и вершках («мерою по аршину без

[1] Там же. Л. 559, 559-об., 1116-об.

[2] Там же. Л. 721.

[3] Там же. Л. 721-722.

[4] Там же. Л. 68-об. Эту белгородскую пищаль (кажется, единственную с «прозванием» среди пушек Белгородской черты) упоминает А. Н. Лобин. (Лобин А. Н. Артиллерия Ивана Грозного. – М., 2019. С. 273.)

[5] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 559-об., 750-об., 751, 1081-об. «Подписи» и «признаки» к немногочисленным орудиям XV-XVI вв., находившимся в городах Белгородского полка (в том числе и крепостях Белгородской черты), опубликованы в: Лобин А. Н., Сапелин Р. А. Указ соч. С. 283-294.

трех вершков», «мерою длины трех аршин с четвертью», «мерою пол-третья аршина с вершком»[1]).

Масса ствола (которая, как в современном разговорном языке, назвалась «весом») выражалась в пудах и его долях и гривенках («весу в ней тритцать пуд», «в другой дватцать восмь пуд без четверти», «в одной тритцать пуд с четвертью», «весу в ней осмнатцать пуд з двемя гривенки»[2]).

Особняком стоит учет калибра. Калибр определяли не по диаметру канала ствола, как в наши дни, а по массе («весу») ядра. (Именно поэтому определить калибр тюфяков, в отличие от пищалей, по описаниям годовых смет невозможно: они стреляли не ядрами, а «дробом».) Масса ядра у обычных пищалей измерялась в гривенках и ее долях («по три гривенки ядро», «по три гривенки без чети ядро», «по три четверти гривенки ядро», «по пол-третьи гривенки ядро»[3]). Эта информация располагалась в конце описания каждого орудия или после описаний нескольких орудий одного калибра (например: «К тем трем пищалем четыреста одно ядро по пол-третьи гривенки ядро»[4]).

Орудия, имевшие повреждения и потому непригодные к использованию, также обязательно учитывались. В зависимости от масштабов повреждений, было два вида учета: разорванные стволы и целые, но поврежденные, стволы. В первом случае фиксировалось только наличие разорванного орудия, а его описания не делалось. В 185-м году в крепостях Белгородской черты таких пищалей было две – в Белгороде («Пищаль железная разорваная; от той пищали десять отрывков, весом в отрывках сорок два пуда»[5]) и в Верхососенске. Правда, степень «разорванности» последней пищали была, по-видимому, значительно меньше белгородской, поскольку ее описание все же приводится: «Пищаль, мерою в длину 3 аршин, весу в ней двенатцать пуд, к ней ядер нет; покинул ея в

[1] Там же. Л. 70, 73-об.

[2] Там же. Л. 1133, 71, 560-об., 1133-об.

[3] Там же. Л. 722, 807, 1082, 536.

[4] Там же. Л. 585.

[5] Там же. Л. 74.

Верхососенском полковник Франц Вульф во 181-м году для того, что она розорвона»[1].

Пищали с частичными повреждениями ствола описывались полностью, как и исправные орудия. Такие пищали были в двух городах – Хотмышске и Воронеже, по две в каждой из крепостей.

Хотмышские пищали описаны следующим образом: «Пищаль, четырех аршин с вершком, весу в ней сорок пуд; подпись на ней вылита: Божиею милостию повелением великого государя царя и великого князя Михайла Феодоровича всеа Русии слита лета 7137-го году, лил мастер Кондратей Михаилов; к ней ядер нет, по кружалу ядра надобны в четыре гривенки; на ней раз блиска дула, к стрельбе не годитца. Пищаль, трех аршин без вершка, весу в ней дватцать пять пуд дватцать гривенок; признаки на ней вылитые – подле дула три лица человеческие да ящерица, подпись на ней полского письма; запал розгорел; к ней ядер нет, а по кружалу надобны в две гривенки ядро; к стрельбе не годитца»[2].

Также подробно описаны и воронежские пищали: «Пищаль медноя, порченоя, мерою в длину дву аршин без четверти; весу в ней восм пуд шесть гривенок; на ней вылит орел двоеглавой, меж глав крест; подпись на ней: Лета 7141-го государь царь и великий князь Михайла Федорович всеа Русии; на ней против вертлюга сквознина; стрелять из ней не мочно.

Пищаль порченая ж, медноя, скорострельноя, мерою в длину аршина полу-четверта вершка; весу в ней с припоянным железам и с вертлюгом три пуда шесть гривенок; стрелять из ней немочно ж»[3].

Однако и в хотмышской, и в в воронежской сметах есть пояснения. Хотмышск: «Те ... пищали во 172-м году по приказу боярина и воевод князя Григорья Григорьевича Рамодановского с товарыщи оставлены в Хотмышском полку, а вместо тех пищалей взяты в полк ис Хотмышска четыре ж пищали медные»[4]. Воронеж: «Принеты те две порченые пищали у думного дворянина и воивод

[1] Там же. Л. 806-об.

[2] Там же. Л. 559-559-об.

[3] Там же. Л. 1082-об.-1083.

[4] Там же. Л. 560.

Ивана Большого Савостьяновича Хитрово с товарыщи в прошлом во 181-м году»[1].

Если сопоставить эти пояснения с данными о верхососенской пищали, становится ясно, что пять из шести испорченных пищалей городов Белгородской черты не были крепостными орудиями, а были полковыми пушками. Свои повреждения они получили, скорее всего, в результате интенсивного использования во время боевых действий. Став негодными, они оказались на хранении в крепостях. Что же касается полностью разорванной белгородской пищали, то что-либо сказать о ее, предшествующей описанию, судьбе ничего нельзя из-за скудости информации. Ясно одно: она так же, как и другие испорченные орудия, хранилась в городе.

Помимо всех перечисленных обязательных для учета параметров, в тех редких случаях, когда ствол имел какие-либо дополнительные приспособления (например, вертлюги), они также включались в описание орудия.

Орудийные лафеты («станки») учитывались двумя способами. В первом случае наличие «станка» указывалось при описании орудия, после данных о стволе. («Пищаль полковая, мерою трех аршин, весу в ней двенатцать пуд тритцать шесть гривенок; в станке на вертлюге; к ней сорок четыря ядра весом по три четверти гривенки ядро»[2].) Такого типа описания встречаются редко.

В большинстве же случаев в годовых сметах содержатся описания второго типа, когда наличие «станков» указывается сразу для группы орудий или же для всех пищалей данной крепости. («Те две пищали в станках на колесах, станки не окованы; к ним шездесят восмь ядер весом в пол-четверты гривенки ядро»; «По городу наряду меднаго и железнаго 16 пищалей, в станках и на колесах...»[3])

Составители некоторых смет посчитали нужным несколько детализировать информацию о «станках». В отдельных случаях они указывали на оковку «станка» и колес железом, в одном случае – отсутствие такой оковки («Те две пищали в станках на ко-

[1] Там же. Л. 1083.

[2] Там же. Л. 1082.

[3] Там же. Л. 690-об., 497.

лесах, станки не окованы»[1]); порой – тип «станка»: осадный, волоковый, походный (в одном случае походными названы пищали, размещавшиеся, по-видимому, на «станках» этого типа: «три – походные, шесть – на осадных станках»[2]). Как правило, все лафеты были на колесах. Отсутствие «станков» (и редко – колес) также фиксировалось.

Из боеприпасов для пищалей учитывались ядра и порох («зелье пушечное»); последний – для всех типов артиллерийский систем.

Как уже говорилось и как видно из приведенных выше примеров, информация о ядрах обычно располагалась либо в конце описания каждого орудия, либо после описаний нескольких орудий одного калибра. Приводились данные о количестве ядер и об их массе («к ней сто ядер весом по две гривенки ядро», «к ней девяноста девять ядер весом по шти гривенок ядро», «К тем вышеписаным девяти пищалем тысяча триста тритцать пять ядер весом по пол-четверты гривенки ядро»). Отсутствие ядер к какой-либо пищали также обязательно фиксировалось.

«Зелье» для артиллерии чаще всего учитывалось отдельно от пороха для ручного огнестрельного оружия. Однако в ряде случаев приводились данные об обоих видах пороха сразу («Зелья в козенном погребе ручного – тритцать пуд, пушечнаго – петьдесят восм пуд»; «Зелья ручного и пушечного – девяноста пуд»; «Зелья ручного и пушечного – 14 пуд 20 гривенок»[3]). Отсутствие артиллерийского пороха, разумеется, тоже фиксировалось. (Его не было только в одном городе – Новом Осколе: «В казенном погребе зелья ручного – сто сорок три пуда осмнатцать гривенок; пушечного зелья нет»[4].)

Запасы фитиля учитывались всегда без какого-либо разделения и измерялись в пудах.

Составители годовых смет городов Белгородской черты (как, впрочем, и других городов Белгородского полка) для описания артиллерии располагали тремя источниками информации – данные на стволе, данные в документах и, при отсутствии первых двух источников, данные измерений.

[1] Там же. Л. 690-об.

[2] Там же. Л. 584.

[3] Там же. Л. 499-об., 723, 807.

[4] Там же. Л. 789.

«Подпись» на стволе позволяла установить «литье». Естественно, что «подпись» кириллицей, как правило, означала «московское литье», а латиницей – прежде всего, «немецкое». Любопытно описание одного из орудий «немецкого литья» в белгородской смете: «Пищаль, прислана в Белгород с Москвы во 149-м году, немецкого литья. Подпись на ней – немецкие слова; а по скаске немцов на той пищали подпись: «Слита тысеча шестьсот тритцать шестаго, лил мастер Карнилус Оверрочий в Голанской земле в городе Ротродаме». Признака на ней – вылит сверх запалу святыи великий мученик Христов Георгий»[1].

Возможно, для установления «литья» какую-то роль играли и «признаки» на стволе. Помимо (и гораздо чаще) «подписей» и «признаков на стволах находился текст с основными характеристиками орудия – длина, масса и калибр. Этот текст назывался «подпиской». В описаниях пушек Белгородской черты текст «подписок» ни разу не приводится[2], но зато составители годовых смет постоянной ссылаются на них («Весу в ней по подписке сорок семь пуд пять гривенок»; «Две пищали мерою по полутретья аршина с вершком, весу в них по подписке: в одной – тритцать пуд с четвертью, в другой – дватцать девять пуд с четвертью ж»; «Пищаль, мерою в длину трех аршин; по подписке весу в ней сорок девять пуд две чети»[3], и т.п.). Правда, терминологическая четкость составителями отчетов (или же их переписчиками) выдерживалась не всегда. Так, в смете Болхового «подписки» названы «подписями»: «В них по весу по подписям по тритцати пуд, мерою в длину по три аршина пищаль»[4].

[1] Там же. Л. 69.

[2] Примеры таких «подписок», а также «подписей». См: Лобин А.Н. Артиллерия московских стрелецких полков в 1670-1680-х гг. [Электронный ресурс]. // История военного дела: исследования и источники. Т. II. 2012. С. 22. http://www.milhist.info/2012/07/23/lobin/ (01.11.2019).

[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 72, 560-об., 722.

[4] Там же. Л. 499-об.

Специальный документ с описанием характеристик орудия назывался «запиской». По-видимому, он составлялся в момент появления пищали в крепости, а храниться должен был в приказной избе.

Некоторое представление о «записках» дает описание двух орудий в Болховом. Эти пищали учтены как «литовского литья», причем на обеих никаких «признак» не было. Оба орудия находились в крепости со времени ее возведения («Поставил тот вышеписанной норяд в Болховом боярин и воеводы князь Никита Иванович Одуевской с товарыщи, как строил город Болховой во 154-м году»[1]). На первый взгляд непонятно, каким образом составители болховской годовой сметы или их предшественники, составлявшие отчеты в предшествующие годы, определили «литье» как «литовское». Однако, приводя сведения о длине, массе и калибре стволов, составители сослались на некую «записку» («Пищаль литовского литья, в ней по записки весу девять пуд, мерою длины дву аршин двенатцети вершков»; «Пищаль скорострельная литовского литья, в ней по записке весу четыре пуда, мерою длины два аршина двенатцеть вершков»[2]). Первоначальное предположение, что «записка» – это искаженная некомпетентным болховским подьячим «подписка», не подтвердилось. Годовая смета Нежегольска называет и то, и другое: «И сколько в которой по подписке и по записке пудов»[3], а отчет из Корочи указывает, где подобные «записки» должны были храниться: «А в котором году и откуды котороя пищаль на Корочю прислана, и тому на Короче в приказной избе записки не сыскано»[4].

Понятно, что «записка» становилась источником информации для составителей годовых смет в тех случаях, когда на стволе не были обозначены его характеристики.

Еще одним, но гипотетическим, способом получения информации было переписывание предшествующих годовых смет или каких-либо документов с аналогичными сведениями (например, расписных списков воевод). Предполагать такой метод составления отчетов позволяет тот факт, что в некоторых случаях стволы не имеют никаких «подписей» и «подписок», ссылки на «записку» в смете нет, об измерениях не говорится, но данные о стволах приводятся.

[1] Там же. Л. 499.

[2] Там же. Л. 498-498-об.

[3] Там же. Л. 691.

[4] Там же. Л. 723.

Правда, в некоторых же случаях, не располагая нужными данными, составители отчетов честно в этом признавались: «Весу в тех пищалех по смете будет по пятидесят пуд, а весить их на Короче нечим – конторя токова нет»; «... А сколько в ней пудов, того неведамо: в Верхососенском весить не на что – терезей нет...»; «Семь пищалей, что в них весу по подписке и признак на них нет, весить не на что – конторя и терезей нет» [1].

Упоминания о невозможности взвешивания стволов наводит на мысль, что в каких-то случаях такое взвешивание проводилось. Однако в 185-м году только в Белгороде зафиксировано наличие двух типов весов: «контарь з гирею, в подъеме 20 пуд; безмен, в подъеме пуд»[2]. Любопытно, что, несмотря на это, белгородцы (возможно, пользуясь своим особым положением – отчет составлялся в разрядной избе Белгородского полка) отделались отпиской: «А в которых годех и откуды те вышеписанные пищали в Белгород присланы, то писано в сметных книгах 184-го году, а по нынешнему наличному осмотру и по весу те пищали весом и мерою не сходятца, а которые пищали весом и мерою не сходятца, и то написано будет подлинно в счотном и в росписном списке дьяка Микиты Юдина»[3].

В других городах приспособлений для взвешивания, по-видимому, не было. Путем измерений, включая взвешивание, получали, по-видимому, все данные о боеприпасах (если только эта информация не извлекалась из отчетов предыдущих лет). Это в полной мере относится к пороху («зелью») и фитилю, которые, как уже говорилось, учитывались по массе в пудах и гривенках.

Несколько иначе обстояло дело с ядрами. Количество их, по идее, должно было подсчитываться; причем, по отдельности для

[1] Там же. Л. 721, 806, 1173-об.

[2] Там же. Л. 100-об.

[3] Там же. Л. 74-об.

каждого орудия. (Правда, и здесь белгородцы нарушили порядок учета, сославшись на занятость: «... к 38-ми пищалем 7831 ядро розных статей – по 10 и по 8, и по 6, и по 5, и по 4, и по 3, и по 2 гривенки ядро. А сколько х которой пищали порознь ядер, и розбирать было те ядра и по кружалу к пищалем розвешивать за скорым отпуском сметных книг некали [так в источнике – *О. С.*]»[1].)

В приведенной цитате примечательно слово «кружало». Оно регулярно всплывает во всех описаниях пищалей для указания на калибр, если отсутствуют данные «подписок» и «записок», а самих ядер нет: «К ним, ко всем четырем пищалем, ядер нет, а по кружалу надобны к ним по четыре гривенки ядро»; «Ядер к ней нет, а по кружалу надобны в полгривенки ядро»[2]. Подобные записи встречаются во многих городовых сметах.

Слово «кружало» имело несколько значений. Если исходить из формулировки белгородской сметы («розбирать ... те ядра и по кружалу к пищалем розвешивать»), кружало было инструментом для измерения диаметра ядра; с его помощью ядра группировались именно по этому показателю, а уже затем взвешивались, и для каждой группы определялась масса ядра и, следовательно, калибр.

Есть мнение, что кружало представляло собой инструмент, вкладывавшийся в ствол и позволявший сразу же пересчитать диаметр канала ствола (без его измерения) в массу ядра, определив, тем самым, калибр[3]. Однако среди артиллерийского оборудования, хранившегося, как в Белгороде (в большом количестве), так и в некоторых других городах, «кружала» не зафиксированы.

В той же белгородской смете при описании стволов встречается еще одно значение слова «кружало»: «Признаки на ней вылитые: по конец кружала с правые стороны – сабака» и «признаки на них: по конец кружал – кресты в клеймах»[4]. Здесь речь идет явно о какой-то части ствола – скорее всего, ближайшей к утолщению

[1] Там же. Л. 96-об.

[2] Там же. Л. 499-об.

[3] Выражаю искреннюю благодарность А. Н. Лобину за консультацию по данному вопросу.

[4] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 97. Л. 68-об., 70.

вокруг дульного среза. Если это предположение верно, то определение калибра «по кружалу» должно было включать в себя измерение диаметра дульного среза (или канала ствола) и последующий пересчет этой величины в массу ядра и, соответственно, калибр.

Несмотря на то, что полностью реконструировать все этапы и процедуры учета артиллерии и боеприпасов пока не удается, закончить раздел хочется той позитивной формулировкой, которой составители смет завершали описание артиллерии своего города: «Наряд медной и железной в станках и на колесах, к стрельбе наготове».

Обеспечение служилых людей обмундированием, снаряжением и оружием на юге России в XVII в.

Заселение и освоение южных рубежей России в XVI-XVII в. сопровождалось активной политикой государства по милитаризации этой территории. Основным населением новых уездов становились различные категории служилых людей. Российское государство пережило в XVII в. два крупных этапа роста численности служилых людей в южных уездах. Первый пришелся на 30-40-е гг. и был связан со строительством новых городов и черт, потребовавших резкого увеличения численности стрельцов, казаков, пушкарей, детей боярских. Второй этап пришелся на 50-е годы – время формирования полков «нового строя»: солдатских, рейтарских и драгунских. Это все требовало обеспеченности новых служилых людей амуницией, огнестрельным и холодным оружием, боеприпасами, одеждой и лошадьми.

В связи со строительством новых городов на южной границе России после 1635 г. и возведением Белгородской, Тамбовской и других оборонительных линий, начался процесс быстрого набора в местные гарнизоны служилых людей разных категорий и военных специальностей. Абсолютное большинство из них были беглыми, выходцами из крестьянской среды или неимущих посадских людей. Встречались бывшие служилые люди, которые в смутное время подписали кабальные грамоты. Естественно все они не

имели своего оружия, боеприпасов, амуниции и даже лошадей. Хотя по существовавшим правилам коня и амуницию служилые люди в России должны были приобретать себе сами, за счет полученных земельных наделов и денежного жалования, что в основном касалось конных воинов.

С учетом того, что основная масса населения юга России состояла из бывших владельческих крестьян и выходцев городских посадов, правительству пришлось уделить особое внимание обеспечению новых служилых людей огнестрельным оружием. Наличие оружия в домах на южной границе также стало обычным явлением в южнорусских уездах. Огнестрельное и холодное оружие становилось гарантом выживания в моменты внезапных нападений кочевников. Его брали с собой даже во время сельскохозяйственных и промысловых работ. На рынках городов Центрального Черноземья часто встречались партии огнестрельного оружия: пищаль, винтовка, ружье. Стоимость колебалась от 1 до 4 руб. Кроме того, упоминались палицы железные, сабли, в продаже имелся порох, свинец, готовые пульки. Все это покупалось не только для охоты, но и для обороны в случае нападения кочевников.

Поэтому огнестрельное оружие имелось не только у служилых людей, но и у многих крестьян. Так дворцовых крестьян Верхоценской волости Тамбовского уезда в первые годы функционирования крепости использовали для охраны границы и преследования кочевников. Многие из них имели ружья и своих лошадей. Тамбовские воеводы отмечали отличившихся в таких походах местных крестьян.

Однако основную часть оружия выдавали за государственный счет. Это, прежде всего, касалось артиллерии. При строительстве нового города Пушкарский приказ отсылал туда артиллерию, ядра, запасы пороха и свинца, а также ткани на фитили. В качества примера можно привести г. Тамбов, где первые 8 пушек и 20 затинных пищалей с запасом боеприпасов из Пушкарского приказа направили еще в 1636 г. Среди них упоминалась пищаль вестовая, то есть для подачи сигналов. Подобную вестовую пищаль, как и

вестовой колокол, обязательно отсылали в новый город. К 1665 г. в Тамбове уже насчитывалось 31 орудие разных калибров и 20 затинных пищалей. В каждом городе имелись пороховой погреб и пушечный амбар для хранения пороховых запасов, пушек, ядер и свинца. Здесь же размещался казенный амбар с запасами ружей – мушкетов.

Пушкарская служба в городах оставалась одной из самых необременительных, так как им крайне редко приходилось демонстрировать свое искусство в бою. Стреляли они в лучшем случае один раз в год во время смотра. Так Р.Ф. Боборыкин, козловский воевода в 1647-48 гг., отмечал, что «пушкари набраны в Козлов из деревень, люди новые, размеров у них нет, и снарядом стать и снарядить и стрелять не умеют, и учение по се число не было и научить некому». Он отметил отсутствие в городе пушечных запасов, фитилей, холстов и поскони.

Годовая смета города Козлова 1665 г. отмечает наличие в городе больших и малых скорострельных пищалей, наличие железных и свинцовых ядер. Всего в земляном погребе насчитывалось около 3 тыс. пушечных ядер, 120 пуд. свинца, мушкетных пулек – 2 пуда, мушкетного зелья – 153 пуда, пушечного – 92 пуда. Все эти орудия и боеприпасы доставлялись на телегах из Москвы, из Пушкарского приказа.

В южных городах формировался стрелецкий гарнизон. Требование Разрядного приказа записывать в стрельцы «прожиточных и семьянистых» воеводы выполнить не могли из-за отсутствия предложений. Стрелецкая служба на юге России зачастую являлась и формой наказания за различные правонарушения. Стрельцов всех поголовно обеспечивали оружием, амуницией и сукном на кафтаны за государев счет. Из смет служилых людей видно, что, как минимум, двое из трех стрельцов были вооружены казенным оружием. Большинство казаков также имели казенное ручное огнестрельное оружие.

Важной задачей воевод и голов оставался контроль за использованием ружей и казенных боеприпасов к ним. Местное населе-

ние часто отлучалось на охоту, уходя даже за черту, не спрашивая особого разрешения у воеводы или своего головы. Разрядный приказ вынужден был постоянно напоминать воеводам требования контроля за использованием государственных боеприпасов только на военные цели, что говорило о случаях их применения местными служилыми людьми для охоты.

В 1658 г. в Тамбове были сосредоточены значительные воинские силы, связанные с русско-польской войной. В Тамбов послали стольника, князя Александра Лобанова-Ростовского «для бережения от приходу воинских людей», а также дополнительно к местным гарнизонам 87 поплевенских, 100 ряжских и 20 шацких драгун[1]. Козловский воевода В. Лихарев переходил в подчинение к новому воеводе, ему вменялись обязанности присылки козловских воинских людей для помощи А. Лобанову-Ростовскому. В Тамбов в сентябре 1658 г. выслали большое количество оружия и боеприпасов: 20 пуд. ручного пороха, 2 тысячи кремней для ружей, 30 пуд. свинцу для пулек[2].

Из Новгородского стола Разрядного приказа в Тамбов отправили 8 сотенных знамен «киндячных, разными цветами». Из Рязани воеводе О.В. Наумову было приказано отправить А. Лобанову-Ростовскому мушкеты для вооружения тамбовских солдат. В 1659 г. в Тамбовском уезде выходцам с Дона выдали по полфунта ружейного зелья на человека.

В это время шло формирование солдатских полков на юге России. Так, указ о создании Тамбовского полка воеводы получили 24 марта 1659 г. Его штатный состав определялся в 1600 человек. Набирать в солдаты рекомендовалось «с тонбовцев служилых и жилецких со всяких чинов людей и Тонбовского уезду с Верхоценской волости с крестьян детей и братьев их, и племянников, и зятьев их, и внучат, и захребетников» и некоторых сел Шацкого уезда[3]. Им давали по 7 руб. за службу. Солдаты полностью вооружались за казенный счет.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. №302. Л. 27

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. №302. Л. 22-23.

[3] РГАДА. Ф. 210. Отб. Приказного стола. №951. Л. 117.

В 1659 г. Разрядный приказ прислал в Тамбов 1443 мушкета, 1600 лядунок, ружейные фитили, бандельеры, знамена и барабаны[1].

В 1668 г. из Разрядного приказа для тамбовских солдат поступило 118 руб., 13 алтын и 8 денег на пошив 592 кафтанов. Стоимость 1 кафтана составляла 2 гривны. Деньги на кафтаны предлагалось взять в Устюжской чети.

Считая себя военными холопами русского царя, служилые люди в экстремальных ситуациях обращались с просьбами о помощи на имя государя. Это могла быть челобитная о приобретении оружия, амуниции, отрезов сукна на кафтан и даже лошади, в случае ее утраты во время военных действий. Такие челобитные позволяли себе особенно отличившиеся по защите государевых рубежей.

Во время военных походов на границу и столкновений с татарами служилые люди теряли лошадей и по возвращению обратно обращались в приказы на имя царя, прося лошадь из государевых запасов или компенсацию деньгами. Так ряшанин С.И. Германов в своей челобитной на царское имя перечислял свои подвиги и материальные потери[2]. В 1642 г., находясь на государевой службе в Козлове, он принял участие в походе на татар под руководством головы С. Ушакина. На р. Татарке во время боя с противником убил татарина, но потерял коня. В 1645 г. во время похода и боя с противником на р. Токае он снова сумел убить татарина, что дало ему повод попросить увеличить поместный оклад землею и деньгами, а также компенсировать потерю лошади.

Подобных просьб только за битву на р. Токае было несколько[3]. Группе козловских черкас, переведенных при строительстве города из Корочи, участникам этой битвы, за убитых противников и потерю своих лошадей выдали компенсацию по 4 руб. за лошадь и по 1 рублю за убитого татарина.

[1] Там же. Л. 263-265; Стб. Белгородского стола. № 459. Л. 113. Лядунка – сумка для патронов и пороха; бандельер, по-русски берендейка,– кожаный ремень для ношения оружия.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 560. Л. 184.

[3] Там же. Л. 235-237.

Особое внимание правительство уделяло оснащению полков, действовавших на театре военных действий. Так, во время русско-турецкой войны, получив известия о возможном крупном приходе татар под Тамбов, Боярская дума специальным указом от 12 июля 1680 г. перебросила часть войска известного русского полководца К.О. Щербатова, действовавшего на Украине в район Козлова и Тамбова[1]. Это был конный полк стольника К.П. Козлова и солдатский полк полковника В. Шварта. В полки к К.О. Щербатову из московской Оружейной палаты направили дополнительное оружие: 590 карабинов и 1090 пистолей рейтарского строя, 1361 мушкетов и 4563 бердыша солдатского строя, 16 полковых пищалей разного калибра[2]. При формировании Тамбовского разряда в 1680 г. из Оружейного приказа в Белгород и Тамбов напривили 1000 карабинов и тысяча пар пистолей с медной оправой и немецкими замками, и 305 пар ольстер для рейтарских полков[3]. Тамбовский разряд получил ровно половину всего оружия[4].

Контроль за состоянием оружия, амуниции и наличия лошади осуществлял воевода, который раз в году собирал служилых людей уезда на смотр, а также головы, десятники, пятидесятники и офицеры в солдатских и рейтарских полках. На смотрах выяснялось качество оружия, находившиеся на руках служилых людей. Можно привести пример смотра в Козлове Р.Ф. Боборыкина в 1647 г. На смотре он обнаружил, что многие козловцы прибыли безоружные, у части прибывших перепорчены ружья, поломанны ложа или приклады, «пружины с замками не держат», а казенным кузнецам эти поломки починить некому.

К концу XVII в. на смотрах воеводы продолжали обращать внимание на характер приобретения оружия. Так, на смотре служилых людей Козловского уезда в 1700 г. отмечалось наличие казенного и своего оружия. Всего в городе и уезде на смотре насчитывалось 5966 человек: солдат, рейтар, городовой службы, черкас, сторожевых и полковых казаков: из них с казенным ружьем – 3087 (52 %) человек, со своим ружьем – 2879 (48 %). В это же время в Козлов отправили большой запас ружейного и пушечного зелья и свинца. С учетом опыта Чигиринских сражений, когда турецкая армия широко применяла гранаты, было предложено выслать запас гранат и устроить «гранатные стрельбы». В 7 полках Тамбовского разряда выдавали по одной гранатной пищали на полк в 3 или 2 пуда. К ним прилагалось по 150 ядер, гранатчик с одним учеником. На 1 полк выдавалось по 1000 ручных гранат. Таким образом, на весь Тамбовский разряд выделяли 7 гранатных пищалей, 1050 ядер и 7000 ручных гранатных ядер, 4 гранатчика и 7 учеников. Из Москвы с оружием и боеприпасами вместе с гранатчиком Ф. Савельевым были посланы 3 пуда селитры, 2 пуда 50 гривеннок серы, а также камфара, воск и другие материалы. Из вышеизложенного ясно, что местные вооруженные силы готовили к большой войне с Турцией.

Таким образом, видно значительное внимание на протяжении всего XVII в. правительства России к вооружению и оснащению служилых людей в южнорусских пограничных городах. Милитаризация жизни и повседневности объяснялась постоянной военной угрозой со стороны кочевников. Шло централизованное снабжение не только артиллерией, но и ручным огнестрельным и некоторыми видами холодного оружия. Накануне крупных военных событий присылались и пополнялись запасы пороха, пуль и другие необходимые материалы. Правительство стремилось унифицировать внешний вид местных служилых людей, периодически посылая им деньги или отрезы сукна на кафтаны. Отрезы сукна посылались в южнорусские города регулярно. Особенно этот процесс наблюдался при формировании солдатских полков.

[1] РГАДА. Ф. 210. Стб. Белгородского стола. № 301. Л. 11-23; № 950. Л. 113-114, 131, 494-496; № 1301. Л. 310-325.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1000. Л. 57, 92-94,167-171, 185, 217-259.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1436. Л. 78. Ольстры – это деталь военной амуниции, седельные сумки, кобуры для пары пистолетов. Использовались рейтарами и драгунами.

[4] Нет сноски!

3.3. Города-крепости и особенности социальной организации населения фронтира на юго-востоке России (Волжско-Уральский регион) в XVII-XVIII вв.

Города-крепости не только фиксировали в том или ином направлении уже включенную в общероссийскую систему управления территорию, но и служили мощнейшим фактором социальной организации населения на фронтире.

Можно выделить 3 типа городов-крепостей юго-восточного фронтира:

Выдвинутые вглубь осваиваемой территории одиноко стоящие военные крепости, которые довольно быстро перерастали в города и становились центрами административно-политической и социальной организации прилегающей территории (Уфимская крепость, основанная одновременно с городами Воронеж, Самара и Тюмень в 1586 г.);

Группы небольших крепостей, острогов, появлявшиеся как спутники (пригороды) первых, либо объединенные в систему укрепленных линий. Большинство из них после утери военно-оборонительной функции превращались либо в села, либо в небольшие провинциальные городки (в Уфимском уезде: Мензелинск – 1645 г., Чалнинск – 1650 г., некоторые города-крепости Закамской черты – 1652-1655 гг., Бирский городок – 1667 г.).

Кроме того, российское правительство допускало возникновение еще одного типа укрепленных поселений – частновладельческих городков и острогов (Чусовской городок, построенный в 1568 г. на р. Чусовой Строгановыми; Гурьевский городок в низовьях р. Яик, построенный в 1645 г. рыбопромышленником Гурьевым; Соловарный городок, построенный в 1684 г. русскими солепромышленниками в Уфимском уезде на соляных ключах вблизи р. Белая).

Таким образом, на юго-восточном фронтире были представлены все типы городов-крепостей.

Первой крупной крепостью в Волжско-Уральском регионе была Уфимская крепость. В связи с тем, что ее функции выходили за пределы военной крепости, применительно к Уфе вполне оправдан термин «город».

М.Я. Волков, исследователь городов Европейской России второй половины XVII – начала XVIII в., отмечал, что понятие «город» употребляли в широком и узком значениях. В широком смысле – для обозначения совокупности поселений, которую составляли города, пригороды, посады и слободы с посадскими общинами. В узком значении понятие «город» использовали при обозначении пунктов, за которыми закрепилось название «город». С учетом вышесказанного он выделил пять признаков города: 1) находиться на государственной территории; 2) иметь население, подсудное только государственным учреждениям; 3) наличие укреплений и гарнизона; 4) наличие административно-судебной власти с ее аппаратом; 5) наличие населения, принадлежащего к посадскому сословию. При обязательном наличии двух основных признаков и одного или всех трех других признаков историк считал возможным признать поселение городским[1]. Уфа сочетала в том или ином объеме все пять перечисленных выше признаков.

Следует отметить, что Уфимская крепость гармонично вписалась в окружающую среду, хотя ее от ближайших русских крепостей отделяли несколько сотен верст. Причина бесконфликтности заключалась не только в том, что русский город был поставлен на месте, где находилось историческое ядро этого края, а в мирном присоединении Башкирии к России. В отличие от соседних ханств – Казанского, Астраханского и Сибирского – Башкирия не была завоевана. В таких случаях на новоприобретенных землях создавался военно-административный центр в виде укрепленной крепости, но с формального согласия местного населения. Имеются сведения о том, что башкиры сами просили построить город на их земле.

[1] *Волков М.Я.* Города Европейской России во второй половине XVII – начале XVIII в. // Город и горожане России в XVII – первой половине XIX в.: Сборник статей. – М., 1994. С. 26, 42.

«По достоверным выправкам нашлось, – писал в своей книге "Топография Оренбургской губернии" первый член-корреспондент Императорской Академии наук П.И. Рычков, – что башкирцы о построении сего города челобитье свое имели в 7081 (то есть, от Рождества Христова – в 1573 г.), не только для того, чтоб им ясак тут, как внутри их жилищ, платить было льготнее, но и от неприятелей бы иметь им здесь убежище и защиту»[1]. Степень достоверности приведенных П.И. Рычковым фактов определяется тем, что, прибыв в Башкирию в качестве бухгалтера Оренбургской экспедиции, он с бухгалтерской пунктуальностью собирал исторические сведения об этом крае, получая в переписке с В.Н. Татищевым и Г.Ф. Миллером от них необходимые рекомендации и одобрение.

Во всяком случае, эта точка зрения никогда никем из исследователей не опровергалась. Так, в конце XIX в М.В. Лоссиевский писал, что вопреки некоторым мнениям, подданство башкир было добровольным и «самый г. Уфа построен по их же просьбе в защиту от нападения ногайцев», и что «все это решалось собранием целого народа, на общем сходе»[2]. Сохранились башкирские предания, в которых говорилось: «... с нашего согласия, на наших землях великий царь построил Уфу»[3].

Следует заметить, что строительство городов «с согласия» аборигенного населения являлось одним из распространенных приемов российской дипломатии. Так, в начале 1588 г. в Москву отправилось адыгское посольство с просьбой принять их в русское подданство, и адыги также просили царя Федора Ивановича построить на р. Терек город для защиты от притязаний Турции и Крымского ханства[4]. Такой же прием был использован в XVIII в. при принятии русского подданства казахами Младшего жуза, с

[1] *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Сочинение 1762 года. – Оренбург, 1887. С. 371-374.

[2] *Лоссиевский М.В.* (Уфимский). Былое Башкирии и башкир по преданиям, сказаниям и хроникам. // Справочная книжка Уфимской губернии. Отд. V. – Уфа, 1883. С. 384.

[3] *Асфандияров А.З.* Основание города Уфы. С.114.

[4] *Буканова Р.Г., Кидирниязов Д.С.* Особенности возникновения городов-крепостей на Южном Урале и Северном Кавказе в XVI – первой половине XIX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. № 4 (33). 2016. С. 46-53.

той лишь лишь разницей, что город (ныне – г. Орск) был построен не в центре казахских земель, а на пограничье Башкирии – вотчинной земле тархана Алдара Исянгильдина (Исекеева).

В XVI-XVII вв. деревянные города-крепости на окраинах Российского государства строились очень быстро: в течение трех-четырех месяцев. Уфимская крепость строилась в течение весны и лета 1586 г. К осени строительные работы были закончены.

При закладке Уфы, как и других пограничных крепостей, главную роль играли военно-стратегические соображения: предпочтение отдавалось местности, которая, будучи защищенной естественными природными рубежами, увеличивала бы обороноспособность крепости. Уфимская крепость заняла весьма выгодное положение: с южной стороны протекала полноводная река Белая (башк. – Ак Идель), с востока – р. Сутолока (башк. – Суаляк) в глубоком каньоне, с запада серьезной защитой служил глубокий овраг; безопасность города с северной стороны обеспечивалась фортификационными сооружениями и земляным валом.

Естественный мыс, на котором разместился новый город, был образован р. Белой и ее правым притоком – р. Сутолокой. При планировке и сооружении городских укреплений были учтены топографические особенности местности. Поэтому первоначально в Уфе было построено всего три башни, и только одна из них, северная, была проезжей, тогда как города-крепости, построенные в XVI-XVII вв. на окраинах страны, имели, как правило, от 4 до 9 башен.

Уфимская крепость в плане представляла собой ломаный четырехугольник общей площадью не более 1,2 га. Общая длина стен по периметру равнялась 440 метрам. Городские стены были сооружены из поставленных вертикально огромных дубовых бревен. Очевидно, название «Имэн кала» – «Дубовый город» относится к русскому периоду, а не к ногайской эпохе, как считают некоторые современные историки. Ногайцы городов не строили[1].

[1] *Буканова Р.Г.* Ногайский след в истории города Уфы. // Ногайцы XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Второй Международной научно-практической конференции. – Черкесск: Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, 2016. С. 37-41.

В отличие от большинства русских крепостей, которые строились, как правило, на возвышенной местности, Уфа оказалась расположенной в низине, зажатой со всех сторон горами и оврагами. Со стороны р. Белой находилась глухая стена, которая одним концом упиралась в р. Сутолоку и заканчивалась восьмиугольной Никольской башней. Через эту башню проходила пешеходная дорожка, спускавшаяся к р. Сутолоке, отчего сами ворота иногда назывались Сутолоцкими. На противоположной северной стороне от Никольской башни находилась главная Михайловская башня. Она была проезжей, откуда начиналась большая дорога, ведущая в Западную Сибирь. Этот факт косвенно свидетельствует о том, что Уфа была построена после взятия Сибири[1]. Обе башни были двухъярусными и имели высокие шатровые покрытия.

В северо-восточном углу крепости находилась четырехугольная сторожевая башня, значительно меньшая по размерам, которая называлась Наугольной. Эта башня обеспечивала обзор в сторону северо-востока, где проходила Сибирская дорога.

Внутри крепости были построены: деревянная церковь, воеводский дом, приказная изба, тюрьма, а также другие казенные и церковные строения. Эти постройки могли возникнуть не сразу, а по мере необходимости.

Первоначально в Уфе постоянного населения не было. До начала 90-х годов XVI в. в Уфе находился временный гарнизон, который обеспечивался казенным продовольствием. Постоянное служилое население появляется лишь в 1591-1594 гг., о чем свидетельствует массовый отвод поместных земель вокруг Уфы. Первыми жителями Уфимской крепости были стрельцы. Городовые казаки, по предположению И.М. Гвоздиковой, могли появиться в Уфе в 20-30-х годах XVII в.[2] Однако в «Отводной книге по Уфе», составленной в 1624-1626 гг., о казаках ничего не говорится.

[1] *Буканова Р.Г.* Падение Сибирского ханства как один из факторов основания Уфимской крепости. // Уалихановские чтения – 18: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Т. 1. – Кокшетау, 2014. С. 92-96.

[2] *Гвоздикова И.М.* Уфимские казаки. // Башкирский край. Вып. 3. – Уфа, 1993. С. 16-17, 62.

В отличие от Самары, где воевода находился изначально, в Уфе в период его строительства «начальных людей», кроме стрелецких голов, не было. Первая запись в Разрядной книге о назначении воеводы в Уфу появляется лишь 25 декабря 1586 г.: «В новом городе на Уфе – Михайло Олександров сын Нагой, да голова Григорий Онучин»[1]. Следующая запись появляется в 1590 г.: «На Уфе воевода Михайло Олександров сын Нагово»[2]. Кстати, в 1590 г. в Уфу вместе с М.А. Нагим впервые были направлены специальные лица для отвода земель уфимским служилым людям.

М.А. Нагой и в 90-х гг. продолжает служить в Уфе, о чем говорят записи в разряд от 15 марта 1594 г., 4 марта 1596 г., 25 февраля 1597 г. В те годы, когда Разрядный приказ в Уфу воеводу не назначал, обязанность воеводы исполняли стрелецкие головы: в 1592 г. – С. Тишинков, в 1593 г. – О. Каловский, в 1594 г. – А. Карцов, а подьячим при них был пушкарь О. Губин[3]. Таким образом, кроме М.А. Нагого, других воевод г. Уфы со времени его основания в 1586 г. и до начала XVII в. источники не указывают.

Начало нового, семнадцатого столетия М.А. Нагой встретил в Уфе, где был воеводой в 1600, 1601 и 1602 гг.[4] После смерти Б. Годунова в 1605 г. М.А. Нагой покинул Уфу, чтобы примкнуть к Лжедмитрию I, и в 1606 г. был возведен им в бояре.

Для управления заволжскими землями в 60-х годах XVI в. в Москве был учрежден приказ Казанского дворца, к которому до 1637 г. относилась и Сибирь. Управление Башкирией вплоть до начала XVII в. ограничивалось лишь посылкой из Казани годовальщиков в новопостроенную Уфимскую крепость для сбора ясака. Очевидно, наряду с другими сибирскими городами, Уфа с самого основания рассматривалась как место сбора ясака. В разных спи-

[1] Разрядная книга. 1475-1598. С. 390.

[2] Там же. С. 412.

[3] *Демидова Н.Ф.* Древнейший источник по истории города Уфы. // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. С. 255.

[4] Русский биографический словарь. С. 15; Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным актам. – СПб. 1902, С. 263; Разрядная книга 1550-1636. Вып. 1. Л. 173.

ских Строгановской летописи под одним и тем же 1586 годом Уфа упоминалась именно в этом качестве: «... повелением государя ... с тоя Сибирския земли с ясашных людей с татар, остяков, вотяков, вогулич по всем острожкам и по улусам, где те погани языти живяху, в разных местех в г. Чердыни и на Уфе, и на Верхотуры, и по иным городам и улусам, по великим рекам и озерам, и по малым заполным речкам начаша ясак забирати неизменно»[1].

После основания г. Уфы Башкирия постепенно выделяется в самостоятельную административно-территориальную единицу в составе Российского государства – Уфимский уезд. Постепенно по мере формирования постоянного населения в г. Уфе создаются органы управления – как для организации жизнедеятельности гарнизона крепости, так и контроля над местными жителями.

Полномочия воеводы не ограничивались только административными функциями. С одной стороны, воевода являлся арбитром в разрешении противоречий, возникавших во взаимоотношениях местной элиты с российским правительством; с другой – наличие города-крепости позволяло удерживать пограничное население в повиновении, а также отражать набеги неприятелей.

Окончательное формирование воеводской системы управления в городах и уездах исследователи относят ко времени правления Михаила Федоровича. «...Воеводство при царе Михаиле стало повсеместным учреждением, – писал В. О. Ключевский. – Воеводе подчинен был весь уезд со всеми классами общества и по всем делам: власть его простиралась на уездный город и на все сельские общества уезда по делам как финансовым и судебным, так и полицейским и военным»[2].

Вокруг Уфы постепенно образуется очаг государственной колонизации – локальная территория с постоянным служилым населением. «Отводная книга по Уфе», впервые опубликованная Н.Ф. Демидовой, зафиксировала первую официальную раздачу земель уфимским служилым людям в 1591-1594 гг. Записи, доведенные до 1624 года, отражают динамичный процесс изменения численности и состава населения г. Уфы на начальном этапе его формирования[1].

[1] Цит. по: Асфандияров А.З. Основание города Уфы. // Очерки дореволюционной истории. – Уфа, 1972. С. 118.

[2] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. III. – М., 1988. С. 140.

Сословная структура сложившегося к началу XVII в. в Уфе постоянного городового населения, в основном, была типичной для всех порубежных крепостей Русского государства. Однако этнический его состав, в отличие от других городов-крепостей Башкирии XVII в., был более разнообразным, обусловленным отсутствием в крае в это время русского населения, расширенным источником комплектования уфимского гарнизона. На службу в Уфу, считавшуюся очень трудной, кроме русских служилых людей посылались, как отмечалось выше, и те группы нерусского населения, основной обязанностью которых было несение военной службы. Каждая из этих групп занимала вполне определенное место в сословной структуре феодального города, что нашло рельефное отражение в уфимской отводной книге по отношению этих групп к основному источнику существования – земле.

В «Отводной книге по Уфе» последовательно перечисляются следующие категории населения: дети боярские, сотники стрелецкие, новокрещены, пушкари, толмач, воротники, сторож, кузнец, стрельцы уфимские, другая группа новокрещен, которая прежде не получала хлебного жалования, уфимские вожи, слободские татары, мордва, уфимские новоприборные стрельцы, дворцовые крестьяне, ясачный новокрещен, уфимские жильцы и другие. Основанием для получения поместного владения была служба государю, которую несли как русские служилые люди, так и новокрещены, а также иноверцы и иноземцы.

Высший размер земельной дачи, по 50-30 четвертей пашни в каждом из трех полей, был дан детям боярским и стрелецким сотникам. Дети боярские относились к привилегированной части военно-служилого населения и занимали в крепости главные командные должности сотников, пятидесятников. Стрелецкие полковники и сотники могли назначаться только из дворян. Рядовые

[1] См.: «Отводная книга по Уфе» (1591/92 – 1629 гг.). // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. – Уфа, 1971. С. 259-351.

стрельцы, даже русского происхождения, не могли занимать этот чин[1]. В Уфу стрелецкие сотники и пятидесятники присылались из других городов вместе со стрелецкими отрядами. Основные направления их деятельности были определены в специальных наказах, выданных при назначении. Главной обязанностью стрелецкого головы и сотников являлся контроль над выполнением воинских обязанностей во вверенных ему стрелецких отрядах. Стрелецкий голова отвечал за обеспечение служилых людей продовольствием, сохранность оружия и боеприпасов, вел учет стрелецких дворов, распределял денежное и хлебное жалованье, а также осуществлял контроль над внеслужебной – торгово-предпринимательской деятельностью стрельцов. Стрелецкие отряды, присылаемые по конкретным «вестям» на временную службу, имели своих голов и сотников. Они должны были находиться в крепости до тех пор, пока имелась в этом необходимость[2]. До 1600 г. и в 1613 г., когда в Уфе не было воеводы, вся полнота власти в крепости фактически принадлежала стрелецкому голове[3].

После детей боярских в «Отводной книге» перечисляется рядовой состав: пушкари О. Губин, Ф. Ветошников и П. Исаев, земельный оклад которых равнялся 8 четям в поле, воротники – отец и сын Галаний и П. Акатьевы, сторож И. Прасолов, кузнец С. Кузьмин, которым было выделено по 5 четей земли в каждом поле. А после них идут стрельцы. В 1592 г. в Уфе было размещено 100 стрельцов, включая пятидесятников и десятников, в 1594 г. наделены землями еще 50 стрельцов. Размеры их пашен зависели от чина: пятидесятники, как и пушкари, получили по 8 четей земли в поле, десятники – по 7, рядовые стрельцы – по 6 четей – больше, чем воротники, сторож и кузнец, выполняющие в гарнизоне вспомогательную функцию.

[1] См.: *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. М., 1982. С. 48.

[2] *Порфирьев С.И.* Роспись служилым людям по области Казанского дворца на 7146 (1637 г.) // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 28. Вып. 4 -5. Казань. С. 456 - 457.

[3] Текст «Отводной книги по Уфе» // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. С. 261, 279.

В начале XVII в. русское население г. Уфы заметно возрастает. В 1604 г. близ Уфы поселилась группа дворцовых крестьян. Примерно в это время появилось еще несколько дворов детей боярских. В 1604 г. были отведены земли трем уфимским жильцам и 69 новоприборным стрельцам. По самым приблизительным подсчетам в начале XVII в. в Уфе проживало более 200 человек русского происхождения, имевших близ города земельные оклады и в силу этого считавшихся постоянными жителями.

Среди первых поселенцев г. Уфы в «Отводной книге» выделяются отдельные группы служилых людей нерусского происхождения: новокрещены, уфимские вожи, слободские татары. В XVII в. новокрещены встречаются во всех городах Юго-Востока, Западной Сибири и Дальнего Востока. Службу новокрещены несли вместе с русскими служилыми людьми в гарнизонах и в войске. Новокрещены представляли собой наиболее привилегированную часть нерусского населения и по своему положению приближались к русским служилым людям «по отечеству»: они освобождались от податей, им предоставлялись в качестве поместных дач лучшие угодья. В уфимской «Отводной книге» новокрещены Р. Федоров и С. Иванов записаны вместе с детьми боярскими, после стрелецких сотников. Размер земельной дачи Р. Федорова соответствовал окладу пушкарей и стрелецких пятидесятников. С. Иванову было выделено по 6 четей пашни в каждом поле – столько же, сколько и рядовым стрельцам. По-видимому, учитывались их заслуги и род выполняемой службы.

В «Отводной книге» встречается еще другая группа новокрещен, которая к моменту отвода земель не получала никакого жалования. Они записаны после стрельцов, в порядке прибытия. Земельный оклад их равнялся окладу воротников, сторожа и кузнеца – 5 чети в поле «а в дву по тому ж».

С середины XVII в. в Уфе начинается бурный рост численности служилых новокрещен. Как отмечается в исторической литературе, новокрещены представляли собой удобную для местной администрации группу служилого населения. Содержание новокрещен обходилось сравнительно недорого, при необходимости

они могли быть переведены в другое сословие. По указу 1696 г. для служилых новокрещен были отведены земли в 40 верстах от Уфы, но и в конце XVIII в. они оставались еще не освоенными.

В Уфе несли службу уфимские вожи Шугур Коккузов и Иглик Земанов, наделенные пашнями – по 4 чети в поле. В качестве вожей старались использовать башкир, которые лучше других знали местность, язык и обычаи коренных жителей края. Далее источник выделяет группу слободских татар (татарами в русских источниках XVI-XVIII вв. часто по традиции называли все бывшее население Золотой Орды). Применительно к ним в документе не употребляется определение «служилый», что оставляет возможность иного толкования их статуса. Они проживали в «Татарской» слободе и, очевидно, обслуживали уфимский гарнизон, обеспечивая военно-служилое население города продовольствием, ремесленными товарами, а также выполняя разного рода повинности, связанные с содержанием и ремонтом крепостных укреплений. В 1600 г. в Татарской слободе поселилась мордва: Паркай, Еналей и Емаш Одмановы. Следует отметить любопытные явление: тот же Паркай спустя одиннадцать лет называется уже «слободским татарином»[1].

Особое место в «Отводной книге» занимает толмач К. Кузьмин с окладом 7 четей пашни в каждом поле. Он был одним из первых должностных лиц Уфимской приказной избы, штат которой был невелик. По окладу он был приравнен к стрелецким десятникам.

В состав воеводской администрации окраинных городов-крепостей обязательно входили толмачи и переводчики. В Уфе должность толмача, по всей вероятности, была учреждена одновременно с должностью подьячего в связи с назначением уфимского воеводы и образованием его канцелярии. Это было необходимо как для осуществления дипломатической деятельности воевод, так и для управления нерусским населением. На первых порах в Уфимской крепости К. Кузьмин, вероятно, выполнял обязанности как толмача, так и переводчика.

[1] «Отводная книга по Уфе». // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. С. 267, 277.

Деятельность толмачей была значительно шире, чем деятельность переводчиков. Они принимали активное участие в установлении дипломатических отношений с соседними народами. Через них осуществлялся непосредственный контакт с местным населением: они направлялись в волости для разъяснения («толкования») правительственных распоряжений, присутствовали при ведении судебных разбирательств.

По мере укрепления воеводской власти в Башкирии расширялся состав должностных лиц Уфимской приказной избы. В XVII в. увеличивается число подьячих, переводчиков и толмачей, появляются таможенники, целовальники и другие мелкие приказные чины. Однако число русских людей в Уфе в первой половине XVII в. было невелико.

В 1625 г., по данным М.К. Любавского, здесь находилось всего 279 человек. В том числе: детей боярских – 31, новокрещенов – 2, слободских татар – 3, толмачей – 16, пушкарей – 4, вожей –1, воротников – 1, переводчиков – 1, литвы – 1, немцев – 2, черкас – 2, стрельцов с головой и двумя сотниками – 218.

В 1635-1636 гг. всего было 433 человека: детей боярских – 48, конных стрельцов – 100, пеших стрельцов с головой и тремя сотниками – 200, переводчиков – 1, толмачей – 9, пушкарей – 4, новокрещенов – 10, татар – 3, черкас – 3, воротников – 1, сторожей – 1, деловых людей – 46, посадских – 9.

По переписной книге 1647 г., составленной по приправочным книгам 30-х гг., в Уфе насчитывалось 66 дворов, кроме стрелецких, в которых проживало 260 человек[1].

Кроме постоянного гарнизона в периоды обострения военно-политической обстановки в крае в Уфе несли службу полки, присылаемые из Казани или других крупных городов. В их составе Разрядные книги упоминают, наряду с русскими служилыми людьми и новокрещенами, литовцев, немцев и черкас[2]. В записи 1629 г. впервые упоминается о 888 ясачных башкирах, которые в

[1] *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. – М., 1996. С. 493.

[2] *Буганов В.И.* Разрядная книга 1598-1638 гг. – М., 1974. С. 192-193.

случае войны должны были выступить вместе с уфимскими служилыми людьми против неприятеля в количестве: «с 3-х дворов по человеку»[1]. Однако они не могут быть отнесены к населению г. Уфы. Башкиры, в основном, проживали в «уезде», который в административном отношении находился в ведении уфимского воеводы, а для несения военной службы были приписаны к Уфе. По такому же принципу была организована военная служба ясачных чувашей, марийцев, мордвы в Казанском уезде.

Своеобразное положение в Уфимском полку занимали иноземцы: литовцы, немцы, черкасы (малороссийские казаки, нанимавшиеся на службу к Русскому государству). Наличие иноземцев в гарнизонах русских городов – типичное явление для XVII в. Они несли службу по так называемому «иноземскому списку» и как иностранцы пользовались определенными льготами. Впоследствии по такому же принципу организуется гарнизонная служба смоленских и полоцких шляхтичей, перешедших на сторону России в ходе русско-польской войны и поселенных в Уфимском уезде.

Таким образом, в Уфе, как и в других русских городах-крепостях, на рубеже XVI-XVII вв. сложился пестрый состав населения, преобладающее большинство которого было представлено русскими служилыми людьми, но, кроме того, имелись отдельные, пока немногочисленные группы нерусского населения, различавшиеся по имущественному и правовому положению. Стрельцы в конце XVI – начале XVII в. являлись основным населением городов крепостей юго-востока России. Обычно в России мелкие служилые люди прибирались стройщиками, воеводами, головами из вольных гулящих и охочих людей. По определению П.П. Смирнова, «по составу это те же самые элементы, которые садятся и на черные земли в тягло или рядятся в бобыли...»[2].

Во внутренних городах обычно не было недостатка в желающих записаться в стрельцы. На юго-восточной окраине, напротив, служилые люди за редким исключением на месте почти не приби-

[1] Там же.

[2] *Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Вып. 1. С. 25.

рались, а присылались из других городов центра России. В 1629 г. в приказе Казанского дворца констатировали, что «вольные люди в Казани и в верховых городах охотою в стрельцы не прибираются»[1]. Поэтому и выход со службы на территории, подведомственной приказу Казанского дворца, был возможен только при условии замещения служилого человека кем-нибудь со стороны. Уфимский гарнизон пополнялся также за счет стрельцов, ссылаемых сюда за какие-либо проступки. Так, в 1698 г. в Уфу была сослана группа московских стрельцов с их женами и детьми[2]. Иногда в разряд стрельцов переводились дворцовые крестьяне[3].

Уфа во второй половине XVII в. обрастает пригородами. В 1667 г. вниз по течению р. Белая была построена крепость Бирск, а в 1684 г. вверх по течению р. Белая, южнее Уфы – Соловарный острожек.

Меняется облик самой Уфимской крепости. Во второй половине XVII в. возникает необходимость строительства новых крепостных стен вокруг разросшегося в своих размерах города Уфы: острожные стены кремля обветшали, проезжая башня развалилась. Решение о сооружении новых городских укреплений, которые должны были защитить и пригородные слободы, было принято в 1664 г.[4]

Крепостные сооружения XVII в. хорошо видны на планах г. Уфы первой трети XVIII в. На плане кондуктора Аленина подробно перечислены постройки внутри Уфимского кремля – «малого острога» (так он стал называться после сооружения новых городских укреплений) и новые фортификационные сооружения «большого города»[5].

Новые городские стены имели длину около 2,4 км. Слободы, заселенные стрельцами и посадскими людьми, оказались внутри

[1] Цит. по кн.: *Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Вып. 1. С. 25. Примечание.

[2] *Смирнов П.П.* Указ. соч. С. 26.

[3] *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII-XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. – М., 1988. С. 48-50.

[4] *Демидова Н.Ф.* Уфа феодальная. // История Уфы: Краткий очерк. – Уфа: «Башкирское кн. изд-во», 1981. С. 32.

[5] РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 38.

городской черты. В систему укреплений города вошли шесть проезжих башен. К востоку от р. Сутолоки находились Успенская и Спасская башни, к северо-востоку от кремля – Сибирская, на севере – Казанская, расположенная напротив бывшей Михайловской башни; а на горе, где находится современный центр г. Уфы, были построены Ильинская и Фроловская башни. Проезжие башни с воротами связывали систему радиальных дорог. Административным центром города по-прежнему оставался Уфимский кремль или «малый острог».

Малый острог (Уфимский кремль) сохранял свои очертания и в первой четверти XVIII в., но в это время произошли большие изменения в застройке Уфы. Если в XVII в., главным образом, застраивались участки, прилегающие к Уфимскому кремлю с востока и запада, то теперь город стал растягиваться вдоль р. Сутолоки в северо-восточном направлении. Дома располагались вдоль дорог, образуя целые проезжие улицы. Наиболее плотно был застроен, кроме территории бывшего кремля, район Сутолоки. «По дороге на Уфу за Сутолокой речкой» проживали стрельцы и посадские люди. «В городе на Уфе в бывшем остроге» стояли дома дворян и приказных чинов, дворы попов и просвирницы Соборной церкви и других старожилов. Особенностью расположения дворов было то, что они обязательно имели свободный выход либо на улицу, либо улицу и переулок, либо на пустырь или берег реки.

В начале XVIII в. начинает застраиваться территория за верхней острожной стеной. В частности, за Сибирскими воротами возникает Московская слобода, где поселяются как дворяне, так и казаки и стрельцы. Очевидно, при возникновении локальных жилых массивов, сословный принцип, существовавший прежде, когда стрельцы, посадские люди или новокрещены селились в отдельных слободах, уже не соблюдается. В первой четверти XVIII столетия город продолжал застраиваться стихийно.

Уфа являлась центром управления для башкир всех дорог. По вопросам организации военной и сторожевой службы, сбора ясака, привлечения башкир к выполнению дипломатических поручений и разнообразных повинностей уфимский воевода обращался

к башкирским тарханам, которые периодически собирались для совещания близ г. Уфы и вырабатывали совместные решения. На таких съездах оглашались царские указы, обсуждались важнейшие вопросы, касающиеся всего башкирского населения.

Одной из главных задач уфимской администрации было удержание башкирского населения в повиновении. Поэтому на протяжении XVI-XVIII вв. широко использовался институт аманатства (заложничества). Если в XVI-XVII вв. аманатов посылали в Казань, то в начале XVIII в. в Уфе сооружается новый аманатский двор[1]. Жители всей Башкирии приезжали в Уфу для торга, по судебным и другим делам. Таким образом, с самого начала своего существования Уфа была тесно связана с уездом.

Об экономических связях уфимцев с жителями окрестных башкирских деревень имеется множество данных в крепостных книгах г. Уфы. Так, вплотную к городу подходили земли башкир Минской волости, которые часть своих пахотных земель и промысловые угодья отдавали в оброк уфимским казакам и посадским людям[2]. Башкиры разных дорог нередко занимали крупные суммы денег у уфимских жителей[3]. Были случаи, когда и они ссужали деньгами уфимцев[4]. Можно сказать, коренное население края имело самые тесные экономические связи с городом, хотя среди городских жителей оно было представлено единицами. Например, в 1711 г. башкир Минской волости Ногайской дороги К. Темеев за пять рублей денег нанял для работы в городе гулящего человека Е. Мятеева[5]. Очевидно, нередко торгово-промышленную деятельность и разные повинности, связанные с необходимостью пребывания в Уфе, башкиры осуществляли через наемных лиц.

Города на территории Поволжья, Урала, Западной Сибири и других восточных землях, возникали в иноязычном окружении в

[1] *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. – М., 1977. С. 51.
[2] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12145. Л. 19-20.; Д. 12149. Л. 9-10; Д. 12151. Л. 30-31 и др.
[3] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12147. Л. 58-59-об; Д. 12152. Л. 18-об.-19; Д. 12154. Л. 3, 5-об-6, 10-об.-13, 15-15-об., 19-20; Д. 12160. Л. 3-об. и др.
[4] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12154. Л. 3-об.
[5] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12150. Л. 105-об-106.

процессе инкорпорации этих территорий в состав России и были обречены на длительное одиночное существование. В чистом виде это явление можно рассмотреть на примере Уфимской крепости (1586 г.), Бирска (1667 г.) и Соловарного городка, построенного в 100 верстах южнее Уфы в 1684 г. Первые жители г. Уфы и Бирского городка, население которого состояло из бывших дворцовых крестьян и служилых людей, переведенных из г. Уфы, оказались более адаптированы к местным условиям. Этому способствовало тесное хозяйственное и культурное взаимодействие с башкирами, что обусловило жизнеспособность этих городов. Напротив, Соловарный городок просуществовал недолго: когда началось башкирское восстание 1704-1711 гг., жители разбежались, опустевший городок в 1708 г. был сожжен восставшими башкирами. Причина заключалась в том, что население Соловарного городка – стрельцы, переведенные из Чебоксар, – не смогли гармонично вписаться в иноязычное окружение: оно для них было чуждо. Так, челобитная первых жителей Соловарного городка, написанная в 1696 г., доносит до нас их ощущение безысходности, изолированности от «большого» мира: «Построен тот Соловарной острожек вновь на украйне, от Уфы в дальном расстоянии, в иноверцах. А около того острошка русских жителей сел и деревень, кроме Уфы города, никакого нет. А в острошке, о проче им, холопей твоих, стрельцов двухсот человек, жителей никого нет же»[1].

В целом, население русских городов-крепостей Башкирии XVI-XVII вв. выступало как субрегиональное сообщество, которое само искало пути сближения с местным сообществом. Кроме того, связующим звеном при этом выступали тюркоязычные новокрещены, которые входили в состав гарнизонов городов-крепостей[2].

Уфа, Мензелинск, Бирск, крепости Закамской черты, Самара, Царицын, Астрахань и казачьи городки на р. Яике являлись основ-

[1] Архив СПб. ИИ РАН. Колл. 105. Оп. 1. Д. 11. Л. 30.

[2] *Буканова Р.Г.* Русский город XVI-XVII вв. в русскоязычной среде: параллельные миры или начало социокультурной модернизации? // Региональный фактор модернизации России XVIII-XX вв. – Екатеринбург: «Уральский издательский полиграфический центр», 2013. С. 282-284.

ными военно-сторожевыми пунктами на юго-восточной окраине страны.

Если в XVI-XVII вв. строительство городов-крепостей и укрепленных линий объяснялось, в основном, необходимостью обороны и борьбы с внешними неприятелями, то в XVIII в. отношение государства к этому вопросу коренным образом меняется. В основу губернской реформы 1708 г. была положена сложившаяся к тому времени сеть русских городов и городов-крепостей. Крупные города стали губернскими центрами, к которым были приписаны другие городские поселения. Бывшие крепости Закамской черты и городок Оса были приписаны к Казанской губернии, Мензелинск получил статус безуездного городка с воеводским правлением. В 1719 г. с учреждением Уфимской провинции Уфа становится фактическим центром провинции, то есть, всего Волжско-Уральского региона. С 1728 г. устанавливается прямое подчинение уфимского вице-губернатора Сенату.

Петр I лично интересовался состоянием городов. Уже в 20-х годах XVIII в. волевыми методами Петру удалось осуществить переход к регулярной планировке и застройке во всех вновь основанных городах, включая и столицу империи[1]. Поуказанию Петра I в Сенате были собраны, систематизированы и обобщены данные о 342 городах, крепостях и острогах Российской империи. В этот реестр попали крепости Закамской черты, Уфа и Оса.

К этому времени было завершено сооружение Царицынской укрепленной линии на правобережье р. Волги, и внимание Петра было теперь обращено на города-крепости восточных регионов России. В частности, он обратил внимание на необходимость реконструкции г. Уфы и даже распорядился выделить необходимую сумму денег, но этого не было сделано. Уфа до городской реформы Екатерины II оставалась «нерегулярным» городом.

В самом начале XVIII в. сооружаются города-крепости вдоль западных границ Уфимского уезда на левобережье р. Волги. В 25 верстах от Самары был построен г. Алексеевск, где несли совмест-

[1] *Бунин А.В.* История градостроительного искусства. Т. 1. Рабовладельческий строй. Феодализм. Капитализм. – М., 1953. – С. 348.

ную службу «жалованные казаки» и служилые татары. Одним из участников строительства г. Алексеевска был Александр Сергеев, который впоследствии, в период службы в Казани комиссаром, своими грубыми действиями спровоцировал башкирское восстание 1704-1711 гг., охватившее и пригороды Алексеевской крепости.

На крутом берегу р. Сок был поставлен ещё один городок – Сергиевск. Гарнизон Сергиевска был укомплектован за счет перевода мелких служилых людей из бывших крепостей Закамской черты: Ерыклинска, Тиинска, Новошешминска, Заинска, Мензелинска, а также Билярска, Старошешминска, Арска, Малмыша и Алатори – в количестве 215 человек. Для несения станичной службы были дополнительно набраны 100 человек из дворцовых сёл Самарского уезда[1].

Сергиевск являлся не столько военной крепостью, сколько военно-промышленным поселением. На серных ключах, неподалеку от новопостроенного города, вскоре вырос серный завод, окруженный дубовой острожной стеной с двумя башнями. Наряду с Невьянским заводом (1701 г.) и Екатеринбургом (1721 г.) Сергиевский городок вместе с серным заводом, можно сказать, положил начало промышленному освоению Урала и Приуралья.

Массовое строительство городов-крепостей на территории Башкирии началось в ходе деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) 1734-1743 гг. Не затрагивая вопроса о задачах экспедиции и результатах ее деятельности, что было подробно изложено в нашей монографии[2], отметим, что изъятие башкирских земель под строительство городов-крепостей вызвало упорное сопротивление коренного населения. Башкирское восстание продолжалось с 1735 г. по 1740 г., и в ходе его подавления фактически был реализован план казанского губернатора А. П. Волынского 1730 г., который решение башкирского вопроса видел в том, чтобы их численность «убавить хотя бы до половины» и «оной богомерской народ под иго привести»[3].

[1] *Буканова Р.Г.* Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. – Уфа: «Китап», 1997. С. 42-43.

[2] Там же.

[3] *Буканова Р.Г.* Вопросы управления башкирским народом в проектах царских чиновников первой трети XVIII в. // Актуальные проблемы истории и этнологии. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения профессора Р.З. Янгузина и 20-летию кафедры истории РБ и этнологии (Уфа, 15 ноября 2011 года). – Уфа: «РИЦ БашГУ», 2011. С. 59-64.

В 1736 г. первым начальником Оренбургской экспедиции И.К. Кириловым в центре и вдоль внешних границ Башкирии в общей сложности было заложено 18 крепостей[1]. К началу 1737 г. 10 из них были, в основном, построены. Это Табынская крепость на р. Белой, Оренбургская крепость на р. Орь (ныне – г. Орск), Озерная, Бузулуцкая, Красносамарская, Красноуфимская, Елдякская и Нагайбакская крепости и две крепости в Зауралье: Чебаркульская и Миясская.

В мае 1737 г. после смерти И.К. Кирилова начальником Оренбургской комиссии был назначен В.Н. Татищев, который в 1720-1722 и 1734-1737 гг. занимал пост начальника Главного Правления Сибирских и Казанских казенных заводов в г. Екатеринбурге и хорошо знал обстановку в Башкирии.

Период деятельности В. Н. Татищева на посту главного командира Оренбургской комиссии оказался самым эффективным по своим политическим и социально-экономическим последствиям. По справедливому замечанию исследователя истории Оренбургского края В.Н. Витевского, «Татищев, хорошо уже знакомый с краем, поднял коллегиальное начало, слабо прилагавшееся к делу во времена Кирилова, и придал совершенно иной характер управлению Оренбургской комиссией»[2]. Его преобразования в сфере административно-территориального устройства Башкирии, размещения и сооружения крепостей оказали огромное влияние на все последующее социально-политическое развитие Волго-Уральского региона.

В.Н. Татищев не только продолжил строительство городков, начатых при И.К. Кирилове, но и внес определенный порядок в это дело, подчинив строительство крепостей задачам управления краем и определив их административные функции. При нем были заложены и новые крепости: Тевкелев Брод, Переволока, а также Елшанская и Сорочинская – на р. Самаре; Татищева пристань, Бердская,

[1] РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1164. Л. 81-82.

[2] *Витевский В.Н.* И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1. – Казань, 1889. С.153.

Губерлинская – на р. Яике; Мочинская крепость в 20 верстах южнее г. Самары; Ставрополь на р. Волге для удержания калмыков за Волгой; достроены Эткульская и Челябинская крепости в Зауралье.

В.Н. Татищевым было принято решение о переносе г. Оренбурга на новое, более удобное место. Выяснилось, что, хотя И.К. Кирилов еще в 1736 г. доложил императрице Анне Иоанновне об окончании строительства Оренбурга, ничего в нем еще не было построено. В своем письме к кабинет-министрам А.И. Остерману и А.М. Черкасскому В.Н. Татищев в августе 1737 г. писал: «... Назначенное место каждогодно водою поднимает более аршина, а остается токмо сухое, где ныне крепостца – и то место самое малое. ... Кому же оное в вину причесть, не знаю, ибо инженерные офицеры сказывают, якобы неудобства Кирилову представляли, да слушать не хотел, да и офицера довольно в градостроении искусного нет»[1]. Место под строительство нового города Оренбурга было определено в урочище Красная гора, однако достроить Оренбургскую крепость В.Н. Татищеву не удалось.

По инициативе В.Н. Татищева 14 июля 1737 г. в г. Мензелинске впервые был созван Генеральный совет, в котором участвовали все более или менее крупные царские чиновники, находящиеся на территории Башкортостана. Одним из главных вопросов, рассмотренных на Генеральном совете, стал вопрос дальнейшего управления краем – разделение «башкирцов под разные суды и правления»[2], что, в свою очередь, требовало осуществления ряда административных преобразований внутри Башкирии.

Чтобы подчинить северо-восточных башкир единой системе управления, было решено в Башкирском Зауралье основать новую провинцию. Вскоре по представлению В.Н. Татищева, указом от 13 августа 1737 г., Зауралье, населенное башкирами Кара-Табынской и Барын-Табынской волостей, было отделено от Сибирской губернии и образована Исетская провинция, которая стала основной территорией современной Челябинской области[3]. Исетская

[1] *Рычков П.И.* История Оренбургская (1730-1750). – Оренбург, 1896. С. 31.

[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1164. Л. 660-об.

[3] РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1164. Л. 660-661.

провинция была разделена на три уезда или дистрикта: Исетский, Окуневский и Шадринский. Административным центром новой провинции сначала была определена Теченская слобода Окуневского дистрикта, с 1739 г. им стала Чебаркульская крепость, а с 1743 г. – Челябинск[1].

Были предприняты некоторые меры для упорядочения управления башкирами Осинской дороги. В Осе, например, который находился «в самом удобном месте, но от Казани удалел», было решено назначить особого воеводу и «приписать дворцовых мужиков до Сарапула, ... ему ж подчинить Уфимского уезду Гайнинскую волость», а Красноуфимскую крепость «также учредить, как и Осу, пригородом Уфимской провинциальной канцелярии и к нему которые поблизости волости и деревни приписать»[2]. Красноуфимская крепость и Осинский городок стали пригородами, подчиненными Уфимской провинциальной канцелярии, но с особыми воеводами, назначаемыми из Сената.

В начале 40-х гг. XVIII в. на территории Башкирии насчитывалась 22 крепости; 14 из них находились в южной части Башкирии. Это Красносамарск, Борск, Ольшанск, Бузулук, Тоцк, Сорочинск, Тевкелев, Переволока, Татищев, Чернореченск, Бердск, Оренбург (впоследствии – Красногорск), Озерная, Орск, а также Губерлинская крепости[3]. В Зауральской Башкирии находились 4 крепости: Чебаркульская, Миясская, Эткульская и Челябинская, а также укрепленная Верхояицкая пристань, которая тоже выполняла функцию крепости. В центральной части Башкирии были построены Табынская, Елдякская, Нагайбакская и Красноуфимская крепости. Все они строились для борьбы с восставшими башкирами. Гарнизон Елдякской крепости, название которой происходило от одноименной башкирской волости, состоял из полроты солдат и 100 казаков[4]. Нагайбакская крепость заселялась добровольно или

[1] *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. – Оренбург, 1887. С. 359, 365; Чернавский Н. М. Оренбургская епархия в прошлом ея и настоящем. Вып.1. // Труды ОУАК. Вып. VII. – Оренбург, 1900. С. 78.

[2] РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1164. Л. 660-661.

[3] ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 48-61.

[4] Линии роста.памятники историко-культурного наследия пограничья России XVI-XVIII вв. / К.И. Могилевский и др. – Москва: «Кучково поле», 2022. С. 206.

насильно крещеными людьми. С 1740-х гг. там было учреждено отделение Казанской новокрещенской конторы. И крепость стала центром крещения инородческого населения[1].

Основание современного г. Оренбурга относится ко времени деятельности последнего начальника Оренбургской комиссии (с 1742 г.) и первого губернатора Оренбургской губернии (с 1744 г.) действительного тайного советника и кавалера Ивана Ивановича Неплюева.

Осенью 1742 г. и зимой 1743 г. И. И. Неплюев объезжает Башкирию с целью определения границ будущей губернии, а заодно основывает и заселяет новые города-крепости. Ниже по течению р. Яика были определены места для строительства еще двух крепостей: Магнитной – близ Магнитной горы, Кизильской – на р. Нижний Кизил. Две небольшие крепости предполагалась построить на реках Уртазым и Таналык[2].

«Подле самого Яика, выше Сакмарского устья в десяти верстах, и тако, стало быть, на самом краю Башкирии» было выбрано новое место под строительство г. Оренбурга[3]. 19 апреля 1743 года состоялась торжественная церемония закладки города. В 1744 г., после образования Оренбургской губернии, г. Оренбург становится губернским городом, а И.И. Неплюев – первым его губернатором.

К середине 40-х гг. XVIII в. Уфа теряет значение главной крепости юго-восточного фронтира, и вместе с этим исчезает внутренний фронтир. Внешний фронтир устанавливается по Оренбургской, Уйской и Сибирской линиям крепостей.

Изучение динамики развития юго-восточного фронтира позволяют предположить, что существовало две тенденции в определении задач и методов сооружения пограничных городов-крепостей и укрепленных линий, в котором отразилось общее состояние российского общества после смерти Петра I. Первая из них, направленная на дальнейшее продолжение петровских преобразований в области градостроительства, предусматривала самостоятельное развитие отдельных регулярного типа городов, сочетающих в себе не только военные, но и гражданские (торгово-промышленные) функции. Она успела воплотиться в возникновении городских поселений промышленного значения – Екатеринбурга, Сергиевска, в попытке реконструкции г. Уфы и укреплении городков на главных речных магистралях. Этот путь был связан с задачами внутренней и внешней политики России, которые сводились к необходимости освоения природных богатств Урала и изменению препятствующей этому системы управления юго-восточным регионом – во внутренней политике, и к стремлению выйти к берегам Каспийского и Аральского морей, установить торговые отношения со странами Средней и Юго-Восточной Азии – во внешней.

[1] Там же. С. 212.

[2] *Рычков П.И.* История Оренбургская (1730-1750). – Оренбург, 1896. С. 68.

[3] Там же.

Второй путь становления городов был традиционный: создание небольших милитаризованных крепостей, взаимосвязанных друг с другом или объединенных в единую систему укрепленной линии, – для борьбы со степью и сельскохозяйственного освоения земель вокруг крепостей военизированным населением.

На юго-востоке страны обе тенденции воплотились в практику. Сочетание нового со старым проявилось не только в строительстве отдельных городов-крепостей, но и в одновременном возведении комплекса оборонительных сооружений Оренбургской линии.

3.4. Социальный состав населения южнорусского региона в XVI–XVII вв.

Жизнь населения южного фронтира Московского государства в XVII столетии имела ряд особенностей, которые в значительной мере отличали ее от жизни обитателей ряда других регионов страны. Эта специфика определялась, прежде всего, пограничным положением указанных южнорусских уездов. Более того, эта специфика, с учетом интересов государства в районе южного фрон-

тира, нередко искусственно поддерживалась и консервировалась правительством.

Важнейшим «фронтирным» показателем целого ряда южнорусских уездов было то, что среди сельского населения огромную долю составляли служилые люди. Ниже приведены результаты анализа данных источников по шести южнорусским уездам, образовывавшим в рассматриваемый период юго-восточный «угол» южного фронтира: Воронежскому, Землянскому, Костенскому, Коротоякскому, Ольшанскому и Острогожскому. Основным источником стали «сказки» служилых людей – записи их показаний о службе, социальном происхождении, составе семьи и двора, землевладении[1], относящиеся к 1675, 1684 и 1697 гг.[2] Однако, прежде чем приступить анализу заявленных сюжетов, необходимо остановиться на некоторых вопросах терминологии.

Существует давняя традиция разделять все служилое население России на две большие группы чинов: «служилых людей по отечеству» и «служилых людей по прибору»[3]. Традиция эта была заложена еще В.О. Ключевским в его курсе лекций «История сословий в России». Отметив «чрезвычайную дробность общественного деления», историк писал, что в Московском государстве середины XVII в. «чины служилые разделялись на две группы: на чины служилые по отечеству и на чины служилые по прибору». К служилым людям по отечеству он отнес чины думные (бояре, окольничие, думные дворяне), чины московские (стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы) и чины городовые (дворяне выборные (выбор), дети боярские дворовые, дети боярские городовые). К чинам же служилым по прибору относились «ратные служилые люди низших разрядов, каковы были стрельцы, ... пушкари и затинщики, ... вообще артиллерийская прислуга, пограничные казаки, рейтары, солдаты и драгуны...»[1] Это деление всего служилого населения России XVII (а, отчасти, и XVI) в. на «отечество» и «прибор» было воспринято исследователями последующих поколений и превратилось в стойкую историографическую традицию[2].

Из того, как Ключевский описывает структуру «общественного деления», следует, что разделение на «прибор» и «отечество» осознавалось и проводилось современниками явления. Точно так же структура служилого населения описывалась и другими исследователями: подразумевалось, что эти две группы служилых людей существовали в реальности. Чтобы понять, как воспринимали и в каких терминах описывали структуру служилого населения современники, следует обратиться к документам эпохи и, прежде всего, к законодательным актам.

В законодательных актах второй половины XVI – начала XVII в. чаще всего встречается два словосочетания, которыми обозначалась вся масса служилых людей. Исследователи называют

[1] Подробнее о «сказках» см.: Скобелкин О.В. «Сказки» служилых людей XVII в. как источник по изучению проблем исторической географии и исторической демографии Центрального Черноземья. // Историография и источники по исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. – Курск, 1989. С. 18-19.

[2] Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Д. 734. Л. 17-651; Д. 760. Л. 11-646; Д. 801. Л. 1-503; Д. 906. Л. 5-491; Д. 1469. Л. 1-1312; Д. 1488. Л. 1-524; Д. 1494. Л. 1-219; Д. 1495. Л. 1-151; Д. 1563. Л. 1-483; Д. 1566. Л. 1-513; Д. 1567. Л. 1-154; Д. 1611. Л. 1-470; Д. 1015. Л. 1-392; Д. 1619. Л. 1-358; Д. 1631. Л. 1-252; Оп. 16. Д. 71. Л. 4-294; Д. 72. Л. 1-81; Д. 73. Л. 1-353; Д. 74. Л. 361-405; Д. 75. Л. 1-198; Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). Ф. И-182. Оп. 2. Дд. 187, 189, 192-200, 205-210, 242-248 (данные дела целиком состоят из «сказок»).

[3] *Ключевский В.О.* История сословий в России. // Соч.: В 8 т. Т. 6. – М., 1959. С. 353.

[1] Там же. С. 355.

[2] Из необозримого числа примеров приведу лишь несколько, относящихся к разным периодам развития отечественной исторической науки: «С середины XVI в. войско состояло из служилых людей по "отечеству" и служилых людей по "прибору"». (Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV-XVII вв.: С образования централизо-ванного государства до реформ при Петре I. – М., 1954. С. 75.) «Поместное войско составляли так называемые служилые люди по отечеству. <…> Стрельцы являлись служилыми людьми "по прибору"». (Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации Русского государства второй половины XVII века. – М., 1954. С. 39-40, 41.) «<…> система чинов применялась лишь к одной группе служилых людей – "служилым по отечеству" (по происхождению). <…> вторую группу служилых людей составляли "служилые люди по прибору" – стрельцы, казаки, пушкари, казаки, затинщики, воротники, позднее – драгуны, солдаты». (Загоровский В. П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. С. 26.) «Служилые люди "по отечеству" составляли в Московском государстве XVII века многочисленную сословную группу, разделенную строго очерченными границами». (Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века: (От Смуты до Соборного уложения). – Ярославль, 2000. С. 3.) Автор этих строк в свое время тоже писал о служилых людях в тех же самых категориях.

их «служилыми людьми по отечеству»: «дворяне и дети боярские» и «бояре, дворяне и дети боярские». В Соборном уложении 1649 г. содержится несколько вариантов перечисления категорий (на языке эпохи – «чинов») служилых людей. Самый подробный выглядит так: бояре, окольничие, думные люди, стольники, стряпчие, дворяне московские, дьяки, жильцы, головы стрелецкие, дворяне (или, в другом месте – городовые дворяне), дети боярские городовые, дворовые люди всех чинов, подьячие, казаки, пушкари, затинщики, ямщики и «всякие служилые люди» (X, 124)[1]. В этом списке не хватает стрельцов, поскольку речь о них идет в одной из следующих статей, но исходя из других, более кратких, перечней служилых людей Соборного уложения, их «место» – перед казаками. Что же касается термина «всякие служилые люди», то в данном контексте, скорее всего, имеются в виду воротники, казенные плотники и кузнецы. Возможно, что сюда же можно отнести и драгун, которые упомянуты только в одной статье, вслед за стрельцами и казаками (XIX, 11)[2], а также каменщиков и кирпичников, упомянутых однажды после затинщиков и воротников (XVIII, 53)[3]. Упоминаются в Соборном уложении и солдаты, но один единственный раз (XIX, 31)[4] и вне какого-либо перечня – законодатель явно еще не знал, на какую ступень «лествицы чинов» следует поместить эту, тогда еще новую, категорию служилого населения.

Российский законодатель XVII в. (как, впрочем, и предыдущего столетия) не оперировал обобщающими терминами, предпочитая перечисление. Правда, в Соборном уложении дважды встречается обобщающая категория «служилые люди меньших чинов» (X, 264, 266)[5]. Учитывая, что в одной из статей говорится: «А казаков, и пушкарей, и затиньщиков, и иных меньших чинов служилых ... людей», в это группу входили казаки, пушкари, затинщики, воротники, казенные плотники и кузнецы; а, возможно,

[1] Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. – Л., 1987. С. 42.
[2] Там же. С. 100.
[3] Там же. С. 97.
[4] Там же. С. 102.
[5] Там же. С. 62.

ещё и драгуны, каменщики и кирпичники. Во всех остальных случаях в Уложении используется обобщающее выражение «всяких чинов служилые люди», под которым в каждом конкретном случае понимался тот или иной перечень чинов.

Если обратиться к сочинению Григория Котошихина[1] – человека, прекрасно знавшего реалии середины XVII в., мы также не найдем в нем ни «служилых по отечеству», ни «служилых по прибору». Не встречаются эти термины и в многочисленных документах приказного 10-х – 20-х гг. и местного (Воронежского и соседних уездов) делопроизводства 60-х – 80-х гг. XVII в., с которыми пришлось иметь дело автору этих строк.

Исходя из сказанного, представляется, что названия групп чинов «служилые люди по отечеству» и «служилые люди по прибору» являются ничем иным, как одним из исследовательских конструктов, но вряд ли это конструкт, с точки зрения современных знаний о XVII столетии, следует признать удачным.

Традиционное толкование этих терминов основывается на пути попадания служилого человека в ту или другую группу: служилые «по отечеству» попадали в свою страту по праву рождения, по происхождению, т.е. по «отечеству»; служилые «по прибору» – набирались («прибирались») в свою страту государством. Однако в южнорусских уездах, по меньшей мере, с начала строительства Белгородской черты, ничего подобного не было. В дети боярские «прибирались» представители других социальных групп, а казачья, стрелецкая и иная служба передавалась по наследству. При этом, судя, например, по наказу 1675 г. разборщикам, направленных в ряд центральных уездов, практика верстания в дети боярские выходцев из неслужилых сословий имела место не только на Юге[2]; а что касается стрельцов (которых традиционно принято относить к «прибору»), то Котошихин замечает, что «бывают в стрелцах вечно, и по них дети, и внучата, и племянники, стрелец-

[1] *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. – М., 2000.
[2] Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Т. I. № 615. – СПб., 1830. С. 1026.

кие ж дети, бывают вечно ж»[1]. Замечу, что наследование службы было характерно и для других «меньших чинов», что, впрочем, не исключало притока в их среду и за счет спорадических зачислений выходцев из других категорий населения.

Таким образом, если и говорить о двух основных группах служилого населения России XVII в., то «водораздел» между ними проходил отнюдь не по линии комплектования. На наш взгляд, главным различием между ними был характер жалованья и связанные с ним статус земельных владений и характер землевладения[2]. Те, кого принято назвать «служилыми по отечеству», верстались поместными и денежными окладами, владели вотчинной и/или поместной землей, на которой могли жить крестьяне и бобыли; т. е. юридически они были помещиками или вотчинниками. Те же, кого обычно относят к «служилым по прибору», получали натуральное и/или денежное жалованье или владели земельными участками, как крестьяне в общине (это было особенно характерно для юга страны), которые имели совершенно иной статус, нежели поместья или вотчины, и этот статус не предусматривал дворовладения. В своих «сказках» служилые люди этой группы (в исследуемом регионе) называли свою землю «пашенной землей».

Конечно, для исследователя (дабы не уподобляться законодателю той эпохи, который, как уже говорилось, не оперировал обобщающей терминологией, а предпочитал перечисление чинов) крайне

[1] *Котошихин Г.* Указ соч. С. 114.

[2] Немногочисленные современные исследователи, касающиеся этой темы, по-видимому, начинают ощущать, что не «отечество», а характер землевладения определял принадлежность служилых людей к той или другой группе чинов. Так, М. Ю. Зенченко, приведя данные о владении в 10-х – 20-х гг. XVII в. атаманами и казаками Воронежского уезда поместными землями и о наличии на этих землях бобылей и крестьян, приходит к выводу, что в уезде «корпорация "служилых по отечеству"» включала в себя не только детей боярских, но и атаманов и даже казаков». (Зенченко М. Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства). – М., 2008. С. 183.) Но дело не в том, что казаки и атаманы – согласно традиции, безусловно, «служилые по прибору» – попали в состав «отечества», а в том, что они стали помещиками, тем самым резко изменив свой социальный статус. По-видимому, это их потомки впоследствии будут называть себя поместными казаками и поместными атаманами.

желательно иметь под рукой какое-то обобщающее понятие. Говоря о служилом землевладении южных приграничных уездов, пожалуй, вполне уместно использовать термины «помещики» и «владельцы пашенной земли».

Необходимость обороны рубежей страны от частых набегов кочевников, сама тревожная обстановка пограничья привели к тому, что первым населением южнорусских городов и формировавшихся вокруг них уездов стали служилые люди, получавшие в качестве жалования земельные участки. Постепенно из их среды стал формироваться слой мелких помещиков и, реже, вотчинников, на землях которых трудились вывезенные или бежавшие из более северных уездов крестьяне.

Позже на плодородные черноземы начало проникать и крупное феодальное землевладение. Используя свою экономическую мощь и связи в политических кругах, «сильные люди», люди высоких чинов, могли различными путями увеличивать свои владения за счет земельных владений рядовых служилых людей (такое уже бывало в центральных уездах). А это, в свою очередь, неизбежно должно было привести к уменьшению площади земель, находящихся в их владении и, следовательно, к невозможности служить с этих уменьшившихся поместий и вотчин.

Все это решительно входило в противоречие с тем режимом фронтира, который формировался в южнорусских приграничных уездах, и правительство, полагая его сохранение первоочередной задачей, начинает проводить целенаправленную политику, направленную на консервацию этого режима. Правительственная политика имела две основные составляющие: 1) увеличение числа служилых людей – мелких землевладельцев; и 2) недопущение появления в районе фронтира земельных владений служилых людей думных и московских чинов.

Для решения первой задачи правительство, в ходе строительства Белгородской черты в 30-50-х гг. XVII в. и формирования Белгородского разрядного полка, осуществляло переводы части местного крестьянского населения в службу (нередко это явление

не вполне корректно, на мой взгляд, называют «милитаризацией» крестьянского населения) и, кроме того, открыло (или же закрыло глаза на) индивидуальный доступ в служилые люди крестьянам, бобылям, а порой – и гулящим людям, допуская даже проникновение в службу беглых. Кроме того, производились переводы казаков и их родственников (а также представителей других категорий владельцев пашенной земли) как в дети боярские, так и в служилые люди полков нового строя[1]. Именно с этого времени служилый элемент и, прежде всего, мелкие помещики, становится преобладающим в структуре населения ряда южнорусских уездов.

Как уже говорилось выше, в зависимости от характера землевладения, все служилое населения делилось на две группы. К владельцам пашенной земли в исследуемом регионе относились: стрельцы, полковые казаки, беломестные казаки, пушкари, затинщики и воротники[2] .

[1] Т.А. Лаптева полагает, что существовал специальный указ «161-го года» (1652/53 г.), по которому «в новых городах Белгородской черты» в дети боярские верстались казаки и «вольные люди», жившие на границах государства. (Лаптева Т.А.: 1) К вопросу о расширении социальной базы дворянского сословия в XVII веке (поверстание в дети боярские представителей других сословий). // Отечественная история. № 5. 2003. С. 83; 2) Провинциальное дворянство России в XVII веке. – М., 2010. С. 484-485.) Однако приведенные доказательства не представляются основательными, поскольку в источниках, к которым отсылает читателя автор, нет внятных указаний на существование такого указа ни в масштабах всей страны, ни применительно к какой-либо группе южнорусских уездов. Естественно, это не исключает того, что в каждом конкретном случае верстания в дети боярские тот или иной воевода действовал (и должен был действовать) по «государеву указу». Пример о верстании в Коротояке в «161-м году», приведенный автором, как раз и свидетельствует об этом, но только об этом.

[2] Из всех этих категорий специально изучались пока лишь стрельцы – В.Н. Глазьевым. (См., например: Глазьев В.Н. Опора царской власти: стрельцы и их начальники в XVI в. // Российская монархия: Вопросы истории и теории. 1998. С. 88-97; Глазьев В.Н. Воронежские стрельцы и их роль в экономическом развитии края в XVII веке. // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. – Воронеж, 1987. С. 23-33; Глазьев В. Н. Размещение стрельцов в городах Черноземного края в XVII в. // Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период). – Воронеж, 1989. С. 42-50; Глазьев В. Н. Южнорусские стрельцы в городских восстаниях середины XVII века. // Общественное движение в Черноземном центре России в XVII – начале XX века. – Воронеж, 1990. С. 132-144; Глазьев В. Н. «Сказки» воронежских стрельцов 1697 г. как исторический источник. // «Морским судам быть!..». – Воронеж, 1996. С. 92-100.)

Что касается владельцев поместной земли, то традиционно к южнорусским помещикам было принято относить лишь детей боярских, среди которых абсолютное большинство составляли дети боярские городовые – представители низшего чина в «лествице» чинов. Однако анализ «сказок» служилых людей позволяет значительно расширить группу помещиков южного фронтира. Помимо детей боярских, служивших городовую и полковую (так называемую, «сотенную») службу (последние нередко называли себя «сотенными»), во второй половине XVII в. в шести рассматриваемых уездах поместными землями также владели: завоеводчики, есаулы, поместные атаманы, поместные казаки, боровские атаманы и усманские атаманы (последние две категории исследователи иногда называют слободскими атаманами), беломестные атаманы (все вышеперечисленные категории были только в Воронежском уезде); станичники, а также служилые люди полков нового строя – копейщики, рейтары, солдаты и драгуны (часть которых называла себя детьми боярскими драгунской службы)[1].

Часть представителей каждой из этих категорий проходила процедуру верстания поместным и денежным окладами. Поместный оклад был фиктивным числом, определяющим тот максимум земли, которым в принципе мог владеть служилый человек на данном этапе службы. Реально же он получал «дачу», размеры которой были, как правило, много меньше размеров оклада. За различные заслуги служилый человек мог получить «придачу». В этом случае площадь его поместных земель увеличивалась, но всегда в пределах оклада. То же касается и денежного оклада; за тем лишь исключением, что если землей южнорусские служилые люди все-таки владели, то деньги в рассматриваемый период им выплачивали нерегулярно. Об этом говорят жалобы служилых людей и выдача денег на жалование служилым людям из доходов таможен и кружечных дворов. При этом оклад был статусным показателем: повышение оклада было одним из видов поощрения

[1] Подробнее о структуре служилого населения региона см.: Скобелкин О.В. Структура служилого населения Воронежа и Воронежского уезда в XVII. // Из истории Воронежского края. Вып. 18. – Воронеж, 2011. С. 75-81.

служилых людей, а любые списки служилых людей составлялись по мере убывания окладов, т.е. люди с наиболее высокими окладами оказывались в начале списка, а с наименьшими – в конце.

Однако к моменту проведения разбора 1675 г. большая часть помещиков владела своими землями, будучи неверстаными поместными и денежными окладами. Вот как, по моим подсчетам, это выглядело в каждом из уездов: в Воронежском уезде из всей массы владельцев поместных земель 69% были не верстаны, в Коротоякском уезде – 74 %, в Ольшанском – 75 %, в Землянском – 84 %, в Костенском – 96 %. (По Острогожскому уезду «сказок» за 1675 г. разыскать пока не удалось.)

Приведенные данные показывают, что, по крайней мере, в изучаемом районе южного фронтира к середине 70-х гг. XVII в. была утеряна связь между процедурой верстания поместным окладом и испомещением. Восстановить эту связь и был призван разбор 1675 г. Однако спустя два десятилетия, в 1697 г., служилые люди в своих «сказках» даже не упоминали о своих поместных и денежных окладах, ведя речь лишь о фактических земельных владениях. Поскольку «сказки» составлялись в виде ответов на некий стандартный вопросник, это означает, что если в 1675 г. Разряд считал необходимым выявить неверстаных помещиков и, по старинке, поверстать их окладами, то в 1697 г. наличие или отсутствие окладов у служилых людей уже не интересовало государство. По-видимому, оно отказалось от проведения верстания, а возможно и от системы окладов. (Впрочем, этот вопрос заслуживает дальнейшего изучения.) Отказ от верстания служилых людей окладами означал также, что землевладение южнорусских помещиков явно стало сближаться с таковым владельцев пашенной земли.

Нельзя не сказать и еще об одном сходстве землевладения этих двух групп. Судя по «сказкам», неверстаные помещики одного населенного пункта получали в дачу, как правило, равные участки земли, точно так же, как это было принято у «приборных» служилых людей (правда, последние изначально получали землю не лично, а сразу на весь контингент той или иной службы всего города). Подавляющее большинство помещиков владело небольшими по

размерам участками земли. Факт этот был хорошо известен уже современникам: Котошихин неоднократно отмечал существование в южнорусских уездах малопоместных детей боярских, за счет которых формировались солдатские и рейтарские полки[1].

Само понятие «малопоместный» применительно к различным районам страны имело неодинаковое содержание. Соборное уложение 1649 г. (XVI, 22) в качестве «небольших» называет поместья от 40 до 100 четвертей включительно[2]. Однако на юге России поместьями в 100 четвертей владели очень немногие. Что касается более крупных владений, то они были лишь у помещиков Воронежского уезда. Судя по «сказкам» 1675 г., наиболее крупным землевладельцем был завоеводчик сын боярский дворовый С.А. Титов, имевший 340 четвертей поместной земли. Только 11 воронежцев (завоеводчик дворянин М.И. Кулешов, 5 человек дворян и детей боярских, служивших есаулами, 3 копейщика и 2 сына боярских городовой службы) имели поместья от 100 до 200 четвертей[3]. В других изучаемых уездах землевладельцев такого масштаба просто не было. Абсолютное большинство помещиков владели участками поместной земли до 50 четвертей в одном поле. Такие служилые люди в 1675 г. составляли 85% всех помещиков, а в 1697 г. – 93% (подсчет по 1697 г. сделан на основании таблицы, составленной В.М. Важинским)[4].

Порой исследователи, говоря о служилом населении Юга России, используют термин «мелкие служилые люди». Этот термин также представляется не вполне удачным. С одной стороны, он не совпадает с уже упомянутым термином Соборного уложения «служилые люди меньших чинов», поскольку обычно имеются в виду не столько стрельцы, казаки и пушкари, сколько дети боярские городовые. С другой стороны, южнорусские «мелкие служилые люди» обычно противопоставляются служилым людям централь-

[1] *Котошихин Г.* Указ. соч. С. 48, 131, 155.

[2] Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. – Л., 1987. С. 76.

[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 760. Л. 11-18, 21, 22, 24-26, 67, 70, 72; Д. 809. Л. 2, 6.

[4] *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке: По материалам южных уездов России. – Воронеж, 1974. С. 122-123.

ных уездов не по месту в иерархии чинов, а по размерам землевладения. Следовательно, говоря о специфике южных приграничных уездов, правильнее, наверное, было бы употреблять понятие «мелкие землевладельцы», а не «мелкие служилые люди».

Как уже говорилось, часть небольших поместий южнорусских служилых людей могла оказаться поглощенными крупными (и влиятельными) земельными собственниками, проникавшими сюда из центральных уездов. И здесь в действие вступала вторая составляющая государственной политики в районе южного фронтира – был запрещен доступ крупному землевладению на территорию южнорусских уездов. С 1637 г. стала проводиться так называемая политика «заказных городов», в соответствии с которой определялись запретные для крупных феодалов районы[1].

Система заказных городов продолжала существовать на юге России и во второй половине XVII в. В 70-80-е гг. она неоднократно изменялась: в список уездов, запретных для думных и московских чинов, то попадали новые города, то, наоборот, их перечень сокращайся до минимума. Зигзаги государственной политики определялись тем, что правительству приходилось испытывать весьма ощутимое давление с двух противоположных сторон: с одной стороны, военно-политические интересы требовали сдерживать продвижение крупного землевладения в район фронтира, с другой – наиболее мощная в экономическом и политическом плане часть российского феодалитета стремилась попасть на плодородные земли вчерашнего Поля. Тем не менее, несмотря на некоторую порой непоследовательность государства, до 90-х гг. XVII в. уезды по Белгородской черте и вокруг нее не были сколько-нибудь заметно затронуты землевладением служилых людей московских и думных чинов[2]. Таким образом, уезды южного фронтира оставались в рассматриваемый период своеобразным «заповедником» мелкого служилого землевладения, статус которого искусственно поддерживался государством. Только после 1696 г., когда началось активное заселение южных уездов владельческими крестьянами помещиков и монастырей.

[1] *Новосельский А.А.* Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Истор. зап. 1938. № 4. С. 22-23; Важинский В.М. Указ. соч. С. 79.

[2] *Новосельский А.А.* Распространение... С. 31.

Служилые люди, имевшие поместные земли, могли владеть крестьянскими и бобыльскими дворами. Однако из всей массы помещиков изучаемой территории лишь немногие реализовывали это право на практике. Абсолютное большинство владельцев поместных земель не имели крестьян и бобылей. По моим подсчетам, в 1675 г. в Воронежском уезде такие землевладельцы составляли 80 % всех помещиков, в остальных уездах практически все помещики не имели крепостных. Аналогичную картину дают «сказки» 1697 г.: дворовладельцы встречаются среди помещиков лишь Воронежского уезда. (Исключение составляет небольшой комплекс «сказок» 1684 г., где среди детей боярских городовой службы Костенского уезда называется житель с. Яблочного С.М. Теребунских, владевший одним бобыльским двором)[1].

Здесь, как и в случае со служилыми людьми «по отечеству» и «по прибору», уместно коснуться вопроса терминологии. Существует давняя и весьма солидная историографическая традиция, восходящая, как минимум, также к В.О. Ключевскому[2], называть таких помещиков «однодворцами». Однако ни в законодательных актах XVII в., ни в известных мне документах делопроизводства, ни в сочинении Котошихина термина «однодворцы» нет. В исследовательских работах, авторы которых применяют его для обозначения помещиков, не имевших крестьян (а иногда и владельцев пашенных земель, которые крестьянскими дворами не могли владеть в принципе)[3], не приводятся ни цитаты, ни даже ссылки

[1] ГАВО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 167. Л. 25.

[2] Правда, сам термин «однодворцы» применительно к периоду до XVIII в. историк не употреблял. Оон писал, что в южнорусских уездах в конце XVI – начале XVII в. служилые люди жили «однодворкою» (причем, взял это слово в кавычки), «т. е. имели только свои собственные дворы, не имея крестьянских дворов». (Ключевский В.О. Указ. соч. С. 398.

[3] Тема «однодворцев» на юге России в XVII в., как, впрочем, и тема южнорусского служилого землевладения вообще, уже довольно давно не привлекает специального внимания исследователей. Последнее же из известных автору упоминаний о южнорусских «однодворцах» относится, скорее, к категории курьезов: «Указ 158 (1649/1650) г. об испомещении казаков и однодворцев, служивших в солдатских полках». (Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство... С. 484.) Кого в данном случае имел в виду автор, остается только гадать.

на документы, подтверждающие бытование этого слова в XVII в., термин формировался и не принял всеобщего значения. При этом все исследователи, естественно, признают, что собственно социальная группа, получившая это название, возникает лишь под пером законодателя эпохи Петра Великого и представляет собой один из разрядов только что созданного сословия государственных крестьян. Конечно, то, что именно владельцы «пустых» поместий, а также какая-то часть потомков владельцев пашенной земли и стали южнорусскими однодворцами в 1710 г., объясняет желание исследователей перенести этот термин из более поздней эпохи в более раннюю. Однако такой перенос представляется нежелательным, поскольку приводит к определенной путанице. Ведь вряд ли кто-то из историков согласился бы с тем, чтобы, скажем, стрельцов или солдат XVII в. называть гренадерами.

В тоже время в XVII в. существовало специальное слово для обозначения помещиков без крестьян – пустопоместные[1], а сами поместья (и вотчины) без крестьян назывались пустыми[2]. В исследовательской литературе эта терминология используется уже более полутора столетий (как минимум, со времен С.М. Соловьева). Однако в последней трети XX в. отечественные историки предпочитали, по большей части, называть пустопоместных детей боярских однодворцами (причем, даже без кавычек). На мой взгляд, есть смысл отказать от этой сомнительной традиции в пользу использования терминологии эпохи – это и корректнее, и не приводит путанице смыслов.

Чем можно объяснить преобладание пустопоместных служилых людей среди владельцев поместной земли изучаемых уездов во второй половине XVII в.? Ответ на этот вопрос следует искать в социальных процессах, вызванных к жизни спецификой южного фронтира, и, прежде всего, строительством Белгородской черты.

[1] Например: «А которые дворяня и дети боярские новгородцы будут на государеве службе в Новегороде пустопоместные...» (Разрядная книга 7125 года. // Временник Императорского московского общества истории и древностей российских. Кн. 3. Отд. II. Материалы. 1849. С. 71.)

[2] См., например: Котошихин Г. К. Указ. соч. С. 47; Соборное уложение 1649 года: Текст. Комментарии. – Л., 1987. С. 74.

Потребности обороны южных рубежей привели к тому, что эти районы на несколько десятилетий стали местом активной социальной мобильности населения: оседавшие здесь многочисленные крестьяне – беглецы из центральных уездов – в период строительства Белгородской черты довольно быстро и легко превращались в служилых людей, причем не только во владельцев пашенной земли, но и в помещиков. Этот процесс дополнялся переводом в служилые люди уже существовавшего в южнорусских уездах крестьянского населения. Несколько позднее, при формировании на Белгородской черте полков нового строя, на службу были записаны родственники служилых людей, в том числе стрельцов, полковых казаков и прочих «меньших чинов», получившие в качестве жалования поместную землю. При обширном фонде свободных земель произвести южнорусских служилых людей в помещики было нетрудно, однако в условиях малочисленности крестьянского населения основная масса новых помещиков так и не стала дворовладельцами. Вот почему, например, за 534 воронежскими солдатами в 1675 г. числилось всего 44 крестьянских и бобыльских двора[1].

Формально южнорусские владельцы поместных земель входили в состав русского феодалитета, ничем не отличаясь от своих собратьев из более северных уездов. Об этом свидетельствовали и процедура верстания, и реализуемая порой возможность увеличения своих земельных дач в пределах оклада, и право владения крестьянами и бобылями. Но фактически абсолютное большинство южнорусских помещиков, не будучи дворовладельцами, не получая феодальной ренты, а, наоборот, выступая в роли непосредственных производителей, не являлись и феодальными собственниками земли. Иными словами, мелкие поместные землевладельцы южного фронтира, формально будучи феодалами, таковыми не являлись. Это противоречие неминуемо должно было довольно быстро разрешиться путем сближения формального положения мелких землевладельцев с их реальным состоянием. Однако государство, вмешиваясь в естественный ход вещей, тормозило этот

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-д. Кн. 88. Л. 223-223-об.

процесс. Несмотря на то, что образ экономической деятельности южнорусских помещиков мало чем отличался от такового владельцев пашенной земли, а обе эти категории по своему реальному экономическому положению были весьма близки черносошному крестьянству, правительство в правовом плане, разумеется, никогда не путало служилых с «мужиками». И южнорусские помещики, и южнорусские владельцы пашенной земли принадлежали к сословиям, которые стояли выше крестьян на социальной лестнице. Даже уплачиваемые ими основные прямые налоги показывали их принадлежность к разным сословиям: крестьяне платили стрелецкий хлеб (или стрелецкие деньги), отправлявшийся в Москву, а служилое население – четвериковый хлеб, собиравшийся для донских отпусков[1]. Однако все эти категории населения исправно платили полоняничные деньги для выкупа полона.

В то же время государство в течение нескольких десятилетий проводило в районе южного фронтира политику размытости сословных границ между служилыми людьми и тяглым населением. Потребность набора большого количества ратных людей и необходимость в дальнейшем поддерживать их на определенном численном уровне заставили государство до поры до времени сохранять возможность перехода крестьян, стрельцов и казаков в дети боярские и служилые люди полков нового строя. Судя по «сказкам» 1675 г., при формировании полков нового строя перевод служилых людей старых категорий, а также их детей и ближайших родственников в новые службы был обычным явлением. Солдатские полки, например, рекрутировались во многом за счет атаманов и казаков, реже – стрельцов и пушкарей. Небольшая часть служилых (в основном, дети боярские городовой службы) была набрана из бобылей и даже гулящих людей[2]. Представляется, однако, что эта группа была больше, нежели явствует из документов. Весьма

[1] Подробнее о налогообложении служилых людей указанных уездов юга России см.: Скобелкин О.В. Формы эксплуатации служилых людей Воронежского края феодальным государством во второй половине XVII века. // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. – Воронеж, 1987, С. 46-56.

[2] См., например: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 734. Л. 220, 230; Д. 760. Л. 140; Д. 809. Л. 137, 291, 301, 305, 311, 325; Д. 906. Л. 390, 420, 430, 450; Оп. 16. Д. 72. Л. 4, 7-10, 19, 20, 23, 29 и др.

вероятно, что какая-то часть бывших крестьян и бобылей, подавая «сказки», при попустительстве или неведении окладчиков скрыли свое настоящее происхождение.

Разумеется, подобный «либерализм» не мог быть вечным. Как только ситуация с формированием Белгородского полка стабилизировалась, и проблема защиты южного фронтира стала представляться решенной, правительство захлопнуло двери в сословных перегородках.

В исследовательской литературе запрет верстать в службу «служилых людей по прибору, крестьян, холопов, посадских людей» принято относить к 1675 г.[1], связывая это с проведением разбора служилых людей в уездах. Действительно, в наказе стольнику кн. С.А. Хованскому и подьячему М. Дмитриеву, направленным в 1675 г. для проведения разбора во Владимире, Суздале, Юрьеве-Польском, Лухе, Муроме, Нижнем Новгороде, Гороховце и Арзамасе, в частности, говорилось, чтобы окладчики «холопей боярских и стрелецких, и козачьих, и неслужилых никаких чинов, и пашенных мужиков отнюдь никого детьми боярскими не называли», и содержалось прямое запрещение в отношении этих категорий: «поместными и денежными окладами не верстать»[2]. (Следует, правда, заметить, что в этом наказе ничего не говорится о «служилых людях по прибору», а речь идет лишь об их холопах.)

Учитывая особенности приказного делопроизводства той эпохи, можно с большой долей уверенности полагать, что аналогичный наказ получили и разборщики служилых людей в южнорусских уездах. В принципе, запреты верстать в дети боярские детей неслужилых отцов бывали и раньше: в наказе о верстании в Москве осенью 1652 г. новиков детей боярских «всех городов», новокрещенов и татар прямо говорилось, «чтоб однолично неслужилых отцов детей поместными, денежными оклады никого не верстати»[3]. Однако, по-видимому, только в 1675 г. был сформули-

[1] См., например: Чернов А. В. Указ. соч. С. 156-157; Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. – М., 1969. С. 61.

[2] Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. I. № 615. – СПб., 1830. С. 1026.

[3] Там же. № 86. С. 274.

рован прямой запрет о зачислении холопов, а также крестьян и бобылей («пашенных мужиков») в помещики. В этом плане 1675 г. может считаться рубежным и для региона южного фронтира.

Следует заметить, однако, что запрещение принимать на службу беглых крестьян и холопов всё-таки нарушалось. Судить об этом позволяет Указ от 8 февраля 1683 г., согласно которому на территории уездов, входящих в Белгородский и Севский полки, беглых, записавшихся в службу после разбора 1675 г., следовало возвращать на прежние места. Тех же, кто был зафиксирован в службе во время разбора (независимо от сроков приема на службу), в прежнее состояние уже не возвращали. Таким образом, в течение 8-ми лет после 1675 г. прием на службу беглых крестьян и холопов имел место[1].

Впрочем, служилым людям южного фронтира предстояло пребывать в этом качестве уже не долго. Менее чем через полтора десятилетия петровское кораблестроение и последовавшие за ним события коренным образом изменят ситуацию в регионе: изучаемые уезды перестанут быть приграничными, а еще некоторое время спустя значительной части южнорусских помещиков и большинству владельцев пашенной земли будет суждено кардинально изменить свой статус, превратившись в государственных крестьян – однодворцев.

Одним из признаков глубинных изменений, происходивших в среде служилого населения южнорусского фронтира, была ситуация с чинами служилых людей. Свидетельства этих изменений содержит одна из наиболее полных годовых сметных книг городов Белгородского полка – Сметная книга 185 г. (чаще всего именно так, в сокращенном виде, записывали год от сотворения мира в XVII в.). В ней есть данные о 39-ти городах, расположенных на интересующей нас территории. Это, во-первых, 25 городов «по черте». (Хотя, как уже говорилось выше, В.П. Загоровский убедительно показал, что Ахтырский, Боровля и Олешня не располагались непосредственно на Белгородской черте, а находились вблизи ее[2], в рамках данного исследования мы будем считать их (вслед за Разрядом и белгородской разрядной избой) городами «по черте». Оставшиеся 14 городов были городами «за чертой», и большинству из них вскоре предстояло стать крепостями новой Изюмской черты.

[1] *Маньков А.Г.* Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. – М.-Л., 1962. С. 136.

[2] *Загоровский В.П.* Белгородская черта. – Воронеж, 1969. С. 164-169.

Сметная книга 185 г. учитывала только служилых людей городовой службы; по каким-то причинам учет служилых людей полковой службы не предусматривался.

Источник знает 13 чинов служилых людей: это дворовые (или «городовые службы по дворовому»), дети боярские, станичники (включая станичных голов, станичных атаманов, белгородских «станичных детей боярских, едоков и вожей» и «станичных недорослей»), стрельцы, казаки (полковые казаки, а также воронежские поместные казаки и атаманы и беломестные казаки), драгуны, пушкари, затинщики, воротники, казенные кузнецы, плотники, ямщики (в т.ч. ямские охотники) и черкасы. (В данном случае слово «черкасы» означало не только этническую принадлежность, но и чин; тем более, что более чем в половине случаев (13 из 23; см. Табл. 1) специально указывалось «черкасы городовые службы»).

Все эти категории служилых людей городовой службы в разных городах были представлены в совершенно различных сочетаниях (см. Табл. 1).

Таблица 1.

Наличие чинов служилых людей городовой службы в городах южного фронтира в 185 г.

	Город (уезд) Чин	дворовые	дети боярские	станичники	стрельцы	казаки	драгуны	пушкари	затинщики	воротники	казенные кузнецы	плотники	ямщики	черкасы	ВСЕГО чинов в городе/уезде
72	Ахтырский - БЧ							+						+	2
73	Белгород - БЧ		+	+		+		+			+		+	+	7
74	Белоколодск - БЧ		+												1
75	Богодухов													+г	1
76	Болховой - БЧ		+		+	+		+		+	+				6
77	Болыклея									+				+г	2
78	Боровля - БЧ							+						+	2
79	Валки													+г	1

	Город (уезд) Чин	дворовые	дети боярские	станичники	стрельцы	казаки	драгуны	пушкари	затинщики	воротники	казенные кузнецы	плотники	ямщики	черкасы	ВСЕГО чинов в городе/уезде
80	Валуйка			+	+	+		+	+		+		+	+	8
81	Верхососенск - БЧ		+		+	+		+							4
82	Вольный - БЧ	+	+		+	+		+							5
83	Воронеж - БЧ				+	+		+	+	+			+		6
84	Городное							+						+г	2
85	Доброе - БЧ		+				+	+							3
86	Змеев		+					+						+г	3
87	Карпов - БЧ		+		+	+	+	+		+	+			+	8
88	Колонтаев													+г	1
89	Коротояк - БЧ		+	+	+	+		+		+	+			+	8
90	Короча - БЧ		+		+	+		+						+	5
91	Костенск - БЧ		+				+	+							3
92	Красный Кут													+г	1
93	Мояцкий							+				+		+г	3
94	Мурафа							+						+г	2
95	Нежегольск - БЧ		+	+				+			+			+	5
96	Нов. Оскол - БЧ		+		+	+	+	+							5
97	Олешня - БЧ		+					+							2
98	Ольшанск - БЧ		+	+	+	+		+			+			+	7
99	Орлов - БЧ						+	+							2
100	Острогожск - БЧ		+	+	+			+		+	+	+		+г	8
101	Салтов		+					+						+г	3
102	Сокольск - БЧ		+				+	+		+					4
103	Урыв - БЧ		+					+						+	3
104	Усерд - БЧ		+	+	+	+		+							5
105	Усмань - БЧ		+		+	+		+		+	+				6
106	Харьков		+					+		+				+г	4
107	Хотмышск - БЧ	+	+		+	+		+		+	+				7
108	Царев-Борисов													+г	1
109	Чугуев		+	+	+	+		+		+		+			7
110	Яблонов - БЧ		+	+	+	+		+							5
	ВСЕГО городов/уездов с данным чином	2	25	9	16	16	6	32	2	11	10	3	3	23 (13г)	

Условные обозначения Табл. 1: «БЧ» – город «по черте», «+» – наличие служилых людей данного чина в городе/уезде, «г» – городовой службы.

Следует иметь в виду, что в годовых сметах не всех городов соблюдался предписанный формуляр сметной книги. В двух городах невозможно определить полный перечень имевшихся чинов. В

Маяцком, кроме пушкарей, плотника и черкас городовой службы указаны просто «мояцкие жители городовые службы»[1]. В Цареве-Борисове: «дворян и детей боярских отстовных, стрельцов, козаков, драгунов, пушкарей, воротников, затинщиков, козенных кузнецов, плотников, посадцких людей, розсыльщиков, ямщиков, дворников нет», а помимо черкас городовой службы учтены «руские люди, а каких они чинов, того в сметных книгах ... не написано»[2].

Данные о том, сколько чинов служилых людей городовой службы приходилось на каждый город, приведены в порядке убывания в Табл. 2.

Таблица 2.

Количество чинов городовой службы в городах южного фронтира в 185 г.

	Город/уезд	Чинов
1	Острогожск - БЧ	8
2	Валуйка	8
3	Карпов - БЧ	8
4	Коротояк - БЧ	8
5	Белгород - БЧ	7
6	Ольшанск - БЧ	7
7	Хотмышск - БЧ	7
8	Чугуев	7
9	Болховой - БЧ	6
10	Воронеж - БЧ	6
11	Усмань - БЧ	6
12	Вольный - БЧ	5
13	Короча - БЧ	5
14	Нов. Оскол - БЧ	5
15	Нежегольск - БЧ	5
16	Усерд - БЧ	5
17	Яблонов - БЧ	5
18	Верхососенск - БЧ	4
19	Сокольск - БЧ	4
20	Харьков	4
21	Доброе - БЧ	3
22	Змеев	3
23	Костенск - БЧ	3
24	Мояцкий	3

[1] РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. №. 97. Л. 1359-об., 1368.

[2] Там же. Л. 1370-об.

	Город/уезд	Чинов
25	Салтов	3
26	Урыв - БЧ	3
27	Ахтырский - БЧ	2
28	Болыклея	2
29	Боровля - БЧ	2
30	Городное	2
31	Мурафа	2
32	Олешня - БЧ	2
33	Орлов - БЧ	2
34	Белоколодск - БЧ	1
35	Богодухов	1
36	Валки	1
37	Колонтаев	1
38	Красный Кут	1
39	Царев-Борисов	1

Как видно из Табл. 2, по количеству чинов все 39 городов можно разделить на 8 групп: 1-я группа – 4 города по 8 чинов в каждом, 2-я – 4 города по 7 чинов, 3-я – 3 города по 6 чинов, 4-я – 6 городов по 5 чинов, 5-я – 3 города по 4 чина, 6-я – 6 городов по 3 чина, 7-я – 7 городов по 2 чина и 8-я – 6 городов по 1 чину. При этом в последней группе в пяти городах единственный чин был представлен только черкасами, и лишь в Белоколодске – детьми боярскими. Также следует отметить вполне естественную ситуацию: среди городов с малым количеством чинов (1, 2 и 3) абсолютно преобладают города «за чертой», в то время как в городах с максимальным количеством чинов (8 и 7) – города «по черте».

Данные о том, в каком количестве городов присутствовал тот или иной чин, представлены в Табл. 3.

Таблица 3.

Распределение чинов по городам южного фронтира в 185 г.

№	Чин	Количество городов
1	пушкари	32
2	дети боярские	25
3	черкасы	23
4	стрельцы	16

5	казаки	16
6	воротникики	11
7	(казенные) кузнецы	10
8	станичники	9
9	драгуны	6
10	плотникики	3
11	ямщики	3
12	дворовые	2
13	затинщики	2

Как видно из Табл. 3., самым распространенным чином были пушкари; их не было только в 5 городах (см. Табл. 1). Однако из этих пяти крепостей только в Белоколодском острожке не было артиллерии[1], и, следовательно, пушкари были не нужны. В четырех других городах количество орудий колебалось от 1 до 5[2], и отсутствие пушкарей в этом случае выглядит странно. Видимо, следует предположить, что артиллеристами в этих крепостях были служилые люди других чинов. Судя по составу служилого населения, это были, скорее всего, черкасы (а в Белоколодске – дети боярские), которых просто не считали нужным верстать в пушкарскую службу.

На другом полюсе находились два самых «редких» чина: дворовые и затинщики. Дворовые, которые зафиксированы только в Вольном и Хотмышске (см. Табл. 1), представляли собой явный реликт исчезнувшего в южнорусских уездах чина. Там, где это чин существовал ранее и относился к полковой службе, его представителей давно перевели в новые чины полков нового строя. В книге же 185 г. мы видим какие-то остатки дворовых, к тому же, числящихся не в полковой, а в городовой службе.

Что касается затинщиков, то здесь ситуация пока еще менее ясная. Этот чин значится только в Валуйке и Воронеже. Но, если в Воронеже было 33 затинных пищали[3], то в Валуйке затинных пищалей не было вовсе[4]. В то же время в ряде городов затинные пищали имелись, но затинщиков не было. Можно осторожно пред-

[1] РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 97. Л. 1197-об.

[2] Там же. Л. 1386-1386-об., 1488-1488-об., 1504-1504-об., 1540-об.-1541, 1563-об.

[3] РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 97. Л. 1093-об.

[4] Там же. Л. 1348-1350.

положить, что здесь мы наблюдаем некую тенденцию, сходную с ситуацией отсутствия пушкарей при наличии орудий. Возможно, власти постепенно отказывались от обязательного соответствия служебных обязанностей чину, и к обслуживанию затинных пищалей стали привлекать представителей других чинов без поверстания кого-либо в затинщики.

Ситуацию с сельским служилым населением в последней фазе его существования в Воронежском уезде можно проследить для 1697 г. Зимой-весной 1697 г. в ряде южнорусских уездов, входивших в Белгородский разряд, в том числе и в Воронежском, проводился очередной (и, судя по всему, последний) разбор служилых людей. В ходе него специально присланные официальные лица собирали «сказки» как со служилых людей, так и с тех, кто в службу записан не был, но, не будучи ни крестьянином, ни посадским человеком, мог быть в нее записан. В Воронежском уезде это мероприятие проходило в январе-марте 1697 г. под руководством стольника кн. И.П. Львова[1]. Данные «сказок» были затем обобщены по каждому уезду в форме так называемых «перечневых выписей из переписных книг»[2].

Ниже приводится анализ той части «выписей», которая относится к Воронежскому уезду[3]. Структура текста сложна и мало напоминает современные статистические справочники. Данные о населении распределены составителями документа по 17-ти своего рода разделам: завоеводчики, есаулы, «сотенная служба», «воронежских стрельцов капитаны», копейщики, «донские и яицкие и орешковские казаки», трубачи, солдаты, «городовая служба», станичники, «служилых отцов дети и свойственники службы никакой не служат» (но имеют землю), «служилых отцов дети и свойственники службы никакой не служат и земель за ними нет», стрельцы, казаки, пушкари, воротники, пришлые люди из разных городов.

[1] Подробнее о «сказках» служилых людей и «переписке князя Львова» см.: Глазьев В.Н. «Сказки» воронежских стрельцов как исторический источник. // «Морским судам быть!..». – Воронеж, 1996. С. 92-100; Скобелкин О. В. «Сказки» служилых людей XVII в. как источник по изучению проблем исторической географии и исторической демографии Центрального Черноземья, // Историография и источники по исторической географии и исторической демографии Центрального Черноземья. – Курск, 1989. С. 18-19.

[2] Анализ этого источника в плане изучения дворовладения южнорусских служилых людей был предпринят В.Н. Глазьевым (см.: Глазьев В.Н. Крестьянские и бобыльские дворы в поместьях служилых людей Белгородского разряда в 1697 г. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья. – Курск, 1994. С. 67-70.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 905. Л. 26-68.

Первые 16 разделов имеют примерно одинаковую структуру. В начале указывается количество служилых людей соответствующей категории: («Завоеводчиков 10 ч[еловек]»; «Сотенной службы 19 ч[еловек]» и т.д.). С этого собственно и начинается каждый раздел. Затем идет рубрика «Поместья за ними», в которой перечисляется, у скольких людей данной категории то или иное количество поместной земли и (если есть) крестьянских дворов. Например: «за 1-м ч[еловеком] 258 чети, крестьянских 10 дворов»; «за 2 ч[еловеками] крестьянских по 8 д[воров], да у них ж за 1-м ч[еловеком] 92, за 1-м ч[еловеком] 35 чети»; «за 132 ч[еловеками] по 20 [чети]». Кроме того, указывалось наличие мельниц, «вопчее» владение землей и факты сдачи земли (с указанием ее количества) в аренду. При этом ни разу составители документа не подвели итог, не вычислили общее количество владельцев поместной земли в той или иной группе служилых людей. На небольших группах это не сказалось никак, а вот для таких многочисленных категорий как копейщики, солдаты, «городовая служба», видимо, отсутствие такого промежуточного итога привело (помимо иных возможных причин) к расхождению между «заявленным» в начале рубрики количеством служилых людей данной категории и числом землевладельцев.

В случае, если среди служилых людей какой-либо группы были безпоместные, то их количество указывается сразу же после перечисления земле- и дворовладельцев. (Например: «безпоместных 31 ч[еловек]»).

Следующей рубрикой каждого раздела является пункт «У них детей и свойственников». Здесь приводятся данные о количестве родственников мужского ппола по каждой из категорий служило-

го населения. В ряде случаев эта рубрика в одном и том же разделе появляется дважды: один раз – при учете родственников землевладельцев, а затем – отдельно родственников безпоместных. При этом учет велся следующим образом. Вначале отдельно указывалось общее число людей «в возрасте», т.е. годных для службы, взрослых, но не стариков. Затем давались данные о недорослях; причем, сначала в порядке убывания перечислялись возрастные группы с интервалом в 1 год и указанием количества людей в каждой из них (например: «68 ч[еловек] по 15 лет, 20 ч. по 14 лет, 31 ч. по 13 лет ... 19 ч. по году, 7 ч. по полугоду»), а потом давалось общее число недорослей данной служилой категории. И, наконец, последними учитывались «старые и увечные»; составители документа приводят в каждом из разделов их общее число. Затем дается общее число всех родственников вместе – «в возрасте», недорослей, «старых и увечных». (Здесь тоже встречаются ошибки в подсчетах; в случае расхождения наших итогов с итоговыми цифрами источника мы использовали свои результаты.) После этой цифры следует обычно стандартная фраза: «Поместей за ними и никаких угодей нет, а живут они у вышеписанных своих свойственников на их землях».

Последний, 17-й раздел «Пришлые люди из розных городов» отличается от предыдущих, поскольку подразделяется, в свою очередь, еще на 7 позиций: «В прежних городех вместо их служат и поместьями владеют свойственники их, а по Воронежу написаны они в службах»; «В прежних городех в службах и поместей за ними не было, а ныне они написаны в городовой службе»; «В службах и поместей за ними в прежних городех не было, а ныне они никакой службы не служат» (но поместья имеют); «В прежних городех в службе и поместей за ними не было, а ныне они не в службе ж и поместей нет»; «В прежних городех вместо их служат и поместьями владеют свойственники их, а они ныне не в службах и поместей за ними нет»; «В прежних городех были в службах, а поместьи свои поступились розным московского чину помещиком, а ныне они не в службе»; «В службах не были, а ныне живут на посаде на тяглых дворех и подати в посад платят». Каждый из этих подразделов имеет примерно такую же структуру, что и первые 16 разделов, о которых речь уже шла.

Завершает посвященную Воронежскому уезду часть документа информация о четырех людях, которую составители почему-то сочли нужным дать отдельно. Приведем ее полностью: «1 ч. сшол из Ефремова от изгони столника от Петра Старова Милюкова, а в том городе в службе не был, а на Воронеже за ним 10 чети, двор крестьянской; у него дети: 1 ч. в возрасте, 1 ч. 11 лет.

Сотенной службы 1 ч. умре; дети сошли безвестно; поместьем владеет из дворян Евсевей Бехтеев, а сколькими четими не написано.

Городовой службы 1 ч. сшол в Землянской; поместьем владеет приказные избы подьячей Клим Курембин.

Приказные избы за подьячим 45 чети; у него приемышев 2 ч.»[1]

Никаких общих итогов по Воронежскому уезду составители документа не подводили.

Разумеется, такая дробная методика учета населения дает слишком расплывчатую картину. Чтобы выяснить структуру населения уезда, учтенного в 1697 г., надо, на наш взгляд, во-первых, определить количество служилых людей каждой категории и общее число людей, находившихся в службе на момент переписи; во-вторых, выяснить, сколько людей служебного возраста были не в службе; в-третьих, определить возрастную структуру учтенного населения, выделив вслед за источником три группы: «в возрасте» (включив в нее как служилую, так и неслужилую части), недоросли и «старые и увечные», и высчитать количество людей в каждой из них, определив кроме того численный состав в каждой из возрастных групп недорослей; и, наконец, в-четвертых, высчитать общее количество лиц мужского пола, учтенных источником.

Служилые люди уезда распределялись по видам службы следующим образом (сразу же приводим данные о количестве родственников служилых людей каждой категории):

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 905. Л. 68.

1) завоеводчики – 10 человек (0,4% от общего числа находившихся в службе людей); у них детей и свойственников: в возрасте – 5, недорослей – 16, старых – 3;

2) есаулы – 3 (0,1%); у них детей: в возрасте – 1, 13-ти лет – 1;

3) «сотенной службы» – 19 (0,8%); у них детей и свойственников: в возрасте – 19, недорослей – 22, старых и увечных – 5;

4) капитаны воронежских стрельцов – 3 (0,1%); у них детей: недорослей – 2;

5) копейщики – 93 (4%); у них детей и свойственников: в возрасте – 160, недорослей – 172, старых и увечных – 23;

6) «донских и яицких и орешковских казаков» – 3 (0,1%); у них детей и свойственников: в возрасте – 2, недорослей – 4;

7) трубачи – 5 (0,2%); у них детей и свойственников: в возрасте – 1, недорослей – 2;

8) солдаты – 566 (24,7%) (наш подсчет; в него вошли поместные и безпоместные солдаты, один солдат, который «у переписки не явился, а по сказке лутчих людей живет у воронежца у Антона Веневитинова на мельнице»[1], а также два солдата-землевладельца – выходцы из других городов; источник же дает общую цифру в 478 человек); у них детей и свойственников: в возрасте – 644, недорослей – 602, старых и увечных – 79;

9) «городовой службы» – 674 (29,4%) (включая 12 человек из городовой службы, на момент переписи служивших в приставах, и 86 выходцев из разных городов, записанных в Воронежском уезде в городовую службу); у них детей и свойственников (в это число вошли также иродственники одного человека, который учтен источником по разделу «городовая служба», но о котором сказано, что он «не в службе»; сам он в данный подсчет не включен, но, поскольку документ не выделяет его родственников из общей массы, приходится их включать в число родственников служилых людей): в возрасте – 578, недорослей – 891, старых и увечных – 63;

10) станичники – 83 (3,6%); у них детей и свойственников: в возрасте – 83, недорослей – 77, старых и увечных – 22;

[1] РГАДА. Ф .210. Столбцы Белгородского стола. № 905. Л. 40.

11) стрельцы – 215 (9,4%); у них детей и свойственников: в возрасте – 138, недорослей – 246, старых и увечных – 22;

12) казаки – 558 (25,6%) (включая одного человека «из казаков», служившего в то время приставом в приказной избе); у них детей и свойственников: в возрасте – 473, недорослей – 528, старых и увечных – 51;

13) пушкари – 51 (2,2%); у них детей и свойственников: в возрасте – 48, недорослей – 60, старых и увечных – 7, «скорбен» – 1;

14) воротники – 9 (0,4%); у них детей и свойственников: в возрасте – 7, недорослей – 13.

Кроме того, источником учтен один подьячий приказной избы, имевший двух «приемышев» (возраст не указан).

Всего по данным источника в службе находилось 2293 человека.

Для выяснения числа людей служебного возраста (не недорослей и не «старых и увечных»), не записанных на момент переписи в службу, необходимо суммировать данные о всех тех, кто в источнике записан как «не в службе», «службы никакой не служат», а также о всех детях и свойственниках «в возрасте». Правда, теоретически среди тех, кого составители документа отнесли к «служилых отцов дети и свойственники службы никакой не служат» могут быть и недоросли, но по данному источнику выяснить это невозможно, и в наших подсчетах они отнесены к лицам служебного возраста. Кроме того, в эту часть населения уезда мы включили одного человека городовой службы, который «у переписки не явился, а живет во крестьянстве у воронежца у Семена Веневитинова, а поместьем владеет Иван Протопопов»[1]; а также одного «скорбного» (т.е. больного) и одного «увечного» родственника, поскольку, если бы они были не «в возрасте», то попали бы или в «старые и увечные» или в «недоросли». В итоге взрослых людей (старше 15-ти лет, но еще не старых), не записанных ни в какую службу, источником учтено 2419 человек.

Суммировав число служилых людей и число взрослых людей не в службе, получаем общее количество учтенных источником взрослых жителей города и уезда – 4712 человека.

[1] РГАДА. Ф . 210. Столбцы Белгородского стола. № 905. Л. 46.

Недорослей было 2799 человек. По возрасту они распределялись следующим образом: 15 лет – 313 чел., 14 – 78, 13 – 122, 12 – 150,11 – 45, 10 – 310, 9 – 124, 8 – 234, 7 – 251, 6 – 160, 5 – 261, 4 – 206, 3 – 200; 2,5 – 4, 2 – 162; 1,5 – 49, 1 – 88; 0,5 – 39; 5 мес. – 1, 15 нед. – 1, 10 нед. – 1.

Однако, на наш взгляд, чтобы получить общее число, так сказать, «молодежи», следует к недорослям отнести и двух «приемышев» подьячего К. Курембина (см. выше), хотя их возраст и не указан. В итоге получаем, что в 1697 г. источником было учтено 2801 человек, «не поспевших» по возрасту в службу.

Что касается «старых и увечных», то к ним могли быть причислены и лица службного возраста, которые, в силу увечья, не могли служить. Однако по перечневым выписям отделить их от «старых и увечных» невозможно, и мы будем условно считать всю эту группу состоящей из лиц, вышедших из служебного возраста. «Старых и увечных» по данным источника в 1697 г. насчитывалось 286 человек.

Суммировав данные по всем трем возрастным группам, получаем 7799 человек – общее количество жителей Воронежа и Воронежского уезда, учтенных в «перечневой выписи из переписных книг» 1697 г.

Разумеется, это далеко не все население города и уезда, – «переписка стольника князя Львова» не учитывала посадское население Воронежа, крестьян, бобылей, деловых и задворных людей, духовенство. Переписывалась лишь служилая часть населения и те, кто мог быть записан в службу, а также все их родственники, живущие вместе с ними.

Какую же часть населения города и уезда составляли люди, учтенные переписью 1697 г.? К сожалению, синхронных данных о прочих категориях населения нет. Но все же для очень грубого сравнения можно воспользоваться данными (20-летней давности), содержащимися в переписной книге 1677/78 г., которая, в отличие от «перечневых выписей» 1697 г., фиксировала все категории населения, кроме служилых людей, людей, могущих служить, и родственников тех и других. Иными словами, по составу учтенного населения эти два источника дополняют друг друга. (Впрочем, и в этом случае не абсолютно все живущие на территории уезда попадают в число учтенных; в частности, нет сведений о количестве монахов в монастырях.) Согласно переписной книге 1677/78 г., в Воронеже проживало 1454 человека, в уезде – 4915 человек, всего – 6369 человек[1].

3.5. Социальный состав сельского населения юго-восточного (Волжско-Уральского) региона в XVI–XVII вв.

До 40-х гг. XVII в. целенаправленной государственной политики по заселению и освоению территории Уфимского уезда не было. Основную часть русского населения юго-восточного фронтира составляло военно-служилое население городов крепостей. Служилых людей «по отечеству» в XVI-XVII в. практически не было, если не считать стрелецких пятидесятников, которых обычно назначали из дворян. Первый воевода г. Уфы М.А. Нагой свой боярский чин получил после отъезда из Уфы и перехода на сторону Лжедмитрия I.

Основные категории населения городов-крепостей были представлены служилыми людьми «по прибору». Это стрельцы, казаки, воротники, затинщики и др. Особую группу составляли новокрещены, которые тоже зачислялись в состав мелких служилых людей.

При строительстве Новой Закамской линии возникает еще одна социальная категория населения – ландмилиция. Она была учреждена в Башкирии в 1731 г. для охраны строящейся Новой Закамской линии и представляла собой военные поселения. Офицеры и солдаты ландмилиции наделялись землей (рядовые солдаты получали от 22 до 55 десятин). В 1733 г. было организовано четыре ландмилицких полка: три драгунских (Шешминский, Билярский и

[1] РГАДА. Ф . 210. Столбцы Белгородского стола. № 905. Л. 46.

Сергиевский) и один пехотный (Алексеевский). Шешминский и Билярский полки были набраны из служилых людей закамских пригородов, Сергиевский и Алексеевский – из городовых дворян «прежних служб». С организацией Оренбургской экспедиции устройство ландмилиции подверглось изменению, и в 1739 г. ландмилицкие полки были переселены и помещены по р. Самаре, Улве и Яику[1].

Среди сельского населения наиболее многочисленную группу составляли дворцовые крестьяне.

Каждый новопостроенный город в XVI-XVII вв. становился не только простым укреплением, но и пунктом постоянной русской оседлости. Под защитой Уфимской крепости на протяжении конца XVI – первой половины XVII в. на территории Башкирии появляются новые очаги русской колонизации. Все они возникли на дворцовых землях, приобретенных в ходе присоединения новой территории путем массовых конфискаций владельческих и признания государевыми всех свободных земель. Такие земли находились в ведении приказа Большого дворца. В XVII в. по всей стране к этому приказу относились более 40 городов, дворцовые села и черные волости, рыбные ловли, бобровые гоны, бортные и другие промысловые ухожья, с которых собирали подати в пользу Дворца.

На территории Башкирии в домениальную собственность государя отошли места, где прежде находились резиденции местных князьков, а также те земли, которые в свое время были захвачены ногайскими мурзами, а после их ухода остались без владельцев. Именно на таких землях в конце XVI и первой половине XVII в. возникли первые укрепленные слободы и дворцовые села. Они заселялись дворцовыми крестьянами, которые первоначально освобождались от всякого рода платежей, а по истечении определенного срока были обязаны пахать «десятинную пашню» и обеспечивать хлебом служилых людей близлежащих городов-крепостей.

Можно сказать, что дворцовые крестьяне наряду с мелкими служилыми людьми были первыми поселенцами на новых землях и сыграли важную роль в процессе приспособления русского города к иноязычной сельской округе. На первых порах они несли

[1] Материалы по истории БАССР. Т. IV. Ч. 1. – М., 1956. С. 390

на себе основную тяжесть по обеспечению новопостроенных крепостей продовольствием и были обязаны в необходимых случаях пополнить ряды мелких служилых людей и посадского населения.

На территории Башкирии дворцовые села являлись своего рода попутчиками, а иногда и основой будущих городов-крепостей. Так, вскоре после основания Уфимской крепости рядом с ней возникают поселения дворцовых крестьян. В 1604 г. впервые появляются дворцовые крестьяне, которым были отведены земли близ Уфимской крепости. Они основали поселение, которое находилось к северу от Уфы, неподалеку от Шугуровской деревни, и в отводных книгах 1621 г. фигурирует как Новая слобода[1]. Дворцовые крестьяне Новой слободы впоследствии вошли в состав жителей г. Уфы. Примерно к 20-м годам XVII в. относится выделение из Новой Уфимской слободы Максимова починка, переименованного позже в деревню Кадомцево. Но эта деревня вскоре превратилась в село, изменила свое название и стала называться селом Богородским[2].

Непосредственные отношения московского правительства с социальной верхушкой башкирского общества устанавливаются после падения Казанского и Астраханского ханств в процессе признания башкирскими биями российского подданства. В русских источниках, составленных во второй половине XVI и в XVII вв., башкирские бии и тарханы называются «князьями». Они представляли собой правящую верхушку башкирских этнотерриториальных образований, которые условно можно сравнить с княжествами периода феодальной раздробленности на Руси.

В условиях политической раздробленности, сохранившейся со времен господства Золотой орды, каждый башкирский бий принимал российское подданство лично. Исключение составили представители юго-восточных башкир. «Лучшие люди» четырех родов: «усерган», «бурджан», «кыпчак», «тамьян» – отправились

[1] Текст «Отводной книги по Уфе». // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. С. 270-271.

[2] *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII-XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. – М., 1988. С. 91.

к царю Ивану, но представляли они интересы семи родов. Царь, который «их прихода он и сам потребовал», «принял на добровольную верную службу башкирский народ и взял его под свое покровительство. Потом наградил их, пожаловав их в тарханское достоинство», – так сами башкиры излагали события тех лет[1].

По сохранившейся в башкирском обществе средневековой традиции принятие российского подданства воспринималось башкирскими биями как переход на службу к более сильному сюзерену – московскому государю. Главной обязанностью «вассально-зависимых» башкир считалась военная служба. Башкиры всегда были хорошими воинами: каждый мужчина с пяти лет учился верховой езде и военному делу. В обстановке частых вооруженных столкновений с соседями они придавали большое значение охране собственных границ и отражению набегов извне. Существовала строгая военная организация, караульная служба, разведка, четко разработанная система оповещения населения в случае опасности.

Российское государство подчинило традиционную военную организацию коренного населения своим нуждам. Башкиры должны были участвовать во всех войнах России, нести сторожевую службу по охране юго-восточных границ[2]. Службу башкиры несли за свой счет, и она обходилась намного дороже, чем весь годовой ясачный оклад. Несмотря на это, военная служба считалась почетной обязанностью, так как была тесно связана с социальным статусом башкир. На служебно-иерархической лестнице Российского государства они составляли особую группу военно-служилого сословия, которая может быть сопоставима по своему положению со служилыми людьми «по отечеству», а не с приборными людьми. Командные должности в башкирских войсках занимали наиболее уважаемые башкирские князья-тарханы, которые непосредственно подчинялись уфимскому воеводе.

Внутривойсковая организация в почти неизмененном виде сохранилась вплоть до второй половины XVIII в. Кроме участия

[1] Башкирские родословные. – Уфа: «Китап», 2002. С. 150-151.

[2] *Буканова Р.Г.* Военное искусство башкир в XVII веке. // Культура Башкирии: история и современность. – Уфа, 1993. С. 97-98.

в войнах и «обереганья государевых ясачных волостей» башкиры выполняли различного рода поручения, требовавшие знания местных условий, образа жизни и традиций коренных жителей и соседних народов: участвовали в дипломатических посольствах России в восточные ханства, ходили по «сакме», то есть по следу неприятеля, служили в качестве толмачей (переводчиков и толкователей указов) и «вожей» (проводников) в разъездах[1]. Если выплата ясака и военная служба являлись прерогативой башкир, то остальные повинности, такие как почтовая, подводная и другие, внутри башкирской общины, как правило, возлагались на тептярей – безземельных башкир.

Социальная структура башкирского общества определялась коллективной собственностью на землю. По жалованным грамотам Ивана Грозного все земли, которые башкиры занимали до принятия российского подданства, были оставлены в их вотчинном владении. Обязательная военная служба и уплата ясака, как было отмечено выше, были тесно связаны с вотчинным правом на землю.

У.Х. Рахматуллин, изучавший башкирские ясачные книги 1632-1633 гг., установил, что «ясак давал плательщику вотчинное право на используемую им площадь» и передавался вместе с вотчиной по наследству. Причем, «даже в тех случаях, когда башкир делил ясак между своими припущенниками, для государства он оставался единственным плательщиком». При этом размер ясака не зависел от площади земли. Башкиры свободно распоряжались вотчинными землями: могли поселить припущенников, сдавать в аренду, продавать, передавать по наследству. Несмотря на то, что к середине XVII в. их владельческие права были ограничены, башкирская община всегда строго охраняла свои вотчинные права[2]. Кроме того, что вотчинное право являлось своего рода символом экономической и политической независимости, вотчина составляла материальную основу военной (государственной) службы, которая в средние века считалась прерогативой аристократии.

[1] Там же. С. 99.

[2] *Рахматуллин У.Х.* О некоторых особенностях ясака в башкирской общине. // Исследования по истории Башкирии XVII – XIX вв. – Уфа, 1973. С. 8-9.

Можно предположить, что и ясак в это время являлся одним из неизменных атрибутов в выстраивании отношений с верховным правителем: башкирский ясак, по своей природе отличавшийся от ясака народов Поволжья, ставил башкир в особое, привилегированное положение.

Юридически закрепив за башкирами вотчинные права на занимаемые земли своими жалованными грамотами, царское правительство вплоть до начала XVIII в. выступало гарантом соблюдения этих прав, а это в реальности означало предоставление почти полной экономической самостоятельности внутри башкирского общества.

Начиная со второй половины XVI в. в Башкирии происходит динамичный рост численности населения, как за счет естественного прироста, так и за счет притока его извне – после падения Казани большое число тюркоязычных мусульман (татары, чуваши) бывшего Казанского ханства нашли прибежище в Башкирии. Неподсудность башкирских биев и тарханов, отсутствие крепостного права привлекали не только мусульманское население. Уже к концу XVI в. на территории Башкирии проживали как русские дворцовые крестьяне и служилые люди, так и мордва и другие представители финно-угорского населения Поволжья. Они селились в башкирских вотчинах на условиях припуска, в источниках и исторической литературе они называются «припущенниками». Особую группу населения составляли мишари, которые относились не к податному, а к военно-служилому сословию.

Хозяйственная деятельность башкир была обусловлена не только тем, что военное дело было их главной прерогативой, но и природно-климатическими условиями Волжско-Уральского региона. Природа Башкортостана создавала благоприятнейшие условия для развития земледелия, скотоводства, бортничества и пчеловодства, охоты, а также для разработки полезных ископаемых. Первый историк Оренбургского края П.И. Рычков писал: «Что касается довольства сея провинции, то во всей Российской империи едва сыщется ли другая, которая б всем нужным к житию человеческому

избычествовала как Уфинская...»[1] Он же пишет о хозяйстве башкир: «Башкирский народ к пашне не склонен. А хотя некоторые из них и сеют, но токмо про свою нужду, и то малое число. Пропитание свое имеют они по большей части от содержания лошадей и бортных угодий... Главная экономия уездных обывателей, особливо у башкирцев, состоит в конских заводах, в содержании скота и бортевых пчел»[2]. П.И. Рычкову вторит воевода и вице-губернатор Уфимской провинции П.Д. Аксаков: «Хлеба пахать не охотники, а большая часть довольствуетца мясом и крупою, молоком... и пьют и с кобылья и коровья (молока) квашеный называемый кумыз»[3].

Наблюдавший жизнь башкир в конце 60-х – начале 70-х гг. XVIII в. участник академических экспедиций И.Г. Георги свидетельствует: «Главный промысел башкирцов есть скотоводство, но притом упражняются они несколько в землепашестве, звериной ловле»[4].

Итак, на протяжении XVII – первой половине XVIII в. скотоводство остается по-прежнему основой башкирского хозяйства. Наряду с этим жители занимались бортничеством, земледелием и охотой. Если в лесостепной зоне преобладало скотоводство, то в черноземных районах широко было распространено земледелие. Эта разница была подмечена кунгурским бургомистром Юхневым, который с секретной инструкцией от начальника Главного правления горных заводов Г.В. Генина в середине 20-х гг. XVIII в. был отправлен в Башкирию для описания башкирских волостей и родов. Под видом торговца мелкими товарами он пробыл в поездке с ноября 1725 г. по март 1726 г. Результатом его поездки стало «Секретное уведомление о башкирском деле», представленное им Г. В. Генину. Несмотря на то, что «в ыных местах башкиры оного Юхнева к себе в жилища не пустили и подвод не дали», ему удалось самому и через подставных лиц добыть некоторые сведения

[1] *Рычков П.И.* Топография Оренбургская… Ч. 2. С. 216.

[2] *Рычков П.И.* Указ. соч. Ч. 1. С. 201-202; Ч. 2. С. 216.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. № 568. – М.-Л., 1949. С. 526-527.

[4] Цит. по кн.: *Акманов И.Г.* Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. – Свердловск, 1991.

о башкирах[1]. Так, он собрал данные о количестве дворов и душ в 60 волостях Башкирии по Сибирской, Ногайской, Казанской и Осинской дорогах, особо обратив внимание на характерные черты хозяйственной жизни и быта жителей разных дорог.

О занятиях жителей самой обширной Ногайской дороги он писал: «При оной дороге не пашут, хотя и довольно пахотной земли есть, сенных угодий много ж, также скота и зверей довольно... Едят лошадиное мясо и пьют из молока зделанное питье, також де у них есть мед и воску довольно...»[2]

О хозяйстве башкир Сибирской дороги читаем у того же Юхнева: «Сенных покосов множество и пашенная земля, на которую они навозу никогда не кладут, однако силен родитца ячмень да крупа, которые в тех местах сеют, а рожь не сеют и хлеба не едят, но только лошадиное мясо, а пьют кумыс, которое питье зделано из лошадинева молока... Скота довольно, а именно: верблюдов, лошадей, коров, овец».

Хозяйство башкир Казанской дороги Юхнев характеризует так: «Пахотной земли и сенных покосов довольно имеют. Они сеют рожь и всякий хлеб без навозу, и та дорога кормит Уфу. Они имеют дворы хорошие, токмо половина из них летом кочует в степи, едят хлеб и лошадиное мясо, скота у них довольно... меду и воску много».

Жителей Осинской дороги Юхнев описывает так: «При оной живут башкирцы в домах... Хлеба имеют много и пашни и летом не кочюют в степи, но по домам живут, как русские. Скота у них не так много, как у протчих, сена косят много. Меду и воску довольно»[3].

В 1769-1771 гг. было проведено исследование территории Южного Урала академической экспедицией П.С. Палласа[4]. О хозяйстве башкир Исетской провинции П.С. Паллас писал следующее: «Пре-

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. № 546. – М.-Л., 1949. С. 483-487.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. – С. 483-487. Док. № 546.

[3] Там же.

[4] *Буканова Р.Г.* Комплексное исследование территории Башкортостана академической экспедицией П.С. Палласа (1769-1774 гг.). // История науки и техники. № 4, спецвыпуск № 1. 2012. С. 139-142.

изрядныя и тучныя и плодоносныя степи, по всей южной стороне Истетской провинции простирающиеся, дают к заведению лошадиных стад такую способность, что нередко здесь сыскать владельцев, кто по нескольку сот лошадей имеют, а есть и такие, коих богатство в сём от 2 до 4 тысяч лошадей простирается».

Таким образом, материалы, относящиеся к башкирам разных дорог, позволяют сделать вывод о том, что характер экономической деятельности башкир зависел от природно-климатических условий и социального статуса. В лесостепной зоне на Ногайской дороге, например, преобладало скотоводство, в лесных районах занимались бортничеством, а также были зоны, где преобладало пашенное земледелие и другие виды хозяйственной деятельности. Военная служба – одно из основных занятий башкир – также накладывала свой отпечаток на развитие той или иной отрасли хозяйства, – в частности, коневодства и ремесленного производства.

Хлебопашество являлось основной отраслью хозяйства русского, татарского, чувашского, марийского, удмуртского, мордовского населения края. Наилучшими хлеборобами были русские крестьяне, вслед за ними шли чуваши, марийцы, мордва, удмурты. П.И. Рычков утверждает, что «... к земледелию прилежат из них многие не меньше, но едва ль и не больше российских». Одни исследователи выделяют в этом отношении мордву, а другие – удмуртов. О татарах П.И. Рычков пишет, что «... в земледелии многие из них привычны и сведущие». Однако, по наблюдениям П.Р. Рычкова, мишари по уровню своего земледельческого хозяйства уступали всем перечисленным выше народам. Очевидно, потому, что они так же, как и башкиры, относились к военно-служилому сословию.

Основные тенденции социальной динамики и хозяйственно-культурной адаптации в зоне фронтира можно проиллюстрировать на примере населения, оказавшегося вблизи русских укрепленных линий, где шли интенсивные процессы миграции из внутренних российских областей и адаптации новопоселенцев к новым условиям. На территории Уфимского уезда одной из первых фронтирных зон можно назвать территорию южнее нижнего

течения р. Кама, то есть район Закамской черты XVII в., где складывались те же социально-экономические отношения, которые были характерны для центральной части России.

Прежде рассмотрим социальный статус нерусского населения Закамья. По своему сословно-правовому положению оно не было однородным. Феодально-зависимое население было представлено ясачными и так называемыми «подымовными» людьми. Ясачные люди, помимо других повинностей, платили государству ясак, а подымовные люди вносили в казну определенный денежный и хлебный оброк. Господствующая верхушка нерусского населения составляло особую группу военно-служилого сословия русского государства. В дореволюционной исторической литературе для обозначения данной группы применялся термин «служилые инородцы».

В рассматриваемое время наметилась четкая дифференциация не только в общей массе нерусского населения, но и в среде господствующего класса. Бывшая местная аристократия и знать, продолжавшая сохранять господствующее положение, заняла соответствующее место на служебно-иерархической лестнице русского государства. Наибольшими привилегиями пользовались те из них, которые приняли православную веру. Документы второй половины XVI и начала XVII в. называют их «новокрещенами» и выделяют из среды некрещеных «князей», «мурз», «тарханов», а также «служилых татар», находившихся на русской службе.

Новокрещены представляли собой наиболее привилегированную группу служилых людей из среды местного нерусского населения[1]. Данная группа по своим юридическим признакам стояла гораздо ближе к русским служилым людям «по отечеству», нежели «по прибору». Они были освобождены от уплаты ясака, им были

[1] См.: *Чернышов Е.Н.* К вопросу о связи Волжско-Камского края с Российским рынком в XVII веке. // Известия КФ АН СССР. Серия гуманит. наук. Вып. 1. – Казань, 1955. С. 37-51; Он же. Татарская деревня второй половины XVI и XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Рига, 1963. С. 174-181; Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах. // Сборник аспирантских работ. Право, история, филология. – Казань, 1964. С. 58-64; Ермолаев И.П. Указ. соч. С. 11-12.

предоставлены лучшие земельные угодья[1]. Среди них особое место занимали крупные вотчинники, происходившие из потомственных аристократических родов и имевшие значительные земельные угодья и крепостных крестьян. Наряду с соплеменниками, новокрещены-вотчинники также имели право привлекать на свои земли русское крестьянское население[2]. Они пользовались наследственными правами. Так, например, после смерти потомственного князья Василия Асанова, перешедшего в православную веру, его вотчинами «за Камою рекою на Нагайской стороне», «бортными ухожьями», «бобровыми гонами» и «рыбными ловлями» стали владеть его сыновья Яков и Федор[3].

В писцовой книге Казанского уезда И. Болтина имеется интересная запись, рассказывающая о форме эксплуатации Я. Асановым унаследованных им вотчинных земель. Бобровыми гонами и рыбными ловлями владел сам князь Яков. В документе говорится, что «рыбу ловят и бобров гоняют на него его, князя, Яковлевы люди. А бортный ухожей и по записи 97-году отдает он на оброк Свияжского уезда з горные стороны чюваше Якушу да Курмашу Мулозяневым, да Бускейку да Мазет Девлебыхтееву»[4].

Службу новокрещены несли совместно с русскими служилыми людьми в крепостных гарнизонах, а в военное время – в войске. Так было не только в Казанском крае. Известный историк С.В. Бахрушин отмечал, что, к примеру, в Красноярске в течение XVII в. список служилых людей постоянно пополнялся «новокрещенами»[5]. Новокрещены, имевшие почти одни и те же права, что и русские служилые люди, постепенно вливались в состав русского дворянства.

[1] *Григорьев А.Н.* Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии. // Материалы по истории Татарии. Вып.1. – Казань, 1948. С. 228.

[2] *Чернышов Е.П.* Татарская деревня... С. 177-179.

[3] История Татарии в материалах и документах. – Казань, 1937. С. 168-169; Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Т. IV. – Симбирск, 1904. С. 218-219, 227-231.

[4] Писцовая книга Казанского уезда 1602-1603 годов. С. 67.

[5] *Бахрушин С.В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. Т. IV. – М., 1959. С. 64-65.

Документы позволяют нам полнее представить другую группу туземной феодальной знати – некрещеных служилых людей, которые являлись главной опорой центральной государственной власти в управлении местным нерусским населением. Практически она включала все феодальное сословие края. В Закамье мы встречаем служилых башкир, татар и чуваш. В документах они назывались «служилый татарин» или просто – «чувашенин». Башкирские феодалы – их к этому времени в Закамье оставалось не так много, продолжали сохранять свои прежние звания: «князь», «тархан» и другие. Применительно к башкирам и мишарям термин «служилый» не использовался.

Нуждаясь в содействии феодальной верхушки коренного населения, московское правительство должно было сохранить за ней привилегированное положение. Бывшие князья, тарханы и мурзы, перейдя на положение служилых людей Русского государства, сохранили принадлежавшие им до прихода русских земельные владения. В некоторых случаях правительство само наделяло их землями и даже назначало определенное денежное и хлебное жалование[1].

В первой половине XVII в. в Закамье находились крупные земельные владения местной знати. Так, например, старинными вотчинами и бортными ухожьями своего отца в верховьях р. Малого Черемшана владел служилый татарин Москов Хозяшев[2]. В сороковых годах XVII в. в обмен на поместную землю на Арской дороге Казанского уезда приобрел «пустошь по-Мензеле-речке» служилый татарин Алей Емашев[3].

На р. Ик находились вотчинные владении башкирского князя Акбулата Сулейманова. Он принадлежал к высшей категории туземной феодальной знати. Наряду с княжеским титулом он имел звание тархана, то есть был освобожден от уплаты ясака. Князь А. Сулейманов был одним из организаторов обороны юго-восточных рубежей Русского государства от набегов калмыков и но-

[1] *Бахрушин С.В.* Сибирские служилые татары XVII в. // Исторические записки. Т. 1. – М., 1937. С.71-72.

[2] История Татарии в материалах и документах. С. 196.

[3] Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1. Ч. 2. С. 34-35.

гайцев. Кроме того, документы характеризуют его как активного политического деятеля из среды местного населения. Это видно из царской грамоты, адресованной казанскому воеводе, князю Д.А. Долгорукову. В ней говорилось: «А башкирские челобитчики, тархан, князь Акбулат Селеменов... с товарыщи, которые... были на Москве, били нам челом вместе всех уфинских тарханов и ясачных людей...»[1] Таким образом, представляя собой феодальную верхушку коренного населения, князь А. Сулейманов в своем новом положении служилого «князя» Русского государства продолжал играть видную роль в башкирском обществе.

Положение служилого нерусского населения Закамья было далеко не одинаковым. Это выражалось не только в размерах их земельных владений, но и в характере их службы. Как видно из челобитной служилого «чувашенина» деревни Саралань Ногайской дороги Казанского уезда Ишмаша Меличева, он в 1651-1652 гг. был привлечен к строительству Закамской черты и «был у того валового дела в вожах», «отделывал» черту «до межи своей, до вотчины», а еще станичники брали его «с собою в степь... в вожи к проезжим станицам»[2]. Положение основной массы служилых людей нерусского происхождения ухудшалось по мере государственного освоения территории их проживания.

Вплоть до сооружения Закамской черты и укомплектования гарнизонов городов-крепостей, служилая верхушка нерусского населения являлась основной военной опорой правительства в крае. Их обязанности были достаточно разнообразными. В качестве «вожей» они посылались в проезжие станицы, использовались для «обереганья государственных ясачных волостей», ходили «по сакме» за неприятелем, помогали в строительстве городов и укрепленных линий, а также участвовали в составе специальных корпусов в дальних походах. Правительство использовало их также для различного рода поручений, требовавших знания местных условий и связей с коренными жителями: в качестве переводчиков и цело-

[1] РГАДА. Калмыцкие дела. 1648 г. Д. 1. С. 52-53.

[2] Акты..., собранные С. Мельниковым. Ч. 1. С. 44-45.

вальников. В общих чертах такая система военной организации существовала повсюду, где имелось местное туземное население.

На южнорусской окраине была совершенно иная картина. Служилое сословие там формировалось, главным образом, за счет русского населения, переселившегося из центральных уездов России.

Следует отметить, что присоединение и освоение новых территорий в России всегда сопровождалось массовым перемещением русского православного населения из центра на окраины. В качестве «колонизационного материала» первоначально выступали служилые люди, которые прибирались из «охочих» людей или переводились из других городов. В XVI-XVII вв. они размещались только в городах-крепостях. Первые несколько лет, пока новопоселенцы обустраивались, им выдавалось денежное жалованье, а затем отводились земли. С этого времени служилые люди, прикрепленные к земельным дачам как к источнику существования, превращались в постоянных жителей края.

Русское население стало активно осваивать территорию юго-восточного фронтира с конца XVI в. Вольная народная колонизация не встречала сопротивления со стороны местного населения, – более того, в башкирских вотчинах скрывалось немало беглых крепостных крестьян. Наиболее многочисленной группой русского населения юго-восточного фронтира на протяжении XVI-XVIII вв. были дворцовые крестьяне и военно-служилое население городов-крепостей. В условиях малочисленности населения состав последних пополнялся за счет представителей других этносов: приняв православие, многие становились русскими.

Под защитой Уфимской крепости на протяжении конца XVI – первой половины XVII вв. на территории Башкирии появляются дисперсные очаги русской колонизации: укрепленные слободы и дворцовые села.

Особое место среди русских поселений Уфимского уезда принадлежало Ново-Никольской слободе. Она возникла в 1591 г. на самой окраине Башкирии на месте древнего городища в трех километрах от р. Камы, при впадении в нее р. Осинки. Первона-

чально это было обычное дворцовое село, основанное слободчиками – выходцами из Калужского уезда, братьями Н.Г. и Ф.Г. Калугениными. В 1596 г. в окрестностях Ново-Никольской слободы не было еще ни одного русского поселения. Здесь в конце XVI в. жили башкиры, которые платили ясак мехами, медом и деньгами. Новое поселение с самого начала своего существования становится административным центром для населения окрестной территории — дворцовой Осинской волости. В Ново-Никольской слободе находились представители дворцовой администрации. В 1615 г. в слободе, которая стала называться «Осинской Никольской дворцовой слободой» (иногда – «Ново-Осинской Никольской слободой»), управлял приказный человек Владимир Головин. В 1621 г. Осинская слобода была уже защищена острогом и рвом. Через некоторое время здесь появляются еще 3 деревни и 2 слободы. Но в последней четверти XVII в. в слободе уже более половины населения составляли военно-служилые люди. По мере освоения новых земель происходит динамичный процесс изменения социально-правового статуса как местного населения, так и старожилов.

Другой очаг русской оседлости в Уфимском уезде – дворцовое село Чалны в бассейне р. Чалны, левого притока р. Камы – был основан в 1626 г. выходцами из Казанского уезда елабужскими дворцовыми крестьянами. Постепенно вокруг Чалнов появляются другие села и починки. В Уфе внимательно следили за миграционными процессами в уезде, периодически посылая дворян для переписи населения. В 1643 г. из Уфы для переписи чалнинских крестьян был послан Михаил Артемьев, по подсчетам которого там проживало 449 человек. Спустя три года в бассейне р. Чалны находилось уже 8 сел и деревень и несколько починков[1].

Одновременно с Закамьем осваивается и северо-восточная, зауральская часть Башкирии. Падение Сибирского ханства открыло перед Россией путь в Сибирь. На протяжении первой половины XVII в. успешно осуществляется правительственная, монастырская и крестьянская колонизация территории бывшего Сибирско-

[1] РГАДА. Ф. 1173. Д. 139. Л. 3-4; Ф. 1209. Кн. 6468. Л. 162-163.

го ханства, усиливается приток переселенцев на Средний Урал и в Зауралье. Под натиском русской правительственной колонизации местное население было отодвинуто к югу от своих давних охотничьих и рыболовных угодий по рекам Исети и Пышме. Почти беспрепятственно стали появляться крепости, остроги и монастыри. В первой половине XVII в. по р. Исети были построены: Катайский острог (1646-1651), крепость Красный бор (1649 г.), Исетский острог (1650 г.), в том же 1650 г. был заложен Колчеданский острог. Во второй половине XVII в. вдоль р. Исеть и его правым притокам Миасу, Тече, Синаре появляется множество новых слобод: Усть-Миасская, Окуневская, Чумляцкая, Белоярская, Верхне-Миасская, Крутихинская, Верхне-Теченская, Багаряцкая слобода и другие.

В первой половине XVII в. миграционные процессы начинают проникать вглубь Башкирии. В 40-х гг. XVII в. на берегу р. Белой появляется дворцовое село Архангельское, которое было основано на земле башкир Шамшадинской и Калнинской волостей возле озера Шамшадинское (о. Шамсутдин) пришлыми дворцовыми крестьянами и бобылями Осинского уезда. Позднее оно сменило свое местоположение и получило еще одно название – Бирь, от реки Буре (слово «буре» в переводе с башкирского языка означает «волк»). По данным переписи 1647 г., в с. Архангельском насчитывалось 28 крестьянских и бобыльских дворов.

Монастырская колонизация земель, населенных мусульманами, не получила широкого распространения. Первые монастыри появлялись либо на внешних границах инородческих земель, либо под защитой крепостей и укрепленных линий. Одним из первых монастырей в этом регионе был Долматов монастырь, построенный в 1644 г. близ р. Исеть.

Заселение юго-восточного фронтира носило сложный и противоречивый характер. Первоначально осваивались, в основном, относительно безопасные районы и традиционные пути продвижения вглубь Уфимского уезда. Западная часть Закамья, где проходили пути вторжения ногайцев и калмыков, была заселена слабо. Одновременно с притоком населения шел отлив некоторой его части далее на юго-восток, вглубь Уфимского уезда, и в обратном направлении – в Казанский уезд. Это было обусловлено как усилением эксплуатации в крае в результате активизации правительственной колонизации, так и неустойчивостью военно-политической обстановки на юго-восточных рубежах Российского государства.

Горнозаводская колонизация

Добровольное признание российского подданства при Иване Грозном не оградило от притязаний на богатые башкирские земли со стороны Строгановых, Демидовых и других предприимчивых людей. С эпохи Петра I начинается государственное освоение недр Уральских гор, строительство казенных горных заводов на Среднем Урале. В конце XVII – начале XVIII вв. на территории Башкирии появились металлургические заводы. Инициатива их строительства принадлежала казне. В 1700-1701 гг. основывается Каменский железный, в 1702-1704 гг. – Уктусский медножелезный, в 1723-1724 гг. – Полевский медный, в середине 30-х гг. – Сысертский и Полевский железные заводы. В 30-40-х гг. появляются Ревдинский, Верхний и нижний Сергиевские заводы, принадлежавшие А.Н. Демидову. На севере Башкирии возникают Юговский, Бымовский и Амапский медные заводы. На территории Казанской и Ногайской дорог основываются Шильвинский, Имтеряковский и Воскресенский медные заводы. Всего за первую половину XVIII в. на территории Башкирии было построено 15 казенных и частных предприятий. Вокруг них появляются поселения горнозаводских крестьян.

Население северных башкирских волостей (ныне – территории Пермской и Свердловской областей) оказалось втянутым в процесс горнозаводской колонизации, но не в качестве горнозаводских крестьян, а в качестве рудознатцев и рудопромышленников. Так, по данным Н.М. Кулбахтина, в 1773 г. из 373 пермских рудопромышленников 360 были башкиры Гайнинской волости, 10 –

русские предприниматели и 3 – кунгурские татары[1]. Среди них были знатные башкиры: Мамет (Мухамет) Тасимов, его сыновья Исмагил и Мухаметрахим, внуки – сыновья Исмагила и Мухаметрахима. Им принадлежали 234 из 310 рудников, обеспечивающих работу Юговских и других соседних казенных заводов. Верхний и Нижний Юговские медеплавильные заводы были основаны на р. Юг в 1734 г. на землях башкир Гайнинской волости. Следует отметить, что промышленная модернизация России в XVIII в. как раз начиналась на Урале при непосредственном участии в этом процессе коренного населения – башкир.

Социальная структура населения юго-восточного фронтира нуждается в специальном исследовании. Здесь же мы ограничимся характеристикой наиболее приметных социальных групп юго-восточного фронтира, рассматриваемых через динамику численности населения.

В XVIII в. Волжско-Уральский регион подвергается широкомасштабной правительственной колонизации, обусловленной как внешнеполитическими, так и внутриполитическими факторами. Геополитические амбиции обер-секретаря Сената И.К. Кирилова, возомнившего себя Колумбом и добившегося организации Киргис-Кайсацкой (Оренбургской) экспедиции для открытия торгового пути в Индию через Башкирию и киргис-кайсацкие степи, обернулись для Башкирии социальной катастрофой. Экспедиция свою задачу не выполнила, но спровоцировала крупнейшее в истории башкирского народа восстание 1735-1740 гг. В результате, если в начале столетия царское правительство было озабочено проблемой сокращения численности башкирского населения, то во второй половине XVIII в., благодаря деятельности Оренбургской экспедиции, эта задача была в основном решена.

Особое беспокойство у царских чиновников вызывала притягательность башкирского общества для нехристианского населения Поволжья и беглых русских крестьян. Так, казанский губернатор А.П. Волынский видел опасность в том, что население

[1] *Кулбахтин Н.М.* Горнозаводская промышленность Башкортостана в XVIII веке. – Уфа: «Китап», 2000. С. 24

в Башкирии «непрестанно умножается и растет, так что чрез 20 прошедших лет не было прямых башкирцов больше 35000, или по крайней мере 40000, а ныне з беглецами стало больше 100000; а имянно казанские, сибирские, темниковские и протчих тамошних уездов ясашние татары большая половина в Башкиры перешли; к тому ж и протчие иноверцы, мордва, чуваши, черемиса, вотяки целыми селами и деревнями с ясаков туда ж перешли. И понеже за 30 лет прошедших не бывало нигде ясашных руских сел, но все были иноверцы, и разве изо ста один или два в котором селе крещены, а ныне множество таких сел, в которых уже и ни одного не сыщется иноверца, кроме самых русских. И сие зделалося таким образом, что те вышепомянутые иноверцы один за другим перешли чрез несколько лет в Башкиры, а на их места в ту ясашную подать набралися и поселилися беглые руские, как я о том от многих низовых помещиков единогласно слышал (нарочные имея о том разговоры). А ныне же и руских немалое число от подушных податей беглецов в Башкиры перешло...»[1]

В исследованиях по истории народонаселения Башкирии отмечается резкое возрастание, начиная с 30-х годов XVIII в., численности переселенцев[2], что привело к коренному изменению социальной структуры населения края.

В политике правительства по заселению территории Башкирии в 1730-1740-х гг. можно выделить несколько этапов.

— строительство и заселение Новой Закамской линии (1731-1736 гг.);

— заселением крепостей Самарской линии, построенных в ходе деятельностью Оренбургской экспедиции;

— переселенческая кампания 1739-1742 гг. – попытка заселить пограничные крепости малороссийскими черкасами;

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII – первой половине XVIII вв. № 134. – М.-Л., 1936. С. 302-306.

[2] *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII-XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. – М., 1988. С. 58-60, 104-120; Кабузан В.В. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. – М.,1992. С. 41- 43, 168, 176, 188; Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. – М., 1992. С. 134-143; и др.

— переселенческая политика первого губернатора новообразованной Оренбургской губернии И.И. Неплюева.

Каждый из этих этапов означал новую волну в продвижении внутренних границ фронтира (внешней границей фронтира, как мы установили выше, являлся ареал расселения российских подданных – башкир). Особенности этапов были обусловлены как военно-политическими, так и экономическими причинами.

Первую крупную волну переселенцев составили служилые люди из крепостей старой Закамской черты, переведенные на Новую Закамскую линию, построенную в 1731-1736 гг. Новая Закамская линия, протянувшаяся от пригорода Самары – Алексеевска, окаймляла Башкирию с запада. В 1734-1736 гг. на линии было размещено 36 рот конных и пеших военнослужащих: 26 конных рот (по 102 чел. в каждой роте) – всего 2652 чел., 10 пеших рот (по 156 чел. в роте) – 1560 чел.[1] Общая их численность составила 4212 человек. Если учесть членов их семей, то по самым минимальным подсчетам это свыше 13 тыс. чел.

Служилым людям, поселенным при крепостях, фельтшанцах и редутах Новой Закамской линии были отведены земли под дворы, огороды, гумна и под пашню, а также сенные покосы и лесные угодья. В общих полях давались также наделы их братьям, племянникам, детям и помощникам, и сверх того ещё по несколько пустых участков оставлялось для тех, «у которого лантмилица и у помощника братья, и дети, и племянники подрастут и в службу явятся годные»[2]. При тех же крепостях отводились участки для строительства и штаб- и обер-офицерских домов. И, наконец, одновременно обеспечивались усадебной и пашенной землей, сенокосными угодьями церковные служители, самарские казаки и др.[3]

К 1736 г., в связи с основанием Оренбурга и других крепостей по Самаре и Яику, линия теряет свое стратегическое значение. Служилые люди Новой Закамской линии вместе с уфимскими и самарскими городовыми казаками были расселены в новопостро-

[1] РГАДА. Ф. 1209, Оп. 2. Кн. 6538. Л. 240-559-об.

[2] Там же. Л. 262.

[3] Там же. Л. 261, 454-456.

енных городах-крепостях по Самарской линии. В 1739-1742 гг., с целью заселения новопостроенных крепостей вдоль южных границ Башкирии, царским правительством была организована широкомасштабная переселенческая кампания. Указ 20 августа 1739 г. о приеме на поселение в новопостроенные крепости добровольцев из черкас был опубликован и разослан в малороссийские села. Для вербовки людей в Малороссию была послана команда во главе с капитаном Алексеевского пехотного полка Качаловым[1]. Черкасы стали целыми деревнями записываться для поселения в Оренбургском крае. Начиная с 1741 г. они партиями стали отправляться на новые места жительства близ г. Оренбурга. Согласно сохранившемуся в ГАОО списку, сюда прибыло 698 семей из Полтавского, Сумского, Харьковского, Прилуцкого, Переяславского, Галицкого, Лубянского и Нежинского полков,[2] однако среди них было много и крестьян.

В.А. Урусовым, занимавшим в то время должность начальника Оренбургской комиссии, для помощи переселенцам была учреждена специальная экономическая контора. Новопоселенцам устанавливалось двойное жалованье; были предоставлены и другие льготы: освобождение от несения военной службы, возможность заниматься промыслами, торговлей и другими видами хозяйственной деятельности. Однако малороссийские черкасы оказались не приспособленными к суровым климатическим условиям края. Правительство было вынуждено разрешить им либо вернуться на родину, либо поселиться на менее опасных местах. Подавляющее большинство украинцев вернулось обратно, а часть их поселилась на р. Большая Кинель, основав там Черкасскую слободу. На всю эту переселенческую кампанию казна потратила более тридцати

[1] *Перетяткович Г.И.* Малороссияне в Оренбургском крае при начале его заселения (По рукописным документам Архива Министерства Юстиции). – Одесса, 1888. С. 1-25; Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 2. Казань, 1897. С. 466-468; Попов С.А. Из истории поселения украинцев в Чкаловской области. // Великая дружба. Сборник общественно-политических и литературно-художественных произведений, посвященных 300-летию воссоединения Украины с Россией. – Чкалов, 1954. С. 62-64; Бабенко В.Я. Украинцы в Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. – Уфа, 1992. С. 12-18.

[2] ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 50-об.

тысяч рублей, но из-за непродуманности и неподготовленности она была обречена на провал. Также безуспешно закончилась попытка переселить сюда на поселение черногорцев.

В 1740-1741 гг. возникли поселения по южной границе Башкирии и в Зауралье. В 16 крепостях по рекам Самаре и Яику было поселено 6199 человек обоего пола. Кроме 1245 человек, которые несли военную службу, получая за это соответствующее жалованье, и членов их семей, имелись лица без определенного статуса. Это «закомплектные, которые в службе быть неспособны», «остаточные казаки, которые за старостию и дряхлостью от той службы оставлены», присланные на поселение отставные солдаты, еще не определенные в службу «казачьи свойственники», а также вдовы и дети умерших казаков[1].

После учреждения Оренбургской губернии начинается реализация нового проекта заселения Башкирского края, разработанного И.И. Неплюевым еще до назначения его на должность губернатора. Проект был рассмотрен и утвержден Сенатом 22 сентября 1743 г. Главное внимание теперь было направлено на привлечение населения в Уфимскую и Исетскую провинции. По выражению В.Н. Витевского, исследователя жизни и деятельности И.И. Неплюева, «самый обильный материал» для этой цели составили ссыльные и приговоренные к ссылке люди. «Но этот обильный в количественном отношении колонизационный элемент оказался мало пригодным для края по его внутренним качествам ..., – замечает он, – между ними было много не пригодных к службе и работе по своей нравственной испорченности»[2]. Однако И.И. Неплюева нравственная сторона переселенческого процесса интересовала мало.

В марте 1744 г., по ходатайству И.И. Неплюева, Сенат вновь подтвердил свое прежнее решение о направлении в Оренбургский край тех из купеческих, мастеровых и ремесленных людей, которые подлежали за свою вину к ссылке в Сибирь и на заводы. В принудительном порядке вместе с ними отправляли их жен и детей. По замыслу правительства, они должны были заняться здесь

[1] ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 48-50.

[2] *Витевский В.Н.* Указ. соч.

торговлей и промыслами, поэтому их обеспечивали землей и на три года освобождали от всяких сборов и рекрутской повинности. Однако вскоре оказалось, что те из ссыльных, которые были освобождены от казенных работ и находились на поселении, «живучи на воле и, не платя никому никаких податей, от праздности впали только в воровство и в другия непотребства»[1]. Поэтому было решено употребить их за определенную плату в помощь бобылям и тептярям «на городовых работах». Следует отметить, что все это осуществлялась на фоне репрессивной политики по отношению к коренному населению и запрета местным жителям заниматься торговлей и промыслами.

Большую группу переселенцев составляли беглые крестьяне, которые, спасаясь от тяжкого крепостного гнёта помещиков, оказались на далекой юго-восточной окраине государства. Вместе с гулящими и ссыльными людьми беглые крестьяне относились к той категории населения, которых называли людьми, «не помнящими родства». Уже к 1746 г. в Оренбургской губернии их насчитывалось более 700 человек. Несмотря на запрет принимать на поселение беглых частновладельческих крестьян, И.И. Неплюев не только покровительствовал беглым, но даже добился принятия Сенатом официального указа, которым было велено всех «не помнящих родства» отправлять в Оренбург. Беглые крестьяне селились не только в крепостях, но и отдельными слободами. Так, близ Бугульминской крепости ими были основаны несколько слобод, в которых к концу 50-х гг. XVIII в. проживало 3720 человек мужского пола[2].

Один из оренбургских исследователей XIX столетия генерал-майор И.В. Чернов в своих записках отмечал: «Неплюев заботился о колонизации Оренбургского края людьми всякого сословия; прибывший сюда народ, был ли это бродяга или беглый крепостной человек, оставался здесь навсегда на избранном месте – возврата не было»[3]. Кроме вышеперечисленных групп населения в

[1] Там же. С. 463-464.

[2] *Чернавский Н.* Оренбургская епархия в прошлом ея и настоящем. Вып. 1. // Труды ОУАК. Вып. VII. – Оренбург, 1900. С. 55-56.

[3] *Чернов И.В.* Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова. – Оренбург, 1907. С. 17-18.

край присылались разночинцы, незаконнорожденные, престарелые и отпущенные на волю холопы – из числа тех, кто не нес никакой службы и не платил подушный оклад.

В 40-х гг. XVIII в. к поселению в южных приграничных районах Башкирии И.И. Неплюевым стали привлекаться переселенцы нерусского происхождения – в частности, малороссийские крестьяне, торговые татары и другие. Это было отступлением от традиционной политики Российского государства, которое обычно старалось размещать в стратегически важных направлениях только православное русское население.

Подводя итоги истории заселения Оренбургского края в 30-40 гг. XVIII в., следует отметить, что именно в эти годы происходят важные изменения в социальной структуре населения края. Происходит существенное увеличение доли постоянного «городского» населения. Кроме драгун, солдат, черкас, новокрещен, записанных в казаки, в городах-крепостях селились также отставные чины, как офицерские, так и рядовые, которые впоследствии вошли в число городских обывателей. Происходят структурные изменения и в среде сельского населения края.

При рассмотрении социальной структуры населения Башкирии в середине XVIII в. наиболее запутанным является вопрос о численности коренного населения края в XVIII в. Попытки определить численность башкирского населения в XVII – первой половине XIX вв. предпринимались многими учеными[1]. Но наиболее подробно данный вопрос рассмотрен в книге А.З. Асфандиярова «Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.)»[2]. В основном, все авторы единодушны в том, что XVIII столетие характеризуется своеобразным «демографическим застоем» в башкирском обществе, и его причины связывают с «особенностью башкирского хозяйства, а также трагической (в то же время и героической) историей» народа[1]. В последнем случае речь идет о многочисленных потерях народа в результате подавления башкирских восстаний.

[1] *Юлдашбаев Б.Х.* Формирование башкирской нации. – Уфа, 1972; Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа, 1978; Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. – Свердловск, 1991; Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII – начала XVIII в. – Уфа, 1993; Абсалямов Ю.М., Кулбахтин Н.М. Численность, этносословный состав и размещение населения Южного Урала в конце XVIII – начале XIX в. // Очерки социально-экономической истории Южного Урала в XV-XX вв. – Уфа, 1994; Томашевская Н.Н. От социального пространства к социальному времени: Опыт этнической истории башкирского этноса в новое время. – Уфа, 2002; и др.

[2] *Асфандияров А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.) – Уфа, 2006. С. 171-192.

Если учесть, что регулярный учет населения России стал производиться только с петровских времен, то о более или менее полном учете населения не только на территории Башкортостана, но и в России в целом, говорить не приходится. На протяжении XVIII в. было проведено пять ревизий, в ходе которых производился, в основном, учет податного населения, подлежащего подушному обложению и воинской повинности: в 1719, 1743-1744, 1762-1763, 1782 и 1795 гг. Ни одна из ревизий, проведенных в XVIII в., не охватила всей территории и всего населения России. Не было полностью учтено и население Башкирии[2]. Так, первыми тремя ревизиями вообще не было охвачено башкирское население, которое не относилось к податному сословию. Исключались из ревизского учета и некоторые другие категории населения. Если принять во внимание то обстоятельство, что ревизии на территории Башкирии проходили в условиях острых социальных коллизий: башкирских восстаний, сопровождавшихся карательными мерами со стороны правительства (казни и физическое истребление участников восстания и их семей, крещение и раздача помещикам женщин и детей), а также миграции нескольких десятков тысяч башкир в Казахстан в поисках убежища, то к материалам ревизий следует относиться очень осторожно. Однако многие исследователи, занимающиеся этнодемографическими проблемами, продолжают опираться, главным образом, на абсолютные показатели численности населения по ревизиям, что не позволяет судить ни о действительных причинах резкого уменьшения численности башкирского населения в крае, ни о темпах миграционного процесса.

[1] Там же. С. 172.

[2] *Буканова Р. Г.* Материалы третьей ревизии (1762 г.) как источник по истории формирования городского населения Башкирии. // История Башкортостана по материалам всероссийских и всесоюзных переписей населения. XVI-XX вв. (Этнодемографические процессы в Башкортостане в середине XVI-XX вв.). – Уфа, 1999.

На ошибочность такого подхода к материалам ревизских сказок указывал В.М. Кабузан, отмечая, что при изучении численности населения Башкирии в XVIII в. необходимо тщательно учитывать разнообразные факторы, включая и изменчивость административных границ данной территории, которые до начала XIX в. не были постоянными.

Хотелось бы обратить внимание еще на одну причину, сказавшуюся на резком уменьшении численности коренного населения края в XVIII в., – это переход значительной части башкир в сословие тептярей. Тептяри по своему происхождению являлись продуктом социально-экономического развития башкирского общества[1]. Они относились к категории припущенников, то есть лиц, живущих в башкирских вотчинах на условиях «припуска»: по устной договоренности с башкирами или на арендованных у башкир землях. Среди припущенников наиболее многочисленную группу населения составляли тептяри и бобыли. Первоначально тептярами назвались обедневшие башкиры, не способные самостоятельно вести хозяйство и платить ясак, фактически вытесненные из общества вотчинников-башкир. Они были вынуждены оставаться в башкирских вотчинах, как правило, по устной договоренности, уплачивая богатым сородичам оброк или неся за них военную службу.

Постепенно в состав тептярей вливались беглые татары, чуваши, марийцы, мордва и удмурты, с которыми в большинстве случаев башкиры оформляли договоры и оговаривали условия припуска. О тептярях известный историк XIX в. В.Н. Витевский писал: «Тептяри – значит "поселенцы" или "новопришельцы"; они все смешанной крови и принадлежат народам отатарившейся расы, между которыми главное место занимают башкиры, а второстепенное – черемисы, чуваши и вотяки»[2]. Бобыли, среди которых было много башкир, беглых русских крестьян и представителей других народов Поволжья, заселялись явочным порядком без оформления арендных отноше-

[1] *Асфандияров А.З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.) – Уфа, 2006. С. 262-269.

[2] *Витевский В.Н. И.И.* Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758. Т. 1. – Казань, 1889. С. 118.

ний. В России бобыли относились к самой бедной части населения, не имевшего своего хозяйства и двора, но в Башкирии бобыли нередко обзаводились своим хозяйством. Как пишет А.З. Асфандияров, в начале XVIII в. бобыли составляли большинство припущенников, но впоследствии, по мере оформления с башкирами договорных записей о припуске, переходили в разряд тептярей[1]. Такие отношения башкир с припущенниками, обеспечивающие стабильность в башкирском обществе и имеющие устойчивый характер, складывались веками.

В первой трети XVIII в., в связи с введением в России, в том числе и в Поволжье, подушной подати, численность припущенников среди башкир быстро выросла. Государство несло двойной урон: с одной стороны, оно теряло своих налогоплательщиков в соседних уездах, откуда в Башкирию бежали от гнета ясачные татары, чуваши, марийцы, удмурты, а также русские крестьяне; с другой стороны, несмотря на быстрый рост численности башкирских припущенников, правительство не имело возможности увеличить размер взимаемого с башкирских вотчин ясака, так как башкирские припущенники, так же, как и сами вотчинники-башкиры, подушной податью не облагались.

Грубое вмешательство в традиционные отношения вотчинников-башкир и их припущенников было предпринято И.К. Кириловым – начальником Оренбургской экспедиции (комиссии). Одной из неотложных задач экспедиции, прибывшей в г. Уфу 10 ноября 1734 г., было выявление дополнительных источников доходов в Уфимской провинции и смежных с Башкирией губерниях: финансирование Оренбургской экспедиции и всех его мероприятий должно было осуществляться за счет так называемых «прибылых доходов», полученных в ходе деятельности экспедиции. Чтоб облегчить эту задачу, 5 июня 1734 г. выходит Высочайший Указ о пересмотре ясачного оклада башкирского населения. И.К. Кирилов назначается единственным распорядителем средств, взысканных им с местного населения и предназначенных для Оренбургской экспедиции. Впоследствии это было подтверждено Указом от 11 февраля 1736 г., в котором говорилось: «... Уфимские прибылые доходы отдать в пол-

[1] *Асфандияров А.З.* Указ. Соч. – С.263.

ную диспозицию оного Кирилова»[1]. Таким образом, открывалось широкое поле деятельности для И.К. Кирилова.

Сразу по прибытии в г. Уфу И.К. Кирилов организовал новую перепись башкирских родов по волостям и дорогам, регистрацию всех башкирских тарханов. Одновременно проводилась перепись тептярей и других припущенников. Перепись сопровождалась выявлением в башкирских вотчинах и возвращением беглых татар, чувашей, мордвы, вотяков и русских крестьян в Казанскую и другие губернии.

Следует отметить, что до 1734 г. порядок взимания ясака с башкир и их припущенников оставался неизменным. Вотчинный оклад башкир состоял из куниц: от трех-четырех до пятисот куниц, в зависимости от размера волости, или денег: по 40 коп. за каждую куницу; кроме того, от бортных угодий доставлялся мед: от 2-5 до 20-25 батманов с вотчины. Припущенники платили подымные деньги – по 4 коп. и ямские деньги – по 5 коп., с каждого двора – по кунице, по той же цене, что и башкиры. С 1631-1632 гг. подворным ясаком были обложены и бобыли[2]. Ясачный оклад тептярей и бобылей, поселившихся на башкирских землях, был сравнительно ниже подушных денег, взимавшихся с русских крестьян и нерусского населения Поволжья и центра России. Общий размер взимаемого с башкир и их припущенников оклада составлял около 6000 руб. в год со всей Башкирии.

До 1734 г. на территории Башкортостана числилось 6188 ясачных вотчинников-башкир, 8355 ясачных дворов тептярей и бобылей. После пересмотра оклада было обнаружено 1096 человек новых плательщиков-башкир и 3847 дворов тептярей и бобылей, не обложенных ясаком. Таким образом, по новому окладному списку число вотчинников-башкир, плательщиков ясака, возросло до 7284 человек, тептярских и бобыльских дворов – до 12202. Соответственно, увеличилась и сумма ясачного оклада. Новый ясачный оклад с башкир выразился в сумме 2054 руб. 78 коп., с тептярей и бобылей – 8506 руб. 8,75 коп. Общая сумма ясачного оклада в Баш-

[1] *Буканова Р. Г.* Города-крепости юго-востока России: Становление городов на территории Башкирии. – Уфа: «Китап», 1997. С. 159-160

[2] *Рахимов Р.Н.* История тептярских конных полков. 1790-1845. – Уфа, 2008. С. 20.

кирии с 1734 г. составила 10560 руб. 86,75 коп. ежегодно. Несмотря на общее увеличение податей, припущенники продолжали оставаться под защитой вотчинников-башкир и не были переведены в подушный оклад.

Царское правительство, всегда опасавшееся увеличения численности и усиления башкир, воспользовалось началом башкирского восстания 1735-1740 гг. для того, чтобы внести раскол между башкирами и их припущенниками. Мишари, тептяри и другие припущенники Указом от 11 февраля 1736 г. освобождались от всяких обязательств перед башкирами – участниками восстания. Выступившие на стороне царского правительства припущенники получили право безоброчно жить на башкирских землях. Это привело к незаконным захватам припущенниками земельных угодий, отказу платить башкирам оброк, к распространению среди пришлого населения ложного доносительства. Таким образом, недовольство тептяро-бобыльского населения увеличением налогов и повинностей было умело использовано администрацией Оренбургской экспедиции против восставших башкир.

После подавления башкирского восстания 1735-1740 гг. в Уфимском крае устанавливается невиданно жестокий режим царской власти. В первую очередь карательные меры направлялись против башкирского народа. Однако пострадали и сами припущенники: если прежде они находились под защитой вотчинников-башкир, то теперь оказались в прямой зависимости от царских чиновников. В связи со строительством пограничных крепостей возросли трудовые повинности тептярей и бобылей: в основном, их использовали на самых тяжелых ремонтных и строительных работах. Усилилась политика христианизации в отношении тептярей и других нерусских народов Башкортостана. Появилась возможность введения подушной подати, чего прежде в башкирском крае не наблюдалось. В 1747 г. тептярей и бобылей вместо прежнего сравнительно легкого «подымного» ясака (со двора) обложили подушной податью в размере 80 коп. с души мужского пола. Мишарей, которые до этого были свободны от налогов, обязали платить по 25 коп. с двора.

Правительство, заинтересованное в увеличении податного населения и в постоянном притоке доходов в государственную казну, стремилось пополнить сословие тептярей за счет других слоев населения. Этому способствовала репрессивная политика, проводимая правительством в крае после подавления башкирских восстаний, перевод многих башкир – как бывших участников восстания, так и тех, кто потерял все свое состояние – в сословие тептярей. Однако этот факт игнорируется, по справедливому замечанию А.З. Асфандирова, и не все исследователи обращают внимание на влияние политики царского правительства на состояние численности народа в тот или иной период[1]. Так, например, увеличение социальной прослойки тептярского населения Башкортостана Р.Г. Кузеев объяснял внешними причинами, то есть усилением миграционного притока татар в Башкирию, а самих тептярей идентифицировал с этнической группой татар. По его мнению, около 90% тептярей являлись татарами – в основном, выходцами из Поволжья[2].

В.М. Кабузан, крупный специалист по истории народонаселения России, также обратил внимание на большую убыль населения Башкирии в 1735-1741 гг., последствия которой были преодолены лишь к 90 годам XVIII в.[3] Однако он не соглашался с Р.Г. Кузеевым, считая тезис о том, что подавляющую часть тептярей составляли татары, недостаточно обоснованным. По его мнению, в число тептярей входили самые разноплеменные группы населения, которые, не желая принимать христианство, уходили из Казанской и Вятской губерний в Южное Приуралье. Среди них в первое время численно преобладала мордва, однако магометанская вера способствовала быстрому отатариванию этого населения, что в XVIII-XIX вв. было характерно для всего Поволжья и Приуралья. Как отмечал исследователь: «Население, отклоняющее христианство (чуваши, мордва, вотяки, черемисы) и порывающее с идолопоклонничеством, постепенно отатаровалось повсеместно. Лишь

[1] *Асфандияров А.З.* Указ. соч. С. 171.

[2] *Кузеев Р.Г.* Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI-XX вв. // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1968. С. 348-370.

[3] *Кабузан В.М.* Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. – М.: Наука, 1992. С. 42.

весьма многочисленное и компактно проживающее башкирское население оказалось в состоянии противостоять этому процессу и даже ассимилировать калмыков, сарт, тептярей в ряде районов, группы казахов, тезиков (тюркоязычных пришельцев из Средней Азии), каракалпаков и мишарей в южной и горной Башкирии»[1].

Таким образом, источники пополнения тептярского населения, так же, как и роста численности татар в Башкортостане в XVIII в., В.М. Кабузан искал за пределами Башкирии, а причины быстрого отатаривания пришлого населения видел в магометанской вере.

Ошибка как Р. Г. Кузеева, так и В.М. Кабузана кроется в том, что и тот, и другой ограничивали этническую статистику башкир лишь рамками самого башкирского этноса, а динамику численности тептярей, являвшихся сословной прослойкой башкирского общества, рассматривали отдельно.

В самом башкирском обществе в этот период происходили сложные демографические процессы. Здесь следует обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство: в критические периоды истории могли происходить не только массовые переходы людей в другое вероисповедание, но и изменение их социального статуса и этнической принадлежности. История знает немало примеров, как после войн и катастроф исчезали целые народы. Последствия восстаний XVIII в. были катастрофическими для башкирского народа. Вследствие репрессивной политики царского правительства в ходе подавления башкирских восстаний многие женщины и дети, розданные помещикам, оказались крещены и впоследствии влились в состав русского населения, окончательно потеряв связь с башкирским этносом[2]. Башкиры, пытавшиеся спастись в казахских степях, были ассимилированы казахами. Большая часть башкир оказались в составе родственных по языку и культуре татар и по социальному статусу перешли в разряд тептярей. Так, очевидец тех событий воевода и вице-губернатор Уфимской провинции П.Д. Аксаков писал о том, что «уфинского ж

[1] Там же. С. 43.

[2] *Буканова Р.Г.* Роль церкви в закрепощении башкир в XVIII веке. // Исторические чтения. Материалы научных конференций «Неизвестный Челябинск» (1994), «Церковь и религия на Урале» (1995). – Челябинск, 1996. С. 55-59.

уезду башкирцы и протчие иноверцы розданы во время последнего бунта, то есть с 1735-го году, в противность указов в Уфинском уезде, в Казанскую губернию и в ее ведомстве правинциях и приписных городех и уездах, коих обоего полу великое число роздано, продано, покрадено и протчими случаи побрано, кои под игом у своей братьи татар в холопстве содержутся в близости от своих кровных…»[1] Таким образом, рост небашкирского населения происходил, главным образом, за счет внутренних источников.

Многие башкиры становились тептярями. Рассмотрим этот вопрос применительно к тем семи годам XVIII в. (1735-1742 гг.), которые характеризуются резким ростом численности тептярей. За счет каких слоев населения пополнялась численность тептярей в этот период времени?

Прежде всего, следует иметь в виду, что в годы восстаний приток в Башкирию переселенцев из Поволжья резко сократился. Более того, в эти годы многие беглые крестьяне и ясашные люди, поселившиеся в башкирских волостях, благодаря усилиям начальника Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова, в 1735-1736 гг. были сысканы и возвращены на места прежнего жительства. Припуск на башкирские земли прекратился.

Целенаправленная переселенческая политика и массовый перевод населения из центра в Башкирский край начинаются только с начала 40-х гг. XVIII в. Однако новые переселенцы, включая русских, малороссиян, новокрещен и служилых татар, размещались, в основном, в городах-крепостях и на пограничной линии[2]. Поэтому число башкирских припущенников, коими до 1736 г. являлись тептяри, в условиях военного времени резко сократилось и не могло увеличиться за счет притока извне.

Именно башкиры, как участники восстаний, так и рядовые башкирские общинники, которые в ходе подавления башкирских восстаний 1735-1740 гг. лишились земельной собственности, имущества и родных, потеряли не только статус вотчинника, но

[1] Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. Док. № 568. – М.-Л., 1949.

[2] *Буканова Р.Г.* Города-крепости юго-востока России. С. 182-191.

и морально и экономически были низведены до положения своих припущенников, пополнили ряды тептярей и бобылей. Иначе невозможно объяснить тот факт, что за 7 лет, с 1735 г. по 1742 г., численность тептярей и бобылей выросла на 18526 душ, без учета женщин и детей. Так, например, если тептярей в 1735 г. насчитывалось 11294 душ мужского пола, то в 1742 г. их стало 29545 человек[1].

Численность татарского населения на территории Башкортостана в XVIII в. почти не поддается определению. Не только потому, что в русских источниках под «татарами» часто подразумевали тюркское население вообще, – к татарам могли быть причислены конкретные представители других родственных этнических групп: мишарей, башкир и др. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в ревизских сказках XVIII – первой половины XIX вв. численность татар и башкир постоянно колеблется. Так, переходы из башкирского этноса в татарский, и наоборот, были довольно распространенным явлением, и это во многом зависело от статусного положения того или иного народа. Так, в вышеназванной книге А.З. Асфандиярова приводятся данные о том, что в период стабилизации социально-политической обстановки в Башкортостане в первой половине XIX в. в ходе проведения 8-й ревизии многие припущенники, в том числе и татары, были причислены к башкирам. Их число он определяет в количестве 4939 человек, в том числе, как считает автор, «в башкирское сословие были переведены татары Сеитовского посада (Каргалы)...»[2]

История с. Каргалы является яркой иллюстрацией этносоциальной динамики в условиях фронтира – процесса перехода населения из одной этнической группы в другую. В 1744 г. группе торговых татар Казанской губернии из 200 семей разрешили поселиться близ г. Оренбурга. Старшиной был назначен Сеит Хаялин, которого Сенатским указом от 8 августа 1745 г. наделили особыми полномочиями[3]. Они поселились в селе Каргалы, который находился в 20 верстах от г. Оренбурга. В селе имелся посад (посадом в XVIII в. обычно называлась торгово-промышленная часть поселения). По

[1] *Буканова Р.Г.* Города-крепости юго-востока России. С. 46; Рахимов Р.Н. Указ. соч. С. 20.

[2] *Асфандияров А.З.* Указ. соч. С. 191.

[3] Башкирская энциклопедия. Т. 5. – Уфа, 2009. С. 459.

имени старшины Сеита Хаялина посад стал называться Сеитовским. Одновременно за посадом закрепилось название «Сеитовская слобода», так как первые поселенцы имели льготы и большие преимущества в торговле и хозяйственной деятельности, то есть были освобождены от многих повинностей. Вскоре название посада распространилось на все село Каргалы (Каргалинская слобода). Село стало считаться татарским и ныне оно называется Татарское Каргалы.

Однако, по данным седьмой ревизии 1815 г., численность башкир даже спустя 70 лет значительно превосходила численность татар. Так, в ведомостях ревизии упоминаются: 1060 душ башкир, «живущих с давних времен» в 194 дворах; 285 душ податных купцов (сеитовских татар) – в 52 дворах; 920 душ мещан (выходцев из разных сословий) – в 313 дворах; отставных солдат и казаков с детьми – 234 человека в 42 дворах[1].

При близости языка, культуры, общности вероисповедания переходы башкир и татар из одного этноса в другой были не таким уж редким явлением. Более болезненным оказался переход башкир в податное тептярское сословие. Обложение в 1747 г. подушной податью тептярей и бобылей стало причиной активных протестных выступлений. Летом и осенью 1747 г. Башкирию охватило тептярское движение. Массовые волнения тептярей начались на территории Сибирской дороги. Почти одновременно произошли волнения на территории Осинской дороги, в которых участвовало около 300 башкир, татар и мари. По характеру протеста и тактике движения тептярские выступления напоминали начальный этап башкирских восстаний: арест и выдворение из деревень русских «прибыльщиков», попытка выехать в Петербург с челобитной, решение созвать съезд представителей тептяро-бобыльского населения края на р. Чесноковке под Уфой и другие действия, характерные для башкирских выступлений. Очевидно, основными движущими силами данного выступления являлись тептяри из башкир, бывшие свободные общинники и участники восстаний. По существу, это было их отчаянной попыткой сохранить те традиционные экономические отношения, которые существовали в башкирском обществе до 30-х гг. XVIII в.

[1] См.: *Буканова Р.Г.* Города-крепости юго-востока России: Становление городов на территории Башкирии. – Уфа: «Китап», 1997. С. 189-190.

Глава 4.

ЮЖНОРУССКИЙ И ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТИР: ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ НАСЕЛЕНИЯ

4.1. Особенности взаимодействия власти и общества в условиях фронтира

В XVI в. территория современного Центрального Черноземья[1] составляла часть Поля – обширного малозаселенного пространства, через которое проходили пути вторжений отрядов из Крымского ханства. Российское государство создавало на Поле систему оповещения о неприятельских набегах – станичную и сторожевую службу. Центральное Черноземье было местом промыслов (охоты, рыбной ловли, бортничества) для населения прилегающих территорий.

Анализ письменных источников стал основанием для вывода о постепенном запустении основной части Центрального Черноземья в годы ордынского господства и до конца XVI в. В документах и повествовательных памятниках не отразились сведения о сельских поселениях и городах на этой территории. Археологические материалы не опровергают тезиса о запустении региона в XV-XVI вв. В целом, памятники XV-XVI вв. известны недостаточно. Возможно, это связано со слабой степенью заселенности лесостепного Подонья в данный период[2].

[1] Центральное Черноземье — экономический район современной России, включающий пять областей (Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую, Тамбовскую).

[2] *Тропин Н.А.* Южные территории Чернигово-Рязанского порубежья в XII-XV вв. – Елец, 2006. С. 286, 297. Археологам хорошо известен характер археологических памятников XIV – начала XV вв. в Воронежской и Липецкой областях (См. : Цыбин М.В. Периферия Золотой Орды в Подонье. // Краткие сообщения Института археологии, 2007.)

Единственным городом с заселенной округой Центрального Черноземья, где жизнь не прерывалась в конце XV-XVI вв., был Рыльск, расположенный в пределах современной Курской области. В 1568 г. на Поле, на берегах верхнего Дона, был построен город-крепость Данков, расположенный на территории современной Липецкой области. С 1585/1586 г. на Поле возводятся новые российские города-крепости: Воронеж (1585/1586), Ливны (1585/1586), Елец (1592), Курск (1596), Белгород (1596), Оскол (1596), Валуйки (1599), Царев-Борисов (1599)[1]. В 1612 г. Царев-Борисов был разрушен и не восстановлен[2], с 1613 г. к числу городов-крепостей на Поле стала относиться Лебедянь[3].

В конце XVI – первой половине XVII вв. города-крепости на Поле назывались «польскими». С 1635 г. в этом пограничном регионе велось крупное оборонительное строительство, возводились новые города-крепости, часть из них была соединена непрерывной оборонительной линией – Белгородской чертой. С 1658 г., после образования новой административно-территориальной единицы – Белгородского разряда, область называлась «городами Белгородского полка».

В XVII в. этот район был расположен на окраине России и осваивался русскими и черкасами в условиях острой внешней опасности. Внешний фактор определял специфику социальной структуры населения – высокий удельный вес служилых людей.

Как можно судить по елецким (1592-1593) и воронежским (1594) документам, в конце XVI в. новопостроенные города-крепости на Поле находились в судебно-административном подчинении Посольскому приказу. Вместе с тем к управлению новыми городами в Черноземье в конце XVI в. имел отношение Разрядный приказ – как орган, ведущий учет служилых людей. В Разрядном

[1] *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. – Воронеж, 1991. С. 16, 105, 188-236.

[2] *Фоминов А.В.* Нерешенные вопросы истории «польских» городов Московского государства: основание Валуек и гибель Царева-Борисова. // Очерки феодальной России. – М.-СПб., 2013. С. 223.

[3] *Гамаюнов А.И.* Лебедянь в начале XVII в. // Исторический квартал. Иллюстрированный научно-популярный альманах историко-культурного наследия Липецкого края. Вып. 3. – Липецк, 2013. С. 69.

приказе на основе текущего делопроизводства составлялись разрядные книги, содержащие сведения о службе воевод и голов в городах на Поле и имеющие местническое значение. В ведении Разряда находилась организация станичной службы, о чем свидетельствует память из Разряда в Посольский приказ за приписью разрядного дьяка С. Аврамова[1].

После Смуты в XVII в. города Черноземья в судебно-административном и податном отношении находились в подчинении у Разрядного приказа. В компетенции Посольского приказа оставались вопросы, связанные с проводами турецких и крымских послов через территорию Черноземья, выплатой жалования донским казакам.

В XVII в. определенными сферами управления южными городами и уездами заведовали иные московские приказы. Вопросы землевладения решались в Поместном приказе. Стрельцами и городовыми казаками управлял Стрелецкий приказ. Артиллерия находилась в ведении Пушкарского приказа. Борьбой с уголовной преступностью заведовал Разбойный приказ[2].

Одну из основных сословных групп служилого населения в XVII в. на юге России составляли дворяне и дети боярские. Схожее с детьми боярскими правовое положение занимали поместные атаманы и казаки, – эта группа сформировалась в последние годы Смутного времени. Основная функция дворян, детей боярских, поместных атаманов и казаков – полковая и городовая служба. Дворяне и дети боярские, поместные атаманы и казаки были испомещены в уездах. Объединенные в корпорации – служилые «города» – дворяне и дети боярские обладали сословным самоуправлением[3]. Они же играли заметную роль в местном управлении в своих уездах[4].

[1] *Анпилогов Г.Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. – М., 1967. С. 373.

[2] *Глазьев В.Н.* Подведомственность российского Черноземья московским приказам в XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: «Гуманитарные науки». Т. 24, № 182. – Тамбов, 2019. С. 169-177.

[3] *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII в. (От Смуты до Соборного уложения). – Ярославль, 2000; Ляпин Д.А. Дворянство Елецкого уезда в конце XVI-XVII вв. (историко-генеалогическое исследование). – Елец, 2008.

[4] *Глазьев В.Н.* Служба и участие в местном управлении дворян и детей боярских Центрального Черноземья в XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Материалы Международной заочной научной конференции «Чтения памяти академика РАН Л. В. Милова». Вып. 5. – Москва, 2017. С. 202-207.

Провинциальные дворяне и дети боярские были разделены на три чина: выборные, дворовые и городовые. В течение XVII в. происходил чиновный рост в дворянских корпорациях юга России. По десятням за 1621/22 г. в Ельце было записано 4 дворовых сына боярских, в Воронеже – 2. Все остальные – городовые дети боярские. Дворян, служивших по выбору, ни в Воронеже, ни в Ельце в 1621/22 г. не было[1].

А.А. Новосельский показал, что чин выборного дворянина жаловался на основании сочетания родовитости, выслуги и хозяйственной состоятельности[2]. Боярская книга 1627 г. отмечает появление выборных дворян в Курске: И.А. Анненков, Б.О. Виденев[3]. В курской десятне 1636 г. уже четыре выборных: И.А. Анненков, С.Б. Виденев и К.Б. Виденев, В.А. Анненков[4]. К концу XVII в. в Курске не только увеличилось число выборных дворян, но и появились лица, записанные в московские чины.

В середине XVII в. выборные дворяне появились в Воронеже: Т.И. Михнев, В.М. Струков. К 1689 г. наблюдается дальнейшее продвижение верхов воронежского дворянства по лестнице чинов: в годовой сметной книге 1689/90 г. отмечено четыре служилых человека, испомещенных в Воронежском уезде и записанных в московский список. Четверо дворян служили по выбору; по дворовому было записано, как минимум, 12 человек[5].

Однако, в целом, как справедливо отметил Д.А. Ляпин, на юге России выборные были большой редкостью. Для сравнения: в 1651 г. во Владимире количество выборных детей боярских составляло 88 человек, дворовых и городовых – 163. С новиками и недорослями владимирских детей боярских насчитывалось 336, их

[1] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 4. Дела десятен. Д. 87; Сторожев В.Н. Воронежское дворянство по десятням XVII в. // Памятная книжка Воронежской губ. на 1894 г. – Воронеж, 1894.

[2] *Новосельский А.А.* Правящие группы в служилом «городе» XVII в. // Ученые записки Ин-та истории РАНИОН. – М., 1928. С. 318.

[3] Боярская книга 1627 г. – М., 1986. С. 144.

[4] *Танков А.А.* Историческая летопись курского дворянства. Приложения. – М., 1913. С. 77.

[5] РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. Кн. Белгородск. Ст. Кн. 155. Ч. 1. Л. 279-об.-280-об., 281-283-об., 371.

них примерно 25% – выборные. В Суздале ситуация была схожей. Из 359 детей боярских 101, т.е. почти треть, значились в выборных. В Муроме было 40 выборных из 180 детей боярских. Столь огромной была разница между дворянскими корпорациями юга страны и замосковных регионов[1].

С 1653 г. в связи с образованием полков нового строя в Центральном Черноземье возникли новые категории служилых людей: завоеводчики, есаулы, копейщики, рейтары, солдаты. В их состав включали дворян и детей боярских, казаков и других ратных людей традиционных служб.

В интересах обороны южных рубежей российское правительство ограждало землевладение местных помещиков и вотчинников от проникновения столичных чинов. Южнорусские дворяне и дети боярские были не в силах противостоять захвату земель и сманиванию крестьян со стороны столичных верхов. В 1630-1640-х гг. правительство настойчиво ограждало «заказные города» от московских и думных чинов. Владение поместьями и вотчинами в Центральном Черноземье членами боярской думы, московским чинами и крупными монастырями было исключением. В 1670-е гг. центральная власть фактически перестала защищать интересы мелких землевладельцев на юге страны и встала на сторону московских чинов. С осени 1673 г. московская знать стала во множестве получать земли в бывших «заказных городах»[2].

Соотношение крестьян и служилых людей в Центральном Черноземье зависело от географического расположения уезда и менялось на протяжении столетия. В расположенных южнее – Валуйки, Старооскольский, Белгородский уезды – служилые люди составляли преобладающую часть. Служилые люди численно доминировали в построенных во второй трети XVII в. городах и уездах по Белгородской черте и «за чертой». В расположенных ближе

[1] *Ляпин Д.А.* Расслоение провинциального дворянства в России и социально-политическая борьба во второй половине XVII в. // Российская история. 2015. № 5. С. 48.

[2] *Новосельский А.А.* Распространение крепостнического землевлаения в южных уездах Московского государства в XVII в. // Исторические записки. Т. 4. – М., 1938. С. 21-40; Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. – СПб., 2006. С. 229.

к центру – Ливенском, Елецком, Курском, Лебедянском, Воронежском уездах – в первой половине XVII в. доля крестьянского населения была выше по сравнению с самыми южными, окраинными уездами[1]. С 1635 г. крестьяне пополняли гарнизоны новопостроенных крепостей, становясь служилыми людьми. Часть крестьянского населения перешла в новую категорию служилых людей – поселенные драгуны.

Основная часть городского населения крепостей на Поле – служилые люди, по терминологии Соборного уложения 1649 г., «меньших чинов»: станичники, стрельцы, пушкари, городовые (полковые) казаки, затинщики и другие, более малочисленные категории, владевшие пашенной, а не поместной землей[2]. Служилые люди «по прибору» выбирали из своих рядов стрелецких, казачьих, пушкарских пятидесятников и десятников.

Посадские люди проживали в 10 из 40 городов, стоявших на Белгородской черте и внутри её. Крупные посады сложились только в Воронеже, Курске и Ельце. Небольшие, но стабильные посады были в Белгороде, Козлове, Коротояке и Острогожске. В Урыве, Епифани и Землянске число посадских людей не превышало 15 человек[3]. Курский посад в 1646 г. имел 270 дворов, в 1670-1680-е гг. – 538 посадских дворов[4]. Составители воронежской переписной книги 1646 г. насчитали в городе 85 посадских дворов[5]. На протяжении XVII в. воронежский посад численно вырос, и в конце века в него уже было записано более 300 дворов[6]. Посадские люди ежегодно выбирали из своей среды земских старост[7].

[1] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. – М.-Л., 1948. С. 161-166.

[2] *Скобелкин О.В.* Структура служилого населения Воронежа и Воронежского уезда в XVII в. // Из истории Воронежского края. Вып. 18. – Воронеж, 2011. С. 78-81.

[3] *Кондратьева С.К.* Посадские люди юга России в XVII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2012. С. 16-17.

[4] *Раздорский А.И.* Торговля Курска в XVII в. – СПб., 2001. С. 97-98.

[5] Переписная книга Воронежского уезда 1646 г. / Подготовка текста, вступительная статья и примечания В.Н. Глазьева. – Воронеж, 1998. С. 161.

[6] *Глазьев В.Н.* Города на юге России в XVII веке: состав и численность населения. // Вестник ВГУ. Серия: «История. Политология. Социология». № 2. 2020. С. 80-85.

[7] *Кондратьева С.К.* Земские старосты г. Воронежа в XVII в. // Страницы российской истории: сб. научн. статей. – Воронеж, 2006. С. 38-45.

Незначительная в сравнении со всем населением численность южнорусского духовенства отнюдь не соответствовала значению духовенства в местном обществе. К их голосу прислушивались, они активно влияли на формирование общественного мнения. Авторитет священников и монахов был связан, в том числе, с их грамотностью. Процент грамотных людей среди духовенства был самым высоким.

А.П. Павлов определил последнюю четверть XVI – начало XVII в. (до 1605 г.) как начальный этап складывания системы воеводского управления в России. Наиболее устойчивым воеводское управление в этот период было в присоединенных к России и пограничных районах: в Поволжье, Сибири, на юге, западе и северо-западе страны[1].

В разрядных книгах в крепостях на Поле в конце XVI – начале XVII в. отмечались, как правило, воевода и голова. Реже в город назначались два или три воеводы. Как исключение, городом управляли только головы. Эти должности занимали представители государева двора – московские и выборные дворяне, чья служба имела местническое значение и фиксировалась в разрядных книгах. Помощниками первых воевод были вторые воеводы (в разрядах они обычно ставились на втором месте) и головы. Служба второго воеводы считалась «честнее», чем служба головы. Так, в 1595 г. кн. Г. Шаховской «воровством» подал челобитную на кн. И.П. Ромодановского. За это ему было велено быть с последним «в головах, а не в воеводах»[2]. Большинство из посланных в «полевые» города вторых воевод и голов принадлежало к числу выборного дворянства. При этом заметную их часть составляли тульские и рязанские служилые люди, что вполне объяснимо, ибо Тула и Рязань вплотную примыкали к Полю.

Служебные обязанности воевод и голов в «полевых» городах по сравнению с тульскими и рязанскими имели свою специфику. В конце XVI в. за Окой, как правило, размещались три полка во

[1] *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). – СПб., 1992. С. 239-249.

[2] Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 3. Ч. 3. – М., 1989. С. 100.

главе с полковыми воеводами. Расположение полков зависело от конкретных условий. В окрестные города посылались так называемые «схожие» воеводы и головы. В случае появления вестей о татарах они с подчиненными служилыми людьми должны были сходиться с воеводами большого, передового и сторожевого полков. Например, осенью 1593 г. в большой полк в Тулу предписывалось собираться воеводам из Черни, Новосили, Мценска. В передовой полк в Дедилов – из Рязани, Болхова, Орла; в сторожевой полк в Крапивну – из Михайлова, Пронка, Ряжска. Ряжский воевода отправлялся в сход в том случае, если полки выдвигались в рязанские места.

Воеводы и головы из городов-крепостей «на Поле» в конце XVI в. в сход к полковым воеводам не выдвигались. В их обязанности входило преследование сравнительно небольших неприятельских отрядов, возвращение захваченного имущества и полона.

Самым распространенным сроком службы воевод и голов в городах Черноземья был один-два года. Случаи более продолжительного пребывания воевод в этих должностях редки: И.М. Бутурлин был ливенским воеводой около шести лет, И.Т. Кобяков находился в Воронеже около четырех лет. Некоторые лица служили воеводами в разных «полевых» крепостях, – в частности, И.Ф. Жировой-Засекин последовательно побывал в Ельце, Ливнах и Осколе. Назначение воевод производилось весной или осенью.

Для рязанских, тульских, заоцко-брянских, северских городов были характерны традиции самоуправления. В конце XVI – начале XVII в. в них, наряду с воеводами и осадными головами, в качестве представителей местной власти действовали губные старосты. В 1593 г. указные грамоты адресовались губным старостам Тулы и Крапивны[1]. В 1597/98 г. губные старосты размещались в Стародубе, Крапивне, Рязани, Новосили, Мценске, Лихвине, Козельске, Мещевске[2]. В росписи войска 1604 г. упомянуты губные старосты

[1] *Аппилогов Г.Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII в. – М., 1967. С. 331-332, 345-346, 371-372.

[2] Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 4. Ч. 1. – М., 1994. С. 14-16.

Болхова, Орла, Новосили, Мценска, Одоева, Крапивны, Тулы, Рязани, Козельска, Мещевска, Лихвина, Калуги, Боровска[1].

В новопостроенных городах-крепостях на Поле: Воронеже, Ливнах, Ельце, Курске, Белгороде, Осколе, Валуйках, Цареве-Борисове – губных старост в конце XVI в. еще не выбирали. Для этого было необходимо существование сложившихся уездов с тяглым населением, способным выполнять губную повинность. Города-крепости в конце XVI в. заселялись стрельцами, казаками, пушкарями и другими служилыми людьми «по прибору». Уезды вокруг «полевых» городов сформировались постепенно.

Ступень ниже по отношению к перечисленным лицам занимали казачьи и стрелецкие головы и сотники. В нашем распоряжении имеются отрывочные сведения об этих людях. Лишь изредка казачьи и стрелецкие головы попадали в разрядные книги – например, воронежские казачьи головы К.М. Крюков и Б.Л. Хрущев, сопровождавшие строителей Белгорода стрелецкие головы И.Д. Лодыженский и Т. Якушкин.

Стрелецкие и казачьи сотники, городовые приказчики присылались в южнорусские города из других мест. Постепенно часть из них получали поместья в уездах на Поле и становились местными детьми боярскими. Елецкий казачий сотник Д. Ровеньский в 1593 г. имел поместье в Новосильском уезде, но казачьи сотники С. и М. Хотяинцевы в 1593-1594 гг. были испомещены в Елецком уезде вместе с елецкими детьми боярскими.

В источниках сохранились весьма скудные сведения о городовых приказчиках в городах-крепостях на Поле. Согласно Ряжской десятне 1591 г. ряжский сын боярский Б.С. Вахнеев находился в Воронеже в городовых приказчиках[2]. Елецкий городовой приказчик И. Горяинов в октябре 1592 г. надзирал над караулами на крепостной стене и подчинялся воеводе кн. А. Звенигородскому

[1] Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г.: Указатель состава государева двора по фонду Разрядного приказа. Вып. 2. / Сост. С.П. Мордовина и А.Л. Станиславский. – М., 1979. С. 78-81, 84-86.

[2] *Сторожев В.Н.* Материалы для истории русского дворянства. I. Десятни и тысячная книга XVI в. – М., 1891. Вып. 1. С. 307.

и голове И. Мясному. По десятне 1604/1605 г., Игнат Андреевич Горяинов – «старый» елецкий помещик с окладом 200 четвертей, денежным – 6 руб.[1] По десятне 1622 г., елецким городовым приказчиком был Василий Захарович Щуров – елецкий сын боярский с окладом 250 четвертей, денежным – 8 руб., поместьем – 83 четверти с осьминой, владелец 2 крестьян и 3 бобылей[2].

В годы Смуты начала XVII в. ключевая роль в местном управлении городами-крепостями на Поле принадлежала воеводам. В условиях гражданской войны воеводы назначались из противоборствующих лагерей: Лжедмитрием I, Лжедмитрием II, руководителями подмосковных ополчений[3].

После Смуты в XVII в. ведущей формой в местном управлении Центрального Черноземья являлось воеводское. Воеводы назначались из Москвы Разрядным приказом. В города юга России в качестве воевод, как правило, определяли стольников или московских дворян[4]. Учреждение, которым руководили воеводы, хранились документы, принимались челобитчики, допрашивались задержанные лица, называлось съезжей или приказной избой. В приказных избах городов Центрального Черноземья на протяжении XVII в., в основном, работало от 2 до 4 подьячих[5].

В годы строительства Белгородской черты (1635-1658 гг.) Разрядный приказ стремился назначать воеводами в новые города лиц, хорошо проявивших себя в службе на южной окраине государства. Незаурядным администратором, значительную часть жизни проведшим в южных городах считался Р.Ф. Боборыкин[6]. Под руководством стольника А.В. Бутурлина в 1637 г. была соо-

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Дела десятен. Д. 86. Л. 64.

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Дела десятен. Д. 87. Л. 188-об.

[3] *Глазьев В.Н.* Города-крепости Российского Черноземья в 1604-1618 гг.: гражданская война и ее преодоление. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. «История. Регионоведение. Международные отношения». Т. 24, № 2. 2019. С. 103-112.

[4] *Глазьев В.Н.* Воронежские воеводы и их окружение в XVI-XVII вв. – Воронеж, 2007.

[5] *Камараули Е.В.* Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII в. – Воронеж, 2009.

[6] *Мизис Ю.А.* Воевода Московского царства (Р.Ф. Боборыкин на государевой службе). – Тамбов, 2012.

ружена крепость Яблонов и начато строительство Корочи, перекрывших Изюмскую татарскую дорогу[1]. Впоследствии А.В. Бутурлин исполнял обязанности воеводы в Воронеже и Ельце.

Один из видных воевод, служивших на Белгородской черте в период ее создания, московский дворянин Ф.Ю. Арсеньев находился в качестве воеводы в новых городах: Ольшанске, Вольном, Каменном, Острогожске и во включенном в состав черты Воронеже. Он руководил строительством укреплений, организовывал отражения набегов крымских татар и ногаев, размещал на постоянное жительство служилых людей.

В последние годы Смуты и сразу после нее в районе «полевых» крепостей возникали органы губной власти – губные избы. В Курске это произошло не позже 1612 г., в Ливнах – не позже 1622 г., в Ельце – не позже 1621/22 г., в Воронеже – не позже 1625 г. Основное назначение губных учреждений – борьба с уголовной преступностью. Руководство губными избами осуществлял Разбойный приказ. В 1620-1630-е гг. не известны губные старосты в Валуйках, Старом Осколе, Белгороде. В уездах без крестьян или с незначительным крестьянским населением дела о разбоях, убийствах и татьбе были возложены на воевод. Эта практика продолжилась после 1635 г., – губными делами в большинстве новопостроенных городов и в уездах по Белгородской черте занимались воеводы.

Губной староста – выборная должность. Выборы поручались воеводам, которые должны были собрать в городе в определенный день представителей всех категорий населения уезда: дворян и детей боярских, духовенство, посадских людей, служилых людей «по прибору», крестьян. Собравшиеся называли имя губного старосты из числа местных дворян и детей боярских. На выборах требовалось единогласие. Если оно не достигалось, то правительство могло утвердить выбор одной из сторон.

С точки зрения правительства, выборы в XVII в. – это повинность для населения. Исследователи приводят факты, свидетельствующие о безразличии людей к исходам выборов. Но было бы не-

[1] *Папков А.И., Петрухинцев Н.Н., Хитров Д.А.* Белгородская черта: история, фортификация, люди. – Рыбинск, 2020. С. 87.

верным утверждать, что население всегда равнодушно относилось к выборам губного старосты. Следует иметь в виду следующее обстоятельство: внутри российских городов и уездов происходило соперничество отдельных групп, родов, лиц. Если говорить о дворянах и детях боярских, то их представители стремились к более высоким чинам, окладам, дачам. Шла борьба и за влияние на местное управление. В Курске возникло соперничество Анненковых и Веденевых в 1630-1640-х гг., в Новосили – Головиных и Шатиловых в последней трети XVII в., в Воронеже также в разные годы шла внутригородская борьба. В этих условиях равнодушия к исходу выбора быть не могло.

С точки зрения населения, о выборах губного старосты должно было знать большинство жителей города и уезда. В противном случае выборы считались незаконными, ложными. В 1640 г. козельские священники и служилые люди «по прибору» заявили, что челобитная об утверждении в городе губного старосты – одного, без воеводы – «ложная». Она была составлена родственниками и «советниками» губного старосты: десятью дворянами и детьми боярскими и никольским попом Иваном, духовным отцом губного старосты. В челобитной сообщалось, что она, якобы, составлена «от всего города», а на самом деле документ писался без ведома горожан[1].

В 1642/43 г. в Курск была прислана грамота из Разбойного приказа с указанием выбрать губного старосту «всем городом». По словам курского сына боярского Ф. Молютина, Воин Анненков, «умысля с своими советниками, написал на себя выбор и описку у себя во дворе, без городского ведома и без воеводского. И звал меня к тому выбору руку прикладывать, и я к тому его воровскому выбору руки не приложил, потому что не всем городом его выбирали»[2].

Для «правящей группы» служилого «города», верхов духовенства выборы губного старосты и пребывание на этом посту – это форма участия в местном управлении, возможность влиять на важнейшую ее сферу – борьбу с разбойниками. Это альтернати-

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. Московского стола. Д. 153. Л. 78-79.

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородского стола. Д. 190. Л. 514.

ва воеводской власти в конфликтных ситуациях с воеводами[1]. Для дворян и детей боярских должность губного старосты была более «спокойной», чем полковая служба. В то же время она означала определенное признание, престиж в рамках городского и уездного «мира». Обязанности губных старост не ограничивались борьбой с разбоями, убийствами и татьбой, им также поручались дела иного характера: отвод и размежевание земель, сыск беглых холопов.

Следует иметь в виду, что выбор в губные старосты «лучших» дворян наносил ущерб полковой службе, особенно в период войн. В Соборном уложении 1649 г. вводилось положение: в губные старосты выбирать только отставленных от службы дворян и детей боярских, или тех, вместо кого служат дети. Однако служилые люди находили способы обойти норму Соборного уложения 1649 г. и в губные старосты попадали лица, вполне способные к полковой службе.

Губные старосты принадлежали к служилым верхам «города». Об этом свидетельствуют их чины и оклады, наличие крестьянских и бобыльских дворов, пребывание на других должностях местного управления, родственные связи. Служилая элита могла занимать и другие должности местного управления: городовых приказчиков, осадных, стрелецких, казачьих голов, таможенных и кабацких голов.

В конце XVI – начале XVII в. дворяне и дети боярские Черноземья выбирали из своей среды городовых приказчиков. В их ведении находились городовые укрепления, артиллерия и боеприпасы. Постепенно городовых приказчиков сменили назначаемые из Москвы осадные головы. В отсутствие воевод на осадных голов возлагалась оборона крепости, отделение земель в поместья и вотчины[2].

Осадным головой мог стать как местный сын боярский, так и иногородний. Подобным образом назначались казачьи и стре-

[1] *Глазьев В.Н.* Воеводы и губные старосты в городах юга России в XVII в.: разграничение полномочий. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вторые чтения памяти академика Л.В. Милова. – М., 2011. С. 98-101.

[2] *Глазьев В.Н.* Осадные головы в городах южного российского пограничья в XVII в. // Белгородская черта. Белгород, Константа, 2019. Вып. 4. С. 44-49.

лецкие головы и сотники. Протесты населения вызывало назначение иногородних дворян в осадные, казачьи и стрелецкие головы. В 1644 г. курские монастыри и дети боярские подали в Разряд жалобу на осадного голову воронежского сына боярского Л. Петрова. Они напоминали о прошлом: «При государе... Федоре Ивановиче и при царе Борисе Федоровиче всеа Руси в Курске наезжих осадных голов не бывало, а бывали... при прежних государех городовые приказчики курчаня дети боярские, ведали они твою государеву казну, и погреб казенной, и житницы, и ключи городовые». Челобитчики просили, чтобы в Курске в городовых приказчиках были курские дети боярские. Грамотой от 29 сентября 1644 г. Л. Петров был смещен с поста курского осадного головы. Курянам предлагалось выбрать «всем городом» осадного голову – курского сына боярского – и выбор на него прислать в Разрядный приказ[1].

Приведенное распоряжение носило частный характер. До 1646 г. в Курске осадным головой служил курский сын боярский М. Белов, замененный затем на иногороднего П. Брусилова. На место П. Брусилова претендовал курский выборный дворянин С.Г. Колугин. Обосновывая свою просьбу, он ссылался на «заручную» челобитную жителей южнорусских (северских и «польских») городов и уездов, поданную в связи с подготовкой Соборного уложения 1649 г. В ней сообщалось, что в тех городах «от стрелецких, и от козачих, и от осадных голов от московских и от иногородцев чинится ссора, и смута, и всякое воровство, и городским людям продажа великая». За «многия службы и смертныя раны» С. Колугин был назначен на этот пост[2].

Одну из социальных групп служилого населения России в XVII в. составляли стрельцы. Командовали стрельцами стрелецкие головы, назначенные в московских приказах. Головы осуществляли руководство стрельцами в ходе обороны крепости, распределяли служебные поручения, отвечали за выполнение стрелецких повинностей, решали судебные дела стрельцов. При назначении головой учитывались служебные заслуги: ранения, пребывание

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородского стола. Д. 157. Л. 29-31.

[2] Акты Московского государства (АМГ). Т. 2. № 315. – СПб., 1894. С. 196.

в плену, гибель в боях близких родственников. Назначение стрелецким головой рассматривалось как награда дворянину или сыну боярскому. Пребывание на этом посту позволяло улучшить материальное положение служилого человека[1].

Местные дети боярские выбирались в головы у житниц. В ряде уездов Черноземья из числа местных детей боярских выбирали таможенных и кабацких голов. Если в городах центра и севера страны таможню и кабак (кружечный двор) возглавляли посадские люди, то на юге в отсутствии или при слабости посада таможенными и кабацкими головами становились местные служилые люди. Исполнение обязанностей головы представляло собой не только повинность, но и возможность влиять на важную сферу жизни города и уезда – торговлю и организацию кабацкого дела[2].

Значительными событиями в общественной жизни южной окраины России были выборы на земские соборы, участие в их работе. Выборы организовывал воевода, но он не всегда мог влиять на состав избранных. Как показывает анализ состава выборных от южнорусских городов на земские соборы середины XVII в., эти лица обладали реальным авторитетом в своих городах[3].

Для борьбы с татарами выделялись сотенные головы из числа местных дворян и детей боярских. Сотенные головы во главе конных отрядов выступали в походы и преследовали неприятеля далеко в степи. Сотенными головами становились самые опытные местные служилые люди, обладавшие реальным влиянием в городе и уезде[4].

Во второй трети XVII в., в связи с крупным оборонительным строительством, число городов, сел и деревень в Черноземье увеличилось. В новых уездах возникли объединения детей боярских.

[1] *Глазьев В.Н.* «Стрелецкие головы» в городах Южного пограничья в XVII в. // История. Факты и символы. № 1 (22). 2020. С. 61-68.

[2] *Жиброва Т.В.* Организация таможенного и питейного управления в Воронежском уезде в XVII в. – Воронеж, 2011. С. 28-43.

[3] *Глазьев В.Н.* Южнорусские выборные на земские соборы середины XVII в. // Представительские институты в России в контексте европейской истории XV – середины XVII в. – М., 2017. С. 287-296.

[4] *Андреев И.Л.* Сотенные головы в России XVII в. // Исторические записки: Научные труды исторического факультета ВГУ. Вып. 5. – Воронеж: «Изд-во ВГУ», 2000. С. 6-17.

В негласной иерархии служилых «городов» они уступали корпорациям, возникшим в конце XVI в. Для верхов дворянства Центрального Черноземья появились новые возможности участвовать в местном управлении. Местных детей боярских назначали воеводами, стрелецкими и казачьими головами в новые города Центрального Черноземья.

К 1658 г. сформировался Белгородский разряд как административно-территориальная единица. Его центр находился в Белгороде, некоторое время – в Курске. Возглавлял разряд воевода Белгородского полка, как правило, в чине боярина или окольничего. Одна из крупных фигур на этом посту – князь Г.Г. Ромодановский. Ему подчинялись воеводы городов по Белгородской черте и к северу и югу от этой черты. Главной функцией воевод Белгородского разряда была военная – «бережение от прихода татар». Одновременно белгородский воевода обладал административной и судебной властью в отношении территории Черноземья[1].

В города Белгородского разряда воеводы назначались в Разрядном приказе, как правило, сроком на два года. Назначение рассматривалось как награда за длительную полковую службу, раны, пребывание в плену, гибель в боях родственников. Служба в качестве воевод, стрелецких и казачьих голов, приказных людей «пригородов» считалась «корыстной», т.е. позволяла улучшать материальное положение служилого человека. В Разрядном приказе возникали своеобразные «конкурсы» претендентов на должности местного управления[2].

С середины XVII в. на юге России возникло деление административных центров на «города» и «пригороды». «Город» – главный административный центр, возглавляемый воеводой. «Пригород»

[1] *Загоровский В.П.* Изюмская черта. – Воронеж, 1980. С. 28-40; Фурсов В.Н., Дудина О.В. Создание и функционирование Белгородского разряда как военно-административной и территориальной единицы России второй половины XVII в. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. «История. Политология». Вып. 34. Июнь. № 7 (204). 2015. С. 131-136.

[2] *Глазьев В.Н.* Порядок назначения городовых воевод южного пограничья в конце XVII в. (по материалам Разрядного приказа). // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». Вып. 10 (126). 2013. С. 86-90.

имел подчиненное по отношению к городу значение. «Пригородами» командовали, как правило, лица рангом ниже, чем воеводы городов. Их называли или «приказными людьми», или «головами». Например, Воронеж имел два «пригорода» – Костенск и Орлов; Козлов – Бельский, Коротояк – Урыв.

На протяжении второй половины XVII в. происходила борьба руководителей «пригородов» за повышение их статуса. Позицию приказных людей «пригородов» усиливала поддержка населения. Жители «пригородов» также стремились освободиться от подчиненности воеводам «городов», если местные приказные люди их устраивали. В ряде случаев правительство шло навстречу пожеланиям с мест. К концу XVII в. самостоятельность «пригородов» возросла, о чем свидетельствует расширение объема компетенции их руководителей[1].

Население русских городов и уездов в XVII в. не являлось лишь пассивным объектом управления, – оно активно влияло на состав и деятельность должностных лиц. Одним из средств воздействия на власть выступали коллективные челобитные. В Воронеже во второй половине XVII в. существовала традиция составления коллективных челобитных на местных администраторов с просьбами или продлить время пребывания в должности воевод, стрелецких и казачьих голов, подьячих, или наоборот, отстранить их от должности[2]. Подобные челобитные составлялись и в других городах.

В наказах воеводам среди прочего предписывалось: «Людям обид, и насильств, и никаких налог не делать, и всяким служилым и жилецким людям на себя изделья всякого делать не велеть». За различные притеснения, «посулы и поминки», неправедный суд воеводе грозила «великая» опала и наказание: «Велим на тебе доправить все сполна»[3]. Подобные указания носили, в целом, декла-

[1] *Глазьев В.Н.* «Город» и «пригород» как административные категории юга России XVII века. // Страницы российской истории. Сборник научных статей. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. С. 15-19.

[2] *Глазьев В.Н.* Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI-XVII вв. – Воронеж, 2018. С. 104-111.

[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородского стола. Д. 1908. Л. 33; Д. 333. Л. 114-115-об.; Д. 606. Л. 34-35.

ративный характер и не прекращали злоупотреблений местных властей. Но характеры и методы действий должностных лиц резко различались, что вызывало неоднозначное отношение к ним со стороны местных «миров».

Осенью 1634 г. в Москве царю Михаилу Федоровичу была подана челобитная воронежских служилых людей «всем городом» (детей боярских, стрельцов и казаков), которые жаловались на двух подьячих съезжей избы С. Завесина и И. Хоненева. Челобитчики обвиняли чиновников в расхищении государевой казны («которые деньги собирают на посольский подъем и подможные деньги, и те подьячие емлют себе») и недолжном исполнении обязанностей: приговоры по различным делам, в том числе судебным, они писали не против челобитных; на различные службы (сотенную и сторожевую) они писали служилых людей «без ряду, а не по списку». Последнее, надо полагать, делалось за взятки: те, кто не желал выезжать в поле, могли откупаться. Впрочем, в челобитной собственно о взятках не сказано ни слова. Зато имели место натуральные поборы: при заготовке различных «запасов» подьячие «наметывали» и присваивали по четверику на каждую четь (четверик составлял 1/8 чети). Помимо перечисленного подьячие присвоили собранные со всего уезда на строительство городского собора деньги (15 руб.). Воронежцы просили царя отставить неугодных им подьячих, от которых жителям города «ставитца налога великая». 16 октября 1634 г. была составлена царская грамота в Воронеж: названных подьячих велено отставить от службы. Воронежский воевода М. Языков не выполнил указа, ссылаясь на невозможность заменить подьячих другими. 6 августа 1635 г. воронежцы повторили свое обращение к царю. На этот раз требование челобитчиков было удовлетворено частично. С. Завесин отставлен от службы в подьячих, а И. Хоненев остался в съезжей избе, но жалование ему было сокращено[1].

Типичными для юга России в XVII в. были конфликты местных миров и воевод. Один из них произошел в Валуйках в 1651-

[1] *Лисейцев Д.В.* «И от тех подьячих ставитца им налога великая...» Из истории борьбы воронежцев с административным произволом. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «История. Политология. Социология». №3. 2016. С. 22-29.

1652 гг. Во второй трети XVII в. крепость Валуйки находилась на территории южнее Белгородской черты. По данным разрядной книги 1637/38 г., ее гарнизон насчитывал 659 служилых людей и включал конных и пеших стрельцов, полковых казаков, станичных атаманов и ездоков[1]. По данным А.И. Папкова, в 1643 г. в Валуйках числилось 96 черкас[2]. Из-за внешней опасности до 1680-х гг. город Валуйки не имел уезда – окрестных сел и деревень.

В 1651 г. на воеводстве в Валуйках находился стольник М.М. Дмитриев. С целью обогащения М.М. Дмитриев совершал в Валуйках многочисленные злоупотребления. Между тем окружение царя Алексея Михайловича учитывало уроки середины «бунташного» столетия. Восстания в Москве, Томске, Пскове, брожение народа в других городах свидетельствовали о необходимости обуздать произвол местных администраторов, против которых направлялся людской гнев.

20 ноября 1651 г. царь Алексей Михайлович указал разослать по окраинным городам грамоты. В них говорилось о том, что государю стало известно об обидах и притеснениях жителей пограничных уездов от воевод. По этой причине многие оскудевшие служилые люди уходили из «украинных» городов. Воеводам вменялось в обязанность относиться к людям с «лаской и добрым приветом», суд производить по Соборному уложению «в правду», взяток ни за какие дела не брать. В случае нарушения предписания воеводам грозила «великая опала» и возмещение ущерба по искам пострадавших[3].

В начале 1652 г. в Москве в Разрядном приказе от имени жителей всего города Валуек Н. Кубаев, К. Чеботов, П. Духанин, П. Кондабаров, Г. Уколов, В. Луковников, валуйский черкашенин П. Данилов подали челобитную на валуйского воеводу М.М. Дмитриева, который притеснял валуйцев: сажал в тюрьму, устраивал частые смотры, на смотрах их бил, держал закованными «в железах и в чепах», сажал в тюрьму жен и детей и морил их «голодною смертью», брал посулы деньгами, лошадями и медом.

[1] Разрядная книга 1637-1638 гг. – М., 1983. С. 96-97.

[2] *Папков А.И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII в.). – Белгород, 2004. С. 227.

[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородого стола. Д. 333. Л. 114-115, 115-об.

Руководителям Разряда думному дворянину И.А. Гавреневу, думному дьяку С. Заборовскому, дьякам Г. Ларионову, И. Северову челобитчики предъявили «заручную» роспись лиц, пострадавших от воеводы. Новому валуйскому воеводе Д. Яковлеву предписывалось произвести сыск – допросить валуйских служилых людей и духовенство: всем ли они городом подавали челобитную на воеводу, «а они б волуйчане, боясь Бога и помня государево крестное целование, сказали в правду».

По результатам сыска следовало составить два списка, заверенных «рукоприкладствами»: тех, кто жаловался на воеводу, и тех, кто не испытывал притеснений от М.М. Дмитриева. Затем следовало произвести очную ставку между бывшим воеводой, с одной стороны, и челобитчиками и другими пострадавшими волуйчанами, с другой. После сыска М.М. Дмитриева отпустить в Москву и туда же прислать все документы.

Сыск производился с 23 февраля 1652 г. Опрошенные священники, станичные атаманы и ездоки, черкасы, полковые казаки, конные и пешие стрельцы, пушкари и затинщики подтвердили, что челобитная на воеводу подана от имени всего города. М.М. Дмитриев сажал в тюрьму жен и детей челобитчиков, которые ездили в Москву, и держал их в тюрьме больше недели. Летом в рабочую пору по два-три раза в день устраивал смотры служилым людям. Станичники заявили, что воевода давал им поручения, не предусмотренные указами, от чего они остались без хлеба. Станичные ездоки сетовали: «Государева служба стала не в силу». Станичный атаман С. Забобурин, выбранный в кабацкие целовальники, сообщил, что воевода взял с него 10 руб. Казака Е. Кудрявцева воевода держал в цепи 4 недели: казак заболел, был отпущен, дошел до дома и умер. С ездока К. Лунина воевода взял 6 руб. «без вины». Атамана Н. Кубаева воевода держал в цепях, бил и взял с него 3 руб. С атамана С. Волкова М. Дмитриев взял 5 руб. «и держал в тюрьме в железах неведомо за што». С С. Рябинина взял две ногайских лошади. С М. Старокожева взял 10 руб. и держал в съезжей избе. С черкашенина Н. Екимова воевода взял «посулов и поминок» 4 руб. 20 алт. «от жалованья насильством». Разрешив валуйцам сварить вино или пиво, воевода затем изымал спиртное, сажал в тюрьму и брал штраф по 5 руб. С валуйских ямщиков воевода взял 2 руб. за освобождение от строительства города, но ямщикам пришлось выполнить всю их часть «городового дела». С ямщиков Т. Вытелкова, Т. Шумилина, О. Корелина и других воевода брал деньги по разным поводам.

В очных ставках М.М. Дмитриев отрицал то, что брал посулы деньгами и медом. С его слов, он сажал в тюрьму за нарушения дисциплины, жалования не дал тем, кто в то время находился в плену. Черкашенин С. Кондратьев заявил, что бывший воевода взял с него 4 руб. В ответ М.М. Дмитриев утверждал: «4-х рублев с нево не имывал, только принес ко мне отец ево рубль в почесть, а будет скажет отец ево Кондратей, что я взял с нево насильством рубль, и я заплачу».

23 апреля 1652 г. в Разряд были переданы расспросные речи и очные ставки от воеводы Д. Яковлева. По его словам, М.М. Дмитриев отпущен в Москву. В Разряде узнали, что в ходе очных ставок М.М. Дмитриев и челобитчики заключили между собой мир. Дело было доложено царю Алексею Михайловичу. Царь указал допросить М.М. Дмитриева: сколько он заплатил челобитчикам за мир, за какую вину он держал в тюрьме жен челобитчиков. Бывший валуйский воевода был допрошен «по крестному целованию» думным дворянином И.А. Гавреневым. М.М. Дмитриев заявил, что, боясь от государя «гнева и опалы», он помирился с челобитчиками (Н. Кубаевым, В. Луковниковым, К. Чеботаевым, П. Кондабаровым), дав им 25 руб.

После первой группы челобитчиков в Москву приезжали другие волуйчане: К. Ловягин, стрельцы В. Панин, С. Агеев, казак П. Кондабаров, черкасы Л. Антонов, П. Данилов, К. Иванов, пушкарь И. Коншин. По словам М.М. Дмитриева, они с ним мирились «от всего города, а просили с него по рублю, и он им ничево не дал». Обвинения в свой адрес бывший воевода отрицал.

Правительство проявило настойчивость в защите интересов жителей Валуек. 1 июля 1652 г. яблоновским воеводам боярину кн. Г.С. Куракину и дьяку Н. Наумову поручалось произвести сыск

и выяснить, сколько посулов и поминок М. Дмитриев взял, и у кого. Показания пострадавших, заверенные их подписями, прислать в Москву. Результаты сыска, который производил рязанский дворянин О.Н. Лихарев, поступили в Разрядный приказ 22 августа.

Значительная часть волуйчан – духовенство, стрелецкий и казачий голова С. Хомицкий, пешие и конные стрельцы, полковые казаки, пушкари – заявили, что не знают про вымогательства и взятки М. Дмитриева. Станичные атаманы и ездоки сообщили, что М. Дмитриев «чинил налоги большие и сидели за приставом и в тюрьме атаманы и ездоки». Челобитчики, вернувшиеся из Москвы: Н. Кубаев, В. Луковников, К. Чеботов, П. Духанин, П. Кондабаров – сообщили, что помирились с М. Дмитриевым и получили от него деньги в общей сложности 30 руб.

В Москву была послана роспись посулов и поминок, которые М. Дмитриев вымогал у валуйчан. Так, полковой казак Г. Уколов сообщил, что без вины сидел при М. Дмитриеве в тюрьме, вынужден был отдать воеводе 10 руб., не мирился и денег своих не получил. Черкашенин П. Данилов, у которого воевода изъял 10 руб. и четыре пуда меда, с ответчиком не помирился. С. Забобурин обвинял воеводу в изъятии 9 руб. Ф. Дмитриев заявил, что воевода взял у него 10 пудов меда. В то же время станичник К. Лодыгин и стрелец С. Агеев сообщили, что были в Москве с «мирским делом» – просили о жаловании, а на воеводу не жаловались. Черкассы Л. Антонов и К. Иванов помирились с М. Дмитриевым, но денег с него не взыскивали[1].

Сведений о том, что было дальше, нет. Можно предположить, что в данной ситуации руководство Разрядного приказа заставило Дмитриева возместить ущерб потерпевшим. Приведенный сюжет показывает, что если воеводские притеснения наносили ущерб обороне, то правительство проявляло твердость, могло применять жесткие меры по отношению к администраторам, заставляя их возвращать часть собранных средств населению.

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. Приказного стола. Д. 154. Л. 1-14, 22-26, 27-83, 84-87, 96, 105-108, 109-110, 115-131.

Несколько раз обращались в Москву с просьбами об отставке подьячих жители Острогожска и Острогожского уезда. В челобитной дети боярские, заказные головы, полковые казаки и черкасы городовой службы, станичный атаман, стрелецкий и пушкарский пятидесятник, старосты посадских людей жаловались на подьячего острогожской приказной избы Федора Богданова. Ранее он украл казенное сукно и письменные принадлежности. Подьячий стрелял из пищали в посадского человека, бил челобитчиков «без царского указа и воеводского ведома», сажал в тюрьму, чинил всякие налоги, убытки и разорения. Его поступки уже привлекали внимание центральных властей. По указу и отпискам из Курска острогожскому воеводе И.С. Сасову (острогожский воевода с 8 февраля 1676 г.) было предписано пытать Федора за воровство и отстранить от подьячества. Но после отставки Богданов был приближен воеводой И. Иевлевым (острогожский воевода с 1 марта 1679 г.). В сговоре с начальством подьячий вынудил своими действиями многих жителей покинуть Острогожск. Челобитчики просили уволить Федора из приказной избы. Вероятно, их пожелание было удовлетворено, так как в документах последующего времени не встречается сведений о работе Ф. Богданова[1].

Но «мир» мог бороться не только против, но и за воевод, стрелецких и казачих голов, подьячих. Известен целый ряд совместных обращений в столицу воронежцев (как впрочем, и жителей других городов и уездов) с просьбой о назначении или продлении пребывания в должности тех или иных лиц. В декабре 1680 г. в Разряд поступила коллективная челобитная из Воронежа. В ней содержались похвалы воеводе М. Вырубову, пребывающему на своем посту второй год и не допускавшему обид местным жителям. Прежде, при царе Алексее Михайловиче, отмечали авторы, воеводы находились в городе по три и по четыре года. Они просили продлить воеводство в Воронеже М. Вырубова, чтобы им «от частых переменных воевод в лишние тягости и в разорении не быть».

[1] *Гоголева А.А.* Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII – начале XVIII в.: городовые воеводы и черкасские полковники. – Воронеж, 2008. С. 40-41, 204.

Челобитная заверена 35 рукоприкладствами (подписями), часть из которых представляет лично подписавшегося, часть – иных лиц или группы населения. Поименно названо 65 человек, попросивших поставить подпись вместо себя. Среди подписавших челобитную лично были настоятели монастырей, священник, дворяне и дети боярские, ротмистр, земский староста, грамотные посадские люди. Вместо стрельцов, части полковых казаков, посадских людей (в том числе второго земского старосты) подписались их духовные отцы из числа священников. Приложили руки представители беломестных и полковых казаков, пушкарских десятников и рядовых пушкарей. Таким образом, обращение к царю поддержали представители всех основных сословных групп города и уезда, исключая крестьян и бобылей.

Руководство Разряда оказалось в затруднительном положении, так как на место М.И. Вырубова, двухлетний срок пребывания в должности которого истекал 25 марта 1681 г., был назначен князь И.С. Шаховской. На челобитной нет окончательной резолюции, но, предположительно, просьбу воронежцев в данном случае не удовлетворили. 3 июня 1681 г. кн. И.С. Шаховской уже находился в Воронеже в качестве воеводы.

10 августа 1687 г. в Разрядном приказе рассматривалась новая коллективная челобитная из Воронежа, поданная от имени «всяких чинов городских и уездных людей всем городом». В ней отмечалось, что воевода В.И. Лаговчин с радением выполняет правительственные поручения, а в отношении местных жителей не допускает обид, судит «в правду», «бескорысно и безволокитно». Стольник В.И. Лаговчин должен был находится на должности воеводы с 3 октября 1685 г. по 3 октября 1687 г. Составители бумаги хотели оставить В.И. Лаговчина воеводой на третий год. Челобитная заверена 69 рукоприкладствами, которые представляют лично подписавшихся или других лиц и группы населения. Грамотные поставили подписи вместо 606 воронежцев, перечисленных по именам.

Как и в предыдущем случае, обращение к правительству поддержали все категории населения (от имени крестьян и бобылей

выступали дети боярские). В отличие от 1680 г. в данной челобитной более широко представлен город и уезд. Дети боярские названы с указанием их сел и деревень. Выделено низшее управленческое звено города и уезда: перечислены по именам становой голова Борщевского стана, сельские заказчики и десятники, казачьи пятидесятники, стрелецкие пятидесятники, пушкарские десятники.

На место В.И. Лаговчина еще 22 декабря 1685 г. был определен стольник Н.Л. Головкин за смерть отца и за собственные службы. Он заплатил в Печатном приказе пошлину и ждал указанного срока. Известие о коллективной челобитной воронежцев заставило Н.Л. Головкина обратиться в Разряд за подтверждением принятого ранее решения. По его мнению, В.И. Лаговчин сам организовал составление документа в свою поддержку.

Но в Москве не могли игнорировать столь внушительного волеизъявления воронежцев. Поэтому было принято компромисное решение. Срок пребывания в должности В.И. Лаговчина продлили, но не на год, как просили челобитчики, а на 2 месяца 28 дней. Н.Л. Головкину предписывалось переменить В.И. Лаговчина 1 января 1688 г. и быть в воеводах до 1 января 1690 г.

Инициаторами мирских прошений, как правило, выступали авторитетные с точки зрения правительства представители местного дворянства, духовенства, посада, стрелецкие и казачьи пятидесятники, что прослеживается по подписям на челобитных. Совместные прошения отражали мнение политически активной части местного «мира».

Арбитром в решении спорных вопросов, связанных с местной властью, выступал Разрядный приказ, в чьем ведении находились города Белгородского полка, в частности, Воронеж. Основными задачами провинциальной администрации столичное учреждение считало поддержание обороноспособности города-крепости на необходимом уровне, сбор налогов, решение части судебных дел. С этих позиций Разрядный приказ был заинтересован в сохранении стабильной социальной обстановки, стремился к разрешению конфликтных ситуаций мирным путем с учетом требований местного населения.

В кадровых вопросах Разрядный приказ должен был учитывать интересы дворян, добивавшихся назначения на воеводства и другие административные должности, и мнение общества, выражаемого в коллективных челобитных. Для достижения необходимого компромиса руководители столичного ведомства принимали во внимание различные условия. С одной стороны, изучались заслуги просителя должности, его рвение в полковой службе, материальное положение; с другой, имели значение содержание и форма коллективных челобитных населения. Особую значимость приобретали заверенные подписями («заручные») челобитные. В приказе вели подсчеты, сколько человек поставили подписи лично или попросили сделать это вместо себя, определяли, к каким сословным группам населения относятся «приложившие руки». Все это оказывало влияние на принятие решения.

Для московских учреждений совместная петиция считалась веским аргументом в пользу или против того или иного администратора. С точки зрения центральных ведомств наиболее значимой являлась коллективная челобитная, поддержаная населением города и уезда – «всем городом». Понятие «весь город» оставалось достаточно неопределенным. Коллективные челобитные активно использовались в борьбе противоборствующих внутригородских групп. Доводом одной из сторон служило то обстоятельство, что совместная челобитная их соперников подана не от всего «города», о ней не слышали люди, а писалась «на дворе» одного из жителей «немногими советниками». Такие челобитные называли «затейными», «воровскими», «составными».

Для проверки обоснованности предъявленных в коллективной челобитной обвинений московские власти могли назначать «повальный обыск», т.е. опрос представителей различных категорий населения, оформленный соответствующим протоколом. В ходе повального обыска выяснялось отношение населения к тому или иному администратору.

Коллективные челобитные свидетельствовали о сохранении влияния общества на местное управление во второй половине

XVII в. Параллельно шел процесс бюрократизации и централизация местного управления. Важное значение для понимания изменений в местном управлении России в XVII в. имеют выводы Н.Ф. Демидовой, отметившей, в частности, «известное отставание на местах» процесса бюрократизации по сравнению с центром страны[1]. Тем не менее, приказное начало усиливалось и в провинции – численность аппарата съезжих изб к концу XVII в. возросла.

Крупной вехой в правительственной политике стал Указ от 27 ноября 1679 г., согласно которому власть на местах сосредоточивалась в руках воевод. Другие должности местного управления – губных старост, горододельцев, сыщиков, ямских приказчиков, осадных голов, пушкарских голов, засечных голов, голов у житниц, присылаемых из Москвы сборщиков денег и хлеба, – отменялись. Губных старост и других упомянутых должностных лиц разборщикам предлагалось записать в службу. В качестве обоснования такой меры называлась необходимость освободить городских и уездных людей от лишних тягостей в содержании упомянутых должностных лиц. Губные избы во всех городах надлежало сломать. Губное дело передавалось в ведение воевод. Губные подьячие переводились в съезжие избы[2]. Другой указ от 27 ноября 1679 г. среди прочих ликвидировал губную повинность населения[3].

Отношение к губным старостам, осадным головам, головам у житниц на местах было неоднозначным. Тем не менее, реформа 1679 г. ущемила местное дворянство. Для него пребывание на постах местного управления означало возможность влиять на положение дел в своем уезде, альтернативу воеводской власти. Видимо, эти соображения повлияли, когда правительство Софьи Алексеевны в 1684 г. восстановило губных старост и другие отмененные в 1679 г. должности местного управления.

[1] *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. – М. 1987. С. 28.

[2] Полное собрание законов (ПСЗ). Т. 2. № 779. С. 219-220.

[3] ПСЗ. Т. 2. № 780. С. 220. Указы от 27 ноября в более подробной редакции, чем опубликованные в ПСЗ, изложены в грамоте обоянскому воеводе, составленной в декабре 1679 г. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. Белгородского стола. Д. 939. Л. 349-351.

В коллективных челобитных служилых людей Белгородского полка в конце XVII в. высказывались диаметрально противоположные мнения по поводу губных старост. Мценские служилые люди добивались упразднения воеводской власти в своем городе и сохранения только губного старосты. Ефремовские помещики, напротив, просили ликвидировать пост губного старосты и оставить одного воеводу. Многое зависело от личности губного старосты или воеводы. В столице по этому вопросы велась борьба ведомств – Разряда, выступавшего за сосредоточение всей власти в руках воевод, и Разбойного приказа, стремившегося сохранить губных старост на местах. Петр I поддержал Разряд, и в 1698 г. в городах Белгородского полка губные старосты были упразднены, а в 1702 г. это произошло по всей стране[1].

В XVI-XVII вв. государство еще не имело возможности решать задачи местного управления, опираясь исключительно на бюрократический аппарат. Эти задачи возлагались на сословия. В местном управлении на разных уровнях принимали участие представители сословий. Они не только выполняли задачи, поставленные центром, но и сами оказывали воздействие на власть, высказывали свои требования и активно отстаивали их, используя доступные им легальные средства.

4.2. Основные поведенческие модели служилого населения

Изучение поведения различных категорий населения в контексте развития пограничной (фронтирной) территории является особенно актуальным, так как позволяет увидеть изменения, происходящие в социальной истории конкретного региона[2]. Ос-

[1] *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. – Воронеж, 2001.

[2] *Репина Л.П.* Новая историческая наука и социальная история. – М.: «Изд-во ЛКИ», 2009. С. 23.

новные поведенческие модели человека отражают присущие ему ценностные ориентиры, мировоззрение и мировосприятие, и анализ изменений в системе этих ментальных категорий может дать важный материал для понимания общих тенденций развития государства.

Исследованию форм поведения населения применительно к истории России периода раннего Нового времени посвящено несколько работ. Мы можем отметить книгу Н.Ш. Коллманн о практике защиты чести служилых людей в «Московии»[1].

Большой интерес представляет книга В. Кивельсон об особенностях поведения русской провинциальной аристократии во второй половине XVII в.[2] Автору удалось показать общность интересов элиты уездных служилых корпораций и правящей группы, сплотившейся вокруг царя Алексея Михайловича.

Особенности менталитета русского человека в Сибири рассматривали Д.Я. Резун и М.В. Шидловский[3]. Они обратили внимание на такие качества первооткрывателей новых земель России в XVI-XVII в. как сильное развитие индивидуалистических наклонностей (что роднит их с американским фронтиром), свободолюбие, предприимчивость и в то же время «артельность».

Итак, как видим, что историки обращались, в основном, к изучению действий русской элиты или поступков мятежников. В центре нашего внимания будут находиться жители фронтирной территории в их обыденной жизни. Территория южнорусского фронтира постоянно расширялась с XVI в. Новые крепости, появившиеся на южной границе после строительства Белгородской

[1] *Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. Пер. с англ. П.И. Прудовского; науч. ред. А.Б. Каменский. – М.: «Новое литературное обозрение», 2016. 617 с.; Коллманн Н.Ш. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. Пер. с англ. А.Б. Каменский; науч. ред. Б.Н. Флоря. – М.: «Древлехранилище», 2001. 459 с.

[2] *Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite gentry and political culture in the seventeenth century. – Stanford: Stanford University Press, 1996.

[3] *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск: «Сова», 2005.

черты, превратились во второй эшелон фронтирных территорий[1]. В этих крепостях преобладали служилые люди разных категорий, которые на протяжении первой половины XVII в. продолжали нести «вахтовую» службу, участвуя в отражении набегов кочевников.

К середине столетия появляются признаки того, что эта территория становится полноценной частью метрополии, – здесь наблюдается значительный рост посадского населения, идет развитие поместного и монастырского землевладения с владельческими крестьянами. Большинство жителей южных пограничных уездов в XVII в. являлись представителями различных категорий служилого населения: детьми боярскими, казаками, стрельцами, пушкарями, а с середины века – солдатами, рейтарами, драгунами. Посадские люди, дворцовые и владельческие крестьяне находились здесь в абсолютном меньшинстве и присутствовали далеко не во всех южных уездах.

У части населения приграничных уездов повседневная жизнь протекала в городе-крепости, а у остальной массы – в сельских населенных пунктах. Первые были сильнее подвержены государственному контролю со стороны воевод, приказной избы и городских священников. Вторые – имели гораздо больше личной свободы: их контролировал только младший командный состав в лице десятников, пятидесятников, сотников и, в какой-то мере, местные священники, выступавшие в роли духовных отцов своей паствы. Находясь в постоянном контакте со своими односельчанами, представители местной власти вынуждены были учитывать интересы своего местного «мира».

На психологию населения новых уездов влиял военный фактор. Близость границы, постоянная опасность внезапного нападения кочевников оказывали серьезное воздействие на повседневную жизнь местного населения вне зависимости от социального статуса. Наличие оружия в домах являлось обычным явлением в южнорусских уездах. Огнестрельное и холодное оружие становилось гарантом выживания в моменты внезапных нападений кочевников. Его брали с собой даже во время сельскохозяйственных и промысловых работ. В документах часто упоминается наличие ружья у посадских людей и даже дворцовых и владельческих крестьян. Наличие огнестрельного оружия также давало возможность вести промысловую охоту, обеспечивая себя продуктами питания и мехом.

[1] *Мизис Ю.А., Папков А.И.* Внешние и внутренние границы России и естественные природные зоны на юге в XVI – начале XVIII в. // Российская история. № 3. 2016. С. 33-49.

Первопоселенцами на новые южные земли стали «сведенцы» из более северных городов, которые в XVI в. сами были пограничными городами: Шацка, Ряжска, Лебедяни, Ельца и др. Однако добровольных переселенцев насчитывалось немного, а основная масса служилых людей набиралась из числа беглых владельческих крестьян и посадских людей. Среди них встречались и бывшие служилые люди разных городов, попавшие в тягло в годы Смутного времени. Об этом говорят многочисленные дела по возврату беглых в 30-50-е годы XVII в.[1]

Особенностью крепостей, расположенных на южнорусской «черте», то есть в зоне фронтира, являлось привлечение сюда на службу воинских людей из соседних северных уездов путем постоянной их ротации, которые еще совсем недавно были такими же пограничными пунктами. То есть из Шацка, Ряжска, Лебедяни, Ельца и ряда других городов на протяжении всей первой половины XVII в. посылали на временную службу местных служилых людей. Они приезжали на срок от 2 до 4 недель с «переменою», т.е. по очереди. Главным аргументом властей в этих решениях служило мнение, что новые военные поселения защищают старые от прихода кочевников и требуют постоянной поддержки. С учетом недостатка опытных воинов в крепостях по черте правительство использовало уже сложившиеся кадры старых поселений. Так служилые люди стрельцы и казаки г. Михайлова должны были в 1645 г. выставить в Тамбов с 1 мая по 1 ноября каждые шесть

[1] *Мизис Ю.А.* Поиски беглецов на южной границе России в 30-40-х гг. XVII в. (на примере Козловского уезда). // Вестник Тамбовского университета. Серия: «Гуманитарные науки». № 20. Вып. 10. 2015. С. 340-346.

недель с «переменою» по 100 человек[1]. Подобные посылки происходили из Шацка, Ряжска, Лебедяни. На одно из самых опасных направлений на Муравском шляхе в Яблонов в 1643 г. послали группу из 500 человек так называемых «московских стрельцов» с головою Л. Баландиным[2]. Их планировалось разместить здесь на «вечное житие», однако пришлые казаки тяготились этой пограничной службой и всячески стремились уклониться от нее.

Корпоративные отношения в новых городах-крепостях складывались уже на стадии их строительства. Обратимся к документам о строительстве Ельца в 1592-1593 гг. Здесь мы видим, что возведение крепостных стен требовало больших организованных совместных усилий: деревья валили в лесу, в нескольких километрах от строительного участка, возили на собственных лошадях или переносили на руках, обрабатывали бревна, вкапывали их в землю, и прочее[3]. Такая же ситуация наблюдалась при возведении осенью 1635 г. Козлова и весной 1636 г. Тамбова[4]. Только небольшая часть строителей новых «городов» осталась в них на постоянную службу, а основную часть гарнизона набирали из «вольных и охочих» людей. В дальнейшем эксплуатация городских укреплений требовала постоянного участия городского и уездного гарнизона в строительных работах. Коллективные усилия были нужны и в частных вопросах, когда речь шла о постройке собственных домов, их размещении и укреплении за стеной, огораживающей слободы, а также при строительстве церковных зданий.

Зачастую приезжие на временную или переведенные на постоянную службу в новые города служилые люди не находили общего языка с уже сложившимся местным гарнизоном. К примеру, посланные в 1643 г. на службу в Яблонов 500 так называемых «московских стрельцов», которых реально набрали из разных

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 560. Л. 126-128.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 179, 198, 479. Д. 170. Л. 189-190, 350, 556.

[3] РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. Л. 163-163-об.

[4] *Загоровский В.П.* Белгородская черта. – Воронеж: «Изд-во ВГУ», 1968. С. 85-89, 233-239; Мизис Ю.А. Заселение Тамбовского края в XVII-XVIII веках. – Тамбов: «Изд-во ТГПИ», 1990. С. 26-44.

замосковских городов, вступили в серьезный конфликт с местными служилыми людьми[1]. По приезду на новое место службы они получили деньги на строительство жилья и жалование. Но воевода Р.Ф. Боборыкин выяснил, что спустя несколько лет никаких дворов они так и не завели, жилья не построили, семьи в Яблонов не перевели, а полученные деньги пропили и проиграли в кости (зернь). Так московские стрельцы выразили недовольство их посылкой в степь на опасную службу. Лишь настоятельная просьба местных сотников И. Короткого и Ф. Неудачина дать им возможность выявить наличие татарских дорог (сакм) в степи на Кальмиусском шляхе заставила стрельцов подчиниться и выполнить воеводское задание. В результате 10 ноября 1644 г. отряд обнаружил два татарских стана и в непродолжительном бою разгромил противника. По возвращению обратно яблоновские казаки отметили непрофессионализм «московских стрельцов», неумение тихо и бесшумно ходить по степи, отсутствие навыков пешего боя и просили начальство больше не использовать их в таких походах. К 1644 г. в Яблонове осталось только 141 человек из отряда московских стрельцов, остальные сбежали со службы. Вместо них воевода набрал добровольцев. Эта история показала неэффективность метода пополнения гарнизонов южнорусских уездов путем насильственного переселения и ссылки. Свободный наем оставался самым перспективным способом формирования местных служилых людей.

На Юге России особенно ярко проявлялись патерналистские традиции верховной власти в реальной службе новобранцев «по прибору». Считая себя военными холопами русского царя, служилые люди в экстремальных ситуациях позволяли себе обращаться с просьбами о помощи на государево имя. Например, ряшанин С.И. Германов в своей челобитной на царское имя перечислял свои подвиги и материальные потери[2]. В 1642 г. он находился на государевой службе в Козлове и принял участие в походе на татар

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 179. Л. 334-335; Столбцы Приказного стола. Д. 556. Л. 28, 31, 35.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 560. Л. 184.

под руководством головы С. Ушакина. На р. Татарке во время боя с противником убил татарина, но потерял коня. В 1645 г. во время похода и боя с противником на р. Токае он снова сумел убить татарина, что дало повод попросить увеличить поместный оклад землею и деньгами, а также компенсировать потерю лошади.

Таких просьб только за битву на р. Токае было несколько. Подобная форма обращения к царю за помощью при экстремальных ситуациях являлась обычной практикой.

Отличившихся в боях служилых людей, как правило, отмечали особо. Головы за победу получили по 5 руб. жалования и по «доброму сукну». За каждого убитого врага служилый человек получал 1 руб., а за двух – прибавку к окладу в 50 четвертей земли. За ранение в бою детям боярским полагалось 50 четвертей земли и 2-3 руб. По государеву указу от 18 декабря 1637 г., отличившимся воеводам, служилые люди которых возьмут 60-70 «языков», полагалась награда в виде золотого, размером в два «угорских» (венгерских), за меньшее количество – 1,5 «угорских». Таким образом, правительство пыталось стимулировать активные действия воевод по отражению татарских набегов.

Интересно отметить, что служилый человек на Юге России отличался большой набожностью, поскольку находился в постоянной опасности. Известно, что, оказываясь в плену, многие давали специальный обет Богу: если им удастся бежать, то они непременно внесут в церковь большой вклад в виде иконы или каких-то пожертвований. Возвращаясь в родные места, эти люди оказывались в трудном материальном положении, и, чтобы выполнить данный Богу обет, обращались с просьбой к царю. В ответ на такие челобитные Разрядный приказ, как правило, выделял деньги бывшему пленнику на реализацию его обещания. Эти указы поддерживали идею патерналистических отношений царя и народа, приводили к сакрализации царской власти, способной решить проблемы простых людей, поднимали самосознание рядовых служилых людей как верных холопов своего государя.

Общие трудности, возникавшие у жителей пограничных городов-крепостей, способствовали выработке эффективного способа организации пространства. Крепость являлась единым сообществом, состоящим из небольших служилых групп, имевших самостоятельность в решении своих внутренних дел. При этом воевода выступал арбитром в решении различного спектра вопросов, связанных не только с военной, но и с бытовой стороной жизни. Для жителей крепости были характерны такие поведенческие модели, как коллективизм, самоорганизация, самодисциплина, а также патернализм, проявлявшийся в отсутствии четких границ личной (частной) и общественной жизни. Эти модели помогали выработать особенную интегративную деятельность, с помощью которой местное общество успешно осваивало новое природное пространство в условиях военных действий. Как результат, люди объединялись для хозяйственных и военных нужд, используя для этого различные способы социальной организации.

Все служилые люди крепости делились на группы: десятки, полусотни, сотни. Над каждой группой был свой командир (десятник, пятидесятник, сотник), отвечавший за своих подчиненных не только в момент военных действий, но и в мирное время. Во главе городовых казаков и стрельцов стояли казачьи и стрелецкие головы. Пушкари, затинщики и воротники, которых было немного, иногда напрямую подчинялись воеводе, но в иных случаях у них также были свои головы. Головы выступали достаточно самостоятельной административной силой, выбираемой на более длительное время, чем воеводы. Каждой группе населения отводились места проживания – слободы, районы для выпаса скота, участки под пашню. В слободе находилось примерно сто дворов; при этом она делилась на две полусотни, включавшие в свой состав по десять дворов, т. е. слобода повторяла структуру войска.

Итак, с момента постройки новой крепости повседневная жизнь служилого человека проходила в рамках существующих способов социальной организации. Будучи типичными представителями традиционного общества, русские люди отождествляли себя с

различными «горизонтальными группами» своей страны, начиная от семьи и соседей, равных им по социальному статусу, до «православных христиан», «всей земли», в самом широком смысле[1].

Говоря о том, что служилое сообщество крепости было включено в систему формальных и неформальных форм социальной организации, мы должны помнить, что подобные объединения возникают тогда, когда достижение индивидуальных целей невозможно самостоятельно, и поэтому осуществляется через выдвижение и достижение общих целей. Общинное начало, характерное для жителей крепости и уезда на раннем этапе существования, было вызвано практической необходимостью для первопоселенцев и не являлось неким братским союзом. Именно это обстоятельство предопределило быстрое разрушение коллективного начала служилого сообщества во второй половине XVII в., хотя формальные структуры социальной организации, конечно, сохранились и менялись в зависимости от проводимых военных и социальных преобразований. Кроме того, в крепостях неуклонно росла численность населения, усложнялся социальный состав местного сообщества, изменялись интересы и направление деятельности простых людей. В итоге, коллективные формы поведения уступали место индивидуальным, которые теперь определяли специфику пространства обыденной жизни. Складывался принципиально новый образ взаимодействия человека с окружающим его социальным пространством.

Рассмотрим несколько типичных примеров, иллюстрирующих новые реалии времени. Уже к середине XVII в. в крепостях Юга России появились группы ростовщиков, выдававших деньги в долг. Они становились объектами ненависти значительного числа горожан и в период социальных волнений первыми подвергались насилию. Это наглядно проявилось во время народных волнений в Козлове летом 1648 г. Мятежники, изгнав своего воеводу Р.Ф. Боборыкина, начали громить и грабить лавки и дома ненавистных ростовщиков, избивать «лутчших» людей, срывать с

[1] *Kivelson V.* Muscovite «Citizenship»: Rights without Freedom. // The Journal of Modern History. № 74. 2002. P. 470-471.

них дорогую одежду, отбирать наличные деньги. Они требовали от всех жителей города проявить корпоративную солидарность и присоединиться к бунту. В Челнавском остроге Козловского уезда восставшие избили стрелецкого голову Я. Шатилова, пятидесятников Т.Г. Ряшанина, И.И. Фирсова и священника Симиона. Именно эти люди в представлении восставших олицетворяли ненавистную власть. А стрельца-ростовщика Т. Чубулова, за то, что «он мир выел», убили «всем миром» и труп сбросили в ров[1].

Переселение массы молодых инициативных людей на южные границы приводило к росту девиантного поведения. Сказывался и воздух определенной свободы, витавший на границе, в отличие от старых уездов со сложившейся государственной и социальной структурой контроля. Отсутствие традиций и старших возрастов в городской и сельской общине служилых людей в какой-то мере способствовали снижению моральных норм и проявлению уголовных тенденций у отдельных переселенцев. Тем более, что на южную окраину зачастую отправляли лиц, совершивших различного рода преступления.

В 1644 г. местный воевода Р.Ф. Боборыкин описал тюремных сидельцев в Яблонове[2]. Здесь сидели местные служилые люди, обвиненные в убийстве своего товарища, другие – за оскорбление царя. В 1644 г. жители Коломны просили сослать на вечное «житие» посадского человека А. Бичевина «со товарищами» за различные прегрешения. Подобные явления были характерны для многих городов юга России: «опальные» люди привносили в местные сельские общины негативные традиции прежней жизни.

Так, в 1669 г. воронежец Лавр Яковлев подал жалобу на стрелецкого сына Ивана Бобасветова, обвинив его в том, что, Иван, придя к нему на двор, «женишку безчестил всякою своею неподобною бранью и плат на голове у женишки ободрал и серьгу из уха выбил и за косы волочил»[3]. При этом истец не указывает причину

[1] *Ляпин Д.А.* Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII в. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2018. С. 106-111.

[2] РГАДА. Ф. 210. Д. 198. Л. 65-66.

[3] РГАДА. Ф. 210. Д. 135. Л. 2.

такого агрессивного поведения своего обидчика, а следствие не пытается ее понять. За ущерб жены Яковлев просил рубль компенсации (сюда входили: бесчестье, порванный платок и серьги).

В июне 1667 г., в праздник Троицы, во двор воронежского полкового казака С. Полухина пришел беломестный казак П. Крыластов[1]. В своей челобитной Полухин, ничего не упоминая о конфликте, ссоре или иной причине случившего, писал: «... И учел меня всякими неподобными словами бранити и женишку мою учел бить и серьги из ушей выбил, а затем взял женишку мою переволок чрез воротню и по улице за волосы волочил»[2]. Истец требовал 2 руб. за серьги и еще денег, на усмотрение воеводы, за бесчестье жены.

8 сентября 1677 г. воронежский стрелец Я. Кучин подал жалобу на воронежского стрельца А. Кулигина, который еще год назад якобы избил его «при многих людях» и при этом «мать бранил матерно»[3]. Кулигин называл все эти обвинения «поклепом» и рассказывал совсем иную историю: дескать, драка произошла между драгуном Костёнского острога А. Фетисовым и Я. Кучиным, а он начал их разнимать, и тогда Яков грозил ему при людях: «Я де у тебя бороду то выдру!»[4]. Подобные обещания были большим оскорблением для человека допетровской Руси, у которого борода, как известно, была в большом почете. Но, так или иначе, спорное дело кончилось ничем. Как мы видим, и в этом случае причина драки следствие не интересовала.

В декабре 1677 г. воронежский стрелец Я. Кочин поссорился с драгуном К. Копытиным. Вместе они ночевали на дворе у попа Артемия в Костёнске (крепости к югу от Воронежа), когда вдруг поздно вечером Кочин «учел его Карпа бранить матерны всякую бранью при сторонних людях при воронежцах». Ссора была незначительной, но, ругаясь, Кочин поминал чертей, дьявола и не скупился на нецензурную брань. Тогда поп Артемий тут же «Якушку

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Д. 105. Л. 13.

[2] Там же.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 479. Л. 2-5.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 479. Л. 3.

сослал с двора» ночевать на улице. Кочин был очень оскорблен этим. Считая Копытина виновником произошедшего, он дождался его на дороге и затеял драку, в ходе которой нанес обидчику ножевое ранение, оказавшееся смертельным. Убийца раскаивался в совершенном преступлении, ссылаясь на свою излишнюю горячность[1].

В декабре 1648 г. в Яблонове рассматривалось дело о побоях, нанесенных сыну боярскому И. Стрельникову казаком П. Капустиным[2]. На суде Стрельников рассказывал, как Капустин поругался на улице с его женой, отнял у нее 5 руб. и «вдарил». Интересно, что жаловался на казака и А. Стрельников, однофамилец или родственник пострадавшего. Он писал в своей челобитной, что Капустин избил на улице его престарелых родителей, и требовал с него платы за это явное бесчестье. Оба дела закончились всеобщим примирением сторон и уплатой необходимых в таких делах «судных пошлин».

В апреле 1678 г. в Воронежском уезде жители села Гремячье избили и ограбили двух воронежских стрельцов[3]. В ограблении участвовала только часть жителей во главе с местным помещиком Д. Черным. Он рассказал своим соседям, что стрельцы когда-то избили его отца, и призывал их рассматривать этот коллективный грабеж как справедливое возмездие. Однако стрельцам удалось отбиться и забраться на колокольню местной церкви, где они принялись звонить в колокол. На звон сбежались местные жители, но убедившись, что никакой большой беды не стряслось (а их соседи всего лишь хотят проучить воронежских стрельцов), разошлись. В итоге, воронежцев поймали, связали и заперли в чьей-то избе, но утром все-таки отпустили восвояси.

Крупное следственное дело провели в Козлове по челобитной сына боярского Т. Картавцева, который жаловался на разбой и поджог усадьбы[4]. События разыгрались 5 апреля 1691 г. в с. Ста-

[1] ГАВО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 452. Л. 1-3.

[2] ОР РГБ. Ф. 204. Оп. 7. Д. 3. № 1. Л. 1-7.

[3] ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 489. Л. 1-4.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 1318.

ево Козловского уезда в доме сына боярского И. Попова, где находились его родственники и работник Е. Павлов. К нему в гости приехал сын боярский Т. Картавцев. Возвращаясь домой, он был ограблен: у него отобрали двух коней и жеребенка. Тот подал челобитную воеводе с требованием сыска.

Оказалось, что конфликт разгорелся еще два года назад 29 апреля 1689 г., когда С. Попов, отец И. Попова, вместе с большой компанией ходил в гости к Т. Картавцеву отмечать Пасху. Встреча закончилась взаимной руганью и оскорблениями. Хозяин дома бил гостя батогами и руками по щекам, а затем стрелял из пищали ему вслед. В ответ С. Попов хвалился убить Т. Каравцева и сжечь его дом. Спустя пять дней после этой встречи, когда Т. Картавцев уехал со двора, у него на самом деле случился пожар и сгорели дом с двумя горницами, конюшня, житница и скот на общую сумму 257,5 рублей. Т. Картавцев подробно описал потерю своих наиболее ценных вещей: 5 оловянных блюд, 2 оловянных крышки, медная братина, медный таз, два пистоля и много других медных и железных предметов еще на сумму 21 руб.[1] Его жена и дети чудом спаслись.

Попытка найти всех обвиняемых в поджоге не удалась. К следствию привлекли только И. Попова, его отца, мать и жену. Остальные сбежали в неизвестном направлении. Так, работника Е. Павлова обнаружили в козловском Троицком монастыре, где он скрывался. При очной ставке в козловской Приказной избе он сказался бывшим неверстанным сыном боярским, который служил городовою службу в Козлове, а затем от «скудости» передал отцовское имение И. Попову и стал добровольным работником в их семье.

Это дело имело продолжение. 9 февраля 1692 г. группа детей боярских из с. Стаева привезли в козловскую Приказную избу своего односельчанина М. Федорова, который украл бердыш во время пожара у Т. Картавцева. Чем закончилось это следствие, неизвестно, – скорее всего, дело передали в Московские приказы. Но по нему видны все противоречивые внутренние конфликты служи-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 1318. Л. 51-52.

лых людей, связанные с имущественным неравенством, личными амбициями, резким, психически неустойчивым поведением, наличием у каждого оружия. Подобного рода спорных дел во второй половине XVII в. было очень много, все они однотипны, и нет необходимости их подробно рассматривать.

Важнейшую роль в социально-экономической истории крепостей второй половины XVII в. стали играть посадские люди. Первоначально посадское население фронтирной территории уступало по численности служилому, а в большинстве крепостей отсутствовало вовсе. Однако после реформ 1646-1648 гг. посадские люди получили преимущество в торговле, а служилые люди со временем лишались права заниматься ею.

В 1648-1652 гг. была проведена большая работа по организации замкнутых посадских общин («посадское строение»), в результате чего численность посадского населения в южных крепостях значительно возросла, так как в посад вписывали всех людей без определенного статуса, родственников служилых людей, не служивших, а занимавшихся торговлей[1]. Однако на самой черте за весь XVII в. посадские люди появились только в нескольких крепостях Юга России. Сами посадские общины были небольшими и мало влияли на городскую жизнь, где доминировали служилые люди. Причем в большинстве городов по Белгородской и Тамбовской чертам корпорациям местных мелких служилых людей удавалось сохранять свои привилегии в торговом деле, в том числе – права на лавочную и другие формы местных торгов[2].

Формы поведения посадских людей определялись стремлением к богатству, враждой и конфликтами[3]. Это особенно наглядно проявлялось в круговой тягловой поруке, когда государство собирало налоги не индивидуально с каждого торговца, а сразу со

[1] *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 2. – М.-Л.: «Изд-во АН СССР», 1947. С. 499-502.

[2] *Мизис Ю.А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. – Тамбов: «Юлиус», 2006. С. 368-409.

[3] *Кондратьева С.К.* Повседневная жизнь посадских людей в Воронеже в XVII в. // На берегах Быстрой Сосны. – Ливны: «Изд-во Ливенск. гор. краевед. музея», 2007. С. 131-133.

всего посада. В итоге община всеми способами заставляла малоимущих жителей выходить из посада, продавать или закладывать свои дворы. Чтобы разорить мелких торговцев и заставить их покинуть посад, мирской сход разрешал пристраивать вплотную к их лавкам другие, где люди со стороны торговали тем же товаром по более низкой цене. Одновременно с этим община всячески заманивала на свои земли обеспеченных свободных людей, вместе с которыми было выгоднее платить общий налог.

Конкуренция среди ремесленников и торговцев вынуждала их идти на различные хитрости и уловки, чтобы навредить друг другу. Приведем несколько примеров. Обычно для поездок на Дон торговцы объединялись в группы по 5-7 человек, так как в Поле в одиночку было очень опасно. Эти люди вместе грузили товар на будары и струги, и следовали вниз по рекам Дону, Воронежу или Медведице в земли донских казаков. Разбойные ватаги и небольшие татарские отряды опасались нападать на крупные караваны, но они упорно шли следом, ожидая, что кто-то из торговцев отстанет от своих товарищей и тогда его можно будет ограбить. Случалось, однако, что посадские люди заранее сообщали разбойникам про отправку каравана и, якобы случайно, отставали от своих товарищей, которые подвергались внезапному разорению. Другие торговцы специально допускали разграбление своего товара по уговору с разбойниками, которые заодно грабили и их коллег. Так, например, случилось в 1691 г. с торговыми людьми из Острогожска[1].

Посадская община была эффективным способом социальной организации торговцев и ремесленников, регулирующим отношения в их среде. Формы поведения ее жителей были прагматичны: они разоряли и выживали одних членов посада и не позволяли покидать свои дворы другим. Такой подход давал позитивные результаты: посад со временем все больше богател и развивался, а к концу XVII в. существовали уже целые династии посадских людей.

Таким образом, основные поведенческие модели жителей Юга России на протяжении всего XVII в. изменялись под воздействием внешних факторов и, прежде всего, процесса урбанизации фронтирной территории, а также изменения статуса служилых людей. Какая-то часть местных гарнизонов предназначалась для защиты укреплений, другие – участвовали в различных военных походах. Отступление границы на юг создавало обстоятельства, благоприятные для развития торговли и ремесел, промыслов и сельского хозяйства, со временем отпадала необходимость в совместной интегративной деятельности. У ряда служилых людей скапливались определенные капиталы, дорогое имущество, увеличивалось имущественное расслоение. С ростом неслужилого населения крепости все больше превращались в города, становились развитыми торгово-ремесленными центрами, их военная функция уходила в прошлое. Служилые люди после реформ 1648-1652 гг. были вынуждены записываться в посад, чтобы заниматься торговлей и ремеслами, значительно пополняя численность торгового населения.

[1] ГАВО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 14.

Социальные изменения были закономерно связаны и с переменами в поведенческих моделях жителей крепости. Если на раннем этапе своего существования крепость состояла из единой массы служилого населения, то вторая половина XVII в. проходит под знаком постепенного разрушения этого единства. Теперь, несмотря на то, что социальные организации местного общества существенно не изменились, поведенческие модели под воздействием новых реалий определялись уже иными факторами: стремлением к личной выгоде, материальному достатку, индивидуальным благам. Отчасти это было связано с ростом численности и значения посадских людей, для которых была характерна постоянная конкуренция, а отчасти обусловлено ростом благосостояния местных служилых людей, которые не стремились официально менять свой статус, продолжая заниматься предпринимательством. Местные гарнизоны на протяжении всего XVII в. получали стабильное жалование и могли во многом обеспечить себя необходимым минимумом продуктов питания за счет своих земельных наделов.

Изменение поведенческих моделей жителей крепости в контексте развития фронтирной территории наглядно демонстрирует те важные перемены, которые происходили в социальной истории

этого региона на протяжении всего XVII в. На наш взгляд, изучение прошлого фронтирной территории в русле социальной истории открывает новые возможности для понимания феномена пространства пограничного мира.

Коллективные формы поведения

Под поведенческими моделями мы понимаем сложный комплекс поведенческих реакций, которые помогают людям справляться с имеющимися трудностями и реализовывать свои жизненные установки, нормы и ценности в сложившихся условиях. Поведенческие модели людей обычно обусловлены окружающими обстоятельствами, природными и общественными манипуляциями.

Формы поведенческих моделей представителей одной социальной группы в пределах конкретного региона, как правило, схожи, хотя и зависят от различных субъективных факторов. В замкнутом традиционном обществе поведенческие модели для отдельных социальных групп наиболее однообразны: донское казачество, среднерусское крестьянство, дети боярские, служилые люди «по прибору», – все они являлись носителями различных форм поведения, свойственных каждой социальной группе.

Формы поведения определенной группы не являются постоянным явлением и зависят от различных внешних факторов, под воздействием которых могут меняться. В контексте рассматриваемой темы это наглядно проявляется в процессе перехода от крепостей к городам. Процесс урбанизации, о котором говорилось выше, связанный с повышением роли посадского населения в крепостях, менял формы поведения, нормы и ценности людей, превращая единую военную повседневность в жизнь, наполненную торгово-ремесленными заботами и конкуренцией.

Изначально военная крепость представляла собой довольно сплочение сообщество, население которого было объединено единством условий, корпоративностью, служебной дисциплиной, и уже эти обстоятельства накладывали свой отпечаток на формы поведения ее жителей.

Обратимся к документам о строительстве Ельца в 1592-1593 гг. Анализируя их, мы видим, каких больших совместных усилий требовало строительство крепостных стен: деревья валили в лесу, в нескольких километрах от строительного участка, возили на собственных лошадях или переносили на руках, обрабатывали бревна, вкапывали их в землю и прочее [1]. Коллективные усилия требовались и в частных вопросах: постройка собственных домов, их размещение и укрепление стеной слобод крепости. Сплоченного взаимодействия требовала патрульная служба, во время выездов в степь многое зависело от своевременных и слаженных групповых действий.

В итоге общие трудности способствовали выработке эффективного способа организации пространства. Крепость была единым сообществом, состоящим из небольших служилых групп, имевших самостоятельность в решении собственных дел. При этом воевода выступал арбитром в решении различного спектра вопросов, связанных не только с военной, но и с бытовой стороной жизни. В этом смысле для населения крепости был характерен своеобразный патернализм и традиционные патриархальные взгляды на общество.

Крепость южнорусского пограничья конца XVI в. являлась одним из способов организации служилого сообщества, специфика которого определялась в связи с экономическими, климатическими, военными, политическими факторами, а также с особенностями политической культуры и самосознания местного населения. Для жителей крепости были характерны такие важнейшие показатели как коллективизм, самоорганизация, самодисциплина, а также патернализм, проявлявшийся в отсутствии четких границ личной (частной) и общественной жизни. Все это создавало условия для выработки основных показателей интегративной деятельности (приспособляемости), с помощью которых местное общество успешно осваивало новое природное пространство в условиях военных действий: 1) совместный труд, общинное начало, коллективизм; 2) приоритет общественной необходимости над частным интересом; 3) патернализм в восприятии власти.

[1] РГАДА. Ф. 141. 1592. Д. 1. Л. 163-163-об.

Следует также отметить, что стрельцы и городовые казаки являлись крестьянами, а значит, имели опыт ведения хозяйственной деятельности. Этот опыт вполне компенсировал отсутствие военных навыков, поскольку от первых поселенцев требовалось не столько умение воевать, сколько умение выживать, приспосабливаться к новым условиям. В свободное от службы время они заводили свое хозяйство, занимались промыслами и ремеслами. Кроме того, государство активно использовало стрельцов и казаков для распашки казенной десятинной пашни.

Таким образом, крепость имела не только военную, но и хозяйственную функцию: ее жители помимо военных задач решали еще и экономические, создавая вокруг себя освоенный в хозяйственном плане регион. Следовательно, хозяйственные навыки служилых людей также являлись важнейшим интегративным фактором в процессе колонизации южнорусской окраины.

Основные поведенческие модели служилых людей были связаны с военной службой, в контексте которой была организована структура их повседневной жизни. Здесь коллективные формы поведения играли важную роль, подтверждением чему может служить существовавшая система поручительств. Изучение поручительств помогает нам понять специфику организации и форм поведения жителей крепости Юга России[1].

Цель поручной записи – дать письменные гарантии служилых людей в верности и надежности новобранца. Структура поручительств всегда оставалась стандартной и почти не менялась на протяжении XVII в. Они начинались с перечисления фамилий поручающихся, затем следовало имя поступавшего в службу, далее – перечисление потенциальных преступлений и правонарушений служилого человека, а затем обещание того, что в случае совершения какого-либо из этих действий поручители понесут наказание.

Прием новобранца на службу осуществлялся в Съезжей избе крепости. Кроме желающего поступить в службу сюда являлись поручители, стрелецкий или казачий голова и послух (свидетель

[1] ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 1-4. См. также: Глазьев В.Н. Поручная запись воронежских стрельцов (начало XVII в.). // Советские архивы. № 5. 1991. С. 94.

со стороны). В присутствии всех этих лиц составлялась поручная запись. Интересно, что писал ее не официальный служащий канцелярии, а кто-либо из местных жителей, знавший грамоту. Причем «писать» в представлении населения того времени значило не только грамотно излагать факты, но и правильное составлять официальные документы.

Процесс поручительства был важным ритуалом для новобранца и означал начало его вхождения в местную служилую корпорацию. Принимая в свои ряды нового стрельца или казака, служилое сообщество оказывало ему доверие и давало возможность реализации в своей профессиональной сфере.

Вступление в службу, вероятно, сопровождалось особым обрядом, о котором мы знаем по данным кабацких книг. Так, елецкие служилые люди обращались зимой 1615 г. в кабак за разрешением «сварить вина для государевой службы»[1]. Только за декабрь-январь 1615/16 гг. с такой просьбой обратились 47 человек новоприбранных казаков и стрельцов. Однажды елецкий казак Игнат Соломенцев просил в кабаке разрешения «вина сварить в подставку для службы»[2]. Вероятно, речь идет о том, что новобранец устраивал для своих сослуживцев застолье с распитием «вина», и этот обычай был весомым поводом для того, чтобы дать разрешение на его производство.

Не всегда служилые люди поручались за желающего впервые поступить в службу. Иногда это делалось и для тех, кто служил уже давно. Было ли это обязательной по периодичности процедурой или делалось только в особых случаях, неясно, так как причины поручительств в тексте не указывались.

Социальное происхождение и какие-либо личные характеристики человека в поручных записях не упоминались. Важен был только факт поручительства представителей служилого сообщества за новобранца. Скорее всего, без поручительства поступить в службу было невозможно. В каждой поручной записи особо под-

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1. Л. 3-22.

[2] Там же. Л. 14.

черкивалось, что поручители согласны служить с новым человеком «в ряд с пищалью» и жить вместе с ним в одной слободе[1].

Поручные записи были необходимы при формировании формальных способов социальной организации служилого населения, коллективной ответственности. Особого внимания заслуживает перечень потенциальных преступлений, которые мог совершить служилый человек. Прежде всего, он обязывался «ни красть, ни розбивать и лихих людей татей и разбойникав к себе приезду и отъезду не держать, ни бледни, ни корчмы у себя не держать, и в зернью ни играть»[2]. Здесь мы видим перечисление возможных преступлений, тесно связанных с морально-нравственным поведением служилого человека: не заниматься грабежом и разбоем, не помогать разбойникам и ворам, не содержать притоны и не торговать алкоголем, не играть в азартные игры. После 1615 г. к этому перечню добавляется фраза: «... а пищали, пороху и свинцу не несть» (т.е. не воровать)[3].

Затем шло перечисление иных возможных нарушений: «... ни в Крым, ни в Ногаи, ни в Литву, ни в какие иные государства не отъезжать («не подвесть» – вариант), и ни откуда с государевой службы не сбежать». Измена царю, переход на службу в другие страны были особенно тяжкими преступлениями. Показательно, что в перечне враждебных России стран в Воронеже поставили на первое место «Крым и Ногаи», а затем Литву. Это связано со стратегическим расположением города, отражавшего набеги крымских и ногайских татар. В некоторых ранних поручных записях встречаем фразу о том, что стрелец обязуется «не приводить под город государевых недругов».

С 1613 г. новобранец клялся верно служить царю Михаилу Федоровичу, а в 1611-1612 гг. эта клятва адресовалась непосредственному командиру – голове стрельцов или казаков[1]. Наказание поручителей в случае, если человек окажется ненадежным, четко не определялось. Обычно об этом говорилось пространно: «... На нас поручителей пенять, а будет, так как государь укажет, а наши поручиковы головы во его голову место». Или: «... а на нас на порутчиках пеня, а пени что государь укажет»[2]. У нас нет определенных сведений о том, каким было наказание поручившихся людей, оно, вероятно, зависело от тяжести совершенного их товарищем преступления.

Нет сомнений, что за каждого члена десятни несли ответственность поручившиеся сослуживцы. Конечно, практика ответственности поручителей в России XVII в. не была жесткой, но, тем не менее, чувство коллективизма и общего единства были присущи местным служилым корпорациям и поддерживались государством.

Важно отметить, что инициатива записи в службу формально исходила от служилого сообщества, которое поручалось за новобранца (даже сам документ писался не местным чиновником, а представителем служилой группы). Отношения власти и служилого населения строились по принципу «поступления в службу», т. е. добровольной присяги на верность. Безусловно, такой характер властно-служебных отношений был пережитком прошлого. Государство, в свою очередь, требовало исполнения многочисленных служб на основании добровольно данной присяги.

Таким образом, система поручительств отражала представления населения о характере службы, которая могла быть только службой царю. Служилые люди поручались за своего товарища в том, что он будет верно служить московскому монарху и не изменит ему. Коллективизм служебных отношений, как способ социальной организации, был прочно связан с единством службы московскому царю, фигура которого была в центре внутрислужебных отношений в крепости.

[1] Это определялось и службой в полках, где дети боярские делились на сотни, которыми руководили избранные из их числа «головы». См.: Андреев И.Л. Сотенные головы в России XVII века. // Исторические записки ВГУ. Вып. 5. 2000. С. 6-17.

[2] ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 1. Л. 1. Зернь – популярная азартная игра, как правило, на деньги. См.: Веселовский С.Б. Азартные игры как источник дохода Московского государства в XVII веке. // Московское государство: XV-XVII вв. Из научного наследия. – М., 2008. С. 306-335.

[3] ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 2. Л. 2-а.

[1] Там же. Д. 2. Л. 1.

[2] Там же. Д. 1. Л. 1.

Индивидуальные формы поведения

Со временем поведенческие модели жителей крепости изменялись. Росла численность населения, усложнялся его социальный состав, менялись интересы и направление деятельности людей. В итоге, коллективные формы поведения все больше отходили на задний план.

Во второй половине XVII в. мы видим «мир» крепости, полный конфликтов и противоречий в повседневной жизни. Особенно показательна в этой связи практика защиты чести.

Понятие чести в Московском государстве рассматривалось Н.Ш. Коллманн как особый культурно-исторический феномен[1]. Исследовательница показала значение практики отстаивания чести для осознания общего единства подданных московского царя, а также обратила внимание на возможность практически любого мужчины отстоять свою честь (а также честь ребенка, матери или жены) в суде. Судебные дела о защите чести интересны для нас тем, что отражают особенности повседневной жизни жителей крепости. Рассмотрим несколько примеров на эту тему.

В 1626 г. воронежский стрелец Б. Тимофеев жаловался на стрельца Г. Киреева: в Великий пост, в субботу на Федоровой неделе, «шел я ко довришку своему и стрелся (т. е. встретился) со мною на дворе Гришка Киреев и учел меня лаети всякою неподобную бранью матерны»[2]. Автор этой жалобы, как и десятки ему подобных, не пояснял, с какой стати его «облаяли матерно», что именно подвигло Киреева так поступить (был ли он пьян, или чем-то обижен). Никаких свидетелей произошедшего не было. Тимофеев считал, что его честь была задета, и подал иск.

В 1669 г. воронежец Л. Яковлев подал жалобу на стрелецкого сына Ивана Бобасветова, обвинив его в том, что тот, придя к нему во двор, «женишку безчестил всякою своею неподобную бранью и

[1] *Коллманн Н.Ш.* Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. – М., 2001; См. также: Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство в России в XVII веке. – М., 2010. С. 516-521.

[2] ГАОО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 571. Л. 3.

плат на голове у женишки ободрал и серьгу из уха выбил и за косы волочил»[1]. Истец не указал причину такого странного поведения своего обидчика, а следствие не пыталось ее установить. За ущерб жены Яковлев просил рубль (сюда входили: бесчестье, порванный платок и серьги). Окончание дела неизвестно.

Дела, связанные с оскорблениями чести, представляют собой малую часть конфликтов, происходивших среди жителей крепости в XVII в. Обратимся к некоторым материалам Воронежской и Яблоновской приказных изб, которые наглядно демонстрируют нам, что местное сообщество, где царили взаимные обиды, драки и воровство.

Драки на бытовой почве часто происходили на праздники, сопровождавшиеся, видимо, употреблением спиртного. Примеров этому достаточно и среди прочего можно указать на дело об избиении молодого черкаса С. Борташева в Чернавске[2]. Это случилось во время празднования Покрова Богородицы в гостях у казака И.А. Тупикина. Здесь собралась большая кампания, и во время празднования Борташев «при многих людях на беседе» ударил жену Тупикина, а тот в ответ начал бить Борташева. Молодой черкас оказался так сильно избит, что жалобу за него писал отец.

Елецкий посадский человек С. Никитин подал жалобу на своего соседа Ф.К. Красова, в которой описывал следующее: «В прошлом де в 134 году (т.е. в 1626) после Светлого воскресенья на пятой недели в пятницу шел я сирота из лавчонки домой, и как я был у его федорова двора, и тот Федор вышел со двора с товарищи своими пьяны и меня сироту бил и грабил, а бив покинул замертво, и снял с меня 40 рублев денег, да зипун лазорев настрафильной[3] цена 3 рубля, да полукафтанье красное сукно аглицкое, цена 2 рубли с полтиною, да кушак солковой (т.е. шёлковый), 40 алтын, да шапка червчята изпод соболя с пухом (т.е. с мехом), цена – 2 рубля 10 алтын»[4].

[1] Там же. Д. 135. Л. 2.

[2] Там же. Д. 38. Л. 1.

[3] Настрафильный – т.е. сшитый из настрафили, особого сукна.

[4] РГАДА. Ф. 210. Оп. 1 Д. 16. Ч. 5. Л. 350.

Воровство прочно входило в систему повседневно-бытовых норм поведения человека. Оно даже могло выступать в сознании некоторых жителей в качестве справедливой мести. В 1667 г. у казака Л. Трепалина сосед Т. Аристов случайно убил свинью. По разбирательству он должен был выплатить компенсацию, но Трепалин не стал настаивать на возмещении убытков своим товарищем[1]. Однако жена пострадавшего, Авдотья, была очень недовольна этим. Она пошла в гости к соседям, якобы по какому-то делу, и украла у жены Аристова руно шерсти. Когда пропажа обнаружилась, то возмущенная жена Т. Аристова отправилась на двор к Трепалиным и забрала руно назад, обвинив Авдотью в воровстве. Между женщинами завязалась драка, закончившаяся нанесением серьезных увечий. Однако шерсть все равно осталась у законных владельцев. Началось разбирательство, в ходе которого были собраны свидетельские показания в пользу жены Трепалина.

Таким образом, коллективизм и общинное начало были характерны для первого этапа существования крепостей, в конце XVI – первой трети XVII в. Во второй половине XVII столетия единство служилого «мира» уже не было столь прочным. Несмотря на то, что жители крепости были объединены общностью службы, прав и обязанностей, их формы поведения в это время уже выходили далеко за рамки коллективных ценностей. В итоге, повседневно-бытовые модели поведения служилых людей были направлены на стремление получить максимальную выгоду везде, где это было возможно.

Сельское общество

В формах поведениях сельского общества также проявились как коллективные формы поведения, так и частный интерес.

Прежде всего, коллективизм проявлялся в совместной распашке «дикого поля». В условиях нехватки крестьян каждое сельское поселение было, по сути, объединением нескольких кланово-

[1] Там же. Оп.3. Д. 103. Л. 7-9.

родовых групп[1]. Писцовые описания XVII в. показывают, что редкие семьи вели отдельную распашку земли, большинство же помещичьих семей пахали пашню коллективно – «через десятину»[2]. Это касалось не только не имевших крестьян однодворцев, которых, как мы видели, здесь к середине столетия было подавляющее большинство, но и помещиков, имевших одного-двух крестьян.

В.М. Важинский собрал и проанализировал огромное количество архивных материалов, посвященных однодворцам. Ему удалось реконструировать их социальную организацию и показать, что они составляли особую братскую общину сябров, которая сыграла главную роль в процессе хозяйственного освоения этой пограничной территории[3].

Собранные в книге В.М. Важинского об общине однодворцев материалы стали предметом детального анализа в книге американского историка Б. Девиса о «ситуации в Козлове» в 1648 г.[4]. Описывая бедственное положение местных помещиков-однодворцев, Б. Девис согласился с выводами В.М. Важинского о наличии здесь особой земельной общины. Он считал, что местные помещики жили «деревенскими коммунами» – особыми коллективными хозяйствами[5].

Конечно, коллективные действия были важны и во время нападения татар, которые начинались в апреле (после появления травы в степи) и длились до больших декабрьских снегов. Общий интерес в защите от врага заставлял людей укреплять свои села и деревни, чтобы самостоятельно дать отпор. Официально, в случае набега, сельские жители должны были укрыться в крепости. Однако нападения небольших татарских отрядов (по сути, разбойничьих банд) случались слишком часто, и каждый раз отсиживаться по несколько дней в крепости было невыгодно, поскольку это от-

[1] *Важинский В.М.* Сельские поселения Липецкого края в XVII веке. // Записки Липецкого областного краеведческого общества. Вып. 1. – Липецк, 1995. С. 30.

[2] О специфике писцовых описаний см.: *Милов А.В., Булгаков М. Б., Гарскова И.М.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII века. – М., 1986.

[3] *Важинский В.М.* Землевладение и складывание общины однодворцев. С. 168-172.

[4] *Devies L.B.* State power and community in Early Modern Russia. The Caseof Kozlov, 1635-1649. – New York, 2004.

[5] Там же. С. 118-119.

рывало людей от хозяйственных работ и наносило урон общинному хозяйству. Как правило, подходя к границам стационарного проживания русского населения, татарские отряды рассыпались небольшими группами, чтобы захватить пленных и скот, а затем быстро отступить[1]. В таких условиях представители сельского «мира» были готовы потерять несколько человек, но продолжить хозяйственные занятия без длительного перерыва, чтобы собрать осенью урожай, необходимый для жизни общины.

Приведем несколько примеров, подтверждающих эту форму поведения людей степного пограничья. В августе 1632 г. воевода Ливен жаловался в Москву, что его приказ срочно укрыться в крепости, в связи с набегами татар, сельскими жителями не выполняется: «Уездные люди в осаду в город не едут, укрепили в селах и деревнях дворы во многих местах, за острожков место»[2].

В другой раз на такой же отказ населения жаловался воевода Лебедяни. «В осаду мы не пойдем, – говорили местные крестьяне посланникам воеводы, – у нас есть свой острожек, а скажите воеводе, чтоб прислал нам сотни две нас здесь оберегать»[3]. В этом отказе содержалась ирония, ведь весь гарнизон Лебедяни едва ли насчитывал «сотни две» человек. Так иронично местный «мир» указывал на то, что способен справиться с татарами не хуже небольшого гарнизона местной крепости.

Воронежские помещики не всегда надеялись на укрепление своих деревень и заводили специальные земли «на убег от татарской войны»[4]. В надежном месте, под защитой леса или оврага, сельские жители ставили небольшие избы, в которых прятали запасы, позволяющие прожить здесь во время набега. Рядом с такими избами распахивали даже небольшие огороды. Эти укрытия

[1] *Глазьев В.Н.* Противоборство в степном пограничье в 20-40-е годы XVII века: русские и татары. // Исторические записки ВГУ. Вып. 10. 2006. С. 5-12.

[2] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. – М.-Л., 1948. С. 212.

[3] Там же.

[4] *Камараули Е.В.* Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда). // История: Факты и Символы. № 3 (16). 2018. С. 101-102.

«на убег» служили защитой для всех жителей общины, хотя формально принадлежали одному или двум помещикам. Размер же их был небольшим[1].

Коллективизм в поведении местного населения проявлялся и в промысловой деятельности. Люди объединялись, чтобы взять в аренду большие участки земель – «юрты» или «ухожаи», тянувшиеся на несколько километров в степь. В лесах она занимались бортничеством, ловили зверей и птиц, а на реках устраивали бобровые гоны, ставили неводы и запруды для ловли рыбы. Несколько семей объединялись, чтобы заниматься подобными промыслами в степи, где была постоянная опасность попасть в плен или погибнуть.

Обширные хозяйственные участки – бравшиеся в аренду «ухожи» и «юрты» – часто простирались на большие расстояния в степь. Особенно значительные угодья подобного рода существовали в районе Белгорода, Воронежа, Тамбова и Козлова[2]. Объединяясь в группы, жители сел и деревень ходили для добычи рыбы и зверя на небольших степных речках[3]. Границы «ухожаев» и «юрт» часто не были определены достаточно четко, и русское население уходило далеко на юг, где сталкивалось с донскими казаками, жившими в небольших поселениях («городках») по многочисленным извилистым притокам Дона. Многие представители сельского «мира» проводили здесь всю зиму и лето, «кормились» охотой и рыбалкой или нанимались на различную работу[4].

Ходить для промыслов на Дон было обычной коллективной практикой жителей окраины царства. Во второй половине XVII в. люди стали отправляться и на Волгу, где нанимались гребцами на торговые суда. Также ходили и на Дон, где жили в казачьих «городках», занимаясь охотой, рыболовством, бортничеством.

Дон манил жителей окраины царства, желающих заработать на торговле, ведь казаки почти ничего не производили, но имели

[1] Там же. С. 101.

[2] *Мизис Ю.А.* Заселение Тамбовского края в XVII-XVIII веках. – Тамбов, 1990. С. 45-58.

[3] *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. – Воронеж, 1991. С. 92.

[4] *Куц О.Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. – СПб., 2009. С. 82.

деньги и ценные вещи, «добытые» в боях с татарами. Ездить на Дон с товаром и деньгами поодиночке было рискованным предприятием. Это обстоятельство заставляло предприимчивое население крепостей объединяться в «караваны» и отправляться к казакам через опасную Степь. Такая торговля приносила хорошую прибыль, особенно если речь шла о ценившихся на Дону зерне и железе[1].

Итак, коллективная распашка земель, война с татарами, промысловая деятельность в степи, торговля с казаками – все это происходило в рамках форм поведения, направленных на создание единого коллектива, действующего в общих интересах. Но как далеко могли зайти границы интереса «мира»? Сложные условия степного пограничья делали эти границы довольно расплывчатыми, и позволяли местному обществу совершать коллективные действия преступного характера, а именно – заниматься коллективным грабежом или разбоем. На этой составляющей форм поведения «мира» мы остановимся подробнее.

Сельский «мир» нередко промышлял разбоем. Коллективный интерес допускал подобную форму поведения как легкий способ быстрого обогащения. Рассмотрим несколько примеров на эту тему. В 1627 г. в Курском уезде был пойман местный помещик Анисим Горбатый, который со своими крестьянами всем «миром» давно занимался грабежом проезжавших мимо его деревни. Крестьяне действовали в этих преступлениях «в послушество» (по инициативе Горбатого). Грабители старались никого не убивать, но однажды избили какого-то курянина так сильно, что тот умер. Началось следствие – «повальный обыск», который установил виновных[2].

Похожий случай известен и в Елецком уезде, где братья Степан и Василий Мягковы занимались грабежами вместе со своими крестьянами, всей деревней[3]. В обоих случаях грабежи устраивали

[1] *Новосельский А.А.* Из истории донской торговли в XVII веке. // Исторические записки. Т. 26. – М., 1948. С. 198-216; Мининков Н.А. Донское качество на заре своей истории. – Ростов-на-Дону, 1992; Добриков В.В. Причины и история донских отпусков. // Страницы российской истории: сб. научных статей; отв. ред. В.Н. Глазьев. – Воронеж, 2009. С. 15-29.

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 1 Д. 16. Ч. 6. Л. 450-458.

[3] Там же. Ч. 7. Л. 561-563.

представители небольших сельских поселений по инициативе помещиков, но были случаи и другого рода.

В 1624-1625 гг. промышляли грабежами помещики Лебедянского уезда. Мужчины одной из деревень (15 человек) периодически грабили торговцев, возвращающихся с Дона от казаков. Однажды оказался ограблен холоп боярина князя Ивана Борисовича Черкасского. У него отобрали «трое лошадей: кобылу серу аргамачецу, 15 рублев, да кабылу саврасу, цена 7 рублев», а потом, обыскав, нашли у него еще 5 рублей. Калинин отправился на поиски обидчиков и сам установил их имена, пользуясь, вероятно, именем своего хозяина – одного из членов правительства того времени[1].

Другой пример подобного рода форм поведения – грабежи, которые устраивали жители деревни Малиновой Воронежского уезда[2]. Около 10 местных мужчин грабили ночами проезжавших по Данковской дороге, проходившей возле их деревни. Они прятались в гумнах с копьями и бердышами, затем неожиданно выскакивали на дорогу и с угрозами отбирали все ценное. При этом старались никого не бить и не калечить, а награбленное делили между собой[3].

На Данковской дороге в Воронежском уезде занимались грабежом жители деревни Погибельной Елецкого уезда[4]. Всем «миром» ельчане организовали разбойную группу, которая промышляла далеко от своего села, где их никто не знал. Во главе банды из 8 человек находились авторитетные деревенские помещики, братья Данила и Прон Чурсины. Как долго продолжались эти грабежи, сказать трудно, но однажды все они были узнаны елецким крестьянином, который поехал на Дон для торговли. Разбойники отняли у него все имущество: «мерин соврас, зипун да шубу, штаны, рубаху, портки, крест, сковороду, бердышы, топор, хомут ременной, телегу и 22 рубля»[5]. Однако в следующей же деревне, куда

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 1 Д. 16. Ч. 4. Л. 245-246.

[2] ГАВО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 430. Л. 1-13.

[3] Там же. Л. 2.

[4] Там же Л. 13.

[5] Зипун – разновидность кафтана, верхняя теплая одежда без воротника, иногда использовался как домашняя одежда, и в этом случае шился из легких тканей. См.: Политковская Е.В. Как одевались в Москве и ее окрестностях в XVI-XVII веках. – М., 2004. С. 129.

ограбленный крестьянин пришел нанять новых лошадей в долг, он увидел свои вещи и «узнал тех разбойников в лицо» (ведь это были ельчане – его земляки). Крестьянин сразу донес воеводе, и разбойники были вскоре схвачены[1].

Итак, мы увидели некоторые особенности поведения членов сельского «мира», которые во многом определяли структуру повседневной жизни людей. Общинное начало, пронизывающее жизнь местного общества, сплачивало его в единый коллектив, способный эффективно действовать в общих интересах, будь то распашка целинных земель, война с татарами или разбой. Коллективизм был важной формой поведения в структуре повседневной жизни населения фронтирной зоны, он давал людям ощущение единства и поддержки в борьбе с трудностями.

Семья служилого человека

Приоритет коллективных ценностей в поведении людей делал семью важной составляющей жизни служилого человека. Само сельское общество фронтирной зоны по своей сути было объединением семейно-родовых групп. Семья играла важнейшую роль в хозяйственных работах, а семейно-родовые отношения определяли развитие сельского поселения, которое состояло из членов локализованной части рода и родственников по браку. Традиционно, вплоть до XXI в., отдельные части сельского поселения именовались по фамилии проживающей на этом участке семьи-рода (Шатово, Шилово, Котово и т.п.)[2].

Появление и развитие сельских поселений осуществлялась при участии нескольких семейно-родовых групп. Именно семья переезжала на новое место жительства и становилась опорой в хозяйственной и бытовой жизни поступившего на службу переселенца. Семья была необходимым способом социальной орга-

[1] Там же.

[2] Эти названия сохранились вплоть до нашего времени. См.: Пискулин А.А. От Подстепья до Поморья. Елецкий край и Выговский край – исторические регионы России в творчестве И.И. Бунина и М.М. Пришвина. – Елец, 2012. С. 75-76.

низации в сложных условиях степного пограничья. Группы семей образовывали не только отдельные населенные пункты, но и локальные группы поселений выходцев из одного региона, имевших родственные связи.

В сельской местности семейно-родовая сплоченность была нормой, способствовавшей поддержанию общего благополучия. Родственники-соседи осознавали общее единство, выступая партнерами в распашке земель, а также при совместных обрядовых действиях (особенно, пиршествах в праздничные дни аграрного календаря[1]). Выше мы могли убедиться в том, что эти обстоятельства вовсе не являлись для членов сельского общества гарантией добрососедских отношений, а были вынужденными регуляторами общей зависимости в трудных условиях жизни на фронтирной территории.

В жизни населения крепости семья играла не менее важную роль. Семья здесь так же, как и в сельской местности, была первоначальной социальной единицей, опорой в борьбе за личное благополучие и частью общины в случае, если это было необходимо. Когда в 1592 г. шло строительство Ельца, местные власти внимательно следили затем, чтобы приехавшие служилые люди, обустроившись на новом месте, привозили в крепость свои семьи[2]. Это неудивительно, ведь семья была опорой служилого человека, постоянно занятого многочисленными обязанностями, и гарантией его материальной стабильности.

Общество XVII в. было патриархальным[3]. В переписных книгах упоминание о женщинах было большой редкостью, они также почти никогда не подавали челобитные и редко участвовали в решении гражданских дел. Женщина обычно упоминается в документах уже после смерти мужа, в случае, если она вторично не вышла замуж. Только вдова признавалась главой семьи и приобретала определенный набор общих прав. Для государства в этом

[1] Об особенном смысле пиршеств, как собрания членов одного рода см.: Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. – М., 2005. С. 781.

2 Российская крепость на южных рубежах. С. 35.

[3] *Коллманн Н.Ш.* Соединенные честью. Государство и общество в России раннего нового времени. / Пер. с англ. А. Б. Каменский; науч. ред. Б. Н. Флоря. – М., 2001. С.113-158.

была практическая необходимость, поскольку вдова теперь обязывалась платить необходимые подати[1].

Семейную иерархию XVII в. можно восстановить по документам[2]. Материалы расспросов («сказок») показывают нам, что, описывая свою семью, люди начинали всегда с мужчины (понятно, что он был главой семьи), затем шли его родители, после – родители жены, затем братья, следом братья жены, сама жена, сыновья, племянники, невестка, дочь и внуки. Подобное полное описание семьи характерно для середины – второй половины XVII столетия, когда в старых городах-крепостях выросло второе поколение, и сформировалась так называемая «большая семья».

С раннего детства на мальчика смотрели как на работника, особенно, если его отец – крестьянин, служилый или посадский человек. Мальчик, родившийся в семье помещика, претендовал и на участок земли. В материалах смотра дворян Елецкого уезда 1622 г. за мальчиками-сиротами, потерявшими родителей в Смуту, записывались поместья и крестьяне, хотя некоторым из них не было от рождения и года[3].

К 16-18 годам (времени поступления в службу) сын служилого человека должен быть пригодным к участию в военных действиях. С 12-13 лет грамотные мальчики уже могли служить в мелких чиновниках. Так, в Ельце в 1615 г. кабацким целовальником значился Ермол Стерлигов, которому не было и 15 лет. Кстати, на него свалили кражу денег из кабацкой казны, случившуюся в этом году. Когда елецкий воевода допрашивал Ермола, то его показания путались, в связи с чем воевода сетовал в своем отчете: «Спрашиваем: крал ли ты Ермочка государеву казну? И он говорит, что крал, а начнем спрашивать, что крал или чего не крал, и он говорит, что не крал... а тот малый мал, не смыслит»[4].

[1] ГАВО. Ф. И-182. Оп. 2. Д. 165. Л. 3; Там же. Д. 164. Л. 18.

[2] См.: *Ляпин Д.А.* Из истории семейных отношений на Руси в XVII веке. // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция: материалы научной конференции молодых ученых 23-24 марта 2012 г. – Воронеж, 2012. С. 124-126.

[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 87. Л. 290-292-об.

[4] Там же. 1615 г. Д. 2. Л. 41-43.

Документы Воронежской приказной избы показывают, что детей часто привлекали к различным работам, например, выпасу скота, а иногда отдавали на лето трудиться наймом перевозчику или кузнецу, за что родители получали плату, а их воспитанник – пропитание и жизненный опыт.

На девочку в семье тоже смотрели как на работницу. Как показывают материалы «сказок», девочка жила в семье обычно до 17-18 лет, а затем выходила замуж и покидала семью. Из тех же документов видно, что скотину, пасшуюся за городом, при нападении крымских татар спешили загонять домой молодые девушки, которые из-за этого иногда попадали в неволю[1].

Поскольку семья в жизни человека играла огромную роль, то брак был одним из центральных событий его жизни. В 1659 г. из 2210 взрослых жителей Ельца только один был не женат[2].

Несмотря на различные субъективные обстоятельства, семья была, как мы говорили, важной опорой в реализации индивидуальных стремлений к материальному достатку. В этой связи на женщину в семье смотрели, прежде всего, как на работницу. Показательно, что в ноябре 1593 г., во время отсутствия в Ельце по служебным делам сотника О. Каверина, стрелец А. Казлитин украл его «жонку с добром». С чужой женой он бежал на свою родину – Ливны[3]. Как выяснилось позже, ограбить сотника и украсть его жену было решено Казлитиным в качестве компенсации за моральный ущерб. После долгих разбирательств жену сотнику вернули.

Интересный случай из истории семейных отношений произошел в 1617 г. От елецкого помещика Д. Сухитина бежали две крестьянские семьи к соседнему помещику С. Маняхину. Началась тяжба, по итогам которой в 1621 г. всех крестьян Маняхин вернул, кроме крестьянки Анны. Этот факт не сразу обнаружился, и только в 1623 г. он начал добиваться возвращения своей крестьянки. В челобитной в Москву по этому делу он обращал внимание на то,

[1] Там же. 1659 г. Д. 433. Л. 77.

[2] *Ляпин Д.А.* Из истории обороны южных рубежей Российского государства в середине XVII в. // Исторические записки ВГУ. 2007. Вып. 13. С. 43.

[3] Там же. Ф. 141. 1593. Д. 1. Л. 159.

что Анна замужем и у нее есть семилетняя дочь, которая живет с отцом. Однако Маняхин крестьянку отдавать не желал. Интересно, что семья Анны: муж, отец и мать – не требовали ее возвращения; во всяком случае, документов, подтверждающих это, не имеется[1].

Патриархат нашел свое отражение и в том, что в официальных документах женщина всегда именуется по мужу, даже если описывался вдовий двор: «вдова Федора Сергеева» или вдова «Тимофеевская жена Прасковьица». Это легко объясняется тем, что женщины наделялись правами только в случае отсутствия в доме взрослого мужчины, ведущего самостоятельное хозяйство. Именно так женщины становились торговками. С 1636 г. лавкой своего покойного мужа, воронежского посадского человека Т. Веневитина, на протяжении 18 лет до самой смерти владела его вдова Татьяна. И этот случай был не единственным, хотя чаще вдовы продавали лавки другим хозяевам или дожидались достижения сыновьями совершеннолетия и передавали все торговые дела им[2].

Большую роль в семье играли отношения между братьями. Сам термин «братия» означал тесные, дружеские связи, принадлежность к чему-то единому, сплачивающему и объединяющему. В документах иногда мы видим, как помогали братья друг другу, как способствовали карьере и ведению хозяйственной деятельности. Здесь опять же действовала личная выгода системы родства.

Рассмотрим пример на эту тему. В 1625 г. елецкий стрелецкий сотник Ельца Ф.И. Тюнин решил выкупить из турецкого плена своего брата Богдана. С этой целью в 1624 г. он явился в Москву, где ему выдали из тюрьмы пленного татарина. Филипп Иванович взял пленника под расписку, «что б ему того татарина не истерять». Весной 1625 г. в Посольском приказе он получил разрешение на обмен пленными. 4 апреля 1625 г. воронежский воевода получил

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 19. Д. 9. Ч. 1. Л. 287-288.

[2] *Мизис Ю.А.*Женщины в городской торговле на юге России в XVII в. // Женская повседневность в России в XVIII-XX вв. – Тамбов, 2003. С. 21-23; Он же. Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. – Тамбов, 2006. С. 393-396.

грамоту, в которой предписывалось встретить Ф.И. Тюнина с татарином для обмена на его брата Богдана. В Воронеже татарин был посажен в тюрьму. В это же время Богдан был привезен в Азов, о чем сообщили в Воронеж. После этого татарин «с порукой» был выпущен из тюрьмы. Одновременно из Азова отпустили и Богдана[1]. Выходцы из турецкого плена, как правило, очень ценились, они получали хорошие должности. Выкупив брата, Ф.И. Тюнин в своей карьере заручился поддержкой родственника, которому вскоре дали пост елецкого осадного головы.

Таким образом, семейная сплоченность была важной формой поведения служилого человека, где за традицией скрывался практический интерес: семья, род, клан помогали выстоять в сложное и нестабильное время, каким и было, по преимуществу, XVII столетие на степном пограничье.

4.3. «Черкасы», «люди литовские» и «руские люди» на южной окраине России

Изучение истории восточных славян, в том числе современных русских и украинцев, имеет большую историографическую традицию. Вместе с тем, нельзя сказать, что вопрос о наименовании в XVII в. восточнославянского населения Речи Посполитой, ставшего в дальнейшем украинским народом, удовлетворительно разрешен. Жителей территории Украины XVI-XVII веков историки XIX в. преимущественно называли «малороссиянами»[2]. Исключение составляют труды украинских исследователей этого времени[3]. С.М. Соловьев, говоря о населении украинских земель Речи

[1] *Глазьев В.Н.* Власть и общество на Юге России в XVII в. – Воронеж, 2001. С. 190.

[2] См. например: Бантыш-Каменский Д.Н. История Малой России. Изд. 3-е. – М., 1842; Илляшевич Л.В. Краткий очерк истории харьковского дворянства. – Харьков, 1885.

[3] Представители дореволюционной украинской националистической историографии уже тогда, исходя из своих идеологических представлений, предпочитали термин «украинцы». (См.: Кулиш П.А. История возсоединения Руси. Т. II. – СПб., 1874. С. 143; Грушевский М. История украинского казачества до соединения с Московским государством.

Посполитой, предпочитал оперировать термином «казаки»[1]. В XX в. за ними в исторической литературе закрепилось наименование «украинцы»[2]. Как правило, все термины употреблялись как очевидные, без всякого обоснования правомерности их применения.

Думается, что в некоторой степени прояснить вопрос о наименовании восточнославянского населения можно на основе изучения исторических материалов, связанных с южной окраиной России. В XVI-XVII вв. эта территория граничила с украинскими землями, принадлежавшими Речи Посполитой. Днепро-Донская лесостепь стала районом достаточно регулярного и довольно тесного соприкосновения подданных двух соседних держав. Процесс порубежного взаимодействия отразился в российской делопроизводственной документации. В отписки российских пограничных воевод из разговорной речи попадали различные наименования подданных Речи Посполитой. Упомянутые названия продолжали бытовать в российской документации. Анализ материалов приказного делопроизводства (документы конца XVI – первой половины XVII в., отложившиеся в фондах Посольского и Разрядного приказов и связанные с жителями украинских земель Речи Посполитой (хранятся в Российском государственном архиве древних актов), предоставляет возможность изучения терминологии с целью определения правомерности ее применения в современном научном языке.

В этой связи следует остановиться на вопросах использования понятий «Украина» и «украинцы». Проблема происхождения

Т. II. – Киев, 1914. С. 19; Василенко Н.П. Очерки по истории Западной Руси и Украины. – Киев, 1919; Целевич О. Участь казаків в Смоленській війнп 1633-4 рр. // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Т. 28. Кн. 2. – Львів, 1899. С. 1-72.) Такой же терминологии придерживалась А.Я. Ефименко, которая подчеркивала свою непричастность к «южнорусскому национальному субъективизму». Тем не менее, ее работа вполне созвучна трудам украинских историков второй половины XIX в., недаром она была переиздана в Украине в конце XX столетия (Ефименко А.Я. История украинского народа. – Киев, 1990). Вместе с тем, встречаются работы с другой терминологией. И.М. Каманин применял такие понятия как «южноруссы» и «малороссы» (Каманин И.М. Богдан Хмельницкий, гетман. – Киев, 1888; Он же. Очерк гетманства Петра Сагайдачного. – Киев, 1901).

[1] *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. V. – М., 1995.

[2] Подробнее об этом см. ниже.

украинцев (в современном понимании этого слова), в силу воздействия различных идеологических клише, чрезвычайно запутана и степень ее разработки далека от завершения[1]. Длительное время в отечественной историографии господствовало представление, согласно которому, в конце XIV в. украинский народ уже вполне сформировался[2]. Первая попытка полного академического описания украинцев как этнической общности была предпринята учеными Института этнологии и антропологии Российской академии наук и Института политических и этнонациональных исследований Национальной академии наук Украины в 2000 г. Результатом стал коллективный труд «Украинцы». В нем отмечается сложность этнической истории украинцев, которая проявилась в многообразии их самоназваний (этнонимов) и названий края. Авторы упоминают о существовании разноречивых мнений по поводу происхождения описываемого ими народа, но выделяют два основных. Первое связано с так называемой «теорией непрерывного развития народов». Согласно этой теории, прямыми предками украинцев было обитавшее на территории современной Украины неолитическое население. Последнее эволюционировало сначала в невров, затем в антов, далее в русов периода Киевской Руси и, наконец, в украинцев. Второе мнение – так называемая «академическая точка зрения». Согласно ей, формирование украинцев началось в период феодальной раздробленности Древнерусского государства (XII-XIII вв.), а завершилось в XIV-XV вв. Далее подчеркивается, что обе точки зрения небесспорны, но ближе к истине вторая, поскольку термин «Украина» встречается в Ипатьевской летописи под 1187 г., а следовательно, этногенетический процесс должен был начаться ранее этого времени[3].

[1] Подробнее см.: Восточные славяне в XVII-XVIII веках: этническое развитие и культурное взаимодействие. // Славяноведение. № 2. 2002. С. 3-35; Sysyn F.E. Concept of Nationhood in Ukrainian History Writing, 1620-1690. Vol. X. // Harvard Ukrainian Studies. – Cambridge, 1986. P. 393-423 (далее – HUS).

[2] См.: *Мавродин В.В.* Происхождение русского народа. – Л., 1978. С. 146; Народы мира: историко-этнографический справочник. – М., 1988. С. 472.

[3] См.: Украинцы. – М., 2000. С. 5-19.

Б.Н. Флоря отметил, что с конца XIV в. можно говорить о разных исторических судьбах восточного славянства в рамках новых многоэтнических государств: Великого княжества Литовского и Польского королевства, с одной стороны, и формирующегося Русского государства, с другой. Однако, по его мнению, с этого времени лишь возникают объективные предпосылки для формирования нескольких восточнославянских народностей. Проанализировав взгляды элиты Речи Посполитой, Б.Н. Флоря выделил последнюю четверть XIV в. как время, когда осознание различий привело к переменам в характере этнического самосознания восточных славян на территории этого государства[1]. Затем исследователь констатировал, что «... процесс этнической дифференциации между восточными славянами в Речи Посполитой и в России в конце XVI – первой половине XVII в. зашел достаточно глубоко, но было еще далеко до его окончательного завершения: представление о единстве всех восточных славян, как особой этнической общности, продолжало занимать значительное место»[2]. В дальнейшем Б.Н. Флоря еще более определенно охарактеризовал процесс этнического развития восточного славянства в XV-XVII вв.: «Очевидно, что с конца XIV в. пути исторического развития двух частей восточных славян разошлись. Те из них, которые оказались в составе Великого княжества Литовского и Польши, пошли по одному пути, а путь восточных славян, объединившихся в рамках Русского государства, был иным. Хотя сохранялось много общего в исторических традициях, верованиях, обычаях, но вместе с тем постепенно, на протяжении XV-XVI вв., нарастала большая сумма сначала социальных, а затем и культурных отличий. Как мне представляется, объективным итогом этого стало то, что где-то к XVII в. по обе стороны границы стали воспринимать другую часть восточных славян как близкий, родственный, но все-таки иной, особенный, народ»[3].

[1] *Флоря Б.Н.* О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья – раннего Нового времени. // Россия – Украина: история взаимоотношений. – М., 1997. С. 12-16.

[2] Там же. С. 19.

[3] Восточные славяне... С. 8-9.

В первой половине XVII в. православное население Польши именовало себя «русским», а слово «украинец» означало жителя окраины. Но русские, жившие в России (в том числе и на южной ее окраине), четко отделялись от русских Польши и именовались «российскими»[1].

Существует и иная точка зрения. Согласно ей, самоназвание «украинец» в XV-XVI вв. использовалось наряду с древнерусскими: «руськи» и «русские»[2]. Между тем, зачастую трудно точно определить, что скрывается за первым термином. Так, Николай Мархоцкий, рассказывая о Лжедмитрии II, пишет следующее: «... Дмитрий набрел на Виляревского, который шел к нему с Киевской Украйны. Его послал князь Роман Рожинский с тысячью украинцев»[3]. В приведенном примере содержание понятия «украинцы» не ясно. При желании, его можно толковать и как этноним, и как название жителей украинских земель Речи Посполитой, не зависящее от их национальной принадлежности.

В отечественной исторической литературе прочно утвердился термин «Украина» (для обозначения Левобережья Днепра) и «украинцы» (по отношению к населению этих территорий в XVI-XVII вв.)[4]. В официальных документах Речи Посполитой употреблялось словосочетание «украинское пограничье» (например, в указе Сигизмунда III 1590 г.)[5]. В географическом значении употребляет термин

[1] См.: *Гумилев Л.Н.* От Руси к России: Очерки этнической истории. – М., 1992. С. 244. (Примеч.); Русина О.В. Україна під татарами і литвою.— Київ, 1998. С. 276-277.

[2] Украинцы... С. 20.

[3] *Мархоцкий Н.* История Московской войны. – М., 2000. С. 29.

[4] См. например: *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. – М., 1962. С. 418-419; Алекберли М.А. Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии во второй половине XVI – первой половине XVII веков. – Саратов, 1961. С. 37; Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. – М., 1972. С. 164; С. 311; Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. – М., 1978. С. 17 и последующие; Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. – М., 1990. С. 7-8; Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. Вып. 1. – М., 1992. С. 183; Вып. 2. Кн. 1. М., 1995. С. 392; С. 439-446.

[5] *Кулиш П.А.* Отпадение Малороссии от Польши. Т. I. // ЧОИДР. № 2. Отд. III. 1888. С. 52-53.

«Украйна» в своей работе, напечатанной в Париже в 1651 г., Г. де Боплан, французский инженер, служивший в Речи Посполитой[1].

Также необходимо помнить о неправомерности применения макротопонимов «Малороссия» и «Малая Русь» по отношению к территории современной Украины в XVI-XVII вв.[2] Появление термина «Малая Русь» в литературных сочинениях конца XVI в. и в сфере церковных отношений не является достаточным основанием для использования его при обозначении этнической территории украинцев[3]. Думается, что данные наименования можно употреблять только с середины XVII в. В это время словосочетание «Малая Русь» было включению в титул царя Алексея Михайловича и вошло в официальный язык. С таким подходом к терминологии согласны авторы обобщающих работ[4] и иностранные исследователи[5]. Эти и другие факты дали основание для продолжения использования современными учеными термина «Украина» для обозначения Днепровского Левобережья и «украинцы» по отношению к славянскому населению этой территории[6]. При этом,

[1] *Боплан Г.* Описание Украйны. – СПб., 1832. Новейшее украинское издание: де Боплан Г.Л. Опис України, кількох провінцій Королівства Польського, що тягнуться від кордонів Московії до границь Трансільванії, разом з іхніми звичаями, способом життя і ведення воєн. – Київ, 1990. Факсимильное воспроизведение французского издания 1660 г.: де Боплан Г.Л. Описание Украины, нескольких провинций королевства Польского, которые тянутся от границ Московии до границ Трансильвании, вместе с их обычаями, способом жизни и ведения войн. – Киев, 1990.

[2] *Русина О.В.* Указ. соч. С. 276.

[3] См.: *Флоря Б.Н.* О некоторых... С. 16-17.

[4] Украинцы... С. 19.

[5] См. например: *Bushkovitch P.* The Formation of f National Consciousness in Early Modern Russia. // HUS. Vol. X. 1986. P. 356; Sysyn F.E. Between Poland and the Ukraine. – Cambridge, 1985. P. XIII; P. 20-31, 136.

[6] См.: *Заборовский Л.В.* Переяславская рада и московские соглашения 1654 года: проблемы исследования. // Россия – Украина... С. 43; Яковлева Т.Г. Генезис государственной идеи в Украине на примере договоров с Польшей и Россией. // Там же. С. 51; Санин Г.А. Антиосманские войны в 70-90-е годы XVII века и государственность Украины в составе России и Речи Посполитой. // Там же. С. 61; Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи. // Там же. С. 126; Скрынников Р.Г. История Российская. IX-XVII вв. – М., 1997. С. 443; Солодкин Я.Г. Украинцы в Сибири конца XVI - начала XVII вв. // Социокультурная динамика Ханты-Мансийского автономного округа сегодня и в перспективе XXI века. – Сургут, 1999. С. 37-41; Смолій В.А., Степанов В.С. Українська національна революція XVII ст. – Київ, 1999. С. 41-61.

признавая необходимость упорядочения понятийного аппарата и отсутствие в исторических источниках соответствующих терминов, специалисты, обсуждая вопросы развития восточных славян в XVII в., вынуждены использовать понятия «украинцы», «украинско-белорусское влияние» и т.п.[1]

Еще М.К. Любавский обратил внимание на изменение содержания термина «Украина» («Украйна») в XVI-XVII вв. Изначально «Украиной» в Литве и Польше называлась вся южная окраина обоих государств. Со второй половины XVI в. это название стало утверждаться за Киевским и Брацлавским воеводствами. После Деулинского перемирия 1618 г. данное наименование распространилось и на ту часть Чернигово-Северской земли, которая отошла к Польше от России и в 1635 г. образовала Черниговское воеводство[2].

Жители украинских земель Речи Посполитой (в дальнейшем, действительно, на этих территориях сформировался современный украинский народ) в российских документах конца XVI – первой половины XVII в. именовались «черкасами» или «людьми литовскими». Необходимо определить содержание и соотношение указанных понятий более детально.

Б.Н. Флоря отметил, что в московских источниках первой половины XVII в. восточнославянское население Речи Посполитой обозначалось как «черкасы» и «белорусцы»[3]. Наблюдения над приказной документацией позволяют предположить, что последний термин использовался гораздо реже и, как правило, в связи с вопросами вероисповедания. Обычно так называли православных священников, прибывавших из Речи Посполитой, православных подданных Польской короны, противопоставляя их католикам или униатам, а также православным, жившим в России. «Белорусцев», принявших российское подданство, полагалось «для ис-

[1] См.: Восточные славяне... С. 13-17.

[2] Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. – М., 1996. С. 335.

[3] *Флоря Б.Н.* Отношение украинского казачества к Речи Посполитой во время казацких восстаний 20-30-х годов XVII века и на начальном этапе Народно-освободительной войны. // Славяноведение. № 2. 2002. С. 38.

правления веры» помещать «под начала» в российские монастыри наряду с выходцами из татарского плена и иноверцами, готовящимися к принятию православия[1]. Впрочем, вопрос о содержании термина «белорусец» требует дальнейшего исследования[2].

Как уже говорилось ранее, жителей городов Днепровского Левобережья, принадлежавших Речи Посполитой, в России называли «черкасами». Появление термина «черкасы» связано с г. Черкасы, ставшем во второй половине XVI в. центром украинского казачества. Впрочем, в конце XVI в. применение этого термина еще носило эпизодический характер. В частности, в наказах от 20 декабря 1586 г. русским посланникам Е. Ржевскому и З. Свиязеву, отправлявшимся в Речь Посполитую, говорилось: «А ныне внове киевской воевода князь В. Острожской поставил город новой Переяславль на границе к нашей украйне, к Чернигову и к Путивлю. И ис тово нового города черкасы приходят в нашу землю в Черниговской и в Путивльской уезд, людей наших бьют, грабят и в бортные ухожеи вступаютца через старые рубежи...»[3].

Используется термин «черкасы» и при описании пограничных конфликтов в грамоте к киевскому воеводе кн. В. Острожскому, составленной «по указу государя царя и великого князя всея Руси и по боярскому приговору» 25 июня 1590 г. от имени черниговского воеводы кн. А. Хилкова[4]. А в послании Бориса Годунова к радным панам Речи Посполитой, отправленном в мае 1592 г. по сходному поводу (порубежные конфликты, связанные с постройкой в приграничной зоне кн. А. Вышневецким г. Лубны), термин «черкасы» не употребляется. В этом случае имеет место довольно расплывчатая

[1] См.: например: Воссоединение Украины с Россией. Т. I. № 153. – М., 1954. С. 261-262 (далее – ВУСР); Там же. Т. II. № 101. С. 224; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 552. Лл. 114-116; Там же. Столбцы Московского стола. № 169. Л. 325. В отписке воронежского воеводы Андрея Солнцева (сентябрь 1641 г.) употребляются выражения «белорусец-черкашенин» и «черкашенин-белорусец» по отношению к служившему в с. Костенки Воронежского уезда Семену Гаврилову Переяславцу (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 154. Л. 113-115).

[2] См.: Флоря Б.Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII-XV веках. // Славяноведение. № 2. 1993. С. 42-46.

[3] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 17. Л. 10-об.-11.

[4] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 20. Лл. 190-об.-195-об.

формулировка – «государя вашего люди» (проживающие в Лубнах, Каневе, Черкассах и Переяславле)[1].

Несколько более четкая терминология характерна для документов, отложившихся в фондах Разрядного приказа. К примеру, в 1623 г. жители Севска, вернувшиеся из Новгорода-Северского от своих родственников[2], говорили воеводе Г. Горихвостову: «А черкасы ныне все в порубежных городках, ... слышали у новгородского казака, у Федьки Почепая, что ссора учинилась у путивльцев с новгородским капитаном, и за то де черкасы, собрався из порубежных городов, хотят приходить на украинные города»[3]. Впрочем, и эти документы позволяют говорить о сомнениях относительно точного содержания термина «черкасы». А вот в отписке валуйского воеводы Н. Оладьина речь явно идет о казаках («черкасах»), ограбивших 25 декабря 1626 г. Святогорский монастырь и устраивавших засады по Северскому Донцу и по Осколу[4].

Достаточно уверенно можно утверждать, что реестровых казаков Речи Посполитой, в том числе и исключенных – «выписанных» из реестра, в России чаще всего называли «черкасами»[5]. Такие термины встречаются в документах, начиная с первых десятилетий XVII в. К примеру, согласно статейному списку 1616 г., русский посол в Речи Посполитой князь Г.К. Волконский должен был говорить о разоблачении российскими должностными лицами Самозванца в письмах «к ротмистром и к черкасским атаманам». Она используется и при изложении речи российского дипломата перед польским королем[6]. В этом случае под «черкасами» следует понимать определенную общественную группу.

[1] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 22. Л. 83-об.-85.

[2] В 1618 г., по Деулинскому перемирию, Чернигов и Новгород-Северский отошли к Польше.

[3] АМГ. Т. I. № 164. С. 187.

[4] АМГ. Т. I. № 189. С. 207.

[5] См.: АМГ. Т. I. № 436. С. 411; Дд. Кн. II. С. 95-96, 242, 364, 794-795, 810-811, 813, 869, 897; ВУСР . Т. I. № 72. С. 124-125; № 74. С. 127-129; № 163. С. 274-275; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 99. Лл. 260, 263.

[6] См.: Сб. РИО. Т. 137. № 12. С. 243, 249, 322.

Запорожцев в российском делопроизводстве XVI-XVII вв. также большей частью именовали не «запорожскими казаками», а «запорожскими черкасами»[1]. Хотя имеются случаи одновременного использования упомянутых терминов. К примеру, А. Васильев, вышедший из Речи Посполитой в 1631 г., утверждал: «Слышел де он в Батурине от запорожского казака, от Демки, у которого казака он жил, и от иных черкас, как де из Польши придет на сю сторону Днепра гетман Конецпольской с людьми, и ему де, договорясь с черкасы, иттить на твою государеву землю, а черкасом, государь, в Запороги никому итти не велено»[2].

Использование термина «запорожские черкасы» характерно не только для делопроизводства Разрядного приказа, но и для дипломатических документов, отправлявшихся из Российского царства в Речь Посполитую[3]. Показательный факт: московские дьяки в апреле и мае 1589 г., составляя наказы А.Ф. Зиновьеву, которого посылали на Поле, оперировали двумя категориями: «запорожские черкасы» (для обозначения отряда М. Федорова, подавшего челобитную о приеме на российскую службу) и «воры-черкасы» (для обозначения разбойничьих отрядов). А после того как отряд М. Федорова поступил на российскую службу, его казаков стали называть «служилыми черкасами»[4].

О «запорожских черкасах», идущих вместе с крымскими татарами на российские земли, писал в марте 1629 г. белгородский во-

[1] См.: АМГ. Т. I. № 427. С. 404-405; № 595. С. 552; № 635. С. 585; АМГ. Т. II. № 168. С. 109; № 324. С. 201; № 356. С. 231; АЮЗР. Т. III. № 8. С. 13; № 294. С. 377; № 295. С. 377; № 297. С. 380; № 305. С. 417; Кулиш П.А. Материалы для истории воссоединения Руси. Т. I. – М., 1877. С. 99; Дд. Кн. I. С. 275; С. 355, 701, 831; Кн. IV. С. 367, 454, 496; Сб. РИО. Т. 137. № 15. С. 515; ВУСР. Т. I. № 14. С. 27; № 37. С. 70-72; № 71. С. 123-124; № 114. С. 189; № 132. С. 220-221; № 143. С. 244-245; Там же. Т. II. № 92. С. 210-215; РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; № 169. Л. 323; Там же. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 12. Л. 515; № 101. Л. 386-387; Там же. Столбцы Белгородского стола. № 8. Л. 599; № 11. Л. 271; № 24. Л. 379; № 53. Л. 332; № 54. Л. 60; № 99. Л. 23-24; № 323. Л. 56, 634; 672; № 302. Л. 74-75; Там же. Столбцы Севского стола. № 99. Л. 432.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 40. Л. 65-66. См. также: Там же. Столбцы Белгородского стола. № 24. Л. 171-172.

[3] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 32. Л. 135-135-об.; Кн. 47. Л. 175-об.

[4] См.: АРП. Т. I. № 238. С. 249-251; № 240. С. 252-254; № 242. С. 261.

евода И. Еропкин[1]. Спустя несколько лет, в 1636 г., лазутчики, посланные из Рыльска в Речь Посполитую, сообщая об объявлении королевского указа «всяким охочим людем писаться в казаки», использовали название «люди литовские». Тогда же И. Данилов, выходец из Речи Посполитой, описывая те же события, использовал термин «черкасы»[2].

Путивлец П. Юденков в сентябре 1649 г. излагал содержание слов конотопского мещанина М. Иванковца: «... Сыскано де в Войске Запорожском блаженные памяти прежних государей московских жалованье, и черкасский де гетман Богдан Хмельницкий хочет послать бить челом тебе, государю, чтоб ты, великий государь, им, черкасом, дал свое государево жалованье, как и прежде сего московские государи им, черкасом, свое государево жалованье давали; а будет де ты, государь, их не пожалуешь, и им, запорожским черкасом, своего государева жалованья не укажешь, и ему, черкасскому гетману Богдану Хмельницкому, с черкасы и с татары однолично итти на твое государево Московское государство». В приведенном тексте, несмотря на упоминание «Войска Запорожского», казаки и сам гетман именуются «черкасами»[3]. Причиной, видимо, является то, что информация исходила из уст жителя Путивля, для которого такое название было привычным.

Имеются примеры употребления в одном документе различных терминов и по отношению к жителям украинских земель Речи Посполитой. К таковым относится отписка, направленная в Москву в 1648 г. из Севска. Докладывая о выполнении государева указа, воеводы писали: «... Учинили мы ... сотни и велели им стоять день и ночь безпрестанно с великим береженьем, для того чтоб татаровя и черкасы, пришед в Комарицкую волость, людей не побили и в полон не поимали...» И далее: «... июня ж в 16 день, о полднех приезжали де к ним в деревню Рожкович из Новгородцкого уезду Северского запорожских казаков человек с 50 и больше...»[4]

[1] АМГ. Т. I. № 216. С. 244.

[2] АМГ. Т. I. № 318. С. 337; № 328. С. 346.

[3] АЮЗР. Т. III. № 283. С. 358.

[4] АМГ. Т. II. № 354. С. 229; ВУСР. Т. I. № 113. С. 185-189.

Наименования «черкасы» употреблялось при записи «распросных речей» запорожских казаков[1]. К сожалению, нельзя однозначно определить, использовал ли пленный запорожец Иван Давыдов название «черкасы» для обозначения своих товарищей сам, или в документ этот, привычный для российских чиновников, термин был внесен подъячим, записывавшим показания. Последний вариант представляется более вероятным. В челобитных выходцы из Днепровского Левобережья именовали себя «черкасами», «переезжими черкасами», «выезжими черкасами» и «нововыезжими черкасами» (в единственном числе употреблялась форма «черкашенин»)[2]. Такие же термины утвердились в других видах документов приказного делопроизводства[3]. При анализе подобных бумаг необходимо учитывать тот факт, что практически все они составлены русскими людьми, а не самими переселенцами, которые, как правило, не владели русской грамотой.

Жители украинских земель Речи Посполитой, переселявшиеся в Россию и поступавшие на службу, получали наименование «служилых черкас» или «верстанных черкас»[4]. Несмотря на переход в российское подданство и поступление на службу, черкасы зачастую продолжали именовать себя иноземцами. Определение «иноземец-черкашенин» постоянно встречается в их челобитных, «распросных речах» и других документах[5].

[1] См.: АМГ. Т. I. № 610. С. 570.

[2] АМГ. Т. II. № 165. С. 107; ВУСР. Т. I. № 164. С. 275; № 167. С. 279; № 169. С. 281; № 194. С. 319; № 237. С. 399; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 83. Л. 655; № 121. Л. 619; № 170. Л. 348; № 231. Л. 265; Л. 424; № 302. Л. 94-96; Там же. Столбцы Приказного стола. № 99. Л. 392-398; № 132. Л 98.

[3] См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 170. Л. 751; № 231. Л. 135; Там же. Столбцы Приказного стола. № 99. Л. 407; № 124. Л. 7, 274, 276; № 132. Л. 82; № 163. Л. 194. Иногда по отношению к выходцам из украинских земель Речи Посполитой применялось словосочетание «литовские переезжие черкасы» (см.: Там же. Столбцы Белгородского стола. № 99. Л. 82).

[4] АМГ. Т. II. № 483. С. 299; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 219. Л. 231; № 266. Л. 11; Там же. Столбцы Севского стола. № 143. Л. 32.

[5] См.: Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. – М., 1915. С. 13; ВУСР. Т. I. № 274. С. 463; Там же. Т. III. № 76. С. 158-159; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 57. Л. 594; Там же. Столбцы Белгородского стола. № 132. Л. 75; № 82. Л. 86; № 188. Л. 76; № 231. Л. 185, 265; Там же. Столбцы Поместного стола. № 24. Л. 208; Там же. Столбцы Приказного стола. № 99. Л. 388-389, 519, 535-536; № 124. Л. 107, 365; № 163. Л. 32, 460.

Впрочем, иногда данные термины отделяются друг от друга. Примером служат слова отписки яблоновского воеводы Бориса Пушкина, датируемой 30 августа 1641 г.: «А в Яблонове, государь, у казаков и у стрельцов в сотниках иноземцы ж литовские переезжики, которые присланы с Москвы по твоему государеву указу, Сенька Шишаковстой с товарыщи три человеки. И те, государь, иноземцы с короченскими черкасы водятца беспрестанно, а как, государь, случитца послать на твою государеву службу в походы за твоими государевыми неприятели, за бусурманы, за татары и за изменники за черкасы, и я, холоп твой, тех сотников иноземцов в походы посылать не смею, да и верить немошно»[1]. Порой называли выезжих черкас «иноземцами» представители администрации, а также других слоев российского общества. К таковым случаям, в частности, относятся грамота оскольскому воеводе из Разрядного приказа (10 сентября 1636 г.)[2], челобитная воронежского попа Савелия и полкового казака Василия Козакова (июнь 1639 г.)[3]. Кроме того, в своей отписке корочанский воевода докладывал о том, что довел до сведения черкас следующий текст царской грамоты: «... Государь для иноземства их пожаловал, велел им на нынешний, на 154-й год дати свое государево денежное жалованье...»[4]. Точно такие же обороты присутствуют в грамоте из Разряда в Воронеж и в ответной воеводской отписке (март-июль 1647 г.)[5]. Крайне редко встречается определение «зарубежный черкашенин», которое, в противоположность словосочетанию «иноземец черкашенин», применялось только по отношению к подданным Речи Посполитой[6].

Понятие «черкасы» в приведенных примерах не имело этнического значения. Об этом говорит использование рассматриваемого термина в совокупности с названием города, по аналогии с другими служилыми корпорациями: «белгородские черкасы»[7],

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 154. Л. 32-33.

[2] ВУСР. Т. I. № 99. С. 167-168.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 112. Л. 449.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 231. Л. 104-105.

[5] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 231. Л. 185, 265.

[6] См. например: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 163. Л. 533.

[7] ДД. Кн. III. С. 236; ВУСР. Т. I. № 238; № 274. С. 463; Там же. Т. II. № 128-129. С. 295-296; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 25. Л. 213; № 64. Л. 43; № 82. Л. 339-

«валуйские черкасы»[1], «вольновские черкасы»[2], «воронежские черкасы» (это понятие нередко включало в себя обозначение черкас, служивших в Воронежском уезде, однако иногда их записывали отдельно, называя по селам: «костенковскими» и «гвоздевскими»)[3], «дедиловские черкасы»[4], «козловские черкасы»[5], «короченские (корочанские или красногородцкие) черкасы»[6], «курские черкасы»[7], «ливенские черкасы»[8], «михайловские черкасы»[9], «ольшанские черкасы»[10], «оскольские черкасы»[11], «путивльские черкасы»[12],

340; № 168. Л. 9; № 179. Л. 369; Там же. Столбцы Приказного стола. № 135. Л. 247; № 163. Л. 37-38; Л. 196-197; № 257. Л. 69-70; Л. 81; Там же. Столбцы Севского стола. № 112. Л. 137-138.

[1] ДД. Кн. II. С. 242; С. 431-432; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 132. Л. 99, 218; № 135. Л. 83-89, 91-109; № 163. Л. 46, 56, 395, 425-431, 437-438; Там же. Столбцы Белгородского стола. № 140. Л. 154-155, 179, 180, 198, 203, 208-210, 218-220, 255-257, 313-314, 317-321, 341-344; № 231. Л. 10, 29, 303; Там же. Дела десятен. Кн. 213. Л. 282.

[2] ВУСР. Т. III. № 146. С. 255.

[3] Воронежские акты. Кн. II. Приложения, № 12. – Воронеж, 1852. С. 181; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 99. Л. 90; № 115. Л. 588; № 154. Л. 11-12, 118-119, 123-125; 137-139, 148, 150, 162, 204, 221-222, 351, 355; № 168. Л. 238; № 231. Л. 129; Там же. Столбцы Приказного стола. № 135. Л. 268; № 257. Л. 96-97; № 281. Л. 134; № 552. Л. 94-95, 100; Там же. Дела десятен. Кн. 213. Л. 274-281.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 8. Л. 139, 143; № 283. Л. 285-286.

[5] ВУСР. Т. I. № 276. С. 467; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 135. Л. 73; № 272. Л. 641; № 573. Л. 138.

[6] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 131. Л. 303; № 140. Л. 186; Л. 328-329; № 154. Л. 17-18, 23, 30-33, 35, 39-40, 131; № 158. Л. 258-262; Л. 705; № 168. Л. 4, 7; № 170. Л. 166, 348, 509; № 219. Л. 267; № 231. Л. 289, 296; № 314. Л. 199-200; № 323. Л. 255; Там же. Столбцы Поместного стола. № 24. Л. 275, 281, 283, 285; № 39. Л. 213, 284-287; Там же. Столбцы Приказного стола. № 129. Л. 55, 385; № 135. Л. 243-245, 247-248; № 163. Л. 442-445, 451; № 257. Л. 70, 79, 84; № 281. Л. 15; № 552. Л. 85-90; Там же. Дела десятен. Кн. 213. Л. 238-239, 321.

[7] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 118. Л. 656-660; № 138. Л. 134; № 140. Л. 324-327, 350; № 154. Л. 6; 46, 48-52, 59-61, 65, 82-83, 87, 184-188, 190-191, 355, 374-375; № 161. Л. 113; № 231. Л. 135; Там же. Столбцы Московского стола. № 160. Л. 256; № 252. Л. 30; Там же. Столбцы Приказного стола. № 124. Л. 274; № 135. Л. 75, 143-145, 159, 164, 281; № 163. Л. 124-126, 340-346; № 257. Л. 69, 73, 193-211, 217; № 271. Л. 26; № 552. Л. 91, 156, 158; Там же. Столбцы Севского стола. № 124. Л. 132, 134, 162; Там же. Дела десятен. Кн. 213. Л. 286, 297.

[8] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Поместного стола. № 39. Л. 139, 142; Там же. Столбцы Белгородского стола. № 231. Л. 10, 365.

[9] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 13. Л. 321-а.

[10] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 252. Л. 358; № 266. Л. 219; № 314. Л. 53, 212-213.

[11] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 168. Л. 39; № 210. Л. 336; № 231. Л. 10.

[12] РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 10.

«рыльские черкасы»[1], «тульские черкасы»[2], «тонбовские (тамбовские) черкасы»[3], «усердские черкасы»[4], «хотмыжские черкасы»[5], «чугуевские черкасы»[6], «шацкие черкасы»[7], «яблоновские черкасы»[8].

Имеются случаи употребления названия городской корпорации наряду с определениями, связанными с особым, по сравнению с другими служилыми людьми Российского царства, статусом служилых черкас. В одной челобитной, относящейся к 1639 г., использована такая формула: «... бьют челом холопи твои государевы литовские, переезжие, запороские, воронежские, костенские черкасы...»[9] В том же 1639 г., 4 февраля, курский воевода допрашивал в съезжей избе «курского литовского выезжего черкашенина Ваську Кривалыка», подозреваемого в убийстве двух «литовских людей»[10]. А в отписке путивльского воеводы, составленной осенью 1641 г., после бегства в Речь Посполитую черкас из Чугуева и Курска, говорится о «литовских людях чюгуевских и курских черкасах»[11]. Определение «выходцы литовские люди черкасы» встречается и в других документах приказного делопроизводства[12].

[1] РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

[2] АМГ. Т. I. № 613. С. 571.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 138. Л. 132.

[4] ДД. Кн. I. С. 803; ВУСР. Т. I. № 179. С. 297; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 132. Л. 113, 224; Там же. Столбцы Белгородского стола. № 154. Л. 197; № 231. Л. 10; № 302. Л. 90; № 323. Л. 640; Там же. Столбцы Севского стола. № 112. Л. 123-124; Л. 452; Там же. Дела десятен. Кн. 213. Л. 359-а.

[5] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 151. Л. 281.

[6] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 130. Л. 132; № 133. Л. 208, 213, 217; № 140. Л. 201, 309; № 154. Л. 355; Там же. Столбцы Приказного стола. № 137. Л. 1-4, 13, 33, 145, 81; 170-174, 227; № 257. Л. 71-72; Там же. Столбцы Севского стола. № 112. Л. 126; № 124. Л. 134; Там же. Столбцы Поместного стола. № 21. Л. 61. № 176; Л. 183, 210-217; № 24. Л. 170-175, 359-360.

[7] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 64. Л. 362.

[8] АМГ. Т. II. № 474. С. 295.

[9] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 115. Л. 586. Цитированная челобитная принадлежит черкасам, поселенным в с. Костенки Воронежского уезда.

[10] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 112. Л. 127.

[11] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 124. Л. 215-216.

[12] См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 99. Л. 348.

Подданных Речи Посполитой, не принимавших российского подданства и приходивших в пограничные районы для разбоя и грабежа, называли «воровские черкасы» или «воры-черкасы»[1]. В неспокойном порубежном регионе, не имевшем естественных рубежей и четко маркированной государственной границы, подобные случаи были частым явлением, и в делопроизводстве Разрядного и Посольского приказов появился даже термин «черкасское воровство». К примеру, в 1648 г. дьякам было велено собирать вместе все воеводские отписки с изложением фактов нападения черкас на российских подданных – «на улику черкасского воровства»[2]. Встречаются в документах и другие определения по подобным поводам: «воры запорожские черкасы», «литовские воровские черкасы», «литовские воровские люди», «Литовския земли воровской черкашенин»[3].

Терминология в первой половине XVII столетия еще не устоялась. Так, донской атаман Максим Пещуров, рассказывая о нападении запорожцев на свой отряд, не употреблял понятие «воровские черкасы»: «И как де приехали они (донские казаки. – *Авт.*) на Айдар от Валуйки за два днища, и на них де пришли запорожские черкасы 120 человек, и они де от них сели в осаде, обсеклись тером, и они де к ним приступали день и ночь». Другой же донской атаман, Гаврила Веневитинов, вместе с казаком Федором Петро-

[1] АМГ. Т. II. № 329. С. 204; СГГД. № 62. С. 256; ДД. Кн. II. С. 432-435, 637, 643-646, 1109; ДД. Кн. III. С. 166, 211, 214, 220; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 75. Л. 87-88; № 102. Л. 280, 395; № 169. Л. 240; Там же. Столбцы Приказного стола. № 16. Л. 603; № 48. Л. 338, 349-350; № 162. Л. 33; № 170. Л. 262-264, 269; № 163. Л. 46, 248-249; № 567. Л. 142-143б.; Там же. Столбцы Белгородского стола. № 25. Л. 207; № 35. Л. 249, 271; № 54. Л. 479; № 60. Л. 12; № 62. Л. 289; № 140. Л. 157, 162-163, 176-177; № 165. Л. 227, 361-362, 492; № 170. Л. 649-650; № 181. Л. 286, 365; № 184. Л. 196, 200; № 189. Л. 289, 297, 303-308; № 247. Л. 174, 197, 232-233, 243, 256, 289, 293, 304-об., 314, 414, 453, 455, 467-471, 522, 544, 546; № 302. Л. 106, 123, 165, 347; № 314. Л. 173; № 323. Л. 594, 596-598; Там же. Столбцы Севского стола. № 124. Л. 255-256, 266, 296.

[2] АЮЗР. Т. III. № 207. С. 219; РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-2.

[3] См.: ДД. Кн. II. С. 364; С. 431-432; С. 550; Кн. III. С. 56; С 84; С. 573; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 169. Л. 284; Там же. Столбцы Белгородского стола. № 165. Л. 348-351; № 174. Л. 446-447, 450; № 189. Л. 98-99, 303; № 233. Л. 98; № 291. Л. 318; № 140. Л. 155; Там же. Столбцы Севского стола. № 124. Л. 247-252; Л. 312; Л. 448; Там же. Столбцы Поместного стола. № 21. Л. 174.

вым, повествуя в Посольском приказе в январе 1647 г. о подобной ситуации, использовали термин «воровские черкасы». То же самое можно сказать относительно «распросных речей» валуйского вожа Никиты Зарубина, записанных 25 апреля 1650 г.[1]

В ряде документов встречается сочетание двух понятий: «литовские люди» и «черкасы». В этом случае упомянутые понятия, вероятно, несут разную смысловую нагрузку. В качестве примера можно привести выдержку из наказа торопецкому воеводе 1628 г.: «... чтоб литовские люди, и черкасы, и изменники русские люди через мирное постановленье воровским обычаем к Торопцу безвестно украдом и обманом ночным временем не пришли и над городом никакого дурна не учинили...»[2]

Сочетание терминов «литовские люди» и «черкасы» встречается неоднократно[3]. Порой формулировка несколько меняется: «литовские люди и запорожские черкасы»[4]. Также встречается еще более дифференцированное определение, когда указанные понятия четко отделяются друг от друга: «...а которые будет литовские люди или запорожские черкасы учнут приезжать в Торопец...»[5]

Вместе с тем, термины «литовские люди» и «черкасы» порой употребляются как синонимы. Подтверждением могут служить выдержки из отписок путивльских воевод, приводимые ниже.

[1] Ср.: ДД. Кн. III. С. 59, 576; Кн. IV. С. 497.

[2] АМГ. Т. I. № 202. С. 226.

[3] См. например: АМГ. Т. I. № 704. С. 641; АИ. Т. II. № 116. С. 170; ДАИ. Т. II. № 351. С. 419; ААЭ. Т. III. № 220. С. 325-327; № 239. С. 354-358; № 315. С. 463; ДД. Т. II. С. 863; Первые... № 67. С. 55; Памятники истории Восточной Европы. – М.; Варшава, 1995. Т. I. С. 54-55 (далее – ПИВЕ); РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 7. Столпик 1. Л. 18; № 102. Л. 322, 514, 548; Там же. Столбцы Приказного стола. № 57. Л. 637-638; Там же. Столбцы Белгородского стола. № 53. Л. 13; Л. 62-63; № 54. Л. 58, 73, 145, 198; № 56. Л. 151; № 82. Л. 2-3; № 108. Л. 439; № 133. Л. 297; № 139. Л. 194; № 140. Л. 455-456; № 170. Л. 650-651; № 181. Л. 180-182; № 323. Л. 680; Там же. Столбцы Севского стола. № 124. Л. 94; Там же. Столбцы Приказного стола. № 99. Л. 164; Л. 171; Л. 465-467; Там же. Столбцы Поместного стола. № 21. Л. 15.

[4] АМГ. Т. I. № 663. С. 616; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 53. Л. 28; № 60. Л. 46.

[5] АМГ. Т. I. № 202. С. 226. Подобные примеры см.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы разных столов. № 125. Л. 6; Там же. Столбцы Белгородского стола. № 333. Л. 404-405; Там же. Столбцы Приказного стола. № 567. Л. 145-146.

«Нынешнего, государь, 134-го (1626) году, июня в 30 день, приехал в Путивль из Литовския земли литвин ..., и в роспросе, государь, тот литвин сказался ис Черкас запорожской козак Гришко Каменецкой»[1].

«... Марта в 1 день (1634 г. – *Авт.*) голова Василей Бурой в Путивль пришел, а привел с собою в языцех литовских людей дву человек запорожских казаков...»[2]

«... Собрались из Лубен, и из Синеча, и из Лохвицы, и из Прилук литовские люди запорожские казаки, которые отставлены от казачества…»[3]

«Велено мне, холопу твоему, черкас Ивашку Гусака да Сеньку Роздайбеду з женами и з детьми и со всеми их животы прислать к тебе, государю, к Москве с приставом ... И приказать приставу, чтоб он с теми литовскими людьми ехал с великим береженьем, чтоб те литовские люди у нево в дороге не ушли...»[4].

Удостоверяет высказанное предположение и разрядная выпись по челобитью кн. Ф. Волконского: «Антон Шакуров сшелся с литовскими людьми ... и литовских людей побил, а убил 15 человек да взяли черкашенина Федьку Федорова...»[5]

Подобным образом применяются термины «литовские люди» и «черкасы» и в других воеводских отписках. Так, белгородские воеводы Василий Измайлов и Афанасий Мезенцев в мае 1620 г., сообщая в Разрядный приказ о возможном столкновении своих подчиненных с подданными соседнего государства, так излагали слова одного из участников пограничного инцидента: «... Тимоха Репин ему сказал: поехали де литовские люди с стану с их товарищам, с Микитаю Картавым, стрелять зверь, а мы де тех литовских людей хотели побить. И только де, государь, они тех черкас побили, и твоим де, государь, станицам от черкас проезду не будет»[6].

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 17. Л. 425-426

[2] АМГ. Т. I. № 635. С. 585.

[3] РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 99. Л. 106.

[5] АМГ. Т. I. № 717. С. 659. Подобные примеры см.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 101. Л. 583, 631; № 102. Л. 356.

[6] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 77. Л. 140.

В росписях пленных, которые были захвачены осенью 1633 г. во время похода путивльского отряда на Миргород, в качестве заголовков употребляется выражение «языки литовские люди взяты...» (далее идет указание на конкретные обстоятельства пленения. – *Авт.*), а затем следует перечень пленных «черкас»[1].

Справедливости ради надо указать на подобную роспись, составленную рыльским воеводой в конце 1634 г. В ней содержится перечень пленников, захваченных российским отрядом во время похода на «литовский город Борзну», все они именуются «литвинами»[2]. В других росписях «языки», захваченные во время осады Миргорода и Серебряного называются «запорожскими казаками», а плененные под Ромнами и Черниговом – «черкасами»[3].

Можно сравнить две отписки белгородского воеводы М.П. Волынского, полученные в Разряде 25 января 1634 г. В них упоминается один и тот же отряд армии Речи Посполитой, которым командовал Яков Острянин. При этом, рассказывая о столкновении белгородцев с упомянутым отрядом, произошедшем 5 апреля 1633 г., воевода использует оборот «литовские люди, которые взяли Валуйский город», а говоря о разгроме белгородской станицы 9 апреля того же года, – «черкасы, которые взяли Валуйский город»[4]. В следующем, 1634 г., этот же отряд черкас захватил Белгородский острог. В позднейших воеводских отписках об этом говорилось как о «литовском разоренье»[5]. В «осадных списках» М.П. Волынский писал: «...приходили к Белугороду польские и литовские люди» и «...были в Белегороде в осаде от литовских людей»[6].

В отписке путивльских воевод от 1 октября 1649 г. говорится о столкновениях россиян с зарубежными жителями. При этом в начальной части документа последних называют «люди литовские».

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 117. Л. 68-74.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 117. Л. 174-177.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 117. Л. 186-187.

[4] См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 60. Л. 90, 96.

[5] РГАДА. Ф.210. Столбцы Московского стола. № 134. Л. 333.

[6] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 50. Л. 1, 66. Публикацию полного текста этих документов см: Белогорье. № 3. – Белгород, 2001. С. 123-136; Там же. № 4. – Белгород, 2003. С. 111-123.

Далее следует изложение отписки, присланной в Путивль из Недрыгайлова, в которой речь идет о подобных событиях, но подданные соседней страны именуются «черкасы» (хотя живут они в «деревне литовской»)[1]. Перечень подобных примеров можно продолжить[2]. А в отписке валуйского воеводы Павла Леонтьева, составленной 31 мая 1642 г., оба понятия слились, образовав третье – «литовские черкасы»[3]. Встречается и другой вариант – «черкашенин литовский»[4]. Любопытны «распросные речи» беглых черкас, записанные в Белгороде 27 июля 1636 г. В них беглецы назывались «черкасами», а их жены – «литовками»[5].

Сам термин «литовские люди» применялся для обозначения населения приднепровских земель еще долгое время после того, как указанные территории из состава Великого княжества Литовского перешли в подчинение Польского королевства. Несмотря на последнее обстоятельство, земли, инкорпорированные Польшей, в России продолжали называть «Литвой», «Литовской стороной» или «Литовской землей»[6]. Судя по записям «распросных речей»,

[1] АЮЗР. Т. III. № 286. С. 361-362.

[2] См.: ДД. Кн. III. С. 364-365; ПИВЕ. Т. I. С. 87, 98; ВУСР. Т. I. № 98. С. 166-167; № 135. С. 223-225; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 53. Л. 330.

[3] Указанный термин встречается и в других документах (См.: ДД. Кн. II. С. 431-435, 444; Сб. РИО. Т. 137. № 7. С. 178; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 162. Л. 366; Там же. Столбцы Поместного стола. № 21. Л. 18).

[4] РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

[5] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 99. Л. 399-401.

[6] См. напр.: ДД. Кн. I. С. 44, 831; Кн. II. С. 862; Кн. III. С. 235; ВУСР. Т. I. № 98. С. 166-167; № 113. С. 185; № 114. С. 189-188; Там же. Т. II. № 92. С. 210; № 151. С. 362; № 192. С. 466; № 203. С. 476; Там же. Т. III. № 139. С. 247; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 53. Л. 154, 333; № 54. Л. 240, 254; № 62. Л. 70; № 82. Л. 3, 525; № 83. Л. 1; № 98. Л. 299-300; № 99. Л. 23, 82; № 107. Л. 389; № 108. Л. 6, 415; № 118. Л. 372, 646; № 127. Л. 444-445; № 133. Л. 209-210, 213, 250; № 138. Л. 133; № 140. Л. 172; № 161. Л. 113; № 181. Л. 180; № 184. Л. 196, 198, 200; № 202. Л. 79; № 291. Л. 316; № 298. Л. 53, 316; № 323. Л. 684, 585-586; № 333. Л. 393, 476; Там же. Столбцы Московского стола. № 135. Л. 67; № 246. Л. 147-148, 267-268; Там же. Столбцы Севского стола. № 112. Л. 186-190, 428-430; № 118. Л. 2; № 129. Л. 583-588; № 143. Л. 185; Там же. Столбцы Поместного стола. № 21. Л. 11-13; № 39. Л. 37, 262; Там же. Столбцы Приказного стола. № 99. Л. 467, 513; № 124. Л. 218-226, 365; № 134. Л. 144-145, 206, 284; № 137. Л. 48-49, 79-88; № 163. Л. 196, 395-424, 448, 534; № 257. Л. 73-74, 79; № 552. Л. 99; 109, 156; № 569. Л. 166-170.

таковые названия употребляли и сами выходцы из украинских земель Речи Посполитой[1].

То, что под «Литовской стороной» подразумевается территория украинских земель Речи Посполитой, ясно из контекста и употребляемых географических названий. К примеру, в 1626 г. рыльский воевода Семен Волконский докладывал в Москву о приезде в свой город «из Литовской земли, ис Киева, старца Спиридона»[2]. Спустя несколько лет, осенью 1632 г., другой рыльский воевода, Василий Ромодановский, сообщал о нападении на свой уезд «литовских людей из литовских городков Миргорода и Полтавы»[3]. В апреле 1633 г. из Путивля отправили военный отряд «для языков в Литву, под Ромонской»[4] (Ромны. – *Авт.*). Захваченные таким отрядом пленники «литовские люди» на допросе в числе «литовских украинных городов» называли Лубны и Ромны[5]. Плененные в том же году во время приступа к Курску черкасы также называли украинские земли Речи Посполитой «Литовскою землею»[6].

В позднейших челобитных служилых черкас используется подобная терминология[7]. Белгородский воевода в апреле 1634 г. посылал станичников за «языками» «под литовский городок Полтаву». В 1635 г. воевода сообщал о приезде в Белгород запорожцев «из Литовские земли, городка из Лубен»[8]. В 1646 г. белгородский воевода Ф.А. Хилков писал: «В нынешнем, государь, во 154-м году, маия в 10 день пришли, государь, в Белгород из Литовские стороны, из городка Олешни, черкасы, Тимошка Пушкарь с товарыщи, 50 человек...»[9]

[1] См. например: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 112. Л. 142.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 27. Л. 101.

[3] См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 79. 197-а.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы разных столов. № 125. Л. 4.

[5] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 99. Л. 433. Список примеров можно продолжить: ПИВЕ. Т. I. С. 33, 42-43, 45, 47; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 24. Л. 379; № 53. Л. 61-62, 289; № 54. Л. 409; Там же. Столбцы Поместного стола. № 39. Л. 264, 285.

[6] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 53. Л. 16-17.

[7] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 188. Л. 77; № 266. Л. 11.

[8] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 99. Л. 5.

[9] ДД. Кн. II. С. 863.

Еще более содержателен фрагмент отписки вольновского воеводы Ф.Ю. Арсеньева от 14 февраля 1650 г.: «... приехали на Вольной из Литовской стороны дети боярские Алекса Мисевря да Грицко Семенов ... (из предшествующего текста известно, что это черкасы, поверстанные в детей боярских и направленные на территорию Речи Посполитой для разведки. – *Авт.*). Были де, государь, они в Литовской стороне в городех: в Гидиче (Гадече. – *Авт.*), в Ромовне (Ромнах. – *Авт.*), в Миргороде, и в Хорове (Хороле. – *Авт.*), и в Чигирине...»[1]

Показателен также фрагмент царской грамоты к хотмыжскому воеводе С.Н. Хованскому от 21 мая 1648 г.: «По нашему указу велено тебе по самым подлинным вестем итти в Литовскую сторону на помочь к литовским людям и над татары промышлять с литовскими людьми за один.

И как к тебе ся наша грамота придет, а из Литвы Адам Кисель или из ыных литовских городов начальные люди про крымские вести подлинно отпишут, что крымские люди в Литву пришли, а воюют литовские городы по Ворсклу, и по Пслу, и по Хороли, и по сю сторону [Д]непра, и ты б собрався с нашими ратными людьми, которым с тобою быть указано, устроясь шол в Литву з большими крепкими месты меж Ворскла и Псла...»[2]

Подобное наименование городов, находившихся на границе украинских земель Речи Посполитой с Российским царством, характерно не только для воеводских отписок, но и для грамот, исходивших из Разрядного приказа[3].

Можно встретить тексты, в которых понятие «литовские люди» четко связывается с происхождением или с государственной принадлежностью казаков: «141-го (1632. – *Авт.*) году, ноября в 21 день, пришли в Розряд, а сказались из Дорогобужского уезда из Болдина монастыря, литовские люди Янка Ондреев, Сенька Иванов. А в роспорсе скозались: родом они литовские люди, Виленского повету, казачьи дети...»[1]

В большинстве случаев словосочетание «литовские люди» однозначно определяет государственную принадлежность[2]. В отписке М.Б. Шеина сообщается о захвате «языков литовских людей», среди которых перечислены три «литвина» (Александро Лабит, Петрушка Янов, Степанко Глинский), «белорусец» Ондрюшка Кукин и «русский человек» Сенька Истомин[3].

После установления в городах Левобережья вместо польской администрации власти казацкой старшины (в результате восстания Б. Хмельницкого) продолжалось употребление словосочетания «литовские люди». Примером может служить письмо конотопского казачьего сотника Василия Горбина к путивльским воеводам: «...не знаем, що такового, иж посылаешь бояре свое ... ездят по Полю и людей наших литовских вешают, бьють...»[4] И в этом случае для обозначения жителей Левобержной Украины использовано традиционное понятие. При этом исходит оно не от польского или российского должностного лица, а от представителя Войска Запорожского. В таком же значении используется термин «литовские люди» в «листах» Б. Хмельницкого, направлявшихся как в Посольский приказ, так и российским пограничным воеводам[5].

Словосочетание «литовские люди» зачастую использовалось для обозначения всех вообще подданных Речи Посполитой в том случае, когда не уточнялось их социальное положение[6]. Подобное значение можно приписать словосочетанию «литовские люди

[1] ДД. Кн. IV. С. 361.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 571. Л. 203.

[3] См. например: ВУСР. Т. I. № 128. С. 215; № 134. С. 222-223; № 146. С. 252; № 258. С. 426; № 282. С. 481; Там же. Т. II. № 82. С. 199; № 121. С. 283-285; № 125. С. 292; № 63. С. 138-139; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 57. Л. 363; Там же. Столбцы Белгородского стола. № 54. Л. 4, 59, 63; № 64. Л. 2; № 99. Л. 129; № 108. Л. 136-139, 166, 417; № 118. Л. 375; Л. 427-428; № 140. Л. 324-325; № 154. Л. 19-21, 51-53; № 323. Л. 610, 616-617, 680, 720; Там же. Столбцы Приказного стола. № 99. Л. 24; Л. 332-334, 379, 513; № 272. Л. 238; № 275. Л. 362; Там же. Столбцы Севского стола. № 117. Л. 94-95; № 124. Л. 140, 207; Там же. Столбцы Поместного стола. № 21. Л. 15, 215.

[1] АМГ. Т. I. № 452. С. 421.

[2] См.: АЮЗР. Т. III. № 105. С. 103; № 118. С. 115; № 126. С. 121; № 156. С. 156; № 270. С. 339; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 211. Л. 35.

[3] См.: АМГ. Т. I. № 468. С. 433-434.

[4] АЮЗР. Т. III. № 269. С. 337.

[5] См. например: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 298. Л. 319-322.

[6] См. например: АМГ. Т. I. № 547. С. 519.

черкасы», которое также встречается в российских документах[1]. В этом случае «литовские люди» – определение подданства, а «черкасы» – социального статуса. Однако далее в этом же документе понятие «литовские люди» соединяется с термином «черкасы» союзом «и»[2]. В таком случае можно предполагать, что «литовские люди» – это жители Поднепровья, не являвшиеся казаками, а «черкасы» – это казаки.

В несколько ином свете воспринимается содержание терминов «люди литовские» и «черкасы», если проанализировать некоторые, впрочем, довольно редкие, примеры. Так, белгородский воевода Михаил Волынский в своей отписке, полученной в Разряде в апреле 1634 г., именовал «черкашенином» Семена Баженова, убежавшего из отряда «литовских людей», несмотря на заверения последнего, «... что он сын русской человек, а взят де был он в Сагайдачной приход, как приходил под Москву, в селе Бронницах, а был де он [в плену] на Днепре в Черкасском городке»[3].

Возможно, использование такой терминологии связано с изменениями самосознания и поведения русских пленников в результате их длительного проживания среди черкас в Речи Посполитой. Так, вернувшийся в Оскол после 23 лет плена Еремей Лошков, в 1643 г. просил «приверстать» его к оскольским черкасам[4]. Уроженец Мещерского уезда «русской человек» Антип Лагутин, захваченный Сагайдачным в Кашире и проживший в плену 17 лет, а затем вместе с черкасами переселившийся в Россию, «служил с черкасы в Курске, а жил в черкасской слободе в Олябьеве». Более того, летом 1641 г. он вместе с другими черкасами попытался бежать «в Литву», но был пойман, и путивльский воевода Петр Волконский в своей отписке называл его «черкашенином»[5].

[1] АМГ. Т. I. № 538. С. 511; АЮЗР. Т. III. № 213. С. 225.

[2] См. подобные примеры: ВУСР. Т. I. № 114. С. 189; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 101. Л. 343, 361.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 101. Л. 362. (Речь идет о походе запорожского войска на помощь королевичу Владиславу под Москву в 1618 г.)

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 168. Л. 38-39.

[5] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 154. Л. 46-47.

В приведенных примерах термин «черкасы» имеет социальное содержание. Можно, однако, встретить случаи использования этого термина наряду с понятиями, имеющими, как представляется, определенную этническую окраску. Так, в 1608 г. польские послы Н. Олешницкий и А. Госевский говорили следующее: «А што есте написали, будто за повеленьем короля его милости и панов-рад воевода сендомирский з сыном своим и ыншими, собравши до того Дмитра (имеется ввиду Самозванец. – *Авт.*) многих полских и литовских людей и запорозских черкас, пошли с ними в Московское господарство…»[1]

Процитированный текст является изложением более раннего послания из России, поэтому сложно определить происхождение терминов. Можно, однако, предполагать московские корни использованных понятий. Основанием для высказанного предположения служит ответ Д.М. Черкасского на грамоту Я.К. Хоткевича 1615 г., в котором трижды употреблен оборот «люди ваши польские, и литовские, и черкасы»[2].

В жалованной грамоте казаку С.М. Дурневу 1620 г. при перечислении его заслуг указано: «... против королевича Владислава, и польских, и литовских, и немецких людей, и черкас стоял накрепко...»[3]

Вернувшиеся из Речи Посполитой в ноябре 1630 г. лазутчики докладывали севскому воеводе: «Сказывали им литовские русские люди, что литовские люди и черкасы через мирное поставленье хотят ныне по зимнему по первому пути приходить под наши украинные городы украдом»[4].

В 1632 г. рыльский торговец Гаврил Сабельников говорил: «... королевичу де Владиславу с поляки, и с немцы и с черкасы по нынешей по первой траве идти в твое государево Московское государство...»[5]

[1] Сб. РИО. Т. 137. № 15. С. 575.

[2] Сб. РИО. Т. 142. № 34. С. 651.

[3] Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. – Воронеж, 1885. № CCLVII. С. 484.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 58. Л. 109.

[5] АМГ. Т. I. № 336. С. 351. См. также: Воронежские акты. Кн. I. № XXXIX. – Воронеж, 1851. С. 123.

Очень редко можно уверенно утверждать, что термин «черкасы» употребляется как этноним. Так, в конце 1631 г. рыльский воевода получил указание проверить людей, работавших по найму на селитряной варнице в его городе. По словам воеводы, «... тех литовских людей велено распросить и про них сыскать, какие они люди: литва ли, или черкасы, или пашенные люди и не лазутчики ли»[1].

Еще один пример такого использования содержится в отписке воронежского воеводы Андрея Васильевича Бутурлина (23 мая 1645 г.): «... и как за ними (жителями Воронежа. – *Авт.*) гоняли и по тальником сыскивали, и они де слышали, многие люди руским языком говорят, а не по черкаски»[2].

Царская грамота, направленная 15 мая 1639 г. в Яблонов, содержала следующие строки: «И приказал (воевода. – *Авт.*) черкасом и всяким русским людем, чтоб они вперед за рубеж никакого для воровства не ходили, а которые черкасы или руские люди вперед учнут за рубеж ходить для воровства, и ты б им по тому ж делал наказанье, велел бить кнутом»[3].

В некоторых воеводских отписках «черкасы» четко отделяются от «русских людей»[4]. Судя по контексту, можно признать этнонимом понятие «черкашенин», употреблявшееся белгородским сотником Петром Прохоровым, вернувшимся «из Литвы» осенью 1650 г. (он рассказывал о приезде в Миргород «черкашенина торгового человека Миско»[5]).

Гораздо чаще встречаются случаи одновременного употребления таких терминов, которые сложно однозначно определить. В равной степени они могут быть и этнонимами, и политонимами, и топонимами. Показательны следующие слова из отписки путивльских воевод, датируемой 1632 г.: «... октября в 23 день приехал в Путивль на твое государево имя литвин, в распросе сказался запорожский казак Ивашка Павлов, а жил де он в городе Черкасах. А на Москве черкашенин Иван Павлов в распросе сказался родиною города Черкас, запорожского казака сын, а учал служить с черкасы тому двенатцать лет...»[1] А в разрядной выписи, посвященной боевым действиям в районе Путивля в годы Смоленской войны, говорится о том, что войска Речи Посполитой, осаждавшие этот город в 1633 г., состояли из «польских и литовских людей, и запорожских черкас, и всяких вольных людей»[2]. Примером также может служить фрагмент челобитной казацкого атамана Томилы Корякина, в которой говорится о боевых действиях под Смоленском в 1634 г.: «... и под Смоленском я, холоп твой, тебе государю служил, на приступе с польскими, и с литовскими, и с немецкими людьми, и с королем, и с королевичем, и з гетманы польскими, и с черкасы запорожскими бился не щадя головы своей»[3]. Подобные примеры в делопроизводстве Разрядного приказа не являются редкостью[4].

Анализируя приказную документацию, легко заметить неустойчивость применявшейся терминологии. Напрашивается предположение о связи подобной неустойчивости с многовариантностью самоназваний, бытовавших в разговорном языке. В качестве равноценных употребляются понятия, относящиеся к совершенно разным сферам: государственной, социальной и, возможно, этнической. В одних документах эти термины употреблялись как синонимы, в других они несли разную смысловую нагрузку. В последнем случае «черкасами» называли украинских казаков, а «людьми литовскими» – всех жителей Левобережной Украины, входившей долгое время в состав Великого княжества Литовского. Нередко запорожцев выделяли из всего украинского казачества, называя «запорожскими черкасами».

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Поместного стола. № 2. Л. 26.

[2] ДД. Кн. II. С. 643.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 112. Л. 146-147.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 99. Л. 333; Там же. Столбцы Поместного стола. № 21. Л. 41.

[5] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 323. Л. 634.

[1] АМГ. Т. I. № 436. С. 409-410.

[2] АМГ. Т. I. № 529. С. 503.

[3] ДД. Кн. II. С. 698.

[4] См.: АМГ. Т. I. № 539. С. 513; № 613. С. 572; № 616. 573; ПИВЕ. Т. I. С. 31, 52; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 101. Л. 418, 500, 532-525, 585; № 102. Л. 549, 553; Там же. Столбцы Приказного стола. № 73. Л. 68; Там же. Столбцы Белгородского стола. № 54. Л. 194, 271, 411-412; № 56. Л. 152.

Заметна эволюция термина «черкасы». Если в XVI в. он возник для обозначения украинских казаков, то к середине XVII в. «черкасами» в официальных российских документах именовали уже всех жителей Украины. Последнее замечание, по крайней мере, справедливо в отношении пограничной территории Российского царства и Речи Посполитой вплоть до середины XVII в. Показательно, что при проведении ревизий в XVIII в. потомки украинских переселенцев в Россию первой половины XVII столетия записывались как «подданные малороссияне». Вероятно, существует определенная связь между встречающейся в источниках терминологией и заинтересованностью Российского государства в заселении своего порубежья не столько крестьянами, сколько служилыми людьми.

Обобщая различные мнения, можно утверждать, что в XVI-XVII столетиях на украинских землях Речи Посполитой шел этногенетический процесс, приведший в дальнейшем к появлению новой народности. Вопрос о времени завершения этого процесса разработан не достаточно и остается дискуссионным. Во многом сложности осмысления истории украинцев обусловлены тем, что в рассматриваемое время самого явления нации, в современном значении этого слова, не существовало. Поэтому, при изучении вопросов, связанных с взаимодействием подданных России и Речи Посполитой в XVI-XVII вв., для обозначения населения украинских земель Речи Посполитой уместно использование термина, закрепившегося в официальных российских документах и ставшего самоназванием переселенцев из Днепровского Левобережья в России – «черкасы».

Расселение черкас на южной окраине России (конец XVI — начало XVII в.)

Днепро-Донская лесостепь[1], начиная с конца XVI и на протяжении всего XVII столетия являлась зоной взаимодействия русских и украинцев[1]. Дореволюционные историки, рассматривавшие переселение украинцев в Россию, обращали внимание на их усердную службу[2] и размах переселенческого движения[3]. Советские историки сформулировали концепцию, согласно которой, российские власти обращались с украинцами гораздо лучше, чем с русскими служилыми людьми[4]. Исследователи отмечали благожелательное отношение России к украинским казакам – «черкасам»[5] и видели в этом проявление братских отношений двух народов[6]. Таким образом, внимание акцентировалось на тех сторонах российско-украинского взаимодействия, в которых проявлялась обоюдная заинтересованность. Между тем, как свидетельствуют документы российского приказного делопроизводства, процесс пограничного взаимодействия был связан с необходимостью решения различных проблем.

В конце XVI в. на просторах Днепро-Донской лесостепи встретились два колонизационных потока: российский и украинский. За период 50-70-х гг. XVI в. удалось выявить всего два упоминания о черкасах в приграничном регионе. Первое из них содержится в материалах Литовской метрики[7]. Второе упоминание о черкасах

[1] Российское правительство считало Днепро-Донскую лесостепь своей территорией, частью Северских земель. Лежавшие южнее границ Российского государства неосвоенные земли назывались «Полем». Соответственно пограничная российская территория именовалась Северской и Польской украйнами (окраинами).

[1] В российском делопроизводстве XVI-XVII вв. украинцев называли «черкасами», по названию города Черкасс, бывшем в то время центром украинского казачества. Нередко черкас делили на «служилых» (принявших российское подданство и поселенных на территории России) и «воровских» (формально являвшихся подданными Речи Посполитой, но фактически действовавших самостоятельно и нападавших на российскую территорию). Настоящая работа не претендует на разрешение вопроса о времени складывания украинской народности; термин «украинцы», в данном случае, не имеет этнической окраски, а используется для обозначения жителей украинских земель Речи Посполитой.

[2] *Беляев И.* О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. – М., 1846. С. 52.

[3] *Багалей Д.И.* К истории заселения степной окраины Московского государства. // Журнал министерства народного просвещения. № 7. 1886. С. 264-287 (далее – ЖМНП).

[4] *Тхоржевский С.* Государственное земледелие на южной окраине Московского государства в XVII в. // Архив истории труда в России. Кн. 8. – Пг., 1923. С. 77.

[5] *Козаченко А.И.* Воссоединение Украины с Россией. – М., 1954. С. 12.

[6] *Дядиченко В., Стецюк Е.* Борьба украинского народа за воссоединение Украины с Россией. – Киев, 1954. С. 14.

[7] См.: Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государствование короля Сигизмунда-Августа (с 1545 по 1572 год). – М., 1843. Т. 1. № 155-159. С. 231-240.

на Поле относится к 1571 г., когда русская сторожа с реки Коломака была переведена на р. Ольшанку, т.к. «на Коломаки приходят черкасы каневские да сторожей громят»[1].

В конце XVI в. действия черкас заметно активизировались. Объясняется это тем, что после передачи приднепровских и волынских земель Великого княжества Литовского в состав Польского королевства в 1569 г. усилилось угнетение украинского населения. Со второй половины XVI в. все более заметной становится дискриминация православного населения Речи Посполитой. В результате увеличилось число беглых на юг, подальше от польских шляхтичей и администрации. Но на юге лежало Крымское ханство, а территория Поля являлась в то время фактически ничейной, сюда и направились украинцы из Польши.

Есть и другая точка зрения. Она была сформулирована Г.Н. Анпилоговым и поддержана в позднейшей работе В.П. Загоровского[2]. Г.Н. Анпилогов связывал появление украинцев в российских пределах с государственной политикой Речи Посполитой[3].

Особое внимание следует обратить на черкас, которые приходили для хозяйственных промыслов. Они появлялись в районе, который уже осваивался российскими подданными. Это служило причиной столкновений. В связи с утратой архивных документов в настоящее время трудно точно определить роль Польского государства, державцев и феодалов в организации черкасского движения на российские украины. Д.И. Багалей предполагал, что украинные старосты могли действовать независимо от правительства Речи Посполитой[4]. Более уверенно можно говорить о стихийных акциях черкас, которым администрация Речи Посполитой не препятствовала, поскольку походы совершались в пределы ее противника. Кроме того, сами польские власти полностью действия казачества никогда не контролировали. Как остроумно заметил польский историк В. Годжишевский: «Казаки

[1] Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук. Т. I. – СПб., 1890. С. 13 (далее – АМГ).

[2] *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. – Воронеж, 1991. С. 194.

[3] *Анпилогов Г.Н.* Новые документы о России конца XVI – начала XVII вв. – М., 1967. С. 19.

[4] *Багалей Д.И.* К истории... С. 89.

запорожские и донские за свою историю не раз оказывали великие услуги своим государствам, Польше и Москве, однако, живя бесконтрольно и самовольно, еще больше доставляли им хлопот»[1].

Вместе с тем, согласно описи архива Посольского приказа 1614 г., начиная с 1585/86 г. и вплоть до 1604 г. в русском дипломатическом ведомстве собираются документы о запорожских черкасах и о «задорах» на границе[2]. Таким образом, россияне и украинцы в 80-х годах XVI в. встретились на Поле как подданные враждебных друг другу государств.

Вместе с тем, в это же время начинается прием черкас на российскую службу. Так, в 1588 г. в Путивле уже появились служилые черкасы. Это были 25 чел., которыми командовал Агей Мартынов, а также 50 черкас и охочих казаков во главе с атаманом Яковом Лысым[3]. Кроме того, имеется свидетельство о переходе в том же году на службу в Путивль 15 запорожцев под предводительством атамана Федора Гороховского[4]. В 1594 г. в Путивле насчитывалось 50 черкас, не имевших поместий и служивших только за денежное и хлебное жалованье[5]. Судя по позднейшей челобитной и показаниям свидетелей, черкашенин Яков Филиппов служил станичником в Белгороде с 1600 г.[6] Значит, вполне вероятно наличие служилых черкас и в этом городе.

Служилые черкасы встречаются не только в пограничных городах. Так, сохранился список, сделанный в 1627 г. с указной грамоты Федора Ивановича в Переяславль-Рязанский. Подлинник датируется 3 апреля 1593 г. В нем говорится об освобождении «рязанских черкас» от работ по строительству городских укреплений ради их «иноземства»[7]. В платежных книгах Рязанского уезда 1594-1597 гг. есть указания на наделение землей черкас в этом уезде[8].

[1] *Godziszewski W.* PolskaaMoskwazaWładysławaIV. – Kraków, 1930. S. 60.

[2] Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 г. – М., 1960. С. 125-127.

[3] РГАДА. Ф. 141. Оп.1. Д. 2. Л. 17-18.

[4] Там же. Ф. 124. Оп. 1. Д. 2. Л. 10-11; Ф. 141. Оп. 1. Д. 28. Л. 1-2.

[5] *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. – М., 1990. С. 16.

[6] См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 25. Л. 213-217.

[7] *Баранов К.В.* Акты XVI – начала XVII века из местнических дел. // Русский дипломатарий. Вып. 7. № 20. – М., 2001. С. 48-49.

[8] Писцовые книги Рязанского края. – Рязань, 1996. Т. 1. Вып. 1. С. 66, 179, 245, 305.

Однако не все черкасы желали перейти на службу в Россию. В 1592 г. воевода Григорий Борисов докладывал из Чернигова о конфликте с польскими подданными. По его словам, черниговцы обнаружили начатое людьми А. Вишневецкого строительство на Прилуцком городище. В России эту территорию считали своей и поэтому поселенцев прогнали, а для предотвращения их возвращения выставили заставу. После этого на заставу пришли черкасы из Лубен и Остра во главе с атаманом Иваном Белиным. В результате завязавшегося боя немало черниговцев было убито и ранено, а их лошади стали добычей черкас[1].

В ответ на активизацию украинских казаков российское правительство должно было принять соответствующие меры. В Поле из городов направлялись военные отряды[2]. Весной 1589 г. в Москве получили известие о прибытии на р. Северский Донец отряда черкас под командованием Матвея Федорова, который изъявил желание «служить государю и над крымскими людьми промышлять» В ответ из Путивля был выслан отряд под командованием головы Афанасия Федоровича Зиновьева. Последний получил наказ: выяснить подлинные намерения черкас и, если не подтвердится их намерение перейти на русскую службу, то немедленно атаковать, разгромить и уничтожить их. Отряд Федорова стал служить «государеву службу»[3].

На примере черкасского отряда М. Федорова хорошо видны основные тенденции во взаимоотношениях российской администрации и украинцев в конце XVI в. Они были гораздо сложнее, чем это порой воспринималось историками. Советские исследователи приводили эпизод с Матвеем Федоровым как пример успешной украинской колонизации Днепро-Донского региона. При этом утверждалось, что царское правительство только положительно ре-

[1] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 593. Л. 172-об.

[2] См.: *Загоровский В.П.* История... С. 196-197.

[3] Акты XIII-XVIIвв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества (Собрал и издал А. Юшков). Ч. I. – М., 1898. С. 250-259 (далее – АРП).

агировало на появление переселенцев из Речи Посполитой[1]. Тем самым игнорировалось мнение Д.И. Багалея, проанализировавшего данный случай и пришедшего к выводу о недоверии российских властей к черкасам, «...потому, что они ничем прочным не были связаны со своим новым отечеством»[2].

Черкас принимали на службу, поскольку остро нуждались в людях. Однако до конца им не доверяли. Зачастую служилые черкасы пресекали вторжения татар. При необходимости служилых черкас использовали для борьбы с черкасами «воровскими». Тем не менее, правительство с большой осторожностью относилось и к черкасам, находящимся на российской службе. Само прибытие в русские пределы вооруженных отрядов вызывало тревогу, поскольку нельзя было быть полностью уверенным в том, что черкасы пришли на службу, а не в поисках добычи.

Настороженность, проявленная правительством по отношению к отряду Федорова, послужила Д.И. Багалею основанием для вывода о восприятии российскими властями черкас как союзников, а не как своих служилых людей[3]. Эта оценка представляется не совсем точной. Рассмотрение документов о других служилых черкасах позволяет заключить, что они находились в таком же положении, как и прочие категории военно-служилого населения южной российской окраины. Только, как оказалось впоследствии, у них было больше возможностей для ухода со службы, чем у русских жителей этого региона.

По мере заселения россиянами Польской и Северской «украйны», учащались пограничные столкновения. Пропорционально возрастанию плотности населения района увеличивалось количество конфликтов. Из всей территории российско-украинского порубежья наиболее интенсивно осваивались Северские земли.

[1] См.: История Украинской ССР. В десяти томах. Т. II. – Киев, 1982. С. 240; Мышко Д.И. Экономические, политические и культурные связи между Украиной и Россией в XV – первой половине XVII в. // Великая дружба. – Ереван, 1954. С. 68; Дядиченко В., Стецюк Е. Указ. соч. С. 13.

[2] *Багалей Д.И.* К истории... С. 105.

[3] Там же.

Именно здесь в 80-х годах XVI в. напряженность достигла такого уровня, что вопрос об обстановке в Новгород-Северском, Путивльском и других российских уездах стал предметом дипломатической переписки между Москвой и Варшавой. Польское правительство видело причину обострения положения в переходах российских подданных через польские рубежи. Видимо, в Речи Посполитой считали еще неосвоенные просторы Поля своими и воспринимали появление там россиян как нарушение польской границы. В свою очередь, в Москве подобное мнение находили несправедливым, упрекали поляков в пограничных столкновениях, однако обещали и своих подданных «удерживать от всяких непорядков»[1].

В этот период российские дипломаты активно протестовали против строительства острогов вблизи границы со стороны Речи Посполитой. По их словам, после основания и заселения Лубен и Прилук, жители этих городов «запустошили» Черниговский, Путивльский и Новгород-Северский уезды. При этом утверждалось, что Прилутцкое городище со всеми угодьями, прилегающими к нему, является исконной землей Черниговского уезда[2]. Со своей стороны, в Варшаве утверждали, что «... городище Прилутцкое и река Удая з веков к Киевскому княжеству надлежит и людем господарей наших королей польских и великих князей литовских черкасы, и каневцы, и остряне завжды того спокойне далече за тым местом больше десяти миль уживались»[3]. Неопределенность государственной принадлежности Прилуцкого городища и его округи стала причиной длительного межгосударственного спора. Таким образом, колонизация Россией и Польшей своих окраин привела к обострению территориальных противоречий между двумя государствами.

Несмотря на дипломатические меры, в дальнейшем положение существенно не изменилось. Помимо актов разбоя, бывших на окраинах делом обычным, здесь уже в конце XVI в. происходят

[1] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Переписка между Россиею и Польшею по 1700 г. Ч. II. – М., 1862. С. 8-9.

[2] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 593. Л. 163-об.-165.

[3] Там же. Л. 174-об.

попытки украинского населения осесть на приграничных землях, не вступая при этом в российское подданство. О таких фактах сообщали воеводы Путивля, Рыльска и Новгорода-Северского[1] и Чернигова[2]. Опасность черкасской колонизации для России заключалась в том, что селившиеся украинцы не приносили присяги царю. Следовательно, они продолжали оставаться подданными Речи Посполитой. Поэтому русское правительство опасалось такого освоения земель черкасами. Ведь, закрепившись на них, переселенцы создали бы условия для присоединения этой территории к Польше. Но процесс расселения черкас на границах Российского царства продолжался, и московское правительство остановить его не могло. В данном случае можно говорить о столкновении двух потоков колонизации Днепро-Донской лесостепи – русского и украинского. Освоение Поля началось практически одновременно и россиянами и черкасами. Однако имелись существенные отличия в положении переселенцев с территории Российского царства и Речи Посполитой. В это время русская колонизация была преимущественно правительственной, организованной из центра. Она опиралась на строящиеся государством города-крепости и формировавшиеся в регионе вооруженные силы. Проводя такую политику, российская сторона стремилась закрепиться на Польской и Северской окраинах.

Украинская колонизация носила иной характер. В основном, это был процесс стихийный, лишь отчасти стимулировавшийся польскими землевладельцами, но не государством. В конце XVI – начале XVII вв. правительство Речи Посполитой специальных распоряжений о переселении черкас не отдавало, но и не мешало движению украинцев в этот регион. Русские власти всячески противодействовали оседанию украинских переселенцев на его территории и рассматривали черкасскую колонизацию как проявление экспансии Речи Посполитой.

Правительства Федора Ивановича и Бориса Годунова, опираясь на создаваемые в рассматриваемом регионе вооруженные

[1] Анпилогов Г.Н. Указ. соч. С. 74.

[2] РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 593. С. 74.

силы, пытались вытеснять украинцев с территории, которую считали своей. Но сил, имевшихся в распоряжении Российского царства, оказалось недостаточно для преодоления сопротивления украинских поселенцев. Тем не менее, в столкновении двух колонизационных потоков преимущество оказалось на стороне российского, имевшего государственную поддержку. Однако полностью удалить украинцев с территории Поля российские власти не смогли. Результатом стало компромиссное решение проблемы. Российская администрация разрешала черкасам селиться на своей территории при условии изменения ими подданства и выполнения различных обязанностей наравне с другими российскими служилыми людьми.

В Смутное время деятельность российской администрации на Польской украйне была практически парализована. Это время характеризуется не только голодом 1601-1603 гг. (который на юге Российского царства проявился не так остро, как в других районах страны), но и дестабилизацией внутри- и внешнеполитического положения России, активным вмешательством в ее внутренние дела иностранных держав. Наибольшей активностью была отмечена внешняя политика Речи Посполитой. Правительство этого государства стремилось извлечь максимальную выгоду из сложной внутриполитической ситуации в России. В Польше в этой связи возникали различные планы: от идеи соединения Российского царства и Речи Посполитой «вечной унией» до присоединения к Польскому королевству части пограничных российских территорий[1].

Естественно, вышеназванные факторы отразились на ситуации в южных уездах России.

Именно в южные районы России вторгся Лжедмитрий I. Этот регион существенно пострадал в Смутное время. С возвращением в Польшу из России короля Сигизмунда III и королевича Владислава активные действия польских войск на русских землях прекратились. После утверждения на престоле в 1613 г. Михаила Федоровича Романова ситуация в государстве начинает стабили-

[1] Подробнее см.: Флоря Б.Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы в второй половине XVI – начале XVII века. – М., 1978. С. 268-285.

зироваться. Положение на порубежье усугубилось походом польского королевича Владислава на Москву в 1617 г. Сил, имевшихся в его распоряжении, оказалось недостаточно для ведения успешной войны за престол. Поэтому Владислав призвал на помощь запорожское войско. Запорожцы, численностью до 20 тыс. чел., двинулись в поход летом 1618 г.[1] Во главе казаков стоял гетман Петр Конашевич Сагайдачный. Они овладели Путивлем, Ливнами, Ельцом, Данковым, Лебедянью, взяли в плен русских послов, направлявшихся в Крым (вместе с «мягкой казной» стоимостью 10 тыс. руб.), а затем направились на Рязанщину[2]. Таким образом, в 1618 г. южная оборонительная система России, еще окончательно не восстановленная после Смутного времени, в результате вторжения запорожцев опять серьезно пострадала. Для Владислава поход оказался неудачным. Осенью 1618 г. возобновились мирные переговоры. Следует обратить внимание на оценку российскими властями похода запорожцев 1618 г. Согласно боярскому приговору от 10 июля 1619 г., «... о ту пору была война, а не разбой»[3].

Приведенные факты позволяют заключить, что во время Смуты, благодаря ослаблению Российского государства, приостановилась колонизация Поля. Процесс российско-украинского порубежного взаимодействия претерпел серьезные изменения. И если в конце XVI в., несмотря на различные конфликты, достаточно устойчиво развивалась тенденция к совместному проживанию россиян и черкас в Днепро-Донском междуречье, основанная на приеме украинских казаков в российское подданство, то в первые два десятилетия XVII в. черкасы, в основном, выступали либо как воины Речи Посполитой, либо как разбойники, рыскающие в поисках добычи по российской украйне. Но, по мере восстановления российской государственности, это направление во взаимодействии населения сопредельных территорий России и Польши

[1] Повесть об осаде города Михайлова гетманом Сагайдачным в 1618 г. // Киевская старина. № 12. 1885. С. 684.

[2] *Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 179.

[3] Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. – Л., 1986. С. 96.

перестает доминировать, и фактически порубежные отношения восстанавливаются в том виде, в котором они существовали до появления первого самозванца. Значит, в основе обострения ситуации на границе между украинскими землями Речи Посполитой и России в Смутное время лежали не этнические, а политические причины.

Итоги Смуты предопределили главные направления последующей внешней и внутренней политики правительства Михаила Федоровича. В 20-е годы XVII в. Россия окончательно закрепилась на Польской украйне. Возобновилась сторожевая и станичная служба. Продолжался процесс заселения земель, увеличения численности служилых людей в польских городах. Отношения между Россией и Речью Посполитой продолжали оставаться сложными, неурегулированными, т.к. между двумя странами не был заключен мир. С 1618 г. действовало перемирие на 14,5 лет. Речь Посполитая не только захватили западные российские земли со Смоленском, но и продолжала игнорировать Михаила Федоровича Романова как законного российского царя, требуя, согласно условиям договора Владислава с боярами, признания прав польского королевича на московский престол. В пограничных районах сохранялась напряженность. Тем не менее, крупных военных столкновений на межгосударственном уровне не было, за исключением периода Смоленской войны 1632-1634 гг.

Безусловно, столкновения дестабилизировали обстановку на границе, мешали укреплению России в данном регионе. Но еще больше тревожило российские власти продолжавшееся расселение украинцев на этой территории без принесения ими присяги. Неслучайно вопрос о ситуации на границе был вынесен на обсуждение Земского собора, который должен был решить вопрос о разрыве перемирия и начале войны с Речью Посполитой[1].

Ослабленному государству трудно было противостоять украинской колонизации. Из всей территории Северской и Польской украйны наибольшая активность черкасской колонизации наблюдалась в Путивльском уезде. Объясняется это его близостью к уже

[1] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. III. – СПб., 1822. С. 228 (далее – СГГД).

освоенной украинцами территории Речи Посполитой и относительной защищенностью от татарских набегов. Так как русское население в указанном районе было довольно многочисленным, то и столкновения здесь происходили чаще.

Показателен следующий эпизод. В 1626 г. более тысячи черкас из Лубен, Синеча, Лохвицы и Прилук, исключенных ранее из реестра, во главе с полковником Пырским и Яцком Засульским двинулись на российскую территорию, на р. Псел, на Новое Городище – для поселения. Кроме того, туда же направились «выписчики»[1] из других украинских городков. Черкасы учли опыт предшествующих столкновений с российскими войсками, которые выдворяли незаконных переселенцев за пределы России. Они решили закрепиться и оказать сопротивление, утвердив тем самым за собой эту территорию[2]. По всей видимости, оперативность, проявленная российскими властями, позволила уладить конфликт. Черкасам не дали поселиться на Новом Городище. При этом не произошло кровавых столкновений. Украинцы безуспешно пытались осесть на том же самом месте и в дальнейшем[3]. Но, тем не менее, значительное число черкас проживало в Путивльском уезде, не принимая российского подданства. Об этом свидетельствует распоряжение правительства, согласно которому, для высылки «литовских людей» из Путивльского уезда и сжигания их поселений в 1627 г. направлялось пятьсот конных и сто пеших стрельцов, усиленных 280 служилыми людьми из разных городов[4]. Как свидетельствуют донесения воевод, украинскую колонизацию земель, прилегающих к Путивлю, не удавалось полностью контролировать и в 30-е годы XVII в.

Приведенные факты убедительно говорят о напряженности, связанной со столкновением российского и украинского колонизационных потоков. Во многом конфликты провоцировались

[1] «Выписчиками» черкасы называли казаков, исключенных из реестра (списка, по которому в Речи Посполитой казакам выдавалось жалованье). Не вошедшие в реестр теряли права казака и должны были стать либо крестьянами, либо мещанами.

[2] РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. № 13. Л. 2.

[3] Там же. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 118. Л. 1-3.

[4] Там же. Столбцы Белгородского стола. № 20. Л. 39.

особенностями, присущими порубежью. Отсутствие четкой границы создавало ситуацию, когда конкретную местность считали своей и Российское царство, и Речь Посполитая. В Путивльском уезде было особенно много случаев расселения черкас без приема присяги. Противостоять этому процессу пытались военными и дипломатическими средствами. Командирам российских военных отрядов приказывалось поселения жечь дотла, а их жителей выдворять за рубеж[1]. В результате таких действий больше всего страдало население сопредельных территорий.

В это время российская колонизация Поля приобретает государственный характер. Теперь в ней в равной мере стали сочетаться элементы правительственной и народной колонизации. Следовательно, заселение окраин со стороны России становится более интенсивным, что во многом объясняет рост числа конфликтов на порубежье. При этом инициаторами конфликтов, т.е. нападающей стороной, являлись как украинцы, так и россияне. Упомянутые нападения происходили и на российской, и на польской территории.

В рассматриваемый период возобновился прием черкас на службу. В это же время начала практиковаться ссылка провинившихся служилых черкас в Сибирь, где их верстали в службу наравне с другими российскими подданными.

Черкасы в зоне южнорусского фронтира
(от Смоленской войны до восстания Богдана Хмельницкого)

В годы Смоленской войны 1632-1634 гг. южная окраина России стала ареной боевых действий. Укрепление Российского государства к 30-м гг. XVII в. позволяло, по мысли правительства, начать борьбу с Речью Посполитой за возвращение Смоленска. В Москве рассудили, что международная обстановка благоприятствует решению указанной задачи. Расчет исходил из того, что Речь Посполитая скована борьбой с Османской империей и Крымом. В то же время главные европейские державы были втянуты в Тридцатилетнюю войну и не могли активно вмешиваться в дела Восточной Европы. Кроме того, наметился военный союз Российского царства и Швеции. Вероятно, Россия рассчитывала на поражение Польши на западном фронте, от Швеции. Смоленская война должна была отвлечь польские силы на восток[1]. В итоге Речь Посполитая должна была принять выгодные для России условия мира. Тем не менее, в августе 1632 г. Российское царство начало войну с Польшей, так и не заручившись поддержкой Швеции и Турции. Смоленская война 1632-1634 гг. была ярким проявлением борьбы России и Речи Посполитой за гегемонию в Восточной Европе. Основные сражения развернулись под Смоленском, но события, происходившие на южном российском порубежье – Поле, оказали определенное влияние на результаты всей кампании в целом.

[1] Там же. № 42. Л. 112.

К началу боевых действий черкасы представляли значительную силу, с которой вынуждены были считаться оба враждующих государства. Однако с привлечением черкас к войне в России у польского правительства возникли определенные трудности. Сказалась религиозная рознь и антиуниатская агитация киевского митрополита. Иван Кулага сначала был отстранен от гетманства, а затем убит черкасами в Каневе за то, что «хотел обляшиться»[2]. После этого произошел ряд столкновений украинских казаков с поляками и униатами. Такие конфликты были выгодны Москве, поскольку они ослабляли силы Речи Посполитой и отвлекали черкас от участия в военных действиях против Российского царства. Действительно, в 1632 г. последние не предпринимали активных действий против российских войск, располагавшихся на Польской и Северской украйнах.

Боевые действия с войсками Речи Посполитой, состоявшими в значительной мере из черкас, развернулись на южной окраине России в 1633 г. Сначала были атакованы Путивль и Рыльск. В это же время черкасы штурмовали уже занятый русскими войсками

[1] Подробнее см.: *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. – М., 1976.

[2] Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в 3-х томах. Т. I. – М., 1954. № 72. С. 124-125; № 74. С. 128 (далее – ВУСР).

Новгород-Северский. Черкасам под командованием Якова Остряни-на весной того же года удалось захватить и разорить г. Валуйку. После этого отряд Острянина предпринял попытку захватить Белгород. После того как приступ был отбит, отряд Острянина отошел на территорию Польского королевства[1]. При этом черкасы прошли мимо Путивля и разграбили Комарицкую волость[2]. В августе, 26 числа, черкасы под командованием полковников Пырского, Ловерка, Острянина и урядника Сеножатского атаковали Курск[3].

В следующем году боевые действия польской армии на южной окраине России с участием черкас продолжались. В начале 1634 г. поляки и черкасы предпринимали безуспешные попытки захвата Курска[4]. С 1 по 7 марта 1634 г. другой русский город, Севск, также подвергся серьезному приступу. С 4 по 16 апреля 1634 г. двенадцатитысячный отряд гетмана Ильяша Черного, полковников Данилы Данилова и Яцко Острянина безуспешно пытался овладеть Курском[5]. Полтавские черкасы вновь появились под Белгородом в 20-х числах марта 1634 г. В отсутствие Я. Острянина ими командовали полковники Филипп и Семен[6]. Острянин вернулся в Полтаву и направил письма в Переяславль и другие «литовские порубежные городки» с предложением всем полковникам и урядникам сходиться к нему в Полтаву, а оттуда немедленно идти под Белгород[7]. В дальнейшем эти данные подтвердились.

Местный воевода встревожился, ибо гарнизон был сильно ослаблен — много людей было убито и умерло от ран за предшествующий военный период. В отписке, направленной в Москву, стольник Волынский сообщал, что большой острог нуждается в

[1] АМГ. Т. I. № 538. С. 517.

[2] *Жемайтис С.Г.* Источники по истории Смоленской войны (1632-1634 гг.) в собрании П.П. Дубровского. // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. – Л., 1988. С. 48.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 53. Л. 28.

[4] Там же. Столбцы Московского стола. № 102. Л. 514.

[5] АМГ. Т. I. № 663. С. 616.

[6] РГАДА. Столбцы Московского стола. № 101. Л. 343, 361.

[7] Там же. Л. 499-501.

ремонте и серьезного приступа не выдержит[1]. Так и случилось. Черкасы под командованием Я. Острянина, вновь, но теперь уже внезапно, появились под стенами Белгорода. Помимо Острянина черкасами командовали полковник Пырской и лубенский полковник Ловерко. Сбор отряда происходил в Лубнах. Его численность достигла семи тысяч человек. Из Лубен черкасы шли Бокаевым шляхом. Переправившись через Северский Донец возле устья Везелицы, они начали штурм крепости в 4 часа утра 8 июня 1634 г. К 5 часам вечера большой острог был захвачен и сожжен. До 12 июня продолжались приступы к детинцу, но гарнизон сумел отбиться[2]. Потеряв надежду на дальнейшее развитие первоначального успеха, черкасы ушли с полоном в пределы Речи Посполитой[3]. Естественно, российская администрация предпринимала ответные шаги. На местах, по мере возможности, организовывался отпор, продолжалась станичная и сторожевая служба. На украйну из Москвы посылались дополнительные вооруженные силы. Ход боевых действий на Поле во время Смоленской войны 1632-1634 гг. подталкивал российское правительство к принятию мер для укрепления обороны в данном регионе. Была осознана невозможность проведения активной политики на Западе без усиления своего положения на Юге. В целом довоенные позиции Российского царства в Днепро-Донской лесостепи были восстановлены довольно быстро.

Итак, в 1632-1634 гг. российско-украинское порубежье стало ареной широкомасштабных боевых действий. Активное участие в них принимали черкасы, составлявшие часть армии Речи Посполитой. В отличие от татар, они довольно успешно штурмовали российские крепости, чем оказали значительное влияние на ход всей кампании в целом.

Приведенные факты показывают, что во время войны этнокультурная близость населения приграничной территории практически не проявлялась. Принадлежность украинцев к православной церкви в обстановке войны 1632-1634 гг. не удержала

[1] Там же. Л. 525.

[2] Там же. Л. 629-630.

[3] АМГ. Т. I. № 680. С. 625.

последних от участия в боевых действиях на стороне католической Речи Посполитой. На первое место выдвинулся политический фактор: антагонизм государств, на территории которых проживали русские и украинцы. Ожесточенные боевые действия серьезно деформировали их взаимоотношения. Механизмы, обеспечивавшие сосуществование населения российско-украинского порубежья, наметившееся в 20-е гг. XVII в., в 1632-1634 гг. перестали функционировать.

Поляновский мирный договор, заключенный Россией с Речью Посполитой, привел к отказу Владислава IV от претензий на российский престол. Довоенное положение на границе между двумя странами осталось неизменным. Осознавая неизбежное приближение конца Тридцатилетней войны, Речь Посполитая стремилась сохранить стабильные отношения с восточным соседом. Более того, в 40-е гг. XVII в. в Восточной Европе вновь возникли планы антитурецкой войны. В это же время начинается обострение балтийского вопроса. Русские политики попытались методами дипломатического давления добиться от шведского правительства изменения условий Столбовского договора 1617 г. В таких условиях варшавский двор рассчитывал, что совместная борьба с Крымским ханством и Османской империей помогут обеспечить статус-кво в отношениях с Россией. В итоге, укрепится положение не только на юге Речи Посполитой, но и сохранится сложившаяся ситуация на границах с Российским царством.

В рассматриваемое время перед Россией стояло несколько важнейших внешнеполитических задач. В их числе: возвращение потерянных земель в Прибалтике и на границе с Речью Посполитой, а также борьба с Крымом. Первоочередное решение той или иной задачи (одновременно решить их было невозможно) зависело от конкретной международной обстановки, от положения внутри страны и на ее рубежах. После заключения мира с Речью Посполитой, в 1634 г. на российско-украинском порубежье начался процесс ликвидации последствий боевых действий. Как и до войны, обстановка в регионе продолжала оставаться тревожной.

С весны 1635 г. в довоенном масштабе возобновилась сторожевая и станичная служба[1].

После Смоленской войны активизировалась народная украинская колонизация Поля. Причины данного явления, в первую очередь, следует искать в действиях властей Речи Посполитой. Правительство Владислава IV попыталось сократить численность казачества на своей территории. Количество последних заметно увеличилось во время Смоленской войны, когда варшавский двор использовал их для рейдов на территорию Российского царства. Поскольку казаки сыграли довольно значительную роль в боевых действиях, они стали претендовать на получение особого сословного статуса. Противная сторона не хотела признавать такое желание законным. После заключения мира с восточным соседом польское правительство, местные власти и шляхта стремились как можно больше украинских казаков превратить в крестьян и мещан – людей, подчиненных либо государству, либо отдельным феодалам.

Конфликт между основной массой населения украинских земель Речи Посполитой и государством не исчерпывался только социальным противостоянием. Острое недовольство вызывали попытки силой распространить на православных власть униатской церкви[2]. Эти два конфликта, социальный и религиозный, спровоцировали не только ряд казацких восстаний в Речи Посполитой, но и стимулировали отток населения за ее пределы. Основная масса украинцев направлялась в южные уезды Российского царства. Часть поселенцев хотела жить на российской территории, не принимая российского подданства.

В царской грамоте, направленной 4 ноября 1643 г. в Корочу, воеводе предлагалось черкас, приходящих в корочанские угодья для хозяйственной деятельности, высылать (в отличие от «воровских», которых ловили)[3]. В одновременном указе чугуевскому во-

[1] См. напр.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 54. Л. 479; Там же. № 74. Л. 289; 284.

[2] Подробнее см.: Флоря Б.Н. Отношения... С. 36-46.

[3] Царския грамоты на Корочу воеводам и челобитные корочан царям. // ЧОИДР. 1859. № 2. Отд. 2. № 8. С. 7.

еводе Денису Федоровичу Ушакову было предписано строго следить за тем, чтобы зарубежные черкасы не оседали на российской территории и не осваивали угодья в его уезде. Вместе с тем, силу по отношению к ним применять запрещалось. Незаконных мигрантов следовало выдворять исключительно мирными средствами, а также использовать дипломатические меры[1].

В 1646 г. из Белгорода для осмотра российской приграничной территории был направлен Степан Сухотин. 30 октября он составил Роспись литовских пасек в Вольновском уезде и под Хотмыжском...» [2] С. Сухотин произвел достаточно масштабное обследование («сыск»). Отчет, составленный им, говорит о наличии на «государевых землях» (между городами Вольным, Хотмыжском, Белгородом и Чугуевым) более чем трехсот черкасских пасек[3]. Судя по отписке белгородского воеводы, составленной на основании опроса жителей Вольного, в следующем году положение не изменилось. Число незаконных пасек не сократилось. В ответ на отписку воевода получил предписание: бортников изгнать «без бою и без задору»[4]. Подобные указания были направлены воеводам других приграничных городов.

В условиях постоянного перемещения украинского населения по Северской и Польской украйне и продвижения русской колонизации вглубь Поля особую остроту приобретал вопрос установления границ России и Речи Посполитой. Первые сведения о посылке на рубеж межевых судей и о попытке уточнения границ содержатся в Бельском летописце под 1603 г.[5] В условиях Смутного времени Российское царство не смогло отстоять свои интересы. В дальнейшем положение изменилось. В наиболее заселенных пограничных районах размежевание территории началось после подписания Деулинского перемирия. Так, в 1619-1622 гг. была

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 181. Л. 179-181.

[2] Там же. № 256. Л. 119-124.

[3] Там же. № 242. Л. 69-70.

[4] Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. – М., 1894. С. 127.

[5] ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 240.

установлена российско-польская граница в Комарицкой волости[1]. Даже после Смоленской войны вытеснить Россию с Поля Речь Посполитая не сумела. Летом 1634 г. было проведено размежевание тех земель между Путивлем, Новгородом-Северским, Трубчевском, Стародубом, Почепом и Черниговом, по государственной принадлежности которых не возникало разногласий. Межевые комиссары решили съехаться к 1 июня следующего года для решения вопроса о спорных территориях[2]. Определить границу между Новгород-Северским поветом Речи Посполитой и Рыльским уездом Российского царства смогли только до р. Сейм. Около 420 км границы, пролегавшей южнее, остались не демаркированными, т.к. возникли неразрешимые споры[3]. Процесс размежевания вылился в длительный территориальный спор между Россией и Речью Посполитой. Стороны использовали любые средства для достижения выгодных им результатов.

В 1638 г., после продолжительных споров, была проведена русско-польская граница между Северскими и Полтавскими землями. По ее линии были установлены межевые знаки: выкопаны разделительные рвы, поставлены кресты, сделаны затеси на деревьях. Иногда на деревьях высекали буквы: «W» (Владислав. – *Авт.*) – с польской стороны и «ЦМ» (царь Михаил. – *Авт.*) – с русской[4]. А вот размежевание в районе Новгород-Северский – Чернигов – Черкасы (Речь Посполитая) и Брянск – Путивль (Российское царство) в 1644 г. прекратилось из-за невозможности разрешить земельные споры[5].

Длительные дискуссии о месте пролегания границы являлись отражением многолетней борьбы двух государств за гегемонию в рассматриваемом регионе. Однако, несмотря на изменение ме-

[1] *Godziszewski W.* Granica polsko-moskiewska wedle pokoju polanowskiego (wytyzona w latach 1634-1648). – Kraków, 1934. S. 8-9.

[2] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Переписка... Ч. III. С. 70.

[3] *Godziszewski W.* Granica... S. 18-20.

[4] *Василенко Н.П.* Очерки по истории Западной Руси и Украины. // Русская история в очерках и статьях. – Киев, 1916. Т. III. С. 574-575.

[5] См.: Godziszewski W. Granica... S. 40; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 597. Л. 14-об.-26; Кн. 598. Л. 223-288.

ждународной обстановки, которое подталкивало Россию и Речь Посполитую к сближению, в течение последующего десятилетия вопрос о границах продолжал оставаться нерешенным. Так, только в 1647 г. была определена граница Путивльского уезда с черниговскими и черкаскими землями, относившимися к Королевству Польскому[1]. При этом Недрыгайлов был уступлен России, за что И. Вишневецкий получил большую территориальную компенсацию в бассейне р. Хорол. Граница прошла по Ворскле. Во владения Российского царства попали г. Олешня и городище Ахтырка. Южнее граница четко не маркировалась, она оканчивалась на линии Муравского шляха. Далее простирались степи, на которые предъявляли свои права Россия, Речь Посполитая и Крымское ханство[2].

Нетрудно заметить стремление Речи Посполитой сохранить выгодно сложившиеся для нее границы. Однако Россия не отказывалась от претензий на некоторые земли, находившиеся под властью Польского королевства. Выдвижение варшавским двором предложения о размежевании логично связать с началом работ по строительству Белгородской черты. Видимо, польское правительство осознало, что создание Российским царством сети мощных укреплений значительно усилит его позиции в регионе, что может поставить под угрозу территориальные приобретения, произведенные Речью Посполитой в предшествующее время. Надо полагать, необходимость решения вопроса о границе понимали обе стороны, но поступаться своими интересами для урегулирования проблемы никто не хотел. Положение, когда часть пограничных земель являлась предметом спора между двумя государствами, сказывалось на положении жителей этих территорий. Обе стороны были заинтересованы в заселении их своими подданными, чтобы обеспечить свой суверенитет над окраинными землями.

В целом, можно констатировать, что в рассматриваемое время для российско-украинского порубежья характерны вооруженные столкновения и военные конфликты, порожденные пересечением

[1] Акты, относящиеся к Малороссии. Из документов Московского архива министерства юстиции. Без тит. л. № 1. С. 1; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Кн. 650. Л. 2-14.

[2] *Godziszewski W.* Granica... S. 41-79.

российского и украинского потоков колонизации Поля. По окончании Смоленской войны 1632-1634 гг. Российское государство развернуло строительство Белгородской черты, что обусловило окончательное закрепление его в данном регионе, позволило не только эффективно бороться с вторжениями татар, но и усилить контроль над народной украинской колонизацией. В этот же период произошло сближение между Россией и Речью Посполитой, в основу которого лег договор о совместной борьбе с татарами и другими общими врагами. Стабилизации взаимоотношений двух держав способствовал процесс демаркации границ, протекавший медленно, но, тем не менее, приносивший определенные результаты.

Активизация миграции украинцев в южные уезды России в конце 30-х годов XVII в. объясняется не только внутриполитической обстановкой в Речи Посполитой, но и началом возведения Белгородской черты, потребовавшим увеличения численности военно-служилого сословия на границе России. Результаты увеличения числа переселенцев отражены в царской грамоте, направленной в Путивль, Брянск, Севск, Рыльск, Серпейск, Мосальск, Мещевск, Курск, Белгород, Валуйку, Оскол и Усерд. В ней было велено отказывать перебежчикам из Речи Посполитой (особенно не имеющим имущества и семей), заявляя, что «... без службы их в Московское государство принимать не для чего»[1]. Более того, в 1636 г. воеводы российских приграничных крепостей получили указание не принимать на службу большие группы переселенцев из Речи Посполитой. Такое решение было вызвано необходимостью сохранения мирных отношений с Польшей, обострять которые после проигранной Смоленской войны было для Российского царства опасно. Воеводы могли разрешать селиться на подведомственной им территории только небольшим группам черкас с имуществом и семьями. Строжайше запрещалось предпринимать какие-либо меры для переманивания украинцев из-за рубежа[2].

Часто перед тем как перейти на службу к российскому государю украинцы стремились завязать переговоры с воеводами по-

[1] АМГ. Т. II. № 171. С. 110-111.

[2] См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 99. Л. 31; 465-467.

граничных городов[1]. В условиях настойчивых требований Речи Посполитой вернуть назад своих подданных, вполне естественно желание черкас предварительно выяснить, примут ли их на службу и не выдадут ли обратно. Забегая вперед, можно отметить, что компактное поселение украинцев в России стало традиционным.

Те черкасы, которые были поселены на Поле, получали землю и наравне с русскими людьми начинали нести службу. Привыкшим к вольной жизни черкасам было трудно безоговорочно подчиняться требованиям русских властей.

Один из городов Белгородской черты, а именно Короча, благодаря ряду обстоятельств, в значительной степени был заселен черкасами. Дело в том, что начало строительства укреплений Белгородской черты на Изюмской сакме (Короченский и Яблоновский участки) весной 1637 г. совпало с занятием Азова донскими казаками. Кроме того, властями учитывался опыт заселения Козлова в 1635 г. Тогда много зависимых крестьян сумело записаться в казаки и стрельцы, что вызвало резкое недовольство помещиков. Теперь правительство требовало верстать в службу только лично свободных людей. В результате, значительную часть корочанского гарнизона составили украинские переселенцы. На 1 марта 1639 г. в Короче служили: 19 детей боярских, 213 конных черкас, 155 конных казаков, 14 стрельцов и 17 пушкарей[2]. В феврале 1641 г. число черкас в Короче достигало уже 500 чел.[3], а в декабре в Короче получили жалованье 367 черкас[4].

За счет привлечения черкас удалось решить проблему комплектования гарнизона нового города служилыми людьми, но возникли непредвиденные сложности, связанные с ненадежностью черкас. Близость территории Речи Посполитой давала переселенцам возможность вернуться на прежнее место жительства в случае возникновения трений с российской администрацией[5].

[1] ВУСР. Т. I. № 98. С. 166.

[2] ВУСР. Т. I. № 107. Л. 392.

[3] Там же. № 194. С. 319.

[4] РГАДА. Ф. 210. Книги Денежного стола. № 295. Л. 1-21.

[5] См.: Там же. Л. 55, 182-190; Столбцы Белгородского стола. № 140. Л. 30-33; № 154.

В научной литературе бытует представление о том, что в российских порубежных городах (Чугуеве, Валуйке, Осколе, Белгороде, Короче, Курске, Воронеже, Ливнах, Путивле и др.) в 30-40-е гг. XVII в. проживала значительная масса украинских переселенцев[1]. Данных о численности служилых черкас в российских городах не так уж много. Несмотря на их фрагментарность, уточнить вышеизложенное утверждение можно. К осени 1636 г. в Белгороде служило 37 черкас. Показательна грамота, направленная из Разрядного приказа воеводе А. Тургеневу 28 февраля 1636 г. В ней ограничивается численность украинских переселенцев в Белгороде шестью десятками человек. Лишних следовало отправлять в Оскол и Ливны[2]. А летом этого же года, как следует из отписки оскольского воеводы К. Пущина, в этом городе было 35 черкас: 25 из них были присланы из Москвы, а 10 из Белгорода. Всем им было выделено по 100 четвертей земли и по 5 руб. денежного жалованья. Несмотря на полученное жалованье, «иноземцы» вели себя беспокойно[3]. Разрядная книга 1637-38 гг. сообщает следующие сведения: в Ливнах было 57 выезжих черкас (для сравнения: по этому городу служило 882 сына боярских), в Белгороде числилось переезжих черкас – 102 чел., в Курске – 31 конный и 257 пеших черкас с пищалями, а в Михайлове было 82 конных черкашенина. В то же время в Осколе, Валуйке, Ряжске, Данкове, Ельце, Лебедяни, Воронеже, Севске, Рыльске, Путивле и Яблонове черкасы в числе служилых людей не значатся[4].

Несколько иные данные содержатся в росписи выдачи жалованья станичникам за 1638 г.[5] В Белгороде – 60 черкас и 400 станичников, на Осколе – 33 черкашенина и 400 станичников, в Валуйке – 144 станичника, а черкас не значится. Судя по челобитной,

Л. 39-40; Столбцы Поместного стола. № 24. Л. 277-280; № 21. Л. 275-275-б; № 21. Л. 285-288;Столбцы Приказного стола. № 256. Л. 79-88; Царские... С. 189.

[1] См. напр.: *Мышко Д.И.* Указ. соч. С. 70.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 99. Л. 116-120.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 99. Л. 354-355.

[4] Разрядная книга 1637-38 г. – М., 1983. С. 95-111.

[5] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 74. Л. 320-324.

в 1638 г. в Хотмыжске было поверстано на службу десять черкас[1]. А в 1641 г. их было 23 чел. и двое уже числились в бегах[2].

В этом же году Разрядный приказ принял решение о переводе черкас из Хотмыжска. Первоначально их планировали разместить в Новосили, но затем направили в Карпов. Воеводе запретили принимать украинских перебежчиков на постоянное жительство и службу, поскольку Хотмыжск располагался слишком близко к польской границе[3]. Такое решение, думается, следует связать с изменой чугуевцев, произошедшей в этом году (о чем будет сказано ниже). В 1639 г. в Белгороде получили жалованье 247 черкас. В это число входят выходцы с Украины и члены их семей, прибывавшие в этот город, а затем рассылавшиеся в другие населенные пункты. В этом году в Черни числилось 15 черкас, в Кромах – 42, на Валуйке – 113 чел. В Короче числилось 391 чел., в Усерде – 180 черкас, в Ливнах – 59, на Осколе служило 29 переселенцев из Украины, в Валуйке – 87, а в Курске – 300 черкас[4].

И.Н. Миклашевский приводит несколько иные данные за этот год: Курск – 300 чел., Чернь – 130 семей, Кромы – 49 рядовых, сотник и атаман. Кроме того, в 1639 г. в Белгороде было поселено 57 черкас и около полутора сотен переселенцев из Украины были устроены в с. Костенках Воронежского уезда[5].

К сентябрю 1640 г. в Воронеже служило 166 черкас, в том числе два атамана и два есаула[6]. В Яблонове (соседнем с Корочей, о которой подробно говорилось выше) в 1641 г. числилось 577 чел. Из них: сотников – 5, детей боярских – 24, казаков и сведенцев – 408 чел., стрельцов – 118, пушкарей – 20, кузнецов – 2. Кроме того, к городу был приписан 31 казак из Голубинской слободы, и в нем несли службу 414 чел. из других городов: сто детей боярских из Рыльска, 184 донских и яицких казака, 130 конных городовых казаков из Михайлова, Опошни, Белева, Гремячева, Печерников и Карачева[1]. Другими словами, среди более тысячи человек, несших службу в Яблонове, построенном в 1638 г., т.е. практически одновременно с Корочей, и находившимся совсем рядом с ней, черкас не было. Значит, состав корочанского гарнизона следует рассматривать как исключение из общего правила формирования населения крепостей юга России.

[1] Там же. № 132. Л. 75.

[2] Там же. № 151. Л. 281.

[3] Там же. № 139. Л. 193-194.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 138. Л. 130-139; Там же. Книги Денежного стола. № 283. Л. 8-9-об.

[5] *Миклашевский И.Н.* Указ. соч. С. 167-168.

[6] Воронежские акты. Кн. II. № 12. – Воронеж, 1852. С. 181.

В 1641 г. в Валуйке получили жалованье 92 служилых черкашенина[2]. Судя по спискам раздачи денежного жалованья, в 1643 г. в Белгороде служило всего 50 черкас, а в Валуйке – 96[3]. В Козлове в этом году находилось 72 украинских казака[4].

И.Н. Миклашевский проанализировал численность жителей ряда городов Белгородской черты, построенных в 30-х – начале 40-х гг. XVII в.[5] В 1645 г. в Белгороде численность черкас оставалась прежней – 50 чел. При этом их было запрещено посылать на сторожи. Им не доверяли этой службы, поскольку сторожи располагались недалеко от границы с Речью Посполитой[6]. В городе Ольшанске в 1645 г. 17 черкасам было велено служить в детях боярских[7]. За 1645 г. удалось выявить следующие данные о численности служилых черкас в российских украинных городах: Оскол – 31 чел., Короча – 408, Ливны – 65, Орел – 37; Кромы – 46; Усерд – 166, Белгород – 66, Валуйка – 70, Козлов – 52 чел. В 1647 г. в Ливнах было 64 черкашенина, а на Осколе – 70, в Белгороде – 64[8]. По другим документам, в 1645 г. в Валуйке получили жалованье 65 черкас, а в Усерде – 153[9]. Достаточно близкое совпадение численности черкас в разных источниках свидетельствует в пользу достоверности приведенных выше данных.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 144. Л. 12-14.

[2] Там же. Книги Денежного стола. № 98. Л. 44-51-об.

[3] Там же. Столбцы Приказного стола. № 257. Л. 9-14.

[4] Там же. Книги Денежного стола. № 186. Л. 2-46.

[5] Миклашевский И.Н. Указ. соч. С. 141.

[6] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 163. Л. 195-196.

[7] Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. – Воронеж, 1889. Вып. 16. № 722. С. 1610.

[8] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 231. Л. 1-7; 82; 97; 162.

[9] Там же. № 15. Л. 1-24.

12 апреля 1648 г. состоялся приговор Боярской думы о сооружении российской крепости на р. Тор, возле соляных варниц. Для постройки города планировалось выделить служилых людей из большинства российских полевых городов. В этой связи была составлена роспись гарнизонов этих крепостей[1]. Анализ ее данных, сведенных в таблицу, в совокупности со сведениями Таблицы 1, дает основания для заключения о значительности украинского населения в этих городах.

В 1651 г. широкомасштабные работы по постройке вала Белгородской черты проводились силами жителей Царева-Алексеева. В связи с чем был составлен список служилых людей этого города. В нем значилось: дворян – 168 чел., станичников (голов, атаманов, вожей и ездоков) – 48 чел., драгун – 281 чел., беломестных казаков – 64 чел., полковых казаков – 412, стрельцов – 219 чел., пушкарей и воротников – 56, а черкас – 103 чел.[2] Следовательно, в этом случае, черкасы составляли 8,3 % от общей численности служилых людей данного города, что соответствует общей тенденции.

Таким образом, анализ численности служилых черкас и соотношения последней с количеством других категорий служилых людей в гарнизонах крепостей южной окраины России не позволяют утверждать, что в середине XVII столетия черкасы составляли очень значительную часть военно-служилого населения данного региона. А в то время именно эта категория населения доминировала в рассматриваемой местности. Исключение составляют отдельные населенные пункты, такие, как Короча или Острогожск. В последнем городе в мае 1653 г. служило 989 черкас[3].

Тем не менее, активизация переселения черкас в Россию в 30-40-е гг. XVII в., поступление их на службу заложили базу для формирования особой категории военно-служилого населения юга России – служилых черкас. В подавляющем большинстве случаев выходцы из Украины не смешивались с населением приграничных российских крепостей. Как правило, они образовывали отдельную

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 255. Л. 29-37.

[2] Там же. Книги Белгородского стола. № 26. Л. 10-55.

[3] РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. № 31. Л. 1-118-об.

служилую корпорацию. По обязанностям и жалованью служилые черкасы занимали промежуточное положение между детьми боярскими и городовыми казаками.

В целом, в рассматриваемое время черкасы продолжали оставаться еще не очень надежной частью военно-служилого населения Польской и Северской украйны. Однако нужно заметить, что в 30-40-е годы XVII в. прием черкас на российскую службу не прекращался. Более того, в это время на российской территории появляются черкасские поселения с довольно внушительным количеством жителей: Чугуев, с. Костенки в Воронежском уезде и Черкасская слобода в Курском уезде. Так, 12 июня 1638 г. в Белгород пришел отряд Якова Острянина. Несмотря на разорение отрядом Острянина Белгорода и Валуйки во время Смоленской войны, черкасы были приняты на службу и поселены в Чугуеве. Переселенцы были приведены к присяге. После «крестного целованья» они стали российскими подданными. Черкасы сохранили правильную полковую организацию, несколько трансформированную в российских условиях. Гетманский титул Острянина закреплял это казацкое устройство на будущее. Вместе с тем, помимо власти гетмана, на чугуевских черкас распространялась также власть российского воеводы, с которым в Чугуев были присланы русские служилые люди. Численность последних была в пять раз меньше, чем численность черкас. Для обустройства на новом месте переселенцам выдали хлебное и денежное жалованье, превышавшее по своим размерам аналогичное содержание русских служилых людей. Совместными усилиями русских и украинцев была построена Чугуевская крепость.

Уверенность столичной и местной администрации в надежности Якова Острянина и его людей способствовала тому, что российские должностные лица относились к ним так же, как к другим служилым людям. А вот черкасы не всегда реагировали на действия воевод так, как остальные жители России. Кроме того, черкасы, сменив подданство, не могли сразу осознать свое новое положение и иногда продолжали вести себя как самовольные запорожцы, а не как русские служилые люди.

В это время происходит изменение политики польской администрации в отношении своих подданных, переселившихся в Российское государство. Теперь их начали переманивать обратно и создавать условия для возвращения. Не сделали исключения даже по отношению к Острянину и его казакам, так много навредившим полякам во время восстания 1637-1638 гг. Острянин сохранял верность России вплоть до последних минут своей жизни. Дело закончилось тем, что 26 апреля 1641 г. чугуевские черкасы взбунтовались, убили Я. Острянина и под командованием его сына ушли на территорию Речи Посполитой. Здесь бывшие жители Чугуева были поселены в Полтаве, Миргороде, Гадече, Зенкове, Ромнах и Сорочине, им были установлены льготы на 20 лет, а также было запрещено называть их изменниками[1].

После прихода чугуевцев в Речь Посполитую здесь ожидали начала войны со стороны Москвы. Стали даже укреплять остроги и углублять рвы крепостей, расположенных вдоль границы с Россией[2]. Тем не менее, украинцев, которые убежали из Российского государства, приняли и давали понять, что такая политика будет продолжена.

Разрядный приказ предпринял ряд мер для успокоения служилых черкас, остававшихся в России после измены чугуевцев. Так, 14 мая направили грамоту в Воронеж, объявляя царскую милость воронежским черкасам и гарантируя, что измена чугуевцев никак не скажется на отношении к оставшимся верным черкасам[3]. Подобную грамоту получил и курский воевода, строго выполнивший все содержавшиеся в ней предписания[4]. Точно такая же грамота была направлена в Валуйку. Воевода зачитал ее черкасам, которые в ответ заверили его в своей преданности и сообщили, что ничего не знают о письмах и людях, призывающих бежать за рубеж[5].

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 118. Л. 428.
[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 124. Л. 273-274.
[3] Воронежские акты. Воронеж, 1851. Кн. I. С. 100-103.
[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 118. Л. 656-660.
[5] Там же. № 140. Л. 197-205.

Уход значительного числа черкас – случай не единичный. Аналогично чугуевским, в 1638 г. были определены для проживания черкасы в Курском уезде. Всего тогда вышло из Речи Посполитой 865 чел. Из них мужчин, поверстанных в службу – 277 чел., женщин – 232 чел. и 356 детей[1].

В Черкасской слободе было велено быть «сыну боярскому доброму». Главная его задача – защита черкас от возможных обид и притеснений. Он же должен был наблюдать за поведением самих переселенцев. Курскому воеводе И.В. Бутурлину предписывалось строго следить за тем, чтобы никто из жителей Курска и его округи не обижал черкас, не отнимал у них имущество. Вместе с тем, он должен был пресекать любые нарушения со стороны переселенцев[2].

Причиной ухода курских черкас «в Литву» стала информация, распространенная вернувшимся из Москвы черкасским сотником Иваном Холоденко, который утверждал, что всех курских черкас собираются побить на Успеньев день (15 августа), и соответствующий указ из столицы уже послан[3]. Холоденко был отправлен в столицу с челобитной от черкас и, будучи в Москве, часто слышал, как русские служилые люди жалуются на то, что им за несколько лет не выплачено жалованье, в то время как «иноземцам-черкасам» оно выдается регулярно. Речам Холоденко придавало убедительности то обстоятельство, что после измены чугуевцев воевода изъял у курских черкас казенные пищали. 8 июня 1641 г. в Курск пришло распоряжение о возвращении оружия. В отписке от 4 июля 1641 г. Г. Образцов доносил, что приказал отдать черкасам пищали[4]. Последующие события позволяют предположить, что его указание не было выполнено своевременно, либо воевода недостаточно оперативно его отдал.

13 августа 1641 г. черкасы покинули службу и направились в сторону Речи Посполитой. Возглавил мятеж Лукьян Вдовиченко. Изменили не все, часть («лучшие люди») остались. Воевода под-

[1] Там же. № 138. Л. 133-134.
[2] Там же. № 99. Л. 81-85.
[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 154. Л. 83.
[4] Там же. № 140. Л. 326-327.

нял всех служилых людей Курска и бросил их в погоню. Немедленно были поставлены в известность воеводы близлежащих российских крепостей[1]. Беглецов настигли и разгромили 16 августа на Бокаевом шляхе, в 20 верстах от Хотмыжска.

В то же время черкасы, сохранившие верность государю, продолжали жить и нести службу на прежнем месте, правда, к ним стали относиться более настороженно. В свою очередь последние всячески старались доказать свою преданность[2].

Ситуация, схожая с описанными выше событиями, имела место в Воронежском уезде, где в начале 1640 г. в селе Костенки было поселено 130 черкас[3]. Затем их численность выросла до 160 чел.[4] Переселенцы стали выполнять обычную городовую службу, но прожили всего полтора года. В 1640 г. они подали челобитную с жалобой на воеводу. Как и в предыдущих случаях, реакция московской администрации челобитчиков не удовлетворила, и они «пошли в Литву». В Костенках осталось всего около десятка семей черкас[5]. За три дня они прошли около 120 км, были настигнуты между реками Тихой Сосной и Черной Калитвой и разгромлены.

Приведенные факты позволяют заметить отличительную особенность этого периода – широкомасштабное переселение украинцев на территорию Днепро-Донской лесостепи и увеличение числа их побегов со службы. Приведенные факты свидетельствуют, что к 40-м гг. XVII в. польские власти, осознав, что перемещение населения с окраин Речи Посполитой на российское порубежье ослабляет Польское государство и усиливает Россию, активно информировали черкас о том, что они в любой момент могут вернуться обратно. Перечисленные факторы привели к тому, что в 1641 г. значительное число черкас, живших в Чугуеве, с. Костенках Воронежского уезда и в районе Курска, ушли «в Литву». Черкасы перед побегом уже обзавелись хозяйством, обрабатывали землю. Уход с

[1] Там же. Л. 82.

[2] Там же. № 154. Л. 251.

[3] ВУСР. Т. I. № 164. С. 275.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 138. Л. 139.

[5] Там же. № 154. Л. 198.

обжитого места, сопровождавшийся оставлением ценного имущества, был вызван серьезными опасениями за свою безопасность.

На это обстоятельство не могли не обратить внимание российские власти. Следствием подобных «черкасских измен» стала корректировка деятельности центральной и местной российской администрации в отношении черкас. Сложившееся положение привело к упорядочению службы черкас на порубежье, проведенному российским правительством в 40-е годы XVII в. Российское правительство прекратило практику компактного поселения значительного количества черкас на территории, граничащей с Речью Посполитой. Правительственные меры позволили предотвратить дальнейшие массовые измены служилых черкас и способствовали их укоренению на российской приграничной территории. После упорядочения службы черкас в 40-е годы XVII в. московский двор смог более эффективно проводить свою политику в регионе и, в конечном счете, использовать людские ресурсы, прибывающие с украинских земель Речи Посполитой, в своих интересах.

На соотношение сил и направление внешней политики государств Восточной Европы существенно повлияла Освободительная война 1648-1654 гг., развернувшаяся на Украине. Особенность международного положения в данный период заключается в том, что большинство европейских держав были истощены Тридцатилетней войной. Поэтому они не могли сразу вмешаться в развернувшиеся в Речи Посполитой события. Турция в это время вела затяжную изнурительную войну с Венецией и терпела в ней серьезные неудачи. В силу этого Османская империя не участвовала в решении европейских проблем. Вместе с тем, заключение Вестфальского мира 1648 г. создавало потенциальную возможность обострения старых противоречий на Востоке Европы. При таких условиях особое значение приобретала позиция России, в частности, ее взаимоотношения с Речью Посполитой.

В 1648-1650 гг., в период национально-освободительной войны и попытки создания собственной государственности, формирующийся украинский народ впервые выступает как самостоя-

тельная политическая сила. С этого момента наблюдается четкое отделение русско-украинских отношений от русско-польских. В это же время происходит политическое сближение Российского царства с Речью Посполитой. Данное обстоятельство отразилось и на состоянии российско-украинских порубежных отношений. В России продолжали принимать на службу черкас, одновременно стараясь вытеснить в Польшу тех, кто не желал приносить присягу. Польские власти теперь стали способствовать удалению своих подданных с чужой территории[1]. Однако с началом повстанческого движения в 1648 г. администрация Речи Посполитой на порубежье перестала функционировать, ее место заняли казацкие полковники.

В целом, начало Освободительной войны встревожило российскую администрацию. Нужно отметить, что конфигурация границы между украинскими землями Речи Посполитой и Россией после 1648 г. не изменилась. Только теперь с Россией граничили не польские староства, а земли Черниговского, Миргородского и Полтавского полков[2].

Освободительная война на Украине шла вразрез с планами российского правительства, направленными на закрепление сближения с Польшей и избранием Алексея Михайловича на польский престол. Поэтому на начальном этапе восстания Хмельницкого российские власти не оказывали помощи черкасам. Однако с реализацией планов династической унии опоздали, польским королем стал Ян-Казимир[3].

Польское правительство, ссылаясь на договор 1648 г., пыталось привлечь Россию к борьбе против восставших черкас. Предпосылки для этого были, т.к. Б. Хмельницкий заключил союз с крымским ханом. Союз антипольский, но Крым был давним про-

[1] См.: ВУСР. Т. II. № 4. С. 12.

[2] Крип`якевич І.П. Адміністративний поділ України

[3] См.: *Лызлов Г.М.* К вопросу о вступлении России в войну с Польшей в 1654 г. // Ученые записки Казахского государственного университета. Т. 39. – Алма-Ата, 1959. С. 108-109: Его же. Польско-русские отношения в начальный период Освободительной войны украинского народа 1648-1654 гг. // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. № 24. – М., 1958. С. 70-77.

тивником России. Против Крымского ханства был направлен договор Российского царства и Речи Посполитой, заключенный в 1648 г. При этом из Крыма доходили слухи о том, что одним из условий союза татар с запорожцами было обязательство Хмельницкого выставить 10 тыс. казаков на помощь хану, если он предпримет поход на Москву[1].

Возможность включения России в борьбу с восставшими казаками тревожила Богдана Хмельницкого. Это первым отметил еще Д.Н. Бантыш-Каменский[2]. Гетман расценивал сношения русских воевод с польскими как подготовку к совместному выступлению против восставших казаков. Об этом неоднократно писал он сам[3]. Ему отвечали, что российские войска находятся на границе для отражения вторжений татар[4]. На самом деле, Россия не собиралась включаться в борьбу против восставших, дипломатично отклоняя просьбы королевского двора. Варшаву заверяли лишь в том, что не будут помогать повстанцам, которые опасны не только для Речи Посполитой, но и для Российского царства[5]. Воеводам пограничных крепостей было указано идти на помощь войскам Речи Посполитой против татар только в том случае, если у поляков с черкасами не будет войны[6]. Такое указание свидетельствует о гибкости политики российского правительства, стремившегося не нарушить заключенный договор, но в то же время не оказаться втянутым в польско-украинскую междоусобицу.

Однако взвешенная и твердая политика российских властей вызывала недовольство запорожского гетмана. Стремясь получить необходимую поддержку, он шантажировал правительство Алексея Михайловича угрозами. В апреле 1650 г. в Москву поступили известия о подготовке совместного похода гетмана Богдана

[1] АМГ. Т. II. № 234. С. 201.

[2] *Бантыш-Каменский Д.Н.* История Малой России. – М., 1842. Ч. I. С. 218-219.

[3] См. например: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. III.– СПб., 1861. № 210. С. 222; № 218. С. 228 (далее – АЮЗР).

[4] См. напр.: АЮЗР. № 211. С. 223; ВУСР. Т. II. № 39. С. 74.

[5] ВУСР. Т. II. № 135. С. 321.

[6] См. напр.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 569. Л. 166-169.

Хмельницкого и короля Яна-Казимира, заключивших к этому времени мир[1]. Возвратившийся в октябре 1650 г. в Вольный из Киева черкашенин Семен Назаров подтвердил, что Б. Хмельницкий с запорожцами и татарами совершит вторжение на российские украинные города после начала Филиппова поста (15 ноября. – *Авт.*). Он же перечислял главные объекты удара – Путивль и Белгород. В качестве причины называлось разорение донцами крымских улусов, в то время как татары помогали Хмельницкому сражаться с поляками[2]. Согласно царского указа от 29 октября 1650 г., воеводам украинных городов следовало быть готовым к совместному черкасско-татарскому вторжению, которое ожидалось на Филиппов пост[3].

Правительство объективно оценивало поступавшие с границ России известия. Об этом свидетельствуют грамоты к воеводам приграничных крепостей[4]. Организация обороны на пути черкасско-татарского войска была поручена Б.А. Репнину. Осенью 1650 г. в Белгород для усиления гарнизона этой крепости были направлены дополнительные силы[5]. Вести о возможном походе беспокоили не только воевод российских крепостей, которые должны были принять на себя основной удар. Особенно волновались воеводы тех городов, где проживало много черкас. Например, корочанский воевода И. Ржевский боялся «сидеть в осаде», поскольку в его крепости большинство гарнизона составляли служилые черкасы[6].

Среди украинских казаков распространялись слухи о подготовке гетманом похода, если царь не пришлет жалованье запорожцам[1]. Данный факт позволяет предположить, что Богдан Хмельницкий использовал военные приготовления как средство оказания давления на правительство Алексея Михайловича. Предполагая, что варшавский двор не удовлетворится невыгодными для Речи Посполитой условиями Зборовского договора 1649 г., гетман пытался склонить Россию к оказанию ему действенной помощи. При этом он подкреплял дипломатические заявления демонстрацией воинственных намерений.

Между тем, мир, заключенный между запорожцами и польскими властями, заставлял вернуться к оценке черкас как польских подданных и позволял использовать дипломатическое воздействие на Речь Посполитую в целях прекращения нападений запорожцев на российские окраины[2]. Дипломатические заявления не принесли желаемого результата, поскольку польское правительство не могло из-за претензий соседнего государства осложнять и так непростые отношения с украинскими казаками. Во время боевых действий против поляков, развернувшихся в ходе Освободительной войны, переселение украинцев в Россию не прекратилось. Продолжалось и несанкционированное освоение ими порубежных земель. Ответная реакция была прежней – выселение (его стремились производить мирно)[3], несмотря на явную неэффективность такой политики[4]. Налицо было широкомасштабное освоение украинцами русских земель в нарушение всех предыдущих договоров России и Речи Посполитой. В тех условиях польская администрация власти над черкасами не имела, а попытки русских воевод сослать незаконных колонистов с захваченных земель успехом не увенчались.

Вероятно, Хмельницкий проводил двойственную политику. Ему приходилось маневрировать, чтобы не испортить отношения с российским правительством и сохранить поддержку населения

[1] См.: ВУСР. Т. II. № 148. С. 358-359; № 151. С. 362-363; № 164. С. 378-379.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Поместного стола. № 39. Л. 262-264. Слухи о подготовке нападения были весьма распространены. См., напр.: ВУСР. Т. II. № 192. С. 466-467; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 323. Л. 640, 653-656, 680, 645-646, 616-617, 720.

[3] Полное собрание законов Российской империи. Собр. первое. Т. I. № 49. – СПб., 1830. С. 248 (Далее – ПСЗ).

[4] См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 323. Л. 537; 628; 663-664; 672-673; 740-744; Там же. Столбцы Севского стола. № 143. Л. 55-56.

[5] Там же. Столбцы Белгородского стола. № 323. Л. 691.

[6] См.: ВУСР. Т. II. № 184. № 187. С. 454; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 314. Л. 17.

[1] См.: ПСЗ. Т. I. № 49. С. 248.

[2] См.: ВУСР. Т. II. № 184. С. 450-451.

[3] См.: ВУСР. Т. II. № 186. С. 453-454; РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 571. Л. 47-48.

[4] Там же. Столбцы Белгородского стола. № 304. Л. 194-195.

собственных приграничных земель. В конце 1649 г., в результате выселения с российской территории, пострадали хозяйственные интересы полтавских казаков. Отвечая на жалобы последних в январе 1650 г., гетман просил немного потерпеть, обещая, что после того, как разделается с поляками, он «очистит» для них пасеки и угодья, вплоть до реки Сейм[1].

В июне 1650 г. воевода Григорий Болшев писал о расселении значительного количества черкас в Чугуевском уезде. По его словам, переселенцы построили пасеки по Донцу, Удам и Мжу, били и грабили чугуевцев. Посланные воеводой служилые люди мирно выслать черкас за рубеж не смогли, а применить силу без государева указа не посмели[2]. В это время Хмельницкий заключил мир с польскими властями, и в Белгород направили грамоту с указанием обо всех обидных делах и незаконных поселениях к киевскому воеводе Адаму Киселю[3].

Приведенные примеры показывают, что обстановка на российско-украинском порубежье с началом Освободительной войны на территории Украины кардинально не изменилась. Напротив, положение осложнилось, поскольку была нарушена система польского государственного управления в указанном регионе, а к черкасам российская администрация, учитывая постоянные порубежные конфликты и их вольное переселение, относилась настороженно. Особую тревогу вызывали сообщения о подготовке черкас к походу в Россию. Такое положение, вероятно, способствовало тому, что правительство медлило с принятием решения по вопросу о прямой военной помощи Хмельницкому.

Согласно исследованию Г.М. Лызлова, решение о подготовке к войне с Польшей за Украину было принято московским правительством в конце 1650 г.[4], когда в очередной раз осложнились взаимоотношения Варшавы и Москвы в результате претензий по-

[1] Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею Академии наук. Т. XXIX. Стб. 364. – СПб., 1913. (далее – РИБ).

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 291. Л. 316.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 291. Л. 318-321.

[4] *Лызлов Г.М.* К вопросу... С. 110; Его же. Польско-русские отношения в период... С. 66.

следней на Смоленск и северские города, находившиеся в составе Польши. Даже после принятия принципиального решения об изменении курса в отношении Украины, которое влекло неизбежную войну с Польшей, осторожное царское правительство не спешило разрывать мирный договор и оказывать прямую военную помощь Богдану Хмельницкому. С другой стороны, когда правительству Речи Посполитой стало ясно, что московский двор не будет посылать войска против восставших черкас, польские дипломаты стали настаивать на российском походе в Крым[1]. В России прекрасно понимали, что такой поход неминуемо приведет к столкновению с восставшими украинцами, поскольку гетман Б. Хмельницкий находился в союзнических отношениях с крымским ханом. Поэтому, правительство Алексея Михайловича весной 1651 г. выдвинуло непременное условие для осуществления совместного похода: «... чтобы его королевская милость силой или милостью совершенно успокоил казаков и ликвидировал союз с язычниками (подразумевается договор Б. Хмельницкого с крымским ханом. – *Авт.*) [2].

Таким образом, в очередной раз удалось, не нарушая заключенных ранее соглашений, разрушить планы по втягиванию России в невыгодную для нее войну. В то же время, Хмельницкого раздражал отказ России в непосредственной военной помощи. Вероятно, сказывался Белоцерковский договор, заключенный между Яном-Казимиром и Богданом Хмельницким в сентябре 1651 г. Гетман осознавал необходимость внешней помощи. Крымское ханство оказалось очень ненадежным союзником. Наиболее эффективным союзником могло стать Российское царство, но его правительство никак не соглашалось непосредственно включиться в боевые действия. Побудить Алексея Михайловича к принятию положительного для гетмана решения могли только веские причины. В том числе и угроза серьезных осложнений на южных рубежах государства. В этой связи становится понятным возобновление весной 1652 г. слухов о подготовке Хмельницким похода на Рос-

[1] См.: Документы об освободительной войне украинского народа. 1648-1654 гг. – Киев, 1965. № 18. С. 47; № 20. С. 53.

[2] Документы об освободительной войне... № 166. С. 425.

сию[1]. В результате, гарнизоны российских крепостей на Польской украйне были усилены[2].

В 50-е годы XVII в., как правило, прием переселенцев производился в соответствии с выработанными ранее принципами. Небольшие группы (от 20 до 200 чел.) семейных черкас размещали в городах Белгородской черты, одиноких отсылали на Дон, а большие отряды решено было сразу отправлять в низовья Волги[3].

В 1651 г. по городам Белгородской черты, а также в Путивль, Брянск и Севск было разослано распоряжение. В нем сообщалось о некоторых изменениях в механизме приема черкас в российское подданство. Теперь группы переселенцев (численностью до двухсот человек) в сопровождении приставов было велено направлять в Яблонов. Здесь воевода Борис Александрович Репнин должен был распределять их на поселение в Коротояк, Воронеж или Козлов. В случае появления более значительных масс украинцев, их следовало сразу направлять в Поволжье[4].

Как и раньше, имели место побеги черкас, расселенных ранее на южной окраине России. Однако с началом Освободительной войны усилился поток черкас, бежавших из России к себе на родину.

Правительство даже было вынуждено предпринять соответствующие меры. Летом 1651 г. яблоновскому воеводе Б.А. Репнину приказали послать по Белгородской черте дворян и подъячих, велев им подробно переписать все «погосты, поместные и вотчинные села, деревни, починки, пустоши». Переписав, передать их жителям государев указ: ловить бегущих черкас. За каждого пойманного обещалось вознаграждение, а за укрывательство или содействие беглецу – смертная казнь. Поскольку в Валуйском, Чугуевском и Валковском уездах не было населенных пунктов, кроме пригородных слобод, то указ был передан городским воеводам[5].

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 246. Л. 147-148, 267-268; АМГ. Т. II. № 494. С. 305.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 246. Л. 149.

[3] См.: ВУСР. Т. III. № 44. С. 93-94; № 50. С. 100-101.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 143. Л. 440-441.

[5] Там же. Столбцы Поместного стола. № 39. Л. 35-41.

Продолжалось неконтролируемое правительством освоение черкасами земель, приписанных к российским уездам. Как и раньше, черкасы приходили, в основном, для промыслов и, селясь, не принимали российского подданства. Как и раньше, незаконных мигрантов пытались выселять, но безрезультатно. В целом, можно говорить о сохранении тревожной обстановки на российско-украинском порубежье в начале 50-х годов XVII в.

Следует отметить сокращение числа пограничных конфликтов, но также необходимо подчеркнуть, что, несмотря на принятое Земским собором 1653 г. решение о включении Левобережной Украины в состав Российского царства, местные власти продолжали сохранять настороженность по отношению к черкасам. Кроме того, украинцы, жившие на российской земле и уже служившие государству, еще не полностью адаптировались к новым для себя условиям, что создавало дополнительные сложности в российско-украинском взаимодействии на порубежье.

Анализ обстановки на российско-украинском порубежье в 1648-1653 гг. позволяет заключить, что с началом Освободительной войны в 1648 г. обстановка на границе между украинскими землями Речи Посполитой и Россией осложнилась, и до конца 1650 г. тенденция к сближению сторон не прослеживается. Принятый в Москве курс на вхождение Украины в состав Российского царства не изменил принципиально ситуацию в зоне непосредственного контакта населения смежных территорий. Настороженность в отношении черкас сохранялась вплоть до 1654 г. Причиной этому было ослабление контроля за черкасами в приграничном с Россией регионе, вызванное ликвидацией польской администрации на Левобережье.

В сравнении с поляками, Богдан Хмельницкий, в целом, был настроен по отношению к России более лояльно, но хуже контролировал ситуацию. Кроме того, союз с крымцами накладывал на гетмана определенные обязательства. Хмельницкому приходилось проявлять чудеса дипломатической изворотливости для сохранения необходимого ему союзника, в том числе, неоднократно заве-

рять хана в готовности совместно с татарами выступить против России. Кроме того, слухи о возможном черкасском нападении на Россию позволяли запорожскому гетману оказывать давление на московский двор, побуждая его к более решительным действиям. Вместе с тем, по всей видимости, Богдан Хмельницкий не решился бы на подобный поход, поскольку в тех условиях он был невыгоден Украине.

Таким образом, российско-украинские отношения, вплоть до объединения, определялись политическим расчетом и соображениями государственной безопасности. Новым явлением стали прямые переговоры с Украиной, признанной де-факто обладателем суверенных прав. Однако это обстоятельство не изменило отношения к черкасам в приграничной зоне. Они по-прежнему рассматривались как иностранные подданные и как постоянный источник угрозы для российских владений. Ситуация изменилась только после последовавшей за Переяславской радой 1654 г. присягой запорожцев и всех жителей Левобережья на верность российскому государю, в результате чего все они стали подданными Российского царства.

В конце XVI – первой половине XVII вв. на южных рубежах России – в Днепро-Донской лесостепи – встретились потоки российской и украинской колонизаций. Их взаимодействие было сложным и противоречивым. Конкуренция в освоении новых пространств развернулась на фоне постоянных татарских набегов. Именно необходимость борьбы с последними подтолкнула Российское царство к продвижению в Поле. При его освоении российские служилые люди и руководившие ими должностные лица столкнулись с неожиданным препятствием – украинскими казаками-черкасами. Анализ русских посольских книг и дипломатических материалов Литовской метрики второй половины XVI в. показывает, что до 80-х годов XVI в. постоянных контактов с подданными Речи Посполитой – черкасами – у россиян не было. Они начались с середины 70-х гг. XVI в., когда Российское государство организовало сторожевую службу на южной окраине страны. Но

действительно регулярными контакты стали с середины 80-х гг. XVI в., когда на Поле стали появляться российские крепости. Наплыв украинских переселенцев был настолько значительным и их вооруженные вторжения на заселяемую русскими территорию были настолько частыми, что игнорировать фактор противоборства между представителями двух народов невозможно. Связанные с этим противоборством явления влияли на жизнь региона и определяли проводившуюся в отношении Поля политику России не меньше, чем татарские набеги, подробно рассмотренные в отечественной исторической литературе. Вместе с тем, наблюдения над источниками не дают основания соглашаться с выдвигавшимся в украинской историографии тезисом о приоритете украинской колонизации исследуемого региона. Заселение осуществлялось одновременно с севера и с запада.

Значительные массы украинцев пытались основать постоянные поселения в районах, уже считавшихся российским правительством своими. В этой ситуации проявилось преимущество российской колонизации. Она осуществлялась государством, строившим города-крепости, распространяя тем самым свой суверенитет на новые земли. Опираясь на создаваемые здесь вооруженные силы, Российское царство вытесняло украинских поселенцев с занимаемой ими территории.

По окончании Смоленской войны, Россия развернула строительство Белгородской черты. Создаваемая сеть укреплений обусловила окончательное закрепление ее в данном регионе, позволяя не только эффективно противостоять татарским набегам, но и усилить контроль над народной украинской колонизацией, и сделала бесперспективными польские планы, направленные на возвращение этих территорий. Таким образом, колонизационная политика, последовательно проводившаяся Россией, оказалась более результативной, чем спонтанное переселенческое движение с Украины, не имевшее государственной поддержки.

Однако в конфликте между Российским государством и украинскими колонистами был найден компромисс. Этот компромисс оказался жизнеспособным и послужил основой для последующе-

го сосуществования двух народов на одной территории, позволил России на протяжении первой половины XVII в. успешно продолжить колонизацию Поля. Предпосылкой к его достижению стала совместная борьба с татарскими набегами. Основу составило поступление черкас на российскую службу, в результате чего за несколько десятилетий на южной окраине России сформировался особый слой населения – служилые черкасы.

Начиная с последнего десятилетия XVI в., в приказных документах и отписках российских воевод прослеживается разделение черкас на служилых и «воровских». Выделяясь среди русских служилых людей и крестьян, служилые черкасы, благодаря этнокультурному родству и общему православному вероисповеданию, быстро адаптировались к существованию в России. Вместе с тем, в первой половине XVII в. эта адаптация еще не была полной. Нередкими были конфликты служилых черкас с местными властями и русскими соседями. Указанные конфликты порождались не этническими, а имущественными и правовыми противоречиями. Проявлялись они, в основном, в неповиновении властям и уходе за пределы Российского царства. Такие черкасские измены» вызывали жесткую реакцию российской администрации, т.к. уход населения обратно в Речь Посполитую ослаблял российские позиции на Поле и усиливал последнюю. Но, по мере накопления опыта совместного проживания на границе и использования черкас в качестве российских служилых людей, центральная и местная власть смогла выработать политику, обеспечившую укоренение переселенцев на новом месте. Суть ее состояла в упорядочении службы, повышенном внимании к черкасам, превентивных мерах, направленных на раскрытие готовящихся «измен», и перемещении наиболее мобильных, а потому самых ненадежных, холостых и малоимущих, черкас подальше от границ с украинскими землями Речи Посполитой. После упорядочения службы черкас, в 40-е годы XVII в., российское правительство смогло более энергично проводить свою политику в регионе и, в конечном итоге, использовать людские ресурсы, прибывающие с Днепровского Левобережья, в своих интересах.

После Переяславской рады 1654 г., провозгласившей вхождение Левобережья в состав Российского царства, ситуация в регионе кардинально изменилась. Жители украинских земель Речи Посполитой стали российскими подданными, а рассматриваемая территория перестала быть приграничной зоной.

4.4. Черкасы в сельских поселениях Юга России

Черкасы как часть сельского населения южнорусского региона в XVII в.

Юг России с конца 1630-х гг. стал одним из тех регионов, где правительством размещались черкасы – переселенцы из украинских земель Речи Посполитой. Черкасы, переселявшиеся в эти места, принимали присягу и становились частью служилого населения, участвовавшего в защите и освоении новых земель на юге страны. Активизация миграции украинцев в южные уезды России в конце 30-х годов XVII века объясняется исследователями не только внутриполитической обстановкой в Речи Посполитой, но и началом возведения Белгородской черты, потребовавшим увеличения численности военно-служилого сословия на границе России[1].

Учитывая широкий географический диапазон южнорусского региона, при рассмотрении черкас как части сельского населения этих земель представляется уместным сконцентрироваться на нескольких довольно типичных примерах размещения их в Воронежском крае. Для нас в данном случае наиболее важным будет начальный период. С помощью сопоставления упоминаемых в источниках данных о размещении, наделении землей и проблемах, с которыми сталкивались черкасы сразу после переселения, представляется возможным выявить отдельные особенности проживания их в сельской местности.

[1] *Папков А.И.* Расселение украинцев на южной окраине России в конце XVI – первой половине XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: «Гуманитарные науки». №10 (150). 2015. С. 56.

Важно, что в размещении черкас в различных населенных пунктах Воронежского края проявилась интересная черта политики царской администрации – первые, сравнительно небольшие группы переселенцев, которые пришли «на вечное житье» в конце 1630-х годов, вошли в число сельских жителей края и были размещены совсем недалеко от Воронежа – в селе Ендовище, селе Костенки (с 1642 года – крепость Костенск) и деревне Гвоздевке.

Спецификой южнорусских уездов было наличие в общей массе жителей значительной доли служилых людей, причем в приграничных уездах в определенные периоды столетия они составляли большинство населения не только городов, но и уездов[1]. Позднее, в первой половине 1660-х годов, черкасы будут размещены в селе Перлевка, рядом с Землянском. В отличие от конца 1630 – начала 1640-х гг., в 1640-1650-х гг. размещение новых групп черкас в Воронежском крае происходило в городах и крепостях Белгородской черты – Острогожске, Коротояке, Урыве, Ольшанске, Усерде. Поэтому появление черкас в селе Перлевка весьма примечательно. Принявшие присягу, размещенные в сельской местности Воронежского края черкасы впоследствии вошли в состав Острогожского черкасского казачьего полка и принимали активное участие в его деятельсности.

Важно отметить, что процесс приема, расселения и обустройства черкас на российских территориях на всех своих стадиях становился объектом пристального внимания и контроля центральных властей[2]. Размещение первых пришедших в Воронежский край групп черкас в Ендовище, Гвоздевке и Костенках можно объяснить стремлением администрации устроить их как можно ближе к воронежскому воеводе – одной из центральных фигур

[1] Скобелкин О.В. Структура служилого населения Воронежа и Воронежского уезда в XVII в. // Из истории Воронежского края: сборник статей. Вып. 18. Воронеж, 2011. С. 75.

[2] *Брезгунова В.М.* О приеме и расселении «нововыезжих черкас» в Российском государстве в 1630-е годы. // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019». – М.: «МАКС-Пресс», 2019. С. 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа – URL: https://conf.spbstu.ru/archive/Lomonosov_2019/data/15776/91868_uid241520_report.pdf (дата обращения: 30.07.2020).

администрации края. Близость Воронежа и присмотр воеводы за черкасами был призван стать тем инструментом, которой должен был помочь им как можно быстрее адаптироваться в новых условиях. Такая административная линия не оправдала ожиданий царского правительства. В 1641 г. черкасы Костенок со своими семьями предприняли попытку снова пересечь границу России и Речи Посполитой и бежать «в Литву». Ее предотвратили административно-силовым способом[1].

Исследователи уже отмечали, что в 1640 – начале 1650-х гг. к украинским переселенцам относились достаточно недоверчиво[2]. Если рассматривать ситуацию с такого ракурса, то дальнейшее размещение в Воронежском крае до начала 1660-х гг. черкас исключительно в городах-крепостях Белгородской черты представляется безусловно целесообразным. Уровень контроля и военной организации в таких городах оставался существенно выше, чем в сельской местности, даже с учетом того, что она находится совсем рядом с крупнейшим административным центром – Воронежем.

Первые обнаруженные нами документы о размещении черкас в Воронежском крае относятся к 1638 г., – до этого переселенцы с украинских земель Речи Посполитой централизованно здесь не размещались. Несмотря на то, что черкасы были поселены в Ендовище, Гвоздевке и Костенках, в документах первоначально их всех именовали «воронежскими». Поэтому более точная географическая локализация размещенных недалеко от Воронежа черкас является достаточно сложной задачей, которую можно разрешить благодаря указанию в документах имен атаманов и других значимых в черкасских группах лиц.

Важно отметить, что в более раннем документе, опубликованном В.П. Загоровским – расчете воронежских служилых людей в 1636 г. – черкасы не упоминаются[3]. При этом документ отличается

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 154. Л. 114.

[2] Багалей Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. – М., 1887. С. 403.

[3] Воронежский край с древнейших времен до конца XVII в. / Сост. В.П. Загоровский. – Воронеж, 1976. С. 64.

полнотой, точностью и достоверностью, так как там упоминаются даже самые малочисленные служилые группы, например, воротники, казенные кузнецы и т.д.

В апреле 1638 г. в Воронеж из Белгорода с сыном боярским Иваном Выглазовым пришли 17 переселенцев-черкас со своими семьями, к которым присоединилось еще 6 человек – «литовских же людей». Сохранился список первых приехавших в Воронеж черкас, где перечислены не только имена мужчин, но и полный состав их семей, с указанием имен, пола и возраста детей[1]. Сразу же после приезда воронежский воевода выдал им хлебное жалование, которое служило материальной помощью переселенцам. Но, как и во многих случаях на первоначальном этапе переселения, черкасы далеко не сразу были устроены «на житье». Поэтому два их представителя – атаман Лаврин Фомин и Михаил Седоченко лично оправились в Москву подавать челобитную государю. Результатом этой поездки стало получение «нововыезжими» черкасами земельных угодий – «воронежским выезжим черкасом атаману Лаврину Фомину с товарыщи». Воронежский воевода Мирон Вельяминов выделил им владения недалеко от Воронежа за рекою Доном из свободных земель деревни Верхней Гвоздевки[2]. Поэтому позднее в источниках, в списках воронежских черкас они уже отдельно упоминаются как «гвоздевские»[3]. Необходимо уточнить, что служилым «по прибору», к которым относятся и черкасы, пашня отводилась в общей меже, в отличие от служилых людей «по отечеству» – детей боярских, получавших землю порознь, и земельное жалование приборных служилых людей включало не только пашню, но и места под дворы, луга, лес, рыбные ловли[4].

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 99. Л. 45-46.

[2] Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып.6. Акты XVII и XVIII столетий. – Воронеж, 1885. № 336. С. 693.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 293. Л. 36-46.

[4] *Глазьев В.Н.* Государство и аграрное освоение Центрального Черноземья в конце XVI – первой половине XVII вв. // Власть и общество: история взаимоотношений. Материалы Десятой региональной научной конференции. – Воронеж, 2016. С. 38.

Именно земля становится одним из самых важных средств обеспечения черкас, служащих Российскому государству[1]. Наделение размещенных в деревне Гвоздевке черкас землей представляет интерес как с точки зрения рассмотрения их хозяйственной жизни, так и для более подробного описания повседневной жизни черкас в сельской местности. Это стало возможно благодаря новым найденным источникам. Они более поздние (относятся к концу 1650-х – началу 1660-х гг.), но, как и во многих документах приказного делопроизводства, посвященных вопросам землевладения, содержат достаточно объемные выписки из старых документов.

В январе 1659 г. государю подают челобитную «воронежские черкасы деревни Гвоздевки старова выезду» из 26 человек во главе с атаманом Семеном Борчековским[2]. Они ссылались на то, что исправно служат государю «с выезду своего лет с полтритцать и болши», участвуют в походах и поэтому просят их пожаловать – дать им новую землю из «дикова поля», так как у них в пользовании всего «в поле по десятине», и они боятся «в конец не погинуть голодною смертью не помереть».

Одна десятина в поле для Юга России – это чрезвычайно малый надел, и этот факт, безусловно, привлек внимание администрации Разрядного приказа. Там было выписано, что в 1638 г. воеводой Воронежа Мироном Вельяминовым «дано воронежским черкасом атаману Лаврину Фомину с товарыщи 24 человеком в Воронежском уезде в Боршевском стану за рекою за Доном что была деревня Старая Верхняя Гвоздевка ис пустовых жеребиев воронежцов детей боярских Третяка Мякшина да Левонтья Пищулина да Матвея Бушанова да из Уварова поместья Данилова… под дворы места в длину по 10 поперек по 8 сажен да под огороды в длину по 25 поперек по 15 сажен»[3]. Также в выписи из документов

[1] *Брезгунова В.М.* Черкасское землевладение в Воронежском крае в 1630-1690-е годы. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 3. С. 39. [Электронный ресурс]. Режим доступа – URL: http://vestospu.ru/archive/2018/articles/4_3_2018.html (дата обращения: 15.01.2024).

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 407. Л. 300-305.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 407. Л. 301.

Разрядного приказа указано, что гвоздевским черкасам отмеряли «пашни по 3 десятине в поле а в дву по тому ж и сенные покосы», и приведено подробное описание опознавательных знаков, установленных на границах их участка. Три десятины в поле – это также не очень большой показатель, если учесть, что размер пашни черкас в Воронежском крае составлял от 8 до 20 четвертей[1].

Обращает на себя внимание расхождение показателей земельных наделов: в челобитной черкасы указывают одну десятину пашни, а в выписи из документов приказа указано, что черкасам выдали по три десятины в поле. В этом случае наиболее вероятным объяснением представляется возможное занижение черкасами своего земельного надела, так как при изучении документов нами не были обнаружены жалобы на умышленное преуменьшение воеводами земельных участков черкас. Как правило, при наделении земельными угодьями местной администрацией производился целый «сыск» с участием администраторов, уполномоченных лиц, черкас и «старожильцов». Количество земли, указанное черкасами в челобитной, явно не соответствовало распространенным нормам, и в Москве было принято решение как провести уточнения размеров используемых черкасами Гвоздевки владений, так и добавить «к той прежней их даче ис того дикого поля... им пашню земли по пяти четей человеку в поли в дву по тому ж»[2].

Выполнить принятое распоряжение поручалось Ивану Яковлевичу Кушелеву, который служил воеводой Воронежа в 1657-1660 гг.[3] Он отправил в Гвоздевку воронежского сына боярского Василия Протопопова, который по всем правилам, с участием старожилов и всех заинтересованных лиц, выделил черкасам землю, а результаты сыска и отказные книги воевода отослал в Москву[4].

[1] *Брезгунова В.М.* Переселение черкас в Воронежский край и их служба в России в XVII веке: дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2019. С. 172.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 407. Л. 305.

[3] *Камараули Е.В.* Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века. – Воронеж, 2009. С. 231.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 478. Л. 99-100.

Таким образом, в 1659 г. земельные наделы черкас Гвоздевки были увеличены: «на пашню земли к старым их дачам в Воронежском уезде 130 четей и та их старая и новая дача в книгах за ними записана»[1], то есть на каждого черкаса из 26 приходилось по 5 новых четвертей в поле, а общий земельный надел с учетом старых и новых дач составлял по 8 четвертей в поле на одного человека. Как мы видим, он сравнялся с наиболее распространенным в регионе показателем черкасского землевладения.

Через три года после расширения земельных угодий гвоздевских черкас, в 1662 г. они снова подали челобитную, где во главе с атаманом Яковом Андреевым жаловались на захват своих старых земель и сенных покосов воронежцами Трофимом Михневым «с товарищи»[2]. По царскому распоряжению, воронежский воевода Иван Дмитриевич Сонцов должен был проследить за возвратом спорной земли во владение черкас, а «воронежцом Трофиму Михневу с товарищи в той земли и в сенных покосах велел отказать».

Интересно сопоставить эту жалобу гвоздевских черкас с документом, который примерно можно датировать началом 1640-х годов, где «воронежские черкасы атаман Гаврила Яковлев с товарищи двадцать пять человек» подают жалобу на захват их сенных покосов воронежскими детьми боярскими во главе с Трофимом Михневым и Иваном Немым[3]. Несмотря на несовпадение географических ориентиров, которые указаны в документах для обозначения сенных покосов черкас, все же по совпадению количества черкас и повторению имен участников можно предположить, что конфликт между гвоздевскими черкасами и воронежскими детьми боярскими фактически был достаточно продолжительным и имел периодическое документальное подтверждение.

Кроме размещения черкас в 1638 г. в деревне Гвоздевке, совсем скоро, в 1639 г., рядом с Воронежем в селе Костенки поселили 130 «нововыезжих служилых черкас» во главе с Лавринко Михайловым и Павлом Федоровым. Об этом говорит челобитная, поданная

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 464. Л. 195.

[2] Там же. Л. 195-196.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 168. Л. 86.

ими в мае этого года[1]. Интересно, что В.П. Загоровский указывает в своем исследовании на наличие в Костенках «150 черкас – украинских и белорусских переселенцев»[2], что подтверждается и другими исследователями[3]. В челобитной размещенные «на тотарском шляху» черкасы Лаврина Михайлова писали о своей бедности и просили дать им ружья и все необходимое для защиты от татарских нападений, и в приказе имелась помета о выделении оружия. Вопрос защиты своих семей для костенских черкас был, безусловно, первостепенным, но не единственным, и в августе 1639 г. их представители – Михайла Рябуха и Ерема Михайлов отправляются в Москву, в результате чего добиваются выдачи им государева жалованья[4]. Все местные черкасские жалобы разбирались, как правило, с участием центральной администрации, а она не могла вникнуть во все досконально. Ее реакция на черкасские жалобы, как правило, запаздывала[5], именно поэтому черкасы могли специально отправляться в Москву лично.

Можно предположить, что материальное положение переселившихся в Костенки черкас оставалось чрезвычайно неустойчивым, в то время как размещение их в месте возможного нападения татар могло привести к еще большему разорению. Также нужно учитывать, что татарские нападения в 1640-е гг. развивались на фоне сильного и затяжного хозяйственного кризиса в России, проявлениями которого стали засуха, неурожаи, подорожание хлеба и других продуктов питания, недостаток корма для скота[6].

[1] Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы в трех томах. Т. 1: 1620-1647 годы. № 164. – М., 1953. С. 275.

[2] Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. С. 109.

[3] *Папков А.И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). – Белгород, 2004. С. 226; Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Часть I. – М., 1894. С. 167-168.

[4] Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы в трех томах. Т. 1: 1620-1647 годы. – М., 1953. № 172. С. 283.

[5] *Папков А.И.* Бунт или измена? Восстания служилых черкас на юге России в 40-е годы XVII века. // История: факты и символы. № 4 (13). 2017. С. 34.

[6] *Глазьев В.Н.* Военная повседневность российского пограничья XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: «Гуманитарные науки». № 10. 2015. С. 71.

Одним из самых важных материальных ресурсов, которые должны были прокормить черкасские семьи, оставалась земля, которая переселенцам выделялась местным воеводой под контролем Москвы. Получив земли под дворы, огороды, пашни и сенные покосы, костенские черкасы атамана Михаила Рябухи столкнулись с вполне типичной проблемой землевладения этого периода – захватом выделенных им земель воронежскими пушкарями и затинщиками, и подали челобитную с жалобой. Конфликт был разрешен не путем возврата костенским черкасам захваченных земель, а с помощью выделения им в 1640 г. новых угодий на реке Красная Девица[1]. Такой метод разрешения, возможно, не слишком устроил черкас, так как с их точки зрения, с одной стороны, мог представлять собой уступку воеводы воронежским служилым людям, а с другой – показывал их незащищенность от произвола.

Кроме того, в июле 1641 г. была снова подана челобитная – это уже четвертое их обращение от имени 150 костенских черкас во главе с атаманом Антоном Тимофеевым. Они хотели получить документ, подтверждающий их право владения бывшим поместьем Федора Оладьина, так как воронежский воевода не выдал «выписи на дворовые усадьбы и на огороды и на пашню и на сенные покосы и на всякие угодья...»[2]

К 1640 г. общее количество размещенных в сельской местности рядом с Воронежем черкас достигло примерно 160-170 человек, что вполне соответствует приведенным А.И. Папковым сведениям[3]. Но в июле 1641 г. ситуация изменилась. Черкасы села Костенки снова пишут челобитную на царское имя, уже пятую с 1639 г. Они жалуются на отсутствие крепости, которую должны были построить воронежский воевода Мирон Вельяминов с русскими людьми для защиты от татарских набегов: черкасы опасаются «вконец погинуть и от крымских людей разореным быть»[4].

[1] *Папков А.И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). – Белгород, 2004. С. 250.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 140. Л. 292, 380.

[3] *Папков А.И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). – Белгород, 2004. С. 240.

[4] Воссоединение Украины с Россией: документы и материалы в трех томах. Т. 1: 1620-1647 годы. № 202. – М., 1953. С. 327.

Из приведенных нами сведений о жалобах костенских черкас складывается общая картина их столкновения на новом месте с серьезными проблемами – земельными конфликтами, равнодушием местной администрации и угрозой со стороны татар. Видимо, такая наполненная трудностями жизнь в сельской местности Воронежского края, а также возможное влияние извне, и привели костенских черкас атамана Лаврина Михайлова к идее бегства со своими семьями и имуществом «в Литву» в августе 1641 г., что весьма подробно уже было изучено исследователями[1]. После побега в Костенках осталось всего около десяти разоренных черкасских семей, а в 1642 г. на правом берегу Дона был построен такой важный для защиты этой местности от татар город-крепость Костенск[2].

Очень интересно сопоставить пример размещения в сельской местности под Воронежем черкас в Костенках и Гвоздевке. У них было достаточно много общего. Как уже было описано выше, они пришли в Россию в 1638 и 1639 гг., – временная разница совсем небольшая; и та, и другая группы были размещены недалеко от Воронежа и попадали в зону ответственности и подчинения воронежского воеводы Мирона Вельяминова; были наделены целым комплексом земель для строительства дворов, устройства огородов, пашнями и сенными покосами; сталкивались с теми же проблемами – например, с захватом их земель воронежскими служилыми людьми. Почему же тогда гвоздевские черкасы вполне успешно обустроились в Воронежском уезде, а костенские предприняли попытку побега, были остановлены, разделены и осуждены?

Ответ на этот вопрос кроется в тех различиях, которые имелись между этими группами черкас и их обустройством на новом месте. Прежде всего, необходимо отметить, что гвоздевских черкас было гораздо меньше – примерно 25 человек, в то время как костенских –

[1] *Папков А.И.* Бунт или измена? Восстания служилых черкас на юге России в 40-е годы XVII века. // История: факты и символы. № 4 (13). 2017. С. 24-36; Брезгунова В.М. Политика российских властей в отношении изменников-черкас в Воронежском крае в 40-50-е года XVII века. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: «История. Политология. Социология». № 1. 2017. С. 33-37.

[2] *Дьяков М.Ю.* Крепости земли воронежской. – Воронеж, 2013. С.112.

150, а указанное в источниках количество беглецов – 170 человек[1]. Соответственно, с точки зрения выделения земель и обустройства, размещение гвоздевских черкас было гораздо компактнее.

И все же самым значимым фактором, на наш взгляд, стал географический: деревня Гвоздевка находилась на северо-западе от Воронежа, а Костенки – юго-западнее Воронежа. Поэтому, если Гвоздевка находилась под защитой крупного города-крепости, то Костенки при отсутствии крепости оказывались гораздо доступнее и беззащитнее для татарских набегов. Конечно, костенские черкасы могли бы попросить правительство разместить их в другой местности, как поступили позднее приехавшие из Речи Посполитой 50 черкас атамана Михаила Самсонова. Они приехали на поселение в Коротояк, но земли, по неизвестным и не указанным в источнике причинам, так и не получили, поэтому приискали себе землю рядом с городком Орлов, и правительство вполне охотно удовлетворило их просьбу о переходе из Коротояка на это новое место[2]. Вероятно, что костенские черкасы, постоянно сталкиваясь с трудностями, решили не надеяться на решение их проблем на правительственном уровне и предприняли побег, итоги которого для них оказались весьма плачевны.

Побег костенских черкас, который с точки зрения правительства и служилых людей являлся изменой, так как черкасы приносили присягу, имел определенные последствия и для гвоздевских черкас, – он стимулировал негативное отношение русских жителей порубежья к оставшимся черкасам[3]. Атаман гвоздевских черкас Михаил Седоченко даже обращался по этому поводу с челобитной к воеводе, чтобы он запретил жителям Воронежа его черкас «лаять и позорить, изменниками называть»[4].

Размещение черкас в селе Ендовище по сравнению с Гвоздевкой и Костенками произошло немного позднее – предположи-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 154. Л. 114.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 448. Л. 137-138.

[3] *Папков А.И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII века). – Белгород, 2004. С. 252.

4 РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 154. Л. 321.

тельно, в 1640 г.[1], это можно подтвердить двумя очень похожими документами. Первый документ – это роспись жалования воронежских черкас на 7149 (1640-1641) г., где упоминаются 175 черкас. В их число входили 4 атамана, 3 сотника, 2 есаула и 166 рядовых. Но, к сожалению, никаких имен там не указано[2]. Второй документ – это царская грамота о выдаче денежного жалованья поселившимся в Воронеже черкасам на тот же 7149 (1640/41) г.[3] Здесь упоминаются 2 атамана, 2 есаула и 162 рядовых, всего 166 человек. Среди них: Михаил Седоченко, Василий Степанов, Антон Тимофеев, Григорий Иванов, имена которых встречаются в документах, касающихся гвоздевских и костенских черкас. Получение жалования одними и теми же воронежскими черкасами за один и тот же год дважды представляется не целесообразным, к тому же количество людей не совпадает. Из этого можно сделать вывод, что в первом документе впервые упоминаются именно черкасы села Ендовище. В 1653 г. в документе о строительстве в селе мельницы упоминается, что «начальными людьми» черкас Ендовища были атаман Михаил Григорьев, сотник Иван Щербатов, есаул Федор Ничеговский[4].

Как и другие черкасы, размещенные в находящемся совсем рядом, северо-западнее от Воронежа, селе Ендовище, переселенцы получили земельные угодья, но, как и во многих подобных случаях, подтверждающего документа им не выдали. Это привело к спорам «со многими людьми», как указали в челобитной в августе 1658 г. черкасы Ендовища во главе со Степаном Афонасьевым[5].

В ответ в Разрядном приказе принимается решение о проведении нового межевания их земель, которые ранее им отводили Федор Левонтьев с подъячим Сергеем Ивановым. Уточнить границы и навести порядок, чтоб «великому государю челобитя ни

[1] *Брезгунова В.М.* Переселение черкас в Воронежский край и их служба в России в XVII веке: дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2019. С. 83.

[2] РГАДА. Ф 210. Столбцы Белгородского стола. № 140. Л. 483.

[3] Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова. Кн. 2. № 12. – Воронеж, 1852. С. 180-181.

[4] РГАДА. Ф. 1149. Острогожская приказная изба. № 1. Л. 1.

[5] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 400. Л. 59.

на кого впредь не было», поручалось воронежскому воеводе Ивану Кушелеву[1]. Воевода «от розних помещиков от детей боярских и от полковых козаков по старим граням столпы поставлел и грани поносекал и ями покопал и каменя наметал и уголя насипал и всикими признаки учинял», при этом присутствовали «старожильци каторые те рубежи старии помнят», а также воронежские дети боярские Василий Протопопов и Яков Завесин, егорьевский поп Яков и богоявленский поп Поликарп[2].

Несмотря на то, что воевода провел межевание, в этом же 1658 г. у черкас Ендовища из-за отсутствия подтверждающих землевладение документов возник конфликт с воронежским сыном боярским Василием Струковым, который жаловался на захват черкасами своих угодий. Воеводе Кушелеву Разрядным приказом в феврале 1660 г. предписывалось навести порядок и выдать черкасам документы на землю[3]. Кроме споров о землевладении, немного позднее черкасы Ендовища оказались участниками уголовного расследования, которое проводил воронежский воевода Иван Дмитриевич Сонцов[4].

Еще одним примером размещения черкас в сельской местности Воронежского края, существенно отличавшимся от достаточно схожих примеров размещения в Гвоздевке, Костенках и Ендовище, был пример перлевских черкас. Источников, в которых упоминаются черкасы этого села, совсем немного, и факт их появления в Перлевке представляется нам напрямую связанным со строительством города Землянска, непосредственной причиной возникновения которого исследователи называли появление большой группы черкас[5], и практически во всех источниках перлевские черкасы упоминаются вместе с землянскими.

В 1660 г. в Воронежский уезд пришла большая группа черкас, около тысячи человек, во главе которой стоял атаман Осип Даш-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 478. Л. 101-102.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 478. Л. 127-129.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 478. Л. 130-132.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 464. Л. 45-91.

[5] *Загоровский В.П.* Возникновение г. Землянска и заселение Землянского уезда в XVII веке. // Из истории Воронежского края: сборник статей. Вып. 6. – Воронеж, 1977. С. 38.

киев. Они самостоятельно «приискали меж Воронежа и Старого Оскола на диком поле порожжую землю», и в 1661 г. появился царский указ о строительстве крепости Землянск. Создание Землянского уезда датируется 1662 г., когда к Землянску приписали три села, в том числе Перлевку, где примерно в 1660-1661 гг., до основания крепости Землянск, разместили 130 черкас[1].

Следующие найденные нами сведения о черкасах Перлевки относятся к 1666 г.: «Землянского уезду села Перлевки черкас по списку налицо 130 человек, детей их, и братьев, и свойственников в службу поспели 21 человек, недорослей 74 человека»[2]. Как мы видим, к 1666 г. количество полковых черкас осталось прежним, в то время как количество их родственников-мужчин достигает почти ста человек. В 1682 г. в перечневой росписи Острогожского черкасского казачьего полка упоминаются 106 перлевских казаков[3]. В смотровой росписи казаков полка 1684 г. сохранились сведения о перлевском сотнике Нестере Иванове, с которым было 60 человек[4].

Конечно, в 1680-е годы можно говорить об уменьшении количества перлевских полковых казаков, но, учитывая возможное количество их родственников, не состоящих на службе и поэтому не фиксируемых официальными документами, говорить об уменьшении общей численности перлевских черкас все же не слишком верно. К сожалению, в силу совсем небольшого количества источников, в которых упоминаются черкасы Перлевки, не представляется возможным сделать какие-либо выводы об особенностях их размещения, адаптации или хозяйственной деятельности.

В тоже время, подводя итоги рассмотрению черкас как части сельского населения южнорусского региона на примере Воронежского края в период сразу же после их размещения, можно отметить одну деталь, на примере которой прослеживается связь проживавших в сельской местности черкас. В апреле 1688 года Разрядным приказом, согласно полковничьим листам Ивана Семеновича Сасова, было подтверждено сотничество Ивана Хорунжева в селе Ендовище, селе Перлевка и деревне Гвоздевка[1]. Это можно объяснять географическим фактором – все эти населенные пункты находятся совсем рядом друг с другом; но этому тезису противоречит то, что Перлевка была все же ближе к Землянску, чем к Ендовищу и Гвоздевке, а общего с землянским сотничества все же не обнаружено. Скорее всего, этот факт является примером объединения проживавших в сельской местности черкас внутри Острогожского полка для более удобного и эффективного управления в силу их одинаковых условий проживания, хозяйствования и т.п.

Самым важным фактором, который определял специфику проживания черкас в сельской местности, была постоянная военная опасность, которой была пронизана вся жизнь на Юге России. Сельские черкасы – это не только люди, занимавшиеся сельским хозяйством, промыслами и торговлей, но служилые люди, казаки Острогожского полка, участвовавшие по распоряжению правительства в военных походах, строительстве защитных рубежей и выполнении других стратегических задач.

Социально-бытовые модели поведения черкасского населения южнорусского региона в XVII в.

Изучение повседневной жизни людей разных сословий и разных эпох в последнее время все чаще привлекает внимание историков – они посвящают свои исследования как изучению материальной культуры, так и присущим определенным этническим группам или служилым корпорациям моделям поведения, которые, безусловно, представляют собой достаточно сложный предмет для изучения. Это многогранный комплекс поведенческих реакций, с помощью которых люди справляются с возникающими в их бытовой и профессиональной жизни трудностями, достигая поставленных в этих сферах целей и задач. Как правило, поведен-

[1] Там же. С. 42.

[2] Воронежский край с древнейших времен до конца XVII в. / Сост. В.П. Загоровский. – Воронеж, 1976. С. 141.

[3] Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Вып.13. Акты XVII и XVIII столетий. – Воронеж, 1888. № 555. С. 1290.

[4] РГАДА. Ф. 1149. Острогожская приказная изба. № 233. Л. 25.

[1] Гоголева А.А. Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII – начале XVIII в.: городовые воеводы и черкасские. – Воронеж, 2008. С. 133.

ческие модели обусловлены окружающими обстоятельствами, природными и общественными манипуляциями[1].

В последние несколько лет исследователи заложили основы изучения повседневной жизни и моделей поведения населения Юга России в XVII в.[2], но этот аспект требует как дальнейшей работы, так и расширения затрагиваемых вопросов.

Юг России, одной из частей которого был и Воронежский край, в XVII веке представлял совершенно другие условия для проживания переселенцев, чем основная территория страны[3]. Самым главным фактором, определявшим эту специфику, была непрекращающаяся внешняя опасность со стороны крымских и ногайских татар, и именно на плечах южнорусских служилых людей лежала основная тяжесть обороны от врагов[4].

Одной из категорий служилого населения южнорусского региона рассматриваемого периода были черкасы – переселенцы с украинских земель Речи Посполитой, которые размещались по распоряжению царской администрации и построили сами целый ряд городов, сел и деревень для защиты Белгородской черты[5]. Присутствие в составе гарнизонов крепостей довольно значительного количества черкас стало особенностью вооруженных сил Белгородской черты во второй половине XVII в.[6].

[1] *Кром М.М.* Повседневность как предмет исторического исследования. // История повседневности: Сборник научных работ. – СПб., 2003. С. 7-14.

[2] *Ляпин Д.А.* Социальная организация сельского населения Юга России в XVII в. // Quaestio Rossica. Т. 7. № 2. 2019. С. 601-614; Глазьев В.Н. Военная повседневность российского пограничья XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: «Гуманитарные науки». 2015. № 10. С. 71-78; Ляпин Д.А. К вопросу о формах поведенческих моделей и структуре повседневности южнорусского общества во второй половине XVII в. (на примере Воронежа). // Filo Ariadne. № 1(5). 2017. С. 23-36.

[3] *Мизис Ю.А.* Социально-психологические процессы на территории южно-русского фронтира в период его заселения в XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. № 1. 2016. С. 106.

[4] *Глазьев В.Н.* Военная повседневность российского пограничья XVII в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: «Гуманитарные науки». № 10. 2015. С. 71.

[5] *Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. – М., 1887. С. 458.

[6] *Папков А.И.* Белгородская черта в контексте формирования государственной стратегии обороны южной окраины России. // История: факты и символы. 2020. № 2 (23). С. 53.

С 1630-х годов черкасы переселялись в Воронежский край, и именно на примере этих переселенцев, достаточно типичном для всего региона, представляется целесообразным провести рассмотрение тех поведенческих моделей, которые были характерны для черкасского населения южнорусского региона в XVII в. Черкасы принимали присягу, поступали на городовую и полковую службу и становились участниками не только военных походов, обороны и строительства защитных рубежей государства, но и хозяйственно-бытовых процессов, так как переселялись на новые места жительства с детьми и имуществом, распахивали землю и участвовали в торговле.

На протяжении всей второй половины XVII в. происходил процесс адаптации и обустройства черкас в Воронежском крае, который сопровождался довольно большим количеством споров и конфликтов, в которые они оказались вовлечены. На наш взгляд, именно конфликтные ситуации в наилучшей степени отражают те модели поведения, которые присущи их участникам, так как методы, используемые сторонами для разрешения конфликта, находятся в прямой зависимости от степени их вовлеченности в общественную жизнь, отображают ценности и реалии отдельно взятого социума, в нашем случае – черкас Воронежского края.

В Российском государственном архиве древних актов сохранилось немало документов, в которых отражены те поведенческие модели, которые были присущи черкасам, поэтому необходимо сразу же отметить, что целью данного исследования является анализ поведенческих моделей, которые проявились в нескольких конфликтных ситуациях, участниками которых стали черкасы. При этом мы старались выбрать наиболее и интересные, и в некоторой степени нетипичные случаи, чтобы предпринять попытку рассмотреть модели поведения черкас Воронежского края с разных ракурсов.

При поступлении на полковую службу черкасы Воронежского края получили достаточно большое количество льгот и привилегий, в число которых входило право заниматься рыбной ловлей и промыслами по рекам. Так, например, черкасам города

Острогожска «были даны по реке по Дону рыбные ловли и всякие промыслы»[1]. Острогожск был построен в 1652 г. на реке Тихой Сосне, которая впадала в Дон, и для того, чтобы попасть в свои промысловые угодья, черкасам нужно было проплыть через заставы в устье Тихой Сосны, которые контролировались воеводой построенного на Дону в 1647 г. города Коротояка, который в силу своего географического положения был одним из важнейших торговых пунктов края. Коротоякские воеводы, как и многие другие администраторы рассматриваемого периода, стремились использовать свое служебное положение для обогащения за счет местного населения, в то время как механизмы борьбы с воеводским произволом были недостаточно эффективны[2]. Пострадали от произвола воеводы Коротояка и острогожские черкасы, из-за чего материальное положение казаков могло ухудшиться, что, в свою очередь, могло негативно сказываться на несении ими службы.

Острогожские черкасы, столкнувшись с тем, что в устье Тихой Сосны по распоряжению коротоякского воеводы «стоит караул безпрестанно и их не пропускают», написали челобитную с жалобой на приносящие им убытки корыстные действия воеводы, требовавшего оформления за деньги еще одной проезжей памяти для пропуска на Дон, которую черкасы уже получили у острогожского воеводы. Привлекает внимание тот факт, что в этой ситуации черкасы не использовали для разрешения конфликта силу, а сразу же обратились к центральной администрации, видимо, таким образом надеясь разрешить проблему как можно быстрее.

В 1678 г. в ответной царской грамоте коротоякскому воеводе Ивану Александровичу Маслову предписывалось, что бы он «острогожским черкасам в проезде на Дон на Коротояке задержанья ни малого не чинил», а, занимаясь только проверкой их проезжих памятей, пропускал дальше на Дон. Особенно строго подчеркнута в грамоте важность соблюдения воеводой царских

[1] РГАДА. Ф. 1149. Острогожская приказная изба. № 143. Л. 1.

[2] *Камараули Е.В.* Механизмы контроля за воеводской администрацией: институт сыщиков в Российском государстве XVII века. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: «История. Политология. Социология». № 2. 2014. С. 56.

предписаний, чтобы «впредь к нам, великому государю, от острогожских черкас на тебя и никакого челобитья не было»[1].

По решению центральной администрации, воеводы в городах в большинстве случаев менялись каждые 2 года, в некоторых случаях срок их полномочий мог быть меньше, в некоторых – больше.

В сентябре 1683 г. на коротоякского воеводу, которым на это момент был Михаил Андреевич Апухтин[2], и его людей подали челобитную своему полковнику и «добродею» Ивану Семеновичу Сасову черкасы острогожской заставы на реке Тихая Сосна. Коротоякский воевода послал на бударе во главе с кабацким головой тридцать человек солдат с памятью, где караульным коротоякской заставы предписывалось отдать им икру для доставки ее в Коротояк. Но кабацкий голова, взяв с собой еще и «человек з дватцать» караульных коротоякской заставы во главе с Константином Набродовым с этой памятью приплыл на другую, также находящуюся на Тихой Сосне острогожскую заставу, и, избив караульных с помощью солдат, отобрал икру «насилно» и повез в Коротояк[3]. Безусловно, ситуация представляется весьма запутанной, и не слишком понятно, у кого же икра оказалась в итоге, но все-таки представляется маловероятным, что кабацкий голова будет собирать отряд в 50 человек для нападения на подведомственную другому городу заставу без ведома своего воеводы. И снова в конфликтной ситуации черкасы, оказавшись в безусловном меньшинстве, используют только административные методы разрешения конфликтов, в отличие от достаточно агрессивного поведения коротоякских служилых людей.

Можно предположить, что такая надежда на использование официальных методов воздействия на обидчиков связана с тем, что в 1680-1690-е гг. политика центральной власти в отношении переселенцев черкас была направлена на приоритетное соблюдение их прав и интересов, и местные администраторы, как написано во многих царских распоряжениях, должны были «держать

[1] РГАДА. Ф. 1149. Острогожская приказная изба. № 143. Л. 2.

[2] *Камараули Е.В.* Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века. – Воронеж, 2009. С. 238.

[3] РГАДА. Ф. 1149. Острогожская приказная изба. № 33. Л. 3.

ласку и привет доброй» и защищать черкас от притеснений[1]. С другой стороны, непременное обращение к центральной администрации в случае конфликтов может также означать и неуверенность черкас в том, что они могут защитить свои интересы на местном уровне. Поэтому в спорных случаях черкасы обращались или к острогожскому черкасскому полковнику, которому подчинялись полковые черкасы разных населенных пунктов Воронежского края, или же писали челобитную непосредственно на имя государя в Москву, а порою они делали это одновременно. Случаев же обращения к местным воеводам все-таки меньше, что, прежде всего, может объясняться тем, что именно эти администраторы часто пытались «покорыстоваться» за счет местного населения, и черкас в том числе.

Полковник Иван Семенович Сасов в 1688 г. оказался вовлечен в конфликт с воеводой Коротояка, обязанности которого там на этот момент исполнял Иван Яковлевич Колюбакин[2]. Интересно, что это дело практически полностью повторяет конфликт из-за пропуска черкас на Дон 1678 г., но при этом можно отметить дальнейшее углубление и появление новых обстоятельств. В 1688 г. острогожские черкасы подали челобитную Сасову, а он вступил по этому вопросу в переписку с воеводой Белгородского полка Шереметевым. Они жаловались на заставу на Тихой Сосне, поставленную коротоякскими жителями под руководством воеводы. Коротоякцы не пропускали их на Дон, задерживали, требовали платы за проезд и с черкас, и с русских людей. При этом доходы, получаемые воеводой Коротояка от этой заставы, видимо, были довольно приличными, так как черкасы жаловались, что «емлют де с них денгами рублев па шсти и по семи и болши, а подячие по тому ж, а с работников по гривне серебреных денег, а полских чехов … не емлете»[3]. Особенно, если сопоставить установленную коротоякцами стоимость проезда по реке с тем, что

[1] *Брезгунова В.М.* Отношение российского правительства к украинским переселенцам в 1680-1690-х годах (на примере Воронежского края). // Личность, общество, власть: прошлое и современность. Материалы Двенадцатой региональной научной конференции. – Воронеж, 2018. С. 48.

[2] *Камараули Е.В.* Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века. – Воронеж, 2009. С. 239.

[3] РГАДА. Ф. 1149. Острогожская приказная изба. № 87. Л. 1.

в 1680 г. один из сотников Острогожского черкасского полка, часто упоминаемый в источниках Иван Андреевич Хорунжев[1], купил коня за пять рублей[2].

В 1688 г., как и десятью годами ранее, снова было инициировано служебное расследование, но, учитывая сам факт появления такой челобитной, можно прийти к выводу, что либо за прошедшие десять лет проблема с незаконным взиманием денег с проезжих на заставе в устье Тихой Сосны так и не была решена, либо же воевода Колюбакин возобновил и усовершенствовал то, что когда-то в 1678 г. практиковал воевода Маслов. Примечательно, что и первый, и второй варианты с учетом административной специфики эпохи представляются одинаково возможными. В то же время в этой ситуации мы снова видим обращение черкас к административным методам воздействия, и они в челобитной пишут не только о своих «обидах», но и о том, что этому подвергаются и русские люди, что говорит об общности интересов и возникающих связях русского и черкасского населения Острогожска.

Было бы не совсем правильным представлять черкас Воронежского края совершенно законопослушными подданными государя и приверженцами только официальных методов воздействия на своих обидчиков. Так, часть черкас Воронежского края в 1670 г. стали участниками событий, связанных с восстанием Степана Разина, примкнув к отряду пришедшего в Острогожск Федора Колычева, на сторону которого перешел и глава Острогожского полка Иван Дзиньковский[3]. В ходе этих событий были убиты воеводы и другие должностные лица.

Восстание Степана Разина – это масштабное событие, но не менее интересны и некоторые местные сюжеты. В среде черкас происходили и внутренние конфликты, связанные с бытом и межличностными отношениями. Так, в 1651 г. в городе Ольшанске воз-

[1] *Брезгунова В.М.* Из истории Воронежской провинции: черкасы села Ендовище Воронежского уезда в 1680-х – начале 1690-х годов. // Сб. ст. по материалам V Международной научно-практической конференции «Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история». № 5(3). М., 2017. С. 7-12.

[2] РГАДА. Ф. 1149. Острогожская приказная изба. № 57. Л. 1.

[3] *Брезгунова В.М.* Участие черкас города Землянска в восстании Степана Разина. // Карамзинские чтения: сборник материалов II Всероссийской научной конференции. – Белгород, 2018. С. 42-45.

ник спор между черкасом Табачным и владельцем кабака Игнатьевым. Воевода Ольшанска Истома Иванович Сухотин попытался уладить конфликт, но Табачный избил и откупщика, и воеводу, избежав при этом правосудия, так как в ходе расследования с опросом свидетелей и другими следственными действиями его найти так и не смогли[1].

Сохранилась челобитная 1683 г. усердских казаков о смене сотника Романа Иванова – черкасы обвиняли его в продаже двора, поджоге винокурни и захвате двух яблоневых садов казака Кирея Михайлова во время его пребывания в татарском плену[2].

В 1690 г. в Острогожске произошел конфликт между двумя братьями – «гулящим человеком черкашенином» Федором Михайловым и полковым казаком Парфеном Михайловым. Федор просил у острогожского полковника защиты от своего брата Парфена, который угрожал ему при свидетелях, но причины конфликта в источнике не указаны[3].

Но, безусловно, самым интересным и даже уникальным случаем с точки рассмотрения поведенческих моделей черкас является дело об убийстве проезжих людей черкасами Ендовища 1660-1662 гг. Это дело было достаточно долгим – оно отслеживается по документам с января 1661 г. до июля 1662 г., и, что наиболее для нас важно, отличается от большого количества дел XVII в., где подробно отражена процедура следствия, но окончательное решение – приговор по делу – сохранился далеко не всегда[4]. В этом деле сохранился приговор, он содержит перечисление всех виновных и даже членов их семей.

Д.А. Ляпин отмечал, что одной из форм поведения южнорусского «мира» в XVII в. был приносивший доход коллективный разбой, что было характерно и для черкас, а в качестве примера он приводит случай нападения черкас города Землянска на дома

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 327. Л. 1.

[2] РГАДА. Ф. 1149. Острогожская приказная изба. № 228. Л. 1-2.

[3] РГАДА. Ф. 1149. Острогожская приказная изба. № 96. Л. 1.

[4] *Скобелкин О.В.* Дело об усманских отравительницах XVII века. // Из истории Воронежского края: сборник статей. Вып. 25. – Воронеж, 2018. С. 3.

жителей села Ведуга[1]. Если в Ведуге черкасы просто забирали имущество, косили хлеб и отвозили все к себе, то в селе Ендовище события приобрели куда более серьезный характер. Расследование убийства было начато 15 января 1661 г. воеводой Иваном Дмитриевичем Сонцовым по извету «теремного сидельца села Ендовища черкашенина Ивашки Тимофеева сына Мелника на воронежцов села Ендовища на черкас»[2]. Он рассказал воеводе, что в «прошлом во 168 году», то есть до сентября 1660 г., в селе Ендовище были проездом двенадцать неизвестных ему русских людей, и, как написано в источнике, «села Ендовища черкаской атаман Екимка Василев с товарищами своими села Ендовища с черкасы тех людей потеряли», причастен к этому был и русский гулящий человек Иван Карцов. Воевода по указу государя начал следствие, были задержаны перечисленные Ивашкой Тимофеевым сыном Мелника лица, а у них обнаружено имущество и лошади убитых. Детали допросов участников, безусловно, очень интересны, но в данном случае нам наиболее важен итог[3].

В ходе расследования было выяснено, что в селе Ендовище с целью ограбления были убиты девять проезжавших через село русских жителей города Ольшанска, в чем были признаны виновными семь черкас и один русский гулящий человек, все они были жителями села Ендовище. «Пущего из них в убойстве завотчика», атамана Екимку Васильева, повесили в Воронеже, а остальные виновные «семь человек биты кнутом». После этого 28 июля 1662 г. в Москве в распоряжение главы Сибирского приказа Алексея Никитича Трубецкого поступили все семь «убойцов» со своими семьями шесть черкас: Давыдка Павлов с женой Татяною и сыном Микиткой; Демидка Москоленок с женою Фетиницию и детьми Алешкой, Ивашкой, Прасковицей и Настькой; Ромашка Скрыпка с женой Татяной и детьми Ерошкой, Софронкой, Дункой и снохой Катеринкой; Савка Перлев с женой Агафицею; Гришка Рыбалка;

[1] *Ляпин. Д.А.* В интересах «мира»: формы поведения сельского населения Юга России в XVII веке. // Novogardia. № 1. 2019. С. 202.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 448. Л. 128-130.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 464. Л. 88-91.

Васка Сафронов и один русский гулящий человек – Ивашка Карцов с женою Марицею. Виновные со своими семьями были препровождены в Москву с тремя лошадьми и мелким имуществом. Убийцам был вынесен приговор, который в данном случае был более чем справедлив, хотя итоги подобных дел, конечно, порой были весьма различными[1]. Сложно предположить, как сложилась дальнейшая судьба этих отправленных в Сибирь со своими семьями преступников, но ранее, в 1640-х гг., черкас, предпринявших попытку побега из России в Речь Посполитую, с семьями селили в сибирских и понизовых городах, где они служили наравне с другими россиянами[2].

Черкасы переселялись в Воронежский край как малыми группами по несколько семей, так и большими – до нескольких тысяч человек. Правительство старалось размещать их довольно компактно, наделяя дворовыми, пашенными и огородными местами рядом с уже размещенными ранее черкасами, что позволяло им лучше адаптироваться к реалиям жизни на приграничных территориях Российского государства. Повседневная жизнь и быт черкас Воронежского края все же несколько отличалась от таковой у русских людей. Сохранение традиционного полкового устройства черкас, а также предоставление им ряда льгот, которыми не пользовались русские служилые люди, выборность полковника и старшины свидетельствовали об определенной автономии черкасских полков[3].

Интересно, что русское правительство, заинтересованное в несении черкасами пограничной службы и их проживании на Юге России, позволяло сохранять не только традиции управления, но и некоторые бытовые реалии.

Проявлением своеобразия жизни и быта черкас Воронежского края в XVII в. стало то, как после перехода в Россию в 1652 г. черкасы в Острогожске на выделенной им земле устроили торговую площадь – решили «учинить с тех своей брати казацких з дворовых мест около города по своиму черкаскому обникновению и всякое хоромное строение снесли и теми казаками устроили они подгородную слободу Пески, а на тех дворовых прежних местех устроили торговую площад приезжим и острогощаном для продажи и покупки всяких торгов и на той торговой площади построили они скамьи для продажи рыбы, масла и всякого съисного харчей також и для шинку»[1]. Устройством торговой площади черкасы проявляют не только хозяйственный опыт и смекалку, но и готовность к торговому обмену и взаимодействию с местным населением, и это является одним из проявлений их адаптации к новым условиям. Пользоваться площадью могли не только черкасы, и этот факт становится причиной возникновения дальнейших конфликтов, так как с течением времени город-крепость Острогожск рос, расширялся, заселялась и округа, что вело к расширению торговли.

В 1688 г. на эту площадь вынесли из города свои старые лавки и вновь отстроились на месте бывших черкасских торговых мест «острогожские пришлые руские люди для своих прибылей»[2], чем потеснили черкас. В ответ на эти действия, еще не начиная конфликта, черкасы, которые и раньше устроили площадь на выделенной их служилой группе земле, разрушили для расширения площади и для защиты города от пожаров еще двадцать своих дворов, чтобы «было где приезжим людем стать». Дальше черкасы столкнулись с тем, что «острогожским пришлым руским людем» этого, по-видимому, оказалось недостаточно, они подали челобитную воеводе Белгородского полка, чтобы им отдали и эту «последнюю» черкасскую торговую площадь, и это прошение было удовлетворено. Естественно, после этого была подана встречная челобитная полковых черкас, и с 1688 г. начинается долговременный административно-хозяйственный конфликт, который к 1700 г. так и не был разрешен.

[1] *Ляпин Д.А.* Расследование воеводой М.А. Вельяминовым дела о коллективном убийстве в 1638 г. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. № 3 (69). 2017. С. 75-76.

[2] *Папков А.И.* Бунт или измена? Восстания служилых черкас на юге России в 40-е годы XVII века. // История: факты и символы. № 4 (13). 2017. С. 35.

[3] *Гоголева А.А.* Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII – нач. XVIII в.: городовые воеводы и черкасские. – Воронеж, 2008. С. 144.

[1] РГАДА. Ф. 1149. Острогожская приказная изба. № 143. Л. 1-2.

[2] РГАДА. Ф. 1149. Острогожская приказная изба. № 61. Л. 4.

Анализируя разобранные нами конфликтные ситуации, можно прийти к нескольким выводам: поведенческие модели черкас в целом повторяют поведенческие модели населения Юга России; были случаи отдельных серьезных правонарушений, и пиком проявления их массового недовольства стало участие в восстании Степана Разина. Но после этого между черкасами и центральной администрацией установилось некоторое равновесие, так как Острогожский черкасский полк не подвергся гонениям после восстания, царская власть не лишила его подтвержденных в августе 1670 г., накануне восстания, льгот и привилегий. Черкасы активно участвуют в коллективной хозяйственной жизни, стремясь к справедливости и отстаивая при этом интересы всех обиженных сторон. При защите своих интересов черкасы предпочитали использовать административные методы, выступая как единый сплоченный социум со своими традициями административной, хозяйственной и бытовой жизни.

4.5. Иноземцы на фронтирной зоне

На защиту южнорусского фронтира привлекались не только русские служилые люди, но и служивые иноземцы. Уже в 1-й трети XVI в. служилых западноевропейцев использовали либо против крымских, либо против казанских татар, опасаясь, видимо, за лояльность иноземцев в случае их участия в военных действиях против западных соседей России. Традиция эта сохранилась и во второй половине столетия, модифицировавшись лишь в том плане, что после завоевания Среднего и Нижнего Поволжья иностранцев стали использовать только на южном направлении.

В боевых действиях против крымцев и в обороне южных границ России принимал участие вестфалец Генрих Штаден; по его же данным именно «немецкими воинскими людьми» пользуется

великий князь против крымского царя.[1] Дж. Горсей пишет, что все иноземцы были задействованы в стотысячной конной армии, которая ежегодно в течение лета сражалась с крымскими татарам, но их не использовали против Польши и Швеции (против этих стран использовались как раз татары). По его мнению, конница из иностранцев, вооруженная огнестрельным оружием, была более эффективной, чем традиционная русская конница: «... двенадцать сотен этих солдат сражались с татарами успешнее, чем двенадцать тысяч русских с их короткими луками и стрелами. Крымские татары, не знавшие до того ружей и пистолей, были напуганы до смерти стреляющей конницей, которой они до того не видели, и кричали: "Прочь от этих новых дьяволов, которые пришли со своими метающими "паффами"». (Разумеется, здесь Горсей, в присущей ему манере, явно сгущает краски, а известие о том, что до появления в русских войсках иноземцев татары не сталкивались с огнестрельным оружием, просто неправдоподобно.) О том, что выходцев из Западной Европы «употребляют только на границе, смежной с татарами, и против сибиряков», а на западных границах, в войне с поляками и шведами используют татар, упоминает и Флетчер.[2]

Конкретные (но, к сожалению, единичные) примеры участия западноевропейцев в военных действиях на южном направлении содержатся в разрядных книгах. В росписи «береговой» службы 1572 г. указано, что в большом полку, базой которого был Серпухов, «по вестям», т.е. при получении известий о татарской опасности, помимо дополнительных русских контингентов «быти Юрью Францбеку с немцы»[3].

Участвовали западноевропейцы и в знаменитой битве на Молодях, в том же 1572-м г. В памяти князю М.И. Воротынскому об организации обороны на Оке указывалось, что помимо различ-

[1] Полосин И.И. Западная Европа и Московия в XVI в. С. 44-47; Штаден Г. Записки немца-опричника. – М., 2002. С. 23.

[2] Горсей Дж. Путешествия сэра Джерома Горсея. // Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. – М., 1991. С. 69-71; Флетчер Дж. О государстве русском. – М., 2002. С. 87.

[3] Разрядная книга 1475-1598 гг. С. 247; Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 309.

ных категорий русских служилых людей, под его командование направляются и «немцы»; причем, в случае форсирования татарами реки, следовало, «для промыслу» над неприятелем посылать, в том числе и «резвых людей неметцких»[1].

О том, сколько «немцев» участвовало в Молодинском сражении, сведения содержатся в памяти воеводам М. Воротынскому и И.В. Меньшому Шереметеву: «Царь и великий князь велел с ними (воеводами. – *О. С.*) быть ротмистру Юрью Францбеку, а с ним наемных немец сто человек ругодевских 100 ч.; с Васильем Шараповым ... А ротмистру велеть у них быть Юрью Францбеку.»[2]

Интересующие нас в данной публикации документы Разряда являются черновиками с многочисленными зачеркиваниями, правками и вставками, подчас неразборчивыми[3]. В частности, на мой взгляд, в первой из процитированных фраз знаки препинания должны быть расставлены несколько иначе, нежели это сделал публикатор: точка с запятой должна стоять не после слов «100 ч.», а после слов «сто человек». Тогда эта фраза будет выглядеть так: «Царь и великий князь велел с ними быть ротмистру Юрью Францбеку, а с ним наемных немец сто человек; ругодевских 100 ч. с Васильем Шараповым». Иными словами, речь идет о двух отрядах иноземцев по 100 человек в каждом, один из которых («наемные немцы») был с Францбеком, а другой (ругодивские «немцы») – с Шараповым. Общим командиром планировалось назначить Юрия Франзбекова (эта фраза в подлиннике вписана над строкой уже после составления «болванки» памяти). Судя по сообщению Разрядной книги 1475-1605 гг., назначение ливонца командиром «немцев» состоялось: «... да в большом же полку был Юрьи Франзбек с немцы»[4].

Однако, судя и по процитированной памяти, а также по полковой росписи войска Воротынского (ее составление В.И. Буганов

[1] Документы о сражении при Молодях. // Исторический архив. № 4. 1959. С. 169, 171.

[2] Там же. С. 173.

[3] См.: *Буганов В.И.* [Предисловие к публикации «Документы о сражении при Молодях»] // Исторический архив. 1959. № 4. С. 167.

[4] Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977–1994. Т. 2.Ч. 2. С. 309; См. также: Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974. С. 86.

отнес к началу 1572 г.) «немцев» было значительно больше. Во-первых, в памяти Воротынскому и Меньшому Шереметеву (ниже процитированного отрывка) говорится о приготовлении и продаже пива «немцам» – «трема стом человек». В полковой росписи подтверждается, что в большом полку «немцев» должно быть именно 300 человек: «Да в большом же полку з головою с Юрьем Франзбеком немец 100 чел., а голова у них Аталык Квашнин да юрьевским и ругодевским немцом с их приставы 200 чел.»[1]. Таким образом, в большом полку русского войска должно было быть 3 отряда по 100 человек (в XVII в. такие отряды будут называться ротами), всего 300 «немцев».

Во-вторых, в памяти упоминается еще, что «посланы с Москвы немец московских 9 ч.»[2]. Однако из текста документа неясно, учтены ли они в числе трехсот иноземцев или нет. В-третьих, в памяти воеводам упоминается некто (текст неразборчив) из Вильяна «и с людми». Судя по тому, что им, как и другим «немцам», должны были продавать (или давать) пиво, эта группа тоже относилась к иноземцам. «Немцы» из Вильяна называются в полковой росписи и в составе полка правой руки: «Да в правой же руке немец с Юрьева и с Вильяна» (и далее зачеркнуто: «120 чел. с пищальми»)[3]. Учитывая, что юрьевских «немцев» было 100 человек, 20 человек, по-видимому, как раз были из Вильяна.

Полковая роспись содержит еще одно любопытную деталь, касающуюся предполагаемой организации «немецких» рот во время боевых действий – планировалось, что в этих отрядах, помимо иноземных командиров, еще и русских начальных людей: в отряде Франзбекова должен был быть голова Аталык Квашнин, а в юрьевской и ругодивской ротах – приставы. Это, кажется, единственное упоминание подобного рода. К сожалению, из него решительно невозможно установить, какие отношения субординации возникали в этом случае между иноземными и русскими начальными людьми.

[1] Документы о сражении при Молодях. // Исторический архив. № 4. 1959. С. 173, 175.

[2] Там же. С. 173.

[3] Там же. С. 173, 175.

Иноземцы приняли участие в одном из наиболее ярких и решающих эпизодов Молодинского сражения: «А в суботу царь крымской послал царевичей и нагайских тотар многие полки пеших и конных к гуляю городу выбивати Дивея мурзу. И тотаровя пришли к гуляю и изымались у города за стену руками, и тут многих тотар побили и руки пообсекли безчисленно много. А боярин князь Михайло Иванович Воротынской обошол с своим большим полком крымских людей долом, а пушкарем приказал всем из большово наряду ис пушек и изо всех пищалей стрелять по тотаром. И как выстрелили изо всево наряду, и князь Михайло Воротынской прилез на крымские полки ззади, а из гуляя города князъ Дмитрей Хворостинин с немцы вышол. И на том деле убили царева сына да внука царева Колгина сына, и многих мурз и тотар живых поимали.»[1]

Судя по «Запискам» Штадена, вестфалец тоже принимал участие в этом сражении, поскольку описывает его как непосредственный участник: «Если бы у русских не было гуляй-города, то крымский царь побил бы *нас* ... *Мы* захватили в плен главного военачальника крымского царя ... великий князь отправил *нашему* воеводе, князю Михаилу Воротынскому ... грамоту (курсив мой. – *О. С.*) ... Когда [крымский] царь подошел к реке Оке, князь Дмитрий Хворостинин – он был воеводой передового полка – послал меня с 300 служилых людей. Я должен был дозирать по реке, где переправится царь»[2]. Однако, если сообщение Штадена достоверно, то он находился не в большом полку, где была основная масса иноземцев, а в передовом полку.

Спустя два десятилетия, с начала 1590-х гг., мы вновь встречаем иноземцев в составе полков, посланных против крымских татар. В 1589/90 г. на службе в Дедилове находился немчин Яков Бартельман (Бартлеманов). Об этом говорится в челобитной его вдовы Марьи (челобитная процитирована в ввозной грамоте): «... мужа де ее Якова в нынешнем в 98-м году на нашей службе на Дедилове не стало»[3].

[1] Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 313-314.

[2] Штаден Г. Указ. соч. С. 70-72, 115.

[3] Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII веков. Т. 2. № 19. – М., 1998. С. 34.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XVI в. в Дедилове располагался передовой полк Украинного разряда. Так было в 1588 и 1591 гг.[1]; так было и осенью 1589 г. и весной-летом 1590 г.[2] Исходя из этого, следует полагать, что Я. Бартельман находился на службе именно в этом полку, и, скорее всего, не один, а в составе какого-то иноземского отряда. (Следует заметить также, что его сын Яков, которому в год смерти отца было 12 лет, а также два внука – сыновья Якова – в 20-х гг. XVII в. будут проходить службу также в Украинном разряде.)

В 1591 г. во время сражения с войсками Казы-Гирея у Данилова монастыря «ротмистров с литовскими и с немецкими людьми» вместе русскими отрядами посылали «с крымскими людьми травитись»[3]. В конце весны следующего, 1592-го, года «немцы» вместе с «литвой» были сначала в большом полку в Туле, а оттуда были посланы в Ливны, чтобы вместе с русскими служилыми людьми идти вдогонку «за крымскими царевичи»[4].

Весной 1595 г. «немцы и литва, и всякие иноземцы многих земель, многие с вогненым боем» вновь были в полках «на берегу» и охраняли южную границу[5]. Участвовали «немцы» (наряду с татарами и «литвой») и в Серпуховском походе Бориса Годунова в 1598 г., когда ожидался новый набег Казы-Гирея[6]. Принимали они участие также и в торжественной встрече под Серпуховом крымских послов в конце июня того же года, после чего все иноземцы вместе с русскими служилыми людьми из городов были распущены по домам[7].

В мае 1601 г. иноземцы вновь упоминаются в составе полков, выдвинутых для отражения возможного набега Казы-Гирея. Прав-

[1] Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. – Воронеж, 1991. С. 205, 209.

[2] Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 3. Ч. 2. С. 147, 162.

[3] Там же. С. 216; Разрядная книга 1559-1605 гг. С. 271.

[4] Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 3. Ч. 3. С. 29, 37-38.

[5] Там же. С. 90.

[6] Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 4. Ч. 1. С. 47-48; Разрядная книга 1598-1604 гг. // Разрядные книги 1598-1638 гг. – М., 1974. С. 30.

[7] Там же. С. 40-42.

да, организация обороны на южном направлении в этом году явно была не на высоте: 3-го мая в Думе обсуждалась ситуация, когда «дворяне и дети боярские и иноземцы ... в полки приехали, а воевод в полках нет», так как «бояре по полкам еще не росписаны».[1] Следует заметить, что эта практика продолжится и в следующем столетии, и «тульская служба» в Украинном разряде, заменив службу «береговую», станет традиционной для служилых московских иноземцев.[2]

Что касается использования служилых «немцев» на восточном направлении, то здесь мы имеем лишь краткое известие И. Массы о подавлении восстания черемисы: «В 1590 году возмутилось множество черемисов на Волге, и стали они разорять окрестные местности, и то была развращенная шайка, подстрекаемая несколькими негодяями, бывшими ее атаманами; против них выслали большой отряд из немцев, поляков и русских, состоявших на службе у великого князя...»[3]

Впрочем, из правила неиспользования западноевропейцев в войнах на западном направлении бывали и исключения: в походе на Пайду в конце 1572 г. участвовал и Юрий Франзбеков («А Юрью Францбеку велел государь идти в полку с собою, государем»[4]), вероятно, с отрядом иноземцев. Однако практика показала, что подобные отступления от сложившейся практики чреваты изменой служилых «немцев»: тот же Ю. Франзбеков уже в 1573 г. дезертировал из русской армии[5].

Примером использования западноевропейцев на южном направлении может служить и посылка летом 1599 г. или 1600 г. большого отряда служилых людей под командованием Б.Я. Бельского и С.Р. Алферова для возведения очередного города на Поле – Царева-Борисова[1]. В наказе воеводам перечислены следующие категории служилых людей: дворяне и дети боярские, станичные головы, станичники и вожи, стрельцы со стрелецкими головами, казаки с казачьими головами, черкасы, днепровские казаки, донские атаманы и казаки, а также «литва» и «немцы»[2].

[1] Там же. С. 104.

[2] *Скобелкин О.В.* Организация службы иноземцев на защите южных рубежей России в первой половине XVII в. // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. – Воронеж, 2000. С. 19-21.

[3] *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII в. – М., 1937. С. 36.

[4] Разрядная книга 1475-1598 гг. С. 248-249; Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 322; РК 1559-1605 гг. С. 93.

[5] См.: *Опарина Т.А.* Род Фаренсбахов в XVI веке. // Человек в пространстве и времени культуры. Сборник статей по материалам Всероссийской научной конференции с международным участием «Человек и мир человека». – Барнаул, 2008. С. 59-60.

В 20-х гг. XVII в. участие служилых иноземцев в обороне южного фронтира Московского государства происходило это в рамках так называемого Украинного разряда. Центром этой обороны стала Тула.

Украинный разряд как передовая группировка русских войск на южном направлении был впервые сформирован осенью 1573 г.[3] До начала XVII в. он сосуществовал с так называемым Большим разрядом, располагавшимся на берегу Оки. В 1599 г. «береговая» служба была упразднена, войска Большого разряда стали выводить южнее Оки[4], и они заняли место Украинного разряда, который отодвинулся еще южнее. С осени 1601 г. и Украинный разряд

[1] Царев-Борисов был основан в 1599 г., о чем свидетельствуют данные практически всех разрядных книг. (См. также: Загоровский В.П. 1) Изюмская черта. – Воронеж, 1980. С. 53.; 2) История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. – Воронеж, 1991. С. 224.) Однако опубликовавший соответствующий наказ воеводам Д. И. Багалей датировал его 1600 годом, поскольку именно эта дата (5 июля 7108 г.) приводится в самом начале документа. В то же время далее в тексте наказа как «нынешний» назван 7107-й год. (Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний) в XVI–XVIII столетии, собранные в разных архивах и редактированные Д. И. Багалеем. – Харьков, 1886. С. 5.) Исследователи, в разное время обращавшиеся к вопросу об основании Царева-Борисова, никак не прокомментировали эту ситуацию с датами. Возможно, что Царев-Борисов, подобно Валуйкам, основанным практически одновременно, строился в два этапа: осенью 1599 г. «место заняли и острог поставили», а в 1600 г. «на весну город и всякие городовые крепости поделали» (РК 1475-1605 гг. Т. 4. Ч. 1. С. 71.). Не исключен вариант, что посылка большого отряда служилых людей, включавшего в себя и иноземцев, состоялась именно в 1600 г., когда уже были построены стены «по-городовому» и башни.

[2] Материалы для истории колонизации и быта... С. 5-7.

[3] Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 357; Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. – Воронеж, 1991. С. 177.

[4] Разрядная книга 1550-1636 гг. Т. 2. – М., 1976. С. 169, 192.

превратился в единственную группировку русских войск, которая ежегодно выставлялась для прикрытия центральных уездов России от возможного вторжения крымских татар. В годы Смуты система обороны южных границ не функционировала и была воссоздана только правительством Михаила Федоровича. В 20-х гг. XVII в. главной обязанностью служилых иноземцев, числившихся по московскому списку, вновь стала служба в возрожденном Украинном разряде.

В рассматриваемый период эта служба часто именовалась «тульской службой», и в документах говорится, что иноземцы «на Туле» были (или не были)[1]. Учитывая, что Тула и ее окрестности были тем районом, где размещался так называемый большой полк – ядро всей группировки, иностранцы служили именно в этом полку. В большом полку Украинного разряда иноземцы служили «по половинам»: один год – одна половина списочного состава, второй год – другая. Только в случае особой опасности вызывались все иностранцы, служившие по московскому списку.

Обычно ежегодная организация тульской службы иноземцев происходила следующим образом. В середине весны из Разряда направлялась память в Иноземский (бывший Панский) приказ с распоряжением вызвать в Тулу тех иноземцев («литву, немец, и всяких иноземцов, помесных и кормовых»), которые в предшествующем году «на государеве службе в полкех не были, а жили по домам». Иноземский приказ, в свою очередь, переадресовывал это распоряжение городовым воеводам, рассылая грамоты по тем уездам, где жили служилые иноземцы. Вызванные на службу обычно должны были прибыть в Тулу в первой декаде мая (в разные годы – по-разному: к 1 мая, к Николину дню (9 мая) и т. д.). Срок пребывания 1-й половины на службе в полку обычно определялся как «все лето до отпуску», «с весны и во все лето».

Что касается иноземцев той «половины», которая была на службе в предшествующем году, требовалось, чтобы «они на государеву службу были готовы, лошади кормили и запасы пасли;

[1] См., напр.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 19. Ч. 1. Л. 73; № 19. Ч. 3. Л. 160.

а быти им на ... службе по вестем, и о службе б ждали государева указу». При этом их следовало предупредить, чтобы они «в дальние места не розъезжались и были б в деревнях со всею службою наготове». Задействовать их должны были только в случае получения «про воинских людей больших вестей». Если же обстановка на южных границах оставалась спокойной, служилым иноземцам «другой половины» предстояло прибыть на службу в Тулу только в следующем году и, так же, как и их товарищам, пробыть там все лето.[1]

В отдельных случаях, в зависимости от обстоятельств, руководство Иноземского приказа могло разрешить тому или иному служилому человеку не выходить на службу в свою очередь. Так, например, весной 1630 г. в Иноземский приказ обратился с челобитной Иван Котинский, имевший поместье в Угличском уезде. В челобитной он писал: «В нынешнем, государь, во 138-м году за неделю до Масленицы грехом своим я, холоп твой, погорел. И что у меня было лошедей и служивые рухледи, и то все погорело. И что было твоево государева жалованья бобылишек, и те погорели и розбрелися розна». Погорелец просил: «... вели государь меня переписати в другую половину для моево разоренья, чтобы я, холоп твой, в конец не погиб и твоей царской службы впредь не отбыл». Руководитель приказа боярин кн. И. Б. Черкасский «приказал ево переписать в другую половину».[2]

Тогда же с просьбой отсрочить высылку на службу обратился грек Николай Манмуселин. За два года до этого он хлопотал за своих племянников, находившихся в турецком плену. Хлопоты увенчались успехом: он получил три сорока соболей и передал их русскому посланнику, направлявшемуся в Турцию, чтобы тот выкупил пленных. «И с тех ... мест и по ся места мне ... про тех моих племянников слухасти нет, а мне ... сказана ... государева служба, высылают меня вон». Теперь же посланник вернулся, и Н. Манмуселин просит дать ему время и разрешение на встречу с ним,

[1] *Скобелкин О.В.* Организация службы иноземцев на защите южных рубежей России в первой половине XVII в. // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. – Воронеж, 2000. С. 20.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 801. Л. 210-210-об.

чтобы узнать о судьбе племянников. Разрешение было дано, и на службу грек выехал гораздо позже своих товарищей.[1]

На время нахождения войск в Украинном разряде все иноземцы, независимо от того, в какой половине они оказались в текущем году, получали отсрочку в судебных делах («А которым иноземцом ныне быти на государеве службе на Туле и которым быти на службе по вестем ... а для службы велети иноземцом всем во всяких делех отсрочить, покаместа служба минетца»[2]). Правда, бывали случаи, когда руководство Иноземского приказа разрешало иноземцам остаться в Москве, чтобы довести до конца в приказах решение какого-либо важного (но не судебного) дела. Так, весной 1628 г. группа шотландцев и ирландцев из числа «бельских немцев» направила в Иноземский приказ челобитную, в которой сообщала, что они приискали в Алатырском уезде «лишнюю примерную землю»; вопрос о выделении этой земли уже стал решаться, но тут возникла необходимость отправляться на тульскую службу. В связи с этим иноземцы просили оставить одного из них в Москве, «хто бы за тем делом ходил». Разрешение было дано.[3]

Все иноземцы на русской службе делились на две категории: поместных и кормовых. Если первые должны были обеспечиваться доходами с собственных земель, то вторые получали денежное жалование, а в зимнее время – еще и фураж («конский корм») или деньги на него. Служба в Украинном разряде занимала обычно четыре месяца: с мая по август. Как правило, жалование сразу («вдруг») и за май и за июнь кормовые иноземцы получали в Москве перед выездом на службу, а деньги за июль и август присылались в Тулу и раздавались там. Однако с выплатой кормовых денег регулярно происходили задержки, и практически ежегодно находившиеся на службе иноземцы обращались к властям с просьбой разрешить им отправить представителей в

[1] Там же. Л. 223-223-об. Следует отметить, что после долгого ожидания Манмуселин встретился с посланником, узнал, что родственники выкуплены, и уехал на службу (Там же. Л. 224).

[2] Там же. Л. 123.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 903. Л. 427-427-об.

Москву для ускорения «московской волокиты». Отказы в таких просьбах нам неизвестны.

Отпускали со службы и больных. Так, например, в августе 1628 г. шотландец Вилим Жакжель (Жакшин), служивший в роте Я. Вуда, обратился к командованию с просьбой отпустить его на время в Москву «к лекорю лечитца», поскольку «болен очми». В Туле шотландца осмотрели и, видимо, обнаружив, что тот действительно болен, разрешили уехать в тот же день.[1]

Ежегодно в конце зимы – начале весны по запросу из Разряда в Иноземском приказе составлялись списки служилых иноземцев «обеих половин». Соответственно, каждый такой список состоял из двух частей: в одной части перечислялись те, кто был на службе в прошлом году и, соответственно в текущем году находился, так сказать, «в запасе», в другой – те, чья очередь была быть на службе в текущем году.[2]

Мы располагаем данными пяти таких списков:

1) список, составленный в феврале 1625 г.; первая его часть содержит данные о тех, кто не был на службе летом предшествующего 1624 г. и, следовательно, должен был служить тульскую службу в 1625 г.; вторая часть списка – данные о тех, кто был на службе в предшествующем 1624 г.;

2) список, составленный в феврале 1626 г.; первая его часть – список тех, кто не был на службе в предшествующем 1625 г. и должен быть на службе «в первой половине» в 1626 г., вторая – список тех, кто был на службе в предшествующем 1625 г.;

3) список, составленный весной 1627 г.; первая часть – список тех, кто в предшествующем году на службе не был, а должен быть в 1627 г., вторая часть – список бывших на службе в 1626 г.;

[1] Там же. Л. 527. В. Жакжель перешел на русскую сторону из армии королевича Владислава в августе 1618 г., сдавшись войскам М.Б. Лыкова, защищавшим Можайск. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 7. Л. 56.) Следует заметить, что в состав группировки Лыкова входили ирландцы и шотландцы из числа «бельских немцев». Таким образом, не исключено, что именно земляки переманили Жакжеля на русскую службу.

[2] См.: Скобелкин О.В. Списки служилых иноземцев 1-й половины XVII в. как источник по истории русского войска. // Армия в истории России. – Курск, 1997. С.14-17.

4) список, составленный весной 1629 г.; первая часть – список тех, кто в 1628 г. на службе не был и должен быть в 1629 г., вторая часть – список бывших на службе в 1628 г.;

5) список, составленный весной 1630 г.; первая часть – список тех, кто в 1629 г. на службе не был и должен быть в 1630 г., вторая час часть – список бывших на службе в 1629 г.[1]

Все иноземцы, проходившие службу в Украинном разряде, были распределены по ротам, и именно роты направлялись на службу в ту или иную половину.

В 1625 г. таких рот было шесть:

1) рота Матвея Халаима. Ее название в списке: «Поляки и литва старого выезду Матвеевы роты Халаима». В роту входили служилые иноземцы так называемого «старого выезда», т. е. приехавшие в Россию до Смуты. При этом все они относились к категории поместных иноземцев и владели поместными землями в различных уездах центра и севера страны. Однако, несмотря на название, в составе роты, помимо поляков и «литвы»[2], встречаются турки и греки;

2) рота Петра Гамолтова («Немцы старого выезду Петровы роты Гамолтова»). Она состояла исключительно из «немцев» старого выезда, которые также все были поместными;

3) рота Григория Врославского. В списке она названа «Старого выезду кормовые иноземцы». Хотя имя Врославского почему-то не вынесено в название роты, «ротмистр Григорей Врославской, во крещенье Петр», открывает список роты. Составители документа разбили ротный список на две части: «литва» и «немцы кормовые». Однако, судя по прозвищам (Греченин, Румынин, Кизылбашенин и т. п.) или специальным уточнениям (угренин такой-то, волошенин такой-то и т. п.), в состав «литвы», помимо литовцев,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 19. Ч. 1. Л. 26-96; № 19. Ч. 3. Л. 141-215; № 25. Л. II-81; № 1139. Л. 1-69, 211-229 (столбец перебит); № 801. Л. 8-121.

[2] Термин «литва» применительно к служилым иноземцам обозначал выходцев с территории бывшего Великого княжества Литовского, т.е. собственно литовцев, белорусов, украинцев (хотя нередко их выделяли в отдельную категорию – черкасы) и, судя по фамилиям, поляков (последние включались в категорию «поляки», если были родом из польских земель Речи Посполитой). В качестве синонима термина «литва» будем употреблять в том же значении и «литовцы».

входили, греки, венгры, румыны, сербы и персы. Все они относились к категории кормовых иноземцев;

4) рота Николая Любомирского («Поляки и литва старого ж выезду Миколаевские роты Любомирсково»). К моменту составления списка сам ротмистр в роте уже не значился, список возглавляет поручик Сава Бахмат, однако, в названии роты имя старого командира пока сохранялось. Помимо поляков и литовцев в роте служили греки, сербы, румыны, молдаване и венгры. Все служилые иноземцы были поместными;

5) рота Дениса Фанвисина («Немцы старого ж выезду Денисовы роты Фанвисина»), состоявшая из поместных немцев старого выезда;

6) рота Якова Шава[1] («Бельские немцы Яковлевы роты Ша»). Основу роты составляли шотландцы и ирландцы, входившие в гарнизон Белой и перешедшие на русскую службу после сдачи города в 1613 г. Они образовали особое подразделение иноземцев, состоявшее из ирландской и шотландской рот, за которыми закрепилось общее название «бельские немцы»[2]. Однако к середине 20-х гг. XVII в. их численность по различным причинам уменьшилась, две роты слились в одну, и в нее стали включать иноземцев, не имевших никакого отношения к шотландцам и ирландцам, «сидевшим» в свое время «на Белой»[3]. Часть членов роты имела поместья, часть – относилась к категории кормовых иноземцев.

[1] James Schaw в русских документах назывался иногда Яковом Ша, но чаще всего – Яковом Шавом. Подробнее о нем см.: Скобелкин О.В. 1) Иностранцы на Русском Севере в годы Смуты. // Исторические записки: Науч. труды ист. ф-та ВГУ. Вып. 3. – Воронеж, 1998. С. 5-20; 2) Участие ирландцев в последних событиях Смуты в России. // Шэмрок. Ирландские исследования (история, политика, культура). № 2. – Воронеж, 2002. С. 56-66.

[2] Подробнее о появлении «бельских немцев» в России и их службе в годы Смуты см.: Скобелкин О.В. 1) Ирландская рота на русской службе в последние годы Смуты. // Шэмрок. Журнал ирландских исследований. Вып. 1. – Воронеж, 1997. С. 71-85; 2) Шотландцы на русской службе в середине 10-х годов XVII века. // Исторические записки: Науч. труды ист. ф-та ВГУ. Вып. 2. – Воронеж, 1997. С. 14-21; 4) Участие ирландцев... С. 56-66.

[3] Скобелкин О.В. Ирландцы на русской военной службе в конце 10-20-х гг. XVII века. // Шэмрок. Ирландские исследования (история, политика, культура). № 3. – Воронеж, 2004. С. 30. Таким образом, название подразделения – «бельские немцы» – стало условным и не отражало реальный состав роты.

Уже сами эти названия указывают, по крайней мере, на два критерия, на которые опирались власти, формируя иноземские роты. Во-первых, это принадлежность к категории «старого выезду» или «нового выезду». Этими понятиями обозначалось время попадания иноземца на русскую службу. Правда, следует оговорить, что «старость» старого выезда по отношению к срокам именно приезда иноземца в Россию была порой весьма условной: дети иноземцев старого выезда в те годы автоматически также попадали в ту же самую категорию, даже если родились уже в России.

Из шести рот пять состояли из иноземцев старого выезду. И лишь рота «бельских немцев» относилась к категории «нового выезду», хотя это и не обозначено в названии подразделения. Дело в том, что «бельские немцы» поступили на русскую службу в августе-сентябре 1613 г., т. е. уже при Михаиле Федоровиче. Однако название этой роты, данное составителями списка, тоже было относительно условным, т. к. «бельские немцы» составляли лишь большинство подразделения, в которое входили и иноземцы, попавшие в Россию другими путями и в другое время. Вполне вероятно, что кто-то из них относился к категории «старого выезду».

Вторым критерием был характер жалованья, которое получали иноземцы за службу. В соответствии с этим критерием, все служилые иноземцы разделялись на поместных и кормовых. Поместные иноземцы владели поместными землями, кормовые – получали денежное, а иногда и натуральное жалованье. Хотя это не всегда отражено в названиях рот, но власти старались сводить в одну роту иноземцев только одного вида жалованья. Из шести рот четыре – роты Халаима, Гамолтова, Любомирского и Фанвисина – состояли только из поместных иноземцев, а одна – рота Ярославского – только из кормовых. Что же касается роты Шава («бельские немцы»), то здесь этот принцип был нарушен: список роты состоит из двух частей – сначала перечислены поместные «немцы», а затем под рубрикой «Кормовые» – «немцы» кормовые.

Был и третий критерий – принадлежность иноземцев к одной из двух категорий: «поляки и литва» или «немцы». Это разделение тоже было довольно условным. Если «немцев» власти старались группировать более или менее четко, и из шести рот три были немецкими (Гамолтова, Фанвисина и Шава), то категория «поляки и литва» была довольно размытой. Само название этой категории, казалось бы, предполагало включение в нее только выходцев из Речи Посполитой, включая «черкасов» (украинцев) и белорусов (в источниках – «белорусцы»). Однако на практике, в списках рот в категории «поляки и литва», помимо бывших жителей Королевства Польского и Великого княжества Литовского, мы встречаем, хоть и единичных, и венгров, и греков, и сербов, и румын, и даже персов («кизылбашен»). Именно такая пестрота характерна для рот Халаима и Любомирского. Что касается роты Ярославского, то в ней принцип не смешивать в одном подразделении «немцев» с «поляками и литвой» был нарушен изначально: одна часть роты состояла из «литвы» (с греками, венграми и т. д.), а другая – из «немцев».

К весне 1626 г. количество рот оставалось прежним, однако в командном составе произошли некоторые изменения. Вместо М. Халаима ротмистром у «поляков и литвы старого выезду» стал Михаил Желиборский, а ротой Любомирского («поляки и литва старого ж выезду») стал командовать Яков Рогановский. Рота «бельских немцев» лишилась своего командира: Я. Шав умер, и в списке 1626 г. его уже нет (в данном списке вообще не упоминается ротмистр), хотя само подразделение пока сохранило прежнее название по имени старого командира.

В 1627 г. в списках иноземцев появляется новая рота – Прокофия Кремского, в которую входили кормовые греки и поляки «нового выезду», а также небольшая группа «немцев». Таким образом, иноземских рот становится семь. Кроме того, после смерти Я. Шава роту бельских немцев возглавил Томас Герн.

С весны 1628 г. в документах зафиксировано появление еще одной роты, в которую входили «гречане, сербяне, волошеня» и «немцы» и которую возглавил шотландец из числа «бельских немцев» Ян Вуд[1]. Поэтому в списке 1629 г. перечислены уже восемь

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 903. Л. 407-408.

рот. Кроме того, командиром роты, где некогда ротмистром был Г. Ярославский, поставили Михаила Барышевского.

В каждой роте, помимо командира – ротмистра, были, как правило, еще и младшие офицеры – поручик и прапорщик, а также музыканты – литаврщик и сурнач. Поручика и прапорщика обычно выбирала сама рота, после чего подавалась коллективная челобитная в Иноземский приказ с просьбой утвердить кандидатуру. Затем подписавших челобитную вызывали в приказ и допрашивали, всем ли данный человек в этой должности «люб», и, если члены роты подтверждали свой выбор, кандидатура утверждалась.

Что касается военных музыкантов, то их, по-видимому, не хватало на все роты. Сделать это предположение позволяет челобитная ротмистра П. Кремского. Весной 1628 г. он просил, чтобы вместе с его ротой на службу направили литаврщика и сурнача из роты М. Желиборского (эта рота в 1628 г. была в «другой» половине), «а Михайла Желиборской поступился мне их»[1].

На протяжении рассматриваемого периода состав каждой роты год от года мог незначительно изменяться: происходила естественная убыль; на русскую службу прибывали новые иноземцы, которых записывали в ту или иную роту; получившие по каким-либо причинам разрешение не быть на службе в текущем году посылались на службу в следующем году уже с другой ротой. Кроме того, происходили отдельные переходы из рот в роту по инициативе самих служилых людей. Так, как уже говорилось, после смерти Я. Шава и прихода нового ротмистра Т. Герна в роте «бельских немцев» произошел какой-то конфликт. В результате прапорщик Ян Фарфар, «не похотя... с нами («бельскими немцами» – *О. С.*) служить и прапор у нас носить, бил челом... государю на нас недружбою и переписался к старым московским немцам в Денисову роту (Фанвисина – *О. С.*)»[2].

В 1630 г. организация службы иноземцев в Украинном разряде претерпела серьезные изменения. Во-первых, власти постарались уравнять количество служилых людей в ротах, с тем, чтобы в каждой роте было по 100 человек. Во-вторых, Иноземский приказ изменил этнический состав рот, преследуя цель, чтобы в одной роте служили выходцы из одного региона («... ныне отобраны они гречене все в одну роту, как и иные иноземцы гречене к греченом, литва к литве, немцы к немцам»[1]). Правда, при задаче иметь в каждой роте 100 человек, добиться абсолютной этнической однородности рот было невозможно из-за малочисленности представителей целого ряда национальностей. И, наконец, в-третьих, в результате этих мероприятий количество рот увеличилось.

[1] Там же. Л. 427.

[2] Там же. Л. 452.

В списке, составленном весной 1630 г., фигурируют уже 11 рот: рота М. Желиборского (бывшая М. Халаима) – поляки и «литва» старого выезда; рота П. Гамолтова – «немцы» старого выезда; рота Я. Рогановского (бывшая Н. Любомирского) – поляки и «литва» старого выезда; рота Д. Фанвисина – «немцы» старого выезда; рота Т. Герна (бывшая рота «бельских немцев» Я. Шава) – часть «бельских немцев», к которым прибавились другие «немцы»; рота П. Кремского – поляки и литва нового выезда; рота Яна Вуда – часть «бельских немцев», к которым относился и сам ротмистр, а также выходцы из различных стран Западной Европы; рота Михаила Барышевского – основу составляет «литва», но встречаются представители и других национальностей (не «немцы»); рота «гречен, сербян и волошан» старого и нового выезда (нередко именуется ротой «гречен») – сюда были переведены иноземцы из других рот, где они служили вместе с поляками и литовцами («велено... от литвы отписать к себе в роту опрично»); на момент составления списка ротмистра у них не было, и его предстояло выбрать; рота «литвы» – основу составила «литва» из бывшей роты Г. Ярославского; сам он на момент составления списка числился рядовым, а ротмистра предстояло выбрать; рота «литвы» – на момент составления списка ротмистра еще не было; его предстояло выбрать.

Как видно из приведенного перечня, три роты не имели командиров, и вопрос о выборе ротмистров нужно было решить к моменту начала летней службы.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 801. Л. 187.

Данные о существовании иноземских рот в 1625-1630 гг. приведены в Таблице ниже.

Таблица.

Иноземские роты по спискам 1625-1630 гг.*

№	Рота	Годы				
		1625	1626	1627	1629	1630
1	Матвея Халаима–Михаила Желиборского	*	*	*	*	*
2	Петра Гамолтова	+	+	+	+	+
3	(Григория Врославского) – Михаила Барышевского	+	+	+	+	*
4	Николая Любомирского – Якова Рогановского	*	*	*	*	*
5	Дениса Фанвисина	+	+	+	+	+
6	Якова Шава–Томаса Герна	+	+	+	+	+
7	Прокофия Кремского			+	+	*
8	Яна Вуда[1]				+	+
9	рота гречан, волошан и сербян					*
10	рота литвы					*
11	рота литвы					*

* *Примеч.:* Полужирным шрифтом выделены роты, в которых служили только «немцы»; звездочкой отмечено наличие роты в списке соответствующего года; знаком «плюс» у невыделенных рот – наличие роты, в которой помимо других иноземцев были и «немцы».

К середине мая 1630 г. служилые люди «греческой» роты, выбрав себе командира, обратились в Иноземский приказ с просьбой утвердить его кандидатуру, и их просьба была выполнена. Ротмистром стал иноземец старого выезда вологодский помещик Николай Мустофин, который до этого служил поручиком в роте Желиборского[2]. По просьбе поляков и литовцев, входивших ранее в роту Врославского, ротмистром был вновь назначен Григорий

[1] В 1630 г. стала состоять только из «немцев».

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 801. Л. 195-196.

Врославский[1]. Еще одна рота «литвы», не имевшая командира на момент составления списка, выбрала ротмистром Христофора Рыльского[2].

Продолжались изменения и в командном составе старых рот. В конце марта или начале апреля 1630 г. старейший из ротмистров Денис Фанвисин обратился с просьбой об отставке. В своей челобитной он писал: «Почел я... служити блаженные памети при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Русии и служил при нем, государе, пять лет, и с тех мест и по ся места вам государем и Московскому государству всякие ваши государевы службы. И на многих боех и на приступех многыжды ранен. И от головных ран не довижю и не дослышю, а руки изсечены и истрелены. А как... при боярех приступали города Китая к Микольским воротам, и на том приступе з города их пушки волконейки мне... пробили ногу, и от той раны без наги. И я... от тех ран увечен и стар, твоей государевы службы впредь служить не смогу. А детишка, государь, мои, Бориска да Дениска, твою государеву службу служат. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своево, вели, государь, меня для моей увечной скорби и старости от своей государевы службы отставить». 7 апреля было принято решение «ево за старость и за увечье отставить»[3]. Кроме того, в мае 1630 г. вместо Я. Рогановского «ведать» ротой было поручено нижегородскому помещику Прокофию Мишевскому[4].

В связи с образованием новых рот и переводами служилых людей из роты в роту весной 1630 г. некоторые иноземцы сами обратились к властям с просьбой перевести их из одной роты в другую. Мотивировки были самые разные. «Греченина» Любима Микулаева забыли перевести из роты Желиборского в отдельную роту «гречен, сербян и волошан», и он вынужден был напомнить о себе, подав челобитную[5]. «Нововыезжий немчин» Томас Клемен-

[1] Там же. Л. 252-253-об.

[2] Там же. Л. 259-261.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 801. Л. 209-209-об.

[4] Там же. Л. 240-а.

[5] Там же. Л. 179.

тьев, записанный в роту бельских немцев Т. Герна, просил записать его в роту Я. Вуда. Объяснял он свою просьбу тем, что с бельскими немцами «в Томосове роте Герна служить твоя государева служба невозможно: друзей и знакомова человека никово не имею, пристать не х кому»[1].

Старый московский кормовой иноземец Денис Голдереров просил перевести его из роты бельских немцев Т. Герна в роту П. Гамолтова или Д. Фанвисина. Причиной он называл то, что «язык у них («бельских немцев». – *О. С.*) шкотцкой и ирлянской, а я... языку их не разумею. А родители мои написаны в роте у Петра Гамелтова да у Дениса Фанвисина и служат с старыми иноземцы... чтоб мне... государева служба служить с родимцы с своими вместе»[2].

Правда, ссылка на незнание языка выглядит не очень убедительной: Д. Голдереров, судя по имеющимся спискам, служил в роте с «бельскими немцами», как минимум, с 1624 г. и вполне мог научиться понимать своих сослуживцев. В тоже время родственников иноземца, носящих ту же фамилию, в списках рот Гамолтова и Фанвисина обнаружить не удалось. Так что, вполне вероятно, истинные причины перехода Голдерерова в другую роту были иные.

Кормовой иноземец И. Вербицкий, служивший в роте П. Кремского, наоборот, просил зачислить его в роту Т. Герна, мотивируя это тем, что «порутчик Яков Ралинский со мною во брани и похволяетца на меня всякими делы». В Иноземском приказе факт того, что «ему в Прокофьиве роте Кремского порутчик Яков Галинской недруг, похвалился иво убить до смерти, и ему в той роте быть невозможно», сочли важной причиной, и просьба Вербицкого была выполнена[3].

Точно так же пошли навстречу и другим челобитчикам. До 1630 г. роты, в которых служили «немцы», были двух видов. Во-первых, были исключительно «немецкие» роты. К ним относились три подразделения: рота Гамолтова, рота Фанвисина и рота Шава – Герна. Во-вторых, были роты, в которых «немцы» служили вместе

[1] Там же. Л. 177.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 801. Л. 178.

[3] Там же. Л. 191-192.

с другими иноземцами. Поначалу это были роты Врославского-Барышевского и Кремского, а затем на недолгое время к ним прибавилась еще и рота Вуда. В 1630 г. «немцы» из смешанных рот были переведены в три «немецкие» роты и роту Вуда, а из последней были выведены все «не немцы». Таким образом, в 1630 «немецких» рот стало четыре.

Прежде чем перейти к рассмотрению персонального состава «немцев» в каждой из этих рот, следует отметить, что в отличие от списков предшествующих лет список 1630 г. представляет собой черновик с многочисленными вычеркиваниями, а сам столбец, в котором он находится, перебит. Судя по всему, список редактировался, как минимум, дважды. Все эти правки связаны с переводом иноземцев из одной роты в другую: по-видимому, вначале человека записывали в одну роту, а затем – в другую, первая же запись вычеркивалась. (Хотя вполне вероятно, что последовательность записей была иной.)

На первом этапе редактор аккуратно вычеркивал жирной горизонтальной линией фамилию, имя и отчество конкретного иноземца, и эти исправления не вызывают трудностей у исследователя. На втором этапе, скорее всего, другой редактор вычеркивал сразу по несколько записей вертикальной или слегка наклонной тонкой линией, частично угасшей в наши дни. Эти вычеркивания зачастую различаются с трудом; а в некоторых случаях (там, где по логике правки документа они должны быть) их невозможно обнаружить. Хотя, вполне возможно, что в этих случаях мы имеем дело просто с забывчивостью или небрежностью – редактор не вычеркнул необходимое.

В качестве примера можно привести записи о Филиппе Томасове сыне Бентове, который был записан сразу в три роты. В списке роты Гамолтова он вычеркнут жирной горизонтальной линией, в списке роты Герна – вычеркнут тонкой вертикальной линией вместе с иноземцами, чьи имена стоят выше и ниже его имени; в списке роты Вуда данные о его окладе, его имя без отчества и фамилия вписаны в самом конце листа другим почерком.

Рассмотрим теперь состав иноземских рот, участвовавших в обороне южного фронтира Московского государства в 20-х гг. XVII в.

Рота Петра Гамолтова

На протяжении 1625-1630 гг. этой ротой бессменно командовал выходец из Шотландии Петр Гамолтов (искаженное от «Гамильтон»). В списках это подразделение чаще всего именовалось так: «Немцы старого выезду Петровы роты Гамолтова». Само это название указывает на то, какие именно иноземцы входили в состав роты. Во-первых, это были «немцы»; а во-вторых, все они были «старого выезду». В 1625 г. в роте было 58 человек, включая самого командира. Все они относились к категории поместных иноземцев и владели поместьями в различных уездах Московского государства. Особенностью роты было отсутствие младших офицеров: кроме ротмистра Гамолтова, все остальные значатся как «рядовые» (именно так назван соответствующий раздел списка[1]). С 1626 г. в роте появляются поручик и прапорщик. Ими стали, соответственно, Антон Капитонов и Тимофей Бордовиков.

В 1629 г. в роту было включено 11 человек, относившихся по получаемому жалованью к другой категории иноземцев – к кормовым иноземцам. Это были также «немцы старого выезду», верстанные, как и их поместные товарищи, поместными и денежными окладами, но поместий они не имели, а получали «кормовые деньги». Соответствующий подраздел списка озаглавлен так: «Старого выезду кормовые немцы справлены в роту к поместным»[2]. К весне 1630 г. в роту Гамолтова были включены кормовые «немцы», служившие до этого в роте Врославского – Барышевского вместе с поляками и «литвой».

В это же время из роты выбыл поручик Антон Капитонов. Исходя из аналогичных случаев в других ротах, он или попросился в отставку в связи с возрастом и болезнями, или же умер. К сожалению, найти какие-либо документы, связанные с судьбой этого иноземца, не удалось.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 19. Ч. 1. Л. 43.

[2] Там же. № 1139. Л. 4.

Весной 1630 г. в Иноземском приказе был составлен список возможных кандидатов на вакантную должность. Основным критерием отбора были, по-видимому, размеры поместного и денежного оклада, поскольку в кандидаты попали шестеро рядовых роты, чьи оклады явно превышали средний уровень. Это были Арнт Арнтов, Яков Бартельман, Роман Вульф, Петр Мархов, Ильф Релант и Арист Фамендин. Надо полагать, что в годы Смуты они проявили себя на полях сражений, доказали свою лояльность, за что и были награждены повышениями (возможно, неоднократными) окладов. Об одном событии той эпохи, в котором приняли участие трое из шести кандидатов, мы знаем наверняка. Арнтов, Вульф и Мархов значатся в Осадном списке 1618 г. (так же, как и ротмистр П. Гамолтов и выбывший А. Капитонов) и были награждены за «московскую осадную службу» переводом поместных земель в вотчины[1]. К сожалению, пока не удалось установить, чем закончилась история с назначением нового поручика.

Рота Дениса Фанвисина

На протяжении всего рассматриваемого периода ротой командовал выходец из Лифляндии Денис Бернтов сын Фанвисин (Теннис фон Виссен)[2]. В анализируемых списках это подразделение чаще всего именовалось так: «Немцы старого выезду Денисовы роты Фанвисина». Таким образом, изначально рота Фанвисина по своему составу была абсолютно аналогична роте Гамолтова, причем изначально в нее также входили только поместные «немцы». В 1625 г. в роте было 54 человека, включая самого командира; поручиком был Роман Крюднер, а прапорщиком – Анц Свярк. Все остальные иноземцы значатся как «рядовые».

[1] ОС. С. 78, 114, 127.

[2] О его появлении в России см.: Опарина Т.А. Проблема источников депортаций ливонских пленников в Россию. // Балтийский вопрос в конце XV-XVI в. – М., 2010. С. 239-268.

На протяжении 2-й половины 20-х гг. XVII в. в составе роты произошел ряд изменений. Во-первых, произошла смена самого младшего офицера роты – прапорщика: с 1627 г. на место А. Свярка, который теперь стал рядовым, заступил Юрий Бенброк. Правда, по каким-то причинам, официально это было оформлено в следующем, 1628 г.

В этом году, 6 июня, находясь уже на службе в Украинном разряде, ротмистр Д. Фанвисин подал воеводе челобитную от имени всей роты («со всеми товарыщи»). В ней, в частности, говорилось: «Был у нас, холопей твоих, в роте прапорщик Анца Свярков шесть лет и ныне, государь, он, Анца, стал увечен и оскудал, и выбрали мы, хопи твои, в прапорщики немчина Юрья Бенброка. Милосердый государь царь и великий князь Михаило Федорович всеа Русии, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, по нашему челобитью и по выбору ево, Юрья, в прапорщики справить»[1].

Челобитная за подписью служилых людей роты была направлена в Иноземский приказ, и там было принято решение: «Велеть ему быть в прапорщиках».

Во-вторых, из 54-х человек, числившихся в роте по первому из известных нам списков, 49 иноземцев продолжали служить на протяжении всего рассматриваемого периода, а пятеро навсегда или на время выбыли из состава роты. С 1626 г. переходит в другую роту Любим Яковлев сын Фангильсин, а с 1629 г. – Михаил Кашпиров; в 1629 г. А. Свярк значится рядовым в другой роте, но в 1630 г. он – снова в роте Фанвисина; с 1629 г. не значится ни одном из ротных списков Алфер Франзбеков, а в 1630 г. исчезает из списков Матвей Букалтов. В-третьих, рота начинает пополняться другими иноземцами, правда, порой весьма ненадолго. Так, Якуб Ахтарлони и Ян Иванов сын Вуд (Вод) (оба – «бельские немцы») значатся в списке роты лишь в 1627 г., а Исаак Данилов сын Ильфов и Иван Семенов сын Франдергорст – только в 1629 г. В 1630 г., в связи с реорганизацией иноземских рот, в роту Фанвисина, так же как и в роту Гамолтова, были включены кормовые «немцы»,

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1020. Л. 116.

служившие до этого в роте Врославского – Барышевского вместе с поляками и «литвой».

Рота «бельских немцев» Я. Шава – Т. Герна

В списках это подразделение именовалось так: «Бельские немцы Яковлевы роты Ша», «Бельские немцы Яковлевские роты Ша», «Бельские немцы. Рота Томаса Герна», «Рота Томаса Герна». Основу роты составили остававшиеся на русской службе к окончанию Смуты «бельские немцы» ирландской и шотландской рот. Поскольку в конце 1618 г. роты еще не было, а в документе, составленном в феврале 1625 г., указывается, что в 1624 г. она была на службе в Украинном разряде, сформирована она была в промежутке между началом 1619 г. и летом 1624 г.

Слияние двух рот «бельских немцев» – ирландской и шотландской – в одну общую роту было вызвано, как представляется, двумя причинами. Во-первых, за пять с лишним лет, с момента перехода этих иноземцев на русскую службу и до окончания Смуты, их численность значительно сократилась. Причиной тому были и отъезды из России, и гибель, как в военных действиях, так и по другим причинам. В-вторых, за эти годы погибли капитаны – командиры рот. Сначала погиб капитан шотландской роты Вилим Грим, и на его место был назначен Андрей Мутр, бывший до этого в роте поручиком. Затем, в ходе отражения приступа у Арбатских ворот в ночь на 1 октября 1618 г. был смертельно ранен командир ирландской роты – капитан Томас Юстос. Поскольку в роте подходящих кандидатур, по-видимому, не оказалось, командиром был назначен шотландец капитан Яков Шав, который не входил в число «бельских немцев», а прибыл в Россию в составе отряда Астона – Фрейгера.

Весной 1619 г. неожиданно умер А. Мутр. О смерти шотландского капитана известно из челобитной его вдовы: «Был, государь, муж мой на твоей царской службе в Нижнем Новегороде с твоим государевым боярином со князем Борисом Михайловичем Лыко-

вым, и по твоему государеву указу, как велено быть к Москве твоему государеву боярину князю Борису Михайловичю Лыкову, и едучи, государь, к Москве, мужа моего Ондрея на дороге не стало нынешняго 127-го году на Вербное воскресенье»[1].

В 1625 г. в роте было 55 человек, включая самого командира, однако собственно «бельских немцев» там было только 43 человека. 11 человек к ним не имели никакого отношения и, по-видимому, были включены в роту или в момент формирования единой роты из остатков шотландской и ирландской рот, или же вскоре после этого (капитан Я. Шав, как уже говорилось, возглавил ирландцев еще до образования единой роты).

Таким образом, название роты «бельские немцы» уже в 1625 г. было весьма условным. С течением времени доля собственно «бельских немцев» неуклонно сокращалась, в том числе и за счет перехода в другие иноземские роты, а число иных «немцев», включавшихся в роту, росло. В 1630 г. рота пополнилась «немцами» из смешанных рот Врославского – Барышевского и Кремского.

Рота Г. Врославского – М. Барышевского

Название, которое используется в данном тексте для этого подразделения – условное, потому что Г. Врославский, хотя и назван ротмистром в 1625 г., рота по списку этого года, вопреки традициям, не называлась его именем. В следующем же году он даже не был в списке назван ротмистром. Это была смешанная по этническому составу рота, и помимо поляков и «литвы» (а также единичных представителей других «земель») в нее входила большая группа «немцев», по свой численности в два раза превосходившая любую из «немецких» рот до 1630 г. Вся рота в 1625 и 1626 гг. называлась «Старого выезду кормовые иноземцы», а рубрика, под которой был помещен список западноевропейцев, – «Немцы кормовые ж» (1625 г.) и «Немцы» (1626 г.). Таким образом, изначально «немецкая» часть роты состояла из западноевропейцев «старого выезду», но, в отли-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы приказного стола. № 1. Л. 6.

чие от рот Гамолтова и Фанвисина, все они были не поместными, а кормовыми. Судя по фамилиям (хотя этот критерий весьма относителен), среди «немцев» этой роты преобладали германцы.

«Немецкая» часть роты просуществовала до 1630 г. и до этого была весьма стабильна, хотя небольшие изменения, естественно, происходили, а в целом в 1625-1627 гг. наблюдается медленное небольшое сокращение численности западноевропейцев в роте. В списке 1629 г. количество «немцев» сокращается сразу более чем на два десятка – главным образом, за счет переводов в роту Гамолтова и, в меньшей степени, Фанвисина. В 1630 г. «немецкая» часть была полностью ликвидирована, а сами иноземцы были переведены в две упомянутые «немецкие роты», в «немецкую» роту Шава – Герна и в ставшую «немецкой» роту Вуда.

Рота П. Кремского

Рота Прокофия Кремского была сформирована в 1627 г. и в списке этого года называлась так: «Иноземцы ж нововыезжие, которым дают поденной корм и на лошеди их в зимнее время конской корм из Большово Приходу, Прокофьевы роты Кремского». После фамилии ротмистра список роты разделен на две части: «Его роты таварыщи греченя и поляки» (где среди «гречен» есть и «сербяне», и «волошане», и «мутяне») и «Немцы». В списке 1629 г. рота названа несколько иначе: «Нового выезду кормовые иноземцы, которым дают поденной корм из Большово Приходу и в зимнее время на лошеди их конской корм помесечно, а быти им в нынешнем во 137-м году в другой ж половине». Рота Прокофья Кремского – поляки, литва и немцы. После перечисления трех офицеров список имеет также две рубрики «Их роты поляки и литва» и «Немцы». Сама рота была небольшой по численности, и количество «немцев» в ней было невелико – всего 17 человек. В списке 1629 г. их число уменьшается почти вдвое (9 человек) за счет переводов в роты Шава – Герна и Вуда. В 1630 г. оставшиеся «немцы» также переводятся в эти роты, и «немецкая» часть роты Кремского перестает существовать.

Рота Я. Вуда

Эта рота – из числа тех, в которых служили «немцы» – была сформирована самой последней – в 1628 г. Возглавил ее «бельский немчин» Ян Вуд. В списке этого года, после трех офицеров (которые все были «немцами») имеются две рубрики – «Их роты товарыщи. Греченя и сербяня и волошаня» и «Немцы». «Немецкая часть роты» была сформирована, главным образом, за счет «выходцев» 1618 г. из армии Владислава и других немцев; все они до 1627 г. ни в одной из рот не числились. И лишь несколько человек были переведены из других рот. В 1630 г. из роты были выведены все не «немцы», и подразделение стало полностью «немецким». «Немецкий» же состав роты принципиально не изменился, хотя и сократился с 57 до 55 человек.

Однако формирование роты продолжалось и после составления списка. К 1630 г. (месяц неизвестен) относится запись следующего содержания: «Яновы роты Вуда нового выезду кормовых 68 человек. Старого выезду тульских жилетцких 24 человеки. Обоего Яновы роты Вуда 92 человеки»[1]. Таким образом, цель, которую ставили организаторы изменений в ротах – довести их численность до 100 человек – была почти достигнута. Из этой записи также явствует, что к «ветеранам» роты добавили 24 иноземца, служивших до этого в Туле, а также «немцев нового выезду», которых должно было быть 13 человек.

Каждая рота иноземцев, из числа проходивших службу в Украинном разряде, имела свое знамя. Сведения о том, что представляли собой ротные знамена, содержатся в документах, связанных с их изготовлением. Прежде всего, командир роты обращался с челобитной (от своего имени или от имени все роты) в Иноземский приказ с просьбой изготовить знамя. Самый ранний из разысканных нами таких документов относится к лету 1626 г., когда ротмистр Прокофий Кремский, командовавший ротой поляков и «немцев», обратился с просьбой выдать тафту на знамя, а

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 801. Л. 163.

само изготовление поручить шатерному мастеру Янушу Иноземцу. Судя по словам «и по твоему государеву указу велено мне, холопу твоему, на знаме выбрать тафты, какова в знамя пригодитца», этой челобитной, возможно, предшествовала еще одна, в которой ротмистр просил об изготовлении знамени и разрешении выбрать ткань для него. Видимо, ознакомившись с ассортиментом Казенного Двора, он обратился в Иноземский приказ уже с конкретной просьбой «дать тафты черной да белой» и указал размеры будущего знамени: «чтоб... знамя было в длина пол-четверта аршина да ширина пол-третья аршина».[1]

22 июля 1626 г. на челобитную была наложена резолюция: «Послать память на Казенной Двор, велеть ему знамя зделать, как укажет Прокофей Кремской», а 23 июля руководителям этого приказа дьякам Г. Облезову и Б. Милованову была отправлена память с распоряжением «зделать нововыезжим иноземцом ротмистру Прокофью Кремскому знамя в тафтах розными цветы, а как делать знамя, он, Прокофей, укажет». Кроме того, предписывалось «покром велеть дать к тому знамени на чемодан»[2] (т.е. выдать еще и кусок сукна в качестве чехла). Правда, сохранился черновик еще одной памяти в Казенный приказ от июля (число пропущено) того же года, о присылке в Иноземский приказ тафты на знамя П. Кремскому. Согласно этому документу выдать надлежало по одному аршину тафты трех цветов – красного, зеленого и черного.[3]

Формирование новых рот сразу ставило на повестку вопрос об изготовлении нового знамени. Именно так произошло весной 1628 г., когда помимо уже имевшихся семи иноземских рот была создана еще одна под командованием Яна Вуда, в которую вошли «греченя» и «немцы».[4] Не позднее 23 апреля с челобитной в Иноземский приказ обратились ротмистр Ян Вуд «с товарыщи»: «Ве-

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1020. Л. 166.

[2] Там же. Л. 166-об.-167.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1020. Л. 256-об.

[4] Там же. № 903. Л. 407-408; Скобелкин О.В. Служба иноземцев в Украинном разряде в 20-х гг. XVII века. // Иноземцы в России в XV-XVII веках: Сборник материалов конференций 2002-2004 гг. – М., 2006. С. 298.

лено нам быть на... службе на Туле, а знамени у нас в роте нет, потому что у нас рота и люди новые... Вели, государь, нам о том свой царьской указ учинить и вели, государь, нам в роту дать знаме»[1].

Как явствует из пометы на этой челобитной, глава Иноземского приказа боярин кн. И.Б. Черкасский приказал направить распоряжение в Казенный приказ об изготовлении знамени. Поскольку, по-видимому, в Казенном приказе не знали, какие должны быть знамена у иноземцев, в памяти на имя дьяков Г. Облезова и Б. Милованова указывалось, чтобы знамя делали «в тафтах розными цветы». Правда, большего о знаменах своих подчиненных не знали, судя по всему, и руководители Иноземского приказа, – Я. Вуд должен был сам разъяснить на месте, каким должно быть знамя («а как делать знамя он, Ян, укажет»). Кроме того, для знамени должны были выдать кусок сукна в качестве чехла («на чемодан»).[2]

О цветах тафты, которая использовалась при изготовлении знамен, имеются сведения в черновике памяти из Иноземского приказа в Казенный приказ от 30 мая 1630 г., в связи с необходимостью сделать знамя для роты поляков и литвы П. Кремского. В документе указывается, что знамя следует изготовить так же, как делали для других рот («против иных знамян, каковы деланы знамяны в ыные роты помесным иноземцом»), – «в тафтех розных цветов, черленой да белой цвет».[3] Таким образом, в Иноземском приказе к этому времени уже представляли расцветку будущего знамени, однако, судя по одной из приписок к тексту памяти, командир роты, как и его «коллега» за два года до этого, должен был сам объяснять на Казенном дворе остальные детали. При смене командира роты, новый ротмистр получал вместе со списком личного состава и ротное знамя.[4]

Весной 1630 г. произошло еще одно важное изменение в службе западноевропейцев. В этом году было решено всех «немцев», не зависимо от того, были ли они в предшествующем году в Украинном разряде или не были, на «тульскую службу» не посылать[1]. Вместо этого всех «немцев» вызвали в Москву, чтобы «быти им в ратном ученье у полковников»[2]. По городам воеводам были разосланы грамоты с требованием составить списки всех немцев, живущих в соответствующем уезде, и эти списки, а также самих иноземцев выслать в Москву. По приезде иноземцы должны были явиться в Иноземский приказ и «записать» там свой приезд. Судя по всему, власти решили провести для западноевропейцев, давно уже находившихся на русской службе, нечто вроде курсов повышения квалификации, а обучение должны были проводить только что прибывшие в Россию военные специалисты. Это явно было одно из мероприятий в рамках подготовки российских вооруженных сил к Смоленской войне.

Кроме того, осенью 1630 г. было проведено еще одно мероприятие для всех иноземцев московского списка, числившихся в ротах, – разбор. Так, 5 сентября 1630 г. была послана, в частности, грамота в Тулу о высылке иноземцев с тульской службы в Москву: «Указали есмя иноземцов старого и нового выезду помесных и кормовых грек и волошан, и сербян, и немец, и литву розных государьств розобрати против городовых дворян». Судя по тому, что грамота о высылке тех иноземцев, которые были на службе в Туле, исходила из Иноземского приказа, разбор должен был проводить именно этот приказ[3].

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 903. Л. 471.
[2] Там же. С. 471-об.-472.
[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 801. Л. 222.
[4] Там же. Л. 240-а.

[1] Там же. Л. 8.
[2] Там же. Л. 147.
[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 855. Л. 27.

4.6. Государственно-церковное взаимодействие в условиях фронтира

Государство и Церковь в зоне южнорусского фронтира. История изучения

Традиционно большой интерес представляют вопросы, связанные с деятельностью Русской церкви в качестве организации, отвечающей за состояние мировоззрения общества в XVI, а особенно в XVII в. С этой точки зрения, Юг России как зона форнтира является уникальной территорией. Здесь переплелись: необходимость противостояния католическо-униатской экспансии с Запада, постоянная опасность с мусульманского Юга, особенности распространения православия на новые земли, на которых, в отличие от Сибири или Севера, практически не было коренного населения. Понятие «Юг России» можно ограничить Окой на севере и территорией Белгородского разряда XVII в. на юге, поскольку в XVIII в. фактор непосредственной военно-хозяйственной колонизации территории перестал играть ведущую роль в развитии южной окраины России. На первое место вышли явления геополитического порядка – завоевание Крыма и борьба с Османской империей, и рассматриваемая территория из фронтирной зоны превращается в один из внутренних районов государства.

На фоне менявшихся внешне- и внутриполитических условий в рассматриваемом регионе можно проследить наличие тенденции к огосударствлению Русской Церкви, поскольку на осваиваемых землях позиции государства были сильнее, чем в других районах страны, где было развито церковное и монастырское землевладение. Прежде чем приступить к изучению перечисленных вопросов, необходимо выяснить, насколько они рассмотрены в исторической литературе. Нельзя сказать, что проблема государственно-церковных отношений обойдена вниманием историков. Однако исследования по этой тематике в значительной степени испытали на себе влияние конъюнктуры. В дореволюционной

России изучение истории церкви во многом носило апологетический характер[1]. Помимо перечисленных работ, которые имеют общий характер, среди дореволюционной литературы имеются исследования, посвященные вопросам экономического положения духовенства и церковно-монастырскому землевладению[2]. Все перечисленные исследования базируются на изучении житийной литературы, летописей, различного рода митрополичьих и великокняжеских грамот (жалованных и уставных). Вместе с тем, в исследованиях XIX в. была заложена традиция изучения писцовых книг и актового материала. Однако можно утверждать, что для изучения государственно-церковных отношений XVI-XVIII вв. сведения писцовых книг и актовых источников использованы недостаточно. В еще большей степени последнее замечание относится к материалам приказного делопроизводства. При этом следует отметить, что приказные архивы, связанные с Югом России и относящиеся к XVI в., весьма немногочисленны, но применительно к XVII столетию ситуация меняется в лучшую сторону.

После 1917 г., когда атеизм утвердился в качестве компонента официальной идеологии, непременным признаком исторических трудов церковной тематики стало отрицание возможности позитивного влияния религии и церкви на общество, обличение всевозможных недостатков и показ консервативной роли церкви. Среди работ, относящихся к данному направлению, можно выделить явно антицерковные, написанные с позиций «воинствующего атеизма». Их откровенной тенденциозности не скрывали сами авторы. В качестве примера можно привести следующие высказывания: «церковный алтарь и церковная кафедра – легальная трибуна контрреволюции» или «еще не добит главнейший идеолог власти помещиков и капиталистов – церковь»[3].

[1] См. например: *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. В 8 т. –М.,1996; Знаменский П.В. История русской церкви. – М.,1996; Царевский А.А. Значение православия в жизни и исторической судьбе России. – Л., 1991; и др.

[2] *Горчаков М.И.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода (988-1738 гг.). – СПб., 1871.

[3] *Дмитриев А.* Церковь и идея самодержавия в России. – М., 1930. С. 3.

В дальнейшем исторические труды уже не содержали столь резких выражений, но их общая антицерковная направленность сохранялась[1]. Даже в исследованиях, не носивших откровенно тенденциозный характер, в той или иной степени ощущается влияние идеологических установок[2]. Можно заметить, что давление идеологического пресса практически не отражалось на работах, посвященных вопросам социально-экономической истории монастырского крестьянства и хозяйства[3].

Оба упомянутых подхода в силу своей тенденциозности не позволили получить достоверные результаты, что не дает оснований для заключения об исследованности данной проблемы. Невысокий уровень работ и необходимость дальнейшего серьезного изучения истории Русской Православной Церкви отмечалась авторитетными советскими историками в связи с празднованием тысячелетия крещения Руси[4].

От недостатков упомянутых подходов избавлены работы историков русской церкви, вышедших из среды русской эмиграции и работавших за рубежом. Наибольшее значение имеют труды А.В. Карташева[5] и И.К. Смолича[6]. Однако, в силу того, что они писались в 40-50-е гг. XX в., их авторы могли использовать только опубликованные источники, а это не позволило им с достаточной

[1] См. например: *Никольский Н.М.* История русской церкви. – Минск, 1990; Дмитриев А.Д. Инквизиция в России. – М., 1937; Грекулов Е.Ф. Православная церковь – враг просвещения. – М.,1962; Будовниц И.У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XVI-XVI веках. – М., 1966; Церковь в истории России (IX – 1917 г.). – М., 1967; Религия и церковь в истории России. – М., 1975; Варичев Е.С. Православная церковь. – М., 1982; и др.

[2] См.: *Сахаров А.М.* Религия и церковь. // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 2. – М., 1977. С. 76-111; Шульгин В.С. Религия и церковь. // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 2. – М., 1979. С. 288-312.

[3] См. например: *Сахаров А.Н.* Русская деревня по материалам патриаршего хозяйства. – М., 1966; Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. – М., 1977; Вдовина Л.Н. Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. – М., 1988.

[4] *Кучкин В.А., Флоря Б.Н.* О профессиональном уровне книг по истории русской церкви. // ВИ. 1988. № 11. С. 144-156.

[5] *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. В 2-х т. (Репринт.). – М., 1991.

[6] *Смолич И.К.* Русское монашество. Жизнь и учение старцев. – М., 1997.

полнотой осветить все проблемы государственно-церковных отношений.

Современная отечественная историография представлена несколькими работами общего характера. При этом опубликовано немало учебных пособий данной тематики. Вместе с тем нельзя утверждать, что излагаемые в пособиях вопросы в достаточной степени раскрыты в научной литературе[1]. Попытка осмыслить проблемы истории Русской церкви и ее взаимоотношений с государством наталкивается на недостаток фактического материала. Порой в современных исторических сочинениях вновь рассматриваются сюжеты, ставшие объектами изучения еще в XIX столетии[2].

Подводя итог вышеизложенному, можно констатировать, что проблема церковной истории и государственно-церковных отношений в зоне фронтира изучена недостаточно, но суждения, высказанные в исторической литературе, позволяют определить основные направления дальнейших исследований.

Клерикальные историки выделяли шесть периодов в дореволюционной истории Русской церкви: 1) Киевский, или домонгольский, 2) Московский, до разделения русской митрополии в 1469 г., 3) Московский, до учреждения патриаршества, 4) История русской Юго-Западной церкви, от разделения до Брестской унии 1596 г., 5) Патриарший и 6) Синодальный. Точность такой периодизации оспорил Е.Е. Голубинский, считавший, что «...отделение в особую от Московской митрополии Киевской или юго-западной Руси не имело для первой ни малейшего внутреннего значения, а учреждение патриаршества, состоявшее только в переименовании высшего предстоятеля Русской Церкви из митрополита в патриарха не произвело ни малейшей перемены в жизни и быте церкви». Кроме того, Русская церковь, по словам этого историка, перестала зависеть от Константинополя задолго до учреждения патриаршества в

[1] См. например: *Полосин В.С.* Русская Православная Церковь и государство. – М., 1993; Бакаев Ю.Н. История государственно-церковных отношений в России. – Хабаровск, 1994; Грядовой Д.И. Православие. – М., 1996; Джораева С.В. Государственно-церковные отношения в России. Дисс. ... канд. филос. наук. – М., 1997; Левченко И.В. Русская православная церковь и государство. – Иркутск, 1997.

[2] См. напр.: *Скрынников Р.Г.* Крест и корона. – СПб., 2000.

России. По мнению Е.Е. Голубинского правильнее делить церковную историю по аналогии с периодизацией истории гражданской, т.е. на три периода: киевский, московский и петербургский[1]. Формалистическая слабость канонического критерия при периодизации церковной истории была отмечена и другими историками[2].

Изучение истории церкви строго в соответствии с данной периодизацией не всегда оправдано. Дело в том, что процессы, связанные с централизацией, протекали в отдельных районах Российского царства по-разному. Можно предположить, что имелась и своя специфика во взаимоотношениях государства и церкви в отдельных областях страны.

И.К. Смолич, изучая историю русского монашества, разделил территорию Российского государства XVI-XVII вв. на шесть регионов, выбрав в качестве основного критерия колонизацию. Первый район – «Центр Московского государства», второй – «Русский Север», третий – Юг (описанный историком географически, но не получивший названия), четвертый – «Западные районы», пятый – «Понизовье» и шестой район – «Урал и Сибирь». Нужно подчеркнуть, что И.К. Смолич выделил особенности именно монастырской колонизации перечисленных регионов[3].

Уместно предположить, что свои особенности имело не только развитие монастырей в указанных районах, но и в целом государственно-церковные отношения. Специфику последним придавали те условия, в которых разворачивался колонизационный процесс. В этой связи заслуживают внимания работы, не связанные непосредственно с историей Русской церкви или с государственно-церковными отношениями, а посвященные колонизации южных лесостепных пространств Российским царством в XVI-XVII вв.[4]

[1] *Голубинский Е.Е.* История Русской Церкви. Т. II. Ч. 1. – М., 1900. С. VI-VII.

[2] *Карташев А.В.* Указ. соч. Т. I. С.139-140.

[3] *Смолич И.К.* Указ. соч. С. 116-127.

[4] *Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. – М., 1887; Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1 – М., 1894.; Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства. – Воронеж, 1991; Слюсарский А.Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII-XVIII вв. – Харьков, 1964.

В них приводятся сведения, важные для понимания специфики государственно-церковных отношений на Юге России.

В качестве примера можно попытаться проанализировать две монографии, принадлежащие перу видных историков Юга России конца XIX в. – И.Н. Миклашевскому и Д.И. Багалею[1]. Сочинение первого посвящено изучению процесса возникновения и развития землевладения и земледелия на южной окраине России в XVII столетии. Автор широко использовал известные ему строельные, дозорные и писцовые книги, а также другие материалы приказного делопроизводства. И.Н. Миклашевкий основное внимание обращал на хозяйственные вопросы, т.к. был экономистом по образованию. Данное обстоятельство отмечено самим исследователем[2]. Но, тем не менее, при характеристике изучаемой территории приводятся сведения, раскрывающие отдельные стороны государственно-церковных отношений на Юге России.Так, при анализе государева указа 1599 г. об основании Валуйки, указывается на примечательный факт: воевода Мосальский должен был взять с собой «церковное строенье»: иконы, ризы, церковную утварь, колокола, богослужебные книги и даже пшеничную муку для выпечки просфор[3].

Изучая писцовые книги первой четверти XVII в., И.Н. Миклашевский заметил, что соборная церковь обычно располагалась внутри детинца и описывалась гораздо подробнее, чем другие городские храмы. При описании соборных церквей указывалось число и ряд икон, утварь, книги, колокола и т.д. весьма подробно. Далее после описания города следовало описание острога и посада. Острог и посад обычно состояли из слобод. Примечательно, что после описания укреплений острога следовало описание слобод, начинавшееся с описания церкви и дворов причта, а затем следовал поименный перечень дворов и дворовых мест[4].

На основе этого наблюдения можно сделать заключение о системообразующей роли церкви в заселении и застройке городов на

[1] *Миклашевский И.Н.* Указ. соч.; *Багалей Д.И.* Очерки...

[2] *Миклашевский И.Н.* Указ. соч. С. 1.

[3] *Миклашевский И.Н.* Указ. соч. С. 25.

[4] *Миклашевский И.Н.* Указ. соч. С. 58.

южной окраине России. Описание сел в уездах также начинается с краткой характеристики их церквей, дворов и земель причта. Вместе с тем, И.Н. Миклашевский обратил внимание на особенности этого описания: подробного перечня имущества сельских церквей, в отличие от городских, не приводится[1]. Кроме того, в монографии достаточно подробно изучены сохранившиеся дозорные, писцовые и переписные книги. В том числе копия писцовой книги Белгорода и его уезда 1626 г. Гораздо меньше сведений о церковной организации в г. Осколе. По словам И.Н. Миклашевского, на основании дозорной книги этого города, можно только предполагать наличие соборной церкви в крепости[2]. Возможно, такая лаконичность источника связана с разорением Оскола в Смутное время.

Монография Д.И. Багалея посвящена изучению российской государственной колонизации Юга России в XVI-XVII столетиях, а также анализу черкасской колонизации указанного региона. При раскрытии темы автор широко использовал не только опубликованные источники, но и приказные документы, которые он выявил в Московском архиве Министерства юстиции (ныне его фонды хранятся в РГАДА. – *А. П.*), в харьковских архивах, а также в собраниях частных лиц. Свои находки историк опубликовал в двухтомном сборнике[3]. В труде Д.И. Багалея, по сравнению с работой И.Н. Миклашевского, меньше внимания уделяется писцовым книгам. Тем не менее, в рассматриваемой работе содержится довольно много сведений, раскрывающих отдельные аспекты взаимоотношений государства и Русской Православной Церкви в ходе колонизации Юга страны.

Д.И. Багалей отметил тот факт, что храмы на Юге России нередко возникали одновременно с основанием городов. Он указал на случаи постройки вместе с крепостью не одной церкви, а сразу двух, приведя в качестве примера возведение Царева-Борисова.

[1] *Миклашевский И.Н.* Указ. соч. С. 60.

[2] *Миклашевский И.Н.* Указ. соч. С. 84.

[3] *Багалей Д.И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI-XVII столетии, собранные в разных архивах и редактированные Д.И. Багалеем. Т. I-II. – Харьков, 1886-1890.

Этот исследователь остановился также на возникновении монастырей в приграничном районе. Он отметил тесную связь монастырского землевладения с их колонизаторской деятельностью. Тем не менее, основной причиной появления монастырей в неспокойной пограничной зоне исследователь считал сильное религиозное чувство тогдашнего русского человека. По мнению Д.И. Багалея, в связи с опасностью неприятельских погромов, положение большинства монастырей на первых порах было довольно тяжелым[1]. Кроме того, отмечено размещение монастырей как в городах, так и в уездах. Изучение жалованных монастырских грамот привело исследователя к заключению, что монастыри в первой половине XVII в. еще не покупали крестьян, а призывали к себе вольных людей. Кроме того, Д.И. Багалей считал монастыри того времени приютом для раненых, больных и бездомных, поэтому они должны были получать определенную помощь от общества[2].

Исследователь обратил внимание на взаимоотношения «южнорусских» монастырей (находившихся на территории Великого княжества Литовского, а с 1569 г. – Речи Посполитой) и Российского государства. В первой половине XVI в. Киево-Печерская лавра собирала дань с монастырей, находившихся в Северской земле, которая с начала упомянутого столетия вошла в состав княжества всея Руси. Во время Ливонской войны Киев перестал получать доходы с монастырей, располагавшихся на российской территории. В 1583 г. посланцы архимандрита Киево-Печерской лавры появились в Москве с просьбой о выдаче в их монастырь той милостыни, которая ранее поступала из северских монастырей. В Москве заявляли, что это дело давнее, книги со сведениями по этому вопросу сгорели во время пожара, поэтому необходимо получить информацию из самих монастырей, а пока государь дает на нужды лавры 40 руб. По мнению Д.И. Багалея, это был первый документально зафиксированный факт, относящийся к взаимоотношениям Российского царства с монахами южнорусских монастырей[3].

[1] *Багалей Д.И.* Очерки... С. 116-117.

[2] *Багалей Д.И.* Очерки... С. 119-120.

[3] *Багалей Д.И.* Очерки... С. 162-163.

Описанные выше взаимоотношения являются проявлением специфики южнорусского фронтира, поскольку к неустойчивости границ здесь добавлялся фактор порубежного, фронтирного взаимодействия соседствующих государств. В дальнейшем взаимодействие православного монашества Речи Посполитой с российскими властями получает несколько иной характер. После Смуты появляется новая тенденция – не только обращение за материальной помощью в Москву, но и переселение в Россию[1]. Переселение было достаточно широкомасштабным и имело определенную предварительную подготовку, что тоже является ярким проявлением ситуации фронтира, но уже в несколько иной форме.

Исследователь вновь обратился к деятельности монастырей, рассматривая время царствования Алексея Михайловича[2]. В этот период монастыри приобретают достаточно большие вотчины и развивают активную хозяйственную деятельность. Это было связано с ростом безопасности региона после начала строительства Белгородской черты. Таким образом, монастыри Юга России во второй половине XVII в. получили возможность для активного развития своего хозяйства.

Вместе с тем, можно предположить, что в случае столкновения интересов монастырской или церковной колонизации с задачами правительственной колонизации, государство шло на ущемление интересов Церкви. Так, в 1654 г. священники белгородских церквей жаловались на захват переехавшими из Речи Посполитой черкасами своих владений по р. Лопань и Харьков. Учитывая дальнейшую судьбу упомянутых черкас, Д.И. Багалей предположил окончание спора в их пользу. В 1656 г. Мохначевский юрт, принадлежавший с 1616 г. белгородской соборной церкви Живоначальной Троицы, числился уже за нововыезжими черкасами. Город Волчанск, к примеру, был основан на землях Белгородского Никольского монастыря. И если с постройкой крепости архимандрит Кирилл смирился, то освоение жителями Волчанска окрестных земель вызвало его

[1] См.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. III. – СПб., 1861.

[2] *Багалей Д.И.* Очерки... С. 360-367.

активный протест. Разгорелся длительный спор, разрешившийся в конце концов в пользу волчанчев[1].

Д.И. Багалей также попытался проследить историю отдельных, наиболее примечательных монастырей. Несколько страниц его монографии посвящены Святогорскому монастырю[2], который в первой половине XVII в. был самым южным русским поселением в степи. Исследователь отметил, что первые упоминания о Святых горах (как о географическом объекте) относится к первой половине XVI в. В доказательство он привел рассказ С. Гербенштейна и ряд других свидетельств. Установить точную дату основания этого монастыря Д.И. Багалей не смог, но при этом высказал очень любопытную догадку по поводу его возможных строителей: Святогорский монастырь мог появиться в результате деятельности либо московских, либо южнорусских (вышедших из Польши) монахов. Второе предположение историку представлялось более вероятным. Первое же достоверное свидетельство о Святогорском монастыре Д.И. Багалей относил к 1624 г., когда ему была выдана государева грамота на получение 12 четвертей овса и 12 четвертей хлеба ежегодной руги в Белгороде. На основании косвенных данных, историк сделал вывод о наличии в монастыре укреплений и артиллерии. Более достоверные сведения имеются о расположении в Святых горах постоянного военного отряда. Службу здесь несли белгородские и чугуевские служилые люди, чередуясь с валуйчанами. Сами монахи также сообщали воеводам окраинных городов о передвижении татар по степи. Монастырь неоднократно страдал от крымцев.

Святогорский монастырь получил от правительства значительные земельные владения. Эти пожалования располагались по обоим берегам Северского Донца, от устья р. Оскола до устья р. Жеребца и Бахмута. Первоначально упомянутые территории не имели крестьянского населения и сдавались монастырем в аренду как промысловые угодья. Кроме того, выше монастыря находился перевоз через Северский Донец, которым пользовались при сле-

[1] *Багалей Д.И.* Очерки... С. 425-435.

[2] *Багалей Д.И.* Очерки... С. 510-514.

довании на Торские соляные озера. С него иноки получали значительный доход, но в 1664 г., после постройки г. Маяков, этот перевоз был отдан жителям города.

Достаточное внимание уделено Дивногорскому монастырю[1]. Отмечено его важное военно-стратегическое значение. Подобно Святогорскому, Дивногорский монастырь находился за Белгородской чертой (ниже впадения Тихой Сосны в Дон) и некоторое время был передовым укрепленным поселением в Поле. Опасность со стороны татар побудила российское правительство построить здесь укрепления. В 1652 г. на Дивных горах возвели острог и поселили в нем черкас. Тем не менее, по мысли Д.И. Багалея, монастырь так сильно страдал от татар, что его насельники в 1674 г. покинули обитель и выстроили ее на новом месте, на Девичьем городище у р. Псла, между Суджей и Миропольем. Сведения об этом содержатся в челобитной иеромонахов Феодосия, Лаврентия, Кесария, Палева и старца Никодима, в 1672 г. просивших царя Алексея Михайловича дать им в новую обитель ризы, богослужебные книги и другую церковную утварь. Вместе с тем, через некоторое время часть братии вернулась на Дивные горы и возобновила монастырь. Основываясь на именовании в документах XVII столетия этого монастыря Острогожским Дивногорским, Д.И. Багалей связывал его основание с деятельностью черкас и датировал 1650-1651 гг. (почти одновременно с постройкой Острогожска).

Косвенным подтверждением высказанной гипотезы может служить указание на еще один черкасский монастырь – Шатрищегорский. Название он получил от соседней горы, имевшей соответствующую форму. Находился Шатрищегорский монастырь несколько южнее Дивногорского. Он имел деревянные постройки, а также храм и пять келий, вырубленных в меловой горе. Кроме того, известно, что острогожский полковник Иван Дзинковский в 1663 г. основал Острогожский женский монастырь.

Таким образом, монография И.Н. Миклашевскго, посвященная изучению хозяйственного развития Юга России XVII столе-

[1] *Багалей Д.И.* Очерки... С. 515-523.

тия, и работа Д.И. Багалея, освещающая процесс колонизации того же региона, содержат значительное количество сведений о церковной организации на польской окраине Российского царства и являются основой для дальнейшего изучения положения церкви в пограничном (фронтирном) районе.

Церковь на Польской окраине России в XVI столетии

Узел противоречий в рассматриваемом регионе завязался в начале XVI в., после того, как Северские земли, принадлежавшие Великому княжеству Литовскому, вошли в состав Руси[1], и, начиная с 1507 г., владения князя всея Руси стали подвергаться постоянным нападениям крымских татар.

В Днепро-Донской лесостепи пролегали татарские дороги (сакмы или шляхи), огибавшие лесные массивы и крупные реки. Путь прокладывался, как правило, по водоразделам. Дело в том, что на высоких участках степи весной снег сходил раньше, земля здесь высыхала скорее, и быстрее появлялась трава, необходимая для татарских лошадей.

В XVI столетии интересы России на южной окраине определялись не хозяйственными, а стратегическими соображениями. Весь XVI в. прошел под знаменем освоением русским земледельческим населением территорий южнее Оки. Это движение воспринималось как возвращение на собственные земли, которые русские крестьяне были вынуждены покинуть в результате монголо-та-

[1] В результате первой русско-литовской войны XVI в. практически все Чернигово-Северские земли перешли во владение князя всея Руси. В том числе и города с прилегающей округой, находившиеся в рассматриваемом регионе, а именно: Чернигов, Путивль, Рыльск и Новгород-Северский. Попытка Великого княжества Литовского вернуть утраченное в 1507-1508 гг. не увенчалась успехом, и, по условиям «вечного мира», подписанного 8 октября 1508 г., Литва признала все завоевания Ивана III. Не изменилась ситуация и после третьей (1512-1522 гг.) и четвертой (1534-1537 гг.) русско-литовских войн XVI в. (См.: Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах и фактах. Вып. 2. Кн. 1. – М., 1995. С. 363-379; Любавский М.К. Указ. соч. С. 248-249; Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 18).

тарского нашествия[1]. Колонизация выливалась в борьбу княжества всея Руси – Российского царства, провозгласившего себя преемником Киевской Руси, с Крымским ханством, считавшим себя преемником Золотой Орды, впрочем, не заявлявшим об этом открыто[2]. Правительственная стратегия состояла в сооружении новых оборонительных рубежей и строительстве крепостей, защищавших земледельческое население. Таким образом, колонизация южных окраин приобрела характер не только народный, но и государственный. Это тем более важно, если учесть то обстоятельство, что плодородный, но тяжелый чернозем трудно было «поднять» сохой, которой традиционно пахали русские земледельцы, привыкшие обрабатывать более легкие серые лесные почвы.

Грунт лесной полосы отличается маломощной дерниной и непрочной структурой. Поэтому основными агротехническими требованиями при его обработке является не столько подрезывание и оборачивание пласта (что делает плуг), сколько его рыхление и перемешивание. Этим условиям более всего соответствует соха[3]. Тем не менее, именно двузубая деревянная соха с железными сошниками в конце XVI в. оставалась основным сельскохозяйственным орудием не только в лесном центре, но в южной лесостепи.

[1] О домонгольских поселениях в Днепро-Донской лесостепи см., напр.: Дьяченко А.Г. Древнерусский город на р. Корень. // Материалы международной научно-практической конференции «Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура». – Белгород, 1998. С. 19-22; Винников А.З., Кудрявцева Е.Ю. Городище Холки на юго-восточной окраине Древнерусского государства. // Вопросы истории славян. Археология. Этнография. Вып. 12. – Воронеж, 1998. С. 50-71; Тропин Н.А. Елецкая земля в XII-XV вв. – Елец, 1999. С. 54-88.

[2] См.: *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 41. Изначально крымско-русские отношения строились как равноправные. Однако вхождение в состав Русского государства земель и мелких княжеств – прежних данников Крыма возложило на князя всея Руси обязанность выплаты «взимков» с этих территорий в пользу Крымского ханства. Вместе с тем, довольно быстро, сами крымцы начинают отказываться от употребления терминологии, выражающей данническую зависимость Руси (подробнее см.: Хорошкевич А.Л. Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений. // Отечественная история. № 2. 1999. С. 69-77; Ее же. Русь и Крым: От союза к противостоянию. – М., 2001. С. 225-271).

[3] См.: *Краснов Ю.А.* Древние и средневековые пахотные орудия Восточной Европы. – М., 1987. С. 195.

Данный факт является ярким показателем приоритета военно-стратегических мотивов колонизации южных степей над хозяйственным значением этого процесса, которое проявится позднее. Вместе с тем, судя по описаниям иностранцев, уже в XVI в. имелось четкое представление о значительно более высоком, по сравнению с центром России, плодородии почвы в Рязанском крае[1].

Каждый город, построенный в ходе продвижения территории Российского царства на Юг, становился не просто новым военным укреплением, но и полноценным населенным пунктом, центром колонизации прилегающей территории. В городе размещались для постоянного проживания служилые люди («по отечеству и «по прибору») вместе со своими семьями. Нередко их усадьбы располагались особыми слободами вокруг центрального укрепления. По мере хозяйственного развития в новых городах формировался посад с торговым и ремесленным населением. Естественно, что параллельно в этих российских поселениях должны были строиться православные храмы и монастыри, а также формироваться определенная церковная структура, необходимая для удовлетворения религиозных запросов населения.

В исторической литературе обращалось внимание на исключительную роль государства в распространении православия на окраинах страны. Применительно к Сибири и Карелии упомянутую особенность кратко охарактеризовал митрополит Макарий (Булгаков), который описывал строительство государством церквей в острогах и основание монастырей[2].

После образования единого Российского государства его южные земли в церковном отношении подчинялись трем епископам: Рязанскому и Муромскому, Сарскому и Подонскому (Крутицкому), Смоленскому и Брянскому. Смоленская епархия присоединилась к Московской митрополии в 1514 г., в ее состав вошли города, отвоеванные у Великого княжества Литовского в 1500 г.: Чернигов, Брянск, Стародуб и Новгород-Северский. При этом епископ Брянский и Черниговский был взят в плен и отправлен в Москву.

[1] См. об этом: *Соловьев С.М.* Сочинения. Т. V. – М., 1993. С. 361.

[2] См.: *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. Кн. VI. – М., 1996. С. 61-62.

К сожалению, неизвестны точные границы тогдашних епархий Русской церкви. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что, в силу различных причин, отдельные территории, города или церковные учреждения могли ведаться не в самой ближайшей к ним епархии. Так Белевский Спасо-Преображенский монастырь, построенный еще белевскими князьями Солнцевыми-Засекиными в первой четверти XVI в., числился в Крутицкой епархии. Объяснить это можно тем, что к моменту основания монастыря Смоленск еще оставался в юрисдикции Великого княжества Литовского[1].

Пожалуй, одной из главных особенностей возникновения большинства храмов и монастырей на южной окраине страны была значительная роль государства в этом процессе. В этом неспокойном приграничном регионе главным субъектом и регулятором колонизации выступало само государство. Такая ситуация для территории южнорусского фронтира представляется вполне закономерной.

В Тульском кремле стояла деревянная соборная церковь Архистратига Гавриила, построенная «на каменное дело» и вторая, теплая, церковь. Характерно, что во всей Туле XVI в. не было ни одной каменной церкви, хотя и существовала обширная каменная крепость. На посаде стояло несколько деревянных храмов[2]. Судя по описанию конца 80-х гг. XVI в. городской собор имел богатые иконы, убранство и утварь, что не удивительно, учитывая размеры города. Известно, что местный образ Архистратига Гавриила был обложен серебряным с позолотой окладом воеводой Ф. Ноготковым, а боярин и воевода князь Т.Р. Трубецкой приложил к нему золотой. Центральный храм с приделом получал государственную ругу, протопопу ежегодно полагалось 4,5 руб., 20 четей ржи, столько же овса, каждый из двух священников получал по 2,5 руб., по 12 четей ржи, по 12 четей овса, а также денежную компенсацию на приобретение соли из расчета 23 пуда на год – по 10 денег за пуд. Пономарь и просвирница получали по полтине денежного содержания, по 6 четей ржи и столько же овса. Кроме того, ежегодно на выпечку просфор выделялось 4 чети пшеницы для собора и две для придела[1].

[1] См.: *Макарий (Булгаков)*. История... Кн. IV. Ч. I. С. 194-198; С. 213.

[2] *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. – М., 1962. С. 382-383.

Аналогично можно характеризовать и ряд посадских храмов, в частности, деревянные церкви Третьего обретения честной главы Иоанна Предтечи, теплый храм Похвалы Пречистой Богородицы с приделом Николая Чудотворца, принадлежавшие Предтеченскому монастырю, находившемуся на посаде, в Никитском конце. При этом, помимо настоятеля, в монастыре было всего 13 чел. братии, но имелась монастырская слободка с пашенными и торговыми крестьянами – 14 дворов, в которых проживали 16 чел.[2] Еще три храма Тулы получали государственную помощь на обустройство. Два из них находились в посаде, на Пятницкой улице: теплый Покровский и Параскевы Пятницы, сгоревший ко времени описания. Оба они имели церковную утварь «государева строенья» и церковную землю, на которой помимо дворов причта стояли 9 дворов крестьян и 6 келий нищих. А на старом тульском городище на берегу р. Упы стояла третья – теплая церковь Введения Пречистой Богородицы. В ней упоминаются девять икон «на золоте» и иное «церковное строенье государево царево и великого князя»[3].

Остальные тульские храмы обустраивались без участия государства. В Никитском конце Тулы располагались Никитская церковь и теплая церковь Алексея Чудотворца, обе деревянные, иконы и вся церковная утварь в них были приобретены прихожанами. Как представляется, при первом храме жили 4 монахини, а при втором – два монаха и нищие.

Преображенская церковь на Ржавце также содержалась исключительно за счет своего прихода. У нее было две мужских монашеских кельи и семь келий нищих. При приходском храме Великомученика Георгия на Ржавце располагались четыре кельи нищих. Посадская приходская церковь Ильи Пророка, построенная «на каменное дело», да теплая Екатерининская церковь при себе

[1] Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. – М., 2002. С. 254.

[2] Города России XVI века. Материалы… С. 263-265.

[3] Города России XVI века. Материалы… С. 276-277.

имели шесть дворов с нищими. Два посадских храма: Фрола и Лавра, а также Козьмы и Дамиана содержались за счет прихожан, но имели четыре кельи с нищими. На церковной земле располагались шесть дворов, в которых жили черкасы, но приписаны они были к черкасской слободе.

Имеется свидетельство о мероприятиях по постройке монастыря в Туле в это время. По государеву наказу тульские писцы И.А. Жеребцов и дьяк И. Мешаев отвели старое тульское городище при устье р. Тулицы под новый девичий монастырь (70 на 30 саж.). Тулянам: князьям, дворянам и детям боярским – было велено в том месте устроить монастырь. Рядом были выделены места под дворы и огороды причта Введенской церкви, а свои дворы, находившиеся у этой церкви, им было велено снести[1].

Ко времени отписания Епифани «на государя», в 1571-1572 г., в ней числилось восемь казачьих слобод с пятью церквами. Всего в Епифани, с учетом посада и всех слобод, было 7 церквей, а на церковной земле стояли 22 двора (для сравнения: только казачьих дворов было 498). Писцовая книга г. Епифани и Епифанского уезда князя И.В. Мосальского и Г. Ярова 1571/72 гг.[2] сообщает только о храмах, расположенных в слободах. В слободе пеших стрельцов – храм Георгия Страстотерпца, поставленный священниками Ф. Осиповым и Молчаном. При нем не было монастырских дворов или келий нищих, но известно о наличии церковной пашни: доброй земли 20 четей и 10 четей целины в поле, а сенокоса на 100 копен.

В казачьей слободе Семеновская Коробьина находилась церковь Николая Чудотворца, поставленная на средства попа А. Иванова и благоустроенная прихожанами. При ней имелись две кельи с нищими. Размер церковной пашни был таким же, как и у вышеуказанной Георгиевской церкви.

В Булгаковской слободе Брыскиной стояла Пятницкая церковь, построенная казаками и священником. При ней – две кельи нищих, но пашни было 10 четей доброй и 20 четей целины в поле, сенокосов на 100 копен. Аналогичные земельные владения были

[1] Там же. С. 267-278.

[2] Там же. С. 324-335.

у храма Архангела Михаила в Артабаевской слободе, благоустроенного его настоятелем и прихожанами, но келий нищих было четыре. Точно такие же сведения сообщаются о церкви Покрова Пресвятой Богородицы в слободе Козлова Ждановская Романова. Аналогичные по площади земельные владения были у храма Рождества Христова в слободе Улановой (на Дону, под Епифановым болотом), с той разницей, что распахано было 8 четей, а в целине находилось 22 чети в поле. Сведений о кельях нищих нет.

Внутри Дедилова стояла деревянная Покровская церковь[1]. Внутри небольшого города Венева (Городенска), число дворов которого, включая посад, не превышало 143, имелась церковь Параскевы Пятницы. В примыкавшем к городу посаде располагалась Преображенская церковь[2].

После сооружения крепостных укреплений в Ельце, начало строительства которого относится к 1591 г., а гарнизон планировался в количестве 1000 чел., в 1592-1593 гг. в нём были возведены первые храмы: Воскресенский собор, поставленный внутри крепости и имевший причт в 6 чел., на посаде – церковь Успения Пречистой Богородицы. В эти же годы поблизости от крепости, на мысе над р. Сосной был основан мужской монастырь в честь Живоначальной Троицы и Сергия чудотворца[3].

Можно предположить, что роль государства была весьма значительной и при основании храмов в южнорусских порубежных городах. По всей видимости, одновременно со строительством крепостных стен и башен Воронежа, в 1586 г. была возведена соборная Благовещенская церковь, которая имела придел Николая Чудотворца[4]. И если сооружение первого храма осуществлялось в русле других государственных мероприятий, проводившихся властями при постройке нового города в соответствии с установившейся практи-

[1] *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. – М., 1962. С. 389-390.

[2] Там же. С. 51.

[3] *Ляпин Д.А.* История Елецкого уезда в конце XVI-XVII веков. – Тула, 2011. С. 19.

[4] См.: *Глазьев В.Н.* Страницы ранней церковной и монастырской истории города Воронежа и Воронежского уезда. // Церковь и ее деятели в истории России. Вып. 2. – Воронеж, 2001. С. 46.

кой, то по прошествии незначительного времени появляются храмы, строительство которых связано уже с инициативой горожан.

Известно, что в 1615 г. в Никольской церкви Стрелецкой слободы Воронежа служили два священника: Савва Никитич и Яков Леонтьевич. Все церковное имущество: иконы, ризы и свечи – принадлежало священнослужителям. При храме была колокольня, на которой находились два колокола, приобретенные на средства попов, и шесть – на средства прихожан. По предположению В.Н. Глазьева, поп Леонтий служил в Никольской церкви в период 1594-1615 гг. Его женой была Мария, ставшая затем просвирницей в той же церкви. В 1622/23 гг. просвирница вместе со своими детьми (попом Максимом и Нехорошим) подала челобитную, заявив, что церковь построена на средства ее покойного мужа Леонтия. В ответ на эту челобитную появилась царская грамота, повелевавшая служить в Никольской церкви сыну Марии Максиму. Распоряжение вызвало протест другого священника, Саввы, который напомнил, что при царе Федоре Ивановиче его отец Никита пришел из Ряжска и соорудил церковь во имя святого Николая.

Можно утверждать, что значительная часть воронежских храмов была сооружена и обустроена по инициативе и на средства прихожан, без участия государства. Дозорная книга Воронежского уезда 1615 г. содержит сведения о храмах в других слободах Воронежа. Одной из самых старых воронежских слобод была слобода полковых казаков. В ней священники Афанасий и Кузьма Павлов на свои средства построили: первый – храм Рождества Христова и теплую церковь во имя св. Георгия, а второй – храм Параскевы Пятницы и теплую церковь во имя Дмитрия Солунского.

По предположению В.Н. Глазьева, к старейшим храмам Воронежа относилась церковь во имя пророка Ильи с приделом Фрола и Лавра, построенная священником И. Никитиным. Она находилась «на посаде на Старом городище», т.е. там, где располагалась воронежская крепость в 1586-1590 гг., до ее сожжения черкасами[1]. Известно, что этот храм был не только выстроен на средства его

[1] Подробнее об этом см.: Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой в конце XVI – первой половине XVII века. – Белгород, 2004. С. 94-95.

первого священника о. Ивана, но и им же снабжен церковной утварью. На колокольне при храме висели два колокола: один – попа, а другой – прихожан[1].

В слободе беломестных казаков в 1615 г. находилась церковь Покрова Богородицы. Церковная утварь была приобретена на средства прихожан. В храме служили два священника: Г. Степанов и И. Федоров, а также во дворе жила просвирница Ульяна. При этом храме находились две кельи с нищими[2].

Таким образом, соборная Благовещенская и Никольская церкви, стоявшие в Стрелецкой слободе, являлись самыми древними храмами в Воронеже. К числу старейших следует также отнести церкви, располагавшиеся в слободе полковых казаков, – Рождественскую, Пятницкую и Ильинскую. После 1594 г. могла появиться Покровская церковь в слободе беломестных казаков.

Одновременно с постройкой крепости Оскол начинается храмовое строительство и формирование церковной структуры в этом населенном пункте. Известно, что на западной стороне детинца находилась церковь Николая Чудотворца. Она имела придел во имя Параскевы, нарицаемой Пятницей, стоявший отдельно от здания основного храма. За р. Оскол, в сторону Чуфичевского леса, вместе с землями станичных вожей и атаманов находились церковные поля. А владения дьячка, пономаря и просвирницы располагались за р. Осколом, в общей даче с приходскими священниками. Всего за храмом числилось 130 четв. пашни, лесных угодий и «дикого поля». В 1616 г. храм был разорен. Кроме того, имелся собор в честь Преображения Господня. В остроге находилось еще три церкви: во имя св. Георгия, Покрова Пресвятой Богородицы и Никиты.

Соборный храм имел два придела: святого князя Владимира Киевского и Федора Стратилата. Храмовая икона Преображения Спасова имела искусно сделанный серебряный с позолотой оклад. На колокольне висело два колокола по три пуда весом каждый. За р. Осколом, в Ровеньском лесу, находилось 120 четв. поместной

[1] См. об этом: *Комолова Э.В.* Указ. соч. С. 5.

[2] См.: *Акиньшин А.Н.* Храмы Воронежа. – Воронеж, 1994. С. 8.

церковной земли, там же были земельные дачи приходских священников. Видимо, первым соборным священником был поп Богдан. Двор, в котором он проживал вместе с женой и детьми, стоял в малом остроге. В 1616 г., во время захвата города черкасами, церковь сгорела, но была отстроена вновь[1].

В слободе станичных ездоков, находившейся в большом остроге, был выстроен храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы с приделом святых мучеников Фрола и Лавра. Здесь же был нестыкованный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы и святых мучеников Бориса и Глеба. Эта деревянная церковь примыкала к земляному валу и располагалась недалеко от городских Покровских ворот. Как и другие церкви, она сгорела в 1616 г., а затем была восстановлена[2].

За крепостной стеной, напротив больших ворот, была выстроена церковь во имя Архистратига Михаила. После разорения 1616 г. она была поставлена на новом месте, рядом с восстановленной крепостью.

В Беломестной слободе была выстроена церковь Козьмы и Дамиана с приделом Пресвятой Богородицы Честнаго Благовещения. Известно, что первым священником этого храма был о. Матвей Гаврилов. Церковь несколько раз горела, но отстраивалась на прежнем месте. Земля этому храму была отведена за р. Осколом, рядом с владениями станичных ездоков, и перед рекой, в районе государственной мельницы.

За р. Осколом, в Ямской слободе, не позднее 1601 г. была построена церковь Обновления Храма Воскресения Христова. Ее первым священником был Клементий Федоров. В 1596 г. жители Ездочной слободы выстроили на Сведенской поляне храм во имя Явления Святой Богородицы Одигитрии. Первым священником в ней был Семион Гаврилов[3].

После постройки Оскола появляется Оскольский уезд. Известно несколько православных храмов, существовавших в нем к

[1] *Никулов А.П.* Старый Оскол. – Курск, 1997. С. 61-62; С. 168-169.

[2] Там же. С. 170.

[3] *Никулов А.П.* Старый Оскол... С. 170-171.

началу XVII в. Среди них – церковь Архангела Михаила в с. Нижнее Чуфичево (Чуфичевский стан), построенная, скорее всего, одновременно с основанием города. В с. Яблоново Дубенского стана стояла церковь Николая Чудотворца, построенная в начале XVII в. В Ублинском стане, в с. Караваево-Геросим, имелась церковь Рождества Пресвятой Богородицы, которая сгорела в 1612 г., а следовательно, была построена еще до Смуты. В этом же стане был еще один храм – церковь Параскевы Пятницы в с. Пятницкое-Черкасское. Она была построена в конце XVI в., а в 1612 г. разорена татарами[1].

Монастыри на Юге Российского царства в рассматриваемое время строились, как правило, либо в городах, либо вблизи от них, т.е. это были городские монастыри, сильно отличавшиеся от лесных пустыней русского Севера. Большая часть их была основана не по свободному почину отдельных подвижников, а по приказу государственной и церковной властей. Почти все монастыри открывались сразу после основания города, и их существование, строй монастырского быта в них были тесно связаны с государственно-политическим значением города, в котором они появлялись.

Объяснение такой ситуации И.К. Смолич видел в государственно-миссионерских задачах, стоявших перед новыми монастырями. По его мнению, так возникали православные монастыри на восточных рубежах Российского царства, т.к. для указанного района было характерно этнически пестрое население со значительной долей языческого элемента[2]. Однако такое объяснение не вносит ясности в проблему монастырского строительства на южных окраинах России, т.к. в этом регионе практически полностью отсутствовало коренное население, которое можно было бы оценивать как потенциальный объект миссионерской деятельности.

Монастыри на Юге в XVI в. редко превращались в крупные хозяйственные структуры, т.к. земли здесь, в первую очередь, выделялись для поместий служилых людей. Поэтому земельные вла-

[1] Там же. С. 171-173.

[2] См.: *Смолич И.К.* Русское монашество. – М., 1997. С. 115.

дения монастырей и царские пожалования им были достаточно небольшими.

Как уже говорилось, большинство монастырей, существовавших на южной окраине страны в XVI в., в зоне фронтира, тяготело к городам[1]. Обстановка постоянных крымских набегов и войн с Великим княжеством Литовским заставляла заботиться о безопасности населения монастырей. Обеспечить ее могли в тех условиях только надежные крепостные сооружения.

В период с 1505 по 1533 г. возник Рязанский Спасский мужской монастырь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы (Феодосиева пустынь). Ранее 1519 г. был основан Рязанский Покровский Нищевский мужской монастырь близ села Белоомут на р. Оке, а ранее 1520 г. – Рязанский Спасский Терехов мужской монастырь в честь Воскресения Христова. До 1535 г. возник Рязанский Жерновский на р. Проне мужской монастырь во имя святого великомученика Никиты. С 1584 г. известен Рязанский Радовицкий мужской монастырь во имя святителя Николая. Нет точной даты появления Рязанского Даниловского мужского монастыря в честь Покрова Пресвятой Богородицы. По предположению А.А. Зимина, основная группа рязанских монастырей возникла еще до XVI в.[2]

В конце XVI в. отмечена хозяйственная деятельность Шацкого Чернева Матвеева Николаевского монастыря (он находился в 20 верстах от Шацка, на р. Цне и был построен в 1584 г.[3]). Так, в 1596/97 гг. крестьянин Иван Караченский передал свой бортный ухожей на р. Хопре Черневу монастырю. Ухожей находился при впадении р. Карачана в Хопер и занимал оба берега Карачана. В нем находились бортные деревья, рыбные и бобровые ловли, стояло «земляное зимовье»[4]. Вышеуказанный монастырь ведался Рязанской епархией. Помимо него, в этой епархии к концу XVI столетия насчитывалось еще три монастыря (Николаевский Радовицкий, находившийся в 65 верстах от Рязани, построенный при Иване IV, и два муромских монастыря: Благовещенский и Николаевский Бутылинский)[1].

[1] Перечень см.: *Макарий (Булгаков)*. История... Кн. IV. Ч. 2. С. 368-384.

[2] *Зимин А.А.* Россия на пороге Нового времени. – М., 1972. С. 225.

[3] *Макарий (Булгаков)*. История... Кн. IV. Ч. I. С. 212.

[4] *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. – Воронеж, 1991. С. 234.

По наблюдениям М.Н. Тихомирова, монастырское землевладение было нехарактерно для Рязанской земли. Хотя некоторым рязанским монастырям (Богословскому в Рязани, Солотчинскому и др.), равно как и рязанскому епископу, принадлежали значительные земельные владения. По мнению упомянутого историка, развитие крупного землевладения в Рязанской земле затруднялось ее пограничным положением[2]. Крупнейшими церковными феодалами в Рязанском крае были епископ и Рождественский Солотчинский монастырь, стоявший при впадении р. Солотчи в Оку, в непосредственной близости к Переяславлю-Рязанскому. В конце XVI в. в Солотчинском монастыре стояла каменная церковь Рождества Пресвятой Богородицы и еще две каменные церкви: одна с колокольней, а другая с трапезной. К монастырю примыкало село, в котором находилось четыре двора монастырских слуг, 12 дворов монастырских детенышей, поваров и служебников, а также 31 крестьянский двор. Под монастырем на р. Солотче стояла мельница[3].

В тульском крае известен ряд монастырей. В их числе: Белевский мужской монастырь в честь Преображения Господня (с 1525 г.; этот монастырь был основан кн. И.В. Белевским), Веневская Николаевская мужская пустынь в честь Богоявления (ранее 1566 г.), Балахинский мужской монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы (появился до 1571 г.), Веневский Всеволожский мужской монастырь во имя Пресвятой Богородицы (ранее 1578 г.), Каширский Березанский мужской монастырь (Саввина пустынь) во имя святителя Николая (ранее 1578 г.).

В 1585 г. была основана Белевская Макариевская Жабынская мужская пустынь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, а в 1587 г. – Тульский женский монастырь в честь Успения Пресвятой Богородицы.

[1] См.: *Макарий (Булгаков).* История... Т. IV. Ч. 1. С. 212.

[2] См.: *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 395.

[3] *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 397.

В Никитском конце Тулы находился Предтеченский монастырь с двумя деревянными церквами. Он был обнесен оградой, внутри которой стояли кельи игумена, двух священников, дьякона и 13 монахов. При монастыре была слободка, населенная крестьянами[1].

Вышеупомянутый Веневский Никольский монастырь был крупнейшим церковным вотчинником в крае. В нем стояли две деревянные церкви, одна из которых была выстроена из бруса «на каменное дело». Монастырю принадлежало с. Бортники с деревней на р. Осетре[2].

По данным И.К. Смолича, в XVI в. в орловской земле было основано два монастыря[3]. Всего же в этом районе в XVI в. упоминаются четыре монастыря. Точные даты их основания неизвестны. Это Севская Площанская мужская пустынь в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы, Болховской Рождественский женский монастырь, Мценский мужской монастырь во имя апостолов Петра и Павла и Трубчевский Челский Новопечерский мужской монастырь в честь Преображения Господня.

В Воронеже, спустя несколько лет после его основания, появляются первые монастыри. Старейший воронежский монастырь – Успенский. Попытка его устройства относится к 1594 г. В августе этого года в Москве за счет казны было приобретено различное церковное имущество: книги, иконы, колокола, церковное вино, ладан и пр. Показателен следующий факт: перечисленное имущество было передано игумену Александру, но при этом воронежскому осадному голове И.Т. Кобякову было предписано: «Как строитель Александр образы, книги и колокола привезет, велеть ему церковь Успения поставить и монастырь ему велеть строить»[4]. В данном случае четко прослеживается контроль государства за развитием церковно-монастырской структуры на осваиваемых южных землях.

Анализ дозорной книги 1615 г., писцовой и межевой книги 1628-29 гг. позволили В.Н. Глазьеву сделать обоснованное заклю-

[1] Там же. С. 383.

[2] Там же. С. 381.

[3] См.: *Смолич И.К.* Указ. соч. С. 123.

[4] *Глазьев В.Н.* Страницы... С. 51.

чение о том, что строителю Александру выполнить указ царя Федора Ивановича о постройке Успенского монастыря в Воронеже не удалось. Дело в том, что перечисленные источники уверенно называют основателем обители игумена Кирилла. Кроме того, в 1615/16 гг. новый успенский настоятель Феодосий Протопопов в челобитной, поданной в государев Разряд, сообщал о постройке Успенского монастыря при царе Борисе Годунове.

В Курском крае в XVI в. было открыто четыре новых обители. Среди них известная с 1557 г. Богородицкая Глинская пустынь около Путивля, Богородицкая Молчанская пустынь, находившаяся на расстоянии более 20 верст от того же города, Богородицкая Плащанская пустынь, располагавшаяся в полусотне верст от Севска, разрушенная в годы Смуты, а также Коренная Рождественская Богородицкая пустынь, основанная в 1597 г. в 30 верстах от Курска[1].

К перечисленным можно добавить Белгородский Никольский мужской монастырь, известный с 1599 г. В 1591 г. или ранее был основан Тамбовский Турдышевский мужской монастырь во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

В научной литературе уже обосновано мнение о том, что в рассматриваемое время монастыри Юга России сами не могли обеспечить своего существования. В итоге, государство вынуждено было оказывать им материальную помощь, т.к. монастырь того времени выполнял функции богадельни для раненых, больных и бездомных[2]. Поддержка оказывалась не только монастырям, но и храмам. Поэтому можно предположить, что в ее основе лежало не только стремление решать при помощи Церкви социальные проблемы отдельных категорий населения, но и желание обеспечить создание определенной идеологической обстановки на приграничных территориях. Последняя задача может быть оценена как специфическая, характерная для территории фронтира. В результате государство брало на себя ряд обязательств по материальному обеспечению деятельности храмов и монастырей. На практике

[1] *Смолич И.К.* Указ. соч. С. 123-125.

[2] См.: *Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. – М., 1887. С. 119-120.

это выливалось в выделение земли и других хозяйственных угодий, установление денежного или натурального жалованья (руги), предоставление различного рода льгот и выделение имущества, прежде всего икон, облачения священнослужителей, колоколов и другой церковной утвари.

Так, в 1594 г. были приобретены в Москве и отправлены в Воронеж для Успенского монастыря деисус, два колокола, книги: Евангелие, Часослов, Шестоднев, Минея общая, Псалтырь печатная с Часовником[1]. Строельная книга Валуйки 1599 г. свидетельствует о выдаче воеводе кн. В.В. Кольцову-Мосальскому и голове С. Мясному «церковного строенья» для храмов, которые надлежало выстроить в новом городе. Причем церковной утвари в столице было выделено вполне достаточное количество: два больших образа «на золоте» – Богоматери Владимирской и великомучеников Бориса и Глеба, а также деисус, запрестольный образ Пречистой Богородицы и запрестольный крест. Кроме того: царские и северные двери с завесами, 30 образов господских праздников, Богородицы и других святых «на золоте», воздвизальный крест, церковные сосуды с сундуком для их хранения (в том числе медная чаша для водоствятия), срачицы на жертвенники и престол, четыре блюда, два комплекта иерейского облачения: ризы, подризники, пояса, епитрахили, а также дьяконский стихарь и орарь. Были выделены следующие церковные и богослужебные книги: Евангелие, Апостол, Трифолой, Минея общая, Псалтырь, Часовник и два Служебника. Следует также упомянуть аналой и медное паникадило, а также два церковных колокола, один весом в три, а другой – в четыре пуда[2].

Из наказа воеводам Б. Бельскому и С. Алферьеву о постройке г. Царево-Борисова в 1600 г. известно, что строителям были выделены не только вооружение, боеприпасы, продовольствие, но и

[1] РГАДА. Ф. 141. 1594 г. Д. 1. Ч. II. Л. 45-46.

[2] *Багалей Д.И.* Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI-XVII столетии, собранные в разных архивах и редактированные Д.И. Багалеем. Т. II. № 1. – Харьков, 1890. С. 2.

«образы и антиминс и книги и ризы и всякое церковное строенье, а тому всему дана им роспись за дьячей приписью». Церковная утварь предназначалась для двух храмов, которые надлежало возвести сразу после строительства крепостных укреплений[1].

Нельзя утверждать, что только государство вкладывало средства в церковные учреждения. Все зависело от обстановки и возможностей жителей конкретного региона. Прослеживается определенная закономерность: по мере продвижения линии фронтира вперед, по мере стабилизации обстановки в конкретном регионе, все более активным в деле развития церковной структуры становится местное население, но государство продолжает непосредственную поддержку храмов и монастырей еще достаточно длительный период.

Можно привести ряд примеров, раскрывающих различные варианты снабжения храмов богослужебными предметами. Например, писцовая книга 1594-1595 гг. поместных земель Орловского уезда содержит описание церквей в 30 погостах пяти станов этого уезда, и во всех 15 случаях, когда имеются упоминания о церковной утвари, говорится, что в храмах «образа и свечи и книги и всякое церковное строенье приходных людей»[2]. В храмах Тулы конца XVI в. также не имелось церковной утвари, пожалованной правительством, за исключением церкви Покрова Пречистой Богородицы на Пятницкой улице. Во всех остальных храмах имущество было приобретено стараниями прихожан. Схожая ситуация прослеживается в Дедилове и его уезде, а также в Епифани[3].

Можно говорить о наличии довольно внушительного спроса на различную церковную утварь, необходимую для полноценного функционирования храмов на Юге России. Однако эти потребности в значительной степени удовлетворялись государством, которое закупало значительную часть необходимых изделий в столице и направляло в регион в качестве пожертвований.

Рассмотрев в общих чертах процесс складывания церковной структуры в южных уездах Российского царства в конце XVI в.,

[1] Там же. Т. I. № II. С. 7-9.

[2] См.: Писцовые книги XVI века. – СПб., 1877. Ч. 1. Отд. III. С. 902-1063.

[3] Там же. С. 1079-1095, 1261-1290, 1582-1593.

следует отметить, что за довольно короткое время в данном регионе появилось достаточно много православных храмов и монастырей. Значительную роль в этом процессе, под влиянием фактора фронтира, сыграло государство. Правительство выделяло средства и организовывало строительство сооружений, необходимых для полноценного функционирования Церкви в регионе. Можно предположить, что за государственный счет строилось только необходимое (минимально достаточное) для идеологического обеспечения колонизации количество храмов. Затем, по мере заселения региона, появляются церкви, возведенные уже местными жителями. Однако на протяжении еще довольно длительного периода времени монастырское строительство на южной окраине России было невозможным без непосредственного участия государства.

Государственная политика в отношении Церкви на южной окраине России после окончания Смуты

Период патриаршества Филарета Никитича был временем наиболее значительного развития власти предстоятеля Русской церкви. Высокое государственное значение главы церкви, подорванное при Иване IV, восстановилось еще во время междуцарствия. При царе Михаиле Федоровиче, когда русским первосвятителем был его отец, патриарх получил титул «великого государя» и, по мысли П.В. Знаменского, наступило время полного государственного двоевластия[1]. С.А. Зеньковский утверждал, что патриарх Филарет был не только совершенно независим от светской власти, но и влиял на нее более самого царя[2]. Сложившаяся ситуация отразилась и на положении в Патриаршей области. Эта епархия была и ранее привилегированнее других, но в ней находились монастыри, имевшие несудимые грамоты и в силу этого подчинявшиеся не только патриарху, но и подлежавшие суду царя или приказа Большого Дворца.

[1] *Знаменский П.В.* История русской церкви. – М., 1996. С. 237.

[2] *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. – М., 1995. С. 188.

В 1625 г., 20 мая, патриарх получил от государя жалованную грамоту на Патриаршую область. Под ее действие подпадали более четырех десятков городов с приходами и уездами, а также несколько особых десятин. Из них к территории Юга Российского царства относились: Севск, Карачев, Путивль, Рыльск, Курск, Белгород, Оскол, Валуйка. По этой грамоте все духовенство его епархии, монастыри и церкви со своими слугами и крестьянами были подчинены гражданскому суду патриарха (за исключением «разбойных, татиных и кровавых дел»), и только иски на посторонних лиц должны были подаваться в приказы, которым были подведомственны ответчики. Вместе с тем, патриарх имел право взымать со своих подчиненных пошлины и налагать свои святительские дани и оброки на все духовенство и церковные земли в Патриаршей области. Своей жалованной грамотой царь Михаил Федорович отменил все несудимые и тарханные грамоты, имевшиеся у монастырей и церквей Патриаршей области, сократив тем самым права Приказа Большого дворца. Государь пожаловал своему отцу такие права в его епархии, каких не жаловал никому из числа других епархиальных архиереев. По мнению митрополита Макария (Булгакова), «патриарх Филарет в своей церковной области был полным владыкою и господином и пользовался архипастырской властью в такой степени, далее которой власть эта никогда в России, ни прежде, ни после, не простиралась»[1].

После смерти патриарха Филарета в 1633 г., его приемником стал псковский архимандрит Иоасаф I, который уже не имел такого высокого, как его предшественник, государственного значения. Он уже не имел титула великого государя и не участвовал активно в решении государственных дел. Такое положение сохранялось и при следующем патриархе Иосифе.

При патриархе Филарете происходит заметное усиление религиозной строгости. Оно представляется вполне оправданным, если вспомнить события предшествующего Смутного времени. Кроме того, следует учесть личный опыт патриарха Филарета, побывавшего в плену. Находясь в Речи Посполитой, он наблю-

[1] *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. Кн. VI. – М., 1996. С. 309-310.

дал различные «искажения православной веры» у подданных польской короны: упоминание Папы Римского на богослужении, совместные браки православных с представителями других христианских вероисповеданий и прочее[1]. Церковный собор 1620 г. принял крайне суровое определение: католиков, униатов и протестантов, желающих принять православие, полагалось крестить повторно. Более того, полагалось перекрещивать и православных, если они были крещены не через троекратное погружение в воду, как было принято в РПЦ, а через обливание, как практиковалось в православных приходах, находившихся на территории Речи Посполитой. Данное правило распространялось даже на священнослужителей[2].

Издав такие постановления, патриарх Филарет сам стремился выполнять их с максимальной строгостью. К нему на патриарший двор передавались из государева Разряда выезжие иноземцы. Здесь их расспрашивали о вере, после чего католиков и протестантов рассылали в монастыри для крещения по православному обряду. Среди этих иноземцев было много выходцев из Речи Посполитой («белорусцев»), причем не только униатов, но и православных. Нередко встречались монахи, иеродиаконы, иеромонахи, даже игумены, и все они, хотя и были крещены православными священниками, а некоторые пострижены в православных монастырях или получили священство от православных архиереев (греческих или западнорусских), по указанию патриарха подвергались новому крещению через троекратное погружение (в том случае, если сознавались, что были крещены через обливание)[3].

В 20-е гг. XVII в. патриарх предложил всем иностранцам, служившим ему, перейти в православие или покинуть службу. В 1628 г. была издана патриаршая грамота, которая содержала предупреждение, относившееся ко всем русским, контактирующим

[1] Там же. С. 289.

[2] *Знаменский П.В.* История русской церкви. – М., 1996. С. 274-275; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. В 2-х т. (Репринт). – М., 1991. Т. 2. С. 98-99; Макарий (Булгаков). Указ. соч. Кн. VI. С. 289-290.

[3] *Макарий (Булгаков).* История русской церкви. Кн. VI. – М., 1996. С. 290.

с иностранцами. В ней указывалось, что многие православные в результате общения с иноверцами пренебрегают своими религиозными обязанностями, не ходят к исповеди и причастию, не соблюдают пост, а порой и избегают встречи со своими духовными отцами[1].

Итоги Смуты предопределили главные направления последующей внешней и внутренней политики правительства Михаила Федоровича. После прекращения войны с Речью Посполитой и Швецией было необходимо решить задачу восстановления государственного порядка, а затем попытаться найти пути преодоления условий Деулинского перемирия. Согласно этому соглашению, заключенному с Речью Посполитой в 1618 г., к Польше отходил Смоленская, Северская и Черниговская земли. Важной предпосылкой для возвращения утраченного должно было стать укрепление позиций Российского царства в районах, прилегающих к вышеназванным территориям.

В 20-е годы XVII в. Россия окончательно закрепилась на Польской «украáине». Возобновилась сторожевая и станичная служба. Нужно учесть, что летом 1623 г. в Ливнах Ибрагим-паша дал шертную запись от имени крымского хана Магмед-Гирея. Крымцы обязались не нападать на окраинные российские города и не громить станичников[2]. Безусловно, такая клятва не гарантировала прекращения татарских набегов. Однако вероятность крупных вторжений крымцев существенно снижалась.

Период с 1618 по 1630 г. характеризуется как время относительного затишья на южных рубежах Российского царства. В это время крымские нападения носили характер пограничных стычек между русскими ратными людьми и мелкими группами татар. Так было в 1618, 1619, 1628, 1629 гг. Нет сведений о появлении крымцев в 1620, 1624 и 1630 гг. Более крупными силами татары нападали в 1622, 1623, 1625 и 1627 гг. Но даже самый крупный из перечисленных, набег 1623 г., далеко уступал по силе нападениям

[1] *Зеньковский С.А.* Русское старообрядчество. – М., 1995. С. 133-134.

[2] *Лашков Ф.* Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. № 35. – Симферополь, 1891. С. 46.

второй половины XVI в. Набеги 1618-1630 гг. не достигали района расположения береговых полков, крымцы лишь несколько раз переходили линию рек Сейма и Быстрой Сосны. Поэтому противостояние набегам степняков в пограничной полосе целиком легло на служилых людей гарнизонов окраинных городов и население порубежных уездов[1].

По окончании Смутного времени начинается постепенное восстановление всех отраслей жизни в южных уездах России. В том числе активизируется деятельность Церкви. Кроме того, изменение конфигурации границ и политической ситуации в регионе повлекли за собой определенные изменения как в структуре, так и в функционировании института Русской церкви на Юге страны.

В XVII столетии одним из крупнейших и растущих феодальных хозяйств России была патриаршая вотчина. Она состояла из владений различного типа, располагавшихся в 23 уездах. Основная часть владений находилась в центре страны. К южным уездам, имевшим на своей территории патриаршие владения, можно отнести: Лебедянский, Тульский и Елецкий. В дальнейшем пополнение земельных владений патриарха происходило за счет центральных уездов, Юг России этим процессом не был захвачен[2].

В 1622 г. произошло заметное изменение в составе южных епархий РПЦ. Ряд городов: Алексин, Тула, Дедилов, Венев, Гремячев и Епифань – были переданы из состава Рязанской в Коломенскую епархию[3].

Судя по выписи из писцовых книг 1627-1628 гг. в Смуту пострадали и города Рязанской земли. Так г. Сапожок значится «городищем», на котором стоит дубовый острог. В то время здесь действовало три деревянных храма. Два из них находились вне острога. При этом церковная утварь и иконы, имевшиеся в городском соборе (он насчитывал два придела), были как получены

[1] Новосельский А.А. Борьба... С. 150-159.

[2] См.: *Сахаров А.Н.* Русская деревня XVII в. по материалам патриаршего хозяйства. – М., 1966. С. 39, 41.

[3] *Афремов И.Ф.* Историческое обозрение Тульской губернии. Ч. 1. – М., 1850. С. 63.

от правительства, так и приобретены на средства прихожан и настоятеля храма. К первым относились иконы «Успение Пресвятой Богородицы», «Чудотворец Николай». Они были богато украшены – имели серебряные с позолотой венцы и гривны. Кроме того, были пожалованы царем: местный образ Пречистой Богородицы Одигитрии, образ Богородицы запрестольный, деисусы и царские двери «на золоте», оловянные церковные сосуды, а также печатный «Апостол». Остальное «церковное строенье» было «мирским» и священника Лаврентия. Оно состояло из одного Евангелия, двух печатных Служебников, Октоиха, рукописной Псалтыри, полотняных риз и стихарей, а также выбойчатого оплечья и двух колоколов по пуду весом. На церковной земле стояли дворы священника, дьякона, просвирницы и пономаря. За настоятелем о. Лаврентием жили шесть бобылей. Весь церковный причт владел 46 четв. пашни в поле («паханый перелог и дикое поле») и сенокосами на 40 копен.

Второй храм, находившийся за пределами острога, – деревянная церковь в честь Николая Чудотворца. В ней вся утварь и иконы принадлежали попу Захарию и прихожанам. На церковной земле были выстроены дворы настоятеля, просвирницы и пономаря. Сенокосов причту было отведено 48 копен, а пашни – 24 четв. в поле, 20 четв. священнику, а церковнослужителям – по две четверти.

В самом остроге находился храм в честь Параскевы Пятницы. Он был деревянным, имел паперть. Церковное имущество было приобретено священником и прихожанами. На церковной земле располагались дворы служителей этого храма: попа Георгия, дьячка, просвирницы и пономаря. Им принадлежало 32 копны сенокосов, пашни: настоятелю – 20 четв. в поле, остальным – по две.

В окрестностях г. Сапожка располагалась слобода Малый Сапожок. В ней стояла деревянная церковь Параскевы Пятницы. Вся церковная утварь, как и в упомянутом ранее храме, была приобретена прихожанами и попом Яковом. На церковной земле были выстроены дворы священника, дьячка, просвирницы и пономаря. За причтом числилось 20 четв. пашни и 30 копен сенокоса.

В том же Сапожковском уезде была слобода Коровка, в которой жили полковые казаки. В ней была деревянная церковь в честь Живоначальной Троицы с приделом Бориса и Глеба. Как и в предыдущем случае, все «церковное строенье» было мирское и священника. На церковной земле стояли дворы двух попов, дьячка, пономаря и просвирницы. Пашни было выделено двум попам 36 четв. в поле, а дьячку, попу и просвирнице было отведено 6 четв., сена всем вместе причиталось 84 копны[1].

К моменту составления писцовой книги Путивля 1626-1627 гг. большинство храмов в этом городе было восстановлено после «литовского разоренья». По сравнению с другими городами южной окраины России Путивль имел довольно много церквей – 19. При этом система их материального обеспечения была весьма развитой. Большинство храмов помимо полевых угодий располагало еще и бортными ухожьями, а на их городской земле жили церковные бобыли. Писцы насчитали таковых 90 дворов. Одна из городских церквей помимо земельного надела имела денежное содержание (12 руб. ежегодно) из путивльских таможенных доходов. Упоминается также церковь, поставленная в городе «для осадного времени» Молченским монастырем, находившимся в Путивльском уезде. Писцовая книга 1628 г. говорит, что за церковью Рождества Пресвятой Богородицы Молченского монастыря в Путивле и на посаде числились слобода и слободка, за посадом – слобода Борисоглебская, а в них и на церковной земле насчитывалось 275 бобыльских дворов, в которых проживало 284 чел.[2]

В 1624/25 г. жители Воронежа и его уезда построили новый соборный храм. 13 сентября 1628 г. соборная Благовещенская церковь и придел святого Николая сгорели вместе с книгами, ризами и образами. Причину пожара выяснить не удалось. 3 мая 1629 г. в Воронеж было отослано указание восстановить собор силами жителей города и уезда. Следует отметить, что, сообщая о пожаре, во-

[1] Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А.Н. Пискаревым. № 23. – СПб., 1894. С. 50-54.

[2] *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. – М., 1894. С. 94-96.

еводы С. Гагин и С. Стрешнев указывали на невозможность дальнейшего нахождения главного храма Воронежа внутри городовых укреплений по причине крайней тесноты детинца. Из позднейших документов известно, что в 1634 г. строительство данной церкви еще не было завершено, несмотря на собранные с воронежцев на эти цели 150 руб. Причиной послужила нерасторопность подъячих С. Зверева и И. Хонева[1]. К сказанному можно добавить, что в писцовых книгах 1629 г. отмечен факт снабжения упомянутого храма иконами, облачением, книгами, колоколами и другой богослужебной утварью за государственный счет. В это же время указывается на наличие восьми дворов нищих при Ильинской церкви[2].

В 1626 г. в Белгороде имелась соборная церковь Живоначальной Троицы с двумя приделами, построенная за счет казны взамен ранее сгоревшей. Она была богата церковной утварью и иконами. Большая часть имущества была прислана из Москвы, от имени государя. Рядом с царскими дарами «образы обкладывали и золотые приложили» белгородские воеводы, кн. Г. Тюфякин, В. Измайлов, Г. Горихвостов, Я. Дашков и В. Татищев. Имелись и пожертвования частных лиц. В церкви, помимо необходимых для богослужения, находились дополнительные экземпляры церковных книг. К ним относятся: несколько Евангелий, два печатных Апостола, Устав печатный, две Триоди печатных – Постная и Цветная, Октоих печатный, шесть месячных Миней (с сентября по март), Псалтырь и два печатных Часовника. В это же время самый большой из церковных колоколов (он весил 10 пудов с четвертью) был взят на городскую башню в качестве вестового. В городе насчитывалось восемь дворов церковного причта: протопопа, попа, дьякона, двух дьячков, пономаря и просвирницы[3]. Соборной Белгородской Троицкой церкви принадлежали Мохначевский и Гниловский юрты.

[1] *Глазьев В.Н.* Страницы ранней церковной и монастырской истории города Воронежа и Воронежского уезда. // Церковь и ее деятели в истории России. Вып. 2. – Воронеж, 2001. С. 46.

[2] *Комолова Э.В.* Церковное развитие южнорусского региона в XVII в. // Из истории воронежского края. Вып. 10. – Воронеж, 2002. С. 5-6.

[3] *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. – М., 1894. С. 67-68.

Они были отданы причту взамен р. Корени, р. Корочи и Нежегольского леса, принадлежавших ранее этой церкви и отведенных М. Маслову.

За священниками Белгородской Никольской церкви по писцовой книге 1626 г. числилась р. Лопань, два озера – Мартовое и Становое, а также Опаковский лесок. Белгородские священники владели угодьями в Донецкой волости не на поместном праве, но и не на вотчинном, т.к. права их не отличались прочностью и устойчивостью. Государство отдавало упомянутые земли то в поместье или на оброк служилым людям, то во временное, хотя и безоброчное пользование священникам и монастырям[1].

В северной части Белгородского уезда находился Сажный стан. Самым крупным его поселением было с. Сажное. В 1626 г. в нем имелось 107 дворов и действовал храм. В Коренском стане находилось три села: Ушаково (60 дворов), Пятницкое (Боровое) – 45 дворов и Никольское – 71 двор. Церкви сел Белгородского уезда имели от 7 до 20 четвертей земли в поле и от 50 до 200 копен сенокоса[2].

В 20-е гг. XVII в. в Осколе и его уезде насчитывалось 11 церквей, из них половина находилась в городе и пригородных слободах. Приходы были незначительными, крестьян на церковных землях практически не было. В 1628 г. от костра загорелась соборная церковь г. Оскола, а от нее огонь переметнулся на город. В этом пожаре погибла Рождественская Богородицкая церковь. В 1629 г. она была выстроена вновь с приделом во имя преподобного Михаила. Однако в период с 1633 по 1635 г. «стояла впусте», т.к. о. Курдюма убили татары, а дьякона в данном храме по штату не полагалось[3].

Можно указать на другие храмы, находившиеся в Оскольском уезде в это время. С 1628 г. известна церковь в честь Василия Кесарийского в с. Лапыгино Окологородного стана. В с. Халань (Дубенский стан) с 1627 г. упоминается храм во имя Афанасия и Кирилла. Кроме того, в 1627-1628 гг. была перестроена Никольская церковь

[1] *Багалей Д.И.* Очерки... С. 123-126.

[2] *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. – М., 1894. С. 103.

[3] *Никулов А.П.* Старый Оскол... С. 64, 162-169.

в с. Яблоновое Дубенского стана. Теперь она была освящена в честь Обновления храма Воскресения Христова, но имела придел Николая Чудотворца[1]. Можно предположить наличие церквей и в других населенных пунктах этого уезда, которые упоминаются в дозорной книге как села. К ним относятся с. Короваево (Горасим) Окологородного стана, с. Егорьевское Дубенского стана, с. Яблоновое на р. Орлике в Орлицком стане[2].

Несмотря на то, что ряд монастырей южной окраины пострадал в Смутное время, большинство из них сохранилось. Достаточно быстро они были восстановлены и продолжали полноценно функционировать.

Судя по выписи из писцовых книг Рязанского уезда 1628 и 1629 г. в Окологородном стане располагались вотчины Богословского монастыря. К ним относилось с. Подлесное (Выглазово) на Суходоле. В селе стояла деревянная церковь во имя Иоанна Богослова, вся утварь которой, равно как и иконы, были приобретены общиной. Церковной пашни числилось 20 четв. доброй земли в поле, сенокоса 30 копен. В монастырской вотчине кроме села Богословского было три деревни и 33 пустоши. В этой вотчине числилось более 500 четв. паханой пашни, более 444 четв. наезжей пашни, перелога и дикого поля – более 2310 четв., 310 четв. пашни поросшей лесом, а также непашенного и строельного леса 55 десятин. Упомянутый монастырь владел 10 четв. доброй земли и 30 копнами сенокоса в Понисском стане на р. Прости. В том же погосте были земли монастырских служек (1 четв. доброй пашни в поле, наезжей – 55 четв., 40 четв. перелога и 20 четв. – поросшей лесом)[3].

Путивльский Молченский монастырь был самым крупным землевладельцем в своем уезде. Еще в 1615 г. он получил грамоту на владение весьма значительным количеством земель и угодий, а также был освобожден от всех платежей и повинностей, которые несли другие помещики и вотчинники, за исключением внесения

[1] Там же. С. 171-173.

[2] *Миклашевский И.Н.* Указ. соч. С. 111-113.

[3] Древние грамоты и акты Рязанского края, собранные А.Н. Пискаревым. № 24. – СПб., 1894. С. 55-61.

ямских и стрелецких хлебных запасов и повинности по исполнению городового и острожного дела. Кроме того, монастырю и его слугам было предоставлено право беспошлинной торговли – в том случае, если сумма сделки не превышала 170 руб. Этот же монастырь имел и судебный иммунитет. Игумен с братией, или назначенные им лица, судили своих крестьян во всех делах, за исключение «душегубства, разбоя и татьбы с поличным». В духовных делах игумена и братию мог судить только патриарх или назначенные им лица. Иски по иным вопросам, предъявляемые другими лицами к монастырю, могли рассматриваться в Москве, но только трижды в год (на Рождество Христово, Троицу и день Семена Летопроводца – 1 сентября).

Судя по писцовой книге 1624 г., Молченскому монастырю помимо вышеуказанных владений принадлежали с. Линево на Беликове Колодезе, с. Новая Слободка на р. Каменце, починок Калищее и с. Берюх. В пяти уездных поселениях, принадлежавших монастырю, было 122 крестьянских двора со 142 взрослыми мужчинами и 59 бобыльских дворов с таким же количеством людей. Собственными силами монастырь распахивал 190 четвертей в поле, а его крестьяне – 360. Общее количество доброй крестьянской и монастырской земли писцы определили в 1250 четвертей в поле, монастырю также принадлежало 2000 копен сенокоса. По мнению И.Н. Миклашевского, в это время Путивльский Молченский монастырь по размерам владений был единственным в своем роде на всем Юге России[1].

Сравнивая хозяйство Путивльского Молченского монастыря с хозяйствами белгородских монастырей, Д.И. Багалей пришел к выводу, что первый был богаче последних, хотя и Молченский монастырь имел немного крестьян. Благополучие Путивльского Молченского монастыря объясняется его относительной древностью и расположением в богатом городе. В то время как Белгород был построен в конце XVI в., Путивль сохранил в себе население еще удельного периода. Другие монастыри, находившиеся дальше

[1] *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. – М., 1894. С. 132-134.

к югу и юго-востоку, имели еще меньший уровень доходов. Земель у них было немного, но и имевшиеся не представляли ценности, т.к. практически не обрабатывались[1].

При впадении р. Волчьи Воды в Северский Донец в 1626 г. находилась Огурцова пустынь, в которой жили два старца – Вассиан и Павел. Несмотря на наличие у них земли, оба питались подаянием. По отказной памяти белгородского воеводы Григория Горихвостова пустынникам были отведены рыбные ловли от келий вверх и вниз по Северскому Донцу на полверсты в каждую сторону, а леса и прочих угодий «на все четыре стороны по версте». Еще более обширным имением владел старец Нифонт Верижинский, основавший в Никольском лесу Нифонтову пустынь. По царской грамоте, в 1621 г. ему было отмерено рыбной ловли, леса и угодий «на все стороны по четыре версты».

В Донецкой волости располагалась Савинова пустынь. В ней была церковь во имя Зосимы и Савватия, в которой служил иеромонах Досифей. Монашествующих было семеро, жили они в отдельных кельях, стоявших в лесу на расстоянии от половины до одной версты друг от друга. Пропитание старцы добывали собственным трудом. Во владении пустыни находились два юрта: Чепелевский, начинавшийся от Савинского перевоза на Северском Донце, и Изюмский, охватывающий оба берега Северского Донца при впадении в него, вероятно, р. Изюма[2].

В 1626 г. Белгородский Николаевский мужской монастырь получил три выписи из писцовых книг на земельные владения: Огурцовую поляну и с. Никольское. Последнее находилось в Разуменском стане, ранее оно именовалось Игумновым, тут же была и монастырская деревня Княжья Поляна. Т.к. монастырь находился в Белгороде, то крестьянами и бобылями, жившими в указанных поселениях, управлял приказчик. В Никольском насчитывалось 42 двора, а в Княжьей Поляне – 12.

[1] См.: *Багалей Д.И.* Очерки... С. 118-120.

[2] *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. – М., 1894. С. 103-109.

В этом же году по челобитной старицы Аполлинарии Прытковой, основавшей в 1622 г. Белгородский Рождественско-Богородицкий женский монастырь, указанному монастырю было выделено место в Белгороде под церковь и кельи. Писцы Кирикейский и Максимов в 1626 г. отвели этому монастырю «для пропитания стариц» 80 пустых мест, которые ранее занимали дворы и огороды путивльских и ливенских вожей, 35 четей дубравы на поляне и сенокоса на 150 копен. Однако усадебная земля не была утверждена за монастырем. Ее отвели черкасам, переселившимся из Речи Посполитой, а монастырю взамен выделили 15 руб. ежегодной руги. Впрочем, имущественное положение данного монастыря оставалось довольно тяжелым. У него не было ни крестьян, ни бобылей. Согласно описи 1624 г. в монастырском храме использовались оловянные сосуды, богослужебных книг было всего четыре (Псалтырь, Часовник, Служебник и Шестоднев), а стихарь был полотняным[1].

Продолжалось также строительство новых монастырей на Юге России. В период с 1619 по 1637 г. возник Рязанский женский монастырь в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы. С 1624 г. упоминается Касимовский женский монастырь в честь Казанской иконы Божьей Матери. В следующем, 1625 г., или ранее возник Рязанский Нищевский Покровский мужской монастырь. До 1629 г. появился мужской монастырь во имя преподобного Симеона Столпника в Ряжске, и в этом же году или ранее возник Рязанский Горетовский мужской монастырь в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Ранее 1631 г. близ Скопина был устроен Ряжский мужской монастырь во имя Дмитрия Солунского.

В районах, тяготевших к Туле, также появился ряд новых монастырей. Ранее 1619 г. в Новосили были организованы два новых мужских монастыря: один – в честь Рождества Христова, а другой – Святого Животворящего Духа. Последний располагался в четырех верстах от города при р. Зуше. Управлял им строитель Порфирий[2]. До 1623 г. появился Бунарев-Алексинский мужской

[1] *Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Т. I. – М., 1887. С. 118-119.

[2] *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи. – М., 1908. С. 873.

монастырь в честь Вознесения Господня. Около 1625 г. в Белеве был открыт женский монастырь в честь Животворящего Креста Господня.

В первой четверти XVII в. появился Орловский женский монастырь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Аналогичное наименование получил монастырь, построенный в 1626 г. в Карачеве. В 1629 г. в Кромах открылся мужской Свято-Троицкий монастырь[1]. Около 1620 г. была возобновлена Богородицкая Площанская пустынь, существовавшая с XVI в. при р. Березне в Севском уезде. Она была разорена в Смутное время, но затем патриарх Филарет, с разрешения царя Михаила Федоровича, дал свое благословление на восстановление обители монаху Киево-Печерской лавры Прокопию[2].

Ранее 1620 г. возник Богородицкий мужской монастырь на правом берегу р. Тешевки. В 1627 г. к нему была приписана слобода Тешевка с крестьянами и угодьями. По преданию, его основателями были два старца – Кирилл и Герасим. Они принесли с собой из Московского Сретенского монастыря список с иконы Владимирской Божьей Матери. Из их пустыни и развился монастырь, ставший в дальнейшем Задонским Богородицким[3].

В 1620 г., как считал П.В. Никольский, был построен Семилуцкий Преображенский монастырь, названный «больничным», т.к. в нем постригались выходцы из татарского плена, а также раненые и калеки. Строителем его был воронежский сын боярский В.М. Струков[4]. Несколько ранее возник Задонский мужской монастырь в честь Сретения Владимирской иконы Пресвятой Богородицы.

В 1628/29 г. в Карачунском монастыре появился новый игумен – Феодосий. В.Н. Глазьев отождествляет его с игуменом Воронежского Успенского монастыря Феодосием Протопоповым и

[1] *Макарий (Булгаков).* История... Кн. VI. С. 751-758.

[2] *Денисов Л.И.* Указ. соч. С. 638.

[3] Там же. С. 177-178.

[4] *Глазьев В.Н.* Страницы ранней церковной и монастырской истории города Воронежа и Воронежского уезда. // Церковь и ее деятели в истории России. Вып. 2. – Воронеж, 2001. С. 56, 59.

отмечает, что последний не позднее 2 августа 1632 г. стал игуменом трех монастырей: Успенского, Алексеевского Акатова и Карачунского Сретенского. Одновременно с игуменом Феодосием в Успенском монастыре находился строитель Арсений, упомянутый 13 мая 1635 г.[1]

Карачунский монастырь был небогат. В нем имелось всего две келии. Церковный причт жил в монастырской слободке; в ней также находились 10 крестьянских, 8 бобыльских, 27 пустых дворов и скотный двор монастыря. Карачунскому монастырю принадлежало 340 четв. земли в поле, 850 копен сенокоса и звено р. Воронеж с рыбными ловлями[2].

По писцовым книгам 1627/28 гг. в. Лебедянском уезде находились вотчины столичных монастырей: Чудова и Новоспасского (с. Калинино, с. Доброе Городище, с. Ратчина Поляна, с. Кривец и др.) – всего 369 дворов[3].

С 1622 г. была возобновлена Волынская Николаевская мужская пустынь под Рыльском. Ранее 1629 г. появилась Рыльская Алеонская мужская пустынь во имя святителя Николая.

27 января 1624 г. Валуйскому Николо-Пристанскому монастырю была выдана несудимая грамота. Теперь в духовных делах монашествующие и церковный причт подлежали суду патриарха, а монастырские крестьяне были освобождены почти от всех государевых податей и денежных сборов[4].

В 1626 г., в связи с организацией станиц, писец Мирон Хлопов и подъячий Леонтий Недовесков проведели полный передел земель в Валуйке. Они перемерили все земли, принадлежавшие валуйским служилым людям. Согласно наказу, не следовало мерять только монастырские, церковные и подъяческие земли. После окончания передела и переписи земель писцы стали принимать челобитные от

[1] Там же. С. 58-59.

[2] *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. 1. – М., 1894. С. 136.

[3] *Новосельский А.А.* Борьба... С. 165.

[4] *Комолова Э.В.* Церковное развитие южнорусского региона в XVII в. // Из истории воронежского края. Вып. 10. – Воронеж, 2002. С. 12.

лиц, у которых не оказалось дворов и огородов. Среди челобитчиков оказались игумен и братия Николо-Пристанского монастыря, а также священники церкви Георгия Страстотерпца Потап и Ларион. Они утверждали, что не имеют сенокосов. Монастырь просил выделить ему для сенокосов долину р. Сухой Козинки, которая ранее никому не принадлежала. Эта просьба была удовлетворена. Священникам же выделили сенокосы вместе с конными казаками. Косить они должны были «разверстав поделя – попу против казака»[1].

К первой четверти XVII столетия относится появление Путивльского Молченского Печерского мужского монастыря при впадении р. Крыни в Сейм. Его основание связано с переселением иноков разоренной Софрониевой пустыни[2].

Имеется упоминание о существовании в 1628-1631 гг. Троицкого женского монастыря на посаде г. Курска[3]. С 1621 г. известен Яблонов Елецкий мужской монастырь в честь Святой Живоначальной Троицы.

Осенью 1619 г. по грамоте патриарха Филарета на Холковском городище был основан Холковский Троицкий (Царев-Николаевский) мужской монастырь. Его основателями были иеромонах Геласий и старец Герасим. Сохранилась храмозданная грамота от 8 февряля 1620 г., по которой была сооружена и освящена церковь в Холковском монастыре. Основанием для выдачи грамоты послужила челобитная иеромонаха Геласия. В ней он писал о том, что Холковское городище (вероятно, в монастырь. – *А. П.*) постоянно приезжают донские казаки и другие люди, а храма поблизости нет; кроме того, из-за отсутствия церкви нет возможности погребать покойников. Патриах дал свое благословение и выдал антиминс «никольскому черному священнику Геласию» на постройку храма Николая Чудотворца на Холковском городище[4]. Храмовая икона

[1] *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. – М., 1894. С. 86, 92-93.

[2] *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи. – М., 1908. С. 349.

[3] Там же. С. 358.

[4] Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. – СПб., 1838. С. 400.

была поясной и размещалась в киоте, а в алтаре находился образ Пресвятой Богородицы Одригитрии. Колоколов было восемь, их общий вес составлял 61 пуд 5 гривенок. Главный колокол весил 22 пуда 20 гривенок. К монастырю было приписано 28 крестьянских и бобыльских дворов. Кроме того, монастырь владел 30 четвертями пашни, 50 десятинами сенокосов, участком «черного» леса размером пять на три версты, для рыбной ловли ему был отведен участок р. Оскол ниже впадения в нее р. Холка. Можно также отметить, что в 1631 г. этот монастырь был разорен татарами[1].

В 1627 г. упоминается Козловский Троицкий мужской монастырь. По преданию этот монастырь был основан иеромонахом Иосифом. Откуда он прибыл, неизвестно. Первоначально старец жил в одиночестве, но к 1636 г. в обители уже были другие иноки, и был построен храм[2]. Около 1629 г. упоминается Тамбовская Мамонтова Николаевская мужская пустынь[3].

Савиновой пустыни, находившейся, вероятно, возле Савиновского перевоза через Северский Донец, в 1617 г. был отдан Чепелевский юрт. Последний простирался от Савинского перевоза до р. Чепеля. В 1626 г. этой же пустыни «на свечи и ладан» был отдан Изюмский юрт, принадлежавший ранее атаману беломестных казаков М. Старикову[4].

С 1625 г. упоминается Шацкая Успенская Вышинская пустынь. Она находилась в 25 верстах от города на правом берегу р. Выши при ее впадении в Цну[5].

По мнению Д.И. Багалея, монастыри, находившиеся на южной окраине России, сыграли большую роль в развитии земледельческой культуры в этом регионе. Количество крестьян и бобылей на монастырских землях было довольно небольшим, а их положение должно было быть весьма льготным, т.к. количество рабочих рук не соответствовало размерам земельной собственности и сельскохозяйственным потребностям. Поэтому монастыри активно призывали на свои земли вольных людей. Монастырям не отводились поместные земли, т.к. последние были необходимы для обеспечения служилых людей. По словам Д.И. Багалея, в изученных им документах не встретилось упоминания о монастырских поместьях – в них говорилось только о вотчинах или об отводе земель без обозначения их рода. По предположению упомянутого исследователя, в последнем случае речь также идет о вотчинной собственности.

[1] *Никулов А.П.* Старый Оскол. – Курск, 1997. С. 167-168.
[2] *Денисов Л.И.* Православные моанстыри Российской империи. – М., 1908. С. 801.
[3] *Макарий (Булгаков).* История... Кн. VI. С. 751-758.
[4] *Багалей Д.И.* Очерки... С. 122.
[5] *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи. – М., 1908. С. 809.

Таким образом, в рассматриваемое время монастыри сами не могли обеспечить своего существования. В итоге, государство вынуждено было оказывать им материальную помощь, т.к. монастырь того времени выполнял функции богадельни для раненых, больных и бездомных[1].

Приведенные сведения позволяют утверждать, что взаимодействие государства и Церкви во фронтирной зоне в первой половине XVII в. было довольно тесным и взаимовыгодным. В районах, достаточно давно входивших в состав Российского царства (Рязанские земли, Путивль и Рыльск с уездами), шел процесс восстановления церковной структуры. Последняя была довольно развитой еще в XVI в. Говоря о других южных окраинах, которые еще только осваивались Российским государством, следует отметить стремление правительства более прочно закрепиться на их территории. Это стремление привело к активизации церковного и монастырского строительства в регионе. В отличие от центральных районов страны, динамичное развитие структуры Русской церкви в большинстве южных, фронтирных, уездов России было невозможно без прямой правительственной поддержки.

Таким образом, расширение сети православных храмов и монастырей на Юге России в 20-30-е гг. XVII в. явилось одним из следствий политики государственной колонизации Днепро-Донской лесостепи. На южной окраине Российского царства государственная политика по отношению к Церкви в значительной степени формировалась под влиянием проблем, обусловленных

[1] См.: *Багалей Д.И.* Очерки... С. 119-120.

особенностями фронтира, возникавших в ходе колонизации приграничной территории. В итоге, сложилась практика взаимовыгодного государственно-церковного взаимодействия. Государство обеспечивало функционирование Церкви материально, а Церковь, в свою очередь, способствовала закреплению Российского царства на спорных территориях идеологически.

4.7. Религиозные практики и духовные ценности населения фронтирной зоны

Специфика взаимоотношений местного «мира» и церкви

Важным центром священного пространства для рядового населения был храм. Как указывалось ранее, первые храмы, а также первые монастыри, в зоне южнорусского фронтира строились в рамках государственной колонизации окраинной территории. За государственный счет возводилось только необходимое (минимально достаточное) для идеологического обеспечения колонизации количество храмов и монастырей. В рассматриваемое время они основывались, как правило, либо в городах, либо вблизи от них, т.е. это были городские монастыри, сильно отличавшиеся от лесных пустынь Русского Севера. Большая часть их была основана не по свободному почину отдельных подвижников, а по приказу государственной и церковной властей. Почти все храмы и монастыри на осваиваемых землях открывались практически сразу после постройки нового города. Их существование было тесно связано с государственно-политическим значением города, в котором они появлялись.

По мере роста числа жителей и улучшения их благосостояния появляются храмы, простроенные уже не государством, а самими местными жителями. «Церковные образа и книги и ризы и всякая церковная утварь и колокола и строение – мирское», – указывалось в писцовых книгах[1]. Показательны слова настоятеля Валуйского Успенского Николо-Пристанского монастыря строителя Андриала, сказанные им в 1628 г. в Разрядном приказе во время рассмотрения дела о выделении руги священникам, переведенным в Валуйки после гибели Царева-Борисова: «А в Цареве-Борисове городе руги им не давано, потому что они были у приходцких церквей, а строились те церкви в Цареве-Борисове городе после тово как ружные церкви в Цареве-Борисове устроены, потому они ругою и не обложены...»[2]

На протяжении XVII столетия расширяется практика строительства церквей по инициативе священников. В описании такого храма говорилось, что «образа, книги, ризы, колокола, и все церковное строение – бывшего попа Тихона Степанова и мирское»[3].

Можно утверждать, что значительная часть воронежских храмов была сооружена и обустроена по инициативе и на средства прихожан, без участия государства. К старейшим храмам Воронежа относилась церковь во имя пророка Ильи с приделом Фрола и Лавра, построенная священником Иваном Никитиным. Она находилась «на посаде на Старом городище», этот храм не только выстроен на средства его первого священника о. Ивана, но и им же снабжен церковной утварью. На колокольне при храме висели два колокола: один – попа, а другой – прихожан.

Дозорная книга Воронежского уезда 1615 г. содержит сведения о храмах в слободах города. Одной из самых старых воронежских слобод являлась слобода полковых казаков. В ней священники Афанасий и Кузьма Павлов на свои средства построили: первый – храм Рождества Христова и теплую церковь во имя св. Георгия, а второй – храм Параскевы Пятницы и теплую церковь во имя Дмитрия Солунского.

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 137. Л. 190. См. также: Стефанович П.С. Патронат и приходское духовенство в центральных уездах России в XVI-XVII вв. // Вестник Московского университета. Серия: «История». № 4. 1997. С. 104-117.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 18. Л. 43.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 137. Л. 73-об.

В 1615 г. в Никольской церкви Стрелецкой слободы Воронежа служили два священника: Савва Никитич и Яков Леонтьевич. Все церковное имущество: иконы, ризы и свечи – принадлежало священнослужителям. При храме имелась колокольня, на которой находились два колокола, приобретенные на средства попов, и шесть – на средства прихожан[1].

В слободе беломестных казаков в 1615 г. находилась церковь Покрова Богородицы. Церковная утварь приобреталась на средства прихожан. При этом храме находились две кельи с нищими[2].

Всего в Воронежском уезде в 1615 г. имелось 17 церквей и две часовни.

Дозорная книга Воронежского уезда[3] указывает церкви, построенные на средства священников или прихожан: в с. Губарево, на правом берегу Дона, стояла церковь (Богоявленская, «строение попа Федора»). В двух селах на р. Усмани в 1615 г. находились: в с. Собакино – храм с двумя престолами: во имя Николая Чудотворца и во имя Дмитрия Солунского («строение попа Власа»); в с. Боровом – церковь Введения Пресвятой Богородицы с пределом Живоначальной Троицы («строение мирское»). На территории будущего Четровицкого стана, на правом берегу р. Воронеж, в сельце Грязном имелась Пятницкая церковь («строение мирское», книги и ризы – попа Василия Филипова).

Относительно источников сооружения остальных храмов сведений нет.

Религиозность жителей зачастую проявлялась в украшении храмовых икон. В 1626 г. в Белгороде имелась соборная церковь Живоначальной Троицы с двумя приделами, построенная за счет казны взамен ранее сгоревшей. Она была богата церковной утварью и иконами. Большую часть имущества прислали из Москвы,

[1] *Комолова Э.В.* Церковное развитие южнорусского региона в XVII в. // Из истории воронежского края. № 10. – Воронеж, 2002. С. 5-7.

[2] *Акиньшин А.Н.* Храмы Воронежа. – Воронеж, 1994. С. 8.

[3] *Глазьев В.Н.* Страницы ранней церковной и монастырской истории города Воронежа и Воронежского уезда. // Церковь и ее деятели в истории России. Вып. 2. – Воронеж, 2001. С. 60.

от имени государя. Вместе с тем, рядом с царскими дарами «образы обкладывали и золотые приложили» белгородские воеводы, князь Г. Тюфякин, В. Измайлов, Г. Горихвостов, Я. Дашков и В. Татищев. Имелись и пожертвования частных лиц[1].

Известно, что в соборной церкви Рыльска находился образ Богородицы, «молельный городской» детей боярских Новгорода-Северского, привезенный после передачи этого города Речи Посполитой. Он был украшен жемчугом и двумя золотыми кольцами. В 1635 г. к иконе «жемчуг приложил» настоятель собора о. Иван, но, как оказалось, сделал он это потому, что жемчуг, которым ранее была украшена икона, украл его сын Иван, убежавший из города[2].

Каждая слобода в крепости, представлявшая собой замкнутое сообщество, обычно имела свой собственный храм. Здесь церковь была прочно вплетена в жизнь местного «мира», связана с ним многими обстоятельствами. Но особенно сильно она зависела от населения слободы в материальном плане. Можно даже сказать, что в определенной степени храм воспринимался как собственность конкретной общины[3].

Несмотря на то, что численность духовенства оставалась небольшой (около 1% населения крепости и уезда), причастность к священным ритуалам часто наделяла представителей церкви особым авторитетом. К мнению руководителей церкви прихожане прислушивались при выборах на должности местного управления, при составлении коллективных челобитных и в решении спорных вопросов[4]. Священнослужителей были активно задействованы в общественной жизни, владели земельными участками и закрепленными за ними крестьянами, участвовали в торговых операциях.

[1] *Миклашевский И.Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. – М., 1894. Ч. 1. С. 67-68.

[2] РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 61. Л. 39, Л. 55.

[3] *Сукина Л.Б.* Церковный приход в социокульутрной среде русского города XVII века. // Город Средневековья и раннего Нового времени: археология, история. Материалы IV Всероссийского семинара. Под ред. И.Г. Бурцева. – Тула, 2011. С. 161-164.

[4] *Глазьев В.Н.* Власть и общество на юге России в XVII в. С. 169.

Социальная роль священника была действительно немалой, но при этом храм и его служитель всегда очень зависели от местного «мира». От численности и благосостояния общины зависело материальное положение приходских священников. Это утверждение хорошо иллюстрируют слова челобитной 1637 г. усердских священников Григория и Ивана, служивших в соборной церкви: «А указано, государь, нам, богомольцам твоим, твое государево жалованье против Козлова города, а Козлов, государь, город стоит промеж городов, блиско ево села и деревни, а Усерд, государь, город от людей отдален, блиско иво сел и деревень нет. И нам, богомольцам твоим, тем твоим государским жалованьем прокормитьца нечем, а приходу нет же...»[1]

Указанная зависимость проявлялось также в традиции наименования церквей. Существовал определенный круг почитаемых персонажей христианской религии и событий священной истории, в честь которых назывались церкви. Названия эти часто повторялись, причем даже в том случае, когда церковные строения находились неподалеку. Вероятно, освещение храма диктовалось волеизъявлением общины верующих. Например, в Елецком уезде на протяжении XVII в. существовали всего десять вариантов освящения церковной постройки. Объяснение заключается в том, что название храма было связано с волеизъявлением определенной общины. Очевидно, здесь играло свою роль народное православие, где тесно переплелись языческое и христианское начала. Об этой религии масс мы не имеем достаточных представлений, так как источников здесь немного. После преобразований 1650-х гг. церковь стала верным орудием власти, а народное влияние на религиозную жизнь постепенно стало сходить на нет.

Показательный пример – данные по наименованиям храмов Засосенского стана Елецкого уезда. В первой половине XVII в., когда церкви назывались по волеизъявлению общины, самым распространенным был храм Прасковьи Пятницы (3), затем следовали храмы в честь Николая Угодника (2) и Богоявления (2). Церквей с иными названиями здесь не было. Однако, по данным писцового

[1] РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 85. Л. 400.

описания 1691-1693 гг., ни одной церкви в честь святой Прасковьи уже нет, однако теперь появляется большое разнообразие в их названиях[1]. Может быть, это связано с борьбой в официальных церковных кругах с народным культом Прасковьи Пятницы или же сменой состава местной общины.

В XVII в. на рассматриваемой территории практически все храмы были деревянными. Основой их конструкции являлся четырехугольный бревенчатый сруб – «клеть». Внешне они не очень сильно отличались от жилых домов, но с восточной стороны к строению был прирублен алтарь – трехстенный выступ. Обычно церкви имели двускатные крыши, крытые тесом. Во многих храмах существовали приделы, представлявшие собой отдельный сруб, поставленный рядом с основным храмом. Церкви не всегда имели трапезную, но почти у всех были паперти[2].

Следует обратить внимание и на размеры сельских храмов. Возьмем, например, данные писцовой книги Засосенского стана Елецкого уезда 1691-1693 гг., где содержится детальное описание размеров каждой церковной постройки[3]. Исходя из представленных в этом источнике данных, совершенно очевидно, что количество и вместимость сельских храмов не были пропорциональны числу местных жителей. Сельский храм Елецкого уезда при средней площади 83,75 м^2 был рассчитан на 280 человек; при этом в Засосенском стане проживали около 6300 человек. Суммарный размер площади всех храмов составил более 433 м^2. Согласно принятой формуле расчета вместимости[4] местные сельские храмы мо-

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 132, 137.

[2] См.: *Сергей (Петров)*. История Воронежской епархии от ее учреждения до 1960-х гг. – Воронеж, 2011. С. 85-86.

[3] См.: *Ляпин Д.А., Афанасьева И.Н.* Сельские храмы Елецкого уезда по материалам писцового описания 1691 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. Вып. 5. Материалы междунар. науч. конф. 9-10 ноября 2017 г. – М., 2017. С. 214-218.

[4] *Возняк Е.Р., Горюнов В.С., Семенцов С.В.* Архитектура православных храмов на примере храмов Санкт-Петербурга: Учеб. пособие. – СПб., 2010. С. 55. Принятая авторами методика расчета такова: «Под основной характеристикой величины храма принимаем основную вместимость, т.е. сколько людей может в храме одновременно видеть и слышать службу. Основная вместимость определяется по формуле: В = Sосн /К, где В – основная вместимость; Sосн – пространство, с которого видно и слышно

гли посетить одновременно только 1445 человек, что составляет 24 % от средней численности жителей стана.

Это обстоятельство во многом показательно. Жизнь сельского общества регламентировалась множеством совместных действий, где на первом месте стояли вопросы, от которых зависело выживание коллектива, а религиозные практики связывались с конкретным интересом, определявшимся совершением ритуальных действий частного порядка[1]. Здесь из сферы общественной повседневность становилась внутрисемейной. Иными словами, в храме сельский «мир» распадался на отдельных людей, имеющих свои конкретные личные цели, не связанные с интересом коллектива. Потому и не было необходимости в устройстве большого храма, ведь здесь никогда не собирались все его прихожане одновременно. Кроме того, бывало, что храмы строили представители одной семьи, или же церковная утварь для церкви передавалась в дар конкретным человеком; также широкое распространение среди русской элиты имели домовые церкви.

С другой стороны, мы можем видеть здесь влияние народного, практического восприятия религии, характерного для культуры низов XVI-XVII вв.[2] Быть может, храм сам по себе мало почитался потому, что он был только местом исполнения обрядов и имел сугубо практическую функцию[3]. Примером здесь может быть случай

службу; К – пространство, занимаемое одним человеком, присутствующим на службе». Далее авторы раскрывают данную формулу и приходят к выводам, что «Пространство 0,3 м^2 на одного человека позволяет молящемуся свободно перекреститься и отдать неглубокий поклон; так стоят в храме во время полной, но не чрезмерной его заполненности. Минимальное пространство, занимаемое человеком, стоящим в толпе, составляет 0,17 м^2. Такова теоретически возможная вместимость храма в экстремальных ситуациях. Общепринятой в церковном строительстве остается норма 0,3 м^2 на чел.».

[1] *Никольский Н.М.* История русской церкви. – М., 2004. С. 142-143.

[2] *Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. – М., 2000. С. 23 ; Усенко О.Г. Психология социального протеста в России XVII-XVIII веков. Ч. 1. – Тверь, 1994. С. 39-47.

[3] Об это свидетельствует и постройка так называемых обыденных храмов, распространеннаяв XVII в. См.: Зеленин Д.К. «Обыденные» полотенца и обыденные храмы (Русские народные обычаи). // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901-1913. – М., 1994. С. 208-213.

в Цареве-Алексееве, где находился небольшой монастырь – Карпова пустынь[1]. Все его имущество было получено от местного помещика Василия Ляпунова, который, однако, не передал его безвозмездно, а составил опись всех книг, риз, икон и сосудов, считая все это своей собственностью.

Жизнь в пограничной крепости для монахов была сложной, и пустынь держалась только авторитетом игумена. Когда в 1652 г. настоятель умер (вероятно, был убит татарами), «черные старцы после своего игумена из монастыря разбежалися»[2]. По приказу из Москвы местный воевода Г. Куракин разыскал старцев и заставил их вернуться в монастырь, но те обнаружили там только голые стены: за год он был полностью разграблен местными жителями. В итоге монахов перевели в другую обитель. В. Ляпунов пытался разыскать свое имущество, предъявив воеводе опись, но найти ничего не удалось.

Кроме того, можно отметить Спасо-Преображенский Толшевский монастырь, который появился в Усманском стане Воронежского уезда на поместных землях детей боярских Пареновых после 1617 г. как практически единственный пример основания монастыря на приграничной территории в начале XVII в. частными лицами в своих владениях[3].

В 1620 г. был построен Семилуцкий Преображенский монастырь, названный «больничным», поскольку в нем постригались выходцы из татарского плена, а также раненые и калеки. Строителем его был воронежский сын боярский В.М. Струков[4].

Однажды в одной из слобод Воронежа в конце XVII в. местные жители ограбили свой храм. Сделав подкоп, они унесли ночью всю церковную утварь и благополучно скрылись. Опасаясь продавать краденное в самом Воронеже, воры отправились в Елец, где и продали всю утварь, а деньги пропили в местном кабаке[5].

[1] ОР РГБ. Ф. 204. Оп. 6. Д. 24. Л. 1-2.

[2] Там же. Л. 1.

[3] *Глазьев В.Н.* Страницы ранней церковной... С. 59.

[4] *Глазьев В.Н.* Страницы ранней церковной... С. 56, 59.

[5] *Жиброва Т.В.* «Они люди добрые и наперед сево за ними воровства и озорничества никакова не бывало»: Конфликты вокруг таможни и кружечного двора на примере

А в Ливнах в Великий пост 1620 г. сын боярский И. Павлов, заметив внушительную денежную сумму у священника Ильинской церкви о. Василия, позвал его к себе на подворье. Туда же пришли еще четыре ливенских сына боярских. По словам попа, вместе с хозяином они его избили и ограбили, сбили с головы скуфью, сорвали с шеи наперсный крест. Всего отобрали денег и одежды на 35 руб. 5 алтын. Затем ограбленного священника связали, бросили в яму заброшенного погреба и засыпали снегом. Однако крики о. Василия из-под снега услышали другие местные жители и священника спасли. После этого грабители заключили с попом мировое соглашение, но потом его имущество так и не вернули[1].

В это же время встречались и противоположные примеры. Так, священник Ильинской церкви, находившейся на посаде Воронежа, был уличен в связи с разбойниками. Он вместе с главарем шайки Антошкою заманил к себе пить вино сына боярского Федора Плясова, которого пытали, вымогая деньги, водили топить на реку, но затем, ограбленного, отпустили, «приведя ко кресту» в том, что он не будет жаловаться[2].

В 1624 г. курский сын боярский Л. Афанасьев вместе с Р. Кутеповым и монахом Курского монастыря Моторою избили иноземца И. Яганова и его жену, отобрали у них 5,5 руб. Примечательно, что это нападение произошло в пятницу «на Святой неделе»[3].

В отдельных случаях священнослужители оставались очень далеки от православных идеалов и не пользовались никаким авторитетом у прихожан. Их отношение к собственному храму и своей деятельности тоже было сугубо практическим, где ритуал ставился на первое место, а благочестие и нравственность не играли ведущей роли. Рассмотрим несколько подобного рода примеров.

материалов Воронежского уезда XVII века. // Проблемы социальных и гуманитарных наук. № 1 (14). 2018. С. 51. Иностранный путешественник Августин Мейерберг был очевидцем истории с сыном московского попа, посаженного в тюрьму за кражу икон из церкви. См. : Мейерберг А. Путешествие в Московию. // Утверждение династии. Сост. А. Либерман, послесл. С. Шокарев. – М., 1997. С. 71.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 9. Л. 656.

[2] *Амфитеатров А.В.* Русский поп XVII века. – Белград, 1930. С. 137.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 11. Л. 217.

Сохранились документы 1594 г., связанные с конфликтом воронежского стрелецкого головы И. Арсеньева и священника Никольской церкви Никиты[1]. Трудно однозначно оценить справедливость взаимных обвинений, но они дают представление как о суевериях, так и о религиозных представлениях людей того времени. В частности, священника обвиняли в том, что после разорения Воронежа черкасами он два года служил литургию без антиминса (который, вероятно, был утрачен), а потом кропил иконы и людей «с мертвых костей человечьих», после чего храм загорелся. Во время пожара обгорел образ Николая Чудотворца. Во время тушения огня под алтарем обнаружили человеческие кости. После пожара поп Никита бил обгоревший образ кнутом и пустил его по воде на реке Воронеж. Возможно, этот священник был не вполне здоров психически (пономарь его церкви утверждал, что поп Никита мочился в храме, ходил вместе с попадьей простоволосыми и в одних рубахах ночью вокруг церкви) и таким образом трактовал принцип воздвижения христианского храма на костях святых при отсутствии антиминса. Явно странным выглядит наказание кнутом обгоревшей иконы, а вот традиция пускать по воде непригодные иконы была довольно распространенной.

В 1640 г. в Елец из Ефремова приехала попадья, которая рассказывала об издевательствах ее мужа, попа Афанасия, который якобы занимался колдовством[2]. Над женой Афанасий проводил крайне неприятные колдовские опыты («разными путки путал»), и та просила у ельчан защиты. Воевода Ф.А. Алябьев расспросил ее о случившемся, но ничего предпринимать не стал, посчитав, что это дело ефремовского воеводы Назария Колтовского. Он написал ему письмо с просьбой разобраться в этом деле. Оказалось, что на попа Афанасия давно жаловались ефремовцы: он не вел служб в храме, занимался наведением порчи и даже «испортил» местного помещика, а потом и стрелецкого голову. Люди уверяли, что «испор-

[1] РГАДА. Ф. 141. 1594 г. Д. 1. Ч. II. Л. 4-7.

[2] Вера в колдовство была широко распространена в XVII в. См.: Забылин М. Русский народ: его обычаи, предания, обряды. С. 187-220; Kivelson V. Desperate magic: the moral economy of witchcraft in Seventeenth Century Russia. – New-York, 2013.

ченные» Афанасием лежали в болезни и не могли подняться. Ефремовский воевода Н. Колтовский пытался усмирить попа, но тот грозил в ответ и даже сорвал шапку с его жены («и простоволосу на улице поставил»)[1]. Пока воевода Ф.А. Алябьев думал, что можно предпринять, попадья утопилась в реке[2].

В 1674 г. в крепости Короча поселился старец Иев, который оказался беглецом из монастырской тюрьмы в Каргополе. Старец выдавал себя за знатного человека, боярина Салтыкова, и, пуская слухи о своей значительности, получал питание и ночлег. Местному воеводе строго приказывалось посылать на базар «бирючей кликать» о том старце и «всяким чинам людям» рассказывать, что человек, выдающий себя за Салтыкова, – беглый старец Иев. В Москве уверяли, что этот обманщик очень опасен, потому его надо арестовать и немедленно отправить в Посольский приказ «с провожатыми и беречь его накрепко, чтоб он с дороги не ушел и дурна какого людям не учинил»[3].

Есть основания сомневаться в глубокой религиозности населения и эффективности пастырской деятельности священников на южной окраине в XVII в. Например, известно, что архиепископ Мисаил, прибыв в свою епархию в Переяславль-Рязанский в 1652 г., отмечал, что священники не только упивались вином дома, но и были постоянными посетителями кабаков. Попы были вынуждены заниматься различными промыслами, а церкви «стояли без пения». При этом архиепископ выяснил, что, например, в Шацком и Кадомском уездах множество формально православных семей не протяжении нескольких десятилетий не только не соблюдали пост и не причащались, но и не появлялись в храме вообще[4].

Таковы были общие формы поведения человека фронтирной зоны в отношении с церковью. В сакральном пространстве челове-

[1] Считалось, что можно навести порчу через головной убор.

[2] *Новомбергский Н.Я.* Колдовство в Московской Руси XVII столетия (Материалы по истории медицины в России. Т. III, ч. I). // Новомбергский Н. Я. Слово и дело государевы. Т. 2. – М., 2002. С. 36.

[3] Царские грамоты на Корочу воеводам и челобитные корочан царям. С. 106.

[4] *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. – Тамбов, 1887. Вып. 4. С. 78-72.

ка храм играл конкретную практическую роль, где на первое место выходил ритуал, исполнение которого обеспечивало в сознании людей нужный эффект. Этому народному восприятию религии чуждо стремление украсить церковь, наполнить ее роскошью и богатством. У нас также нет данных и об особом почитании священнослужителей[1]. Священники слишком зависели от местного «мира», чтобы выступать с обличительными речами по адресу его членов. Только их личные качества могли помочь добиться уважения у местного общества[2].

Случалось, что интересы церкви и местного «мира» пересекались и между ними начинался серьезный конфликт. Особенно частой была вражда между помещиками и монастырем, который гораздо меньше зависел от «мира» и жил своим собственным трудом. Впрочем, встречались случаи, когда возникавшие во фронтирной зоне монастыри и пустыни не имели ресурсов для обработки земли.

В 1626 г. Белгородскому Рождественско-Богородицкому женскому монастырю писцы Кирикейский и Максимов отвели «для пропитания стариц» 80 пустых мест, которые ранее занимали дворы и огороды путивльских и ливенских вожей, 35 четей дубравы на поляне и сенокоса на 150 копен. Однако усадебная земля не была утверждена за монастырем. Ее отвели черкасам, переселившимся из Речи Посполитой, а монастырю взамен выделили 15 руб. ежегодной руги. Впрочем, имущественное положение данного монастыря оставалось довольно тяжелым. У него не было ни крестьян, ни бобылей[3].

Несмотря на наличие постоянной опасности, построение монастырей и храмов по обету, в связи с избавлением от какой-либо опасности в рассматриваемом регионе, оставалось достаточно

[1] *Гинзбург К.* Сыр и черви. С. 69.

[2] *Никольский Н.М.* История русской церкви... С. 132 ; См. также: Раздорский А.И. Черное и белое духовенство в таможенных и кабацких книгах городов юга и запада европейской России XVII в. // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI-XVIII вв. Сб. статей. – М., 2016. С. 501-503.

[3] *Багалей Д.И.* Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Т. I. – М., 1887. С. 118-119.

редким явлением. Тем не менее, такие примеры есть. Из «сказки» Феодосия, игумена Успенского и Алексеевского Воронежских монастырей известно об обстоятельствах основания последнего из названных монастырей. По его словам, в 1620 г. Воронеж подвергся нападению «литовских людей» и черкас. Во время осады, в день памяти Алексия Московского Чудотворца (12 февраля), гарнизон совершил успешную вылазку. В ознаменование этого события жители города и уезда обещали воздвигнуть храм во имя Алексия Чудотворца и устроить монастырь. Феодосий передал для постройки пустыни Акатову поляну своему дяде – игумену Кириллу. Поляна получила название по месту своего расположения на обрывистом правом берегу реки. Пока Кирилл был жив, Феодосий помогал ему устраивать монастырь. В Акатовой пустыни возвели деревянную церковь во имя святителя Алексия, устроили кельи для игумена и четырех старцев. Несколько лет спустя поблизости стали появляться жилые дворы[1]. По мнению современных историков, упомянутое в «сказке» Феодосия событие могло произойти не в 1620, а в феврале 1617 или 1618 г. Тем не менее, вполне оправдано отнесение основания Алексеевского Аркатова мужского монастыря в честь Воскресения Господня к 1619/20 г.[2]

Монастыри южной окраины России территориально находились ближе всего к землям Войска Донского, поэтому реализация религиозных потребностей донских казаков порой приводила к установлению их особых отношений с отдельными монастырями. Известно, что в Воронежском Покровском девичьем монастыре постригались, среди прочих, вдовы донских казаков, а само донское казачество выступало покровителем этого монастыря. Этот монастырь основали в 1622/23 г. Примечательно, что самые первые сведения об этом событии содержатся в разрядной грамоте, составленной по поводу челобитной, поданой игуменьей Марфой в государев Разрядный приказ в 1625 г. По ее словам, в монастырском

[1] *Акиньшин А.Н.* Храмы Воронежа. – Воронеж, 1994. С. 105.

[2] *Глазьев В.Н.* Страницы ранней церковной и монастырской истории города Воронежа и Воронежского уезда. // Церковь и ее деятели в истории России. Вып. 2. – Воронеж, 2001. С. 56.

храме Покрова Пресвятой Богородицы не было икон, риз, колоколов, ладана, свечей и церковного вина. Монастырь также не имел ни вотчин, ни церковного прихода. Учитывая вышеизложенное, игуменья просила выделить своему монастырю Хворостянский ухожей с угодьями, протянувшимися вдоль по течению реки Хворостянки на полсотни верст. Разрядные дьяки предписали воронежским воеводам проверить наличие грамоты об основании монастыря, при этом уточнив, каким приказом была дана грамота. Кроме того, воеводам надлежало выяснить, обустроен ли монастырь и живут ли в нем монахини. В случае положительного ответа на все поставленные вопросы воеводам надлежало передать Хворостянский ухожей Покровскому монастырю в вотчину. Исходя из того, что по писцовой и межевой книге 1628-1629 гг. упомянутый ухожей был записан за Покровским монастырем (за старицей Марфой с монахинями) по грамоте 1625 г. и по отказной выписи 1626/27 г., можно говорить об удовлетворении монастырской челобитной[1].

В 1621 г. по челобитью донских казаков была выдана жалованная грамота Воронежскому Троицкому Борщевскому монастырю на Богатый Затон. Доходы должны были направляться на церковный обиход, богослужебную утварь, а также проживание и питание казаков, приезжавших в этот монастырь, поскольку донцы в нем «постригаются, раненые и увечные кормятся»[2].

Вообще же монастырское хозяйство требовало самой рачительной заботы и внимания, поскольку землевладельцы всех рангов настойчиво посягали на владения любой обители. В итоге братия или сестры монастыря часто спорили, судились и ссорились с соседями. Рассмотрим один эпизод на эту тему[3].

В 1662 г. земли Борщевского монастыря Воронежского уезда стали захватывать помещики из Коротояка. Особенно забеспокоилась игуменья Агафья, когда захватчики стали быстро заселять и распахивать «Хворостанские ухожаи», отведенные монастырю для хозяйственной деятельности угодья по реке Хворостань, где нахо-

[1] *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской империи. – М., 1908. С. 177-178.

[2] РГАДА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 1524. Л. 1.

[3] ГАВО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 151. Л. 1-13.

дилась целая деревня монастырских бобылей, также называвшаяся Хворостань. Во главе коротоякских помещиков стоял Антон Гололобов, который вместе со своими товарищами выгонял бобылей с территории ухожая. В итоге Агафья подала челобитную на имя Г.Г. Ромодановского, возглавлявшего Белгородский полк[1].

Из Белгорода в Воронежский уезд приехал сыщик А. Беседин. Он собрал старожилов и «всяких чинов людей» и с ними оправился отмерять границы между владениями монастыря и помещиков из Коротояка. Затем началось следствие. После изучения документов и опроса свидетелей ценные ухожаи было решено оставить за монахинями обители. Однако А. Гололобов с товарищами решили все равно избавиться от монастырской деревни и захватить плодородные земли себе. Для этого за помощью они решили обратиться к своему воеводе. «Наговоря и подкупя коротояцкого воеводу Д. Фуникова, чтоб он заодно с ними ту деревнишку разорил», – рассказывала после игуменья[2].

Д. Фуников проявил большую энергию и разработал целый план захвата монастырских земель. Было решено внезапно напасть на деревню, разорить ее и прогнать бобылей, а потом сразу же расписать «брошенные» земли сельскому «миру». Действительно, очень скоро «тот воевода Д. Фуников послушал их, воров, и прибежал воровски с тем А. Гололобовым и их товарищи в вотчину Покрова пресвятой Богородицы монастыря на Хворосане и разбойничал бобылишкам моим», – сетовала Агафья[3].

Однако бобыли неожиданно оказали серьезный отпор, и внезапность набега не принесла успеха. Завязался целый бой, в ходе которого бобыли отбили свою деревню у помещиков Коротояка и послали гонца к игуменье с вестями о случившемся.

Д. Фуников был раздосадован такой неудачей и решил устроить возле деревни нечто вроде военного лагеря, а также собирать новые силы из числа окрестных помещиков.

[1] См. также: ДАИ. Т. 12. – СПб., 1875. С. 118.
[2] ГАВО. Ф. И-182. Оп. 3. Д. 151. Л. 1.
[3] Там же.

В это время Агафья, узнав о произошедшем, немедленно отправилась со своими монастырскими старицами в деревню, чтобы посчитать убытки и своими глазами увидеть следы сражения. Однако здесь она оказались в осаде, поскольку Д. Фуников как раз в этот момент окружил деревню, старясь взять ее измором. Позже Агафья писала, что «была в деревнишки и сидела осадою»[1].

Имеющиеся сведения о том, что бобыльская деревня находилась в осаде, позволяют предположить наличие укреплений в данном поселении. Это было вполне характерным явлением для данного региона, постоянно разоряемого татарскими набегами. Под защитой укреплений бобыли и старицы монастыря держали осаду и успешно отбивали попытки прорваться в деревню несколько дней. Наконец, собравшись с силами, воевода Коротояка начал генеральный штурм, в ходе которого ворвался со своими людьми в деревню. Однако здесь бобыли и старицы были успешнее и сумели отбить удар, хотя и понесли потери: несколько монастырских стариц и два бобыля были взяты в плен. Конечно, Фуников хотел захватить в плен Агафью, но игуменью надежно оберегали.

Воевода, видимо, считал, что штурм удался. Захваченных стариц он планировал утром «посадить в воду», а пока что в его лагере был устроен пир. В результате такой беспечности «божиим соизволением те старицы у тех коротоячен из рук у пьяных ушли»[2]. Наутро Фуников отправился к деревне «со многими людьми» и велел передать Агафье, что поймает ее и посадит в воду вместе со всеми ее старицами, а дома бобылей разорит так, что от них ничего не останется.

Игуменья воспользовалась временным снятием осады и ночью послала просьбу о помощи в Троицкий мужской монастырь Воронежского уезда, к игумену Алексею. Тот быстро собрал своих крестьян и отправил их на подмогу старицам. Помощь подоспела вовремя, поскольку «воевода Д. Фуников послал коротоячен сто человек казаков в вотчину Покровского монастыря в деревню

[1] Там же.
[2] Там же. Л. 2.

Хворостаньи», однако монастырские крестьяне «тех ста человек в деревню не пустили» [1].

Деревня была уже сильно разорена в ходе боев, а коротояцкий воевода всё не отступал. В таких условиях Агафье удалось отослать письмо главе Белгородского полка Г.Г. Ромодановскому, в котором она сетовала, что сидит в осаде, защищая свою деревню от Фуникова, «и я, богомолица твоя, разорена от него без остатка: прийти и пробежать нельзя, хоть голодом помирай, потому что заставы учинены везде людей многих»[2].

Г.Г. Ромодановский велел воеводе сейчас же прекратить войну с монастырем. В итоге тот снял осаду с деревни и вернулся в Коротояк. Неизвестно, сколько еще продолжался бы конфликт, но в дело вмешалась чума («моровое поветрие»), вспыхнувшая в Воронежском уезде в 1666 г. В результате помещики из Коротояка оставили эти земли, а монастырские бобыли «от морового поветрия разбежались, а ныне все их дворы пусты», как докладывал позже в Монастырский приказ воевода Василий Уваров[3].

Религиозные практики в контексте системы празднеств

Население фронтирной зоны строго следовало круговому циклу аграрно-бытовых праздников, что нашло отражение в сохранившемся комплексе кабацких книг, поскольку явившийся за разрешением «сварить вина» местный житель указывал обычно в качестве повода предстоящий праздник[4].

Праздники составляли важную сторону общественной и семейной жизни человека – они воспринимались как нечто противоположное будням, позволяли человеку ощутить свою причастность к общему священному пространству. Более того, следование празднику было свидетельством православного вероисповедания,

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Там же. Л. 4.

[4] *Пальчикова А.С.* Отражение аграрно-бытового календаря в женских именах... С. 40-50.

которое в XVII в. являлось своеобразным маркером цивилизационной принадлежности. Наконец, в празднике отражался присущий Российскому государству патернализм, где все (от царя до его «холопов») были объединены единой общностью традиций, ритуалов и правил.

Нет необходимости подробно останавливаться на рассмотрении всего годового цикла праздников населения южных уездов, поскольку их общий характер и значение достаточно хорошо известны. В качестве небольшого примера рассмотрим только зимний период русского народного земледельческого календаря на основе явок в кабак Ельца в ноябре 1615 – марте 1616 гг.[1] Поскольку жизнь простого человека того времени была привязана к сельскому хозяйству и, прежде всего, к земельным работам, мы начнем описание с Рождественского поста (14 ноября – 24 декабря), своеобразного переходного времени, когда вместе с обмолотом зерна полностью заканчивался сезон сельскохозяйственных работ[2].

Первым среди важнейших праздников этого периода был день 21 ноября – Введение во храм Пресвятой Богородицы. Тридцать один человек явился в елецкий кабак за разрешением изготовить спиртное по этому поводу[3]. Кабацкие книги фиксируют популярность этого праздника в народе, поскольку готовиться к нему начинали (судя по явкам) уже 12 ноября, прося разрешения сварить пива, браги или вина (т.е. хлебного вина) в достаточно большом количестве. Согласно поздним данным, на Введение («Введенев день») устраивались смотрины невест, заключали уговоры о браках, начинали подготовку к свадьбам[4]. Вообще же, свадебная обрядность была важной стороной праздников зимнего цикла, так

[1] *Ляпин Д.А.* Русские праздники зимнего цикла в XVII в. (по материалам кабацкой явочной книги г. Ельца 1615/16 гг.) // Живая старина. № 3. 2009. С. 38-41.

[2] *Некрылова А.Ф.* Русский земледельческий календарь. // Круглый год. Русский земледельческий календарь. / Сост., вступ. статья и примеч. в тексте А.Ф. Некрыловой. – М., 1989. С. 7.

[3] РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Д. 2-а. Л. 1-2-об. Все даты даются по старому стилю.

[4] *Шангина И.И.* Русские традиционные праздники. – СПб., 2008. С. 207; Народные праздники на Руси. Составитель С. А. Михайлов. – М., 2004. С. 153-155.

как именно в эту пору проходили смотры невест, устраивалось сватовство и заключались браки.

Популярным праздником (по данным на 1615 г.) зимнего цикла являлся Егорьев день, или «Егорий Холодный» («Юрьев день»), который отмечался 26 ноября[1]. Тридцать восемь жителей крепости и уезда просили разрешения изготовить спиртное именно к этому дню[2]. Известно, что до 1580-х гг. за неделю до Юрьева дня и в неделю после крестьянин мог покинуть своего землевладельца, расплатившись с ним по долгам. На протяжении столетий это было время расчетов за выполненную работу и получения долгов. В советской историографии часто приводили в пример поговорку «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» как свидетельство народной памяти об отмене Юрьева дня в конце XVI столетия. Однако смысл ее на самом деле заключался в том, что наемные работники получали расчет за свой труд, а нанимавший их работодатель часто прибегал к обману, не выплачивая всей положенной суммы, вычитая за разного рода мелкие убытки. Возникновение этой поговорки относится к гораздо более позднему времени[3]. Возможно популярность «Егорьева дня» была связана с тем, что в это время производились расчеты по долгам и плата за труд по найму, а значит, у людей появлялись деньги и желание отпраздновать важный этап своей трудовой жизни.

Существенную роль в зимнем цикле аграрных праздников играл «Николин день», отмечаемый 6 декабря[4]. В 1615 г. тридцать семь ельчан попросили разрешения произвести спиртное для этого праздника. Причем «Николу» праздновали несколько дней подряд, с большим количеством выпивки. Например, елецкий казак Я. Золототрубов просил «поставить» к Николину дню пуд (16

[1] *Шангина И.И.* Указ. соч. С. 125; Круглый год. Русский земледельческий календарь. С. 37-39 ; Терещенко А.В. История культуры русского народа. С. 552-554. О почитании Егория см.: Веселовский А.Н. Св. Георгий в легенде, песне, обряде. // Веселовский А. Н. Избранное: Традиция и духовная культура. – М., 2009. С. 7-199.

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Д. 2-а. Л. 2-4.

[3] *Ляпин Д.А.* Народные волнения XVII века и русское крестьянство. // Canadian-American Slavic Studies. Vol. 48. 2014. SpecialIssue: The Time of Troubles. P. 157-167.

[4] *Шангина И.И.* Русские традиционные праздники. С. 131-137.

кг) меда, а помещик А.Ф. Савельев намеревался сварить 16 литров пива и еще 4 литра вина[1].

Русские «считают неприличным и непристойным не упиться в этот день вином или водкою», – отмечали иностранцы, посещавшие Россию в XVII в.[2] Рассуждая о популярности дня святителя Николая Угодника, следует отметить, что его культ выходил за рамки календарного празднования. Ельчане, как и жители других крепостей, просили «сварить вина», чтобы «помолиться святому Николаю» круглый год. Например, в январе елецкий посадский человек М. Юрьев получил разрешение на производство вина, чтобы «Николе помолица» перед предстоящей помолвкой. В этом почитании Николая Угодника проявилась своеобразная народная религия, для которой характерен практический подход к обрядам[3]. Святой Николай в сознании людей выступал как надежный посредник между Богом и человеком, и именно здесь следует искать объяснение тех пиршеств, которые традиционно устраивались русскими крестьянами в Николин день[4].

Впрочем, следует отметить, что специальное вино ельчане изготавливали и для проведения обрядов в честь Богородицы или других святых. Например, 15 декабря 1615 г. елецкий стрелец Т. Филимонов просил разрешение «сварить» вина, чтобы «родителей помянуть и Марии Пречистай молица», а в конце февраля 1616 г. беломестный казак А.Я. Милаков хотел изготовить вино, чтобы помолиться своему покровителю – святому Алексею человеку Божьему[5].

25 декабря в Ельце отмечали праздник Рождества Христова. К этому дню в кабак пришли двадцать восемь человек с просьбой разрешить произвести вина или пива[6]. От Рождества до Креще-

[1] РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Д. 2-а. Л. 11-об.

[2] *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. – М., 1982. С. 46.

[3] О народной религии русских низов см.: Усенко О.Г. Психология социального протеста... С. 39-47.

[4] *Шангина И.И.* Русские традиционные праздники. С. 136.

[5] РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Д. 2-а. Л. 19, 45-об.

[6] *Никольский Н.М.* История русской церкви. С. 578-593, 598.

ния шли Святки – период времени, тесно связанный с культом предков, имевшим глубокие корни в славянской среде[1]. Документы свидетельствуют о том, что в это время люди «варили» вино в большом количестве «на помин родителей», а также для обрядов, посвященных Николаю Угоднику и Богородице.

Время Святок – время необузданного, разгульного веселья[2]. Это эпоха праздничного действия, означавшего наступление важных изменений (праздник всегда был связан со временем перемен): астрономический день становился больше, а ночь уменьшалась, – приближалась весна. Устраиваемые людьми пиршества и гуляния, о которых мы знаем по косвенным сведениям, были, по большому счету, типичным карнавалом с его безудержным весельем, переворачиванием всего «с ног на голову» и ряженьем. Эти святочные гуляния являлись пограничной полосой, были знаковым символом перемен не только в природе, но и в самом образе жизни людей[3].

26 декабря 1615 г. в Ельце отмечали «Бабьи каши». Мы уже говорили, что этот праздник был связан с рождением детей и сопровождался почитанием повивальных бабок и рожениц. Исследователи не раз отмечали, что это (забытое сегодня, но очень важное для человека XVII в.) торжество было связано с культом Параскевы Пятницы, а его корни уходят вглубь индоевропейского язычества[4]. Для аграрно-земледельческого календаря Бабьи каши имели особое значение, поскольку сама по себе тема рождения и плодородия была когда-то связана с образом Великой богини славян-земледельцев, воплощающей в себе идею производительных сил природы[5].

[1] *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). – М., 2006. С. 20-21, 25, 27-29; Шангина И.И. Русские традиционные праздники. С. 17-40; Веселовский А.Н. Судьба-Доля в народных представлениях славян. С. 408; Терещенко А.В. История культуры русского народа. С. 640-641.

[2] *Токарев С.А.* Маски и ряженые. // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. – М., 1983. С. 185-193.

[3] *Бахтин М.М.* Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – М., 1990. С. 234, 241-242.

[4] Русские: народная культура (история и современность). / Отв. ред. И.В. Власова. Т. 5. Духовная культура. Народные знания. – М., 2002. С. 176.

[5] *Чичеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря... С. 60; Круглый год. Русский земледельческий календарь... С. 66-67.

Интересно, что за разрешением изготовить вина или пива к Бабьим кашам обращались женщины старшего поколения, обычно вдовы, хотя сам обряд, связанный с праздником, был, скорее всего, направлен только на замужнюю женщину и связывался с рождением ребенка.

Для празднования Васильева дня, 1 января, в елецком кабаке попросили «сварить вина» одиннадцать человек. Это торжество было посвящено святому Василию Великому, хотя тоже имело свои языческие корни[1]. В бытовом отношении этот праздник интересен тем, что после него начиналась пора свадеб. Двадцать одна свадьба состоялась в Ельце в январе 1616 г. Но уже в конце января свадьбы полностью прекращались. В эту свадебную пору, 6 января, отмечали праздник Богоявления или Крещения. Семнадцать ельчан получили разрешение на варку вина к этому дню, но при этом количество изготовляемого алкоголя было очень значительным. Например, 27 декабря воротник Я. Гончар получил разрешение сварить два ведра пива, а пушкарь Ф. Сергеев – целых четыре ведра пива и полведра вина[2].

В начале февраля начиналась «Ма́слина неделя». Мы имеем сведения о двадцати семи явках в это время с просьбой изготовить вина и пива. Это вообще был большой показатель, так как почти все эти явки были групповыми. Масленица была принята Православной Церковью как религиозный праздник, но в народе особенно широко праздновался (судя по явкам в кабак) только третий из четырех подготовительных воскресных дней к Великому посту, который был известен под именем «мясопустной недели» («неделей» тогда называлось воскресенье)[3]. Это был один из главных праздничных дней зимы, апогей широкого народного празднества и безудержного карнавального веселья. Масленица в народном сознании представлялась в образе женщины (ее часто называли Прасковьей или Агафьей) и была связана с идеей плодородия и разгульного пиршества[4].

[1] Круглый год. Русский земледельческий календарь... С. 75-77.

[2] РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Д. 2-а. Л. 22.

[3] Там же. Л. 35.

[4] *Коршуков В.А.* Имена Масленицы (этнографический комментарий к обрядовому фольклору). // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия: «Искусствоведение». № 1 (2). 1998. С. 43-48.

Затем наступал Великий пост. В его дни ельчане просили разрешения сварить вина на помин родителей (51 человек) или для празднования некоторых важных праздников, выпадающих на пост. Поминки были важным ритуальным действием для человека того времени, который считал, что живущий в этом мире может оказывать определенное влияние на благополучие души умершего, и наоборот[1].

Общие данные о популярности праздников на основании явок в кабак в ноябре 1615 – феврале 1616 гг. представлены в Диаграмме 4.

Конечно, эти сведения отражают популярность праздников лишь отчасти. Если мы учтем, что они были как индивидуальными, так и групповыми, то, безусловно, первое место по популярности займут «Масляна неделя» и Святки. Другие документы косвенно указывают на разгульные гуляния именно в это время, свидетельствуя о бурном пиршестве и веселье, а также о традициях ряженья и колядования.

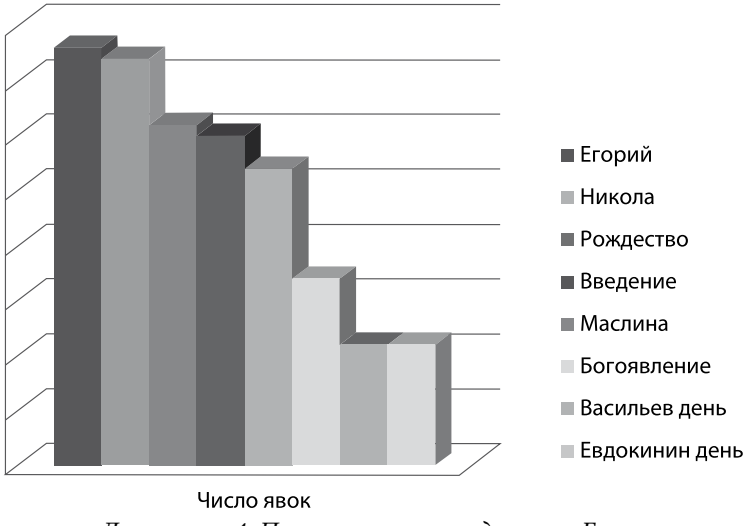

Диаграмма 4. Популярность праздников в Ельце с ноября 1615 по февраль 1616 гг. на основании явок в кабак

[1] *Пигин А.В.* Видения потустороннего мира... С. 198-199.

Аграрно-бытовой календарь, структурирующий жизнь человека XVII столетия, нашел отражение и в системе именаречения. Особенно хорошо это прослеживается на материале женских имен[1]. Если мы вновь обратимся к данным Елецкого уезда, то увидим, что наибольшей популярностью среди местных помещиц неизменно пользовались пять имен: Авдотья (Евдокия), Анна, Ирина, Агафья и Прасковья.

Самое популярное в этом списке имя Авдотья (Евдокия) отсылает нас к культу мученицы Евдокии. Празднование этой святой приходилось на 1 марта – время прихода весны[2]. Это был важный период подготовки к предстоящим полевым работам, от которого зависел успех будущего урожая. В этом отношении представления о помощи святой Евдокии связывались с надеждами и ожиданиями благоприятного времени для сельскохозяйственных работ, во многом зависящих от капризной природной стихии. Культ Евдокии также соотносился с упованиями на хороший урожай. Неслучайно эта святая считалась покровительницей ткачества, а пряжа в древности была символом вечного круговорота жизни и смерти[3].

В народных преставлениях Евдокиин день был временем пробуждения природы, ее производительных сил. Люди верили даже в то, что именно 1 марта просыпались подземные ручьи, питавшие будущие посевы. Кажется вполне естественным, что день святой Евдокии был связан в народной традиции с Егорием Весенним (23 апреля): «У Евдокии – вода, у Егория – трава», – гласила старая поговорка[4]. Понятно, что для молодой женщины покровительство этой святой, столь тесно связанной с плодородием, имело особенное значение.

[1] Материалы по частотности женских имен Елецкого уезда см.: Пальчикова А.С. Отражение аграрно-бытового календаря в женских именах... С. 40-50. Далее использованы материалы этой статьи.

[2] Круглый год. Русский земледельческий календарь... С. 127-132.

[3] Там же. С. 129.

[4] Там же. С. 128. См. также: *Занозина Л.О., Ларина Л.И.* Языковая репрезентация обрядовых действий, связанных с севом (на курском материале). // Этнография Центрального Черноземья России. Вып. 9. – Воронеж, 2010. С. 90-95.

Во второй половине XVII в. вторую строчку популярности среди женских имен занимала Анна. В христианской традиции Анна – мать Богородицы, отличавшаяся особым благочестием, а в народных представлениях эта святая была покровительницей беременных и рожениц. Ее праздник приходился на 9 сентября (в этот день официальная церковь чтила память родителей Богородицы – Иоакима и Анны). Нужно вспомнить, что именно в сентябре женщины чаще всего рожали детей, поскольку пора свадеб приходилась на январь (т.е. как раз проходило 9 месяцев). В сентябре урожай в поле был уже собран и начиналась его обработка, следовательно, святая Анна ассоциировалась также и со сбором плодов. Однако, не стоит забывать, что данная святая начинает упоминаться в святцах только с середины XVII в.[1]

День святой Ирины, следующей по популярности, приходился на 16 апреля. В этот день весна полностью вступала в свои права: начинался ледоход и таяние снегов, земледельцы готовили семена к посеву, что указывает на связь праздника с будущим урожаем. Неслучайно и то, что именно 16 апреля, по народным поверьям, следует начинать заниматься рассадой[2].

Что касается святой Агафьи, то она «заботилась» о домашнем скоте (в народе она называлась «Агафья-скотница»), а ее празднование выпадало на 5 февраля. Прежде всего, Агафья считалась покровительницей коров, от которых зависело благосостояние сельских жителей[3]. Вероятно, культ Агафьи ассоциировался с материальным достатком и благополучием в целом, поскольку скот, как известно, с древних времен связывался у славянских народов с богатством.

Наконец, большой популярностью (особенно в первой половине XVII в.) пользовалось имя Прасковья, которое давалось девочкам в честь святой Параскевы (Прасковьи) Пятницы. Эта святая считалась покровительницей женщин вообще, а также приносила удачу в супружеской жизни. Вероятно, в этом проявлялся

[1] *Пальчикова А.С.* Отражение аграрно-бытового календаря в женских именах... С. 47.

[2] Круглый год. Русский земледельческий календарь... С. 159-160.

[3] Там же. С. 103-105.

весьма древний аграрный культ, восходящий к почитанию некоего женского божества. Ее чествование приходилось на 14 и 28 октября, в дни святых Параскевы Сербской и Параскевы Ионийской, соответственно. В эти дни запрещалось трудиться, чтобы не разозлить святую; особенно же нельзя было делать «женскую работу»: прясть и стирать[1]. Как мы уже говорили, единственный женский праздник в году, «Бабьи каши», связывался с именем Параскевы Пятницы. Отметим также, что это была практически единственная женщина-святая, в честь которой на Юге России назывались храмы (за редким исключением).

Итак, почти все популярные женские имена (Евдокия, Анна, Ирина и Агафья) были связаны, так или иначе, с аграрными праздниками, отражающими важнейшие периоды земледельческого календаря. Плодородие и сохранение урожая – вот смысловые составляющие этих празднеств. Только Параскева-Прасковья стоит здесь особняком, поскольку является покровительницей женщин вообще. Важно отметить, что Агафья и Прасковья – имена, которыми в народе называли также и Масленицу, и, возможно, в этих женских культах (а также в почитании Анны и Ирины) запечатлелось поклонение единому культу древнейшего женского божества славян[2].

Кроме календарных праздников аграрно-бытового календаря важнейшую сторону общественной жизни допетровской Руси составляли праздники, связанные с событиями в царской семье: царская свадьба, рождение ребенка, царские именины и крестины. Сакрализация фигуры правителя проявлялась и в посвящении приделов в храмах святым, покровительствующим правящему монарху[3].

[1] *Толстая С.М.* Пятница. // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 4. / Под ред. Н.И. Толстого. – М., 2009. С. 383.

[2] *Коршуков В.А.* Имена Масленицы (этнографический комментарий к обрядовому фольклору). // Вестник Челябинского гос. ун-та. Серия: «Искусствоведение». № 1 (2). 1998. С. 48.

[3] Например, в 1613 в Ельце появился храм в честь святого Михаила Малеина, покровителя царя, ставший потом приделом местного собора : РГАДА. Ф. 210. Оп. 10. Д. 7. Л. 117. См. также: Забелин И. Е. Домашний быт русских царей... С. 515 ; Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1... С. 78.

Праздники организовывали священное пространство существования человека. Они же определяли особые формы поведения, связанные с целым комплексом ритуальных действий, поэтому их значение было куда большим, чем может показаться на первый взгляд. В праздниках, имевших всеобщий характер, также проявилась связь «мира» и царя – общее для всех людей Российского царства сакральное пространство. Ритуализация празднеств, присутствие в них аграрно-магической функции придавали им практический аспект, в котором проявлялось хорошо известное нам стремление к достатку и благополучию.

Православные выходцы из Речи Посполитой на южной окраине России

Одна из особенностей религиозной ситуации на южной (точнее, юго-западной) окраине Российского царства была связана с близостью территорий Речи Посполитой, населенных значительным количеством православных жителей. В итоге возникла специфическая ситуация, обусловленная особенностями порубежной, фронтирной зоны, когда достаточно распространенным явлением стал переход православных с территории Речи Посполитой в Россию. При этом, патриархом Филаретом проводилась очень строгая политика по отношению к выходцам с территории Речи Посполитой, включая и православных «белорусцев». В итоге, по сведениям А.В. Карташева, в 1623-1624 гг., например, в российские подданные было принято всего несколько десятков «белорусцев». Среди них был православные монахи, иеромонахи, игумены. При этом обливательное крещение не признавалось, – все перекрещивались через троекратное погружение, а иногда и переосвящались лица, имевшие духовный сан[1].

Отписка торопецкого воеводы В. Ромодановского, полученная в столице 9 февраля 1628 г., показывает, насколько большое внимание правительство уделяло соблюдению чистоты православия в

1 Карташев А.В. Очерки... Т. 2. С. 99.

граничащем с Речью Посполитой регионе. Этот документ сообщает о направлении из Разрядного приказа в декабре 1627 г. грамоты за приписью дьяка М. Данилова. Она содержала категорический запрет русским торговцам покупать в Киеве или порубежных городах Речи Посполитой книги «литовской печати и письма». Кроме того, не позволялось пропускать на территорию Российского царства торговцев из-за рубежа с аналогичным товаром. В качестве причины издания упомянутого распоряжения назывались два обстоятельства. Во-первых, достаточное количество богослужебных книг «московской печати». Во-вторых, обнаруженные в ходе проверки православной богослужебной литературы, происходившей из Речи Посполитой, проведенной по распоряжению патриарха Филарета, «многие ереси и супротивства древним учительным Евангелиям и иным святых отец божественным книгам». В итоге, всем российским подданным под страхом великих «градских» и духовных наказаний было велено указанные книги сдать и впредь не покупать. Воеводе надлежало книги сжечь, а имена их владельцев записать[1].

Нужно отметить, что традиционному российскому православию не свойственно акцентирование внимания на демонологии. Исключением являются юго-западные регионы России, которые граничили с территорией Речи Посполитой. Православное духовенство украинских земель Речи Посполитой под католическим влиянием показывало примеры демонологических сочинений, к которым, например, можно отнести «Номоканон или Законоправник» Захарии Копыстенского (1620 г.), «Зерцало богословия» Кирилла Транквиллиона (1618 г.) и др.[2]

Следует также помнить о сложности геополитической ситуации, характерной для приграничных территорий России и Речи Посполитой. Эти земли нередко не только становились ареной боевых действий, но и меняли свою государственную принадлеж-

1 Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук. Т. I. № 201. – СПб., 1890. С. 224-225 (Далее – АМГ). Подробнее об этом см.: Булычев А.А. История одной политической кампании XVII века. – М., 2004. С. 12-37.

2 *Амфитеатров А.В.* Указ. соч. С. 69.

ность, порой сохраняя спорный статус на десятилетия. При этом по приграничным территориям перемещались жители, которые переходили с территории соседнего государства. Часть переселенцев принимала российское подданство, часть – нет, однако и те, и другие могли уходить обратно.

В качестве примера, характеризующего специфику порубежья, можно привести следующий эпизод, связанный с поселением в Севске бывших жителей Новгорода-Северского. После передачи Новгорода-Северского Речи Посполитой (по условиям Деулинского перемирия 1618 г.) из упомянутого города в Севск был переведен Спасский монастырь и причт соборной церкви Пресвятой Богородицы (они находились в остроге), а также священники посадских церквей. Примечательно, что спасский архимандрит Корнилий, соборный поп Гурий и другие клирики после переселения давали поручные записи наравне с казаками и стрельцами[1].

Вероятно, перевод монастыря с территории Речи Посполитой имел смысл. Из отписки торопецкого воеводы известно о том, что «... за рубежом черниговский архимандрит Кирилл пристал к латынской вере и впал во многия латинские ереси...»[2] Иными словами, видимо, около десяти лет пребывания в составе католической Речи Посполитой привели православного архимандрита к признанию унии. Подобная ситуация осенью 1631 г. сложилась и в Новгород-Северском Спасском монастыре[3]. Явление, весьма нежелательное, с точки зрения православной России, долгие годы боровшейся с Речью Посполитой и не оставлявшей надежд на возвращение утраченных в начале XVII в. земель.

С другой стороны, на землях, отторгнутых от России, как и на других территориях Польши и Литвы, оставалось православное население, и лишать его идеологической опоры, олицетворявшейся православным духовенством и монашеством, было нецелесообразно. Как свидетельствуют цитированные выше источники, Спасский монастырь действовал в Новгороде-Северском и после передачи

[1] АМГ. Т. I. № 156. С. 181.
[2] АМГ. Т. I. № 201. С. 224.
[3] АМГ. Т. I. № 315. С. 333-334.

этого города Речи Посполитой. Пока не ясно, осталась ли часть монахов в нем сразу после 1618 г., или монастырь был возобновлен стараниями окрестных православных жителей позднее. Можно также отметить, что упомянутый Спасский монастырь серьезно пострадал в годы Смоленской войны. Уже в 1633 г., когда Новгород-Северский был захвачен российскими войсками, монастырь подвергся нападению «литовских людей». Архимандрит был зарублен, старцы и крестьяне «побиты», а некоторые захвачены в плен[1].

Документы рассказывают о переезде в Россию православного духовенства из Речи Посполитой и о дифференцированном подходе российских властей к подобным переселенцам. Согласно отписке севского воеводы М. Еропкина и ответной грамоты из Разрядного приказа, датируемых сентябрем 1632 г.[2], в Севск приехали монахи Новгород-Северского Спасского монастыря. Они просили разрешения на поселение в Севском Спасском монастыре, но при этом не смогли (или не захотели?) сообщить ничего о событиях за рубежом. В итоге было решено отправить их обратно.

Позднее отмечены случаи приема в Россию монахов с территории Речи Посполитой. Отписка севского воеводы А. Бутурлина рассказывает о переезде из Никольского монастыря, расположенного в Новгород-Северском уезде, старца Германа. Последний, прибыв на территорию Российского царства, сообщил «вести» и, по грамоте из Посольского приказа за приписью дьяка Алмаза Иванова, был поселен в Севском монастыре[3].

Одним из важнейших пунктов в России, куда в 30-40-е гг. прибывали выходцы из Речи Посполитой, был Путивль. 15 мая 1637 г. путивльский воевода Н. Плещеев получил из Посольского приказа грамоту, содержавшую инструкции о действиях в случае приезда к нему игумена или монахов Прилуцкого Густынского монастыря. Примечательно указание, что монахи должны прибыть с церковной утварью «от гоненья за православную веру»[4]. Переселенцев

[1] АМГ. Т. I. № 497. С. 461.
[2] АМГ. Т. I. № 396. С. 387.
[3] АМГ. Т. II. № 498. С. 308.
[4] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. III. № 2. – СПб., С. 4-6 (Далее – АЮЗР).

надлежало оставить в Путивле, а подробное донесение отправить в Москву.

5 июля 1638 г. в Путивле появились иеромонах Прилуцкого Густынского монастыря Пафнутий, с ним еще 10 монахов и 11 монастырских служек. Они привезли с собой церковное имущество и пригнали скот (около 90 волов и коров, порядка 300 овец), а также, помимо церковной утвари – 11 возов с зерном, солью и другим имуществом. Черный поп Пафнутий сообщил, что его направил игумен Василий с поручением узнать, примут ли всю братию в Путивле. В случае положительного ответа Пафнутий должен был известить своего настоятеля, который с оставшимся имуществом и 70 монахами направится в Путивль. Воевода разместил прибывших в Путивльском Молченском монастыре, но не выделил им содержания, поскольку не имел соответствующих указаний. Судя по пометам, воеводская отписка была получена в столице 15 июня 1638 г., после чего было решено принять в подданство игумена с насельниками упомянутого монастыря и выдать им «корм» на месяц из путивльских доходов.

В дальнейшем, 14 июня 1638 г., в Путивле появились игумен и остальные монахи, монастырские служки и крестьяне. Однако, пришли они «пеши и ограблены». Помимо настоятеля прибыло: пять иеромонахов, четыре иеродиакона и 56 чел. братии, а также 11 семей монастырских крестьян. Со слов прибывших известно, что игумен отправил в Путивль вторую партию монахов «с церковным строеньем, и с рухлядью, и с запасом монастырским», – они и были ограблены по дороге конотопским урядником Криштофом Сосновским, который, однако, отпустил их пешком в Путивль. Затем в путь собрался сам настоятель с оставшимися насельниками монастыря и имуществом. Узнав об этом, прилуцкий урядник направил в монастырь священников из г. Прилуки, войта и мещан, которые должны были уговорить братию не покидать монастырь. Затем сведения о запланированном выезде дошли до каморника кн. Вишневецкого, который направил своих людей для задержания игумена и монахов. Последние, в свою очередь, скрылись, бросив монастырское имущество.

Схожая ситуация сложилась в это же время с монахинями Ладинского женского монастыря Покрова Пресвятой Богородицы, находившегося в Прилуцком уезде. Оттуда в Путивль прибыли монастырский духовник Мефодий и игуменья Елизавета Летинская с 50 монахинями. Как и в предыдущем случае, в Путивль первоначально было направлено 40 сестер со всем монастырским движимым имуществом, а остальные оставались в монастыре. Этот обоз, состоявший из 20 возов, был разграблен тем же конотопским урядником К. Сосновским, но ограбленные монахини были отпущены на свободу. После этого сама настоятельница, о. Мефодий и остальные монахини «в мирском платье» направились в Путивль без имущества. Монахини были размещены в Путивльском Духовом девичьем монастыре, так же, как и предшествующая группа выходцев из Речи Посполитой, – без содержания[1]. Затем, по государеву указу, было велено выдать им «корм» на месяц, а Приказ Большого Дворца получил поручение определить монастыри, в которых можно было разместить выходцев на постоянное жительство, поскольку обе группы просили российские власти позволить им проживать вместе и далее[2].

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что, по словам воеводы Н. Плещеева, прибывшие не сообщили никаких «вестей». Легко заметить, что они компенсировали отсутствие информации заявлением о преследовании православия в Польше и Литве, в результате чего у них и возникло стремление переехать в православную Россию, чтобы «за тебя государя Бога молить вечно»[3].

В это же время развернулась еще одна интрига, связанная с переходом в Российское государство монахов из Речи Посполитой.

8 июня 1638 г. в Путивль пришли 5 старцев Лубенского Преображенского Мгарского монастыря. В распросе воеводе Н. Плещееву они сказали, что их на государево имя с монастырской скотиною направил игумен Каллистрат, который с остальными монахами собирается последовать вслед за ними. По дороге на них напали

[1] АЮЗР. Т. III. № 3. С. 6-8.
[2] АЮЗР. Т. III. № 4. С. 8-9.
[3] АЮЗР. Т. III. № 3. С. 7.

татары и угнали скот. Однако, 23 июня в Путивле получили послание от лубенского урядника Якуба Коляды и игумена Каллистрата, в котором указывалось, что вышеуказанных монахов увели с собой насильно черкасы, переселявшиеся в Российское государство, и выдвигалось требование их возврата вместе со скотиною[1].

Как известно из других документов, нововыезжие лубенские монахи написали письмо своему бывшему игумену, в котором отказывались возвращаться, возвращать скот, который, к тому же, был утрачен[2]. Более того, игумену Мгарского монастыря направили письмо опоминавшееся ранее выходцы из Речи Посполитой о. Василий и о. Мефодий. В нем они обвиняли о. Каллистрата в лукавстве и приверженности к унии[3]. Вероятно, завязавшаяся переписка вызвала дипломатический демарш Речи Посполитой, т.к. путивльскому воеводе пришлось объяснять в Посольском приказе, что упомянутые письма направлялись в соседнее государство не от него, и даже просить соответствующего подтверждения у светских и церковных властей Речи Посполитой[4].

В дальнейшем 77 монахов, приехавших в Путивль из Густынского и Мгарского монастырей, разместили в Белевском Преображенском монастрыре, а затем перевели в Нижегородский уезд, в Амбросин Дудин монастырь[5]. Монахини, переехавшие из Ладинского Покровского монастыря, первоначально были определены в Брянский Покровский женский монастырь, но для их расселения оказалось мало места и их перевели на жительство в Алатырский Никольский женский монастырь[6]. Возможно, в этом случае сработал механизм, который ранее стал складываться в ходе переселения в южные уезды Российского царства подданных Речи Посполитой – черкас. Их старались селить в отдалении от границы с Польшей, чтобы исключить возможные конфликты и бегство обратно.

[1] АЮЗР. Т. III. № 8. С. 15-16.
[2] АЮЗР. Т. III. № 6. С. 11-12.
3 АЮЗР. Т. III. № 5. С. 9-10.
[4] АЮЗР. Т. III. № 7. С. 12-13; № 9. С. 16.
[5] АЮЗР. Т. III. № 10. С. 17-18.
[6] АЮЗР. Т. III. № 11. С. 18-19.

Приведенные примеры позволяют говорить о переселении православных монахов из Речи Посполитой в Российское царство как о довольно заметном явлении 30-х гг. XVII в. Они вели переговоры, добиваясь приема их «на вечное житье» в Россию, стремились привезти с собой значительные материальные ценности, чему всячески препятствовали власти Речи Посполитой, которые не всегда активно противостояли переселению собственно монахов.

Для российских властей обустройство переселенцев, которые стремились сохранить право на дальнейшее компактное проживание, являлось довольно серьезной проблемой, но ее решение было найдено в их перемещении в районы, удаленные от польской границы. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что такой алгоритм полностью соответствовал аналогичным действиям, предпринимавшимся в отношении светских выходцев из Речи Посполитой.

Глава 5.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЮЖНОРУССКОГО ФРОНТИРА (ФРАКТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ)

5.1. Фрактальное моделирование динамики фронтирных территории юга России в XVII – первой половине XIX вв.

Объект и обоснование методов исследования

В России исследования по тематике моделирования для историко-политологических нужд сосредоточены в нескольких центрах, связанных с Ассоциацией «История и компьютер»[1], а также в некоторых других лабораториях и сообществах[2].

Собственные разработки авторов связаны с использованием для моделирования средств фрактальной геометрии. Подходы и инструментарий фрактальной геометрии успешно применяются во многих естественных науках и прикладных отраслях знания. В последние десятилетия фрактальная теория и методология осваиваются и в социально-экономических, гуманитарных отраслях знания, в том числе в истории и политологии. Но в большинстве исследований речь идёт не о конкретных фрактальных моделях, а об утверждении самоподобия разных уровней рассматриваемых социальных и политических систем. Между тем, фрактальные модели обладают существенными эвристическими возможностями для имитации нелинейности процессов.

[1] *Бородкин Л.И.* Методология анализа неустойчивых состояний в политико-исторических процессах. // Международные процессы. Т. 3. № 7. 2005. С. 4-16.; Он же. Моделирование исторических процессов: от реконструкции реальности к анализу альтернатив. – СПб.: «Алетейя», 2016. 304 с.

[2] *Алексеев В.В., Бородкин Л.И., Коротаев А.В., Малинецкий Г.Г., Подлазов А.В., Малков С.Ю., Турчин П.В.* Международная конференция «Математическое моделирование исторических процессов». // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. № 6. 2007. С. 37-47.

Мы стремимся к созданию фрактальных моделей исторических процессов – моделей, обладающих способностью обобщать и объяснять конкретно-исторические факты, генерировать исторические реконструкции.

Можно указать на несколько причин укрепления в современной исторической науке мнения, что изучение многих событий и явлений прошлого и объективно, и субъективно представляет собой моделирование. Во-первых, историки никогда не выявят все свидетельства прошлого по причине их отсутствия в принципе или безвозвратной утраты. Особенно это относится к истории раннего нового и более древнего времени, протекавшей на окраинах Российского государства. Во-вторых, при исследовании огромных массивов источников нового и новейшего времени историку приходится субъективно отбирать, так сказать, «посильный» материал для анализа определенных проблем.

В такой ситуации выходом является поиск оптимальных методов работы с выборками исторических данных и построения адекватных моделей, стремящихся к максимально полному объяснению генеральной совокупности фактов. Одним из таких методов может стать фрактальное моделирование исторических процессов.

Уточним предмет нашего исследования. Освоение новых территорий – характерное явление для многих стран, в том числе и для России. В ходе освоения появлялся рубежный регион, заметно отличающийся от остальной территории страны. Постепенно (хотя и неравномерно) фротнирные территории втягивались в состав метрополии. На определенном этапе истории некая территория абсолютно нетождественна будущей метрополии, а через какой-то исторический отрезок она становится полностью однородной частью «материнского» государства и общества.

Применительно к территории Юга Центральной России мы исходим из того, что до середины XVI в. земли южнее Рязанского княжества не входили в состав Русского государства, а к середине XIX в. территория между Окой и Доном стала органической ча-

стью российского государства и общества. Весь трехсотлетний отрезок между этими моментами рассматриваемые земли являлись зоной фронтира, которая постепенно, хотя и неравномерно в отдельных своих частях, втягивалась в состав метрополии.

Цель исследования – создание компьютерной модели средствами фрактальной геометрии для изучения процесса включения южного фронтира в состав России.

Географические рамки исследования.

Основная фронтирная территория: будущие Воронежская, Курская, Орловская, Пензенская, Тамбовская губернии. Прилегающие территории: будущие Область войска Донского и Саратовская губерния, будущие Рязанская и Тульская губернии.

Разделение территории исследования на две части предпринято в эвристических целях. Априори мы исходили из того, что в XVII в. существовала основная зона фронтира, а также прилегающие территории. Часть этих прилегающих территорий можно назвать экс-фронтиром – это Рязанская и Тульская губернии. Некоторые территории, напротив, оставались фронтирными и в XVIII – первой половине XIX в. (Область Войска Донского, Саратовская губерния).

Хронологические рамки: середина XVII – XIX вв.

Этот хронологический период мы исследуем (посредством привлечения конкретно-исторических и смоделированных данных) на нескольких временных срезах: середина XVII в., начало XVIII в., середина XVIII в., конец XVIII в., середина XIX в. На конец XIX века мы получили только смоделированные (не конкретно-исторические) данные.

Компьютерное моделирование эволюции фронтирных территорий под воздействием ряда управляющих факторов позволяет типизировать фронтирные территории, сравнить модельную динамику с реальной (если она известна), заполнить имеющиеся эмпирические пробелы компьютерными реконструкциями.

Модель «Фронтир-Фрактал»: основные факторы и процедуры

Модель динамики фронтирных территорий (Фронтир-Фрактал) мы разработали на основе общей фрактальной модели перехода (ОФМП). ОФМП и некоторые её приложения изложены в ряде наших статей[1].

Математический аппарат Фронтир-Фрактала основывается на процедурах, описанных Б. Мандельбротом для построения алгебраических фракталов. Эти же процедуры можно использовать для исследования динамики системы в фазовом пространстве. Классические методы были модифицированы для реализации задач моделирования конкретных изучаемых объектов.

Смысловым центром нашей модели фронтира является соотношение двух ключевых тенденций развития территории:

1. Вовлечённость территории в «русский мир» (степень военно-политического контроля государства над территорией и степень принадлежности общества территории к русской/православной общности);

2. Освоенность территории в общекультурном смысле (именно в самом широком смысле – как уровень сформированности на территории «второй природы», как степень хозяйственной освоенности, заселённости, инфраструктурной развитости территории), безотносительно к её принадлежности к тому или иному обществу или государству.

Каждая из этих двух тенденций (в самом общем виде) имеет две градации: сильную и слабую. Сочетание двух градаций двух тенденций даёт четыре типа поведения системы.

Во Фронтир-Фрактале различные состояния системы в каждый момент времени представляются посредством изображающей точки в двухмерном фазовом пространстве (координаты этой точки соответствуют величинам двух ключевых характеристик системы, откладываемых на осях фазового пространства). А именно:

[1] См. напр.: Zhukov D.S., Lyamin S.K. The Modeling of Institutional Modernization by Means of Fractal Geometry. // Sage Open. Vol. 6. Issue 2. 2016. P.1-15. DOI: 10.1177/2158244016640858.

H_x – уровень социально-экономической освоенности территории, безотносительно к её принадлежности к тому или иному обществу или государству (степень хозяйственной освоенности, заселённости, инфраструктурной развитости территории);

H_y – степень вовлечения территории в сферу военно-политического контроля метрополии, а также вовлечённость территории в русский мир (степень принадлежности общества территории к русской/православной общности);

H_x – величина одной тенденции – культурной освоенности территории – отмечается на оси *x*.

H_y – величина другой тенденции – вовлечённости территории в «русский мир» – отмечается на оси *y*.

Отметим также, что при *x=0* культурная освоенность территории минимальна, а при *x=2* – максимальна. И, напротив, при *y=0* вовлечённость территории в русский мир максимальна, а при *y=2* – минимальна.

Во Фротир-Фрактале точку в фазовом пространстве модели можно интерпретировать как некоторое качественное состояние отдельно взятой (относительно гомогенной) территории в рамках фронтира.

Математический аппарат модели содержит итерируемую формулу:

$$Z_{n+1} = Z_n^2 A + C \qquad (1)$$

(где Z и C – комплексные числа: $Z(d_{zn}; k_{zn})$, $C(d_c; k_c)$), а также ряд математических условий, которые позволяют отождествить геометрический смысл операций над комплексными числами с результатами нуклеарных взаимодействий факторов модели. Итерируемая формула генерирует череду чисел, которые представляют собой координаты точки, движущейся в фазовом пространстве модели и представляющей эволюцию системы.

Компьютерная программа-фракталопостроитель может генерировать изображения конечных точек – аттракторов системы. Аттракторы дают представление о наиболее вероятных и комфортных исходах развития системы под воздействием управляющих факторов модели.

С помощью программы-фракталопостроителя исследователь получает возможность наблюдать траектории точек, отслеживая стартовые точки (начальные состояния системы), и конечные устойчивые точки (если таковые имеются) – аттракторы эволюции системы. Компьютерная программа-фракталопостроитель может, таким образом, генерировать изображения аттракторов системы (условно назовём эти изображения «пространством перспектив») и бассейнов («пространство потенциалов»). Бассейны (совокупности начальных условий, из которых система попадает в тот или иной аттрактор) указывают на потенциальные сценарии эволюции. Аттракторы дают представление о наиболее вероятных и комфортных исходах развития системы под воздействием факторов модели.

Разные зоны комплексной плоскости Фронтир-Фрактала будут выражать разные типы территорий. Различные области фазового пространства могут иметь некоторый качественный смысл, т.е. фазовое пространство можно разметить. Сочетание двух градаций (сильной и слабой) двух характеристик даёт четыре типа состояния системы, условно обозначенные как Т, О, М, Н. (ТОМН.) Положение каждой точки можно качественно интерпретировать в зависимости от «разметки» фазового пространства.

Обратим внимание на специфику графических результатов работы Фронтир-Фрактала: получаемые изображения симметричны относительно осей *x* и *y*. Поэтому качественный смысл изображений, строго говоря, заключён в одной четверти (любой одной четверти) построения, ограниченной «полу»-осями.

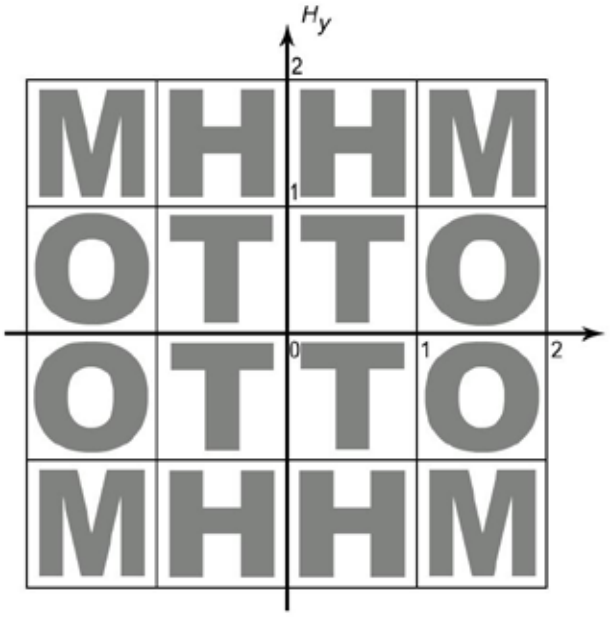

Рис. 1. Разметка фазового пространства Фронтир-Фрактала

Т – сочетание низкой освоенности территории с высокой вовлечённостью в русский мир – **окраина, украина, российские пустоши**;

О – сочетание высокой освоенности территории с высокой вовлечённостью в русский мир – **ядро русского мира, отечество, метрополия**;

М – сочетание высокой освоенности территории с низкой вовлечённостью в русский мир – **соседние государства и общества**;

Н – сочетание низкой освоенности территории с низкой вовлечённостью в русский мир – **«Дикое поле», прилегающие пустоши**.

Под воздействием некоторых факторов та или иная фронтирная территория объективно стремится перейти из одного типа в другой (или остаться в исходном типе). Эти эволюции территорий

мы можем установить, сравнивая бассейны (начальные состояния) и аттракторы (идеальные конечные состояния).

Различные перемещения точки в рабочем пространстве модели можно интерпретировать определённым образом. Общие интерпретации основных теоретически вероятных перемещений (эволюций) обозначены на рисунке 2.

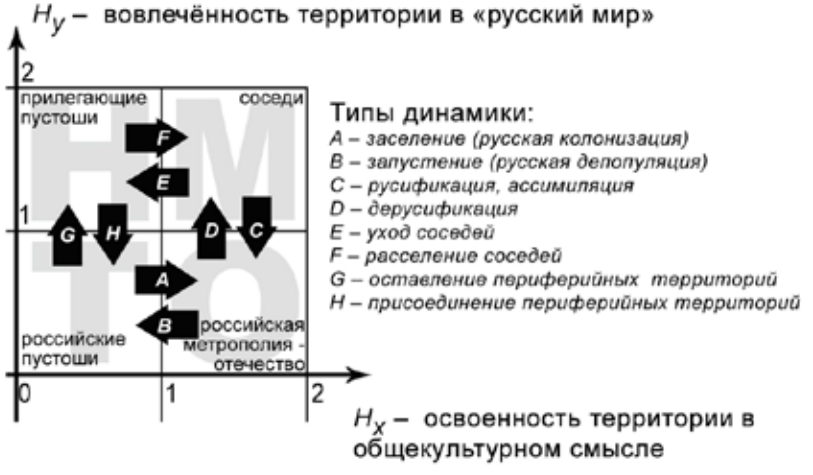

Рис. 2. Качественные смыслы перемещений точки в рабочем пространстве модели (общая характеристика), верхняя правая четверть фазового пространства модели

Определим основные факторы модели. Примем, что:

Z^2 – внутренняя «инерция» системы;

A – «человеческий фактор» = демографическое давление «русского мира» (миграция из метрополии + ассимиляция аборигенов + прирост колонистов, взятый в соотношении с приростом аборигенного населения).

Рассматривая «человеческий фактор», мы предлагаем учитывать несколько обстоятельств. Во-первых, мы принимаем в качестве одного из важнейших показателей втянутости фронтирного социума в социальную среду «отечества» (или, по международной

терминологии, метрополии) плотность населения (обычно территория фронтира мало заселена). Для анализа фронтирной динамики важен тот момент, когда плотность на вновь осваиваемой территории уравнивается с аналогичным показателем метрополии. Во-вторых, речь должна идти о росте плотности населения, создаваемой за счет представителей метрополии. В-третьих, при изучении фронтира необходимо учитывать масштабы ассимиляции аборигенов. В условиях заселения юга России в XVI-XVII вв. наиболее очевидным показателем «растворения» туземцев в среде выходцев из метрополии было крещение в православную веру.

C – внешние импульсы по отношению к системе – можно рассматривать как двуединство:

d_c – факторы, препятствующие/поощряющие освоение территории в общекультурном смысле; например:

1) инфраструктурная неразвитость/развитость территории (наличие путей сообщения, мест зимовки, обмена и т.п.);

2) отсутствие/наличие торговых отношений на территории,

3) отсутствие/наличие природных ресурсов;

k_c – факторы, препятствующие/поощряющие вовлечению территории в русский мир; например:

1) геополитическая и военно-стратегическая привлекательность/непривлекательность территории для российского государства;

2) уровень лояльности/сопротивления местного населения;

3) коммуникационная доступность/недоступность.

Модель Фронтир-Фрактал делает возможным применить фрактальное моделирование к исследованию конфигурации фронтира, поскольку известно, что фронтир не связан с формальными границами и может иметь весьма сложные и размытые очертания, глубоко вдаваясь вглубь юрисдикции «отечества», или, напротив, выходя далеко за её пределы. Кроме того, фронтир, который является весьма подвижным феноменом, можно представить как эволюцию типов фронтирных территорий.

В конечном счёте, такое исследование позволило бы типизировать фронтирные территории по их динамике относительно самого фронтира.

Для конструирования идеальной динамики, то есть для определения её аттрактора территории, мы использует, таким образом, формализованные факторы *A* и *C* (d_c; k_c).

Возникает вопрос, как мы определим исходное положение той или иной территории в типологическом пространстве, то есть стартовую точку или хотя бы приблизительную область (совокупность начальных точек – бассейн)?

Для этого мы изучим ряд параметров территории, которые позволят нам её типологизировать и поместить в качестве исходной точки в наше фазовое пространство.

Сущность поставленных экспериментов заключается в том, что мы вводим в программу значения управляющих факторов по некоторому уезду за некоторый хронологический срез и получаем аттрактор развития уезда к следующему хронологическому срезу. Каждый аттрактор – точка в фазовом пространстве модели – выражает некое состояние территории, к которому она стремится под воздействием управляющих факторов. Положение каждой точки можно качественно интерпретировать в зависимости от «разметки» фазового пространства.

Конкретно-исторический смысл индикаторов и факторов модели

Рассмотрим более детально конкретно-историческое содержание данных, привлекаемых для моделирования. Величины факторов и индикаторов, используемые в модели, были изначально выражены в шкале от 0 до 1 включительно. Эти величины – результат экспертных оценок, которые были даны в процессе обобщения огромного массива источниковых и исследовательских данных. Во многом такие результаты стали проявлением эвристических поисков, так как большинство данных, особенно для периода XVII-XVIII вв. являются недостаточно четкими для абсолютных количественных измерений. Качественные значения внутри выбранный шкалы от 0 до 1 распределялись следующим образом: чем

выше уровень того или иного индикатора, тем более он выражает включённость исследуемого фронтира в метрополию.

Величину того или иного индикатора эксперт оценивал на основе изучения источникового материала и исследований. Для некоторых точек (в частности, максимум и минимум) на шкалах были даны конкретно-исторические интерпретации, что позволило сделать процесс оценивания более стабильным. Так, например, для шкалы индикатора «состояние естественных путей сообщения (доступность территории)» было установлено, что наличие на территории естественных проходимых сухопутных путей и развитых речных систем = 0,5, а сильная заболоченность территории оценена в 0,1.

Индикатор «уровень развития коммуникаций» оценивался по наличию/отсутствию искусственно сооруженных и специально оборудованных транспортных систем (тракты, почты, причалы и пр.).

Индикатор «наличие ценных природных ресурсов» измерялся по наличию/отсутствию ресурсов, потребных/доступных именно для аграрного общества (по нисходящей: чернозёмы, нечернозёмы, леса, жаркая степь, болота). Хотя на этих территориях имеются и другие природные ресурсы (например, залежи титановых и никелевых руд), это не имеет никакого смысла по отношению к рассматриваемым процессам.

Индикатор «уровень лояльности населения» рассчитывался исходя из масштабов участия местного населения в протестных движениях.

«Индекс геополитической привлекательности территории для метрополии» определяет, насколько метрополия была готова отстаивать от конкурентов и врагов данную территорию.

«Условия для развития торговли» – преимущественно экономический индикатор, связанный с товарооборотом.

Индикаторы «этнический состав (доля русского населения)» и «религиозный состав населения (доля православных)» в некоторой мере (но не в полной) известны точно, исходя из статистических данных.

Мы подобрали такие факторы и индикаторы модели, которые поддаются количественному измерению или обоснованной экспертной оценке. Поскольку обширные и многоуровневые таблицы значений факторов и индикаторов нашей модели в «бумажном» варианте опубликовать весьма сложно, мы разместили эти таблицы на сайте Центра фрактального моделирования социальных и политических процессов Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (http://ineternum.ru/frontir/).

Напомним, что в качестве первого фактора динамики процесса включения южнорусского фронтира в состав метрополии мы предложили «человеческий фактор», который, по нашим представлениям, проявлялся в демографическом давлении «русского мира» (миграция населения из метрополии + ассимиляция местного населения + прирост колонистов, взятый в соотношении с приростом аборигенного населения). В качестве характеристик этого фактора мы взяли плотность населения, этнический, религиозный и социальный состав населения зоны фронтира.

Для анализа фронтирной динамики важен тот момент, когда плотность на вновь осваиваемой территории уравнивается с аналогичным показателем метрополии. Речь должна идти о росте плотности населения, создаваемой за счет представителей метрополии.

Плотность населения на изучаемой нами территории в принципе поддается сколько-нибудь точному вычислению только с конца XVIII в., когда в период Генерального межевания и образования губерний стали измеряться земельные площади целых уездов. В ходе подворных переписей XVII в. фиксировались только размеры земельных владений. Общая площадь уездов, в которых оставалось немало участков «дикого поля», никем не определялась. При этом земли к югу от Белгородской черты, хотя и находились в зоне политического контроля Российского государства, до начала XVIII в. (кроме указаний на наличие бортных и рыбных ухожаев) вообще не описывались. Ландратские и ревизские переписи XVIII в. фиксировали только население отдельных уездов тогдашнего Юга России.

Ввиду отсутствия точных или сопоставимых данных о территории и населении каждого уезда рассматриваемой территории в XVII – начале XVIII вв. (догубернский период), мы решили опереться на материалы Б.Н. Миронова о плотности населения Европейской России по природным зонам страны на 1678 и 1719[1]. Исходя из того, что эти материалы недостаточно «четки» для поуездного анализа, но приемлемы для фрактального анализа соотношения плотности населения в зоне фронтира и «старом» Центре, мы определили следующие индикаторы:

Середина XVII века: 1 – лесная зона, в которой располагался «старомосковский» Центральный район, 0,9 – северная и западная лесостепь, заселявшаяся русскими с XVI в. и ранее, 0,3 – лесостепная зона, заселявшаяся в XVII в. к северу от Белгородской черты, 0,03 – малозаселенная южная лесостепь и степь (другой порядок цифр, примерно в 10 раз меньше, чем в защищенных чертой землях).

Начало XVIII века: 1 – лесная зона, в которой располагался «старомосковский» Центральный район, и примыкавшая к ней северная и западная лесостепь, 0,9 – быстро заселявшиеся рязанские и тульские лесостепные уезды, 0,5 – относительно быстро заселявшиеся лесостепные уезды бывшей Белгородской черты, 0,3 – быстро заселявшиеся с конца XVII в. лесостепные уезды к югу от бывшей Белгородской черты, 0,04 – малозаселенная южная лесостепь и степь (другой порядок цифр, примерно в 10 раз меньше, чем в быстро заселявшихся землях).

Для середины XVIII в. мы имеем расчеты К.И. Арсеньева по численности населения, размерам в длину и в ширину губерний того времени (для нас были нужны Белгородская и Воронежская губернии в сравнении с Московской)[2]. На основании этих цифр мы предложили следующие экспертные оценки плотности населения бывшего фронтира в соотношении с метрополией: 1 – уезды фронтира, вошедшие в Московскую губернию, старозаселенные Орловская и Севская провинции Белгородской губернии, имев-

[1] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 тт. Т. 1. – СПб., 2000. С. 45.

[2] *Арсеньев К.И.* Статистические очерки России. – СПб., 1848. С. 99-102.

шие плотность, сопоставимую с Московской губернией, 0,9 – все уезды Шацкой провинции, самые северные уезды Елецкой и Тамбовской провинций Воронежской губернии, 0,8 – лесостепные уезды Белгородской провинции, уезды Воронежской, Елецкой, Тамбовской, Бахмутской провинций Воронежской губернии, западные (пензенские) уезды Казанской губернии, входившие в зону засечной черты и заселявшиеся с середины XVII в., 0,5 – быстро заселявшиеся в XVIII в. уезды будущих Воронежской и Саратовской губерний, 0,1 – медленно заселявшиеся степные уезды Воронежской губернии и Области войска Донского.

Для конца XVIII в. мы воспользовались погубернскими данными Б.Н. Миронова из его работы о благосостоянии населения имперской России[1]. Эти данные показали, что во второй половине XVIII в. сохранялись примерно одинаковые темпы роста населения в зоне бывшего южнорусского фронтира и в «старомосковском центре». Поэтому предлагаемые нами индикаторы предыдущего временного «среза» не изменились.

Для определения плотности населения изучаемых губерний в середине XIX в. мы опирались на 1-ю часть «Сборника статистических сведений о России (СПб., 1851). В этом издании приведены данные П.И. Кеппена о категориях губерний России по степени населенности: 1) «сильно населенные» – свыше 30 чел. на кв. км; 2) «с средним населением» – 15-30 чел. на кв. км; 3) «бедно населенные» – менее 15 чел. на кв. км.

В соответствии с этими данными, большинство губерний, относимых нами к Югу Центральной России, наряду с регионами старомосковского центра страны попали в группу самых населенных. Только Воронежская губерния, располагавшаяся на самом юге рассматриваемого нами региона, попала в разряд «посредственных». При этом ее отличие от большей части «сильно населенных» составляло всего 1-5 чел. на кв. км. Сравнение же Воронежской губернии с юго-восточными соседями (Саратовской губернией и областью Войска Донского) показывает преимущество в

[1] *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. – СПб., 2010. С. 336-337.

плотности населения перед ними в 3-6 раз[1]. Именно к этим последним относится утверждение авторов статистического издания: «Слабость же населения юга и юго-востока объясняется частью историческими причинами, частью физическими особенностями местности. Эти страны, позже других успокоившиеся от Татарского движения, долго представляли необозримые, безлюдные степи, и начало их заселения, можно сказать, еще в свежей памяти»[2]. Другими словами, речь шла о тех территориях, которые и в середине XIX в. сохраняли признаки фронтира.

Поскольку для середины XIX в. нам известны точные значения плотности, в нашей шкале за единицу была принята плотность в 30 чел. на кв. км и выше. Значения меньше единицы определялись долями от высшей плотности – от 0,1 до 0,9.

С середины XVII в. всё подпадавшее под перепись население считалось российскими подданными. Но внутри него сохранялись *этнические различия*, отражавшие постепенность русской ассимиляции коренных жителей зоны фронтира. Категории населения, по которым косвенно можно определить коренных жителей территории фронтира и другие «инородные» для метрополии этнические элементы, впервые стали фиксироваться в материалах подворных переписей и ревизий, где нередко упоминались отдельными строчками служилые черкасы, которые были этническими украинцами, «новокрещенные» (в основным, из мордвы и татар), «ясашные иноверцы» (мордва, татары, некоторые другие народы Поволжья) и др.[3]

Эти материалы XVII-XIX вв. дают на уровне уездов конкретные цифры указанных категорий, которые можно преобразовать в индикаторы для фрактального анализа и определить долю русских от единицы, достаточную по точности для фрактального анали-

[1] Сборник статистических сведений о России. Кн.1. – СПб., 1851. С. 8-10.

[2] Там же. С. 28

[3] См. *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII века. – М., 1977; Кабузан В.М., Шепукова Н.М. Табель первой ревизии народонаселения России (1718-1728 гг.). // Исторический архив. № 3. 1959. С. 129-165; Переписи населения. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646-1858). Вып. IV-XI. – М., 1972.

за. Для тех уездов, где явно преобладало русское население и доля «инородцев» была очень мала, мы предложили экспертную оценку в 0,95. В 0,51 оценивалось просто преобладание русских в населении, в 0,49 – просто преобладание инородцев в населении.

Религиозный состав населения фронтира во многом совпадал с национальным. До середины XIX в. численность российских иноверцев отдельных уездов вообще очень трудно определить. Но ревизские данные позволяют сделать это косвенным образом, достаточным для фрактального анализа. Более-менее точно к неправославным можно отнести ясачных людей, которые, как правило, были некрещеными. С другой стороны, малороссияне и черкасы являлись в массе своей православными. Поэтому можно твердо говорить о том, что в конфессиональном плане людей, тождественных населению метрополии, в зоне фронтира проживало больше, чем в национальном.

Однако приходится учитывать нелинейные процессы. В частности, следует помнить о том, что и после крещения у туземцев сохранялось национально-культурное своеобразие, а среди русских в относительно вольной зоне фронтира имелась определенная доля староверов и сектантов, что было менее реально в районах старого Центра. Но этот момент можно изучить и как-то измерить по этнографическим описаниям XVIII-XIX вв., когда процесс включения фронтира в российское государство и общество завершался.

Ярким примером является фрагмент из военно-статистического описания Рязанской губернии: ««В некоторых местах южной части губернии обитает Мордва Мокшанская, занимающаяся хлебопашеством; впрочем число этой мордвы не известно, ибо они ни верою, ни управлением не отличаются от природных Русских»[1].

К разряду нелинейных эффектов зоны фронтира следует отнести и появление здесь лютеран – немецких колонистов. Их сознательно со времен Екатерины II расселяли в этой зоне в связи с обилием здесь свободных плодородных земель.

[1]Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч.3. Рязанская губерния. СПб, 1848. С. 24.

Особого рода нелинейным эффектом в формировании конфессионального состава населения южнорусского фронтира следует признать проживание здесь с XVII в. старообрядцев и представителей различных православных сект. Численность их определить трудно, т.к. часто, будучи служилыми людьми, они скрывали свое непризнание официального православия.

В какой-то мере показателем долгого существования неортодоксальных религиозных настроений в зоне фронтира стало возникновение или широкое распространение здесь во второй половине XVIII в. различных православных сект[1]. Даже при максимальных подсчетах они могли составлять десятки тысяч человек в губерниях с населением в несколько миллионов человек. В нашей шкале они измерялись сотыми долями от единицы.

Хотя количественные данные о численности неправославного населения фронтира приходится чаще вычислять косвенно, мы утверждаем, что эти данные достаточны для моделирования – во всяком случае, для утверждений типа: «православные составляли более половины населения» (0,51), «православные составляли значительную часть населения» (0,49), «православные составляли незначительную населения» (0,1).

Важным фактором освоения зоны фронтира является постепенная смена *социального состава* населения этой зоны. Конечно, подсчеты численности и тем более состава населения зоны фронтира XVII в. не отличались высокой точностью. Помимо относительно «слабого» присутствия здесь государства, во многом это было обусловлено «текучестью» социального состава населения зоны, где находилось немало неучтенных беглых крестьян из центральных районов России, а служилые люди часто перемещались по службе. В такой ситуации вполне приемлемы принципы фрактального моделирования, для реализации которых достаточно выделить преобладание на территории фронтира в те или иные

[1] См. *Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. – 1917 г.). М., 1965; Малахова И. А. Духовные христиане. М., 1970; Федоренко Ф.И. Секты, их вера и дела. М., 1965.

отрезки истории типичных или нетипичных для метрополии социальных групп.

Во второй половине XVI – XVII вв. в зоне фронтира можно выделить две группы жителей: 1) типичные для пограничья служилые люди, а также различные «инородцы», частично зависимые от Москвы в социально-экономическом плане; 2) тесно связанные с метрополией дворцовые, монастырские, а местами и помещичьи крестьяне. Численность этих категорий населения источники позволяют посчитать с минимально необходимой для фрактального анализа четкостью. Поэтому шкалирование значений состояния социальной структуры как фактора включения населения фронтира в состав социума метрополии может быть оценено примерно так:

0,51 – служилые люди и ясачные «инородцы» составляли меньшинство населения, в конкретном уезде преобладали типичные для метрополии слои населения;

0,49 – служилые люди и ясачные «инородцы» в конкретном уезде имели небольшое преобладание над типичными для метрополии слоями населения;

0,1 – служилые люди и ясачные «инородцы» в конкретном уезде имели большое преобладание над типичными для метрополии слоями населения.

С конца XVII в. происходили принципиальные изменения в социальной структуре населения южных окраин тогдашней России. Полный перевод бывших служилый людей в однодворцы и массовое появление на территории недавнего пограничья помещиков с крепостными крестьянами в XVIII – первой половине XIX в. знаменовало движение к социальному тождеству бывшего фронтира и старых российских земель. Ревизские переписи в целом позволяют определить численность всех категорий населения и дать конкретный материал для фрактальных построений[1]. Те уезды, в которых достигалось тождество социального состава

[1] *Кабузан В.М., Шепукова Н.М.* Табель первой ревизии народонаселения России (1718-1728 гг.). // Исторический архив. № 3. 1959. С. 129-165; Переписи населения. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646-1858). Вып. IV-XI. – М., 1972.

фронтира и метрополии, получили экспертную оценку 1. Для всех остальных территорий фронтира мы вычисляли экспертные оценки в десятых долях от 1 – от 0,1 до 0,9.

В качестве внешних импульсов по отношению к системе фронтира мы рассматриваем две группы факторов:

I. Факторы, препятствующие/поощряющие освоение территории в общекультурном смысле:

1) состояние путей сообщения;

2) наличие/отсутствие управляемых коммуникаций (ямские и почтовые тракты, «царская дорога», речные пристани и т.п.);

3) условия для развития торговли на данной территории;

4) отсутствие/наличие ценных природных ресурсов.

II. Факторы, препятствующие/поощряющие вовлечению территории в русский мир:

1) геополитическая и военно-стратегическая привлекательность/непривлекательность территории для российского государства;

2) уровень лояльности/сопротивления местного населения (отсутствие или наличие протестных выступлений).

Одним из важнейших факторов, определявших темпы и формы включения фронтира в состав метрополии, являлись *объективные условия для складывания путей сообщения* между Югом и Центром Европейской России. Исходным материалом для определения значения этого фактора послужили факты, представленные в книге Ю.А. Мизиса о формировании рынка на Юге России[1]. Предлагая экспертную оценку этого фактора, мы, прежде всего, исходили из того, что вновь присоединяемая к Русскому государству территория по своим почвам была черноземной и умеренно увлажненной, что определяло нормальную проходимость сухопутных дорог примерно в течение полугода. Поэтому для всех участков зоны фронтира мы определили базовое значение фактора от 0,5 до 1.

Дополнительно приходилось учитывать речные пути. При преобладании в лесостепной полосе России мелких речек, абсолютно не подходящих для судоходства, существенное преимущество отдельным территориям региона давало расположение на пригодных для движения судов крупных реках (Дон, Ока) и связанных с ними удобной навигацией притоках (Мокша, Цна, Хопер и др.). На пересечении сухопутных и речных дорог складывались наиболее крупные торгово-экономические центры, которые имели больше возможностей включиться в состав метрополии. Исходя из этого мы решили дополнить «дорожный показатель» на 0,2 для территорий с крупными реками и на 0,1 – для зон средних притоков.

[1] *Мизис Ю.А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. – Тамбов, 2006.

При изучении факторов модели мы не измеряем разнонаправленность путей сообщения в зоне фронтира, а учитываем существование путей сообщения вообще. В дальнейшем, при рассмотрении направленности дорог именно в Центр России как показателя включенности той или иной части территории фронтира в «русский мир», мы учтем это обстоятельство. Ведь некоторые речные пути направлялись в противоположную от Центра сторону: Дон и его притоки, а также многие реки будущих Орловской и Курской губерний, которые несли свои воды в Днепр. Напротив, определенные преимущества получали территории, по которым проходили речные пути в сторону центра. Это, прежде всего, относится к целому ряду участков бассейнов рек Цна и Мокша.

Понятно, что в дожелезнодорожную, дошоссейную, допароходную эпоху возможности движения по имевшимся путям сообщения и в XVIII – первой половине XIX вв. не могли быть большими. Поэтому дорожный фактор для всех отрезков изучаемого нами периода нельзя оценивать более чем в 0,5. Но речь может идти об улучшении организации движения по этим путям. Мы полагаем, что это должно быть отнесено к другому фактору включения фронтира в состав метрополии, который мы условно назвали *организованные коммуникации*.

В XVI-XVII вв. «официально признанными» Русским государством коммуникациями между Центром и Югом Восточной Европы были шляхи, которые в период формирования фронтира создавали определенные условия для связи этой территории с метрополией. Для шляхов, шедших через конкретные уезды южно-

русского фронтира, в силу не только их зависимости от погодных условий, но и «неустойчивости» использования населением пограничья, постоянной опасности нападений отрядов кочевников, мы определили экспертную оценку в 0,3. Для остальных уездов, стоявших в стороне от шляхов, мы предлагаем оценку в 0,1, подразумевая, что они, будучи под контролем Русского государства, имели хоть какую-то дорожную связь с Центром страны.

В самом конце XVII – начале XVIII в. Российское государство начало включать зону фронтира в свою систему коммуникаций (создание ямских, затем почтовых трактов с соответствующими станциями, «царской дороги», речных пристаней и т.п.). Прохождение в этот период через конкретный уезд ямских дорог и почтовых трактов предполагается оценить в 0,4.

Несколько более повышенную оценку в 0,5 мы предлагаем для уездов, через которые в самом конце XVII – начале XVIII в. проходила особо организованная «царская дорога» из Москвы в Воронеж. Полагаем, что к середине XVIII в. почтовые тракты были несколько улучшены, их оценку для этого и последующих отрезков нашей модели (конца XVIII в. и середины XIX в.) можно повысить на 0,1. Но, как уже говорилось, в дошоссейный период она не могла превышать 0,5.

К середине XVIII в. по территории фронтира стало проходить несколько «официальных» торговых дорог из южных степей в старый Центр России. При всей их важности нужно учитывать, что они были организованы похуже, чем государственные почтовые тракты. Поэтому для них предполагается экспертная оценка в 0,4. Второстепенные дороги (в стороне от почтовых трактов и торговых дорог), которые обеспечивали минимальную связь фронтира с Центром России, мы оцениваем «символично» – в 0,1.

Мы уже отмечали ограниченные возможности использования в качестве длинных путей сообщения большинства рек, протекавших по территории фронтира. С точки зрения коммуникационного фактора важно учесть организацию государством и обществом пристаней, других прибрежных инфраструктурных объектов для

регулярного судоходства. На связь фронтира с московским центром «работала» только Окская водная артерия, которая имела существенное судоходное значение в Тульской, Рязанской и Тамбовской губерниях. Крупные пристани, отгружавшие хлеб и другие сельскохозяйственные товары с юга в центральные районы России сформировались здесь, особенно на отрезке Цна – Мокша – Ока, только в середине XVIII в. Наиболее крупным речным хлебным портом являлось с. Морша на Цне (с 1770-х гг. уездный город Моршанск Тамбовской губернии). Для этой пристани мы предложили экспертную оценку в 0,3. Остальные пристани зоны фронтира имели меньшее торговое значение. Пристани, расположенные на верхнем Дону, больше ориентировались на юг. Но мы учитывали то, что они располагались близко к старому центру страны и обеспечивали тем самым связь метрополии с зоной фронтира. Поэтому для всех пристаней, кроме Моршанска, мы предложили экспертную оценку в 0,2.

Несомненным важным фактором для социально-экономического втягивания фронтира в метрополию являлись *условия для взаимной торговли*, ее состояние к середине XVII в.[1] Старым русским городам зоны фронтира или вблизи ее, которые уже имели к этому времени торговые функции, мы сразу присвоили оценку 1. Значение в 0,7 предложено для городов-крепостей, основанных в XVII в., но для своего времени быстро ставших развитыми в торговом отношении. Дальнейшую их динамику как центров и факторов развития торговли старого Центра и зоны фронтира мы решили показать добавлением 0,1 для каждого изученного отрезка времени. К концу XVIII в. большинство из них стало центрами постоянной торговли своих уездов. В нашей шкале они обрели значение 1. Только для небольшого числа мелких уездных городов, которые сохраняли во многом локальное торговое значение, мы предложили значение в 0,9.

Особо определялся фактор условий для торговой деятельности торгово-промышленных сел, которые впоследствии стали

[1] *Мизис Ю.А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. – Тамбов, 2006.

уездными городами. Для конца XVIII в. мы ставили им 0,7 (больше села, чем города). Только для «среза» середины XIX в. мы посчитали возможным поставить им значения, в зависимости от масштабов участия во всероссийской торговле, – 1 и 0,9.

Южная часть Центра России была привлекательна для государства и общества метрополии и с социально-экономической точки зрения, особенно *наличия здесь ценных природных ресурсов*. Выход на плодородные черноземы позволял преодолеть существенные проблемы социально-экологические проблемы русского земледельческого социума междуречья Волги и Оки, к началу XVII в. в значительной мере истощившего плодородие нечерноземных земель.

Для государства черноземная зона была привлекательна тем, что она могла бы обеспечивать новыми поместьями разрастающийся слой служилого дворянства. В конкретно-исторических формах заинтересованность государства в землях фронтирной зоны проявилась еще в XVI в. в основании дворцовых волостей (типа Верхоценской волости на территории будущей Тамбовской губернии), которые поставляли немалую долю продуктов для царского двора. Поэтому наличия ценных природных ресурсов в уездах зоны как фактор включения фронтира в состав метрополии мы предлагаем оценивать в 1 уже с XVII в.

Зона восточноевропейской лесостепи и степи была весьма привлекательной для Русского государства XVI-XVII вв. в *геополитическом отношении*. Прежде всего, России было необходимо как можно дальше отодвинуть от центра страны границы с агрессивными кочевыми объединениями – остатками Золотой Орды.

Немаловажной проблемой для Русского государства был розыск беглого крепостного населения, который во многом происходил именно в южном направлении. Поскольку беглые оседали главным образом на Дону (не только нижнем, но и долгое время на среднем), России пришлось решать серьезные политико-стратегические вопросы с донскими казаками. С одной стороны, нужно было ограничивать буйную казацкую вольницу, с другой стороны, казаки являлись важными партнерами Москвы в борьбе с кочев-

никами и Турцией. Таким образом, зона геополитических интересов Русского государства уже с середины XVI в. простиралась до Азовского и Черного морей. Поэтому для всех частей зоны фронтира (уездов, провинций, губерний) и для всех отрезков изучаемого периода мы предлагаем максимальную экспертную оценку геополитической привлекательности – 1.

Важным фактором в истории зоны фронтира мы посчитали *лояльность/нелояльность местного населения* по отношению к центральной власти, что могло выражаться в отсутствии или проявлении прямых антиправительственных выступлений некоторой «вольницы» фронтирного населения. Полная лояльность оценивалась как 1. Мелкие проявления нелояльности (типа убийства шацкой мордвой архиепископа Мисаила) оценивались как вычитание 0,1 от 1; более крупные проявления (типа участия в городских восстаниях 1640-х гг., движениях С. Разина, К. Булавина, Е. Пугачева) – как вычитание 0,5 от 1.

Конкретизируя, отметим, что в разинское движение в той или иной мере были вовлечены вся территория донских казаков, будущих Саратовской и Пензенской губерний, почти вся территория Воронежской губернии, около половины территории Тамбовской губернии, небольшая часть Курской губернии. Значительная часть зоны южнорусского фронтира оказалась в районе действий казацких отрядов К. Булавина, которые получили поддержку не только на Дону, но и в южных частях будущих Тамбовской и Пензенской губерний, в большей части Воронежской губернии, в некоторых юго-восточных территориях Курской земли. В «пугачевщине» приняло участие население Саратовской и Пензенской губерний, северо-западных округов Области Войска Донского, примыкавших к зоне фронтира, востока Тамбовской губернии.

Помимо факторов, определявших процесс включения фронтирной территории в состав Российского государства, мы предложили индикаторы, которые позволяют определить степень этой включенности на разных отрезках изучаемого периода:

1. Геополитическая вовлечённость территории в российское государство;

2. Доля распаханных земель;

3. Развитие дорог и торговли в направлении «фронтир – метрополия»;

4. Развитие городов как административных и социально-экономических центров.

Мы уже отмечали, что всю территорию юга Восточной Европы (начиная с XVI в.) можно считать привлекательной для России в геополитическом отношении. Но реальное включение этой территории в состав Российского государства заняло много десятилетий. Применительно ко второй половине XVI в. и большей части XVII в. всю эту территорию сложно назвать зоной фронтира, поскольку значительная часть этой зоны никак не контролировалась российским государством. Для середины XVII в. в геополитическом плане к фронтиру мы предлагаем в самом широком плане относить те земли, куда хотя бы высылались постоянные сторожи. В более узком плане мы относим к фронтиру те территории, которые постепенно прикрывались оборонительными чертами и становились частью государственной системы.

Конечно, степень втянутости фронтирной территории в Русское государство невозможно точно измерить количественными параметрами. Поэтому мы решили использовать экспертные оценки, приемлемые для фрактального моделирования. Ведь в использовании такого способа построения моделей важно установить степень тождественности элементов фронтира соответствующим элементам государства-метрополии.

Расположение в зоне фронтира сторож, назначенных Русским государством, мы рассматриваем как минимальное проявление контроля метрополии над данной территорией. В шкале экспертных оценок, в которой за 1 (единицу) мы принимаем полный государственный контроль над территорией, наличие сторож можно оценить как 0,1. Главное в данном случае подчеркнуть, что какое-то влияние государства в этой зоне есть, но оно минимально.

Если говорить конкретнее, начнем с того, что в зону фронтира мы в первую очередь включили территории, которые стали входить в состав Русского государства еще в середине XVI в. Построенные тогда крепости: Орел, Мценск, Новосиль, Ефремов, Данков, Ряжск и некоторые другие – в следующем столетии уже утратили оборонительное значение, но входили в особую зону Белгородской черты. Эти города-крепости и их округи еще сохраняли отличия от уездов старого московского центра. Поэтому мы оцениваем степень их политической включенности в «русский мир» как 0,8.

Факты существования воеводского правления на территории южных оборонительных рубежей XVI – XVII вв. мы предлагаем оценивать как 0,6, считая роль государства здесь существенной, но не «стопроцентной». Воеводы еще не могли полностью контролировали подведомственную территорию, и не только ту часть, которая располагалась к югу от засечной черты, но и нередко защищенную крепостями, валами, засеками часть уже русской земли. В конкретно-историческом плане это убедительно показал Ю.А. Мизис в монографии о Р.Ф. Боборыкине, который воеводствовал в середине XVII в. в нескольких уездах южной части русского фронтира, а также Д.А. Ляпин и В.Н. Глазьев на примере воевод Воронежа, Ливны[1].

Полное включение рассматриваемой территории в состав русского государства, а точнее Российской империи, произошло уже в XVIII в., когда существенно разросся государственный чиновничий аппарат, способный, так сказать, повседневно управлять жизнью недавней окраины. Конечным моментом этого процесса, полагаем, можно считать образование губерний в самом конце XVIII в. Степень контроля над территориями, вошедшими в губернии, мы предлагаем оценивать в 1. Сохранение сравнительно автономных регионов типа Области Войска Донского говорит о том, что зона фронтира сместилась на самый юг Восточной Европы.

Образованную в 1708 г. Азовскую губернию можно признать переходной от фронтирной к государственной территории. Боль-

[1] *Мизис Ю.А.* Воевода Московского царства (Р.Ф. Боборыкин на государевой службе). – Тамбов, 2012; Ляпин Д.А. Царский меч. Социально-политическая борьба в России в середине XVII века. – СПб., 2018. С. 114-118, 130-132; Глазьев В.Н. Воронежские воеводы. – Воронеж. 2007. С. 90-93.

шая часть этой территории располагалась между Окой и Доном (Окско-Донская низменность) и практически совпадала с восточной частью Юга Центральной России. Ввиду своей переходности эта территория была явно неоднородна в административном отношении, в смысле степени подчиненности государственному Центру.

Азовская провинция, располагавшаяся к югу от Дона, узкая полоса, «зажатая» между Слободской Украиной и Землей донских казаков, а впоследствии разделенная между этими сравнительно вольными территориями, в начале XVIII в. слабо управлялась из Центра. Поэтому мы решили оценить степень ее втянутости в Русское государство как 0,3.

Воронежскую провинцию этого времени также трудно признать сильно втянутой в общероссийскую государственную систему. Территория так называемого Воронежского Ведомства оставалась особо управляемой пограничной зоной, связанной со строительством флота на Дону. В течение 1701-1709 гг. к Ведомству было приписано 25 городов с населением более 120 тыс. чел. Положение этого населения было очевидно «фронтирным». Оно испытывало влияние непривычных для жителей Центральной России факторов, прежде всего, физических нагрузок от неизвестных русскому человеку корабельных работ под жестким, почти военным контролем; высокий уровень заболеваемости от эпидемий, часто возникавших в зоне относительно жаркого климата, не совсем «подходящего» для населения средней полосы Восточной Европы[1]. Поэтому экспертная оценка геополитического положения этой территории в Российском государстве остается в 0,5.

Особо следует сказать о восточном куске территории Азовской губернии (между Хопром и Медведицей). Он фактически продолжал находиться во фронтирном положении рядом с Землей донских казаков, испытывал частую угрозу со стороны калмыцких степей, находился, так сказать, на военном положении. Степень вовлеченности этой территории в государственную систему Рос-

[1] *Комолов Н.А.* Азовская губерния (1709-1725 гг.): территория и высшие администраторы. – Ростов-на-Дону, 2009. С. 12-13.

сии того времени мы намерены оценивать несколько меньше, чем для территории Воронежского ведомства (там уже не было прямой военной угрозы) – 0,4.

Явно «фронтирным явлением» была история с резиденцией руководителя Азовской губернии после возвращения Азова туркам. Практически она перемещалась между Воронежем, Тамбовом и Ельцом. Характерна причина уклонения вице-губернатора от пребывания в Воронеже. Она опять-таки связана с неблагоприятными для русского человека природно-климатическими условиями, при которых этому администратору привычнее было жить «на Ельце, потому что воздух воронежского легче»[1]. Большая привлекательность для вице-губернатора Тамбова и Ельца говорит о том, что Тамбовская и Елецкая провинции, также как и расположенные к западу земли Белгородской губернии, уже сильно втянулись в Российское государство. Степень этой втянутости мы предлагаем оценивать в 0,8, что будет означать их большую близость к Центру, нежели к фронтиру.

Самая северная в Азовской губернии Шацкая провинция занимала особое положение, связанное с преодолением здесь некоего «нелинейного эффекта». Авторы «Истории Рязанского края» обратили внимание на то, что два города Шацкой провинции (Касимов и Елатьма), ранее тяготевшие к другому историческому региону и на протяжении долгой истории связанные с Владимирским и Московским княжествами, в XV-XVII вв. входили в состав Касимовского царства, которое было пограничным образованием[2]. Затем эти два города, войдя в состав Азовской губернии, оказались в зоне фронтира. Сохранение отдельной Шацкой провинции, близкой к старому московскому центру страны, стало как бы восстановлением исторической традиции. Поэтому для геополитической втянутости в Россию этой территории мы предлагаем экспертную оценку в 0,9.

[1] *Комолов Н.А.* Азовская губерния (1709-1725 гг.): территория и высшие администраторы. – Ростов-на-Дону, 2009. С. 41.

[2] История Рязанского края. 1778-2007 гг. – Рязань, 2007. С. 18.

Во второй половине XVII – начале XVIII в. в зоне фронтира проявлялись и другие нелинейные эффекты, в частности, существование дворцовых волостей. Точный подсчет этих административно-хозяйственных образований затруднен тем, что они возникали в разное время, переходили из одного уезда в другой. В принципе с полным списком подобных волостей еще нужно разбираться. Для нас важно отметить другое. В геополитическом отношении эти территориальные образования имели одинаковый статус с остальными территориями своих уездов. Но экономически дворцовые волости были больше втянуты в жизнь Российского государства, поскольку непосредственно обеспечивали продуктами и другими хозяйственными услугами царский дворец. Это мы предполагаем учесть при формировании экономических экспертных оценок развития южнорусского фронтира.

Тульские и рязанские территории, располагавшиеся к югу от Оки и в XVII в. бывшие еще в зоне фронтира, в начале XVIII в. вошли в Московскую губернию и полностью влились в Российское государство (степень втянутости – 1.0).

В середине XVIII в. зона фронтира еще больше включилась в административную систему страны. Практически все территории к северу и западу от Среднего Дона вошли в единую систему воеводского правления. Но небольшие различия в степени привязанности территории фронтира к метрополии еще сохранялись. Исходя некоторой неравномерности геополитической ситуации в зоне фронтира в середине XVIII в., мы предлагаем оценить степень вхождения этой территории в состав Российского государства следующими экспертными оценками:

Тульская губерния – 1;

Рязанская, Орловская, Курская, Тамбовская, Пензенская, северная часть Воронежской губернии – 0,9;

южная часть Воронежской губернии – 0,8;

Саратовская губерния – 0,7;

Область Войска Донского – 0,5.

Последние две оценки мы объясняем для Саратовской губернии, как заметный, но еще не полный выход из зоны фронтира, для Дона – как раз превращением в южный фронтир России, учитывая его не только некую административную «вольность», но и пограничное положение с еще принадлежавшими Турции землями Северного Кавказа.

К концу XVIII в. почти вся изучаемая территория «твердо» управлялась российской государственной администрацией. Только для самого юга Воронежской губернии, близкого к Дону и Саратовской губернии («В деревню к тетке, в глушь, в Саратов!..») мы предложили значение показателя геополитической втянутости в 0,9. Втянутость Области Войска Донского в Российского государство этого периода мы оцениваем в 0,7, что означает большую подчиненность имперским властям, нежели казацкую самостийность.

К середине XIX в. зависимость Дона от Петербурга еще несколько возросла (0,8 по нашей шкале). Все остальные территории бывшего фронтира к данному времени были полностью включены в губернскую административную систему Российской империи и достигли экспертной оценки в 1.

В хозяйственном смысле освоение фронтирных территорий в первую очередь проявилось в постепенной распашке степных и лесостепных пространств к северу от среднего Дона (района Воронежа).

Для определения показателя распашки в XVII в. мы решили использовать данные Б.Н. Миронова о структуре природных угодий Европейской России по природным зонам[1]. Для старого Центра мы взяли данные по лесной полосе (отделенной от северной – таежной). По этим данным, к концу XVII в. доля пашни составляла 22 % от всех угодий. Учитывая большую степень распашки в интересующей нас южной части лиственных лесов, для этой территории мы приняли значение удельного веса пашни в 25 % и приравняли его к экспертной оценке 1.

[1] *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. – СПб, 2010. С. 336.

В этот же период в лесостепной полосе, по расчетам Б.Н. Миронова, доля пашни в природных угодьях равнялась 20%, что можно приравнять к экспертной оценке 0,8. Но это можно отнести только к территории севернее Белгородской засечной черты. К югу от нее долгое время жить и пахать официально запрещалось. Но, как убедительно показано в исследованиях Ю.А. Мизиса и Д.А. Ляпина, на этой территории и в условиях запрета велась хозяйственная деятельность в виде освоения бортных ухожаев[1]. Для этой части лесостепи XVII в. мы предлагаем экспертную оценку в 0,1 как показатель минимальной экономической освоенности российскими людьми территории к югу от оборонительных линий.

Поскольку в начале XVIII в. вся зона южнорусского фронтира стала осваиваться еще более активно, мы решили поднять оценку степени распашки для территории к северу от бывшей Белгородской черты до 0,9, а для территории к югу – до 0,5.

В середине XVIII в. уровень распашки земель на севере и в центре фронтирной зоны уже превысил удельный вес в пашни в старом Центре страны и достиг 1 в нашем экспертном измерении. В южной части лесостепи распашка новых земель еще долго продолжалась. Поэтому мы предлагаем оценить этот показатель для середины XVIII в. в 0,6, а для XVIII в. – в 0,7. В это время уже появляются точные данные Экономических примечаний к планам Генерального межевания и некоторых других источников. На данный момент мы располагаем статистическими поуездными данными по 60 с лишним уездам Воронежской, Орловской, Пензенской Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний.

По данным известного воронежского краеведа того времени Е. Болховитинова только в одном из двенадцати уездов губернии – Бобровском – было распахано менее 25% земли[2]. В Пензенской губернии невысокий уровень распашки также зафиксирован в одном уезде – лесистом Городищенском уезде[3].

[1] *Мизис Ю.А.* Заселение Тамбовского края в XVII-XVIII веках. – Тамбов, 1990; *Ляпин Д.А.* На степном пограничье: Верхний Дон в XV-XVII веках. – Тула, 2013.

[2] См. *Болховитинов Е.* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. – Воронеж, 1992.

[3] См. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIII. Ч. 4. Пензенская губерния. – СПб, 1849.

Данные оцифрованных планов Генерального межевания во всех случаях свидетельствуют о высоком уровне распашки земли в конце XVIII в., превышавших «старомосковские» нормы. Правда, следует учитывать, что при этих расчетах пашня учитывалась вместе с неудобьями. Но и за их вычетом получается, что удельный вес пашни менее 25% мог быть только в Спасском уезде Тамбовской губернии, в Брянском уезде Орловской губернии и в Спасском уезде Рязанской губернии. Но во всех трех этих случаях дело было не во «фронтирных процессах», а в высокой степени лесистости данных территорий, которые и в дальнейшем распахивались сравнительно мало.

В середине XIX в. земледельческая направленность освоения природных ресурсов зоны фронтира определилась еще четче, что можно определить по материалам Военно-статистических обозрений губерний[1]. На основе этих данных можно утверждать, что для подавляющего большинства уездов экспертная оценка уровня распашки в зоне фронтира на середину XIX в. будет равняться 1, в исключительных случаях – 0,7-0,9.

Существенным показателем включения фронтирной зоны в социально-экономическую систему метрополии служит географическая направленность торговли. Учитывая, что всероссийский рынок явно не сформировался до XIX в., мы вообще не можем говорить о полном включении этой зоны, как и всех регионов метрополии, в общие рыночные связи. При изучении фронтира средствами фрактального моделирования нам представляется наиболее оптимальным установить момент, когда торговля населения фронтира с метрополией стала преобладающим направлением.

[1] См. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 3. Рязанская губерния. – СПб, 1848; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIII. Ч. 4. Пензенская губерния. – СПб, 1849; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V. Ч. 4. Саратовская губерния. – СПб., 1852; Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. VI. Ч. 4. Тульская губерния. – СПб., 1852; Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. VI. Ч. 5. Орловская губерния. – СПб., 1853; Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. XIII. Ч. 1. Тамбовская губерния. – СПб., 1851; Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. XIII. Ч. 2. Воронежская губерния. – СПб., 1850; Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. XIII. Ч. 3. Курская губерния. – СПб., 1850.

В конце XVI – XVII в. такая связь очевидно и прочно существовала у дворцовых волостей и старых русских городов на западе зоны фронтира, возникших до этого периода и давно обретших и давно включенных в торговлю с Центром России. Таким городам присваивалась экспертная оценка в 1.

Остальное население этой зоны тоже торговало со старым центром страны, но эта торговля имела спорадический характер и небольшие масштабы. Мы уже отмечали, что ряд городов-крепостей, возникших в XVII в., быстро приобрел торговое значение. Мы выставили им оценку как факторам развития торговли с метрополией в 0,7. Но, поскольку с точки зрения направленности торговли в XVII в. она была направлена не только в старый Центр страны, но и на Дон, Украину, Поволжье, мы предлагаем по этому показателю оценку в 0,6.

Для определения экспертных оценок направленности торговли отдельных уездов зоны фронтира в начале и середине XVIII в. мы имеем обширные таблицы и карты из монографии Ю.А. Мизиса. Примерно с 1720-х гг. часть этих уездов стала устойчиво обеспечивать крупные поставки хлеба и других сельхозтоваров из черноземной полосы в нечерноземную зону и на Северо-Запад Российской империи[1]. Они обрели индикатор направленности торговли в единицу (1). Остальные, в зависимости, от доли торговли со старым Центром страны, получили оценки от 0,1 до 0,9.

Для «срезов» конца XVIII и середины XIX в. была использована обширная справочно-статистическая литература[2], которая

[1] См. *Мизис Ю.А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII вв. – Тамбов, 2006.

[2] См. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 3. Рязанская губерния. – СПб, 1848; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIII. Ч. 4. Пензенская губерния. – СПб, 1849; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. V. Ч. 4. Саратовская губерния. – СПб., 1852; Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. VI. Ч. 4. Тульская губерния. – СПб., 1852; Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. VI. Ч. 5. Орловская губерния. – СПб., 1853; Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. XIII. Ч. 1. Тамбовская губерния. – СПб., 1851; Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. XIII. Ч. 2. Воронежская губерния. – СПб., 1850; Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. XIII. Ч. 3. Курская губерния. – СПб., 1850; Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции. Т. VI. – СПб, 1786; Словарь географический Российского государства А. М. Щекатова. Ч. 1-7. – М., 1801-1809; Экономическое состояние городских поселений в России 1861-1862 гг. Ч. 1-2. – СПб., 1862-1863.

позволила шкалировать экспертные оценки направленности торговли отдельных уездов в диапазоне от 0,1 до 1.

Важным показателем социально-экономического втягивания зоны фронтира в состав общества метрополии является превращение городов из сугубо военно-административных крепостей без посадов в социально-экономические центры.

Считаем достаточным для фрактального моделирования оценить крепости без посадов, возведенные в середине XVII в., в 0,1 (минимум экономической жизни).

В зоне фронтира XVII в. оказались старые русские города, которые к данному моменту имели не только административные, но и развитые социально-экономические функции: большинство городов будущей Тульской губернии, часть северных городов Рязанской и Тамбовской губерний, западных городов Орловской губернии, юго-западных городов Курской губернии. Мы признали их тождественными городам метрополии и определили их значение в нашей шкале как 1.

На территории фронтира или прилегающих к нему территориях находились города, основанные как крепости в конце XVI – начале XVII в. Эти города еще не утратили к середине века значения крепостей, но уже приобрели некоторые черты локальных социально-экономических центров. Полагаем, что эта группа была ближе к старым русским городам, чем к городам зоны фронтира. Поэтому их индикатор был определен в 0,8.

Мы учитывали и то, что некоторые будущие уездные города в XVII-XVIII вв. были еще селами. Для торгово-промышленных сел этого периода мы предложили экспертную оценку в 0,4, для монастырских, относительно замкнутых, - 0,3. Хотя в 1770-е г. эти поселения получили статус уездных центров, они не сразу обрели городские качества, сохраняя значительную часть крестьянского населения с земледельческими занятиями. Поэтому для конца

XVIII в. их оценка определена в 0,8. Только к середине XIX в. они стали тождественными другим городам своего времени и обрели в нашей шкале полную единицу.

Города-крепости XVI-XVII вв., обретшие к началу XVIII в. и соответствующий социально-экономический статус также приобрели экспертную единицу. Однако не все фронтирные города-крепости после утраты оборонительного значения включились в современный урбанизационный процесс. Часть из них в начале и середине XVIII в. продолжала считаться крепостями, но не обрела посады. Поэтому мы определили их индикатор как 0,6 (больше города, чем села). В конце XVIII – первой половине XIX в. они получили статус безуездных (заштатных) городов или вообще стали селами, хотя иногда в официальных документах именовались бывшими городами. Эти поселения в XVIII-XIX вв. не определяли экономический облик своих уездов. Но мы решили учесть их динамику, считая важным для характеристики нелинейных процессов в зоне фронтира.

При изучении эволюции городов фронтирной территории важно учитывать и то обстоятельство, что многие будущие уездные города в XVII и большей XVIII веков были еще селами. Для торгово-промышленных сел этого периода мы предлагаем индикатор «экономической продвинутости» в 0,4, для монастырских – 0,3. Хотя в 1770-е гг. эти поселения получили административный статус уездных центров, они не сразу обрели истинно городское качество, сохраняя значительную часть крестьянского населения с земледельческими занятиями. Поэтому для конца XVIII в. их экспертная оценка определена в 0,8. Только к середине XIX в. они обрели тождество с другими городами как социально-экономическими центрами и получили в нашей шкале полную 1.

Конечно, предлагаемые нами экспертные оценки значений факторов и индикаторов процесса включения южнорусского фронтира в состав Российского государства не могут обладать абсолютной точностью. Но, как показали наши эксперименты по формированию ФронтирФрактала, они позволили получить мо-

дель, во многом верифицируемую данными, полученными традиционными методами исторической науки.

Вместе с тем, эксперименты показали определенные противоречия между результатами моделирования и известными по исторической литературе состояниями соответствующих фронтирных территорий на определенные временные «срезы». Это побуждает нас к совершенствованию обоснованности экспертных оценок.

5.2. Подходы к генерализации индикаторов

Таким образом для определения величины управляющих факторов модели мы использовали несколько индикаторов для конкретных территорий:

индекс геополитической привлекательности территории для метрополии (K_{c1});

уровень лояльности населения (отсутствие или наличие протестных выступлений) (K_{c2});

этнический состав (доля русского населения) (A_1);

религиозный состав населения (доля православных) (A_2);

наличие ценных природных ресурсов (D_{c3});

состояние естественных путей сообщения (доступность территории) (D_{c1}, он же K_{c3});

уровень развития коммуникаций (D_{c2});

условия для развития торговли (D_{c4}).

Генерализация индикаторов для управляющих факторов осуществлялась с помощью среднего арифметического (формулы 2 – 4).

$$A=(A_1+A_2)/2 \quad (2)$$

$$d_c=(D_{c1} + D_{c2} + D_{c3} + Dc_4)/4 \quad (3)$$

$$k_c=(K_{c1} + K_{c2} + 0{,}5K_{c3})/2{,}5 \quad (4)$$

Заметим, что в формуле (4) индикатор K_{c3} берётся (в соответствии с мнением эксперта) с весовым коэффициентом 0,5, поскольку «вклад» этого индикатора в определение величины соответствующего фактора ниже, чем у остальных индикаторов.

«Натуральные» величины индикаторов были изначально выражены в шкале от 0 до 1 включительно. Исключение составляют индикаторы A_1 и A_2, выраженные в процентах в шкале от 0 до 100. Эти величины – результат экспертных оценок, которые были даны в результате обобщения огромного массива источниковых и исследовательских данных. Качественные смыслы шкалы, которыми руководствовались эксперты, будут обсуждены чуть ниже.

В целом можно сказать, что, чем выше уровень развитие того или иного индикатора, тем ближе его величина к 1. например K_{c2} = 1, означает, что население территории максимально лояльно по отношению к центральной власти.

Существенно более сложным представляется перевод «натуральных» величин индикаторов в величины, выраженные при помощи шкал, принятых в модели. В ОФМП d_c и k_c могут изменяться в пределах от 0 до 2 включительно. Но эти факторы имеют ещё и направление воздействия на систему – вовне или к центру фазового пространства модели. И эти направления также нужно вычислить, исходя из величин индикаторов. Фактор *A* также изменяется в пределахот 0 до 2 включительно, но его направление воздействия на систему определяется не отдельно, а величиной самого фактора (если $A>1$, то он воздействует на исследуемую систему «центробежно»; если $A<1$, то он воздействует на исследуемую систему «центростремительно»).

Однако недостаточно просто пересчитать «натуральные» величины в «модельные», просто перемножив их на коэффициент 2.

Во-первых, надо учитывать, что одна из осей модели «вывернутая». (Её минимальное значение $y=0$ соответствует максимальному значению соответствующей характеристики H_y, то есть максимальному вовлечению в русский мир. Следовательно, увеличение индикаторов для k_c (например, K_{c1}) должно приводить к

уменьшению численного значения k_c, то есть содействовать увеличению H_y.

Во-вторых, абстрактные диапазоны величин модельных управляющих факторов (и, соответственно, их индикаторов) не обязательно совпадают с реальными диапазонами, в которых эти факторы изменялись в исторической реальности. Иначе говоря, фактор d_c в виртуальной реальности может быть равен 0, но в физической реальности такое может случиться только в качестве исключения и не имеет смысла для моделирования. Вполне возможно, что реальные системы существуют в существенно меньшем диапазоне изменений, чем теоретический диапазон изменений управляющих факторов.

Поэтому нам нужно понять, какие реальные (эмпирические и/или экспертные) величины соответствуют модельным величинам для факторов (и их индикаторов). Эта задача, по существу, сводится к задаче калибровки модели. То есть при переводе «натуральных» величин в модельные используется некоторый калибровочный коэффициент, которые «заставляет» виртуальную систему копировать реальную. Вообще говоря, этот калибровочный коэффициент можно вводить при расчете величины самих факторов в формулы для генерализации индикаторов (2-4), но мы нашли удобным вводить калибровочные коэффициенте на предшествующем этапе при переводе индикаторов из шкал «натуральных» в модельные (формулы 5-13).

$$A_1=0{,}00199\,A_{1натур}+0{,}001 \quad (5)$$

$$A_2=0{,}00199\,A_{2натур}+0{,}001 \quad (6)$$

$$D_{c1}=0{,}8D_{c1натур}+0{,}4 \quad (7)$$

$$D_{c2}=0{,}8D_{c2натур}+0{,}4 \quad (8)$$

$$D_{c3}=0{,}8D_{c3натур}+0{,}4 \quad (9)$$

$$D_{c4}=0{,}8D_{c4натур}+0{,}4 \quad (10)$$

$$K_{c1}=1{,}998-1{,}997K_{c1натур} \quad (11)$$

$$K_{c2}=1{,}998-1{,}997K_{c2натур} \quad (12)$$

$$K_{c3}=1{,}998-1{,}997K_{c3натур} \quad (13)$$

Каким образом возникли калибровочные коэффициенты? Почему формулы 5-6 таковы, какие они есть? Мы использовали довольно стандартную, хотя и трудозатратную, процедуру калибровки. Мы взяли отдельную – «эталонную» – территорию, для которой нам известны реальные исторические данные о её состоянии на некоторую дату. Затем величины индикаторов (то есть управляющих факторов) были выставлены таким образом, чтобы модельные данные (спрогнозированные в зависимости от некоторой величины управляющих факторов) совпали с известными реальными. Это позволило нам для одного конкретного эпизода получить соотношение модельных и натуральных величин.

Уже затем (в процессе верификации, который будет описан ниже) мы убедились, что найденные калибровочные коэффициенты верны не только для частного эпизода – не только для отдельной территории, но и для ряда других территорий, для которых также известны реальные данные и которые мы можем сравнить с модельными.

Эти процедуры повышают доверие к модели и позволяют затем использовать её для реконструкций и прогнозирования, то есть для восполнения реальности даже в том случае, если мы не имеем данных для сравнения и верификации.

Эталонной территорией для калибровки была выбрана Тамбовская губерния на начало XVIII века. Конечно, мы имели наиболее полное представление о величинах реального состояния и управляющих факторов именно по этой губернии. Кроме того, вследствие разнообразия своих уездов, своей протяженности и территориального положения эта губерния являлась своего рода микроминиатюрой фронтира, что также содействовало хорошей калибровки. Конечно, мы не стремились, чтобы модельные данные идеально совпали с реальными для каждого уезда – мы удовлетворились совпадением усреднённых данных для всех уездов губернии. (Более подробно эта процедура описана в разделе «Верификация модели».) Калибровка проводилась для уездов одной губернии по одному хронологическому срезу, а верификация – по

нескольким губерниям на одном хронологическом срезе и по одной губернии за несколько срезов.

База данных, на основании которой проводилось моделирование в первых двух сериях экспериментов, содержит 7210 записей с формализованными сведениями по 14-ти индикаторам, по 103-м уездам, по 5-ти хронологическим срезам (величины индикаторов в динамике).

Эксперименты проводились с помощью специальной программы-фракталопостроителя Модернофрактал 5.1, разработанной для реализации ОФМП (общей фрактальной модели перехода). Подробнее о программе можно узнать на сайте разработчика Центра фрактального моделирования социальных и политических процессов: ineternum.ru.

Верификация модели. Первая серия экспериментов.

В первой серии экспериментов мы ввели в программу данные по управляющим факторам середины XVII в. и получили аттракторы для каждого уезда на начало XVIII в. Для проверки модели нам потребовались верификационные данные, т.е. конкретно-исторические сведения о реальном состоянии уездов, которые можно было бы сравнить с модельными прогнозами, которые сделаны исходя из величин управляющих факторов за предшествовавший период.

Но верификационные данные нужно не только получить, но и представить их в такой форме, которая давало бы возможность сравнения с результатами работы модели. А результаты работы модели – это точки, координаты которых указывают на величину двух ключевых исследуемых характеристик территории – H_x и H_y.

На начало XVIII в. (в частности) мы имеем экспертные оценки состояния уездов по некоторым индикаторам. Состояние уезда на конкретную дату – это фактическая величина двух характеристик модели (H_x и H_y), т.е. положение точки в нашем фазовом простран-

стве. Зная это положение, мы можем сравнить его со смоделированным аттрактором.

Индикаторы для расчета состояния уездов:

степень военного контроля над территорией (H_{y1});

плотность населения (H_{x1});

этнический состав населения (доля русского населения) (H_{y4});

религиозный состав населения (доля православных) (H_{y5});

доля социальных слоёв, характерных для общества метрополии (H_{y6});

доля распаханных земель (по отношению к распашке в метрополии) (H_{x2});

развитие дорог в направлении «метрополия – фронтир» (H_{y2});

развитие торговли с метрополией (H_{y3});

развитие городов как административных и экономических центров (H_{x3}).

Сведения для расчета каждого индикатора также были извлечены из упомянутой выше базы данных, а также частично формировались на основе экспертных оценок и частично – на основе статистических данных. Величины индикаторов выражены в шкале от 0 до 1, исключая индикаторы H_{y4}, H_{y5} и H_{y6}, выраженные в процентах в шкале от 0 до 100.

Таким образом, мы знаем численные значения множества индикаторов, а должны получить величину двух характеристик уезда. Поэтому индикаторы необходимо обобщить, генерализировать. Также необходимо представить «натуральные» экспертные величины в шкалах, принятых в модели.

Для Тамбовской губернии мы имели самые полные и подробные данные, поэтому для этой территории шкалирования и генерализации индикаторов (сама по себе крайне сложная) сводилась лишь к нахождению соотношения между двумя форматами представления данных: генерализованным графическим и негенерализованным числовым.

Шкалирование проводилось довольно просто, мы ведь знаем (не по всем территориям, конечно, а лишь по тем, которые хорошо

изучены), где именно в нашем фазовом пространстве должна быть поставлена точка, означающая величину характеристик уезда. А это величина – результат генерализации ряда индикаторов. Поэтому, собственно коэффициенты для шкалирования могли быть получены путём подбора для «эталонной» территории (также был учтён эффект «вывернутой» оси, обозначенный выше):

$$H_{x1}=2\,H_{x1натур} \quad (14)$$
$$H_{x2}=2\,H_{x2натур} \quad (15)$$
$$H_{x3}=2\,H_{x3натур} \quad (16)$$
$$H_{y1}=2\text{-}2\,H_{y1натур} \quad (17)$$
$$H_{y2}=2\text{-}2\,H_{y2натур} \quad (18)$$
$$H_{y3}=2\text{-}2\,H_{y3натур} \quad (19)$$
$$H_{y4}=2\text{-}0{,}02H_{y4натур} \quad (20)$$
$$H_{y5}=2\text{-}0{,}02H_{y5натур} \quad (21)$$
$$H_{y6}=2\text{-}0{,}02H_{y6натур} \quad (22)$$

Мы избрали самый простой инструмент генерализации индикаторов – вычисление среднего арифметического. Однако мы сочли нужным несколько усложнить этот подход. Дело в том, что в каждой обобщенной величине (H_x и H_y) вес различных индикаторов был не только разным, но и изменялся во времени. То есть на разных хронологических срезах разные индикаторы вносили разный вклад в определение состояния уезда. Это было продиктовано логикой исторического развития аграрного общества. Весовые коэффициенты определялись на основании экспертных оценок априори.

Так индикатор «развитие торговли с метрополией (H_{y3})» имеет весовой коэффициент $V_{Ну3}$:

для середины 17 века $V_{Ну3}= 0{,}5$;

для начала 18 века $V_{Ну3}= 0{,}7$;

для середины 18 века $V_{Ну3}= 0{,}8$;

для конца 18 века $V_{Ну3}= 0{,}9$;

для середины 19 века $V_{Ну3}= 1$.

Вес индикатора «доля распаханных земель (по отношению к распашке в метрополии) (H_{x2})» $V_{Нх2}$, напротив, падает:

для середины 17 века $V_{Нх2}= 0,7$;

для начала 18 века $V_{Нх2}= 0,7$;

для середины 18 века $V_{Нх2}= 0,6$;

для конца 18 века $V_{Нх2}= 0,6$;

для середины 19 века $V_{Нх2}= 0,6$.

Это связано с тем, что аграрное общество, оставаясь собственно аграрным, втягивалось в товарно-денежные отношения, становилось чуть более городским и т.п. Поэтому при определении уровня социально-экономической освоенности территории большую роль начинают играть такие индикаторы, как торговля, и чуть меньшую – как доля распаханных земель.

Аналогичными соображениями вызвано изменение весовых коэффициентов $V_{Нх3}$ для индикатора «развитие городов как административных и экономических центров (H_{x3})»:

для середины 17 века $V_{Нх3} = 0,1$;

для начала 18 века $V_{Нх3}= 0,2$;

для середины 18 века $V_{Нх3}= 0,3$;

для конца 18 века $V_{Нх3}= 0,4$;

для середины 19 века $V_{Нх3}= 0,5$.

Прочие весовые коэффициенты постоянны.

Также необходимо учитывать, что все рассматриваемые индикаторы понимаются не как самостоятельные явления, а как результат сравнения периферийной территории с территорией метрополии. Ведь при расчёте всех индикаторов мы берём не абсолютные значения, а значения развитости по отношению к уровню развития метрополии. Но уровень развития метрополии менялся. Поэтому в формулы для расчета относительных уровней развития территорий необходимо внести коэффициент развития самой метрополии – M. Естественно, коэффициент M имеет смысл лишь для характеристики H_x (степень общекультурной освоенности территории). Ведь метрополия, как и периферия, тоже может быть

не максимально освоена. Напротив, для характеристики H_y (степень вовлечённости территории в русский мир) коэффициент M всегда будет равен максимальному значению – 1 (это ведь атрибут метрополии – никакая территория не может быть более вовлечены в орбиту политического и социального контроля метрополии, кроме самой метрополии).

Мы приняли, что:

для середины 17 века $M = 0,65$;

для начала 18 века $M = 0,7$;

для середины 18 века $M = 0,75$;

для конца 18 века $M = 0,8$;

для середины 19 века $M = 0,85$.

Собственно, такие величины M обусловлены весьма простым соображением: M – это уровень развития именно аграрного общества. Следовательно, к концу господства этого типа общества его уровень развития должен быть равным 1 (максимальной величине). Конечно, темпы изменения M определены весьма произвольно, поскольку скорость развития аграрного общества – весьма абстрактное понятие. Но мы исходили из некоторых усреднённых представлений.

Таким образом, формулы для генерализации индикаторов выглядят следующим образом:

$$H_x= M((H_{x1}+V_{Нх2}H_{x2}+V_{Нх3}H_{x3})/ (1+V_{Нх2}+V_{Нх3})) \qquad (23)$$

$$H_y=(H_{y1}+0,5H_{y2}+V_{Ну3}H_{y3}+0,7H_{y4}+0,5H_{y5}+0,7H_{y6})/(3,4+V_{Ну3}) \quad (24)$$

Для получения экспертных оценок по индикаторам, свидетельствующим о состоянии уездов, использовались те же самые подходы, что и для получения экспертных оценок по индикаторам для управляющих факторов. Эти подходы представлены в разделах «Обсуждение индикаторов» и «Подходы к шкалированию экспертных оценок для определения величин управляющих факторов»

Итак, мы можем формализовать и обобщить эти оценки состояния уездов и также представить их как точки в фазовом про-

странстве модели. Таким образом, на начало XVIII в. мы имеем и смоделированные данные, и экспертные оценки. Это позволяет нам верифицировать модель, т.е. установить, насколько эти данные совпадают.

Мы свели в одной плоскости аттракторы уездов по губерниям – см. Рисунки 6-14. Изображения даются только в правой верхней четверти, т.к. во всех остальных четвертях они идентичны.

В результате экспериментов выяснилось, что все будущие уезды Тульской и Рязанской губерний к началу рассмотренного периода вышли в состав Российского государства (см. Рис. 3-4). На рисунках видно, что аттракторы всех уездов этих губерний к началу XVIII в. оказались в части фазового пространства О, что, напомним, означает сочетание высокой освоенности территории с высокой вовлечённостью в русский мир – в «отечество» или «метрополию».

Рис. 3. Результаты верификации, Тульская губерния.

Рис. 4. Результаты верификации, Рязанская губерния.

В промежуточном положении между фронтиром и метрополией находились в начале XVIII в. уезды будущих Орловской, Курской, Тамбовской, Пензенской – часть аттракторов обрела тип О, т.е. вошла в состав метрополии, а часть по-прежнему относилась к типу Т («наши пустоши») (см. Рис. 5-9).

Рис. 5. Результаты верификации, Орловская губерния.

Рис. 6. Результаты верификации, Курская губерния.

Рис. 7. Результаты верификации, Тамбовская губерния.

Рис. 8. Результаты верификации, Пензенская губерния.

Рис. 9. Результаты верификации, Воронежская губерния.

Более детальные результаты для «переходных» губерний были получены на материалах трех уездов Тамбовской губернии. Самый южный Борисоглебский уезд в начале XVIII в. являлся еще «российской пустошью» (см. Рис. 10).

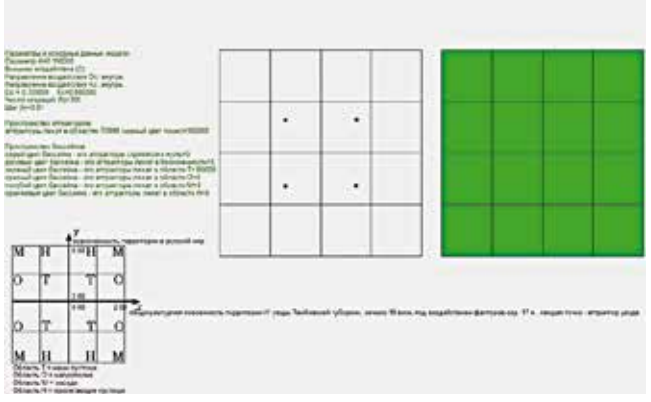

Рис. 10. Результаты моделирования для Борисоглебского уезда Тамбовской губернии (аттрактор для начала XVIII века).

Расположенный в центре будущей Тамбовской губернии Козловский уезд к рассматриваемому моменту оказался на самой модельной границе фронтира и метрополии (см. Рис. 11).

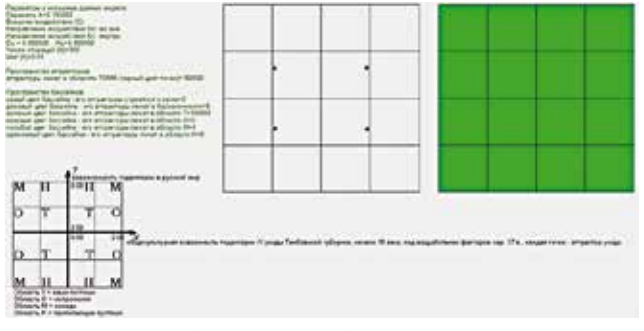

Рис. 11. Результаты моделирования для Козловского уезда Тамбовской губернии (аттрактор для начала XVIII века).

Находившийся на самом севере Тамбовского края Елатомский уезд в начале XVIII в. уже стал полноправной частью Российского государства (см. Рис. 12).

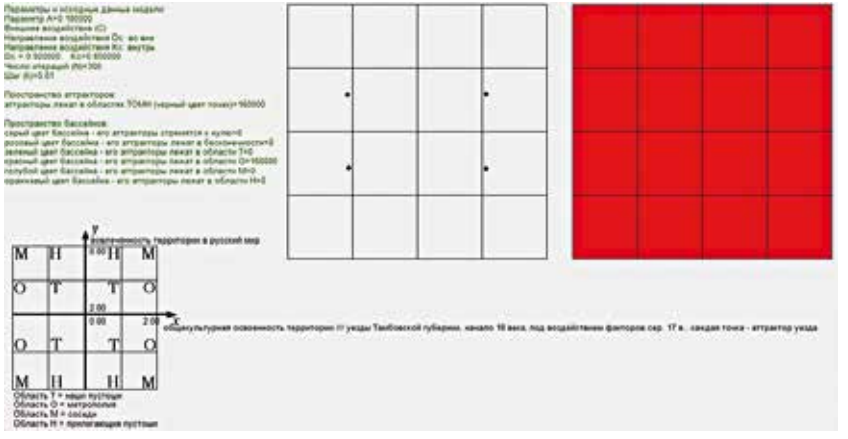

Рис. 12. Результаты моделирования для Елатомского уезда Тамбовской губернии (аттрактор для начала XVIII века).

Как и предполагалось, примыкавшие с юго-востока и с юга к зоне фронтира середины XVII в. будущая Саратовская губерния и Область Войска Донского в начале следующего столетия только начинали движение в сторону вхождения в Российское государство. Несколько неожиданно в этой группе в данный период оказалась территория будущей Воронежской губернии. Все территории будущих уездов данных трех регионов находились в зоне прилегающих или российских пустошей (см. Рис. 13-14).

Рис. 13. Результаты верификации, Саратовская губерния.

Рис. 14. Результаты верификации, Область войска Донского.

Приведённые изображения свидетельствуют, что в целом по 7 губерниям смоделированные состояния уездов соответствуют состояниям, полученным на основании экспертных оценок (строго говоря, совпадение для Тамбовской губернии не могло не случиться, поскольку уезды этой губернии использовались для калибровки модели). Это указывает на работоспособность и надёжность модели, которая достаточно четко подтвердила давно полученные наблюдения о полном включении тульских и рязанских земель в состав метрополии уже к началу XVIII в., а в воронежских, курских, орловских, пензенских, тамбовских землях «увидела» переходный момент во втягивании в состав российского государства и общества. При этом модель точнее характеризует состояние конкретных уездов, движение которых в состав метрополии обычные источники характеризуют примерно.

В двух случаях мы обнаружили существенное расхождение модельных и экспертных данных – для Области Войска Донского и для Саратовской губернии. Модель «смелее» показывает их втянутость в Российское государство, относит эти регионы к категории «российские пустоши». Экспертные данные предполагали, что эти территории в начале XVIII в., как наименее освоенные и вовлечённые в метрополию, относились к категории «прилегающие пустоши». Мы можем сделать предположение, что и Саратовская губерния, и Область Войска Донского имели потенциал более глубокого освоения и вовлечения в российскую юрисдикцию (это показывает моделирование), однако в силу некоторых неординарных факторов этот потенциал к началу XVIII века не был реализован полностью.

Мы попытались обобщить все полученные модельные результаты первой серии экспериментов в одном изображении – на одной плоскости (Рис. 15, здесь показана лишь верхняя правая четверть фазового пространства модели). Пока у нас не было возможности детально исследовать эту картину. Однако уже сейчас мы можем увидеть снимок «втягивания» уездов и губерний в политическое

пространство метрополии, что сопровождается (правда с меньшей интенсивностью) их хозяйственным освоением.

Часть уездов (и некоторые губернии полностью) уже (и по уровню хозяйственного освоения, и по уровню военно-политического контроля) относится к категории «земли метрополии». Другие губернии полностью расположены в зоне «российских пустошей», хотя и демонстрируют разную степень освоенности и вовлечённости в русский мир. А, например, облако аттракторов Тамбовской губернии расположено и в зоне метрополии, и в зоне пустошей. Это указывает на то, что перед нами одна из типичных фронтирных губерний.

Это изображение, кроме того, позволяет увидеть, какие губернии (и даже их части) были типологически близки, а какие, напротив, относились к разным типам.

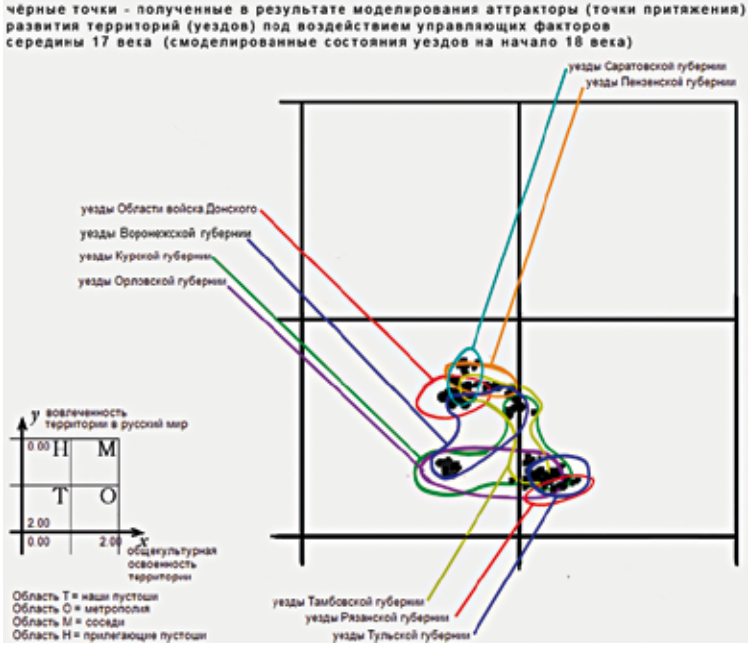

Рис. 15. Сводные результаты моделирования по губерниям.

Также была проведена верификация (сравнение модельных и экспертных данных) по Тамбовской губернии по следующим хронологическим срезам: середина XVIII в., конец XVIII в., середина XIX в. (Рис. 16-18).

Рис. 16. Результаты верификации, Тамбовская губерния, хронологический срез, середина XVIII в.

Рис. 17. Результаты верификации, Тамбовская губерния, хронологический срез, конец XVIII в.

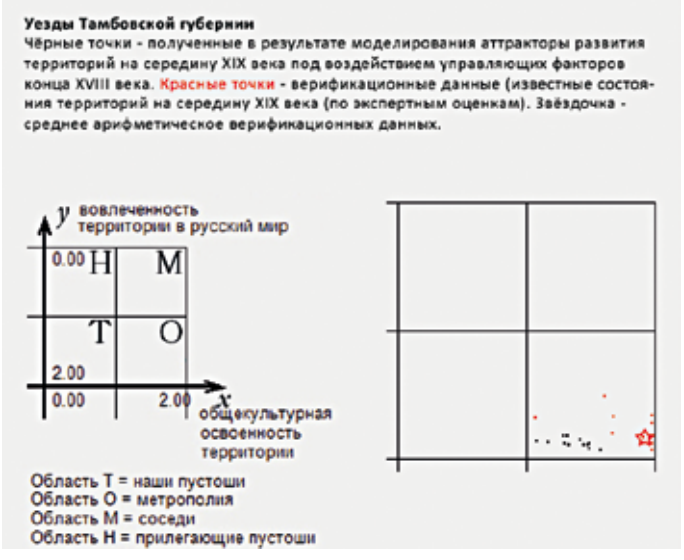

Рис. 18. Результаты верификации, Тамбовская губерния, хронологический срез, середина XIX в.

В целом все результаты верификации продемонстрировали корректность работы модели и эвристическую целесообразность использования методов фрактального моделирования при исследовании динамики фронтирных территорий.

5.3. Моделирование динамики фронтирных территорий в нескольких хронологических срезах. Вторая серия экспериментов

Поскольку у нас есть данные о величинах управляющих факторов в нескольких хронологических срезах, мы можем получить аттракторы развития одного конкретного уезда в разные периоды. Будем считать, что величины управляющих факторов середины XVII в. определяют перспективы развития уезда к началу XVIII в., а величины управляющих факторов начала XVIII в. определяют перспективы развития к середине XVIII века, и т.д. Таким путем мы можем построить в нашем фазовом пространстве цепочку точек, обозначающих эволюцию территории по двум её ключевым характеристикам: вовлечённость в русский мир и социо-экономическая освоенность. В этом состоит смысл второй серии экспериментов.

В качестве примера показана эволюция Кирсановского уезда Тамбовской области (Рис. 22). В некотором смысле, траектория этой эволюции типична. Уезд «начинается» как неосвоенная «прилегающая пустошь», затем становится «российской пустошью» и, наконец, постепенно осваивается и переходит в категорию «земли метрополии».

Рис. 19. Модельная динамика Кирсановского уезда (несколько хронологических срезов: с середины XVII до конца XIX в.).

Заметим также, что первоначально темпы общекультурного освоения территории были невысокими (вследствие незначительного населения); затем (в XVIII в.) темпы существенно увеличиваются (траектория резко отклоняется вправо) (прибытие колонистов, демографический рост, распашка целинных земель). Затем темпы вновь снижаются (последние точки отклоняются вправо относительно предыдущих, но незначительно). Это означает, что аграрное общество приближается к пределам своего развития, и темпы развития снижаются (отличий от метрополии становится всё меньше, распашка становится максимальной, появляется аграрное перенаселение и пр.)

Динамика вовлечения территории фронтира в сферу влияния российского государства и общества выглядит следующим обра-

зом. На первых этапах темпы этого процесса высокие (траектория резко ползёт вниз), а затем существенно снижаются (траектория «упирается в ось *x*»). Снижение темпов происходит просто потому, что контроль метрополии становится максимальным и усиливаться больше не может. Совокупность этих двух процессов и обуславливает такую траекторию эволюции.

Сама по себе траектория – удобный формат представления данных для дальнейшего анализа. По меньшей мере, она демонстрирует классический тезис: «Торговля следует за флагом». Территория быстрее вовлекается в сферу геополитического влияния, нежели хозяйственно осваивается. Если бы эти процессы были уравновешены, то траектория представляла бы прямую диагональ.

Если проследить подобные траектории нескольких уездов, то мы получим весьма детальную динамику фронтирных территорий. Это удобный способ визуализации наших представлений, а также изучения потенциалов и перспектив развития территорий. Наше фазовое пространство размечено, и перемещение в нём точек имеет определённые качественные смыслы. Используя описанные процедуры, мы можем изучать и удобно демонстрировать динамику большого числа территорий, обнаруживать типичные эволюции, «исключительные случаи», возможные альтернативы.

По образцу Кирсановского уезда мы построили траектории эволюции за аналогичный период для случайной выборки из 18 уездов (по 2 уезда из каждой рассмотренной губернии). Результаты моделирования траекторий уездов представлены на Рис. 20-37.

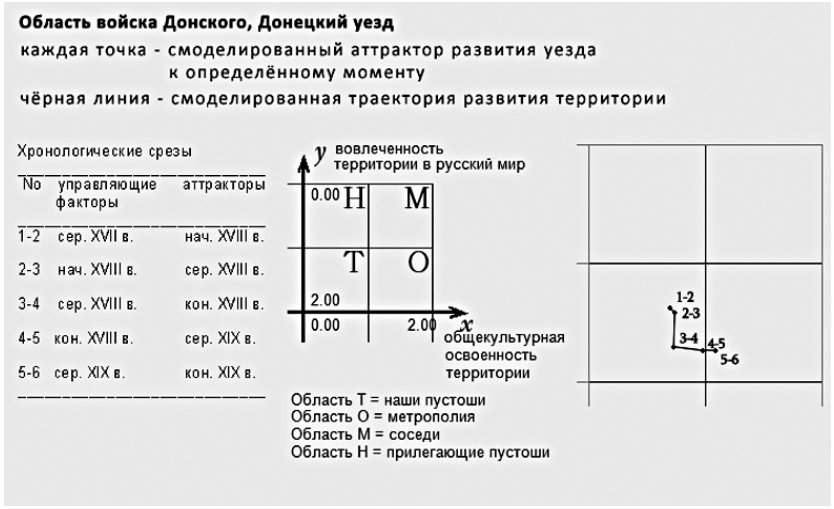

Рис. 20. Траектории эволюции фронтирных территорий, модель, Донецкий уезд.

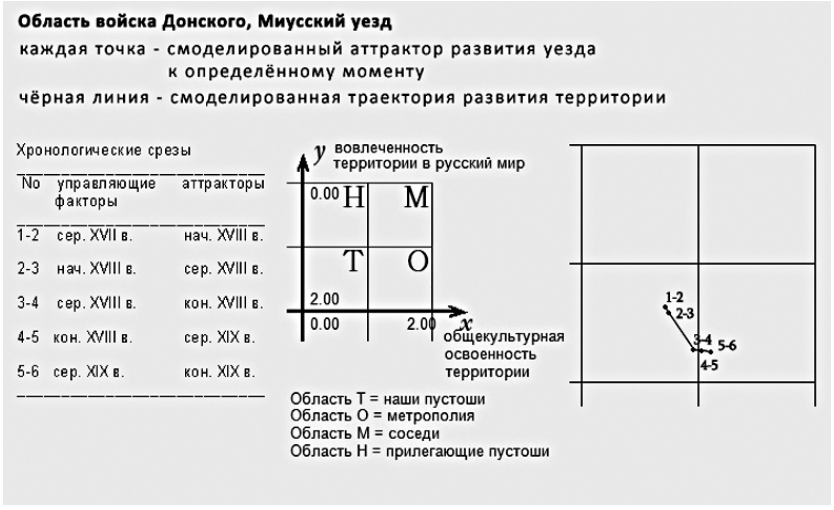

Рис. 21. Траектории эволюции фронтирных территорий, модель, Миусский уезд.

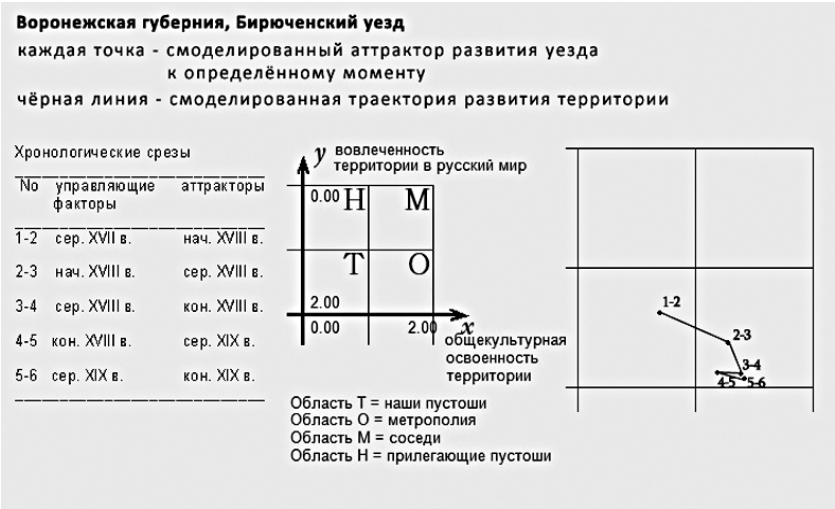

Рис. 22. Траектории эволюции фронтирных территорий, модель, Бирюченский уезд.

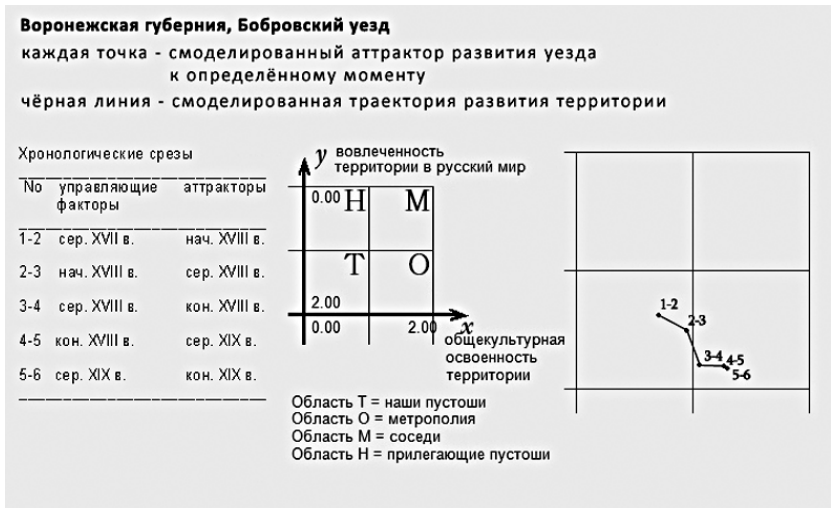

Рис. 23. Траектории эволюции фронтирных территорий, модель, Бобровский уезд.

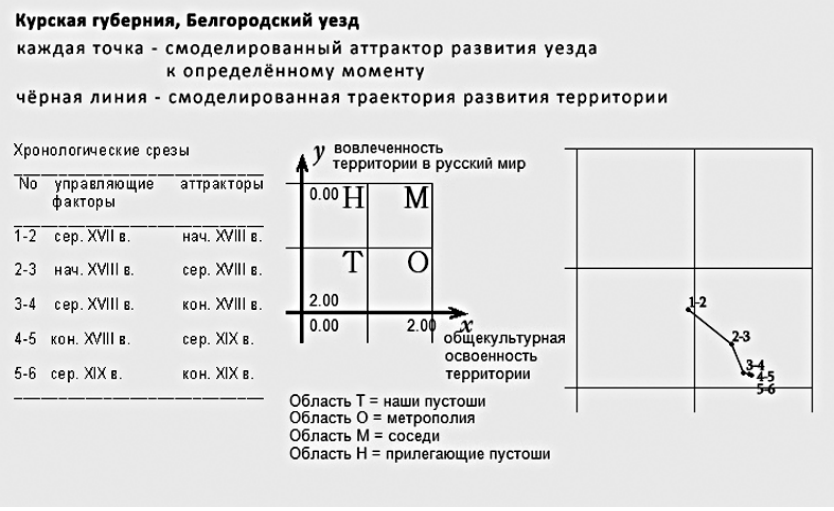

Рис. 24. Траектории эволюции фронтирных территорий, модель, Белгородский уезд.

Рис. 25. Траектории эволюции фронтирных территорий, модель, Курский уезд.

Рис. 26. Траектории эволюции фронтирных территорий, модель, Болховский уезд.

Рис. 27. Траектории эволюции фронтирных территорий, модель, Брянский уезд.

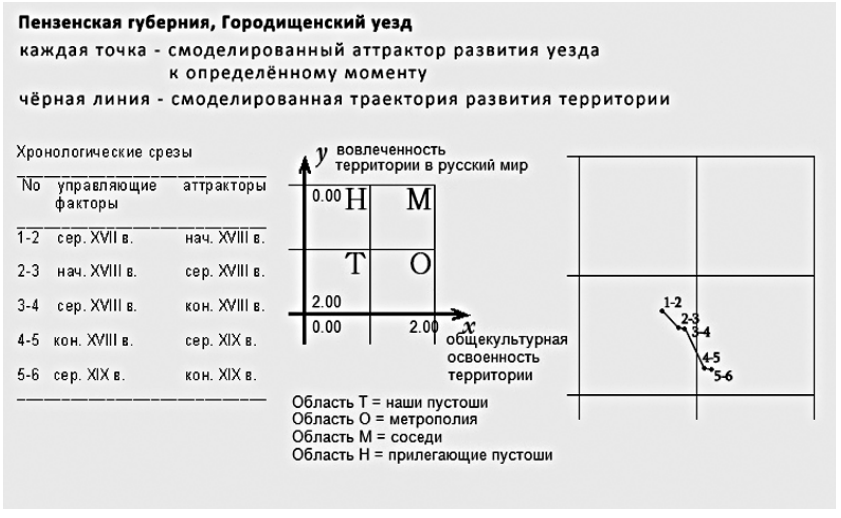

Рис. 28. Траектории эволюции фронтирных территорий, модель, Городищенский уезд.

Рис. 29. Траектории эволюции фронтирных территорий, модель, Инсарский уезд.

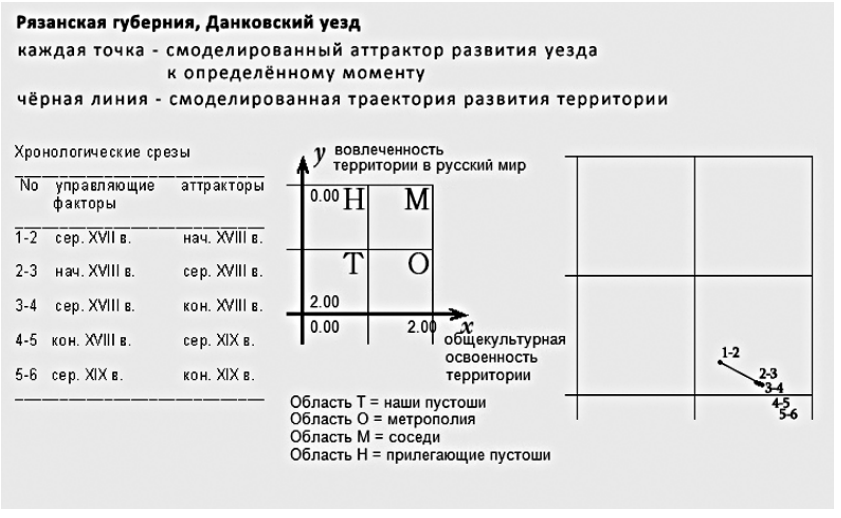

Рис. 30. Траектории эволюции фронтирных территорий, модель, Данковский уезд.

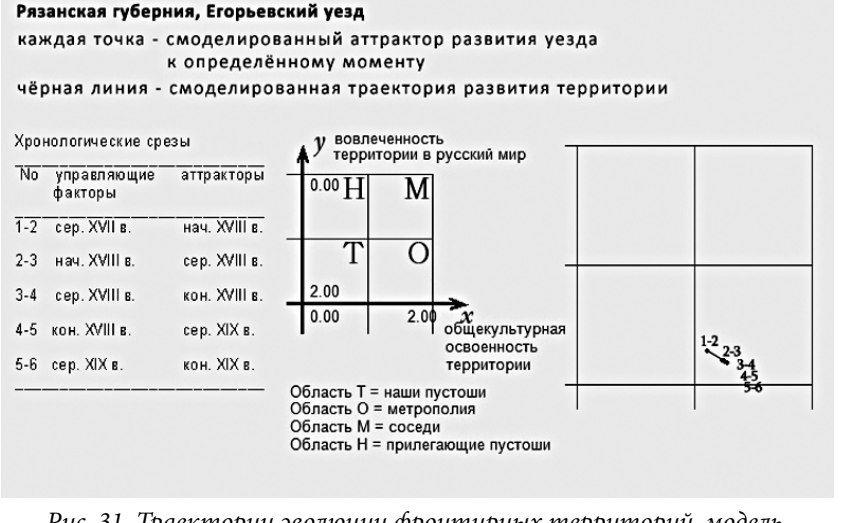

Рис. 31. Траектории эволюции фронтирных территорий, модель, Егорьевский уезд.

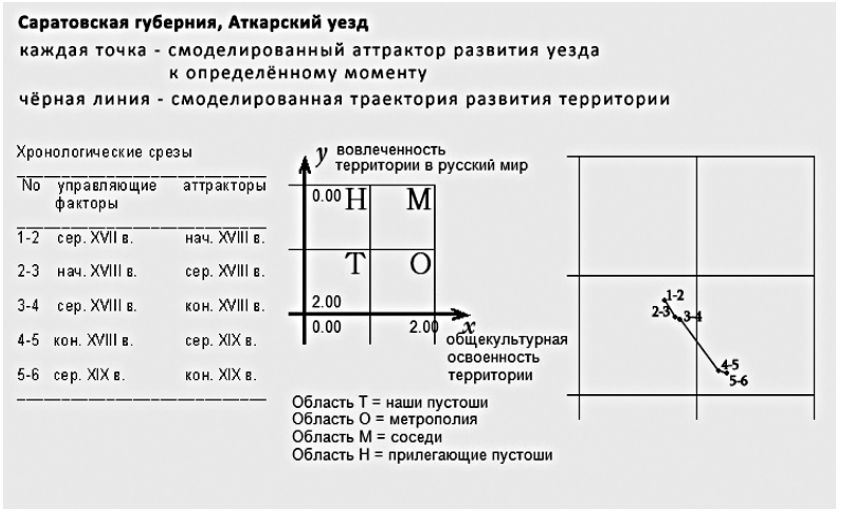

Рис. 32. Траектории эволюции фронтирных территорий, модель, Аткарский уезд.

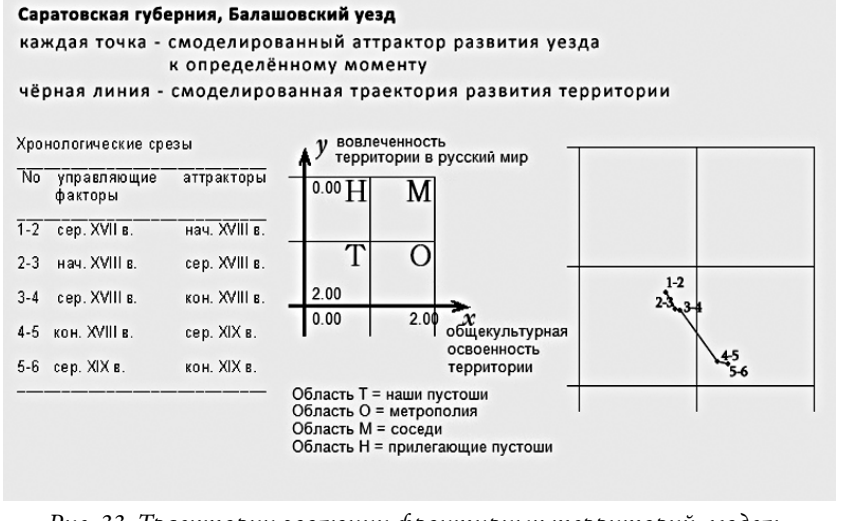

Рис. 33. Траектории эволюции фронтирных территорий, модель, Балашовский уезд.

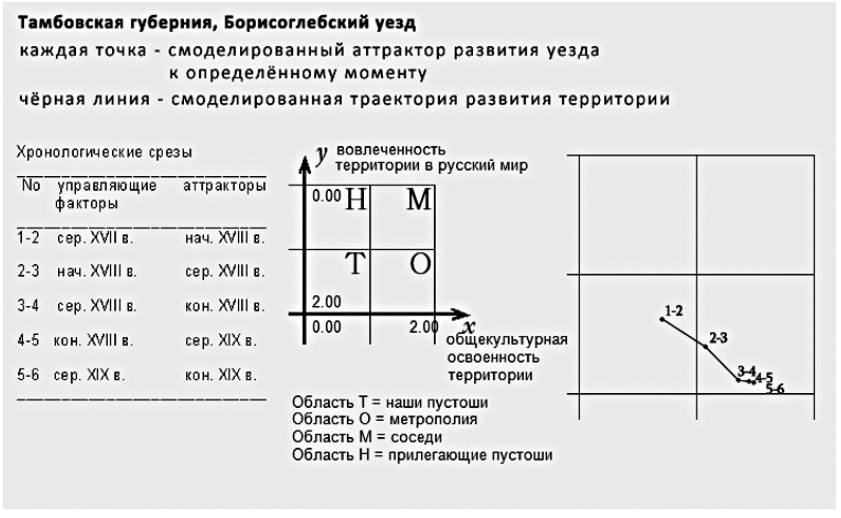

Рис. 34. Траектории эволюции фронтирных территорий, модель, Борисоглебский уезд.

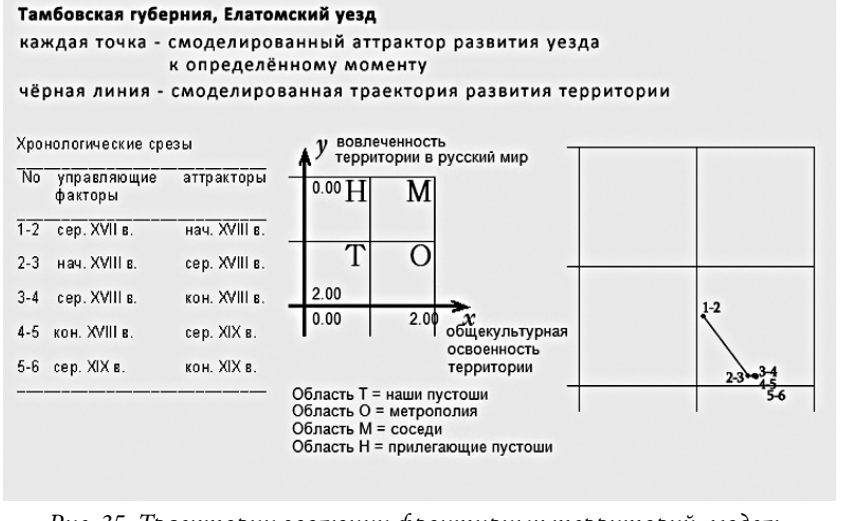

Рис. 35. Траектории эволюции фронтирных территорий, модель, Елатомский уезд.

Рис. 36. Траектории эволюции фронтирных территорий, модель, Алексинский уезд.

Рис. 37. Траектории эволюции фронтирных территорий, модель, Белёвский уезд.

Рис. 38. Совмещенные траектории эволюции 18 фронтирных уездов.

Анализ Рисунков 20-38 показывает, что траектории развития уездов отклоняются в разные стороны от типичной, но в целом типологически эти траектории схожи. Этого, вообще говоря, и следовало ожидать.

Особенно сильный выгиб заметен в траекториях уездов Области войска Донского – это означает, что эффект «торговля следует за флагом» здесь особенно силён. Длинные вертикальные линии следует интерпретировать как скачок в установлении военно-политического контроля над территорией. Длинная горизонтальная линия – скачок в общекультурном освоении территории. Уезды Области войска Донского демонстрируют два скачка: упрощённо говоря, сначала – вовлечение в сферу военно-политического влияния, а только затем – быстрое хозяйственное освоение. Здесь, конечно, нужно помнить, что среди индикаторов социокультурной освоенности территории весомым является чисто сельскохозяйственный индикатор – «доля распаханных земель». А в силу специфики региона этот индикатор тянул уровень социокультурной освоенности вниз (особенно в более ранние периоды).

Иную динамику (хотя и в рамках рассмотренного типа) демонстрирует, например, Белгородский уезд Курской губернии. Здесь хозяйственное освоение шло бок о бок с вовлечением этой территории в «русский мир».

Заметим также, что различные уезды демонстрируют траектории, которые являются как бы разными отрезками некоторой идеальной траектории. Стартовые точки некоторых уездов (например, Актарского уезда Саратовской губернии) находятся высоко слева (это часто окраинные, плохо развитые уезды, которые в XVIII в. только начали втягиваться в орбиту русского государства), и их путь (и в метафорическом смысле, и в нашем фазовом пространстве) был долгим и длинным.

Стартовые точки некоторых траекторий, напротив, помещены в зоне «земли метрополии» (это старые уезды, которые к середине века XVII в. назвать трудно «фронтирами», это, скорее, «экс-фронтиры»). Например, Алексинский уезд Тульской губернии. Такие уезды демонстрируют уже более позднюю динамику – динамику старых русских развитых аграрных территорий.

Конечные точки всех уездов располагаются в зоне «земли метрополии», хотя и заходят в эту зону на разную глубину. Как правило, территории, которые начинали как слаборазвитые, плохо контролируемые пустоши, к концу XIX в. только-только интегрируются в ядро общественно-государственного организма.

Конечно, крайне интересно, какие подтипы развития имели места внутри чётко обозначившейся общей закономерности развития фротнирных территорий. Это не законченное на данный момент исследование. И пока мы можем обозначить лишь некоторые промежуточные итоги на основе выборки в размере половины всей совокупности изученных уездов. Уже сейчас мы можем установить, как минимум, три подтипа динамики фронтирной территории:

1. В 30 черноземных уездах в итоге плотность населения достигла или даже превзошла уровень старого Центра. Распашка земель превысила 50% (был сделан окончательный выбор традиционного

русского земледельческого развития сельского хозяйства). Сложились устойчивые торговые связи с нечерноземным Центром и Санкт-Петербургом. В целом эти уезды в смысле освоенности оказались тождественными соседним уездам Тульской и Рязанской губерний, 2-3 уездам Пензенской губернии.

2. Примерно 13-14 уездов Черноземного Центра несколько отставали по темпам хозяйственного освоения. Плотность населения здесь оставалась меньшей, чем в старом Центре. Распахано было менее половины земель. Сохранялись значительные участки степей как базы для сохранения большой роли животноводства. Торговля с центрально-нечерноземными территориями развивалась не очень высокими темпами в связи с неразвитостью дорог и сохранением значительной южной ориентации (Дон, Украина). Эти уезды во многом оставались близки малоосвоенным уездам большей части Пензенской губернии, Саратовской губернии, Области войска Донского.

3. Примерно 5-6 уездов запада Орловской губернии и северо-востока Тамбовской губернии относительно слабо осваивались по причине неудобства для сельского хозяйства значительной части природной среды (относительно много лесов и болот).

5.4. Детализация динамики фронтира в XIX в. Третья серия экспериментов

Поскольку любая модель, в том числе и наша, условна и лишь приблизительно представляет исторический объект, необходимо расширять и детализировать набор вводимых в нее индикаторов для достижения ее большей точности.

В частности, мы решили пойти по пути деления ранее изученных полувековых отрезков процесса освоения южнорусского фронтира на более дробные периоды. Были проведены некоторые эксперименты применительно к первой половине XIX в., которая

достаточно хорошо обеспечена источниками для прослеживания социально-экономических процессов на сравнительно коротких отрезках времени. Включение в разработанную нами модель хронологически более дробных индикаторов позволяет точнее определить период установления в модельном пространстве тождества зоны фронтира и метрополии.

В рамках второго этапа мы сосредоточились на процессах первой половины XIX в. Ранее этот период рассматривался на двух срезах: начало и середина века. Мы привлекли данные по трём срезам: 1820 год, 1840 год и середина XIX в. Это позволило рассмотреть более детально движение фронтира.

В ходе нового этапа работ по теме был добавлен (для XIX века) индикатор «преобладание земледелия над скотоводством» (H_{x4}) для определения уровня социально-экономической освоенности территории (уезда)[1].

На данном этапе был также добавлен индикатор «соответствие цены на хлеб в уезде ценам в метрополии (Москве)» (H_{y7}). Этот индикатор указывает именно на вовлечённость территории в русский мир. Согласование цен свойственно единому рынку, а включённость во всероссийский рынок указывала на геополитическую принадлежность территории[2]. В связи с появлением

[1] Индикатор выражен в условных единицах, где 1 – абсолютное преобладание земледелия, 0,4 – минимальное преобладание скотоводства.Конвертация величин индикатора в величины, принятые в модели, осуществляется по формуле, принятой для прочих индикаторов Нх:Нх4=2 Нх4натур (25). Весовой коэффициент этого индикатора установлен на основании экспертных оценок 0,2.

[2] Индикатор изначально выражен в естественных ценах на зерно в уездах (р) в 1820, 1840, 1855 гг., опубликованных в монографии Б.Н. Миронова «Хебные цены в России за два столетия (XVIII-XIXвв.). (Л.: Наука, 1985); на основании него вычислен модуль разницы межу ценами в Москве ($p_м$) и ценами во всех уездах. Приняв московскую цену за 1, мы вычислили отклонение (в долях от единицы) каждой уездной цены от московской, безотносительно, больше уездная цена или меньше:

$H_{y7натур}=1-((|p_м - p|)/p_м)$ (26)

Конвертация величин индикатора в величины, принятые в модели, осуществляется по формуле, принятой для прочих индикаторов H_{y1}, H_{y2} *и* H_{y3}:

$H_{y7}=2 - 2\,H_{y7натур}$ (27)

Весовые коэффициенты для Ну7 установлен на основании экспертной оценки 0,2.

новых индикаторов в формулы генерализации индикаторов для получения H_x и H_y внесены изменения[1].

Помимо изыскания данных для двух новых индикаторов, в ходе второго этапа были существенно обновлены сведения по всем остальным индикаторам. Например, уточнены величины индикатора «плотность населения относительно метрополии». Если ранее мы пользовались отчасти экспертными оценками, то теперь имеем точные сведения о плотности, которые были преобразованы в относительные единицы (за единицу взята плотность в Московской губернии за соответствующий период).

В целом, для исследования на данном этапе были привлечены новые сведения по трём хронологическим срезам, по 19 индикаторам, по 103 уездам девяти губерний (Воронежская, Область войска Донского, Орловская, Пензенская, Рязанская, Саратовская, Тамбовская, Тульская). В сумме это 5871 запись. Все эти данные доступны онлайн на сайте Центра фрактального моделирования: http://ineternum.ru/frontir/.

При оценке источниковой базы исследования дробных временных периодов приходится учитывать, что даже в источниках XIX в. заметны многочисленные источниковедческие проблемы, связанные с различными методами создания разных групп массовых источников.

В традиционных описательных исследованиях преодоление этих противоречий потребовало бы многочисленных и пространных оговорок. Выбор вероятностного моделирования позволяет сделать одну оговорку: «модельеры» не претендуют на абсолютную точность результатов. В данном случае мы можем твердо заявить, что невозможно абсолютно точно определить момент и все обстоятельства полного вхождения территории южнорусского фронтира в состав московской метрополии. Но с помощью модели мы сможем в достаточной мере определить основные параметры

[1] В связи с появлением новых индикаторов в формулы для расчёта H_x и H_y внесены изменения в связи с появлением новых индикаторов:

$H_x = M((H_{x1} + V_{Hx2}H_{x2} + V_{Hx3}H_{x3} + 0{,}2H_{x4})/(1{,}2 + V_{Hx2} + V_{Hx3}))$ (23')

$H_y = (H_{y1} + 0{,}5H_{y2} + V_{Hy3}H_{y3} + 0{,}7H_{y4} + 0{,}5H_{y5} + 0{,}7H_{y6} + 0{,}2H_{y7})/(3{,}6 + V_{Hy3})$ (24')

этого процесса. Поэтому в отношении источниковой базы мы можем обойтись без «жесткой» критики и рассуждать об ее достаточности для формирования адекватных индикаторов модели.

Проще всего обстоит дело с данными о площадях изучаемых нами уездов, которые достаточно точно стали измеряться уже в середине XIX в. В частности, на поуездном уровне они были опубликованы уже в 1840-е гг.[1] Поскольку территории уездов юга Центра России и прилегающих к нему регионов в начале XX в. сложились окончательно, сведения об их площадях могут быть использованы для вычисления плотности населения на момент нескольких ревизий.

Анализ окладных книг 7-9 ревизий, подготовленных в 1817, 1834-1836, 1850-1850 гг., позволяет утверждать, что в них достаточно сведений для определения плотности населения[2]. Более того, в окладных книгах 8-й и 9-й ревизий помимо податных сословий стали учитываться «сверх того» представители других слоев населения.

Материалы ревизий использовались также для расчета индикаторов национальной, религиозной, социально-сословной принадлежности населения конкретных уездов зоны фронтира на предмет определения тождественности этих показателей населению метрополии.

Приходится учитывать, что данные ревизских переписей для определения этих показателей нередко имеют не очень точные значения, косвенный характер. Эти проблемы возникают даже при определении социального облика жителей фронтирных территорий и старомосковского Центра России. В принципе, очевидно, что городские сословия, удельные и помещичьи крестьяне были коренными слоями российского «отечества», а однодворцы и другие группы государственных крестьян – бывшие служилые люди – являлись специфическими слоями фронтирного общества.

[1] Материалы для статистики Российской империи. – СПб, 1841. С. 338-339, 348-349, 358-361, 366-369, 373-374, 378-379.

[2] См. Переписи населения. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646-1858). Вып. VIII-XI. – М., 1972.

Но ревизии вплоть до XIX в. учитывали и особые категории населения (войсковые обыватели и поселяне; приписные к собственным домам; платящие подушную подать христиане; малороссияне; отставные солдаты, нигде не записанные, и др.), которые «с ходу» сложно отнести к населению метрополии и фронтира. Поэтому в данном случае приходится прибегать к экспертным оценкам. Полагаем, что погрешность в этих оценках невелика, поскольку перечисленные неопределенные группы населения насчитывали максимум несколько сотен человек на уезд при десятках тысяч всего населения.

Сложнее обстояло дело с определением национальной и религиозной принадлежности жителей зоны фронтира. До середины XIX в. в российской статистике такие показатели вообще не определялись. В 1840-1850 гг. стали собираться сведения о религиозном составе населения Российской империи[1], которые косвенно можно применять и для определения национального состава населения (например, католики – поляки, лютеране – немцы, мусульмане – татары и т.п.). Этих косвенных данных вполне достаточно для того, чтобы в ходе фрактального моделирования определить, насколько население зоны фронтира было тождественным населению метрополии, т.е. было русским и православным.

Для определения национального и религиозного состава жителей изучаемых уездов на 1820 и 1840 гг. мы использовали данные окладных книг 1817 и 1834-1836 гг. о таких нехарактерных для метрополии национально-религиозных группах, как ясачные крестьяне, будные крестьяне, мурзы и татары, цыгане, немецкие колонисты и некоторые другие.

В первой половине XIX в. стали появляться статистические издания, в которых содержались сведения социально-экономического характера, в т.ч. на губернском и уездном уровнях. Для проведения своих модельных экспериментов мы использовали записки генерал-губернатора Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний А.Д. Балашова, статистические

[1] Ведомости о населении России по уездам губерний и областей. – СПб, 1850. С. 8-9, 16-19, 24-27, 30-33, 39-39.

очерки К.И. Арсеньева, военно-статистические обозрения отдельных губерний юга Центральной России[1].

В первую очередь материалы этих изданий дали нам возможность вычислить такой показатель, как степень распаханности территорий уездов зоны фронтира. Данные этих источников позволили впервые поставить вопрос о соотношении земледельческих занятий, преобладавших в метрополии, и скотоводческих занятий, сохранявших ведущую роль в некоторых уездах фронтира.

Для вычисления доли пашни в угодьях уездов зоны фронтира 1820-х гг. определенные возможности дают статистические таблицы, подготовленные под руководством генерал-губернатора А.Д. Балашова, содержащие необходимые сведения по большей части губерний рассматриваемого региона[2]. В этих таблицах есть сведения о площадях губерний и размерах пахотных угодий в губерниях, «подотчетных» генерал-губернатору. Расчеты исходных данных о степени распаханности этих территорий в сравнении с данными предыдущего и последующего периодов выглядят вполне реалистично. Хотя мы не имеем сопоставимых данных этого же времени по Курской, Пензенской и Саратовской губернии, мы посчитали допустимым для моделирования распространить на них данные соседних губерний.

Весьма полезным оказался анализ материалов военно-статистических обозрений, которые готовились в 1840-е гг. по всем губерниям России по единой методике. Во всех выпусках этого издания представлены специальные, вычисленные весьма подго-

[1] Краткие записки к статистической таблице округа, порученного надзору генерала-адъютанта Балашова. – М., 1823; Арсеньев К. Статистические очерки России. – СПб, 1848; Военно-статистическое обозрение. Т. V. Ч. 4. Саратовская губерния. – СПб., 1952; Военно-статистическое обозрение. Т. VI. Ч. 3. Рязанская губерния. – СПб., 1858; Военно-статистическое обозрение. Т. VI. Ч. 4. Тульская губерния. – СПб., 1852; Военно-статистическое обозрение. Т. VI. Ч. 5. Орловская губерния. – СПб., 1850; Военно-статистическое обозрение. Т. XIII. Ч. 1. Тамбовская губерния. – СПб., 1851; Военно-статистическое обозрение. Т. XIII. Ч. 2. Воронежская губерния. – СПб., 1850; Военно-статистическое обозрение. Т. XIII. Ч. 3. Курская губерния. – СПб., 1850; Военно-статистическое обозрение. Т. XIII. Ч. 4. Пензенская губерния. – СПб., 1849.

[2] Краткие записки к статистической таблице округа, порученного надзору генерала-адъютанта Балашова. – М., 1823.

товленными офицерами, таблицы поуездного распределения природных угодий, в т.ч. распаханных земель.

Помимо получения индикаторов для 1840 г., используя данные военно-статистических обозрений, мы уточнили ранее использованные в моделировании данные о поездной распашке для середины XIX в., собранные из разных неоднородных источников.

Данные о соотношении земледелия и скотоводства в уездах изучаемых губерний были взяты из очерков К.И. Арсеньева, который прямо назвал уезды, в которых скотоводство вплоть до 1840-х гг. продолжало играть большую роль. За отсутствием других данных мы признали сведения Арсеньева вполне приемлемыми для 1820 г. и весьма вероятными для самой середины XIX в.[1]

На Рис. 42-67 мы представили результаты новых экспериментов, которые на основе дробных данных 1820-х и 1840-х гг. и середины XIX в. детальнее показывают движение отдельных фронтирных территорий в сторону метрополии. Напомним, что нахождение точки в нижнем левом квадрате фазового пространства модели обозначает нахождение конкретного уезда в зоне «русской пустоши» (территории, в административном отношении вошедшей в состав Русского государства, но не полностью освоенной в социально-экономическом отношении); нахождение точки в правом нижнем квадрате означает уже полное вхождение конкретного уезда в состав метрополии (отечества).

Мы посчитали наиболее наглядными результаты моделирования по Воронежской и Тульской губерниям.

[1] *Арсеньев К.* Статистические очерки России. – Спб., 1848.

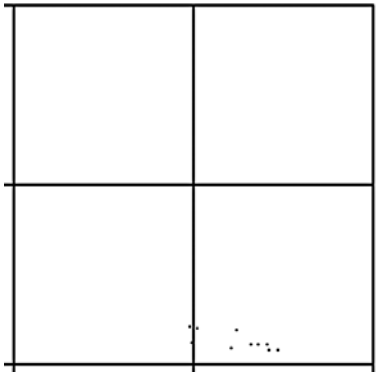

Рис. 39. Результаты моделирования, Воронежская губерния, управляющие факторы 1820-х гг., результаты (аттракторы) на середину XIX века.

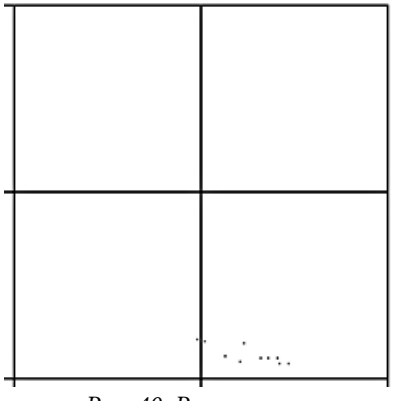

Рис. 40. Результаты моделирования, Воронежская губерния, управляющие факторы 1840-х гг., результаты (аттракторы) второй половины XIX века.

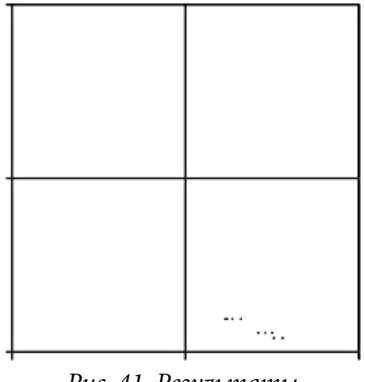

Рис. 41. Результаты моделирования, Воронежская губерния, управляющие факторы середины 19 века, результаты (аттракторы) конца XIX века.

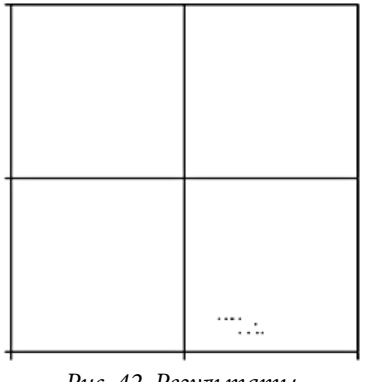

Рис. 42. Результаты моделирования, Тульская губерния, управляющие факторы 1820-х гг., результаты (аттракторы) на середину XIX века.

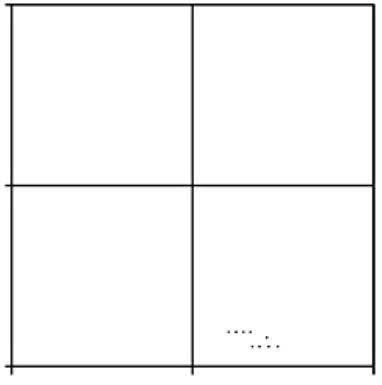

Рис. 43. Результаты моделирования, Тульская губерния, управляющие факторы 1840-х гг., результаты (аттракторы) второй половины XIX века.

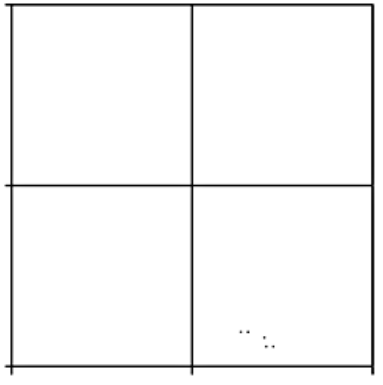

Рис. 44. Результаты моделирования, Тульская губерния, управляющие факторы середины 19 века, результаты (аттракторы) конца XIX века.

Сравнения рисунков показывает, что все аттракторы уездов Тульской губернии уже с 1820-х гг. оказались в квадрате метрополии, т.е. полностью входили в ее состав. Применительно к Воронежской губернии рисунки показывают, на разных отрезках первой половины XIX в. некоторые уезды продолжали переход из фронтирного в «отечественное» состояние.

Важнейшим подходом в моделировании исторических процессов является сравнение реальных и модельных данных.Поскольку модель показывает, что было бы, если бы потенциал территории реализовался в полной мере без стимулирующих или сдерживающих обстоятельств. Мы можем, как минимум, отследить, когда и где реальные процессы шли медленнее или с опережением, нежели идеальные закономерности.

Проведенные новые эксперименты по построению очередной версии модели Фронтир-Фрактал показали, что к середине XIX в. между смоделированными данными и реальными состояниями территорий обнаруживаются расхождения, которые, как мы по-

нимаем, позволяют сделать некоторые выводы относительно финальной стадии фронтирных процессов.

На Рис. 45 сопоставлены чёрные точки (результаты моделирования – аттракторы состояния отдельных уездов) с квадратиками – верифицированные данные об уровне развития уездов, известные по историческим документам и литературе. Мы посчитали наиболее наглядным рисунок по Воронежской губернии, который показывает, что, в отличие от модельных результатов по устоявшимся в исторической науке мнениям, все уезды этого региона в 1820-е гг. уже полностью вошли в состав метрополии.

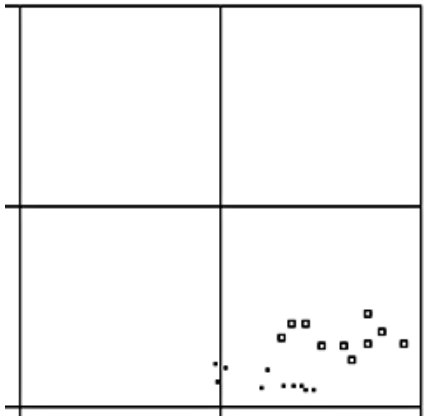

Рис. 45. Сравнение смоделированных и реальных состояний уездов на середину XIX века (управляющие факторы 1820 г.), Воронежская губерния.

Далее продемонстрируем результаты моделирования процессов освоения зоны фронтира на разных отрезках первой половины XIX в. в других губерниях Юга России (Рис. 46-66).

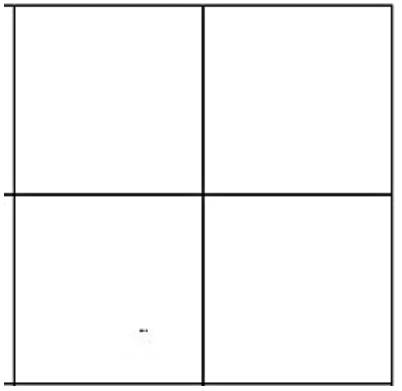

Рис. 46. Результаты моделирования, Область войска Донского, управляющие факторы 1820-х, результаты (аттракторы) на середину XIX века.

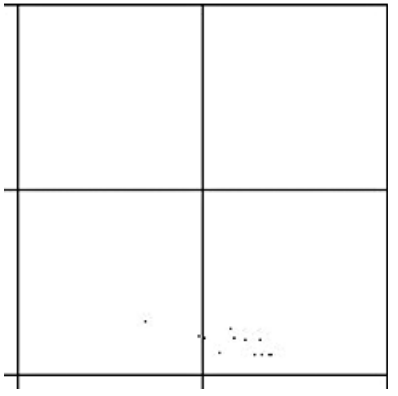

Рис. 47. Результаты моделирования, Курская губерния, управляющие факторы 1820-х, результаты (аттракторы) на середину XIX века.

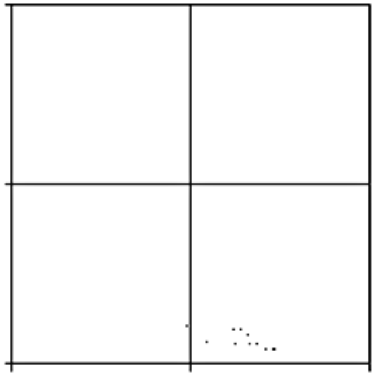

Рис. 48. Результаты моделирования, Орловская губерния, управляющие факторы 1820-х, результаты (аттракторы) на середину XIX века.

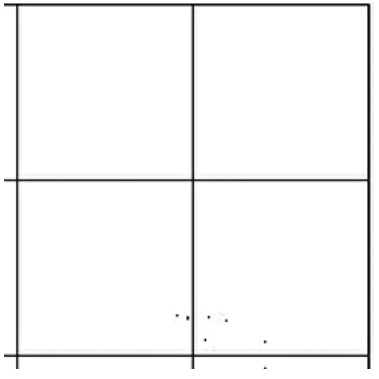

Рис. 49. Результаты моделирования, Пензенская губерния, управляющие факторы 1820-х, результаты (аттракторы) на середину XIX века

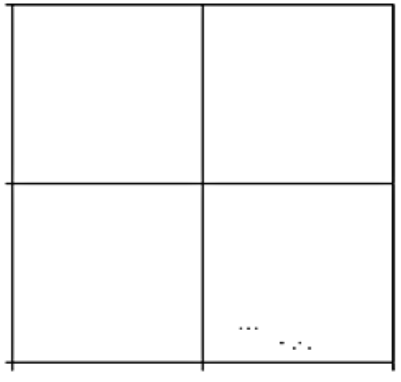

Рис. 50. Результаты моделирования, Рязанская губерния, управляющие факторы 1820-х, результаты (аттракторы) на середину XIX века.

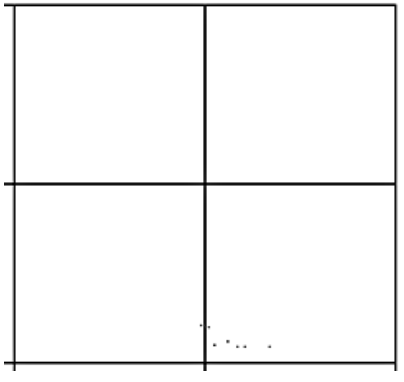

Рис. 51. Результаты моделирования, Саратовская губерния, управляющие факторы 1820-х, результаты (аттракторы) на середину XIX века.

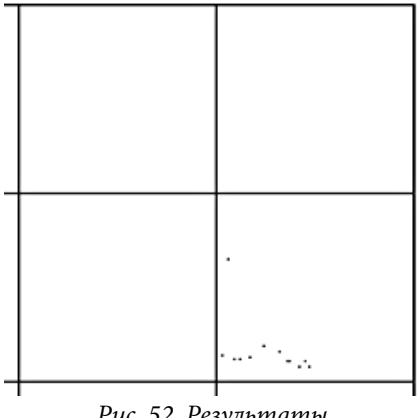

Рис. 52. Результаты моделирования, Тамбовская губерния, управляющие факторы 1820-х, результаты (аттракторы) на середину XIX века.

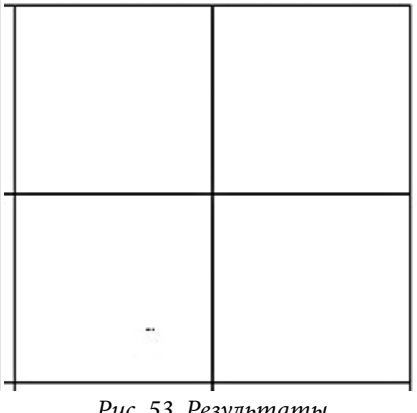

Рис. 53. Результаты моделирования, Область войска Донского, управляющие факторы 1840-х, результаты (аттракторы) второй половины XIX века.

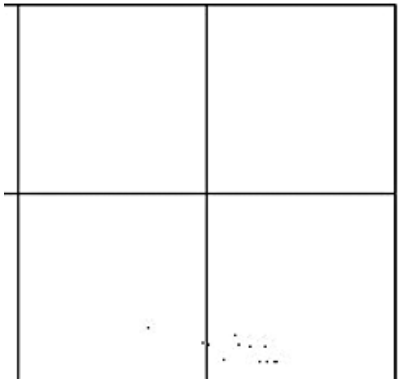

Рис. 54. Результаты моделирования, Курская губерния, управляющие факторы 1840-х, результаты (аттракторы) второй половины XIX века.

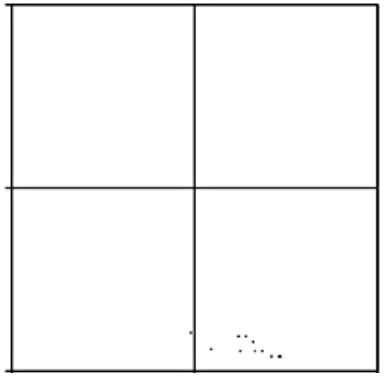

Рис. 55. Результаты моделирования, Орловская губерния, управляющие факторы 1840-х, результаты (аттракторы) второй половины XIX века.

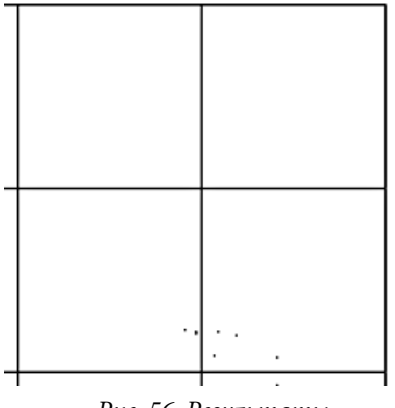

Рис. 56. Результаты моделирования, Пензенская губерния, управляющие факторы 1840-х, результаты (аттракторы) второй половины XIX века.

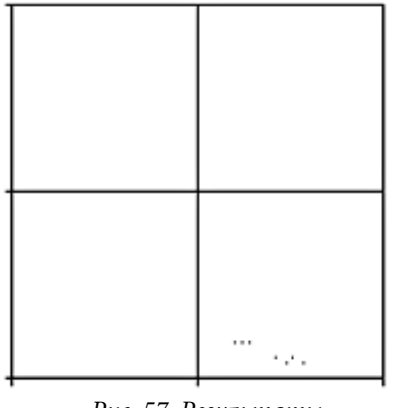

Рис. 57. Результаты моделирования, Рязанская губерния, управляющие факторы 1840-х, результаты (аттракторы) второй половины XIX века.

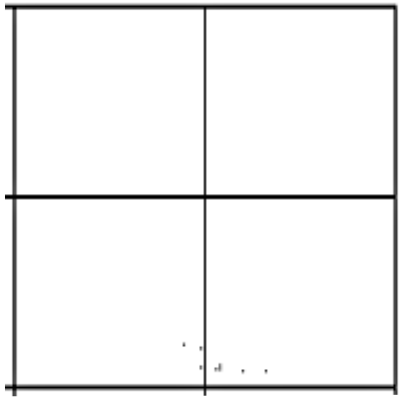

Рис. 58. Результаты моделирования, Саратовская губерния, управляющие факторы 1840-х, результаты (аттракторы) второй половины XIX века.

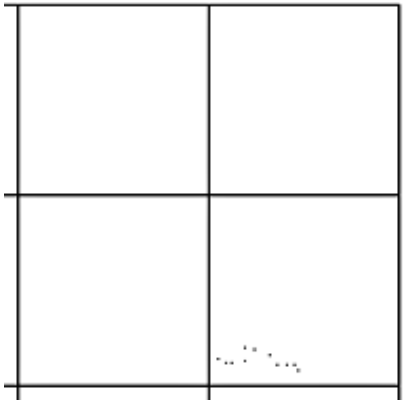

Рис. 59. Результаты моделирования, Тамбовская губерния, управляющие факторы 1840-х, результаты (аттракторы) второй половины XIX века.

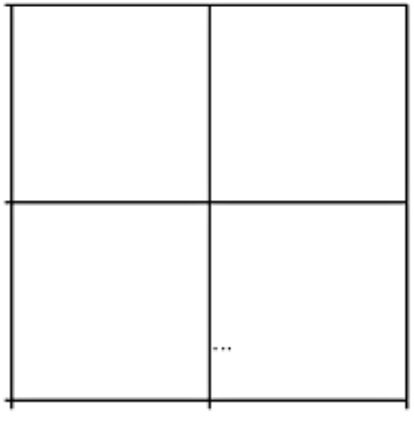

Рис. 60. Результаты моделирования, Область войска Донского, управляющие факторы середины 19 века, результаты (аттракторы) конца XIX века.

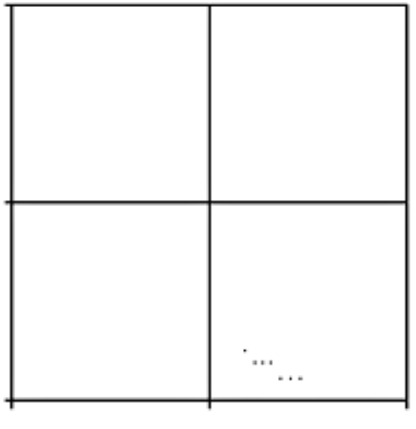

Рис. 61. Результаты моделирования, Курская губерния, управляющие факторы середины 19 века, результаты (аттракторы) конца XIX века.

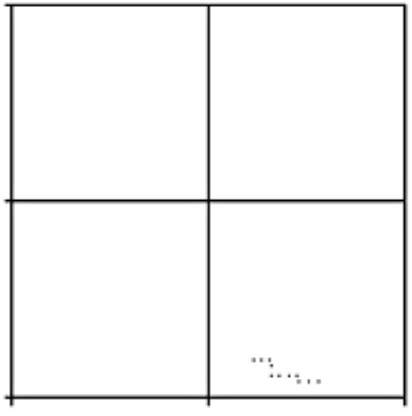

Рис. 62. Результаты моделирования, Орловская губерния, управляющие факторы середины 19 века, результаты (аттракторы) конца XIX века.

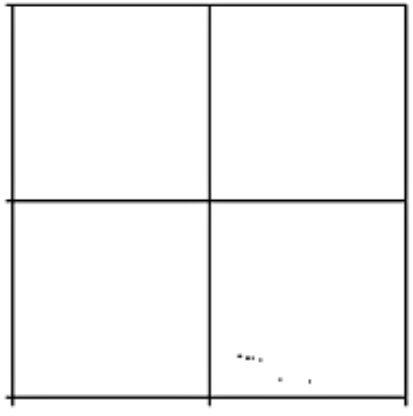

Рис. 63. Результаты моделирования, Пензенская губерния, управляющие факторы середины 19 века, результаты (аттракторы) конца XIX века.

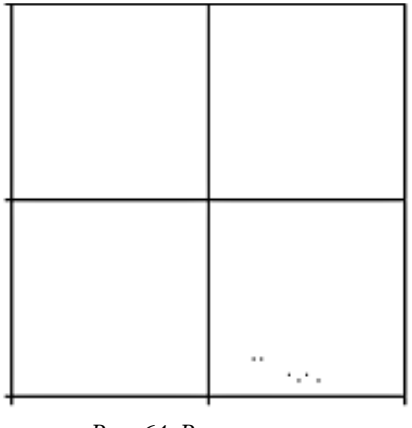

Рис. 64. Результаты моделирования, Рязанская губерния, управляющие факторы середины 19 века, результаты (аттракторы) конца XIX века.

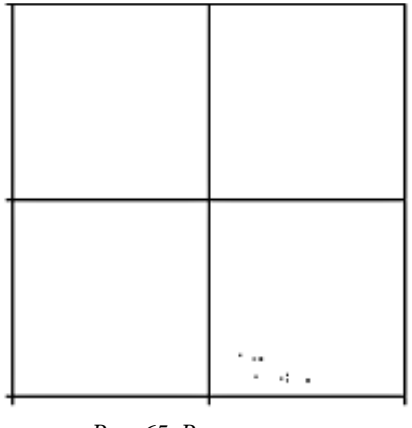

Рис. 65. Результаты моделирования, Саратовская губерния, управляющие факторы середины 19 века, результаты (аттракторы) конца XIX века.

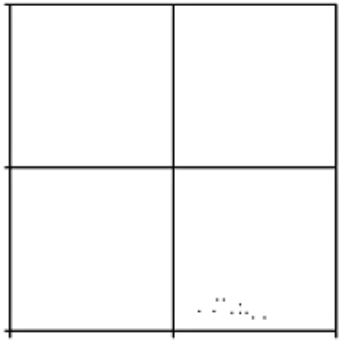

Рис. 66. Результаты моделирования, Тамбовская губерния, управляющие факторы середины 19 века, результаты (аттракторы) конца XIX века.

На рисунках 67-74 красными точками обозначены смоделированные состояния к середине XIX века, возникшие под влиянием управляющих факторов, взятых с 1820 году. Чёрные точки – реальные данные.

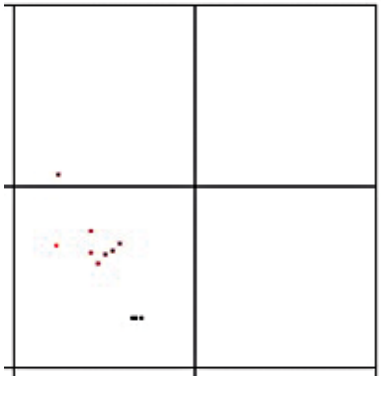

Рис. 67. Сравнение реальных и смоделированных состояний уездов на середину XIX века (управляющие факторы 1820 г.), Область войска Донского.

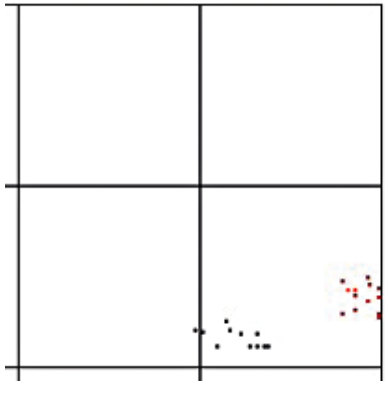

Рис. 68. Сравнение реальных и смоделированных состояний уездов на середину XIX века (управляющие факторы 1820 г.), Курская губерния.

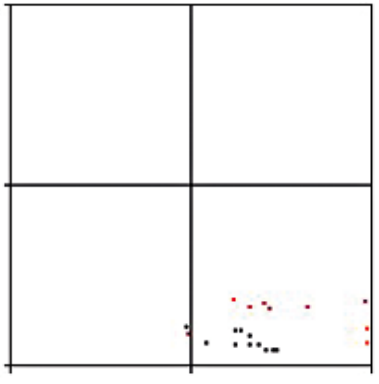

Рис. 69. Сравнение реальных и смоделированных состояний уездов на середину XIX века (управляющие факторы 1820 г.), Орловская губерния.

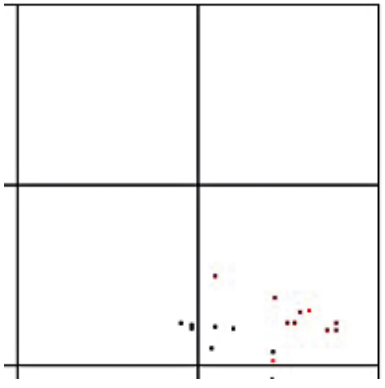

Рис. 70. Сравнение реальных и смоделированных состояний уездов на середину XIX века (управляющие факторы 1820 г.), Пензенская губерния.

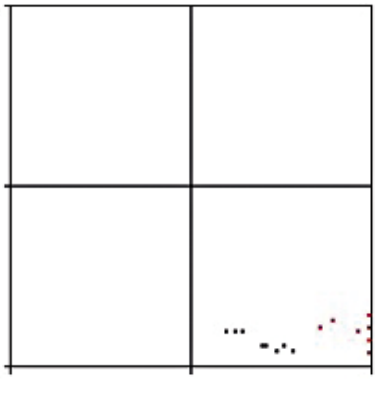

Рис. 71. Сравнение реальных и смоделированных состояний уездов на середину XIX века (управляющие факторы 1820 г.), Рязанская губерния.

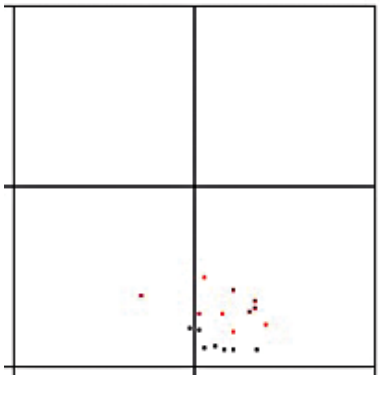

Рис. 72. Сравнение реальных и смоделированных состояний уездов на середину XIX века (управляющие факторы 1820 г.), Саратовская губерния.

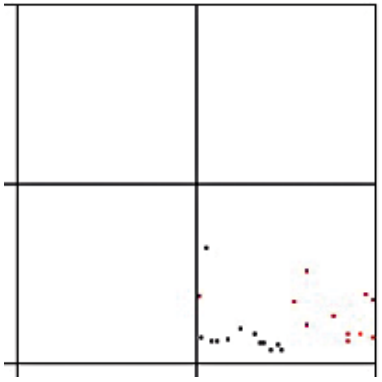

Рис. 73. Сравнение реальных и смоделированных состояний уездов на середину XIX века (управляющие факторы 1820 г.), Тамбовская губерния.

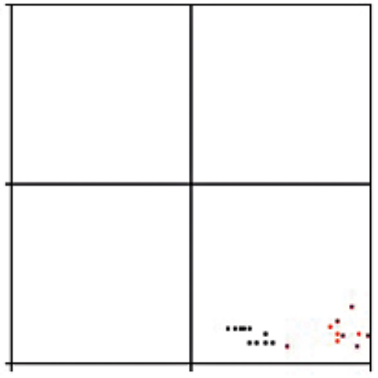

Рис. 74. Сравнение реальных и смоделированных состояний уездов на середину XIX века (управляющие факторы 1820 г.), Тульская губерния.

Сравнение реальных данных с модельными по нескольким отрезкам первой половины XIX в. приводит к некоторым новым наблюдениям и выводам относительно большей части уездов и губерний.

Модель более пессимистична в оценке уровня социально-экономического развития территорий. Она явно занижает скорость развития. Красные (реальные) точки оказались существенно более смещены влево вдоль оси *x*, нежели черные (модельные) точки. Возможно, это результат того, что философия модели ориентирована на симуляцию переходных процессов во фронтирной зоне, а многие губернии и их уезды к середине XIX в. уже перестали быть таковыми и реально вошли в состав метрополии.

Мы полагаем, истоки этого эффекта, главным образом, заключаются в том, что темпы социально-экономического развития изученных территорий существенно ускорились в рассматриваемый период. Именно поэтому простой перенос тенденций и закономерностей предшествующих двух веков на XIX век (что и делает модель) привел в недоучёту форсирования всех процессов.

В целом, модель адекватно воспроизводит степень вовлечённости территорий в русский мир (положение точек вдоль оси *y*). Однако имеется принципиально важное расхождение в конфигурации облаков аттракторов. Модель недоучитывает сохранение разнообразия уездов. Красные (реальные) точки вдоль оси *y* более разбросаны, нежели в модели, где все чёрные точки имеют почти одинаковые координаты *y*. Модель обнаруживает, что большой унифицирующий потенциал на самом деле не реализовался. Империя была способна намного быстрее преодолевать разнообразие и местную специфику. На самом деле этого не произошло в силу большого объективного разнообразия территорий юга Центральной России, которое порождало «нелинейные эффекты» в освоении зоны фронтира.

5.5. Проявления нелинейных эффектов

Как уже не раз отмечалось в нашей книге, теория фронтира предполагает постепенное движение этой границы «шаг за шагом». Но изучение конкретных фактов освоения вновь входящих в состав русского государства территорий показывает неоднозначность этого процесса с некоторыми «забеганиями» за пределы еще официально не присоединенного пространства или, напротив, «попятными» движениями в укреплении отношений с метрополией местных властей и населения.

В административном освоении фронтирной территории Юга России XVII в. явным «забеганием» вперед было устройство так называемых «сторож», которые порой отстояли на сотни километров от уже установившихся границ, оборонительных линий. В свое время сторожевую службу ряжских и шацких казаков подробно описали А.А. Новосельский и В.П. Загоровский[1].

[1] *Новосельский А.А.* Борьба московского государства с татарами в первой половине XVII века. – М.-Л., 1948. С.20-205; Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. С. 55-64.

Совсем недавно вопрос об организации такой службу шацким воеводой Р.Ф. Боборыкиным конкретизировал Ю.А. Мизис. При этом он отмечал, что Боборыкин, как и другие воеводы, не могли в полной мере контролировать сторожевых казаков[1].

Наши модельные построения подтвердили, что территория между Белгородской чертой и Областью войска Донского долго втягивалась в состав Русского государства в смысле полного подчинения центральным властям.

С точки зрения «прямого пути» административного обустройства фронтирной территории необычными предстают проявления «самостийности» самих служилых людей XVII в. В частности, известный историк-архивист А.И. Гамаюнов сумел обосновать реальность существования легендарного лебедянского «разбойника» Тяпки, который оказался стрелецким и казацким головой И.К. Кузьминым, имевшим прозвище Тяпка. Прочная историческая память об этом человеке, вероятно, связана с его стремлением быть самостоятельным в отношениях с местным воеводой. А.И. Гамаюнов приводит слова Лебедянского воеводы Волжинского, который жаловался на Ивана Кузьмина в Разрядный приказ: «Иван в то шаткое время соблазн чинил в мире», чтобы его, воеводу, «лебедянцы всяких чинов люди в ... государевых делах не слушали и не почитали...»[2]

Традиционно считается, что после переноса границ к Азову территории юга европейской России полностью вошли в состав Русского государства. Однако некоторые исследования последних лет (О.Е. Глаголевой, С.А. Мезина, Ю.В. Мещерякова, Н.Н. Петрухинцева и др.), показывают, что на протяжении всего XVIII в. на территории от Саратовской до Тульской губернии многие представители местных властей демонстрировали немалую степень самостийности по отношении к порядкам и законам метрополии[3].

[1] *Мизис Ю.А.* Воевода... С. 40-48.

[2] http://www.lebedyan.com/istoriya/legendy/legendy-i-byli-lebedyani/

[3] Дворянство, власть и общество в провинциальной России XVIII века. *Глаголева О., Ширле И.* (под ред.). – М., 2012; *Мещеряков Ю.В.* Гавриил Романович Державин: тамбовский период деятельности (1786-1788). – Тамбов, 2006.

Пожалуй, самым крупным проявлением «нелинейного» поведения служилых людей фронтирной зоны середины XVII-XVIII вв. стало участие их отдельных групп в антигосударственных протестных движения С. Разина и К. Булавина, городских восстаниях. Факты поддержки этими группами (как правило, казаками, служившими на оборонительных линиях в тамбовских, пензенских, саратовских уездах) своих донских «собратьев» дают историкам дополнительные основания для опровержения крестьянской природы этих социально-политических движений.

Советские историки, обосновывая теорию «крестьянских войн», попросту не обращали внимание на то, что в большинстве уездов южнорусского фронтира до начала XVIII в. не было крестьян. Поэтому в ходе рассуждений о «нелинейных эффектах» в поведении населения фронтирной зоны невольно вспоминается позабытое определение А.А. Кизеветтера восстаний XVII-XVIII вв. как «движения окраин»[1]. Конечно, Александр Александрович не знал термин фронтир, но он точно уловил одну из самых характерных черт этой переходной зоны: нежелание местного населения, в т.ч. части служилых людей, сразу и всецело подчиняться московской метрополии.

Интересным нелинейным эффектом социально-политического освоения зоны фронтира на завершающем этапе стало обретение вольности от службы дворянами, которые в значительной своей части заслужили чины, титулы, земли, крепостные души именно делами на южных окраинах России. Получив возможность избирать дворянское собрание, бывшие рьяные служаки порой вставали в противодействие с имперскими властями. В частности, тамбовский историк Ю.В. Мещеряков показал характерные факты противодействия местных дворянских деятелей наместнику Г.Р. Державину в таких серьезных делах, как рекрутские наборы или закупки хлеба для армейских нужд[2].

[1] *Кизеветтер А.А.* К истории крестьянских движений в России. // Вопросы истории. №1. 1994. С. 145-168.

[2] *Мещеряков Ю.В.* Указ. соч.

Изучение изживания специфических черт социального состава населения недавно окраинной территории Российского государства в конце XVIII – первой половине XIX в. показало, что к концу этого периода завершился процесса превращения различных специфичных категорий фронтирного населения (однодворцев и их дворовых людей, социально-национальных групп ясачных и будных крестьян, мурз и татар, черкас, малороссиян, цыган и др.) в единую сословную группу государственных крестьян[1]. Но следует учитывать и то, что государственные крестьяне в дальнейшем оставались по своему менталитету «остатками» фронтирного населения, помнившими свое прежнее вольное положение служилых людей. В этом смысле они не в полной мере вписывались в социальную структуру населения московской метрополии.

Весьма нелинейно выглядят религиозные процессы, протекавшие в зоне фронтира (на окраинах Московского государства). Прежде всего, необходимо обратить внимание на активное и пассивное сопротивление местного, еще языческого населения миссионерской деятельности русской православной церкви вплоть до убийства цнинской мордвой рязанского архиепископа Мисаила[2].

Как показала на тамбовских материалах Н.Н. Байдакова, проблемы в политике российских властей по отношению к нехристианскому населению и новокрещенам в зоне бывшего фронтира сохранялись до начала XX в.[3]

Еще более крупным «нелинейным эффектом» представляется уже отмечавшееся широкое распространение на фронтирной территории, начиная с XVII в., среди переселившихся сюда русских старообрядчества и различных видов православных сект, особенно духоборов и молокан, а также изуверов-скопцов.

[1] *Канищев В.В.* Преодоление социальной специфики населения южнорусского фронтира в конце XVIII – первой половине XIX вв. (по материалам Тамбовской губернии). // Научные ведомости БелГУ. Серия: «История. Политология». Т. 45. № 2. 2018. С. 318-325.

[2] *Мокшин Н.Ф.* Из истории крещения мордвы (по материалам Шацкого уезда). // Социально-политические науки. № 4. 2004. С.18-19.

[3] *Байдакова Н.Н.* Политика российских властей по отношению к нехристианскому населению и новокрещенам в XVI – начале XX вв.: на примере Тамбовского края: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006.

В хозяйственном отношении самым заметным нелинейным эффектом в освоении зоны фронтира, как уже не раз отмечалось, явились бортные и иные ухожаи, сотни которых в конце XVI – XVII в. располагались в еще неподчиненной российским государством части «Дикого поля»[1].

Более того, как показали совместные исследования тамбовских историков и почвоведов МГУ, земледельческое освоение территорий к югу от Тамбова началось задолго до строительства здесь крепости и оборонительного вала. Анализ почвенных проб, взятых под Тамбовским валом, свидетельствует о наличии там земли, которая распахивалась многие десятилетия[2].

В общем, «нелинейные эффекты» показывают, что движение южного русского фронтира вовсе не было легкой прогулкой под барабанный бой, – «рытвин» и «ухабов» встречалось немало.

5.6. Количественный анализ фронтирных процессов на уровне поселений

В своих новых построениях мы стремимся также учесть особенности процесса освоения южнорусского фронтира на уровне отдельных поселений, что позволяет определить, оставались ли на юге Центральной России в середине XIX в. какие-либо анклавы, заметно сохранявшие до этого времени в повседневной жизни признаки фронтирного прошлого. На этом уровне появляются возможности увидеть множество деталей сложного процесса. С помощью количественных методов и особенно моделирования

[1] *Мизис Ю.А.* Бортные ухожаи как форма заселения и освоения южно-русского пограничья в XVI-XVII вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: «Гуманитарные науки». № 10 (126). 2013. С. 80-85; Напольникова П.К. Цнинская мордва. Вхождение в состав Московского государства в XVI – первой четверти XVII века: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. – Тамбов, 2017.

[2] *Канищев В.В., Ковалева Н.О., Ковалев И.В.* Историческое почвоведение Тамбовской области: первые результаты исследований. // Вестник Тамбовского университета. Серия: «Естественные и технические науки». № 6. 2012. С. 1541-1547.

эти детали можно неоднократно «прокрутить» и соединить в большую, во многом достоверную картину.

В первую очередь мы решили построить простые группировки основных показателей возникновения и развития первых поселений в зоне фронтира:

— время возникновения в соответствии с этапами освоения фронтира;

— места выселения первопоселенцев (старомосковские уезды, ранее освоенные поселения зоны фронтира, соседние южные и восточные земли);

— социальный, этнический, конфессиональный облик первопоселенцев и его изменения в процессе освоения фронтира.

Сведения для количественных характеристик процессов освоения фронтира на уровне отдельных поселений первоначально были извлечены из наиболее информативных региональных справочных изданий, сконцентрировавших материалы многих первичных источников по истории населенных пунктов: Липецкой и Пензенской энциклопедий, а также двух книг краеведа Н.В. Муравьева о возникновении населенных пунктов Тамбовской области[1].

При всей информационной насыщенности этих изданий они не обладают абсолютной полнотой фактов по первоначальной истории населенных пунктов зоны фронтира.

Так, в «Липецкой энциклопедии» представлены справки о 1400 с лишним населенных пунктах, но только в 729 есть данные о времени их возникновения.

В «Пензенской энциклопедии» данные о времени возникновения представлены во всех 104 справках о населенных пунктах области. Но это далеко не полное число населенных пунктов, возникших в Пензенской губернии в период освоения южнорусского фронтира. В Списке населенных мест Пензенской губернии на 1864 г. числится 1799 поселений, возникших к середине XIX в.[2]

[1] Липецкая энциклопедия. В 3-х томах. – Липецк, 1999; Пензенская энциклопедия. – М., 2001; Муравьёв Н.В. Избранные краеведческие труды в двух томах. – Тамбов, 2006.

[2] См. Списки населенных мест Российской империи. Пензенская губерния. – СПб.: Изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1869. XXXIII, 119 с., 1 л. к.

Даже, если учесть, что нынешняя Пензенская область меньше губернии, все равно ясно, что в «Пензенской энциклопедии» описано примерно 10% поселений XIX в., существовавших и существующих на территории современной области.

В книгах Н.В. Муравьева содержатся сведения о возникновении почти 1000 населенных пунктах региона. Около 700 из них, по его данным, возникли до середины XIX в., а более 300 – в 1910-1930 гг. По данным «Списка населенных мест Тамбовской губернии на 1862 г.», к середине XIX в., т.е. в период освоения фронтира на современной территории Тамбовской области возникло 1660 поселений[1]. Получается, что в книгах Муравьева нет сведений о появлении более чем половины поселений региона в период XVII – первой половины XIX вв.

Для того, чтобы не оказаться в положении «выдумщиков», мы должны выяснить, почему в данных источниках сведения о возникновении населенных пунктов оказались неполными. Авторы «Липецкой энциклопедии» прямо заявили, что они не стремились к строгой научности и, вероятно, опубликовали то, что им было доступно в печатных изданиях, не обращаясь к архивным источникам.

Составители «Пензенской энциклопедии» ничего не сказали о принципе включения в издание статей о населенных пунктах. Мы предполагаем, что это статьи о наиболее крупных и известных поселениях.

Н.В. Муравьев сам объяснил, что брал для своей первой книги преимущественно крупные и средние населенные пункты. Применительно к обеим книгам он признавал, что о некоторых поселениях он не нашел первичных сведений. При этом он не использовал такие крупные публикации первой половины XIX в., как «Списки населенных мест Тамбовской губернии 1862 г.», «Военно-статистическое обозрение Тамбовской губернии», архивные материалы Генерального межевания и межевания Менде. Объективно это связано с огромной трудоемкостью работы с первичными источниками, которая в полном объеме непосильна для отдельных, даже самых

[1] См. Списки населенных мест Российской империи. Тамбовская губерния. – СПб.: Изд. Центр. стат. ком. Мин. внутр. дел, 1866. LI, 186 с.: табл.; 1 л. к.

старательных исследователей. Поэтому мы решили обратиться к различным количественным методам, особенно моделированию, которое позволяет избежать этой трудоемкости. Ведь для построения адекватных моделей достаточно выяснить не точные годы (что зачастую невозможно), а временные периоды возникновения населенных пунктов во фронтирной зоне и соответствующие им характеристики.

Первым шагом применения количественных методов стало построение простых группировок «нечётких множеств», которые затем верифицировались материалами моделирования.

Таблица 1.

Время образования населенных пунктов Липецкой, Пензенской, Тамбовской областей

Период переселения	Кол-во населенных пунктов		
	Липец. обл.	Пензен. обл.	Тамбов. обл.
До середины XVII в.	208*/29 %	2/2 %	42/6 %
Вторая половина XVII в.	167/23 %	48/46 %	45/7 %
XVIII в.	331/45 %	46/44 %	247/35 %
Первая половина XIX в.	23/3 %	9/8 %	364/52 %
Итого	**729/100 %**	**104/100 %**	**698/100 %**

Источники: Липецкая энциклопедия. В 3 т. – Рязань-Липецк, 1999-2001; Муравьев Н.В. Из истории возникновения населенных пунктов Тамбовской области. – Воронеж, 1988; *Он же.* Изначальная история населенных пунктов Тамбовской области. – Тамбов, 1992; Пензенская энциклопедия. Гл. ред. К. Д. Вишневский. – М., 2001.

* Данные максимальные, т.к. в источнике часто указывается XVII в. вообще.

Таблица 1, несмотря на явно различное количество данных по разным областям, все-таки показывает определенные различия в темпах заселения отдельных частей южнорусского фронтира.

Очевидно наиболее раннее начало массового заселения территории современной Липецкой области, которая своей северной частью примыкала к древнерусским елецким и рязанским землям, а западной и центральной частями входила в зону Белгородской оборонительной линии, создававшейся с конца XVI в.

Территория современной Тамбовской области, относившаяся к восточному участку Белгородской черты и началу Симбирской черты, а также территория современной Пензенской области, полностью относившаяся к Симбирской черте, стали широко осваиваться только в середине XVII в.

Данные о времени основания поселений в XVII в. по всем трем регионам мы считаем во многом точными, поскольку поселения этого периода, как правило, создавались государством, и в воеводских документах указывалось время их основания. Они всегда попадали в ближайшие по времени государственные писцовые описания. Но приходится учитывать, что составители изученных нами на данный момент изданий включили в свои работы не все поселения. Так, по данным писцовых книг Тамбовского и Козловского уезда во второй половине XVIII в. здесь существовало около 120 поселений[1]. По данным пензенского краеведа М.С. Полубоярова, только на территории одного Вадинского района в XVII в. и до конца царствования Петра Великого было основано около 40 населенных пунктов[2]. Ясно, что на территории всей области в этой период возникли сотни поселений.

Сравнительно высокие проценты поселений, основанных в XVIII в., вполне соответствуют общеизвестным данным об ускоренном освоении бывших южных окраин Московского государства именно в этот период. Это важно для верификации модельных построений. Оценочно липецкие и тамбовские данные о числе поселений, возникших на территории регионов, составляют 30-40 % от генеральной

[1] *Аврех А.Л., Есиков С.А., Канищев В.В., Мизис Ю.А., Протасов Л.Г.* Формирование и развитие сельских населенных пунктов Тамбовской области (17-20 вв.). // Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX-XX вв. XXVI сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Тамбов: ТГТУ, 2000. С. 3-16.

[2] *Полубояров М.С.* Весь Пензенский край: историко-топографическое описание Пензенской области. – М.: «САМ полиграфист», 2016. 813 с.

совокупности, пензенские – не менее 10 %. Этого, в принципе, достаточно для построения модели освоения фронтира в XVIII в.

Сложнее обстоит дело с данными первой половины XIX в. В тамбовских справочниках, полагаем, учтено около половины населенных пунктов, основанных в этот период. В Липецкой и Пензенской энциклопедиях учтено явное меньшинство. Дело в том, что составители этих изданий в отличие от Н.В. Муравьева не работали с первичными материалами ревизских переписей, по котором можно выяснять время возникновения новых поселений с точностью до 20 лет, что вполне допустимо для задач моделирования. Но мы полагаем, что для восстановления числа поселений, возникших в первой половине XIX в., для наших целей будет достаточно проанализировать Списки населенных мест соответствующих губерний и уездов, которые содержат достаточное для моделирования количество разнообразной информации об истории и состоянии в середине XIX в. практически всех поселений своих губерний.

Продолжая изучение простых группировок населенных пунктов трёх областей, мы решили выделить 4 группы поселений по первоначальному социальному составу их первопоселенцев. При этом в таблице мы сознательно показали «пестроту» состава этих групп. Полагаем, что она была характерным явлением для зоны фронтира, где процессы социальной консолидации, аналогичные районам метрополии, шли постепенно.

Таблица 2.

Социальный состав первых поселенцев липецких, пензенских тамбовских сел

Категории населения	Кол-во населенных пунктов		
	Липецкая область	Пензенская обл.	Тамбовская область
Дворцовые крестьяне	-	1/1 %	23/3 %
Различные категории русских служилых людей, будущих гос. крестьян, в т.ч.:	65 /55 %	17/17 %	275/35 %

Дети боярские	1	-	2
Дети боярские и служилые люди	-	-	10
Дети боярские и однодворцы	-	-	1
Дети боярские и помещичьи крестьяне	-		2
Драгуны	2		5
Однодворцы, государственные крестьяне	12	1	225
Помещичьи крестьяне и служилые люди	1	1	2
Однодворцы и помещичьи крестьяне	1	-	9
Служилые люди	43	13	16
Солдаты	4	1	3
Др. категории служилых людей, будущих гос. крестьян	13/11%	24/23%	6/1%
Казаки	12	5	4
Казаки и стрельцы	1	-	-
Казаки и мордва	-	1	-
Служилые татары	-	6	-
Служилая мордва	-	1	-
Служилые чуваши	-	1	-
Ямщики	-	-	1
Ясачные крестьяне (татары) и однодворцы	-	-	1
Ясачная мордва	-	10	-
Владельческие крестьяне	40/34 %	60/59 %	474/61 %
Помещичьи крестьяне	28	54	420
Дворовые люди	-	-	6
Бобыли	-	-	10
Крестьяне вообще	4	-	7
Монастырские крестьяне	6	-	17

Помещичьи и церковные крестьяне	-	2	-
Приписные крестьяне, работные люди	2	-	1
Церковные крестьяне	-	3	-
Фабричные крестьяне	-	1	-
Экономические крестьяне	-	-	1
Другие	1	-	12
Итого	118/100 %	102/100 %	778/100 %

Источники: См. Табл. 1.

Как мы видим из Таблицы 2, в трех изученных регионах количественных данные о социальном облике первопоселенцев явно неодинаковы. Но в целом мы считаем их достаточными для моделирования расселенческих процессов в зоне фронтира, поскольку они верифицируются известными сведениями об освоении южных окраин России.

В первую очередь из таблицы видно основание в числе первых поселений дворцовых крестьян. Это связано с известным фактом существования с конца XVI в. на территории современной Тамбовской области Верхоценской волости. К этой группе можно добавить поселения крестьян в вотчинах бояр Романовых (фактически – представителей дворца), возникшие в конце XVI – начале XVII в. на территории нынешней Липецкой области. Так что табличные данные о помещичьих крестьянах как основателях населенных пунктов Липецкой области приходится считать максимальными.

Для построения индикаторов фрактальной модели втягивания поселений зоны фронтира в метрополию мы исходили из того, что дворцовые и аналогичные им сёла с конца XVI в. имели тесные экономические связи со столицей Русского государства и поэтому получили экспертную оценку 1.

Представленные в Таблице 2 сведения соответствуют хорошо известным фактам о создании многих первых поселений в зоне

фронтира русскими служилыми людьми. Хотя эти люди были направлены на службу русским государством, они в XVII – начале XVIII в. сохраняли определенную «самостийность». Поэтому поселениям с таким составом для XVII в. был присвоен индикатор 0,9.

К XVIII в. бывшие служилые люди, переведенные в разряд однодворцев, фактически превратились в государственных крестьян. В социальном отношении они стали тождественными населению старинных поселений Центра России, обложенному государственными податями и повинностями. Поэтому экспертная оценка социального состава государственных селений тамбовского региона XVIII – первой половины XIX в. – 1.

В материалах Таблицы 2 подтверждается и другая истина: по мере утраты югом Центральной России пограничного статуса, зона фронтира массово заселялась частными владельцами (помещиками, монастырями и их крестьянами).

В XVII-XVIII в., а в степных уездах и в первом половине XIX в., помещики юга Центральной России сохраняли некоторую самостоятельность в управлении своими имениями, определенную независимость от столицы. Неслучайны факты отъезда «в Саратов, в глушь, в деревню, к тетке» – ссылок опальных придворных деятелей в далекие от столицы тамбовские имения вплоть до начала XIX в. Исходя из сказанного, для помещичьих сел, селец, деревень XVII-XVIII в. мы предлагаем индикатор 0,9, а для первой половины XIX в. – 1.

Поскольку поселения «нерусских» категорий служилых людей, а затем и помещичьих крестьян долго сохраняли национально-социальную специфику, отличающийся от населения метрополии образ жизни, для них применительно к XVII в. мы вводим индикатор 0,7.

Длительность существования поселений с таким составом можно уточнить по вступительным статьям к Спискам населенных мест, в которых указывались сохранившиеся до середины XIX в. поселения мордвы, татар, других «инородцев». Конечно, эти этносоциальные категории, постепенно втягиваясь в состав

населения фронтира, «обрастая» государственными повинностями, утрачивали свою специфику. Поэтому индикатор этой связи повышался: 0,8 для XVIII в. и 1 для середины XIX в.

В изученных изданиях содержится важная информация о местах выселения первых поселенцев вновь образованных населенных пунктах зоны фронтира.

Таблица 3.

Места выселения жителей вновь образованных в середине XVII – середине XIX вв. населенных пунктов Липецкой, Пензенской, Тамбовской областей

Регион выселения	Кол-во населенных пунктов		
	Липец. обл.	Пензен. обл.	Тамбов. обл.
Старомосковские уезды	12/14 %	10/43 %	42/28 %
Уезды фронтира	72/76 %	13/57 %	104/69 %
Соседние территории	0	0	5/3 %
Итого:	84/100 %	23/100 %	150/100 %

Источники: См. Табл. 1.

В изученным источниках в целом имелись данные о местах выселения жителей около 250 населенных пунктов. Эти цифры в достаточной для моделирования мере отразили направления заселения зоны фронтира. Как свидетельствует таблица, 25 % из них основали жители старомосковских уездов (метрополии), 70 с лишним % – выходцы из более старых сел зоны фронтира, около 2 % – переселенцы с Дона и Украины.

Большинство первых поселений XVII в. основали выходцы из старых московских уездов. С точки зрения тождества новых поселений с метрополией для таких пунктов индикатором является единица (напомним, в нашей шкале экспертных оценок это означает пребывание уезда или поселения уже в составе метрополии). Затем шёл характерный для зоны фронтира процесс вторичного заселения. Многие первые поселения тамбовского, как и соседних

регионов, основанные к северу от засечных черт и других оборонительных сооружений, к концу XVIII в. оказались перенаселенными и стали давать «выбросы» во вновь осваиваемую южную часть губернии. Одновременно шло заселение южной части тамбовской лесостепи столичными помещиками, получавшими земельные пожалования от Екатерины II и Павла I.

Проблема для определения индикаторов мест выхода первопоселенцев фронтирных населенных пунктов XVIII-XIX вв. состоит в том, что этот показатель трудно найти даже в первичных источниках. Не во всех ревизских сказках указывались места выселения жителей новых населенных пунктов, возникших в межревизский период. Моделирование и в этом случае решает проблему, учитывая то, что во второй половине XVIII – XIX в. основание новых поселений в зоне фронтира выходцами из старых уездов (главным образом, переводом помещичьих крестьян) постепенно сокращалось, но почти все остальные поселения основывали их потомки, ранее переселившиеся в тамбовские села.

Но всё-таки новые помещичьи поселения в «глухой» степи в повседневной жизни в XVIII в. не имели стопроцентной связи с метрополией, а крестьяне – потомки первых поселенцев – десятилетия спустя практически никакой связи с давними местами выселения их предков в этом период не имели. Поэтому для показателя происхождения первопоселенцев помещичьих селений для XVIII в. мы предложили экспертную оценку 0.9. В XIX в. тамбовские поселения создавались уже полностью связанными с метрополией помещиками и крестьянами (индекс 1).

Основание некоторых тамбовских сел выходцами из южных территорий и восточных территорий мы считаем нелинейным эффектом в развитии зоны фронтира. Он связан с тем, что на службу на оборонительных линиях Русского государства середины XVII в. нанимались не только выходцы из коренных московских уездов, но и донские и запорожские казаки, украинские отряды с этническим наименованием «черкасы», отряды мордовских и татарских князей. В ряде поселений даже в XIX в. первыми жителями явля-

лись ещё необрусевшие крестьяне из мордвы и татары. В целом индикатор казацких и «инородческих» первопоселенцев мы определяем в 0,8, полагая, что при всей специфике они всё-таки подчинялись российскому государству.

Таблица 4.

Изменения социального состава населения липецких, пензенских, тамбовских сел в XVII-XIX вв.

Изменения	Кол-во населенных пунктов		
	Липецк. обл.	Пензен. обл.	**Тамб. обл.**
Из служилых людей в помещичьи крестьяне	3		
Из служилых людей в городские сословия	6	3	2
Из монастырских крестьян в городские сословия	1		
Из работных людей в городские сословия	1		
Из служилых татар в государственные крестьяне		1	
Из служилых татар в помещичьи крестьяне		1	
Из служилых чувашей в помещичьи крестьяне		1	
Из ясачной мордвы в государственные крестьяне		2	
Из ясачной мордвы в церковные крестьяне		1	
Из ясачной мордвы в помещичьи крестьяне		2	
Из государственных крестьян в помещичьи		2	12
Из казаков в помещичьи крестьяне			
Из монастырских, церковных, экономических крестьян в помещичьи			8
Из церковных крестьян в государственные		1	

Из дворцовых крестьяне в помещичьи			2
Из дворцовых в городские сословия			2
Из экономических крестьян в государственные			1

Источники: См. Табл. 1.

В изученных справочных источниках выявлены немногочисленные факты изменений первоначального социального состава переселенцев. Большинство этих фактов – 44 из 52 – зафиксировали общероссийскую тенденцию перевода какой-то части бывших служилых людей, государственных, экономических, монастырских, дворцовых крестьян в помещичьи или в городские сословия. Общероссийским явлением был и перевод национальных групп служилых людей в различные категории владельческих и государственных крестьян. Редчайшие случаи перевода церковных и экономических крестьян в разряд казенных также соответствовали общегосударственной политике. Другими словами, население бывшего фронтира все больше выравнивалось в социальном плане с населением метрополии и на поселенном уровне.

Среди других факторов, дающих полезные наблюдения на поселенном уровне, мы выделили религиозный состав населения и его лояльность по отношению к властям. На уровне отдельных населенных пунктов эти показатели проявлялись, скажем так, точнее, поскольку они никогда не наблюдались на уровне уездов в целом.

Мы не знаем полностью иноверческих, старообрядческих, сектантских уездов. На территории избранных нами для данного исследования поселений Тамбовской губернии применительно к середине XIX в. мы выявили только два поселения с мечетями, т.е. мусульманских. Конечно, по образу жизни их население заметно отличалось от жизни русского православного населения остальных. Но все-таки эти поселения были признаны государством, и можно считать, что в целом они вышли из зоны фронтира. Индикатор их религиозности можно оценить в 0.6.

Все остальные поселения формально входили в православные приходы. Другое дело, что внутри десятков вроде бы православных населенных пунктов в XVIII-XIX вв. возникали сектантские группы. Для них мы установили экспертную оценку в 0.9, имея ввиду небольшое отклонение жителей от «общерусского» образа жизни.

Неизвестны и факты полного охвата целых уездов протестными движениями населения фронтира как проявлений нелояльности в периоды восстаний Разина, Булавина, Пугачева. По выявленным данным, в этих антигосударственных восстаниях участвовали жители единичных сел отдельных тамбовских уездов. Учитывая кратковременность такого протеста, с одной стороны, и его решительность, с другой, мы применили экспертную оценку в 0,8 как заметное, но всё-таки не большое отклонение от полной лояльности. Сколько-нибудь точно степень участия жителей нескольких поселений Кирсановского и Моршанского уездов в восстании Е. Пугачёва мы не знаем, известны только факты прохождения повстанческих отрядов через эти сёла. Полагаем, что поддержка их местными жителями была минимальной – вероятнее всего, просто сочувственной, без участия в вооруженных действиях (в отличие от периода разинского восстания). Поэтому предположительные факты нелояльности в XVIII в. мы решили оценивать в 0,9. Такую же экспертную оценку мы предложили и для проявлений мелкого локального протеста против отдельных помещиков и единичных представителей власти.

Определяя степень втянутости отдельных поселений в общероссийскую экономику, мы посчитали, что они изначально в хозяйственном отношении не были натуральными. Первые тамбовские села дворцовой Верхоценской волости с конца XVI – начала XVII в. были постоянно связаны с Москвой поставками продуктов ко двору. Разные группы служилых людей в своих хозяйствах занимались не только самообеспечением, но и поставляли государству так называемый «стрелецкий хлеб». Став однодворцами, имея немалую экономическую свободу и сравнительно большие наделы земли, они в еще большей мере вели товарное хозяйство.

Даже монастырские села создавались старинным русскими обителями для укрепления своего материального положения за счет плодов труда подвластных крестьян на богатых черноземных землях. Подобно дворцовым селам такие поселения имели постоянные экономические связи со своими хозяевами в центральных уездах Московского государства.

И все-таки для большинства поселений тамбовского участка южнорусского фронтира мы предлагаем показатель в 0,6, что означает минимальное преобладание товарного производства продукции сельского хозяйства для метрополии над натуральным хозяйством. Большие связи с общероссийской рыночной экономикой (и, соответственно, дополнительные десятые доли от единицы) можно предполагать для поселений с перерабатывающими предприятиями, базарами, ярмарками.

Вопреки ожиданиям попытка создать фрактальную модель для фронтира на поселенном уровне оказалась малоэффективной. Применение в вычислительных экспериментах индикаторов поуездного уровня с небольшим добавлением специфических индикаторов поселенного уровня дало практически те же результаты, что и моделирование уездов.

Понимая трудоёмкость дальнейшей модификации фрактальной модели, мы решили провести кластерный анализ отдельных населённых пунктов на основании пяти индикаторов, которые указывают на фронтирное/нефронтирное состояние поселений: место выхода первопоселенцев, социальный и религиозный состав жителей, лояльность к властям, хозяйственные связи.

Задача кластерного анализа состояла в выявлении групп схожих (в той или иной мере) поселений. Эвристическое значение кластеризации заключается в выявлении типов исследуемых объектов. В анализе участвовало 1645 поселений. Кластеризация была проведена отдельно для каждого хронологического среза: XVII в., XVIII в. и середина XIX в. Для кластерного анализа были использованы следующие настройки модуля кластеризации в Statistica: метод – объединение (древовидная кластеризация); правило

объединения – невзвешенное попарное арифметическое среднее; мера расстояния – евклидово расстояние.

Алгоритм кластеризации представляет собой пошаговый процесс. Все объекты (исходные поселения и центры образовавшихся кластеров) расположены на некотором расстоянии друг от друга в многомерном пространстве. Координаты объектов определяются величинами их индикаторов (или усреднёнными величинами индикаторов их составных частей, если речь идёт о кластерах). На каждом шаге программа соединяет два наиболее близких объекта. Расстояние между этими объектами называется «расстоянием связывания». По мере работы программы на каждом шаге расстояние связывания или сохраняется, или возрастает. Исходные поселения объединяются в кластеры, которые в свою очередь объединяются в ещё более крупные кластеры. При большом расстоянии связывания, очевидно, образуются искусственные объекты, которые трудно использовать для типологии объектов. Далее мы представим инструментарий для распознавания естественных кластеров.

На каждом хронологическом срезе выделены три уровня кластеров. Принятый здесь термин «уровень» не является в полной мере синонимом «шага». Если рассматривать, какие кластеры образовались на каждом шаге, то подобное описание было бы слишком громоздким и малопродуктивным из-за многочисленности рассматриваемых объектов. Поэтому мы выделили три шага, которые важны для понимания всего процесса кластеризации. На каждом из этих шагов процесс скачком переходил к формированию более абстрактных – более обобщённых – кластеров. Соответственно, такие три шага маркировали своего рода уровень обобщённости кластеров: от первого (наиболее низкого и наиболее конкретного) уровня С до третьего уровня А. Критерием для определения уровня является скачок на графике связывания, то есть значительное (по сравнению с предшествующими шагами) увеличение расстояние связывания в течение одного последующего шага. Скачок можно трактовать как переход к принципиально более обобщенным кластерам.

Кластеры всех трёх уровней формируются до последнего скачка, после которого расстояние связывания резко возрастает и далее продолжает быстро расти (и, как правило, не стабилизируется). То есть кластеры всех уровней претендуют быть естественными кластерами, на основании которых можно размышлять о типах объектов. Кластеры уровня А – наиболее крупные кластеры; В – кластеры, включённые в кластеры уровня А; С – кластеры, включённые сначала в кластеры уровня В, затем – в кластеры уровня А. Кластеры, возникшие после последнего скачка, можно трактовать как искусственные – математические артефакты.

Наиболее детально результаты кластерного анализа представлены на дендрограммах для каждого хронологического среза. Однако такие дендрограммы весьма громоздки и доступные только онлайн на сайте Центра фрактального моделирования социальных и политических процессов: http://ineternum.ru/frontir-cluster/.

В данном тексте мы представили Табл. 5-7, которые показывают, как на каждом хронологическом срезе кластеры разных уровней соотносятся друг с другом, т.е. какие кластеры объединяются. Указанные таблицы также содержат сведения о числе населённых пунктов в кластерах уровней С и В, что позволяет судить о величине кластеров.

Таблица 5.

Соотношение кластеров поселений Тамбовской губернии, XVII в.

Уровень С	Количество поселений в кластерах уровня С	Уровень В	Количество поселений в кластерах уровня В
1-С	14	1-В	100
2-С	86		
3-С	2	2-В	3
4-С	1		

5-С	3	3-В	6
6-С	2		
7-С	1		
Всего:	109	Всего:	109

Таблица 6.

Соотношение кластеров поселений Тамбовской губернии, XVIII в.

Уровень С	Количество поселений в кластерах уровня С	Уровень В	Количество поселений в кластерах уровня В
1-С	384	1-В	402
2-С	8		
3-С	3	2-В	6
4-С	1		
5-С	1		
6-С	1		
Всего:	408	Всего:	408

Таблица 7.

Соотношение кластеров поселений Тамбовской губернии, середина XIX в.

Уровень С	Количество поселений в кластерах уровня С	Уровень В	Количество поселений в кластерах уровня В
1-С	1532	1-В	1544
2-С	1		
3-С	2		
4-С	9		
5-С	6	2-В	6
6-С	86	3-В	93
7-С	2		
8-С	5		
9-С	2	4-В	2
Всего	1645	Всего	1645

Результаты кластеризации показывают весьма малую неравномерность втягивания отдельных поселений в ядро Русского государства. На всех временных срезах очень крупные кластеры, включающие в себя подавляющее большинство поселений, сформировались задолго до предела естественной кластеризации и задолго до достижения уровня А. Поэтому мы не демонстрируем в таблицах уровень А.

Такие результаты, на наш взгляд, объясняются тем, что любой населенный пункт окраины, официально признанный государством, должен быть отнесен к зоне «отечества». При этом непринципиальные отличия, связанные со степенью включения в метрополию, находили отражение в нескольких кластерах на уровнях С и В.

В первом временном срезе объединение большинства кластеров поселений (свыше 85%) произошло уже на уровне С. Только единицы из них сохраняли на этом уровне определенные особенности. Особенно отметим кластер 1-С, в который вошли 14 старинных поселений вдоль центральной речной оси региона реки Цна, оказавшихся в зоне восстания С. Разина и поддержавших его.

На уровне В этот кластер объединился с основным массивом уже втянувшихся в состав метрополии поселений. «Эпизодическое» проявление нелояльности этой группы поселений оказалось несущественным с точки зрения втягивания их в состав метрополии.

На уровне В сохраняли определенную специфику поселения кластеров 2-В и 3-В, в которые вошли три наиболее продвинутых по меркам XVII в. в экономическом отношении села и пять сёл Тамбовского и Козловского уездов, основанных в XVII в. казаками. Понятно, что первая из этих групп отражала наибольшие темпы включения в Русское государство, опережая по этому показателю все остальные поселения региона, а вторая группа, напротив, сохраняла определённую казацкую «вольность».

В кластерных построениях XVIII в. на уровне С объединились в наиболее крупный кластер С-1 более 95 % типичных поселений, уже твёрдо вошедших в состав Отечества.

Специфичными на уровне С оказались всего пять небольших групп тамбовских сёл, не объединившихся ещё с основным кластером. Они составляли менее 4 % всего массива поселений этого периода. Мало-мальски заметным оказался кластер 2-С, куда вошли восемь сёл с казацкими корнями.

Но уже на уровне В кластер 2-С соединился с 1-С, а мелкие группировки слились в один кластер 2-В, мало отличающийся от 1-В (1-С + 2-С). Мы объясняем это выравниванием однородности сельских поселений региона в XVIII в.: новые помещичьи населенные пункты мало отличались от поселений бывших служилых людей (в том числе и казаков), которые превратились в этот период в однодворцев, занятых так же, как и остальные группы крестьянского населения, земледельческим трудом. Существенных отличий с точки зрения втянутости в зону метрополии у поселений частновладельческих и государственных крестьян быть не могло.

На основе данных середины XIX в., на уровне С выстроилось 9 кластеров. Такое относительное разнообразие мы объясняем увеличением числа наблюдаемых объектов, при котором начинают «выпирать» небольшие различия. Подавляющее большинство поселений этого периода уже на уровне С вошло кластер, который состоял из поселений, типичных для земель метрополии – более 1,5 тысяч населенных пунктов (свыше 90 % от всей совокупности). На этом уровне образовалась количественно заметная группа (около 100 поселений), которая отличалась от большинства поселений не остатками фронтирных особенностей, а, наоборот, наибольшей втянутостью в общероссийские хозяйственные связи. Основная масса тамбовских поселений, хотя по основным показателям уже стала частью метрополии, ещё сравнительно мало вышла за пределы натурального хозяйства. Но наиболее развитая «сотня» выделялась не до такой степени и на уровне В слилась с уже бывшими фронтирными населёнными пунктами.

На отрезке середины XIX в. среди кластеров поселений уровня С, ещё не совсем втянувшихся в состав метрополии, отметим особенности кластеров С-4, куда входили 9 бывших казачьих и

ныне инородческих мордовских и татарских поселения, 5 поселений С-5 с заметной долей сектантов, 2 татарских поселения с мечетями (С-9). Но эти этноконфессиональные и тем более социально-экономические отличия некоторых поселений не порождали принципиальных сомнений в том, что все тамбовские поселения образца 1862 г. уже вошли в состав метрополии.

Таким образом можно утверждать, что кластерный анализ подтвердил факт постепенного вступления населенных пунктов Тамбовской губернии в состав Отечества. К середине XIX в. процесс освоения Русским государством южнорусского фронтира завершился и на поселенном уровне.

Мы уже отмечали, что результаты фрактального моделирования на уровне поселений Тамбовской губернии практически совпали с результатами моделирования на уездном уровне. Напомним, что уезды Тамбовской губернии прошли путь из зоны фронтира в зону метрополии, тождественный абсолютному большинству уездов юга Центральной России. Соответственно, можно утверждать, что и отдельные поселения этих регионов прошли тот же путь. Но дополнительный анализ позволил увидеть некоторые нюансы в развитии отдельных поселений, что всегда ценно для понимания оптимального сочетания макро- и микро-исторических процессов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Освоение земель лесостепи на юге приводило к существованию на протяжении длительного периода времени (практически, нескольких веков) зоны фонтира, где шло формирование нового постоянного состава населения. Русские частично вернулись на свои исконные земли славянского мира. Археологические раскопки показывают, что район Подонья был освоен славянами и русскими еще в конце I – начале II тысячелетия новой эры и был оставлен под давлением кочевников в XIII-XIV веках. Однако навыки проживания в этом регионе были безвозвратно утеряны, и переселенцам приходилось заново осваиваться в несколько непривычной зоне лесостепи и степи. Переход от хозяйства в лесной зоне к трудовой деятельности в лесостепи – с небольшим количеством лесных запасов, большими пространствами открытых степей, значительно более мягким климатом и продолжительным циклом сельскохозяйственных работ, чем в центральной и северной зонах основной территории страны. В отличие от Сибири, на территории южнорусского и юго-восточного фронтира освоение территории шло, прежде всего, за счет земледелия, а промысловые занятия: бортничество и охота занимали вспомогательный характер.

Мы рассмотрели историю военно-оборонительного строительства, поскольку именно она определяла особенности фронтирной зоны Юга и Юго-Востока России, отражала многовековую тактику освоения новых земель. В итоге удалось установить, что масштабное строительство укрепленных линий было во многом показательным, так как в нем отразились важнейшие факторы эффективности модели русского фронтира. Конечно, история военно-оборонительных сооружений на южной границе в конце XVI в., а затем в XVII и XVIII в., была подготовлена логикой предыдущего развития этой территории, формированием здесь особой пограничной зоны в контексте военного противостояния России

и Крымского ханства, втягиванием в российское государственное пространство кочевых народов: башкир, калмыков, ногайцев и других. Постоянные военные действия на этом участке вынуждали русское командование держать наготове военные отряды, способные предотвратить мелкие набеги и задержать продвижение крупных сил неприятеля. Поэтому строительство крепостей и сплошных линий укреплений, имеющих постоянные военные гарнизоны, стало логичным продолжением развития идеи возведения военно-оборонительных сооружений как средства колонизации больших степных пространств, политического и экономического освоения этих территорий.

Однако, в любом случае, осуществить военное строительство в пограничной зоне было сложной для реализации задачей, и к ней пришлось приложить массу усилий: политических, организационных, финансовых. Оно превращалось в общегосударственное дело с использованием значительных людских и финансовых ресурсов. Несмотря на более высокую скорость строительства и более низкую стоимость по сравнению с каменными укреплениями, военно-оборонительные сооружения из дерева и земли, строившиеся во фронтирной зоне, показали свою эффективность.

Строительство засечных линий середины – второй половины XVI в. стало первым этапом формирования единой системы укреплений Российского государства. В середине XVII в. от Белгородской черты – выдающегося военно-инженерного сооружения, протяженностью более 800 км., система укреплений была продолжена в северо-восточном направлении в виде непрерывной цепи оборонительных сооружений – Тамбовской черты, которая соединялась системой укреплений, проходящей через Шацк, Верхний и Нижний Ломовы с Симбирской чертой. За Волгой продолжением Симбирской черты явилась Закамская черта, построенная в 1652-1655 гг. Закамская черта рассматривается авторами как часть общероссийской системы оборонительных сооружений. Таким образом, Белгородская, Тамбовская, Симбирская и Закамская укрепленные линии оказались составными частями единого

общероссийского оборонительного комплекса, протянувшегося от западных рубежей государства до Предуралья, что свидетельствует о целенаправленной оборонительной политике Российского государства.

Строительство укрепленных линий способствовало хозяйственному развитию этой территории вопреки постоянным военным угрозам. Кроме увеличения распашки земель, после формирования уездов и роста сельских поселений вокруг крепостей, развитие получали торговля и ремесла, а также различные промыслы. Однако не стоит переоценивать экономическую активность населения крепостей, которое оставалось почти полностью служилым, главным образом обеспечивая себя продуктами питания. В сельской местности южнорусских уездов полностью преобладало однодворческое хозяйство. Устойчивый рост числа владельческих крестьянских дворов был характерен здесь только для конца XVII в.

Демографический рост и хозяйственное освоение обширных плодородных пространств, развитие рынков способствовало началу процесса урбанизации. В итоге, в первой половине XVIII в. многие крепости бывшей фронтирной зоны с преобладанием военных и административных функций становятся полноценными городами, включенными в хозяйственную жизнь страны. В них начинают развиваться торговля и различные виды производства.

Основная масса новопоселенцев на юге России состояла из беглых крестьян. Возможность записаться в категорию мелких служилых людей: стрельцов, казаков, пушкарей, а позднее драгун, рейтар и солдат, а в некоторых уездах даже в дети боярские с наделением землей в поместную собственность, значительно поднимало социальное положение переселенцев. Они становились «государевыми людьми» со всем комплексом служебных обязанностей и государственным обеспечением возможности несения службы представителями этой социальной группы: земельный надел под пашню и сенокосные угодья, денежный оклад, выдача оружия и сукна на кафтан, возможность писать челобитные на «государево» имя, карьерный рост по службе.

Особые навыки на юге вырабатывались при выезде в степь. Тактикой передвижения по степи, прежде всего, владели сторожевые и полковые казаки, дети боярские, то есть те категории служилых людей Юга России, которые регулярно ходили на полевую сторону. Эти же качества были присущи охотникам и владельцам бортных ухожьев, выезжавшие на длительное время в степь. Пренебрежение подобными навыками могло привести к плену или гибели.

На материалах Юга и Юго-Востока России отмечена хозяйственно-культурная адаптация населения фронтирной территории к новым условиям жизни, начинающаяся с момента его переселения в новые условия. В этой связи прослежен процесс заселения новых земель и выявлены основные социальные и профессиональные группы переселенцев. Прежде всего, первопоселенцами являлись мелкие помещики, не имевшие крестьянских дворов на своих землях – «однодворцы», получившие наделы в личную собственность. Именно благодаря их усилиям возникали первые сельские поселения, на их плечи ложился процесс хозяйственного освоения обширной окраины. В результате стало очевидно, что сельский «мир» на фронтирной зоне формировался в основном из числа помещиков-однодворцев, а городской – из мелких служилых людей. На протяжении всего XVII столетия их роль в колонизации этих земель оставалась самой существенной. Хозяйственно-культурная адаптация населения была тесно связана с интегративной деятельностью, которая отразилась в формировании различных форм социальной организации.

Процесс заселения территории современного Центрального Черноземья и Поволжья в конце XVI-XVIII вв. потребовал много усилий от государства и общества. Трудности объяснялись тем, что присоединенная территория никогда прежде полноценно не использовалась под пашню и русские люди оказывались здесь в непривычных условиях степи. Хозяйственное освоение этих земель существенно осложнялось ведением постоянных боевых действий. Однако именно такие сложные условия позволяют наглядно увидеть особенности социально-политического развития

Российского государства. Присоединение обширных южнорусских территорий, связанное с масштабным военно-оборонительным строительством, проводилось в рамках государственной политики. Освоение новых территорий не являлось народной, стихийной колонизацией, а осуществлялось по инициативе правительства, организовывалось и контролировалось из Москвы, и элементы вольной, народной колонизации могли существовать лишь на начальном этапе этих процессов. Русское население, оказавшись на новых землях в непривычных для себя природных условиях, довольно быстро смогло выработать несколько интегративных факторов, определивших успехи освоения новых территорий, во многом связанных с взаимодействием между обществом и местной властью.

Шел процесс формирование групповых интересов или межличностных отношений внутри социальной или профессиональной группы. Это были компактные группы одного поселения, имеющие одинаковый социальный и профессиональный статус, связанные общностью служебных обязанностей и хозяйственной деятельностью. На протяжении первой половины XVII в. такие группы одного поселения и их соседей во многом объединял страх перед опасностями степи, угрозой попадания в плен или смерти.

В сельской местности семейно-родовые группы, как первичные формы социальной организации, играли главнейшую роль на этапе заселения округи города-крепости. Каждое сельское поселение выступало, по своей сути, объединением нескольких клановородовых групп мелких помещиков (крестьян здесь почти не было). Писцовые описания XVII в. показывают, что редкие семьи вели отдельную распашку земли, большинство же помещичьих семей традиционно пахали пашню коллективно. Семейно-родовые отношения определяли особенности развития сельского поселения как социальной организации, состоящей из членов локализованной части одного большого рода и родственников по браку. Происхождение и развитие сельских поселений как семейно-родовых локализованных групп прослеживается по данным писцовых и переписных книг XVII в.

Изучение повседневной жизни местного сообщества на зоне фронтира в XVI-XVII вв. позволило прийти к следующим выводам. Здесь наблюдалось отсутствие сложившихся традиций общинных отношений в новых поселениях. Некоторые поселения основывались выходцами из одного конкретного поселения, что позволяло привносить старые традиции. Однако большинство новых населенных пунктов на Юге России создавалось выходцами из разных сел, деревень и даже уездов. Значительная часть переселенцев по возрасту являлась сравнительно молодыми людьми, что приводило к длительному периоду формирования общинных интересов, складыванию сельских традиций. Часто встречались бытовые конфликты, связанные с хозяйственной деятельностью: землевладением и землепользованием, владением бортными ухожьями, сенокосами, межевыми спорами. Поэтому формирование традиций общежития в новой общине происходило на протяжении достаточно длительного время. Личность включалась в систему норм, взглядов, ценностей новой группы. Значительную роль в этом процессе играли представители русской православной церкви – приходские священники, которые выступали в роли «духовных отцов» своей паствы, участвуя в подачи коллективных челобитных, разрешения конфликтов с местной властью.

Переселение массы молодых инициативных людей на южные границы приводило к росту девиантного поведения. Отсутствие традиций и старших возрастов в сельском поселении служилых людей снижало социальный контроль общины, что в какой-то мере способствовало проявлению уголовных тенденций у отдельных переселенцев. Сказалась и практика переселения в пограничные регионы лиц, как правило, из числа служилых и посадских людей, совершивших различные преступления в центральных районах страны. Социальный контроль в новых уездах оставался значительно ниже, чем в центральных уездах России. Однако уже во второй половине XVII в. роль однадворческой общины значительно возрастает, происходит процесс восстановления русских традиционных общинных ценностей.

Материальное начало подчиняло себе повседневную жизнь человека, заставляло его искать выгоду и стремиться к достатку. Человек боролся за свое счастье, выражавшееся для него в конкретных материальных ценностях, хотел жить здесь и сейчас, сегодняшним днем. В стремлении к благополучию проявлялась победа телесности, материальности, а также самой человеческой индивидуальности над старыми средневековыми ценностями (религиозностью, аскетизмом, приоритетом духовного над телесным). Мир, окружавший человека в повседневной жизни, имел теперь только одну плоскость – материально-телесную, в которой центром был сам человек и его земные желания.

Учитывая важность протекавших здесь социальных процессов, мы уделили отдельное внимание формам поведения местного населения. Было установлено, что первоначально служилое сообщество каждой крепости являлось довольно сплоченным. Документы конца XVI в., а также материалы по истории крепостей первой четверти XVII в. демонстрируют нам единый коллектив, действующий как слаженный механизм. Мы можем указать на такие характерные для этого времени формы поведенческих моделей местного общества как коллективизм, самоорганизация, самодисциплина, патернализм, проявлявшиеся в отсутствии четких границ между личной и общественной жизнью. Все это являлось важным инструментом для выработки механизмов интегративной деятельности переселенцев на «дикие земли» степной окраины страны. Суровые условия жизни развивали коллективное начало в основных формах поведения служилых людей. Это вызывалось практической необходимостью колонизаторов пограничных земель, впервые начавших их освоение под ударами воинственных кочевников.

Во второй половине XVII в. военная повседневность крепости, сплачивавшая в единое сообщество местных жителей, постепенно разрушалась: развивался рынок, росло значение промыслов, менялся сам характер организации жизни людей. Освоившись на новом месте, наладив защиту от татарских нападений, люди стали

проявлять большую активность в получении материальных благ имущественного характера. В свободное от службы время служилые люди занимались различными торговыми операциями, промышляли в степи, ездили на Дон и Волгу, стремились получить прибыль везде, где было возможно. Интенсивно росло и развивалось неслужилое население крепостей – посадские люди, профессионально занимающиеся ремеслами и торговлей. В ряды посадского населения массово переходили стрельцы, казаки, пушкари и их родственники, отказывавшиеся жить военным делом. Хотя их численность во многих южных и юго-восточных городах в XVII в. оставалась незначительной, экономическая роль неизменно возрастала. Резкий сдвиг в этом процессе произошел уже в первой четверти XVIII в.

Выявлены региональные особенности социальной структуры общества южного пограничья: значительный удельный вес служилых людей, начало формирования посадов, сосредоточение крестьянства в «старых» уездах, которые складывались вокруг городов, возникших в конце XVI в. Землевладение в южных уездах России, в связи с правительственным запретом наличия поместий и вотчин московских чинов (с 1637 г.), носило однодворческий характер. Основная форма местного управления в XVI-XVII вв. в южнорусских городах и уездах – воеводская. Воеводы назначались только из числа иногородних землевладельцев, как правило, на 2, реже на 3 года. Другие посты местного управления – осадных, стрелецких и казачьих голов, таможенных и кабацких голов, губных старост, целовальников занимали как иногородние дворяне и дети боярские, так и представители местного общества. Одна из форм участия общества в управлении – выборы губных старост и целовальников, сыск уголовных преступников. Воздействие общества на власть проявлялось в составлении коллективных челобитных, влиявших на принятие решений центральной властью.

Выявлена и описана картина распределения служилых людей городовой службы в городах и уездах южного фронтира. Определен состав, количество и типология укрепленных населенных пун-

ктов (города, городки и слободы) южного фронтира, особенности их оборонительных укреплений, длительный период функционирования. Обеспечение артиллерией, оружием, боеприпасами, обмундированием и амуницией шло централизовано в пограничные уезды через системы московских приказов. Особое место в деятельности пограничных воевод занимал сбор стрелецкого хлеба, обеспечение гарнизона определенным хлебным и фуражным запасом в города фронтира на случай осады, сбор хлеба и вина для донских казаков. Именно из этих запасов выдавали хлебное жалование переселенцам в начальной стадии несения службы, а затем в донские спуски казакам.

Впервые использована теория фронтира для изучения юго-восточной окраины Российского государства – Волжско-Уральского региона. Обосновано определение юго-восточного фронтира XVII-XVIII вв. с учетом того, что современные географические представления о юго-восточных рубежах России не совпадают с географическими представлениями той эпохи. Освоение территории к востоку от р. Волги и р. Камы, стало возможным после падения Казанского и Астраханского ханств и овладения Россией всей волжской речной артерией. В связи с тем, что еще в домонгольский период юго-восточная фронтирная зона оказалась заселенной башкирами, то в русских источниках XVII-XVIII вв. она обозначается этнотопонимом «Башкирия». Именно здесь шел процесс столкновения и координации разных народов и цивилизаций. В отличие от американского фронтира здесь не было откровенно враждебного противостояния пришлого и аборигенного населения, так как для Российского государства, имевшего опыт взаимоотношений с тюркско-мусульманским миром в период существования Золотой орды, эта территория не являлась совершенно чуждой. После падения Казанского и Астраханского ханств, сопровождавшегося миграцией многих поволжских народов в Башкирию, Волжско-Уральский регион становится зоной активного взаимодействовали тюркских, славянских и угро-финских народов. В связи с тем, что башкирский народ в процессе этногенеза вобрал в себя разнообразные этнические компоненты, это взаимодействие складывалось естественным образом, как до, так и после его вхождения в состав России.

Необходимость изучения и значение юго-восточного фронтира заключается в том, что в составе России Волжско-Уральский регион как юго-восточная фронтирная область являлся не только, и не столько зоной экономических, социальных и культурных контактов пришлого населения с местным, а территорией, имеющей важное стратегическое и геополитическое значение. Поэтому во взаимоотношениях России с внешними соседями – ногайцами, калмыками, казахами, сибирскими татарами – юго-восточный фронтир играл посредническую роль. Только в середине XVIII в., после установления четких государственных границ вдоль внешних пределов Башкирии и образования на ее территории Оренбургской губернии, Россия вступила в непосредственное соприкосновение с Казахстаном, вышла на среднеазиатские рынки и установила прямые дипломатические отношения со странами Центральной и Юго-Восточной Азии.

На первом этапе формирования юго-восточной фронтирной зоны большую роль сыграли города-крепости. Они не только фиксировали в том или ином направлении уже включенную в общероссийскую систему управления территорию, но и служили мощнейшим фактором социальной организации населения на фронтирной зоне.

Выделяются три типа городов-крепостей юго-восточного русского фронтира:

1) выдвинутые вглубь осваиваемой территории одиноко стоящие военные крепости, которые довольно быстро перерастали в города и становились центрами административно-политической и социальной организации прилегающей территории;

2) группы небольших крепостей, острогов, появлявшиеся как спутники (пригороды) первых, либо объединенные в систему укрепленных линий; большинство из них после утери военно-оборонительной функции превращались в села либо в небольшие провинциальные городки;

3) кроме того, российское правительство допускало возникновение еще одного типа укрепленных поселений – частновладельческих городков и острогов.

На юго-восточном фронтире были представлены все типы городов-крепостей. Все они заселялись, в основном, мелкими служилыми людьми. Особенностью юго-восточного фронтира являлось отсутствие свободных земель для размещения, кроме мелких служилых людей в крепостях, других категорий переселенцев: дворян и их крепостных крестьян. Поэтому под прикрытием городов-крепостей возникали локальные очаги дворцово-крестьянской колонизации. Затем дворцовые села стали возникать вблизи новопостроенных крепостей. Постепенное увеличение численности русского населения и незащищенность юго-восточного фронтира от внешней угрозы побудило правительство прибегнуть к испытанному методу обороны – сооружению непрерывной системы оборонительных сооружений, в виде Закамской черты.

Закамская черта, восточная половина которой проходила по северо-западной территории Уфимского уезда, не являлась пограничной линией. Она защитила закамские земли, где к этому времени уже существовали укрепленные крепости и дворцовые села и шел активный процесс русской правительственной колонизации. Внутри черты оставалось немало поселений местных жителей, которые продолжали платить ясак в Уфе, находившейся далеко за чертой. Это позволяет нам считать территорию Закамской черты внутренним фронтиром, в отличие от внешнего фронтира, который проходил по линии соприкосновения «государевых земель» со степными обитателями юго-восточного зарубежья. Процесс превращения внешнего фронтира во внутренний занял около ста лет. Лишь после сооружения Оренбургской укрепленной линии и закрытия внешних границ с последующим учреждением в 1744 г. Оренбургской губернии стало возможным превращение Волжско-Уральского региона во внутреннюю область государства.

Изучение юго-восточного фронтира позволило обратить внимание на сложное переплетение культур, языков, религий и типов

хозяйственной деятельности государствообразующего этноса и других этносов осваиваемой территории, их социальную мобильность. Так, например, в бассейне р. Ик, оказавшегося под защитой Закамской черты, то есть во внутреннем фронтире, наряду с поселениями русских дворцовых крестьян находились вотчинные владения башкир. По мере заселения данной территории мелкими приборными людьми, русскими дворцовыми крестьянами и другими переселенцами из верхневолжских уездов формировалась их способность к адаптации в иноязычной среде, возрастала роль русского населения в экономической и социокультурной модернизации юго-восточного фронтира.

Важное значение имеет информация о духовной жизни населения фронтирной зоны в XVII в. Несмотря на то, что численность духовенства в пограничных уездах оставалась небольшой (около 1 % населения крепости и уезда), причастность к священным ритуалам часто наделяла представителей церкви особым авторитетом. К мнению руководителей церкви прихожане прислушивались при выборах на должности местного управления, при составлении коллективных челобитных и в решении спорных вопросов. Священнослужители были активно задействованы в общественной жизни, владели земельными участками и закрепленными за ними крестьянами, участвовали в торговых операциях. Жизнь сельского общества регламентировалась множеством совместных действий, где на первом месте стояли вопросы, от которых зависело выживание коллектива, а религиозные практики связывались с конкретным интересом, определявшимся совершением ритуальных действий частного порядка. Здесь из сферы общественной повседневность становилась внутрисемейной. Иными словами, в храме сельский «мир» распадался на отдельных людей, имеющих свои конкретные личные цели, не связанные с интересом коллектива. Потому и не было необходимости в устройстве большого храма, ведь здесь никогда не собирались все его прихожане одновременно. Кроме того, бывало, что храмы строили представители одной семьи, или же церковная утварь для церкви передавалась в

дар конкретным человеком, также широкое распространение среди русской элиты имели домовые церкви. С другой стороны, мы можем видеть здесь влияние народного, практического восприятия религии, характерного для культуры низов XVI-XVII вв.

Население фронтирной зоны строго следовало круговому циклу аграрно-бытовых праздников, что нашло отражение в сохранившемся комплексе кабацких книг, поскольку явившийся за разрешением «сварить вина» местный житель указывал обычно в качестве повода предстоящий праздник. Праздники составляли важную сторону общественной и семейной жизни человека, они воспринимались как нечто противоположное будням, позволяли человеку ощутить свою причастность к общему священному пространству. Более того, следование празднику служило свидетельством православного вероисповедания, которое в XVII в. являлось своеобразным маркером цивилизационной принадлежности. Наконец, в празднике отражался присущий Российскому государству патернализм, где все (от царя до его «холопов») были объединены единой общностью традиций, ритуалов и правил. Праздники организовывали священное пространство существования человека. Они же обусловливали особые формы поведения, связанные с целым комплексом ритуальных действий, поэтому их значение было куда большим, чем может показаться на первый взгляд. В праздниках, имевших всеобщий характер, также проявилась связь «мира» и царя, общее для всех людей Российского царства сакральное пространство. Ритуализация празднеств, присутствие в них аграрно-магической функции придавали им практический аспект, в котором проявлялось хорошо известное нам стремление к достатку и благополучию.

Изучение новых материалов позволило сформировать дополнительные индикаторы модели: соотношение земледелия и скотоводства в отдельных уездах; степень соответствия хлебных цен в городах зоны фронтира ценам в метрополии. В результате уточнено положение о том, что к середине XIX в. все уезды юга Центральной России вошли в состав старомосковской метрополии.

При этом выяснено, что на временных «отсечках» 1820 и 1840 гг. оставались единичные уезды, не полностью освоенные в экономическом и социальном отношениях. Изучение процесса преодоления социальной специфики населения тамбовского участка южнорусского фронтира показало полное формальное выравнивание некогда специфических групп фронтирного населения с населением «старомосковских земель» на отрезке 1851-1858 гг. Впервые проведено изучение фронтирных процессов на уровне отдельных поселений. По данным о 1600 поселениях Тамбовской губернии, вновь образованных в середине XVII – середине XIX вв., определены периоды их образования, места выселения их жителей, социальный состав первых поселенцев сел и его изменения в последующие десятилетия. Установлено, что к середине XIX в. более 90% поселений имело полною социально-экономическую идентичность старым поселениям зоны метрополии, только единичные населенные пункты сохраняли определенную специфику этнических и конфессиональных признаков.

Великая степь, лежащая между Россией и землями кочевников, являлась своеобразной буферной зоной, позволяя на протяжении нескольких веков быть зоной, как контактов, так и зоной конфликтов. В советской историографии подробно освещен процесс постоянной «татарской» угрозы в виде набегов. Они опустошали пограничные территории, заставляя местное население жить под угрозой постоянной опасности. С другой стороны степь служила для прохода многочисленных посольств, которыми регулярно обменивались стороны, и торговых караванов. Все эти особенности пограничной жизни отражались на поведении и образе жизни местного населения.

Юг России предоставлял широкие возможности для торговых связей с Доном и Астраханью, чем местное население регулярно пользовалось. В первой половине XVII в. поездки на Дон осуществлялись практически самостоятельно без согласования с органами власти или по рекомендации своих уездных воевод. Во второй половине XVII в. государство ужесточило правило выезда

на Дон. Теперь оно выдавалось только воеводами южнорусских пограничных уездов: Воронежа, Яблонова и других и оформлялось официальными бумагами. И все-таки местное население испытывало значительное влияние донской вольности и могло в любой момент знакомыми степями уйти в донские казачьи городки, где зачастую жили их родственники и знакомые.

Подводя итоги коллективного исследования концепта южного и юго-восточного фронтира, можно утверждать, что авторы всесторонне рассмотрели (в очерковом варианте) специфику этого движения в динамике на протяжении нескольких веков, прослеживая политические, социальные, демографические, духовные процессы освоения новых территорий. Выделены основные исследовательские результаты изучения динамичного развития границы Российского государства, особенности формирования новых территорий, определены дальнейшие научные направления исследования этих процессов, которые позволят продолжить изучать особенности южного и юго-восточного пограничья.

Мы не стремились рассмотреть все аспекты этой большой темы и сосредоточили внимание на основных базовых ее элементах. Сделали их в виде отдельных очерков. Например, не стали затрагивать проблему казачества на этих территориях, взаимоотношения и контакты с кочевым миром степи и Крымским ханством, роль и место Казанского ханства, как территории фронтира, а также других народов Поволжья и Заволжья. Оставляем эти проблемы для будущего детального исследования. Сам концепт фронтира в качестве подвижной границы, создаваемой временные особые территории, как показывает данное исследование, может позволить по новому взглянуть на особенности исторического развития Российского государства и формирования ее территории.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 7
Авторы: Буканова Р.Г., Ляпин Д.А., Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И.

Глава 1.
ЮЖНОРУССКИЙ И ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТИР: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ В XVI – НАЧАЛЕ XIX ВВ. (XVIII в.)

1.1. Основные исторические этапы развития южнорусского фронтира в XVI – XVIII в. 31
Авторы: Мизис Ю.А.

1.2. «Украи́на» Московского государства в XVI – первой половине XVII вв. 39
Автор: Скобелкин О.В.

1.3. Мордва на фронтире 54
Автор: Напольникова П.К.

1.4. Историческая динамика фронтирной зоны Юго-Востока России (Волжско-Уральского фронтира) в XVII-XVIII вв. 76
Автор: Буканова Р.Г.

1.5. Поволжский фронтир во второй половине XVI – начале XVII вв. 92
Автор: Дубман Э.Л.

1.6. Волжское пограничье в первой половине XVII в. (от завершения Смуты до засечных черт середины столетия) . . 117
Автор: Дубман Э.Л.

1.7. Формирование гарнизонов служилых людей по новым засечным чертам (конец 1640-х – 1670-е гг.) 127
Автор: Дубман Э.Л.

1.8. Военно-государственное освоение южных территорий Симбирского уезда в 1680-х – 1690-х гг. 141
Автор: Дубман Э.Л.

Глава 2.
ВОЕННО-ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ НА ЮЖНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ КАК МЕТОД ЗАКРЕПЛЕНИЯ НОВОЙ ТЕРРИТОРИИ

2.1. Строительство засечных черт XVI в. 159
Авторы: Мизис Ю.А., Папков А.И.

2.2. Белгородская черта 173
Авторы: Папков А.И., Мизис Ю.А.

Карта. Оборонительные линии центральной и южной части Российского государства XVII в 176
Автор: Кунавин К.С.

2.3. Укрепления Тамбовской черты. Шацкие укрепления 198
Автор: Мизис Ю.А.

Карта. Ооборонительные линии центральной и южной части Российской империи к середине XVIII в. 208
Автор: Кунавин К.С.

2.4. Создание Карсунской и Симбирской черт в середине XVII в. 211
Автор: Дубман Э.Л.

2.5. Закамская черта XVII века 225
Автор: Буканова Р.Г.

2.6. Укрепления второй половины XVII в. 255
Авторы: Папков А.И., Мизис Ю.А.

2.7. Система укреплений южной лесостепи Заволжье в начале XVIII в.. 264
Автор: Дубман Э.Л.

2.8. Царицинская линия 273
Автор: Мизис Ю.А.

2.9. Оборонительные линии и их роль в защите южных и юго-восточных рубежей России в первой половине XVIII в. 275
Автор: Дубман Э.Л.

2.10. Закамская экспедиция и строительство новой оборонительной линии 284
Автор: Дубман Э.Л.

Глава 3.
ЮЖНОРУССКИЙ ФРОНТИР: ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ И ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ

3.1. От крепостей к городам: процессы урбанизаци и южнорусского региона в XVI – начале XVIII вв. 312
Автор: Ляпин Д.А.

3.2. Города южного фронтира в XVII в. 340
Авторы: Скобелкин О.В., Мизис Ю.А.

3.3. Города-крепости и особенности социальной организации населения фронтира на юго-востоке России (Волжско-Уральский регион) в XVII-XVIII вв. 376
Автор: Буканова Р.Г.

3.4. Социальный состав населения
южнорусского региона в XVI-XVII вв. 399
Автор: Скобелкин О.В.

3.5. Социальный состав сельского населения юго-восточного
(Волжско-Уральского) региона в XVI-XVII вв. 429
Автор: Буканова Р.Г.

Глава 4.
ЮЖНОРУССКИЙ И ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТИР: ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ НАСЕЛЕНИЯ

4.1. Особенности взаимодействия власти
и общества в условиях фронтира. 463
Автор: Глазьев В.Н.

4.2. Основные поведенческие модели служилого населения . . 490
Авторы: Ляпин Д.А. Мизис Ю.А.

4.3. «Черкасы», «люди литовские» и «руские люди»
на южной окраине России 525
Автор: Папков А.И.

4.4. Черкасы в сельских поселениях Юга России 595
Автор: Брезгунова В.С.

4.5. Иноземцы на фронтирной зоне 620
Автор: Скобелкин О.В.

4.6. Государственно-церковное взаимодействие
в условиях фронтира. 652
Автор: Папков А.И.

4.7. Религиозные практики и духовные ценности
населения фронтирной зоны 698
Автор: Ляпин Д.А.

Глава 5.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЮЖНОРУССКОГО ФРОНТИРА (ФРАКТАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ)
Авторы: Жукова Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К.

5.1.Фрактальное моделирование динамики
фронтирных территории юга России в XVII –
первой половине XIX вв.. 732

5.2. Подходы к генерализации индикаторов. 767

5.3. Моделирование динамики фронтирных
территорий в нескольких хронологических срезах.
Вторая серия экспериментов. 787

5.4. Детализация динамики фронтира в XIX в.
Третья серия экспериментов. 801

5.5. Проявления нелинейных эффектов. 819

5.6. Количественный анализ фронтирных процессов
на уровне поселений 823

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. 844
Автор: Мизис Ю.А.

Научное издание

Глазьев Владимир Николаевич, Брезгунова Виктория Михайловна,
Буканова Роза Гофаровна, Дубман Эдуард Лейбович,
Жуков Дмитрий Сергеевич, Канищев Валерий Владимирович,
Кунавин Константин Сергеевич, Лямин Сергей Константинович,
Ляпин Денис Александрович, Мизис Юрий Александрович,
Напольникова Полина Константиновна, Папков Андрей Игоревич

ЮЖНЫЙ И ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТИР РОССИИ В XVI – XVIII ВЕКАХ: ОЧЕРКИ ИСТОРИИ

Коллективная монография

Научный редактор Ю.А. Мизис.
Автор рисунка на обложке художник
Лямин Александр Никифорович.
Редактура и корректура В.А. Тихонов.
Верстка И.М. Сиренко.

Сдано в набор 4.03.2024 г. Подписано к печати 2.04.2024 г.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 54. Тираж 200 экз.
Заказ № 1165.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.
Тел. 8 958- 544-59-27, 8 (863) 219-84-25.
E-mail: oooaltair_office@mail.ru.
http://altair-rostov.ru/